РУСКИЕ ПОРТРЕТЫ

ТОМ V

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ

БИБЛІОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галлереи
№ 3966

PORTRAITS RUSSES

Изданіе Великаго Князя Николая Михаиловича

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ

XVIII и XIX столѣтій

ТОМЪ V

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ
1909

Edition du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch

PORTRAITS RUSSES

des XVIIIe et XIXe siècles

TOME V

St-PÉTERSBOURG
MANUFACTURE DES PAPIERS DE L'ÉTAT
1909

Алфавитный указатель художниковъ,

произведенія которыхъ помѣщены въ V томѣ изданія „РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ“ *).

Аргуновъ — 48.

Бодуенъ — 185.
Боровиковскій — 1, 7, 22, 23, 42, 44, 45, 46, 58, 113, 217, 218, 219.
Брюлловъ, Карлъ — 13.
Будкинъ — 47.

Варнекъ — 89, 150, 151.
Верне, Карлъ — 204.
Виже-Лебренъ — 2, 3, 27, 28, 31, 104, 190.
Винбергъ — 26.
Вуаль — 30, 38 (?).

Геренъ — 207.
Грасси — 16.
Грезъ — 29.

Дарбесъ — 19.
Дау, Г. — 6, 75, 131, 177, 228, 229.
Дафингеръ — 132.
Дюбуа — 65.

Ершовъ — 24.

Жераръ — 5.

Изабе — 156, 157, 173.

Кауфманъ, Анжелика — 8, 9, 10, 69.
Квадаль — 20, 206.
Кипренскій, О. — 59, 92, 133, 134, 135, 136, 137, 138.
Краузе — 88.
Кюгельхенъ — 230.

Лагрене — 143, 192, 193.
Лампи — 15, 33, 34, 36.
Лампи-сынъ — 25, 84, 167.
Левицкій — 43, 49, 160, 161, 162, 163, 180, 198.
Летронъ — 55.
Людерсъ — 102.

Мансіонъ — 159.
Мингаръ, А. — 239.
Митуаръ — 231, 233.
Молинари — 251, 252, 253, 254.
Монье — 170.

Олешкевичъ — 179.

Рейхель, Карлъ — 17, 129.
Ризенеръ — 4.
Риттъ — 51, 120.
Рокотовъ — 188, 189, 244, 245, 246.
Росленъ — 37.
Ротари — 41, 67.

Свинцовъ — 171, 174, 175.
Соколовъ, П. — 172, 209, 214, 240, 241.

Тончи — 11, 12, 90, 220.
Тропининъ — 236.

Щукинъ — 91, 110.

---

*) Цифры указываютъ №№ портретовъ.

Index alphabétique des Artistes

dont les œuvres sont reproduites au Tome V des PORTRAITS RUSSES.

(Les numéros sont ceux des portraits.)

Argounoff, 48.

Beaudouin, 185.
Borovikowsky, 1, 7, 22, 23, 42, 44, 45, 46, 58, 113, 217, 218, 219.
Boudkine, 47.
Brulloff (Charles), 13.

Chtchoukine, 91, 110.

Daffinger, 132.
Darbès, 19.
Dawe (G.), 6, 75, 131, 177, 228, 229.
Dubois, 65.

Erchoff, 24.

Gérard, 5.
Grassi, 16.
Greuze, 29.
Guérin, 207.

Isabey, 156, 157, 173.

Kaufmann (Angélique), 8, 9, 10, 69.
Kiprensky (O.), 39, 92, 133, 134, 135, 136, 137, 138.
Krause, 88.
Kügelchen, 230.

Lagrenée, 143, 192, 193.
Lampi père, 15, 33, 34, 36.
Lampi fils, 25, 84, 167.
Letrone, 55.
Lévitzky, 43, 49, 160, 161, 162, 163, 180, 198.
Lüders, 102.

Mansion, 159.
Mingard (A.), 239.
Mitoire, 231, 233.
Molinari, 251, 252, 253, 254.
Mosnier, 170.

Oleszkewitch, 179.

Quadal, 20, 206.

Reichel (Charles), 17, 129.
Riesener, 4.
Ritt, 51, 120.
Rokotoff, 188, 189, 244, 245, 246.
Roslin, 37.
Rotary (Comte), 41, 67.

Sokoloff (P.), 172, 209, 214, 240, 241.
Svintzoff, 171, 174, 175.

Tonci (Salvator), 11, 12, 90, 220.
Tropinine, 236.

Vernet (Carle), 204.
Vigée-Lebrun, 2, 3, 27, 28, 31, 104, 190.
Voille, 30, 38 (?).

Warneck, 89, 150, 151.
Winberg, 26.

Въ V томѣ изданія „РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ“, въ составленіи текста біографическихъ очерковъ, участвовали слѣдующія лица: К. А. Военскій, А. А. Голомбіевскій, С. Н. Казнаковъ, И. А. Кубасовъ, Б. Л. Модзалевскій, В. И. Саитовъ, Н. П. Чулковъ, В. В. Шереметевскій и Е. С. Шумигорскій.

Ont collaboré à la rédaction des esquisses biographiques du Tome V des PORTRAITS RUSSES: V. Chérémétewsky, E. Choumigorsky, A. Golombiewsky, S. Kaznakoff, I. Koubassoff, B. Modzalewsky, V. Saïtoff, N. Tchoulkoff, C. Voïensky.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

	№№
АДАДУРОВЪ, Алексѣй Петровичъ	147
АКИМОВЪ, Иванъ Акимовичъ	25
АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА, Императрица	26
АЛЕКСАНДРОВА, Ульяна (Жозефина) Михайловна	58
АЛЕКСАНДРОВЪ, Павелъ Константиновичъ	57
АННА ѲЕОДОРОВНА, Великая Княгиня	1
АНТОНІЙ, католикосъ Грузіи	7
АПРАКСИНА, Агриппина Леонтьевна	41
АРАКЧЕЕВЪ, графъ Алексѣй Андреевичъ	6
АРСЕНЬЕВЪ, Николай Васильевичъ	236
АХВЕРДОВА, Екатерина Борисовна	150
АХВЕРДОВЪ, Николай Исаевичъ	151
БАХМЕТЕВА, Марія Семеновна	115
БИБИКОВА, Екатерина Александровна	81
БИБИКОВЪ, Гаврінлъ Ильичъ	80
БРАНИЦКІЙ, графъ Владиславъ Ксаверіевичъ	155
БРАНИЦКІЙ, графъ Францискъ-Ксаверій Петровичъ	154
БУЛГАКОВЪ, Александръ Яковлевичъ	253
БУЛГАКОВЪ, Константинъ Яковлевичъ	254
ВАРНЕКЪ, Александръ Григорьевичъ	89
ВАСИЛЬЧИКОВА, Анна Кирилловна	124
ВАСИЛЬЧИКОВА, Екатерина Петровна	239
ВАСИЛЬЧИКОВЪ, Алексѣй Васильевичъ	240
ВАСИЛЬЧИКОВЪ, Николай Александровичъ	238
ВАСИЛЬЧИКОВЪ, Николай Васильевичъ	241
ВОЛКОВЪ, Алексѣй Степановичъ	161
ВОЛКОНСКАЯ, княг. Екатерина Алексѣевна	22
ВОЛКОНСКІЙ, князь Дмитрій Петровичъ	23
ВОЛКОНСКІЙ, князь Павелъ Михайловичъ	21
ВОРОНЦОВА, графиня Прасковія Ѳедоровна	163
ВОРОНЦОВЪ, графъ Артемій Ивановичъ	162
ВСЕВОЛОЖСКІЙ, Андрей Алексѣевичъ	223
ВСЕВОЛОЖСКІЙ, Сергѣй Алексѣевичъ	224
ВЯЗЕМСКАЯ, княгиня Вѣра Ѳедоровна	129
ВЯЗЕМСКІЙ, князь Андрей Ивановичъ	130
ВЯЗЕМСКІЙ, князь Петръ Андреевичъ	17
ГАГАРИНА, княгиня Прасковія Павловна	189
ГАГАРИНА, княгиня Прасковія Юрьевна	16
ГАГАРИНЪ, князь Николай Сергѣевичъ	191
ГАГАРИНЪ, князь Сергѣй Васильевичъ	188
ГАГАРИНЪ, князь Сергѣй Ивановичъ	144
ГАГАРИНЪ, князь Сергѣй Сергѣевичъ	190
ГАГАРИНЪ, князь Ѳедоръ Сергѣевичъ	15
ГАМАЛѢЯ, Платонъ Яковлевичъ	93
ГОЛИЦЫНА, княгиня Анна Александровна	34
ГОЛИЦЫНА, княгиня Марія Адамовна	252
ГОЛИЦЫНЪ, князь Александръ Николаевичъ	214
ГОЛИЦЫНЪ, князь Дмитрій Николаевичъ	251
ГОЛИЦЫНЪ, князь Михаилъ Михайловичъ	33
ГОЛОВИНА, графиня Анастасія Ивановна	134
ГОЛОВИНА, графиня Варвара Николаевна	205
ГОЛОВИНЪ, графъ Иванъ Сергѣевичъ	133
ГОЛОВКИНА, графиня Софія Александровна	184
ГОРЧАКОВЪ, князь Алексѣй Ивановичъ	229
ГУРЬЕВА, Прасковія Ивановна	198
ДЕМИДОВА, Александра Евтихіевна	37
ДЕМИДОВА, Екатерина Алексѣевна	125
ДЕМИДОВА, Екатерина Петровна	187
ДЕМИДОВА, Елизавета Александровна	29
ДЕМИДОВА, Прасковія Матвѣевна	185
ДЕМИДОВЪ, Александръ Григорьевичъ	183
ДЕМИДОВЪ, Григорій Акинѳіевичъ	181
ДЕМИДОВЪ, Григорій Александровичъ	186
ДЕМИДОВЪ, Никита Акинѳіевичъ	182
ДЕМИДОВЪ, Павелъ Григорьевичъ	197
ДЕМИДОВЪ, Прокофій Акинѳіевичъ	180

INDEX ALPHABÉTIQUE DES PERSONNAGES.

№№

ADADOUROFF, Alexis Pétrowitch. 147
AKHVERDOFF, Catherine Borissowna . . . 150
AKHVERDOFF, Nicolas Issaewitch 151
AKIMOFF, Ivan Akimowitch 25
ALEXANDRA FÉODOROWNA, Impératrice . 26
ALEXANDROFF, Juliane (Joséphine) Mikhaïlowna 58
ALEXANDROFF, Paul Konstantinowitch . . 57
ANNE FEODOROWNA (Grande-Duchesse) . . 1
ANTOINE, Patriarche de Géorgie 7
APRAXINE, Agrippine Léontiewna 41
ARAKTCHÉEFF, Comte Alexis Andréewitch . 6
ARSÉNIEFF, Nicolas Vassiliewitch. 236

BAKHMÉTEFF, Marie Sémenowna. 115
BIBIKOFF, Catherine Alexandrowna 81
BIBIKOFF, Gabriel Ilyitch 80
BOULGAKOFF, Alexandre Yakovlewitch. . . 253
BOULGAKOFF, Constantin Yakovlewitch . . 254
BRANICKI, Comte François-Xavier Pétrowitch. 154
BRANICKI, Comte Vladislas Xavériewitch . . 155

CHÉLÉKHOFF, Grégoire Ivanowitch. . . . 76
CHÉRÉMÉTEFF, Comtesse Varvara Alexéewna. 67
CHÉRÉMÉTEFF, Basile Serguéewitch. . . . 114
CHOULGUINE, Alexandre Serguéewitch . . . 83
CHTCHERBATOFF, Princesse Anastasie Valentinowna 136
CHTCHERBATOFF, Princesse Varvara Pétrowna. 220
CHTCHERBATOFF, Prince Alexandre Féodorowitch 228
CHTCHERBATOFF, Prince Paul Pétrowitch. . 135
CHTCHOUKINE, Stéphane Sémenowitch . . . 91
CONSTANTIN PAVLOWITCH, Césarewitch. . 55

№№

DÉMIDOFF, Alexandrine Evtikhéewna . . . 37
DÉMIDOFF, Catherine Alexéewna. 125
DÉMIDOFF, Catherine Pétrowna 187
DÉMIDOFF, Elisabeth Alexandrowna. . . . 29
DÉMIDOFF, Prascovie Matvéewna. 185
DÉMIDOFF, Alexandre Grigoriewitch. . . . 183
DÉMIDOFF, Grégoire Akinfiewitch. 181
DÉMIDOFF, Grégoire Alexandrowitch . . . 186
DEMIDOFF, Nikita Akinfiewitch 182
DÉMIDOFF, Paul Grigoriewitch 197
DÉMIDOFF, Procope Akinfiewitch. 180
DIATCHKOFF, Ivan Yakovlewitch. 146
DMITRIEFF-MAMONOFF, Marie Alexandrowna 217
DMITRIEFF-MAMONOFF, Comte Mathieu Alexandrowitch 145
DOLGOROUKY, Princesse Catherine (Caroline) Alexandrowna. 3
DOLGOROUKY, Princesse Varvara Serguéewna. 4
DOLGOROUKY, Prince Alexis Alexéewitch . . 225
DOLGOROUKY, Prince Basile Vassiliewitch. . 82
DOLGOROUKY, Prince Grégoire Alexéewitch . 49
DOLGOROUKY, Prince Nicolas Alexéewitch . 227
DOLGOROUKY, Prince Paul Alexéewitch . . 226
DONDOUKOFF-KORSAKOFF, Prince Nikita Ivanowitch. 47
DOUBOVITZKY, Elisabeth Pétrowna 219
DOUBOVITZKY, Marie Ivanowna 218
DOUBOVITZKY, Nadejda Ivanowna 46
DOUBOVITZKY, Alexandre Pétrowitch . . . 45
DOUBOVITZKY, Pierre Nikolaewitch. . . . 44
DOURNOVO, Marie Nikititchna. 232
DOURNOVO, Dmitri Nikolaewitch 230
DOURNOVO, Nicolas Dmitriewitch. 233
DOURNOVO, Nicolas Dmitriewitch. 231

№№

ДМИТРІЕВА-МАМОНОВА, Марія Александровна 217
ДМИТРІЕВЪ-МАМОНОВЪ, графъ Матвѣй Александровичъ 145
ДОЛГОРУКАЯ, княгиня Варвара Сергѣевна . 4
ДОЛГОРУКАЯ, княгиня Екатерина (Каролина) Александровна 3
ДОЛГОРУКІЙ, князь Алексѣй Алексѣевичъ . 225
ДОЛГОРУКІЙ, князь Василій Васильевичъ . 82
ДОЛГОРУКІЙ, князь Григорій Алексѣевичъ . 49
ДОЛГОРУКІЙ, князь Николай Алексѣевичъ . 227
ДОЛГОРУКІЙ, князь Павелъ Алексѣевичъ . 226
ДОНДУКОВЪ-КОРСАКОВЪ, князь Никита Ивановичъ 47
ДУБОВИЦКАЯ, Елизавета Петровна . . . 219
ДУБОВИЦКАЯ, Марія Ивановна 218
ДУБОВИЦКАЯ, Надежда Ивановна 46
ДУБОВИЦКІЙ, Александръ Петровичъ . . . 45
ДУБОВИЦКІЙ, Петръ Николаевичъ 44
ДУРНОВО, Марія Никитична 232
ДУРНОВО, Дмитрій Николаевичъ. 230
ДУРНОВО, Николай Дмитріевичъ 233
ДУРНОВО, Николай Дмитріевичъ 231
ДЬЯЧКОВЪ, Иванъ Яковлевичъ 146

ЕВРЕИНОВЪ, Яковъ Матвѣевичъ 101
ЕГОРОВЪ, Алексѣй Егоровичъ 24

ЖЕРЕБЦОВЪ, Александръ Алексѣевичъ . . 201
ЖЕРЕБЦОВЪ, Алексѣй Алексѣевичъ . . . 126

ЗАВАДОВСКІЙ, графъ Василій Петровичъ . 143
ЗАГРЯЖСКАЯ, Анастасія Михайловна . . 244
ЗАГРЯЖСКАЯ, Наталія Кирилловна . . . 123
ЗАГРЯЖСКІЙ, Николай Артемьевичъ . . . 245
ЗУБОВЪ, графъ Валеріанъ Александровичъ . 120
ЗУБОВЪ, князь Платонъ Александровичъ. . 50

КАРАМЗИНЪ, Николай Михайловичъ . . . 95
КНОРРИНГЪ, Богданъ (Готгардъ-Іоганнъ) Ѳедоровичъ 72
КНОРРИНГЪ, Карлъ Ѳедоровичъ 73
КОЗИЦКІЙ, Григорій Васильевичъ 68
КОЛЫЧЕВЪ, Сергѣй Васильевичъ 235
КОНОВНИЦЫНЪ, Петръ Петровичъ . . . 43
КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ, Цесаревичъ. 55
КРУЗЪ, Александръ Ивановичъ 109
КУРАКИНА, княгиня Александра Ивановна . 66
КУРАКИНА, княгиня Екатерина Дмитріевна. 65
КУРАКИНЪ, князь Степанъ Борисовичъ . . 64
КУШНИКОВЪ, Сергѣй Сергѣевичъ 42

№№

ЛАМБЕРТЪ, графъ Карлъ Осиповичъ . . . 75
ЛАНСКОЙ, Василій Сергѣевичъ 86
ЛАШКАРЕВЪ, Сергѣй Лазаревичъ 113
ЛЕВАШЕВЪ, графъ Василій Васильевичъ . . 18
ЛЕВАШОВЪ, Василій Ивановичъ. 62
ЛЕВШИНА, Екатерина Николаевна 121
ЛЕВШИНЪ, Павелъ Ѳедуловичъ 122
ЛИСЯНСКІЙ, Юрій Ѳедоровичъ 250
ЛОБАНОВЪ-РОСТОВСКІЙ, князь Александръ Ивановичъ 215
ЛОВИЧЪ, княгиня Жаннета Антоновна . . 56
ЛЬВОВЪ, Алексѣй Ѳедоровичъ 179
ЛЮБОМИРСКАЯ, княгиня Екатерина Николаевна 167
ЛЮБОМИРСКІЙ, князь Константинъ Ксаверіевичъ. 166

МАРИНЪ, Сергѣй Никифоровичъ. 92
МЕЗЕНЦЕВЪ, Владиміръ Петровичъ . . . 212
МЕЗЕНЦЕВЪ, Петръ Ѳедоровичъ 211
МЕЛИССИНО, Алексѣй Петровичъ 177
МЕЛИССИНО, Иванъ Ивановичъ 176
МЕЛИССИНО, Марія Дмитріевна 36
МЕЛИССИНО, Петръ Ивановичъ 35
МИЛОРАДОВИЧЪ, Григорій Петровичъ . . 48
МИНКИНА, Настасья Ѳедоровна 78, 79
МОРДВИНОВЪ, Михаилъ Ивановичъ . . . 242
МОРДВИНОВЪ, Семенъ Ивановичъ 108
МУРАВЬЕВЪ, Николай Ерофеевичъ . . . 243
МУХАНОВЪ, Илья Ипатовичъ 117

НАГАЕВЪ, Алексѣй Ивановичъ 249
НАРЫШКИНА, Анна Никитична 118
НАРЫШКИНЪ, Алексѣй Васильевичъ . . . 10
НЕЛИДОВА, Екатерина Ивановна 38
НЕЛИДОВЪ, Аркадій Ивановичъ 142
НЕПЛЮЕВЪ, Иванъ Николаевичъ 112
НЕСВИЦКІЙ, князь Иванъ Васильевичъ . . 248
НЕССЕЛЬРОДЕ, графиня Марія Дмитріевна . 157
НЕССЕЛЬРОДЕ, графъ Карлъ Васильевичъ . 156
НИКОЛАЙ I, Императоръ 26
НОВОСИЛЬЦОВА, Екатерина Александровна . 199
НОВОСИЛЬЦОВЪ, графъ Николай Николаевичъ. 110
НОВОСИЛЬЦОВЪ, Петръ Ивановичъ . . . 111

ОБРЕСКОВЪ, Петръ Алексѣевичъ 141
ОЛЕШЕВА, Марія Васильевна 222
ОСТЕНЪ-САКЕНЪ, князь Фабіанъ Вильгельмовичъ 74

№№

ÉGOROFF, Alexis Egorowitch 24
ENGELHARDT, Hélène Alexandrowna . . . 153
ÉVRÉINOFF, Jacob Matvéewitch 101

FIGNER, Alexandre Samoïlowitch 96
FŒLKERSAM (Von), Gustave-Georges . . . 204
FRÉDRO, Comtesse Prascovie Nikolaewna . . 206
FRÉDRO, Comte Maximilien. 208
FUCHS, Egor Borissowitch 94

GAGARINE, Princesse Prascovie Pavlowna . . 189
GAGARINE, Princesse Prascovie Youriewna. . 16
GAGARINE, Prince Nicolas Serguéewitch . . 191
GAGARINE, Prince Serge Ivanowitch. . . . 144
GAGARINE, Prince Serge Serguéewitch . . . 190
GAGARINE, Prince Serge Vassiliewitch . . . 188
GAGARINE, Prince Théodore Serguéewitch . . 15
GAMALÉIA, Platon Yakovlewitch. 93
GOLITZYNE, Princesse Anne Alexandrowna. . 34
GOLITZYNE, Princesse Marie Adamowna . . 252
GOLITZYNE, Prince Alexandre Nikolaewitch . 214
GOLITZYNE, Prince Dmitri Nikolaewitch . . 251
GOLITZYNE, Prince Michel Mikhaïlowitch . . 33
GOLOVINE, Comtesse Anastasie Ivanowna . . 134
GOLOVINE, Comtesse Varvara Nikolaewna. . 205
GOLOVINE, Comte Ivan Serguéewitch . . . 133
GOLOVKINE, Comtesse Sophie Alexandrowna. 184
GORTCHAKOFF, Prince Alexis Ivanowitch. . 229
GOURIEFF, Prascovie Ivanowna 198

JÉREBTZOFF, Alexandre Alexéewitch . . . 201
JÉREBTZOFF, Alexis Alexéewitch. 126

KARAMZINE, Nicolas Mikhaïlowitch 95
KHVOSTOFF, Daria Nikolaewna 137
KHVOSTOFF, Basile Sémenowitch. 138
KNORRING, Bogdan Féodorowitch 72
KNORRING, Charles Féodorowitch 73
KOLYTCHEFF, Serge Vassiliewitch 235
KONOVNITZYNE, Pierre Pétrowitch 43
KOUCHNIKOFF, Serge Serguéewitch. . . . 42
KOURAKINE, Princesse Alexandrine Ivanowna. 66
KOURAKINE, Princesse Catherine Dmitriewna. 65
KOURAKINE, Prince Stéphane Borissowitch. . 64
KOZITZKY, Grégoire Vassiliewitch 68
KRUSE, Alexandre Ivanowitch 109

LACHKAREFF, Serge Lazarewitch 113
LAMBERT (De), Comte Charles Ossipowitch. . 75
LANSKOÏ, Basile Serguéewitch 86
LÉVACHEFF, Comte Basile Vassiliewitch . . 18

№№

LÉVACHOFF, Basile Ivanowitch 62
LEVCHINE, Catherine Nikolaewna. 121
LEVCHINE, Paul Féodoulowitch 122
LISSIANSKY, Youri Féodorowitch 250
LOBANOFF-ROSTOWSKY, Prince Alexandre Ivanowitch 215
LOWITCH, Princesse Jeannette Antonowna . . 56
LUBOMIRSKY, Princesse Catherine Nikolaewna. 167
LUBOMIRSKY, Prince Constantin Xavériewitch. 166
LVOFF, Alexis Féodorowitch 179

MARINE, Serge Nikiforowitch 92
MÉLISSINO, Marie Dmitriewna. 36
MÉLISSINO, Alexis Pétrowitch. 177
MÉLISSINO, Ivan Ivanowitch 176
MÉLISSINO, Pierre Ivanowitch. 35
MÉZENTZEFF, Pierre Féodorowitch 211
MÉZENTZEFF, Vladimir Pétrowitch 212
MILORADOWITCH, Grégoire Pétrowitch . . 48
MINKINE, Nastasie Féodorowna . . . . { 78 / 79
MORDVINOFF, Michel Ivanowitch. 242
MORDVINOFF, Simon Ivanowitch. 108
MOUKHANOFF, Elie Ipatiewitch 117
MOURAVIEFF, Nicolas Erofféewitch 243

NAGAEFF, Alexis Ivanowitch 249
NARYCHKINE, Anne Nikititchna 118
NARYCHKINE, Alexis Vassiliewitch 10
NÉLIDOFF, Catherine Ivanowna 38
NÉLIDOFF, Arcade Ivanowitch. 142
NÉPLIOUEFF, Ivan Nikolaewitch 112
NESSELRODE, Comtesse Marie Dmitriewna. . 157
NESSELRODE, Comte Charles Vassiliewitch. . 156
NESVITZKY, Prince Ivan Vassiliewitch . . . 248
NICOLAS Ier, Empereur 26
NOVOSSILTZEFF, Catherine Alexandrowna. . 199
NOVOSSILTZEFF, Comte Nicolas Nikolaewitch. 110
NOVOSSILTZEFF, Pierre Ivanowitch. 111

OBRESKOFF, Pierre Alexéewitch 141
OLÉCHEFF, Marie Vassiliewna. 222
OSTEN-SACKEN, Prince Fabien Vilimowitch . 74
OUCHAKOFF, Théodore Féodorowitch . . . 247
OUVAROFF, Comtesse Catherine Alexéewna . 139
OUVAROFF, Comte Serge Sémenowitch . . . 140

PAHLEN (Von der), Comte Pierre Pétrowitch. 178
PANINE, Comtesse Alexandrine Serguéewna. . 193
PANINE, Comtesse Natalie Pavlowna. . . . 195
PANINE, Comte Alexandre Nikititch 192

№№

ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ, Великій Князь . . 14
ПАЛЕНЪ, фонъ-деръ-, графъ Петръ Петровичъ. 178
ПАНИНА, графиня Александра Сергѣевна . . 193
ПАНИНА, графиня Наталія Павловна . . . 195
ПАНИНЪ, графъ Александръ Никитичъ . . 192
ПАНИНЪ, графъ Викторъ Никитичъ . . . 194
ПАНИНЪ, графъ Никита Петровичъ . . . 159
ПАНЧУЛИДЗЕВЪ, Алексѣй Давыдовичъ . . 234
ПЕРЕКУСИХИНЪ, Василій Саввичъ . . . 71
ПЕРФИЛЬЕВЪ, Степанъ Васильевичъ . . . 77
ПИСАРЕВЪ, Александръ Александровичъ . . 148
ПЛЕЩЕЕВА, Анна Ивановна 9
ПЛЕЩЕЕВЪ, Алексѣй Александровичъ. . . 70
ПОНЯТОВСКІЙ, Станиславъ-Августъ, король Польскій 165
ПОТЕМКИНА, Дарья Васильевна 221
ПОТЕМКИНЪ-ТАВРИЧЕСКІЙ, князь Григорій Александровичъ 152
ПОТОЦКАЯ, графиня Елизавета Николаевна . 207
ПРОТАСОВА, графиня Анна Степановна . . 8
ПРОТАСОВЪ, Петръ Степановичъ 69
ПУШКИНЪ, Александръ Сергѣевичъ . . . 39

РАЗУМОВСКАЯ, графиня Екатерина Ивановна. 59
РАЗУМОВСКІЙ, князь Андрей Кирилловичъ. 158
РАЗУМОВСКІЙ, графъ Кириллъ Григорьевичъ. 60
РЕПНИНЪ, князь Николай Васильевичъ . . 61
РИМСКІЙ-КОРСАКОВЪ, Иванъ Николаевичъ. 119
РОЗЕНЪ, баронесса Елизавета Дмитріевна . 84
РОЗЕНЪ, баронъ Григорій Владиміровичъ. . 85
РОСТОПЧИНЪ, графъ Ѳедоръ Васильевичъ . 12
РУМЯНЦЕВЪ, графъ Михаилъ Петровичъ. . 20
РУМЯНЦЕВЪ-ЗАДУНАЙСКІЙ, графъ Петръ Александровичъ 128

САЛТЫКОВА, графиня Дарія Петровна . . 32
САМОЙЛОВА, графиня Екатерина Сергѣевна . 2
САМОЙЛОВА, графиня Юлія Павловна . . 13
САМОЙЛОВЪ, графъ Александръ Николаевичъ. 51
СВЯТОПОЛКЪ-ЧЕТВЕРТИНСКІЙ, князь Антоній-Станиславъ 54
СЕГЮРЪ, графиня Софія Ѳедоровна . . . 11
СЕНЯВИНЪ, Алексѣй Наумовичъ 246
СЕРАФИМЪ, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій 213
СЕСТРЕНЦЕВИЧЪ-БОГУШЪ, Станиславъ, митрополитъ 164
СКАВРОНСКАЯ, графиня Марія Николаевна. 196
СКОРОДУМОВЪ, Гаврилъ Ивановичъ. . . 88
СПИРИДОВЪ, Григорій Андреевичъ 107
СТРОГАНОВА, баронесса Анна Сергѣевна . 31

№№

СТРОГАНОВА, баронесса Наталія Михайловна. 32
СТРОГАНОВА, графиня Наталія Павловна . 175
СТРОГАНОВА, графиня Софія Владиміровна . 27
СТРОГАНОВА, графиня Юлія Петровна . . 173
СТРОГАНОВЪ, баронъ Александръ Николаевичъ 169
СТРОГАНОВЪ, графъ Александръ Павловичъ. 171
СТРОГАНОВЪ, баронъ Александръ Сергѣевичъ. 28
СТРОГАНОВЪ, графъ Валентинъ Григорьевичъ. 172
СТРОГАНОВЪ, баронъ Григорій Александровичъ. 30
СТРОГАНОВЪ, графъ Павелъ Александровичъ. 170
СТРОГАНОВЪ, графъ Сергѣй Григорьевичъ . 174
СТРОГАНОВЪ, баронъ Сергѣй Николаевичъ . 168
СУХОЗАНЕТЪ, Иванъ Онуфріевичъ . . . 98
СУХОЗАНЕТЪ, Николай Онуфріевичъ. . . 99
СУХТЕЛЕНЪ, графъ Павелъ Петровичъ . . 149

ТАЛЫЗИНА, Ольга Николаевна 210
ТАЛЫЗИНЪ, Александръ Степановичъ . . . 209
ТАЛЫЗИНЪ, Петръ Александровичъ . . . 202
ТАТИЩЕВА, Юлія Александровна 5
ТАТИЩЕВЪ, Дмитрій Павловичъ. 87
ТЕПЛОВЪ, Григорій Николаевичъ 160
ТИЗЕНГАУЗЕНЪ, графъ Павелъ Ивановичъ . 203
ТОНЧИ, Сальваторъ Сигизмундовичъ . . . 90
ТРУБЕЦКАЯ, княгиня Дарья Александровна. 127
ТРУБЕЦКАЯ, княгиня Екатерина Петровна . 132
ТРУБЕЦКОЙ, князь Василій Сергѣевичъ . . 131
ТРУБЕЦКОЙ, князь Никита Петровичъ . . 40

УВАРОВА, графиня Екатерина Алексѣевна . 139
УВАРОВЪ, графъ Сергѣй Семеновичъ . . . 140
УШАКОВЪ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ. 247

ФЕЛЬКЕРЗАМЪ, фонъ-, Густавъ-Георгій . . 204
ФИГНЕРЪ, Александръ Самойловичъ . . . 96
ФРЕДРО, графиня Прасковія Николаевна. . 206
ФРЕДРО, графъ Максимиліанъ 208
ФУКСЪ, Егоръ Борисовичъ 94

ХВОСТОВА, Дарья Николаевна 137
ХВОСТОВЪ, Василій Семеновичъ 138

ЧААДАЕВЪ, Петръ Яковлевичъ 237
ЧЕРКАСОВА, баронесса Екатерина Ивановна. 19
ЧЕРКАСОВЪ, баронъ Александръ Ивановичъ. 100
ЧЕРНЫШЕВА, графиня Анна Родіоновна. . 52
ЧЕРНЫШЕВЪ, графъ Григорій Ивановичъ . 104
ЧЕРНЫШЕВЪ, графъ Захаръ Григорьевичъ . 105
ЧЕРНЫШЕВЪ, графъ Иванъ Григорьевичъ . 103

№№

PANINE, Comte Nikita Pétrowitch. 159
PANINE, Comte Victor Nikititch 194
PANTCHOULIDZEFF, Alexis Davydowitch . . 234
PAUL PÉTROWITCH (Grand-Duc) 14
PÉRÉKOUSSIKHINE, Basile Savvitch. . . . 71
PERFILIEFF, Stéphane Vassiliewitch 77
PISSAREFF, Alexandre Alexandrowitch . . . 148
PLECHTCHÉEFF, Anne Ivanowna. 9
PLECHTCHÉEFF, Alexis Alexandrowitch . . 70
PONIATOWSKY, Comte Stanislas-Auguste . . 165
POTEMKINE, Daria Vassiliewna 221
POTEMKINE de TAURIDE, Prince Grégoire Alexandrowitch 152
POTOCKI, Comtesse Elisabeth Nikolaewna . . 207
POUCHKINE, Alexandre Serguéewitch . . . 39
PROTASSOFF, Comtesse Anne Stépanowna . . 8
PROTASSOFF, Pierre Stépanowitch 69

RAZOUMOWSKY, Comtesse Catherine Ivanowna. 59
RAZOUMOWSKY, Prince André Kirillowitch . . 158
RAZOUMOWSKY, Comte Cyrille Grigoriewitch . 60
REPNINE, Prince Nicolas Vassiliewitch . . . 61
RIMSKY-KORSAKOFF, Ivan Nikolaewitch. . 119
ROSEN, Baronne Elisabeth Dmitriewna . . . 84
ROSEN, Baron Grégoire Vladimirowitch . . . 85
ROSTOPTCHINE, Comte Théodore Vassiliewitch. 12
ROUMIANTZEFF, Comte Michel Pétrowitch. . 20
ROUMIANTZEFF-ZADOUNAÏSKY, Comte Pierre Alexandrowitch 128

SALTYKOFF, Comtesse Daria Pétrowna. . . 32
SAMOÏLOFF, Comtesse Catherine Serguéewna . 2
SAMOÏLOFF, Comtesse Julie Pavlowna . . . 13
SAMOÏLOFF, Comte Alexandre Nikolaewitch . 51
SÉGUR (De), Comtesse Sophie Féodorowna. . 11
SÉNIAVINE, Alexis Naoumowitch 246
SÉRAPHIN, Métropolite 213
SIESTRENCEWICZ de BOHUSZ, Métropolite Stanislas 164
SKAVRONSKY, Comtesse Marie Nikolaewna . 196
SKORODOUMOFF, Gabriel Ilyitch. 88
SOUKHOZANET, Ivan Onufriewitch 98
SOUKHOZANET, Nicolas Onufriewitch . . . 99
SPIRIDOFF, Grégoire Andréewitch 107
STROGANOFF, Baronne Anne Serguéewna . . 31
STROGANOFF, Comtesse Julie Pétrowna . . 173
STROGANOFF, Baronne Natalie Mikhaïlowna . 32
STROGANOFF, Comtesse Natalie Pavlowna. . 175
STROGANOFF, Comtesse Sophie Vladimirowna. 27
STROGANOFF, Baron Alexandre Nikolaewitch. 169
STROGANOFF, Comte Alexandre Pavlowitch . 171

№№

STROGANOFF, Baron Alexandre Serguéewitch. 28
STROGANOFF, Baron Grégoire Alexandrowitch 30
STROGANOFF, Comte Paul Alexandrowitch. . 170
STROGANOFF, Comte Serge Grigoriewitch . . 174
STROGANOFF, Baron Serge Nikolaewitch . . 168
STROGANOFF, Comte Valentin Grigoriewitch . 172
SUCHTELEN, Comte Paul Pétrowitch. . . . 149
SVIATOPOLK-TCHETVERTINSKY, Prince Antoine-Stanislas 54

TALYZINE, Olga Nikolaewna 210
TALYZINE, Alexandre Stépanowitch 209
TALYZINE, Pierre Alexandrowitch 202
TATICHTCHEFF, Julie Alexandrowna . . . 5
TATICHTCHEFF, Dmitri Pavlowitch 87
TCHAADAEFF, Pierre Yakovlewitch 237
TCHERKASSOFF, Baronne Catherine Ivanowna. 19
TCHERKASSOFF, Baron Alexandre Ivanowitch. 100
TCHERNYCHEFF, Comtesse Anne Rodionowna. 52
TCHERNYCHEFF, Comte Grégoire Ivanowitch. 104
TCHERNYCHEFF, Comte Ivan Grigoriewitch . 103
TCHERNYCHEFF, Comte Pierre Grigoriewitch. 102
TCHERNYCHEFF, Comte Zacharie Grigoriewitch. 105
TCHESMENSKY, Anne Nikolaewna 116
TCHITCHAGOFF, Basile Yakovlewitch . . . 106
TCHITCHERINE, Denis Ivanowitch 53
TÉPLOFF, Grégoire Nikolaewitch 160
TIESENHAUSEN, Comte Paul Ivanowitch . . 203
TONCI (Salvator) 90
TROUBETZKOÏ, Princesse Catherine Pétrowna. 132
TROUBETZKOÏ, Princesse Daria Alexandrowna. 127
TROUBETZKOÏ, Prince Basile Serguéewitch. . 131
TROUBETZKOÏ, Prince Nikita Pétrowitch . . 40

VASSILTCHIKOFF, Anne Kirillowna. . . . 124
VASSILTCHIKOFF (?), Catherine Pétrowna . 239
VASSILTCHIKOFF, Alexis Vassiliewitch. . . 240
VASSILTCHIKOFF, Nicolas Alexandrowitch . 238
VASSILTCHIKOFF, Nicolas Vassiliewitch . . 241
VIAZEMSKY, Princesse Véra Féodorowna . . 129
VIAZEMSKY, Prince André Ivanowitch . . . 130
VIAZEMSKY, Prince Pierre Andréewitch . . 17
VOLKOFF, Alexis Stépanowitch 161
VSÉVOLOJSKY, André Alexéewitch 223
VSÉVOLOJSKY, Serge Alexéewitch 224

WARNECK, Alexandre Grigoriewitch. . . . 89
WOLKONSKY, Princesse Catherine Alexéewna. 22
WOLKONSKY, Prince Dmitri Pétrowitch . . 23
WOLKONSKY, Prince Paul Mikhaïlowitch . . 21

№№

ЧЕРНЫШЕВЪ, графъ Петръ Григорьевичъ . 102
ЧЕСМЕНСКАЯ, Анна Николаевна 116
ЧИЧАГОВЪ, Василій Яковлевичъ 106
ЧИЧЕРИНЪ, Денисъ Ивановичъ 53

ШЕЛЕХОВЪ, Григорій Ивановичъ 76
ШЕРЕМЕТЕВА, графиня Варвара Алексѣевна. 67
ШЕРЕМЕТЕВЪ, Василій Сергѣевичъ . . . 114
ШУЛЬГИНЪ, Александръ Сергѣевичъ . . . 83

ЩЕРБАТОВА, княгиня Анастасія Валентиновна 136

№№

ЩЕРБАТОВА, княгиня Варвара Петровна . 220
ЩЕРБАТОВЪ, князь Александръ Ѳедоровичъ. 228
ЩЕРБАТОВЪ, князь Павелъ Петровичъ . . 135
ЩУКИНЪ, Степанъ Семеновичъ 91

ЭНГЕЛЬГАРДТЪ, Елена Александровна . . 153

ЮСУПОВЪ, князь Борисъ Николаевичъ . . 216

ЯКОВЛЕВЪ, Петръ Саввичъ 63
ЯШВИЛЬ, князь Владиміръ Михайловичъ . . 200
ЯШВИЛЬ, князь Левъ Михайловичъ. . . . 97

	№ №
WORONTZOFF, Comtesse Prascovie Féodorowna.	163
WORONTZOFF, Comte Arthème Ivanowitch.	162
YACHVIL, Prince Léon Mikhaïlowitch	97
YACHVIL, Prince Vladimir Mikhaïlowitch	200
YAKOVLEFF, Pierre Savvitch	63
YOUSSOUPOFF, Prince Boris Nikolaewitch	216
ZAGRIAJSKY, Anastasie Mikhaïlowna	244
ZAGRIAJSKY, Natalie Kirillowna	123
ZAGRIAJSKY, Nicolas Artémiewitch	245
ZAVADOWSKY, Comte Basile Pétrowitch	143
ZOUBOFF, Prince Platon Alexandrowitch	50
ZOUBOFF, Comte Valérien Alexandrowitch	120

1

Великая Княгиня **АННА ѲЕОДОРОВНА**, 1781—1860, принцесса Юліана-Генріетта-Фридерика Кобургская, родилась 23 Сентября 1781 года; привезенная матерью въ Петербургъ въ невѣсты Великому Князю Константину Павловичу, она была помѣщена на жительство въ Зимній дворецъ съ Великими Княжнами, подъ надзоромъ баронессы Ливенъ; 2 Февраля 1796 г. принцесса приняла православіе и наречена Анной Ѳеодоровной; 3 Февраля обручена, а 15 Февраля соединена бракомъ съ Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ, имѣя всего 15 лѣтъ отъ роду. Съ самаго пріѣзда въ Россію молодая принцесса завоевала себѣ общія симпатіи: Екатеринѣ II она понравилась своимъ спокойствіемъ и достоинствомъ, а жениха очаровала своей красотой. Но особенно сблизилась она со своей невѣсткой, Великой Княгиней Елисаветой Алексѣевной: сходство ихъ положенія невольно влекло ихъ другъ къ другу, и Великая Княгиня Анна Ѳеодоровна нашла въ своей невѣсткѣ единственную поддержку въ своихъ обманутыхъ ожиданіяхъ счастливой семейной жизни. Невыносимая домашняя жизнь съ взбалмошнымъ и невозможно воспитаннымъ мужемъ побудили ее воспользоваться его отъѣздомъ въ швейцарскій походъ, чтобы отправиться къ своимъ родителямъ въ Кобургъ; вернувшись оттуда вмѣстѣ съ мужемъ въ Петербургъ въ Декабрѣ 1799 г., она въ 1801 г. снова уѣхала за границу и болѣе въ Россію не возвращалась. При этомъ она написала мужу, что оставила его черезъ выѣздъ въ чужіе края по несходству ихъ характеровъ, вслѣдствіе чего она не могла оказывать ему своей любви. Письмо это, которое Константинъ Павловичъ просилъ супругу подтвердить засвидѣтельствованіемъ россійскаго министра или находящагося при немъ священника, послужило первымъ починомъ къ возбужденію вопроса о разводѣ, въ виду задуманной имъ женитьбы на княжнѣ Ж. А. Четвертинской. Но тутъ онъ встрѣтился съ такимъ противодѣйствіемъ со стороны Императрицы-матери и Царственнаго брата, что самый вопросъ о разводѣ, казалось, былъ надолго забытъ. Въ 1814 г., навѣстивъ супругу при возвращеніи изъ Парижа, Цесаревичъ даже просилъ ее вернуться въ Россію, но Великая Княгиня отказалась наотрѣзъ, указавъ мужу на нѣкоторыя обстоятельства, удерживавшія ее за границею навсегда. Съ этого времени и съ охватившей его новой страстью къ Жаннетѣ Грудзинской, Цесаревичъ возобновилъ свои настоянія на разводѣ съ такою энергіей и упорствомъ, что 20 Марта 1820 г. появился манифестъ, въ которомъ объявлялось, что „Цесаревичъ Константинъ Павловичъ принесенною Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и Государю просьбою обратилъ ихъ вниманіе на домашнее его положеніе въ долговременномъ отсутствіи супруги его, Великой Княгини Анны Ѳеодоровны, которая еще въ 1801 г., удалясь въ чужіе края по крайне разстроенному ея здоровью, какъ донынѣ къ нему не возвращалась, такъ и впредь, по личному ея объявленію, возвратиться въ Россію не можетъ, и вслѣдствіе сего изъявилъ желаніе, чтобы бракъ его съ нею былъ расторженъ“. Этимъ же манифестомъ объявлялось и о расторженіи сего брака, „по точной силѣ церковныхъ узаконеній“ и постановленію Святѣйшаго Синода.

Съ отъѣзда изъ Россіи всю свою жизнь Великая Княгиня Анна Ѳеодоровна провела въ Парижѣ и въ Швейцаріи, въ замкѣ Эльфенау, близъ Берна, гдѣ и скончалась 10 Августа 1860 года. Въ „Запискахъ“ Д. Н. Свербеева есть нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни Великой Княгини въ Швейцаріи, гдѣ ему приходилось представляться Великой Княгинѣ въ качествѣ члена тамошней русской дипломатической миссіи.

(Съ портрета Виже-Лебренъ; Гатчинскій дворецъ.)

1

La Grande-Duchesse **ANNE FÉODOROWNA**, 1781—1860, princesse Julienne-Henriette-Frédérique de Saxe-Cobourg-Gotha, naquit le 23 septembre 1781. Amenée par sa mère à Pétersbourg pour être mariée au Grand-Duc Constantin Pavlowitch, elle fut installée au Palais d'Hiver avec les Grandes-Duchesses, sous la surveillance de la baronne Lieven. Elle se convertit à la religion grecque le 2 février 1796 en recevant le nom d'Anne Féodorowna, puis fut fiancée, le 3 février, au Grand-Duc et mariée le 15, à l'âge de quinze ans seulement. Dès son arrivée en Russie, elle se concilia la sympathie générale, plut à l'Impératrice Catherine par son calme et sa dignité et ravit son fiancé par sa beauté. Mais elle s'attacha surtout à sa belle-sœur, la Grande-Duchesse Elisabeth Alexéewna, vers laquelle elle se sentait attirée par l'analogie de leurs situations, et en qui elle trouva l'unique consolation de ses espoirs déçus de bonheur de famille. Le caractère impossible et l'exécrable éducation de son mari lui rendaient la vie insupportable, et elle profita de son départ pour la campagne de Suisse pour retourner chez ses parents à Cobourg. Ramenée par lui à Pétersbourg en décembre 1799, elle repartit sans retour pour l'étranger, en lui écrivant qu'elle le quittait en raison d'une incompatibilité d'humeur qui l'empêchait de lui témoigner son amour. La lettre, que le Grand-Duc lui fit présenter au visa d'un ministre russe ou d'un aumônier de légation, fut le point de départ d'une demande de divorce, car il songeait à épouser la princesse Tchetvertinsky. Mais il se heurta à une vive opposition de la part de l'Impératrice Mère et de l'Empereur son frère, et la question même du divorce parut oubliée pour longtemps. En 1814, il passa voir sa femme en revenant de Paris, lui demanda même de rentrer en Russie, mais elle répondit par un refus formel, en alléguant certaines circonstances qui la rattachaient pour toujours à l'étranger. Dès lors, et sous l'empire de sa nouvelle passion pour Jeannette Groudzinsky, le Grand-Duc renouvela avec tant de force et d'obstination ses instances pour avoir le divorce, qu'il obtint le 20 mars 1820 un manifeste qui le lui accordait, „sous réserve de l'application rigoureuse des règlements ecclésiastiques“ et de la décision du Saint Synode, et dont les considérants étaient ainsi conçus: „Le Césarewitch Constantin Pavlowitch a adressé une supplique à l'Impératrice Marie Féodorowna et à S. M. l'Empereur pour appeler leur attention sur la situation qui lui était faite par l'absence prolongée de son épouse, la Grande-Duchesse Anne Féodorowna, qui, partie depuis 1801 pour l'étranger en raison de l'extrême délabrement de sa santé, n'est pas encore revenue près de lui et ne compte pas, d'après ses propres déclarations, rentrer jamais en Russie, et pour demander en conséquence l'annulation de son mariage avec elle“.

Après son départ de Russie, la Grande-Duchesse Anne passa toute sa vie à Paris et en Suisse, au château d'Elfenau, près Berne, où elle mourut le 10 août 1860. Sverbéeff dans ses mémoires donne quelques détails sur sa vie en Suisse, où il lui avait été présenté en sa qualité de membre de la mission diplomatique russe.

(D'après l'original de Vigée-Lebrun, Palais de Gatchina.)

Пис. Виже-Лебренъ

Великая Княгиня
Анна Феодоровна, 1781-1860

Peint par Vigée-Lebrun

La Grande-Duchesse
Anne Féodorowna, 1781-1860

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Пермской
Художеств
3966

2

Графиня **ЕКАТЕРИНА СЕРГѢЕВНА САМОЙЛОВА**, 1763—1830, старшая изъ двухъ дочерей полковника князя Сергія Алексѣевича Трубецкого († 1831 г.), женатаго на княжнѣ Еленѣ Васильевнѣ Несвицкой, родилась 2 Октября 1763 года. Во фрейлины пожалована въ 1782 году; была сначала сговорена за Голландскаго посланника въ Петербургѣ, но бракъ этотъ не состоялся, и она вышла замужъ за извѣстнаго Екатерининскаго дѣятеля, генералъ-прокурора графа Александра Николаевича Самойлова. Отъ брака съ нимъ имѣла трехъ сыновей: Григорія (командоръ Мальтійскаго ордена; убитъ въ Турецкую войну въ 1811 г.), Николая („Алкивіадъ того времени“, † 23 Іюля 1842 г.; женатъ былъ на графинѣ Юліи Павловнѣ Паленъ; съ нимъ пресѣкся родъ графовъ Самойловыхъ) и Михаила (умеръ холостымъ въ 1820 году). Изъ двухъ дочерей ея — старшая, Елена († 1843 г.), была замужемъ за дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Дмитріемъ Андреевичемъ Донецъ-Захаржевскимъ, а младшая, Софія († 1866 г.) — за графомъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ Бобринскимъ.

Графиня Е. С. Самойлова скончалась въ Петербургѣ 21 Февраля 1830 г. и похоронена въ церкви Св. Духа, въ Александро-Невской лаврѣ.

Извѣстная красавица своего времени, графиня Е. С. Самойлова пользовалась въ Петербургѣ очень незавидной репутаціей. Какъ и другія племянницы Потемкина, она была одно время предметомъ его особой благосклонности и во время Турецкой войны состояла съ мужемъ при главной квартирѣ „свѣтлѣйшаго“ въ Бендерахъ. Холодныя отношенія супруговъ Самойловыхъ были извѣстны всему городу и двору. Въ 1792 г. Екатерина II писала Валеріану Зубову изъ Царскаго Села: „У насъ обѣдало много людей и между прочими Анна Никитишна Нарышкина и Катерина Сергѣевна Самойлова. И отъ мужа отступаетъ: желаніе его, чтобы она здѣсь жила“. Въ 1796 г. Ростопчинъ сообщалъ Воронцову: „La femme du comte S...vient d'accoucher d'un fils que l'on prétend être venu avant terme. Le procureur général n'y trouve pas son compte, car il ne vit pas avec sa femme qui malgré cela donne des preuves de sa fécondité“. Большая щеголиха, она имѣла въ модныхъ магазинахъ много долговъ, которые тщательно скрывала отъ мужа, несмотря на его богатство. На балу, данномъ графиней Самойловой въ честь Шведскаго короля, въ присутствіи всего двора Великій Князь Константинъ Павловичъ въ разговорѣ съ королемъ выразился, по разсказу Массона, такимъ невозможнымъ образомъ о хозяйкѣ дома, что былъ посаженъ Екатериной подъ арестъ. Принцъ де-Линь, находившійся въ русской арміи подъ Очаковымъ, написалъ стихотворное посланіе къ 25-лѣтней красавицѣ Самойловой: „A Mme de Samoïloff au fort d'Elisabeth-Gorod“ („Mélanges“, XXI, 296).

Г-жа Виже-Лебренъ изобразила графиню Самойлову съ ея дѣтьми. Съ настоящаго портрета существуетъ рѣдкая гравюра Валькера.

(Съ портрета Виже-Лебренъ; собственность графа А. А. Бобринскаго, С.-Петербургъ.)

2

La comtesse **CATHERINE SERGUÉEWNA SAMOÏLOFF**, 1763—1830, l'aînée des deux filles du prince Serge Alexéewitch Troubetzkoï († 1831), colonel, et de la princesse Hélène Vassiliewna Nésvitzky, naquit le 2 octobre 1763. Demoiselle d'honneur en 1782, elle fut d'abord fiancée à l'ambassadeur de Hollande à St-Pétersbourg, mais le mariage ne se fit pas, et elle épousa le comte Alexandre Nikolaewitch Samoïloff, le procureur général bien connu du temps de Catherine. Elle eut de ce mariage trois fils, Grégoire, commandeur de l'ordre de Malte, tué à la guerre de Turquie en 1811, Nicolas († 23 juillet 1842), „l'Alcibiade moderne", marié à la comtesse Julie Pavlowna Pahlen et dernier représentant des comtes Samoïloff, et Michel, mort célibataire en 1820, et deux filles, dont l'aînée Hélène († 1843) épousa Dmitri Andréewitch Donetz-Zakharjewsky, conseiller d'état actuel, et la plus jeune Sophie († 1866) le comte Alexis Bobrinsky.

La comtesse Samoïloff mourut à Pétersbourg le 21 février 1830, et fut inhumée à l'église du St-Esprit, au monastère d'Alexandre Newsky.

Renommée pour sa beauté, la comtesse Samoïloff avait à Pétersbourg une réputation peu enviable. Comme les autres nièces de Potemkine, elle fut un moment l'objet de sa bienveillance particulière, et, lors de la guerre de Turquie, résida avec son mari au quartier général du „sérénissime" à Bender. La froideur des relations des époux Samoïloff était connue dans toute la ville et à la Cour. En 1792, Catherine II écrivait de Tzarskoïé-Sélo à Valérien Zouboff: „Nous avons eu beaucoup de monde à dîner, et entre autres Anna Nikititchna Narychkine et Catherine Serguéewna Samoïloff. La voilà séparée de son mari: il veut qu'elle reste ici". En 1796, Rostoptchine écrit à Worontzoff: „La femme du comte S... vient d'accoucher d'un fils que l'on prétend être venu avant terme. Le procureur général n'y trouve pas son compte, car il ne vit pas avec sa femme, qui malgré cela donne des preuves de sa fécondité". Grande coquette, elle avait de grosses dettes chez les modistes et les cachait soigneusement à son mari, malgré sa fortune. Au bal qu'elle donna en l'honneur du roi de Suède, en présence de toute la Cour, le Grand-Duc Constantin, dit Masson, émit, en parlant au roi, des propos si impossibles sur le compte de la maîtresse de la maison, que Catherine lui fit prendre les arrêts. Le prince de Ligne, à l'armée russe sous Otchakoff, composa une épître en vers à la belle comtesse, alors âgée de 25 ans: „A Mme de Samoïloff au fort d'Elisabeth-Gorod" (Mélanges, XXI, 296).

Mme Vigée-Lebrun a représenté la comtesse Samoïloff avec ses enfants. Il y a de ce portrait une gravure de Walker rare.

(D'après un original de Vigée-Lebrun, appartenant au comte A. Bobrinsky, St-Pétersbourg.)

Пис. Виже-Лебренъ

Графиня Екатерина Сергѣевна Самойлова, 1763-1830

Peint par Vigée-Lebrun

La Comtesse Catherine Serguéewna Samoïloff, 1763-1830

РУССКІЕ PORTRAITS RUSSES ПОРТРЕТЫ

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи

3

Княгиня ЕКАТЕРИНА (Каролина) АЛЕКСАНДРОВНА ДОЛГОРУКАЯ, 1758—1842, побочная дочь („воспитанница“) оберъ-камергера князя Александра Михайловича Голицына (р. 1723 г., † 1807 г.) и баронессы фонъ-Клюпфель, долгое время жившей въ его домѣ, жена дѣйствительнаго камергера князя Александра Николаевича Долгорукаго (р. 20 Сентября 1757 г., † 27 Января 1844 г.), родилась 19 Сентября 1758 года.

Въ 1772 году воспитанникъ и двѣ воспитанницы князя Голицына, получившіе фамилію де-Лицыныхъ, пожалованы были императоромъ Іосифомъ II въ дворянство Священной Римской имперіи, а въ 1777 году, Высочайшимъ указомъ, приняты въ русское подданство, съ правомъ пользоваться всѣми преимуществами Россійскаго дворянства. По духовному завѣщанію отца, княгиня Долгорукая получила 40/т. рублей. Скончалась она 14 Октября 1842 года и погребена въ Екатерининской пустыни, близъ Москвы. Дѣтей у нея не было.

Родственникъ ея мужа, князь И. М. Долгорукій, посвятилъ ей въ своемъ „Капищѣ сердца“ слѣдующія строки: „Въ самой первой молодости моей я имѣлъ случай часто съ ней видаться въ общемъ родственномъ домѣ, у дяди моего, князя Голицына, брата родного ея отца; тамъ мы всякое воскресенье съѣзжались обѣдать вмѣстѣ и цѣлый день до вечера проводили въ танцахъ. Она мнѣ очень нравилась, но я былъ ея моложе, и потому не смѣлъ къ ней очень пристраститься, боясь, что ея за меня не отдадутъ. Кажется, я въ этомъ ошибался. Оберъ-камергеръ очень хотѣлъ выдать дочерей своихъ за фамильныхъ жениховъ, дабы покрыть стыдъ ихъ рожденія, чему доказательствомъ служить можетъ то, что онъ согласился выдать ее за дядю моего, глухого и глупаго человѣка, ради того только, чтобъ ввести дочь свою побочную въ хорошій родъ. Лицына была дѣвушка умная, воспитана прекрасно, непригожа собой, но богато одарена природой и щедро награждена отцомъ своимъ со стороны фортуны, слѣдовательно, не рисковала остаться въ дѣвушкахъ. Вышедши за моего дядю, она, такъ сказать, исчезла: никто ея послѣ того не видалъ, никуда не показывалась. Мужъ заперся, заключилъ ее съ собой, и я, въ теченіе 20 лѣтъ, ужъ двухъ разъ не встрѣчался съ ней. Мнѣ всегда будетъ жаль, что такая милая и достойная дѣвушка потеряна для свѣта, для котораго была такъ счастливо и удачно образована“.

Князю А. Н. Долгорукому принадлежалъ полученный имъ отъ отца домъ на Большой Никитской улицѣ, въ Москвѣ, выходящій и на Поварскую, нынѣ графини Н. М. Соллогубъ.

(Съ портрета Виже-Лебренъ; собственность М. А. Васильчиковой.)

3

La princesse **CATHERINE** (Caroline) **ALEXANDROWNA DOLGOROUKY**, 1758—1842, fille naturelle („pupille“) du prince Alexandre Mikhaïlowitch Golitzyne (1723—1807), grand chambellan, et de la baronne von Klüpfel qui vécut longtemps avec lui, et femme du prince Alexandre Nikolaewitch Dolgorouky (20 septembre 1757—27 janvier 1844), chambellan actuel, naquit le 19 septembre 1758.

En 1772, les trois pupilles du prince Golitzyne, un fils et deux filles, autorisés à s'appeler de Litzyne, se virent conférer par l'Empereur Joseph II la noblesse du Saint-Empire Romain, puis, en 1777, furent naturalisés russes par oukaze de S. M. l'Empereur avec tous les droits et prérogatives attachés à la noblesse russe. La princesse reçut de son père 40.000 roubles par testament. Elle mourut le 14 octobre 1842, et fut inhumée au monastère Ste-Catherine, aux environs de Moscou. Elle n'eut pas d'enfants.

Le prince I. Dolgorouky, parent de son mari, lui consacre dans son Sanctuaire de mon cœur les lignes suivantes: „Dans ma toute première jeunesse, j'avais souvent l'occasion de la voir chez un parent commun, mon oncle le prince Golitzyne, frère de mon père; tous les dimanches nous dînions là en famille et on passait toute la journée à danser. Elle me plaisait beaucoup, mais, comme j'étais plus jeune qu'elle, je fis en sorte de ne pas trop m'engager: j'avais peur qu'on ne me la fît épouser. En quoi, paraît-il, je me trompais! Le grand chambellan tenait à donner à ses filles des maris qui eussent un nom pour effacer la honte de leur naissance, et ce qui le prouve, c'est qu'il n'hésita pas à marier celle-là à mon oncle, un sourd et un lourdaud, simplement pour la caser dans une bonne famille: intelligente, parfaitement élevée, laide, mais richement douée par la nature et largement dotée par son père, elle n'avait pourtant pas à craindre de rester fille. Quand elle eut épousé mon oncle, elle disparut, pour ainsi dire: personne dès lors ne la vit plus, elle ne se montra plus nulle part. Son mari s'isola et l'enferma avec lui: en vingt ans, je ne l'ai pas vue deux fois. Je regretterai toujours qu'une personne si gentille et de tant de mérite soit perdue pour le monde, pour lequel elle était si bien faite“.

Le prince A. Dolgorouky tenait de son père une maison sise à la Grande Nikitzkaïa, à Moscou, et donnant aussi sur la Povarskaïa, actuellement à la comtesse N. Sollogub.

(D'après un original de Vigée-Lebrun, appartenant à Mlle M. Vassiltchikoff.)

Пис: Виже-Лебренъ

Кн. Екатерина Александровна
Долгорукая, 1754-1844

Peint par Vigée-Lebrun

La P^sse Catherine Alexandrowna
Dolgorouky, 1754-1844

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ
RUSSES PORTRAITS

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
№ 3966

4

Княгиня ВАРВАРА СЕРГѢЕВНА ДОЛГОРУКАЯ, 1793—1833, дочь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Сергѣя Сергѣевича Гагарина (р. 1745 г., † 1798 г.), отъ брака его съ княжной Варварой Николаевной Голицыной (р. 1762 г., † 1802 г.), была женой оберъ-шталмейстера князя Василія Васильевича Долгорукаго (р. 1787 г., † 1858 г.).

Рано лишившись родителей, она получила воспитаніе въ Екатерининскомъ институтѣ, подъ особеннымъ попеченіемъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, а по окончаніи курса была пожалована во фрейлины и поселилась у своей двоюродной сестры, графини П. Н. Гурьевой. Князь В. В. Долгорукій, служившій въ Семеновскомъ полку, влюбился въ княжну, когда она была еще въ институтѣ, но получилъ отказъ, когда сдѣлалъ ей предложеніе, потому что она рѣшила не выходить за военнаго. Князь вышелъ въ отставку и былъ зачисленъ на службу въ Придворное вѣдомство, послѣ чего, 7 Января 1812 г., состоялась свадьба. Княгиня принесла мужу въ приданое хорошее состояніе: около 30/т. душъ крестьянъ. Долгорукіе жили открыто, но праздники и балы давали рѣдко, потому что княгиня не любила большихъ, пышныхъ собраній и сама ѣздила ко двору только по необходимости.

Княжна Туркестанова въ своемъ письмѣ къ Кристину отъ 7 Октября 1815 г. даетъ такой отзывъ о ней: „La petite princesse Dolgorouky est charmante, jolie comme l'amour, pleine d'esprit, mutine, capricieuse, mais grande vertu jusqu'à présent. Elle se conduit parfaitement, et, quoiqu'elle ait eu déjà un grand nombre d'admirateurs, elle les a tenus à une distance fort respectable". Воспитывавшійся въ домѣ Долгорукихъ декабристъ А. П. Бѣляевъ рисуетъ въ своихъ Запискахъ образъ княгини въ самыхъ обаятельныхъ чертахъ. По его словамъ, она была идеальная женщина, обладавшая такой красотой, такой прелестью обращенія и такимъ умомъ, что нельзя было не восхищаться ею и не сдѣлаться ея поклонникомъ. Эта была „прекрасная душа въ прекрасной оболочкѣ". Она дѣлала много добра и многихъ бѣдныхъ содержала на свои средства. Кончина ея (31 Января 1833 г.) была истинно-христіанская. Она не желала пышныхъ похоронъ и завѣщала похоронить себя въ простомъ гробу. Множество нищихъ провожали ея тѣло на Смоленское кладбище.

Княгиня В. С. Долгорукая имѣла одного сына Василія, умершаго въ молодыхъ годахъ, и двухъ дочерей: Марію (р. 1814 г., † 1869 г.), бывшую въ замужствѣ за Л. К. Нарышкинымъ, и Варвару (р. 1816 г., † 1866 г.), за извѣстнымъ Московскимъ генералъ-губернаторомъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ Долгорукимъ.

(Съ портрета Ризенера; собственность князя Д. Н. Долгорукаго, с. Волынщина, Московской губ.)

4

La princesse **VARVARA SERGUÉEWNA DOLGOROUKY**, 1793—1833, fille du prince Serge Serguéewitch Gagarine (1745—1798), conseiller privé actuel, et de Varvara Nikolaewna, née princesse Golitzyne (1762—1802), était femme du prince Basile Vassiliewitch Dolgorouky (1787—1858), grand écuyer.

De bonne heure orpheline de père et de mère, elle fut élevée à l'institut Catherine sous la sollicitude particulière de l'Impératrice Marie, et, à sa sortie, devint demoiselle d'honneur et alla habiter chez sa cousine germaine la comtesse P. Gourieff. Le prince B. Dolgorouky, du régiment Sémenowsky, s'éprit d'elle lorsqu'elle était encore à l'institut et demanda sa main, mais il ne fut pas agréé, parce qu'elle avait décidé de ne pas épouser un militaire. Il donna alors sa démission et entra à l'administration de la Cour, après quoi le mariage se fit, le 7 janvier 1812. La princesse avait une grosse dot, environ 30.000 têtes de paysans. Tout en menant grand train, elle ne donnait guère de fêtes ni de bals, car elle n'aimait pas les grandes réunions de cérémonie et n'allait même à la Cour que quand elle ne pouvait faire autrement.

„La petite princesse Dolgorouky est charmante", dit la princesse Tourkestanoff dans sa lettre à Kristine du 7 octobre 1815, „jolie comme l'amour, pleine d'esprit, mutine, capricieuse, mais grande vertu jusqu'à présent. Elle se conduit parfaitement, et, quoiqu'elle ait eu déjà un grand nombre d'admirateurs, elle les a tenus à une distance fort respectable". Le décabriste Béliaeff, élevé chez les Dolgorouky, fait d'elle dans ses Mémoires un portrait des plus enchanteurs. Femme idéale, dit-il, elle était d'une telle beauté, elle avait des manières si charmantes et tant d'esprit, qu'on ne pouvait s'empêcher de l'admirer et de devenir son adorateur; „c'était une belle âme dans un beau corps". Elle faisait beaucoup de bien et entretenait nombre de pauvres. Elle fit (31 janvier 1833) une fin vraiment chrétienne, voulut des funérailles sans apparat et tint à être ensevelie dans un cercueil tout simple. Une foule de pauvres suivit son convoi au cimetière de Smolensk.

La princesse Dolgorouky eut un fils, Basile, mort enfant, et deux filles, Marie (1814—1869), mariée à L. Narychkine, et Varvara (1816—1866), au prince Vladimir Dolgorouky, connu comme général gouverneur de Moscou.

(D'après un original de Riesener, appartenant au prince D. Dolgorouky, Volynchtchina, gouv. de Moscou.)

Пис: Дизенеръ

Peint par Riesener

Княгиня Варвара Сергѣевна Долгорукая, 1793-1833

La Pesse Varvara Serguéewna Dolgorouky, 1793-1833

РУССКІЕ RUSSES PORTRAITS ПОРТРЕТЫ

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

БИБЛИОТЕКА
Пермской Обл...
...Дзержинской ...

5

ЮЛІЯ АЛЕКСАНДРОВНА ТАТИЩЕВА, 17 . .— 184 ., полька, жена оберъ-камергера, члена Государственнаго Совѣта Дмитрія Павловича Татищева (см. т. I, № 160 и т. II, № 124), родная сестра французскаго генерала Ивана Конопки, въ первомъ бракѣ была за генералъ-майоромъ Николаемъ Алексѣевичемъ Безобразовымъ, съ которымъ развелась. Въ концѣ 1808 г. Булгаковъ писалъ брату, что Татищевъ безумно влюбленъ въ Безобразову и проводитъ у нея все время, хотя „не хочетъ въ этомъ признаться“. Въ 1813 г. Татищевъ былъ уже женатъ и, получивъ отъ графа Воронцова туалетный приборъ, отвѣчалъ послѣднему: „Mais comme toutes ces belles choses sont tranchantes, Julie veut absolument que je vous envoie une pièce de monnaie en retour“. 11 Января 1815 г. тотъ же А. Я. Булгаковъ сообщалъ брату: „Tout ce que vous me dites de Tatichtcheff me fait bien de la peine. Je m'imaginais bien tout cela, mais la certitude que vous m'en donnez me peine infiniment: il méritait un meilleur sort. Voilà les suites d'un sot mariage: Quand elle l'aura ruiné, elle le plantera là“. Спустя 4 года, Булгаковъ въ Парижѣ посѣтилъ Татищеву и такъ разсказывалъ объ этомъ: „Вспоминали всѣ твои (К. Я. Булгакова) вѣнскія шалости; она стара стала, но еще хорошая и добрая бабенка“. По поводу увлеченій самого Татищева, несмотря на его годы, Булгаковъ писалъ: „Охъ, мой Татищевъ съ своимъ волокитствомъ, чтобы не надѣлалъ глупостей! Объ Ю. А. и въ мое время еще говорили, но я не вѣрю: время страстной любви для нея прошло, развѣ при этомъ было бы еще много денегъ и подарковъ, но я не думаю, чтобы Апраксинъ сталъ, да и имѣлъ бы чѣмъ разоряться“. Между тѣмъ въ это самое время А. И. Тургеневъ писалъ (23 Февраля 1821 г.) князю Вяземскому: „Безобразова-Татищева должна была идти замужъ за конно-гвардейскаго офицера, такъ говорилъ городъ, но разошлось“. Вяземскій давно и хорошо зналъ Татищеву, постоянно посылалъ ей въ письмахъ, вмѣсто поклоновъ, свое „padam do nóg“, называлъ ее „Гишпанской красавицей“ и „прекрасной Юліей“. Графъ А. И. Рибопьеръ былъ того мнѣнія, что она „прехитрая и претонкая штука“; Татищева, кромѣ того, была тщеславна и любила играть всегда и во всемъ первую роль, такъ что, когда въ 1823 г. извѣстная Марья Антоновна Нарышкина поѣхала за границу, К. Я. Булгаковъ былъ того мнѣнія, что „теперь будетъ опасная соперница у Юліи Александровны для фигуры и щегольства“. Онъ же, убѣждая въ 1820 г. брата отказаться отъ предложенія Д. П. Татищева перейти къ нему на службу въ посольство, въ Испанію, писалъ между прочимъ, что Юлія Александровна не могла равняться съ Наталіей Васильевной Булгаковой „ни умомъ, ни воспитаніемъ, ни любезностью“, а потому „будетъ бѣситься, а ты самъ знаешь, какъ Татищевъ слабъ“.

Ципринусъ въ своемъ „Калейдоскопѣ воспоминаній“ говоритъ о семьѣ Слонимскаго уроженца генерала Конопки, что „ихъ было 4 брата и 3 сестры“; изъ братьевъ, кромѣ генерала Ивана, Августъ и Винцентій служили также во французской арміи, а младшій, Федоръ, служилъ въ уланахъ и потомъ былъ Слонимскимъ городничимъ. „Изъ сестеръ старшая, не отличавшаяся ничѣмъ, вышла замужъ за кого-то, овдовѣла и поселилась въ Слонимѣ; средняя, Юлія, была необыкновенная красавица, послѣ перваго мужа, генерала Безобразова, вышла за Д. П. Татищева; младшая, Аделаида, была за Слонимскимъ помѣщикомъ Ельцомъ. Эта семья отличалась необыкновенной вѣтреностью, легкомысліемъ и вообще отсутствіемъ умственныхъ качествъ, только Ельцова отличалась умомъ и образованіемъ“.

Точныхъ датъ рожденія и смерти Ю. А. Татищевой найти намъ не удалось. Отъ перваго брака у ней была дочь Елена (р. 1801 г., † 189. г.; въ 1-мъ бракѣ была за графомъ А. П. Апраксинымъ, во 2-мъ— за графомъ Іосифомъ Эстергази); болѣе дѣтей у нея не было.

(Съ портрета Жерара; собственность Великаго Князя Николая Михаиловича).

5

JULIE ALEXANDROWNA TATICHTCHEFF, 17..—184., polonaise, sœur du général français Jean Konopka, femme du grand chambellan, membre du Conseil de l'Empire, Dmitri Pavlowitch Tatichtcheff (v. T. I, № 160 et T. II, № 124), avait épousé en premières noces le général major Nicolas Alexéewitch Bezobrazoff, avec lequel elle divorça. A la fin de 1808, Alexandre Boulgakoff écrivait à son frère que Tatichtcheff était amoureux fou de Mme Bezobrazoff et passait tout son temps avec elle, „bien qu'il ne veuille pas en convenir". En 1813, Tatichtcheff était déjà marié, et comme le comte Worontzoff lui avait envoyé un nécessaire de toilette, il lui écrivit en réponse: „Mais comme toutes ces belles choses sont tranchantes, Julie veut absolument que je vous envoie une pièce de monnaie en retour". Le 11 janvier 1815, le même Alexandre Boulgakoff communiquait à son frère: „Tout ce que vous me dites de Tatichtcheff me fait bien de la peine. Je m'imaginais bien tout cela, mais la certitude que vous m'en donnez me peine infiniment: il méritait un meilleur sort. Voilà les suites d'un sot mariage. Quand elle l'aura ruiné, elle le plantera là". Quatre ans plus tard, il fit à Paris une visite à Mme Tatichtcheff et écrivit à son frère Constantin: „Nous avons reparlé de toutes tes frasques de Vienne. Elle est vieille, maintenant, mais c'est toujours une brave et excellente bonne femme". A propos des entraînements de Tatichtcheff lui-même malgré l'âge, Boulgakoff dit: „Oh! ce Tatichtcheff avec ses amours, qu'il n'aille pas faire encore des bêtises! Elle, on en parlait déjà de mon temps, mais je n'y crois pas: le temps de la passion est passé pour elle; et puis, s'il y avait encore avec ça beaucoup d'argent et de cadeaux! Mais Apraxine ne me paraît pas avoir l'envie ni du reste les moyens de se ruiner". Or, à la même époque, A. Tourguéneff écrit (23 février 1821) au prince Viazemsky: „Mme Bezobrazoff-Tatichtcheff devait épouser un officier des Gardes à cheval, à ce qu'on disait en ville, mais ça ne s'est pas arrangé". Viazemsky la connaissait bien et depuis longtemps, lui mettant toujours à la fin de ses lettres son „Padam do nóg" (en polonais: „Je tombe à vos pieds"), l'appelant „Belle Espagnole" et „Belle Julie". Le comte de Ribeaupierre la trouvait „une rusée et une fine mouche"; de plus, elle était vaniteuse et voulait jouer partout et en tout le premier rôle: ce qui fit dire à Constantin Boulgakoff, en 1823, au départ de la fameuse Marie Antonowna Narychkine pour l'étranger: „Mme Tatichtcheff va avoir une rivale dangereuse pour l'élégance et pour le chic". C'est encore Constantin qui, en 1820, déconseillait à Alexandre d'accepter son mari avec lui à l'ambassade de Madrid, en lui disant entre autres choses qu'elle était bien loin de valoir sa Natalie, „comme tête, comme éducation et comme amabilité": alors „elle sera furieuse, et tu sais bien comme lui est faible".

Cyprinus, dans son Kaléidoscope de Souvenirs, dit que la famille Konopka, originaire de Slonim, était composée de quatre fils et trois filles. Deux des frères du général Jean Konopka, Auguste et Vincent, servaient aussi dans l'armée française, et le plus jeune, Théodore, fut d'abord aux uhlans, puis devint préfet de Slonim. „Des trois sœurs, l'aînée n'avait rien de saillant, se maria, devint veuve et se fixa à Slonim; la cadette, Julie, était d'une beauté rare, épousa en premières noces le général Bezobrazoff et en secondes noces D. Tatichtcheff; la plus jeune, Adélaïde, fut la femme d'un propriétaire de Slonim, Eletz. Toute cette famille se distinguait par son insignifiance et sa frivolité, et laissait à désirer en général au point de vue intellectuel, seule Mme Eletz ne manquait ni d'intelligence ni d'instruction".

Les dates exactes de la naissance et de la mort de Mme Tatichtcheff ont été impossibles à retrouver.

Elle avait eu de son premier mariage une fille Hélène (1801—189.), mariée en premières noces au comte A. Apraxine et en secondes noces au comte Joseph Esterhazy. Elle n'eut pas d'autres enfants.

(D'après un original de Gérard, appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Пис: Жерáръ

Юлія Александровна
Татищева, 177–184.

Peint. par Gérard

Julie Alexandrowna
Tatichtcheff, 177–184.

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи
№ 3966

Графъ **АЛЕКСѢЙ АНДРЕЕВИЧЪ АРАКЧЕЕВЪ**, 1769—1834, родился 23 Сентября 1769 г.; обучался въ Артиллерійскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ 1787 году произведенъ въ офицеры. Благодаря графу Н. И. Салтыкову, Аракчеевъ былъ назначенъ преподавателемъ геометріи въ корпусѣ, но онъ выказалъ такую жестокость въ обращеніи съ кадетами, что его поспѣшили перевести въ Артиллерійскій полкъ, и онъ попалъ въ Гатчину. Своимъ трудолюбіемъ, точной исполнительностью, неутомимой дѣятельностью и строгостью къ подчиненнымъ онъ пріобрѣлъ довѣріе Великаго Князя Павла Петровича. Въ 1796 г., по воцареніи Императора Павла I, 26-лѣтній Аракчеевъ сдѣланъ былъ генералъ-майоромъ, комендантомъ Петербурга и награжденъ орд. св. Анны 1 ст., въ слѣдующемъ году, 5 Апрѣля, пожалованъ барономъ, Александровскимъ кавалеромъ и получилъ с. Грузино съ 2000 душами. Въ 1798 г., послѣ временной немилости, Аракчеевъ, уже въ чинѣ генералъ-лейтенанта, назначенъ инспекторомъ всей артиллеріи и возведенъ, 5 Мая 1799 г., въ графское достоинство. Безпорядки въ Петербургскомъ арсеналѣ, въ 1799 г., вызвали гнѣвъ Императора Павла; Аракчеевъ былъ отставленъ отъ службы и находился не у дѣлъ до 1803 года, когда Александръ I снова сдѣлалъ его инспекторомъ артиллеріи. Въ 1808 г. Аракчеевъ, военный министръ (съ 1808 г.) и генералъ-инспекторъ всей пѣхоты и артиллеріи, выказываетъ несомнѣнныя организаторскія способности въ дѣлѣ переустройства русской артиллеріи. Послѣ окончанія Отечественной войны, во время которой Аракчеевъ былъ сотрудникомъ Государя въ дѣлѣ образованія резервовъ, укомплектованія арміи и снабженія ея продовольствіемъ, Императоръ Александръ всецѣло возложилъ на него, какъ предсѣдателя Департамента Военныхъ дѣлъ Государственнаго Совѣта (съ 1810 г.), исполненіе всѣхъ преобразованій по военной части. Этой, чисто технической стороной своей военной дѣятельности, въ которой Аракчеевъ выказалъ большой организаторскій талантъ, внося всюду строгій порядокъ и дисциплину, повидимому, и ограничиваются положительныя качества этого человѣка, игравшаго такую выдающуюся роль въ теченіе двухъ царствованій и оказавшаго особенно плачевное вліяніе на дѣла Имперіи въ послѣдніе годы жизни Александра I. Эта эпоха, столь тѣсно связанная съ именемъ Аракчеева, перешедшая въ потомство подъ именемъ „аракчеевщины“, была вмѣстѣ съ тѣмъ порой расцвѣта „военныхъ поселеній“, въ управленіи которыми особенно ярко сказался жестокій и деспотическій характеръ Аракчеева. Хотя первоначальная мысль объ устройствѣ этихъ поселеній, какъ теперь уже выяснено, принадлежала исключительно самому Императору Александру и даже встрѣтила сначала противника въ лицѣ самого Аракчеева, тѣмъ не менѣе, сдѣлавшись ихъ главнымъ начальникомъ, онъ внесъ въ это дѣло тотъ педантичный, суровый режимъ, который онъ поддерживалъ безпощадной строгостью, доходившей нерѣдко до жестокости. Въ эти послѣднія десять лѣтъ царствованія Императора Александра вліяніе Аракчеева распространилось на всѣ отрасли внутренняго управленія, и фактически онъ сдѣлался первымъ министромъ.

Кончина Императора Александра положила конецъ и служебной дѣятельности Аракчеева; одной изъ первыхъ мѣръ Императора Николая, для успокоенія умовъ, было увольненіе и удаленіе отъ двора графа Аракчеева, который уединился въ своемъ Грузинѣ, гдѣ и прожилъ почти безвыѣздно до своей смерти, 21 Апрѣля 1834 года. Похороненъ тамъ же, въ Андреевскомъ соборѣ. Аракчеевъ былъ женатъ на Натальѣ Васильевнѣ Хомутовой (р. 1783 г., † 1842 г.), съ которой вскорѣ разошелся; дѣтей отъ этого брака не было. Долголѣтней сожительницей Аракчеева была Настасья Минкина (или Шумская), убитая дворовыми людьми. Все свое значительное состояніе графъ Аракчеевъ завѣщалъ Государю, который пожаловалъ его „Аракчеевскому“ Новгородскому (нынѣ Нижегородскому) кадетскому корпусу.

Аракчеевъ „походилъ на большую обезьяну въ мундирѣ; онъ былъ высокъ ростомъ, худощавъ и жилистъ. Въ его складѣ не было ничего стройнаго, такъ какъ онъ былъ очень сутуловатъ и имѣлъ длинную и тонкую шею; сверхъ того, онъ страшно морщилъ подбородокъ. У него были большія, мясистыя уши, толстая, безобразная голова, всегда наклоненная на сторону. Цвѣтъ лица его былъ нечистъ, щеки впалыя, носъ широкій и угловатый, ноздри вздутыя, ротъ огромный, лобъ нависшій. Наконецъ, у него были впалые сѣрые глаза, и все выраженіе его лица представляло странную смѣсь ума и злости“. Портретъ Дау чрезвычайно удачно передаетъ именно въ такомъ видѣ внѣшность всесильнаго временщика. Фигура его ярко выдѣляется на фонѣ Аракчеевскихъ военно-поселенскихъ казармъ въ Грузинѣ.

(Съ портрета Дау; собственность Великаго Князя Николая Михаиловича.)

6

Le comte **ALEXIS ANDRÉEWITCH ARAKTCHÉEFF**, 1769—1834, naquit le 23 septembre 1769, fit ses études au Corps des Cadets de l'Artillerie et fut promu officier en 1787. Le comte N. Saltykoff le fit nommer maître de géométrie au Corps, mais il traita les cadets avec une telle brutalité qu'on se hâta de l'envoyer au régiment, à l'artillerie de Gatchina. Son assiduité, sa ponctualité, son infatigable activité et sa sévérité dans le service lui acquirent la confiance du Grand-Duc Paul Pétrowitch. A son avènement au trône, en 1796, Araktchéeff, alors âgé de 26 ans, fut fait général major, commandant de Pétersbourg, et décoré de Ste-Anne de 1re classe; l'année suivante, il reçut le titre de baron (5 avril), l'ordre de St-Alexandre et le bourg de Grouzino avec 2000 têtes de paysans. En 1798, après une courte défaveur, il fut nommé, étant général lieutenant, inspecteur général de l'artillerie, et élevé le 5 mai 1799 à la dignité de comte. Des désordres survenus en 1799 à l'arsenal de Pétersbourg provoquèrent le courroux de l'Empereur: Araktchéeff fut destitué et resta dans la vie privée jusqu'en 1803, où Alexandre Ier le rappela à l'inspection de l'artillerie. Ministre de la guerre depuis 1808, et inspecteur général de l'infanterie et de l'artillerie, il fit preuve d'un incontestable talent d'organisateur dans la réforme de l'artillerie russe. Après la Guerre Patriotique, pendant laquelle il avait été le collaborateur de l'Empereur pour la formation des réserves, le complètement et le ravitaillement de l'armée, il fut exclusivement chargé, comme président du département militaire du Conseil de l'Empire (depuis 1810), de la réalisation de toutes les réformes militaires. Dans cette partie purement technique du métier, il déploya une habileté consommée, faisant régner partout un ordre et une discipline sévères: mais là semblaient se borner les qualités effectives de cet homme, qui joua un rôle si considérable au cours de deux règnes consécutifs et exerça sur les affaires une influence si déplorable dans les dernières années d'Alexandre Ier. Cette époque, si étroitement liée au nom d'Araktchéeff, et qui passa à la postérité sous le nom d'Araktchéevchtchina, fut précisément celle des colonies militaires, dans l'administration desquelles se donna si bien carrière son naturel despotique et cruel. La première idée de leur organisation, comme il est aujourd'hui démontré, appartenait exclusivement à l'Empereur lui-même et trouva même à sa naissance un adversaire dans la personne d'Araktchéeff: cependant, une fois à la tête de l'affaire, il y introduisit son régime de rigueur vétilleuse et d'intraitable sévérité dégénérant à l'occasion en cruauté. Dans ces dix dernières années du règne, son influence s'étendit à toutes les branches de l'administration intérieure, et il devint de fait premier ministre.

La mort de l'Empereur Alexandre mit un terme à la carrière d'Araktchéeff; une des premières mesures que prit l'Empereur Nicolas pour apaiser les esprits fut de l'éloigner des affaires et de la Cour: il se retira dans son Grouzino, où il resta presque à demeure jusqu'à sa mort, le 21 avril 1834; il y fut inhumé, dans la cathédrale de St-André. Il avait épousé Natalie Vassiliewna Khomoutoff (1783—1842), dont il ne tarda pas à se séparer et dont il n'eut pas d'enfants. Il resta de longues années avec Nastasie Minkine (ou Choumsky), qui fut tuée par ses gens. Il laissa sa fortune considérable à l'Empereur, qui la fit remettre au Corps des Cadets Araktchéeff de Novgorod (plus tard de Nijni-Novgorod).

Araktchéeff „avait l'air d'un grand singe en uniforme, de haute taille, maigre et nerveux. Aucune harmonie dans toute sa personne: il était tout voûté, avec un cou long et mince, et de plus fronçait affreusement le menton. Il avait de grandes oreilles charnues, une grosse tête informe toujours penchée sur le côté, le teint sale, les joues creuses, le nez large et anguleux, les narines gonflées, une bouche énorme, un front proéminent. Enfin des yeux gris tout renfoncés contribuaient à donner à son visage une expression effrayante à la fois d'esprit et de méchanceté". C'est bien ce que rend avec un rare bonheur le portrait de Dawe; le tout-puissant favori se détache nettement sur le fond des casernes de ses colonies militaires, à Grouzino.

(D'après un original de Dawe, appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Пис. Day

Peint par Dawe

Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ, 1769-1834

Le Comte Alexis Andréewitch Araktchéeff, 1769-1834

РУССКИЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

БИБЛИОТЕКА
Перископ Об[illegible]
Худож[illegible] Газ[illegible]
№ 3966

АНТОНІЙ, католикосъ Грузіи, 1760—1827, былъ четвертый сынъ Грузинскаго царя Ираклія II и родился отъ третьяго брака царя съ княжной Даріей Дадіанъ-Мингрельской. Царевичъ въ ранней юности принялъ монашество и получилъ санъ архидіакона. Въ числѣ другихъ „щедротъ Всеавгустѣйшей Государыни“, излившихся на домъ Багратидовъ послѣ признанія царемъ Иракліемъ въ 1783 году русскаго протектората, было приглашеніе отправить царевича Антонія въ Россію „для посвященія въ престольномъ градѣ въ епископское достоинство“. Отправляя въ Россію своихъ сыновей, Антонія и Миріана, Ираклій выражалъ желаніе, чтобы они „чрезъ вѣрныя и рабскія свои услуги удостоились пріобрѣсть матернее милосердіе“ Екатерины. Въ С.-Петербургѣ Антоній въ короткое время былъ посвященъ въ іеромонахи, возведенъ въ санъ архимандрита и 1 Іюня 1786 года въ придворной Царскосельской церкви былъ хиротонисанъ митрополитомъ Гавріиломъ во епископа Циноцминдскаго, а въ Ноябрѣ того же года назначенъ митрополитомъ Алавердскимъ. Послѣ посвященія царевичъ въ теченіе двухъ лѣтъ оставался въ Россіи, „для изученія русскаго языка и другихъ нужныхъ наукъ“, и жилъ большею частью въ Кіевѣ. Въ 1788 г. Антоній возвратился въ Грузію и въ слѣдующемъ году былъ назначенъ архіепископомъ Мцхетскимъ, католикосомъ Карталиніи и Кахетіи, котораго санъ, по понятіямъ грузинъ, равнялся патріаршему. Въ 1795 году, по смерти Имеретинскаго католикоса, Антоній соединилъ подъ своею властью церкви Грузіи, Имеретіи, Мингреліи и Гуріи. Антоній былъ свидѣтелемъ разгрома Тифлиса полчищами Аги-Магометъ-шаха, смерти своего престарѣлаго отца и крайняго упадка Грузіи, который привелъ къ присоединенію въ 1800 году этого царства къ Россіи. Присоединеніе къ Россіи было отпраздновано въ Тифлисѣ 16 Февраля 1801 года торжественнымъ молебствіемъ въ Сіонскомъ соборѣ, которое служилъ католикосъ, и цѣлодневнымъ звономъ; но Антоній, сынъ царицы Даріи, стоявшей во главѣ грузинскихъ сепаратистовъ, даже во время самаго богослуженія „не могъ скрыть своего неудовольствія, на лицѣ изображеннаго“. Католикоса не утѣшили Высочайше пожалованные ему орденъ св. Александра Невскаго и бѣлый клобукъ съ брильянтовымъ крестомъ и съ серафимами. Стараясь наружно казаться преданнымъ Россіи, Антоній не умѣлъ, „сдѣлавшись подданнымъ, перестать цариться“ и являлся „не послѣднимъ дѣйствующимъ лицомъ“ въ козняхъ царицы Даріи. Само собой разумѣется, что католикосъ не былъ расположенъ подчинить Грузинскую церковь Всероссійскому Синоду. Но въ Петербургѣ былъ выработанъ проектъ учрежденія Экзархата, и Антоній, какъ ненужный и небезопасный въ Грузіи, былъ вытребованъ въ Петербургъ, а 11 Іюня 1811 года уволенъ на покой съ орденомъ св. Андрея и пенсіей въ 10.000 рублей. Несмотря на „необыкновенно тяжелое сложеніе“, Антоній былъ „не такихъ свойствъ, чтобъ быть равнодушну къ лишенію власти“, и тяготился своимъ положеніемъ изгнанника. Русскія власти пренебрежительно и опасливо относились къ этому, носившему блистательные титулы „Блаженнѣйшаго“ и „Свѣтлѣйшаго“, заштатному католикосу, были недовольны его „азіатской пышностью и спесью“. Царевичъ, съ своей стороны, не обнаруживалъ такта: съ гордостью, напримѣръ, въѣхалъ въ Москву въ золоченой семистекольной каретѣ, а черезъ нѣсколько дней унижался передъ начальникомъ Кремлевской Экспедиціи П. С. Валуевымъ, представляя, что онъ „изъ своего содержанія дровъ покупать не въ силахъ“. Антоній жилъ сначала въ Москвѣ, потомъ въ Тамбовѣ и С.-Петербургѣ, а въ 1822 году переселился въ Нижній-Новгородъ на попеченіе своего родственника, владѣльца с. Лыскова, князя Г. А. Грузинскаго. Престарѣлый католикосъ просился въ Грузію, но А. П. Ермоловъ воспротивился этому, утверждая, что Антоній, какъ „сынъ царя Ираклія, чтимаго въ народѣ“ и „жертва гоненія“ съ грузинской точки зрѣнія, сосредоточитъ вокругъ себя „для произведенія интригъ“ всѣхъ „раздѣлявшихъ прежде его самовластіе и безпутство“. Католикосу было объявлено, что „неприлично было бы, чтобъ, занимавъ такое мѣсто важное въ Грузіи, онъ имѣлъ тамъ послѣ пребываніе безъ службы“, и Антоній, не увидавъ родины, умеръ въ Нижнемъ-Новгородѣ 21 Декабря 1827 года. Католикосъ погребенъ въ каѳедральномъ Преображенскомъ соборѣ, въ алтарѣ.

(Съ портрета Боровиковскаго, 1811 г.; Третьяковская галлерея, въ Москвѣ.)

ANTOINE, patriarche de Géorgie, 1760—1827, quatrième fils du Roi de Géorgie Héraclès II et de sa troisième femme la princesse Daria Dadian de Mingrélie, se fit moine tout jeune encore et devint archidiacre. Entre autres faveurs dont „l'auguste Souveraine de Russie" combla la maison des Bagratides quand le Roi Héraclès eut reconnu, en 1783, le protectorat russe, le tzarewitch Antoine fut invité à venir à Pétersbourg pour y être institué archevêque. Le Roi envoya donc en Russie ses deux fils, Antoine et Mirian, en leur recommandant „de s'appliquer par leur fidélité et leur docilité à se concilier la maternelle bienveillance" de Catherine. Bientôt successivement moine-prêtre, puis archimandrite, Antoine fut, le 1er juin 1786, intronisé à l'église du Palais de Tzarskoïé Sélo évêque de Tzinotzminde par le métropolite Gabriel, et nommé au mois de novembre suivant métropolite d'Alaverde. Après avoir passé deux ans en Russie, la plupart du temps à Kieff, „à étudier le russe et d'autres sciences utiles", il retourna en Géorgie en 1788, et fut fait l'année suivante archevêque de Mtzkhet et catholicos de Kartalinie et de Kakhétie, dignité équivalente pour les Géorgiens à celle de patriarche. En 1795, à la mort du catholicos d'Imérétie, il réunit sous son pouvoir les églises de Géorgie, d'Imérétie, de Mingrélie et de Gourie. Il fut témoin du sac de Tiflis par les hordes d'Hadji-Méhémet-Schah, de la mort de son vieux père et de la décadence complète qui aboutit en 1800 à la réunion de la Géorgie à la Russie. L'annexion fut célébrée à Tiflis le 16 février 1801 par un service solennel à la cathédrale de Sion, où il officia lui-même, et par une sonnerie de cloches qui dura toute la journée, mais, comme sa mère, qui était à la tête du parti séparatiste, „il ne pouvait dissimuler son mécontentement, visible même sur son visage" pendant la cérémonie. Loin d'être amené à résipiscence par l'ordre de St-Alexandre Newsky et par le froc blanc à croix en diamants avec les Séraphins, qui lui étaient conférés par l'Empereur, il ne fit que feindre la soumission à la Russie, ne sut pas, „une fois sujet, renoncer à jouer les rois", et „ne fut pas le dernier acteur" des menées de la tzarine Daria. Naturellement, il ne pouvait être question avec lui d'une reconnaissance de l'autorité du Saint Synode sur l'église géorgienne. Mais il fut préparé en haut lieu un projet d'exarchat, et Antoine, dont la présence en Géorgie était inutile et même nuisible, fut rappelé à Pétersbourg, puis, le 11 juin 1811, mis à la retraite avec l'ordre de St-André et dix mille roubles de pension. Affligé „d'un embonpoint démesuré", il „n'était pourtant pas homme à prendre son parti de la perte du pouvoir", et souffrit de cette situation d'exilé. Après avoir porté les titres pompeux de Bienheureux et de Sérénissime, il se voyait traité sans trop d'égards, avec défiance même, par les autorités russes, mécontentes aussi „de son faste et de sa morgue tout asiatiques". De son côté, d'ailleurs, il manquait de tact: par exemple, il faisait fièrement son entrée à Moscou dans un équipage doré à sept glaces, et, quelques jours plus tard, ne craignait pas de déclarer à Valouïeff, le directeur du Kremlin, que „son traitement ne lui donnait pas de quoi acheter du bois". Il résida d'abord à Moscou, puis à Tamboff et à Pétersbourg, et en 1822 alla se fixer à Nijni-Novgorod sous la sauvegarde d'un parent, propriétaire du bourg de Lyskoff, le prince Grouzinsky. Le vieux patriarche demandait à retourner en Géorgie, mais Ermoloff s'y opposa: „fils du Roi Héraclès encore honoré par le peuple" et „victime de la persécution" au point de vue géorgien, il pouvait devenir un centre d'intrigues pour tous ceux qui „avaient eu jadis leur part de son despotisme et de son dérèglement". En conséquence, il lui fut répondu „qu'il ne serait pas convenable qu'après avoir occupé en Géorgie une situation aussi considérable, il vînt y résider sans fonction", et Antoine mourut sans avoir revu son pays, le 21 décembre 1827, à Nijni-Novgorod. Il y fut inhumé dans la cathédrale de la Transfiguration, sous l'autel.

(D'après l'original de Borovikowsky, 1811, Galerie Trétiakoff, Moscou.)

Пис. Боровиковскій, 1811

Католикосъ Грузинскій Антоній, 1760-1827

Peint par Borovikowsky, 1811

Le Patriarche de Géorgie Antoine, 1760-1827

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

БИБЛИОТЕКА
Пермского
Училища

Графиня АННА СТЕПАНОВНА ПРОТАСОВА, 1745—1826, дочь сенатора Степана Ѳедоровича Протасова (р. 1703 г., † 1767 г.) и второй жены его, Анисіи Никитичны Орловой (р. 1721 г., † 1775 г.), двоюродная племянница братьевъ Орловыхъ, была взята Екатериной II во фрейлины, по протекціи Григорія Орлова; Анна Степановна была дурна собою, къ тому же не богата, поэтому, вѣроятно, и не нашла себѣ жениха между молодыми придворными, не брезгавшими, однако, по выраженію Гарновскаго, „дѣлать куръ немолодой и некрасивой невѣстѣ, чтобы заручиться при нуждѣ ея протекціей“, что подавало поводъ къ злорѣчивымъ о ней сплетнямъ. Екатерина, говорятъ, хотѣла ее выдать за рябого графа Арк. Ив. Моркова, но тотъ отказался, замѣтивъ съ обычнымъ своимъ ехидствомъ: „Она дурна, я безобразенъ, что же мы будемъ безобразить родъ человѣческій“. Екатерина скоро такъ привыкла къ ней, что А. С. Протасова сдѣлалась неразлучною ея спутницей во всѣхъ путешествіяхъ и повѣренной ея сердечныхъ тайнъ. Въ 1784 г. Протасова была пожалована въ камеръ-фрейлины „съ богатѣйшимъ портретомъ“ и получила цѣлый штатъ камеръ-пажей. Пользуясь столомъ „съ Государыниной кухни и на вызолоченномъ сервизѣ“, она обѣдала съ Государыней почти каждый день. Смерть Екатерины II была для нея тяжелымъ ударомъ; она въ теченіе сутокъ не выходила изъ комнаты, гдѣ лежала въ агоніи ея благодѣтельница, и присутствовала при ея кончинѣ. Въ царствованіе Павла положеніе ея при дворѣ не измѣнилось, отчасти благодаря браку ея племянницы съ любимцемъ Государя, графомъ Ѳ. В. Ростопчинымъ: она сохранила помѣщеніе и столъ во дворцѣ, получила орденъ св. Екатерины 2-го класса, пенсію и 1000 душъ въ Воронежской и Петербургской губерніяхъ. Въ коронацію Александра I А. С. Протасова была возведена въ графское достоинство, распространенное, по ея просьбѣ, на 3 незамужнихъ ея племянницъ и на потомство другого брата ея, бригадира Александра Протасова. Какъ старшая камеръ-фрейлина, она продолжала нести службу при Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и въ то же время снискала особенное расположеніе Императрицы Елисаветы Алексѣевны, въ интимномъ кружкѣ которой постоянно вращалась. Болѣзнь глазъ, приведшая ее къ полной потерѣ зрѣнія послѣ безрезультатной операціи въ Боннѣ въ 1816 г., заставила ее предпринимать частыя и продолжительныя поѣздки за границу къ знаменитѣйшимъ окулистамъ. Совершенно ослѣпшая, не переставая, однако, появляться на придворныхъ собраніяхъ, графиня Протасова скончалась 81 года, въ Петербургѣ, 12 Апрѣля 1826 г., и похоронена въ Александро-Невской лаврѣ, въ церкви Св. Духа.

„Безобразная и черная, какъ королева съ острововъ Таити“, но съ извѣстной величавостью въ осанкѣ, а въ старости чрезмѣрно растолстѣвшая, графиня А. С. Протасова не чужда была философскаго образа мыслей и „вольтеріанства“ своей державной покровительницы. Въ то же время, тщеславная и спесивая, со страстью къ нарядамъ и украшеніямъ, требовательная, она за границей удивляла иностранцевъ своею подвижностью, странными костюмами и непомѣрною чванностью; на самомъ же дѣлѣ она была чрезвычайно добрая женщина.

„Графиня Протасова“, говоритъ графиня Головина въ своихъ воспоминаніяхъ, „принадлежитъ къ интимному кружку Государыни не потому, чтобы была другомъ Императрицы или обладала высокими качествами, а потому, что была бѣдна и ворчлива. Въ ней развито было, однако, чувство благодарности“. Екатерина, дѣйствительно, часто смѣялась шуткамъ придворныхъ надъ Анной Степановной и сама съ ней шутила, прозвавъ ее „Королевой Лото“, а себя „осеннимъ гонителемъ мухъ королевы“, при чемъ совѣтовала ей „оставлять дурное расположеніе духа въ своемъ кабинетѣ“. Отсюда не слѣдуетъ, однако, чтобы Протасова была, какъ увѣрялъ Мамоновъ, шутихой Екатерины; напротивъ, Императрица любила съ ней бесѣдовать и даже, какъ увѣряли злые языки, совѣтовалась съ ней предварительно на счетъ качествъ будущихъ фаворитовъ, полагаясь на ея вкусъ. Благодаря такой ея интимной близости къ Государынѣ, съ ней считались не только царедворцы, но и молодые претенденты на должность фаворита. Такъ, ненавидя Мамонова, Протасова поддерживала усердно кандидатуру Платона Зубова. Безгранично преданная Екатеринѣ, она оказывала ей важныя услуги, шпіонила за Гатчинскимъ дворомъ и, какъ говорятъ, воспитывала двухъ дочерей Григорія Орлова, дѣвицъ Алексѣевыхъ.

На прилагаемомъ портретѣ графиня А. С. Протасова изображена со своими 5 племянницами, дочерьми Петра Степановича Протасова.

(Съ портрета Анжелики Кауфманъ; собственность князя С. И. Васильчикова, въ С.-Петербургѣ.)

La comtesse **ANNE STÉPANOWNA PROTASSOFF**, 1745—1826, fille du sénateur Stéphane Protassoff (1703—1767) et de sa seconde femme, Anysie Orloff (1721—1775), fut faite demoiselle d'honneur sur la recommandation de Grégoire Orloff, dont elle était cousine issue de germain. Elle était laide, et, par surcroît, sans fortune: aussi n'est-il guère étonnant qu'elle n'ait pu trouver un mari à la Cour; encore les jeunes gens ne dédaignaient-ils pas, au témoignage de Garnowsky, „de faire la cour à ce parti mûr et peu attrayant pour s'assurer au besoin sa protection", ce qui faisait jaser les mauvaises langues. Catherine voulait, dit-on, la marier au comte Arcade Morkoff, mais celui-ci refusa, en ajoutant malicieusement, comme à son habitude: „Elle est laide; moi, je suis affreux" (il était marqué de la petite vérole): „nous ne serions bons qu'à défigurer l'espèce humaine". L'Impératrice l'eut bientôt prise si fort en affection, qu'elle en fit la compagne inséparable de tous ses déplacements et la confidente de ses secrets intimes. En 1784, elle fut faite demoiselle à portrait, „avec portrait d'une grande richesse", et avec toute une maison de pages de la chambre. Sa table était servie „par les cuisines Impériales dans de la vaisselle dorée", et en outre elle dînait presque chaque jour chez l'Impératrice. La mort de Catherine fut pour elle un coup terrible: elle resta vingt-quatre heures sans sortir de la chambre où sa bienfaitrice était à l'agonie, et assista à ses derniers moments. Sous Paul Ier, elle conserva sa situation à la Cour, en partie grâce au mariage d'une de ses nièces avec le comte Rostoptchine, favori du Souverain: elle eut toujours au Palais ses appartements avec la table, reçut l'ordre de Ste-Catherine de 2e classe, une pension et mille têtes de serfs dans les gouvernements de Voronèje et de St-Pétersbourg. Lors du couronnement d'Alexandre Ier, elle fut élevée à la dignité de comtesse: le titre fut étendu, sur sa demande, à trois de ses nièces non mariées, ainsi qu'à la postérité de son frère, le brigadier Alexandre Protassoff. Elle resta première demoiselle d'honneur honoraire à la Cour de l'Impératrice Marie Féodorowna, qui la tenait en affection particulière, et se concilia en même temps les bonnes grâces de l'Impératrice Elisabeth Alexéewna, dont elle devint une intime. Une maladie des yeux, qui lui fit perdre entièrement la vue malgré une opération subie sans succès à Bonn en 1816, l'obligea à faire de longs et fréquents voyages à l'étranger pour consulter les oculistes en renom; pourtant sa cécité complète ne l'empêcha nullement de paraître à la Cour. La comtesse Protassoff mourut à St-Pétersbourg le 12 avril 1826, à l'âge de 81 ans, et fut inhumée au monastère d'Alexandre Newsky, dans l'église du St-Esprit.

„Affreuse et noire comme une reine de Tahiti", mais non sans une certaine majesté dans son maintien, d'un embonpoint excessif dans sa vieillesse, la comtesse Protassoff avait quelque chose des idées philosophiques et du „voltairianisme" de son Impériale protectrice. Vaniteuse et hautaine, avec son goût exagéré pour la parure et les bijoux, avec son caractère exigeant, elle excita à l'étranger la curiosité générale par son humeur remuante, ses costumes extraordinaires et son ostentation démesurée. Au fond, c'était une excellente personne.

„Si la comtesse Protassoff", dit la comtesse Golovine dans ses Souvenirs, „fut des intimes de l'Impératrice, ce n'était pas qu'elle fût son amie personnelle ou qu'elle eût des qualités supérieures: c'est parce qu'elle était pauvre et grognon. Elle avait pourtant bien le sentiment de la reconnaissance". Catherine, en effet, riait souvent des plaisanteries qu'on faisait à sa demoiselle d'honneur, et la plaisantait, elle aussi, l'appelant „la Reine Loto", se surnommant elle-même „le chasse-mouches de la Reine pendant la saison", et lui conseillant „de laisser sa mauvaise humeur dans son cabinet". Mais il ne suit pas de là, comme le prétend Mamonoff, que la comtesse eût été la bouffonne de Catherine, qui, au contraire, aimait causer avec elle, et même, à en croire les mauvaises langues, la consultait à l'avance sur les mérites de ses futurs favoris et s'en rapportait à son goût. Son intimité avec l'Impératrice lui donna de l'importance non seulement pour les personnages en cour, mais encore pour les jeunes prétendants à la dignité de favoris: ainsi, elle détestait Mamonoff et soutint énergiquement la candidature de Zouboff. D'un dévouement sans bornes pour Catherine, elle lui rendit d'importants services, espionna la Cour de Gatchina, et éleva, dit-on, les deux filles de Grégoire Orloff, les demoiselles Alexéeff.

Le portrait ci-joint la représente avec ses cinq nièces, filles de Pierre Stépanowitch Protassoff.

(D'après un original d'Angélique Kaufmann, appartenant au prince S. Vassiltchikoff, St-Pétersbourg.)

Библиотека
Пермской Областной
Художественной Галереи
№ 3966

Пис. Анжелика-Кауфманъ

Графиня Анна Степановна Протасова, 1745-1826,
съ ея племянницами Протасовыми

Peint par Angelique-Kauffmann

La C^sse Anne Stépanowna Protassoff, 1745-1826,
avec ses nièces les D^lles Protassoff

РУССКИЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES

Экспед. Загот. Госуд. Бумаг. — Manufacture des papiers de l'Etat.

БИБЛИОТЕКА
Пермской областной
Художественной Галереи
№ 3965

АННА ИВАНОВНА ПЛЕЩЕЕВА, 177 .—1817, была младшая изъ двухъ дочерей генералъ-фельдмаршала по флоту графа Ивана Григорьевича Чернышева и второй жены его Анны Александровны, рожденной Исленьевой. Послѣ смерти матери, она сопровождала больного отца въ Италію и одна съ братомъ своимъ оставалась съ нимъ въ Римѣ все время предсмертной его болѣзни. Положеніе ея было не изъ легкихъ, и старшая сестра ея, Вадковская, очень была озабочена желаніемъ перевезти ее въ Петербургъ, несмотря на всю трудность разлучить умирающаго отца „съ его послѣднею отрадою, меньшою дочерью, которую онъ очень любилъ“. Послѣ смерти отца, молодая графиня Чернышева, будучи (съ 1791 г.) фрейлиною Екатерины II, появилась при Петербургскомъ дворѣ. Крайне непріятный случай, о которомъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ Вигель, приключившійся съ нею при дворѣ и ставшій извѣстнымъ Императору Павлу, побудилъ Государя приказать поскорѣе пріискать ей жениха. Таковымъ явился Александръ Алексѣевичъ Плещеевъ, молодой человѣкъ, служившій въ гвардіи. „Плещеевъ“, говоритъ Вигель, „былъ вхожъ въ домъ ея родителя; за него перваго взялись, и онъ тутъ очень кстати случился. Послѣ того молодые супруги удалились въ Орловскую губернію и при жизни ея никогда больше не возвращались въ Петербургъ“. „Въ сельское убѣжище перенесли они часть столичныхъ забавъ, къ коимъ пріучена была ея знатность: сюрпризамъ, домашнимъ спектаклямъ, fêtes champêtres, маскарадамъ конца не было. Только брачныя узы забавнику, какъ говорятъ, не всегда казались забавны: онѣ были блестящія и столь же тяжкія для него оковы“. Это не мѣшало имъ жить дружно, и мужъ горько оплакивалъ ея кончину. „Онъ привезъ жену свою лѣчить изъ деревни въ Орелъ; не успѣлъ провѣдать о жилищѣ его“, пишетъ авторъ „Кашица сердца“, „какъ, идучи мимо, увидѣлъ вдругъ катафалкъ и тѣло жены его; она только-что передъ тѣмъ испустила духъ. Я тотчасъ же бросился его навѣстить и живѣйшее принялъ въ немъ участіе; онъ не былъ къ нему холоденъ, и мы вмѣстѣ сливали горькія наши слезы: я о прошедшемъ, онъ о настоящемъ“.

А. И. Плещеева умерла 20 Іюня 1817 года, и тотъ же князь И. М. Долгорукій въ своемъ „Дневникѣ путешествія въ Кіевъ“ пишетъ: „Вотъ и Плещеева — сіе дитя, родившееся для блаженства, балованное отцомъ и матерью, дочь знаменитаго человѣка въ Россіи, отродье Чернышевыхъ, объѣхавшая всю Италію и Германію, обогащенная науками, искусствами, умомъ и всѣми дарами природы, вотъ, по человѣческимъ расчетамъ, дѣтище слѣпой фортуны! И сія-то счастливая женщина, проживши въ глухой деревнѣ женою коллежскаго асессора Плещеева почти все время своего супружества, близъ 17 лѣтъ, осужденная мучиться ревностью къ мужу, моложе себя и непригожей наружности, хотя умному и просвѣщенному, пріѣхала, наконецъ, куда же? въ Орелъ, томиться недугомъ водяной и умереть сухоткой“...

Будучи женой племянника Жуковскаго и двоюроднаго брата сестеръ Протасовыхъ, А. И. Плещеева, „Нина“, была очень близка и любима въ этой семьѣ. Она была, вопреки желанію матери Протасовой, посредницей въ перепискѣ Маріи Андреевны Протасовой (позднѣе Мойеръ) съ любившимъ ее дядей, повѣренной тайнъ влюбленныхъ и искренно покровительствовала чистому и глубокому чувству поэта къ первому и послѣднему предмету его идеальной любви. И „Маша“, и Жуковскій любили „Нину“. Пріѣхавъ черезъ 5 дней послѣ кончины А. И. Плещеевой въ Чернь, М. А. Мойеръ пишетъ Жуковскому: „Другъ мой, я читала съ самой живѣйшей благодарностью къ Богу и къ тебѣ письмо твое къ нашему милому, несравненному Плещееву. Ты умѣлъ своей дружбой облегчить наше состояніе, и Плещеевъ стоитъ ея. Я его теперь точно полюбила гораздо больше. Нашъ ангелъ Нина не умерла для него, его поступки и любовь къ ней, которая, если возможно, еще усилилась, облегчаютъ участь его состоянія. Горесть его сильна и непритворна. Онъ живетъ въ Черни, на ея могилѣ; она погребена возлѣ дѣтей. Бѣдныя дѣти! Варвара будетъ другая Анна Ивановна; она такъ мила, такъ примѣчательна, что узнаю въ ней ангела — мать ея“. А. И. Плещеева была поэтической натурой, столь типичной представительницей своего времени: она была „чувствительна“, сентиментальна, практична въ жизни, такъ что мужъ „привыкъ не думать о завтра“, она играла, пѣла, рисовала. Когда Жуковскій написалъ пѣснь „Минувшихъ дней очарованье“, онъ сообщалъ въ Ноябрѣ 1818 г. А. П. Елагиной: „Она (пѣснь) написана для Вадковской, которая лицомъ и голосомъ (когда поетъ) похожа на Анну Ивановну. Натурально, что съ этимъ лицомъ и съ этимъ голосомъ тѣсно связано прошлое“.

(Съ портрета Анжелики Кауфманъ; собственность А. А. Плещеева, въ Москвѣ.)

9

ANNE IVANOWNA PLECHTCHÉEFF, 177.—1817, la plus jeune des deux filles du comte Ivan Grigoriewitch Tchernycheff, feld-maréchal de la flotte, et de sa seconde femme, Anne Alexandrowna, née Isléneff. A la mort de sa mère, elle conduisit en Italie son père malade, dont elle fut avec son frère l'unique soutien durant sa dernière maladie. La situation était pénible, et sa sœur Mme Vadkowsky eut fort à cœur de la faire revenir à Pétersbourg, tout douloureux qu'il pouvait être d'enlever au mourant „sa suprême consolation, sa fille cadette, qu'il aimait beaucoup". A la mort de son père, la jeune comtesse Tchernycheff, demoiselle d'honneur de Catherine II depuis 1791, parut à la Cour de Pétersbourg, et là, la fâcheuse mésaventure dont parle Wiegel parvint à la connaissance de l'Empereur, qui s'empressa de lui faire trouver un mari. Ce fut un jeune officier de la Garde, Alexandre Alexéewitch Plechtchéeff, „habitué de la maison de ses parents, sur lequel", dit Wiegel, „le choix se porta, et qui se trouva là fort à propos. Les nouveaux mariés partirent pour le gouvernement d'Orel; Mme Plechtchéeff ne devait jamais revenir à Pétersbourg". „Dans cette retraite, elle emporta avec elle une partie des distractions dont elle avait pris l'habitude dans le grand monde: ce n'étaient que surprises, spectacles, fêtes champêtres, bals masqués. Il n'y avait que les liens du mariage, dit-on, qui n'amusaient pas toujours l'amuseur, et furent pour lui des chaînes aussi lourdes que dorées". La bonne entente n'en souffrait pas, et la perte de la jeune femme fut pour le mari une amère douleur. „Il l'amena à Orel pour la soigner. Je n'avais pas encore eu le temps de l'y découvrir", dit l'auteur du Sanctuaire de mon cœur, „que j'aperçois tout à coup en passant un catafalque et sa femme exposée: elle venait de mourir. Je m'empressai d'aller lui dire la part chaleureuse que je prenais à son malheur; il n'y fut pas insensible, et nous versâmes ensemble des larmes amères, moi sur le passé, lui sur le présent".

Mme Plechtchéeff mourut le 20 juin 1817, et le même prince I. Dolgorouky dit dans son Journal de voyage à Kieff: „Cette Mme Plechtchéeff, née pour être heureuse, choyée de son père et sa mère, fille d'un homme célèbre en Russie, rejeton des Tchernycheff, avec tous ses voyages en Italie et en Allemagne, tout son bagage scientifique et artistique, tout son esprit et ses dons naturels, voilà ce qu'on appelle dans la vie un enfant gâté de l'aveugle fortune! Et cette heureuse personne, enfouie au fond de sa campagne près de dix-sept ans, presque tout le temps de son mariage avec l'assesseur Plechtchéeff, torturée de jalousie pour un mari plus jeune qu'elle et pas beau, quoique intelligent et instruit, où est-elle venue s'échouer? A Orel, languir dans l'hydropisie et finir de consomption!"...

Par son mari nièce de Joukowsky et cousine germaine des sœurs Protassoff, Mme Plechtchéeff, Nina, était intime et fort aimée dans cette famille. Elle fut dans le secret de l'amour de Joukowsky pour sa nièce Marie Protassoff (plus tard Mme Moyer), prêta en dépit de Mme Protassoff son entremise à leur correspondance et favorisa sincèrement le pur et profond sentiment du poète pour l'objet de son premier et dernier amour. Nina était également chérie de Macha et de Joukowsky. Arrivée à Tchern cinq jours après sa mort, Mme Moyer écrit à Joukowsky: „Mon ami, j'ai lu, et j'en rends grâces à Dieu et à toi, ta lettre à notre cher et incomparable Plechtchéeff. Ton amitié nous a été d'un grand soulagement, et Plechtchéeff en est bien digne. Il me semble que je l'aime maintenant bien davantage. Notre ange Nina n'est pas morte pour lui; ses procédés et son amour pour elle, qui n'a fait qu'augmenter, si l'on peut dire, font sa consolation. Sa douleur est profonde et vraie. Il habite à Tchern, sur son tombeau; elle est inhumée près de ses enfants. Pauvres enfants! Varvara sera tout comme son ange de mère: elle est si gentille, si intéressante!" Nature poétique, Mme Plechtchéeff était bien le type de la femme du temps, „sensible", sentimentale, entendue à la vie pratique au point de dispenser son mari de „penser au lendemain", sachant la musique, le chant, le dessin. Joukowsky, en composant sa chanson „Charme des jours passés", écrivait en novembre 1818 à Mme E. Elaguine: „Je l'écris pour Mme Vadkowsky, dont le visage et le chant rappellent tant sa sœur! Et naturellement l'un et l'autre nous reportent à tout un passé!"

(D'après un original d'Angélique Kaufmann, appartenant à A. Plechtchéeff, Moscou.)

Пис: А. Кауфманъ

Анна Ивановна
Плещеева, 1753-1817

Peint par Angélique Kauffmann

Anne Ivanowna
Plechtchéeff, 1753-1817

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи

10

АЛЕКСѢЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ НАРЫШКИНЪ, 1742—1800, сынъ генералъ-поручика, Новгородскаго губернатора Василія Васильевича Нарышкина (р. 30 Мая 1712 г., † 20 Января 1779 г.), отъ второго его брака съ Анной Ивановной Паниной (р. 1723 г., † 10 Сентября 1780 г.), родился 4 Августа 1742 года; онъ получилъ хорошее образованіе въ родительскомъ домѣ, чему содѣйствовало руководство просвѣщеннаго архіепископа Псковскаго Иннокентія.

Нарышкинъ началъ службу въ Измайловскомъ полку и въ 1761 г. былъ произведенъ въ прапорщики, а въ 1764 г. изъ поручиковъ, покровительствуемый своими дядями Паниными, Нарышкинъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры и опредѣленъ въ Сенатъ за оберъ-прокурорскій столъ. Нарышкинъ сопровождалъ Екатерину II въ ея путешествіи по Волгѣ и перевелъ 2 главы изъ „Велизарія“ Мармонтеля. Избранный въ депутаты отъ Псковской губерніи, Нарышкинъ въ засѣданіяхъ Комиссіи для составленія проекта Уложенія проявилъ необыкновенно энергичную дѣятельность и показалъ свои свѣдѣнія въ законахъ и ораторскія способности. Затѣмъ онъ путешествовалъ по Европѣ, а въ 1774 году былъ пожалованъ въ камергеры и посланъ съ дипломатической миссіей въ Стокгольмъ; въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ правителемъ Псковскаго намѣстничества. Въ этой должности Нарышкинъ пробылъ до 1783 г., когда, 24 Ноября, пожалованъ былъ сенаторомъ. Съ 1785 по 1787 г. ему поручена была Екатериной II, цѣнившей его опытность и познанія, ревизія по всей Россіи присутственныхъ мѣстъ, при чемъ попутно ему повелѣно было обращать особенное вниманіе на состояніе торговли и промышленности. Въ то же время Нарышкинъ былъ сдѣланъ, въ 1786 г., членомъ Комиссіи о построеніи новыхъ городовъ. Отставленный въ 1798 г. Павломъ I отъ службы, Нарышкинъ уѣхалъ за границу на воды и тамъ занялся писаніемъ на французскомъ языкѣ философскихъ разсужденій.

А. В. Нарышкинъ умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника, имѣя ордена св. Владиміра 2-й ст. и св. Анны 1-й ст., 20 Августа 1800 г., не будучи женатъ.

Человѣкъ чрезвычайно образованный для своего времени, Нарышкинъ въ молодости былъ поэтомъ, писалъ пѣсни, стихи, эпиграммы и сатиры. За свои ученыя заслуги онъ былъ избранъ 2 Октября 1787 г. въ члены Академіи Наукъ и въ то же время былъ членомъ Россійскаго собранія при Московскомъ университетѣ и Вольнаго Экономическаго общества.

(Съ портрета Анжелики Кауфманъ; собственность Е. А. Ефимовской, въ С.-Петербургѣ.)

10

ALEXIS VASSILIEWITCH NARYCHKINE, 1742—1800, fils du général lieutenant et gouverneur de Novgorod Basile Vassiliewitch Narychkine (30 mai 1712—20 janvier 1779) et de sa seconde femme Anne Ivanowna, née Panine (1723—10 septembre 1780), naquit le 4 août 1742. Il reçut dans sa famille une solide instruction, à laquelle contribua la direction éclairée de l'archevêque de Pskoff, Innocent.

Enrôlé au régiment Izmaïlowsky, et promu porte-enseigne en 1761, il était lieutenant, lorsqu'en 1764, la protection de ses oncles Panine lui firent obtenir la dignité de gentilhomme de la chambre et un emploi au Sénat, au bureau du procureur général. Il accompagna Catherine II dans son voyage sur le Volga, et traduisit deux chapitres du Bélisaire de Marmontel. Député du gouvernement de Pskoff à la Commission du projet de Code, il y déploya une grande énergie et se fit apprécier comme jurisconsulte et orateur. Il alla ensuite voyager en Europe, puis, en 1774, fut fait chambellan et chargé d'une mission diplomatique à Stockholm. Nommé l'année suivante administrateur de la lieutenance de Pskoff, il y resta jusqu'à sa nomination de sénateur le 24 novembre 1783. De 1785 à 1787, il se vit confier par Catherine II, qui faisait grand cas de son expérience et de ses talents, une inspection des services de l'Etat dans toute la Russie, avec ordre de noter en passant l'état du commerce et de l'industrie. En même temps il était fait, en 1786, membre de la Commission de construction de villes nouvelles. Destitué par Paul Ier en 1798, il partit prendre les eaux à l'étranger, et y écrivit des ouvrages de philosophie en français.

Narychkine mourut conseiller privé, chevalier de St-Vladimir de 2e classe et de Ste-Anne de 1e classe, le 20 août 1800, sans alliance.

Fort instruit pour son temps, Narychkine fut poète dans sa jeunesse, et composa des chansons, des poésies, des épigrammes et des satires. Ses mérites scientifiques le firent élire à l'Académie des Sciences le 2 octobre 1787; il fut aussi membre de la Société Russe près l'Université de Moscou et de la Société Economique Libre.

(D'après un original d'Angélique Kaufmann, appartenant à Mme Efimowsky, St-Pétersbourg.)

Пис. А. Кауфманъ

Алексѣй Василіевичъ
Нарышкинъ, 1742-1800

Peint par Angélique Kauffmann

Alexis Vassiliewitch
Naryckkine, 1742-1800

РУССКІЕ RUSSES ПОРТРЕТЫ PORTRAITS

БИБЛИОТЕКА
Пермской
Дирекции

11

Графиня **СОФІЯ ѲЕДОРОВНА СЕГЮРЪ**, 1799—1874, дочь графа Ѳедора Васильевича Ростопчина (р. 1765 г., † 1826 г.) отъ брака его съ Екатериной Петровной Протасовой († 1859 г.), жена графа Евгенія Сегюра (р. 1798 г.), родилась 19 Іюля 1799 года. Воспріемникомъ ея при крещеніи былъ Императоръ Павелъ I. Она получила прекрасное домашнее образованіе. Дѣтство свое, отъ 7 до 12 лѣтъ, прожила въ деревнѣ (въ с. Вороновѣ), что очень содѣйствовало ея здоровью: даже въ тревожные дни осенью 1812 г. дѣвочка, несмотря на свои 13 лѣтъ, не обнаружила никакой нервной впечатлительности и спокойно продолжала ѣсть пирожокъ, когда отецъ объявилъ объ опасности, грозившей Москвѣ. Въ раннемъ дѣтствѣ „Софалетта", какъ ее называли домашніе, была очень забавна и играла роль маленькаго домашняго шута; уже тогда любила она сочинять различные разсказы. Нравственно и физически она напоминала отца. Гибкая и стройная, Софія Ѳедоровна не обладала правильными чертами лица, но выраженіе его было привѣтливое и доброе. Она не умѣла скрывать своихъ чувствъ и отличалась откровенностью и насмѣшливостью; отъ отца унаслѣдовала она и остроуміе. Но на духовное развитіе дочери больше вліянія оказала мать, увлекшая ее за собою въ католичество.

По окончаніи Наполеоновскихъ войнъ Ростопчины поселились въ Парижѣ, и здѣсь молодая графиня вела веселую свѣтскую жизнь. Черезъ С. П. Свѣчину познакомилась она съ графомъ Сегюромъ и вышла за него замужъ 14 Іюля 1819 года. Послѣ замужства жизнь ея протекала самымъ тихимъ и мирнымъ образомъ; любимымъ ея мѣстопребываніемъ былъ замокъ Нуэтъ, въ Нормандіи, купленный ею за 100/т. франковъ, которые подарилъ графъ Ростопчинъ на его покупку. Графиня очень хорошо относилась къ окрестнымъ крестьянамъ; они ее полюбили и называли „bonne Sophie". У нея было 8 человѣкъ дѣтей, 4 сына и 4 дочери, которымъ она всецѣло себя посвятила. Сохраняя до глубокой старости жизнерадостное настроеніе, графиня Сегюръ раздѣляла со своими дѣтьми ихъ игры и забавы.

Благодаря дѣтямъ же, она сдѣлалась писательницей. Тяжелый недугъ уложилъ ее на 13 лѣтъ въ постель, но она попрежнему сохраняла свое веселое настроеніе, ни на что не жаловалась и безпокоилась только о дѣтяхъ. Она не могла больше съ ними играть, но зато постоянно собирала ихъ вокругъ себя и разсказывала имъ. Впослѣдствіи дѣти выросли, обзавелись своими семьями, и уже внуки стали ежегодно съѣзжаться къ доброй бабушкѣ слушать ея сказки и повѣсти. Только въ 1856 г., по совѣту Евгенія Сю, графиня стала печатать свои произведенія. Сочиненія графини Сегюръ, обнаружившія ея литературный талантъ и большую наблюдательность, написанныя прекраснымъ французскимъ языкомъ, живымъ и яснымъ, имѣли огромный успѣхъ, выдержали много изданій и были переведены на многіе иностранные языки. Нѣсколько поколѣній русскихъ дѣтей зачитывались произведеніями своей соотечественницы и въ переводѣ, и въ оригиналѣ, и до сихъ поръ продолжаютъ ихъ читать. Русской жизни касается только одна повѣсть графини Сегюръ: „Le général Dourakine", но и та запрещена у насъ.

Софія Ѳедоровна Ростопчина вошла въ семью, которая дала Франціи многихъ выдающихся государственныхъ людей и писателей. Литературныя дарованія Сегюровъ и самой Софіи Ѳедоровны перешли и къ нѣкоторымъ изъ ея потомковъ: дочери ея, виконтесса Питре и г-жа Френо, и внучка, маркиза Муссакъ,— дѣтскія писательницы, сыновья ея: Луи-Гастонъ (р. 1820 г., † 1881 г.)—архіепископъ и духовный писатель, а Анатолій-Генрихъ-Филиппъ (р. 1822 г., † 1902 г.)—поэтъ; внукъ, маркизъ Сегюръ (р. 1853 г.)—историкъ и членъ Французской Академіи. Графиня Софія Ѳедоровна Сегюръ скончалась въ 1874 году. Въ 1908 году въ Парижѣ, въ Люксембургскомъ саду ей поставленъ памятникъ.

(Съ портрета Тончи; принадлежалъ въ 1902 г. князю П. А. Голицыну, въ Москвѣ.)

11

La comtesse **SOPHIE FÉODOROWNA de SÉGUR**, 1799—1874, fille du comte Théodore Vassiliewitch Rostoptchine (1765—1826) et de Catherine Pétrowna, née Protassoff († 1859), et femme du comte Eugène de Ségur (né 1798), naquit le 19 juillet 1799. Elle eut pour parrain l'Empereur Paul Ier, et reçut dans sa famille une excellente éducation. De sept à douze ans, elle resta à la campagne (à Voronovo), dont le séjour fut excellent pour sa santé: même aux jours d'alarme de l'automne 1812, la fillette, malgré ses treize ans, ne manifesta aucune nervosité, et continua tranquillement de manger son gâteau quand son père lui fit part du danger qui menaçait Moscou. Toute petite fille, Sofaletta, comme on l'appelait dans la maison, était amusante au possible et jouait le rôle d'un petit bouffon; alors déjà elle aimait à inventer des petites histoires. Elle ressemblait à son père au physique et au moral. Souple et élancée, son visage, malgré l'irrégularité des traits, respirait l'affabilité et la bonté. Franche et moqueuse, elle était incapable de dissimuler ses sentiments, et avait hérité de l'esprit de son père. Mais ce fut surtout sa mère, qui l'entraîna dans le catholicisme, qui présida à son développement moral.

Après les guerres de Napoléon, les Rostoptchine se fixèrent à Paris, où la jeune comtesse mena une joyeuse vie mondaine. Mme Svetchine lui fit faire la connaissance du comte de Ségur, qu'elle épousa le 14 juillet 1819. Elle eut une vie de famille des plus douces et des plus calmes. Sa résidence préférée était le château des Nouettes, en Normandie, que son père lui avait acheté pour cent mille francs. Elle était excellente pour les paysans des environs, qui l'aimaient beaucoup et l'appelaient la bonne Sophie. Elle eut huit enfants, quatre fils et quatre filles, auxquels elle se consacra tout entière, se mêlant à leurs jeux et à leurs amusements et conservant tout son entrain en dépit de l'âge.

C'est à ses enfants qu'elle dut d'être écrivain. Clouée treize ans sur son lit par une douloureuse maladie, elle n'en conserva pas moins toute sa gaieté d'humeur, ne se plaignant pas et ne songeant qu'à eux. Hors d'état de continuer à jouer avec eux, elle les réunissait constamment autour d'elle pour leur raconter des histoires. Devenus grands, ils eurent à leur tour leurs familles, et ce furent alors les petits-enfants qui vinrent tous les ans voir la grand'mère et écouter ses récits. Ce n'est qu'en 1856 que, sur le conseil d'Eugène Sue, la comtesse commença à publier ses œuvres, qui témoignent d'un vrai mérite littéraire et d'un grand talent d'observation, et qui, écrites dans un excellent français vif et clair, obtinrent un succès considérable, eurent de nombreuses éditions et furent traduites en plusieurs langues. Elles firent les délices, tant en russe qu'en français, de quelques générations d'enfants russes, et n'ont encore rien perdu de leur vogue. Des ouvrages de la comtesse de Ségur, un seul, d'ailleurs interdit en Russie, a trait à la vie russe, Le Général Dourakine.

La famille de Ségur a donné à la France plusieurs hommes d'état et écrivains célèbres. En particulier, quelques-uns des descendants de la comtesse héritèrent de son talent littéraire; ses filles, la vicomtesse de Pitray et Mme Fresneau, et sa petite-fille la marquise de Moussac, sont auteurs d'ouvrages pour les enfants. Nommons aussi ses fils, Louis-Gaston (1820—1881), archevêque et écrivain spirituel, et Anatole-Henri-Philippe (1822—1902), poète, et son petit-fils le marquis de Ségur (né 1853), historien et membre de l'Académie Française.

La comtesse de Ségur mourut en 1874. Un monument lui a été élevé à Paris, au Jardin du Luxembourg, en 1908.

(D'après un original de Tonci, ayant appartenu en 1902 au prince P. Golitzyne, Moscou.)

Пис: Тончи

Графиня Софія Оеодоровна
Сегюръ, 1799-1874

Peint par Tonci

La Csse Sophie Féodorowna
de Ségur, 1799-1874

РУССКІЕ RUSSES PORTRAITS ПОРТРЕТЫ

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи
№ 3466

12

Графъ ѲЕДОРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ РОСТОПЧИНЪ, 1765—1826, первый графъ этой дворянской фамиліи, сынъ Орловскаго помѣщика капитана Василія Ѳедоровича, родился 12 Марта 1765 года (см. т. I, № 12). Въ молодости онъ много путешествовалъ за границей, гдѣ слушалъ лекціи въ Лейпцигскомъ университетѣ. Обладая блестящимъ умомъ и рѣдкимъ остроуміемъ, Ростопчинъ пріобрѣлъ наружный лоскъ и образованіе, красно говорилъ и умѣлъ подмѣтить и представить все смѣшное; это создало ему, несмотря на значительную пустоту, репутацію въ Петербургскомъ обществѣ человѣка съ громаднымъ и едва ли не государственнымъ умомъ. При Екатеринѣ II онъ не занималъ виднаго поста и только въ 1791 г. съ графомъ Безбородко ѣздилъ въ Константинополь для переговоровъ о мирѣ. Камергеръ Гатчинскаго двора, онъ „забавлялъ и развлекалъ своими выдумками“ скучавшаго Великаго Князя и сумѣлъ заслужить его расположеніе, не теряя связей чрезъ фрейлину Протасову и при Большомъ дворѣ. Зная его нравственныя качества, Екатерина II давала ему полную свободу разыгрывать въ Гатчинѣ роль преданнѣйшаго слуги недовольнаго Наслѣдника престола. Назначенный генералъ-адъютантомъ въ первый день царствованія Павла, пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ Государя, Ростопчинъ скоро сдѣланъ дѣйств. тайнымъ совѣтникомъ, канцлеромъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, графомъ Россійской Имперіи (22 Февраля 1799 г.), членомъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, а затѣмъ въ ней первоприсутствующимъ и членомъ Совѣта Императора. Близкій человѣкъ и союзникъ Кутайсова, личный врагъ Нелидовой, онъ былъ ненавистенъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Всецѣло погруженный въ омутъ придворныхъ интригъ, въ концѣ царствованія Павла уволенный отъ всѣхъ должностей, онъ уѣхалъ въ Москву и здѣсь получилъ извѣстіе о трагической кончинѣ своего благодѣтеля, которому подъ конецъ сталъ „противенъ“ своимъ характеромъ. Великій человѣкъ на малыя дѣла, интриганъ, способный на все честолюбецъ, Ростопчинъ только таковымъ и остался бы, если бы судьбою не былъ назначенъ наканунѣ Отечественной войны главнокомандующимъ въ Москвѣ. На этомъ посту онъ не проявилъ, однако, ни государственнаго ума, ни способностей администратора, поставленнаго, впрочемъ, въ исключительно трудныя условія, зато внесъ много несимпатичныхъ чертъ присущаго ему характера: величайшее самомнѣніе, исключительный эгоизмъ, безсмысленное бахвальство, сдѣлавшее его авторомъ безцѣльныхъ „афишъ“, извѣстныхъ только въ Москвѣ и сильно отзывавшихся столь присущимъ ему гаерствомъ и дозой политическаго шарлатанства. Осенью 1812 г. горѣвшая регулярно въ теченіе столѣтій, совершенно безпомощная въ противопожарномъ отношеніи, опустѣвшая Москва въ послѣдній разъ сгорѣла почти до тла, при особенно благопріятныхъ условіяхъ непріятельскаго вторженія. Молва, подтверждаемая бюллетенями самого Наполеона, приписала сожженіе Москвы мудрости и энергіи главнокомандующаго. Ростопчинъ, драпируясь въ тогу героя, долго подтверждалъ или молчаливо не отвергалъ этого патріотическаго акта, даже намекалъ на него въ письмахъ къ Государю. Уволенный отъ должности главнокомандующаго 30 Августа 1814 г., съ назначеніемъ членомъ Государственнаго Совѣта, обиженный, недостаточно, по его мнѣнію, вознагражденный, Ростопчинъ уѣхалъ за границу и поселился въ Парижѣ, гдѣ удивлялъ французовъ своимъ остроуміемъ и начитанностью, между тѣмъ какъ молва во Франціи говорила, что онъ варваръ и необразованный мужикъ; уѣзжая обратно въ Россію, онъ увозилъ съ собою собраніе картинъ и предметовъ искусства на пополненіе рѣдкостей, сгорѣвшихъ въ его Вороновѣ, и написалъ пріятную французамъ брошюру „Правда о пожарѣ Москвы“, въ которой увѣрялъ, что пожаръ Москвы дѣло случая, поджоговъ, вихря, и что теперь онъ „сказалъ правду, и одну только правду!“ Говоря о Московскомъ пожарѣ, авторъ пишетъ: „Я всегда представляемъ потомству и исторіи, какъ изобрѣтатель такого происшествія, которое, по принятому мнѣнію, было главнѣйшей причиною истребленія непріятельскихъ армій, паденія Наполеона, спасенія Россіи и освобожденія Европы. Безъ сомнѣнія, есть чѣмъ возгордиться отъ такихъ прекрасныхъ названій; но, не присвоивая себѣ никогда правъ другого и соскучась слышать одну и ту же басню, я рѣшаюсь говорить правду, которая одна должна руководствовать исторіею. Было бы несправедливо этому не вѣрить, ибо я отказываюсь отъ прекраснѣйшей роли эпохи и самъ разрушаю зданіе своей знаменитости“.

Графъ Ѳ. В. Ростопчинъ послѣдніе годы жилъ въ Москвѣ; скончался 18 Января 1826 года и погребенъ на Пятницкомъ кладбищѣ.

(Съ портрета С. Тончи; собственность Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Le comte **THÉODORE VASSILIEWITCH ROSTOPTCHINE**, 1765—1826, premier comte de ce nom, fils du capitaine et propriétaire au gouvernement d'Orel Basile Théodorowitch Rostoptchine, naquit le 12 mars 1765 (v. T. I, № 12). Il fit dans sa jeunesse de grands voyages à l'étranger et suivit les cours de l'université de Leipzig. Fort intelligent et infiniment spirituel, il se passa un vernis d'instruction tout superficiel, et, joignant au don de la parole l'art de saisir et de relever le moindre ridicule, se fit ainsi dans la société de Pétersbourg, en dépit d'une bonne dose d'insignifiance, une réputation de cerveau de première force, et, pour un peu, d'homme d'état. Il ne fut guère en vue sous Catherine II, et accompagna seulement en 1791 le comte Bezborodko chargé de négociations de paix à Constantinople. Chambellan de la Cour de Gatchina, il „amusait et distrayait par ses histoires" l'ennui du Grand-Duc, dont il sut se concilier la bienveillance, tout en maintenant le contact avec la Cour de Pétersbourg par l'intermédiaire de la demoiselle d'honneur Protassoff. L'Impératrice, qui savait ses qualités morales, le laissait entièrement libre de faire à Gatchina le serviteur dévoué du Césarewitch mécontent. Nommé général aide de camp le jour même de l'avènement de Paul, jouissant près de lui d'une confiance sans bornes, il ne tarda pas à devenir conseiller privé actuel, chancelier de l'ordre de Saint-Jean-de-Jérusalem, comte de l'Empire Russe (22 février 1799), membre, puis président du Collège des affaires étrangères, et enfin membre du Conseil Impérial. Intime et partisan de Koutaïssoff, ennemi personnel de Mlle Nélidoff, il était détesté de l'Impératrice Marie. Enlizé dans le bourbier des intrigues de Cour, il se vit à la fin du règne de Paul destitué de tous ses emplois, et se retira à Moscou: il y reçut la nouvelle de la fin tragique de son bienfaiteur, qu'il avait fini par „rebuter" par son caractère. Grand homme de pacotille, intrigant capable de tout par ambition, Rostoptchine n'aurait jamais été autre chose, si le sort ne l'avait fait la veille de la Guerre Patriotique commandant en chef de Moscou. A ce poste, dans des conditions, il est vrai, particulièrement difficiles, il ne se révéla ni homme d'état ni administrateur, et ne put que laisser percer en mainte occasion son peu sympathique caractère, une extrême présomption, un égoïsme rare, une vantardise insensée, inspiratrice de ses inutiles Affiches, qui ne circulèrent qu'à Moscou et où il montrait si bien le polichinelle qu'il était, non sans une bonne dose de charlatanisme politique. A l'automne de 1812, régulièrement dévastée par le feu dans tout le cours de son existence, toujours sans défense aucune contre le fléau, et de plus déserte, Moscou fut pour la dernière fois, et presque de fond en comble, la proie d'un incendie particulièrement favorisé par l'occupation ennemie. Une rumeur confirmée par Napoléon lui-même dans ses bulletins l'attribua à la sagesse et à l'énergie du commandant en chef, et Rostoptchine se drapa dans le patriotisme qui lui était taillé pour en revendiquer ou en accepter tacitement la responsabilité, y faisant même des allusions dans ses lettres à l'Empereur. Relevé de ses fonctions de commandant en chef le 30 août 1814 et nommé membre du Conseil de l'Empire, il se jugea méconnu et sacrifié, et partit pour Paris, où il fit l'étonnement général par le piquant de son esprit et l'étendue de ses connaissances, car on l'y prenait pour un barbare, pour un moujik ignorant. Il rapporta en Russie une collection de tableaux et d'objets d'art destinés à remplacer ceux qui avaient brûlé à Voronovo, et publia une brochure qui n'était pas pour déplaire aux Français, intitulée: La vérité sur l'incendie de Moscou, pour expliquer que l'incendie avait été accidentel, allumé par la malveillance et propagé par le vent, et que „telle était la vérité, toute la vérité". „On m'a toujours", dit-il, „représenté à la postérité et à l'histoire comme l'auteur de cet événement, généralement considéré comme la cause principale de l'extermination de l'ennemi, de la chute de Napoléon, du salut de la Russie et de l'affranchissement de l'Europe. Il y a sans doute de quoi être fier d'une imputation semblable! Mais comme je ne m'attribue jamais les droits d'autrui et que je suis excédé d'entendre toujours la même fable, je me décide à dire la vérité, qui doit être le seul guide de l'histoire. Il serait injuste de ne pas me croire, quand je me dépouille du plus beau rôle de l'époque et que je renverse moi-même le monument de ma célébrité".

Le comte Rostoptchine passa ses dernières années à Moscou; il mourut le 18 janvier 1826, et fut inhumé au cimetière Piatnitzky.

(D'après un original de S. Tonci, appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Пис: Тончи

Графъ Федоръ Васильевичъ
Ростопчинъ, 1765-1826

Peint par Tonci

Le Cte Théodore Vassiliewitch
Rostoptchine, 1765-1826

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Гал

Графиня **ЮЛІЯ ПАВЛОВНА САМОЙЛОВА**, 1803—1875, дочь генерала-отъ-кавалеріи графа Павла Петровича Палена (р. 1775 г., † 1834 г.), отъ перваго его брака съ графиней Маріей Павловной Скавронской, старшей дочерью графини Екатерины Васильевны Скавронской, племянницы Потемкина, рано лишилась материнскихъ заботъ: графиня Паленъ въ 1804 г. развелась съ мужемъ и затѣмъ вступила во второй бракъ съ графомъ А. П. Ожаровскимъ. Юлія воспитывалась въ домѣ бабушки, второй мужъ которой, бездѣтный графъ Литта, перенесъ на нее чисто отцовскую нѣжность и страстно къ ней привязался, особенно послѣ смерти въ 1829 г. любимой жены; графъ Литта завѣщалъ Юліи все свое колоссальное состояніе, часть котораго передалъ ей еще при жизни, когда она, будучи фрейлиной, вышла въ 1825 г. за флигель-адъютанта графа Николая Александровича Самойлова († 23 Іюля 1842 г.), оказавшагося, какъ и она, послѣднимъ въ родѣ, такъ какъ бракъ былъ бездѣтный. Разставшись съ мужемъ, „Алкивіадомъ того времени“, Самойлова одно время жила въ Славянкѣ, около Петербурга, доставшейся ей изъ рода Скавронскихъ. Самойлова была красива, умна, прелестна, обворожительно любезна, и въ ея Славянкѣ собирался цвѣтъ Петербургскаго общества. Легенда приписываетъ ей же починъ катаній на Стрѣлку, на Елагиномъ островѣ. Николай Павловичъ былъ недоволенъ постоянными собраніями въ Славянкѣ и предложилъ Самойловой продать ея дачу двору. Самойлова принуждена была исполнить желаніе Государя, но будто бы сказала при этомъ: „Ѣздили не въ Славянку, а къ графинѣ Самойловой, и, гдѣ бы она ни была, будутъ продолжать къ ней ѣздить“. Она начала кататься на Елагиномъ островѣ; туда стали пріѣзжать ея поклонники, а затѣмъ эти катанія на Стрѣлку вошли въ моду. Таково преданіе старожиловъ. Иначе о покупкѣ Славянки разсказываетъ другой современникъ, графъ Корфъ: „Графиня Самойлова, пользовавшаяся большой, но не совсѣмъ лестной репутаціей, по смерти перваго мужа вышла вторично за границей за иностранца, что лишило ее русскаго подданства и заставило продать недвижимыя имѣнія, въ томъ числѣ и „Графскую Славянку“, имѣніе истинно царское. Николай I велѣлъ купить ее, но покупка не состоялась, и графъ Воронцовъ-Дашковъ купилъ имѣніе; тогда Государь велѣлъ немедленно купить Славянку, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ родственникъ (по Скавронскимъ), имѣлъ право выкупа“. Второй мужъ, виновникъ продажи Славянки, былъ итальянскій пѣвецъ Пери († 1846 г.). О причинахъ разлада ея съ первымъ мужемъ говорили, что виной тому была близость графини съ Барантомъ-сыномъ, Тургеневъ же разсказываетъ такъ: „Литта рекомендовалъ Самойловымъ А. Я. Мишковскаго для управленія имѣніями. Мишковскій вошелъ въ довѣріе графа Самойлова и сдѣлался его сотоварищемъ въ кутежахъ; въ то же время онъ пріобрѣлъ милостивое расположеніе графини, что имѣло послѣдствіемъ разводъ супруговъ. Самойлова дала Мишковскому заемныхъ писемъ на 800/т. р., Литта ихъ опротестовалъ, но Мишковскаго спасла женитьба на дочери статсъ-секретаря Марченка“. Самойлова прожила въ Италіи и Франціи 40 лѣтъ. Въ Миланѣ она имѣла свой дворецъ, около Парижа имѣніе Груссе, гдѣ была масса художественныхъ вещей. Въ Италіи, въ ея домѣ, собирались литераторы, художники и композиторы; извѣстный Карлъ Брюлловъ питалъ къ ней чувства болѣе сильныя, чѣмъ дружба: онъ писалъ безъ конца портреты графини и повторялъ ея типъ на своихъ картинахъ. Бутурлинъ говоритъ про одинъ изъ портретовъ Брюллова: „Самойлова изображена во весь ростъ, сходящей съ лѣстницы Миланскаго театра съ маскою въ рукѣ; къ ней прижимается ея прелестная воспитанница Джіованнина въ костюмѣ гречанки“ (портретъ находится въ музеѣ Александра III), есть еще и другой ея портретъ во весь ростъ, гдѣ негръ откидываетъ ей портьеру (у Гинцбурга, въ Кіевѣ), наконецъ, она изображена на первомъ планѣ, на лѣвой сторонѣ знаменитой картины „Послѣдній день Помпеи“. Въ 1863 г. Самойлова, 60 лѣтъ, вышла замужъ за француза графа де-Морнэ (64 лѣтъ), но скоро они разошлись, и она приняла снова фамилію перваго своего мужа.

Подъ конецъ жизни графиня Ю. П. Самойлова совершенно разстроила свое огромное состояніе и умерла въ Парижѣ, въ 1875 г., среди сравнительно скромной обстановки.

Кромѣ помѣщеннаго въ т. III (№ 69) настоящаго изданія акварельнаго портрета Босси, 1835 г., и указанныхъ выше, имѣется еще въ собраніи Великаго Князя Николая Михаиловича миніатюра, изображающая Самойлову уже въ старости. Прилагаемый здѣсь портретъ извѣстенъ подъ именемъ „Наѣздницы“, художникъ не назвалъ прекрасной незнакомки, но причудливо на ошейникѣ собаки написалъ слово „Samoilow“.

(Съ портрета К. Брюллова; Третьяковская галлерея, въ Москвѣ.)

13

La comtesse **JULIE PAVLOWNA SAMOÏLOFF**, 1803—1875, était la fille du comte Paul Pétrowitch Pahlen (1775—1834), général de cavalerie, et de sa première femme, la comtesse Marie Pavlowna Skavronsky, fille aînée de la comtesse Catherine Vassiliewna Skavronsky, nièce de Potemkine. Julie fut privée de bonne heure des soins maternels; en 1804, la comtesse sa mère divorça et convola en secondes noces avec le comte A. Ojarowsky. Elle fut élevée dans la maison de sa grand'mère, dont le second mari, le comte Litta, qui n'avait pas d'enfants, lui témoigna une tendresse toute paternelle, et s'attacha passionnément à elle, surtout après la mort de sa femme bien-aimée (1829). Il lui légua sa colossale fortune, dont il lui avait donné une partie, lorsque, demoiselle d'honneur, elle épousa en 1825 le comte Nicolas Alexandrowitch Samoïloff († 23 juillet 1842), aide de camp, qui, comme elle, fut le dernier de sa race, puisque leur mariage fut stérile. Une fois séparée de son mari, l'Alcibiade moderne, Mme Samoïloff vécut un temps près de St-Pétersbourg, à Slavianka, qui lui venait de la famille Skavronsky. Elle était belle, intelligente, charmante, aimable à ravir, et la fleur de la société pétersbourgeoise se réunissait chez elle. La légende lui attribue l'initiative des promenades en équipage à la Pointe, dans l'île d'Elaguine. L'Empereur Nicolas, mécontent des réunions fréquentes qui avaient lieu à Slavianka, lui proposa de vendre sa maison de campagne à la Cour. Elle dut acquiescer, et on lui prête, à cette occasion, les paroles suivantes: „On ne venait pas à Slavianka, mais chez la comtesse Samoïloff, et on continuera à aller la voir où elle sera". Elle commença à se promener à Elaguine, ses admirateurs l'y suivirent, et les promenades à la Pointe entrèrent en vogue. Telle est la vieille légende pétersbourgeoise. Le baron Korff, son contemporain, raconte autrement la chose: „La comtesse Samoïloff jouissait d'une réputation considérable, mais peu flatteuse. A la mort de son premier mari, elle épousa un étranger, perdit par là la nationalité russe et dut vendre ses immeubles, entre autres la „Slavianka comtale" qui était un domaine vraiment princier. Nicolas Ier voulut l'avoir, mais ce fut le comte Vorontzoff-Dachkoff qui l'obtint. Alors l'Empereur ordonna de la racheter immédiatement, comme il en avait le droit, en sa qualité de parent" (par les Skavronsky). Ce second mari de la comtesse, qui fut cause de la vente de ses biens, était le chanteur italien Peri († 1846). On a dit que la raison de son divorce avec son premier mari fut son intimité avec Barante fils; mais Tourguéneff présente les choses autrement: „Litta avait recommandé aux Samoïloff A. Michkowsky pour gérer leurs biens. Ce dernier acquit la confiance du comte et devint son compagnon de plaisir; en même temps il entra dans les bonnes grâces de la comtesse, ce qui amena la catastrophe. Mme Samoïloff avait donné à Michkowsky une lettre de change de 800.000 roubles, Litta la protesta, et ce qui sauva l'ancien intendant, ce fut son mariage avec la fille du secrétaire d'Etat Martchenko". Mme Samoïloff vécut quarante ans en Italie et en France. Elle avait son palais à Milan, elle possédait près Paris le domaine de Grousset, avec une quantité d'objets d'art. Elle réunissait chez elle en Italie littérateurs, artistes et compositeurs. Le célèbre Ch. Brulloff avait pour elle un sentiment plus fort que l'amitié; il fit d'elle des portraits sans nombre et reproduisit souvent son type dans ses tableaux. Boutourline disait, à propos d'une de ses toiles: „Mme Samoïloff est représentée en pied, descendant les escaliers du théâtre de Milan, un masque à la main; sa charmante élève, Djiovannina, en costume grec, se serre contre elle" (ce tableau se trouve au Musée Alexandre III). Il y a d'elle encore un autre portrait en pied, où elle est devant une portière que lui ouvre un nègre (chez Guntzbourg, à Kieff). Enfin elle figure au premier plan à gauche du célèbre tableau Le dernier jour de Pompéi. Elle se remaria en 1863 à 60 ans avec un français, le comte de Mornay (64 ans), mais bientôt ils se séparèrent et elle reprit le nom de son premier mari.

A la fin de sa vie, la comtesse Samoïloff dérangea complètement son immense fortune et mourut à Paris en 1875, dans un intérieur relativement modeste.

Outre l'aquarelle de Bossi (1835) reproduite au Tome III, № 69, de la présente publication, et les portraits déjà mentionnés, il existe encore dans la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch une miniature représentant la comtesse déjà vieille. Le présent portrait est connu sous le nom de l'Amazone: l'artiste, sans désigner autrement la belle inconnue, a eu la fantaisie de tracer sur le collier du chien le nom de Samoilow.

(D'après l'original de Ch. Brulloff, Galerie Trétiakoff, Moscou.)

Пис. К. Брюлловъ

Графиня Юлія Павловна Самойлова, 1803-1875

Peint par Ch. Brulloff

La Comtesse Julie Pavlowna Samoïloff, 1803-1875

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной

Великій Князь ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ, 1754—1801, и **Великая Княгиня МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА**, 1759—1828. Великій Князь Павелъ Петровичъ (см. т. I, № 26), сынъ Великаго Князя Петра Ѳеодоровича, внука Петра Великаго, и Великой Княгини Екатерины Алексѣевны, родился 20 Сентября 1754 г., послѣ долгаго бездѣтнаго супружества родителей. Императрица Елисавета Петровна радовалась рожденію внука, упрочившему престолонаслѣдованіе, современные поэты, какъ Ломоносовъ, радостно привѣтствовали новорожденнаго Великаго Князя; ему пророчили счастье и желали сравниться въ дѣлахъ съ Петромъ Великимъ, при чемъ обращались къ Богу съ мольбой:

„Ты подалъ отрасль намъ едину;
Умножа благодать посли,
И впредь съ Петромъ Екатерину
Рожденіемъ возвесели...“

Впрочемъ, родители были болѣе или менѣе равнодушны и веселились гораздо менѣе бабушки Императрицы. Судьба, однако, готовила Великому Князю жизнь, далеко не радостную. Сдѣлавшись съ 7 лѣтъ Наслѣдникомъ Россійскаго престола и оставаясь имъ въ теченіе 35 лѣтъ, Павелъ Петровичъ въ значительной мѣрѣ былъ лишенъ тѣхъ правъ и преимуществъ, которыя давало ему рожденіе и его офиціальное положеніе. Отстраненный враждебно относившейся къ нему матерью отъ государственныхъ дѣлъ, Великій Князь жилъ почти въ изгнаніи и въ это время многое пережилъ и перечувствовалъ; постепенно портился и безъ того вспыльчивый и необузданный его характеръ; живой темпераментъ Великаго Князя жаждалъ дѣятельности и не находилъ себѣ простора и выхода. Не было крупныхъ дѣлъ, и мелкія, поневолѣ, принимались за важныя, становясь на первомъ мѣстѣ. Создавался характеръ, который привыкалъ видѣть въ мелочахъ великія дѣла, событія государственной важности. Перспектива терялась, вкусъ извращался, подозрительность пропитала все существо и, какъ это бываетъ всегда, облекала довѣріемъ людей, нимало того не заслуживающихъ, недостойныхъ льстецовъ, имѣвшихъ легкій доступъ къ честолюбивому и чрезмѣрно самолюбивому сердцу. Честность не замѣчалась, прямота и смѣлость приравнивались къ дерзости и проявленію неуваженія.... Пожилымъ человѣкомъ, за 40 лѣтъ, отцомъ многочисленнаго семейства, изъятаго почти изъ вѣдѣнія родителей, вступилъ Павелъ на престолъ, одушевляемый страстными стремленіемъ и желаніемъ какъ искренно принести пользу Россіи и водворить благоденствіе, такъ и уничтожить всѣ дѣла своей матери. Послѣдовало кратковременное, но чреватое самыми неожиданными событіями царствованіе, трагически закончившееся въ ночь съ 11 на 12 Марта 1801 года въ мрачномъ Михайловскомъ замкѣ.

Овдовѣвъ 15 Апрѣля 1776 г., послѣ кончины отъ родовъ Великой Княгини Наталіи Алексѣевны, Великій Князь Павелъ Петровичъ вступилъ 21 Сентября того же года во второй бракъ съ дочерью герцога Виртембергскаго Фридриха-Евгенія и его супруги Фридерики-Софіи, съ принцессой Софіей-Доротеей, принявшей имя Маріи Ѳеодоровны (р. 1759 г., † 1828 г.; см. т. I, № 27). Принцесса для этого отказала болѣе скромному нѣмецкому жениху, брату покойной первой жены своего будущаго мужа, котораго, впрочемъ, не любила; величественная будущность, перспектива сдѣлаться Всероссійской Императрицей, не давала мѣста колебаніямъ. Въ новомъ отечествѣ, однако, ее ожидала обстановка тяжелая и супружество далеко не счастливое, и только воспитаніе и особенность характера Маріи Ѳеодоровны помогли ей бодро перенести долгіе годы невзгодъ. Мать многочисленнаго семейства, любившая своихъ дѣтей, она почти была лишена заботъ о ихъ воспитаніи, принятыхъ на себя царственной ихъ бабкой. Зато, позднѣе, Императрица Марія Ѳеодоровна всецѣло отдала себя дѣлу воспитанія будущихъ русскихъ матерей, и женское образованіе въ Россіи многимъ ей обязано. Благотворительная и общественная дѣятельность Императрицы совершенно закрываетъ собой какъ фигуру Государыни въ ея интимной, семейной и придворной жизни, такъ и ея участіе въ политическихъ событіяхъ того времени. Громадная переписка Императрицы Маріи Ѳеодоровны, переписка ея современниковъ и современницъ, воспоминанія, журналы, дневники, записки... ждутъ еще своего изслѣдователя. Письма ея невѣстки, Императрицы Елисаветы Алексѣевны, даютъ также богатый матеріалъ для выясненія характера и отношеній Государыни Маріи Ѳеодоровны.

Подобный же, двойной, портретъ Великаго Князя Павла Петровича съ его первой супругой, Великой Княгиней Наталіей Алексѣевной, работы Фальконета младшаго, находится также въ Зимнемъ дворцѣ.

(Съ портрета, находящагося въ Зимнемъ дворцѣ, въ С.-Петербургѣ.)

14

Le Grand-Duc **PAUL PÉTROWITCH**, 1754—1801, et la Grande-Duchesse **MARIE FÉODOROWNA**, 1759—1828. Le Grand-Duc Paul Pétrowitch (v. T. I, № 26), fils du Grand-Duc Pierre Féodorowitch, petit-fils de Pierre-le-Grand, et de la Grande-Duchesse Catherine Alexéewna, naquit le 20 septembre 1754, après de longues années de mariage stérile. Ce fut pour l'Impératrice Elisabeth une grande joie que cette naissance, qui assurait la succession au trône; les poètes du temps, comme Lomonossoff, célébrèrent le Grand-Duc nouveau-né dans des vers enthousiastes, lui prédisant le plus bel avenir, lui souhaitant d'égaler Pierre-le-Grand et adressant à Dieu leur invocation:

„Tu nous donnes un rejeton.
„Daigne renouveler ta grâce,
„D'un fils à Pierre et Catherine
„Accorder encore la joie!"

Les parents, hâtons-nous d'ajouter, étaient plus ou moins indifférents, et fort loin de l'enthousiasme de l'Impériale grand'mère. Or, le sort préparait au jeune prince une existence des moins enviables. Héritier du trône de Russie depuis l'âge de 7 ans, il le resta trente-cinq ans, toujours grandement lésé dans les droits et prérogatives que lui conféraient sa naissance et ses titres officiels. La vie de paria que lui imposa à l'écart des affaires publiques l'hostilité de sa mère lui donna matière à réflexions: son caractère déjà violent et intraitable ne fit que s'aigrir. Sans cesse comprimé et refoulé, son besoin d'activité travaillait à vide: faute d'affaires sérieuses, il prit au sérieux des bagatelles pour leur donner de l'importance, et en vint à faire des affaires d'état de vétilles insignifiantes. Les perspectives ainsi nivelées et le goût faussé, il tomba en proie au soupçon et, comme toujours, investit de sa confiance des gens parfaitement indignes, vils flatteurs auxquels son ambition et son amour-propre ouvraient sans difficulté le chemin de son cœur. La loyauté passait inaperçue, une courageuse franchise était appelée témérité et impertinence.... Paul avait dépassé la quarantaine et était père d'une nombreuse famille presque entièrement soustraite à ses chefs naturels, lorsqu'il monta sur le trône, passionnément animé d'un désir, d'un besoin, d'être franchement utile à son pays et de le rendre prospère, mais aussi d'anéantir toute l'œuvre maternelle. Son règne éphémère, mais gros des événements les plus imprévus, sombra dans la nuit tragique du 11 au 12 mars 1801, au sinistre Palais Michel.

La Grande-Duchesse Natalie Alexéewna morte en couches le 15 avril 1776, le Grand-Duc Paul Pétrowitch se remaria le 21 septembre suivant à la fille du Duc de Wurtemberg Frédéric-Eugène et de la Duchesse Frédérique-Sophie, la Princesse Sophie-Dorothée, qui reçut le nom de Marie Féodorowna (1759—1828; v. T. I, № 27). Elle avait refusé un modeste parti allemand, le frère de la première femme de son futur mari, que, du reste, elle n'aimait pas; ses brillants rêves d'avenir, la perspective de devenir Impératrice de Russie, ne lui laissèrent pas la moindre hésitation. Or, elle allait trouver dans sa seconde patrie d'incessantes épreuves et une vie de famille des plus pénibles, et si elle put tout supporter vaillamment durant de longues années, ce fut grâce à son éducation et à sa tournure de caractère. Mère d'une nombreuse famille et fort attachée à ses enfants, elle se vit presque complètement supplanter dans leur éducation par leur Impériale grand'mère. Elle se dédommagea dans la suite en se consacrant tout entière à celle des futures mères de famille, et fit beaucoup pour l'instruction des femmes en Russie. Vie personnelle, vie de famille, vie de Cour, rôle politique, chez l'Impératrice Marie, tout s'efface devant l'œuvre de bienfaisance et le rôle social. Son immense correspondance, celle de ses contemporains et contemporaines, et tant de mémoires, souvenirs, journaux, notes, attendent toujours un investigateur. Les lettres de sa bru, l'Impératrice Elisabeth Alexéewna, fournissent encore de riches matériaux pour l'étude du caractère et des relations de l'Impératrice mère.

Il existe également un portrait, double comme celui reproduit ici, du Grand-Duc Paul Pétrowitch et de sa première femme, la Grande-Duchesse Natalie Alexéewna, par Falconet Jeune, aussi au Palais d'Hiver.

(D'après un original du Palais d'Hiver, St-Pétersbourg.)

Великій Князь Павелъ Петровичъ, 1754-1801,
и Великая Княгиня Марія Feодоровна, 1759-1828

Le Grand-Duc Paul Pétrowitch, 1754-1801,
et la Grande-Duchesse Marie Féodorowna, 1759-1828

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Детской Картинной Галереи

15

Князь ѲЕДОРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ГАГАРИНЪ, 1757—1794, младшій сынъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, президента Коллегіи Экономіи князя Сергѣя Васильевича († 1782 г.), отъ брака его съ графиней Прасковьей Павловной Ягужинской († 1775 г.), родился 23 Декабря 1757 года.

Свѣдѣній о немъ сохранилось очень немного. А. Т. Болотовъ, знавшій всю семью Гагариныхъ, говоритъ, что онъ былъ гордый и нелюдимый молодой человѣкъ. Князь Ѳ. С. Гагаринъ погибъ во время Варшавскаго возстанія 17 Апрѣля 1794 года. Будучи въ чинѣ генералъ-майора, онъ командовалъ тогда баталіономъ Сибирскаго полка. Когда командовавшій этимъ полкомъ генералъ Милашевичъ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ, Гагаринъ принялъ команду, но уже черезъ нѣсколько минутъ тоже былъ раненъ. Толпа мятежниковъ бросилась на него, и одинъ кузнецъ ударилъ его въ високъ желѣзной шиной. Ударъ оказался смертельнымъ.

Князь Ѳ. С. Гагаринъ былъ женатъ на княжнѣ Прасковьѣ Юрьевнѣ Трубецкой (р. 1762 г., † 1848 г.), по смерти его вышедшей замужъ за Петра Александровича Кологривова, и имѣлъ отъ нея 2 сыновей: Ѳедора (генералъ-майоръ, р. 1787 г., † 1863 г.) и Василія (штабсъ-капитанъ, † 1829 г.), и 4 дочерей: Вѣру (р. 1790 г., † 1886 г.; за поэтомъ княземъ П. А. Вяземскимъ), Надежду (р. 1792 г., † 1883 г.; за княземъ Б. А. Четвертинскимъ), Любовь (р. 1793 г., † 18.. г.; за генераломъ Б. В. Полуэктовымъ) и Софію (р. 1794 г., † 1855 г., родившуюся послѣ смерти отца; за В. Н. Ладомирскимъ).

(Съ портрета Лампи; собственность князя П. П. Вяземскаго, въ С.-Петербургѣ.)

15

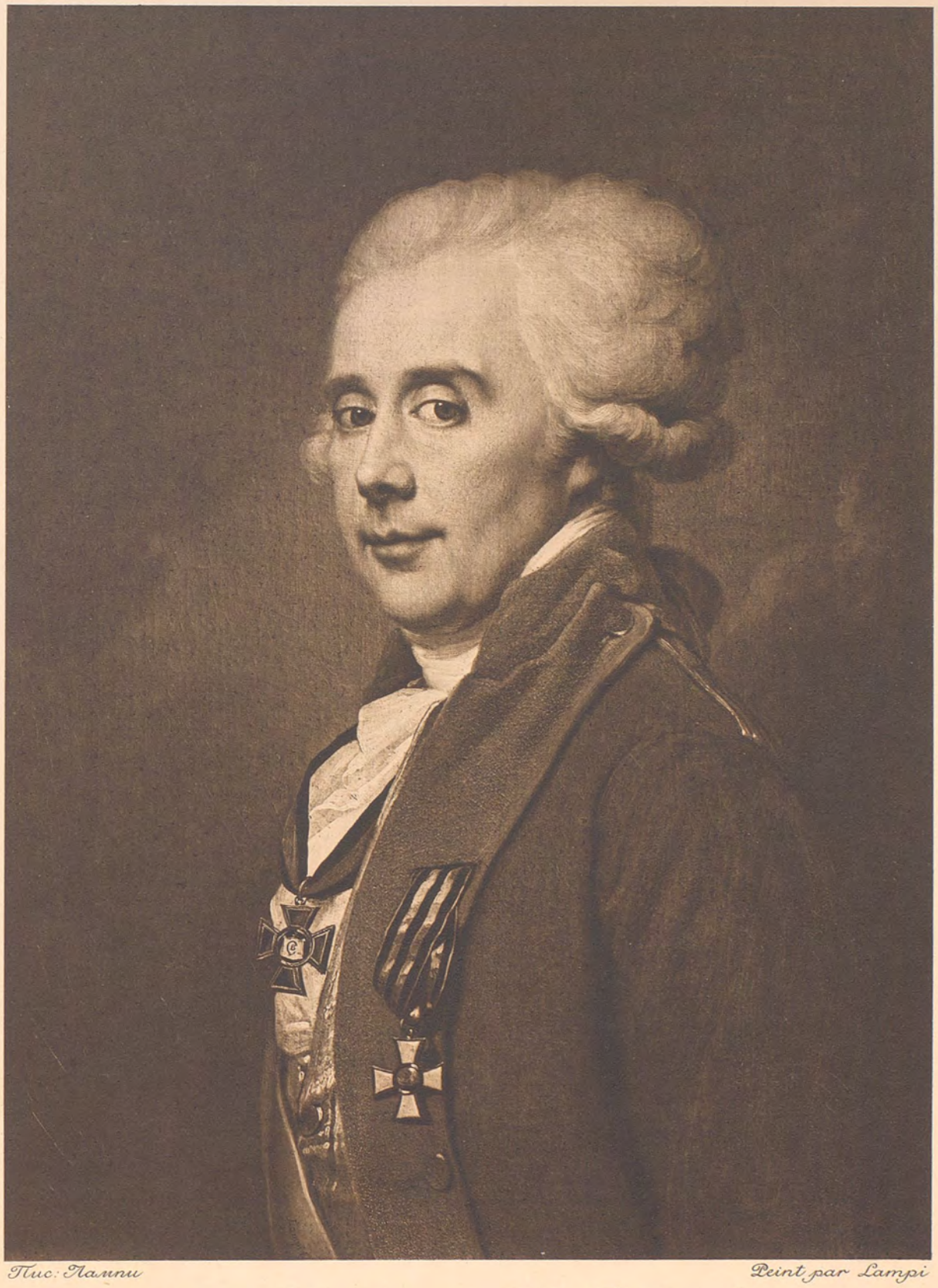
Le prince **THÉODORE SERGUÉEWITCH GAGARINE**, 1757—1794, dernier fils du prince Serge Vassiliewitch Gagarine († 1782), conseiller privé actuel, président du Collège des finances, et de Prascovie Pavlowna, née comtesse Yagoujinsky († 1775), naquit le 23 décembre 1757.

On sait peu de chose de lui. Bolotoff, qui connaissait toute la famille Gagarine, le représente comme un jeune homme à l'humeur fière et sauvage. Il périt à Varsovie, victime de l'insurrection du 17 avril 1794. Alors général major et à la tête d'un bataillon du régiment de Sibérie, il prit le commandement de tout le régiment lorsque le général Milachewitch eut été blessé et fait prisonnier, mais au bout de quelques minutes fut lui-même blessé: les insurgés se précipitèrent alors sur lui, et un forgeron le frappa à la tempe d'un bandage de roue. Le coup était mortel.

Le prince Gagarine avait épousé la princesse Prascovie Youriewna Troubetzkoï (1762—1848), mariée en secondes noces à Pierre Alexandrowitch Kologrivoff. Il eut d'elle deux fils, Théodore (1787—1863), général major, et Basile († 1829), capitaine en second, et quatre filles, Véra (1790—1886), mariée au prince P. Viazemsky, connu comme poète, Nadejda (1792—1883), au prince B. Tchetvertinsky, Liouboff (1793—18..), au général B. Polouektoff, et Sophie (1794—1855), née après la mort de son père, mariée à Ladomirsky.

(D'après un original de Lampi, appartenant au prince P. Viazemsky, St-Pétersbourg.)

15



Пис: Лампи

Князь Федоръ Сергѣевичъ Гагаринъ, 1757-1794

Peint par Lampi

Le P^ce Théodore Serguéewitch Gagarine, 1757-1794

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи

Княгиня ПРАСКОВІЯ ЮРЬЕВНА ГАГАРИНА, 1762—1848, дочь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Юрія Никитича Трубецкого (р. 1736 г., † 1811 г.), отъ второго брака его съ графиней Дарьей Александровной Вальдштейнъ, рожденной графиней Румянцовой († 1817 г.), родилась въ 1762 году. Выйдя замужъ за полковника князя Ѳедора Сергѣевича Гагарина, она находилась съ мужемъ во время Турецкаго похода въ Яссахъ при главной квартирѣ Потемкина, который однажды, объявивъ въ дамскомъ обществѣ, что всякую женщину можно безнаказанно поцѣловать, подошелъ къ княгинѣ П. Ю. Гагариной и поцѣловалъ ее, за что тутъ же, при всѣхъ, получилъ отъ нея пощечину. Эпизодъ этотъ не имѣлъ непріятныхъ послѣдствій ни для княгини, ни для ея мужа. Вскорѣ затѣмъ она послѣдовала за мужемъ въ Варшаву, гдѣ князь Ѳ. С. Гагаринъ убитъ былъ въ Апрѣлѣ 1794 г. при штурмѣ Праги. По словамъ Вигеля, овдовѣвшая молодая княгиня была сама взята въ плѣнъ мятежниками и въ темницѣ родила младшую свою дочь, Любовь, восемь мѣсяцевъ спустя послѣ смерти мужа. Освобожденная Суворовымъ, она переселилась съ малолѣтними дѣтьми въ Москву; княгиня Гагарина осталась навсегда неутѣшною въ смерти мужа, носила въ серьгѣ землю съ его могилы, но это не мѣшало ей, обладая „необычайною, можно сказать, невиданною живостью и веселостью характера“, предаваться всѣмъ удовольствіямъ свѣта, и она скоро стала извѣстна, какъ одна изъ первыхъ львицъ Московскаго общества допожарной эпохи, поражая всѣхъ оригинальностью взглядовъ и эксцентричностью своихъ поступковъ. При ея красотѣ и умѣ у нея было много поклонниковъ; однимъ изъ нихъ былъ Н. М. Карамзинъ, посвящавшій ей стихи и сопровождавшій княгиню въ прогулкахъ и поѣздкахъ. Объ этомъ есть разсказы въ воспоминаніяхъ Тургенева. Впрочемъ, и въ свѣтѣ про нее ходило много всякихъ сплетенъ, „но Прасковія Юрьевна“, говоритъ Вигель, „которая всему охотно смѣялась, особенно вранью, никакъ не хотѣла разсердиться за то, что про нее разсказывали“. Между многими ея смѣлыми и оригинальными выходками можно упомянуть о совершенномъ ею еще до 1812 года полетѣ на первомъ, появившемся въ Россіи, воздушномъ шарѣ, благополучно опустившемся въ окрестностяхъ Москвы.

Заботы о воспитаніи подраставшихъ дѣтей, которыхъ она любила до безумія, и объ устройствѣ своихъ совершенно разстроенныхъ денежныхъ дѣлъ побудили княгиню Гагарину искать себѣ опоры въ жизни, и незадолго до войны 1812 г. она вступила во второй бракъ съ Петромъ Александровичемъ Кологривовымъ (р. 1770 г.), отставнымъ полковникомъ Кавалергардскаго полка, имѣвшимъ большое состояніе и репутацію хорошаго хозяина и дѣльца. Удалившись съ семьей при сдачѣ Москвы французамъ въ Пензу, П. Ю. Кологривова поражала въ провинціи своею любовью къ роскоши, своими пышными нарядами и платьями декольте, но при всемъ своемъ легкомысліи она, напримѣръ, не позволяла своимъ дочерямъ танцовать на балахъ въ 1812 г., говоря, что совершенно неприлично забавлять себя такимъ образомъ, когда вся Россія въ траурѣ. Кологривовы жили открыто и гостепріимно въ Московскомъ домѣ своемъ, на Живодеркѣ, гдѣ давали балы, посѣщаемые членами Царской Семьи, и изъ котораго Прасковія Юрьевна, одну за другою, выдала замужъ своихъ дочерей отъ перваго брака. Лѣто они проводили въ Кологривовскихъ имѣніяхъ, селѣ Мещерскомъ, Саратовской, и Жарки, Калужской губерніи. Прасковія Юрьевна отличалась большой добротой сердца и дѣлала много добрыхъ дѣлъ; съ годами стала очень религіозна и богомольна и въ домовой церкви своей въ Петербургѣ, на Конногвардейскомъ бульварѣ, она обращала за службами большое вниманіе на то, какъ держали себя другіе молящіеся. Въ этомъ домѣ она и скончалась, въ 1848 г.; послѣдними ея словами передъ смертью были: „Je passe“. Погребена она въ селѣ Жаркахъ.

Отъ перваго брака П. Ю. Кологривова имѣла двухъ сыновей, князей Василія и Ѳедора Гагариныхъ, и четырехъ дочерей: Вѣру, въ замужствѣ за княземъ П. А. Вяземскимъ, Надежду, за княземъ Б. А. Четвертинскимъ, Софію, за В. Н. Ладомірскимъ, и Любовь, за Б. В. Полуэхтовымъ. Второй бракъ ея, въ который она вступила почти 50 лѣтъ, былъ безплодный. Княгиня Прасковія Юрьевна не нашла въ немъ ни счастья, ни спокойствія на старости лѣтъ: мужъ ея былъ человѣкъ малокультурный и довольно грубый (см. „Старина и Новизна“, кн. VI, и „Сборникъ Кавалергардовъ“, т. II), къ тому же изъ его большого состоянія, частью прожитаго самими супругами, частью доставшагося другимъ, Гагарины почти ничего не получили, такъ какъ Кологривовъ умеръ сумасшедшимъ, подъ опекою.

(Съ портрета Грасси; собственность князя П. П. Вяземскаго, въ С.-Петербургѣ.)

La princesse **PRASCOVIE YOURIEWNA GAGARINE**, 1762—1848, fille du prince Youri Nikititch Troubetzkoï (1736—1811), conseiller privé actuel, et de sa seconde femme, la comtesse Waldstein, née comtesse Daria Alexandrowna Roumiantzeff († 1817), naquit en 1762. Mariée au prince Théodore Serguéewitch Gagarine, elle se trouvait avec lui, lors de la guerre de Turquie, à Yassy, au quartier général de Potemkine, lorsque, dans une société de dames, celui-ci déclara qu'on peut impunément embrasser toutes les femmes, et, s'approchant de la princesse, l'embrassa: séance tenante, devant tout le monde, elle lui administra un soufflet. L'incident n'eut de suites fâcheuses ni pour elle ni pour son mari. Elle l'accompagna peu après à Varsovie, où il périt en avril 1794 à l'assaut de Praga. Au témoignage de Wiegel, la jeune veuve tomba elle-même aux mains des insurgés et, dans sa captivité, donna le jour à sa dernière fille, Liouboff, huit mois après la mort de son mari. Délivrée par Souvoroff, elle alla se fixer avec ses jeunes enfants à Moscou. Elle demeura toujours inconsolable, portant montée en boucle d'oreille de la terre prise au tombeau du défunt, ce qui ne l'empêchait pas, avec „sa vivacité peu commune, pour ne pas dire inouïe, et sa gaîté de caractère", de se livrer à tous les plaisirs mondains: elle acquit bientôt la réputation d'une des premières lionnes de la Moscou d'avant l'incendie, faisant l'étonnement général par son originalité d'idées et ses excentricités. Sa beauté et son esprit lui valurent de nombreux adorateurs; l'un d'entre eux fut l'historien Karamzine, qui lui adressa des vers et l'accompagna dans ses promenades et ses déplacements. Tourguéneff en parle dans ses Mémoires. Le monde ne fut pas sans jaser fort sur son compte, mais, dit Wiegel, „toujours prête à rire, surtout des histoires, elle ne songeait nullement à se fâcher de ce qu'on disait d'elle". Rappelons, parmi ses nombreuses équipées et excentricités, l'ascension qu'elle fit avant 1812 sur le premier aérostat lancé en Russie, qui atterrit heureusement dans les environs de Moscou.

Les nécessités de l'éducation de ses enfants devenus grands et qu'elle aimait à la folie, jointes au complet délabrement de sa fortune, lui firent chercher un appui, et, peu avant la guerre de 1812, elle épousa en secondes noces Pierre Alexandrowitch Kologrivoff (né 1770), colonel retraité de Chevaliers-Gardes, possesseur d'une grosse fortune et réputé pour son intelligence des affaires. Réfugiée à Penza avec sa famille lors de l'occupation de Moscou, elle fit sensation en province par son amour du luxe, ses somptueuses toilettes et ses décolletés, mais toute sa frivolité ne l'empêcha pas d'interdire à ses filles de danser en 1812, et de trouver tout à fait inconvenants de pareils amusements quand toute la Russie était en deuil. A Moscou, elle menait grand train dans leur maison de la Jivoderka, où la Famille Impériale venait à ses soirées, et où elle maria successivement les six filles de son premier mariage. L'été se passait dans les domaines des Kologrivoff, à Mechtcherskoïé, gouvernement de Saratoff, et à Jarki, gouvernement de Kalouga. Excellent cœur, Mme Kologrivoff faisait beaucoup de charité; avec l'âge elle devint pieuse et dévote, et, aux offices qu'elle faisait célébrer dans la chapelle de sa maison du Boulevard des Gardes à cheval, à Pétersbourg, surveillait de près la tenue des autres assistants. C'est dans cette maison qu'elle mourut, en 1848; ses dernières paroles furent: „Je passe". Elle fut inhumée au bourg de Jarki.

De son premier mariage, Mme Kologrivoff eut deux fils, Basile et Théodore, et quatre filles, Véra, mariée au prince P. Viazemsky, Nadejda, au prince B. Tchetvertinsky, Sophie, à Ladomirsky, et Liouboff, à B. Polouekhtoff. Elle n'eut pas d'enfants du second mariage, lors duquel elle touchait à la cinquantaine. Elle n'y trouva du reste ni le bonheur ni une vieillesse tranquille: peu cultivé, et même assez grossier (v. Vieux Temps et Nouveaux Temps, fasc. VI, et Recueil des Chevaliers-Gardes, T. II), Kologrivoff mourut de plus fou et en tutelle, de sorte que les Gagarine n'eurent rien de sa grosse fortune; ce qui en restait à sa mort passa en d'autres mains.

(D'après un original de Grassi, appartenant au prince P. Viazemsky, St-Pétersbourg.)

Пис: Грасси

Княгиня Прасковья Юрьевна Гагарина, 1762 - 1848

Peint par Grassi

La P^sse Prascovie Youriewna Gagarine, 1762-1848

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Князь ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ ВЯЗЕМСКІЙ, 1792—1878, изображенъ на прилагаемомъ здѣсь портретѣ Рейхеля (1817 г.) еще въ очень молодыхъ годахъ, поэтому здѣсь умѣстно привести біографическія данныя этой поры, тѣмъ болѣе, что общій біографическій очеркъ данъ уже въ IV томѣ изданія (№ 55).

Князь П. А. Вяземскій родился въ Москвѣ 12 Іюля 1792 года. Отецъ его—Екатерининскій вельможа—былъ человѣкъ „большого ума и высокой по тому времени образованности“, конечно, французской; мать онъ потерялъ довольно рано, на десятомъ году жизни, и воспитаніемъ сына руководилъ отецъ, окружившій маленькаго князя Петра цѣлымъ штатомъ гувернеровъ—французовъ, нѣмцевъ и англичанъ, не отличавшихся, впрочемъ, ни талантами, ни познаніями и не успѣвшихъ сдѣлать многаго съ своимъ „лѣнивымъ и разсѣяннымъ“ ученикомъ. Лучше дѣла пошли, когда будущаго поэта помѣстили въ Петербургскій іезуитскій пансіонъ, о которомъ Вяземскій сохранилъ прекрасныя воспоминанія; тамъ же пробудились и его литературныя наклонности, которыя зародились, несомнѣнно, въ атмосферѣ отцовскаго кабинета, гдѣ постоянными посѣтителями были „умнѣйшіе люди“, и среди нихъ не мало писателей. Вообще салонъ отца былъ для князя Петра, по его собственному признанію, прекрасной практической школой, сыгравшей въ дѣлѣ его умственнаго и литературнаго развитія едва ли не большую роль, чѣмъ пребываніе его въ Петербургскихъ пансіонахъ, сначала въ Іезуитскомъ, а затѣмъ при Педагогическомъ институтѣ и, наконецъ, въ домѣ Московскаго профессора Рейса. Четырнадцатилѣтній князь Вяземскій, пріѣхавъ въ Москву въ 1806 г., засталъ въ домѣ отца такихъ писателей, какъ Дмитріевъ, В. Л. Пушкинъ, Жуковскій, Карамзинъ; въ слѣдующемъ 1807 году старикъ-князь умеръ, поручивъ воспитаніе сына Карамзину, въ то время только-что женившемуся на одной изъ побочныхъ дочерей князя А. И. Вяземскаго. Три мѣсяца спустя послѣ похоронъ тестя (24 Іюля), Карамзинъ опредѣлилъ Вяземскаго на службу въ Московскую межевую канцелярію, а вскорѣ—въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, гдѣ для молодого чиновника оказалось дѣла немного. Къ 1808 г. восходятъ его первые, появившіеся въ печати, стихотворные опыты. Молодой эпикуреецъ, не нуждавшійся въ службѣ, но не бѣжавшій, однако, отъ нея, онъ любилъ проводить свободные часы подчасъ и „съ чашею въ рукахъ“, но и „съ пользою“, въ тѣсной пріятельской компаніи даровитыхъ юношей-поэтовъ, не дававшихъ дремать его „червяку стихотворства“: эпиграммы, довольно колкія, и сентиментальныя бездѣлки чередовались у него съ такими произведеніями пера, въ которыхъ обнаруживались и тонкій умъ, и вкусъ, и серіозные литературные запросы; немного позже онъ становится душою „Арзамаса“. Даровитость, знатность происхожденія, богатство и званіе камеръ-юнкера открывали молодому князю двери лучшихъ Московскихъ салоновъ, въ одномъ изъ которыхъ онъ скоро нашелъ себѣ и супругу: въ Августѣ 1811 года онъ „нечаянно“ объявилъ Карамзину о своей помолвкѣ съ княжной Вѣрой Ѳедоровной Гагариной, а 18 Октября состоялась ихъ свадьба. Между тѣмъ, надъ Россіей надвигались тучи Отечественной войны, и едва приблизились онѣ къ Первопрестольной столицѣ, князь П. А. Вяземскій сталъ въ ряды защитниковъ отечества.

Въ Іюлѣ 1812 года князь Вяземскій поступилъ въ Московскую милицію и, находясь при Милорадовичѣ, участвовалъ въ Бородинскомъ бою. Дѣла семейныя отвлекли князя Вяземскаго отъ дѣлъ ратныхъ: наканунѣ занятія Москвы французами онъ выѣхалъ изъ столицы, вмѣстѣ съ женой, въ Ярославль, гдѣ у него скоро родился сынъ Андрей. Затѣмъ, въ началѣ 1813 г. Вяземскіе болѣе года прожили въ Остафьевѣ, князь Вяземскій лишь наѣзжалъ въ Москву. Состояніе не у дѣлъ томило его, онъ скучалъ, хандрилъ и впадалъ въ пессимистическія думы о своей судьбѣ и даже способностяхъ. Впрочемъ, патріотическое воодушевленіе его не покидало; между прочимъ, оно вылилось въ рядѣ стихотвореній и въ иниціативѣ праздника, устроеннаго въ Москвѣ дворянствомъ въ честь Государя 19 Мая 1814 года. Къ этому времени князь Вяземскій окончательно рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ искать службы и просилъ у своего петербургскаго друга А. И. Тургенева указаній, „гдѣ и какъ ему бросить страннический посохъ“. Скоро князю П. А. Вяземскому удалось устроиться „для иностранной переписки“ при Н. Н. Новосильцовѣ, тогда полномочномъ делегатѣ при Совѣтѣ Царства Польскаго. Въ началѣ 1818 года Вяземскій былъ уже въ Варшавѣ. Но служба здѣсь, какъ онъ самъ сознавался впослѣдствіи Жуковскому, была не по немъ: въ Апрѣлѣ 1821 года, послѣ ряда непріятностей, онъ оставилъ и Варшаву, и службу, тяготясь лежавшимъ на немъ подозрѣніемъ въ излишнемъ либерализмѣ.

(Съ портрета Рейхеля, 1817 г.; собственность князя П. П. Вяземскаго, въ С.-Петербургѣ.)

17

Le prince **PIERRE ANDRÉEWITCH VIAZEMSKY**, 1792—1878, est encore tout jeune sur le présent portrait de Reichel (1817); aussi nous bornerons-nous ici à cette période de sa vie, d'autant plus qu'il a été déjà donné de lui une esquisse biographique d'ensemble (T. IV, № 55).

Le prince Viazemsky naquit à Moscou le 12 juillet 1792. Son père, grand seigneur de l'époque de Catherine, était un homme „d'un grand esprit et d'une instruction forte pour son temps", toute à la française, bien entendu. Il perdit sa mère de bonne heure, à dix ans à peine: son père dirigea son éducation et le remit aux mains de tout un personnel de gouverneurs, français, allemands et anglais, qui, insignifiants comme intelligence et comme instruction, ne surent rien faire de cet élève „paresseux et dissipé". Le futur poète se trouva mieux de son passage à la pension des Jésuites de Pétersbourg, dont il garda le meilleur souvenir: c'est là que s'éveilla sa vocation littéraire, due sans nul doute à l'influence des „fortes têtes", pour la plupart hommes de lettres, qui fréquentaient chez son père. Le salon paternel fut pour lui, de son propre aveu, une excellente école pratique, qui ne contribua guère moins à son développement intellectuel et littéraire que la pension des Jésuites et celle de l'Institut Pédagogique, puis la maison du professeur Reuss, à Moscou. En 1806, à l'âge de 14 ans, il vit chez son père, en arrivant à Moscou, des hommes comme Dmitrieff, Basile Pouchkine, Joukowsky, Karamzine; l'année suivante, le vieux prince Viazemsky mourait en confiant l'éducation du jeune homme aux soins de Karamzine, qui venait alors d'épouser une de ses filles naturelles, et qui, trois mois après ses funérailles (24 juillet), le fit entrer à la chancellerie du Cadastre de Moscou, puis au Collège des Affaires étrangères, où il ne trouva guère à faire. C'est de 1808 que datent les premiers essais poétiques qu'il ait publiés. Jeune épicurien, assez détaché du service, mais ne le fuyant pas non plus, il aimait passer ses heures de loisirs, parfois même „la coupe à la main", mais „avec profit", dans un petit cercle de jeunes poètes de talent qui ne laissaient pas de trève à sa verve: des épigrammes assez mordantes et autres fadaises sentimentales alternaient sous sa plume avec des œuvres attestant un esprit raffiné, du goût et des besoins littéraires sérieux, et il devint bientôt l'âme de l'Arzamas. Le talent, la naissance, la fortune et le titre de gentilhomme de la chambre lui ouvraient les premiers salons moscovites, et il ne tarda pas à y trouver un parti: „un beau jour", en août 1811, il fit part à Karamzine de ses fiançailles avec la princesse Véra Féodorowna Gagarine, et le mariage eut lieu le 18 octobre. Cependant la nuée de l'invasion noircissait l'horizon; au moment où elle allait fondre sur Moscou, le jeune prince était sur les rangs prêt à combattre pour la patrie.

Enrôlé dans la milice moscovite en juillet 1812, le prince Viazemsky fut à Borodino sous les ordres de Miloradowitch. Pourtant des affaires de famille l'éloignèrent du champ de bataille: la veille de l'entrée des Français à Moscou, il partit pour Yaroslavl avec sa femme, qui donna bientôt le jour à un fils, André. Puis, au début de 1813, ils allèrent à Ostafieff, où ils passèrent plus d'un an, le prince seul faisant quelques apparitions à Moscou. L'inaction lui pesait: en proie à la mélancolie, il se laissait aller à douter de son avenir et même de son talent. D'ailleurs l'enthousiasme patriotique ne l'abandonnait pas, et lui inspira, par exemple, toute une série de poésies et l'initiative de la fête organisée à Moscou par la noblesse en l'honneur de l'Empereur le 19 mai 1814. Il avait alors l'intention bien arrêtée d'aller solliciter du service à Pétersbourg et y demanda à son ami Tourguéneff le moyen de „déposer enfin le bâton de pélerin". Il réussit bientôt à se caser „à la correspondance étrangère" près de Novossiltzoff, alors plénipotentiaire au Conseil du Royaume de Pologne. Dès le commencement de 1818, il était à Varsovie. Mais cet emploi, comme il le confia lui-même dans la suite à Joukowsky, n'était pas de son goût: en avril 1821, après une série de désagréments, il y renonçait et quittait Varsovie, excédé de sentir soupçonné d'excès de libéralisme.

(D'après un original de Reichel, 1817, appartenant au prince P. Viazemsky, St-Pétersbourg.)

17

Пис: Рейхель, 1817

Князь Петръ Андреевичъ
Вяземскій, 1792-1878

Peint par Reichel, 1817

Le Prince Pierre Andréewitch
Viazemsky, 1792-1878

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ
RUSSES PORTRAITS

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи
№ 3966

Графъ ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЛЕВАШЕВЪ, 1783—1848, внѣбрачный сынъ оберъ-егермейстера, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Василія Ивановича Левашева, получившій въ 1797 г. съ братьями и сестрами фамилію отца и дворянское достоинство, родился 10 Октября 1783 г.; службу началъ въ 1799 г. въ канцеляріи Петербургскаго военнаго губернатора, но въ 1801 г. перешелъ на военную службу въ лейбъ-Кирасирскій Его Величества полкъ, съ чиномъ майора. Въ слѣдующемъ году онъ былъ переведенъ штабсъ-ротмистромъ въ Кавалергардскій полкъ. Левашевъ участвовалъ во всѣхъ войнахъ съ Наполеономъ отъ Аустерлицкой битвы до взятія Парижа: за Прейсишъ-Эйлау получилъ золотое оружіе, за Бородино, гдѣ онъ, въ чинѣ полковника, временно командовалъ Кавалергардскимъ полкомъ,—Георгія 4 ст. и за Арси—золотое оружіе съ алмазами. Произведенный въ Декабрѣ 1812 г. въ генералъ-майоры, онъ въ 1813 и 1814 гг. былъ шефомъ Новгородскаго Кирасирскаго полка и командовалъ бригадой, въ которую входилъ и этотъ полкъ, а по возвращеніи въ Россію, въ 1815 г., назначенъ командиромъ л.-гв. Гусарскаго полка; въ 1817 г. получилъ званіе генералъ-адъютанта и въ 1818 г. назначенъ командиромъ 2-й бригады гвардейской легкой кавалерійской дивизіи, съ оставленіемъ полковымъ командиромъ. Въ 1820 г. онъ былъ предсѣдателемъ суда надъ возмутившимися семеновцами. Уволенный въ 1822 г. отъ обѣихъ должностей, Левашевъ въ 1824 г. снова ихъ получилъ. 14 Декабря 1825 г. онъ находился при особѣ Николая I и получилъ Монаршую признательность „за примѣрный порядокъ, усердіе и точность въ исполненіи Высочайшихъ повелѣній“. Ему поручено было производить первые допросы декабристамъ, а затѣмъ онъ былъ членомъ слѣдственной комиссіи и, какъ можно судить на основаніи показаній нѣкоторыхъ изъ декабристовъ, держалъ себя съ достоинствомъ и только настойчиво убѣждалъ ихъ раскаяться и все чистосердечно разсказать. Въ 1826 г. Левашевъ, произведенный 1 Января въ генералъ-лейтенанты, назначенъ начальникомъ 1-й Кирасирской дивизіи, а въ 1831 г. временнымъ Подольскимъ и Волынскимъ военнымъ губернаторомъ. Въ 1832 г. онъ назначенъ Кіевскимъ военнымъ губернаторомъ (съ управленіемъ и гражданской частью) и Подольскимъ и Волынскимъ генералъ-губернаторомъ и въ 1833 г. получилъ титулъ графа и чинъ генерала-отъ-кавалеріи. Левашевъ много заботился о благоустройствѣ Кіева, но при этомъ не щадилъ остатковъ глубокой старины. Вслѣдствіе пререканій съ жившимъ въ Кіевѣ главнокомандующимъ первой арміи фельдмаршаломъ княземъ Сакеномъ, вызвавшихъ неудовольствіе Николая I, онъ былъ въ Іюнѣ 1835 г. удаленъ изъ Кіева, а въ Декабрѣ того же года назначенъ Черниговскимъ, Полтавскимъ и Харьковскимъ генералъ-губернаторомъ и занималъ этотъ постъ до Октября 1836 года. Въ 1838 году онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, въ 1839 г.—предсѣдателемъ департамента экономіи, въ 1841 г. награжденъ орденомъ св. Андрея, а въ 1842 г.—алмазами къ нему. Левашевъ былъ неоднократно приглашаемъ въ особые секретные комитеты для обсужденія нѣкоторыхъ важнѣйшихъ вопросовъ, но не игралъ здѣсь видной роли, въ большинствѣ случаевъ примыкая къ кому-либо изъ болѣе выдающихся членовъ этихъ совѣщаній. Въ 1847 г., послѣ смерти предсѣдателя Государственнаго Совѣта князя Васильчикова, ему поручено было предсѣдательствованіе въ Государственномъ Совѣтѣ. Вѣроятно, онъ былъ бы и предсѣдателемъ, но 23 Сентября 1848 г. скончался отъ холеры; погребенъ онъ въ церкви Св. Духа, въ Александро-Невской лаврѣ.

По словамъ графа М. А. Корфа, отличительными чертами Левашева, „при усердномъ и безотчетномъ исполненіи воли царской были: тираническій деспотизмъ надъ всѣмъ, отъ него зависѣвшимъ, и, несмотря на очень ограниченную способность къ дѣлу, безмѣрное тщеславіе.... Въ 66 лѣтъ Левашевъ былъ еще совершеннымъ молодцомъ, даже со всѣми пріемами молодого человѣка, которымъ вполнѣ соотвѣтствовали его фигура и весь наружный видъ“. Николай I цѣнилъ его за строгое и ревностное исполненіе своихъ приказаній; но офицеры, его подчиненные, не любили его за „чванство и фанфаронство“.

Графъ В. В. Левашевъ былъ женатъ дважды: на Екатеринѣ Петровнѣ Мятлевой (р. 1800 г., † 1821 г.), отъ которой имѣлъ дочь Александру (р. 1821 г., † 1880 г.; за А. А. Балашевымъ), и на Евдокіи Васильевнѣ Пашковой (р. 1796 г., † 1868 г.). Отъ второго брака у него была дочь Екатерина (р. 1826 г., † 1853 г.; за свѣтл. княземъ Б. Д. Голицынымъ) и два сына: Николай (р. 1827 г., † 1888 г.) и Владиміръ (р. 1834 г., † 1898 г.).

(Съ портрета, принадлежащаго г-жѣ Е. В. Ксидо, въ С.-Петербургѣ.)

БИБЛІОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галлереи
№ 3966

18

Le comte **BASILE VASSILIEWITCH LÉVACHOFF**, 1783—1848, fils naturel du grand veneur et conseiller privé actuel Basile Ivanowitch Lévachoff, naquit le 10 octobre 1783, et se vit conférer en 1797, ainsi que ses frères et sœurs, le nom de son père et la noblesse. Entré au service en 1799 à la chancellerie du gouverneur militaire de St-Pétersbourg, il passa en 1801 au service militaire, major aux Cuirassiers de S. M. l'Empereur, d'où il permuta l'année suivante capitaine de cavalerie en second aux Chevaliers-Gardes. Il fit toutes les campagnes contre Napoléon, depuis Austerlitz jusqu'à la prise de Paris: Preussisch-Eylau lui valut une épée d'or, Borodino, où il était colonel faisant fonctions de commandant du régiment des Chevaliers-Gardes, St-Georges de 4e classe, et Arcis-sur-Aube une épée d'or enrichie de diamants. Général major en décembre 1812, il fut en 1813 et 1814 chef du régiment des cuirassiers de Novgorod et commanda la brigade dont faisait partie ce régiment, puis, au retour en Russie en 1815, devint commandant des hussards de la Garde; en 1817, il fut fait général aide de camp, et, en 1818, nommé commandant de la 2e brigade de la division de cavalerie légère de la Garde, tout en restant commandant de régiment. Il fut en 1820 président du conseil de guerre des mutins du régiment Sémenowsky. Relevé en 1822 de ses deux fonctions, il y fut réintégré en 1824. Le 14 décembre 1825, il était aux côtés de Nicolas Ier, qui lui exprima sa gratitude pour „son bon ordre exemplaire, son zèle et sa ponctualité à exécuter les prescriptions de Sa Majesté". Chargé d'abord de l'interrogatoire préalable des Décabristes, il fut ensuite membre de la commission d'enquête, et, à juger d'après les dépositions de quelques-uns des prévenus, eut là une attitude pleine de dignité, insistant seulement pour les engager au repentir et leur conseiller des aveux sincères et complets. Général lieutenant le 1er janvier 1826, il devint la même année commandant de la 1re division de cuirassiers, puis, en 1831, gouverneur militaire par interim de Podolie et Volhynie. En 1832, il fut nommé à Kieff gouverneur militaire chargé de l'administration civile et général gouverneur de Podolie et Volhynie; en 1833, il fut fait comte et promu général de cavalerie. Il fit beaucoup pour l'embellissement de Kieff, mais sans savoir toujours en respecter les antiquités. Irrité de ses démêlés avec le prince Sacken, feld-maréchal commandant la 1re armée dans cette ville, Nicolas Ier le rappela en juin 1835, pour le faire en décembre général gouverneur de Tchernigoff, Poltava et Kharkoff; il le resta jusqu'en octobre 1836. Membre du Conseil de l'Empire en 1838, président du département d'Economie en 1839, décoré de St-André en 1841 et gratifié l'année suivante des diamants de cet ordre, Lévachoff, souvent appelé à faire partie de comités secrets spéciaux pour l'étude de questions particulièrement importantes, y passa inaperçu, se contentant la plupart du temps de se rallier à quelque collègue marquant. En 1847, à la mort du prince Vassiltchikoff, président du Conseil de l'Empire, il fut chargé de le remplacer, et serait sans doute devenu président en titre: mais il mourut du choléra le 23 septembre 1848. Il fut inhumé dans l'église du Saint-Esprit, au monastère d'Alexandre Newsky.

„Zélé et aveugle exécuteur des volontés Impériales", Lévachoff se signala d'ailleurs, dit le comte M. Korff, par „un despotisme tyrannique sur tout ce qui dépendait de lui, et, en dépit de capacités des plus limitées, une vanité démesurée.... Toujours fringant à 66 ans, il avait même des manières toutes juvéniles, que ne démentaient ni sa tournure, ni, en général, son extérieur". Il était apprécié de Nicolas Ier pour son zèle et sa ponctualité, mais ses subordonnés le trouvaient „présomptueux et fanfaron".

Le comte Lévachoff avait épousé Catherine Pétrowna Miatleff (1800—1821), dont il eut une fille, Alexandrine (1821—1880), mariée à Balachoff, et, en secondes noces, Eudoxie Vassiliewna Pachkoff (1796—1868), dont il eut une fille, Catherine (1826—1853), mariée au prince sérénissime B. Golitzyne, et deux fils, Nicolas (1827—1888) et Vladimir (1834—1898).

(D'après un original appartenant à Mme C. Xido, St-Pétersbourg.)

Графъ Василій Васильевичъ Левашовъ, 1783-1848

Le Comte Basile Vassiliewitch Lévachoff, 1783-1848

RUSSES PORTRAITS

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

БИБЛИОТЕКА
Пермской [illegible]
Художественной Галереи
№ 3966

Баронесса **ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА ЧЕРКАСОВА**, 1727—1797, дочь великаго временщика, регента, герцога Курляндскаго Эрнеста-Іоганна Бирона и его супруги, Бенигны-Готлибы Тротта-фонъ-Трейденъ (р. 1703 г., † 1783 г.), Елизавета-Гедвига (въ крещеніи Екатерина Ивановна), родилась 23 Іюня 1727 года. Получивъ въ 1740 году отъ Императрицы Анны Іоанновны фрейлинскій портретъ, богато украшенный брильянтами, она въ томъ же году была принуждена послѣдовать за родителями въ ссылку въ Ярославль. Некрасивая и горбатая, не любимая отцомъ, вымещавшимъ на ней всю горечь своего паденія, умная и честолюбивая, она рѣшилась бѣжать изъ Ярославля и снова занять мѣсто при Дворѣ. Воспользовавшись пріѣздомъ Императрицы Елисаветы въ 1749 г. на богомолье къ Троицѣ, она ночью явилась къ женѣ Ярославскаго воеводы Бобрищевой-Пушкиной и упросила отвезти ее въ Троицкую лавру, чтобы дать ей возможность просить покровительства Императрицы отъ преслѣдованій отца и принять православіе, къ которому она будто бы давно уже чувствовала влеченіе. Представленная Елисаветѣ, при содѣйствіи графини Мавры Егоровны Шуваловой, она была ею обласкана и, три недѣли спустя, была торжественно присоединена къ православію въ Головинскомъ дворцѣ въ присутствіи Императрицы, которая была крестной матерью и, въ виду отсутствія у принцессы всякихъ средствъ, придумала для нея должность надзирательницы за фрейлинами.

Съ этого времени принцесса Бирон начинаетъ играть довольно видную роль при Дворѣ Елисаветы Петровны, и Екатерина II отводитъ много мѣста въ своихъ запискахъ „принцессѣ Курляндской“ и ея „шашнямъ“ съ Великимъ Княземъ Петромъ Ѳеодоровичемъ, съ которымъ она сблизилась за игрою въ триссетъ. „Главное ея достоинство“, говоритъ Екатерина II, „которое она имѣла въ его глазахъ, состояло въ томъ, что она была дочерью не русскихъ родителей и, кромѣ того, имѣла еще ту неоцѣненную прелесть, что она охотно говорила по-нѣмецки, и вотъ мой Великій Князь влюбленъ по уши..... Нужно ей отдать справедливость, что она была очень умна; у нея были чудесные глаза, но лицомъ она была далеко не хороша, за исключеніемъ волосъ, которые были очень краснваго каштановаго цвѣта. Кромѣ того, она была маленькаго роста и не только кривобока, но даже горбата, впрочемъ, это не могло быть недостаткомъ въ глазахъ одного изъ принцевъ Гольштинскаго дома, которыхъ въ большинствѣ случаевъ никакое тѣлесное уродство не отталкивало“. Эта „прекрасная дружба“ принцессы Курляндской съ Великимъ Княземъ ни мало не безпокоила Великую Княгиню, слегка лишь ей надоѣдая и возбуждая въ ней снисходительную иронію, и не мѣшала отдавать справедливость „этому маленькому уроду“. „Принцесса Курляндская“, говоритъ она далѣе, „вела себя вначалѣ съ большой сдержанностью; она была вкрадчива, и умъ ея заставлялъ забывать, что у нея было непріятнаго въ наружности, особенно когда она сидѣла; она каждому говорила то, что могло ему нравиться. Всѣ на нее смотрѣли какъ на интересную сироту; къ ней относились, какъ къ особѣ почти безъ всякаго значенія“. Интрига Великаго Князя съ принцессой продолжалась до появленія на горизонтѣ графини Елизаветы Воронцовой.

Покровительствуемая Чоглоковыми, духовникомъ Императрицы и нѣсколькими старыми камеръ-фрау, принцесса Бирон не пренебрегала выгодами, которыя ей могли доставить особенности ея придворной службы. Стоя во главѣ жившихъ во дворцѣ фрейлинъ, она занимала комнату, примыкавшую къ ихъ помѣщенію, и брала, какъ говорили, плату съ молодыхъ людей за проходъ къ фрейлинамъ, къ которымъ нельзя было иначе попасть, какъ черезъ ея комнату; по свидѣтельству Екатерины, пошлину эту приходилось иногда платить и не деньгами. Существуетъ указаніе, что принцесса Курляндская не чуждалась и политическихъ порученій иностранныхъ резидентовъ въ Петербургѣ. Объ этихъ интригахъ говоритъ въ своихъ запискахъ и Екатерина, свидѣтельствующая, что, по воцареніи Петра III, принцесса Курляндская добилась возвращенія изъ ссылки своего отца.

Устраивая и разстраивая браки придворныхъ фрейлинъ, принцесса Курляндская не забывала и себя; въ 1750 году она испросила соизволеніе Императрицы на бракъ съ камергеромъ П. В. Салтыковымъ, но поссорилась съ женихомъ; въ 1752 году принцесса „при всѣхъ цѣловала руку Императрицѣ за позволеніе выйти замужъ за князя Юрія Хованскаго“, но и эта свадьба не состоялась, и, наконецъ, 25 Февраля 1759 г., принцесса вышла замужъ за барона Александра Ивановича Черкасова. Баронесса Екатерина Ивановна Черкасова умерла въ Дерптѣ 31 Марта 1797 года.

(Съ портрета Дарбеса, 1781 г.; Архивъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, въ Москвѣ.)

La baronne **CATHERINE IVANOWNA TCHERKASSOFF**, 1727—1797, fille du grand favori, régent et Duc de Courlande Ernest-Jean Biron et de Bénigne-Gottlieb, née Trotta von Treuden (1703—1783), Elisabeth-Hedwige (en orthodoxie Catherine Ivanowna) naquit le 23 juin 1727. En 1740, l'année même où elle se vit conférer par l'Impératrice Anne Ioannowna un portrait de demoiselle d'honneur enrichi de brillants, elle dut suivre ses parents dans leur exil à Yaroslavl. Laide et bossue, elle n'était pas aimée de son père, qui se vengeait sur elle de l'amertume de sa disgrâce, mais elle avait de la tête et de l'ambition, et résolut de fuir de Yaroslavl pour reprendre sa situation à la Cour. Voulant profiter du pélerinage de l'Impératrice Elisabeth à la Trinité en 1749, elle alla trouver de nuit la femme du voïévode de la ville Bobrichtcheff-Pouchkine et la pria de la faire conduire au couvent de la Trinité pour solliciter la protection de l'Impératrice contre la malveillance paternelle et embrasser l'orthodoxie, vers laquelle elle se disait depuis longtemps attirée. Elisabeth, à qui elle fut présentée par l'entremise de la comtesse Mavra Schouvaloff, la combla d'amitiés, et, trois semaines plus tard, lui servit de marraine à sa conversion célébrée solennellement au Palais Golovine, puis, en raison de son dénuement absolu, imagina pour elle une charge d'inspectrice des demoiselles d'honneur.

La princesse Biron joue dès lors un rôle assez marquant à la Cour, et Catherine II dans ses Mémoires fait une grande place à la „Princesse de Courlande“ et à „ses amours“ avec le Grand-Duc Pierre Féodorowitch, auquel „le jeu de trisset“ avait „donné du goût pour elle. Le plus grand mérite qu'elle eut à ses yeux“, rapporte l'Impératrice, „était qu'elle se trouvait née de parents qui n'étaient pas russes.... Elle avait encore aux yeux du Grand-Duc l'inestimable charme de parler volontiers la langue allemande: voilà mon Grand-Duc tout en feu.... Il faut lui rendre la justice qu'elle avait beaucoup d'esprit; ses yeux étaient très beaux, mais le reste du visage ne l'était pas, à la couleur des cheveux près, qui étaient d'un très beau châtain. D'ailleurs elle était petite et non seulement contrefaite dans sa taille, mais même bossue: ce défaut n'en pouvait pas être un aux yeux d'un prince de la maison d'Holstein: ceux-ci dans la totalité n'ont jamais été rebutés par aucune difformité du corps“. Cette „belle amitié“, sans donner le moindre ombrage à la Grande-Duchesse, ne faisait que la fatiguer et exciter en elle une indulgente ironie, mais ne l'empêchait nullement de rendre justice „à ce petit monstre“. „La princesse de Courlande“, dit-elle encore, „se conduisait au commencement avec une très grande retenue: elle était insinuante et son esprit faisait oublier ce qu'il y avait de désagréable dans sa figure, surtout quand elle était assise; elle tenait à un chacun les propos qui pouvaient lui plaire. Tout le monde la regardait comme une orpheline intéressante; on la considérait comme une personne quasi sans conséquence“. Son intrigue avec le Grand-Duc dura jusqu'à l'entrée en scène de la comtesse Elisabeth Worontzoff.

Protégée par les Tchoglokoff, par le confesseur de l'Impératrice et par quelques-unes des plus vieilles femmes de chambre, la princesse Biron ne dédaignait pas les profits que pouvaient lui procurer les particularités de son service de Cour. Placée à la tête des demoiselles d'honneur fixées au Palais, elle avait une chambre contiguë à leur appartement et qu'on était forcé de traverser pour arriver chez elles: aussi en profitait-elle, dit-on, pour prélever sur les jeunes visiteurs de ces demoiselles une taxe qui, s'il faut en croire Catherine, n'était pas toujours une redevance en espèces. Certains indices font supposer qu'elle se chargeait volontiers de commissions politiques pour le compte des résidents étrangers de St-Pétersbourg. Il en est d'ailleurs question dans les Mémoires de Catherine II, qui la montrent obtenant à l'avènement de Pierre III le rappel de son père exilé.

Toute occupée qu'elle était de faire et défaire les mariages des demoiselles de Cour, la princesse ne s'oubliait pas elle-même. Après avoir d'abord en 1750 obtenu de l'Impératrice l'autorisation d'épouser le chambellan P. Saltykoff, avec lequel elle se brouilla avant le mariage, puis en 1752 „baisé devant tout le monde la main de l'Impératrice pour son consentement à un mariage avec le prince Youri Khovansky“, qui ne se fit pas non plus, elle finit par épouser le 25 février 1759 le baron Alexandre Ivanowitch Tcherkassoff. Elle mourut à Dorpat le 31 mars 1797.

(D'après l'original de Darbès, 1781, Archives du Ministère des Affaires étrangères, Moscou.)

Пис. Дарбесъ, 1781 – Peint par Darbès, 1781

Баронесса Екатерина Ивановна Черкасова, 1727-1781 | La Baronne Catherine Ivanowna Tcherkassoff, 1727-1781

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

№ 3966

Графъ МИХАИЛЪ ПЕТРОВИЧЪ РУМЯНЦЕВЪ, 1753—1811, старшій сынъ графа Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго, отъ брака съ княжной Екатериной Михайловной Голицыной, родился въ 1753 году (по формуляру въ 1773 г. ему значилось 20 лѣтъ). Какъ извѣстно, Задунайскій герой, послѣ короткой совмѣстной жизни, бросилъ жену, которая была старше его и далеко не отличалась красотой. Сыновья воспитывались на попеченіи матери, которая очень любила ихъ и употребляла всѣ усилія, чтобы дать имъ хорошее воспитаніе и серіозное образованіе. Не мало огорченій доставляли ей хлопоты по отыскиванію учителей. Въ противоположность младшимъ братьямъ, Николаю, будущему канцлеру, любившему углубляться въ различныя историческія и филологическія разысканія, и Сергѣю, не чуждому занятій литературой, Михаилъ съ самаго дѣтства не обнаруживалъ способности и охоты къ ученью, и, какъ ни старалась мать ему „анбицію вкладывать въ голову, онъ былъ неисправенъ и много фохтовъ (fautes) дѣлалъ“. Отецъ больше любилъ младшаго, „Миколашу“, которому посылалъ подарки, къ огорченію матери, повидимому, больше привязанной къ Мишѣ. Съ 6 лѣтъ Румянцевъ былъ записанъ въ гвардію сержантомъ (1 Января 1759 г.), въ 1765 г. былъ произведенъ въ прапорщики, а въ 1769 г. — въ подпоручики. До этого времени онъ жилъ при матери, то въ Глуховѣ, то въ Москвѣ, и только въ началѣ Марта 1769 г. графиня отпустила сына въ С.-Петербургъ, въ полкъ, а въ Іюнѣ она уже сообщала графу-отцу, что „Миша наряженъ въ Петергофъ съ командою, только что ночуетъ въ лагерѣ, а то у Великаго Князя и обѣдаетъ, и ужинаетъ“. Впрочемъ, скоро графъ М. Румянцевъ былъ опять уволенъ въ отпускъ и прожилъ въ Москвѣ до Декабря 1770 г., а 1 Января 1771 г. онъ и его братъ Николай были пожалованы въ адъютанты; 9 Іюля 1771 г. графъ М. П. Румянцевъ былъ выпущенъ въ армейскіе полки, въ штабъ отца, и принялъ участіе въ Первой Турецкой войнѣ. Онъ имѣлъ большую склонность къ военной карьерѣ. Мать знала „съ ребячества“ эту „страсть“; она писала (въ 1771 г.) мужу: „большой сынъ спитъ и видитъ и всѣмъ сказываетъ, что не хочетъ быть придворнымъ, правду скажу, что большому инако (какъ не въ арміи) и не служить“. 28 Іюня 1773 г. Румянцевъ былъ сдѣланъ полковникомъ и командиромъ Старооскольскаго полка. Въ Мартѣ 1774 г. графиня-мать писала мужу: „Боже, дай только, чтобы войну кончить благополучно, ежели бы миръ былъ, такъ, думаю, Мишу бы ты прислалъ съ извѣстіемъ этимъ, ничего такъ не хочется, какъ его видѣть генералъ-майоромъ“; 23 Іюля 1774 г. графъ Румянцевъ былъ пожалованъ Императрицей въ генералы, а въ день празднованія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, 12 Іюня 1775 г., получилъ Александровскую звѣзду. Въ 1782 г., 28 Іюня, онъ былъ пожалованъ въ генералъ-поручики и участвовалъ во 2-й Турецкой войнѣ, въ Финляндской и Польской кампаніяхъ. По вступленіи на престолъ Павла I, Румянцевъ, по словамъ графини Головиной, прислалъ доносъ на Суворова, бывшій причиной опалы великаго полководца. По свидѣтельству ея же, Румянцевъ былъ „самый ограниченный, но очень гордый человѣкъ и, сверхъ того, сплетникъ, не лучше старой бабы“. Въ 1797 г., 9 Апрѣля, Румянцевъ былъ пожалованъ въ дѣйств. тайные совѣтники и въ сенаторы, въ 1798 г. былъ Петербургскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, а 30 Августа 1807 г. назначенъ оберъ-шенкомъ.

Графъ М. П. Румянцевъ послѣдніе годы своей жизни неоднократно проявлялъ признаки разстройства умственныхъ способностей. По словамъ графини Фредро, однажды такой припадокъ умопомѣшательства проявился на вечерѣ у вдовствующей Императрицы. Въ 1806 г., 22 Января, Императрица Елисавета Алексѣевна писала матери: „Vous me demandez des nouvelles de la santé du comte Romantzoff, qui est dans un très mauvais état; il a changé d'une manière étonnante depuis cet automne. Après s'être traîné dans le monde pendant quelque temps, il est de nouveau enfermé chez lui“. 3 Марта 1811 г. Коленкуръ писалъ въ своей депешѣ: „Le comte Michel de Romantzoff a de nouveau donné des symptômes de dérangement d'esprit; il va quitter Pétersbourg pour aller dans ses terres“. 22 Февраля онъ былъ уволенъ въ отпускъ до выздоровленія, а 8 Марта учреждена опека надъ его имѣніемъ. 17 Іюля 1811 г. Лористонъ доносилъ своему правительству: „Le comte de Romantzoff a perdu son frère, le comte Michel, qui depuis quelque temps avait l'esprit aliéné, et qui est mort au Caucase“. Итакъ, графъ М. П. Румянцевъ умеръ холостымъ весной 1811 года. Форма, въ которой проявилось сумасшествіе Румянцева, была довольно оригинальная: одѣвшись въ женское платье, онъ вообразилъ себя экономкой и занимался женскими работами.

(Съ портрета Квадаля, 1801 г.; собственность Великаго Князя Николая Михаиловича.)

20

Le comte **MICHEL PÉTROWITCH ROUMIANTZEFF**, 1753—1811, fils aîné du comte Pierre Alexandrowitch Roumiantzeff-Zadounaïsky et de la princesse Catherine Mikhaïlowna, née Golitzyne, naquit en 1753 (ses états de service lui donnent 20 ans en 1773). On sait que le père ne vécut que peu de temps avec sa femme, plus âgée que lui et affligée d'un physique assez ingrat. Les fils restèrent avec elle; elle les aimait beaucoup et fit tout son possible pour leur donner une bonne éducation et une instruction sérieuse: le choix des maîtres lui causa beaucoup de tracas. Nicolas, le futur chancelier, aimait se plonger dans toute espèce de recherches d'histoire et de philologie; Serge avait un faible pour la littérature: leur aîné, Michel, au contraire, n'eut jamais ni facilité ni goût pour l'étude, et, malgré tous les efforts de sa mère pour „lui mettre de l'ambition en tête, il était négligent et faisait beaucoup de fautes". Le père préférait le plus jeune, Nicolas, et lui envoyait des cadeaux, au grand dépit de la mère, dont la préférence semblait être pour Michel. Enrôlé sergent à la Garde dès l'âge de 6 ans, le 1er janvier 1759, Roumiantzeff passa porte-enseigne en 1765 et sous-lieutenant en 1769. Jusque-là toujours avec sa mère, tantôt à Gloukhovo, tantôt à Moscou, il la quitta dans les premiers jours de mars 1769 pour rejoindre son régiment à Pétersbourg: „Il est commandé pour Péterhof avec un détachement", écrit-elle au père en juin; „au camp, il ne fait que coucher; autrement, toujours chez le Grand-Duc, à dîner et à souper". Mis peu après en non-activité, il resta à Moscou jusqu'en décembre 1770, puis, le 1er janvier 1771, fut fait aide de camp ainsi que son frère Nicolas. Affecté le 9 juillet suivant à un régiment de l'état-major de son père, à l'Armée, il fit la première guerre de Turquie. Il avait un goût prononcé pour la carrière des armes. Sa mère, qui lui connaissait cette „passion" depuis l'enfance, écrit en 1771 au père: „Le grand en rêve, il ne voit que l'armée; il va répétant qu'il ne veut pas de la Cour: à vrai dire, je ne le vois pas autrement que militaire". Le 28 juin 1773, il était colonel et commandant du régiment Starooskolsky. „Dieu veuille seulement", écrivait encore la comtesse en mars 1774, „qu'on finisse heureusement la guerre! Car si on faisait la paix, n'est-ce pas, tu enverrais Micha en porter la nouvelle: je ne désire rien tant que de le voir général major!" Le 23 juillet suivant, l'Impératrice le faisait général, puis, à la célébration de la paix de Koutchouk-Kaïnardji, le 12 juin 1775, lui conférait l'étoile de St-Alexandre. Général lieutenant le 28 juin 1782, il fit ensuite la seconde guerre de Turquie et les campagnes de Finlande et de Pologne. A l'avènement de Paul Ier, il aurait, s'il faut en croire la comtesse Golovine, causé par ses dénonciations la chute de Souvoroff. C'était, dit-elle encore, „un homme des plus bornés, mais très arrogant, et cancanier comme une vieille commère". Conseiller privé actuel et sénateur le 9 avril 1797, maréchal de la noblesse du gouvernement de Pétersbourg en 1798, il fut fait grand échanson le 30 août 1807.

Dans ses dernières années, le comte Roumiantzeff manifesta à maintes reprises des signes de démence. Il eut même un accès, rapporte la comtesse Frédro, à une soirée chez l'Impératrice mère. Le 22 janvier 1806, l'Impératrice Elisabeth écrit à sa mère: „Vous me demandez des nouvelles de la santé du comte Romantzoff, qui est dans un très mauvais état; il a changé d'une manière étonnante depuis cet automne. Après s'être traîné dans le monde pendant quelque temps, il est de nouveau enfermé chez lui". Et Caulaincourt rapporte dans sa dépêche du 3 mars 1811: „Le comte Michel de Romantzoff a de nouveau donné des symptômes de dérangement d'esprit; il va quitter Pétersbourg pour aller dans ses terres". Il fut envoyé en congé de convalescence le 22 février, et le 8 mars ses biens étaient mis en tutelle. Enfin, le 17 juillet 1811, Lauriston rapporte à son gouvernement: „Le comte de Romantzoff a perdu son frère, le comte Michel, qui depuis quelque temps avait l'esprit aliéné et qui est mort au Caucase". Ainsi donc, le comte Michel Roumiantzeff mourut sans alliance au printemps de 1811. Il avait un genre de folie singulier: il s'habillait en femme, se prétendait ménagère, et s'occupait de travaux féminins.

(D'après un original de Quadal, 1801, appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Пис. Квадаль, 1801

Графъ Михаилъ Петровичъ Румянцевъ, 1750-1806

Peint par Quadal, 1801

Le Comte Michel Pétrowitch Roumiantzeff, 1750-1806

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Универсальной Галереи
№ 3966

Князь ПАВЕЛЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ВОЛКОНСКІЙ, 1763—1808, младшій сынъ генералъ-аншефа Михаила Никитича (р. 1713 г., † 1788 г.), отъ брака его съ Елизаветой Алексѣевной Макаровой († 1782 г.), родился 12 Марта 1763 года; служилъ въ Конной гвардіи, откуда, въ 1785 г., изъ штабсъ-ротмистровъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, а 3 Сентября 1793 года—въ дѣйствительные камергеры. По болѣзни, Именнымъ указомъ 3 Января 1796 г., „уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ". Человѣкъ образованный, любившій науки и просвѣщеніе, Волконскій, жившій въ Москвѣ (въ своемъ домѣ, имъ построенномъ, на Лубянской площади, позднѣе графа Ростопчина), былъ близокъ съ передовыми людьми того времени. Интересуясь своимъ родомъ, князь П. М. Волконскій доставлялъ Н. И. Новикову для „Вивліоѳики" матеріалы для исторіи своей фамиліи и, между прочимъ, „сказаніе" старцевъ Боровскаго Пафнутіева монастыря о защитѣ этой обители въ 1606 г. предкомъ его, княземъ Михаиломъ Константиновичемъ Волконскимъ, погибшимъ тамъ геройской смертью († 5 Іюля 1606 г.).

Князь П. М. Волконскій умеръ холостымъ 15 Декабря 1808 г., въ Москвѣ; похороненъ также въ Боровскомъ Пафнутіевѣ монастырѣ.

Въ Февральской книжкѣ „Русскаго Вѣстника" за 1809 г. появилась статья о князѣ Волконскомъ, гдѣ говорилось: „Человѣколюбію и благотворительности помѣщиковъ ввѣрено благосостояніе крестьянъ. Истинные русскіе помѣщики, благородные по дѣламъ, а не по одному только имени, были всегда помѣщиками человѣколюбивыми. Они знали и старались напечатлѣвать въ сердцахъ дѣтей своихъ, что крестьяне суть такіе же люди. Случай, подавшій поводъ къ симъ разсужденіямъ, докажетъ, что сіи люди умѣютъ живо чувствовать силу любви и благодѣятельности... 15 Декабря 1808 г., на 46 г. отъ рожденія, скончался въ Москвѣ благодѣтельный помѣщикъ князь П. М. Волконскій. Получивъ сію печальную вѣсть, 200 человѣкъ крестьянъ сходятся къ бурмистру. „Веди насъ", говорятъ они ему, „веди насъ проститься съ отцомъ нашимъ; мы на рукахъ понесемъ его гробъ". Со слезами и рыданіями входятъ они въ домъ благодѣтеля своего. Тамъ увѣдомляетъ бурмистръ родственниковъ князя, что крестьяне пришли въ Москву съ тѣмъ, чтобы на рукахъ своихъ нести тѣло господина своего до самаго того мѣста, гдѣ оно будетъ предано землѣ. Имъ говорятъ, что покойный князь погребенъ будетъ въ Боровскомъ Пафнутіевѣ монастырѣ, и что они отъ дальняго такого путешествія могутъ пострадать. „Богъ поможетъ намъ!" Почтенные родственники князя склонились на просьбу ихъ. Число крестьянъ, приходившихъ въ Москву, часъ отъ часу умножалось. Въ день выноса, 18 Декабря, стеклось болѣе 300 человѣкъ; въ то самое время, тѣ изъ крестьянъ, которые занимаются въ Москвѣ различными торговыми промыслами, одѣляли нищихъ пищею и деньгами". Какъ видно изъ той же статьи, отпѣвали князя въ церкви Введенія, на Лубянкѣ, при „слезахъ и рыданіяхъ дворовыхъ людей и крестьянъ". Дворовые несли гробъ до Калужской заставы, затѣмъ взяли его крестьяне, чередуясь каждыя 2 версты. Въ 28 верстахъ отъ Боровска гробъ приняли Наровскіе крестьяне, а внесли въ монастырь опять дворовые; 20 Декабря состоялось погребеніе. „Мѣсто, гдѣ находится прахъ князей Волконскихъ", продолжаетъ авторъ статьи, „уже давно ознаменовано славою и величіемъ духа, достойными россіянъ. Благоговѣя къ памяти предка, всѣ его потомки желали соединить могилы свои съ могилою его, князя Михаила Константиновича Волконскаго, о коемъ ничто не изгладитъ напоминанія въ сердцахъ и лѣтописяхъ русскихъ. Отецъ-помѣщикъ, недавно переселившійся въ единую съ нимъ обитель, благодѣтельностью души своей показалъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не измѣнилъ бы славѣ праотца своего. Съ мирными нравственными добродѣтелями должны быть тѣсно сопряжены мужество и величіе духа".

Здѣсь помѣщаются два изображенія князя П. М. Волконскаго, воспроизведенныя съ первоклассныхъ миніатюръ,—одна работы Ритта, другая неизвѣстнаго художника, великолѣпной англійской работы.

(Съ миніатюръ изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

21

Le prince **PAUL MIKHAÏLOWITCH WOLKONSKY**, 1763—1808, fils cadet du prince Michel Nikititch Wolkonsky (1713—1788), général en chef, et d'Elisabeth Alexéewna, née Makaroff († 1782), naquit le 12 mars 1763. Il prit d'abord du service à la Garde à cheval, puis, capitaine en second, permuta en 1785 gentilhomme de la chambre, et devint le 3 septembre 1793 chambellan effectif. Il fut, par oukaze de S. M. du 3 janvier 1796, „relevé de toutes fonctions" pour raisons de santé. Fixé à Moscou dans la maison qu'il s'était fait construire place de la Loubianka et qui passa plus tard au comte Rostoptchine, Wolkonsky, éclairé, ami de la science et de l'instruction, fut lié avec tous les progressistes de l'époque. Curieux du passé de sa famille, il remit à Novikoff pour sa Bibliothèque des matériaux relatifs à son histoire, et entre autres, la „tradition" des vieux moines de St-Paphnuce à Borowsk sur la défense de leur monastère, où son aïeul, le prince Michel Wolkonsky, trouva le 5 juillet 1606 une mort héroïque.

Le prince Paul Wolkonsky, mort sans alliance à Moscou le 15 décembre 1808, fut inhumé aussi au monastère St-Paphnuce, à Borowsk, près Kalouga. Le Messager russe de février 1809 lui consacre l'article suivant: „Le bien-être du paysan est sous la sauvegarde de l'humanité et de la bienfaisance du propriétaire. Le vrai propriétaire russe, celui qui est noble de cœur et non seulement de nom, a toujours été humain. Il a su et s'est attaché à enseigner au cœur de ses enfants que le paysan est un homme, lui aussi. L'occasion qui nous inspire ces réflexions prouve que cet homme sait souvent sentir la force de l'amour et de la bienfaisance. Le 15 décembre 1808 est mort à Moscou dans sa 46e année un généreux propriétaire, le prince Paul Wolkonsky. A cette triste nouvelle, deux cents paysans vont trouver le bailli: „Conduis-nous", disent-ils, „dire adieu à notre père! Nous porterons le cercueil à bras". Ils arrivent éplorés chez leur bienfaiteur, où le bailli déclare à la famille qu'ils sont venus à Moscou dans l'intention de porter à bras d'hommes le corps de leur maître jusqu'au lieu de sa sépulture. On leur dit que ce sera le monastère St-Paphnuce, à Borowsk, et qu'une si longue traite peut leur être funeste: „Dieu nous aidera!" Il fallut consentir. Leur nombre allait sans cesse grossissant; au jour de la levée du corps, le 18 décembre, ils étaient plus de trois cents. Ce jour-là, tous ceux d'entre eux qui faisaient du commerce à Moscou distribuèrent des secours en nature et en argent". Comme dit encore le même article, le service funèbre fut célébré à l'église de la Présentation, sur la Loubianka, au milieu „des larmes et des gémissements des gens de service et paysans". Le cercueil fut porté jusqu'à la barrière de Kalouga par les gens de service, et ensuite par des paysans qui se relayaient toutes les deux verstes; il fut remis à 28 verstes de Borowsk à ceux de Nara, puis repris par des gens de service pour l'entrée au monastère. L'inhumation eut lieu le 20 décembre. „Le lieu de la sépulture des Princes Wolkonsky", continue l'article, „est depuis longtemps entouré d'une gloire et d'une magnificence toutes russes. Pleins de vénération pour la mémoire de leur aïeul Michel Konstantinowitch Wolkonsky, dont la mémoire est impérissable dans les cœurs et les annales de Russie, ses descendants ont tenu à n'avoir qu'une sépulture avec lui. Le père des paysans qui vient de descendre dans cette retraite a bien montré par l'élévation de son âme qu'il n'aurait jamais failli à la gloire de son ancêtre. Aux vertus paisibles du cœur doivent s'unir étroitement la valeur et la grandeur d'âme".

On trouvera ici deux portraits du prince Paul Wolkonsky, d'après des miniatures de premier ordre, l'une de Ritt, l'autre d'un artiste inconnu de l'école anglaise, d'une exécution splendide.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Пис: Риттъ

Peint par Ritt

Князь Павелъ Михайловичъ Волконскій, 1763-1808

Le Prince Paul Mikhaïlowitch Wolkonsky, 1763-1808

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи
№ 2644

22

Княгиня **ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА ВОЛКОНСКАЯ**, 1770—1853, дочь сподвижника Екатерины II, Ярославскаго и Вологодскаго генералъ-губернатора, сенатора Алексѣя Петровича Мельгунова (р. 1722 г., † 1788 г.), отъ брака съ Натальей Ивановной Салтыковой (р. 1742 г., † 1782 г.), родилась 18 Мая 1770 года; была замужемъ за генералъ-интендантомъ, генералъ-лейтенантомъ княземъ Дмитріемъ Петровичемъ Волконскимъ (р. 1764 г., † 1812 г.), роднымъ дядей министра Императорскаго Двора, фельдмаршала свѣтлѣйшаго князя Петра Михайловича Волконскаго. Она овдовѣла въ 1812 году; въ 20-хъ и 30-хъ годахъ жила въ Москвѣ; о ней часто упоминаетъ А. Я. Булгаковъ въ своихъ письмахъ къ брату.

Княгиня Е. А. Волконская пользовалась большой извѣстностью въ Московскомъ и Петербургскомъ обществѣ, прозвавшемъ ее „la tante militaire“, и имѣла большое вліяніе на весьма ее уважавшаго племянника-министра, котораго она была благодѣтельницей. Изъ вниманія къ князю П. М. Волконскому она удостоилась чести, на которую, по своему положенію, не имѣла права разсчитывать: 6 Декабря 1848 г. была пожалована въ статсъ-дамы. Княгиня Екатерина Алексѣевна Волконская попала, по ошибкѣ, въ „Словарь русскихъ писательницъ“ князя Н. Н. Голицына, который смѣшалъ ее съ княгиней Екатериной Александровной Волконской, рожденной Болтиной. Скончалась княгиня Е. А. Волконская въ глубокой старости 21 Августа 1853 г. и погребена въ своей подмосковной, селѣ Сухановѣ.

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность П. П. Дурново, въ С.-Петербургѣ.)

22

La princesse CATHERINE ALEXÉEWNA WOLKONSKY, 1770—1853, fille du sénateur et collaborateur de Catherine II Alexis Pétrowitch Melgounoff (1722—1788), général gouverneur de Yaroslavl et Vologda, et de Natalie Ivanowna, née Saltykoff (1742—1782), naquit le 18 mai 1770. Elle épousa le prince Dmitri Pétrowitch Wolkonsky (1764—1812), général lieutenant, intendant général, oncle du prince sérénissime, feld-maréchal et ministre de la Cour, Pierre Mikhaïlowitch Wolkonsky. Veuve depuis 1812, elle habita Moscou de 1820 environ jusque vers 1840. Il est souvent question d'elle dans les lettres d'Alexandre Boulgakoff à son frère.

La princesse Wolkonsky jouissait d'une grande notoriété dans les sociétés de Pétersbourg et de Moscou, sous le sobriquet de la tante militaire. Elle eut une influence considérable sur le ministre son neveu, qui lui témoignait une grande vénération et qui lui dut beaucoup. Il lui valut, de son côté, une faveur à laquelle sa situation ne lui permettait guère d'aspirer, la dignité de dame d'honneur, qui lui fut conférée le 6 décembre 1848. Le prince N. Golitzyne lui fait à tort une place dans son Dictionnaire des femmes de lettres russes, la confondant ainsi avec la princesse Catherine Alexandrowna Wolkonsky, née Boltine. Elle mourut dans une vieillesse avancée le 21 août 1853, et fut inhumée au bourg de Soukhanovo, sa propriété des environs de Moscou.

(D'après un original de Borovikowsky, appartenant à P. Dournovo, St-Pétersbourg.)

Пис. Боровиковскій

Княгиня Екатерина Алексѣевна Волконская, 17··-1853

Peint par Borovikowsky

La Princesse Catherine Alexéewna Wolkonsky, 17··-1853

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи
№ 3966

23

Князь **ДМИТРІЙ ПЕТРОВИЧЪ ВОЛКОНСКІЙ**, 1762—1812, сынъ статскаго совѣтника князя Петра Александровича (р. 1724 г., † 1812 г.), отъ брака съ Анисьей Ивановной Гагиной, былъ родной дядя фельдмаршала свѣтлѣйшаго князя Петра Михайловича Волконскаго. Несмотря на то, что онъ достигъ довольно высокаго служебнаго положенія, свѣдѣнія о немъ, дошедшія до насъ, очень скудны, и даже правнучка его брата, авторъ „Рода Волконскихъ“, смѣшала его съ другимъ лицомъ и приписала ему службу на Кавказѣ въ 1804 г., тогда какъ правителемъ Грузіи въ это время былъ князь Дмитрій Михайловичъ Волконскій, извѣстный подъ прозвищемъ „заики“, а не Дмитрій Петровичъ.

Службу началъ князь Д. П. Волконскій въ Преображенскомъ полку. Въ чинѣ полковника получилъ онъ въ 1794 г. орденъ св. Георгія 3-й степени. Къ концу царствованія Павла I Волконскій былъ уже генералъ-лейтенантомъ, командоромъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго и занималъ должность генералъ-интенданта, которую сохранилъ и при Александрѣ I. Во второй половинѣ 1801 года онъ былъ назначенъ членомъ особой комиссіи подъ предсѣдательствомъ Цесаревича Константина Павловича, учрежденной „для разсужденія о нуждахъ арміи“. Кромѣ того, Волконскій состоялъ членомъ Военной Коллегіи. Въ 1807 году Волконскій сопровождалъ Государя въ дѣйствующую армію. Скончался онъ послѣ продолжительной болѣзни 30 Сентября 1812 г. въ Рязанскомъ своемъ имѣніи Малинкахъ, гдѣ и былъ временно погребенъ; въ 1814 г. прахъ его былъ перенесенъ въ склепъ при вновь построенной церкви его Подмосковной, села Суханова. Князь Д. П. Волконскій былъ женатъ на Екатеринѣ Алексѣевнѣ Мельгуновой (р. 1770 г., † 1853 г.), но потомства не оставилъ.

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность свѣтл. князя Д. П. Волконскаго, въ Петербургѣ.)

23

Le prince **DMITRI PÉTROWITCH WOLKONSKY**, 1762—1812, fils du prince Pierre Alexandrowitch Wolkonsky (1724—1812), conseiller d'état, et d'Anisia Ivanowna, née Gaguine, était l'oncle du feld-maréchal prince sérénissime Pierre Mikhaïlowitch Wolkonsky. Malgré la situation élevée à laquelle il parvint, on ne sait que peu de chose de lui, et même, l'auteur de La Famille Wolkonsky, une arrière-petite-fille de son frère, lui attribue un poste au Caucase en 1804, le confondant ainsi avec le prince Dmitri Mikhaïlowitch Wolkonsky, dit le Bègue, gouverneur de la Géorgie à cette époque.

Enrôlé d'abord au régiment Préobragensky, le prince Wolkonsky, étant colonel, fut décoré en 1794 de St-Georges de 3e classe. A la fin du règne de Paul Ier, il était déjà général lieutenant, commandeur de l'ordre de Saint-Jean-de-Jérusalem, et avait un poste d'intendant général, qu'il conserva sous Alexandre Ier. Dans la seconde moitié de 1801, il fut membre de la commission spéciale instituée sous la présidence du Césarewitch Constantin Pavlowitch „pour l'étude des besoins de l'armée"; il siégea également au Collège Militaire. En 1807, il accompagna l'Empereur à l'armée d'opérations. Il mourut le 30 septembre 1812 après une longue maladie dans sa propriété de Malinki, aux environs de Riazan, et y fut inhumé provisoirement; ses cendres furent transférées en 1814 dans la crypte de la nouvelle église de sa propriété de Soukhanovo, près Moscou. Il avait épousé Catherine Alexéewna Melgounoff (1770—1853), mais n'eut pas d'enfants.

(D'après un original de Borovikowsky, appartenant au prince sérénissime D. Wolkonsky, St-Pétersbourg.)

Пис. Боровиковскій

Князь Дмитрій Петровичъ Волконскій, 1764-1812

Peint par Borovikowsky

Le Prince Dmitri Pétrowitch Wolkonsky, 1764-1812

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи
3966

АЛЕКСѢЙ ЕГОРОВИЧЪ ЕГОРОВЪ, 1776—1851, калмыченокъ, захваченный казаками, былъ помѣщенъ въ Московскій Воспитательный домъ; мѣсто рожденія и происхожденіе его неизвѣстны; единственными воспоминаніями его дѣтства были богатый шелковый халатъ, вышитые сапоги и кибитка; все это, вмѣстѣ съ татарскимъ его обликомъ, подтверждали его азіатское происхожденіе. Егоровъ поступилъ въ Академію Художествъ ученикомъ Акимова 14 Августа 1782 г.; въ 1797 г. онъ окончилъ курсъ, а въ слѣдующемъ году опредѣленъ преподавателемъ ея; въ 1800 г. „назначенный" въ академики, въ 1803 г. былъ отправленъ за границу, въ Римъ, гдѣ находился подъ вліяніемъ Каммучини. Усвоивъ себѣ правильный и строгій рисунокъ, Егоровъ „хранилъ его, подобно огню Весты", передавая тайны его нѣсколькимъ поколѣніямъ художниковъ. Канова и Каммучини „дивились его рисунку, строгости стиля и неподражаемой плодовитости. Въ сочиненіи онъ любилъ ясность, простоту и немногосложность, въ колоритѣ естественность; кисть его была мягкая и смѣлая, пластическая естественность его фигуръ изумительна". Человѣкъ вполнѣ русскихъ вкусовъ, въ молодости коренастый богатырь, Егоровъ въ Италіи пользовался удивительной популярностью: его знали всѣ—одни звали его великимъ русскимъ рисовальщикомъ, другіе—„русскимъ медвѣдемъ"; „сегодня онъ бьетъ карандашемъ Каммучини, а завтра кулакомъ какого-нибудь Ринальдо, выбрасывая его вмѣстѣ съ его кинжаломъ за окно". Всѣ кварталы Рима были полны слухами о его геркулесовскихъ подвигахъ. Въ 1807 г. Егоровъ вернулся въ Петербургъ и былъ назначенъ адъюнктомъ, а затѣмъ академикомъ (за „Положеніе во гробъ"). Онъ состоялъ въ это время преподавателемъ рисованія Императрицы Елисаветы Алексѣевны, и Александръ I, искренно его любившій, далъ ему прозваніе „знаменитаго" за то, что онъ въ 28 дней написалъ въ Царскомъ Селѣ аллегорическую картину „Благоденствіе мира", на которой было около 100 фигуръ въ натуральную величину. Человѣкъ глубоко вѣрующій, Егоровъ считалъ настоящимъ своимъ призваніемъ религіозную живопись, въ коей и оставилъ видные слѣды. Онъ признавалъ, что церковной живописью „проповѣдуетъ слово Божіе, и охотникамъ писать съ себя портреты предлагалъ искать другого художника, говоря, что онъ пишетъ портреты, только не съ людей". (Впрочемъ извѣстно, что онъ написалъ портреты княгини Евдокіи Голицыной и генерала богача Шепелева). Какъ учитель, Егоровъ напоминалъ древнихъ философовъ: братство и дружба соединяли его съ учениками, которые готовы были всячески услуживать любимому учителю—подавали ему шинель, палку, зажигали фонарь и толпой провожали до квартиры. Было что-то патріархальное въ этихъ отношеніяхъ, авторитетъ и глубокое почтеніе были ихъ источникомъ. Училъ Егоровъ всегда на дѣлѣ, личнымъ указаніемъ и исправленіемъ рисунка, рѣдко краткимъ, отрывистымъ словомъ. На ряду съ высокосимпатичными чертами, какъ часто бываетъ съ русскими людьми, Егоровъ, особенно въ домашнемъ быту, былъ великій самодуръ. Дочерямъ своимъ онъ не далъ никакого образованія: „къ чему дѣвку учить, все равно забудутъ, были бы деньги—женихи будутъ". Жениха одной изъ нихъ онъ едва не выгналъ изъ дому, заподозривъ, что онъ масонъ только потому, что молодой офицеръ за обѣдомъ сложилъ крестомъ ножъ съ вилкой. Кромѣ того, онъ къ старости сталъ скупъ, подозрителенъ и полонъ всякихъ чудачествъ. „Въ грязнѣйшемъ халатѣ", пишетъ М. Ѳ. Каменская, дочь графа Толстого, „въ такой же ермолкѣ на головѣ, Егоровъ всегда стоялъ передъ мольбертомъ и писалъ какой-нибудь большой образъ; около него на креслѣ, въ пунцовомъ ситцевомъ платьѣ, прикрывая ковровымъ платкомъ свой громадный животъ, всегда сидѣла на натурѣ очень еще красивая собою жена его (я не помню ее иначе, какъ въ почтенномъ положеніи), Вѣра Ивановна (дочь скульптора И. П. Мартоса); у него всѣ Богородицы выходили—жена его, а всѣ ангелы—старшая дочь его, хорошенькая Наденька"; ангеловъ онъ писалъ и съ другихъ своихъ дочерей, Дунечки и Софіи, но съ послѣдней также изображались и одалиски. У Егорова былъ еще сынъ „Евдокимушка"; дочери вышли замужъ Надежда за О. Н. Булгакова, а Дунечка—за Теребенева.

Подъ конецъ жизни Егорова постигъ тяжелый ударъ: въ 1840 г. онъ былъ уволенъ отъ службы, такъ какъ его образа для церкви Св. Троицы въ Царскомъ Селѣ не понравились Государю Николаю Павловичу.

А. Е. Егоровъ умеръ въ Петербургѣ 10 Сентября 1851 г., на 76 году, сказавъ передъ смертью: „Догорѣла моя свѣча".... Похороненъ онъ на Смоленскомъ кладбищѣ, недалеко отъ могилы Мартоса.

(Съ портрета Ершова; Императорская Академія Художествъ.)

ALEXIS ÉGOROWITCH ÉGOROFF, 1776—1851, kalmouk enlevé tout petit par les Cosaques et mis aux Enfants-Trouvés de Moscou, était de naissance et d'origine inconnues; ses uniques souvenirs d'enfance, un riche manteau de soie, des bottes brodées et une tente de nomades, joints à son type tatare, témoignent assez de sa provenance asiatique. Entré le 14 août 1782 dans la classe d'Akimoff à l'Académie des Beaux-Arts, il en sortit en 1797 pour y devenir maître l'année suivante. Candidat académicien en 1800, il fut envoyé en 1803 à Rome, où il subit l'influence de Cammucini. Il s'y fit un dessin d'une correction et d'une rigueur qu'il „conserva comme la Vestale le feu sacré", pour en transmettre le secret à plusieurs générations d'artistes. Canova et Cammucini „admiraient son dessin, sa sévérité de style et son inimitable fécondité. Dans la composition, il aimait la clarté, la simplicité et la sobriété, dans le coloris, le naturel; son pinceau était souple et hardi, le naturel plastique de ses figures extraordinaire". Foncièrement russe de goûts, d'une carrure herculéenne étant jeune, il fut en Italie l'objet d'une étonnante popularité; connu partout, appelé ici le grand dessinateur russe, là „l'ours russe", il „attaque aujourd'hui à coups de crayon Cammucini, demain à coups de poing un Rinaldo quelconque, qu'il jette par la fenêtre lui et son poignard". Tous les quartiers de Rome retentirent du bruit de ses travaux d'Hercule. Rentré à Pétersbourg en 1807, il fut nommé adjoint à l'Académie, puis, pour sa Mise au Tombeau, académicien. Il était en même temps maître de dessin de l'Impératrice Elisabeth, et Alexandre Ier, qui l'avait en grande affection, le proclamait „célèbre" pour avoir exécuté en vingt-huit jours à Tzarskoïé Sélo son allégorie du Triomphe de la Paix, qui ne comportait pas moins d'une centaine de personnages grandeur naturelle. D'une foi profonde, il estimait l'art sacré sa véritable vocation, et y laissa des traces durables; cet art, disait-il, „répand la parole de Dieu, et ceux qui venaient lui commander des portraits, il les adressait ailleurs, ajoutant qu'il en faisait bien, mais non pas pour le monde". (On sait d'ailleurs qu'il fit ceux de la princesse Eudoxie Golitzyne et du riche général Chépéleff.) Avec ses élèves, il était, tels les philosophes de l'antiquité, en bonnes relations d'amicale fraternité, et eux, toujours prêts à complaire au cher maître, lui présentaient son manteau et son bâton, et allumaient une lanterne pour lui faire escorte jusque chez lui. Il y avait quelque chose de patriarcal dans ces relations, fondées sur l'autorité et la profonde considération dont il jouissait. Son enseignement était essentiellement pratique, tout entier en indications personnelles et en corrections réelles, rarement borné à un mot lancé au vol. Mais, comme il arrive souvent aux russes, avec ses côtés foncièrement sympathiques, il avait de grosses incohérences, surtout dans son intérieur. Il ne fit pas donner d'instruction à ses filles: „A quoi bon les instruire? Elles oublieront tout. Avec de l'argent, les partis ne manqueraient pas!" Il faillit mettre à la porte le fiancé de l'une d'elles, jeune officier qui lui paraissait suspect de maçonnisme pour avoir à table mis son couteau et sa fourchette en croix. Puis, sur ses vieux jours, il devint avare, soupçonneux et enclin à toute espèce de bizarreries. „En robe de chambre d'une saleté repoussante", écrit Mme Kamensky, fille du comte Tolstoï, „sur la tête une calotte non moins crasseuse, Egoroff était sans cesse devant son chevalet à peindre quelque grande image sainte; près de lui, dans un fauteuil, il avait toujours comme modèle, vêtue d'une indienne ponceau et dissimulant son énorme ventre sous une tapisserie, sa femme, une fort jolie personne encore, que je ne vois pas autrement que dans une position intéressante, la fille Véra du sculpteur Ivan Martos. Toutes ses Vierges, c'était sa femme, tous ses anges sa fille aînée la belle Nadia"; comme anges, il prenait aussi ses autres filles, Eudoxie et Sophie, celle-ci posant également les odalisques. Il avait encore un fils, Eudoxe; des filles, Nadia épousa O. Boulgakoff, et Eudoxie Térébéneff.

Ses dernières années furent assombries par un coup terrible: en 1840, il fut mis à la retraite, les images qu'il avait peintes pour l'église de la Trinité de Tzarskoïé Sélo ayant eu le malheur de déplaire à l'Empereur Nicolas.

Egoroff mourut à Pétersbourg le 10 septembre 1851 dans sa 76e année; ses dernières paroles furent: „La lampe est usée".... Il fut inhumé au cimetière de Smolensk, près de son beau-père Martos.

(D'après l'original d'Erchoff, Académie Impériale des Beaux-Arts.)

Пис: Ершовъ

Алексѣй Егоровичъ
Егоровъ, 1776-1851

Peint par Erchoff

Alexis Egorowitch
Egoroff, 1776-1851

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галлереи
№ 3966

ИВАНЪ АКИМОВИЧЪ АКИМОВЪ, 1753—1814, сынъ наборщика Сенатской типографіи, родился въ Петербургѣ 22 Мая 1753 г.; оставшись рано сиротой, Акимовъ просилъ о принятіи его въ Академію Художествъ для обученія искусствамъ. Скоро онъ сдѣлалъ большіе успѣхи въ рисованіи и 18 лѣтъ получилъ золотую медаль за картину „Великій Князь Изяславъ Мстиславовичъ“, затѣмъ въ слѣдующемъ году (1773 г.), при выпускѣ изъ Академіи, опять получилъ большую золотую медаль за картину, изображавшую возвращеніе Святослава изъ Болгаріи въ Кіевъ, послѣ чего былъ отправленъ за границу, именно въ Болонью, откуда въ слѣдующемъ году ему разрѣшено было переѣхать въ Римъ. Здѣсь, благодаря рекомендаціи И. И. Шувалова, Акимовъ пользовался покровительствомъ и руководительствомъ знаменитаго портретиста Помпео Баттони, столь прославившагося колоритностью своихъ произведеній, чего въ особенности и всегда именно не хватало Акимову. Самъ художникъ сознавалъ этотъ недостатокъ и не мало трудился надъ изученіемъ венеціанскихъ колористовъ. Въ Римѣ Акимовъ написалъ картину „Прометей и Минерва“, за которую въ 1778 г. получилъ званіе „назначеннаго въ академики“. По возвращеніи въ Россію Акимовъ былъ назначенъ преподавателемъ въ натурный классъ. Въ 1782 г. за программу „Самосожженіе Геркулеса“ признанъ академикомъ исторической живописи.

И. А. Акимовъ въ Академіи „пользовался большимъ вліяніемъ и большимъ почетомъ, какъ знатокъ искусства, администраторъ и пріятный человѣкъ въ обществѣ, много читавшій и умѣвшій вести бесѣду“. Въ 1786 г. онъ былъ назначенъ инспекторомъ Шпалерной мануфактуры, а въ 1791 г. ея директоромъ. Въ 1794 г. Акимовъ былъ назначенъ директоромъ Академіи Художествъ. Павелъ I, дѣтей котораго Акимовъ обучалъ рисованію, также ему покровительствовалъ и давалъ заказы, между прочимъ при постройкѣ Михайловскаго замка. Въ живописи на религіозныя темы Акимовъ оставилъ выдающіяся произведенія въ соборѣ Александро-Невской лавры, гдѣ имъ написанъ иконостасъ, каковы, напримѣръ, величественный „Богъ Саваоѳъ“ и изящный „Архангелъ Гавріилъ“, въ которыхъ даже краски достаточно ярки, безъ нарушенія общей гармоніи ихъ сочетанія. Акимовъ извѣстенъ также, какъ граверъ и драматическій писатель. Его „Краткія историческія извѣстія“ о художникахъ напечатаны были въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ за 1804 годъ.

Потерявъ рано жену и не имѣя дѣтей, Акимовъ завѣщалъ Академіи свое собраніе гравюръ и эстамповъ и капиталъ въ 15/т. рублей асс. на выдачу пособій двумъ бѣднымъ воспитанникамъ Академіи. И. А. Акимовъ умеръ 15 Августа 1814 года.

За портретъ Акимова, писанный въ 1797 г., Іоганнъ-Баптистъ Лампи-сынъ (р. 1775 г., † 1837 г.) признанъ былъ академикомъ.

(Съ портрета Лампи-сына, 1797 г.; Императорская Академія Художествъ.)

25

IVAN AKIMOWITCH AKIMOFF, 1753—1814, fils d'un compositeur de l'imprimerie du Sénat, naquit à Pétersbourg le 22 mai 1753. Orphelin de bonne heure, il se tourna vers l'art et se fit admettre à l'Académie des Beaux-Arts. Ses progrès en dessin furent rapides: à 18 ans, son Grand-Duc Iziaslav Mstislavowitch lui valait une médaille d'or. Il en remporta une seconde l'année suivante, en 1773, à sa sortie de l'Académie, pour son Sviatoslav à Kieff, retour de Bulgarie, puis fut envoyé à Bologne, d'où il fut autorisé au bout d'un an à aller à Rome. Là, les recommandations de Schouvaloff lui procurèrent la protection et les conseils du célèbre portraitiste Pompeo Battoni, si réputé pour ce qui justement lui manqua toujours tant à lui, le coloris. Il se rendait bien compte de son imperfection, et étudia avec le plus grand soin les coloristes vénitiens. Le Minerve et Prométhée qu'il rapporta de Rome en 1778 lui valut le titre de candidat académicien. A son retour en Russie, il fut nommé maître de la classe de dessin d'après nature, et, en 1782, sur le sujet Le Sacrifice d'Hercule, proclamé académicien de peinture historique.

A l'Académie, Akimoff „jouit d'une grande influence et d'une grande considération comme connaisseur d'art et administrateur; ses lectures et l'agrément de sa conversation le faisaient apprécier en société". En 1786, il fut nommé inspecteur, et en 1791 directeur de la manufacture de tapisseries, puis il devint, en 1794, directeur de l'Académie des Beaux-Arts. Il fut en faveur près de Paul Ier, aux enfants duquel il donna des leçons de dessin et qui lui fit des commandes, par exemple pour la construction du Palais Michel. Comme peinture sacrée, on a de lui dans la cathédrale du monastère d'Alexandre Newsky, dont il peignit l'iconostase, des chefs-d'œuvre où le coloris même est assez intense sans nuire à l'harmonie de l'ensemble, son majestueux Dieu Sabaoth et son délicat Archange Gabriel. Il est connu aussi comme graveur et auteur dramatique, et publia en 1804 dans le Messager du Nord des Esquisses historiques d'artistes.

Veuf de bonne heure et sans enfants, Akimoff légua à l'Académie sa collection de gravures et d'estampes, ainsi qu'un capital de 15.000 roubles destiné à fonder deux bourses d'élèves pauvres. Il mourut le 15 août 1814.

Le présent portrait de Jean-Baptiste Lampi fils (1775—1837) valut à son auteur le titre d'académicien.

(D'après l'original de Lampi fils, 1797, Académie Impériale des Beaux-Arts.)

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галлереи
№ 3966

Пис. Лампи-сынъ

Иванъ Акимовичъ
Акимовъ, 1764-1814

Peint par Lampi fils

Ivan Akimowitch
Akimoff, 1764-1814

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи
№ 3966

26

Императрица **АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА**, 1798—1860, и Императоръ **НИКОЛАЙ I**, 1796—1855. Императрица Александра Ѳеодоровна, принцесса Фридерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина, дочь Прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III и знаменитой королевы Луизы († 19 Іюня 1810 г.), родилась 2/13 Іюля 1798 года. Вступила въ супружество 1 Іюля 1817 года съ Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ. Отъ этого брака были слѣдующія дѣти: Императоръ Александръ II (р. 17 Апрѣля 1818 г.), Великія Княжны — Марія (р. 6 Августа 1819 г.), Ольга (р. 30 Августа 1822 г.) и Александра (р. 12 Іюня 1825 г.), и Великіе Князья — Константинъ (р. 9 Сентября 1827 г.), Николай (р. 27 Іюня 1831 г.) и Михаилъ (р. 13 Октября 1832 г.). Императрица Александра Ѳеодоровна, переживъ Супруга, скончалась 20 Октября 1860 года.

„Намъ памятна еще", говоритъ Ровинскій, „Ея величественная и стройная фигура, представлявшая законченный типъ нѣмецкой красоты". Пушкинъ съ восторгомъ описываетъ ея выходы на придворные балы, какъ она, „колеблясь, подобно лиліи крылатой", входитъ въ тѣсный кругъ придворныхъ:

„И надъ поникшею толпою
Сіяетъ царственной главою".

Императоръ Николай I Павловичъ, 3-й сынъ Императора Павла Петровича, отъ второго его брака съ Императрицей Маріей Ѳеодоровной, принцессой Софіей-Доротеей Виртембергской, родился 25 Іюня 1796 года. Великій Князь Николай Павловичъ вступилъ на престолъ 19 Ноября 1825 г., послѣ кончины Императора Александра I и вслѣдствіе отреченія Великаго Князя Константина Павловича. Коронованъ въ Москвѣ 22 Сентября 1826 года

Николай I скончался во время Крымской кампаніи 18 Февраля 1855 года.

О наружности Николая Павловича всѣ современники согласно говорятъ, что онъ былъ рѣдко красивый человѣкъ, съ фигурой стройной, высокой, „величественной и торжественной". Королева Викторія въ 1844 г. писала: „Видъ его безъ сомнѣнія поражаетъ, онъ все еще очень хорошъ собой, профиль его прекрасенъ, манеры полны достоинства и граціи", а герцогъ Мальмсбюри находилъ его „величественнымъ, съ замѣчательно красивыми чертами лица; онъ кажется старше своихъ лѣтъ, потому что очень полонъ и начинаетъ лысѣть; волосы у него бѣлокурые, во взглядѣ замѣтно легкое уклоненіе отъ прямизны направленія. Манеры его благородны и вѣжливы". Саксонскій посланникъ графъ Фицтумъ-Экштедтъ говоритъ о Николаѣ Павловичѣ: „Несмотря на свои 56 лѣтъ, его классическія черты дышали еще юностію. Фидій могъ бы по этой модели исполнить Зевса или бога войны. Вся фигура его имѣла что-то рыцарское".

(Съ миніатюръ Винберга; собственность Великаго Князя Михаила Николаевича.)

26

L'Impératrice **ALEXANDRA FÉODOROWNA**, 1798—1860, et l'Empereur **NICOLAS Ier**, 1796—1855. L'Impératrice Alexandra Féodorowna, Princesse Frédérique-Louise-Charlotte-Wilhelmine, fille du Roi de Prusse Frédéric-Guillaume III et de la célèbre Reine Louise († 19 juin 1810), naquit le 2/13 juillet 1798, et épousa le 1er juillet 1817 le Grand-Duc Nicolas Pavlowitch. De ce mariage naquirent: l'Empereur Alexandre II (né 17 avril 1818), les Grandes-Duchesses Marie (née 6 août 1819), Olga (née 30 août 1822) et Alexandra (née 12 juin 1825) et les Grands-Ducs Constantin (né 9 septembre 1827), Nicolas (né 27 juin 1831) et Michel (né 13 octobre 1832). L'Impératrice Alexandra survécut à son Epoux et mourut le 20 octobre 1860.

„Nous conservons encore", dit Rovinsky, „le souvenir de sa majestueuse et gracieuse personne, un type accompli de beauté allemande". Pouchkine fait une description enthousiaste de ses entrées aux bals de Cour, lorsque,

„Se pliant, tel un lys flexible",

elle fend le cercle serré des courtisans,

„Et de tout son royal éclat
„Domine la foule inclinée".

L'Empereur Nicolas Ier, troisième fils de l'Empereur Paul Ier et de sa seconde femme l'Impératrice Marie Féodorowna, née Princesse Sophie-Dorothée de Wurtemberg, naquit le 25 juin 1796. Il monta sur le Trône le 19 novembre 1825, à la mort de l'Empereur Alexandre Ier, par suite de la renonciation du Grand-Duc Constantin, son frère, et fut couronné à Moscou le 22 septembre 1826. Il mourut pendant la campagne de Crimée le 18 février 1855.

Physiquement, les contemporains sont unanimes à le reconnaître, l'Empereur Nicolas était d'une beauté rare, bien fait, d'une haute taille „majestueuse et imposante". La Reine Victoria écrit en 1844: „On est vraiment frappé en le voyant; il est toujours fort bel homme, un profil magnifique, des manières pleines de distinction et de grâce". Et le duc de Malmesbury le trouve „majestueux, avec des traits d'une beauté remarquable; un fort embonpoint et une calvitie naissante le font paraître plus que son âge. Il est blond et présente une légère déviation dans la direction du regard. Ses manières sont courtoises et nobles". Enfin le comte Fitztum-Eckstædt, ministre de Saxe, dit de lui: „Malgré ses 56 ans, ses traits tout classiques respiraient encore la jeunesse. Phidias eût pu le prendre pour modèle de Jupiter ou du dieu de la guerre. Il a dans toute sa personne quelque chose de chevaleresque".

(D'après des miniatures de Winberg, appartenant au Grand-Duc Michel Nikolaewitch.)

Пис. Винбергъ

Императрица Александра Ѳеодоровна, 1798-1860,
и Императоръ Николай I, 1796-1855

Peint par Winberg

L'Impératrice Alexandra Féodorowna, 1798-1860,
et l'Empereur Nicolas I, 1796-1855

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Библиотека
Харьков

Графиня СОФІЯ ВЛАДИМІРОВНА СТРОГАНОВА, 1775—1845, дочь князя Владиміра Борисовича Голицына и княгини Наталіи Петровны, рожденной графини Чернышевой, родилась 11 Ноября 1775 г.; воспитаніе получила большею частью за границею, сопровождая мать въ ея путешествіяхъ по Европѣ. Выйдя замужъ въ 1793 г. за графа Павла Александровича Строганова (р. 1774 г., † 1817 г.), она, по рожденіи у нихъ въ 1794 г. старшаго сына, Александра, поселилась съ мужемъ въ Петербургѣ; благодаря дружбѣ графа Строганова съ Великимъ Княземъ Александромъ Павловичемъ, молодые супруги скоро сдѣлались самыми близкими людьми въ интимномъ кружкѣ великокняжескаго двора. Обворожительная красота графини Софіи Владиміровны одно время сильно увлекла Александра Павловича; графиня сумѣла, однако, съ достоинствомъ выйти изъ этого труднаго положенія и не только сохранить расположеніе Александра I, но и пріобрѣсти дружбу его царственной супруги, тѣсныя отношенія съ которой прекратились для нея только со смертью Императрицы Елисаветы. Полная взаимности любовь къ мужу и дѣтямъ и нѣжный уходъ за обожавшей ее престарѣлой матерью наполняли домашнюю жизнь графини Софіи Владиміровны, дѣлившей досуги свои между свѣтскими и придворными собраніями и непрерывнымъ интимнымъ общеніемъ съ Императрицей Елисаветой Алексѣевной. Но скоро семейное счастье ея подверглось тяжелымъ ударамъ судьбы: потрясенная до глубины материнскаго сердца смертью сына ея Александра, убитаго почти мальчикомъ въ 1814 г. въ битвѣ подъ Краономъ, графиня лишилась, три года спустя, своего мужа, умершаго отъ чахотки на 44 году жизни. Съ величайшимъ трудомъ добившись позволенія мужа сопровождать его въ морскомъ путешествіи за границу, по предписанію докторовъ, графиня Софія Владиміровна, по настоянію больного, предчувствовавшаго близкую кончину, съ отчаяніемъ въ сердцѣ, должна была въ Копенгагенѣ съѣхать на берегъ и вернуться черезъ Швецію въ Россію, гдѣ узнала о смерти мужа, наступившей черезъ два дня по ея отъѣздѣ. Охватившее ее горе заставило ея родныхъ опасаться за ея жизнь, и въ эти тяжелые для нея мѣсяцы проявилась съ необычайною теплотою сердечная привязанность къ ней Императрицы Елисаветы. Оставшись вдовою и пожизненною владѣлицею Строгановскаго майората, графиня Софія Владиміровна остальное время своей жизни проводила или въ имѣніи своемъ Марьинѣ, Новгородской губерніи, или въ Петербургскомъ Строгановскомъ домѣ, гдѣ у нея собирались не только цвѣтъ столичнаго и придворнаго общества, но и выдающіеся представители литературнаго и художественнаго міра. Скончалась она 70 лѣтъ отъ роду, 3 Марта 1845 г., отъ паралича сердца, тихо и безболѣзненно, только-что отговѣвъ на первой недѣлѣ поста. Тѣло ея предано землѣ въ Лазаревской церкви Александро-Невской лавры; Императоръ Николай Павловичъ и Императрица Александра Ѳеодоровна пріѣзжали поклониться ея праху. Замѣчательно, что, будучи всегда близкой ко Двору и другомъ Императрицы, графиня Софія Владиміровна не имѣла никакихъ придворныхъ отличій. Въ 1806 г. ей препровожденъ былъ статсъ-дамскій портретъ, но графиня вернула его Государю, прося его пожаловать въ статсъ-дамы, вмѣсто нея, ея мать, княгиню Н. П. Голицыну, что и было исполнено. У графини С. В. Строгановой былъ одинъ сынъ, Александръ (р. 1794 г., † 23 Февраля 1814 г.), и 4 дочери: Наталія (р. 7 Мая 1796 г., † 7 Октября 1872 г.; за графомъ С. Г. Строгановымъ), Аделаида (р. 31 Декабря 1799 г., † 12 Февраля 1882 г.; за княземъ В. С. Голицынымъ), Елизавета (за княземъ И. Д. Салтыковымъ) и Ольга (р. 1 Іюня 1808 г., † 13 Апрѣля 1857 г.; за графомъ П. К. Ферзеномъ).

Въ молодости графиня С. В. Строганова была поразительно хороша собою; воспѣтая въ стихахъ Державинымъ, она удивляла всѣхъ знавшихъ ее столько же своей красотой, сколько „необыкновенными“, по выраженію Греча, „качествами своего ума и сердца“. „Прелесть ея ума“, говоритъ баронесса Едлингъ, „не могла заставить забыть ея нравственное превосходство. Невозможно найти въ свѣтѣ столько совершенствъ, соединенныхъ вмѣстѣ“. Разностороннее образованіе, полученное ею за границею въ ущербъ родному языку, заставило ее въ Россіи усердно имъ заниматься, и она перевела даже по-русски поэму Данта „Адъ“. Въ послѣдніе годы своей жизни, уже маленькою сгорбленною старушкою, она сохранила отличавшія ее силу характера, ясность и прямоту ума и въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ и вѣрномъ пониманіи блага отечества являлась всегда, какъ видно изъ сохранившейся ея переписки, идеаломъ чисто русской женщины.

(Съ портрета Виже-Лебренъ, изъ Строгановскаго собранія, въ С.-Петербургѣ.)

La comtesse **SOPHIE VLADIMIROWNA STROGANOFF**, 1775—1845, fille du prince Vladimir Borissowitch Golitzyne et de la princesse Natalie Pétrowna, née comtesse Tchernycheff, naquit le 11 novembre 1775, et fit la plus grande partie de son éducation à l'étranger, accompagnant sa mère dans ses voyages en Europe. Elle épousa en 1793 le comte Paul Alexandrowitch Stroganoff (1774—1817), avec lequel elle vint, à la naissance de leur premier fils Alexandre en 1794, se fixer à Pétersbourg, et dont l'amitié avec le Grand-Duc Alexandre Pavlowitch mit bientôt les jeunes époux sur un pied d'intimité à la Cour Grand-Ducale. Un moment vint même où la séduisante beauté de la comtesse captiva sérieusement le Grand-Duc; elle sut pourtant se tirer avec dignité de ce pas difficile sans rien perdre de son amitié et en se conciliant de plus celle de la Grande-Duchesse sa femme, dont l'attachement pour elle dura jusqu'à la mort. Un amour entièrement payé de retour pour son mari et ses enfants faisait, avec les tendres soins prodigués à une vieille mère qui l'adorait, toute la vie privée de la comtesse, qui partageait ses loisirs entre la Cour et le monde, d'une part, et, de l'autre, une incessante intimité avec l'Impératrice Elisabeth. Mais son bonheur domestique subit bientôt de cruelles épreuves: atteinte au plus vif de ses sentiments maternels par la mort de son fils Alexandre, tué à la fleur de l'âge en 1814 à la bataille de Craonne, elle perdit trois ans plus tard son mari, mort phtisique dans sa 44e année. Après avoir réussi, à force d'instances, à partir avec lui pour un voyage par mer à l'étranger, conseillé par les médecins, elle eut la douleur, comme il prévoyait sa fin prochaine, de devoir débarquer à Copenhague, pour rentrer par la Suède en Russie, où elle apprit qu'il était mort deux jours après leur séparation. En proie à un désespoir qui donna des craintes pour sa vie, elle trouva une puissante consolation dans la rare et chaleureuse amitié de l'Impératrice Elisabeth. Veuve avec la jouissance viagère du majorat des Stroganoff, elle partagea le reste de sa vie entre sa propriété de Maryino, près de Novgorod, et la maison Stroganoff à Pétersbourg, où elle recevait non seulement l'élite de la Cour et de la ville, mais encore les plus éminents des hommes de lettres et des artistes. Elle mourut doucement et sans douleur d'une paralysie du cœur, à l'âge de 70 ans, le 3 mars 1845, comme elle achevait sa première semaine de dévotions de carême. Elle fut inhumée dans l'église St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky; l'Empereur Nicolas et l'Impératrice sa femme vinrent lui rendre les derniers devoirs. Chose curieuse, sur le pied où elle était à la Cour, l'amie de l'Impératrice n'eut jamais aucune distinction, et, lorsque, en 1806, elle reçut le portrait de dame d'honneur, elle le renvoya à l'Empereur en le priant de le conférer plutôt à sa mère, la princesse Golitzyne, ce qui fut fait. La comtesse Stroganoff eut un fils, Alexandre (1794—23 février 1814), et quatre filles, Natalie (7 mai 1796—7 octobre 1872), mariée au comte S. Stroganoff, Adélaïde (31 décembre 1799—12 février 1882) au prince B. Golitzyne, Elisabeth au prince I. Saltykoff, et Olga (1er juin 1808—13 avril 1837) au comte P. Fersen.

D'une beauté merveilleuse dans sa jeunesse, célébrée dans les vers de Derjavine, la comtesse Stroganoff faisait l'enthousiasme général, tant par ses charmes que par ses „qualités extraordinaires", dit Gretch, „du cœur et de l'esprit". Dans l'instruction variée reçue à l'étranger, le russe avait été sacrifié, et elle dut s'y mettre sérieusement à son retour: elle traduisit même en russe l'Enfer de Dante. Sur ses vieux jours, toute cassée par l'âge, elle ne perdit rien de sa force de caractère ni de sa lucidité et de sa rectitude de jugement, et, par ses convictions religieuses, par ses idées sur le bien de son pays, elle resta toujours telle que la montre sa correspondance: un pur idéal de femme russe.

(D'après l'original de Vigée-Lebrun, Galerie Stroganoff, St-Pétersbourg.)

27

Пис: Вижее Лебренъ

Графиня Софія Владиміровна Строганова, 1775-1845

Peint par Vigée-Lebrun

La Cⁿˢˢᵉ Sophie Vladimirowna Stroganoff, 1775-1845

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

БИБЛИОТЕКА
Пермской
Художественной

28

Баронъ **АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ СТРОГАНОВЪ**, 1771—1815, единственный сынъ барона Сергѣя Николаевича (р. 1738 г., † 1771 г.), отъ второго его брака съ княжной Натальей Михайловной Бѣлосельской (р. 1743 г., † 1819 г.), пожалованъ въ камеръ-юнкеры 14 Февраля 1792 г., въ дѣйствительные камергеры 12 Ноября 1796 г. и въ гофмаршалы двора Цесаревича Александра Павловича 7 Іюня 1799 года. Хорошо знавшій его Вигель сообщаетъ въ своихъ запискахъ слѣдующее о печальной судьбѣ барона: „Онъ былъ весьма не глупъ, и добръ, и милъ, и умѣлъ хорошо воспользоваться даннымъ ему аристократическимъ тогдашнимъ воспитаніемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ былъ онъ весьма деликатнаго сложенія, чрезвычайно женоподобенъ, и оттого въ обществѣ получилъ прозваніе барончика („le petit baron“). Это еще идетъ къ первой молодости, но когда онъ достигъ 30 лѣтъ..., то инымъ казался нѣсколько смѣшонъ. Грозная судьба, вскорѣ его постигшая, заставила умолкнуть смѣющихся. Годъ отъ году сталъ онъ болѣе страдать и сохнуть: сперва лишился употребленія рукъ, потомъ ногъ, наконецъ, и зрѣнія, и въ семъ ужасномъ положеніи прожилъ нѣсколько лѣтъ. Всѣ родные, по возможности, старались облегчить ему тягость такого существованія. Когда наступилъ постъ, и даже дома нельзя было играть на театрѣ, г-жа Мятлева изобрѣла для него новаго рода спектакль: вокругъ большого стола садились родные и знакомые, имѣя каждый передъ собою по экземпляру трагедіи или комедіи, всякій старался голосу своему дать то выраженіе, котораго требовала его роль; бѣднаго слѣпца это забавляло: онъ могъ почитать себя въ театрѣ.... Онъ былъ лѣтъ 45 отъ роду, но весь сѣдой и казался 70; странно было въ старцѣ находить рѣчи и манеры молодой придворной женщины. Онъ много путешествовалъ, все помнилъ, и я находилъ разговоръ его и пріятнымъ, и занимательнымъ“. Отца Строгановъ лишился въ младенчествѣ и былъ воспитанъ матерью; въ 1800 г. (27 Января) онъ женился на княжнѣ Софіи Александровнѣ Урусовой (р. 1779 г., † 26 Апрѣля 1801 г.), но черезъ годъ она скончалась отъ родовъ; дочь ихъ Вѣра (р. 20 Апрѣля 1801 г., † 3 Мая 1801 г.) прожила только нѣсколько дней, и Строгановъ опять остался на попеченіи обожавшей его матери, къ которой и онъ относился съ такимъ же чувствомъ. Скончался онъ 22 Сентября 1815 г. отъ послѣдствій паденія: его уронили слуги. Княжна Туркестанова сообщала о его смерти Кристину слѣдующее: „Le pauvre baron Stroganow est mort hier matin. Dernièrement on le laissa tomber de son fauteuil chez la princesse Béloselsky, où il dînait; cette chute qu'il ne pouvait prévoir à cause de sa cécité l'effraya mortellement; il fut plus d'une heure pâle et tremblant, mais toujours attentif à ménager sa mère; il fit de son mieux pour reprendre son air accoutumé.... Je fus le voir le lendemain, il se plaignait de douleurs générales. Ma sœur le vit deux jours après et le trouva plus souffrant encore; enfin la poitrine s'est embarrassée, et tout a été fini“. Строгановъ погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ, на Лазаревомъ кладбищѣ.

Императрица Елисавета Алексѣевна 8 Февраля 1819 г. писала своей матери, маркграфинѣ Баденской: „Il vient de mourir ces jours-ci une Baronne Stroganoff (née princesse Béloselsky) qui, veuve dès l'âge de 22 ans d'un mari qu'elle aimait beaucoup, ne vivait que pour un fils unique; jamais elle n'avait eu d'autres enfants que lui. Elle avait marié ce fils, il y a plusieurs années, mais sa femme et son enfant étaient morts au bout de peu de temps de mariage, lui-même tomba dans un état de santé déplorable et fut perclus et aveugle plusieurs années avant sa mort. Sa pauvre mère dut voir ses longues souffrances avant de le perdre; il mourut enfin, il y a une dizaine d'années, et elle resta seule au monde en apparence, mais tant aimée de toutes ses connaissances et de ses parents éloignés qu'elle se plaignait quelquefois d'avoir trop de monde autour d'elle. Naturellement tous ses vœux tendaient vers un autre monde où était tout ce qu'elle avait le mieux aimé dans celui-ci. Néanmoins elle était d'un calme, d'une sérénité qui ne laissait pas deviner à ceux auxquels elle n'en parlait pas, ce qui était l'objet constant de ses pensées. Elle l'a atteint enfin et a eu une mort douce et calme comme l'était sa vie. Elle est généralement regrettée de tous ceux qui la connaissaient, et quoique seule au monde en apparence, sa mort fait verser bien des larmes. Peut-être l'avez-vous connue à votre premier voyage en Russie: elle était sœur d'une princesse Béloselsky, qui était demoiselle d'honneur de ma tante“.

(Съ портрета Виже-Лебренъ; принадлежалъ князю А. В. Шаховскому, с. Бѣлая Колпь, Московской губ.)

Le baron **ALEXANDRE SERGUÉEWITCH STROGANOFF**, 1771—1815, fils unique du baron Serge Nikolaewitch Stroganoff (1738—1771) et de sa seconde femme, la princesse Natalie Mikhaïlowna Bélosselsky (1743—1819), devint gentilhomme de la chambre le 14 février 1792, chambellan actuel le 12 novembre 1796 et maréchal de la Cour du Césarewitch Alexandre le 7 juin 1799. Wiegel, qui le connut bien, fait dans ses Mémoires le tableau suivant de la triste existence du baron: „Fort bon esprit, excellent et charmant garçon, il tira le meilleur parti de l'éducation aristocratique qui lui avait été donnée. De complexion d'ailleurs très délicate, il avait en outre des allures toutes féminines qui lui firent donner le sobriquet du Petit Baron. Pour un tout jeune homme, passe encore, mais, la trentaine atteinte, ... il commença à prêter à rire. Le sort terrible qui le frappa bientôt fit taire les rieurs. Il allait d'année en année souffrant et dépérissant: d'abord perclus des bras, puis des jambes, il finit par perdre aussi la vue, et, dans cet état terrible, vécut encore plusieurs années. Toute la famille faisait de son mieux pour lui rendre la situation moins pénible. Le carême venu, impossible même de donner des représentations privées, et Mme Miatleff imagina pour lui un nouveau genre de spectacle: parents et amis, réunis autour d'une grande table, lisaient des rôles de tragédie ou de comédie, chacun avec l'intonation convenable, et le pauvre aveugle y trouvait presque la même distraction qu'au théâtre..... Avec ses 45 ans, il était tout blanc et en paraissait 70: un drôle de vieillard, avec des propos et des manières comme une jeune femme de la Cour. Grand voyageur, il n'avait rien oublié, et sa conversation me paraissait agréable et intéressante". Orphelin de père de bonne heure, et élevé par sa mère, il épousa le 27 janvier 1800 la princesse Sophie Alexandrowna Ouroussoff (1779—26 avril 1801), qui mourut au bout d'un an à la suite de couches; l'enfant, une petite fille, Véra (20 avril 1801—3 mai 1801), ne vécut que quelques jours, et Stroganoff se retrouva à la garde de sa mère, qu'il adorait et dont il était lui-même adoré. Il mourut le 22 septembre 1815, victime de la maladresse de ses domestiques, des suites d'une chute; la princesse Tourkestanoff donne à Kristine les détails suivants: „Le pauvre baron Stroganow est mort hier matin. Dernièrement on le laissa tomber de son fauteuil chez la princesse Béloselsky, où il dînait; cette chute qu'il ne pouvait prévoir à cause de sa cécité l'effraya mortellement; il fut plus d'une heure pâle et tremblant, mais toujours attentif à ménager sa mère; il fit de son mieux pour reprendre son air accoutumé.... Je fus le voir le lendemain, il se plaignait de douleurs générales. Ma sœur le vit deux jours après et le trouva plus souffrant encore; enfin la poitrine s'est embarrassée, et tout a été fini". Stroganoff fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

L'Impératrice Elisabeth Alexéewna dit à la Margrave de Bade, sa mère, dans sa lettre du 8 février 1819: „Il vient de mourir ces jours-ci une Baronne Stroganoff (née princesse Béloselsky) qui, veuve dès l'âge de 22 ans d'un mari qu'elle aimait beaucoup, ne vivait que pour un fils unique; jamais elle n'avait eu d'autres enfants que lui. Elle avait marié ce fils, il y a plusieurs années, mais sa femme et son enfant étaient morts au bout de peu de temps de mariage, lui-même tomba dans un état de santé déplorable et fut perclus et aveugle plusieurs années avant sa mort. Sa pauvre mère dut voir ses longues souffrances avant de le perdre; il mourut enfin, il y a une dizaine d'années, et elle resta seule au monde en apparence, mais tant aimée de toutes ses connaissances et de ses parents éloignés qu'elle se plaignait quelquefois d'avoir trop de monde autour d'elle. Naturellement tous ses vœux tendaient vers un autre monde où était tout ce qu'elle avait le mieux aimé dans celui-ci. Néanmoins elle était d'un calme, d'une sérénité qui ne laissait pas deviner à ceux auxquels elle n'en parlait pas, ce qui était l'objet constant de ses pensées. Elle l'a atteint enfin et a eu une mort douce et calme comme l'était sa vie. Elle est généralement regrettée de tous ceux qui la connaissaient, et quoique seule au monde en apparence, sa mort fait verser bien des larmes. Peut-être l'avez-vous connue à votre premier voyage en Russie: elle était sœur d'une princesse Béloselsky, qui était demoiselle d'honneur de ma tante".

(D'après un original de Vigée-Lebrun, ayant appartenu au prince A. Schakhowskoï, Bélaïa Kolp, gouvernement de Moscou.)

Пис: Виже-Лебренъ – Peint par Vigée-Lebrun

Баронъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, 1771-1815

Le Baron Alexandre Serguéewitch Stroganoff, 1771-1815

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

БИБЛИОТЕКА
Пермской
Художественной Галереи

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА ДЕМИДОВА, 1779—1818, младшая дочь барона Александра Николаевича Строганова († 1789 г.), женатаго на Елизаветѣ Александровнѣ Загряжской, родилась 5 Февраля 1779 года. Въ очень молодыхъ годахъ вышла замужъ за Московскаго богача, впослѣдствіи тайнаго совѣтника и командора Мальтійскаго ордена, Николая Никитича Демидова (р. 1773 г., † 1828 г.), извѣстнаго благотворителя и мецената. Вскорѣ послѣ свадьбы Демидовъ увезъ жену за границу и поселился съ нею въ Парижѣ, въ бывшемъ дворцѣ герцоговъ Praslin. Семейная жизнь ихъ не была счастлива, и несоотвѣтствіе характеровъ и вкусовъ скоро привело супруговъ къ взаимному отчужденію, едва не кончившемуся полнымъ разрывомъ послѣ рожденія въ 1812 г. второго сына Анатолія. Не будучи красавицей, Е. А. Демидова была необыкновенно граціозна, и когда она танцовала, присутствовавшіе въ залѣ становились на скамейки, чтобы видѣть всѣ ея движенія. Вѣтреная и легкомысленная, не чуждая при томъ извѣстной культурности, интересуясь литературой и искусствомъ, Демидова была большой кокеткой и, кромѣ позы молящейся святой, не прочь была изобразить себя въ видѣ смѣющейся вакханки, съ тѣломъ, только мѣстами прикрытымъ барсовой кожей (миніатюра собранія П. А. Демидова); въ свѣтѣ она была окружена толпою ухаживателей и сама объясняла свою склонность къ красивымъ молодымъ людямъ тѣмъ эстетическимъ наслажденіемъ, которое испытывала она при видѣ всего изящнаго. Ея кокетство и любовь къ свѣтскимъ развлеченіямъ трудно уживались съ суровымъ и тяжелымъ въ домашнемъ быту характеромъ мужа; фактически разойдясь, супруги рѣдко видѣлись, но этотъ внутренній разладъ былъ мало замѣтенъ подъ личиной шумной свѣтской жизни. Посѣщая довольно часто театры и другія модныя въ то время публичныя увеселенія, Е. А. Демидова больше любила принимать у себя, и въ домѣ ея собиралось крайне разнообразное общество. Она много играла въ карты, и крупная игра на ея вечерахъ обратила даже вниманіе полиціи на домъ Демидовыхъ. Она любила Францію и французовъ и благоговѣла передъ первымъ консуломъ, котораго называла „богомъ Европы“.

Въ первыхъ годахъ XIX столѣтія, съ обостреніемъ отношеній между Франціей и Россіей, Демидовы покинули Парижъ и переселились въ Италію, а въ 1812 г. вернулись въ Россію и поселились въ Москвѣ, въ своемъ старинномъ домѣ въ Нѣмецкой слободѣ, на Гороховой (теперь Константиновскій межевой институтъ). Въ то время какъ самъ Демидовъ, не спѣша, вооружалъ на свой счетъ пѣхотный полкъ, жена его предавалась воспоминаніямъ о Парижѣ, украдкой посматривая на малахитовые часы, остановленные ею, какъ увѣряли злые языки, въ минуту разставанія съ красавцемъ-эмигрантомъ Геракліемъ Полиньякомъ, командиромъ Апшеронскаго полка.

Послѣ реставраціи Бурбоновъ Е. А. Демидова вернулась въ Парижъ, но уже безъ мужа, поселившагося во Флоренціи. Ей недолго пришлось, однако, наслаждаться возвращеніемъ въ любимую Францію: она скончалась 27 Марта 1818 г., 39 лѣтъ, почти внезапно, въ тяжкихъ страданіяхъ, послѣ непродолжительной болѣзни, и похоронена на кладбищѣ Père-Lachaise, гдѣ сыномъ ея, А. Н. Демидовымъ, былъ впослѣдствіи воздвигнутъ на ея могилѣ великолѣпный мавзолей изъ бѣлаго мрамора.

Изъ двухъ сыновей Е. А. Демидовой, старшій, Павелъ (р. 6 Августа 1798 г., † 23 Марта 1840 г.), женатъ былъ на Аврорѣ Карловнѣ Шернваль, а младшій, Анатолій (р. во Флоренціи въ 1812 г., † въ Парижѣ въ 1870 г.), женился 21 Октября 1841 г. на принцессѣ Матильдѣ Бонапартъ, графинѣ де-Монфоръ (р. 27 Мая 1820 г.).

(Съ портрета Грёза; собственность графини Н. М. Соллогубъ, въ Москвѣ.)

ÉLISABETH ALEXANDROWNA DÉMIDOFF, 1779—1818, la plus jeune fille du baron Alexandre Nikolaewitch Stroganoff († 1789) et d'Elisabeth Alexandrowna, née Zagriajsky, naquit le 5 février 1779. Toute jeune encore, elle épousa le riche moscovite, dans la suite conseiller privé et commandeur de l'Ordre de Malte, Nicolas Nikititch Démidoff (1773—1828), connu pour sa bienfaisance et sa générosité de Mécène. Peu après son mariage, Démidoff emmena sa femme à l'étranger et se fixa avec elle à Paris, dans l'ancien palais des ducs de Praslin. Leur union ne fut pas heureuse, et l'incompatibilité de leurs caractères et de leurs goûts ne tarda pas à amener un éloignement réciproque, qui faillit se terminer par une rupture complète après la naissance, en 1812, de leur second fils Anatole. Sans être une beauté, Mme Démidoff possédait une grâce extraordinaire, et, quand elle dansait, les assistants montaient sur les sièges pour ne perdre aucun de ses mouvements. Inconstante et frivole, mais non sans une certaine culture, avec du goût pour la littérature et les arts, c'était une grande coquette: après des poses de bienheureuse en prière, elle ne craignait pas de se faire représenter en bacchante folâtrant, le corps voilé par endroits seulement d'une peau de panthère (miniature de la collection P. Démidoff). Dans le monde, elle était entourée d'une troupe d'adorateurs et elle-même expliquait son goût pour les beaux hommes par la jouissance esthétique que lui procurait tout ce qui était artistique. Sa coquetterie et son amour des distractions mondaines allaient mal avec le caractère de son mari, sévère et dur dans son intérieur; séparés en fait, ils se voyaient rarement, mais ce désaccord domestique passait presque inaperçu sous le masque bruyant de la vie mondaine. Tout en allant assez souvent au théâtre et dans les autres lieux de divertissement publics à la mode, Mme Démidoff préférait recevoir chez elle, et sa maison était le rendez-vous d'une société extrêmement mélangée; elle aimait beaucoup les cartes, et le gros jeu qu'on jouait à ses soirées éveilla même l'attention de la police. Elle avait une passion pour la France et les Français, et un culte pour le Premier Consul, qu'elle appelait „le dieu de l'Europe".

Dans les premières années du XIXe siècle, lorsque les rapports entre la France et la Russie commencèrent à être tendus, les Démidoff quittèrent Paris et se rendirent en Italie, puis, en 1812, rentrèrent en Russie et se fixèrent à Moscou, dans leur vieille maison de Németzkaïa Sloboda (aujourd'hui l'Ecole d'Arpentage Constantin, rue Gorokhovaïa). Pendant que lui équipait tranquillement à ses frais un régiment d'infanterie, elle était tout entière à ses souvenirs de Paris, jetant des regards furtifs sur la pendule en malachite qu'elle avait arrêtée, à en croire les mauvaises langues, en disant adieu au bel émigrant Héraclius de Polignac, commandant du régiment d'Apchéron.

A la Restauration, Mme Démidoff retourna à Paris, mais sans son mari, qui se fixa à Florence. Pourtant elle ne put jouir longtemps du retour dans sa France bien-aimée: elle mourut presque subitement dans de cruelles souffrances, le 27 mars 1818, à l'âge de 39 ans, après une courte maladie, et fut inhumée au cimetière du Père-Lachaise, où son fils Anatole fit élever sur sa tombe un magnifique mausolée de marbre blanc.

De ses deux fils, l'aîné, Paul (6 août 1798—23 mars 1840), fut marié à Aurore Schernwall, et le plus jeune, Anatole (né à Florence en 1812, mort à Paris en 1870), épousa le 21 octobre 1841 la princesse Mathilde Bonaparte, comtesse de Montfort (née le 27 mai 1820).

(D'après un original de Greuze, appartenant à la comtesse N. Sollohub, Moscou.)

Пис: Грёзъ

Елизавета Александровна
Демидова, 1779-1818

Peint par Greuze

Elisabeth Alexandrowna
Démidoff, 1779-1818

RUSSES
ПОРТРЕТЫ

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галлереи
№ 3966

30

Баронъ (позднѣе графъ) **ГРИГОРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ СТРОГАНОВЪ**, 1770—1857, единственный сынъ барона Александра (въ крещеніи Захаръ) Николаевича Строганова († 13 Марта 1789 г.), отъ брака его съ Елизаветой Александровной Загряжской (р. 1745 г., † 28 Декабря 1831 г.), родился 13 Сентября 1770 года; 13 лѣтъ былъ опредѣленъ на службу вахмистромъ въ Конную гвардію, откуда черезъ 2 года (1785 г.) переведенъ сержантомъ въ Измайловскій полкъ; въ 1788 г. произведенъ въ поручики, 12 Декабря 1790 г. пожалованъ въ камеръ-юнкеры, а 17 Марта 1795 г. произведенъ въ капитаны. Оставивъ военную службу, Строгановъ опредѣленъ членомъ въ Бергъ-коллегію, съ пожалованіемъ въ дѣйствительные камергеры (12 Декабря 1796 г.). Въ слѣдующемъ году онъ былъ уволенъ отъ службы, хотя въ 1799 г. и пожалованъ командорствомъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Въ 1805 г. Строгановъ былъ посланъ въ Испанію полномочнымъ министромъ, гдѣ и пробылъ 5 лѣтъ, при чемъ 1 Января 1808 г. пожалованъ былъ въ тайные совѣтники; въ 1812 г., 15 Сентября, баронъ Строгановъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Стокгольмъ, откуда въ 1816 г. переведенъ въ Константинополь. Получивъ въ 1817 г. звѣзду Александровскую и въ 1821 г. чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, баронъ Строгановъ 22 Августа 1826 г. пожалованъ былъ, съ его потомствомъ, въ графское достоинство. Въ слѣдующемъ году графъ Строгановъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта (2 Октября 1827 г.), а 5 Декабря 1836 г. пожалованъ въ оберъ-шенки. Черезъ 2 года (въ 1838 г.) посланъ былъ чрезвычайнымъ посломъ въ Англію на коронацію королевы Викторіи и въ томъ же году назначенъ предсѣдателемъ въ Комитетѣ Попечительства дѣтскихъ пріютовъ. Въ 1839 г. (25 Марта) Строгановъ получилъ Андреевскую звѣзду, а 30 Іюня 1846 г. пожалованъ былъ оберъ-камергеромъ Высочайшаго двора.

Подъ конецъ жизни графъ Строгановъ большею частью жилъ за границей, въ отпуску, принужденный постоянно лѣчиться, пользуясь совѣтами извѣстныхъ окулистовъ. Тѣмъ не менѣе передъ смертью онъ совсѣмъ ослѣпъ.

Графъ Г. А. Строгановъ умеръ 7 Января 1857 года и похороненъ въ Лазаревской церкви Александро-Невской лавры. Онъ былъ женатъ 2 раза; первымъ бракомъ на княжнѣ Аннѣ Сергѣевнѣ Трубецкой (р. 8 Мая 1765 г., † въ Дрезденѣ 21 Октября 1824 г.), отъ которой имѣлъ 5 сыновей: Сергѣя (р. 8 Ноября 1794 г.), Александра (р. 31 Декабря 1795 г.), Николая († 1824 г.), Алексѣя (р. 15 Марта 1797 г.) и Валентина (р. 4 Ноября 1801 г., † 4 Ноября 1833 г.) и 1 дочь, Елену († 24 Іюня 1832 г.; за И. Д. Чертковымъ); во второй разъ графъ Строгановъ былъ женатъ на португалькѣ римско-католическаго исповѣданія, графинѣ Юліи Петровнѣ да-Ега, рожденной д'Альмейда, графинѣ д'Оейнгаузенъ, которой увлекся, еще будучи посломъ въ Испаніи.

(Съ портрета Вуаля; собственность графини Н. М. Соллогубъ, въ Москвѣ.)

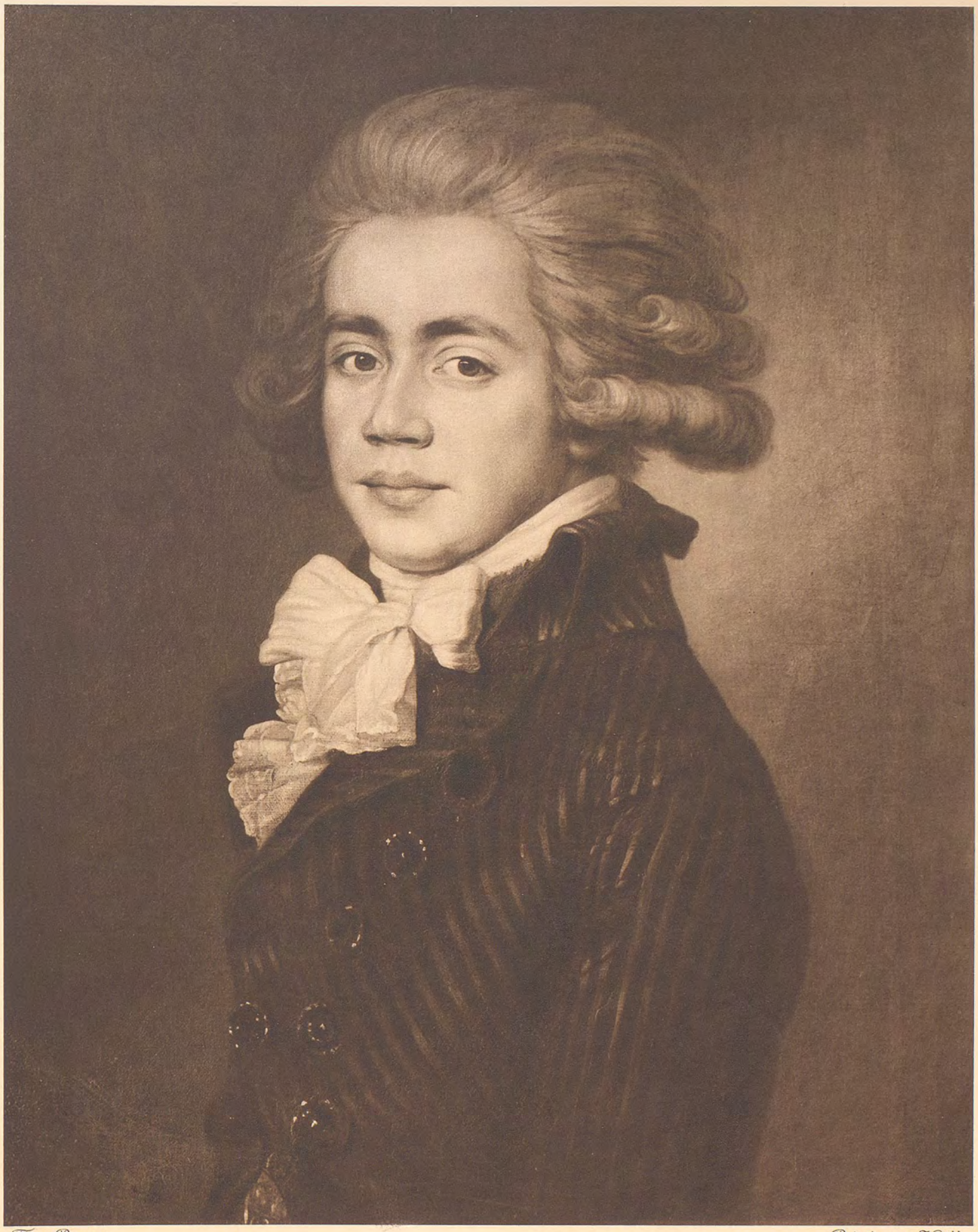
30

Le baron (plus tard comte) **GRÉGOIRE ALEXANDROWITCH STROGANOFF**, 1770—1857, fils unique du baron Alexandre (au baptême Zacharie) Nikolaewitch Stroganoff († 13 mars 1789) et d'Elisabeth Alexandrowna, née Zagriajsky (1745—28 décembre 1831), naquit le 13 septembre 1770. Enrôlé à 13 ans vaguemestre à la Garde à cheval, puis deux ans après, en 1785, sergent au régiment Izmaïlowsky, il passa en 1788 lieutenant, fut fait le 12 décembre 1790 gentilhomme de la chambre, et promu capitaine le 17 mars 1795. Il démissionna alors et fut nommé membre du Collège des Mines, avec la dignité de chambellan actuel (12 décembre 1796). Relevé de ses fonctions l'année suivante, il reçut pourtant en 1799 la croix de commandeur de Saint-Jean-de-Jérusalem. Envoyé à Madrid en 1805 comme ministre plénipotentiaire, il y passa cinq ans et y devint conseiller privé le 1er janvier 1808; puis il alla le 15 septembre 1812 comme ambassadeur extraordinaire à Stockholm, d'où il passa en 1816 à Constantinople. Décoré de la croix de St-Alexandre en 1817, conseiller privé actuel en 1821, il fut, le 22 août 1826, élevé avec toute sa descendance à la dignité de comte. Il devint encore membre du Conseil de l'Empire le 2 octobre 1827 et grand échanson le 5 décembre 1836, après quoi il alla en 1838 comme envoyé extraordinaire en Angleterre au couronnement de la Reine Victoria et fut fait la même année président du Conseil de Tutelle des Asiles d'Enfants. Enfin, il reçut le 25 mars 1839 la croix de St-André, et devint le 30 juin 1846 grand chambellan de la Cour Impériale.

Sur ses vieux jours, il fut presque constamment à l'étranger, en congé: continuellement en traitement chez divers oculistes en renom, il perdit cependant la vue avant de mourir.

Le comte Stroganoff mourut le 7 janvier 1857, et fut inhumé dans l'église St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. Il avait épousé en premières noces la princesse Anne Serguéewna Troubetzkoï (née 8 mai 1765, † à Dresde 21 octobre 1824), dont il eut cinq fils, Serge (né 8 novembre 1794), Alexandre (né 31 décembre 1795), Nicolas († 1824), Alexis (né 15 mars 1797) et Valentin (4 novembre 1801—4 novembre 1833), et une fille, Hélène († 24 juin 1832), mariée à I. Tchertkoff. Il épousa en secondes noces une portugaise, catholique, la comtesse Julie da Ega, née d'Almeida-Œynhausen, dont il s'était épris étant ambassadeur en Espagne.

(D'après un original de Voille, appartenant à la comtesse N. Sollohub, Moscou.)



Пис: Вуаль

Барон Григорій Александровичъ Строгановъ, 1770–1857

Peint par Voille

Le Baron Grégoire Alexandrowitch Stroganoff, 1770–1857

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи
№ 3966

31

Баронесса **АННА СЕРГѢЕВНА СТРОГАНОВА**, 1765—1824, дочь князя Сергѣя Алексѣевича Трубецкого, женатаго на княжнѣ Еленѣ Васильевнѣ Несвицкой († 1831 г.), родилась 8 Мая 1765 года и была родная сестра извѣстной красавицы Екатерининскаго времени, графини Екатерины Сергѣевны Самойловой. Будучи фрейлиной Императрицы Екатерины II, вступила 16 Февраля 1791 г. въ супружество съ дѣйствительнымъ камергеромъ, впослѣдствіи полномочнымъ министромъ въ Константинополѣ, бароном Григоріемъ Александровичемъ Строгановымъ. Несмотря на происшедшихъ отъ этого брака многочисленныхъ дѣтей (пять сыновей и одна дочь), въ семейной жизни баронесса Анна Сергѣевна Строганова не была счастлива и въ послѣднее время жила врозь съ мужемъ, отдаленная отъ него его разгульной жизнью и его продолжительнымъ увлеченіемъ португальской графиней да-Ега, ставшей, послѣ ея смерти, его второй супругой. Баронесса Анна Сергѣевна Строганова скончалась въ Дрезденѣ 21 Октября 1824 года; тѣло ея было привезено въ Петербургъ и предано землѣ въ церкви Св. Духа, въ Александро-Невской лаврѣ.

Изъ пяти сыновей баронессы А. С. Строгановой, старшій, баронъ Сергѣй Григорьевичъ, послѣ женитьбы на графинѣ Н. П. Строгановой получилъ титулъ графа; изъ остальныхъ—Николая, Александра, Алексѣя и Валентина, унаслѣдовавшихъ графскій титулъ отъ отца, пожалованнаго графомъ въ день коронаціи Императора Николая I, въ 1826 г., извѣстенъ былъ въ свое время генералъ-адъютантъ, членъ Государственнаго Совѣта графъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ, женатый на графинѣ Наталіи Викторовнѣ Кочубей; наконецъ, единственная дочь ея, графиня Елена Григорьевна, была замужемъ за шталмейстеромъ Иваномъ Дмитріевичемъ Чертковымъ.

(Съ портрета Виже-Лебренъ; собственность М. П. Родзянко, въ С.-Петербургѣ.)

31

La baronne **ANNE SERGUÉEWNA STROGANOFF**, 1765—1824, fille du prince Serge Alexéewitch Troubetzkoï et d'Hélène Vassiliewna, née princesse Nésvitzky († 1831), naquit le 8 mai 1765; elle était sœur de la comtesse Catherine Samoïloff, connue sous Catherine II pour sa beauté. Demoiselle d'honneur de l'Impératrice, elle épousa le 16 février 1791 le baron Grégoire Alexandrowitch Stroganoff, chambellan actuel, plus tard ministre plénipotentiaire à Constantinople. Bien que mère d'une nombreuse famille, cinq fils et une fille, elle ne fut pas heureuse en ménage, et finit par quitter son mari, qui l'avait rebutée par sa vie de dissipation et ses incessantes assiduités près de la comtesse portugaise da Ega, qu'il épousa, une fois veuf. La baronne Stroganoff mourut à Dresde le 21 octobre 1824; son corps fut ramené à Pétersbourg et inhumé dans l'église du Saint-Esprit, au monastère d'Alexandre Newsky.

L'aîné de ses fils, Serge, reçut le titre de comte après son mariage avec la comtesse Natalie Stroganoff. Des quatre autres, Nicolas, Alexandre, Alexis et Valentin, héritiers du titre de leur père fait comte au couronnement de Nicolas Ier en 1826, le second, marié à la comtesse Natalie Victorowna Kotchubey, jouit en son temps d'une certaine notoriété comme général aide de camp et membre du Conseil de l'Empire. L'unique fille de la baronne Stroganoff, la comtesse Hélène, épousa l'écuyer Ivan Dmitriewitch Tchertkoff.

(D'après un original de Vigée-Lebrun, appartenant à Mme M. Rodzianko, St-Pétersbourg.)

Пис: Виже-Лебренъ

Баронесса Анна Сергѣевна
Строганова, 1765-1824

Peint par Vigée-Lebrun

La Baronne Anne Serguéewna
Stroganoff, 1765-1824

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

БИБЛИОТЕКА
Пермский Областной
Художественный Галерея
3946

Графиня ДАРІЯ ПЕТРОВНА САЛТЫКОВА, 1739—1802, и баронесса НАТАЛІЯ МИХАЙЛОВНА СТРОГАНОВА, 1743—1819.

Баронесса Н. М. СТРОГАНОВА (лѣвая фигура на портретѣ; см. о ней т. III, № 43), дочь князя Михаила Андреевича Бѣлосельскаго (р. 1 Ноября 1702 г., † 19 Января 1755 г.), отъ второй его супруги графини Наталіи Григорьевны Чернышевой (р. 5 Апрѣля 1711 г., † 1 Декабря 1760 г.), была въ замужствѣ за бригадиромъ барономъ Сергѣемъ Николаевичемъ Строгановымъ (р. 10 Апрѣля 1738 г., † 29 Августа 1777 г.), который въ первый разъ былъ женатъ на Прасковіи Григорьевнѣ Будаковой. У баронессы Н. М. Строгановой былъ единственный сынъ, баронъ Александръ Сергѣевичъ, родившійся въ Сентябрѣ 1771 года († 22 Сентября 1815 г.). Умерла баронесса Н. М. Строганова 5 Февраля 1819 года и похоронена на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Императрица Елисавета Алексѣевна 8 Февраля 1819 г. писала своей матери, маркграфинѣ Баденской: „Il vient de mourir ces jours-ci une Baronne Stroganoff (née princesse Béloselsky) qui, veuve dès l'âge de 22 ans d'un mari qu'elle aimait beaucoup, ne vivait que pour un fils unique; jamais elle n'avait eu d'autres enfants que lui. Elle avait marié ce fils, il y a plusieurs années, mais sa femme et son enfant étaient morts au bout de peu de temps de mariage, lui-même tomba dans un état de santé déplorable et fut perclus et aveugle plusieurs années avant sa mort. Sa pauvre mère dut voir ses longues souffrances avant de le perdre; il mourut enfin, il y a une dizaine d'années, et elle resta seule au monde en apparence, mais tant aimée de toutes ses connaissances et de ses parents éloignés qu'elle se plaignait quelquefois d'avoir trop de monde autour d'elle. Naturellement tous ses vœux tendaient vers un autre monde où était tout ce qu'elle avait le mieux aimé dans celui-ci. Néanmoins elle était d'un calme, d'une sérénité qui ne laissait pas deviner à ceux auxquels elle n'en parlait pas, ce qui était l'objet constant de ses pensées. Elle l'a atteint enfin et a eu une mort douce et calme comme l'était sa vie. Elle est généralement regrettée de tous ceux qui la connaissaient, et quoique seule au monde en apparence, sa mort fait verser bien des larmes. Peut-être l'avez-vous connue à votre premier voyage en Russie: elle était sœur d'une princesse Béloselsky, qui était demoiselle d'honneur de ma tante".

Графиня ДАРІЯ ПЕТРОВНА САЛТЫКОВА (правая, сидящая фигура), дочь графа Петра Григорьевича Чернышева (р. 1712 г., † 1773 г.), многими считавшагося за сына Петра Великаго. Мать ея, графиня Екатерина Андреевна, рожденная Ушакова, была дочь извѣстнаго начальника Тайной канцеляріи при Биронѣ, впослѣдствіи графа, Андрея Ивановича Ушакова. Графиня Дарія Петровна провела молодость за границей, гдѣ отецъ ея много лѣтъ былъ посланникомъ при датскомъ, берлинскомъ и англійскомъ дворахъ и посломъ въ Парижѣ. Тамъ она получила то блестящее воспитаніе, которое поставило ее въ ряду образованнѣйшихъ русскихъ женщинъ конца XVIII вѣка. Выйдя замужъ за графа Ивана Петровича Салтыкова, она заняла выдающееся положеніе въ свѣтѣ, чему много способствовала ея крайне самобытная личность. Будучи женщиной самой строгой добродѣтели и стоя неизмѣримо выше мужа по уму и нравственнымъ качествамъ, она снисходительно, съ оттѣнкомъ презрѣнія, относилась къ его многочисленнымъ любовнымъ похожденіямъ, никогда не унижаясь до ревности. Мужъ платилъ ей глубокою привязанностью и уваженіемъ и былъ неутѣшенъ въ ея смерти. Она сама занималась воспитаніемъ своихъ дочерей и единственнаго сына, графа Петра Ивановича. Графиня Салтыкова скончалась отъ разстройства желудка въ 1802 г., по пути въ Москву, на станціи Хотилово, возвращаясь съ мужемъ изъ Петербурга.

Высокаго роста, представительная, съ мужскими манерами, она своею величественною наружностью нѣсколько напоминала Екатерину. Многіе упрекали ее въ надменности, что отчасти объясняется ея молчаливостью въ обществѣ, вслѣдствіе недостаточнаго, благодаря заграничному воспитанію, знакомства съ русскимъ языкомъ, который не былъ еще вытѣсненъ французскимъ изъ гостиныхъ большого свѣта. „Она соединяла въ себѣ", по отзыву Вигеля, „всю важность русскихъ боярынь до-петровскаго времени, съ утонченною вѣжливостью и непринужденностью обращенія придворныхъ дамъ Версальскаго двора". Графиня Салтыкова пользовалась большимъ значеніемъ въ свѣтѣ и при дворѣ, и извѣстна была независимостью и подчасъ рѣзкостью своихъ сужденій. 2 Сентября 1793 г., въ день торжества по случаю заключенія мира съ Портою, Салтыкова пожалована была въ статсъ-дамы, а въ коронацію Павла I получила ленту св. Екатерины.

(Съ портрета, принадлежащаго князю К. Э. Бѣлосельскому-Бѣлозерскому, въ С.-Петербургѣ.)

La comtesse **DARIA PÉTROWNA SALTYKOFF**, 1739—1802, et la baronne **NATALIE MIKHAÏLOWNA STROGANOFF**, 1743—1819.

La baronne **NATALIE MIKHAÏLOWNA STROGANOFF** (à gauche sur la reproduction; v. T. III, № 43), fille du prince Michel Bélosselsky (1er novembre 1702—19 janvier 1755) et de sa seconde femme, la comtesse Natalie Tchernycheff (5 avril 1711—1er décembre 1760), épousa le baron Serge Nikolaewitch Stroganoff (10 avril 1738—29 août 1777), brigadier, marié en premières noces à Prascovie Grigoriewna Boudakoff. Elle eut un fils unique, Alexandre (septembre 1771—22 septembre 1815). Elle mourut le 5 février 1819 et fut inhumée au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

L'Impératrice Elisabeth Alexéewna dit à la Margrave de Bade, sa mère, dans sa lettre du 8 février 1819: „Il vient de mourir ces jours-ci une Baronne Stroganoff (née princesse Béloselsky) qui, veuve dès l'âge de 22 ans d'un mari qu'elle aimait beaucoup, ne vivait que pour un fils unique; jamais elle n'avait eu d'autres enfants que lui. Elle avait marié ce fils, il y a plusieurs années, mais sa femme et son enfant étaient morts au bout de peu de temps de mariage, lui-même tomba dans un état de santé déplorable et fut perclus et aveugle plusieurs années avant sa mort. Sa pauvre mère dut voir ses longues souffrances avant de le perdre; il mourut enfin, il y a une dizaine d'années, et elle resta seule au monde en apparence, mais tant aimée de toutes ses connaissances et de ses parents éloignés qu'elle se plaignait quelquefois d'avoir trop de monde autour d'elle. Naturellement tous ses vœux tendaient vers un autre monde où était tout ce qu'elle avait le mieux aimé dans celui-ci. Néanmoins elle était d'un calme, d'une sérénité qui ne laissait pas deviner à ceux auxquels elle n'en parlait pas, ce qui était l'objet constant de ses pensées. Elle l'a atteint enfin et a eu une mort douce et calme comme l'était sa vie. Elle est généralement regrettée de tous ceux qui la connaissaient, et quoique seule au monde en apparence, sa mort fait verser bien des larmes. Peut-être l'avez-vous connue à votre premier voyage en Russie: elle était sœur d'une princesse Béloselsky, qui était demoiselle d'honneur de ma tante".

La comtesse **DARIA PÉTROWNA SALTYKOFF** (à droite, assise), fille du comte Pierre Grigoriewitch Tchernycheff (1712—1773), que beaucoup considèrent comme fils de Pierre-le-Grand. Sa mère, la comtesse Catherine Andréewna, née Ouchakoff, était fille d'André Ivanowitch Ouchakoff, plus tard comte, connu comme directeur de la Chancellerie Secrète de Biron. La jeune comtesse Tchernycheff, dont le père fut de longues années ministre aux Cours de Copenhague, Berlin et Londres, puis ambassadeur à Paris, reçut à l'étranger une brillante éducation et devint ainsi une des femmes russes les plus distinguées du temps. Mariée au comte Ivan Pétrowitch Saltykoff, elle se fit une place marquante dans le monde, grâce surtout à sa personnalité des mieux accusées. Irréprochable comme femme, de beaucoup supérieure à son mari intellectuellement et moralement, elle n'opposa à toutes ses frasques qu'une indulgence quelque peu dédaigneuse, sans jamais s'abaisser à la jalousie: aussi avait-il pour elle une considération et un attachement profonds; il fut inconsolable de sa perte. Elle s'occupa elle-même de l'éducation de ses filles et de son fils unique Pierre. Elle mourut d'un dérangement d'estomac en 1802, à la station de Khotilovo, en revenant de Pétersbourg à Moscou avec son mari.

Grande, d'une belle prestance, avec des manières un peu masculines, elle avait un air de majesté qui rappelait Catherine II. La fierté qu'on lui reprochait souvent n'était qu'une apparence qui s'explique par la réserve à laquelle elle était tenue en société: élevée à l'étranger, elle savait mal le russe, qui n'avait pas alors fait place au français dans les salons. „Elle joignait", dit Wiegel, „toute l'importance des grandes dames d'avant Pierre-le-Grand à la courtoisie raffinée et aux manières sans contrainte de la Cour de Versailles". Très en vue dans le monde et à la Cour, elle était connue pour l'indépendance et parfois même la rudesse de ses jugements. Le 2 septembre 1793, à l'occasion de la signature de la paix avec la Porte, elle fut faite dame d'honneur, et, au couronnement de Paul Ier, dame de Ste-Catherine.

(D'après un original appartenant au prince C. Bélosselsky-Bélozersky, St-Pétersbourg.)

Дарья Петр. Салтыкова, 1739-1802 и баронесса Наталія Михайловна Строганова, 1745-1819

Darie Pétrowna Saltykoff, 1739-1802 et la Baronne Natalie Mikhaïlowna Stroganoff, 1745-1819

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Краевой Универсальной Газовой
№ 3966

Князь МИХАИЛЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ, 1731—1804, генералъ-поручикъ, дѣйствительный камергеръ, сынъ адмирала князя Михаила Михайловича младшаго, отъ брака съ Татьяной Кирилловной Нарышкиной, родился 18 Іюля 1731 года; былъ дѣйствительнымъ камергеромъ и имѣлъ польскіе ордена св. Станислава и Бѣлаго Орла (1769 г.); въ генералы произведенъ былъ въ 1774 году. Нѣкоторое время служилъ по выборамъ: въ 1781 г. былъ Тарусскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, а въ 1782 г. Калужскимъ губернскимъ предводителемъ.

15 Сентября 1757 г. князь М. М. Голицынъ женился на баронессѣ Аннѣ Александровнѣ Строгановой (р. 1739 г., † 1816 г.) и имѣлъ отъ нея 5 дочерей и 5 сыновей, въ томъ числѣ князей Сергѣя и Александра Михайловичей. Голицынъ имѣлъ хорошее состояніе, еще болѣе увеличившееся, благодаря браку съ богатой баронессой Строгановой. Скончался онъ въ Москвѣ 21 Января 1804 года и похороненъ въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ, въ церкви во имя Архангела Михаила; на памятникѣ его бюстъ, съ надписью: „1810. С. Пименовымъ“.

(Съ портрета Лампи; собственность князя С. М. Голицына, с. Кузьминки, Московской губ.)

Le prince **MICHEL MIKHAÏLOWITCH GOLITZYNE**, 1731—1804, général lieutenant, chambellan actuel, fils du prince Michel Mikhaïlowitch Golitzyne, amiral, et de Tatiana Kirillowna, née Narychkine, naquit le 18 juillet 1731; chambellan actuel et chevalier des ordres polonais de St-Stanislas et de l'Aigle Blanc (1769), il fut promu général en 1774. Il occupa un certain nombre de charges électives, celles de maréchal de la noblesse du district de Taroussa en 1781 et, l'année suivante, de maréchal de la noblesse du gouvernement de Kalouga.

Le prince Michel Golitzyne épousa le 15 septembre 1757 la baronne Anne Alexandrowna Stroganoff (1739—1816), dont il eut cinq filles et cinq fils, parmi lesquels les princes Serge et Alexandre. Il possédait une belle fortune, accrue encore par son mariage avec la riche baronne Stroganoff. Il mourut à Moscou le 21 janvier 1804, et fut inhumé au monastère Donskoï, à Moscou, dans l'église de St-Michel Archange. Sa tombe est ornée de son buste, avec l'inscription: „1810. S. Piménoff".

(D'après un original de Lampi, appartenant au prince S. Golitzyne, Kouzminki, gouv. de Moscou.)

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи
№ 3966

Пис. Лампи

Князь Михаилъ Михайловичъ
Голицынъ, 1731-1804

Peint par Lampi

Le Prince Michel Mikhaïlowitch
Golitzyne, 1731-1804

РУССКИЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной,
Художественной Галереи
№ 3966

34

Княгиня **АННА АЛЕКСАНДРОВНА ГОЛИЦЫНА**, 1739—1816, единственная дочь генералъ-поручика, барона Александра Григорьевича Строганова (р. 1699 г., † 1754 г.), отъ второго брака его съ Еленой Васильевной Дмитріевой-Мамоновой, родилась 7 Декабря 1739 года. Въ замужствѣ была съ 15 Сентября 1757 г. за княземъ Михаиломъ Михайловичемъ Голицынымъ (р. 1731 г., † 1804 г.), впослѣдствіи генералъ-поручикъ, дѣйствительный камергеръ и Калужскій губернскій предводитель. Въ придворномъ мѣсяцесловѣ на 1802 годъ княгиня Анна Александровна Голицына значится кавалерственной дамой ордена св. Екатерины меньшаго креста. Скончалась она 22 Апрѣля 1816 г., имѣя отъ роду 76 лѣтъ, 4 мѣсяца, 15 дней, и похоронена въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ въ церкви во имя Архангела Михаила.

Княгиня Анна Александровна Голицына оставила многочисленное потомство, состоявшее изъ десяти человѣкъ дѣтей: князей — Дмитрія Михайловича, Михаила Михайловича старшаго, Михаила Михайловича младшаго, Александра Михайловича, гофмейстера Двора Великой Княгини Елисаветы Алексѣевны, и Сергія Михайловича, попечителя Московскаго Учебнаго округа, мужа извѣстной княгини Евдокіи Ивановны Голицыной, прозванной „Princesse Nocturne“. Кромѣ этихъ пяти сыновей, княгиня А. А. Голицына имѣла столько же дочерей, изъ коихъ — княжны Екатерина, Анастасія и Елена умерли чуть ли не столѣтними дѣвицами въ Москвѣ, въ концѣ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія, а княжны Елизавета Михайловна и Татьяна Михайловна были замужемъ: первая за бывшимъ фаворитомъ, генераломъ Александромъ Петровичемъ Ермоловымъ, а вторая за княземъ Иваномъ Ивановичемъ Прозоровскимъ.

(Съ портрета Лампи; собственность князя С. М. Голицына, с. Кузьминки, Московской губ.)

БИБЛІОТЕКА
Пермской Духовной
Академіи
№ 3966

34

La princesse **ANNE ALEXANDROWNA GOLITZYNE**, 1739—1816, fille unique du baron Alexandre Grigoriewitch Stroganoff (1699—1754), général lieutenant, et de sa seconde femme, Hélène Vassiliewna, née Dmitrieff-Mamonoff, naquit le 7 décembre 1739. Elle épousa le 15 septembre 1757 le prince Michel Mikhaïlowitch Golitzyne (1731—1804), plus tard général lieutenant, chambellan actuel et maréchal de la noblesse du gouvernement de Kalouga. Elle figure à l'annuaire de la Cour pour 1802 comme dame de Ste-Catherine de 2e classe. Elle mourut le 22 avril 1816, à l'âge de 76 ans, 4 mois, 15 jours, et fut inhumée à Moscou, au monastère Donskoï, dans l'église de St-Michel Archange.

La princesse Golitzyne laissa une nombreuse famille composée de cinq fils: Dmitri, Michel aîné, Michel jeune, Alexandre, maître de la Cour de la Grande-Duchesse Elisabeth Alexéewna, et Serge, curateur de l'arrondissement scolaire de Moscou et mari de la fameuse princesse Eudoxie Ivanowna Golitzyne, dite **Princesse Nocturne**, et cinq filles, dont trois, Catherine, Anastasie et Hélène, moururent presque centenaires à Moscou sans alliance, peu avant 1860, et les deux autres, Elisabeth et Tatiana, épousèrent, l'une le général Alexandre Pétrowitch Ermoloff, l'ancien favori, et l'autre le prince Ivan Ivanowitch Prozorowsky.

(D'après un original de Lampi, appartenant au prince S. Golitzyne, Kouzminki, gouv. de Moscou.)

Пис Лампи

Княгиня Анна Александровна Голицына, 1739-1816

Peint par Lampi

La Princesse Anne Alexandrowna Golitzyne, 1739-1816

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

БИБЛИОТЕКА
Орловской Областной
Художественной Галереи

35

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ МЕЛИССИНО, 1724 (1726)—1797, второй сынъ выходца съ острова Кефалоніи Ивана Аѳанасьевича Мелиссино, родившійся 11 Января 1724 (по эпитафіи 1726) года, послѣ окончанія курса въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ избралъ своею спеціальностью артиллерію. Онъ участвовалъ въ Семилѣтней и въ первой Турецкой войнахъ и во время этой послѣдней кампаніи, командуя всей артиллеріей, способствовалъ побѣдамъ при Хотинѣ, Ларгѣ и Кагулѣ. Впослѣдствіи онъ былъ директоромъ Артиллерійскаго и Инженернаго корпуса, членомъ Артиллерійской Экспедиціи Военной Коллегіи и первоприсутствующимъ въ канцеляріи Главной Артиллеріи и Фортификаціи. Павелъ I въ 1796 году назначилъ П. И. Мелиссино начальникомъ всей артиллеріи, но въ слѣдующемъ году, 26 Декабря, Мелиссино умеръ. Онъ погребенъ въ Лазаревской церкви Александро-Невской лавры.

Отъ брака съ Маріей Дмитріевной Кацаревой онъ имѣлъ одного сына, Алексѣя. Выдающійся знатокъ своей спеціальности, Мелиссино имѣлъ роковое вліяніе на исторію Россіи тѣмъ, что среди артиллеристовъ отличилъ и вывелъ въ люди Аракчеева, рекомендовавъ его Цесаревичу Павлу Петровичу. Мелиссино не только цѣнилъ Аракчеева, какъ хорошаго артиллериста, но и питалъ къ нему „чувства отца“, называя его „любезнымъ сыномъ“, „adorable ami“ и „mon aimable Alechan“. П. И. Мелиссино игралъ большую роль въ исторіи русскаго масонства. Еще въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка, посвященный во всѣ степени масонства, онъ, даже находясь на службѣ въ Яссахъ въ 1778 году, учредилъ тамъ ложу „Марса“. Онъ занималъ первенствующее положеніе и среди Петербургскихъ масоновъ. Мелиссино создалъ свою „особую масонскую систему“ и въ тайномъ „конклавѣ“ изъ 10 избранныхъ лицъ изучалъ „неизвѣстныя и неизслѣдованныя тайны природы, которыя даютъ поводъ къ высшей славѣ и хвалѣ Создателя“. Но, несмотря на это стремленіе къ „пониманію цѣли жизни“ и къ обрѣтенію „истины и мудрости“, Мелиссино не былъ идеаломъ добродѣтелей, но, наоборотъ, самымъ слабохарактернымъ и до глубокой старости сластолюбивымъ человѣкомъ. Его домъ былъ образцомъ не только европейскаго комфорта, но и чисто восточной нѣги. На его дачѣ, на Елагиномъ островѣ, была великолѣпная баня съ бассейномъ на 12 человѣкъ, и купальщики въ ней вытирались „индѣйской кисеей, затканной по бортамъ шелковыми цвѣтами и золотомъ“; послѣ купанья гости усаживались за обѣдъ въ роскошной турецкой палаткѣ на цвѣтущемъ лугу, при чемъ шла оглушительная пальба изъ пушекъ, любезная слуху артиллериста-хозяина, но заставлявшая болѣе слабонервныхъ гостей желать, чтобы эта пальба „происходила не такъ близко отъ нихъ“. Но не всѣ удовольствія Мелиссино носили столь невинный характеръ, хотя и неприличный, можетъ-быть, для философа, погруженнаго въ тайны натуры. На старости лѣтъ этотъ „мастеръ темной пещеры“ (масонская степень, изобрѣтенная Мелиссино) основалъ „Филадельфійское Общество“, въ которомъ молодые развратники изъ золотой молодежи, въ родѣ братьевъ Зубовыхъ, проходили курсъ всевозможныхъ безпутствъ, подъ опытнымъ руководствомъ стараго сатира Мелиссино.

(Съ портрета, принадлежащаго А. А. Ватаци, въ С.-Петербургѣ.)

35

PIERRE IVANOWITCH MÉLISSINO, 1724 (1726) — 1797, deuxième fils d'Ivan Mélissino, émigré de l'île de Céphalonie en Russie, naquit le 11 janvier 1724 (d'après son épitaphe 1726), fit ses études au Corps des Cadets et choisit en sortant l'artillerie. Il fit la Guerre de Sept-Ans et la première campagne de Turquie, où, à la tête de toute l'artillerie, il contribua puissamment aux victoires de Khotine, Larga et Kagoul. Il devint ensuite directeur du Corps de l'Artillerie et du Génie, membre de la section d'artillerie du Collège Militaire et président de la Chancellerie générale d'Artillerie et de Fortification. Paul Ier lui confia en 1796 le commandement de toute l'artillerie, mais il mourut l'année suivante, le 26 décembre. Il fut inhumé dans l'église St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. Il avait épousé Marie Dmitriewna Katzareff, dont il eut un fils, Alexis.

Spécialiste consommé, Mélissino a été pour la Russie l'homme néfaste qui distingua Araktchéeff comme artilleur, le recommanda au Césarewitch Paul et fut ainsi l'auteur de son élévation. Et ce n'était pas seulement une question de métier: il avait pour lui „les sentiments d'un père", l'appelant „Mon cher fils", „Mon adorable ami" et „Mon aimable Alechan". Il joua également un grand rôle dans l'histoire de la maçonnerie russe. Initié à tous les grades dès avant 1770, il fonda même, étant en service à Yassy, la loge Mars. Très en vue parmi les maçons de Pétersbourg et auteur d'un système à lui, il était le centre d'un conclave de dix membres choisis qui se réunissaient pour étudier „les secrets ignorés et inexplorés de la nature, à la louange et à la plus grande gloire du Créateur". Mais malgré toutes ses aspirations à „l'intelligence du but de la vie" et à la découverte „de la vérité et de la sagesse", il était loin d'être un modèle de vertu: d'une extrême faiblesse de caractère, il resta jusqu'à l'âge le plus avancé un libidineux personnage. Son intérieur était un mélange de confort européen et de mollesse toute orientale. Sa villa de l'île Elaguine comportait un bain somptueux avec une piscine pour douze personnes, où les ablutions se faisaient avec des tissus „de mousseline d'Inde brochée sur les bords de soie de couleur et d'or", et d'où on passait dans une tente luxueusement montée, sur la prairie en fleurs, en salle de festin à la turque; le tout accompagné d'assourdissantes salves d'artillerie agréables à l'oreille du vieil artilleur, mais que des nerfs moins résistants auraient mieux aimé entendre d'un peu plus loin. Ce n'étaient là que les plus innocentes de ses distractions, encore que peu convenables, peut-être, pour un philosophe absorbé dans les arcanes de la nature: sur ses vieux jours, ce Maître de la caverne sombre (c'était un grade de son invention) fonda une Société de Philadelphie, où la fleur de la jeunesse dorée, entre autres les frères Zouboff, venaient suivre un cours complet d'inimaginables débauches sous la direction expérimentée de ce vieux satyre de Mélissino.

(D'après un original appartenant à A. Vatazi, St-Pétersbourg.)

Петръ Ивановичъ
Мелиссино, 1726-1797

Pierre Ivanowitch
Mélissino, 1726-1797

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

БИБЛИОТЕКА

36

МАРІЯ ДМИТРІЕВНА МЕЛИССИНО, 1740—1801, рожденная Кацарева, была супругой генерала-отъ-артиллеріи Петра Ивановича Мелиссино (р. 1726 г., † 1797 г.). Скончалась М. Д. Мелиссино 5 Іюня 1801 года и похоронена въ Лазаревской церкви Александро-Невской лавры. Рожденіе ея въ надгробной надписи показано 20 Іюля 1740 года.

Единственный сынъ ея и послѣдній представитель фамиліи Мелиссино, Алексѣй Петровичъ (р. 1761 г., † 1813 г.), былъ смертельно раненъ 15 Августа 1813 года въ сраженіи подъ Дрезденомъ.

(Съ портрета Лампи; собственность А. А. Ватаци, въ С.-Петербургѣ.)

36

MARIE DMITRIEWNA MÉLISSINO, 1740—1801, née Katzareff, était femme du général d'artillerie Pierre Ivanowitch Mélissino (1726—1797). Elle mourut le 5 juin 1801, et fut inhumée dans l'église St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. Son épitaphe porte la date de naissance 20 juillet 1740.

Son fils unique, Alexis (1761—1813), dernier représentant de la famille Mélissino, fut mortellement blessé le 15 août 1813 à la bataille de Dresde.

(D'après un original de Lampi, appartenant à A. Vatazi, St-Pétersbourg.)

36

Пис. Лампи

Марія Дмитріевна
Мелиссино, 1740-1801

Peint par Lampi

Marie Dmitriewna
Mélissino, 1740-1801

РУССКІЕ ИСТОРИЧЕСКІЕ ПОРТРЕТЫ

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи

АЛЕКСАНДРА ЕВТИХІЕВНА ДЕМИДОВА, 175.—18.., дочь Евтихія Ивановича Сафонова († въ Москвѣ 1773 г.), была третьей женой статск. совѣтника Никиты Акинѳіевича Демидова. Первые два брака послѣдняго, съ Наталіей Яковлевной Евреиновой († 1756 г.) и Маріей Сверчковой, къ великому огорченію Никиты Акинѳіевича, были безплодны. Плоха была надежда и на Александру Евтихіевну, которая была вообще слабаго здоровья и еще страдала какими-то „жестокими припадками“. Все это повело къ тому, что, „учредя свои дѣла и удостоенные къ рукѣ Всемилостивѣйшей Государыни“, 17 Марта 1771 г. Демидовы отправились изъ С.-Петербурга путешествовать въ чужіе края на 2 съ лишкомъ года. „Главнымъ побужденіемъ“, говоритъ самъ Никита Акинѳіевичъ, „къ предпріятію сего путешествія была безпрестанная болѣзнь Александры Евтихіевны: ибо господа медики, ее пользовавшіе, употребивъ многіе способы своего знанія, но безъ успѣха, напослѣдокъ отозвались, что къ ея исцѣленію другого средства не находятъ, кромѣ какъ ѣхать къ водамъ, въ Спа находящимся. Сей совѣтъ и надежда, чтобы видѣть въ совершенномъ здоровьѣ супругу, побудили его предпріять столь дальній путь“. Проѣхавъ Германію и осмотрѣвъ все попутно, Демидовы въ Лейденѣ поспѣшили обратиться къ знаменитому профессору Гоубіусу, который и предписалъ цѣлую систему лѣченія, между прочимъ прописавъ „пить ишачье (ослиное) молоко для наведенія тѣла“ и капли „для утвержденія нервовъ“ и для избѣжанія „прежестокой истерики“. Лѣченіе сдѣлало быстрые успѣхи. „Ишачье-ли молоко“, желѣзныя-ли капли или воздухъ, движеніе и удовольствія путешествія были причиной того, что, оставивъ въ Ноябрѣ Лейденъ, уже въ Январѣ 1772 г. Александра Евтихіевна, „къ чувствительной радости“ супруга, почувствовала себя беременной. Наконецъ, приблизился „радостный день“: 26 Сентября въ Парижѣ родилась дочь Екатерина. Демидовы объѣхали, кромѣ Германіи и Франціи, Англію и Италію и въ Ноябрѣ 1773 г. возвратились въ Россію. Александра Евтихіевна была уже вторично беременна и, не успѣвъ доѣхать до С.-Петербурга, въ Нарвѣ родила 9 Ноября сына Николая. „Тѣмъ окончили счастливо путешествіе, привезя въ отечество, къ великому удовольствію Никиты Акинѳіевича, дочь и сына!“ Позднѣе у Демидовой родилась еще дочь Марія (р. 1774 г.; въ замужствѣ за Д. Н. Дурново). Во время путешествія Демидовыхъ велся подробный дневникъ-журналъ, куда все заносилось съ точностью — маршрутъ, всѣ встрѣчи, посѣщенія, обѣды, увеселенія; особенно куріозны отзывы и сужденія о всемъ видѣнномъ и записи всѣхъ покупокъ, нужнаго и ненужнаго. Журналъ этотъ очень интересенъ тѣмъ, что рисуетъ съ откровенной наивностью какъ вкусы самихъ путешественниковъ, такъ и обстановку тогдашнихъ путешествій, при томъ людей на столько богатыхъ. Надо благодарить Н. А. Демидова, что онъ изъ своего-ли тщеславія или въ поученіе „для его фамиліи“ напечаталъ свой дневникъ въ Москвѣ, въ 1786 г., съ своимъ портретомъ, подъ заглавіемъ: „Журналъ путешествія Его Высокородія г. стат. сов. и орд. св. Станислава кавалера Никиты Акинѳіевича Демидова“. На экземплярѣ въ библіотекѣ Великаго Князя Николая Михаиловича (изъ распроданнаго на рынкѣ, къ стыду, собранія П. А. Ефремова) рукою покойнаго П. А. Ефремова написано: „рѣдчайшая“. Кромѣ того, на книгѣ написано: „Сію книгу дарю отъ усердія милостивому государю Семену Васильевичу Смирнову путешествія моего дядюшки, а вашего дѣдушки. Преданный вашъ слуга Аммосъ Дѣмидовъ, 1821 г., Маія 21 дня, въ Москвѣ“.

Будучи за границей, путешественники постарались увѣковѣчить свои изображенія: въ Парижѣ „королевскій портретный живописецъ“ Росленъ въ Январѣ 1772 г. написалъ портретъ Александры Евтихіевны. Онъ же написалъ и Никиту Акинѳіевича „чрезвычайно сходственно, съ такимъ искусствомъ, какого лучше желать не можно“. Кромѣ того, „въ Ноябрѣ (1772 г.) начаты дѣлать Н. А. и А. Евт. мраморные бюсты русскимъ пансіонеромъ г. Шубинымъ, и, чтобы болѣе имѣть время работать, переѣхалъ къ намъ жить“.

Прилагаемый портретъ, вѣроятно, и есть тотъ самый, который писалъ Росленъ въ Парижѣ и ошибочно приписанъ Грёзу, кисти котораго при томъ и не напоминаетъ.

(Съ портрета Рослена; собственность П. П. Дурново, въ С.-Петербургѣ.)

ALEXANDRINE EVTIKHIEWNA DÉMIDOFF, 175. — 18.., fille d'Eutiche Ivanowitch Safonoff († à Moscou, 1773), fut la troisième femme du conseiller d'état Nikita Akinfiewitch Démidoff. Sans enfants, à son grand désespoir, des deux premières, Natalie Yakovlewna Evréinoff († 1756) et Marie Svertchkoff, il ne comptait guère sur elle non plus, en raison de son état maladif et des „violentes attaques" auxquelles elle était sujette, et entreprit avec elle le 17 Mars 1771, après avoir „mis ordre à ses affaires et eu la faveur de baiser la main de Sa Très Gracieuse Majesté", un voyage à l'étranger qui ne dura pas moins de deux ans. „Le motif principal de ce voyage", dit-il lui-même, „est la santé de ma femme, car MM. les médecins ont épuisé toutes les ressources de leur art, et sont unanimes à déclarer qu'il n'y a de salut pour elle qu'aux eaux de Spa. C'est sur leur conseil et dans l'espoir de la voir complètement rétablie que nous nous décidons à cet immense déplacement". Les voyageurs visitèrent d'abord l'Allemagne en passant, puis allèrent à Leyde consulter le célèbre professeur Hoobius, qui ordonna tout un traitement et prescrivit „du lait de mule à boire pour faire engraisser" et des gouttes „pour raffermir les nerfs" et prévenir ces „terribles crises". Le mal se trouva rapidement enrayé; fut-ce le „lait de mule" et les gouttes de fer, ou peut-être l'air, le mouvement et l'agrément du voyage: toujours est-il qu'après avoir quitté Leyde en novembre, la jeune femme, „au sensible plaisir" de son mari, se sentit enceinte dès le mois de janvier suivant. Enfin „l'heureux événement" arriva, et une petite Catherine naquit à Paris le 26 septembre 1772. Après l'Allemagne et la France, on fit encore le tour de l'Angleterre et de l'Italie, puis Mme Démidoff revenait en Russie, enceinte une seconde fois, et, sans pouvoir même rentrer à Pétersbourg, s'arrêtait à Narva pour donner le jour le 9 novembre 1773 à un fils Nicolas. „Ainsi se termina le voyage, d'où l'heureux père, à sa grande joie, rapportait une fille et un fils!" L'année suivante, en 1774, naquit une seconde fille, Marie, mariée plus tard à D. Dournovo. Il est resté du fameux voyage un journal détaillé, où tout est consigné par le menu, itinéraire, rencontres, visites, dîners, distractions, emplettes utiles et inutiles, et qui renferme sur toute espèce de choses des appréciations et opinions particulièrement curieuses, mais dont le grand intérêt est surtout dans le tableau tout naïf qu'il présente, tant des goûts personnels des voyageurs que des conditions dans lesquelles se faisaient alors les voyages, ceux du moins des gens aussi riches. Simple gloriole ou désir réel de donner un livre instructif „A sa Famille", toujours ne peut-on que savoir gré à Démidoff d'avoir publié en 1786 à Moscou son Journal du Voyage du Très Noble conseiller d'état Nikita Démidoff, chevalier de St-Stanislas, avec un portrait de l'auteur. L'exemplaire de la bibliothèque du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch, jadis celui de la collection P. Efrémoff (honteusement dispersée au vent des enchères), porte, avec la mention „Très rare" de la main du regretté collectionneur, l'envoi suivant: „A Monsieur Simon Vassiliewitch Smirnoff, présent cordial de ce livre du voyage de mon oncle, son grand-père, de la part de son dévoué serviteur Ammos Démidoff, Moscou, 21 mai 1821".

A l'étranger, les voyageurs tinrent à faire immortaliser leurs traits. A Paris, le „Portraitiste Royal" Roslin fit le portrait de Mme Démidoff en janvier 1772; on a du même artiste celui de Démidoff, „d'une parfaite ressemblance, et d'une touche qui ne laisse rien à désirer". En outre, „en novembre 1772, commencé les bustes en marbre des deux époux, par le pensionnaire de l'état russe Choubine, qui, pour avoir mieux le temps de travailler, est allé se fixer chez eux".

Le présent portrait est sans doute celui que fit Roslin à Paris, faussement attribué à Greuze, dont il ne rappelle d'ailleurs nullement la manière.

(D'après un original de Roslin, appartenant à P. Dournovo, St-Pétersbourg.)

БИБЛИОТЕКА
Имперской Академии
Художеств
№ 3966

Пис: Грёзъ

Александра Евтихіевна
Демидова, 175·-178·

Peint par Greuze

Alexandrine Evtikhiewna
Démidoff, 175·-178·

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи
№ 3966

CATHERINE IVANOWNA NÉLIDOFF, 1758—1839, fille du lieutenant Ivan Dmitriewitch Nélidoff et d'Anne Alexandrowna, née Simonoff, naquit le 12 décembre 1758 à Klimatine, district de Dorogobouge. Admise en 1765 à l'institut Smolna récemment fondé par Catherine II, elle s'y fit bientôt remarquer par son aptitude pour la danse et sa grâce incomparable. En 1775, l'Impératrice la fit peindre par Lévitzky dansant le menuet (v. T. III, № 31). A sa sortie de l'institut en 1776, elle fut faite demoiselle d'honneur de la Grande-Duchesse Natalie Alexéewna, puis de la Grande-Duchesse Marie Féodorowna. Esprit pénétrant, caractère ferme et personnel, elle eut vite fait de s'adapter à un milieu nouveau pour elle. Petite et brune, elle n'était pas belle, mais ses yeux noirs vifs et brillants, son visage expressif, son animation et sa gaieté, sa conversation pétillante d'esprit, tout attirait involontairement vers elle. Le Césarewitch se mit à prendre plaisir à la société de la demoiselle d'honneur de sa femme, puis en vint à lui vouer un culte chevaleresque: la vivacité de son esprit, la franchise et la noblesse de ses jugements la mettaient mieux à même de satisfaire une âme comme celle de ce prince, chevaleresque, éprise de justice et de dévouement au bien public, que la Grande-Duchesse, allemande compassée et méthodique; dans ses qualités d'esprit et de caractère, cette nature nerveuse et dévoyée, à la recherche de son équilibre moral, trouvait un soulagement et un appui.... Mlle Nélidoff prit à la longue un ascendant complet sur l'esprit et le cœur de Paul Pétrowitch, saisit la nature de son caractère, et finit par savoir le gouverner. Dans son enthousiasme, elle en vint à la conviction qu'elle était „destinée par Dieu même" pour préserver Paul et le diriger dans l'intérêt du bien général. La liaison était purement morale, teintée de mysticisme religieux; c'était, dit Paul Ier lui-même, „une amitié sacrée et tendre, mais innocente et pure". Le public ne pouvait comprendre des rapports de cette nature, et, dès 1785, Mlle Nélidoff passait à la Cour et dans la société pour la maîtresse de Paul, que la calomnie porta à redoubler les témoignages publics de sa déférence envers une jeune fille qui souffrait injustement pour lui. La Grande-Duchesse n'attribua d'abord aucune importance à cette intimité, qu'elle fit même servir à ses visées, mais ensuite elle s'en indigna, et Mlle Nélidoff ne s'apercevait pas de toute l'amertume qu'elle amoncelait dans le cœur de l'épouse outragée. A partir de 1795, la demoiselle d'honneur perdit de son empire sur Paul à la suite d'intrigues de ses ennemis, mais gagna par contre dans la confiance de la Césarewna, qui s'était découvert en elle une alliée. La brouille devint complète en 1796, et Mlle Nélidoff se retira à Smolna, où elle était fixée depuis quelque temps, ne venant à la Cour que par intervalles. A l'avènement de Paul Ier, elle reprit tout son crédit, et conclut avec Marie Féodorowna une véritable alliance pour le bien de celui qu'elles aimaient toutes deux. Leurs efforts tendaient surtout à préserver le Souverain des accès de colère et des résolutions inconsidérées, à intercéder pour les victimes de la disgrâce, à faire donner les grandes charges à des personnages bien intentionnés et dévoués. Sur les affaires d'état proprement dites, Mlle Nélidoff ne pouvait avoir d'influence: elle conserva toujours son exaltation et son sentimentalisme d'institut, sans autres mobiles de conduite que ceux qu'elle trouvait dans son sens moral et dans son cœur. En 1798, les ennemis de l'Impératrice et de Mlle Nélidoff insinuèrent à Paul Ier qu'il était sous la tutelle de sa femme et de la demoiselle d'honneur, gouvernant ensemble sous son nom, et poussèrent Mlle Lopoukhine à la place de Mlle Nélidoff, qui, après le renvoi de Pétersbourg de sa meilleure amie la comtesse Buxhœwden, alla en septembre 1798 la rejoindre au château de Lodé. La mort de Paul Ier lui porta un coup terrible; elle vieillit et blanchit rapidement. Jusqu'à la mort de l'Impératrice, elle resta en relations d'amitié avec elle; après, presque complètement oubliée, elle termina ses jours à Smolna, conservant jusqu'au bout son ardeur si particulière et sa conversation séduisante, mais faisant en même temps le désespoir de son entourage avec son humeur grincheuse et son exigence. Elle mourut le 2 janvier 1839 dans les bras de sa nièce bien-aimée la princesse A. Troubetzkoï, née Nélidoff, et fut inhumée au cimetière d'Okhta, en face de son cher Smolna. Le présent portrait donne de son visage une idée qui est loin d'être si désavantageuse; il semble bien vivant et bien ressemblant, et était jusqu'ici complètement inconnu.

(D'après un original de Voille, appartenant à la princesse E. Golitzyne, St-Pétersbourg.)

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА НЕЛИДОВА, 1758—1839, дочь поручика Ивана Дмитріевича отъ брака съ Анной Александровной Симоновой, родилась 12 Декабря 1758 г. въ с. Климатинѣ, Дорогобужскаго уѣзда. Въ 1765 г. она была принята въ только-что основанный Екатериной II Смольный институтъ, гдѣ рано обратила на себя вниманіе своей способностью къ танцамъ и чрезвычайной граціей. Въ 1775 г. Екатерина II велѣла Левицкому написать портретъ Нелидовой, танцующей менуэтъ (см. т. III, № 31). По окончаніи въ 1776 г. института, Нелидова была назначена фрейлиной къ Великой Княгинѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, а затѣмъ къ Великой Княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Проницательный умъ и твердый самостоятельный характеръ Нелидовой помогли ей быстро освоиться съ новой для нея обстановкой. Маленькая брюнетка, Нелидова была некрасива, но умные, блестящіе черные глаза, выразительное лицо, подвижной, веселый характеръ, разговоръ, блещущій остроуміемъ, невольно привлекали къ ней. Цесаревичъ сталъ находить удовольствіе въ обществѣ фрейлины своей супруги, а потомъ дошелъ до рыцарскаго ей поклоненія. Живостью своего ума, искренностью и благородствомъ своихъ сужденій она умѣла отвѣчать душевнымъ запросамъ Павла Петровича, съ его рыцарскимъ характеромъ и стремленіями къ правдѣ и народному благу, въ большей степени, чѣмъ его супруга, отличавшаяся нѣмецкой аккуратностью и методичностью. Нервная, надломленная натура Цесаревича въ стремленіи къ душевному равновѣсію находила нѣкоторое успокоеніе и поддержку въ свойствахъ ума и характера Нелидовой. Она постепенно совершенно овладѣла умомъ и сердцемъ Павла Петровича и, понявъ свойство его характера, умѣла имъ управлять. Въ своей восторженности она пришла къ убѣжденію, что „самъ Богъ предназначилъ ее“ охранять Павла и руководить имъ для общаго блага. Связь ихъ была чисто нравственная, отчасти на религіозно-мистической подкладкѣ; по словамъ самого Павла I, его соединяла съ Нелидовой „дружба священная и нѣжная, но невинная и чистая“. Людямъ непонятны были такія отношенія, и уже съ 1785 г. Нелидову при дворѣ и въ обществѣ считали любовницей Павла, существованіе же клеветы заставляло Великаго Князя удвоить публичное выраженіе своего уваженія къ дѣвушкѣ, несправедливо страдающей изъ-за него. Марія Ѳеодоровна первоначально не придавала значенія сближенію мужа съ фрейлиной и даже пользовалась ея вліяніемъ для своихъ цѣлей, но затѣмъ стала имъ возмущаться, а Нелидова не замѣчала, сколько горечи должно было накопиться въ душѣ оскорбленной супруги. Съ 1795 г. интриги враговъ Нелидовой уменьшили вліяніе ея на Павла, зато возросло довѣріе къ ней Цесаревны, понявшей, что Нелидова — ея союзница. Въ 1796 г. произошла между друзьями размолвка, и Нелидова уединилась въ Смольномъ, гдѣ она поселилась еще раньше, только на время пріѣзжая ко двору. Съ восшествіемъ на престолъ Павла I значеніе Нелидовой возстановилось, съ Маріей же Ѳеодоровной онѣ заключили настоящій дружественный союзъ для блага любимаго обѣими человѣка. Ихъ старанія были направлены на то, чтобы удерживать Государя отъ вспышекъ гнѣва и необдуманныхъ рѣшеній, ходатайствовать за опальныхъ, замѣщать высшія должности благонамѣренными и преданными людьми. Собственно на государственныя дѣла Нелидова не могла имѣть вліянія, такъ какъ, оставаясь всегда восторженно-сентиментальной институткой, руководилась обыкновенно нравственными и сердечными мотивами. Въ 1798 г. враги Императрицы и Нелидовой внушили Павлу I, что онъ находится подъ опекой супруги и ея камеръ-фрейлины, царствующихъ его именемъ, и устроили замѣну Нелидовой А. П. Лопухиной. Послѣ высылки изъ Петербурга въ замокъ Лоде графини Н. А. Буксгевденъ, любимой подруги Нелидовой, послѣдняя, въ Сентябрѣ 1798 г., тоже удалилась въ Лоде. Смерть Павла I очень потрясла Нелидову; она быстро состарилась и посѣдѣла. Дружба ея съ Императрицей продолжалась до смерти послѣдней. По смерти Маріи Ѳеодоровны, Нелидова, почти всѣми забытая, доживала свой вѣкъ въ Смольномъ, сохранивъ до конца свой своеобразный пылкій умъ, продолжая плѣнять своей бесѣдой, но въ то же время доставляя много непріятностей близкимъ своей ворчливостью и требовательностью. Скончалась она 2 Января 1839 г. на рукахъ своей любимой племянницы, княгини А. А. Трубецкой, рожденной Нелидовой, и погребена на Охтенскомъ кладбищѣ, расположенномъ противъ милаго ея сердцу Смольнаго. Настоящій портретъ Е. И. Нелидовой, изображающій ее далеко не такой некрасивой и, очевидно, очень жизненный и сходный съ оригиналомъ, до сего времени былъ совершенно неизвѣстенъ.

(Съ портрета Вуаля (?); собственность княгини Е. Н. Голицыной, въ С.-Петербургѣ.)

Пис. Вуаль (?)

Екатерина Ивановна
Нелидова, 1758–1839

Peint par Voille (?)

Catherine Ivanowna
Nélidoff, 1758–1839

CCKIE RUSSES
NTRAITS ПОРТРЕТЫ

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Универсальной Библиотеки
3966

39

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ, 1799—1837. Воспроизводимый здѣсь портретъ Пушкина, принадлежащій кисти знаменитаго „любимца грацій“ Ореста Адамовича Кипренскаго († 1836 г.), при жизни и долгое время послѣ смерти великаго поэта — вплоть до 1870-хъ годовъ — былъ наиболѣе извѣстнымъ изображеніемъ его: въ то время какъ Тропининскій и другіе были достояніемъ частныхъ лицъ и долгое время совсѣмъ не воспроизводились, — этотъ портретъ, главнымъ образомъ благодаря извѣстнымъ гравюрамъ Н. И. Уткина (1827 и 1838 гг.), былъ очень популяренъ и служилъ прототипомъ для большинства изображеній поэта въ гравюрахъ и литографіяхъ.

Кипренскій написалъ портретъ Пушкина въ 1827 году, въ Петербургѣ, въ періодъ времени между пріѣздомъ поэта изъ Москвы и отъѣздомъ его въ Михайловское (т.-е. между концомъ Мая и концомъ Іюля), по заказу барона А. А. Дельвига; портретъ былъ вскорѣ награвированъ Уткинымъ и приложенъ къ „Сѣвернымъ Цвѣтамъ“ на 1828 годъ („Портретъ твой въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ“, писалъ Пушкину Баратынскій, „чрезвычайно похожъ и прекрасно гравированъ“. — „Какъ твой портретъ въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ хорошъ и похожъ: чудо!“ читаемъ въ письмѣ Катенина). Вмѣстѣ съ другими работами Кипренскаго портретъ этотъ былъ показанъ на выставкѣ въ Императорской Академіи Художествъ, открывшейся 1 Сентября. Никитенко, посѣтившій выставку 2-го числа, записалъ въ своемъ дневникѣ: „Я не знатокъ въ живописи и сужу о ней только по впечатлѣнію, какое на меня производитъ то или другое произведеніе.... Очень хорошъ показался мнѣ портретъ Мордвинова, писанный Довомъ. Хороши также Аракчеевъ и Сперанскій.... Вотъ поэтъ Пушкинъ. Не смотрите на подпись: видѣвъ его хоть разъ живого, вы тотчасъ узнаете его проницательные глаза и ротъ, которому недостаетъ только безпрестаннаго вздрагиванія; этотъ портретъ писанъ Кипренскимъ“. Столь же восторженный отзывъ о портретѣ былъ данъ и Булгаринымъ въ описаніи выставки, помѣщенномъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1827 г. (№ 110): „Благодаримъ художника отъ имени всей образованной публики“, писалъ онъ, „за то, что онъ сохранилъ драгоцѣнныя для потомства черты любимца музъ. Не распространяясь въ исчисленіи красотъ сего произведенія г. Кипренскаго, мы скажемъ только, что это—живой Пушкинъ“. Очень удачнымъ считалъ этотъ портретъ (вѣрнѣе—гравюру съ него Уткина) и отецъ поэта, Сергѣй Львовичъ. Но мнѣніе это раздѣлялось не всѣми: нѣкоторые находили, что Кипренскій во многомъ польстилъ поэту, нивеллировавъ рѣзкость чертъ его лица. Н. В. Кукольникъ, знавшій Пушкина, впрочемъ, позднѣе, говоря о работахъ Кипренскаго, по поводу настоящаго портрета замѣчаетъ, что на немъ „положеніе поэта не довольно хорошо придумано; оборотъ тѣла и глазъ несвойственъ Пушкину, драпировка умышленна, Пушкинской простоты не видно“. Фигура музы, помѣщенная на портретѣ, и безъ того манернымъ, придаетъ ему еще больше претенціозности; она приписана была, по свидѣтельству Булгарина, позднѣе. Во всемъ этомъ видно желаніе идеализировать поэта, изобразить не Пушкина-человѣка, а Пушкина-поэта, какимъ хотѣли его видѣть поклонники его и почитатели. По мнѣнію Д. Н. Анучина, высказанномъ въ его антропологическомъ этюдѣ о Пушкинѣ, портретъ Кипренскаго менѣе другихъ удаченъ въ передачѣ характерныхъ подробностей лица Пушкина и въ то же время не схватываетъ общаго его выраженія. Поэтому портретъ работы Тропинина (воспроизведенный во II томѣ настоящаго изданія, № 29) цѣненъ именно своею правдою, реализмомъ и простотою.

По смерти барона Дельвига Пушкинъ выкупилъ свой портретъ у его вдовы, Софьи Михайловны; съ тѣхъ поръ онъ всегда находился у него и въ день его смерти висѣлъ въ его кабинетѣ; нынѣ онъ принадлежитъ старшему сыну поэта и былъ на выставкѣ портретовъ въ Таврическомъ дворцѣ. Съ него существуетъ нѣсколько копій; одна изъ нихъ, работы Виневецкаго (1837 г.), — нынѣ въ Императорской Академіи Наукъ (изъ коллекціи Россійской Академіи), гдѣ имѣется также другая старинная копія, съ поворотомъ въ другую сторону и безъ музы; оба эти портрета воспроизведены въ Альбомѣ Пушкинской юбилейной выставки въ Петербургѣ.

(Съ портрета О. Кипренскаго, 1827 г.; собственность А. А. Пушкина, въ Москвѣ.)

ALEXANDRE SERGUÉEWITCH POUCHKINE, 1799—1837. La présente reproduction est celle d'un original dû au Favori des Grâces, Oreste Kiprensky († 1836), et qui fut toute la vie du poète et plus tard même, jusqu'après 1870, son portrait le plus répandu; tandis que celui de Tropinine et d'autres restèrent longtemps dans des collections particulières sans être jamais reproduits, celui-là, grâce surtout aux gravures connues d'Outkine (1827 et 1838), devint très populaire et fut le prototype de presque toutes les gravures et lithographies représentant Pouchkine.

Exécuté à Pétersbourg en 1827 sur la commande du baron Delvig, lors du séjour que Pouchkine, venu de Moscou, y fit de fin Mai à fin Juillet avant de repartir pour Mikhaïlowskoïé, ce portrait de Kiprensky fut peu après gravé par Outkine et publié dans les Fleurs du Nord en 1828. „Ton portrait des Fleurs du Nord est d'une ressemblance étonnante et supérieurement gravé", écrit Baratynsky au poète, et Katénine lui dit aussi dans une de ses lettres: „Comme ton portrait des Fleurs du Nord est bien fait et ressemblant, c'est merveilleux!" Il fut du nombre des tableaux de Kiprensky ayant figuré à l'exposition qui s'ouvrit le 1er septembre à l'Académie des Beaux-Arts. „Je ne suis pas connaisseur en peinture", dit dans son journal Nikitenko après la visite qu'il y fit le lendemain de l'ouverture, „et je ne juge que d'après l'impression que me produit telle ou telle œuvre.... J'ai trouvé très bien le Mordvinoff de Dove. Bien aussi Araktchéeff et Spéransky.... Voici le poète Pouchkine. Inutile de lire l'inscription: ne l'eût-on vu vivant qu'une fois, on reconnaît tout de suite ces yeux pénétrants et cette bouche à laquelle il ne manque que son tremblement continuel. C'est de Kiprensky". Non moins enthousiaste est Boulgarine dans son compte-rendu de l'exposition publié par L'Abeille du Nord (1827, № 110): „Au nom de tout le public cultivé", dit-il, „nous remercions l'artiste d'avoir conservé à la postérité les précieux traits du favori des Muses. Sans nous attarder à énumérer les beautés de l'œuvre de Kiprensky, nous n'avons qu'une chose à dire: c'est un Pouchkine vivant". Enfin le portrait en question, ou plutôt la gravure d'Outkine, eut également toute l'approbation de Serge Pouchkine, le père du poète. Il y avait d'ailleurs des dissonances: on reprochait souvent au peintre d'avoir par trop flatté son modèle et fortement atténué la rudesse des traits. Koukolnik, qui ne connut Pouchkine que plus tard, ne trouve pas „la pose trop heureuse: attitude du corps, direction du regard, manière de se draper, rien dans tout cela que de purement artificiel et d'absolument étranger à la simplicité de Pouchkine". La muse, ajoutée, dit Boulgarine, après coup, ne fait que souligner encore le maniéré et le prétentieux du tableau. Tout cela trahit une préoccupation d'idéalisme, un effort pour substituer à l'homme le poète, au goût de ses amis et admirateurs. Moins heureux que les autres, dit Anoutchine dans son étude anthropologique sur Pouchkine, pour le détail des traits caractéristiques de l'original, le portrait de Kiprensky ne rend pas non plus l'expression d'ensemble; aussi celui de Tropinine qui figure au Tome II, № 29, de la présente publication n'en est-il que plus précieux justement par sa vérité, son réalisme et sa simplicité.

A la mort du baron Delvig, Pouchkine racheta le portrait à sa veuve: il le garda toujours chez lui et l'avait encore dans son cabinet le jour de sa mort. Son fils aîné en hérita et l'envoya à l'exposition de portraits du Palais Taurique. Il en existe plusieurs copies; celle de Vinévetzky (1837) est actuellement, dans la collection de l'Académie Russe, à l'Académie des Sciences, qui possède aussi une autre vieille copie, le corps tourné de l'autre côté et sans la Muse. Ces deux copies sont reproduites dans l'Album de l'Exposition Jubilaire de Pouchkine à St-Pétersbourg.

(D'après un original de O. Kiprensky, 1827, appartenant à A. Pouchkine, Moscou.)

Пис. О. Кипренскій, 1827

Александръ Сергѣевичъ
Пушкинъ, 1799-1837

Peint par O. Kiprensky, 1827

Alexandre Serguéewitch
Pouchkine, 1799-1837

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи
396

40

Князь **НИКИТА ПЕТРОВИЧЪ ТРУБЕЦКОЙ**, 1804—1886, единственный сынъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника князя Петра Сергѣевича (р. 1760 г., † 1817 г.), отъ второго его брака съ Марѳой Петровной Кроминой, сводный братъ декабриста, родился 6 Августа 1804 года. Двѣнадцати лѣтъ лишился онъ отца, и мать его всецѣло посвятила себя воспитанію сына и устройству имѣнія, доставшагося имъ на долю (400 душъ въ Нижегородской губ.). По словамъ близко знавшей Трубецкихъ Е. П. Яньковой, „сынъ выросъ, и мать была имъ утѣшена: онъ вышелъ хорошій человѣкъ, къ матери почтительный, и, по ея желанію, женился довольно молодымъ на весьма достойной и умной дѣвицѣ, на фрейлинѣ Нелидовой, которая на нѣсколько лѣтъ была старше его. Они жили согласно". Зачисленный въ пажи, князь Н. П. Трубецкой въ 1823 г. былъ произведенъ изъ камеръ-пажей въ корнеты въ Кавалергардскій полкъ. Въ 1826 г., по болѣзни, уволенъ въ отставку, съ чиномъ поручика, и опредѣленъ въ Министерство Иностранныхъ дѣлъ, съ пожалованіемъ въ камеръ-юнкеры. Выйдя въ отставку въ 1832 г., Трубецкой черезъ 6 лѣтъ снова поступилъ на службу; съ 1839 по 1843 г. онъ служилъ въ Почтовомъ департаментѣ, въ 1839 г. получилъ званіе церемоніймейстера, въ 1843 г. причисленъ къ Министерству Внутреннихъ дѣлъ, съ 1844 по 1846 г. былъ въ командировкѣ въ Нижегородской губерніи для статистическаго описанія ея и въ 1852 г. назначенъ членомъ Капитула орденовъ. Состоя въ этой должности, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, князь Н. П. Трубецкой скончался 30 Января 1886 г. и похороненъ въ Тверскомъ женскомъ Христорождественскомъ монастырѣ.

Съ 1825 г. Трубецкой былъ женатъ на Александрѣ Александровнѣ Нелидовой († 1886 г.), родной племянницѣ и воспитанницѣ камеръ-фрейлины Екатерины Ивановны Нелидовой, и имѣлъ 2 сыновей: Петра (р. 1826 г., † 1880 г.) и Сергѣя (оберъ-гофмаршалъ, директоръ Императорскаго Эрмитажа, р. 1829 г., † 1899 г.), и 2 дочерей: Екатерину (р. 1831 г.), въ замужствѣ за княземъ Павломъ Васильевичемъ Голицынымъ, и Александру (р. 1836 г., † 1891 г.), за княземъ Иваномъ Михайловичемъ Голицынымъ.

(Съ портрета О. Кипренскаго; собственность князя Н. С. Трубецкого, въ С.-Петербургѣ.)

40

Le prince **NIKITA PÉTROWITCH TROUBETZKOÏ**, 1804—1886, fils unique du prince Pierre Serguéewitch Troubetzkoï (1760—1817), conseiller d'état actuel, et de sa seconde femme Marthe Pétrowna Kromine, frère consanguin du décabriste, naquit le 6 août 1804. Il perdit son père à 12 ans, et sa mère se consacra tout entière à son éducation et à l'administration du bien (400 têtes de paysans au gouvernement de Nijni-Novgorod) dont il était l'héritier. „L'enfant grandit", dit une amie de la famille, Mme Yankoff, „et fit la consolation de sa mère; ce fut un brave garçon, plein d'égards pour elle, et qui se conforma à ses volontés en épousant assez jeune une personne de quelques années plus âgée que lui, mais des plus honorables et des plus intelligentes, la demoiselle d'honneur Nélidoff. Le ménage fut parfaitement uni". Enrôlé page, le prince Troubetzkoï était page de la chambre, quand il passa en 1823 cornette aux Chevaliers-Gardes. En 1826, retraité comme lieutenant pour raisons de santé, il entra au ministère des affaires étrangères et fut nommé gentilhomme de la chambre. Démissionnaire en 1832, il reprit du service au bout de six ans: affecté en 1839 au département des Postes en même temps qu'il était nommé maître des cérémonies, il passa en 1843 au ministère de l'intérieur, puis alla en mission de 1844 à 1846 recueillir sur place les matériaux d'une description statistique du gouvernement de Nijni-Novgorod. Il était depuis 1852 membre du Chapitre des Ordres russes lorsqu'il mourut conseiller d'état actuel le 30 janvier 1886; il fut inhumé au monastère de femmes de la Nativité, à Tver.

Le prince Troubetzkoï avait épousé en 1825 Alexandrine Alexandrowna Nélidoff († 1886), nièce et pupille de Mlle Catherine Nélidoff. Il eut deux fils, Pierre (1826—1880) et Serge (1829—1899), grand maréchal de la Cour et directeur de l'Ermitage, et deux filles, Catherine (née 1831), mariée au prince Paul Vassiliewitch Golitzyne, et Alexandrine (1836—1891), au prince Ivan Mikhaïlowitch Golitzyne.

(D'après un original de O. Kiprensky, appartenant au prince N. Troubetzkoï, St-Pétersbourg.)

Пис. О. Кипренскій

Князь Никита Петровичъ Трубецкой, 1804-1855

Peint par O. Kiprensky

Le Prince Nikita Pètrowitch Troubetzkoï, 1804-1855

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи
№ 3866

АГРИППИНА ЛЕОНТЬЕВНА АПРАКСИНА, 1719—1771, супруга генералъ-фельдмаршала Степана Ѳедоровича Апраксина (р. 1702 г., † 1758 г.), была дочь генералъ-поручика Леонтія Яковлевича Соймонова и жены его, рожденной Кокошкиной. Родилась она 4 Іюня 1719 г. и замужъ вышла очень молодой, почти дѣвочкой, такъ какъ въ 1735 г. родилась уже ея старшая дочь, Елена. Пожалованная Императрицей Елисаветой Петровной 26 Октября 1756 г., при назначеніи С. Ѳ. Апраксина главнокомандующимъ русскими войсками въ Пруссіи, въ дѣйствительныя статсъ-дамы, она, послѣ паденія мужа, принуждена была оставить Дворъ и по смерти его, въ 1760 г., удалилась въ свою подмосковную, Ольгово. При восшествіи на престолъ Петра III Апраксина получила позволенье вернуться въ Петербургъ и заняла прежнее видное положеніе при Дворѣ. Екатерина II упоминаетъ въ своихъ запискахъ о „фельдмаршалшѣ Апраксиной“ въ числѣ прочихъ „старыхъ дамъ, подручно случавшихся“, съ коими она совѣтовалась въ томъ, что касалось похоронъ Императрицы Елисаветы, „въ чемъ на нихъ угодила чрезвычайно“. Скончалась А. Л. Апраксина 28 Октября 1771 г. и похоронена въ С.-Петербургѣ, на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Е. П. Янькова разсказываетъ объ Апраксиной, что, вслѣдствіе постоянныхъ отлучекъ и походовъ фельдмаршала Апраксина, „всѣмъ завѣдывала его жена и, должно быть, она была скупенька; какъ понадобятся деньги, вотъ онъ и придетъ къ ней: Ну-ка, Леонтьевна, распоясывайся, разставайся съ завѣтными, давай-ка денежекъ“. По словамъ Карабанова, Агриппина Леонтьевна Апраксина „была одарена возвышенными и благородными чувствами“. Она домовито распоряжалась и завѣдывала дѣлами мужа, постоянно находившагося въ походахъ, но при этомъ дѣлала много добра: такъ, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствуетъ надгробная надпись на ея могилѣ:

„Источникъ милостей отъ сей на ближнихъ текъ
И добродѣтелями ея красенъ былъ вѣкъ.
То множество дѣвицъ являютъ благородныхъ,
Чрезъ дѣйствіе ея талантовъ превосходныхъ,
Благополучными содѣланныхъ отъ ней;
Въ нихъ жертва и хвала и вѣчна память ей!“

А. Л. Апраксина имѣла одного сына, Степана Степановича Апраксина (р. 1757 г., † 1827 г.), женатаго на княжнѣ Екатеринѣ Владиміровнѣ Голицыной, и двухъ дочерей, извѣстную красавицу княгиню Елену Степановну Куракину (р. 1735 г., † 1769 г.) и Марію Степановну Талызину (р. 1742 г., † 1796 г.).

(Съ портрета графа Ротари; собственность А. М. Апраксиной, с. Ольгово, Московской губ.)

AGRIPPINE LÉONTIEWNA APRAXINE, 1719—1771, femme du général feld-maréchal Stéphane Féodorowitch Apraxine (1702—1758), était fille du général lieutenant Léonce Yakovlewitch Soïmonoff et de sa femme, née Kokochkine. Elle naquit le 4 juin 1719, et fut mariée toute jeune, presque enfant, car elle eut sa fille aînée, Hélène, en 1735. Faite dame d'honneur par l'Impératrice Elisabeth Pétrowna le 26 octobre 1756, en même temps que son mari était nommé commandant en chef des troupes russes en Prusse, elle dut quitter la Cour lors de la disgrâce du feld-maréchal, et, devenue veuve, en 1760, se retira dans sa propriété d'Olgovo, aux environs de Moscou. A l'avènement de Pierre III, elle put revenir à Pétersbourg et reprendre sa situation marquante à la Cour. Catherine II la cite dans ses Mémoires au nombre „des dames âgées qui se trouvèrent là à propos", dont elle prit conseil au sujet des funérailles de l'Impératrice Elisabeth, et „auxquelles elle en sut un gré infini". Mme Apraxine mourut le 28 octobre 1771, et fut inhumée à St-Pétersbourg, au cimetière St-Lazare du monastère d'Alexandre Newsky.

En raison des fréquentes absences et des campagnes du feld-maréchal, dit Mme Yankoff, „c'était sa femme qui gouvernait tout, et elle devait être d'une belle avarice: quand il n'avait plus d'argent, il allait la trouver: „Allons, ma bonne, desserre les cordons de ta bourse, lâche un peu de ton magot, donne de l'argent". Karabanoff la représente comme une personne „aux sentiments élevés et nobles". Ses talents de maîtresse de maison et le soin qu'elle prenait des affaires de son mari toujours en campagne ne l'empêchèrent pas de faire beaucoup de bien, à juger du moins d'après son épitaphe:

„Elle a sur son prochain répandu ses bienfaits,
„De toutes les vertus sa vie fut embellie.
„Témoin la quantité de jeunes filles nobles
„Qui, grâce à ses talents, devinrent excellentes
„Et qu'elle sut conduire à la prospérité.
„Cette œuvre est sa louange, à jamais mémorable!"

Mme Apraxine eut un fils, Stéphane (1757—1827), qui épousa la princesse Catherine Vladimirowna Golitzyne, et deux filles, la belle princesse Hélène Stépanowna Kourakine (1735—1769) et Marie Stépanowna Talyzine (1742—1796).

(D'après un original du comte Rotary, appartenant à Mme A. Apraxine, Olgovo, gouv. de Moscou.)

Пис графъ Ротари

Agrafena Léontievna
Apraxine, 1719-1771

Peint par le Cte Rotary

Agrippine Léontiewna
Apraxine, 1719-1771

ПОРТРЕТЫ RUSSES

ЛИОТЕКА
...кой Областной
...ственной Галлереи
3966

42

СЕРГѢЙ СЕРГѢЕВИЧЪ КУШНИКОВЪ, 1767—1839, С.-Петербургскій губернаторъ, сенаторъ, женатъ былъ на Екатеринѣ Петровнѣ Бекетовой. Біографическія свѣдѣнія о нихъ см. въ т. II, № 45, и т. III, № 197.

Прилагаемый здѣсь портретъ Кушникова можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ произведеній кисти Боровиковскаго, наиболѣе типичнымъ для его живописи.

По каталогу Третьяковской галлереи этотъ портретъ считается портретомъ неизвѣстнаго, въ которомъ, однако, не трудно узнать по характернымъ чертамъ лица С. С. Кушникова.

Кромѣ уже помѣщеннаго во II т. (№ 45) изданія „Русскіе Портреты“ изображенія Кушникова и прилагаемаго здѣсь, имѣются еще: миніатюра его (типа изображенія во II т.) въ собраніи Великаго Князя Николая Михаиловича и портретъ (особаго типа) во Флоренціи, принадлежащій князю Кудашеву.

(Съ портрета Боровиковскаго; находится въ Московской Третьяковской галлереѣ.)

42

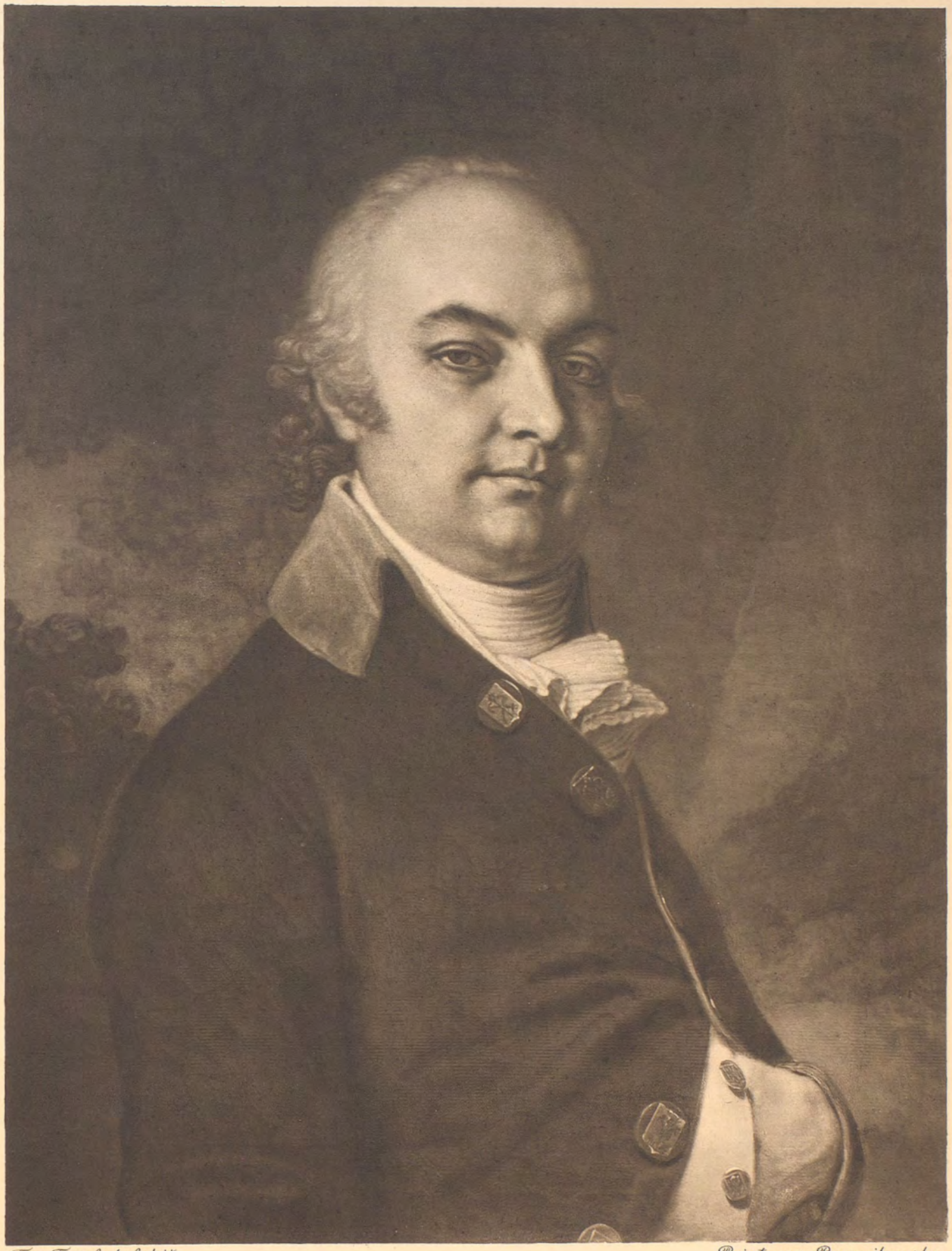
SERGE SERGUÉEWITCH KOUCHNIKOFF, 1767 — 1839, gouverneur de St-Pétersbourg, sénateur, épousa Catherine Pétrowna Békétoff. Pour sa biographie, v. T. II, № 45 et T. III, № 197.

Le présent portrait peut être considéré comme une des meilleures productions de Borovikowsky, une des plus typiques de sa manière.

Porté au catalogue de la Galerie Trétiakoff comme portrait d'inconnu, il n'est cependant pas difficile d'y reconnaître les traits de S. Kouchnikoff.

Outre le portrait du Tome II et celui-ci, il y a encore de Kouchnikoff une miniature du même type que le premier dans la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch, et un portrait d'un type particulier chez le prince Koudacheff, à Florence.

(D'après l'original de Borovikowsky, Galerie Trétiakoff, Moscou.)



Пис: Боровиковскій

Peint par Bopovikowsky

Сергѣй Сергѣевичъ
Кушниковъ, 1765-1839

Serge Serguéewitch
Kouchnikoff, 1765-1839

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES TRAITS

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

БИБЛИОТЕКА
Пермской [illegible]
Художественной Галереи
№ 3966

43

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ КОНОВНИЦЫНЪ, 17..—1..., генералъ-поручикъ, потомокъ древняго рода, одного происхожденія съ Романовыми, отецъ героя Отечественной войны, графа Петра Петровича Коновницына.

О П. П. Коновницынѣ-отцѣ сохранилось очень мало свѣдѣній, несмотря на то, что онъ достигъ виднаго служебнаго положенія. Съ 1785 по 1792 г. онъ былъ Петербургскимъ губернаторомъ. Храповицкій занесъ въ 1788 г. въ свой Дневникъ слѣдующій отзывъ Екатерины II о Коновницынѣ: „Здѣшній губернаторъ Петръ Петровичъ Коновницынъ глупъ". Пребываніе Коновницына на должности губернатора въ теченіе 7 лѣтъ показываетъ, однако, что Государыня все-таки цѣнила его и сдѣлала такой рѣзкій отзывъ о немъ, вѣроятно, въ минуту досады. Впослѣдствіи онъ былъ Архангельскимъ и Олонецкимъ генералъ-губернаторомъ. Коновницыну принадлежало въ Слободской Украйнѣ село Каплуновка, извѣстное по своей чудотворной иконѣ Божіей Матери. Онъ устроилъ здѣсь великолѣпную церковь, по образцу той, которая находится въ Софіи, близъ Царскаго Села. П. П. Коновницынъ скончался до 1801 года. Онъ былъ женатъ на Аннѣ Еремѣевнѣ Родзянко. Кромѣ единственнаго сына, другихъ дѣтей у него не было.

(Съ портрета Левицкаго; собственность графа В. П. Коновницына, въ Москвѣ.)

43

PIERRE PÉTROWITCH KONOVNITZYNE, 17..—1..., général lieutenant, descendant d'une vieille famille de même souche que celle des Romanoff, était le père du comte Pierre Pétrowitch Konovnitzyne, le héros de la Guerre Patriotique.

De Konovnitzyne père, on ne sait que peu de chose, malgré la situation élevée à laquelle il parvint. Il fut de 1785 à 1792 gouverneur de Pétersbourg. „Le gouverneur d'ici, Pierre Konovnitzyne, est un imbécile", aurait dit de lui Catherine II en 1788, au témoignage du Journal de Khrapovitzky: les sept années qu'il resta gouverneur prouvent toutefois que l'Impératrice ne laissait pas de faire cas de lui et que cette dure appréciation ne put lui échapper que dans un moment de dépit. Konovnitzyne fut plus tard général gouverneur d'Arkhangel et d'Olonetz. Propriétaire en Ukraine du bourg de Kaplounovka renommé pour sa Vierge miraculeuse, il y fit élever une église somptueuse sur le modèle de celle de Sofia, près Tzarskoïé Sélo.

Konovnitzyne mourut avant 1801. Il avait épousé Anne Eréméewna Rodzianko, dont il n'eut que son fils unique.

(D'après un original de Lévitzky, appartenant au comte V. Konovnitzyne, Moscou.)

Пис: Левицкій

Peint par Lévitsky

Петръ Петровичъ
Коновницынъ, 17··-17··

Pierre Pétrowitch
Konovnitzyne, 17··-17··

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи
№ 3966

ПЕТРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ДУБОВИЦКІЙ, 1753—1825, богатый помѣщикъ, имѣвшій обширныя земельныя владѣнія въ нѣсколькихъ губерніяхъ, въ гражданской службѣ дослужился только до чина надворнаго совѣтника и велъ жизнь частнаго человѣка, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ въ своихъ вотчинахъ. „Природный умъ его отличался безпощадной логикой“, говоритъ хорошо знавшій его Д. Н. Свербеевъ, „и потому онъ былъ человѣкъ практичный до мелочи, хозяинъ-помѣщикъ строгости и точности неумолимой, но всегда справедливый“; деревни его около Рязани отличались рѣдкимъ порядкомъ и устройствомъ, а крестьяне, по своему богатству, были чуть ли не первыми во всей губерніи; ни одинъ изъ нихъ (а у него ихъ было до 2000, если не болѣе) не смѣлъ и подумать выпить когда-нибудь водки: „Пей пива, сколько хочешь“, говаривалъ онъ имъ, „выпьешь водки—иди въ рекруты, не годенъ—отправляйся на поселеніе“. Каждый вечеръ онъ аккуратно выкладывалъ ассигнаціи и золото для провѣрки кассы и для записи дневного прихода и расхода въ приходорасходную книгу. Этотъ „безпощадный, отъявленный врагъ масоновъ“, всего ненормальнаго и мистическаго, имѣлъ несчастье видѣть единственнаго сына своего Александра Петровича выступившимъ въ роли основателя странной мистической секты „внутреннихъ поклонниковъ Господнихъ“. Старикъ требовалъ отъ сына „прекратить разномыслiе съ нимъ въ религіи“, но все было тщетно; сынъ, по выраженію того же Свербеева, „одичалъ совершенно, жилъ не столько въ обществѣ людей, сколько съ духами“, и былъ, наконецъ, сосланъ въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь. Старикъ Дубовицкій пользовался большимъ уваженіемъ въ обществѣ, и Александръ I,ославъ его сына въ монастырь, счелъ нужнымъ извиниться передъ отцомъ: „Хотя я и опредѣлилъ послать въ монастырь вашего сына“, сказалъ Императоръ Дубовицкому при пріемѣ Рязанскаго дворянства, „однако Я, своей особой, въ этомъ не виноватъ, не виноватъ“.

П. Н. Дубовицкій не долго прожилъ послѣ катастрофы, постигшей его сына; онъ умеръ 4 Ноября 1825 года и погребенъ въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ.

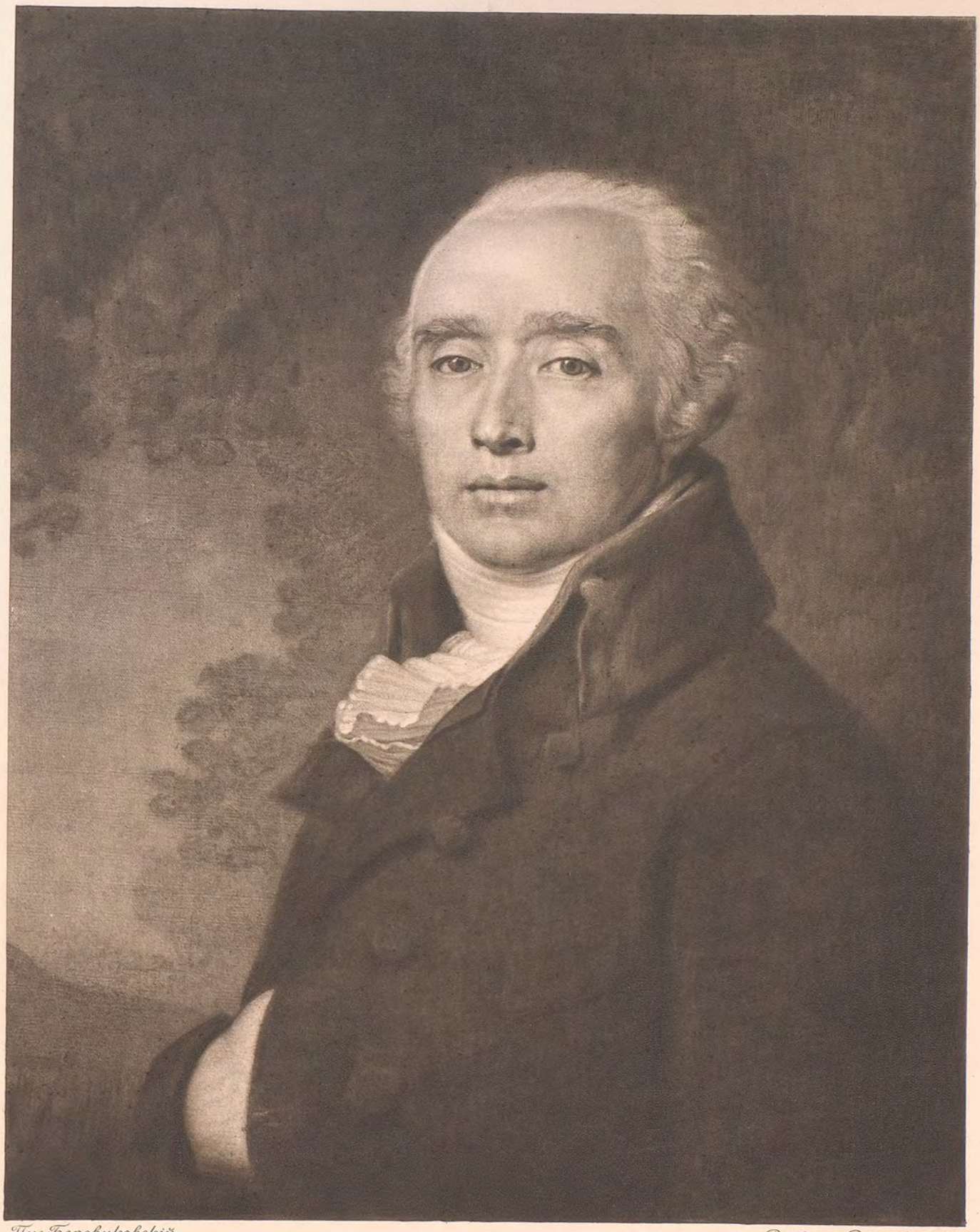
(Съ портрета Боровиковскаго; собственность О. Л. Мерхелевичъ, с. Стенькино, Рязанской губ.)

44

PIERRE NIKOLAEWITCH DOUBOVITZKY, 1753—1825, riche propriétaire foncier, possesseur d'immenses domaines dans plusieurs gouvernements, ne dépassa pas le rang de conseiller de cour au service civil et se retira dans la vie privée pour se consacrer à l'exploitation de ses terres. „Naturellement doué d'une logique rigide", dit de lui Sverbéeff, qui le connut bien, „et par suite esprit pratique d'une minutie extrême, ce fut un propriétaire d'une sévérité et d'une ponctualité inflexibles, mais d'une parfaite équité". Ses villages des environs de Riazan étaient des modèles d'ordre et de bonne organisation, et ses paysans sans doute les plus riches de tout le gouvernement. Pas un, sur 2000 et plus qu'ils étaient, qui osât songer à prendre de l'eau-de-vie: „De la bière, tant que vous voudrez!" répétait-il; „de l'eau-de-vie, au régiment! Et ceux qui ne sont pas bons pour le service, en Sibérie!" Tous les soirs, il faisait sa caisse à fond, billets et or, et inscrivait les dépenses et recettes de la journée. „Ennemi déclaré, intraitable, des francs-maçons" et de tout ce qui était anormal et mystique, il eut la douleur de voir son fils unique Alexandre fonder l'étrange secte mystique des Adorateurs intimes du Seigneur. Il le somma de „revenir aux croyances de son père", mais tout fut inutile: devenu, dit le même Sverbéeff, „absolument insociable, vivant moins dans la société des hommes que dans celle des esprits", le jeune homme finit par se faire reléguer au monastère St-Cyrille, à Bélozersk. Le vieux Doubovitzky jouissait de toute l'estime de la société, et Alexandre Ier ne crut pas devoir prendre cette mesure sans s'excuser près de lui: „J'ai bien fait cloîtrer votre fils", lui dit-il à une réception de la noblesse de Riazan, „mais personnellement je n'y suis pour rien, pour rien".

Doubovitzky ne survécut que peu de temps à cette catastrophe; il mourut le 4 novembre 1825, et fut inhumé au monastère Donskoï, à Moscou.

(D'après un original de Borovikowsky, appartenant à O. Merkhélewitch, Stenkino, gouv. de Riazan.)



Пис. Боровиковскій

Peint par Borovikowsky

Петръ Николаевичъ
Дубовицкій, 1753–1825

Pierre Nikolaewitch
Doubovitzky, 1753–1825

PORTRAITS RUSSES ПОРТРЕТЫ

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

№ 3966

АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ ДУБОВИЦКІЙ, 1782—1848, сынъ Петра Николаевича Дубовицкаго, отъ брака съ Надеждой Ивановной Медвѣдской, родился 6 Января 1782 года. Онъ служилъ въ Преображенскомъ полку и вышелъ въ отставку, съ чиномъ подполковника. Въ 1808 г. женился на Маріи Ивановнѣ Озеровой и имѣлъ отъ нея сына Петра, извѣстнаго хирурга и главнаго военно-медицинскаго инспектора, и дочерей Надежду и Софію. Съ юныхъ лѣтъ Дубовицкій обнаруживалъ склонность къ чтенію Св. Писанія и уединенному „размышленію объ исправленіи нравственнаго своего состоянія“. Потеря жены, умершей въ 1821 г., окончательно пошатнула его душевное равновѣсіе. Познакомившись съ сектантами квакерско-хлыстовскаго типа, которыми въ то время кишѣлъ Петербургъ, Дубовицкій въ 1823 г. выступилъ въ качествѣ „всемірнаго миссіонера“, основателя секты „внутреннихъ поклонниковъ Господнихъ“, въ противоположность „устнымъ“ христіанамъ, т.-е. членамъ видимой Церкви, чтущимъ Бога одними устами. Ученіе его имѣло успѣхъ въ селахъ Скопинской военно-коннозаводской волости, Рязанской губерніи, Липягахъ и Горловѣ. Мѣстный священникъ донесъ по начальству. Дѣло дошло до митрополита Серафима, Комитета Министровъ и самого Государя. Аракчеевъ, въ то время собиравшій „горящее угліе“ на голову князя А. Н. Голицына, съ радостью ухватился за это дѣло, чтобы повредить князю Голицыну, благоволившему къ Дубовицкому, и въ 1824 г. добился ссылки Дубовицкаго въ Кирилловъ Бѣлоозерскій монастырь. Послѣ удаленія отъ дѣлъ Аракчеева, Дубовицкій 7 Августа 1826 г. былъ освобожденъ и въ 1828 г. поселился въ Москвѣ на Шаболовкѣ, гдѣ продолжалъ собирать около себя „внутреннихъ“ христіанъ. Болѣе благодушныя, чѣмъ благоразумныя, духовныя лица, въ родѣ митрополита Серафима, признавали Дубовицкаго „истиннымъ христіаниномъ“. Но такое легкомысленное отношеніе къ дѣламъ вѣры было несвойственно Московскому митрополиту Филарету, который не находилъ возможнымъ „ослаблять предосторожность“ по отношенію къ этому фанатику. Когда же Дубовицкій уловилъ въ свои сѣти Московскаго ученаго монаха, инспектора Академіи архимандрита Платона Казанцева, Филаретъ счелъ своимъ долгомъ пресѣчь соблазнъ. Дубовицкій въ 1833 г. былъ сосланъ въ Саровскую пустынь, въ 1839 г. былъ переведенъ въ Седміезерную пустынь, близъ Казани, гдѣ сынъ его былъ профессоромъ, въ 1840 г.—въ Казанскій Кизичскій монастырь, а съ переводомъ сына въ Петербургъ—въ Новгородскій Перекомскій монастырь. Въ 1842 г. Дубовицкій былъ освобожденъ и отданъ на поруки сыну. А. П. Дубовицкій умеръ 6 Сентября 1848 г. въ с. Суходолѣ, Елецкаго уѣзда, и погребенъ въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ. Дубовицкій былъ высокаго мнѣнія о „данномъ ему отъ Бога дарѣ“, считалъ себя „миссіонеромъ, посланнымъ отъ Бога“ для просвѣщенія, если не всего міра, то всей Россіи. На самомъ дѣлѣ это былъ заурядный „фанатикъ и энтузіастъ“, какихъ развелось много въ вѣкъ послѣреволюціонной реакціи, умственно не уравновѣшенный человѣкъ, „заблужденный безмѣрнымъ чтеніемъ Библіи, безъ должнаго о ней понятія“. Секта Дубовицкаго ничѣмъ не отличалась отъ другихъ расплодившихся въ то время квакерскихъ и хлыстовскихъ сектъ. Въ ней были тѣ же разглагольствія о любви, братствѣ, исканіи Бога, то же „алканіе“ наитія Божія Духа, тотъ же внѣшній аскетизмъ и пуританизмъ, доходившій до ношенія веригъ, бичеванія и экстатическихъ тѣлодвиженій, тѣ же самодѣльныя, нелѣпыя по формѣ и бѣдныя содержаніемъ пѣсни. Дубовицкій иногда доходилъ до смѣшного, въ родѣ предпринятаго имъ нелѣпаго путешествія на баржахъ изъ Петербурга въ Москву со всѣмъ своимъ штатомъ „внутреннихъ“ христіанъ, распѣвавшихъ его нескладные „распѣвцы“. Онъ обнаруживалъ тупое изувѣрство: воспитывавшихся у него дѣтей били за недостатокъ „Христова духа“, морили голодомъ и тяжелымъ ученьемъ. Враги Дубовицкаго распускали слухи, что онъ „ханжа, поселяющій развратъ“, „соблазняющій невинныхъ дѣвицъ“ и распространяющій оскопленіе среди женщинъ. Подобно многимъ проповѣдникамъ духовнаго христіанства, Дубовицкій приманивалъ простонародье щедрыми подачками и угощеніями подъ громкимъ названіемъ „трапезъ любви“. Проповѣдуя, что „по свѣтскому онъ баринъ, а по духовному всѣмъ равенъ“, и раздавая лобзанія любви, Дубовицкій въ сущности оставался баріномъ-крѣпостникомъ, аристократомъ, презиравшимъ плебеевъ. Люди его круга собирали въ свои усадьбы крѣпостныхъ людей и устраивали изъ нихъ оркестры и балетныя труппы; Дубовицкій изъ отторгнутыхъ отъ семей крестьянскихъ дѣтей устроилъ „школу благочестія и добронравія“, чтобы помѣщичьей властью вести свои крѣпостныя души насильно въ Царствіе Небесное.

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность О. Л. Мерхелевичъ, с. Стенькино, Рязанской губ.)

45

ALEXANDRE PÉTROWITCH DOUBOVITZKY, 1782—1848, fils de Pierre Nikolaewitch Doubovitzky et de Nadejda Ivanowna, née Medvedsky, naquit le 6 janvier 1782. Officier au régiment Préobragensky, il fut retraité lieutenant-colonel. Il épousa en 1808 Marie Ivanowna Ozéroff, dont il eut un fils, Pierre, connu comme chirurgien et inspecteur général du service de santé militaire, et deux filles, Nadejda et Sophie. Tout jeune encore, il aimait à lire les Ecritures et à s'isoler pour „méditer sur son perfectionnement moral". La perte de sa femme, en 1821, compromit définitivement l'équilibre de ses facultés. Il se lia avec des adeptes de sectes du genre des quakers et flagellants dont foisonnait alors Pétersbourg, et, en 1823, se fit „missionnaire mondial", et fonda la secte des Adorateurs intimes du Seigneur, par opposition aux membres de l'Eglise visible, qui n'adorent Dieu qu'en paroles. Sa propagande eut du succès dans le district des haras militaires de Skopine, gouvernement de Riazan, aux bourgs de Lipiagui et Gorlovo. Un curé du pays fit une dénonciation; l'affaire parvint jusqu'au métropolite Séraphin, au Comité des Ministres et à l'Empereur même. Araktchéeff, alors occupé à „tailler des croupières" au prince A. Golitzyne, fut enchanté de saisir cette occasion de faire du tort au ministre, qui vit en 1824 son protégé Doubovitzky cloîtré au monastère St-Cyrille, à Bélozersk. Araktchéeff tombé, Doubovitzky fut mis en liberté le 7 août 1826, et se fixa en 1828 à Moscou, où il continua à rassembler autour de lui des Adorateurs intimes. Il se trouva des ecclésiastiques de plus de bonté d'âme que de bon sens, comme le métropolite Séraphin, pour le déclarer „un vrai chrétien". Semblable légèreté en matière de foi n'était pas le fait du métropolite de Moscou Philarète, qui n'estima pas pouvoir „relâcher la surveillance" à exercer sur ce fanatique, et crut devoir s'interposer lorsqu'il eut pris dans ses filets un savant moine de Moscou, l'archimandrite Platon Kazantzeff, inspecteur de l'Académie Ecclésiastique. Cloîtré en 1833 au monastère Sarowsky, Doubovitzky fut transféré en 1839 au monastère Sedmiyézerny, près de Kazan, où son fils était professeur, en 1840, au monastère Kizitchsky à Kazan même, puis, quand son fils fut nommé à Pétersbourg, au monastère Pérékomsky de Novgorod. Relâché en 1842, sous la caution de ce fils, il mourut en 1848 à Soukhodol, district d'Eletz, et fut inhumé au monastère Donskoï, à Moscou.

Infatué de „ce don qui lui avait été dévolu par Dieu", il se considérait comme „missionnaire chargé par Dieu" d'enseigner sinon tout l'univers, du moins toute la Russie. Au fond, c'était un simple „fanatique et exalté" comme en vit tant l'époque de réaction qui vint après la Révolution, un déséquilibré „dévoyé à force d'avoir lu la Bible sans y rien comprendre". Sa secte ne différait en rien de celles de quakers et de flagellants si nombreuses alors: mêmes déclamations sur la charité, la fraternité, la recherche de Dieu, même „soif" de découvrir l'Esprit de Dieu, mêmes formes d'ascétisme et de puritanisme poussées jusqu'à se charger de chaînes, jusqu'à la flagellation et aux contorsions extatiques, mêmes chants composés pour la circonstance, mal tournés comme forme, indigents comme fond. Doubovitzky bravait même le ridicule, quand il faisait, par exemple, cet absurde voyage par eau de Pétersbourg à Moscou avec tout son effectif d'Adorateurs intimes psalmodiant ces malheureuses „mélopées". Un fanatisme stupide lui faisait battre, exténuer de privations et de travail les enfants confiés à ses soins quand ils n'avaient pas „l'Esprit du Christ" nécessaire. La malveillance lui fit le renom d'„un bigot qui semait la débauche, déshonorait les filles honnêtes" et encourageait la castration des femmes. Comme d'autres apôtres de ce christianisme spirituel, il attirait le peuple par des cadeaux et des festins décorés du nom pompeux d'„agapes d'amour". Tout en se prétendant „un monsieur pour le monde, un homme comme les autres en esprit", tout en distribuant des accolades d'amour, c'était au fond un partisan acharné du servage, un aristocrate méprisant la plèbe. Les gens de son monde introduisaient les serfs dans leurs manoirs pour en former des orchestres et des troupes de ballet; lui arrachait les petits paysans à leurs familles pour en peupler son „école d'honnêteté et de morale": c'était l'autorité seigneuriale traînant de force au Royaume des Cieux ces âmes paysannes.

(D'après un original de Borovikowsky, appartenant à O. Merkhélewitch, Stenkino, gouv. de Riazan.)

Пис. Боровиковскій

Александръ Петровичъ
Дубовицкій, 1782-1848

Peint par Borovikowsky

Alexandre Pétrowitch
Doubovitzky, 1782-1848

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи

46

НАДЕЖДА ИВАНОВНА ДУБОВИЦКАЯ, 1754—1849, рожденная Медвѣдская, жена Петра Николаевича Дубовицкаго (р. 1753 г., † 1825 г.), мать извѣстнаго сектанта Александра Петровича, родилась 13 Января 1754 года.

Когда ея сынъ былъ сосланъ въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь, она, въ 1826 г., обратилась къ Государю съ просьбой оказать милосердіе къ сиротствующимъ ея внукамъ и ея преклонному восьмидесятилѣтнему возрасту и повелѣть освободить ея сына изъ монастыря, чтобы онъ могъ успокоить ея старость и закрыть ей глаза и тѣмъ дать ей единственную отраду, которой не получилъ ея покойный мужъ при своей кончинѣ. 8 Марта прошеніе Дубовицкой было доложено Государю княземъ А. Н. Голицынымъ, и Николай I поручилъ ему передать ей, „чтобы она взяла терпѣніе“. Не получая долго отвѣта на свое прошеніе (Голицынъ отвѣтилъ ей только 4 Мая), Дубовицкая обратилась къ митрополиту Серафиму. Наконецъ, 7 Августа Александръ Петровичъ Дубовицкій былъ выпущенъ изъ монастыря.

По свидѣтельству ея правнучки, Н. И. Дубовицкая пережила своего сына († 6 Сентября 1848 г.) на полгода, слѣдовательно, скончалась въ 1849 г. въ очень преклонномъ возрастѣ. Кромѣ сына, у нея была еще дочь Елизавета (р. 1791 г., † 1847 г.), бывшая замужемъ за М. Ѳ. Протасьевымъ.

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность О. А. Мерхелевичъ, с. Стенькино, Рязанской губ.)

46

NADEJDA IVANOWNA DOUBOVITZKY, 1754—1849, née Medvedsky, femme de Pierre Nikolaewitch Doubovitzky (1753—1825), mère du dissident connu Alexandre Doubovitzky, naquit le 13 janvier 1754.

Lorsque celui-ci eut été cloîtré au monastère St-Cyrille, à Bélozersk, elle implora en 1826 la grâce de l'Empereur pour ses petits-enfants orphelins et ses quatre-vingts ans, en lui demandant de rendre la liberté à son fils pour lui permettre de venir consoler sa vieille mère et lui fermer les yeux, bonheur suprême qui n'avait pas été donné à son défunt époux. La requête fut présentée le 8 mars par le prince A. Golitzyne, qui reçut l'ordre de lui répondre de „prendre patience", mais lui fit attendre la réponse jusqu'au 4 mai; dans l'intervalle elle s'était adressée au métropolite Séraphin: le reclus finit par recouvrer sa liberté le 7 août.

Au témoignage de son arrière-petite-fille, Mme Doubovitzky mourut six mois après son fils († 6 septembre 1848), par conséquent en 1849, à un âge très avancé. Outre ce fils, elle eut encore une fille, Elisabeth (1791—1847), mariée à M. Protassieff.

(D'après un original de Borovikowsky, appartenant à O. Merkhélewitch, Stenkino, gouv. de Riazan.)

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галлереи
№ 3966

Пис. Боровиковскій

Надежда Ивановна
Дубовицкая, 1754-1849

Peint par Borovikowsky

Nadejda Ivanowna
Doubovitzky, 1754-1849

RUSSES ПОРТРЕТЫ

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи

Князь **НИКИТА ИВАНОВИЧЪ ДОНДУКОВЪ-КОРСАКОВЪ**, 1775—1857, сынъ отставного гвардіи поручика Ивана Ивановича Корсакова (р. 1735 г., † 1805 г.), отъ брака его съ Агаѳьей Григорьевной Коновницыной (р. 1750 г., † 1826 г.), получилъ домашнее воспитаніе подъ руководствомъ гувернеровъ, нѣмца и эмигранта француза, сдѣлавшихъ изъ него блестящаго молодого человѣка съ манерами французскаго маркиза и рыцарскими порывами, дамскаго кавалера, музыканта и поэта, и въ то же время русскаго помѣщика, проникнутаго идеями крѣпостного права. Записанный въ младенчествѣ въ Преображенскій полкъ, а затѣмъ въ Конную гвардію, онъ въ 1796 г. былъ произведенъ въ корнеты и явился въ полкъ. Красивый молодой человѣкъ, прекрасный ѣздокъ, Корсаковъ пользовался успѣхомъ и по службѣ, и въ обществѣ. Его замѣтилъ самъ Государь и пожаловалъ ему Мальтійскій крестъ. Въ чинѣ штабсъ-ротмистра, 11 Января 1800 г., онъ былъ переведенъ въ Кавалергардскій полкъ, но 13 Декабря того же года отставленъ отъ службы за болѣзнью, съ чиномъ коллежскаго совѣтника, для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ. Въ гражданскую службу Корсаковъ, однако, не вступилъ, а женился въ 1801 г. на богатой невѣстѣ—княжнѣ Вѣрѣ Іоновнѣ Дондуковой, мать которой была также изъ рода Корсаковыхъ. По ходатайству княгини Дондуковой, имѣвшей единственную дочь, ея зять получилъ 15 Іюля 1802 г. разрѣшеніе именоваться княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ. Послѣ смерти отца князь получилъ въ управленіе родовое Порховское имѣніе, село Полонную, а теща передала ему мѣстечко Романово (Могилевской губ.); но онъ, не будучи любителемъ сельскаго хозяйства, предоставилъ все управляющимъ, а самъ занялся устройствомъ трехъ конныхъ заводовъ съ великолѣпными конюшнями, которые приносили ему одни только убытки. Въ 1812 г. Дондуковъ-Корсаковъ зачислился въ ополченіе, а послѣ войны былъ выбранъ въ Гдовскіе предводители дворянства и прослужилъ въ этой должности нѣсколько трехлѣтій (до 1827 г.), живя большею частью въ Петербургѣ и только на короткое время пріѣзжая осенью въ Гдовское имѣнье матери, гдѣ вполнѣ отдавался своему любимому занятію—псовой охотѣ. У него была еще страсть къ разнымъ рѣдкостямъ, и его домъ представлялъ цѣлый музей съ картинной галлереей, собраніемъ помпейскихъ и этрусскихъ вазъ, мозаикъ и т. п. Онъ былъ радушный хозяинъ и любилъ, когда у него бывали гости. Долго сохранялъ онъ обычаи стариннаго барства и едва не послѣдній пересталъ ѣздить по Петербургу въ громадной каретѣ съ четверкой лошадей цугомъ, съ двумя ливрейными лакеями въ парикахъ. Смерть жены въ 1833 г. произвела перемѣну въ жизни князя: онъ прекратилъ пріемы гостей, сталъ одѣваться небрежно и ѣздить не въ своей каретѣ, а на извощикахъ. У него остались только двѣ страсти: къ рѣдкостямъ и къ театру. Каждое утро онъ посѣщалъ Толкучій рынокъ, разыскивая рѣдкости, а вечера проводилъ въ театрѣ или циркѣ, нерѣдко засыпая въ своемъ креслѣ. Какъ любитель живописи, Дондуковъ-Корсаковъ былъ членомъ Академіи Художествъ и часто оказывалъ помощь бѣднымъ художникамъ. Онъ былъ также дѣятельнымъ членомъ Комитетовъ: тюремнаго и для призрѣнія нищихъ, и съ большой сердечной теплотой и вниманіемъ относился къ арестантамъ и нищимъ (продолжательницей такой его филантропической дѣятельности была его родная внучка, недавно умершая, княжна Марія Михайловна Дондукова-Корсакова). Благодаря своей простотѣ и добродушію, онъ дѣлался иногда жертвой мошенниковъ, но еще чаще его помощь приносила дѣйствительную пользу многимъ несчастнымъ и давала возможность имъ выйти въ люди. Въ семьѣ своей князь старался не быть никому въ тягость, и поэтому всѣ любили добраго и веселаго старика, до конца жизни пользовавшагося прекраснымъ здоровьемъ. Не обладая выдающимся умомъ, немного тщеславный, князь Дондуковъ-Корсаковъ былъ простой человѣкъ съ мягкимъ сердцемъ и отзывчивой душой. Скончался онъ въ глубокой старости 3 Іюля 1857 г. и погребенъ въ своемъ родовомъ имѣніи Полоной. У него была единственная дочь, Марія (р. 1803 г., † 1884 г.), вышедшая замужъ за Михаила Александровича Корсакова, который и унаслѣдовалъ фамилію и титулъ князя Дондукова-Корсакова.

(Съ портрета Будкина; находится въ Императорской Академіи Художествъ.)

БИБЛІОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галлереи
№ 3966

Le prince **NIKITA IVANOWITCH DONDOUKOFF-KORSAKOFF**, 1775—1857, fils du lieutenant de la Garde en retraite Ivan Ivanowitch Korsakoff (1735—1805) et d'Agathe Grigoriewna, née Konovnitzyne (1750—1826), fut élevé dans sa famille sous la direction de deux gouverneurs, un allemand et un émigré français, qui en firent un jeune homme brillant aux manières de marquis français, aux élans chevaleresques, galant cavalier, musicien et poète, mais en même temps propriétaire russe dans l'âme, imbu des idées du servage. Enrôlé tout enfant au régiment Préobragensky, puis à la Garde à cheval, il passa cornette en 1796 et alla alors prendre son service. Bel homme, excellent cavalier, il eut du succès tant au régiment que dans le monde: l'Empereur lui-même le remarqua et lui conféra la croix de Malte. Capitaine de cavalerie en second, il passa le 11 janvier 1800 au régiment des Chevaliers-Gardes, mais dut le 13 décembre suivant donner sa démission pour raisons de santé et permuter au service civil avec rang de conseiller de collège. Il ne reçut pourtant pas son affectation et fit en 1801 un mariage riche avec la princesse Véra Ionowna Dondoukoff, dont la mère, une Korsakoff, elle aussi, sollicita, et obtint le 15 juillet 1802, pour le mari de cette fille unique l'autorisation de porter le nom de Dondoukoff-Korsakoff. A la mort de son père, le prince hérita du domaine patrimonial de Polonaïa, près Porkhoff, auquel s'ajouta la propriété de Romanovo, gouvernement de Mohileff, cédée par sa belle-mère; mais, peu soucieux de faire de l'exploitation, il installa partout des intendants et, pour lui, s'occupa d'organiser trois haras avec de somptueuses écuries: il ne fit qu'y engloutir de grosses sommes. En 1812, il s'enrôla dans la milice, puis, élu à la paix maréchal de la noblesse de Gdowsk, y fit plusieurs triennats, jusqu'en 1827, résidant presque constamment à Pétersbourg et ne venant à Gdowsk qu'à l'arrière-saison passer quelque temps dans la propriété de sa mère et se livrer tout entier à son occupation favorite, la chasse à courre. Il avait une autre passion, celle des antiquités; son intérieur était un vrai musée, avec galerie de tableaux, collection de vases pompéïens et étrusques, de mosaïques, etc.... Il aimait recevoir, et ses réceptions étaient empreintes d'une grande cordialité. Il conserva longtemps les vieux usages et fut peut-être le dernier à montrer dans Pétersbourg un immense carrosse à quatre chevaux à la Daumont, avec deux laquais en livrée et en perruque. La mort de sa femme en 1833 fit un grand changement dans sa manière de vivre: il cessa ses réceptions, se mit à s'habiller négligemment et à sortir en voiture de louage. Il ne lui resta que deux passions, les antiquités et le théâtre. Tous les matins, il allait à la découverte au bric-à-brac, et le soir, au spectacle ou au cirque, où il dormait parfois dans son fauteuil. Comme amateur de peinture, il fut membre de l'Académie des Beaux-Arts et vint souvent en aide aux artistes pauvres. Egalement membre actif du Comité des prisons et du Comité d'assistance aux indigents, il témoignait aux détenus et aux malheureux une cordiale et chaleureuse sollicitude, et eut comme continuatrice de son œuvre de philanthropie sa petite-fille récemment décédée, la princesse Marie Mikhaïlowna Dondoukoff-Korsakoff. Si sa simplicité et sa bonhomie le rendirent parfois dupe d'aventuriers, il eut plus souvent encore la satisfaction d'apporter un véritable soulagement à bien des infortunes et de remettre à flot bien des désespérés. Dans la famille, tout le monde chérissait l'excellent vieillard, toujours de bonne humeur, toujours soucieux de n'être à charge à personne, et qui conserva jusqu'au bout une magnifique santé. Sans rien d'extraordinaire comme tête, un peu fat, le prince Dondoukoff-Korsakoff fut un brave homme au cœur sensible et à l'âme tendre. Il mourut dans une vieillesse avancée le 3 juillet 1857, et fut inhumé dans son domaine patrimonial de Polonaïa. Il eut une fille unique, Marie (1803—1884), mariée à Michel Alexandrowitch Korsakoff, héritier du titre et du nom des princes Dondoukoff-Korsakoff.

(D'après l'original de Boudkine, Académie Impériale des Beaux-Arts.)

Пис. Ф. Будкинъ

Peint par Ph. Boudkine

Князь Никита Иванович Дондуковъ-Корсаковъ, 1775-1857

Le Prince Nikita Ivanowitch Dondoukoff-Korsakoff, 1775-1857

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи
№ 39606

48

ГРИГОРІЙ ПЕТРОВИЧЪ МИЛОРАДОВИЧЪ, 1765—1828, сынъ генералъ-майора и послѣдняго полковника Черниговскаго полка Петра Степановича Милорадовича, отъ брака его съ Софіей Семеновной Полуботокъ, родной внучкой знаменитаго гетмана Павла Полуботка, родился 8 Января 1765 г. въ Черниговѣ. Принадлежа къ первостепенной Малороссійской знати и обладая громаднымъ состояніемъ и вліятельнымъ родствомъ, Милорадовичъ, кромѣ того, получилъ еще прекрасное образованіе за границей, въ Кенигсбергѣ и Геттингенѣ. Все обезпечивало ему блестящую карьеру. Въ 1773 г., 28 Марта, онъ былъ зачисленъ въ службу сержантомъ въ 1-й Гренадерскій полкъ, а въ Мартѣ 1778 г. былъ отправленъ за границу, вмѣстѣ съ молодымъ Михаиломъ Андреевичемъ Милорадовичемъ (будущій герой Отечественной войны и графъ) и воспитателемъ И. Л. Данилевскимъ (отецъ историка войнъ Александровскаго царствованія А. И. Михайловскаго-Данилевскаго). Отецъ, отправляя сына, далъ подробную инструкцію объ обученіи его разнымъ языкамъ и „сціенціямъ“, въ число которыхъ также входило рисованіе, фехтованіе, музыка „на скрипицу и на клавирѣ“.... И позднѣе Милорадовичъ любилъ поиграть временами на своихъ скрипкѣ или віолончели работы Страдиваріуса. Германію онъ вспоминалъ охотно и до конца жизни получалъ нѣмецкія газеты, которыя читалъ по утрамъ, во время кофе. Милорадовичъ прослушалъ серіозные университетскіе курсы въ Кенигсбергѣ и Геттингенѣ и особенно, всю жизнь, гордился похвалами „самого“ Канта, тогда какъ его младшій спутникъ, Михаилъ Андреевичъ (р. 10 Октября 1771 г.), „былъ гораздо менѣе любознателенъ и мало читалъ“. Позднѣе, 20 лѣтъ спустя, уже герой, Милорадовичъ писалъ: „Я прохожу съ удовольствіемъ мѣста, гдѣ съ вами вмѣстѣ проводили юность“. Жизнь на чужбинѣ, однако, надоѣла, и Г. П. Милорадовичъ просилъ отца вернуть его на родину, такъ какъ онъ „пылаетъ горячимъ желаніемъ отечеству младыми и наиспособнѣйшими лѣтами служить“. Въ 1786 г. Милорадовичъ вышелъ капитаномъ изъ военной службы, по слабости здоровья, и опредѣленъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, гдѣ и состоялъ при родственникѣ своемъ, знаменитомъ А. А. Безбородко. Въ 1789 г. онъ былъ назначенъ Малороссійскимъ почтъ-директоромъ; въ 1792 г. произведенъ въ коллежскіе совѣтники, въ 1795 г.—въ статскіе, а въ 1797 г. получилъ 414 душъ въ Черниговской губерніи. Въ томъ же году, 2 Мая, назначенъ Малороссійскимъ генеральнымъ судьей, въ 1799 г. получилъ орденъ св. Анны 1-й ст. и въ 1801 г. произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Въ 1802 г. Милорадовичъ былъ назначенъ Таврическимъ губернаторомъ, сдѣланъ тайнымъ совѣтникомъ и получилъ орденъ св. Владиміра 2-й степени. Оставался, однако, губернаторомъ онъ недолго и въ 1803 г. вышелъ въ отставку, посвятивъ себя всецѣло сельскому хозяйству въ своихъ многочисленныхъ имѣніяхъ и заботамъ о своихъ крѣпостныхъ.

Служебнымъ успѣхамъ Милорадовича не мало способствовала его женитьба, 5 Сентября 1787 года, на Александрѣ Павловнѣ Кочубей (р. 176 . г., † 1838 г.), родной сестрѣ Виктора Кочубея, будущаго князя, и племянницѣ князя Безбородко, отъ которой у него было 7 сыновей: Александръ, Алексѣй, Иларіонъ, Дмитрій, Михаилъ, Сергѣй и Левъ, и 4 дочери: Софія, Варвара, Надежда и Елизавета.

Г. П. Милорадовичъ умеръ въ Черниговѣ 19 Мая 1828 г. и похороненъ въ Троицкомъ Ильинскомъ монастырѣ, близъ Чернигова. Тамъ же покоится и прахъ его жены.

(Съ портрета Аргунова, 1795 г.; принадлежалъ графу М. А. Милорадовичу, въ С.-Петербургѣ.)

48

GRÉGOIRE PÉTROWITCH MILORADOWITCH, 1765—1828, fils du général major et dernier colonel du régiment de Tchernigoff Pierre Stépanowitch Miloradowitch et de Sophie Sémenowna, née Poloubotok, petite-fille du célèbre hetman Paul Poloubotok, naquit à Tchernigoff le 8 janvier 1765. De la plus haute noblesse petite-russienne, il eut encore pour lui, avec une grosse fortune et une parenté influente, les excellentes études qu'il fit à Kœnigsberg et Gœttingen: tout lui assurait une brillante carrière. Enrôlé le 28 mars 1773 sergent au 1er régiment de grenadiers, il fut envoyé à l'étranger en mars 1778 avec le jeune Michel Andréewitch Miloradowitch, le futur héros de la Guerre Patriotique, plus tard comte, et son précepteur I. Danilewsky, le père de l'historien des guerres du règne d'Alexandre, A. Mikhaïlowsky-Danilewsky. Son père donnait en même temps des instructions détaillées sur les langues et les diverses connaissances qu'il aurait à acquérir, y compris dessin, escrime, violon, piano, etc. Et plus tard, Miloradowitch se plaisait parfois à jouer du violon ou du violoncelle sur ses Stradivarius. Il conserva de l'Allemagne le meilleur souvenir et ne cessa jamais de recevoir les journaux allemands, qu'il lisait le matin en prenant son café. Il avait fait de sérieuses études aux universités de Kœnigsberg et de Gœttingen et resta particulièrement fier toute sa vie des compliments que lui fit Kant „en personne", tandis que son jeune camarade Michel (né le 10 octobre 1771), „était beaucoup moins studieux et ne lisait guère". Et vingt ans plus tard, devenu héros, il lui écrivait: „J'ai plaisir à parcourir les lieux où nous avons passé ensemble notre jeunesse". La vie à l'étranger finit pourtant par lui peser, et il demanda à son père de le faire revenir, car „il brûlait du désir ardent de consacrer au service du pays ses années de jeunesse les plus productives". Démissionnaire en 1786 pour raisons de santé avec le grade de capitaine, il entra au Collège des Affaires étrangères comme attaché au célèbre Bezborodko son parent. En 1789, il fut nommé directeur des postes de Petite-Russie, en 1792 passa conseiller de collège, en 1795 conseiller d'état, et en 1797 reçut 414 têtes de paysans au gouvernement de Tchernigoff. Il fut fait le 2 mai de la même année grand juge en Petite-Russie, décoré en 1799 de Ste-Anne de 1re classe, et promu en 1801 conseiller d'état actuel. Il devint en 1802 gouverneur de Tauride, conseiller privé et chevalier de St-Vladimir de 2e classe. Pourtant il ne resta pas longtemps en fonctions, et prit sa retraite en 1803 pour se consacrer uniquement à l'exploitation de ses nombreuses propriétés et aux soins de ses paysans.

Miloradowitch dut en grande partie ses succès de carrière à son mariage, le 5 septembre 1787, avec Alexandrine Pavlowna Kotchubey (176.—1838), sœur du futur comte Victor Kotchubey et nièce du prince Bezborodko, dont il eut sept fils, Alexandre, Alexis, Hilarion, Dmitri, Michel, Serge et Léon, et quatre filles, Sophie, Varvara, Nadejda et Elisabeth. Il mourut à Tchernigoff le 19 mai 1828, et fut inhumé au monastère St-Elie de la Trinité, près de cette ville, où repose également sa femme.

(D'après un original d'Argounoff, 1795, ayant appartenu au comte M. Miloradowitch, St-Pétersbourg.)

48

Пис. Аргуновъ, 1795 – Peint par Argounoff, 1795

Григорій Петровичъ Милорадовичъ, 1765-1828

Grégoire Pétrowitch Miloradowitch, 1765-1828

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ – Manufacture des papiers de l'Etat

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Ордена Трудового Красного Знамени

49

Князь **ГРИГОРІЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ**, 174.—1812, сынъ князя Алексѣя Алексѣевича (р. 1716 г., † 1792 г.), отъ перваго его брака съ княжной Евдокіей Григорьевной Мышецкой, племянникъ фаворита Петра II, въ 1768 г. поступилъ въ Морской корпусъ и въ 1769 г. произведенъ въ гардемарины, послѣ чего плавалъ по Балтійскому морю и сдѣлалъ переходъ изъ Архангельска въ Кронштадтъ. Въ чинѣ мичмана (въ 1773 г.) и лейтенанта (съ 1778 г.) онъ съ 1776 по 1781 г. совершилъ нѣсколько плаваній по Средиземному морю на фрегатахъ: „Сѣверный Орелъ“, „Павелъ“ и „Спиридонъ“; въ 1785 г. произведенъ въ капитанъ-лейтенанты, въ 1788 г. назначенъ командиромъ брантвахтеннаго фрегата „Богемія“, а въ 1789 г. помощникомъ капитана надъ галернымъ флотомъ. Въ 1797 г. Долгорукій былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга и въ томъ же году уволенъ отъ службы, съ чиномъ капитана 1-го ранга. Въ 1806 г. онъ былъ начальникомъ уѣзднаго ополченія. Князь Г. А. Долгорукій умеръ 31 Декабря 1812 года въ своемъ имѣніи с. Вязовкѣ, Борисоглѣбскаго уѣзда, Тамбовской губерніи. Долгорукій не былъ женатъ.

По отзыву дальняго родича, князя П. В. Долгорукаго, Григорій Алексѣевичъ Долгорукій былъ человѣкъ очень почтенный („un homme fort distingué et fort respectable“) и одинъ изъ главныхъ и видныхъ масоновъ своего времени. По семейному же, впрочемъ мало правдоподобному, преданію, онъ участвовалъ въ слѣдственной комиссіи по дѣлу Н. И. Новикова и будто бы оказалъ важную услугу Цесаревичу Павлу Петровичу тѣмъ, что уничтожилъ доказывавшую сношенія Цесаревича съ мартинистами бумагу, съѣвъ ее; Цесаревичъ на слѣдующій же день пріѣхалъ благодарить Долгорукаго, что показалось подозрительнымъ и вызвало арестъ князя. Однако, ему удалось оправдаться, и Екатерина II пожаловала ему въ 1796 г. 1011 душъ крестьянъ въ Сквирскомъ повѣтѣ, Кіевской губерніи; имѣніе это онъ продалъ въ 1810 г. статскому совѣтнику Хвецкому. Воцареніе Павла I не оказало вліянія на судьбу Долгорукаго, вскорѣ вышедшаго въ отставку. По разсказамъ его потомковъ, онъ изъ гордости не хотѣлъ о себѣ напоминать Государю и держалъ себя независимо, даже не исполняя нѣкоторыхъ указовъ Павла I, который, однако, за это его не преслѣдовалъ.

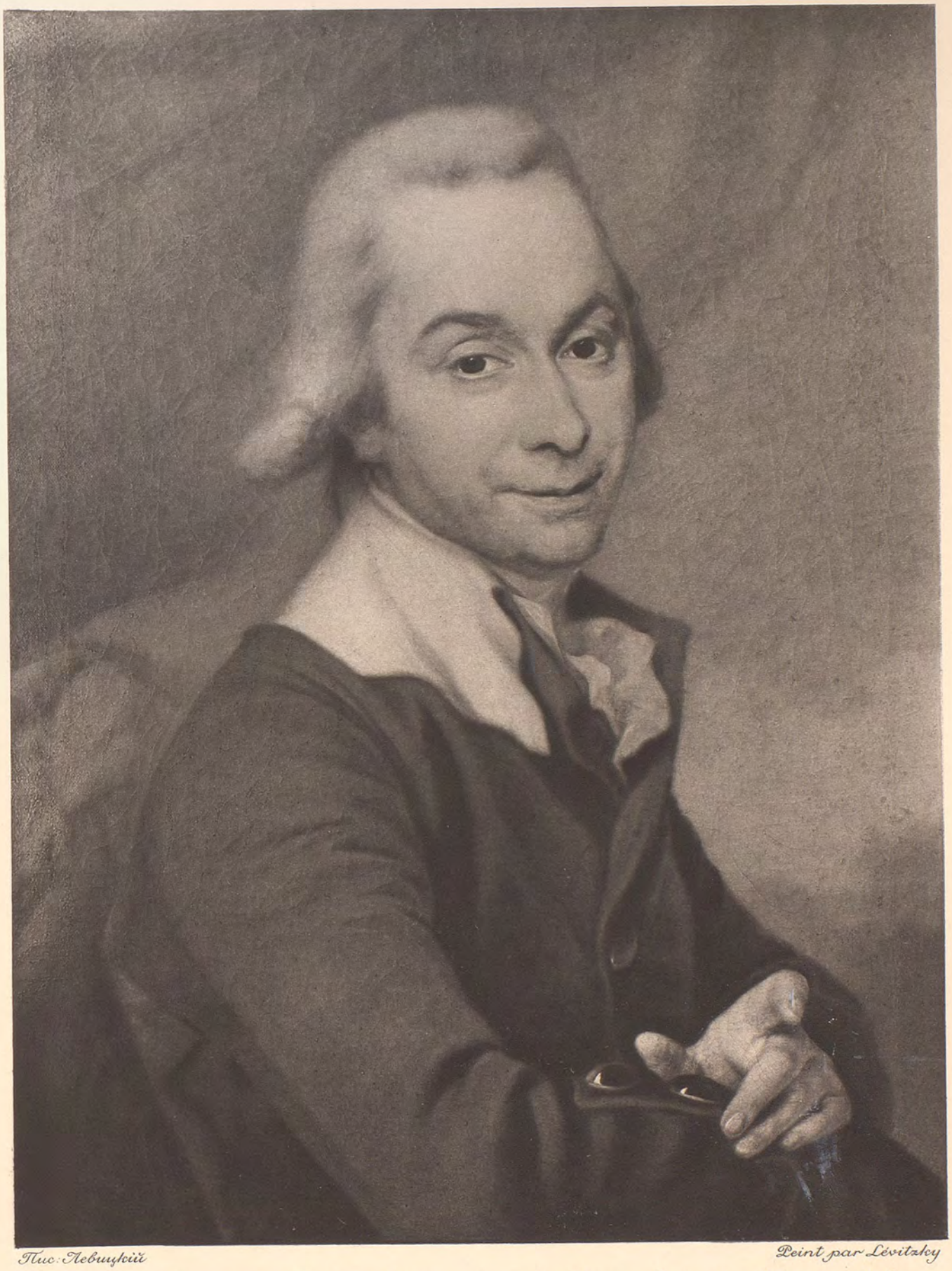
(Съ портрета Левицкаго; собственность С. В. Арсеньева, въ Москвѣ.)

49

Le prince **GRÉGOIRE ALEXÉEWITCH DOLGOROUKY**, 174 .—1812, fils du prince Alexis Alexéewitch Dolgorouky (1716—1792) et de sa première femme, la princesse Eudoxie Grigoriewna, née Mychetzky, neveu du favori de Pierre II, entra en 1768 à l'Ecole Navale et fut promu garde-marine l'année suivante, après quoi il navigua sur la Mer Baltique et fit la traversée d'Arkhangel à Cronstadt. Enseigne en 1773 et lieutenant en 1778, il fit de 1776 à 1781 plusieurs croisières en Méditerranée à bord des frégates L'Aigle du Nord, Paul et Spiridon. En 1785, il passa capitaine lieutenant, puis fut nommé en 1788 commandant du stationnaire Bohême, et en 1789 capitaine adjoint de la flotte des galères. Capitaine de second rang en 1797, il fut retraité la même année comme capitaine de 1er rang. En 1806, il fut commandant d'une milice régionale. Il mourut le 31 décembre 1812 dans sa propriété de Viazovo, district de Borissoglebsk, gouvernement de Tamboff. Il n'était pas marié.

„Homme fort distingué et fort respectable", au témoignage du prince P. Dolgorouky, son parent éloigné, le prince Grégoire Dolgorouky occupa dans la franc-maçonnerie de l'époque une place considérable et marquante. C'est encore une tradition de famille, d'ailleurs peu vraisemblable, qui lui attribue un rôle dans la commission d'enquête sur l'affaire Novikoff: il aurait même rendu au Césarewitch Paul Pétrowitch le service signalé de faire disparaître en l'avalant une pièce établissant ses rapports avec les martinistes. La visite de remerciements que le Grand-Duc vint lui faire le lendemain même éveilla les soupçons: arrêté, le prince put cependant se justifier, et en 1796 Catherine II lui donna 1011 têtes de paysans au district de Skvira, gouvernement de Kieff; il vendit ce domaine en 1810 au conseiller d'état Khvetzky. L'avènement de Paul Ier n'eut aucune influence sur sa carrière, et il prit sa retraite peu après. Trop fier, disent ses descendants, pour se rappeler au souvenir de l'Empereur, il conserva une entière liberté d'allures, et laissa même sans effet plusieurs oukazes de Paul Ier, qui cependant ne lui en tint pas rigueur.

(D'après un original de Lévitzky, appartenant à S. Arsénieff, Moscou.)



Пис: Левицкій

Князь Григорій Алексѣевичъ
Долгорукій, 17··-1812

Peint par Lévitzky

Le Prince Grégoire Alexéewitch
Dolgorouky, 17··-1812

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи

Князь ПЛАТОНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ЗУБОВЪ, 1767—1822, третій сынъ Александра Николаевича Зубова отъ брака съ Елизаветой Васильевной Вороновой (см. т. I, № 113), родился 15 Ноября 1767 года. Записанный въ дѣтствѣ въ Семеновскій полкъ, онъ въ 1779 году перешелъ въ Конную гвардію. Когда, 18 Іюня 1789 года, произошелъ разрывъ между Екатериной II и Дмитріевымъ-Мамоновымъ, Зубовъ, въ чинѣ секундъ-ротмистра, командовалъ карауломъ въ Царскомъ Селѣ и, при содѣйствіи графа Н. И. Салтыкова, сумѣлъ обратить на себя вниманіе Императрицы. Уже 21 Іюня Зубовъ „въ вечеру былъ одинъ до 11 часовъ“ у Екатерины, а 24 Іюня Зубову было пожаловано 10/т. руб. и перстень съ портретомъ; затѣмъ, въ короткое время онъ былъ пожалованъ въ полковники, флигель-адъютанты, корнеты Кавалергардскаго корпуса, съ чиномъ генералъ-майора, и украшенъ орденами св. Анны и Александра Невскаго. Смерть Потемкина окончательно утвердила положеніе Зубова. Онъ былъ назначенъ шефомъ Кавалергардскаго корпуса, генералъ-адъютантомъ, генералъ-фельдцейхмейстеромъ, Екатеринославскимъ и Таврическимъ генералъ-губернаторомъ, начальникомъ Черноморскаго флота; ему были пожалованы богатыя имѣнія въ Литвѣ и Курляндіи, всего до 30/т. душъ, ордена Владиміра 1-й ст. и св. Андрея; Римскій Императоръ возвелъ его сначала (1793 г.) въ графское, а затѣмъ (1796 г.) въ княжеское достоинство, съ титуломъ свѣтлости. Павелъ I, въ началѣ щадившій падшаго фаворита, уже 6 Декабря 1796 г. выслалъ его за границу. Возвращенный въ Петербургъ въ концѣ 1800 г., по предложенію Палена, и назначенный шефомъ Кадетскаго корпуса, князь Зубовъ принималъ дѣятельное участіе въ событіи 11 Марта 1801 года. Подобно другимъ заговорщикамъ, князь Зубовъ не пользовался потомъ никакимъ значеніемъ. Онъ умеръ 7 Апрѣля 1822 г. въ своемъ Курляндскомъ замкѣ Руэнталь и погребенъ въ Сергіевой пустыни. Отъ брака съ Теклой Игнатьевной Валентиновичъ, заключеннаго имъ менѣе чѣмъ за годъ до смерти, онъ имѣлъ дочь Александру, умершую въ младенчествѣ. Кромѣ того, онъ имѣлъ много побочныхъ дѣтей.

Современники признавали Зубова человѣкомъ „ума недалекаго“. Это какъ нельзя болѣе подтверждаютъ его дикіе проекты: то завоеванія Константинополя флотомъ, подъ командой самой почти семидесятилѣтней Императрицы, то включенія въ предѣлы Россіи Берлина и Вѣны и созданія въ Европѣ новыхъ государствъ, какихъ-то Австразій и Нейстрій, названія которыхъ, очевидно, изъ учебника средней исторіи засѣли въ его слабой головѣ. Глупость Зубова не исключала въ немъ значительной доли коварства. Онъ искусно поддѣлался къ Салтыкову, ловко сѣлъ на мѣсто Мамонова и сумѣлъ убѣдить Екатерину въ своемъ „пріятномъ умоначертаніи“, а главное въ томъ, что онъ, не шутя, влюбленъ въ нее, какъ въ женщину, сохранившую въ 60 лѣтъ всѣ прелести юности. При Екатеринѣ онъ ратовалъ противъ „ужасовъ“ революціи, а въ 1801 году „ходилъ съ конституціей въ карманѣ“. Какъ только Зубовъ чувствовалъ себя „крѣпкимъ“, угодливость его смѣнялась чванствомъ, наглостью и неблагодарностью. Онъ былъ трусъ и скаредъ; онъ заставлялъ питаться „мірскимъ подаяніемъ“ своихъ крестьянъ и, несмотря на свой свѣтлѣйшій титулъ, велъ жизнь барышника, скитаясь по ярмаркамъ въ компаніи „жидовъ“ и комиссіонеровъ. Какъ „скупой рыцарь“, онъ спускался въ подвалы своего замка въ Янишкахъ и любовался своими сокровищами. Справедливость требуетъ признать, что нравственное паденіе Зубова въ значительной степени зависѣло отъ обстановки развращеннаго Двора Екатерины II. Сдѣлавшись „универсальнымъ министромъ“, Зубовъ видѣлъ, какъ „все ползало у ногъ его“; у него заискивали внуки Императрицы; знаменитый герой Задунайскій восхвалялъ его въ письмахъ, Державинъ—въ стихахъ, будущій князь Смоленскій готовилъ ему утренній кофе, а извѣстный спеціалистъ по артиллеріи, П. И. Мелиссино, почтительно цѣловалъ его руку. „Случай“ Зубова былъ лучшимъ апоѳеозомъ позорнѣйшаго фаворитизма, составлявшаго язву всѣхъ женскихъ правленій XVIII вѣка. Возвеличеніе этого ничтожества тѣмъ болѣе поразительно, что онъ былъ поднятъ на недосягаемую высоту не Анной или Елисаветой, а другомъ философовъ.... Впрочемъ, Екатерина, по обычаю всѣхъ старыхъ женщинъ, фальсифицировала материнскую нѣжность на почвѣ совсѣмъ иного чувства и расхваливала своего „noiraud“, какъ „un enfant fort aimable“, наивно думая увѣрить весь свѣтъ въ томъ, что она „и государству дѣлаетъ немалую пользу, воспитывая молодыхъ людей“, подобныхъ Зубову.

(Съ портрета Лампи, 1802 г.; собственность Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Le prince PLATON ALEXANDROWITCH ZOUBOFF, 1767—1822, troisième fils d'Alexandre Nikolaewitch Zouboff et d'Elisabeth Vassiliewna, née Voronoff, naquit le 15 novembre 1767 (v. T. I, № 113). Enrôlé tout enfant au régiment Sémenowsky, il passa en 1779 à la Garde à cheval. Capitaine de cavalerie en second et de service à Tzarskoïé Sélo, il se fit, à la faveur de la rupture survenue le 18 juin 1789 entre Catherine II et Dmitrieff-Mamonoff, signaler par le comte N. Saltykoff à l'attention de l'Impératrice. Dès le 21, il allait chez elle „passer la soirée jusqu'à 11 heures en tête-à-tête", et le 24 il recevait 10.000 roubles de gratification et une bague à portrait; après quoi il était fait coup sur coup colonel, aide de camp de Sa Majesté, cornette au corps des Chevaliers-Gardes avec rang de général major, et chevalier de Ste-Anne et de St-Alexandre Newsky. La mort de Potemkine affermit définitivement sa position: il devint chef du corps des Chevaliers-Gardes, général aide de camp, grand maître de l'artillerie, général gouverneur d'Ekatérinoslav et de Tauride, chef de la flotte de la Mer Noire, reçut en Lithuanie et en Courlande de riches propriétés qui ne comportaient pas moins de 30.000 têtes de paysans, enfin fut décoré de St-Vladimir de 1re classe et de St-André, et élevé à la dignité de comte (1793), puis prince (1796) du Saint Empire Romain, avec titre d'Altesse Sérénissime. Traité d'abord avec ménagement par Paul Ier, le favori déchu dut pourtant quitter la Russie dès le 6 décembre 1796. Rappelé à Pétersbourg à l'instigation de Pahlen vers la fin de 1800 et nommé chef du Corps des Cadets, il prit une part active à l'affaire du 11 mars 1801. Comme tous les autres conjurés, il cessa dès lors de jouer aucun rôle. Il mourut le 7 avril 1822 dans sa propriété de Ruhental, en Courlande, et fut inhumé au monastère St-Serge. Il avait épousé moins d'un an avant sa mort Thècle Ignatiewna Valentinowitch, dont il eut une fille, Alexandrine, morte en bas âge. Il laissait en outre plusieurs enfants naturels.

„Tête sans portée", Zouboff forgea un certain nombre de projets insensés qui justifient entièrement cette appréciation des contemporains: conquête de Constantinople par une flotte sous le commandement personnel de l'Impératrice, alors presque septuagénaire, annexion de Berlin et Vienne à la Russie et formation de nouveaux états européens, une Austrasie et une Neustrie, dont le nom n'était sans doute qu'une réminiscence de manuel attardée dans cette pauvre cervelle. Mais, avec toute sa sottise, il ne laissait pas d'être un fin matois. Il eut l'art de flagorner Saltykoff et de prendre la place de Mamonoff, puis le talent de persuader Catherine de la tendresse de ses sentiments, et surtout l'habileté de lui faire croire qu'elle avait conservé malgré ses soixante ans tous les charmes de la jeunesse et qu'il était pour tout de bon amoureux. Dénonciateur sous Catherine II des „horreurs" de la Révolution, en 1801 „il circulait avec une constitution dans sa poche". Dès qu'il se sentait „solide", sa flagornerie faisait place à l'ostentation, l'insolence et l'ingratitude. C'était un lâche et un ladre, qui laissait ses paysans „tendre la main"; altesse sérénissime, il courait les foires pour faire l'achat et la revente en compagnie de „juifs" et de courtiers, et, nouveau „Chevalier avare", descendait contempler ses trésors dans les caves de son château de Yanichki. Il faut toutefois lui rendre la justice que sa déchéance morale est attribuable en grande partie au régime dissolu de la Cour de Catherine II. „Ministre universel", il vit „tout ramper à ses pieds", les petits-fils de l'Impératrice le flagorner, le célèbre héros des Balkans le porter aux nues dans ses lettres et Derjavine dans ses vers, enfin le futur prince de Smolensk lui faire son café le matin et le fameux artilleur Mélissino lui baiser respectueusement la main. Son élévation est la plus belle apothéose du favoritisme éhonté qui fut le fléau de tous les règnes de femme au XVIIIe siècle, et ce coup de fortune inouï pour une semblable nullité est des plus surprenants, de la part non pas d'Anne ou d'Elisabeth, mais de l'amie des philosophes.... Catherine faisait d'ailleurs comme toutes les vieilles femmes: sous le masque d'une tendresse maternelle, c'est un tout autre sentiment qu'elle cachait en exaltant son „noiraud" comme „un enfant fort aimable", avec la naïve illusion de faire croire à tout le monde que „c'était aussi pour le plus grand bien de l'Etat qu'elle faisait l'éducation de jeunes gens" comme Zouboff.

(D'après un original de Lampi, 1802, appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Пис: Лампи, 1802

Князь Платонъ Александровичъ
Зубовъ, 1767-1822

Peint par Lampi, 1802

Le Prince Platon Alexandrowitch
Zouboff, 1767-1822

RUSSES
PORTRAITS

БИБЛИОТЕКА

Графъ **АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ САМОЙЛОВЪ**, 1744—1814, былъ сынъ сенатора Николая Борисовича Самойлова († 1791 г.) отъ брака съ Маріей Александровной Потемкиной, сестрой князя Потемкина-Таврическаго. Начавъ службу въ 1760 г. рядовымъ Семеновскаго полка, Самойловъ участвовалъ въ первой Турецкой войнѣ и за бой подъ Силистріей получилъ орденъ св. Георгія 4 степени. Потемкинъ, получивъ силу, сталъ выдвигать племянника: Самойловъ былъ членомъ комиссіи для суда надъ Пугачевымъ и, пожалованный въ 1775 г. въ камеръ-юнкеры, въ 1776 г. былъ назначенъ правителемъ дѣлъ Совѣта Императрицы, а въ 1787 г. членомъ этого Совѣта. Занимая видный гражданскій постъ и нося званіе камергера, Самойловъ не оставлялъ и военной карьеры: онъ участвовалъ въ Крымской экспедиціи 1783 г. и во второй Турецкой войнѣ; въ чинѣ генералъ-поручика онъ отличился подъ Очаковомъ, Бендерами и Измаиломъ и получилъ ордена св. Георгія 2-й ст., Александра Невскаго и Владиміра 1-й степени. Онъ былъ въ числѣ русскихъ уполномоченныхъ на конгрессѣ въ Яссахъ и лично привезъ въ Петербургъ ратифицированный трактатъ, при чемъ Екатерина пожаловала ему 30.000 руб. и собственноручно возложила на него орденъ св. Андрея Первозваннаго. 17 Сентября 1792 г., въ виду неизлѣчимой болѣзни князя А. А. Вяземскаго, Самойловъ былъ назначенъ исправляющимъ должность генералъ-прокурора для испытанія „на краткое время“, но во время празднованія Ясскаго мира 2 Сентября 1793 г. былъ утвержденъ въ должности, съ производствомъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Получивъ 7 Февраля 1793 г. графскій дипломъ Римской имперіи, Самойловъ 1 Января 1795 г. былъ возведенъ въ графское достоинство Россійской имперіи. Императоръ Павелъ, 4 Декабря 1796 г., уволилъ графа Самойлова отъ должности. Проживъ около 20 лѣтъ не у дѣлъ, графъ Самойловъ умеръ въ Кіевѣ 1 Ноября 1814 г. и похороненъ, рядомъ съ отцомъ, въ Николаевскомъ-Одринѣ монастырѣ, Карачевскаго уѣзда.

Недавно напечатанныя въ „Архивѣ Раевскихъ“ интересныя письма Самойлова къ племяннику его Н. Н. Раевскому рисуютъ его человѣкомъ просвѣщеннымъ, гуманнымъ, прекрасно владѣющимъ перомъ и вполнѣ грамотнымъ. Въ одномъ изъ писемъ онъ говоритъ о своемъ воспитаніи: „Родителей своихъ уважать есть не первый и не главный ли для дѣтей долгъ. Я имѣлъ отца, который душу свою полагалъ во мнѣ, а потому и все простилъ бы мнѣ, и хотя подъ конецъ дней его я имѣлъ большое отъ него неудовольствіе, я былъ въ лѣтахъ, въ чинахъ... но я не только не досадилъ ему словами, но даже безъ приказанія его не позволялъ себѣ сидѣть въ то время, когда стоялъ онъ, и принудилъ жену мою оказывать равное ему почтеніе, но и княгинѣ Долгорукой, которая и не жена его была; я любилъ его!“ Современники графа Самойлова находили, однако, что „всѣ его права на отличія“ заключались въ близкомъ родствѣ съ княземъ Потемкинымъ. Многіе изъ нихъ, иногда, можетъ-быть, не вполнѣ безпристрастные, позволяли себѣ называть его „глупымъ, спесивымъ, грубымъ и безтолковымъ“, „скаредомъ и титулованнымъ дуракомъ“. Но князь Тавриды усиленно тянулъ вверхъ племянника. Быть-можетъ, графъ Самойловъ и обладалъ личною храбростью, но едва ли составители реляцій, въ угоду свѣтлѣйшему, не преувеличивали военныхъ подвиговъ его племянника. Какъ дипломатъ, онъ, по отзыву Безбородко, оказался „вовсе въ дѣлахъ не свѣдущимъ“. Назначеніе его генералъ-прокуроромъ возбуждало во всѣхъ недоумѣніе: „Что за выборъ людей!“ писалъ Безбородко Воронцову, „напримѣръ, новый нашъ генералъ-прокуроръ“. Воспоминаніе объ умершемъ, наиболѣе близкомъ спутникѣ жизни, рѣшило выборъ его племянника: вѣдь, когда Самойловъ послѣ смерти дяди явился въ Эрмитажъ, собраніе закрылось, „всѣхъ отпустили и съ Самойловымъ плакали“. На всякій случай Самойлову внушили, впрочемъ, чтобы „по сомнительнымъ и важнымъ дѣламъ онъ совѣщался“ съ болѣе умнымъ Державинымъ. Однако, въ Сенатѣ, по отзыву Державина, графъ Самойловъ себя не стѣснялъ: онъ не слушалъ никакихъ „резоновъ“, „даже въ журналъ не допускалъ заносить“. Завѣдуя множествомъ учрежденій, начиная отъ Ассигнаціоннаго Банка и кончая Тайной Экспедиціей, Самойловъ лично не былъ человѣкомъ способнымъ, но онъ умѣлъ находить ловкихъ дѣльцовъ, въ родѣ П. А. Ермолова, которые и вели всѣ дѣла, предоставляя генералъ-прокурору фигурировать отъ имени Сената на офиціальныхъ торжествахъ, въ родѣ провозглашенія Екатерины „Матерью отечества, Великою предъ лицомъ свѣта“.

(Съ миніатюры Ритта; собраніе Великаго Князя Алексѣя Александровича.)

БИБЛІОТЕКА
Пермской Государственной
Художественной Галлереи
№ 3966

Le comte **ALEXANDRE NIKOLAEWITCH SAMOÏLOFF**, 1744—1814, était fils du sénateur Nicolas Borissowitch Samoïloff († 1791) et de Marie Alexandrowna, née Potemkine, sœur du prince Potemkine de Tauride. Entré au service en 1760 simple soldat au régiment Sémenowsky, il fit la première campagne de Turquie, où la bataille de Silistrie lui valut St-Georges de 4e classe. Potemkine, devenu puissant, poussa son neveu, qui fut membre de la commission chargée de juger Pougatcheff et, gentilhomme de la chambre en 1775, devint en 1776 gérant de la chancellerie du Conseil de l'Impératrice, puis, en 1787, membre de ce Conseil. Avec cette éminente charge civile, Samoïloff, chambellan, cumulait le service militaire: il fit l'expédition de Crimée de 1783 et la seconde campagne de Turquie, où, général lieutenant, sa valeur sous Otchakoff, Bender et Izmaïl lui valut St-Georges de 2e classe, St-Alexandre Newsky et St-Vladimir de 1re classe. Il fut du nombre des plénipotentiaires russes du congrès d'Yassy, et vint en personne à Pétersbourg porter le traité ratifié à l'Impératrice, qui lui conféra 30.000 roubles et, de sa propre main, le décora de St-André. Chargé le 17 septembre 1792 à titre provisoire, en remplacement du prince Viazemsky atteint d'une maladie incurable, des fonctions de procureur général, il y fut titularisé à la célébration de la paix d'Yassy le 2 septembre 1793, en passant conseiller privé actuel. Comte du Saint Empire Romain le 7 février 1793, il fut élevé le 1er janvier 1795 à la dignité de comte de l'Empire Russe. Destitué par l'Empereur Paul le 4 décembre 1796, il passa près de vingt ans dans la retraite, mourut à Kieff le 1er novembre 1814, et fut inhumé près de son père au monastère St-Nicolas, à Odrino, gouvernement d'Orel.

Il a paru dernièrement dans l'Archive Raewsky d'intéressantes lettres de Samoïloff à son neveu N. Raewsky, qui le représentent comme un homme éclairé, à idées humanitaires, maniant parfaitement la plume et vraiment lettré. Dans une de ces lettres, il parle en ces termes de son éducation: „N'est-ce pas le premier et le plus important devoir des enfants d'honorer leurs parents? J'avais un père pour qui j'étais tout, et qui m'aurait tout passé. Sur ses vieux jours, il me fit un gros désagrément. J'étais pourtant d'un certain âge, haut placé! Or non seulement je ne me permis pas la moindre observation désobligeante, mais encore je me faisais un scrupule de rester assis sans sa permission quand il était debout; j'obligeai aussi ma femme à lui témoigner la même déférence, ainsi qu'à la princesse Dolgorouky, qui n'était pourtant pas sa femme: j'aimais mon père!" Mais le plus clair des titres qu'on lui reconnaissait aux distinctions était sa proche parenté avec Potemkine. Souvent même on allait, non sans quelque parti-pris, peut-être, jusqu'à le taxer „de bêtise, de morgue, de grossièreté et de stupidité", jusqu'à l'appeler „ladre et idiot titré". Potemkine le hissait avec énergie; peut-être le neveu ne manquait-il pas de bravoure personnelle, mais les auteurs de relations grossissaient bien un peu ses exploits guerriers pour complaire à l'oncle. Comme diplomate, Bezborodko le déclare complètement incapable. Sa nomination de procureur général fit l'étonnement universel: „Quelles nominations il se fait!" écrivait Bezborodko à Worontzoff, „par exemple, notre nouveau procureur général". Ce fut encore la mémoire de l'oncle, du fidèle auxiliaire de toute la carrière, qui fit pencher la balance: lorsque, au lendemain de la mort de Potemkine, son neveu vint à l'Ermitage, la séance fut levée, „on renvoya tout le monde et on resta à pleurer avec lui". A tout hasard on lui fit entendre, „dans les cas douteux et graves, de recourir au conseil" plus avisé de Derjavine; ce qui n'empêche qu'au Sénat, dit Derjavine lui-même, il ne se gêna nullement, ne voulant entendre aucune raison, „s'opposant même à l'insertion au procès-verbal". Directeur de nombreuses administrations, depuis la Banque d'Assignations jusqu'à la Chancellerie Secrète, Samoïloff, sans avoir personnellement aucune capacité, savait trouver d'habiles agents, dans le genre d'Ermoloff, qui faisaient tout, et lui-même n'avait qu'à représenter le Sénat aux cérémonies officielles, lorsqu'il s'agissait par exemple de proclamer Catherine „Mère de la Patrie, Grande à la face du monde".

(D'après une miniature de Ritt, collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Графиня АННА РОДІОНОВНА ЧЕРНЫШЕВА, 1745—1830, была старшая дочь генералъ-майора барона Иродіона Кондратьевича Ведель († 1754 г.) отъ брака съ Настасіей Богдановной Пассекъ; мать ея скончалась вскорѣ послѣ отца, и она была привезена въ Петербургъ къ Императрицѣ Елисаветѣ. „Съ семилѣтняго моего возраста въ сиротствѣ“, писала она въ старости, „принята я и воспитана въ чертогахъ царскихъ Елисаветою I, пожалована въ фрейлины Петромъ III (1762 г.), въ статсъ-дамы Екатериною II (1773 г.) и въ старости, и во вдовствѣ, на одрѣ болѣзненномъ, не забыта Павломъ I, получивъ орденъ св. Екатерины первой степени (5 Апрѣля 1797 г.)...“ Монаршими милостями графиня Чернышева была обязана также браку своему съ фельдмаршаломъ графомъ З. Г. Чернышевымъ.

Занимая чрезвычайно видное положеніе при дворѣ и въ свѣтѣ, графиня Чернышева была извѣстна своимъ пылкимъ и строптивымъ характеромъ, рѣзкими выходками и колкими замѣчаніями, которыя она позволяла себѣ по отношенію къ многимъ лицамъ, не стѣсняясь ихъ общественнымъ положеніемъ. Соотвѣтственно этому создалась и ея репутація въ свѣтѣ. „Cette femme“, говоритъ въ своемъ дневникѣ иностранный дипломатъ, шевалье де-Корберонъ, „a le ton d'une harengère. C'est la plus méchante créature qu'on puisse voir, et qui souvent a le ton le plus insolent. C'est une de ces femmes-hommes dont parle Diderot, et cela ferait un homme fort maussade“. Графиня А. Р. Чернышева, повѣствуетъ одинъ изъ ея бывшихъ дворовыхъ, „была вельможа настоящая, гордая, пышная и охъ какая крутая да капризная! Все у ней выходило невзначай и временемъ: когда милость, а когда и гроза. Часомъ, бывало, станетъ вдругъ богомольна, милостива, обходительна, и тогда уже добрымъ дѣламъ конца и мѣры нѣтъ. По цѣлымъ недѣлямъ Богу молится и постится, словно схимница какая, бѣдныхъ людей и нищую братію щедро награждаетъ, а въ иное время, что чаще бывало, просто и приступу къ ней нѣтъ: такова дѣлалась грозна и строптива—всѣхъ-то она тиранитъ и въ страхѣ держитъ; всякаго, кто бы ни былъ, норовитъ обидѣть и оборвать. И не токмо что наша братія, рабы ея, а и сильные люди по струнке передъ ней ходили... Подъ сердитую руку жалости у ней не было, тогда ужъ спуску не давалось. Графиня сѣкала людей больно и часто. Случалось, что и не вставали послѣ розогъ и плетей, а отвѣту за то не бывало, потому въ большой силѣ она состояла, и ей все было нипочемъ“. Послѣ смерти мужа въ 1784 г. графиня Чернышева переѣхала въ свое „знатное мѣстечко“ Чечерскъ, Смоленской губерніи. Здѣсь, по дорогѣ въ Крымъ, ее посѣтила въ 1787 г. Императрица Екатерина II и провела у нея сутки, при чемъ „графиня угостила свою Государыню и благодѣтельницу соотвѣтственно знаменитости и вкуса дома Чернышевыхъ“ (Записки Добрынина, 1787 г.). Почему-то найдя, что ей не было оказано довольно почета Александромъ I, графиня Чернышева нѣсколько лѣтъ не появлялась при дворѣ и при проѣздѣ Государя черезъ ея уѣздъ, только скрѣпя сердце, поѣхала ему представиться. Одѣваясь къ выѣзду, она „слезно плакала, рвала и метала“ и, несмотря на то, что Государь самъ подошелъ къ ея рукѣ, все-таки осталась недовольна. Но въ 1810 г., когда Московское благородное собраніе положило поставить Екатеринѣ II бронзовую статую, графиня Чернышева прислала 10/т. руб. и обязалась „ежегодно столько же вносить на все должное и полезное“, въ ознаменованіе, какъ она писала, сердечнаго пріема жителями столицы, „гдѣ нѣкогда ея мужъ начальствовалъ, любимаго Государя, котораго удостоилась видѣть въ пеленахъ и на тронѣ“. Во время нашествія Наполеона въ ея усадьбу забрались два французскихъ солдата и начали хозяйничать. Графиня не испугалась и, выйдя къ нимъ въ лентѣ со звѣздою, такъ на нихъ прикрикнула по-французски, угрожая сейчасъ же написать Наполеону, котораго она лично знала, что они поспѣшили улетучиться.

Несчастная смерть двухъ крѣпостныхъ дѣвочекъ, замерзшихъ на чердакѣ, куда она приказала въ припадкѣ гнѣва ихъ запереть, совершенно забывъ потомъ объ этомъ, сильно повліяла на графиню Чернышеву; съ этого времени и до самой смерти своей, она стала сильнѣе, чѣмъ когда-либо, предаваться молитвѣ и посту, морила себя голодомъ и носила власяницу, пока въ ней не завелись черви, послѣ чего она велѣла ее сжечь и снова облеклась въ батистовое бѣлье. Она постоянно разъѣзжала на богомолья и жертвовала на церкви и монастыри; особенно чтила она образъ Ахтырской Божіей Матери, на который надѣла брильянтовое перо, пожалованное ей Государемъ, и свою кавалерскую звѣзду. Скончалась она, 85 лѣтъ, въ Смоленскѣ, 9 Іюля 1830 года и погребена въ Смоленскомъ женскомъ монастырѣ.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

La comtesse **ANNE RODIONOWNA TCHERNYCHEFF**, 1745—1830, fille aînée du baron Wedel († 1754), général major, et d'Anastasie Bogdanowna, née Passek, perdit à peu d'intervalle son père, puis sa mère, et fut amenée à Pétersbourg chez l'Impératrice Elisabeth. „Orpheline à sept ans", écrit-elle dans sa vieillesse, „admise et élevée sous les lambris Impériaux d'Elisabeth Ire, faite demoiselle d'honneur par Pierre III (1762), dame d'honneur par Catherine II (1773), plus tard âgée et veuve, sur mon lit de souffrance, je ne fus pas oubliée par Paul Ier, qui me fit grand'croix de Ste-Catherine (5 avril 1797)"... Toutes ces faveurs, la comtesse les devait aussi à son mariage avec le feld-maréchal comte Z. Tchernycheff.

La comtesse Tchernycheff, qui occupait à la Cour et dans le monde une situation des plus éminentes, était connue pour son caractère violent et acariâtre, pour les brutales incartades et les malicieuses observations qu'elle se permettait en maintes occasions, sans égard pour aucun rang social. Elle avait une réputation en conséquence: „Cette femme", dit dans son journal un diplomate étranger, le chevalier de Corberon, „a le ton d'une harengère. C'est la plus méchante créature qu'on puisse voir, et qui souvent a le ton le plus insolent. C'est une de ces femmes-hommes dont parle Diderot, et cela ferait un homme fort maussade". Au témoignage d'un de ses anciens valets, „elle était vraiment grande dame: une fierté, un embarras, et il fallait voir cette raideur et ces caprices! Avec elle, c'étaient toujours des surprises et des accès: la bonne humeur comme la colère. Il lui prendra tout d'un coup une piété, une douceur, une amabilité: alors ce sont des bonnes œuvres sans trève ni mesure, elle sera des semaines à prier et à jeûner comme une ascète, à faire des générosités sans fin aux pauvres et aux malheureux. A côté de ça, le plus souvent du reste, elle est positivement impraticable; furieuse et hargneuse, elle en a à tout le monde, elle harcèle tout le monde: personne, sans distinction, qu'elle ne s'amuse à blesser et à maltraiter! Et ce n'était pas seulement nous autres, ses esclaves: les puissants aussi, elle les faisait marcher... Dans ses moments de colère, elle était sans pitié: pas moyen d'y échapper! La comtesse faisait souvent fouetter, et cruellement. Il y en avait qui ne s'en relevaient pas, mais jamais on ne se plaignait, parce qu'elle était très forte et qu'elle n'avait rien à craindre". Devenue veuve en 1784, la comtesse Tchernycheff alla se fixer dans son domaine de Tchétchersk, gouvernement de Smolensk, où l'Impératrice Catherine II vint passer vingt-quatre heures en 1787, en route pour la Crimée. „Elle reçut sa Souveraine et bienfaitrice", dit Dobrynine à cette date dans ses Mémoires, „comme il convenait à la renommée et au goût des Tchernycheff". Sous Alexandre Ier, elle resta plusieurs années sans paraître à la Cour, l'Empereur ne lui témoignant pas assez de distinction à son gré, et, lorsqu'il vint à passer par ses domaines, ce n'est qu'à son corps défendant qu'elle alla se présenter: elle passa tout le temps de sa toilette „à pleurer à chaudes larmes, à s'agiter et se démener", et l'Empereur eut beau venir de lui-même lui baiser la main, elle ne fut pas encore contente. Mais lorsque, en 1810, l'Assemblée de la Noblesse de Moscou décida d'élever à Catherine II une statue de bronze, elle envoya 10.000 roubles, en promettant „d'en envoyer autant chaque année pour toutes œuvres nécessaires et utiles", en souvenir, écrivait-elle, de la cordiale réception faite par les habitants de la capitale „dont son mari avait été jadis commandant en chef, au Souverain bien-aimé qu'elle avait eu l'honneur de connaître au berceau et sur le Trône". Lors de l'invasion de Napoléon, deux soldats français pénétrèrent dans sa propriété et commencèrent à s'y installer. Sans s'effrayer, elle revêtit son grand cordon et son étoile, et leur fit en français une telle mercuriale, en les menaçant d'écrire tout de suite à Napoléon qu'elle connaissait personnellement, qu'ils s'empressèrent de détaler.

La triste fin de deux de ses filles de service, qu'elle oublia complètement après les avoir fait, dans un accès de colère, enfermer au grenier, où on les retrouva mortes de froid, eut sur elle un effet funeste: dès ce moment et jusqu'à sa mort, elle se remit de plus belle à prier et jeûner, et à se mortifier par la faim; elle revêtit un cilice, qu'elle fit jeter au feu quand la vermine s'y mit, pour reprendre son linge de batiste. Assidue aux pèlerinages, elle fit des dons aux églises et aux monastères; elle avait une ferveur particulière pour l'image de la Vierge d'Akhtyrka, qu'elle enrichit d'une plume en brillants, don de l'Empereur, et de son étoile de Ste-Catherine. Elle mourut à Smolensk le 9 juillet 1830, à l'âge de 85 ans, et fut inhumée au couvent de femmes de cette ville.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

ДЕНИСЪ ИВАНОВИЧЪ ЧИЧЕРИНЪ, 1721—1785, сынъ подполковника Ивана Лаврентьевича Чичерина, началъ службу въ 1735 г. съ солдатскихъ чиновъ въ Семеновскомъ полку и только въ 1741 г. получилъ чинъ прапорщика; въ Семеновскомъ полку онъ сблизился съ Орловыми, которые служили въ его ротѣ. Петръ III уволилъ Чичерина въ отставку, съ чиномъ секундъ-майора, но послѣ его низложенія Д. И. Чичеринъ снова былъ принятъ на службу премьеръ-майоромъ, а 10 Августа 1763 г. произведенъ въ генералъ-майоры и назначенъ Сибирскимъ губернаторомъ. Въ теченіе 18 лѣтъ Чичеринъ правилъ этой громадной областью, уменьшенной, по указу 19 Октября 1764 г., выдѣленіемъ изъ нея особой Иркутской губерніи; онъ получилъ за это время, въ 1773 г., чинъ генералъ-поручика и, въ 1775 г., орденъ св. Александра Невскаго. По увольненіи въ 1781 г. въ отставку, Чичеринъ жилъ въ своемъ родовомъ сельцѣ Ильинскомъ, близъ Бѣлева, гдѣ и умеръ въ 1785 году. Передъ смертью онъ страдалъ душевнымъ разстройствомъ, чуждался людей и отказывался отъ пищи. Отъ брака съ Екатериной Степановной Яковлевой онъ имѣлъ сына Александра и дочь Глафиру (за С. И. Богдановымъ).

Чичеринъ былъ типичнымъ администраторомъ Екатерининской эпохи. Большой баринъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, представительный по внѣшности, обходительный и гостепріимный, онъ былъ, какъ нельзя болѣе, способенъ поддерживать престижъ власти въ Сибирской глуши. Свиту губернатора составляло болѣе 300 гайдуковъ, скороходовъ, гусаръ и араповъ, сопровождавшихъ своего господина, когда онъ въ высокоторжественные дни шествовалъ въ соборъ, облеченный въ малиновую орденскую мантію. Ежедневно его столъ накрывался на 50 кувертовъ; его праздничные пиры и масленичныя катанія отличались баснословными для Сибири блескомъ и роскошью. Административные пріемы Чичерина вполнѣ соотвѣтствовали духу времени. „Я въ душѣ республиканка“, говорила Екатерина, „но для блага народа русскаго абсолютная власть необходима“. Имѣя за образецъ „премилосердую Мать отечества“, всякій неравнодушный къ своей карьерѣ администраторъ долженъ былъ показать себя попечительнымъ отцомъ обывателей, которые всѣ нуждались въ опекѣ, одни какъ, по неразумію, не понимавшіе благихъ видовъ правительства, другіе—какъ „замертвѣлые въ упрямствѣ“. Трудно было найти для сибиряковъ болѣе энергичнаго опекуна, чѣмъ Чичеринъ. Ни одна мелочь обывательскаго быта не ускользала отъ ока губернатора: онъ во все вмѣшивался, все регламентировалъ, даже ловилъ бродячихъ собакъ, лѣчилъ обывательскихъ коровъ и дозволялъ продавать муку изъ лавокъ только послѣ „апробаціи печеніемъ“ изъ этой муки пробнаго хлѣба. Съ ослушниками онъ расправлялся быстро. За неисправность мостовыхъ, за непрописку жильцовъ и за тому подобные проступки домовладѣльцевъ не только „сѣкли на рынкѣ съ барабаннымъ боемъ“ или „сажали на цѣпь“ на хлѣбъ и на воду, но били кнутомъ и ссылали на каторгу, съ вырѣзаніемъ ноздрей. Ходили легендарные слухи о его „ужаснѣйшихъ варварствахъ“; разсказывали, что плѣнныхъ конфедератовъ онъ привязывалъ къ бревнамъ и скатывалъ съ кручи въ Иртышъ. Преслѣдуя взяточниковъ, онъ не прибѣгалъ къ суду, но „секретно отдирывалъ ихъ на тѣлѣ“. Но сибиряки были довольны скорымъ, хотя не всегда правымъ судомъ губернатора, и Чичеринъ долго жилъ въ ихъ памяти подъ именемъ „батюшки Дениса Ивановича“. При дворѣ онъ пользовался весьма лестной репутаціей. Чичеринъ угождалъ Екатеринѣ не только „весьма разумными инструкціями“ для снаряжаемыхъ имъ экспедицій, но и присылкой сибирскихъ „курьезныхъ вещей“, въ родѣ „птичьихъ мѣховъ“, а иногда успѣвалъ „поклониться Императрицѣ сысканными и приведенными въ ея подданство неизвѣстными до того времени шестью Алеутскими островами“. При дворѣ съ любопытствомъ разсматривали присланныя съ невѣдомыхъ острововъ „изъ рыбьихъ жилъ нитки“ и „костяныя уды“, и въ отвѣтъ на это губернаторъ получалъ не только монаршее „спасибо“, но и сшитую изъ сибирскихъ „птичьихъ мѣховъ“ муфту, а вмѣстѣ съ тѣмъ и довольно затруднительное порученіе „прибрать“ изъ тѣхъ мѣховъ „фалбалы и опушки на платья, которыя попестрѣе“.

Въ административныхъ дѣлахъ Чичеринъ, конечно, оставлялъ свою повелительницу въ наивной, хотя и пріятной увѣренности, что, въ силу однихъ ея филантропическихъ указовъ, на краю свѣта, среди дикой природы и дикихъ людей осуществятся гуманныя и либеральныя отвлеченности, которыми была пресыщена атмосфера „янтарныхъ теремовъ и сребророзовыхъ свѣтлицъ“ великой и премудрой Фелицы.

(Съ серебряной табакерки, съ вычеканенными на бокахъ планами Сибирскихъ городовъ, изъ Щукинскаго музея, въ Москвѣ.)

DENIS IVANOWITCH TCHITCHÉRINE, 1721—1785, fils du lieutenant-colonel Ivan Lavrentiewitch Tchitchérine, entra au service en 1735 simple soldat au régiment Sémenowsky, où il ne passa porte-enseigne qu'en 1741, et où il se lia avec les Orloff, ses camarades de compagnie. Mis à la retraite second major par Pierre III, il reprit de l'activité à l'avènement de Catherine II avec grade de premier major, puis, le 10 août 1763, fut promu général major et fait gouverneur de la Sibérie. Il administra dix-huit ans cet immense pays, à part le gouvernement d'Irkoutsk, détaché par oukaze du 19 octobre 1764, et y obtint en 1775 le grade de général lieutenant, et en 1775 l'ordre de St-Alexandre Newsky. Mis à la retraite en 1781, il se retira dans son bourg natal d'Ilyinskoïé, près Béleff, où il mourut en 1785, après avoir quelque temps manifesté des signes de dérangement cérébral, ne voulant voir personne et refusant toute nourriture. Il avait épousé Catherine Stépanowna Yakovleff, dont il eut un fils, Alexandre, et une fille, Glaphyre, mariée à S. Bogdanoff.

Tchitchérine fut bien le type de l'administrateur du temps de Catherine. Grand seigneur dans toute l'acception du terme, avec toute sa représentation, ses goûts de société et ses réceptions, il était on ne peut mieux capable de soutenir le prestige du pouvoir au fond de cette Sibérie. Il avait une suite de plus de trois cents haïdouques, courriers, hussards et nègres, qui l'accompagnaient aux jours de grande solennité, quand il se rendait à la cathédrale, drapé dans le manteau violet de St-Alexandre. Sa table était tous les jours de cinquante couverts; l'éclat et le luxe de ses repas de fête et de ses divertissements du Carnaval firent époque dans le pays. Ses procédés administratifs étaient bien dans le goût du temps: „Dans l'âme je suis républicaine", disait Catherine, „mais le bien du peuple russe exige un gouvernement absolu". S'inspirant de „la très gracieuse Mère de la Patrie", tout administrateur soucieux de sa carrière devait être un père diligent pour ses administrés, qui réclamaient tous une tutelle, pour être, les uns hors d'état de comprendre les bonnes intentions du gouvernement, les autres „endurcis dans leurs errements". On ne pouvait guère donner aux Sibériens une tutelle plus énergique que celle de Tchitchérine. Pas une vétille de la vie pratique qui échappât à sa vigilance! Se mêlant de tout, réglementant tout, il allait jusqu'à ramasser les chiens perdus, traiter les bestiaux malades, et ne laissait vendre la farine qu'après avoir prélevé un échantillon pour faire un pain d'essai. Il avait vite fait son affaire des délinquants. Une rue mal entretenue, un passeport non enregistré ou quelque autre peccadille, c'était pour un propriétaire „le fouet en place publique au son du tambour", ou les fers au pain et à l'eau, sinon même le knout et le bagne avec arrachement des narines. Il circulait des légendes, sur „les barbaries inouïes" de Tchitchérine: des prisonniers polonais auraient été ligotés à des poutres et précipités dans l'Irtych du haut d'une côte escarpée. Pour les concussionnaires, pas de jugement: simplement „on les fouettait à huis clos". Mais la Sibérie était contente de la justice expéditive, sinon toujours équitable, de son gouverneur, et le souvenir du „paternel Denis Ivanowitch" y resta longtemps vivant. A la Cour, il était également fort bien vu. Empressé près de Catherine avec „les instructions parfaitement entendues" destinées aux expéditions qu'il organisait, il lui envoyait aussi des „fourrures de plume" et autres „curiosités" de Sibérie, et, parfois même, trouvait le moyen de „faire hommage à l'Impératrice de la découverte et de l'annexion à ses états des six îles Aléoutiennes, inconnues jusqu'alors". La Cour était curieuse de toute espèce de produits d'îles ignorées, „fils de tendons de poisson" ou „aiguilles d'os", en échange desquels le gouverneur recevait non seulement la gratitude de Sa Majesté, mais encore un manchon de cette „fourrure de plume" sibérienne, sans parler de la commission assez embarrassante de „trouver un assortiment" de fourrure de ce genre comme „falbalas et bordures de vêtements de couleur un peu bariolés".

En matière d'administration, bien entendu, Tchitchérine laissait à sa Souveraine la naïve, mais douce illusion de réaliser à l'autre bout du monde, dans une nature sauvage et avec des hommes incultes, et par la seule vertu de ses oukazes philanthropiques, les abstractions humanitaires et libérales dont l'atmosphère était saturée autour de la grande civilisatrice.

(D'après une tabatière d'argent portant gravés sur ses faces des plans de villes de Sibérie, Musée Chtchoukine, à Moscou.)

Князь **АНТОНІЙ-СТАНИСЛАВЪ СВЯТОПОЛКЪ-ЧЕТВЕРТИНСКІЙ**, 174.—1794, каштелянъ Перемышльскій (1788 г.), кавалеръ орденовъ Бѣлаго Орла и св. Станислава, сынъ князя Владиміра Гавриловича отъ брака съ Терезой Босняцкой, потомокъ древне-русскаго, но ополяченнаго рода, происходящаго отъ Рюрика (католичество принялъ его дѣдъ, подсудокъ Брацлавскій Гавріилъ Вацлавовичъ, родной братъ котораго былъ православнымъ епископомъ Могилевскимъ), принадлежитъ къ числу довольно видныхъ дѣятелей послѣднихъ лѣтъ существованія Рѣчи Посполитой. Онъ обладалъ отважнымъ характеромъ и краснорѣчіемъ и на сеймахъ смѣло выступалъ въ защиту своихъ убѣжденій. Искренній патріотъ, Четвертинскій былъ консерваторъ, защищавшій шляхетскія вольности, не сознавая, что онѣ привели его родину къ гибели. По свидѣтельству Цѣшковскаго, во время перваго раздѣла Польши онъ „горячо стоялъ за родину на сеймѣ 1773 г., подъ предсѣдательствомъ Понинскаго, и не желалъ подписать акта раздѣла Польши; его знаменитый протестъ былъ внесенъ въ городскія книги Варшавы и напечатанъ въ мѣстныхъ газетахъ. Онъ погибъ бы, ходатайствуя за насилуемыхъ депутатовъ, Рейтана и Корсака, если бы король не спасъ его“. Впослѣдствіи Четвертинскій примкнулъ къ партіи, которая не желала реформъ, уменьшавшихъ шляхетскія вольности, и была поддерживаема Россіей. 3 Мая 1791 г., въ день государственнаго переворота, онъ произнесъ на сеймѣ горячую рѣчь противъ проекта новой конституціи и закончилъ ее слѣдующими словами: „Въ немъ гробъ вольности, и я не соглашаюсь принимать его. Если моя гражданская ревность останется безъ послѣдствій, то по крайней мѣрѣ будьте свидѣтелями, что я протестовалъ и плакалъ“. Онъ, дѣйствительно, заплакалъ и затѣмъ сквозь слезы сказалъ: „Буду носить трауръ до смерти или пока дождусь лучшихъ временъ!“ Когда послѣ переворота сеймъ рѣшилъ, чтобы всѣ военные, находящіеся за границей, возвратились и присягнули новой конституціи, Четвертинскій объявилъ, что это—насиліе надъ недовольными конституціей. Слова его вызвали страшное негодованіе. Несмотря на это, Четвертинскій въ заключеніе сказалъ: „Я имѣю право свободнаго голоса и высказываю смѣло свои убѣжденія. Покоряюсь конституціи, но считаю ее навязанной насильно. Не боюсь ничего. Если вамъ нужны жертвы, дѣлайте что хотите“. Всѣ сеймовые послы, недовольные конституціей, разъѣхались, и Четвертинскій былъ почти единственный человѣкъ, смѣло высказывавшійся противъ нея. Когда образовалась, подъ покровительствомъ Россіи, Тарговицская конфедерація для возстановленія стараго порядка, Четвертинскій примкнулъ къ ней и былъ избранъ въ совѣтники. Послѣ Апрѣльскаго возстанія 1794 г. онъ былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму Брюлевскаго дворца; 27 Іюня 1794 г. толпа вывела его изъ тюрьмы вмѣстѣ съ другими, оставшимися въ живыхъ, сторонниками русской партіи, чтобы расправиться съ ними. Въ этотъ трагическій моментъ Четвертинскій измѣнилъ себѣ: онъ такъ оробѣлъ, что съ плачемъ цѣловалъ руки птичнику Дзекужскому и просилъ дать ему нѣсколько минутъ на приготовленіе къ смерти. Его не слушали, потащили на Краковское предмѣстье къ дому Браницкаго и здѣсь повѣсили. Торговецъ сѣномъ Ясинскій подсадилъ его; веревка оказалась короткой, и Ясинскій привязалъ къ ней платокъ. Стоявшіе кругомъ въ это время кричали, а потомъ раздѣлили между собою его одежду.

Князь А. Четвертинскій былъ женатъ дважды: на Теклѣ Кампенгаузенъ и на дочери Бусскаго каштеляна Колеттѣ Адамовнѣ Холоневской. Отъ перваго брака онъ имѣлъ сына Бориса (р. 1781 г., † 1865 г.) и двухъ дочерей: Жаннету (р. 1777 г., † 1854 г.), за Севериномъ Вышковскимъ, и Марію (р. 1779 г., † 1854 г.), жену Д. Л. Нарышкина, извѣстную красавицу, игравшую видную роль при Александрѣ I, а отъ второго брака—двухъ сыновей: Константина (р. 1789 г., † 1871 г.), дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и Густава (р. 1794 г., † 1851 г.), тайнаго совѣтника, сенатора. Послѣ смерти Четвертинскаго, пострадавшаго за принадлежность къ русской партіи, Екатерина II вызвала въ Петербургъ его вдову съ дѣтьми, пасынкомъ и падчерицами, и взяла на себя устройство ихъ судьбы.

(Съ миніатюры, принадлежавшей княгинѣ Н. Б. Трубецкой, въ Москвѣ.)

Le prince **ANTOINE-STANISLAS SVIATOPOLK-TCHETVERTINSKY**, 174.—1794, castellan de Pérémysl (1788), chevalier des ordres de l'Aigle Blanc et de St-Stanislas, fils du prince Vladimir Gavrilowitch Sviatopolk-Tchetvertinsky et de sa femme, née Thérèse Bosniacki, appartenait à une vieille famille russe polonisée qui descendait de Rurik, et dont la conversion au catholicisme remontait à son grand-père Gabriel Vatzlavowitch, magistrat de Bratzlav et frère de l'évêque orthodoxe de Mohileff. Un des personnages les plus marquants des dernières années de la République Polonaise, il était doué d'une énergie de caractère et d'une éloquence qu'il employa hardiment dans les diètes au service de ses convictions. Patriote convaincu, il était conservateur et défendit les privilèges de la noblesse, sans se douter qu'ils entraînaient sa patrie à la ruine. Lors du premier partage de la Pologne, dit Cieszkowski, „à la diète de 1773, présidée par Poninsky, il soutint la patrie avec ardeur: il ne voulait pas signer l'acte de partage, et sa célèbre protestation fut insérée dans les registres de la ville de Varsovie et publiée dans les journaux polonais. Sans le Roi, c'en était fait de lui, avec son intervention à propos des violences infligées aux députés Reitan et Korsak". Il adhéra dans la suite au parti opposé à la réforme des privilèges de la noblesse et soutenu par la Russie. Au coup d'état du 3 mai 1791, il prononça en pleine diète contre la nouvelle constitution un violent discours qu'il termina par ces mots: „Ce projet est le tombeau de la liberté, et je suis contre son adoption. Si mon zèle civique demeure impuissant, soyez du moins témoins de mes protestations et de mes larmes", et il ajouta en effet à travers ses larmes: „Je porterai le deuil jusqu'à ma mort, ou jusqu'à des temps meilleurs". Lorsque, après le coup d'état, la diète invita tous les militaires en résidence à l'étranger à revenir prêter serment à la nouvelle constitution, il déclara que c'était là une violence commise sur les adversaires de la constitution. Ces mots déchaînèrent une tempête d'indignation. Il n'en termina pas moins ainsi: „J'ai mon franc parler, et j'affirme hautement mes convictions. Je me soumets à la constitution, mais je la déclare imposée par la force. Je ne crains rien! S'il vous faut des victimes, faites ce que vous voudrez!" Tous les délégués mécontents de la constitution s'étaient retirés, et Tchetvertinsky fut presque le seul qui osa s'élever contre elle. A la réunion, sous l'égide de la Russie, de la confédération de Targowice pour le rétablissement de l'ancien régime, il y adhéra et fut élu conseiller. Arrêté après l'insurrection d'avril 1794 et mis à la prison du château du Brühl, il fut du nombre des survivants du parti russe dont la populace s'empara le 27 juin suivant pour les massacrer. A ce moment suprême, Tchetvertinsky faiblit: dans sa terreur, il embrassait les mains de l'oiseleur Dziekuzski et le priait de lui donner quelques minutes pour se préparer à la mort. Malgré ses prières, on le traîna au Faubourg de Cracovie, à la maison Branicki, où on le pendit: la corde était trop courte, et le marchand de fourrage Jasinski, son bourreau, la rallongea avec son mouchoir. Après l'exécution, pendant laquelle la foule poussait des cris, on se partagea des lambeaux de ses vêtements.

Le prince Tchetvertinsky épousa en premières noces Thècle Kampenhausen, et en secondes noces la fille du castellan de Bus, Colette Adamowna Choloniewska. Il eut de son premier mariage un fils Boris (1781—1865) et deux filles, Jeannette (1777—1854), mariée à Séverin Wyszkowski, et la belle Marie (1779—1854), qui épousa D. Narychkine et joua un rôle marquant sous Alexandre Ier. Du second lit il eut deux fils, Constantin (1789—1871), conseiller d'état actuel, et Gustave (1794—1851), conseiller privé, sénateur. Lorsqu'il mourut, martyr de son dévouement à la cause russe, Catherine II fit venir à Pétersbourg sa veuve et tous ses enfants, et se chargea de leur avenir.

(D'après une miniature ayant appartenu à la princesse N. Troubetzkoï, Moscou.)

51

Пис. Риттъ — Peint par Ritt

Графъ Александръ Николаевичъ Самойловъ,
1744 — 1814

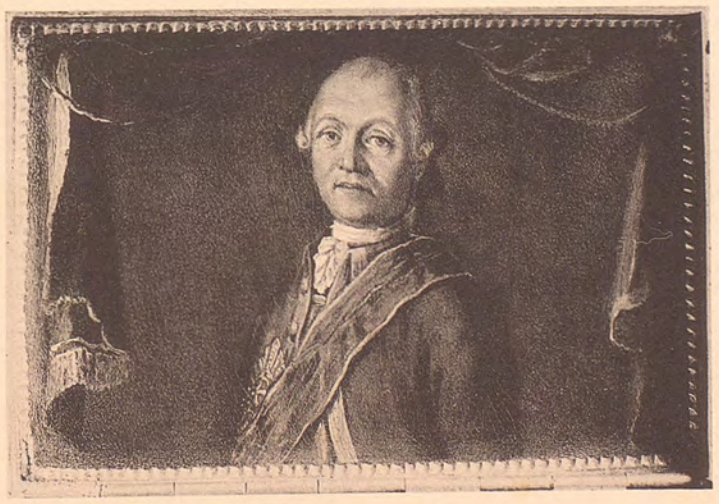
Le Comte Alexandre Nikolaewitch Samoïloff,
1744 — 1814

52

Графиня Анна Родіоновна Чернышева,
1745 — 1830

La Comtesse Anne Rodionowna Tchernycheff,
1745 — 1830

53



Денисъ Ивановичъ Чичеринъ,
1721 — 1785

Denis Ivanowitch Tchitchérine,
1721 — 1785

54

Князь Антоній Святополкъ-Четвертинскій,
174 . — 1794

Le Prince Antoine Sviatopolk-Tchetvertinsky,
174 . — 1794

РУССКІЕ RUSSES PORTRAITS ПОРТРЕТЫ

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Х.Д.Ш. Галлерея
№ 2016

Цесаревичъ **КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ**, 1779—1831, второй сынъ Императора Павла I и Императрицы Маріи Ѳеодоровны, родился въ Царскомъ Селѣ 27 Апрѣля 1779 года. Предназначенный Екатериной занять престолъ имѣвшей быть возстановленной Византійской имперіи, Константинъ получилъ въ кормилицы гречанку и обучался греческому языку. Воспитанный вмѣстѣ съ братомъ Александромъ, подъ непосредственнымъ надзоромъ Екатерины II, Константинъ 15 Февраля 1796 г. вступилъ въ бракъ съ принцессой Саксенъ-Заальфельдъ-Кобургской Юліаной-Генріеттой-Ульрикой, переименованной въ Анну Ѳеодоровну; но бракъ былъ несчастенъ, и Великая Княгиня уже черезъ 5 лѣтъ послѣ свадьбы навсегда покинула Россію. Павелъ I назначилъ своего второго сына генералъ-инспекторомъ кавалеріи и за участіе въ Суворовскомъ походѣ 1799 г. пожаловалъ ему титулъ Цесаревича. Въ царствованіе Александра I Цесаревичъ былъ предсѣдателемъ „Воинской Комиссіи“, завѣдывавшей военными реформами, участвовалъ въ походахъ 1805 и 1807 гг., но въ 1812 г. принужденъ былъ оставить армію, вслѣдствіе своей рѣзкой критики распоряженій Барклая-де-Толли. Цесаревичъ участвовалъ въ походѣ 1813 г. и за битву при Лейпцигѣ получилъ орденъ св. Георгія 2-й степени. Въ 1814 г. Цесаревичъ получилъ начальство надъ Польской арміей, а въ 1819 г. „власть главнокомандующаго дѣйствующей арміей“ въ Литвѣ, Волыни, Подоліи и Минской губерніи. Не имѣя гражданской власти, Цесаревичъ, однако, въ силу своего высокаго положенія, сосредоточилъ въ своихъ рукахъ все управленіе Царствомъ Польскимъ какъ при старомъ и слабомъ намѣстникѣ Зайончекѣ, такъ и по смерти этого послѣдняго, оставивши вакантнымъ постъ намѣстника. Послѣ расторженія перваго брака, Цесаревичъ, 12 Мая 1820 г., женился на графинѣ Іоаннѣ (Жаннетѣ) Грудзинской, получившей титулъ свѣтлѣйшей княгини Ловичъ. Этотъ бракъ вынудилъ Цесаревича отречься отъ правъ на престолъ, и Александръ I подписалъ 16 Августа 1823 г. манифестъ о назначеніи наслѣдникомъ Великаго Князя Николая Павловича. Манифестъ этотъ сохранялся въ величайшей тайнѣ, и послѣ смерти Александра I вся Россія присягнула Императору Константину I. Запоздавшее формальное отреченіе Цесаревича дало заговорщикамъ поводъ устроить военный бунтъ 14 Декабря.

Въ Польшѣ правленіе Цесаревича закончилось возстаніемъ 17 Ноября 1830 г., при чемъ онъ едва не былъ убитъ въ Бельведерѣ. Отступивъ сначала съ русскими войсками за Бугъ, Цесаревичъ со своимъ гвардейскимъ корпусомъ принялъ, уже подъ начальствомъ Дибича, участіе въ усмиреніи мятежа, но вскорѣ былъ отозванъ изъ арміи братомъ-Императоромъ, имѣвшимъ много поводовъ быть имъ недовольнымъ. Подавленный польской катастрофой, „недалекій отъ сумасшествія“, Цесаревичъ въ Витебскѣ заболѣлъ холерой и черезъ нѣсколько часовъ умеръ 15 Іюня 1831 г.; тѣло его было погребено 17 Августа въ Петропавловскомъ соборѣ. Оба брака Цесаревича были безплодны.

Отъ отца Константинъ Павловичъ наслѣдовалъ болѣзненную нервность и неуравновѣшенность. Уже въ дѣтствѣ онъ отличался „крайнею живостью, переходившею въ буянство“ и сопровождавшеюся „вспышками самаго необузданнаго гнѣва“; онъ кусалъ воспитателей, билъ жену и на великосвѣтскихъ балахъ, безъ всякаго повода, „обращался къ знатнымъ особамъ съ позорными ругательствами“; въ зрѣломъ возрастѣ, въ минуты раздраженія онъ разражался грубой бранью и способенъ былъ на жестокіе поступки.

Отъ отца же Константинъ Павловичъ наслѣдовалъ любовь къ военному дѣлу и любилъ это дѣло вполнѣ „по-гатчински“, увлекаясь тонкостями фронтового ученія. Войны Цесаревичъ не любилъ, находя, что она „портитъ войска“, отвлекаетъ ихъ отъ вахтпарадной выправки, отъ излюбленной имъ „строевой чистоты“. Онъ всегда былъ сторонникомъ мира и въ 1812 г. называлъ безумiемъ кампанію противъ Наполеона. Хотя Суворовъ, едва ли не кривя душой, доносилъ Павлу, что Великій Князь во время похода 1799 г. „изволилъ подавать полезные и спасительные совѣты“, но Константинъ Павловичъ никогда не былъ ни искуснымъ, ни счастливымъ военнымъ и гражданскимъ администраторомъ.

(Съ миніатюры Летронъ, 1818 г.; собраніе Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Le Césarewitch **CONSTANTIN PAVLOWITCH**, 1779—1831, second fils de l'Empereur Paul Ier et de l'Impératrice Marie Féodorowna, naquit à Tzarskoïé Sélo le 27 avril 1779. Catherine II le destinait au trône de Byzance, qu'elle se proposait de restaurer, et lui fit donner en conséquence une nourrice grecque et apprendre le grec. Elevé avec son frère Alexandre sous la surveillance immédiate de Catherine II, il épousa le 15 février 1796 la princesse Julie-Henriette-Ulrique de Saxe-Saalfeld-Cobourg, qui reçut le nom d'Anne Féodorowna, mais ce mariage fut malheureux, et la jeune Grande-Duchesse, au bout de cinq ans seulement, quitta pour toujours la Russie. Nommé par Paul Ier inspecteur général de la cavalerie, il reçut, au retour de la campagne de Souvoroff en 1799, le titre de Césarewitch. Sous Alexandre Ier, il fut président de la Commission de réformes militaires et fit les campagnes de 1805 et 1807, mais en 1812 dut quitter l'armée en raison de ses violentes critiques des dispositions de Barclay de Tolly. Il fit pourtant la campagne de 1813, où Leipzig lui valut St-Georges de 2e classe. Il reçut en 1814 le commandement de l'armée polonaise, puis en 1819 „l'autorité de commandant en chef de l'armée d'opérations" en Lithuanie, Volhynie, Podolie et dans le gouvernement de Minsk. Tout en n'étant investi d'aucun pouvoir civil, il n'en eut pas moins en mains, en raison de sa situation élevée, toute l'administration du Royaume de Pologne, tant du vivant du gouverneur, le vieux et faible Zajonczek, qu'après sa mort, lorsque le poste resta vacant. Divorcé de sa première femme, le Césarewitch se remaria le 12 mai 1820 à la comtesse Jeanne Groudzinsky, qui reçut le titre de princesse sérénissime Lowitch. Il dut en conséquence renoncer à la succession éventuelle au trône, et le manifeste signé par Alexandre Ier le 16 août 1823 proclama Héritier présomptif le Grand-Duc Nicolas Pavlowitch. Ce manifeste fut tenu dans le plus grand secret, et, à la mort du Souverain, toute la Russie prêta serment à l'Empereur Constantin Ier. Ce fut le retard de la renonciation formelle du Césarewitch qui donna aux conjurés l'occasion d'organiser l'émeute militaire du 14 décembre.

En Pologne, le gouvernement de Constantin aboutit à l'insurrection du 17 novembre 1830, où lui-même faillit être tué au Belvédère. Il se replia d'abord avec les troupes russes au delà du Bug, puis revint avec son corps de la Garde, mais alors sous le commandement de Diebitch, prendre part à la répression de l'émeute. Il fut peu après rappelé par l'Empereur son frère, qui ne manquait pas de raisons d'être mécontent de lui. Consterné par la catastrophe de Pologne, „dans un état voisin de la folie", il tomba malade du choléra à Vitebsk et succomba en quelques heures, le 15 juin 1831; son corps repose à la cathédrale St-Pierre-et-St-Paul. Il n'avait eu d'enfants d'aucun de ses deux mariages.

Le Grand-Duc Constantin tenait de son père une nervosité maladive et un certain manque de pondération. Tout enfant, il se faisait remarquer par „une extrême vivacité qui dégénérait en turbulence" et s'accompagnait „d'accès de colère des plus effrénés"; il mordait ses maîtres, battait sa femme, et, dans le monde, aux grands bals, adressait sans raison „d'ignobles invectives aux personnes de qualité". Devenu homme, il se laissait aller dans sa colère à de grossières injures et était alors capable de véritables cruautés.

Mais ce que le Césarewitch tenait aussi de son père, c'était l'amour du militaire, et un amour tout gatchinien, tout entier aux beautés de l'exercice. Quant à la guerre, il ne l'aimait pas: elle „gâtait les soldats": alors, adieu la belle tenue de parade, adieu les chers „alignements tout reluisants!" Toujours partisan de la paix, il traitait en 1812 d'absurdité la campagne contre Napoléon. Et Souvoroff, à son corps défendant, il est vrai, avait beau parler dans ses rapports à Paul Ier, lors de la campagne de 1799, des „utiles et salutaires conseils" de S. A. I., le Césarewitch ne fut jamais plus habile qu'heureux, tant comme militaire que comme administrateur.

(D'après une miniature de Letrone, 1818; collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Княгиня **ЖАННЕТА АНТОНОВНА ЛОВИЧЪ**, 1795—1831, вторая супруга Цесаревича Константина Павловича, полька, дочь графа Антона Грудзинскаго, женатаго на красавицѣ Дерновской, вышедшей вторично, послѣ развода, за гофмаршала двора Цесаревича графа Бронница. Старшая изъ 3 дочерей Грудзинской, Жаннета, родилась въ Познани 17 Мая 1795 г.; сестры Грудзинскія воспитывались въ Варшавѣ въ пансіонѣ французской эмигрантки Воше. „Пансіонъ этотъ считался лучшимъ по превосходному и нравственному направленію своему въ дѣлѣ воспитанія, главнымъ руководителемъ коего былъ умный, ученый французскій аббатъ Малербъ. Этому аббату молодая дѣвушка обязана была тѣми твердыми зачатками религіозныхъ убѣжденій, безъ примѣси ханжества и фанатизма, на прочномъ основаніи которыхъ создалось впослѣдствіи все нравственное ея образованіе“, законченное въ Парижѣ подъ руководствомъ талантливой воспитательницы миссъ Колинсъ. Грудзинская была средняго роста, „стройно сложена, черты лица ея были тонки, носикъ нѣсколько вздернутый, большіе голубые глаза смотрѣли умно и ласково изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ, а свѣжее лицо ея было окаймлено роскошными русыми локонами“. Одна современница говорила, что „ни одна женщина, ни одна дѣвушка не умѣла такъ нравиться: при замѣчательной простотѣ, изящество отражалось у ней во всемъ, и въ движеніяхъ, и въ походкѣ, и въ нарядахъ“. Почти то же самое писалъ о Грудзинской князь П. А. Вяземскій: „Она не была красавица, но была красивѣе всякой красавицы. Бѣлокурые, струистые и густые кудри ея, голубые выразительные глаза, улыбка умная и привѣтливая, голосъ мягкій и звучный, станъ гибкій и какая-то облекающая ее нравственная свѣжесть и чистота. Она была Ундина. Все соединилось въ ней и придавало ей совершенно отдѣльную и привлекающую вниманіе физіономію въ кругу подругъ и сверстницъ ея“.

Увидѣвъ 20-лѣтнюю Жаннету, Константинъ Павловичъ въ нее страстно влюбился. Съ годами любовь Цесаревича не охладѣвала. Прошло 5 лѣтъ, и, зная, что эта дѣвушка не поддастся никакимъ обольщеніямъ, Великій Князь рѣшился вступить съ нею въ бракъ. Послѣ манифеста о разводѣ съ Великой Княгиней Анной Ѳеодоровной, бракъ Цесаревича съ Жаннетой состоялся въ Варшавѣ 12 Мая 1820 года. Манифестомъ 8 Іюня того же года Іоаннѣ Грудзинской былъ данъ „титулъ княгини Ловицкой“, а 27 Апрѣля 1825 г. она пожалована орденомъ св. Екатерины 1-го класса. Императоръ Александръ I, называвшій ее „ангеломъ по характеру“, и вся Царская семья были искренно расположены къ молодой супругѣ Цесаревича, а самъ онъ наслаждался полнымъ счастьемъ, о чемъ писалъ въ каждомъ письмѣ Лагарпу. Причиной этого „счастья у себя дома“ и „глубокаго спокойствія“ была жена, сумѣвшая подчинить своему благотворному вліянію необузданный характеръ Великаго Князя. Держась съ большимъ тактомъ и не вмѣшиваясь въ политическія дѣла, она дѣлала много добра, заставляя Константина Павловича сознавать свои ошибки и сдерживать свой гнѣвъ; всѣ свои деньги она употребляла на помощь нуждающимся. Во время Польскаго бунта княгиня не оставила мужа, несмотря даже на его требованія, выѣхала съ нимъ вмѣстѣ изъ Варшавы и съ достоинствомъ присутствовала при пріемѣ Цесаревичемъ нагло державшей себя польской депутаціи отъ мятежнаго города. Овдовѣвъ 15 Іюня 1831 г., княгиня Ловичъ переселилась сначала въ Гатчину, потомъ въ Царское Село, и здѣсь 11 Ноября 1831 г., въ годовщину Варшавскаго мятежа, ея не стало. Погребена она въ Царскомъ Селѣ, въ католической церкви св. Іоанна Крестителя, въ склепѣ; на гробницѣ ея, въ видѣ саркофага, слѣдующая надпись:

„Ci-gît Son Altesse la princesse Jeanne de Lowitsch, épouse de Son Altesse Impériale le Césarewitch Grand-Duc Constantin Pavlowitch. Née à Posen le 17/29 Mai MDCCXCV, décédée à Tzarskoe Selo le 17/29 Nowembre MDCCCXXXI.“

(Съ акварельнаго портрета изъ собранія М. П. Паренаго, въ Воронежѣ.)

56

La princesse **JEANNETTE ANTONOWNA LOWITCH**, 1795—1831, seconde femme du Césarewitch Constantin Pavlowitch, polonaise, fille du comte Antoine Groudzinsky et de la belle Dernowska, qui épousa en secondes noces, après son divorce, le comte Bronnitz, maréchal de la Cour du Césarewitch. Née à Posen le 17 mai 1795, elle était l'aînée de trois sœurs, qui furent élevées à Varsovie, à la pension de Mme Vauchez, une émigrée; „cette pension, la meilleure par l'éducation soignée et vraiment morale qui s'y donnait, était dirigée par un homme de valeur, le savant abbé français Malherbe, auquel la jeune fille dut les fermes principes religieux, exempts de bigoterie et de fanatisme, qui formèrent plus tard la base solide de son éducation morale", achevée à Paris sous l'éminente direction de Miss Colins. De taille moyenne, „bien faite, elle avait des traits fins, un petit nez légèrement retroussé, de grands yeux bleus au regard intelligent et doux, ombragés de longs cils, et un frais visage encadré de splendides boucles blondes". „Aucune femme, aucune jeune fille", dit une contemporaine, „ne possédait si bien l'art de plaire: en tout, elle joignait à une étonnante simplicité un cachet d'élégance, dans son maintien, dans sa démarche, dans sa toilette". „Sans être une beauté", répète à son tour le prince P. Viazemsky, „elle était plus belle que toutes les beautés. D'abondantes boucles blondes ondulées, des yeux bleus pleins d'expression, un sourire aimable et spirituel, une taille souple, et autour d'elle comme une atmosphère de fraîcheur, de pureté morale! Une vraie Ondine! Tout en elle contribuait à lui donner entre toutes ses amies et compagnes une physionomie à part qui attirait".

Jeannette avait vingt ans quand le Césarewitch la vit et en tomba passionnément amoureux. Les années n'y firent rien, et, au bout de cinq ans, sachant bien qu'elle ne se rendrait à aucune séduction, il se décida à l'épouser. Après le manifeste de divorce de la Grande-Duchesse Anne Féodorowna, le mariage eut lieu à Varsovie le 12 mai 1820. Le 8 juin suivant, un manifeste donnait le titre de princesse Lowitch à Jeanne Groudzinsky, qui fut faite le 27 avril 1825 dame de Ste-Catherine de 1re classe. L'Empereur Alexandre lui reconnaissait „un caractère d'ange", et lui témoignait avec toute la famille Impériale une sincère amitié. Quant au Césarewitch, il goûtait le parfait bonheur et le disait à Laharpe dans toutes ses lettres. Ce „bonheur domestique" et cette „complète tranquillité", il les devait à sa femme, dont la bienfaisante influence avait eu raison de son humeur intraitable. Elle fit preuve de beaucoup de tact, se tint à l'écart de la politique, et eut l'avantage de l'amener à reconnaître ses fautes et à contenir ses colères; elle employait tout son argent à des œuvres de charité. A l'insurrection, les instances mêmes de son mari ne purent l'éloigner; elle quitta en même temps que lui Varsovie et assista avec dignité à l'entrevue où la députation de la ville rebelle eut avec lui une attitude si provocante. Devenue veuve le 15 juin 1831, la princesse Lowitch se fixa d'abord à Gatchina, puis à Tzarskoïé Sélo, où elle mourut un an jour pour jour après l'insurrection de Varsovie, le 11 novembre 1831, et où elle fut inhumée à l'église catholique de St-Jean-Baptiste, dans la crypte. Son tombeau, en forme de sarcophage, porte l'inscription suivante: „Ci-gît Son Altesse la princesse Jeanne de Lowitsch, épouse de Son Altesse Impériale le Césarewitch Grand-Duc Constantin Pavlowitch. Née à Posen le 17/29 Mai MDCCXCV, décédée à Tzarskoe Selo le 17/29 Nowembre MDCCCXXXI".

(D'après une aquarelle de la collection M. Parénago, Voronèje.)

ПАВЕЛЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ АЛЕКСАНДРОВЪ, 1808—1857, генералъ-адъютантъ, былъ сынъ Великаго Князя Константина Павловича; воспріемникомъ его отъ купели былъ Императоръ Александръ I, лично присутствовавшій при крещеніи. Возведенный указомъ Сенату, 27 Апрѣля 1812 г., въ дворянское достоинство, Александровъ, въ томъ же году, четырехъ лѣтъ отъ роду, былъ записанъ юнкеромъ въ Конную гвардію и, нѣсколько дней спустя, произведенъ въ корнеты. Воспитаніе и образованіе Александрова было ввѣрено извѣстному педагогу графу Моріолю, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ генерала Д. Д. Куруты. Въ 1823 году Александровъ вступилъ на дѣйствительную службу и, съ производствомъ въ поручики, переведенъ лейбъ-гвардіи въ Подольскій кирасирскій полкъ (нынѣ лейбъ-гвардіи Кирасирскій Его Величества); 12 Мая 1829 года онъ былъ пожалованъ во флигель-адъютанты и, не покидая полка, принялъ въ рядахъ его участіе въ войнѣ 1831 года противъ польскихъ мятежниковъ. Отличія въ сраженіяхъ подъ Гроховымъ и Вильною доставили Александрову орденъ св. Владиміра 4 степени съ бантомъ, золотую шпагу „за храбрость“ и чинъ ротмистра. По окончаніи кампаніи, въ 1832 году, онъ тѣмъ же чиномъ былъ переведенъ лейбъ-гвардіи въ Конный полкъ. Въ теченіе двухъ дней, съ 4 по 6 Декабря 1833 года, Александровъ, переименованный въ подполковники, числился въ лейбъ-кирасирскомъ Наслѣдника Цесаревича полку, а затѣмъ опять вернулся въ ряды Конной гвардіи, съ прежнимъ чиномъ ротмистра. Въ 1837 г. Александровъ былъ произведенъ въ полковники, въ слѣдующемъ году утвержденъ командиромъ 1 дивизіона, а 7 Апрѣля 1846 года произведенъ въ генералъ-майоры, съ зачисленіемъ въ свиту Его Величества и съ назначеніемъ состоять при Гвардейскомъ корпусѣ; 22 Іюня 1851 года Александровъ причисленъ къ числу лицъ, состоявшихъ при особѣ Государя, 17 Ноября 1855 г. пожалованъ въ генералъ-адъютанты, а 26 Августа 1856 г., съ оставленіемъ въ послѣднемъ званіи, произведенъ въ чинъ генералъ-лейтенанта. Высшимъ знакомъ отличія его былъ орденъ св. Анны 1 степени.

Отъ брака Павла Константиновича Александрова (съ 1833 г.) съ дочерью камергера княжною Анною Александровной Щербатовой родилась дочь, Александра, вышедшая замужъ за флигель-адъютанта, впослѣдствіи шталмейстера князя Дмитрія Александровича Львова. У сыновей послѣдняго, князей А. Д. и П. Д. Львовыхъ, хранятся отрывки обширнаго дневника и другія бумаги генералъ-адъютанта П. К. Александрова.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

PAUL CONSTANTINOWITCH ALEXANDROFF, 1808—1857, général aide de camp, était fils du Grand-Duc Constantin Pavlowitch, et eut pour parrain l'Empereur Alexandre Ier, qui assista en personne au baptême. Elevé à la noblesse par oukaze au Sénat, le 27 avril 1812, il fut enrôlé la même année, à l'âge de quatre ans, sous-officier à la Garde à cheval, où il passa quelques jours plus tard cornette. Son instruction et son éducation furent confiées au comte Moriolles, le pédagogue connu, sous la surveillance immédiate du général D. Kourouta. En 1823, il prit du service actif, et, promu lieutenant, passa de la Garde au régiment des cuirassiers de Podolsk (aujourd'hui de la Garde, régiment de Sa Majesté). Aide de camp de S. M. le 12 mai 1829, il resta au régiment et prit part avec lui à la répression de l'insurrection polonaise. Les combats livrés sous Grokhovo et Vilna lui valurent le cordon de St-Vladimir de 4e classe, une épée d'or „Au courage" et le grade de capitaine de cavalerie, avec lequel il permuta à la fin de la campagne, en 1832, à la Garde à cheval. Deux jours, du 4 au 6 décembre 1833, lieutenant-colonel aux cuirassiers de la Garde, au régiment du Césarewitch Héritier, il redevint ensuite capitaine à la Garde à cheval. Colonel en 1837, il fut, l'année suivante, fait commandant de la 1re division, puis, le 7 avril 1846, promu général major, nommé à la Suite de Sa Majesté et affecté au corps de la Garde, le 22 juin 1851 attaché à la personne de l'Empereur, enfin, le 17 novembre 1855, fait général aide de camp, titre avec lequel il passa le 26 août 1856 au grade de général lieutenant. La plus haute distinction qu'il obtint fut Ste-Anne de 1re classe.

Il épousa en 1833 la princesse Anne Alexandrowna Chtcherbatoff, fille du chambellan, et eut une fille, Alexandrine, mariée au prince Dmitri Alexandrowitch Lvoff, aide de camp de Sa Majesté, plus tard écuyer, dont les fils, les princes A. et P. Lvoff, possèdent, entre autres papiers du général aide de camp Alexandroff, des fragments d'un journal considérable.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

УЛЬЯНА (Жозефина) **МИХАЙЛОВНА АЛЕКСАНДРОВА** (Фридрихсъ, Вейсъ), 178 .—1824, француженка, близкая особа къ Цесаревичу Константину Павловичу (см. т. II, № 41). Въ ранней молодости служила въ модномъ магазинѣ г-жи Буде-де-Терей, бабушки адмирала Колзакова. Хорошо освѣдомленный, Колзаковъ пишетъ о ней много въ своихъ воспоминаніяхъ (Р. Стар., 1873 г., т. VII). Въ 20 лѣтъ красивая Жозефина, прекрасно воспитанная, встрѣтила въ Лондонѣ пріѣхавшаго изъ Россіи нѣмца, назвавшагося офицеромъ фонъ-Фридрихсомъ. Повѣнчавшись, молодые прожили недолго вмѣстѣ; супругъ спѣшилъ въ Россію, оставивъ временно жену въ Лондонѣ. Не получая, однако, долго извѣстій отъ мужа, г-жа Фридрихсъ пріѣхала въ Петербургъ и тутъ узнала, что мужъ ея—простой фельдъегерь. Жозефина Фридрихсъ не нашла здѣсь семейнаго счастья; въ маскарадѣ она подошла съ жалобой на жестокое обращеніе мужа къ Великому Князю Константину Павловичу. Въ Цесаревичѣ она нашла себѣ покровителя: въ 1807 г. Фридрихсъ развелась съ мужемъ, поселилась въ Стрѣльнѣ и въ 1808 году у ней родился сынъ, названный Павломъ Константиновичемъ Александровымъ.

Вотъ что находимъ далѣе въ воспоминаніяхъ Колзакова: „Въ началѣ 1815 года, г-жа Фридрихсъ переѣхала, вмѣстѣ съ 8-лѣтнимъ сыномъ своимъ, изъ Петербурга въ Варшаву, гдѣ жила въ одномъ домѣ съ высокимъ своимъ покровителемъ до 1820 года. Она все надѣялась на данное ей обѣщаніе, что эта связь укрѣпится со временемъ законнымъ бракомъ. Отъ своихъ прежнихъ узъ она давно была освобождена по формальному разводу съ мужемъ; оставалось только дожидаться такой же формальности со стороны ея высокаго покровителя, котораго бракъ не былъ еще уничтоженъ, несмотря на то, что онъ давно уже разъѣхался съ прежнею супругою. Попытки неоднократно были дѣлаемы, но, по высшей, независящей отъ нихъ волѣ, окончательнаго разрѣшенія не послѣдовало. Страдая внутренно отъ того фальшиваго положенія, въ которое она была поставлена, и не видя никакой возможности изъ него выйти, г-жа Фридрихсъ рѣшилась, ради свѣтскаго приличія, пожертвовать всѣмъ своимъ счастіемъ,—и сама добровольно расторгла свою связь, вступивъ въ супружество съ полковникомъ Вейсъ, 7 Марта 1820 года; а вслѣдъ затѣмъ, т.-е. 20 того же Марта (какъ будто ожидали только этого случая), состоялось разрѣшеніе объ уничтоженіи брака ея бывшаго покровителя. Эта послѣдняя жертва, понесенная ею, такъ сильно повліяла на ея здоровье, что она должна была удалиться за границу для лѣченія.

Жозефина Фридрихсъ-Вейсъ являетъ собою одинъ изъ рѣдкихъ примѣровъ женщинъ, брошенныхъ въ свѣтъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ, безъ всякаго руководителя, на произволъ судьбы, и сохранившей, однакожъ, при всей окружавшей ея обстановкѣ и средѣ, чувство собственнаго достоинства и неиспорченную нравственность. Довѣрчивый характеръ и мягкое сердце заставляли ее дѣлать ошибки, но, постоянно обманутая въ своихъ надеждахъ, она тяготилась своимъ положеніемъ и всячески старалась изъ него выйти; если, подъ конецъ, она впала въ фальшивое положеніе, то не по своей винѣ, не какъ авантюристка, добивавшаяся своей цѣли, а просто силою обстоятельствъ и игрою случая. Кто зналъ ее покороче, тотъ могъ оцѣнить истинныя ея достоинства. Обладая душою прекрасною, она пользовалась положеніемъ и вліяніемъ только для дѣланія добра другимъ. Не вмѣшиваясь вовсе въ государственныя занятія своего высокаго покровителя, она, однакожъ, умѣла вліяніемъ своимъ укрощать его пылкій нравъ и порывы бурныхъ страстей тогда, когда они могли служить во вредъ другимъ. Сострадательная къ несчастнымъ, она нерѣдко принимала участіе въ смягченіи горькой участи политическихъ преступниковъ, и многіе изъ нихъ обязаны ей своимъ помилованіемъ. По описанію отца моего и другихъ очевидцевъ, она не была, что называется, красавицею. Роста средняго, съ темнорусыми, почти черными волосами, зачесанными по старинной модѣ маленькими кудрями на лбу, она, какъ видно изъ превосходнаго, сохранившагося у меня, ея портрета, имѣла лицо неправильное; маленькій носикъ, нѣсколько вздернутый, губы тонкія, всегда улыбающіяся, цвѣтъ лица чистый, слегка румяный,—придавали ей большую миловидность; но главную ея прелесть составляли глаза, большіе, каріе, съ выраженіемъ необыкновенной доброты и осѣненные длинными черными рѣсницами. Какъ и бо́льшая часть своихъ соотечественницъ, она говорила скороговоркою, слегка картавя, и въ дружеской бесѣдѣ была очень веселаго права“.

Г-жа Вейсъ умерла въ Ниццѣ 5 Апрѣля 1824 года.

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность князя П. Д. Львова, въ С.-Петербургѣ.)

OULIANA (Joséphine) **MIKHAÏLOWNA ALEXANDROFF** (Friedrichs, Weiss), 178. —1824, française, intime du Césarewitch Constantin Pavlowitch (v. T. II, № 41). Etant petite, elle travailla au magasin de modes de Mme Boudet de Therray, grand'mère de l'amiral Kolzakoff, dans les mémoires duquel on trouve sur elle nombre d'informations sûres (Rousskaïa Starina, 1873, T. VII). Parfaitement élevée, elle fit à vingt ans la connaissance à Londres d'un allemand venu de Russie et se disant l'officier von Friedrichs, qu'elle épousa, et qui, peu après, partit en hâte pour la Russie en la laissant provisoirement à Londres. Inquiète pourtant de rester longtemps sans nouvelles de lui, elle vint à Pétersbourg, où elle apprit qu'il n'était qu'un simple courrier diplomatique. D'ailleurs malheureuse avec lui, elle se plaignit dans un bal au Grand-Duc Constantin, en qui elle trouva un protecteur. En 1807, elle divorça et alla se fixer à Strelna, où elle donna le jour l'année suivante à un fils qui reçut les noms de Paul Constantinowitch Alexandroff.

„Au début de 1815", disent ensuite les mémoires de Kolzakoff, „Mme Friedrichs quitta Pétersbourg avec son fils âgé de 8 ans pour aller à Varsovie, où elle habita la maison de son éminent protecteur jusqu'en 1820, comptant toujours sur la promesse qu'il lui avait faite de resserrer leur liaison par les liens du mariage. Un divorce formel l'avait affranchie de sa première union légitime: il ne restait qu'à attendre l'accomplissement de la même formalité pour le Grand-Duc, qui, depuis longtemps séparé de sa première femme, n'était cependant pas encore divorcé, malgré des tentatives répétées, toujours contrariées jusque-là par une volonté supérieure et insurmontable. Souffrant en elle-même de sa fausse situation, à laquelle elle ne voyait pas d'issue, la jeune femme se décida, par convenance mondaine, au sacrifice de tout son bonheur et rompit elle-même la liaison de son plein gré, pour épouser le colonel Weiss, le 7 mars 1820. Après quoi, le 20 mars suivant, comme si c'eût été l'occasion attendue, fut prononcée la rupture du mariage de son ancien protecteur. Ce fut un tel coup pour elle, qu'elle dut aller se soigner à l'étranger.

„Joséphine Friedrichs-Weiss est un rare exemple de femme lancée dans le monde dès l'âge le plus tendre, sans direction aucune, à l'abandon, et ayant conservé pourtant, en dépit de toutes les influences de milieu, le sentiment de sa propre dignité et un sens moral intact. Si elle commit des fautes, ce fut par confiance et par bonté de cœur, mais, constamment déçue dans ses espérances, elle souffrait de sa position et fit tout pour s'en tirer; si elle finit par tomber dans une situation fausse, ce ne fut pas par sa faute, pour avoir eu des vues intéressées d'aventurière, mais uniquement par la force des choses et par un jeu du destin. Quand on l'a connue de près, on peut l'apprécier à son juste mérite. C'était une belle âme, qui ne se servit de sa situation et de son influence que pour faire le bien. Complètement étrangère aux affaires d'état de son éminent protecteur, elle sut pourtant adoucir son caractère intraitable et modérer en lui les transports fougueux susceptibles de causer quelque dommage. Compatissante à l'infortune, elle intervint plus d'une fois en faveur de condamnés politiques et obtint ainsi bien des grâces. Au témoignage de mon père et d'autres personnes qui la connurent, elle n'était pas ce qu'on appelle une beauté. De taille moyenne, des cheveux châtain foncé, presque noirs, ramenés à l'ancienne mode en petites boucles sur le front, elle avait, comme le montre le magnifique portrait en ma possession, des traits irréguliers. Avec son petit nez légèrement retroussé, ses lèvres fines, toujours souriantes, son teint clair à peine coloré, elle était gentille au possible; mais ce qui faisait surtout son charme, c'étaient les yeux, de grands yeux gris d'une bonté infinie, ombragés de longs cils noirs. Comme la plupart de ses compatriotes, elle avait une élocution rapide, avec un léger grasseyement, et une conversation familière des plus gaies".

Mme Weiss mourut à Nice le 5 avril 1824.

(D'après un original de Borovikowsky, appartenant au prince P. Lvoff, St-Pétersbourg.)

55

Пис. Летронне, 1813 г. — Peint par Letronne, 1813

Великій Князь
Константинъ Павловичъ,
1779 — 1831

Le Grand-Duc
Konstantin Pavlowitch,
1779 — 1831

56

Княгиня Жаннета Антоновна
Ловичъ,
1795 — 1831

La Princesse Jeannette
Lowitch,
1795 — 1831

57

Павелъ Константиновичъ
Александровъ,
1808 — 1867

Paul Konstantinowitch
Alexandroff,
1808 — 1867

58

Пис. Боровиковскій

Ульяна Михайловна
Александрова,
178 . — 1824

Peint par Borovikowsky

Julienne Mikhaïlowna
Alexandroff,
178 . — 1824

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной

59

Графиня **ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА РАЗУМОВСКАЯ**, 1729—1771, родилась 11 Мая 1729 года. По отцу своему, флота капитану Ивану Львовичу Нарышкину (р. 1700 г., † 1734 г.), родному племяннику Царицы Натальи Кирилловны, она приходилась троюродною сестрою Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Мать ея, Дарья Кирилловна, рожденная Нарышкина же (р. 1709 г.), скончалась, когда ей едва минулъ годъ, а четыре года спустя, скончался и отецъ, поручивъ свою единственную дочь брату своему Александру Львовичу, въ семьѣ котораго она и воспитывалась, пока Елисавета Петровна, будучи еще Царевною, не взяла ее къ себѣ во фрейлины. Вступивъ на престолъ и всячески стараясь возвеличить Разумовскихъ, Императрица Елисавета рада была случаю сосватать свою близкую родственницу и при томъ богатѣйшую въ Россіи невѣсту за графа Кирилла Разумовскаго, брата своего любимца. Обрученіе состоялось 29 Іюня 1746 г., а свадьба была отпразднована три мѣсяца спустя, 27 Октября, во дворцѣ, въ присутствіи Императрицы, „знатнѣйшихъ обоего пола особъ“ и чужестранныхъ пословъ, съ величайшею торжественностью и почти царскими почестями для молодыхъ. На другой день послѣ свадьбы графиня Екатерина Ивановна объявлена была статсъ-дамою, съ пожалованіемъ „пребогатаго портрета“.

Графиня Е. И. Разумовская принесла своему мужу половину громаднаго Нарышкинскаго состоянія, до 44.000 душъ крестьянъ, съ огромными Пензенскими вотчинами, подмосковными Петровскимъ-Разумовскимъ и Троицкимъ-Лыковымъ, а въ самой Москвѣ—цѣлый кварталъ, извѣстный Романовъ Дворъ. Рядная запись ея перечисляетъ до 50 сундуковъ и ларцевъ, окованныхъ желѣзомъ, обитыхъ нерпью (тюленьей кожей), бархатомъ и штофомъ, съ драгоцѣнностями, серебромъ, мѣхами, полотномъ и парчею, книгами и гравюрами, обоями, серебряными и мѣдными деньгами, конскимъ уборомъ, сѣдлами и „паперстями“ и самыми разнообразными и куріозными предметами, какъ-то: „мѣдный рогъ для глухого человѣка“, „три камня морскіе и палочка каменная“ и „лента бѣлая, на которой надписана мѣра Господа нашего Іисуса Христа“.

По восшествіи на престолъ, Екатерина II, удостоивъ Разумовскихъ своимъ посѣщеніемъ, 25 Іюля 1762 г., „передъ ужиномъ“ возложила на графиню Екатерининскую ленту. Но скоро произошло охлажденіе; будучи недовольна гетманствомъ Разумовскаго, Императрица стала недовѣрчиво относиться не только къ нему, но и къ его женѣ. Узнавъ, что гетманша собирается изъ Глухова въ Петербургъ, Императрица чрезъ курьеровъ справляется, „народный ли это слухъ, или отъ вѣрныхъ людей слышано“, и придирается къ путешествію графини. Она пишетъ А. В. Олсуфьеву: „Сказываютъ, что лошадей по ста на станціяхъ безденежно брала, и будто два гренадера и сержантъ, которые вездѣ предъ ней шествовали, чуть не до смерти въ Яжелбицахъ ямщика избили, и если то такъ, то велѣть курьеру, чтобы совѣтывалъ обиженнымъ мнѣ подать челобитенъ“...

Хотя, по свидѣтельству „Записокъ“ Екатерины, графъ Разумовскій и не по своей охотѣ женился, „но, казалось, они хорошо жили“, добавляетъ она. Однако, согласіе это часто, особенно въ послѣдніе годы жизни графини, нарушалось изъ-за любовныхъ похожденій фельдмаршала и разногласій въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, которыхъ мать очень баловала. Графиня Е. И. Разумовская была „вѣрною супругой, попечительной матерью, доброй родственницей и кроткой госпожей въ домѣ“; она скончалась въ Петербургѣ 22 Іюля 1771 года и похоронена въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры, рядомъ съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ. По семейному преданію, у гроба ея, какъ родственницы покойной Императрицы, дежурили камергеры и придворныя дамы.

Кромѣ 6 сыновей, графовъ Алексѣя, Петра, Андрея, Ивана, Льва и Григорія, графиня Разумовская имѣла 5 дочерей, изъ коихъ одна лишь, Дарья, умерла въ младенчествѣ, а остальныя были въ замужствѣ: Наталія за Н. А. Загряжскимъ, Елизавета за графомъ П. Апраксинымъ, Анна (въ монашествѣ Агнія) за В. С. Васильчиковымъ и Прасковья за графомъ И. В. Гудовичемъ.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

БИБЛІОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галлереи
№ 3966

La comtesse **CATHERINE IVANOWNA RAZOUMOWSKY**, 1729—1771, naquit le 11 mai 1729. Par son père, Ivan Lvowitch Narychkine (1700—1734), capitaine de la flotte, neveu de la Tzarine Natalie Kyrillowna, elle était cousine issue de germaine de l'Impératrice Elisabeth Pétrowna. Elle avait un an à peine lorsqu'elle perdit sa mère, Daria Kyrillowna, née aussi Narychkine (née 1709); quatre ans plus tard, son père mourut à son tour, en confiant sa fille unique à son frère Alexandre, dans la famille duquel elle fut élevée, jusqu'à ce qu'Elisabeth Pétrowna, alors Tzarewna, la prît comme demoiselle d'honneur. Arrivée au trône, Elisabeth, qui cherchait de toute manière à élever les Razoumowsky, saisit l'occasion de fiancer sa proche parente, le plus riche parti de Russie, au comte Cyrille Grigoriewitch Razoumowsky, frère de son favori. Les fiançailles eurent lieu le 29 juin 1746, et le mariage fut célébré trois mois après, le 27 octobre, au Palais, en présence de l'Impératrice et de toute la Cour, „des personnages les plus distingués de deux sexes“ et des ambassadeurs étrangers, avec la plus grande solennité. Les conjoints reçurent des honneurs presque royaux, et le lendemain, la comtesse fut faite dame d'honneur „avec portrait d'une grande richesse“.

La comtesse Razoumowsky apportait à son mari juste la moitié de la fortune considérable des Narychkine, près de 44.000 têtes de paysans avec d'immenses domaines à Penza, les propriétés de Pétrowskoïé-Razoumowskoïé et de Troïtzkoïé-Lykovo aux environs de Moscou, et, à Moscou même, tout un quartier, le fameux Romanoff Dvor. Son contrat ne porte pas moins de cinquante caisses et coffres ferrés, garnis de peau, de velours et de soie, et remplis d'objets précieux, d'argent, de fourrures, de toile et de brocart, de livres et de gravures, de tapisseries, de monnaie d'argent et de cuivre, de harnachements, de selles et des objets les plus divers et les plus curieux: „une corne en cuivre pour la surdité“, „trois pierres marines et un bâton de pierre“ et „un cordon blanc sur lequel est marquée la taille de Notre-Seigneur Jésus-Christ“.

Arrivée au trône, Catherine honora les Razoumowsky de sa visite le 25 juillet 1762, et, „au moment du souper“, revêtit la comtesse du cordon de Ste-Catherine. Mais il y eut bientôt un refroidissement: mécontente du service de Razoumowsky, l'Impératrice leur retira sa confiance à tous deux. Apprenant que la comtesse se prépare à partir de Gloukhovo pour Pétersbourg, elle envoie demander par un courrier „si c'est une simple rumeur ou si la nouvelle est fondée“. Et elle en a au voyage; elle écrit à A. Olsoufieff: „On dit qu'elle a pris à chaque relais une centaine de chevaux sans payer, et que les deux grenadiers et le sergent qui allaient devant ont battu et presque laissé pour mort un postillon à Yagelbitzy: si c'est la vérité, qu'on fasse dire par courrier aux victimes de me présenter leur requête“...

Au témoignage des Mémoires de Catherine, le comte Razoumowsky s'était marié un peu malgré lui, mais pourtant, ajoute-t-elle, „ils avaient l'air d'être bien ensemble“. Encore, surtout les dernières années, l'accord était-il souvent troublé par les frasques du feld-maréchal et aussi par la question de l'éducation des enfants, que la mère gâtait beaucoup. Toujours „épouse fidèle, mère pleine de sollicitude, affectueuse pour sa famille et bonne avec ses gens“, la comtesse Razoumowsky mourut à Pétersbourg le 22 juillet 1771, et fut inhumée à l'église de l'Annonciation, au monastère d'Alexandre Newsky, près du comte Alexis Grigoriewitch Razoumowsky. Comme parente de l'Impératrice défunte, elle avait à son tombeau, dit une tradition de famille, une garde de chambellans et de dames de la Cour.

Outre ses six fils, les comtes Alexis, Pierre, André, Ivan, Léon et Grégoire, la comtesse Razoumowsky eut cinq filles, dont une seule, Daria, mourut en bas âge, et les autres furent mariées, Natalie à N. Zagriajsky, Elisabeth au comte P. Apraxine, Anne, en religion Agnès, à B. Vassiltchikoff, et Prascovie au comte I. Goudowitch.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Графъ **КИРИЛЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ РАЗУМОВСКІЙ**, 1724—1803, младшій братъ графа Алексѣя, родился въ Лѣмешахъ 18 Марта 1724 года. Возвышеніе брата, сдѣлавшагося изъ простого казака супругомъ Императрицы, повлекло возвышеніе всего рода. Кириллъ въ 1742 г., вмѣстѣ съ матерью Наталіей „Розумихой“ и сестрами, былъ вызванъ въ Петербургъ и здѣсь порученъ воспитанію Г. Н. Теплова, сына жены истопника Исковскаго архіерейскаго дома, воспитанника знаменитаго Ѳеофана Прокоповича, котораго напоминалъ умомъ и гибкостью характера; въ сопровожденіи его, въ 1743 г., Разумовскій отправленъ за границу, „дабы ученьемъ вознаградить пренебреженное понынѣ время“. Черезъ 2 года, проучившись въ Кенигсбергѣ у Эйлера и въ Страсбургѣ, пожалованный въ это время въ графы (15 Іюня 1744 г.), возвратился въ Россію вполнѣ европейцемъ: отлично танцовалъ, говорилъ по-французски и по-нѣмецки; онъ съ увлеченіемъ бросился въ вихрь развлеченій и празднествъ при дворѣ, и „всѣ красавицы были отъ него безъ ума“. Въ 1746 г., 21 Мая, Разумовскій былъ назначенъ президентомъ Академіи Наукъ, „въ разсужденіи усмотрѣнной въ немъ особливой способности и пріобрѣтеннаго въ наукахъ искусства“; будучи не хуже своихъ нѣмецкихъ предшественниковъ, онъ велъ дѣла также плохо, зато сумѣлъ подать руку помощи Ломоносову... 27 Октября 1746 г., уже камергеръ и Александровскій кавалеръ, Разумовскій женился на Екатеринѣ Ивановнѣ Нарышкиной. Въ Февралѣ 1750 г. онъ былъ избранъ въ Глуховѣ въ гетманы Малороссіи, хотя самъ впослѣдствіи не придавалъ большого значенія этой „элекціи“ и Мазепу считалъ послѣднимъ гетманомъ. Съ необыкновенной помпой прибылъ гетманъ въ Малороссію и зажилъ царькомъ въ Глуховѣ и Батуринѣ; бразды же правленія взялъ въ свои руки Тепловъ. Въ 1751 г., 5 Сентября, Разумовскій получилъ Андреевскую ленту. При возвышеніи новаго фаворита, онъ сохранилъ прежнее положеніе, такъ какъ былъ близкимъ другомъ И. И. Шувалова. По мысли ихъ обоихъ, была учреждена Академія Художествъ, а когда Шуваловъ задумалъ создать Московскій университетъ, гетманъ не хотѣлъ разстаться съ мечтой устроить университетъ въ Батуринѣ и вообще старался о поднятіи школъ въ Малороссіи. Краткое царствованіе Петра III причинило не мало огорченій Разумовскому, хотя Государь относился къ нему благосклонно и даже назначилъ его главнокомандующимъ арміей, которая должна была дѣйствовать противъ Даніи: гетману казалось и это назначеніе, и маршировка на плацу предъ Измайловскимъ полкомъ насмѣшкой, а роль шута была ему не по душѣ. Онъ сдѣлался ревностнымъ сторонникомъ Екатерины, въ которую при томъ, по его собственному признанію, былъ раньше влюбленъ. Разумовскій остался и навсегда ея преданнымъ другомъ. Временное охлажденіе внесла неосторожная просьба Разумовскаго о преемственности гетманскаго достоинства, на что подбилъ его двуличный Тепловъ. Когда 10 Ноября 1764 г. гетманъ былъ переименованъ въ фельдмаршалы, какъ бы по его просьбѣ, а гетманство уничтожено, благоволеніе Государыни было ему возвращено. Проведя 1765—1767 гг. за границей, Разумовскій возвратился въ Петербургъ и здѣсь 22 Іюня 1771 г. овдовѣлъ. Переѣхавъ въ Батуринъ, Разумовскій привезъ туда давнюю свою привязанность, любимую племянницу, графиню Софію Осиповну Апраксину, прожившую съ нимъ до конца его дней.

Графъ К. Г. Разумовскій умеръ 9 Января 1803 г. и похороненъ въ Батуринской церкви.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

Le comte **CYRILLE GRIGORIEWITCH RAZOUMOWSKY**, 1724—1803, frère cadet du comte Alexis, naquit à Leméchy le 18 mars 1724. L'élévation de son frère, devenu de simple cosaque époux de l'Impératrice, entraîna celle de toute la famille. En 1742, il fut appelé à Pétersbourg avec sa mère, Natalie Rozoumikha, et ses sœurs, et confié aux soins de G. Téploff, fils de la femme du chauffeur de l'archevêché de Pskoff et pupille du célèbre Théophane Prokopowitch, dont il avait la tournure d'esprit et la souplesse de caractère; en 1743, il partit avec lui pour l'étranger, „afin de réparer par l'étude le temps perdu jusque-là". Au bout de deux ans d'études à Königsberg avec Euler et à Strasbourg, il fut fait comte (15 juin 1744) et revint en Russie complètement européanisé, excellent danseur, et parlant français et allemand; il se lança avec frénésie dans le tourbillon des distractions et des fêtes de la Cour et „fit tourner toutes les têtes". Le 21 mai 1746, il fut nommé président de l'Académie des Sciences „en considération des capacités particulières dont il fait preuve et de l'habileté qu'il a acquise dans les sciences"; au moins aussi bon que les allemands ses prédécesseurs, il fit les affaires tout aussi mal qu'eux, mais sut pourtant tendre à Lomonossoff une main secourable... Le 27 octobre 1746, déjà chambellan et décoré de St-Alexandre, il épousa Natalie Ivanowna Narychkine. En février 1750, il fut élu à Gloukhovo hetman de Petite-Russie, et pourtant dans la suite il n'attribua pas grande importance à cette élection, considérant Mazeppa comme le dernier hetman... Il fit son entrée en Petite-Russie avec une pompe extraordinaire et se mit à faire le roitelet de Gloukhovo et de Batourine; quant aux rênes du pouvoir, ce fut Téploff qui les prit en main. Le 5 septembre 1751, Razoumowsky fut décoré de St-André. L'avènement du nouveau favori ne lui fit rien perdre de sa situation, car il était ami intime de Chouvaloff. Ce fut sur leur initiative à tous deux que fut fondée l'Académie des Beaux-Arts, et quand Chouvaloff eut l'idée de créer une université à Moscou, l'hetman ne voulut pas renoncer à son rêve d'en organiser une à Batourine; il s'efforçait en général d'élever le niveau de l'instruction en Petite-Russie. Le règne éphémère de Pierre III fut une ère de désagréments pour Razoumowsky, bien que l'Empereur lui témoignât sa bienveillance et l'eût même nommé commandant en chef de l'armée d'opérations contre le Danemark: la nomination et aussi le défilé sur la place d'armes à la tête du régiment Izmaïlowsky lui firent l'effet d'une dérision. Or le rôle de grotesque n'était pas de son goût, et il devint partisan jaloux de Catherine, dont il avait été, il l'avouait lui-même, autrefois amoureux: il resta toujours pour elle un ami dévoué. Il n'y eut qu'une période de refroidissement, lorsqu'il eut l'imprudence, à l'instigation perfide de Téploff, de vouloir faire déclarer héréditaire la dignité d'hetman. Lorsque, le 10 novembre, il eut permuté feld-maréchal, soi-disant sur sa demande, et que l'hetmanat eut été aboli, l'Impératrice lui rendit sa faveur. Après être resté à l'étranger de 1765 à 1767, il revint à Pétersbourg, où il perdit sa femme le 22 juin 1771. Il se retira alors à Batourine et y fit venir sa nièce préférée, la comtesse S. Apraxine, avec laquelle il passa le reste de ses jours.

Il mourut le 9 janvier 1803, et fut inhumé dans l'église de Batourine.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Князь **НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ РЕПНИНЪ**, 1734—1801, сынъ генералъ-фельдцейхмейстера князя Василія Аникитича, былъ послѣднимъ представителемъ этого древняго княжескаго рода, игравшаго крупную роль при дворѣ Московскихъ царей. Въ юности князь Репнинъ долго жилъ въ Германіи, гдѣ получилъ „дѣльное нѣмецкое воспитаніе“, и въ Парижѣ, откуда былъ вытребованъ Елисаветой Петровной, которая опасалась, чтобы „Николаша“ не погибъ отъ „разврата и распутства“ въ этомъ Содомѣ. По окончаніи Семилѣтней войны, въ которой и онъ участвовалъ, Репнинъ былъ назначенъ посломъ въ Берлинъ. Въ 1763 г. онъ былъ назначенъ директоромъ Сухопутнаго Шляхетскаго корпуса, но уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отправленъ полномочнымъ министромъ въ Варшаву; здѣсь ему было поручено защищать интересы диссидентовъ, и въ 1768 г. Репнинъ добился утвержденія договора, обезпечившаго свободу ихъ вѣроисповѣданія и гражданскія права. Во время 1-й Турецкой войны ему пришлось выдвинуться и на военномъ поприщѣ. Репнинъ командовалъ отдѣльнымъ корпусомъ, отличился при Ларгѣ и Кагулѣ и взялъ Измаилъ и Килію. Въ 1771 г., командуя войсками въ Валахіи, разбилъ турокъ при Бухарестѣ, а въ 1774 г. участвовалъ во взятіи Силистріи. По окончаніи войны, Репнинъ былъ назначенъ посломъ въ Константинополь, а въ 1776 г.—Смоленскимъ и Орловскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ 1779 г. онъ былъ посланъ съ войскомъ въ Германію, вслѣдствіе недоразумѣній, возникшихъ тамъ по поводу Баварскаго наслѣдства, и склонилъ Австрію къ Тешенскому миру, за что былъ награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго. Въ 1781 г. онъ былъ назначенъ Псковскимъ генералъ-губернаторомъ. Во время 2-й Турецкой войны Репнинъ, командуя войсками послѣ отъѣзда Потемкина въ Петербургъ, разбилъ турокъ при Мачинѣ; побѣда эта доставила величайшее удовольствіе Екатеринѣ и способствовала скорѣйшему заключенію мира. Въ 1792 г. онъ былъ назначенъ Рижскимъ и Ревельскимъ генералъ-губернаторомъ, а въ 1794 г. — Виленскимъ и Гродненскимъ. Павелъ I пожаловалъ Репнина въ фельдмаршалы и назначилъ инспекторомъ инфантеріи Литовской и Лифляндской дивизіи и Рижскимъ военнымъ губернаторомъ. Въ 1798 г. Репнинъ былъ посланъ въ Берлинъ и Вѣну, чтобы склонить Пруссію и Австрію къ борьбѣ съ Франціей, но посольство его не имѣло успѣха. Внезапно его, только-что потерявшаго жену, княгиню Наталію Александровну, рожденную Куракину, постигла немилость Государя. Уволенный отъ службы, онъ поселился въ Москвѣ и 12 Мая 1801 г. скончался въ своей Подмосковной, селѣ Воронцовѣ. Погребенъ въ Донскомъ монастырѣ.

Репнинъ пользовался большимъ уваженіемъ среди современниковъ, но, какъ человѣкъ крупный, имѣлъ также много и враговъ. Сенаторъ Лубяновскій, служившій при Репнинѣ и пользовавшійся его расположеніемъ, считаетъ князя типомъ истинно государственнаго человѣка, отрѣшившагося всецѣло отъ своей личности изъ-за любви къ отечеству. „Съ этой стороны“, пишетъ Лубяновскій, „не встрѣчалъ я, да и теперь не знаю другого князя Николая Васильевича. Но Репнины и родятся вѣками!“ Въ „Воспоминаніяхъ“ Ѳ. П. Лубяновскаго посвящено много интересныхъ страницъ описанію служебной дѣятельности и личности князя Репнина. Онъ посѣщалъ его и въ отставкѣ, въ Москвѣ. „Образъ жизни князя Николая Васильевича по смерти княгини былъ тихій, все же боярскій; ни за столъ онъ не садился, ни вечера не проводилъ безъ гостей, нерѣдко во множествѣ, всегда незваныхъ, въ домѣ его простота со строгимъ приличіемъ... Въ лицѣ его, даже и въ старости, трудно сказать, чего было больше, величія или пріятности... Въ гостиной онъ оживлялъ постоянно бесѣду, всегда занимательную; никогда не выходило изъ устъ его слова презрѣнія; ни самъ онъ, никто у него не говорилъ о правительствѣ; не было также ни игры въ карты, ни злорѣчія, ни пересудовъ ни на чей счетъ; никогда онъ не говорилъ о себѣ и о своей службѣ; любилъ похвалить другихъ, вспомнить о знаменитыхъ людяхъ прошедшаго времени“...

Въ IV т. (№ 120) былъ помѣщенъ портретъ князя Репнина кисти Ивашкевича; нѣсколько его портретовъ принадлежатъ князю Н. В. Репнину, въ Яготинѣ, Кіевской губерніи.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Le prince **NICOLAS VASSILIEWITCH REPNINE**, 1734—1801, fils du prince Basile Anikititch Repnine, grand maître de l'artillerie, fut le dernier représentant de cette vieille famille princière, qui joua un rôle considérable à la Cour des Tzars moscovites. Etant jeune, il habita longtemps l'Allemagne, où il reçut „une solide éducation allemande", puis alla à Paris, d'où il fut rappelé par l'Impératrice Elisabeth, inquiète de voir Nikolacha sombrer dans „la débauche et les dérèglements" de la moderne Babylone. Il fit alors la Guerre de Sept-Ans, puis fut nommé ambassadeur à Berlin. Fait en 1763 directeur du Corps des Cadets, il fut envoyé, au bout de quelques mois seulement, à Varsovie comme ministre plénipotentiaire, avec la mission de défendre les intérêts des dissidents, en faveur desquels il obtint effectivement en 1768 un traité garantissant leur liberté de conscience et leurs droits civils. La première guerre de Turquie lui ouvrit alors la carrière des armes: à la tête d'un corps détaché, il se distingua à Larga et à Kagoul, et prit Izmaïl et Kilia, puis, en 1771, à l'armée de Valachie, défit les Turcs sous Bucharest, et fut en 1774 à la prise de Silistrie. La guerre terminée, il alla comme ambassadeur à Constantinople, et fut nommé en 1776 général gouverneur de Smolensk et Orel. Investi du commandement des troupes envoyées en Allemagne en 1779 à la suite des difficultés provoquées par la succession de Bavière, il réduisit l'Autriche à la paix de Teschen, et fut décoré de St-André. Il devint en 1781 général gouverneur de Pskoff. A la seconde guerre de Turquie, il prit le commandement au départ de Potemkine pour Pétersbourg, et remporta sur les Turcs la victoire de Matchine, qui causa à l'Impératrice une grande satisfaction et hâta la conclusion de la paix. Il fut fait ensuite, en 1792, général gouverneur de Riga et Rével, puis, en 1794, de Vilna et Grodno. Paul Ier le fit feld-maréchal, inspecteur de l'infanterie des divisions de Lithuanie et de Livonie, et gouverneur militaire de Riga. Envoyé en 1798 à Berlin et à Vienne pour entraîner la Prusse et l'Autriche contre la France, il échoua dans sa mission. C'est alors qu'il encourut, au lendemain de la perte de sa femme, la princesse Natalie Alexandrowna, née Kourakine, la défaveur soudaine de l'Empereur. Il fut révoqué, se fixa à Moscou, et mourut le 12 mai 1801 dans sa propriété des environs, au bourg de Worontzovo. Il fut inhumé au monastère Donskoï.

Tenu en haute estime par ses contemporains, Repnine, en raison de sa situation éminente, eut aussi de nombreux ennemis. Le sénateur Loubianowsky, qui avait servi sous ses ordres et joui de sa faveur, le considère comme le vrai type de l'homme d'état, abdiquant complètement sa personnalité par amour de la patrie: „Pour moi", dit-il, „je n'ai jamais rencontré et je ne connais personne comme lui. Mais les Repnine sont rares par les siècles!" Et il consacre dans ses Mémoires de longues et intéressantes pages à la carrière et à la personnalité du prince. Il alla le voir encore dans sa retraite à Moscou. „Depuis son veuvage, il menait une vie calme, mais toujours large, ne se mettant jamais à table, ne passant jamais la soirée sans une société parfois nombreuse, toujours inattendue. Dans son intérieur, une simplicité n'excluant pas la convenance la plus rigoureuse.... Sur son visage, même dans sa vieillesse, la majesté le disputait à l'agrément.... En société, il savait entretenir constamment une intéressante conversation, sans jamais rien dire qui impliquât le mépris, sans jamais parler ni laisser parler du gouvernement; pas de jeux de cartes, pas de médisances ni de gloses sur le compte de qui que ce soit. Ne parlant jamais de lui ni de ses services, il aimait dire du bien des autres, rappeler les hommes marquants du passé"....

Un portrait du prince Repnine, d'après Ivachkewitch, figure au Tome IV, № 120. Il y en a plusieurs autres chez le prince N. Repnine, à Yagotino, gouvernement de Kieff.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ ЛЕВАШОВЪ, 1740—1804, сынъ генералъ-поручика Ивана Васильевича (р. 1715 г., † въ Октябрѣ 1785 г.), отъ брака его съ Екатериной Алексѣевной Зыбиной (р. 1723 г.), началъ службу въ артиллеріи и отличился уже во время Первой Турецкой войны; 8 Іюля 1777 г. пожалованъ былъ во флигель-адъютанты и съ того времени неизмѣнно пользовался расположеніемъ Императрицы. Въ слѣдующемъ году (1778 г.) Левашовъ былъ назначенъ командиромъ Семеновскаго полка, въ 1779 г. произведенъ въ генералъ-майоры, въ 1781 г. пожалованъ орденомъ св. Анны 1 ст., а въ 1788 г. получилъ Александровскую ленту. Во время путешествій Государыни—въ 1780 г. въ Могилевъ, въ 1785 г. въ Вышній-Волочекъ и въ 1787 г. въ Крымъ, Левашовъ непремѣнно находился въ свитѣ Императрицы, которая любила его за „умъ, чрезвычайно острый и игривый“, и веселость. Безбородко въ одномъ письмѣ такъ говорилъ о немъ: „Левашову при дворѣ хорошо, но онъ также еще не испортился, да я думаю, что наша братія—моты и роскошные люди не такъ скоро дѣлаются злыми людьми, какъ серіозные“. Это писалось какъ разъ во время „случая“ племянника В. И. Левашова, А. П. Ермолова, который отличался угрюмымъ характеромъ и любилъ имѣть общеніе только съ „серіозными людьми“. По поводу назначенія Левашова флигель-адъютантомъ, шевалье де-Корберонъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „Des cinq aides de camp nouvellement nommés, il y en a un qui, dit-on, fera peut-être effet: c'est Lévachoff, il a beaucoup d'esprit“. Во время путешествія въ Крымъ, въ отвѣтъ на поздравительное Неаполитанское посольство маркиза де-Галло, Левашовъ, состоявшій въ свитѣ и при графѣ Фалькенштейнѣ (императоръ Іосифъ II), былъ отправленъ къ королю обѣихъ Сицилій. Въ 1789 и 1790 гг. Левашовъ участвовалъ съ отличіемъ въ Финляндской кампаніи. По восшествіи на престолъ Павла I Левашовъ продолжалъ командовать Семеновскимъ полкомъ и въ 1797 г. пожалованъ былъ въ генералы-отъ-инфантеріи, а въ 1799 г.—орденами св. Андрея Первозваннаго и Іоанна Іерусалимскаго; въ 1800 г. сдѣланъ былъ оберъ-егермейстеромъ. Умеръ онъ въ Февралѣ 1804 года.

В. И. Левашовъ не былъ женатъ, но имѣлъ (большею частью отъ ученицы театральной школы Акулины Семеновой) „воспитанниковъ“; въ Сентябрѣ 1797 г. онъ подалъ Павлу I прошеніе: „Имѣю я шестеро дѣтей, коимъ по мѣрѣ силъ моихъ старался я дать приличное дворянамъ воспитаніе. Кому въ одиночествѣ своемъ могу я желать оставить по себѣ достояніе мое, какъ не тѣмъ, коимъ со дня рожденія ихъ я пріобыкъ желать блага и пещись о доставленіи имъ онаго! Довершите, Всемилостивѣйшій Государь, мое благополучіе, повелите имъ имѣть мое имя“... 5 Августа 1798 г. дѣтямъ Левашова пожаловано было дворянское достоинство съ фамиліей Левашовыхъ (раньше они именовались „Карташевыми“). У него было 3 сына: Василій (р. 1783 г., † 1848 г.; будущій графъ), Василій младшій († около 1800 г.), Константинъ († 1812 г., отъ ранъ), и 3 дочери: Марія (р. 1782 г.), Александра (за сенаторомъ С. Н. Озеровымъ) и Анна (за коллежскимъ совѣтникомъ Н. Ѳ. Матюнинымъ).

Князь И. М. Долгорукій „съ живымъ удовольствіемъ“ вспоминалъ время, когда онъ служилъ въ Семеновскомъ полку, подъ командой Левашова, адъютантомъ: „Онъ со мной обходился очень хорошо; я ни на какой худой поступокъ его со мной по службѣ пожаловаться не могу, но, какъ человѣкъ, имѣлъ онъ свои странности, капризы и разные недостатки, къ которымъ я не всегда умѣлъ или хотѣлъ примѣняться, и тогда происходили между нами минутныя ошибки, въ которыхъ, натурально, побѣда всегда оставалась за нимъ, но подобныя горячія вспышки не имѣли никакихъ злобныхъ послѣдствій и потому были очень сносны, а иногда даже только забавны. Всего забавнѣе слѣдующее: 6 Генваря, по случаю Крещенія, бывалъ парадъ... Довелось однажды отправлять сіе торжество Левашову. Онъ взялъ меня съ собой. Намъ должно было парадировать верхами: онъ и я равно трусовато садились на лошадей. Страхъ сближаетъ чины, и какъ мой буцефалъ былъ смирнѣе его, то онъ все пожимался ко мнѣ, отчего при фрунтѣ представлялось потѣшное зрѣлище. Левашовъ былъ остеръ, уменъ, забавенъ и потому имѣлъ счастіе нравиться Государынѣ, которая допускала его къ себѣ съ особенною милостію. Тогда цѣну человѣку давала голова, а не шпоры и сапожная глянцовитая вакса. По духу тогдашняго времени, Левашовъ былъ прекрасный начальникъ въ полку гвардіи, а теперь онъ бы и въ капралы въ нее не годился. Я всегда вспомню проказы его съ улыбкою, а хорошее обращеніе съ признательностью“.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

BASILE IVANOWITCH LÉVACHOFF, 1740—1804, fils du général lieutenant Ivan Vassiliewitch Lévachoff (1715—octobre 1785) et de Catherine Alexéewna, née Zybine (née 1725), prit du service dans l'artillerie et se signala déjà à la première guerre de Turquie. Aide de camp de Sa Majesté le 8 juillet 1777, il jouit dès lors de la faveur constante de l'Impératrice. Nommé l'année suivante commandant du régiment Sémenowsky, il passa général major en 1779, et fut décoré en 1781 de Ste-Anne de 1re classe, puis, en 1788, de St-Alexandre. Il accompagna l'Impératrice dans tous ses voyages, celui de Mohileff en 1780, celui de Vychni-Volotchok en 1785, celui de Crimée en 1787: elle faisait grand cas de „son esprit extrêmement piquant et enjoué" et de sa gaieté d'humeur. „Lévachoff est bien à la Cour", dit Bezborodko dans sa correspondance, „mais aussi il ne s'est pas encore gâté: il faut dire que nous autres, gens de dépense et de luxe, nous ne devenons pas si vite mauvais que les gens sérieux". Or, c'était au moment de l'histoire du neveu de Lévachoff, A. Ermoloff, homme d'un caractère morose et qui n'aimait à fréquenter que les „gens sérieux". „Des cinq aides de camp nouvellement nommés", dit dans son journal le chevalier de Corberon, „il y en a un qui, dit-on, fera peut-être effet: c'est Lévachoff, il a beaucoup d'esprit". Lors du voyage de Crimée, en réponse aux félicitations de l'ambassade napolitaine du marquis de Gallo, ce fut Lévachoff, attaché à la personne de l'Impératrice et à celle du comte de Falkenstein (l'Empereur Joseph II), qui fut envoyé au Roi des Deux-Siciles. En 1789/1790, il fit avec distinction la campagne de Finlande. A l'avènement de Paul Ier, il fut maintenu à la tête du régiment Sémenowsky; promu en 1797 général d'infanterie et décoré en 1799 de St-André et de St-Jean-de-Jérusalem, il fut fait grand veneur en 1800. Il mourut en février 1804.

Lévachoff ne fut pas marié, mais eut des „pupilles", presque tous d'une élève de l'Ecole de Théâtre, Akouline Sémenoff. Il adressa en septembre 1797 à Paul Ier une supplique ainsi conçue: „J'ai six enfants, à qui j'ai fait de mon mieux pour donner une bonne éducation de gentilshommes. A qui, dans mon isolement, puis-je désirer léguer ma fortune, sinon à ceux à qui, depuis leur naissance, je n'ai cessé de vouloir du bien et de songer à la laisser! Que Votre Majesté daigne mettre le comble à mon bonheur en leur ordonnant de porter mon nom!"... Le 5 août 1798, les enfants reçurent la noblesse et l'autorisation de prendre le nom de leur père au lieu de celui de Kartachoff qu'ils avaient porté jusqu'alors; c'étaient trois fils et trois filles, Basile (1783—1848), plus tard comte, Basile cadet († vers 1800), Constantin, mort en 1812 de ses blessures, Marie (née 1782), Alexandrine, mariée au sénateur S. Ozéroff, et Anne, au conseiller de collège N. Matiounine.

Le prince I. Dolgorouky ne songeait pas sans „un vif plaisir" au temps passé au régiment Sémenowsky sous les ordres de Lévachoff comme aide de camp: „Il était très gentil avec moi; je n'ai nullement à me plaindre de lui dans le service, mais, comme homme, il avait ses bizarreries, ses caprices, ses petits défauts: il m'arrivait de ne pas toujours savoir ou vouloir m'y prêter, et alors c'étaient des moments de brouille dans lesquels, naturellement, il avait toujours le dernier mot, mais dont l'éclat restait sans aucune suite fâcheuse, et qui dès lors n'avaient rien de gênant, et parfois même n'étaient que risibles. Voici le plus drôle de tous: le 6 janvier, à l'Epiphanie, il y avait parade... Une fois, ce fut lui qui y fut commandé. Il me prit avec lui. Il fallait être à cheval: or nous y faisions tous les deux aussi triste figure. La peur rapproche les grades, et, comme mon bucéphale était plus doux que le sien, il se serrait toujours contre moi, ce qui, sur le front de parade, faisait un effet comique. Avec son humour, son esprit et sa jovialité, il eut le bonheur de plaire à l'Impératrice, qui l'admettait dans sa société avec une bonne grâce toute particulière. Un homme valait alors par sa tête, et non par ses éperons et le vernis de ses bottes. A l'époque, Lévachoff était parfait comme commandant dans un régiment de la Garde: il y ferait maintenant un piètre caporal. J'aurai toujours un sourire pour ses farces et un sentiment de gratitude pour ses bons procédés".

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

ПЕТРЪ САВВИЧЪ ЯКОВЛЕВЪ, 1754—1809, второй сынъ извѣстнаго петербургскаго богача-милліонера, коллежскаго асессора Саввы Яковлевича Яковлева (или Собакина; р. 28 Ноября 1712 г., † 21 Февраля 1784 г.), женатаго на Марьѣ Ивановнѣ (фамилія неизвѣстна; р. 1719 г., † 6 Февраля 1797 г.), родился 21 Іюня 1754 года.

Отецъ Петра Саввича Яковлева, основатель этой новой дворянской фамиліи, породнившійся потомъ съ древними аристократическими дворянскими и титулованными родами, былъ простой осташковскій мѣщанинъ, пришедшій въ столицу, по семейному преданію, „съ полтиною въ карманѣ и съ родительскимъ благословеніемъ“. Въ Петербургѣ онъ началъ торговать рыбой, затѣмъ вступилъ въ откупа по таможеннымъ сборамъ, еще позднѣе занялся рудными и золотыми промыслами, купивъ у П. А. Демидова на Уралѣ 4 завода (Невьянскій, Шуралинскій, Вынгорскій и Верхне-Тагильскій) и 1 заводъ у графа Воронцова; тогда же онъ пріобрѣлъ и Уткинскій заводъ у послѣдняго графа Ягужинскаго; кромѣ того, онъ завелъ полотняныя фабрики въ Ярославской губерніи. Яковлевъ нажилъ себѣ милліоны... Въ 1762 г., 5 Марта, „за особенно оказанныя Его Величеству (Петру III) услуги“ Савва Яковлевъ былъ пожалованъ въ титулярные совѣтники, а 20 Апрѣля—въ коллежскіе асессоры, что давало ему права потомственнаго дворянства. Почтенный этимъ достоинствомъ, Яковлевъ построилъ себѣ великолѣпный домъ у Обухова моста, роскошно, хотя, можетъ-быть, и аляповато разукрашенный золотомъ, картинами, бронзою и золочеными, цвѣтными кожами. Владѣлецъ цѣлыхъ кварталовъ по Садовой, онъ выстроилъ церковь Спаса, на Сѣнной, съ придѣломъ во имя преп. Саввы, куда перенесъ прахъ своихъ родителей съ Сампсоніевскаго кладбища. Преданіе говоритъ, что пожертвованный Яковлевымъ 500-пудовой колоколъ, съ языкомъ, запертымъ замкомъ, могъ звонить только съ соизволенія жертвователя... Вступленіе на престолъ Екатерины II принесло Яковлеву рядъ непріятностей: зазнавшійся богачъ отказался безплатно поить народъ изъ своихъ кабаковъ въ этотъ день всенародной радости. Императрица выразила неудовольствіе; въ народѣ стали говорить, что новая царица пожаловала ему пудовую чугунную медаль для ношенія на шеѣ по праздникамъ, а Державинъ написалъ оду „Къ Скопихину“. Только раздачей пожертвованій и широкой благотворительностью спохватившійся Яковлевъ сумѣлъ примирить съ собой Екатерину, которая „забыла прошедшее“. Громадный саркофагъ, въ состояніи, впрочемъ, полнаго разрушенія, воздвигнутый на могилѣ Саввы на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры вдовою его и сыновьями, вѣщаетъ потомству, что почившій милліонеръ, „добродѣтелями украшенный мужъ“, „бывъ воспитанъ въ благочестіи и вѣрѣ христіанской, непреткновенно ходилъ въ пути заповѣдей Господнихъ“. Раздѣленное между 5 сыновьями и 2 дочерьми колоссальное имущество Саввы Яковлева, раздробившись потомъ на множество частей, даже 100 лѣтъ спустя, представляло собой рядъ крупныхъ состояній. Одинъ изъ Яковлевыхъ, внукъ, послѣ 1812 г. покрылъ всѣ крыши казенныхъ зданій въ Москвѣ своимъ желѣзомъ, другой пожертвовалъ милліонъ рублей въ Инвалидный капиталъ. Еще въ 40-хъ годахъ XIX столѣтія А. И. Яковлевъ говаривалъ своему сыну, безпутному моту и полоумному чудаку кавалергарду Саввѣ Алексѣевичу Яковлеву: „Савва! будешь у меня кость глодать, какъ положу тебѣ въ годъ на прожитье только 100 тысячъ!“

Всѣ сыновья С. Я. Яковлева служили, въ томъ числѣ и Петръ, дослужившійся до чина коллежскаго совѣтника и бывшій въ 1787 г. генералъ-аудиторъ-лейтенантомъ при штабѣ Потемкина.

П. С. Яковлевъ не былъ женатъ; онъ умеръ 29 Іюня 1809 г. и похороненъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры, недалеко отъ отца.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

PIERRE SAVVITCH YAKOVLEFF, 1754—1809, second fils d'un fameux millionnaire pétersbourgeois, l'assesseur de collège Savva Yakovlewitch Yakovleff (ou Sobakine, 28 novembre 1712—21 février 1784), et de Marie Ivanowna (née de famille inconnue, 1719—6 février 1797), naquit le 21 juin 1754.

Son père, fondateur de cette nouvelle famille noble, apparenté plus tard à la vieille noblesse aristocratique et titrée, était un simple bourgeois d'Ostachkoff, et, à en croire une tradition de famille, arriva dans la capitale „avec un demi-rouble dans sa poche et la bénédiction paternelle". Là, il commença par vendre du poisson, puis entra dans les douanes, s'occupa ensuite de métallurgie et de mines d'or, acheta à P. Démidoff quatre usines dans l'Oural, celles de Néviansk, Chouralinsk, Vyngorsk et Verkhné-Tagilsk, et une autre au comte Worontzoff, puis celle d'Outkinsk au dernier comte Yagoujinsky; il monta en outre des filatures dans le gouvernement de Yaroslavl. Yakovleff se fit des millions.... En 1762, le 5 mars, „pour services particuliers rendus à Sa Majesté" (Pierre III), il fut fait conseiller titulaire, puis, le 20 avril, assesseur de collège, ce qui lui conférait la noblesse héréditaire. Honoré de cette dignité, il se fit bâtir au pont Oboukhoff une maison magnifique, qu'il décora, sans trop de goût peut-être, d'une profusion de dorures, de bronzes, de tableaux et de cuirs dorés et coloriés. Propriétaire de pâtés de maisons entiers à la Sadovaïa, il éleva, au Marché au Foin, l'église du Saint-Sauveur avec une chapelle dédiée à St-Savva et où il fit transférer la dépouille de ses parents exhumée du cimetière Samsoniewsky. La cloche dont il fit don à cette église, avec son battant cadenassé, ne sonnait pas, dit la tradition, sans son agrément.... L'avènement de Catherine II lui attira un gros ennui: en ce jour de liesse universelle, il refusa de régaler gratuitement le peuple dans ses cabarets. L'Impératrice lui exprima son mécontentement: le bruit fut répandu dans le peuple qu'elle lui avait fait faire une médaille de fonte de quarante livres pour porter au cou les jours de fête, et Derjavine fit son ode A Skopikhine. Le richard enorgueilli revint pourtant à résipiscence, et ce ne fut qu'à force de largesses et d'aumônes qu'il put décider Catherine à „oublier le passé". L'énorme sarcophage, d'ailleurs dans un état de délabrement complet, élevé sur sa tombe au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky, par sa veuve et ses fils, proclame à la postérité que, „paré de nombreuses vertus", le défunt millionnaire, „élevé dans la piété et la foi chrétienne, avait scrupuleusement suivi les voies du Seigneur". Sa colossale fortune, partagée entre cinq fils et deux filles, puis fractionnée à l'infini, formait encore au bout de cent ans une série de grosses fortunes. Un Yakovleff, son petit-fils, après 1812, fournit du fer pour toutes les toitures des bâtiments de l'Etat à Moscou; un autre fit don d'un million de roubles au fonds des Invalides. Peu encore après 1840, c'est aussi un Yakovleff qui disait à son fils, le chevalier-garde, un prodigue dévergondé, un excentrique à moitié fou: „Savva, tu n'auras que des os à ronger chez moi, quand je te donnerai en tout et pour tout 100.000 roubles par an!"

Pierre Yakovleff entra, comme tous ses frères, au service de l'Etat; il parvint au rang de conseiller de collège et fut en 1787 lieutenant au conseil de guerre de l'état major de Potemkine.

Il ne fut pas marié. Il mourut le 29 juin 1809, et fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky, non loin de son père.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

59

Графиня Екатерина Ивановна Разумовская,
1729 — 1771

La Comtesse Catherine Ivanowna Razoumowsky,
1729 — 1771

60

Графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій,
1724 — 1803

Le Comte Cyrille Grigoriewitch Razoumowsky,
1724 — 1803

61

Князь Николай Васильевичъ Репнинъ,
1732 — 1801

Le Prince Nicolas Vassiliewitch Repnine,
1732 — 1801

62

Василій Ивановичъ Левашовъ,
1740 — 1804

Basile Ivanowitch Lévachoff,
1740 — 1804

63

Петръ Саввичъ Яковлевъ,
1754 — 1809

Pierre Savvitch Yakovleff,
1754 — 1809

РУССКІЕ RUSSES PORTRAITS ПОРТРЕТЫ

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи

Князь СТЕПАНЪ БОРИСОВИЧЪ КУРАКИНЪ, 1754—1805, сынъ князя Бориса Александровича отъ брака съ Еленой Степановной Апраксиной, родился 9 Іюля 1754 г.; оставшись мальчикомъ послѣ родителей, жилъ нѣкоторое время въ домѣ бабки, княгини А. И. Куракиной, рожденной Паниной, а затѣмъ, по желанію дѣда и опекуна графа Н. И. Панина, отправленъ былъ для продолженія образованія въ Швецію. Пробывъ тутъ недолго, волонтеромъ поѣхалъ въ дѣйствующую противъ Турокъ армію, къ другому дѣду, графу П. И. Панину. Его тетка, княжна Агр. Ал. Куракина была недовольна этимъ: „Я бы очень желала, чтобы по окончаніи кампаніи подумали нѣсколько объ его воспитаніи: кажется, героемъ сдѣлаться ему время не ушло бы, а къ наукамъ привыкать не всегда равно способно, особливо ему, который жестоко неглижированъ“. Князь Александръ Борисовичъ свысока относился къ младшему брату, и Степанъ Борисовичъ жаловался, что первый „поставляетъ его хуже самаго малаго ребенка, который до десяти перечесть не можетъ“, и приписываетъ ему понятія „самаго безразсуднаго и безграмотнаго офицера“. Послѣ взятія Бендеръ онъ былъ присланъ Панинымъ въ Петербургъ со взятыми знаменами и булавами, но Екатерина, не любившая графа П. Панина, „своего персональнаго оскорбителя“, ничѣмъ не наградила его внука. Въ 1770 г. Куракинъ былъ пожалованъ въ капитаны въ армію, служилъ подъ начальствомъ Репнина въ Польшѣ, а въ 1773 г., адъютантомъ А. И. Бибикова, отправился съ нимъ на усмиреніе Пугачевскаго бунта, надо сказать, къ великому своему неудовольствію: въ письмахъ къ брату онъ горько жаловался на „жестокую комиссію“ и „премерзкую зимнюю кампанію“, при чемъ высказывалъ опасеніе, что если попадется въ плѣнъ къ Пугачеву, то, „безъ сомнѣнія, будетъ повѣшенъ“. По смерти Бибикова, Куракинъ служилъ сначала въ Новотроицкомъ кирасирскомъ полку, а съ 1775 по 1780 г. въ кирасирскомъ Наслѣдника Цесаревича, гдѣ ему не мало пришлось перенести отъ раздражительности Павла Петровича. Съ Изюмскимъ гусарскимъ полкомъ онъ участвовалъ въ походѣ на Крымъ въ 1783 г., затѣмъ командовалъ Ахтырскимъ гусарскимъ полкомъ, а въ 1789 г. произведенъ былъ въ бригадиры и, съ чиномъ генералъ-майора, вышелъ въ отставку. При Павлѣ I Куракинъ былъ назначенъ начальникомъ Экспедиціи Кремлевскаго строенія, съ чиномъ тайнаго совѣтника; въ концѣ 1804 г. вышелъ въ отставку дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и послѣ тяжкой болѣзни 8 Іюля 1805 г. умеръ; похороненъ въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ.

Князь С. Б. Куракинъ велъ роскошный образъ жизни, любилъ радушно принимать у себя гостей, и высшее московское общество охотно посѣщало его великолѣпный домъ у Красныхъ воротъ, наполненный толпой дворовыхъ и всякихъ прихлебателей. Будучи однимъ изъ основателей „матадоровъ“ Англійскаго клуба въ Москвѣ, Куракинъ славился своими тонкими гастрономическими обѣдами и ужинами. Однако, все это не разоряло Куракина: онъ умѣлъ хорошо вести свои дѣла, былъ расчетливый и опытный хозяинъ, такъ что, умѣя извлекать большіе доходы изъ своихъ имѣній, онъ не разорялъ крестьянъ. Въ своемъ селѣ Степановскомъ (раньше „Волосово“), Зубцовскаго уѣзда, Тверской губерніи, князь устроилъ роскошную усадьбу и завелъ большую полотняную фабрику. Какъ начальникъ, онъ пользовался расположеніемъ подчиненныхъ, такъ какъ заботился объ ихъ интересахъ.

Князь С. Б. Куракинъ былъ женатъ 2 раза: въ 1775 г. женился на Наталіи Петровнѣ Нарышкиной (р. 1758 г., † 1825 г.), которая чрезъ 11 лѣтъ супружества оставила мужа, влюбившись въ его родного дядю, извѣстнаго московскаго красавца С. С. Апраксина. Такъ какъ княгиня показала, что оставила мужа вслѣдствіе своей неизлѣчимой болѣзни, князю Куракину было разрѣшено вступить во второй бракъ, и онъ женился на Екатеринѣ Дмитріевнѣ Измайловой (р. 1761 г., † 1843 г.). Дѣтей у него не было.

Во II т. (№ 14) изданія „Русскіе Портреты“ былъ помѣщенъ портретъ съ обозначеніемъ, что это князь С. Б. Куракинъ. Опредѣленіе это ошибочно — на портретѣ изображенъ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, въ старости. . . На фонѣ пейзажъ съ видомъ великолѣпнаго „Надеждина“, Саратовской губ., къ сожалѣнію, въ настоящее время уже проданнаго княземъ Ѳ. А. Куракинымъ, вмѣстѣ съ громадной библіотекой, въ купеческія руки. Было бы желательно, чтобы купцы оказались людьми просвѣщенными и болѣе дорожащими родной стариной, и сохранили бы какъ историческую усадьбу, такъ и библіотеку, пожертвовавъ ее въ какое-либо ученое учрежденіе.

(Съ миніатюры, принадлежащей князю А. А. Куракину, въ С.-Петербургѣ.)

Le prince **STÉPHANE BORISSOWITCH KOURAKINE**, 1754—1805, fils du prince Boris Alexandrowitch Kourakine et d'Hélène Stépanowna, née Apraxine, naquit le 9 juillet 1754. Il perdit ses parents encore enfant et passa quelque temps chez sa grand'mère, la princesse A. Kourakine, née Panine, puis son grand-père et tuteur le comte N. Panine l'envoya continuer son éducation en Suède. Il n'y resta que peu de temps, puis s'enrôla comme volontaire à l'armée de Turquie sous le commandement de son autre grand-père, le comte P. Panine, ce qui contraria la princesse Agrippine Alexandrowna Kourakine, sa tante: „Je voudrais bien qu'à la fin de la campagne on pense un peu à son éducation; je crois qu'il aurait tout le temps de devenir un héros, tandis que le savoir ne s'acquiert pas à tout âge, surtout pour lui, qui a été bien négligé". Son frère Alexandre le traitait de haut: il se plaint que son aîné „ne fait pas plus de cas de lui que d'un marmot qui ne sait pas compter jusqu'à dix" et lui attribue des idées qui sont „celles de l'officier le plus stupide et le plus ignorant". Après la prise de Bender, Panine l'envoya à Pétersbourg avec les drapeaux et les trophées enlevés à l'ennemi, mais Catherine, qui n'aimait pas le comte P. Panine, „son offenseur personnel", n'accorda aucune récompense à son petit-fils. En 1770, Kourakine fut nommé capitaine à l'armée, servit sous le commandement de Repnine en Pologne, et devint en 1773 aide de camp de Bibikoff, avec lequel il alla, à son grand déplaisir, il faut le dire, réprimer l'insurrection de Pougatcheff: dans ses lettres à son frère, il se plaint amèrement de „cette abominable corvée" et de „cette sale campagne d'hiver", et exprime la crainte de tomber aux mains de Pougatcheff, car, dit-il, „c'est sûrement la potence". A la mort de Bibikoff, il passa d'abord aux cuirassiers de Novotroïtzky, puis servit de 1775 à 1780 aux cuirassiers du Grand-Duc Héritier, où il eut fort à souffrir du caractère irascible de Paul. Il fit avec les hussards d'Izioume la campagne de Crimée de 1783, puis commanda les hussards d'Akhtyrka, fut promu brigadier en 1789 et prit sa retraite avec rang de général major. Sous Paul Ier, Kourakine fut nommé chef de l'inspection des bâtiments du Kremlin avec rang de conseiller privé; il reprit sa retraite comme conseiller privé actuel à la fin de 1804 et mourut d'une grave maladie le 8 juillet 1805; il fut inhumé à Moscou, au monastère Novospassky.

Le prince Stéphane Kourakine menait une vie luxueuse, organisant chez lui des réceptions des plus cordiales, et toute la haute société moscovite aimait à se presser dans sa somptueuse maison de la Porte Rouge, remplie d'une foule nombreuse de parasites. Un des fondateurs et des matadors du Club anglais à Moscou, il s'était fait une réputation pour ses dîners et ses soupers fins. Il sut malgré tout ne pas compromettre sa fortune: entendu à ses affaires, économe et expérimenté comme il l'était, il avait l'art de faire rendre beaucoup à ses biens sans ruiner ses paysans. Dans son Stépanowskoïé, ci-devant Volossovo, gouvernement de Tver, il s'installa une somptueuse résidence et fonda une grande filature de toile. Comme supérieur, il était aimé de ses subordonnés, grâce au zèle avec lequel il s'occupait de leurs intérêts.

Le prince S. Kourakine fut marié deux fois: en 1775, il avait épousé Natalie Pétrowna Narychkine (1758—1825), qui le quitta au bout de onze ans pour s'amouracher de son oncle, le fameux bellâtre moscovite S. Apraxine. Comme elle s'était déclarée atteinte d'une maladie incurable qui l'obligeait à quitter son mari, le prince Kourakine reçut l'autorisation de se remarier et épousa Catherine Dmitriewna Izmaïloff (1761—1843). Il n'eut pas d'enfants.

Le portrait reproduit au Tome II, № 14, est donné à tort comme celui du prince Stéphane Kourakine: il représente en réalité le prince Alexandre Borissowitch Kourakine dans sa vieillesse... Au fond, un paysage avec le magnifique Nadejdino, gouvernement de Saratoff, malheureusement déjà vendu à un marchand par le prince Th. Kourakine avec son immense bibliothèque. Il serait à désirer que les marchands se montrassent éclairés et plus attachés aux souvenirs du passé, et conservassent cet historique manoir ainsi que sa bibliothèque, qui pourrait être cédée à quelque établissement scientifique.

(D'après une miniature appartenant au prince A. Kourakine, St-Pétersbourg.)

65

Княгиня **ЕКАТЕРИНА ДМИТРІЕВНА КУРАКИНА**, 1761—1843, дочь полковника Дмитрія Львовича Измайлова († 15 Марта 1779 г.), отъ брака его съ графиней Елизаветой Ивановной Гендриковой, двоюродной племянницей Императрицы Елисаветы Петровны, родилась въ 1761 г., за два мѣсяца до кончины Императрицы Елисаветы, и была окрещена ею, съ пожалованіемъ богатой табакерки.

Браку Е. Д. Измайловой въ 1799 г. съ княземъ Степаномъ Борисовичемъ Куракинымъ (р. 1754 г., † 1805 г.) предшествовалъ надѣлавшій много шуму въ то время разводъ его съ первой женой, княгиней Натальей Петровной, рожденной Нарышкиной (р. 1758 г., † 1825 г.). Влюбившись въ дѣвицу Е. Д. Измайлову и воспользовавшись вліяніемъ своихъ родственниковъ при дворѣ Императора Павла, князь С. Б. Куракинъ добился формальнаго, утвержденнаго Синодомъ, развода со своей женой, „на самыхъ гнилыхъ основаніяхъ“, какъ выражается одинъ изъ современниковъ, и тотчасъ же женился на предметѣ своей страсти. Этотъ рѣдкій въ то время случай развода послужилъ впослѣдствіи какъ бы прецедентомъ для развода Цесаревича Константина Павловича съ Великой Княгиней Анной Ѳеодоровной.

Второй бракъ князя Степана Борисовича Куракина былъ, однако, непродолжителенъ: онъ скончался 8 Іюля 1805 г., скрывая во время болѣзни свои страданія отъ нѣжно любимой жены. Овдовѣвъ послѣ всего только шестилѣтняго супружества, княгиня Екатерина Дмитріевна вела, какъ нужно предполагать, очень тихую и уединенную жизнь, такъ какъ имени ея нигдѣ не встрѣчается въ запискахъ ея современниковъ. Переживъ мужа на 38 лѣтъ, она скончалась, не оставивъ потомства, 16 Іюня 1843 года и похоронена въ Новоспасскомъ монастырѣ, въ Москвѣ.

(Съ миніатюры Дюбуа; собственность князя Ѳ. А. Куракина, въ Москвѣ.)

65

La princesse **CATHERINE DMITRIEWNA KOURAKINE**, 1761—1843, fille du colonel Dmitri Lvowitch Izmaïloff († 15 mars 1779) et d'Elisabeth Ivanowna, née comtesse Gendrikoff, petite-nièce de l'Impératrice Elisabeth Pétrowna, naquit en 1761, deux mois avant la mort de l'Impératrice, qui fut sa marraine et lui fit présent d'une riche tabatière.

Elle épousa en 1799 le prince Stéphane Borissowitch Kourakine (1754—1805) après son divorce retentissant avec sa première femme, la princesse Natalie Pétrowna, née Narychkine (1758—1825). Amoureux d'elle, le prince, grâce à l'influence de sa famille à la Cour de Paul Ier, obtint un divorce formel et confirmé par le Synode, bien qu'un contemporain le déclare „établi sur des motifs inexistants", et s'empressa de l'épouser. Le précédent, rare pour l'époque, ne fut pas sans influence plus tard pour le divorce du Césarewitch Constantin avec la Grande-Duchesse Anne.

Le second mariage du prince Kourakine ne fut pas cependant de longue durée: il mourut de maladie le 8 juillet 1805, en cachant ses souffrances à sa femme tendrement aimée. Restée veuve après six ans de mariage, la princesse dut mener une vie tranquille et retirée, car il n'est plus question d'elle dans les mémoires du temps. Elle vécut encore trente-huit ans, mourut sans enfants le 16 juin 1843, et fut inhumée au monastère Novospassky, à Moscou.

(D'après une miniature de Dubois, appartenant au prince Th. Kourakine, Moscou.)

66

Княгиня **АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА КУРАКИНА**, 1711—1786, дочь генералъ-поручика и сенатора Ивана Васильевича Панина (р. 1673 г., † 1736 г.), женатаго на Аграфенѣ Васильевнѣ Эверлаковой (р. 1688 г., † 1753 г.), сестра знаменитыхъ графовъ Никиты и Петра Паниныхъ, родилась 3 Февраля 1711 года. Въ 1730 г., 26 Апрѣля, вступила въ супружество съ княземъ Александромъ Борисовичемъ Куракинымъ (р. 1697 г., † 1749 г.), тайнымъ совѣтникомъ и конференцъ-министромъ, только-что вернувшимся изъ Парижа, гдѣ онъ состоялъ полномочнымъ посломъ.

Княгиня А. И. Куракина постоянно проживала въ Москвѣ, въ доставшемся ей послѣ смерти мужа своемъ „Мясницкомъ“ домѣ, подаренномъ ему послѣ ссылки Меншикова, въ 1730 г. (нынѣ зданіе Московскаго почтамта). Въ домѣ этомъ она была окружена многочисленнымъ семействомъ, дѣтьми и внуками; у нея же воспитывались сыновья ея единственнаго, умершаго въ 1764 г., сына, князя Бориса Александровича Куракина, столь извѣстные впослѣдствіи князья Александръ и Алексѣй Борисовичи Куракины; къ нимъ бабушка до конца своей жизни сохранила нѣжную привязанность, находясь съ ними въ перепискѣ и живо интересуясь ихъ блестящей служебной карьерой. И послѣ выхода замужъ ея дочерей и распаденія большого семейства, опустѣвшій громадный Куракинскій домъ, въ которомъ она осталась одна съ незамужнею дочерью, княжной Аграфеной Александровной, продолжалъ служить, благодаря ей, связующимъ центромъ всей Куракинской семьи, среди которой она пользовалась большимъ уваженіемъ и авторитетомъ. Очень подвижная и гостепріимная, она въ 66 лѣтъ выѣзжала на охоту, гостя у брата своего, графа П. И. Панина, въ его Смоленскомъ помѣстьѣ, селѣ Дугинѣ, и вела свѣтскій образъ жизни, оставаясь при этомъ очень умѣренной въ своихъ вкусахъ и привычкахъ. „Я въ семъ образецъ“, писала она въ старости, „и всякій день съ голодомъ выхожу изъ-за стола, и то меня содержитъ, и всѣмъ совѣтую не все кушать“. Благочестивая и религіозная, княгиня Куракина имѣла въ своемъ домѣ домовую церковь во имя Св. Троицы, гдѣ каждое утро отстаивала обѣдню, водила большое знакомство и дружбу съ выдающимися духовными лицами, между которыми особенно отличала архіепископа Ростовскаго Самуила. Скончалась она 75 лѣтъ отъ роду, 11 Февраля 1786 г., и похоронена въ соборѣ Московскаго Новоспасскаго монастыря, гдѣ высѣченная на надгробномъ камнѣ ея надпись оканчивается слѣдующими словами: „....и хотя и не уединилась отъ свѣтской жизни, но все время содержала и отправляла со всею строгостію монашескія правила и постъ, а Всевышній Творецъ благословилъ ее видѣть сыны сыновъ своихъ“.

Княгиня А. И. Куракина имѣла одного сына, князя Бориса-Леонтія Александровича (р. 1733 г., † 1764 г.), женатаго на Еленѣ Степановнѣ Апраксиной, и дочерей: Анну (р. 1731 г., † 1749 г.), Татьяну (р. 1732 г., † 1754 г.; за гв. прапорщикомъ А. Ю. Нелединскимъ-Мелецкимъ), Аграфену (р. 1734 г., † 1791 г.; фрейлину), Екатерину (р. 1735 г., † 1791 г.; за княземъ Ив. Ив. Лобановымъ-Ростовскимъ), Александру (р. 1736 г., † 1739 г.), Наталію (р. 1737 г., † 1797 г.; за фельдмаршаломъ княземъ Н. В. Репнинымъ), Настасью († 1739 г., на третьемъ мѣсяцѣ) и Прасковью (р. 1741 г., † 1755 г.).

(Съ портрета, принадлежащаго князю А. А. Куракину, въ С.-Петербургѣ.)

66

La princesse **ALEXANDRINE IVANOWNA KOURAKINE**, 1711—1786, fille du général lieutenant et sénateur Ivan Vassiliewitch Panine (1673—1736) et d'Agrippine Vassiliewna, née Everlakoff (1688—1753), et sœur des célèbres comtes Nikita et Pierre Panine, naquit le 3 février 1711. Elle épousa le 26 avril 1730 le prince Alexandre Borissowitch Kourakine (1697—1749), conseiller privé et ministre de la conférence, depuis peu de retour de Paris, où il était ministre plénipotentiaire.

La princesse Kourakine habitait constamment Moscou, dans la maison de la Miasnitzkaïa (aujourd'hui la Poste) donnée à son mari en 1730 après l'exil de Menchikoff, et qui lui revint une fois veuve. Entourée d'une nombreuse famille, enfants et petits-enfants, elle y avait entre autres les fils du prince Boris Alexandrowitch Kourakine, son fils unique mort en 1764, dans la suite les célèbres princes Alexandre et Alexis Borissowitch Kourakine, pour lesquels elle eut toute sa vie un tendre attachement, restant en correspondance avec eux et prenant un vif intérêt à leur brillante carrière. Même après le mariage de ses filles et la dispersion de la nombreuse famille, l'immense maison, toute vide, où elle restait seule avec sa fille non mariée, la princesse Agrippine, ne cessait pas d'être par elle le rendez-vous des Kourakine, parmi lesquels elle jouissait d'une grande vénération et d'une grande autorité. Alerte et accueillante, à 66 ans elle allait à la chasse, chez son frère le comte P. Panine, dans ses domaines du gouvernement de Smolensk, au bourg de Douguino, et menait la vie mondaine, tout en restant des plus modérées dans ses goûts et habitudes. „Je suis en cela un modèle", écrivait-elle dans sa vieillesse: „à chaque repas je reste sur ma faim, et c'est ce qui me conserve; je conseille à tout le monde d'en faire autant". Pieuse et religieuse, elle avait chez elle une église sous le vocable de la Sainte-Trinité, où elle entendait la messe tous les matins; elle était en relations suivies et amicales avec les ecclésiastiques les plus éminents, et distinguait particulièrement l'archevêque de Rostoff Samuel. Elle mourut à l'âge de 75 ans, le 11 février 1786, et fut inhumée dans la cathédrale du monastère Novospassky, à Moscou, où son épitaphe se termine ainsi: „.... et tout en ne restant pas à l'écart de la vie mondaine, elle suivit et observa constamment en toute rigueur les règles monastiques et le carême, aussi le Tout-Puissant la bénit-il en lui faisant voir les fils de ses fils".

La princesse Kourakine eut un fils, Boris-Léonce (1733—1764), marié à Hélène Stépanowna Apraxine, et plusieurs filles, Anne (1731—1749), Tatiana (1732—1754), mariée au porte-enseigne de la Garde A. Nélédinsky-Méletzky, Agrippine (1734—1791), demoiselle d'honneur, Catherine (1735—1791), mariée au prince I. Lobanoff-Rostowsky, Alexandrine (1736—1739), Natalie (1737—1797), mariée au feld-maréchal prince N. Repnine, Anastasie († 1739, dans son troisième mois) et Prascovie (1741—1755).

(D'après un original appartenant au prince A. Kourakine, St-Pétersbourg.)

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галлереи
№ 3966

Графиня **ВАРВАРА АЛЕКСѢЕВНА ШЕРЕМЕТЕВА**, 1711—1767, единственная дочь канцлера князя Алексѣя Михайловича Черкасскаго (р. 1680 г., † 1742 г.) отъ брака съ княжной Маріей Юрьевной Трубецкой, родилась 11 Сентября 1711 года. Несмѣтныя богатства князей Черкасскихъ привлекали многихъ жениховъ, которые „искали руки княжны, какъ Язонъ золотой овцы, ради богатой шкуры“. Но ея гордая мать ждала для дочери какого-то сказочнаго принца, а сама княжна была одной изъ самыхъ разборчивыхъ невѣстъ: капризная кокетка, гордая своей красотой, знатностью и богатствомъ, она забывала, что „время летитъ и болѣе не возвращается“, и заслужила названія „тигрицы“ и „звѣря“, данныя ей хорошо знавшей ее княжной Маріей Дмитріевной Кантемиръ. Благоразумные люди находили, что, „если она желаетъ имѣть супруга, ей нужно сдѣлаться болѣе ручной“, и та же княжна Марія Кантемиръ выражала желаніе, чтобы „звѣрь сдѣлался ручнымъ и обратилъ вниманіе на свой возрастъ“. За княжну Черкасскую сватались блестящій придворный красавецъ графъ Карлъ-Рейнгольдъ Левенвольде и блестящій дипломатъ и поэтъ князь Антіохъ Кантемиръ; но сватовство Левенвольде разстроилось послѣ обрученія (1730 г.), а сватовство Кантемира такъ и не состоялось. Раздраженный этимъ сватовствомъ, которое никакъ не могло наладиться, Кантемиръ изображалъ подъ именемъ „Сильвіи“ княжну Черкасскую, задѣвая и мать ея, въ слѣдующихъ ѣдкихъ, переходящихъ въ пасквиль, стихахъ:

„Сильвія круглую грудь рѣдко покрываетъ,
Смѣшкомъ сладкимъ всякому льститъ, очкомъ мигаетъ,
Бѣлится, румянится, мушекъ съ двадцать носитъ,
Сильвія легко даетъ, кто чего ни проситъ,
Бояся досаднаго въ отказѣ отвѣта.
Такова и матушка была въ ея лѣта“.

Впрочемъ, любимая сестра Кантемира, Марія, просила брата (13 Апрѣля 1733 г.): „Не обижайте тигрицы своими стихотвореніями; она милая особа, которую я люблю; тигрица умная, достойная дѣвушка; зная, что вы любите ее, я сама предана ей и молю Бога, чтобы она, теперешняя моя пріятельница, сдѣлалась въ будущемъ моей невѣсткой“. (См. объ этомъ сватовствѣ подробно въ книгѣ Шимко „Новыя данныя къ біографіи князя А. Д. Кантемира“.)

При самомъ воцареніи Елисаветы княжна В. А. Черкасская была изъ фрейлинъ пожалована въ камеръ-фрейлины и получила портретъ Императрицы. Въ это время княжна достигла уже возраста, который, по понятіямъ того времени, былъ совсѣмъ безнадеженъ для брака. Но „звѣрь“, наконецъ, сдѣлался „ручнымъ“, а богатства князей Черкасскихъ замѣнили княжнѣ недостатокъ молодости. Княжнѣ подыскали жениха, хотя и знатнаго, но не слишкомъ блестящаго, въ лицѣ графа Петра Борисовича Шереметева, бывшаго на полтора года моложе невѣсты, и бракъ совершился 28 Января 1743 года, при чемъ графиня была пожалована въ статсъ-дамы.

Изъ 4 сыновей и 3 дочерей графини В. А. Шереметевой три сына и одна дочь умерли въ раннемъ возрастѣ, и только графъ Николай (р. 1751 г., † 1809 г.) и графини Анна (р. 1744 г., † 1768 г.) и Варвара (р. 1750 г., † 1824 г.; въ замужствѣ за графомъ Алексѣемъ Разумовскимъ) пережили мать. Графиня В. А. Шереметева скончалась 2 Октября 1767 года и погребена въ Знаменской церкви Новоспасскаго монастыря, родовой усыпальницѣ князей Черкасскихъ.

Въ имѣніи графа С. Д. Шереметева, Кусковѣ, имѣется превосходный, но сильно попорченный портретъ графини В. А. Шереметевой, писанный Аргуновымъ.

(Съ портрета Ротари; Архивъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, въ Москвѣ.)

La comtesse **VARVARA ALEXÉEWNA CHÉRÉMÉTEFF**, 1711—1767, fille unique du chancelier prince Alexis Mikhaïlowitch Tcherkassky (1680—1742) et de la princesse Marie Youriewna, née Troubetzkoï, naquit le 11 septembre 1711. Les incalculables richesses des princes Tcherkassky attirèrent des quantités d'épouseurs, qui „cherchaient la main de la princesse comme Jason la toison d'or, pour l'amour de la précieuse peau". Mais la mère espérait dédaigneusement quelque prince de conte de fées, et elle-même était une fiancée des plus difficiles: capricieuse et coquette, fière de sa beauté, de sa noblesse et de sa fortune, elle oubliait que „le temps vole et ne revient pas", vraie „tigresse", vraie „sauvage", comme l'appelait la princesse Marie Dmitriewna Kantémir, qui la connaissait bien. Les gens raisonnables disaient que, „pour trouver un mari, il faut être plus apprivoisée", et la même princesse Kantémir souhaitait voir „la sauvage s'apprivoiser et songer un peu à son âge". Elle fut recherchée par un parti brillamment placé à la Cour, le beau comte Charles-Reinhold Löwenwolde, puis par un brillant diplomate et poète, le prince Antioche Kantémir; avec le premier, elle n'alla pas plus loin que les fiançailles, avec le second, les fiançailles n'aboutirent même pas. Furieux de cette affaire qui ne s'arrangeait pas, Kantémir représente la princesse Tcherkassky sous le nom de Sylvie dans des vers mordants, qui tournent à la pasquinade et où la mère n'est pas épargnée non plus:

„Sylvie aime à montrer sa gorge rebondie,
„De son rire mutin provoque, fait de l'œil,
„Se met du blanc, du rouge, une masse de mouches,
„Distribue à chacun tout ce qu'on lui demande,
„De peur de s'attirer quelque mot de dépit:
„Telle était bien sa mère à l'âge qu'a Sylvie".

D'ailleurs la sœur bien-aimée de Kantémir, Marie, écrit à son frère le 13 avril 1733: „Ne faites pas de peine à la tigresse avec vos vers. C'est une charmante personne que j'aime bien, et pas bête, cette tigresse, une digne fille. Sachant que vous l'aimez, je lui veux du bien, et je prie Dieu que cette amie d'à présent devienne un jour ma belle-sœur". (Sur ce projet de mariage, on trouve des détails dans l'ouvrage de Chimko, Nouvelle contribution à la biographie du prince A. Kantémir.)

A l'avènement d'Elisabeth, la princesse Tcherkassky, demoiselle d'honneur, passa demoiselle d'honneur honoraire et reçut le portrait de l'Impératrice. Déjà d'un âge qui, dans les idées du temps, n'était plus de mise pour le mariage, la „sauvage" finit par „s'apprivoiser", et la fortune des princes Tcherkassky compensa l'âge. On lui trouva un parti de qualité, sinon brillant, dans la personne du comte Pierre Borissowitch Chérémeteff, de dix-huit mois plus jeune qu'elle, et le mariage fut célébré le 28 janvier 1743; elle était faite à cette occasion dame d'honneur.

Sur sept enfants, la comtesse Chérémeteff perdit en bas âge trois fils et une fille, et ne laissa qu'un fils, Nicolas (1751—1809), et deux filles, Anne (1744—1768) et Varvara (1750—1824), mariée au comte Alexis Razoumowsky. Elle mourut le 2 octobre 1767, et fut inhumée dans l'église de l'Apparition de la Croix, au monastère Novospassky, sépulture de famille des princes Tcherkassky.

Il y a à Kouskovo, la propriété du comte S. Chérémeteff, un portrait magnifique, mais fort endommagé, de la comtesse Chérémeteff, par Argounoff.

(D'après l'original de Rotary, Archives du Ministère des Affaires étrangères, Moscou.)

64

Князь Степанъ Борисовичъ Куракинъ,
1754 — 1805

Le Prince Stéphane Borissowitch Kourakine,
1754 — 1805

65

Пис. Дюбуа — Peint par Dubois

Княгиня Екатерина Дмитріевна Куракина,
1761 — 1843

La Princesse Catherine Dmitriewna Kourakine,
1761 — 1843

66

Княгиня Александра Ивановна Куракина,
1711 — 1786

La Princesse Alexandra Ivanowna Kourakine,
1711 — 1786

67

Пис. Ротари — Peint par Rotary

Графиня Варвара Алексѣевна Шереметева,
1711 — 1767

La Comtesse Varvara Alexéewna Chéréméteff,
1711 — 1767

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи

ГРИГОРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КОЗИЦКІЙ, 173.—1775, по окончаніи курса въ Кіевской Академіи, слушалъ лекціи въ заграничныхъ университетахъ. Въ 1756 году онъ былъ опредѣленъ въ Академію Наукъ лекторомъ философскихъ и словесныхъ наукъ, затѣмъ былъ назначенъ адъюнктомъ и „почетнымъ совѣтникомъ“. Екатерина II, нуждаясь въ образованномъ личномъ секретарѣ, остановила свой выборъ на Козицкомъ, который съ 1768 года былъ назначенъ и секретаремъ при принятіи прошеній на Высочайшее имя.

Близость къ Императрицѣ и бракъ съ дочерью богатаго купца горнозаводчика Мясникова, принесшей Козицкому въ приданое 2 завода и 19.000 душъ крестьянъ, казалось, обезпечивали Козицкому блестящую карьеру и счастливую жизнь, но 10 Іюля 1773 года онъ былъ уволенъ отъ должности секретаря. Козицкій впалъ въ меланхолію и въ припадкѣ этой болѣзни 21 Декабря 1775 г. нанесъ себѣ 32 раны ножомъ, отъ которыхъ и умеръ 26 Декабря.

Отъ брака съ Екатериной Ивановной Мясниковой, Козицкій имѣлъ двухъ дочерей: Анну (за княземъ Александромъ Михайловичемъ Бѣлосельскимъ) и Александру (за графомъ Ив. Ст. Лаваль).

Не блистая особыми дарованіями, Козицкій былъ трудолюбивый и разносторонній ученый и хорошій знатокъ языковъ. Главные литературные труды его состояли въ переводахъ съ древнихъ и новыхъ языковъ: онъ переводилъ Овидія и Моска, Свифта и Мармонтеля. Недалекій въ языкознаніи Сумароковъ перелагалъ на стихи прозаическіе переводы Козицкаго съ языковъ, невѣдомыхъ „Россійскому Расину“. Благодаря трудамъ Козицкаго, русская литература обогащалась переводами иностранныхъ сочиненій самаго разнообразнаго, то отвлеченнаго, то практическаго содержанія, начиная съ обличавшаго исламъ „Камня Соблазна“ Минятія и кончая „Нынѣшнимъ способомъ прививать оспу“ Димсдаля. Въ то же время Козицкій знакомилъ иностранцевъ съ успѣхами русской науки и культуры: онъ перевелъ на латинскій языкъ нѣкоторыя разсужденія Ломоносова и „Наказъ“ Екатерины, рекламируя передъ заграничной публикой ученость русскихъ профессоровъ и либеральныя начинанія просвѣщеннаго русскаго правительства. Не довольствуясь ролью переводчика, онъ выступалъ и самостоятельно, то съ изданіемъ „Древняго Лѣтописца“, то съ разсужденіями на академическія темы, напримѣръ, „О пользѣ миѳологіи“, а въ случаѣ надобности могъ сочинить и надпись для монумента, прославляющую подвиги войскъ Екатерины II.

(Съ портрета, принадлежащаго князю К. Э. Бѣлосельскому-Бѣлозерскому, въ С.-Петербургѣ.)

GRÉGOIRE VASSILIEWITCH KOZITZKY, 173.—1775, fit ses études à l'Académie ecclésiastique de Kieff, puis dans des universités étrangères. Nommé en 1756 lecteur de philosophie et de littérature à l'Académie des Sciences, il y devint plus tard académicien adjoint et „conseiller honoraire". Catherine II, ayant besoin d'un secrétaire personnel instruit, fixa son choix sur lui, et il fut en outre depuis 1768 secrétaire de la Commission des Requêtes à Sa Majesté.

La faveur de l'Impératrice et un mariage avec la fille du riche usinier Miasnikoff, qui apportait en dot deux usines et 19.000 têtes de paysans, semblaient assurer à Kozitzky un brillant avenir et une heureuse existence, quand, le 10 juillet 1773, il fut révoqué de ses fonctions de secrétaire. Ce fut pour lui un coup terrible: dans un accès de mélancolie, il se frappa le 21 décembre 1775 de trente-deux coups de couteau, et succomba le 26 décembre.

Il eut de son mariage avec Catherine Ivanowna Miasnikoff deux filles, Anne, mariée au prince Alexandre Mikhaïlowitch Bélosselsky, et Alexandrine, mariée au comte I. de Laval.

Sans rien d'extraordinaire comme talent, Kozitzky était un travailleur, un spécialiste en divers genres et un bon polyglotte; ses principales œuvres littéraires sont des traductions de langues mortes et vivantes. Il traduisit Ovide et Moschus, Swift et Marmontel; ses traductions furent adaptées en vers par Soumarokoff, car le Racine russe, lui, ne savait guère les langues. Les travaux de Kozitzky enrichirent la littérature russe de traductions des plus variées comme sujet, tant abstraites que pratiques, depuis la Pierre de la Tentation où Miniati démasque l'Islam jusqu'au Procédé actuel de vaccination de Deamsdale. D'autre part, il révéla aux étrangers les progrès de la science et de la civilisation russes, traduisant en latin des dissertations de Lomonossoff et le Nakaze de Catherine II, proclamant au delà des frontières l'érudition des professeurs russes et les tendances libérales et éclairées du gouvernement russe. Il ne fut pas seulement traducteur, mais publia également des œuvres originales, comme son édition de la Vieille Chronique et des dissertations sur des sujets donnés par l'Académie, par exemple De l'utilité de la Mythologie, et sut même à l'occasion rédiger l'inscription d'un monument élevé en souvenir des exploits des armées de Catherine II.

(D'après un original appartenant au prince C. Bélosselsky-Bélozersky, St-Pétersbourg.)

69

ПЕТРЪ СТЕПАНОВИЧЪ ПРОТАСОВЪ, 1730—1794, сынъ сенатора, тайнаго совѣтника Степана Ѳедоровича (р. 1703 г., † 1767 г.), отъ перваго его брака (кто была его первая жена, неизвѣстно), и братъ любимицы Екатерины II, камеръ-фрейлины графини Анны Степановны, родился 1 Іюля 1730 года.

Дослужившись до чина генералъ-поручика и званія сенатора, Протасовъ скончался 19 Іюля 1794 года. Отъ брака съ своей дальней родственницей Александрой Ивановной Протасовой (р. 1750 г., † 1782 г.), сестрой первой жены Карамзина, онъ имѣлъ пять дочерей: Александру (р. 1774 г., † 1842 г.; за княземъ А. А. Голицынымъ), Екатерину (р. 1775 г., † 1859 г.; за графомъ Ѳ. В. Ростопчинымъ), Варвару († дѣвицей въ 1852 г.), Вѣру († 1814 г.; за И. В. Васильчиковымъ — впослѣдствіи князь) и Анну (за графомъ В. В. Толстымъ).

Три младшія его дочери, Варвара, Вѣра и Анна (старшія были уже замужемъ), были возведены 17 Сентября 1801 года Александромъ I за заслуги тетки въ графское достоинство.

(Съ портрета Анжелики Кауфманъ; собственность князя С. И. Васильчикова, въ С.-Петербургѣ.)

69

PIERRE STÉPANOWITCH PROTASSOFF, 1730—1794, fils du sénateur et conseiller privé Stéphane Féodorowitch Protassoff (1703—1767) et de sa première femme (inconnue), et frère de la comtesse Anne Stépanowna Protassoff, demoiselle d'honneur favorite de Catherine II, naquit le 1er juillet 1730.

Il parvint au grade de général lieutenant et à la dignité de sénateur, et mourut le 19 juillet 1794. Il épousa une parente éloignée, Alexandrine Ivanowna Protassoff (1750—1782), sœur de la première femme de Karamzine, et eut d'elle cinq filles, Alexandrine (1774—1842), mariée au prince A. Golitzyne, Catherine (1775—1859), mariée au comte Th. Rostoptchine, Varvara († 1852), sans alliance, Véra († 1814), mariée à I. Vassiltchikoff, plus tard comte, et Anne, mariée au comte B. Tolstoï. Les trois plus jeunes, Varvara, Véra et Anne, les aînées étant déjà mariées, furent élevées par Alexandre Ier à la dignité de comtesses le 17 septembre 1801, en mémoire des services de leur tante.

(D'après un original d'Angélique Kaufmann appartenant au prince S. Vassiltchikoff, St-Pétersbourg.)

АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ПЛЕЩЕЕВЪ, 1778—186., сынъ Алексѣя Александровича отъ брака съ Анастасіей Ивановной Протасовой, свояченицей Н. М. Карамзина, родился 5 Іюня 1778 г. и получилъ образованіе въ пансіонѣ аббата Николя. Записанный въ дѣтствѣ сначала въ Преображенскій полкъ, а затѣмъ въ Конную гвардію, онъ поступилъ на службу въ 1797 г. въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ юнкеромъ и опредѣленъ въ канцелярію князя Безбородко. Въ 1798 г. Плещеевъ сопровождалъ Павла I въ его путешествіи по Россіи. Въ 1799 г. онъ женился на фрейлинѣ графинѣ Аннѣ Ивановнѣ Чернышевой (Вигель въ своихъ запискахъ разсказываетъ, при какихъ обстоятельствахъ произошелъ этотъ бракъ), вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ родовомъ имѣніи Черни, Болховского уѣзда, Орловской губ., гдѣ сталъ вести широкій образъ жизни. Человѣкъ очень общительный, живой и веселый, Плещеевъ славился своимъ хлѣбосольствомъ и мастерствомъ устраивать различныя увеселенія. У него былъ свой театръ изъ крѣпостныхъ актеровъ и оркестръ. О нѣкоторыхъ его празднествахъ память долго сохранялась въ устныхъ преданіяхъ. Плещеевъ былъ связанъ тѣсной дружбой съ Жуковскимъ. Поэтъ полюбилъ „рѣдко добраго и милаго малаго“, котораго называлъ за смуглый цвѣтъ лица „негромъ“. Они писали другъ другу посланія въ стихахъ, Жуковскій—по-русски, Плещеевъ—по-французски. Онъ прекрасно зналъ русскую литературу, самъ писалъ стихи и комедіи, занимался музыкой и написалъ романсы на слова Жуковскаго, Державина, Вяземскаго (только немногіе изъ нихъ были изданы). Его комическая опера „Принужденная женитьба“ была поставлена въ Петербургѣ въ 1819 году. Плещеевъ часто игралъ въ домашнихъ спектакляхъ и отличался замѣчательной мимикой и превосходной дикціей. По словамъ Вигеля, онъ обладалъ необыкновенной способностью подражать голосу, пріемамъ и походкѣ знакомыхъ людей и въ особенности мастерски умѣлъ передразнивать уѣздныхъ помѣщиковъ и ихъ женъ. „Парижанинъ въ рѣчахъ и манерахъ“, Плещеевъ такъ много перенялъ у французовъ, что его съ перваго взгляда трудно было признать за русскаго. Вообще онъ былъ человѣкъ талантливый, но неглубокій и легкомысленный. Жену свою онъ любилъ, что не мѣшало ему ухаживать за другими женщинами. Въ 1817 г. Плещеевъ овдовѣлъ и переѣхалъ въ Петербургъ. По предложенію Жуковскаго, онъ былъ выбранъ въ члены Арзамаса, гдѣ, соотвѣтственно своей наружности, получилъ прозвище Чернаго Врана. Въ 1819 г. Плещеевъ поступилъ на службу въ дирекцію Императорскихъ театровъ и нѣкоторое время завѣдывалъ русской оперой и французскимъ театромъ, но черезъ годъ, вслѣдствіе недоразумѣній съ директоромъ театровъ княземъ Тюфякинымъ, вышелъ въ отставку. Друзья его, Жуковскій и А. И. Тургеневъ, однако, не оставляли его своимъ покровительствомъ. Благодаря имъ, слухъ о его талантахъ дошелъ до двора, и Императрица Марія Ѳеодоровна пригласила его въ чтецы. Въ 1821 г. онъ былъ пожалованъ въ камергеры. Въ 1824 г., по ходатайству А. И. Тургенева, Плещеевъ былъ назначенъ чиновникомъ для особыхъ порученій при министрѣ Внутреннихъ дѣлъ. Въ 1828 г. онъ вышелъ въ отставку и вслѣдствіе этого лишился придворнаго званія, но въ 1832 г. снова поступилъ на службу по Министерству Финансовъ и въ 1845 г. произведенъ въ статскіе совѣтники. Неизвѣстно, когда онъ окончательно оставилъ службу.

Будучи уже немолодымъ, Плещеевъ женился вторично на полькѣ Розѣ Ринальдовнѣ. Во время своего вдовства и послѣ второго брака онъ продолжалъ устраивать роскошные праздники и предаваться разнымъ причудамъ въ своемъ имѣніи Знаменскомъ, близъ Черни. Скончался А. А. Плещеевъ въ глубокой старости; отъ перваго брака онъ имѣлъ 4 сыновей: Петра, Григорія, Алексѣя и Александра, и 2 дочерей: Марію, за Р. И. Дороховымъ, и Варвару, за Пауль; второй бракъ былъ бездѣтный.

(Съ портрета, принадлежащаго А. А. Плещееву, въ Москвѣ.)

ALEXANDRE ALEXÉEWITCH PLÉCHTCHÉEFF, 1778—186., fils d'Alexis Alexandrowitch Pléchtchéeff et d'Anastasie Ivanowna, née Protassoff, belle-sœur de Karamzine, naquit le 5 juin 1778, et fit ses études à la pension de l'abbé Nicolle. Enrôlé tout enfant d'abord au régiment Préobragensky, puis à la Garde à cheval, il prit en 1797 du service au Collège des Affaires étrangères et fut affecté à la chancellerie du prince Bezborodko. En 1798, il accompagna Paul Ier dans son voyage de Russie. Il épousa en 1799, dans les circonstances que rapportent les Mémoires de Wiegel, la comtesse Anne Ivanowna Tchernycheff, demoiselle d'honneur, donna sa démission et se fixa dans son domaine patrimonial de Tcherne, près Orel, où il s'installa sur un grand pied. Sociable, animé et enjoué, il était réputé pour ses réceptions, pour son art d'organiser toute espèce de distractions, et pour son théâtre avec une troupe recrutée parmi ses paysans et un orchestre; quelques-unes de ses fêtes restèrent longtemps vivantes dans les souvenirs. Il était lié d'une étroite amitié avec Joukowsky, qui aimait bien „cet excellent garçon, d'une gentillesse rare", qu'il avait surnommé „le nègre" pour son teint bronzé. Ils échangeaient des épîtres en vers, le poète en russe, Pléchtchéeff en français. Il connaissait parfaitement la littérature russe: auteur lui-même de poésies et de comédies, il faisait de la musique et composa sur les paroles de Joukowsky, Derjavine et Viazemsky des romances, dont quelques-unes seulement furent publiées. Son opéra comique Le mariage forcé fut mis à la scène à Pétersbourg en 1819. Comme acteur, il fit souvent admirer sur des scènes privées sa remarquable mimique et son excellente diction. Il possédait, dit Wiegel, la faculté extraordinaire d'imiter la voix, les manières et la démarche, et s'entendait surtout à merveille à contrefaire les gentilshommes campagnards et leurs femmes. „Parisien dans ses propos et ses manières", il avait si bien pris le genre français, qu'au premier abord, il était difficile de le croire russe. C'était un homme de talent, mais sans profondeur ni consistance. Il aimait sa femme, ce qui ne l'empêcha pas d'en courtiser d'autres. Veuf en 1817, il vint se fixer à Pétersbourg. Elu à l'Arzamas, sur la proposition de Joukowsky, son physique l'y fit surnommer le Corbeau Noir. En 1819, il prit du service à la direction des Théâtres Impériaux et dirigea quelque temps l'opéra russe et le théâtre français, mais donna sa démission au bout d'un an à la suite de malentendus avec le prince Tufiakine, le directeur des théâtres. Pourtant ses amis, Joukowsky et A. Tourguéneff, ne l'abandonnèrent pas: ils firent connaître à la Cour ses talents, et l'Impératrice Marie Féodorowna le prit comme lecteur. En 1821, il fut fait chambellan, puis, en 1824, A. Tourguéneff le fit nommer fonctionnaire des commissions spéciales près du ministre de l'intérieur. Il donna sa démission en 1828, et perdit par suite son emploi à la Cour; rentré ensuite au service en 1832, au ministère des finances, il passa conseiller d'état en 1845. L'époque de sa retraite définitive est inconnue.

Pléchtchéeff était déjà d'un certain âge lorsqu'il épousa en secondes noces la polonaise Rose Rinaldowna. Durant son veuvage et après son second mariage, il continua à donner des fêtes somptueuses et à se livrer à toute espèce de fantaisies dans sa propriété de Znamenskoïé, près de Tcherne. Il mourut dans une vieillesse avancée; il avait eu de son premier mariage quatre fils, Pierre, Grégoire, Alexis et Alexandre, et deux filles, Marie, mariée à R. Dorokhoff, et Varvara, à Paul. Il n'eut pas d'enfants de son second mariage.

(D'après un original appartenant à A. Pléchtchéeff, Moscou.)

71

ВАСИЛІЙ САВВИЧЪ ПЕРЕКУСИХИНЪ, 1724—1788, сынъ Саввы Ивановича, братъ любимой и довѣренной камеръ-юнгферы Екатерины II, извѣстной Марьи Саввишны, происходилъ изъ стариннаго, но небогатаго дворянскаго рода и родился 20 Февраля 1724 года. Учился въ Сухопутномъ Шляхетномъ корпусѣ и затѣмъ, съ 1746 г., состоялъ въ немъ же комиссаромъ. Въ 1751 г. онъ былъ выпущенъ въ артиллерію капитаномъ, съ опредѣленіемъ къ работамъ по постройкѣ Новодѣвичьяго монастыря. Произведенный въ 1761 г. въ премьеръ-майоры, Перекусихинъ вскорѣ перешелъ въ гражданскую службу, въ Канцелярію Опекунства объ иностранныхъ единовѣрцахъ. Дальнѣйшей его карьерѣ много способствовало покровительство сестры. Въ 1765 г. онъ былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ 4 Департамента Сената и занималъ эту должность до 1777 г., когда вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія вышелъ въ отставку, съ чиномъ тайнаго совѣтника и съ сохраненіемъ содержанія. За время своей службы въ Сенатѣ, Перекусихинъ получилъ нѣсколько наградъ, улучшившихъ его имущественное положеніе, между прочимъ домъ въ Петербургѣ и имѣнія въ Воронежской и Нижегородской губерніяхъ. Въ 1783 г. онъ былъ назначенъ сенаторомъ, но болѣзнь заставила его черезъ 5 лѣтъ снова выйти въ отставку; ему были сохранены пенсія и содержаніе (всего 4250 руб.). Екатерина II принимала большое участіе въ братѣ своей любимицы и знала всѣ подробности о его болѣзни. Подъ 23 Ноября 1788 г. Храповицкій занесъ въ свой дневникъ: „Разговоръ о болѣзни короля Англійскаго. Сказалъ я: у него болѣзнь короля Прусскаго.—Нѣтъ, болѣзнь Василія Саввича Перекусихина и покойнаго князя А. М. Голицына: тутъ смѣшанныя подагра, водяная и гемороиды: les médecins disent que cela est incurable“.

Въ ночь на 2 Декабря 1788 г. Перекусихинъ скончался. Сестра была въ большой горести, и Императрица ее утѣшала. „Говорили“, пишетъ Храповицкій, „о горести Маріи Саввичны, лишившейся брата вчера въ ночь. Она все крѣпилась и теперь въ отчаяніи. Приказано нужное для похоронъ взять отъ камерцалмейстера. Ходили къ ней. Плакали“. Перекусихинъ былъ пышно погребенъ на казенный счетъ въ Александро-Невской лаврѣ. Онъ оставилъ одну только дочь Екатерину (р. 1772 г., † 1842 г.), бывшую въ замужствѣ за оберъ-гофмейстеромъ Ардаліономъ Александровичемъ Торсуковымъ (р. 1754 г., † 1810 г.).

(Съ портрета, принадлежащаго И. А. Всеволожскому, въ С.-Петербургѣ.)

71

BASILE SAVVITCH PÉRÉKOUSSIKHINE, 1724—1788, fils de Savva Ivanowitch Pérékoussikhine et frère de Marie Pérékoussikhine, la fameuse femme de chambre préférée et confidente de Catherine II, était d'une vieille famille noble sans fortune, et naquit le 20 février 1724. Il fit ses études au Corps des Cadets, où il fut nommé commissaire en 1746. Capitaine d'artillerie en 1751, il fut détaché à la construction du monastère Novodévitchi, puis, premier major en 1761, passa peu après au service civil, à la chancellerie de la Tutelle des orthodoxes étrangers. Sa sœur fit beaucoup pour la suite de sa carrière. Nommé en 1765 procureur général du 4e département du Sénat, il quitta ce poste en 1777 pour raisons de santé avec rang de conseiller privé et en conservant son traitement. Ses fonctions au Sénat lui valurent un certain nombre de récompenses qui améliorèrent sa situation matérielle, entre autres une maison à Pétersbourg et des propriétés dans les gouvernements de Voronèje et de Nijni-Novgorod. Sénateur en 1783, il dut, cinq ans plus tard, prendre de nouveau sa retraite pour raisons de santé; il conservait sa pension et son traitement, en tout 4250 roubles. Catherine II s'intéressait vivement au frère de sa favorite, et se fit tenir en détail au courant de sa maladie. „Parlé de la maladie du Roi d'Angleterre", note Khrapovitzky dans son Journal à la date du 23 novembre 1788, „la même, dis-je, que le Roi de Prusse. — Non, c'est celle de Pérékoussikhine et de feu le prince A. Golitzyne, un mélange de goutte, d'hydropisie et d'hémorrhoïdes: les médecins disent que cela est incurable".

La nuit du 1er au 2 décembre 1788, Pérékoussikhine mourait. Sa sœur eut un grand chagrin, et Catherine la consola: „Parlé", dit encore Khrapovitzky, „du chagrin de Marie Savvichna, qui a perdu son frère cette nuit. Elle a bien résisté, mais maintenant elle est au désespoir. Ordre de faire les obsèques aux frais de la Cour. Eté la voir. Pleuré". Il eut de somptueuses funérailles aux frais de l'Etat au monastère d'Alexandre Newsky. Il ne laissait qu'une fille, Catherine (1772—1842), mariée au grand maître de la Cour Ardaillon Alexandrowitch Torsoukoff (1754—1810).

(D'après un original appartenant à I. Vsévolojsky, St-Pétersbourg.)

68

Григорій Васильевичъ
Козицкій,
173 . — 1775

Grégoire Vassiliewitch
Kozitzky,
173 . — 1775

69

Пис. А. Кауфманъ

Peint par A. Kaufmann

Петръ Степановичъ
Протасовъ,
1730 — 1794

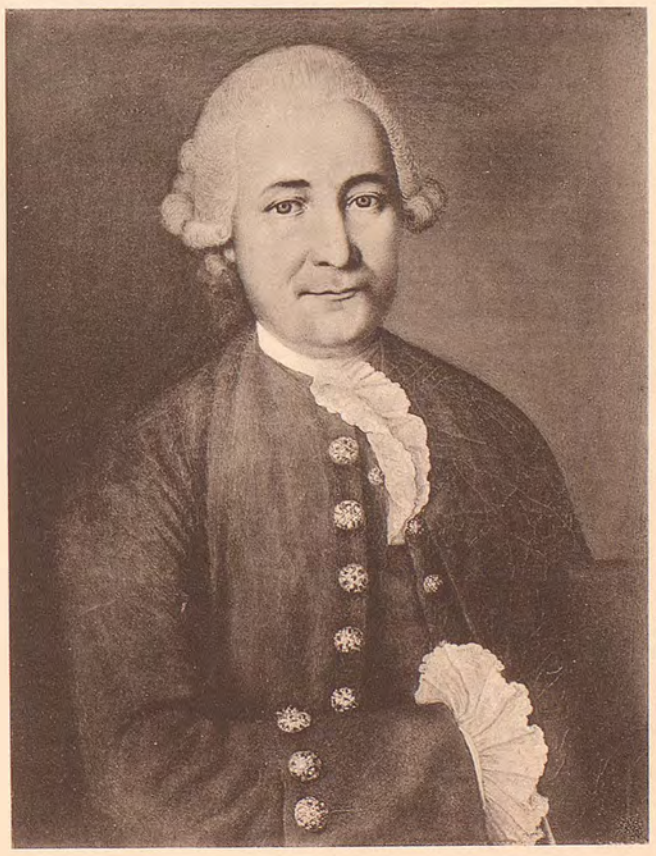
Pierre Stépanowitch
Protassoff,
1730 — 1794

70

Александръ Алексѣевичъ
Плещеевъ,
1778 — 186.

Alexandre Alexéewitch
Plechtchéeff,
1778 — 186.

71



Василій Саввичъ
Перекусихинъ,
1724 — 1788

Basile Savvitch
Pérékoussikhine,
1724 — 1788

РУССКИЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галлереи
№ 3964

БОГДАНЪ (Готгардтъ-Іоаннъ) **ѲЕДОРОВИЧЪ КНОРРИНГЪ**, 1746—1825, потомокъ древняго швабскаго рода, поселившагося въ Прибалтійскомъ краѣ въ XVI вѣкѣ, сынъ Адама-Фридриха († 1761 г.) отъ брака съ дочерью перваго графа Цёге-фонъ-Мантейфель, Доротеей-Елизаветой, родился 10 Ноября 1746 г. и въ 1758 г. поступилъ въ Сухопутный кадетскій корпусъ, изъ котораго выпущенъ въ 1764 г. поручикомъ въ Нижегородскій пѣхотный корпусъ. Произведенный за отличіе въ капитаны въ 1768 г., онъ принялъ участіе въ первой Турецкой войнѣ, отличился при Хотинѣ, Ларгѣ, Кагулѣ и Журжевѣ и получилъ чины премьеръ-майора и подполковника и орденъ св. Георгія 4-й ст.; во время Фокшанскаго конгресса Гр. Гр. Орловъ отправилъ его къ своему брату графу Алексѣю Григорьевичу, стоявшему съ флотомъ у острововъ Антипаросъ и Наксосъ „для словеснаго наставленія и диспозицій“, при чемъ поручилъ ему снять по пути отъ Рущука до Константинополя планы мѣстностей, сдѣлать чертежи укрѣпленныхъ мѣстъ и опредѣлить время, какое необходимо, чтобы пройти отъ Дуная до столицы Турціи, что и было имъ исполнено. Послѣ Турецкой войны Кнорринг съ двумя братьями, участниками этой войны, получилъ въ аренду мызу въ Лифляндіи. Въ 1778 г. онъ былъ произведенъ въ полковники въ Псковскій карабинерный полкъ, въ 1784 г.—въ бригадиры и въ 1786 г.—въ генералъ-майоры. Въ 1788 г. Кнорринг, состоя въ должности генералъ-квартирмейстера, успѣшно дѣйствовалъ противъ шведовъ въ Финляндіи, за что получилъ орденъ св. Владиміра 2-й ст.; въ 1792 г. онъ принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ поляковъ, въ 1793 г. получилъ въ командованіе корпусъ въ Литвѣ, а также порученіе утвердить русско-польскую границу и очистить вновь присоединенныя области отъ польскихъ войскъ. За исполненіе этого порученія ему были пожалованы орденъ св. Анны 1-й ст. и вышеупомянутая Лифляндская мыза (совмѣстно съ братьями) безъ платежа аренды. Въ 1794 г. Кнорринг послѣ упорнаго боя взялъ Вильну и былъ награжденъ чиномъ генералъ-поручика и орденомъ св. Георгія 2-й ст.; въ слѣдующемъ году онъ взялъ отпускъ на годъ для устройства домашнихъ дѣлъ, но по прошествіи года, 12 Апрѣля 1796 г., совсѣмъ вышелъ въ отставку. Только черезъ 10 лѣтъ, въ Сентябрѣ 1806 г., Кнорринг вновь поступилъ на службу, съ чиномъ генерала-отъ-инфантеріи; 18 Ноября того же года ему была пожалована Александровская лента. Онъ отправился на театръ военныхъ дѣйствій въ Пруссію, но вскорѣ былъ отозванъ вслѣдствіе несогласій, возникшихъ у него съ Беннигсеномъ; 8 Ноября 1808 г. Кнорринг былъ назначенъ главнокомандующимъ Финляндской арміей. Александръ I предписалъ ему перейти по льду Ботническій заливъ и занять Стокгольмъ. Планъ этотъ казался Кноррингу слишкомъ рискованнымъ, и онъ старался оттянуть его исполненіе въ надеждѣ, что наступленіе весны сдѣлаетъ его невозможнымъ. Государь, недовольный этимъ, послалъ въ Финляндію Аракчеева, который настоялъ на исполненіи Высочайшей воли. Въ Мартѣ 1809 г. русскія войска, подъ личнымъ предводительствомъ Кнорринга, сдѣлали 150-верстный переходъ черезъ Ботническій заливъ, по пути заняли Аландскіе острова и близко подошли къ Стокгольму, гдѣ въ это время произошла революція, лишившая Густава IV престола; но Кнорринг не докончилъ успѣшно начатаго дѣла: опасаясь быть отрѣзаннымъ, онъ черезъ нѣсколько дней согласился на предложенную герцогомъ Зюдерманландскимъ пріостановку военныхъ дѣйствій, возвратился съ арміей въ Финляндію и только на Аландскихъ островахъ оставилъ небольшой отрядъ. Александръ I былъ очень недоволенъ медленностью и нерѣшительностью Кнорринга, которому послѣ этого ничего не оставалось, какъ просить въ Апрѣлѣ объ увольненіи отъ должности. Назначенный состоять по арміи, онъ поселился въ Дерптѣ, гдѣ и прожилъ до конца жизни. Въ 1812 г. Кнорринг просилъ разрѣшенія „принести службу свою на пользу отечества“ и получилъ повелѣніе явиться въ Петербургъ, но разстроенное здоровье и преклонный возрастъ не позволили ему принять участіе въ войнѣ. Вскорѣ онъ былъ потрясенъ извѣстіемъ о смерти единственнаго сына своего, Карла (р. 1774 г.), убитаго въ 1813 г. подъ Кульмомъ, а въ 1818 г. лишился онъ и жены Вильгельмины-Христины, рожденной Липгардтъ (р. 1754 г.). Скончался Кнорринг 17 Декабря 1825 года.

(Съ портрета, принадлежащаго барону А. Г. Кноррингу, въ С.-Петербургѣ.)

BOGDAN (Gothard-Jean) FÉODOROWITCH KNORRING, 1746—1825, descendant d'une vieille famille de Souabe émigrée dans les provinces Baltiques au XVIe siècle, fils d'Adam-Frédéric Knorring († 1761) et de la fille, Dorothée-Elisabeth, du premier comte Zöge von Manteuffel, naquit le 10 novembre 1746, et entra en 1758 au Corps des Cadets, d'où il sortit en 1764 lieutenant au corps d'infanterie de Nijni-Novgorod. Promu capitaine au choix en 1768, il fit la première guerre de Turquie, où Khotine, Larga, Kagoul et Giurgevo lui valurent les grades de premier major et de lieutenant-colonel et St-Georges de 4e classe. Lors du congrès de Foksani, le comte Grégoire Orloff l'envoya à son frère le comte Alexis, en station avec sa flotte aux îles d'Antiparos et de Naxos, pour recevoir „de vive voix des instructions et dispositions", et le chargea en même temps de faire des levés sur le trajet de Rouchtchouk à Constantinople, de prendre des croquis de fortifications et de déterminer le temps nécessaire pour parcourir ce trajet: le tout fut dûment exécuté. La guerre finie, il reçut avec ses deux frères, qui l'avaient faite aussi, une ferme à bail en Livonie. Colonel en 1778 au régiment des carabiniers de Pskoff, il passa en 1784 brigadier et en 1786 général major. Quartier-maître général, ses heureuses opérations en Finlande contre les Suédois lui valurent en 1788 St-Vladimir de 2e classe. Il fit en 1792 la campagne de Pologne et reçut l'année suivante le commandement d'un corps en Lithuanie, ainsi que la mission d'établir la frontière russo-polonaise et de purger de troupes polonaises les régions récemment annexées: il fut en récompense décoré de Ste-Anne de 1re classe et libéré ainsi que ses frères de toute redevance pour sa ferme. En 1794, la prise de Vilna après un combat acharné lui valut le grade de général lieutenant et St-Georges de 2e classe. L'année suivante, il se fit donner pour affaires de famille un congé d'un an, à l'expiration duquel il prit sa retraite, le 12 avril 1796. Ce ne fut qu'au bout de dix ans, en septembre 1806, qu'il reprit du service, comme général d'infanterie; il fut décoré le 18 novembre suivant de St-Alexandre. Parti pour la campagne de Prusse, il fut bientôt rappelé en raison de dissentiments avec Bennigsen. Nommé le 8 novembre 1808 commandant en chef de l'armée de Finlande, il reçut d'Alexandre Ier l'ordre de passer sur la glace le golfe de Bothnie pour occuper Stockholm; mais l'opération lui parut risquée, et il voulut en faire traîner l'exécution jusqu'à ce que l'approche du printemps la rendît impossible. L'Empereur, mécontent, chargea Araktchéeff d'aller sur les lieux presser le mouvement. En mars 1809, les troupes russes firent sur le golfe, sous la direction personnelle de Knorring, une marche de 150 verstes, occupèrent en passant les îles d'Aland, et arrivèrent en vue de Stockholm, où s'accomplissait alors la révolution qui renversa Gustave IV. Mais Knorring ne sut pas mener à bien l'entreprise: craignant d'être coupé, il consentit au bout de quelques jours, sur la proposition du Duc de Sudermanie, à suspendre les hostilités, et ramena son armée en Finlande ne laissant qu'un faible détachement aux îles d'Aland. Sa lenteur et son indécision avaient à tel point irrité l'Empereur, qu'il ne lui resta plus qu'à donner sa démission en avril. Affecté à l'armée, il se fixa à Dorpat pour n'en plus sortir. En 1812, il demanda à „mettre son épée au service de la patrie" et reçut en conséquence l'ordre de se rendre à Pétersbourg, mais son âge et le mauvais état de sa santé ne lui permirent pas de faire campagne. Il fut cruellement éprouvé par la perte de son fils unique Charles (né 1774), tué à Kulm en 1813, puis, en 1818, par celle de sa femme Wilhelmine-Christine, née Liphardt (née 1754). Il mourut le 17 décembre 1825.

(D'après un original appartenant au baron A. Knorring, St-Pétersbourg.)

КАРЛЪ ѲЕДОРОВИЧЪ КНОРРИНГЪ, 1744—18 . ., потомокъ древняго швабскаго рода, поселившагося въ Прибалтійскомъ краѣ въ XVI вѣкѣ, сынъ Адама-Фридриха († 1761 г.) отъ брака съ дочерью перваго графа Цёге-фонъ-Мантейфель, Доротеей-Елизаветой, братъ Богдана Ѳедоровича, родился, вѣроятно, въ 1744 году (въ 1802 г. ему было по формуляру 58 лѣтъ) и въ 1758 г., вмѣстѣ съ братомъ Богданомъ, поступилъ въ Сухопутный кадетскій корпусъ, изъ котораго выпущенъ въ 1764 г. корнетомъ въ Астраханскій карабинерный полкъ. Принявъ участіе въ первой Турецкой войнѣ, онъ дошелъ до чина секундъ-майора (1771 г.), затѣмъ служилъ въ Казанскомъ кирасирскомъ и Павлоградскомъ пѣхотномъ полкахъ и Бугскомъ егерскомъ корпусѣ, участвовалъ во второй Турецкой войнѣ и за отличіе при Очаковѣ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 степени. Въ 1789 г. Кнорринъ произведенъ въ полковники и переведенъ въ Ингерманландскій мушкатерскій полкъ, а черезъ 2 года въ Таврическій гренадерскій; 1794 г. произведенъ въ бригадиры, въ 1796 г. назначенъ шефомъ Ревельскаго мушкатерскаго полка, въ 1797 г. произведенъ въ генералъ-майоры, въ 1798 г.—въ генералъ-лейтенанты и въ 1799 г. назначенъ шефомъ Казанскаго мушкатерскаго полка и инспекторомъ Кавказской дивизіи. По воцареніи Александра I Кнорринту пришлось принять дѣятельное участіе въ присоединеніи Грузіи къ Россіи. Хотя Грузія присоединилась къ Россіи еще при Павлѣ I, его преемникъ рѣшилъ еще разсмотрѣть вопросъ о присоединеніи, которому не сочувствовалъ; Государственный Совѣтъ, наоборотъ, былъ за присоединеніе. При такихъ обстоятельствахъ Кнорринъ посланъ былъ въ Грузію, чтобы на мѣстѣ опредѣлить положеніе страны и ея потребности и безпристрастно изслѣдовать, можетъ ли она оставаться независимымъ государствомъ. Пробывъ въ Грузіи 3 недѣли, онъ представилъ докладъ, въ которомъ высказался за присоединеніе Грузіи. Такимъ образомъ Кнорринъ рѣшилъ судьбу Грузіи; ему же на долю выпало вводить русскія учрежденія во вновь присоединенной странѣ, и онъ же былъ первымъ русскимъ главнокомандующимъ Грузіи; 9 Апрѣля 1802 г. Кнорринъ торжественно въѣхалъ въ Тифлисъ и черезъ мѣсяцъ открылъ русскія присутственныя мѣста. Однако, ему не долго пришлось занимать свой высокій постъ. Онъ не только не уничтожилъ тѣхъ безпорядковъ и смутъ, прекращеніе которыхъ выставлялось главнымъ основаніемъ для присоединенія Грузіи къ Россіи, но допустилъ развиться тамъ чрезвычайному казнокрадству и взяточничеству. 11 Сентября 1802 г. Кнорringу повелѣно было состоять по арміи. Привезенный имъ въ Петербургъ проектъ реформъ не удостоился одобренія, поэтому 4 Февраля 1803 г. Кнорринъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, въ которомъ заявлялъ о своей невиновности: „Пораженъ симъ ударомъ, искалъ я въ себѣ причину, возбудившую Монаршую недовѣренность, но изъ глубины сердца и души передъ священнымъ престоломъ Вашимъ приношу истинное признаніе, что никакихъ причинъ къ тому не нахожу. Дерзаю помыслить, что, можетъ-быть, клевета, которая, никого не щадя, возраждаетъ всегда ненависть къ тѣмъ, кои въ вышнихъ степеняхъ и въ важныхъ должностяхъ служатъ, и ежели то такъ, то, будучи жертвою ея, лишился я всѣхъ плодовъ долговременной службы". 9 Февраля послѣдовало увольненіе Кнорринга отъ службы. Дальнѣйшая его судьба и время смерти намъ неизвѣстны. Онъ былъ женатъ (жену его звали Варвара Владиміровна, фамилія ея неизвѣстна), но дѣтей не имѣлъ.

(Съ портрета, находящагося во дворцѣ намѣстника, въ Тифлисѣ.)

CHARLES FÉODOROWITCH KNORRING, 1744—18.., descendant d'une vieille famille de Souabe émigrée dans les provinces Baltiques au XVIe siècle, fils d'Adam-Frédéric Knorring († 1761) et de la fille, Dorothée-Elisabeth, du premier comte Zöge von Manteuffel, et frère de Bogdan Knorring, dut naître en 1744, ses états de service lui donnant 58 ans en 1802. Entré avec son frère au Corps des Cadets en 1758, il en sortit en 1764 cornette au régiment des carabiniers d'Astrakhan. Il fit la première guerre de Turquie et parvint en 1771 au grade de second major, passa ensuite successivement aux cuirassiers de Kazan, au régiment d'infanterie Pavlogradsky et au corps des chasseurs du Bug, et fit la seconde guerre de Turquie, où Otchakoff lui valut St-Georges de 4e classe. Colonel en 1789, il passa aux mousquetaires d'Ingermanie et deux ans après aux grenadiers de Tauride, fut promu en 1797 général major et en 1798 général lieutenant, puis nommé en 1799 chef du régiment des mousquetaires de Kazan et inspecteur de la division du Caucase. Sous le règne d'Alexandre Ier, il devait prendre une part active à la réunion de la Géorgie à la Russie. L'annexion était bien chose faite depuis Paul Ier, mais son successeur, qui, contrairement à l'avis du Conseil de l'Empire, n'en était guère partisan, tint à la remettre en question: c'est alors que Knorring fut envoyé sur les lieux avec la mission d'étudier l'état et les besoins du pays, et d'établir impartialement s'il pouvait rester indépendant. Après trois semaines de séjour, il déposa un rapport concluant à l'annexion: il se trouvait ainsi décider le sort de la Géorgie. C'est encore lui qui dut y installer l'administration russe et qui en fut le premier commandant en chef russe. Le 9 avril 1802, il fit son entrée solennelle à Tiflis, et, un mois après, inaugura les services de l'Etat. Mais il ne conserva pas longtemps son poste éminent. Non seulement il ne sut pas mettre fin aux désordres et aux troubles dont la suppression lui avait servi de motif pour proposer l'annexion, mais encore il laissa prendre des proportions considérables à la prévarication et à la concussion. Rappelé le 11 septembre 1802 pour être affecté à l'armée, il rapporta à Pétersbourg un projet de réformes qui ne fut pas adopté, et donna sa démission le 4 février 1803, en protestant de son innocence: „Frappé par ce coup, j'ai cherché en moi-même les raisons qui ont pu m'ôter la confiance de Votre Majesté, mais en mon âme et conscience, je déclare en toute sincérité aux pieds de Son Trône n'en trouver absolument aucune. Qu'il me soit permis de voir là l'œuvre de la calomnie, qui n'épargne personne et se plaît à rendre odieux quiconque occupe une situation élevée ou un poste éminent: s'il en est ainsi et que je sois sa victime, me voilà frustré de tous les fruits de ma longue carrière". Sa démission fut acceptée le 9 février. On ne sait ni ce qu'il devint ni quand il mourut. Marié à Varvara Vladimirowna, de famille inconnue, il n'eut pas d'enfants.

(D'après un original conservé au Palais du Gouvernement, à Tiflis.)

Князь ФАБІАНЪ ВИЛЬГЕЛЬМОВИЧЪ ОСТЕНЪ-САКЕНЪ, 1752—1837, происходилъ изъ старинаго германскаго рода, переселившагося въ Прибалтійскій край, и былъ сынъ капитана барона Вильгельма-Фердинанда († 1754 г.) отъ брака съ дочерью шведскаго майора Удома. Онъ родился 20 Октября 1752 г. въ Ревелѣ и, рано лишившись отца, провелъ дѣтство въ бѣдности. Образованіе Сакенъ получилъ скудное, но потомъ самъ старался о пополненіи своихъ знаній. Въ военную службу онъ поступилъ въ 1766 г. подпрапорщикомъ въ Копорскій мушкатерскій полкъ, въ 1769 г. принялъ участіе въ Турецкой войнѣ и за отличіе произведенъ въ прапорщики. Въ 1771 и 1772 гг. сражался, подъ начальствомъ Суворова, съ польскими конфедератами и нѣкоторое время состоялъ ординарцемъ при русскомъ послѣ графѣ Штакельбергѣ; съ 1785 г. служилъ въ Кадетскомъ корпусѣ, въ 1789 и 1790 гг. участвовалъ въ Турецкой войнѣ и въ 1794 г.—въ Польской, гдѣ заслужилъ золотое оружіе и чинъ полковника. Въ 1797 г. онъ произведенъ въ генералъ-майоры, а въ 1799 г. получилъ чинъ генералъ-лейтенанта. Принявъ участіе въ Швейцарскомъ походѣ, Сакенъ былъ при Цюрихѣ раненъ и взятъ въ плѣнъ, за что Павелъ I уволилъ его отъ службы. По возвращеніи въ 1801 г. изъ плѣна онъ состоялъ шефомъ Петербургскаго гренадерскаго полка, въ 1805 г. командовалъ корпусомъ, въ 1806 и 1807 гг. участвовалъ въ войнѣ съ Наполеономъ и, обвиненный Беннигсеномъ въ томъ, что при Гутштадтѣ умышленно опоздалъ и тѣмъ далъ Нею возможность уйти, былъ отданъ подъ судъ. Оправданный, въ 1812 г. Сакенъ получилъ въ командованіе корпусъ, съ которымъ дѣйствовалъ противъ отряда Шварценберга. Въ 1813 г. онъ былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго. Войдя со своимъ корпусомъ въ составъ арміи Блюхера, Сакенъ отличился при Кацбахѣ, за что получилъ чинъ генерала-отъ-инфантеріи, и при Лейпцигѣ, доставившемъ ему Георгія 2 степени. Главный виновникъ успѣха подъ Бріенномъ, онъ былъ награжденъ орденомъ св. Андрея, при чемъ Государь возложилъ на него свои орденскіе знаки. По окончаніи войны, Сакенъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Парижа и пріобрѣлъ здѣсь любовь населенія. Когда въ Іюнѣ 1814 г. онъ сложилъ съ себя это званіе, благодарные парижане поднесли ему карабинъ, пару пистолетовъ и золотую шпагу съ брильянтами (переданы имъ въ Московскую Оружейную Палату); національная гвардія тоже поднесла золотую шпагу, а Людовикъ XVIII пожаловалъ украшенную брильянтами табакерку со своимъ портретомъ. Въ 1818 г. Сакенъ былъ назначенъ главнокомандующимъ 1-й арміей, главная квартира которой находилась сначала въ Могилевѣ, а потомъ въ Кіевѣ. Занимая этотъ постъ, Сакенъ получилъ званія члена Государственнаго Совѣта (1818 г.) и шефа Углицкаго пѣхотнаго полка (1826 г.), чинъ фельдмаршала (1826 г.), титулы графа (1821 г.) и князя (1832 г.), орденъ св. Владиміра 1-й ст. (1830 г.) и портретъ Государя (1831 г.). Въ 1835 г. штабъ 1-й арміи былъ упраздненъ. Послѣдній годъ пребыванія Сакена въ должности главнокомандующаго былъ омраченъ распрей съ Кіевскимъ военнымъ губернаторомъ графомъ В. В. Левашовымъ, распространявшимъ слухи, будто Николай I желаетъ, чтобы Сакенъ оставилъ свое мѣсто, такъ какъ онъ стѣсняетъ Государя въ его распоряженіяхъ. Николай Павловичъ, узнавъ объ этомъ, немедленно уволилъ Левашова. Упразднивъ 1-ю армію, Государь пригласилъ Сакена въ Петербургъ, чтобы „пользоваться его личными совѣтами и опытностью“, предложилъ помѣщеніе во дворцѣ и сохранилъ ему все содержаніе (84/т. рублей), но Сакенъ предпочелъ остаться въ Кіевѣ, гдѣ и скончался 7 Апрѣля 1837 г.; погребенъ онъ въ Кіево-Печерской лаврѣ.

Князь Ф. В. Сакенъ соединялъ съ знаніемъ военнаго дѣла, опытностью и умомъ чрезвычайную храбрость и предпріимчивость. Вообще обходительный съ подчиненными, онъ былъ строгъ и взыскателенъ по службѣ. Даже въ преклонномъ возрастѣ онъ, по отзыву Н. Н. Муравьева, „при всей дряхлости своей, въ дарованіяхъ и правилахъ своихъ далеко превосходилъ всѣхъ первѣйшихъ людей въ государствѣ“. Въ частной жизни Сакенъ отличался веселымъ нравомъ, любезностью и остроуміемъ. Долгое время онъ оставался бодрымъ и веселымъ старикомъ, большимъ любителемъ прекраснаго пола; въ 1814 г. онъ былъ у ногъ прекрасныхъ парижанокъ, и Беранже въ одномъ изъ своихъ произведеній говоритъ о немъ: „Et ce bon Monsieur Sakin au cœur si tendre“. Сакенъ не былъ женатъ, но имѣлъ нѣсколькихъ дѣтей, о которыхъ очень заботился. Одинъ изъ сыновей его, Гостомиловъ, дослужился до чина генералъ-майора, а младшая дочь, Екатерина Фабіановна Сакенъ († около 1872 г.), была замужемъ за Генрихомъ Андреевичемъ Бо (Baud), однимъ изъ его адъютантовъ.

(Съ портрета, принадлежащаго Великому Князю Николаю Михаиловичу.)

Le prince **FABIEN WILHELMOWITCH OSTEN-SACKEN**, 1752—1837, d'une vieille famille allemande émigrée dans les provinces Baltiques, était fils du baron Wilhelm-Ferdinand Osten-Sacken († 1754), capitaine, et de la fille du major suédois Udom. Né le 20 octobre 1752 à Rével, il perdit son père de bonne heure, passa son enfance dans la pauvreté, et ne reçut qu'une instruction médiocre, dont il s'efforça plus tard de combler seul les lacunes. Enrôlé en 1766 porte-enseigne au régiment des mousquetaires de Koporié, il fit en 1769 la guerre de Turquie, qui lui valut la 1re classe du grade. En 1771/1772, il fit campagne sous les ordres de Souvoroff contre les confédérés polonais, et fut quelque temps attaché à l'ambassadeur de Russie, le comte Stackelberg. Il fut ensuite affecté au Corps des Cadets en 1785, puis fit en 1789/1790 la guerre de Turquie, et en 1794 celle de Pologne, qui lui valut une épée d'or et le grade de colonel. Général major en 1797, général lieutenant en 1799, il fut blessé et fait prisonnier à Zurich, ce qui le fit mettre en disponibilité par Paul Ier. A sa libération, en 1801, il devint chef du régiment des grenadiers de St-Pétersbourg, commanda un corps en 1805, fit en 1806/1807 la guerre contre Napoléon, et, accusé par Bennigsen d'avoir à Gutstadt, par des lenteurs volontaires, donné à Ney le temps d'échapper, fut traduit devant un conseil de guerre, qui l'acquitta. En 1812, il reçut le commandement d'un corps, avec lequel il opéra contre Schwartzenberg, et obtint l'année suivante l'ordre de St-Alexandre Newsky. A l'armée de Blücher, à laquelle son corps fut affecté, il gagna à Katzbach le grade de général d'infanterie et à Leipzig St-Georges de 2e classe. Principal auteur du succès de Brienne, il fut décoré de St-André, dont l'Empereur détacha les insignes de sa propre poitrine pour l'en revêtir. La guerre finie, il fut nommé gouverneur de Paris, et sut y gagner l'affection des habitants, qui lui offrirent en signe de reconnaissance à son départ, en juin 1814, une carabine, une paire de pistolets et une épée d'or enrichie de brillants, dont il fit don à l'Oroujéinaïa Palata de Moscou; la garde nationale lui offrit également une épée d'or, et Louis XVIII lui remit une tabatière enrichie de diamants avec son portrait. Nommé en 1818 commandant en chef de la 1re armée, dont le quartier général fut d'abord à Mohileff, puis à Kieff, il obtint à ce poste les dignités de membre du Conseil de l'Empire (1818) et de chef du régiment d'infanterie d'Ouglitch (1826), le rang de feld-maréchal (1826), les titres de comte (1821) et de prince (1832), l'ordre de St-Vladimir de 1re classe (1830) et le portrait de l'Empereur (1831). En 1835, l'état-major de la 1re armée fut supprimé. La dernière année qu'il y passa fut assombrie par ses démêlés avec le comte Lévachoff, gouverneur militaire de la ville, qui mit en circulation un bruit attribuant à Nicolas Ier, soi-disant contrarié par Osten-Sacken dans ses dispositions, le désir de le voir se retirer. C'est alors que l'Empereur révoqua le gouverneur, licencia la 1re armée et proposa à Osten-Sacken de venir à Pétersbourg „lui donner l'assistance de ses conseils personnels et de son expérience", avec un appartement au Palais et son traitement intégral (84.000 roubles); mais il préféra rester à Kieff, où il mourut le 7 avril 1837 et fut inhumé au monastère Pétchersk.

Officier de grand savoir, d'une expérience consommée et de beaucoup de tête, le prince Osten-Sacken était en outre des plus braves et des plus entreprenants. Son affabilité avec ses subordonnés ne l'empêchait pas d'être sévère et exigeant dans le service. Même à un âge avancé, dit N. Mouravieff, „tout délabré qu'il était, il restait intellectuellement et moralement bien supérieur aux hommes les plus haut placés de l'Empire". Comme particulier, il était rempli de bonne humeur, d'amabilité et d'esprit. Il conserva longtemps une verte et joviale vieillesse, fort entreprenante près du beau sexe; en 1814, il était aux pieds des belles parisiennes, et Béranger dit dans une de ses chansons: „Et ce bon Monsieur Sakin au cœur si tendre". Sans être marié, il avait plusieurs enfants, dont il prenait grand soin. Un de ses fils, Gostomiloff, parvint au grade de général major, et sa fille cadette, Catherine Fabianowna Sacken († vers 1872), épousa un de ses aides de camp, Henri Baud.

(D'après un original appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Графъ **КАРЛЪ ОСИПОВИЧЪ ЛАМБЕРТЪ**, 1772—1843, родомъ французъ; отецъ его покинулъ родину во время революціи и состоялъ при графѣ Прованскомъ (Людовикѣ XVIII); старшій его братъ, Морицъ, поступилъ на русскую службу и былъ убитъ при Дубенкѣ въ 1792 году. Послѣ его смерти Императрица Екатерина II предложила старику отцу перейти на службу въ Россію вмѣстѣ со вторымъ сыномъ Карломъ. Они приняли предложеніе Ея Величества, и Карлъ Ламбертъ поступилъ въ 1793 г. секундъ-майоромъ въ Кинбурнскій драгунскій полкъ, участвовалъ въ корпусѣ Ферзена въ Польской кампаніи, былъ на штурмѣ Праги, заслужилъ орденъ св. Георгія 4 ст., а въ 1799 году, будучи въ войскахъ Римскаго-Корсакова, совершилъ походъ въ Швейцарію. Здѣсь, въ сраженіи подъ Цюрихомъ, 14 Сентября 1799 г., Ламбертъ былъ раненъ пулей въ ногу, произведенъ въ генералъ-майоры, назначенъ шефомъ Рязанскаго кирасирскаго полка, но въ слѣдующемъ году внезапно уволенъ отъ службы, какъ это часто случалось при Императорѣ Павлѣ I. По вступленіи на престолъ Императора Александра I, графъ Карлъ Ламбертъ былъ назначенъ командиромъ Елизаветградскаго гусарскаго полка. Кампаніи 1806 и 1807 гг. дали случай графу показать свои боевыя способности, въ корпусѣ графа Остермана и подъ начальствомъ Багговута, въ кровавыхъ бояхъ подъ Пултускомъ, Прейсишъ-Эйлау и Фридландомъ. Ордена св. Георгія 3 ст., Владиміра 3 ст. и Анны 1 ст. были наградами его за эти дѣла. Въ 1811 году Государь сдѣлалъ Ламберта своимъ генералъ-адъютантомъ и далъ ему 5 кавалерійскую дивизію. Въ 1812 г. Ламбертъ находился въ 3 арміи Тормасова и принялъ участіе въ рядѣ блестящихъ кавалерійскихъ дѣлъ: при Кобринѣ, Пружанахъ, Городечнѣ, Кайданахъ, Борисовѣ и при переправѣ черезъ Березину. Въ дѣлѣ подъ Борисовымъ графъ былъ серіозно раненъ и весь 1813 годъ провелъ въ лѣченіи. Чинъ генералъ-лейтенанта и орденъ св. Владиміра 2 ст. были наградами его за эту кампанію. Въ 1814 году Ламбертъ былъ подъ стѣнами Парижа и на парадѣ близъ Вертю, во главѣ своей 2 гусарской дивизіи. По окончаніи Наполеоновскихъ войнъ онъ получилъ 5 резервный кавалерійскій корпусъ, былъ награжденъ чиномъ генерала-отъ-кавалеріи, орденомъ св. Александра Невскаго съ алмазами и св. Владиміра 1 ст., а въ 1826 г. назначенъ сенаторомъ. Активной роли въ рядахъ войска онъ болѣе не игралъ, страдая часто отъ полученныхъ ранъ.

Графъ К. О. Ламбертъ былъ отличнымъ кавалерійскимъ генераломъ; на службѣ всегда вѣжливый, въ жизни ласковый, онъ давалъ замѣтить въ себѣ француза старой школы. Онъ скончался въ имѣніи брата, въ Полтавской губерніи, 30 Мая 1843 года, оставивъ 3 сыновей, изъ которыхъ младшій, Карлъ (р. 1815 г., † 1865 г.), былъ намѣстникомъ въ Польшѣ въ дни Александра II, затѣмъ были еще: Осипъ (р. 1809 г.) и Петръ (1814 г.), и 2 дочерей: Александру (р. 1808 г.) и Марію (р. 1816 г.).

(Съ портрета Г. Дау; Галлерея 1812 г. въ Зимнемъ дворцѣ.)

Пермской
№ 3965

75

Le comte **CHARLES OSSIPOWITCH LAMBERT**, 1772—1843, français de naissance, dont le père émigra à la Révolution avec le comte de Provence (Louis XVIII). A la mort de son frère aîné, Maurice, entré au service russe et tué à Doubenka en 1792, le vieux père, sur la proposition de l'Impératrice Catherine II, prit avec son second fils du service en Russie. Enrôlé en 1793 second major aux dragons de Kinburn, Charles Lambert fit la campagne de Pologne au corps de Fersen, assista à la prise de Varsovie et fut décoré de St-Georges de 4e classe. En 1799, sous les ordres de Rimsky-Korsakoff, il fit la campagne de Suisse et reçut une balle dans la jambe à Zurich, le 14 septembre 1799, mais, promu général major et nommé chef des cuirassiers de Riazan, il dut, l'année suivante, quitter le service comme beaucoup d'autres, disgracié sans raison par l'Empereur Paul. Alexandre Ier le nomma à son avènement commandant du régiment des hussards d'Elisavetgrad, et la campagne de 1806/1807 lui permit de déployer ses talents, au corps du comte Ostermann, et sous les ordres de Baggovout, à Pultusk, Eylau et Friedland; cette campagne lui valut St-Georges et St-Vladimir de 3e classe et Ste-Anne de 1re classe. En 1811, l'Empereur le nomma aide de camp général et lui confia le commandement de la 5e division de cavalerie. Pendant la guerre de 1812, à la 3e armée de Tormassoff, il se distingua dans une série de brillantes affaires de cavalerie, à Kobrin, Proujany, Gorodetchna, Kaïdany, Borissoff, et au passage de la Bérézina, mais, grièvement blessé au combat de Borissoff, resta en traitement toute l'année 1813; cette campagne lui valut le grade de général lieutenant et St-Vladimir de 2e classe. On le trouve ensuite sous les murs de Paris en 1814, puis à la revue de Vertus à la tête de la 2e division de hussards. A la paix, il reçut le 5e corps de cavalerie de réserve, le grade de général de cavalerie, St-Alexandre Newsky en diamants et St-Vladimir de 1re classe, puis, en 1826, fut nommé sénateur; ses blessures l'avaient obligé à quitter le service actif.

Le comte Lambert passait pour un excellent officier de cavalerie; toujours courtois dans le service, aimable en société, c'était le type du français de l'ancien régime. Il mourut chez son frère, au gouvernement de Poltava, le 30 mai 1843, laissant trois fils, Charles (1815—1865), le plus jeune, général gouverneur sous Alexandre II en Pologne, Joseph (né 1809) et Pierre (né 1814), et deux filles, Alexandrine (née 1808) et Marie (née 1816).

(D'après l'original de G. Dawe, Galerie 1812, Palais d'Hiver.)

72

Богданъ Ѳедоровичъ
Кнорринъ,
1746 — 1825

Bogdan Féodorowitch
Knorring,
1746 — 1825

73

Карлъ Ѳедоровичъ
Кнорринъ,
1744 — 180.

Charles Féodorowitch
Knorring,
1744 — 180.

74

Князь Фабіанъ Вильгельмовичъ
Остенъ-Сакенъ,
1752 — 1837

Le Prince Fabien Wilhelmowitch
Osten-Sacken,
1752 — 1837

75

Пис. Дау

Графъ Карлъ Осиповичъ
Ламбертъ,
1773 — 1843

Peint par Dawe

Le Comte Charles Ossipowitch
Lambert,
1773 — 1843

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи

ГРИГОРІЙ ИВАНОВИЧЪ ШЕЛЕХОВЪ, 1748—1795, сынъ Рыльскаго купца, несмотря на полуобразованную купеческую среду, въ которой вращался, съ ранней юности отличался любовью къ чтенію и постоянно мечталъ о путешествіяхъ. Начало его дѣятельности относится къ 1772 году, когда, проѣхавъ всю Сибирь, онъ достигъ Охотска и здѣсь, ознакомившись съ мѣстнымъ промысломъ, вступилъ въ дѣло съ нѣсколькими промышленниками и сталъ снаряжать экспедиціи къ берегамъ Сѣверной Америки и на Курильскіе острова. Въ началѣ 1780-хъ годовъ, вмѣстѣ съ двумя братьями Голиковыми, Шелеховъ создаетъ первую въ Россіи промышленную компанію на паяхъ и, построивъ въ Охотскѣ три судна (галіоты), съ товарищами и женой, отправляется въ экспедицію для изслѣдованія неизвѣстныхъ острововъ. На островѣ Кадьякѣ Шелехову пришлось съ оружіемъ въ рукахъ вести борьбу съ туземцами—конячами. Смѣлымъ натискомъ онъ овладѣлъ ихъ укрѣпленіемъ и, получивъ въ глазахъ ихъ обаяніе непобѣдимости, въ концѣ концовъ заслужилъ ихъ довѣріе и дружбу, вслѣдствіе чего обратилъ даже многихъ въ христіанство. Затѣмъ имъ выстроены были укрѣпленія на островѣ Афогнакѣ и въ Келайской губѣ. Вернувшись въ 1782 году въ Иркутскъ съ большими запасами пушного товара и получивъ большіе барыши, Шелеховъ своею энергіей и предпріимчивостью обратилъ на себя вниманіе мѣстнаго генералъ-губернатора, который послалъ о его дѣйствіяхъ подробное донесеніе Императрицѣ. Въ результатѣ компаніи Шелехова дарованы обширныя права и привилегіи, а его самого Государыня наградила золотой медалью и шпагою. Изъ казны ему было отпущено 200/т. рублей, на 20 лѣтъ, безъ процентовъ. Расширивъ свою дѣятельность и основавъ еще нѣсколько промышленныхъ компаній, онъ пригласилъ для управленія столь обширнымъ предпріятіемъ выдающагося по уму и энергіи русскаго человѣка—Каргопольскаго купца Баранова. Въ 1790 году Шелеховъ снаряжаетъ экспедицію въ Сѣверную Америку и, при участіи Баранова, полагаетъ начало Русскимъ Сѣверо-Американскимъ владѣніямъ, основываетъ городъ Ново-Архангельскъ и налаживаетъ то огромное и важное для Россіи дѣло, которое существовало около ста лѣтъ и было разрушено нашей дипломатіей 5 Мая 1867 года уступкой русскихъ Американскихъ владѣній правительству Соединенныхъ Штатовъ. Въ 1794 году всѣ компаніи соединены въ одну подъ названіемъ „Соединенно-Американской“, а впослѣдствіи „Россійско-Американской“, уставъ которой, впрочемъ, былъ утвержденъ уже послѣ смерти Шелехова. Кипучая дѣятельность Григорія Ивановича не ограничивалась, однако, однимъ Охотскимъ побережьемъ: Шелеховъ способствовалъ также возобновленію нашей торговли съ Китаемъ черезъ Кяхту, намѣревался устроить новый путь отъ Иркутска до Охотска. Онъ мечталъ и о торговлѣ съ Японіей, Китаемъ, Индіей и Филиппинами, но смерть прервала его кипучую дѣятельность. 20 Іюня 1795 года прекратилось земное существованіе этого русскаго человѣка, память котораго всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ почтена потомствомъ сооруженіемъ ему памятника въ родномъ городѣ Рыльскѣ. Вдовѣ и потомству Шелехова Екатерина II даровала дворянское достоинство. Одна изъ дочерей его вышла за камергера Николая Петровича Резанова, извѣстнаго своимъ посольствомъ въ Японію въ 1803 году на судахъ первой русской кругосвѣтной экспедиціи, подъ начальствомъ Крузенштерна.

Человѣкъ необычайной энергіи и широкаго почина, Шелеховъ принадлежалъ къ той плеядѣ русскихъ людей, которыми такъ богатъ былъ вѣкъ Екатерины.

Похороненъ Шелеховъ въ Иркутскомъ Знаменскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. На памятникѣ его высѣчено: „Григорій Ивановичъ Шелеховъ, Рыльскій именитый гражданинъ, родился 1748, вступилъ въ супружество года 1775, началъ торговлю въ областяхъ Сибири въ 1775, морскія путешествія совершилъ въ 1783, 1784, 1785 годахъ. Скончался 1795 года Іюня 20 дня“.

„Колумбъ здѣсь Росскій погребенъ!
Проплылъ моря, открылъ страны безвѣстны,
И зря, что все на свѣтѣ тлѣнъ,
Направилъ парусъ свой
Во океанъ небесный
Искать сокровищъ горнихъ, неземныхъ,—
Сокровище благихъ!
Его Ты, Боже, душу упокой!

Гавріилъ Державинъ.“

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

GRÉGOIRE IVANOWITCH CHÉLÉKHOFF, 1748—1795, fils d'un marchand de Rylsk, montra tout jeune encore, malgré la culture rudimentaire de son entourage, un goût prononcé pour la lecture. Il ne rêvait que voyages. Le début de son aventureuse carrière date de 1772: il traversa toute la Sibérie, parvint à Okhotsk, où il se mit au courant du commerce local, entra en relations d'affaires avec un certain nombre de négociants et entreprit les préparatifs d'une expédition sur les côtes de l'Amérique du Nord et aux Iles Kouriles. Peu après 1780, il forma avec les deux frères Golikoff la première de toutes les sociétés industrielles russes par actions, construisit à Okhotsk trois galiotes et s'embarqua avec ses associés et sa femme pour aller explorer des îles inconnues. Il eut d'abord à livrer bataille aux indigènes de l'île Kadiak, les Kognatches; une audacieuse attaque le rendit maître de leur retranchement; il en vint à passer parmi eux pour invincible, et finit par se concilier leur confiance et leur amitié: il put même en convertir beaucoup au christianisme. Puis il fortifia l'île d'Afognak et la baie de Kélaï, revint en 1782 à Irkoutsk avec une grosse cargaison de fourrures et réalisa des bénéfices considérables. Son énergie et son esprit d'entreprise firent l'objet d'un rapport circonstancié du général gouverneur à l'Impératrice, qui conféra à sa Compagnie des droits et prérogatives considérables, le gratifia d'une médaille et d'une épée d'or et lui fit allouer par le Trésor 200.000 roubles à titre de prêt pour vingt ans sans intérêts. Ses affaires prirent alors une grande extension: il fonda un certain nombre d'autres compagnies, et confia la direction d'une entreprise devenue aussi vaste à un russe d'une tête et d'une énergie hors de pair, le marchand de Kargopol Baranoff. En 1790, Chélékhoff équipe une nouvelle expédition en Amérique du Nord, et, secondé par Baranoff, jette les bases des possessions russes de l'Amérique du Nord, fonde la ville de la Nouvelle-Arkhangel et sait mener à bien l'œuvre immense et d'une haute importance nationale qui subsista une centaine d'années et que notre diplomatie anéantit le 5 mai 1867 en cédant l'Amérique Russe aux Etats-Unis. En 1794, on procéda à une fusion de toutes les compagnies sous le nom de Fusion Américaine, puis de Compagnie Russo-Américaine; Chélékhoff mourut d'ailleurs sans en avoir vu sanctionner les statuts. Son activité dévorante ne se bornait pas à la mer d'Okhotsk: il contribua aussi au rétablissement du commerce russe avec la Chine par Kiakhta et projeta une nouvelle route d'Irkoutsk à Okhotsk. Il rêvait aussi d'affaires avec le Japon, la Chine, l'Inde et les Philippines, mais la mort mit un terme à son entreprenante énergie. Dieu rappela à lui le 20 juin 1795 l'âme de ce fils de la Russie, dont la mémoire resta longtemps dans l'oubli, puisqu'il n'y a que quelques années que sa ville natale a songé à lui élever un monument. Catherine II lui avait conféré la noblesse à titre héréditaire. Une de ses filles épousa le chambellan Nicolas Pétrowitch Rézanoff, connu par son ambassade au Japon en 1803, sur les vaisseaux de la première croisière russe autour du monde, celle de l'expédition Krusenstern.

Par son extraordinaire énergie et sa large initiative, Chélékhoff est bien un des nombreux héros de la pléiade du règne de Catherine.

Chélékhoff est inhumé au monastère de l'Apparition, à Irkoutsk. Sa tombe porte l'inscription suivante: „Grégoire Ivanowitch Chélékhoff, citoyen notable de Rylsk, né en 1748, marié en 1775, entreprit le commerce dans les régions de la Sibérie en 1775, fit des voyages maritimes en 1783, 1784, 1785, décédé le 20 juin 1795.

„Ci-gît le Colomb russe!
„Il parcourut les mers, vit des terres nouvelles,
„Et trouvant que tout est poussière,
„Il cargua donc sa voile
„Vers l'Océan des Cieux,
„Pour chercher des trésors sublimes, non terrestres.
„Trésor des gens de bien,
„Donne, ô Seigneur, le repos à son âme!
Gabriel Derjavine".

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

СТЕПАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ПЕРФИЛЬЕВЪ, 1734—1793, сынъ надворнаго совѣтника Василія Васильевича, происходилъ изъ дворянскаго рода, восходящаго къ началу XVII вѣка. Съ 1756 г. онъ служилъ въ Сухопутномъ Шляхетномъ корпусѣ. Ему удалось пріобрѣсти расположеніе Петра III, который, по вступленіи на престолъ, назначилъ его своимъ флигель-адъютантомъ (31 Декабря 1761 г.). Передъ іюньскимъ переворотомъ на него была возложена обязанность наблюдать за казавшимся подозрительнымъ Григоріемъ Орловымъ. Перфильевъ не оправдалъ довѣрія: онъ подружился съ Орловыми и проводилъ время за картами и попойками, а въ ночь на 28 Іюня, когда Алексѣй Орловъ скакалъ въ Петергофъ за Екатериной, Григорій Орловъ почти все время игралъ въ карты съ нимъ, чтобы отвлечь его вниманіе, при чемъ проигралъ ему нѣсколько тысячъ; разошлись они только подъ утро, когда Перфильевъ былъ уже безвреденъ. Близость Перфильева къ Петру III и роль его во время переворота не помѣшали ему съ успѣхомъ продолжать службу и при Екатеринѣ II. Въ чинѣ полковника 2-го Гренадерскаго полка онъ состоялъ въ 1764 и 1765 гг. при Цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ и неоднократно упоминается въ „Запискахъ“ Порошина. Перфильевъ засѣдалъ въ Комиссіи для составленія проекта новаго Уложенія въ качествѣ депутата отъ Судайскаго уѣзда. Въ 1773 г., въ чинѣ генералъ-майора, онъ получилъ орденъ св. Анны 1-й степени и былъ назначенъ Петербургскимъ губернаторомъ, но уже въ слѣдующемъ 1774 г. уволенъ отъ службы.

С. В. Перфильевъ былъ масонъ и въ 1773 и 1774 гг. состоялъ въ должности великаго провинціальнаго хранителя сокровищъ. Онъ любилъ роскошную жизнь и хлѣбосольство. Въ сдѣланной Екатериной II шутливой характеристикѣ придворныхъ, относительно предполагаемой причины смерти каждаго, о Перфильевѣ сказано, что онъ умеръ „d'indigestion“. Перфильевъ былъ друженъ съ Державинымъ и княземъ Мещерскимъ, на смерть котораго поэтъ написалъ свою знаменитую оду. Она посвящена Перфильеву и оканчивается обращеніемъ къ нему:

Сей день иль завтра умереть,
Перфильевъ! должно намъ, конечно...
Почто-жъ терзаться и скорбѣть,
Что смертный другъ твой жилъ не вѣчно?“...

С. В. Перфильевъ скончался въ Мартѣ 1793 г. и погребенъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

(Съ портрета, принадлежавшаго С. С. Перфильеву, въ Москвѣ.)

STÉPHANE VASSILIEWITCH PERFILIEFF, 1734—1793, fils du conseiller de cour Basile Vassiliewitch Perfilieff, était d'une famille noble remontant au début du XVIIe siècle. Il fut affecté en 1756 au Corps des Cadets. Devenu Empereur, Pierre III, dont il avait su se concilier la faveur, le prit pour aide de camp le 31 décembre 1761. Chargé, à la veille du coup d'état de juin, de surveiller Grégoire Orloff, qui paraissait suspect, il ne sut pas s'acquitter de sa mission: il se lia avec les Orloff, s'adonna tout entier au jeu et à la boisson, et, dans la nuit du 27 au 28 juin, tandis qu'Alexis courait à Péterhof chercher Catherine, Grégoire le tint à jouer aux cartes du soir au matin en se laissant gagner plusieurs milliers de roubles, et ne le lâcha qu'au jour, quand il avait cessé de pouvoir devenir gênant. Son service près de Pierre III et son rôle au coup d'état ne nuisirent aucunement à sa carrière sous Catherine II. Colonel au 2e régiment de grenadiers, il fut attaché en 1764 et 1765 à la personne du Césarewitch Paul Pétrowitch, et il est question de lui à plusieurs reprises dans les Mémoires de Porochine. Il fit partie de la Commission du projet de Code comme député du district de Soudaï. En 1773, général major, il fut décoré de Ste-Anne de 1re classe et nommé gouverneur de Pétersbourg, mais il prit sa retraite dès l'année suivante.

Franc-maçon, Perfilieff fut en 1773 et 1774 grand conservateur provincial des trésors. Il aimait la vie large et les réceptions. Dans sa caractéristique facétieuse des hommes de Cour, où est indiqué le genre de mort présumé de chacun, Catherine II le fait mourir „d'indigestion". Ami de Derjavine et du prince Méchtchersky, c'est à lui qu'est dédiée l'ode célèbre composée par le poète à la mort du prince, et qui se termine ainsi:

„Un jour ou l'autre il faut mourir,
„Perfilieff, ce n'est que trop sûr...
„Pourquoi dès lors te désoler,
„Si, mortel, ton ami n'a pas vécu toujours?"...

Perfilieff mourut en mars 1793, et fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après un original ayant appartenu à S. Perfilieff, Moscou.)

78—79

НАСТАСЬЯ ѲЕДОРОВНА МИНКИНА, 178.—1825, извѣстная „домоправительница“ Аракчеева, была дочерью крестьянина села Грузино, Ѳедора Минкина. Существуетъ свѣдѣніе, впрочемъ, мало подтверждаемое, что одно время она была замужемъ за отставнымъ матросомъ, фамилія коего осталась неизвѣстной, но могла быть и „Шумскій“, такъ какъ въ слѣдственномъ дѣлѣ о смерти Аракчеевской экономки она называется вездѣ Настасьей Шумской. Попавъ въ домъ Аракчеева въ 1800 г. въ качествѣ дворовой, она сразу привлекла на себя вниманіе будущаго временщика. Наружностью походя на цыганку, смуглая и черноволосая, съ горящими, какъ уголь, глазами и румянцемъ во всю щеку смуглаго лица, высокаго роста, стройная, плотно сложенная, при томъ хитрая, бойкая и рѣчистая, она совсѣмъ очаровала Аракчеева. Возведенная въ званіе экономки, она скоро поняла его характеръ, вкусы и привычки и такъ сумѣла къ нимъ приноровиться, что вошла въ неограниченное его довѣріе и въ его отсутствіе изъ Грузина управляла не только усадьбой и домомъ, но и всей Грузинской вотчиной. Хозяйство она вела образцово, сама входила въ мельчайшія подробности, наблюдала за работами, за птичьимъ и скотнымъ дворомъ, за проведеніемъ дорогъ, копаньемъ прудовъ... Настасья завела въ Грузинѣ такіе порядки, о которыхъ Аракчееву давно мечталось, но которыхъ ранѣе онъ никакъ добиться не могъ. Въ то же время она не переставала дѣйствовать на чувствительныя стороны характера и на чувственность суроваго деспота; она увѣряла его въ горячей своей любви, называла его отцомъ и благодѣтелемъ, льстила ему и показывала видъ, что ревнуетъ его, когда считала это полезнымъ; въ то же время она искусно обманывала Аракчеева и заводила себѣ тайно молодыхъ любовниковъ. Желая еще крѣпче привязать къ себѣ Аракчеева, она не задумалась притвориться беременной и увѣрить его въ рожденіи отъ него сына. Благодаря частымъ отлучкамъ графа изъ Грузина и собственной своей ловкости, ей это удалось вполнѣ. Когда наступило время, въ Грузино тайно былъ привезенъ только-что родившійся въ одной изъ отдаленныхъ деревень волости мальчикъ, мать котораго взята была ему въ кормилицы, и Настасья увѣдомила Аракчеева, находившагося въ Петербургѣ, о своемъ разрѣшеніи отъ бремени. Весь этотъ планъ былъ приведенъ въ исполненіе съ такимъ искусствомъ, что почти никто не зналъ истины, а тѣ, кто знали, со страхомъ ее скрывали, не ожидая пощады отъ извѣстной своей жестокостью домоправительницы. Самъ же Аракчеевъ, если и узналъ правду, то уже послѣ смерти Настасьи.

Рожденіе сына чрезвычайно обрадовало Аракчеева, и расчеты Настасьи вполнѣ оправдались. Онъ осыпалъ ее ласками, наряжалъ, какъ куклу, и, несмотря на скупость, положилъ на ея имя въ банкъ 24/т. руб., при чемъ она сама была записана въ купчихи. Мальчикъ былъ записанъ въ метрическую книгу подъ именемъ Михаила Лукина, но черезъ нѣсколько времени Аракчееву удалось добыть ему, при помощи подкупленнаго адвоката, бумаги на дворянство, подъ именемъ Михаила Андреевича Шумскаго. Положеніе Настасьи Шумской упрочилось до такой степени, что Императоръ Александръ I, въ бытность свою въ Грузинѣ, заходилъ къ ней въ ея флигель и пилъ, говорятъ, у нея чай, а подчиненные Аракчееву генералы не стѣснялись заискивать у нея, подносить всякіе подарки и цѣловать ей руки.

(Съ акварельнаго портрета, принадлежащаго М. П. Паренаго, въ Воронежѣ.)

78—79

NASTASIE FÉODOROWNA MINKINE, 178.—1825, la fameuse „majordome“ d'Araktchéeff, était fille d'un paysan du bourg de Grouzino, Théodore Minkine. D'après certaines indications, qui sont loin d'ailleurs d'être sûres, elle aurait été mariée à un ancien matelot dont le nom n'est pas connu, mais pouvait être aussi Choumsky, car l'enquête relative à sa mort la nomme ainsi. Entrée chez Araktchéeff comme femme de charge en 1800, elle attira tout de suite son attention: avec son air de tzigane, son teint bronzé et ses cheveux noirs, ses yeux brillants comme des escarboucles, forte en couleur, grande, élancée, bien découplée, c'était une rusée gaillarde et une enjôleuse qui l'empauma complètement. Elevée au rang d'économe, elle eut vite fait de saisir son caractère, ses goûts et ses habitudes, et sut si bien s'y prêter qu'elle gagna entièrement sa confiance: en son absence de Grouzino, elle faisait marcher non seulement la métairie et la maison, mais encore toute la propriété. Parfaitement entendue à tout, elle avait l'œil aux moindres détails, surveillant tout l'ouvrage, la basse-cour et le bétail, faisant faire des routes et creuser des étangs, enfin, inaugurant à Grouzino un régime auquel Araktchéeff pensait bien depuis longtemps, mais qu'il n'avait encore jamais pu obtenir. En même temps, elle agissait sur la sensibilité du farouche despote et entretenait sa sensualité: elle lui faisait de brûlantes protestations d'amour, l'appelant son père et son bienfaiteur, le flattant et faisant au besoin semblant d'être jalouse, et d'un autre côté, elle le trompait fort adroitement avec de jeunes galants qu'elle avait en cachette. Pour se l'attacher mieux encore, elle n'hésita pas à se prétendre enceinte de lui et à lui faire croire qu'elle avait eu un fils. Habile comme elle l'était, elle réussit à souhait, grâce aussi aux fréquentes absences d'Araktchéeff: le moment venu, on apporta en cachette d'un village éloigné un nouveau-né avec sa mère pour nourrice, et Nastasie annonça l'heureux événement au soi-disant père, alors à Pétersbourg. L'affaire fut menée avec une telle dextérité, que presque personne n'en sut le fin mot, et ceux qui le savaient ne se risquèrent pas à parler, par crainte de la vengeance de l'intéressée, dont la cruauté était bien connue. Quant à Araktchéeff, s'il sut jamais la vérité, ce ne fut qu'après la mort de son économe.

Cette paternité fut une grande joie pour Araktchéeff, et les calculs de Nastasie réussirent à souhait. Il la combla d'amitiés, l'attifa comme une poupée, et, tout avare qu'il était, lui déposa 24.000 roubles dans une banque et la fit inscrire au rôle des marchands. L'enfant fut déclaré sous le nom de Michel Loukine, mais peu après un avocat fut gagné pour lui procurer des titres de noblesse au nom de Michel Andréewitch Choumsky. Nastasie se fit bientôt une importance telle, que l'Empereur Alexandre Ier, en passant à Grouzino, vint la voir chez elle et y prit, dit-on, le thé, et que les généraux sous-ordres d'Araktchéeff ne reculèrent pas devant la flagornerie de lui faire des cadeaux et de lui baiser les mains.

(D'après une aquarelle appartenant à M. Parénago, Voronèje.)

78—79

НАСТАСЬЯ ѲЕДОРОВНА МИНКИНА, 178.—1825, конечно, интересна не сама по себѣ—такихъ „домоправительницъ“, такихъ „барскихъ барынь“, было не мало въ помѣстьяхъ крѣпостной Россіи; она заслуживаетъ, однако, воспоминанія въ калейдоскопѣ именъ и портретовъ русскихъ историческихъ лицъ по тому огромному вліянію, которое имѣла она на всесильнаго и суроваго временщика и друга Александра Благословеннаго. Къ сожалѣнію, это громадное и рѣдкое вліяніе было направлено исключительно на все злое. Если это возможно, она была злымъ геніемъ Аракчеева. Самая ея смерть унесла за собой цѣлый рядъ жертвъ жестокости временщика и излишней угодливости предержащихъ властей и даже остановила ходъ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ въ то время, когда „безъ лести преданный“ графъ плакалъ, заперся въ Грузинѣ и, ссылаясь на слабость нервовъ, отказывался видѣть кого бы то ни было. Чувствительному дѣйствительно Государю пришлось утѣшать въ данномъ случаѣ еще болѣе чувствительнаго своего друга.

Минкина стала жертвой заговора дворовыхъ. Управленіе ея Грузинскимъ имѣніемъ отличалось необычайной жестокостью. Отъ природы безсердечная, мстительная и безжалостная, она творила крутыя и тяжелыя расправы въ подвластной ей экономіи. Въ Грузинской волости и въ военныхъ поселеніяхъ ее столько же ненавидѣли, сколько боялись, считали колдуньей и вѣдьмой. Провинившіеся люди подвергались звѣрскому сѣченію розгами и всевозможнымъ истязаніямъ; особенно страдали отъ нея дворовыя дѣвушки; было сдѣлано нѣсколько покушеній отравить Минкину. Наконецъ, выведенные изъ терпѣнія, дворовые составили заговоръ противъ нея. Заговоръ былъ приведенъ въ исполненіе 10 Сентября 1825 года. Утромъ этого дня, въ 6-мъ часу, нѣсколько человѣкъ изъ дворни вошли въ ея флигель, гдѣ застали Настасью спящей, и первый ударъ ножемъ въ шею былъ нанесенъ ей поваромъ Василіемъ Антоновымъ, сестра коего, Прасковья, наканунѣ подверглась жестокому истязанію. Минкина была убита послѣ отчаяннаго сопротивленія: трупъ ея былъ найденъ съ отрѣзанной головой, руки и пальцы были изрѣзаны, ротъ разорванъ, и все тѣло страшно изуродовано. Отчаяніе Аракчеева не имѣло границъ, и, когда тѣло ея опускали въ могилу въ соборѣ Грузина, онъ хотѣлъ кинуться туда за нею. Слѣдствіе надъ виновниками ея смерти, числомъ до 24, произведено было быстро и закончилось суровымъ приговоромъ: наказаніе кнутомъ въ необычайномъ размѣрѣ, отъ 50 до 175 ударовъ, и ссылка въ вѣчныя каторжныя работы. Василій и Прасковья Антоновы умерли на мѣстѣ наказанія. „Несоразмѣрное число ударовъ, произведшее смертную казнь, мучительнѣе отмѣненной закономъ 1754 года“, и другія отступленія отъ закона въ процессѣ убійцъ Минкиной повлекли, однако, за собою въ 1826 г. пересмотръ дѣла въ Сенатѣ и увольненіе отъ службы Новгородскаго губернатора Жеребцова.

Портретъ, помѣщенный подъ № 79, имѣетъ свою исторію: иные считаютъ его, впрочемъ, безъ вѣскихъ доказательствъ, изображеніемъ жены (съ 4 Февраля 1806 г.) Аракчеева, Наталіи Ѳедоровны, рожденной Хомутовой (р. 1786 г.). Едва ли, однако, эта скромная и добрая женщина, скоро разошедшаяся съ мужемъ изъ-за его грубой чувственности, которую онъ не стѣснялся удовлетворять съ крѣпостными женщинами и въ томъ числѣ съ фавориткой Настасьей, едва ли Наталія Ѳедоровна могла быть изображена въ такомъ мало приличномъ и совсѣмъ фантастическомъ костюмѣ (такой моды не было). Впервые настоящій портретъ былъ воспроизведенъ въ гравюрѣ Матюшина, во 2-мъ выпускѣ портретовъ „русскихъ дѣятелей“, изданныхъ редакціей „Русской Старины“, при чемъ М. И. Семевскій сдѣлалъ замѣтку, что этотъ портретъ Минкиной „пріобрѣтенъ въ с. Грузинѣ, послѣ ея смерти, Псковскимъ помѣщикомъ Д. Философовымъ: портретъ этотъ, прекрасной кисти, писанъ въ первыхъ годахъ текущаго столѣтія; сынъ упомянутаго помѣщика В. Д. Философовъ весьма обязательно уступилъ намъ этотъ крайне интересный портретъ“. Вѣроятно, этотъ самый портретъ находится въ настоящее время въ Историческомъ музеѣ, въ Москвѣ (изъ собранія А. П. Бахрушина). Съ него и сдѣлано воспроизведеніе. Если же это другой оригиналъ, то тѣмъ опредѣленіе достовѣрнѣе, ибо на рамѣ музейскаго портрета имѣется досечка съ давней надписью, что это Н. Ѳ. Минкина. Другой, акварельный, ея портретъ (№ 78) удалось совершенно случайно найти въ Воронежѣ, въ собраніи мѣстнаго любителя М. П. Паренаго и, какъ кажется, онъ удачнѣе передаетъ черты домоправительницы и „25-лѣтняго друга“ графа Аракчеева.

(Съ портрета, находящагося въ Московскомъ Историческомъ музеѣ.)

78—79

NASTASIE FÉODOROWNA MINKINE, 178.—1825, n'est sans doute pas intéressante par elle-même: la „majordome", la „dame de la maison" était une espèce assez répandue par la Russie d'avant l'émancipation. Mais elle mérite une mention dans notre caléidoscope de noms et de portraits historiques russes par l'influence considérable qu'elle eut sur le tout-puissant et farouche favori et ami d'Alexandre Ier, grosse, extraordinaire influence, qui ne s'exerça malheureusement que pour le mal. Nastasie, s'il est possible, fut le mauvais génie d'Araktchéeff. Sa mort même entraîna toute une série de cruelles représailles favorisées par le zèle trop complaisant des autorités constituées, et alla jusqu'à enrayer la marche des plus importantes affaires d'état lorsque, avec son „dévouement sans flatterie", il s'enferma dans son Grouzino pour pleurer et prétexta la faiblesse de ses nerfs pour refuser de voir personne. La sensibilité bien réelle de l'Empereur dut alors porter des consolations à celle, plus grande encore dans la circonstance, de l'homme d'état.

Nastasie tomba victime de la vindicte de ses gens. Elle était, comme maîtresse de maison, d'une férocité inouïe: dure, vindicative et impitoyable, elle avait la répression sommaire et énergique. Dans tout le canton de Grouzino et aux colonies militaires, elle était redoutée autant que détestée; on la disait sorcière. Pour des peccadilles, c'était la fustigation à outrance et toute espèce de tortures: les principales victimes étaient les filles de service. On fit sur elle plusieurs tentatives d'empoisonnement; enfin, à bout de patience, le personnel organisa un complot, qui fut mis à exécution le 10 septembre 1825. A 6 heures du matin, une petite troupe s'introduisit chez elle: elle était encore au lit. Un premier coup de couteau lui fut porté à la gorge par le cuisinier Basile Antonoff, dont la sœur Prascovie avait été cruellement torturée la veille. Elle ne succomba qu'après une lutte acharnée: on la retrouva la tête tranchée, les mains et les doigts coupés, la mâchoire désarticulée et tout le corps affreusement mutilé. Araktchéeff fut en proie à une douleur sans bornes: à l'inhumation, dans la cathédrale de Grouzino, il voulut se précipiter dans le caveau. L'enquête sur les meurtriers, au nombre de vingt-quatre, fut sommaire, et le verdict rigoureux: un nombre inusité de coups de knout, de cinquante à cent soixante-quinze, et les travaux forcés à perpétuité. Basile et Prascovie Antonoff restèrent sur la place. „L'application démesurée du knout équivalant à une peine de mort plus cruelle que celle qui fut abolie par la loi de 1754" et d'autres irrégularités de procédure amenèrent pourtant l'affaire en cassation devant le Sénat; la révocation du gouverneur de Novgorod, Jérebtzoff, s'en suivit.

Le portrait № 79 a son histoire. Quelques-uns le considèrent, sans preuves certaines d'ailleurs, comme celui de la femme d'Araktchéeff, Natalie Féodorowna Khomoutoff (née 1786), qu'il épousa le 4 février 1806, et qui se sépara de lui peu après en raison de ses penchants grossiers et de ses liaisons ouvertes avec les filles de service, et entre autres avec sa favorite Nastasie. Une modeste et excellente personne comme sa femme n'aurait guère consenti à se faire représenter dans un costume aussi peu convenable et absolument fantastique (il n'y avait pas de mode pareille). Ce portrait fut reproduit pour la première fois en gravure par Matiouchine, dans le fascicule II des portraits russes publiés par la Rousskaïa Starina, et accompagné de la notice suivante de Sémewsky: „Acheté après la mort de Minkina au bourg de Grouzino par D. Filosofoff, propriétaire à Pskoff, ce portrait, d'une fort belle exécution, date des premières années du siècle. Le fils de l'acheteur a bien voulu nous céder ce spécimen des plus intéressants". C'est sans doute celui même qui figure actuellement au Musée Historique de Moscou (collection A. Bakhrouchine), et qui a servi à la reproduction ci-jointe. Si c'en est un autre, l'identification n'en est que plus sûre, car celui du Musée porte une plaque avec le nom de N. F. Minkine. L'aquarelle № 78 a été découverte par hasard à Voronèje, dans la galerie d'un amateur de cette ville, M. Parénago, et doit être plus ressemblant.

(D'après un original du Musée Historique de Moscou.)

76

Григорій Ивановичъ Шелеховъ,
1746 — 1795

Grégoire Ivanowitch Chélékhoff,
1746 — 1795

77

Степанъ Васильевичъ Перфильевъ,
1734 — 1793

Stéphane Vassiliewitch Perfilieff,
1734 — 1793

78

Настасья Ѳедоровна Минкина,
177 . — 1825

Anastasie Féodorowna Minkine,
177 . — 1825

79

РУССКІЕ RUSSES PORTRAITS ПОРТРЕТЫ

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи
№ 3966

ГАВРІИЛЪ ИЛЬИЧЪ БИБИКОВЪ, 1746—1803, сынъ инженеръ-генералъ-поручика Ильи Александровича Бибикова, начальника Тульскаго оружейнаго завода († 6 Апрѣля 1784 г.), отъ второго его брака съ Варварой Никитичной Шишковой, былъ единокровный братъ знаменитаго Екатерининскаго дѣятеля и побѣдителя Пугачева, Александра Ильича Бибикова (р. 1729 г., † 9 Апрѣля 1774 г.).

Умеръ Г. И. Бибиковъ въ Москвѣ 16 Іюня 1803 года, въ чинѣ генералъ-майора, и похороненъ въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

На памятникѣ его высѣчена слѣдующая стихотворная эпитафія:

„Сей хладный камень покрываетъ
Прахъ тлѣнный одного изъ рѣдкихъ тѣхъ мужей,
Какихъ Творецъ, какъ даръ, на землю посылаетъ
Для благоденствія, для радости людей.
Геройство, тонкій умъ, небесна добродѣтель,
Чистѣйшей вѣры огнь въ душѣ его горѣлъ;
Супругъ, отецъ и другъ, несчастныхъ благодѣтель
Искалъ онъ вѣчности, искалъ и пріобрѣлъ.
Съ его потерею всѣ горести постигли
Супругу нѣжную и съ ней двѣнадцать чадъ;
Она съ потокомъ слезъ сей памятникъ воздвигла.
Дай, Боже, помощь имъ, лишеннымъ всѣхъ отрадъ!“

Гавріилъ Ильичъ Бибиковъ былъ женатъ на Екатеринѣ Александровнѣ Чебышевой († 1 Сентября 1833 г.).

Еще одинъ портретъ Г. И. Бибикова, въ болѣе молодыхъ годахъ, въ военной формѣ, не особенно хорошаго письма, имѣется въ Москвѣ у П. Д. Хрущова.

(Съ миніатюры, принадлежащей Великому Князю Николаю Михаиловичу.)

GABRIEL ILYITCH BIBIKOFF, 1746—1803, fils du général lieutenant du génie Elie Alexandrowitch Bibikoff († 6 avril 1784), directeur de la manufacture d'armes de Toula, et de sa seconde femme, Varvara Nikititchna Chichkoff, était frère consanguin du fameux homme d'état du temps de Catherine, vainqueur de Pougatcheff, Alexandre Ilyitch Bibikoff (1729—9 avril 1774). Il mourut à Moscou le 16 juin 1803, général major, et fut inhumé au monastère Novodévitchi, à Moscou.

On lit sur sa tombe l'épitaphe suivante:

„Cette froide pierre recouvre
„D'un des rares mortels la cendre périssable
„Que le Créateur donne en présent à la terre,
„Pour la prospérité, pour le bonheur des hommes.
„Héros, esprit subtil, angélique vertu,
„Son cœur brûlait du feu de la plus pure foi.
„Epoux et père, ami, trésor des malheureux,
„Voulut l'éternité: il la voulut, il l'a!
„De toutes les douleurs par sa perte accablée,
„Avec ses douze enfants, son épouse chérie
„Eleva ce tombeau dans des torrents de larmes.
„Protège-les, Seigneur, ces pauvres orphelins!“

Bibikoff avait épousé Catherine Alexandrowna Tchébycheff († 1er septembre 1833).

Il y a de lui un autre portrait, plus jeune, en tenue d'officier, d'une exécution médiocre, chez P. Khrouchtchoff, à Moscou.

(D'après une miniature appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

81

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА БИБИКОВА, 1766—1833, рожденная Чебышева, была жена генералъ-майора Гавріила Ильича Бибикова и мать извѣстнаго Кіевскаго генералъ-губернатора, министра Внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютанта Димитрія Гавриловича Бибикова (р. 1792 г., † 1870 г.). Кромѣ послѣдняго, у ней было отъ этого брака еще 11 человѣкъ дѣтей, а именно: Павелъ († 1812 г.; генералъ-майоръ, былъ женатъ на Елизаветѣ Андреевнѣ Донецъ-Захаржевской, которая во 2 бракѣ была за графомъ А. Х. Бенкендорфомъ), Гавріилъ († 10 Іюля 1850 г.; тайный совѣтникъ, женатъ на Екатеринѣ Петровнѣ Бибиковой), Илья (генералъ-адъютантъ, генералъ-губернаторъ Виленскій, женатъ на Варварѣ Петровнѣ Мятлевой), Александръ, Анна (за генералъ-адъютантомъ Н. П. Панкратьевымъ), Софія (р. 1787 г., † 1856 г.; за дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Ив. Петр. Бибиковымъ), Екатерина (за генералъ-майоромъ А. А. Арсеньевымъ), Марія (за дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ А. Н. Дюклу), Вѣра (р. 1798 г., † 1861 г.; за полковникомъ П. Д. Хрущовымъ) и Александра (имя еще одного изъ ея дѣтей — неизвѣстно).

Е. А. Бибикова умерла, 67 лѣтъ, 1 Сентября 1833 года и похоронена въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ, рядомъ съ мужемъ.

П. Д. Хрущову, въ Москвѣ, принадлежитъ прекрасный портретъ Е. А. Бибиковой, повидимому, кисти Лагрене.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

81

CATHERINE ALEXANDROWNA BIBIKOFF, 1766—1833, née Tchébycheff, épousa le général major Gabriel Ilyitch Bibikoff, et fut mère du général aide de camp Dmitri Gavrilowitch Bibikoff (1792—1870), connu comme général gouverneur de Kieff et ministre de l'intérieur. Elle eut encore onze autres enfants, Paul († 1812), général major, qui épousa Elisabeth Andréewna Donetz-Zakharjewsky, mariée en secondes noces au comte A. Benckendorf, Gabriel († 10 juillet 1850), conseiller privé, marié à Catherine Pétrowna Bibikoff, Elie, général aide de camp, général gouverneur de Vilna, marié à Varvara Pétrowna Miatleff, Alexandre, Anne, mariée au général aide de camp N. Pankratieff, Sophie (1787—1856) au conseiller d'état actuel J. Bibikoff, Catherine au général major A. Arsénieff, Marie au conseiller d'état actuel A. Ducloud, Véra (1798—1861) au colonel P. Khrouchtchoff, Alexandrine, et un autre dont le nom est inconnu.

Mme Bibikoff mourut à 67 ans le 1er septembre 1833, et fut inhumée au monastère Novodévitchi, à Moscou, près de son mari.

Il existe chez P. Khrouchtchoff, à Moscou, un magnifique portrait d'elle, qui paraît bien être de Lagrenée.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Князь **ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ**, 1787—1858, старшій сынъ генералъ-поручика и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Василія Васильевича (р. 1752 г., † 1812 г.) отъ брака съ знаменитой красавицей княжной Екатериной Ѳедоровной Барятинской (р. 1769 г., † 1849 г.), родился въ С.-Петербургѣ 27 Марта 1787 года; получивъ домашнее воспитаніе въ родительскомъ домѣ, по тому времени блестящее, въ 1808 г. онъ поступилъ поручикомъ въ Семеновскій полкъ.

Оставивъ военную службу, князь В. В. Долгорукій всю жизнь прослужилъ по Придворному вѣдомству: въ 1812 г. онъ пожалованъ былъ въ камеръ-юнкеры, въ 1814 г.—въ камергеры. Черезъ 5 лѣтъ, 12 Декабря 1819 г., Долгорукій былъ сдѣланъ шталмейстеромъ и въ коронацію Императора Николая I получилъ Александровскую ленту. Пожалованный 1 Іюня 1832 г. въ оберъ-шталмейстеры, онъ получилъ 21 Апрѣля 1834 г. орденъ св. Владиміра 1 ст. и, наконецъ, 25 Марта 1839 г. сдѣланъ кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго. Князь В. В. Долгорукій былъ вице-президентомъ Вольно-Экономическаго общества. Умеръ онъ въ С.-Петербургѣ 12 Декабря 1858 г. и погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ. Женатъ былъ съ 7 Января 1812 г. на фрейлинѣ княжнѣ Варварѣ Сергѣевнѣ Гагариной (р. 1793 г., † 1833 г.), отъ которой имѣлъ 2 сыновей и 2 дочерей.

Кромѣ помѣщаемаго здѣсь портрета, у князя Д. Н. Долгорукаго, въ имѣніи Волынщина, имѣется еще 3 портрета князя Василія Васильевича: въ дѣтствѣ, офицеромъ Семеновскаго полка и въ старости. Еще одинъ портретъ его же, въ молодыхъ годахъ, рисунокъ сепіей, находится въ собраніи Великаго Князя Николая Михаиловича.

(Съ портрета, принадлежащаго князю Д. Н. Долгорукому, с. Волынщина, Московской губ.)

82

Le prince **BASILE VASSILIEWITCH DOLGOROUKY**, 1787—1858, fils aîné du prince Basile Vassiliewitch Dolgorouky (1752—1812), général lieutenant et conseiller privé actuel, et de la princesse, connue pour sa beauté, Catherine Féodorowna Bariatinsky (1769—1849), naquit à St-Pétersbourg le 27 mars 1787. Il reçut chez ses parents une éducation brillante au goût du temps, et devint en 1808 lieutenant au régiment Sémenowsky.

Le prince Dolgorouky quitta le service militaire pour la Cour, où il fit toute sa carrière. Gentilhomme de la chambre en 1812, chambellan en 1814, écuyer cinq ans plus tard, le 12 décembre 1819, il obtint le cordon de St-Alexandre au Couronnement de l'Empereur Nicolas Ier. Grand écuyer le 1er juin 1832, il fut décoré le 21 avril 1834 de St-Vladimir de 1re classe et enfin le 25 mars 1839 de St-André. Il était vice-président de la Société Economique Libre. Il mourut à St-Pétersbourg le 12 décembre 1858, et fut inhumé au cimetière de Smolensk. Il avait épousé le 7 janvier 1812 la princesse Varvara Serguéewna Gagarine (1793—1833), demoiselle d'honneur, dont il eut deux fils et deux filles.

Outre son portrait reproduit ici, il en existe trois autres chez le prince D. Dolgorouky, au domaine de Volynchtchina, un tout enfant, un en officier du régiment Sémenowsky et un vieillard. Il y a encore un portrait de lui, tout jeune, dans la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.

(D'après un original appartenant au prince D. Dolgorouky, Volynchtchina, gouv. de Moscou.)

БИБЛИОТЕКА
Пермской
Художественной Галереи
№ 3966

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ШУЛЬГИНЪ, 17..—1841, первоначально служилъ въ лейбъ-гвардіи Уланскомъ полку и былъ адъютантомъ Великаго Князя Константина Павловича. Изъ „окружныхъ начальниковъ Новгородскихъ“ онъ въ 1814 году былъ назначенъ Московскимъ оберъ-полиціймейстеромъ и служилъ въ Москвѣ до 1824 года, когда былъ переведенъ на ту же должность въ С.-Петербургъ. Послѣ событій 14 Декабря 1825 года Шульгинъ былъ уволенъ въ отставку и жилъ безвыѣздно въ Москвѣ, гдѣ и умеръ 29 Апрѣля 1841 года; погребенъ въ Московскомъ Даниловомъ монастырѣ.

Отъ брака съ Надеждой Петровной (фамилія ея намъ неизвѣстна) Шульгинъ имѣлъ сына Николая, пажа, умершаго въ отрочествѣ, и дочерей Александру (за Эминымъ), Елизавету, умершую въ младенчествѣ, Ирину и Софію, умершихъ въ преклонныхъ лѣтахъ дѣвицами.

По отзыву Н. Н. Муравьева, Шульгинъ, „человѣкъ простой и грубый, но исправный и проворный, хотя безъ дальнихъ соображеній, постоянно былъ употребляемъ къ должности полиціймейстера, къ которой имѣлъ особое призваніе; большой крикунъ, хлопотунъ, онъ любилъ иногда своеручно поколотить, пожары тушить и разсказывать о своихъ подвигахъ въ такомъ родѣ“. Пожарную команду онъ поставилъ по тому времени образцово и на пожарахъ своею смѣлостью и распорядительностью возбуждалъ восхищеніе въ толпѣ зрителей, кричавшихъ: „Вотъ отецъ, вотъ такъ молодецъ!“ Москвичи любили удалого и добродушнаго оберъ-полиціймейстера, и купцы помогали Шульгину, когда впослѣдствіи онъ впалъ въ бѣдность. Эта кипучая и лихая натура ни въ чемъ не знала удержу. „Если не нравится Москва“, говорилъ онъ, „такъ скажи прямо; я берусь выжечь ее не по-французски и не по-растопчински, а по-своему, такъ что послѣ меня не отстроятъ ея во сто лѣтъ“, и, пожалуй, былъ способенъ привести въ исполненіе это обѣщаніе. Шульгинъ жилъ большимъ бариномъ. На средства жены онъ построилъ великолѣпный домъ на Тверской (позднѣе Исакова), согласно съ послѣднимъ словомъ строительнаго искусства того времени, меблировка была роскошная; его кухня славилась безпримѣрной чистотой, а столъ изысканными блюдами, за приготовленіемъ которыхъ онъ самъ любилъ наблюдать.

Подъ конецъ жизни Шульгинъ запутался въ долгахъ и разорился. Князь Д. В. Голицынъ, съ которымъ онъ не ладилъ въ бытность полиціймейстеромъ, но который цѣнилъ очень Шульгина, много ему помогалъ. Послѣдніе годы онъ жилъ близъ Арбата, въ небольшомъ домикѣ въ три окна. Шульгинъ въ это время сильно опустился, сталъ пить, и нерѣдко можно было видѣть, какъ бывшій оберъ-полиціймейстеръ, несмотря на чинъ генералъ-майора, въ засаленномъ халатѣ кололъ на дворѣ дрова или рубилъ капусту.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

ALEXANDRE SERGUÉEWITCH CHOULGUINE, 17..—1841, servit d'abord aux uhlans de la Garde et fut aide de camp du Grand-Duc Constantin Pavlowitch. Commissaire de police à Novgorod, il fut nommé en 1814 préfet de police de Moscou, puis, en 1824, de Pétersbourg. A la suite des événements du 14 décembre 1825, il fut mis à la retraite et se fixa définitivement à Moscou, où il mourut le 29 avril 1841, et fut inhumé au monastère Daniloff.

Il eut de son mariage avec Nadejda Pétrowna, de famille inconnue, un fils Nicolas, page, mort adolescent, et plusieurs filles, Alexandrine, mariée à Emine, Elisabeth, morte enfant, Irène et Sophie, mortes sans alliance à un âge avancé.

„Simple et grossier, mais soigneux et entendu, sans être d'ailleurs capable de réflexion bien approfondie", dit N. Mouravieff, Choulguine „fut constamment chargé des fonctions de préfet de police, pour lesquelles il avait une vocation spéciale: grand braillard, toujours affairé, il aimait parfois faire lui-même le coup de poing, aller aux incendies et raconter ses prouesses de ce genre". Il organisa une équipe de pompiers modèle pour l'époque, et sa hardiesse et son habileté aux incendies arrachaient à la foule des cris d'admiration. Les moscovites aimaient bien ce préfet gaillard et bon enfant, et les marchands faisaient beaucoup pour lui, ce qui ne l'empêcha pas de tomber dans la misère. Nature bouillante et aventureuse, il ne connaissait pas de frein: „Si Moscou ne plaît pas", disait-il, „dis-le carrément! je me charge d'y mettre le feu, mais pas à la française ni à la Rostoptchine, à ma façon, et elle ne s'en relèvera pas en cent ans!" Et il était bien homme à le faire! Choulguine vivait sur un grand pied. Il fit bâtir aux frais de sa femme une maison magnifique à la Tverskaïa (plus tard maison Issakoff), selon le dernier mot de la technique du temps, luxueusement meublée, avec une cuisine renommée pour sa propreté sans précédent; il avait une table recherchée, dont il aimait à surveiller lui-même les apprêts.

Sur la fin de sa vie, Choulguine s'endetta et se ruina. Le prince D. Golitzyne, avec lequel il avait eu des difficultés étant préfet, mais qui faisait grand cas de lui, lui vint beaucoup en aide. Il habitait dans les derniers temps une petite maison à trois fenêtres de façade près de l'Arbat. Il en vint à se négliger au dernier point, se mit à boire, et on pouvait voir souvent l'ancien préfet de police, tout général major qu'il était, en robe de chambre graisseuse, installé dans sa cour à fendre du bois ou à hacher des choux.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

80

Гавріилъ Ильичъ Бибиковъ, 1746 — 1803

Gabriel Ilyitch Bibikoff, 1746 — 1803

81

Екатерина Александровна Бибикова, 1766 — 1833

Catherine Alexandrowna Bibikoff, 1766 — 1833

82

Князь Василій Васильевичъ Долгорукій, 1787 — 1858

Le Prince Basile Vassiliewitch Dolgorouky, 1787 — 1858

83

Александръ Сергѣевичъ Шульгинъ, 17 . . — 1841

Alexandre Sergiéewitch Choulguine, 17 . . — 1841

РУССКІЕ RUSSES PORTRAITS ПОРТРЕТЫ

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галлереи

84

Баронесса **ЕЛИЗАВЕТА ДМИТРІЕВНА РОЗЕНЪ**, 1790—1862, дочь генералъ-майора графа Дмитрія Александровича Зубова (р. 1764 г., † 1836 г.), женатаго на княжнѣ Прасковіи Александровнѣ Вяземской (р. 1772 г., † 1835 г.), дочери Екатерининскаго генералъ-прокурора, была родной племянницей фаворита Платона Зубова; 20-и лѣтъ, будучи фрейлиной, вышла замужъ за молодого генералъ-майора барона Григорія Владиміровича Розена, позднѣе генералъ-адъютанта, главнокомандующаго въ Грузіи и сенатора въ Москвѣ.

Отъ этого брака у баронессы Елизаветы Дмитріевны Розенъ было 2 сына: Александръ (р. 12 Декабря 1812 г., † 24 Января 1874 г.; полковникъ) и Дмитрій (р. 1815 г.; полковникъ), и 4 дочери: Аделаида, Лидія (р. 2 Января 1817 г., † 6 Декабря 1866 г.; въ замужствѣ за княземъ Александромъ Леоновичемъ Дадіаномъ, р. 1800 г., † 1865 г.; мужъ ея, обвиненный въ злоупотребленіяхъ по службѣ, лично Императоромъ Николаемъ I лишенъ былъ флигель-адъютантства, а судомъ—чиновъ, и сосланъ въ Вятку; похоронены оба въ Донскомъ монастырѣ, въ Москвѣ), Софія (р. 4 Апрѣля 1821 г., † 11 Января 1900 г.; въ замужствѣ за В. С. Аладьинымъ, р. 1796 г., † 1876 г.; оба похоронены въ Андроніевомъ монастырѣ, въ Москвѣ. Въ собраніи Великаго Князя Николая Михаиловича имѣются 2 портрета графа Д. А. Зубова и его жены, рисованные акварелью внучкой ихъ баронессой Софіей Розенъ) и Прасковія (р. 1825 г., † 12 Августа 1899 г.; извѣстная своей дѣятельностью и печальной судьбой игуменія Митрофанія; похоронена въ Москвѣ, въ основанной ею Покровской общинѣ).

(Съ портрета Лампи-сына; собственность графини Е. П. Коновницыной, въ Москвѣ.)

84

La baronne **ÉLISABETH DMITRIEWNA ROSEN**, 1790—1862, fille du comte Dmitri Alexandrowitch Zouboff (1764—1836), général major, et de Prascovie Alexandrowna, née princesse Viazemsky (1772—1835), fille du procureur général du temps de Catherine II, était la nièce du favori Platon Zouboff. Demoiselle d'honneur, elle épousa à l'âge de 20 ans le jeune général major baron Grégoire Vladimirowitch Rosen, plus tard général aide de camp, commandant en chef en Géorgie et sénateur à Moscou.

La baronne eut de ce mariage deux fils, Alexandre (12 décembre 1812—24 janvier 1874), colonel, et Dmitri (né 1815), colonel, et quatre filles, Adélaïde, Lydie (2 janvier 1817—6 décembre 1866), mariée au prince Alexandre Léonowitch Dadian (1800—1865), qui, convaincu de malversations dans le service, fut dépouillé par l'Empereur Nicolas Ier en personne de sa dignité d'aide de camp de Sa Majesté, et condamné à la dégradation et à la relégation à Viatka (il fut inhumé avec sa femme au monastère Donskoï, à Moscou), Sophie (4 avril 1821—11 janvier 1900), mariée à Aladyine (1796—1876) et inhumée avec lui au monastère Andronieff, à Moscou (il y a dans la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch deux aquarelles représentant le comte D. Zouboff et sa femme, faites par leur petite-fille la baronne Sophie Rosen), et Prascovie (1825—12 août 1899), l'abbesse Mitrophanie, connue par son activité et son triste sort, inhumée à la communauté de l'Intercession, fondée par elle.

(D'après un original de Lampi fils, appartenant à la comtesse E. Konovnitzyne, Moscou.)

Баронъ **ГРИГОРІЙ ВЛАДИМІРОВИЧЪ РОЗЕНЪ**, 1782—1841, сынъ барона Владиміра Ивановича Розена, съ отличіемъ служившаго при Императрицѣ Екатеринѣ II (р. 1742 г., † 1792 г.), отъ брака съ Олимпіадой Ѳедоровной Раевской, родился 30 Сентября 1782 г. и поступилъ на службу въ 1797 г. въ Преображенскій полкъ. Первою кампаніей его была война 1805 г., и за Аустерлицъ онъ награжденъ золотой шпагой „за храбрость". Въ кампаніяхъ 1806 и 1807 гг. Розенъ былъ въ кавалерійскомъ отрядѣ Платова и, участвуя почти во всѣхъ дѣлахъ, былъ произведенъ въ полковники, получилъ орденъ св. Владиміра 3 ст. и былъ назначенъ шефомъ 1-го егерскаго полка. За участіе въ Финляндской кампаніи 1808 и 1809 гг. Розенъ произведенъ въ генералъ-майоры. Въ 1810 г. онъ получилъ гвардейскую бригаду Преображенцевъ и Семеновцевъ, а 16 Декабря 1812 г. назначенъ командиромъ Преображенскаго полка. Въ Отечественную войну баронъ Розенъ принялъ выдающееся участіе въ сраженіяхъ при Вязьмѣ и Бородинѣ, а подъ Краснымъ, командуя авангардомъ генерала Тормасова, особенно отличился, обойдя противника и нанеся пораженіе Наполеоновской гвардіи. Ордена св. Анны 1 ст. и св. Георгія 3 ст. были наградами ему за эти подвиги. Въ Апрѣлѣ 1813 г. Розенъ получилъ 1-ю гвардейскую пѣхотную дивизію и былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Онъ съ успѣхомъ дѣйствовалъ со своей дивизіей, въ 1813 г., въ сраженіяхъ при Люценѣ, Бауценѣ, Дрезденѣ, Кульмѣ и въ „битвѣ народовъ"—подъ Лейпцигомъ. По окончаніи войнъ, въ 1818 г. Розенъ былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ Императора Александра I, а въ 1821 г. начальникомъ 15-й пѣхотной дивизіи. При коронованіи Императора Николая Павловича, Розенъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи; въ слѣдующемъ году онъ получилъ Литовскій корпусъ. Въ 1830 г. произошелъ Польскій мятежъ; здѣсь въ началѣ кампаніи баронъ Розенъ выказалъ большую распорядительность, командуя 6-мъ корпусомъ, и съ успѣхомъ дрался при Ваврѣ и Гроховѣ, но при Дембевельке его постигла крупная неудача, и послѣ того онъ остался со своимъ корпусомъ прикрывать Брестъ-Литовскъ. Въ концѣ кампаніи онъ удачно преслѣдовалъ польскія войска генерала Ромарино до предѣловъ Галиціи; наградами за всѣ эти дѣла были ордена св. Владиміра 1 ст. и св. Георгія 2 ст.; въ концѣ 1831 г. баронъ Розенъ получилъ отдѣльный Кавказскій корпусъ и былъ назначенъ главноуправляющимъ въ Грузіи, гдѣ пробылъ шесть лѣтъ, до 1837 года. Въ этомъ году Императоръ Николай совершилъ свое путешествіе по Кавказу и остался доволенъ хозяйственными распоряженіями барона Григорія Владиміровича, но во время этого путешествія былъ рядъ разныхъ неудачъ и непріятностей другого рода, которыя сильно повліяли на Розена; въ особенности огорчило его разжалованіе его зятя командира Эриванскаго карабинернаго полка князя Александра Леоновича Дадіана, который лично Николаемъ I 11 Октября 1837 г. былъ лишенъ публично на смотру флигель-адъютантскаго званія, которое тутъ же было, правда, пожаловано сыну Розена (князь Дадіанъ 2 Іюля 1840 г. былъ лишенъ по суду чиновъ, орденовъ, княжества и сосланъ въ Вятку; прощенъ 23 Іюня 1856 г.). Послѣ того Розенъ просилъ увольненія отъ должности, по разстроенному здоровью, и былъ назначенъ присутствующимъ въ Московскіе департаменты Сената, гдѣ и оставался до своей кончины, послѣдовавшей 6 Августа 1841 г.; похороненъ въ Москвѣ, въ Даниловомъ монастырѣ; онъ былъ женатъ на графинѣ Елизаветѣ Дмитріевнѣ Зубовой, отъ которой имѣлъ 2 сыновей и 4 дочерей.

Баронъ Г. В. Розенъ, хотя и не обладалъ особенно выдающимися военными дарованіями, но въ бою былъ хладнокровенъ и храбръ, а въ частной жизни былъ извѣстенъ своей честностью и порядочностью, которыя заслужили ему уваженіе современниковъ.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Le baron **GRÉGOIRE VLADIMIROWITCH ROSEN**, 1782—1841, fils du baron Vladimir Ivanowitch Rosen (1742—1792), qui servit avec distinction sous Catherine II, et d'Olympiade Féodorowna, née Raewsky, naquit le 30 septembre 1782 et prit du service en 1797 au régiment Préobragensky. Il fit d'abord la campagne de 1805, où Austerlitz lui valut une épée d'or „A la bravoure", puis celles de 1806/07, où, au corps de cavalerie de Platoff, il fut de presque tous les engagements, gagna le grade de colonel et St-Vladimir de 3e classe, et fut nommé chef du 1er régiment de chasseurs. La guerre de Finlande, en 1808/09, lui valut le grade de général major. En 1810, il reçut la brigade des régiments Préobragensky et Sémenowsky, et, le 16 décembre 1812, fut nommé commandant du régiment Préobragensky. Lors de la Guerre Patriotique, il prit une part brillante aux batailles de Viazma et Borodino, et se signala particulièrement à Krasnoïé, à la tête de l'avant-garde du général Tormassoff, en tournant l'ennemi et taillant en pièces la Garde de Napoléon; il obtint en récompense Ste-Anne de 1re classe et St-Georges de 3e classe. En avril 1813, promu général lieutenant, il reçut la 1re division d'infanterie de la Garde, à la tête de laquelle il opéra avec succès à Lutzen, Bautzen, Dresde, Kulm et Leipzig. A la paix, il fut nommé en 1818 général aide de camp d'Alexandre Ier, et en 1821 chef de la 15e division d'infanterie. Promu général d'infanterie au couronnement de l'Empereur Nicolas, il fut mis l'année suivante à la tête du corps de Lithuanie. Lors de l'insurrection de Pologne de 1830, il fit preuve dès le début de la campagne d'un grand esprit d'organisation, et, avec le 6e corps, prit une part heureuse aux combats de Wawra et Grokhovo, mais essuya ensuite un gros échec à Dembewelke, et dut dès lors se borner à couvrir Brest-Litowsk. A la fin de la campagne, il poursuivit avec succès les troupes polonaises du général Romarino jusqu'à la frontière de Galicie. Toute cette campagne lui valut St-Vladimir de 1re classe et St-Georges de 2e classe. Dans les derniers mois de 1831, il reçut le corps détaché du Caucase et fut nommé administrateur général de la Géorgie, où il resta six ans, jusqu'au voyage que fit au Caucase Nicolas Ier en 1837 et qui, malgré l'approbation que trouvèrent près de l'Empereur ses actes d'administrateur, fut marqué par une série désastreuse de désagréments et de déconvenues d'un autre genre, en particulier l'affaire de son gendre le prince Alexandre Léonowitch Dadian, commandant du régiment des carabiniers d'Erivan, dépouillé publiquement à une revue, le 11 octobre 1837, par Nicolas Ier en personne de la dignité d'aide de camp de Sa Majesté, conférée, il est vrai, à son fils à cette même cérémonie. (Le prince Dadian se vit enlever par jugement le 2 juillet 1840 ses grades, ses décorations et sa dignité de prince, et reléguer à Viatka; il fut gracié le 23 juillet 1856.) Le baron Rosen donna alors sa démission pour raisons de santé, et fut fait sénateur aux départements de Moscou, où il resta jusqu'à sa mort. Il mourut le 6 août 1841, et fut inhumé à Moscou, au monastère Daniloff. Il avait épousé la comtesse Elisabeth Dmitriewna Zouboff, dont il eut deux fils et quatre filles.

Sans rien de bien saillant comme officier, le baron Rosen avait du sang-froid et de la bravoure au feu; comme particulier, sa probité et sa respectabilité lui valurent l'estime générale.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

ВАСИЛІЙ СЕРГѢЕВИЧЪ ЛАНСКОЙ, 1754—1831, сынъ Сергѣя Артемьевича отъ брака съ Анной Ѳедоровной Ушаковой (р. 1724 г., † 1809 г.), двоюродный братъ фаворита Екатерины II и дядя министра внутреннихъ дѣлъ при Александрѣ II, въ молодости служилъ до чина полковника въ военной службѣ, затѣмъ, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, былъ губернаторомъ Саратовскимъ (1795—1802) и Гродненскимъ, а въ 1813 г. назначенъ президентомъ временного правительства Царства Польскаго. По оставленіи этой должности онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Съ Августа 1823 г. по Апрѣль 1828 г. Ланской управлялъ Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ. Онъ посвятилъ свою дѣятельность на устройство своего вѣдомства и администраціи и не предпринималъ никакихъ преобразованій. Дослужившись до чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и будучи кавалеромъ орденовъ св. Александра Невскаго и Владиміра 1 ст., Ланской скончался 22 Іюня 1831 г. „отъ старости и изнеможенія“, по выраженію некролога въ „Сѣверной Пчелѣ“.

К. Я. Булгаковъ писалъ брату по поводу его смерти: „В. С. Ланской вчера утромъ умеръ, говорятъ, точно отъ холеры; но онъ самъ виноватъ: всякій день купался, несмотря на холодную погоду“. Вигель даетъ въ своихъ „Запискахъ“ слѣдующую характеристику Ланского: „Чтобы замѣстить его“ (Кампенгаузена, управлявшаго Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ), „взялись за устарѣвшаго В. С. Ланского, а потомъ, забывшись, остался онъ на этомъ мѣстѣ. Онъ былъ нѣкогда лихимъ гусарскимъ полковникомъ Сумского полка и страстнымъ обожателемъ прекрасныхъ. Видно, было въ немъ что-нибудь еще другое, ибо Екатерина избрала его губернаторомъ въ Саратовъ, и тамъ онъ былъ совсѣмъ не лихимъ, а дѣятельнымъ и искуснымъ правителемъ ввѣренной ему страны. По его желанію, при Александрѣ, въ томъ же званіи, онъ переведенъ въ Гродну и тамъ, кажется, оставался до 1812 года. Супругъ и отецъ семейства, онъ въ прелестяхъ полекъ находилъ извиненіе частымъ своимъ невѣрностямъ. По занятіи Варшавы русскими находился онъ долго членомъ временного тамъ правительства, пока не сдѣлали его членомъ Государственнаго Совѣта. Въ двухъ Капуяхъ, Гроднѣ и Варшавѣ, труды и наслажденія изнурили умственныя силы этого старца еще болѣе, чѣмъ тѣлесныя. Онъ хорошо понялъ, что слѣпому случаю обязанъ министерствомъ и совершенно предался ему, мало заботясь о дѣлахъ, никогда не имѣлъ докладовъ у Государя и все почиталъ себя наканунѣ увольненія“. „Сѣверная Пчела“ напутствовала его такими словами: „Вѣрною и продолжительною службою Государю и отечеству, примѣрною жизнью, кротостью души и исполненіемъ всѣхъ добродѣтелей христіанина, гражданина и человѣка оставилъ онъ по себѣ память, которая не изгладится въ сердцахъ всѣхъ тѣхъ, которые его знали“.

В. С. Ланской былъ женатъ дважды (первая его жена была полька, вторая—Варвара Матвѣевна Пашкова, † 1831 г.) и имѣлъ сына Николая и 4 дочерей: Анну (р. 1793 г., † 1868 г.), за княземъ А. Б. Голицынымъ, Людмилу, за А. Н. Шахматовымъ, Софію (фрейлина) и Варвару (фрейлина).

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

BASILE SERGUÉEWITCH LANSKOÏ, 1754—1831, fils de Serge Artémiewitch Lanskoï et d'Anne Féodorowna, née Ouchakoff (1724—1809), cousin germain du favori de Catherine II et oncle du ministre de l'intérieur d'Alexandre II, fut d'abord officier et parvint au grade de colonel, puis, conseiller d'état actuel, devint gouverneur de Saratoff (1795—1802) et de Grodno, et fut nommé en 1813 président du gouvernement provisoire du Royaume de Pologne, d'où il passa membre du Conseil de l'Empire. Gérant du ministère de l'intérieur depuis le mois d'août 1823 jusqu'en avril 1828, il se borna à organiser ses services et son administration, sans entreprendre aucune réforme. Il mourut conseiller privé actuel et chevalier de St-Alexandre Newsky et de St-Vladimir de 1re classe, le 22 juin 1831, „de vieillesse et d'épuisement", dit l'Abeille du Nord dans sa nécrologie.

„Lanskoï est mort hier matin", écrit Constantin Boulgakoff à son frère, „du choléra, à ce qu'on dit; mais c'est bien sa faute: chaque jour il se baignait, par tous les froids". Et Wiegel dit dans ses mémoires: „Pour le remplacer" (Kampenhausen, l'ancien gérant du ministère de l'intérieur), „on a été prendre le vieux Lanskoï; puis on l'a oublié là, et il y est resté. Dans son temps, c'était un fringant colonel des hussards de Soumy, adorateur passionné des belles. Il avait bien sans doute quelque autre mérite, car Catherine le nomma gouverneur de Saratoff, et là, sans plus faire le fringant, il se montra actif et habile administrateur. Sous Alexandre, il passa, sur sa demande, avec le même titre à Grodno, où il resta, je crois, jusqu'en 1812. Epoux et père, il trouva dans le charme des polonaises une excuse à ses nombreuses infidélités. Lors de l'occupation de Varsovie par les Russes, il fut longtemps membre du gouvernement provisoire de Pologne, et devint ensuite membre du Conseil de l'Empire. A Grodno comme à Varsovie, les travaux et les délices de ces deux Capoues épuisèrent le vieillard, plus encore intellectuellement que physiquement. Convaincu que ce n'était qu'à la fortune aveugle qu'il devait son ministère, il s'abandonna complètement à elle, ne s'occupant guère de rien, ne faisant jamais de rapports à l'Empereur et se considérant toujours comme à la veille d'être remplacé". L'Abeille du Nord fait en ces termes son oraison funèbre: „Vieux et fidèle serviteur de son Prince et de sa patrie, sa vie exemplaire, sa douceur d'âme et ses nombreuses vertus chrétiennes, civiques et familiales lui vaudront le souvenir ineffaçable de tous ceux qui le connurent".

Lanskoï fut marié deux fois, en premières noces à une polonaise, en secondes noces à Varvara Matvéewna Pachkoff († 1831). Il eut un fils, Nicolas, et quatre filles, Anne (1793—1868), mariée au prince A. Golitzyne, Ludmila à A. Chakhmatoff, Sophie, demoiselle d'honneur, et Varvara, demoiselle d'honneur.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

ДМИТРІЙ ПАВЛОВИЧЪ ТАТИЩЕВЪ, 1767—1845, сынъ надворнаго совѣтника Павла Сергѣевича и Маріи Яковлевны, рожденной Аршеневской, въ 1780 г. былъ корнетомъ въ Конной гвардіи, въ 1791 г.— волонтеромъ въ арміи Потемкина, а въ слѣдующемъ году началъ свою дипломатическую карьеру въ должности повѣреннаго въ дѣлахъ въ Константинополѣ. Въ 1794 г. участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Польшѣ и за штурмъ Варшавы получилъ орденъ св. Георгія 3 степени. Въ царствованіе Павла I быстро возвысился: въ 1796 г. изъ ротмистровъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры, а черезъ 3 года назначенъ членомъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, съ чиномъ тайнаго совѣтника. При Александрѣ I былъ посланникомъ въ Неаполѣ въ 1802 г. и съ 1805 по 1808 г., затѣмъ пожалованъ въ 1810 г. въ сенаторы, а въ 1812 г. назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Мадридъ, гдѣ пробылъ почти 9 лѣтъ, при чемъ, будто бы, пагубно вліялъ на короля Фердинанда VII, толкая его на путь реакціи. Въ 1819 г. Татищевъ былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, въ 1821 г. назначенъ посланникомъ въ Гаагу, но туда не поѣхалъ, въ 1822 г. былъ полномочнымъ на конгрессѣ въ Веронѣ и затѣмъ назначенъ посломъ въ Вѣну, гдѣ и оставался до 1841 г., при чемъ 6 Декабря 1838 г. былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Потеря зрѣнія заставила его отказаться отъ дипломатическаго поприща, и онъ сдѣланъ былъ, 13 Апрѣля 1841 г., оберъ-камергеромъ. Въ то время ему было уже 74 года, и онъ имѣлъ всѣ русскіе ордена, до алмазныхъ знаковъ ордена св. Андрея Первозваннаго включительно, и, кромѣ того, иностранные ордена св. Стефана, Анунціаты и Золотого руна.

Не чуждый „прирожденной спеси“, въ Вѣнѣ Татищевъ жилъ богатымъ русскимъ бариномъ и совершенно разстроилъ свое хорошее состояніе; гостиная его охотно посѣщалась тамошней аристократіей. Лѣнивый тѣломъ, близорукій, но дѣятельный духомъ, по словамъ современниковъ, его подчиненныхъ и особенно искренно любившаго его А. Я. Булгакова, начавшаго службу при немъ въ Неаполѣ, Татищевъ былъ рѣдкій начальникъ, человѣкъ умный, добрый, благородный и снисходительный. Слабохарактерный, онъ доступенъ былъ, однако, стороннему вліянію, любившій пышность и знаки отличія, онъ особенно гордился званіемъ „бальи“ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго.

Послѣдніе годы Татищевъ жилъ на попеченіи преданнаго своего слуги, француза Прево, въ положеніи, близкомъ къ нуждѣ, и скончался въ его домѣ, въ Вѣнѣ, 16 Сентября 1845 г.; похороненъ въ селѣ Татищевомъ Погостѣ, Ростовскаго уѣзда. На могилѣ его нѣтъ ни памятника, ни рѣшетки, и только нѣсколько кирпичей у алтаря церкви указываютъ на мѣсто могилы кавалера орденовъ св. Андрея и Золотого руна.

Д. П. Татищевъ не въ молодыхъ уже годахъ женился на разведенной съ мужемъ Юліи Александровнѣ Безобразовой, рожденной Конопкѣ; дѣтей отъ этого брака не было, но у него и у жены оберъ-бергмейстера Наталіи Алексѣевны Колтовской, дочери богача и горнозаводчика Турчанинова (р. 1773 г., † 1840 г.), оставившей въ 1796 г. своего мужа („Арх. Воронцова“, XVIII, 315), было двое „воспитанниковъ“, Павелъ и Владиміръ Дмитріевичи, получившихъ фамилію Соломирскихъ и наслѣдовавшихъ путемъ „покупки“ колоссальное состояніе матери.

Кромѣ другой миніатюры, принадлежащей также Великому Князю Николаю Михаиловичу (см. т. I, № 160), извѣстенъ еще портретъ Д. П. Татищева, письма Тропинина, въ Московскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

DMITRI PAVLOWITCH TATICHTCHEFF, 1767—1845, fils du conseiller de cour Paul Serguéewitch Tatichtcheff et de Marie Yakovlewna, née Archénewsky, fut en 1780 cornette à la Garde à cheval, en 1791 volontaire à l'armée de Potemkine, et débuta l'année suivante dans la carrière diplomatique comme chargé d'affaires à Constantinople. Il fit en 1794 la campagne de Pologne, et l'assaut de Varsovie lui valut St-Georges de 3e classe. Il eut sous Paul Ier un avancement rapide: capitaine de cavalerie, il permuta en 1796 chambellan actuel, et, trois ans plus tard, fut nommé membre du Collège des Affaires étrangères avec rang de conseiller privé. Sous Alexandre Ier, il fut ministre à Naples en 1802, puis de 1805 à 1808, devint ensuite sénateur en 1810, et fut nommé en 1812 envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire à Madrid, où il resta près de neuf ans, et où il aurait eu sur le roi Ferdinand VII une pernicieuse influence en le poussant dans la voie de la réaction. En 1819, Tatichtcheff fut promu conseiller privé actuel, en 1821, nommé ministre à La Haye, où il ne se rendit pas, en 1822, plénipotentiaire au congrès de Vérone, puis ambassadeur à Vienne, où il resta jusqu'en 1841; le 6 décembre 1838, il avait été nommé membre du Conseil de l'Empire. La perte de la vue l'obligea à renoncer à la carrière diplomatique et il fut fait grand chambellan le 13 avril 1841. Il n'avait pas moins de 74 ans à cette époque et possédait tous les ordres russes, y compris St-André en brillants, et en outre, les décorations étrangères de St-Etienne, de l'Annonciade et de la Toison d'Or.

Non exempt d'une certaine „morgue naturelle", il eut à Vienne un grand train de vie à la russe qui ruina complètement sa solide fortune; son salon était fréquenté par l'aristocratie du pays. Au témoignage des contemporains et de ses inférieurs, entre autres Alexandre Boulgakoff, qui avait débuté sous ses ordres à Naples et lui conservait une amitié particulièrement sincère, Tatichtcheff, avec sa myopie et son allure nonchalante, avait un esprit très actif: dans le service, c'était un chef comme on en voit rarement, intelligent, bon, délicat et indulgent. D'un caractère faible, il était pourtant accessible aux influences étrangères; il aimait l'apparat et les marques de distinction, et était particulièrement fier du titre de bailli de l'ordre de St-Jean-de-Jérusalem.

Il passa les dernières années de sa vie dans une position voisine de la gêne, aux soins d'un serviteur dévoué, le français Prévost, chez lequel il mourut à Vienne, le 16 septembre 1845. Il fut inhumé au village de Tatichtcheff-Pogost, près Rostoff; il n'y a sur sa tombe ni monument, ni grille: seules quelques briques au chevet de l'église marquent le lieu de la sépulture du chevalier de St-André et de la Toison d'Or.

Tatichtcheff épousa, à un âge déjà mûr, une femme divorcée, Julie Alexandrowna Bézobrazoff, née Konopka, dont il n'eut pas d'enfants, mais il eut de la fille du richissime usinier Tourtchaninoff, Natalie Alexéewna (1773—1840), qui avait quitté en 1796 son mari l'ingénieur Koltowsky (Archive Worontzoff, XVIII, 315), deux pupilles, Paul et Vladimir, qui reçurent le nom de Solomirsky et héritèrent par „rachat" de la colossale fortune de leur mère.

Outre une autre miniature appartenant aussi au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch (T. I, № 160), il existe encore un portrait de Tatichtcheff, par Tropinine, aux Archives du Ministère des Affaires étrangères, à Moscou.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

84

Баронесса Елизавета Дмитріевна Розенъ,
1790 — 1862

La Baronne Elisabeth Dmitriewna Rosen,
1790 — 1862

85

Баронъ Григорій Владиміровичъ Розенъ,
1782 — 1841

Le Baron Grégoire Vladimirowitch Rosen,
1782 — 1841

86

Василій Серѣевичъ Ланской,
1754 — 1831

Basile Serguéewitch Lanskoï,
1754 — 1831

87

Дмитрій Павловичъ Татищевъ,
1767 — 1845

Dmitri Pavlowitch Tatichtcheff,
1767 — 1845

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи

ГАВРІИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СКОРОДУМОВЪ, 1755—1792, былъ сынъ живописца Ивана Ивановича Скородумова. Даты о его рожденіи крайне сбивчивы: по однимъ свѣдѣніямъ, онъ родился 12 Марта 1755 г., по другимъ—16 Апрѣля 1753 г., по третьимъ—въ 1748 году. Еще мальчикомъ онъ отданъ былъ въ Академію Художествъ, гдѣ обучался живописи масляными красками, акварелью и гравированію рѣзцомъ. Въ 1773 г. онъ посланъ былъ, на казенный счетъ, для усовершенствованія въ Лондонъ и тамъ поступилъ къ знаменитому граверу Бартолоцци. Съ этого времени онъ бросилъ рѣзецъ и, по примѣру учителя, сталъ гравировать пунктирною манерою, бывшею тогда въ большой модѣ. Еще тамъ, въ Лондонѣ, онъ имѣлъ большой успѣхъ, такъ что, говорятъ, король Георгъ III лично уговаривалъ его остаться навсегда въ Англіи. Тамъ же онъ и женился на англичанкѣ, которая, выучившись у него гравированію, помогала ему потомъ, по свидѣтельству Ѳ. И. Іордана, во многихъ его работахъ, а позднѣе гравировала и самостоятельно. Вернувшись въ Петербургъ, въ 1782 г., Скородумовъ вскорѣ (1785 г.) получилъ званіе академика и гравера Кабинета Ея Императорскаго Величества, а также должность смотрителя гравюръ въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Кромѣ гравированія, онъ занимался акварелью и миніатюрой и писалъ, по заказу Кабинета, царскіе портреты для жалованныхъ перстней и табакерокъ. Умеръ онъ отъ холерины 12 Іюля 1792 г., не оставивши потомства. Жена его, Марья Ивановна, вышла потомъ замужъ за баталическаго живописца М. М. Иванова. Кромѣ нея, изъ учениковъ Скородумова извѣстны: мужъ его сестры, Аграфены Ивановны, Сергѣй Васильевичъ Васильевъ и родоначальникъ цѣлой группы граверовъ пунктиромъ Иванъ Розановъ.

Рѣзцовыя гравюры Скородумова не имѣютъ большихъ достоинствъ, тогда какъ пунктирныя, особенно съ оригиналовъ Анжелики Кауфманъ, не уступаютъ работамъ его учителя и высоко цѣнятся, не только у насъ, но и за границей.

Въ Академіи Художествъ сохранился его акварельный автопортретъ, съ котораго гравировалъ Іорданъ. По словамъ послѣдняго, у жены Скородумова былъ еще его портретъ, писанный Рейнольдсомъ; но этотъ портретъ, по ея завѣщанію, былъ погребенъ вмѣстѣ съ нею.

(Съ портрета Краузе, 1791 г., изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

GABRIEL IVANOWITCH SKORODOUMOFF, 1755—1792, fils du peintre Ivan Ivanowitch Skorodoumoff, naquit à une date incertaine, selon les uns le 12 mars 1755, selon d'autres le 16 avril 1753, suivant une troisième version en 1748. Il fut mis encore enfant à l'Académie des Beaux-Arts, où il étudia la peinture à l'huile, l'aquarelle et la gravure au burin. Boursier de l'Etat en 1773 pour aller se perfectionner à Londres, il y entra chez le célèbre graveur Bartolozzi, à l'exemple duquel il renonça au burin pour le pointillé, alors en grande vogue. Il eut à Londres un succès considérable, et le Roi Georges III l'engagea, dit-on, personnellement à rester définitivement en Angleterre. Il y épousa une anglaise, à laquelle il apprit son art, qui collabora ensuite, au témoignage de Th. Jordan, à beaucoup de ses œuvres et dans la suite grava même toute seule. De retour à Pétersbourg en 1782, il obtint en 1785 le titre d'académicien et de graveur du Cabinet de Sa Majesté, ainsi que les fonctions de conservateur des gravures de l'Ermitage Impérial. Outre la gravure, il faisait l'aquarelle et la miniature, et exécutait les portraits de l'Empereur commandés par le Cabinet pour les bagues et les tabatières présents de Sa Majesté. Il mourut de la cholérine le 12 juillet 1792 sans laisser de postérité. Sa femme se remaria au batailliste M. Ivanoff. A part elle, il eut encore comme élèves le mari de sa sœur Agrippine, Serge Vassiliewitch Vassilieff, et le chef de toute une pléiade de graveurs au pointillé, Ivan Rosanoff.

Les burins de Skorodoumoff n'ont pas grande valeur, tandis que ses pointillés, surtout ses reproductions d'Angélique Kaufmann, ne sont pas inférieurs à ceux de son maître, et sont fort appréciés, tant en Russie qu'à l'étranger.

L'Académie des Beaux-Arts possède un portrait de lui à l'aquarelle fait par lui-même et reproduit en gravure par Jordan, au témoignage duquel la femme de Skorodoumoff en avait un autre par Reinolds, mais avec lequel elle demanda par testament à être enterrée.

(D'après l'original de Krause, 1791, collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

АЛЕКСАНДРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ВАРНЕКЪ, 1782—1843, родился въ Петербургѣ, учился въ Академіи Художествъ у Д. Г. Левицкаго и С. С. Щукина; въ 1803 г. былъ отправленъ на казенный счетъ за границу, но съ самаго пріѣзда въ Римъ заболѣлъ. Хотя въ 1806 г. Академія постановила было продлить ему пенсіонъ еще на годъ, но онъ самъ попросилъ разрѣшенія вернуться въ Россію. По возвращеніи въ Петербургъ, за портретъ графа С. О. Потоцкаго, онъ произведенъ въ академики и въ томъ же году сталъ заниматься преподаваніемъ портретной живописи въ Академіи, сперва безъ жалованья, а въ 1815 г. назначенъ штатнымъ преподавателемъ въ классъ миніатюрной живописи, на освободившуюся тамъ вакансію. Умеръ А. Г. Варнекъ въ 1843 году.

Въ противоположность своему учителю, С. С. Щукину, Варнекъ отличался въ своихъ работахъ мастерскимъ рисункомъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ, но очень жесткимъ колоритомъ. Его, по справедливости, считаютъ однимъ изъ лучшихъ портретистовъ своего времени. Къ лучшимъ его работамъ принадлежатъ его собственные портреты.

Въ изданіи „Русскіе Портреты“ помѣщены слѣдующія произведенія Варнека: А. П. Бунина (т. III, № 76), А. Н. Оленинъ (т. I, № 34), Ал. М. Римскій-Корсаковъ (т. III, № 140) и графъ А. С. Строгановъ (т. I, № 6).

(Съ портрета Варнека; Императорская Академія Художествъ.)

89

ALEXANDRE GRIGORIEWITCH WARNECK, 1782—1843, naquit à Pétersbourg et étudia à l'Académie des Beaux-Arts où il eut pour maîtres Lévitzky et Chtchoukine. Il obtint en 1803 une bourse de voyage à l'étranger, mais tomba malade en arrivant à Rome, et, bien qu'en 1806 l'Académie lui eût accordé une prolongation de bourse d'un an, il demanda lui-même à revenir en Russie. De retour à Pétersbourg, il fut fait académicien pour son portrait du comte S. Potocki, et commença la même année son cours de portrait à l'Académie, d'abord sans traitement, puis, en 1815, une vacance s'étant présentée à la classe de miniature, il en devint titulaire. Il mourut en 1843.

Contrairement à son maître Chtchoukine, Warneck se distingue par la maîtrise du dessin et la conscience de l'exécution, mais aussi par l'extrême dureté du coloris. Il passe à juste titre pour un des meilleurs portraitistes du temps. Au nombre de ses meilleures œuvres il convient de ranger ses propres portraits.

La présente édition renferme de lui les portraits suivants: Bounine (T. III, № 76), Olénine (T. I, № 34), Rimsky-Korsakoff (T. III, № 140) et le comte Stroganoff (T. I, № 6).

(D'après l'original de Warneck, Académie Impériale des Beaux-Arts.)

САЛЬВАТОРЪ СИГИЗМУНДОВИЧЪ ТОНЧИ, 1756—1844, въ Россіи называвшійся Николаемъ Ивановичемъ Тончіемъ, родомъ итальянецъ, будучи по призванію поэтомъ, музыкантомъ и пѣвцомъ, какъ-то случайно сдѣлался и живописцемъ, пріобрѣтя у насъ большую извѣстность въ особенности громаднымъ портретомъ Державина, воспѣвшаго его въ стихахъ къ „безсмертному Тончію“ (Сочин. т. II). Этотъ знаменитый портретъ, гдѣ русскій „бардъ“ изображенъ среди снѣжныхъ скалъ, въ шубѣ и шапкѣ, украшаетъ теперь Московскій Румянцевскій музей. Тончи родился въ Римѣ въ Январѣ 1756 г. и въ молодости служилъ въ Неаполитанской королевской гвардіи. Занятія поэзіей доставили ему извѣстность на родинѣ, а на старости лѣтъ (въ 1831 г.) онъ готовилъ изданіе своихъ трудовъ подъ заглавіемъ: „Poesie Italiane d'un Russo, dedicate all'Italia, sua cara antica Patria. Volumo I“ (осталась въ рукописи). Въ то же время Тончи занимался пѣніемъ и изучалъ живопись, какъ любитель, по картинамъ Рафаэля. Человѣкъ выдающихся способностей, онъ и въ послѣднемъ искусствѣ не остался дилетантомъ: талантъ выдвинулъ его на степень первокласснаго живописца своего времени. Изъ Италіи Тончи сначала пріѣхалъ, въ качествѣ пѣвца, ко двору послѣдняго Польскаго короля, а въ 1795 г., вмѣстѣ съ отрекшимся отъ престола Станиславомъ Понятовскимъ, переѣхалъ сначала въ Петербургъ, а затѣмъ въ Москву, гдѣ и прожилъ до конца дней. Современникъ, С. П. Жихаревъ, записалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее: „У князя И. С. Гагарина встрѣтилъ я знаменитаго живописца Тончи. Онъ женатъ на старшей дочери князя. Сѣдъ, какъ лунь. Судя по виду, ему должно быть лѣтъ около 60, но по живости разговора нельзя дать ему и 40; онъ занималъ всю бесѣду. Удивительный человѣкъ. Кажется, живописецъ, а стоитъ любого профессора: все знаетъ, все видѣлъ, всему учился. Что за любезный человѣкъ и съ какимъ многосложнымъ образованіемъ этотъ Тончи. Онъ страстно любитъ литературу и самъ пишетъ стихи... Тончи теперь мало занимается живописью и пишетъ только портреты съ родныхъ жены своей. Портретъ, написанный имъ со стараго князя — произведеніе образцовое: кромѣ необычайнаго сходства, какая работа, какой колоритъ! Точно выходитъ изъ полотна“... (Портретъ этотъ воспроизведенъ въ изданіи, т. III, № 133). Московскій почтъ-директоръ Руничъ такъ отзывается о Тончи: „Геніальный, какъ артистъ, Тончи былъ человѣкъ высокаго ума, очень ученъ и обладалъ даромъ краснорѣчія. Къ его величественной наружности, съ сѣдѣющими кудрями присоединилась оригинальность мыслей самого художника, которая придавала большую увлекательность его рѣчамъ. Вся философія его дышала неопредѣленнымъ пантеизмомъ, облеченная въ изящную форму, заставляла не замѣчать безсодержательности его взглядовъ. Одна старая, дурная собой дѣва предложила Тончи свою руку и сердце; онъ, желая принадлежать по браку къ одной изъ самыхъ древнихъ фамилій, рѣшился принять это предложеніе и сталъ мужемъ княжны Гагариной, забросивъ свое художество. Послѣ этого Тончи сталъ свѣтиломъ всѣхъ Московскихъ клубовъ и другомъ Ростопчина, и всѣхъ князей и графовъ“. Нашествіе французовъ и разореніе Москвы, а главное ужасная смерть на его глазахъ Верещагина, преданнаго толпѣ Ростопчинымъ, такъ сильно повліяла на Тончи, что онъ временно помутился разсудкомъ, и, выѣхавъ во Владиміръ, пытался бритвой перерѣзать себѣ горло. Рана была неопасная, и онъ скоро выздоровѣлъ, а въ память своего спасенія, съ общаго совѣта съ епископомъ Ксенофонтомъ и просвѣщеннымъ губернаторомъ А. Н. Супоневымъ, написалъ большую картину „Крещеніе Владиміра“ (владимірцевъ) для собора. На этой картинѣ, съ правой стороны, „написанъ и самъ безподобный живописецъ“. Какъ эта картина, такъ и другая—„Рождество Христово“, собственность его дочери, въ настоящее время находятся во Владимірскомъ музеѣ.

Въ 1815 г. Тончи поступилъ на службу въ Кремлевскую экспедицію, а затѣмъ въ теченіе 25 лѣтъ занималъ должность инспектора рисовальныхъ классовъ Архитектурной школы (Училище живописи и ваянія, въ Москвѣ). Онъ вышелъ въ отставку коллежскимъ совѣтникомъ въ 1842 г., а умеръ въ Декабрѣ 1844 г., переживъ жену, Наталію Ивановну (р. 22 Января 1778 г., † 8 Ноября 1832 г., похоронена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, рядомъ съ дочерью Софіей, р. 1816 г., † 1825 г.). Другая дочь Тончи, Марія Николаевна жила (съ 1840 г. по 1898 г.) въ Переславскомъ Ѳеодоровскомъ монастырѣ. Ей принадлежалъ и помѣщаемый здѣсь автопортретъ отца, писанный на доскѣ.

Въ настоящемъ изданіи, кромѣ портрета князя И. С. Гагарина, были уже помѣщены еще портреты князя Н. Г. Вяземскаго (т. IV, № 53) и Карабанова, женатаго на сестрѣ жены Тончи (т. II, № 125).

(Съ портрета, писаннаго Тончи; находится во Владимірскомъ музеѣ.)

SALVATOR TONCI, 1756—1844, en Russie Nicolas Ivanowitch Tonci, était d'origine italienne; poète, musicien et chanteur par vocation, il se trouva par hasard devenir peintre, et se fit surtout une grande notoriété ici par son immense portrait de Derjavine, qui lui dédia son ode A l'immortel Tonci (Œuvres, T. II). Ce portrait célèbre, qui représente le barde russe en pelisse et en bonnet de fourrure au milieu de rochers neigeux, fait aujourd'hui l'ornement du Musée Roumiantzeff, à Moscou. Né à Rome en janvier 1756, Tonci fut dans sa jeunesse officier de la Garde Royale napolitaine. Il était connu dans sa patrie comme poète, et prépara sur ses vieux jours, en 1831, une édition de ses œuvres, restée d'ailleurs en manuscrit, sous le titre suivant: Poesie Italiane d'un Russo, dedicate all'Italia, sua cara antica Patria. Volumo I. Il faisait également du chant, et aussi de la peinture, en amateur, d'après Raphaël. Doué en général comme il l'était, il ne resta pas peintre amateur: son talent en fit un des premiers maîtres du temps. Il vint d'abord d'Italie pour être chanteur à la cour du dernier Roi de Pologne, puis, en 1795, suivit à Pétersbourg Stanislas Poniatowsky détrôné, et passa de là à Moscou, où il resta toute sa vie. „J'ai rencontré chez le prince I. Gagarine", note dans son Journal un contemporain, S. Jikhareff, „le célèbre peintre Tonci. Il est marié à la fille aînée du prince. Blanc comme un cygne. Il porte environ soixante ans, mais sa vivacité de parole ne lui en donne pas quarante; il était l'âme de la conversation. Un homme étonnant. Peintre, paraît-il, mais il vaut n'importe quel professeur: il sait tout, il a tout vu, tout appris. Quelle amabilité, quelle instruction variée, ce Tonci! Il est passionné de littérature et fait lui-même des vers... Il ne fait pas beaucoup de peinture maintenant, rien que des portraits de la famille de sa femme. Celui qu'il a fait du vieux prince est une vraie perfection: une ressemblance extraordinaire, et quel travail, quel coloris! Il a l'air de sortir de la toile"... (Ce portrait est reproduit dans la présente édition, T. III, № 133). „Génial comme artiste", dit Rounitch, le directeur des postes de Moscou, „Tonci était un homme de grand esprit, doué d'une forte intelligence et du don de la parole. A son air majestueux, avec ses boucles blanches, se joignait une originalité d'idées qui donnait le plus grand charme à ses entretiens. Sa philosophie, tout en respirant un vague panthéïsme, revêtait une élégance de forme qui en dissimulait le vide. Une vieille fille âgée et laide lui proposa sa main et son cœur: tenant à entrer dans une famille des plus anciennes, il accepta de renoncer à son art pour devenir l'époux de la princesse Gagarine. On le vit dès lors briller à tous les clubs de Moscou et fréquenter Rostoptchine et tous les princes et comtes". L'invasion française et la ruine de Moscou, mais surtout le spectacle de la fin terrible de Véréchtchagine livré par Rostoptchine à la populace, lui firent un tel effet, que sa raison s'en ressentit quelque temps: à Vladimir, où il s'était réfugié, il tenta de s'ouvrir la gorge avec un rasoir. La blessure était sans danger, il guérit vite, et, d'accord avec l'évêque Xénophon et l'homme éclairé qu'était le gouverneur Souponeff, fit pour la cathédrale son grand tableau du Baptême de Vladimir, à la droite duquel „figure en personne cet artiste sans pareil", et qui, ainsi que sa Nativité, propriété de sa fille, se trouve actuellement au Musée de Vladimir.

Tonci prit en 1815 du service à l'Expédition du Kremlin, puis fut vingt-cinq ans inspecteur des classes de dessin à l'Ecole d'Architecture (aujourd'hui Ecole de Peinture et de Sculpture), à Moscou. Il prit sa retraite comme conseiller de collège en 1842, et mourut en décembre 1844. Il eut de son mariage avec la princesse Natalie Ivanowna Gagarine (22 janvier 1778—8 novembre 1832) deux filles, Sophie (1816—1825), inhumée près de sa mère au monastère Novodévitchi, et Marie, qui vécut de 1840 à 1898 au monastère St-Théodore, à Péréyaslavl, et à laquelle appartenait le portrait sur bois reproduit ici, œuvre de l'artiste lui-même.

La présente publication a déjà donné de Tonci, outre le portrait du prince I. Gagarine, ceux du prince N. Viazemsky (T. IV, № 53) et de Karabanoff (T. II, № 123), mari de la sœur du peintre.

(D'après l'original de Tonci, Musée de Vladimir.)

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галлереи
№ 3966

91

СТЕПАНЪ СЕМЕНОВИЧЪ ЩУКИНЪ, 1754—1828, ученикъ Д. Г. Левицкаго, родился въ 1754 году; по окончаніи курса въ Академіи Художествъ былъ отправленъ, въ 1782 г., на казенный счетъ, для усовершенствованія во Францію; по возвращеніи оттуда, въ 1786 г., за портретъ бывшаго директора Академіи Ю. М. Фельтена признанъ „назначеннымъ въ академики“, а въ 1797 г. за портретъ Императора Павла I удостоенъ званія академика; въ 1802 г. произведенъ въ совѣтники Академіи. Умеръ Щукинъ въ 1828 году.

Этимъ, въ сущности, и ограничиваются наши біографическія свѣдѣнія о немъ. Относительно работъ его нельзя не замѣтить, что онъ стоитъ совсѣмъ особнякомъ среди современныхъ ему портретистовъ. Онъ былъ по природѣ колористомъ, и главное достоинство его работъ заключается въ колоритѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ его произведенія поражаютъ необыкновенною неровностью: рядомъ съ такимъ первокласснымъ произведеніемъ, какъ портретъ Павла I, въ Гатчинѣ, гдѣ, несмотря на поразительную подвижность лица Императора, художнику удалось передать его характеръ, встрѣчаются вещи очень слабыя. Интересны также портреты Александра I, одинъ изъ коихъ находился въ собраніи Великаго Князя Сергія Александровича (въ настоящее время пожертвованъ Великой Княгиней Елисаветой Ѳеодоровной музею Императора Александра III), другой—въ Харьковскомъ университетѣ и третій—у Великаго Князя Константина Константиновича.

Какъ преподавателю, Щукину обязаны своимъ художественнымъ образованіемъ такіе портретисты, какъ В. А. Тропининъ и А. Г. Варнекъ.

Въ изданіи „Русскіе Портреты“ помѣщено было 2 портрета работы Щукина, изображающіе—первый графа С. О. Потоцкаго (т. II, № 150), а второй Ал. Ив. Корсакова (т. III, № 139).

(Съ портрета Щукина; Императорская Академія Художествъ.)

91

STÉPHANE SÉMENOWITCH CHTCHOUKINE, 1754—1828, élève de Lévitzky, naquit en 1754. En sortant de l'Académie des Beaux-Arts, il obtint en 1782 une bourse de voyage pour la France. A son retour, en 1786, son portrait de Velten, l'ancien directeur de l'Académie, le fit „déclarer académicien" et, en 1797, celui de l'Empereur Paul lui valut le titre d'académicien; il devint en 1802 conseiller de l'Académie. Il mourut en 1828.

Là se borne, en somme, tout ce qu'on sait de sa biographie. Quant à ses œuvres, il convient d'observer qu'il occupe une place absolument à part entre tous les portraitistes du temps. Il est essentiellement coloriste, et tout le mérite de sa peinture est dans le coloris. Ce qui est d'ailleurs frappant, c'est son extrême inégalité: à côté d'un travail de premier ordre comme son Paul Ier de Gatchina, où le caractère du personnage est si heureusement rendu, en dépit de la mobilité d'expression de l'original, on rencontre des choses bien faibles. Citons aussi ses portraits d'Alexandre Ier, dont l'un, jadis dans la collection du Grand-Duc Serge Alexandrowitch, a été donné par la Grande-Duchesse Elisabeth Féodorowna au Musée Alexandre III, un autre est à l'Université de Kharkoff, et un troisième dans la galerie du Grand-Duc Constantin Constantinowitch.

Comme professeur, il forma des élèves tels que Tropinine et Warneck.

La présente édition a déjà donné deux portraits de Chtchoukine, celui du comte S. Potocki (T. II, № 150) et celui d'A. Korsakoff (T. III, № 139).

(D'après l'original de Chtchoukine, Académie Impériale des Beaux-Arts.)

88

Пис. Краузе, 1790 г. — *Peint par Krause, 1790*

Гавріилъ Ивановичъ
Скородумовъ,
1755 — 1792

Gabriel Ivanowitch
Skorodoumoff,
1755 — 1792

89

Пис. Варнекъ — *Peint par Warnek*

Александръ Григорьевичъ
Варнекъ,
1782 — 1843

Alexandre Grigoriewitch
Warnek,
1782 — 1843

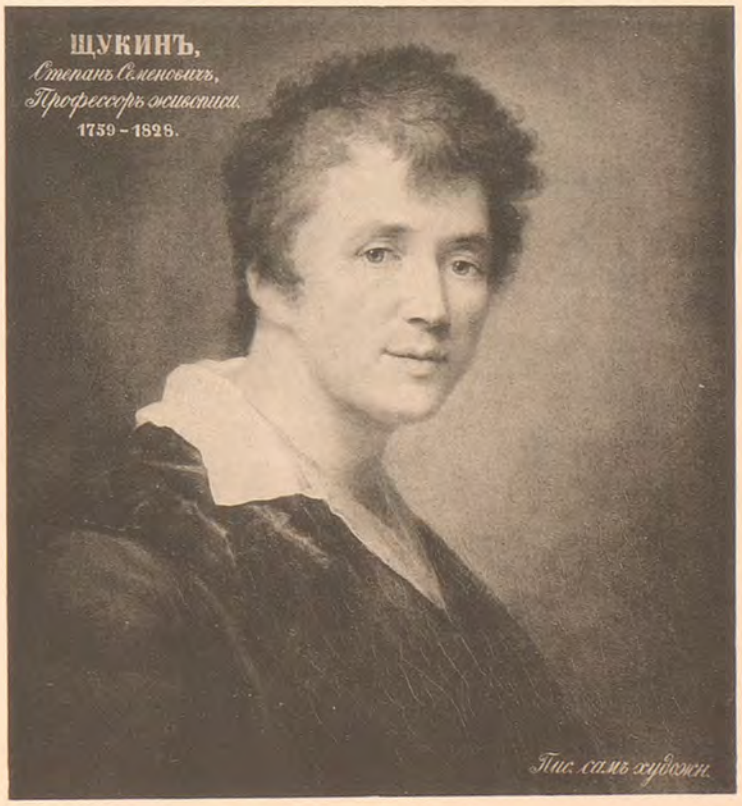
90

Пис. Тончи — *Peint par Tonci*

Сальваторъ Сигизмундовичъ
Тончи,
1756 — 1844

Salvator Sigismundowitch
Tonci,
1756 — 1844

91



Пис. Щукинъ — *Peint par Chtchoukine*

Степанъ Семеновичъ
Щукинъ,
1754 — 1828

Stéphane Sémenowitch
Chtchoukine,
1754 — 1828

РУССКІЕ RUSSES ПОРТРЕТЫ PORTRAITS

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи
3064

СЕРГѢЙ НИКИФОРОВИЧЪ МАРИНЪ, 1776—1813, флигель-адъютантъ, извѣстный сатирическій поэтъ своего времени, родился 16 Февраля 1776 г. и былъ сынъ Новгородскаго губернатора Никифора Михайловича Марина отъ второй его жены, Маріи Ивановны Невѣжиной (О служебной дѣятельности Марина см. т. II, № 120). Маринъ происходилъ изъ древней дворянской фамиліи, извѣстной съ XVI вѣка. По семейному преданію, Марины происходятъ отъ итальянца архитектора Марини, пріѣхавшаго въ Россію вмѣстѣ съ знаменитымъ Аристотелемъ Фіораванти. Сынъ этого итальянца, по русскому произношенію получилъ фамилію „Маринина“ (сынъ Марининъ), какъ и именовались первоначально Марины. Документально извѣстно, что въ 1515 г., 23 Февраля, Великій Князь Василій Ивановичъ пожаловалъ Пашку Гридина Маринина помѣстьями въ Можайскомъ уѣздѣ, раньше бывшими за княземъ Александромъ Ивановымъ Мамаевымъ (Глинскій), вмѣстѣ съ чрезвычайно рѣдкой по формѣ „несудимой грамотой“. Такая высокая, исключительная милость показывала на особое благоволеніе Государя къ Павлу Гридину. Грамота эта была подтверждена Грознымъ въ 1545 г. сыну Павла, Петрушкѣ Маринину. Послѣдній былъ тотъ инженеръ, „розмыслъ“, который, по разсказу Курбскаго, сдѣлалъ подкопъ и взорвалъ Казань.

С. Н. Маринъ, служа въ Преображенскомъ полку, рано началъ интересоваться литературой, преимущественно французской, и писать стихи, подражая Буало и Вольтеру, „Меропу“ котораго онъ перевелъ, и она была поставлена въ Эрмитажѣ. Собственный складъ ума, склонность къ юмору и иронiи влекли его къ сатирѣ и пародіямъ. Скоро онъ получилъ извѣстность; „стихи разошлись по рукамъ, и всякъ ихъ хотѣлъ имѣть“, говоритъ братъ Марина въ краткомъ его „жизнеописаніи“. Особенную извѣстность пріобрѣла его пародія на „9 оду Ломоносова, выбранную изъ Іова“, но зато доставила автору „тьму неудовольствіевъ“. Да и какъ могло быть иначе, когда тамъ были такіе стихи:

„Твоей ли хитростью Кутайцовъ
Играетъ роль большихъ вельможъ?
Мѣщанъ онъ душитъ такъ, какъ зайцевъ,
Дворянство все не ставитъ въ грошъ!“...

Непріятны были, конечно, и такія фразы:

„Служи Отечеству!“ твердятъ намъ съ юныхъ лѣтъ;
„Люби Отечество!“ твердитъ весь бѣлый свѣтъ;
Да только на словахъ тѣ рѣчи исполняютъ
И со вредомъ его счастливо поживаютъ!“...

Впрочемъ, Государь лично зналъ Марина и былъ къ нему всегда расположенъ; особенно онъ доволенъ былъ сочиненнымъ въ 1805 г. Маринымъ маршемъ Преображенцевъ: „Пойдемте, братцы, за границу бить отечества враговъ, ‖ Вспомнимъ матушку Царицу, вспомнимъ вѣкъ ея каковъ!“...

Сдѣлавъ Марина 20 Августа 1807 г. флигель-адъютантомъ, Александръ I возлагалъ на него часто разныя довѣрительныя порученія. Страданія отъ ранъ, полученныхъ подъ Аустерлицемъ, разстроили здоровье Марина, а труды во время Отечественной войны и смерть Багратіона, котораго онъ любилъ, докончили это. Послѣднее время Маринъ былъ дежурнымъ генераломъ 2 арміи. „Здоровье мое уплыло съ дежурствомъ; часъ отъ часу становилось и слабѣе, и хуже... Пожалѣй, если хочешь!“ писалъ онъ въ концѣ Сентября другу своему М. С. Воронцову. Въ то же время его безпокоило, что на него „навалили писать реляцію 26 числа (Бородино), это и скучно и хлопотно: иной былъ пьянъ, какъ стелька, а произведенъ за Бородино! Государя винить нечего, онъ полагается на главнокомандующихъ, а тѣ вѣрятъ корпуснымъ, а тѣ обманываютъ; ихъ-то я бы велѣлъ на ½ часа повѣсить“... Въ послѣднемъ письмѣ, 21 Декабря 1812 г., Маринъ писалъ: „Твое свидѣтельство, любезный Миша, о моей службѣ мнѣ пріятнѣе креста; всѣ видѣли, что я не давалъ себѣ покою, продовольствовалъ армію, хлопоталъ обо всемъ и безпрестанно“... Заболѣвъ „горячкой“, С. Н. Маринъ скончался на рукахъ князя А. Н. Голицына и графа А. И. Рибопьера, его близкихъ друзей, 9 Февраля 1813 года. А. Н. Оленинъ часто его посѣщалъ. „По смерти его ощупали у него подъ ложкою пулю, попавшую ему въ грудь еще подъ Аустерлицемъ, а это заставляетъ полагать, что она и была важнѣйшей причиной его смерти. Вѣра (одна извѣстная особа, называвшаяся Вѣрой, величайшее принимала въ немъ участіе и до смерти, и по смерти), дружба и любовь похоронили покойнаго въ Невскомъ монастырѣ“, такъ пишетъ младшій братъ Сергѣя Никифоровича, Апп. Н. Маринъ; на памятникѣ же сказано, что поставленъ онъ сестрою покойнаго, княгиней Варварой Мещерской.

(Съ портрета, пастелью, О. Кипренскаго; собственность Великаго Князя Николая Михаиловича.)

SERGE NIKIFOROWITCH MARINE, 1776—1813, aide de camp de Sa Majesté, poète satirique renommé de son temps, né le 16 février 1776 et fils du gouverneur de Novgorod Nikiphore Mikhaïlowitch Marine et de sa seconde femme, Marie Ivanovna, née Névéjine, descendait d'une vieille famille noble connue dès le XVIe siècle (Sa carrière a été retracée T. II, № 120). Une tradition fait remonter les Marine à l'architecte italien Marini, venu en Russie avec le célèbre Aristote Fioravanti, et dont le fils reçut à la russe le nom de Marinine (fils de Marini), qui fut d'abord celui des Marine. Comme en font foi les documents, le 23 février 1515, le Grand Prince Vassili Ivanowitch conféra à Pachka Gridine Marinine des domaines sis au district de Mojaïsk et ayant appartenu au prince Alexandre Ivanowitch Mamaeff (Glinsky), avec le privilège considérable et absolument exceptionnel d'être soustrait à la juridiction épiscopale. Cette haute distinction, qui témoigne bien de la faveur particulière dont jouissait Marinine, fut confirmée en 1545 par Ivan-le-Terrible à son fils Pierre, l'ingénieur, qui, au siège de Kazan, dit Kourbsky, pratiqua une mine souterraine et fit sauter la forteresse.

Officier au régiment Préobragensky, Marine commença de bonne heure à s'intéresser à la littérature, surtout à la littérature française et à faire des imitations en vers de Boileau et Voltaire: sa traduction de Mérope fut mise à la scène de l'Ermitage. Sa tournure d'esprit particulière, son penchant à l'humour et à l'ironie le portèrent à la satire et à la parodie. Il se fit bientôt une notoriété: „ses vers étaient très répandus et très recherchés", dit son frère dans une esquisse biographique qu'il fit de lui. Sa parodie la plus célèbre, celle de la „Neuvième ode de Lomonossoff, tirée du Livre de Job", lui attira „une masse de désagréments". C'était inévitable, comme on en peut juger:

„Est-ce à toi que Koutaïtzoff
„Doit d'être ainsi grand seigneur,
„Etranglant les bourgeois tels de simples lapins,
„Ne donnant pas un sou de toute la noblesse?"...

Et encore:

„Tout enfants, on nous dit: „Servez votre patrie!"
„Chacun va répétant: „Aimez votre patrie!"
„Seulement tout cela ne se fait qu'en paroles!
„Le mal de la patrie, on le prend en patience!"...

D'ailleurs l'Empereur connaissait personnellement Marine et ne cessa de lui témoigner sa faveur. Il lui tint surtout compte de sa Marche des Préobragensky composée en 1805: „Frères, Marchons à l'étranger combattre les ennemis de la patrie! Souvenons-nous de notre grande Tzarine, souvenons-nous quel fut son siècle!"

Alexandre Ier fit Marine aide de camp le 20 août 1807, et lui confia à plusieurs reprises des missions de confiance. Les suites des blessures reçues à Austerlitz ébranlèrent sa santé, et les fatigues de la Guerre Patriotique, ainsi que la perte de son cher ami Bagration, l'achevèrent. Ses dernières fonctions furent celles de général de service de la 2e armée: „Ma santé a fondu à ce service; d'heure en heure plus faible et plus mal portant.... Tu peux me plaindre!" écrivait-il à la fin de septembre à son ami M. Worontzoff. Il avait aussi un ennui: „On m'a mis sur le dos la relation du 26" (Borodino). „C'est assommant et pas commode: il y en avait qui étaient soûls comme des grives, et ce sera promu pour Borodino! L'Empereur n'y est pour rien: il s'en remet aux commandants en chef, qui s'en remettent aux commandants de corps, qui sont des fourbes; c'est ceux-là que je ferais pendre pour une demi-heure!"... Et dans sa dernière lettre, du 21 décembre 1812: „Ton témoignage, mon cher Michel, sur mon service m'est plus précieux que la croix; tout le monde a bien vu que je ne connaissais pas de repos, pourvoyant aux subsistances, veillant à tout et sans trève"... Marine succomba à une „fièvre chaude", dans les bras de ses amis intimes le prince A. Golitzyne et le comte A. Ribeaupierre, le 9 février 1813. Olénine vint souvent le voir. „A l'autopsie", écrit son frère cadet, „on lui a trouvé au creux de l'estomac une balle qui était là depuis Austerlitz, et qui a été, croit-on, la principale cause de sa mort. La foi (en russe Véra, nom d'une personne connue qui lui témoigna un grand attachement pendant sa vie comme après sa mort), l'amitié et l'amour l'ont enseveli au monastère Newsky". Son monument, dit l'épitaphe, fut élevé par sa sœur la princesse Varvara Mechtchersky.

(D'après un pastel de Kiprensky, appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

ПЛАТОНЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ ГАМАЛѢЯ, 1766—1817, сынъ бунчуковаго товарища (впослѣдствіи коллежскаго асессора) Якова Андреевича Гамалѣи отъ брака его съ Екатериной Семеновной Мандрыкой, родился 18 Ноября 1766 г. въ с. Малютинцахъ, Пирятинскаго уѣзда; учился въ Кіевской Академіи (1772—1778), а съ 1779 г.—въ Морскомъ корпусѣ; въ 1782 г. плавалъ въ эскадрѣ В. Я. Чичагова въ Средиземномъ морѣ и въ 1784 г. произведенъ, первымъ по успѣхамъ, въ мичманы. Хорошо узнавъ Гамалѣю за время кампаніи, Чичаговъ пригласилъ его жить у себя въ домѣ, при дѣтяхъ своихъ, которыхъ Гамалѣя училъ математикѣ и въ то же время ходилъ въ Академію Наукъ слушать публичныя лекціи профессоровъ; переведенный въ Февралѣ 1788 г. поручикомъ въ Морской корпусъ, онъ, на кораблѣ „Ростиславъ“, участвовалъ въ Гогландскомъ сраженіи со шведами, въ слѣдующемъ году назначенъ въ гребную флотилію принца Нассау-Зигена, а затѣмъ, командуя коттеромъ „Кречетъ“, былъ въ Роченсальмскомъ сраженіи и въ другихъ дѣлахъ и произведенъ въ капитанъ-лейтенанты; въ 1790 г. онъ участвовалъ въ Фридрихсгамскомъ, Выборгскомъ и второмъ Роченсальмскомъ сраженіяхъ и былъ взятъ въ плѣнъ; оставивъ фронтъ, онъ состоялъ въ Корпусѣ ротнымъ командиромъ и велъ классъ морской практики и эволюцій (1793—1801), въ 1795 г. былъ назначенъ и. д. инспектора классовъ (утвержденъ въ 1802 г.) и въ 1804 г. произведенъ въ капитанъ-командоры. Избранный въ 1801 г. въ почетные члены Императорской Академіи Наукъ, Гамалѣя въ 1805 г. былъ назначенъ непремѣннымъ членомъ Адмиралтейскаго Департамента, въ 1808 г., по предложенію А. С. Шишкова, избранъ членомъ Россійской Академіи (по „извѣстному въ словесныхъ наукахъ и отечественномъ языкѣ знанію и упражненію“), а также Вольнаго Экономическаго общества. Уѣхавъ въ 1809 г. въ годовой отпускъ въ деревню для поправленія надорваннаго чрезвычайною работою здоровья, онъ въ 1811 г. совсѣмъ вышелъ въ отставку, при чемъ получилъ орденъ Владиміра 3 степени. Поселившись въ купленной имъ деревнѣ Лисагоръ, Борзенскаго уѣзда, онъ умеръ тамъ 9 Іюля 1817 г. и тамъ же погребенъ; надъ могилой его построена небольшая церковь во имя св. Платона.

П. Я. Гамалѣя издалъ слѣдующія сочиненія: „Вышняя теорія морского искусства“ (4 ч., Спб., 1801—1804; 2-е изд. 1810—1813); „Опытъ морской практики“ (4 ч., Спб., 1804); „Теорія и практика кораблевожденія“ (3 ч., Спб., 1806—1809; 2-е изд. 1818—1819); „Сокращенная исторія астрономіи“ (Спб., 1809); „Сокращенная оптика“ Смита (съ англ. яз., Спб., 1803); „Рѣчь о наукахъ вообще, о пользѣ ихъ и о способѣ упражняться въ оныхъ“ (Спб., 1807), и др. Спеціальные труды Гамалѣи въ свое время имѣли огромное вліяніе на нашу морскую образованность и вообще на преподаваніе у насъ математики; онъ былъ педагогъ въ лучшемъ значеніи этого слова, горячо любившій свое дѣло и своихъ питомцевъ. Одинъ изъ учениковъ его даетъ такую характеристику Гамалѣи: „Онъ былъ роста средняго, худощавъ и подъ конецъ жизни ходилъ нѣсколько согнувшись, обыкновенно тихо; черты лица имѣлъ довольно рѣзкія, но вообще правильныя; волоса черные, густые и гладкіе, выраженіе лица умное и пріятное.... Характеръ онъ имѣлъ ровный, тихій, со всѣми былъ весьма ласковъ; ежели случалось дѣлать кому-нибудь выговоры, то дѣлалъ ихъ со всѣмъ приличіемъ... Преподавалъ терпѣливо и такъ искусно, что почти нельзя было его не понять. Трудолюбіе было его отличительной чертой... Жизнь велъ одинокую, выѣзжалъ рѣдко, но не чуждался общества и любилъ собирать у себя знакомыхъ—пообѣдать или „чайку откушать“, угощая, по тогдашнему обыкновенію, „пуншиками“; въ бесѣдахъ бывалъ веселъ, шутливъ“.

(Съ портрета, находящагося въ Императорской Академіи Наукъ.)

PLATON YAKOVLEWITCH GAMALÉIA, 1766—1817, fils d'un porte-étendard petit-russien (bountchoukovy tovarichtch), plus tard assesseur de collège, et de Catherine Sémenowna, née Mandryka, naquit le 18 novembre 1766 au bourg de Malioutintzy, en Petite-Russie, et fit ses études à l'Académie ecclésiastique de Kieff de 1772 à 1778, puis, à partir de 1779, à l'Ecole Navale. Il fit en 1782 la croisière en Méditerranée de l'escadre de Tchitchagoff, et passa enseigne de vaisseau en 1784, le premier par ordre de mérite. Tchitchagoff avait pu l'apprécier au cours de la croisière, et le prit chez lui pour donner des leçons de mathématiques à ses enfants; il suivit en même temps les cours publics de l'Académie des Sciences. Lieutenant à l'Ecole Navale en février 1788, il prit part sur le Rostislav à la bataille de Hogland contre les Suédois, fut affecté l'année suivante à la flottille à rames du prince de Nassau-Siegen, puis, commandant du côtre Kretchet, fut à Ruotsensalmi et à d'autres affaires et passa capitaine lieutenant. En 1790, il combattit à Friedrichshamm, Wiborg, et derechef à Ruotsensalmi, et fut fait prisonnier. Il quitta ensuite le service actif pour être commandant de compagnie à l'Ecole Navale, où il professa de 1793 à 1801 la pratique de l'art naval et des évolutions; il y fut inspecteur intérimaire en 1795, puis titulaire en 1802, et passa capitaine commandant en 1804. Elu en 1801 membre honoraire de l'Académie des Sciences, il fut nommé en 1805 membre perpétuel du département de l'Amirauté, en 1808, sur la proposition de Chichkoff, membre de l'Académie Russe en raison de „son renom de connaisseur de la langue et de la littérature russes", et aussi membre de la Société Economique Libre. Il obtint en 1809 un congé d'un an pour aller dans son pays rétablir sa santé épuisée par le travail, et prit sa retraite définitive en 1811, avec St-Vladimir de 3e classe. Il se fixa dans une propriété qu'il acheta à Lisagor, district de Borzna, en Petite-Russie; il y mourut le 9 juillet 1817 et y fut inhumé: sur sa sépulture s'élève une petite église sous le vocable de St-Platon.

Gamaléia est l'auteur des ouvrages suivants: Théorie supérieure de l'art naval (4 parties, SPb., 1801—1804; 2e éd., 1810—1813), Essai de Pratique navale (4 parties, SPb., 1804), Théorie et Pratique de la Direction du Navire (3 parties, SPb., 1806—1809; 2e éd., 1818—1819), Abrégé d'Histoire de l'Astronomie (SPb., 1809), Abrégé d'Optique (traduit de l'anglais de Smith, SPb., 1803), Discours sur les Sciences en général, sur leur utilité et le moyen de s'y exercer (SPb., 1807), etc. Ses ouvrages spéciaux eurent dans leur temps une importance considérable pour le développement de notre art naval et l'enseignement des mathématiques. Pédagogue au meilleur sens du terme, il était fort attaché à son enseignement et à ses élèves. „De taille moyenne", dit un de ceux-ci, „maigre, il avait vers la fin de sa vie le corps un peu voûté et la démarche d'ordinaire lente, des traits assez accusés, mais parfaitement réguliers, des cheveux noirs, abondants et lisses, une expression spirituelle et agréable.... D'un caractère toujours égal et calme, il était toujours d'une grande affabilité; et, dans ses réprimandes, ne se départissait jamais des formes les plus irréprochables... Il apportait à son enseignement beaucoup de patience et une telle habileté qu'avec lui il était presque impossible de ne pas comprendre. C'était un travailleur acharné... Solitaire et casanier, il ne fuyait cependant pas la société et aimait avoir chez lui quelques amis à dîner, à prendre le thé ou, au goût du temps, le punch; il avait une conversation enjouée et plaisante".

(D'après un original conservé à l'Académie Impériale des Sciences.)

ЕГОРЪ БОРИСОВИЧЪ ФУКСЪ, 1762—1829, лютеранинъ, уже въ зрѣлыхъ годахъ перешедшій въ православіе, въ молодости служилъ въ канцеляріи „у принятія прошеній“, въ 1791 г. былъ коллежскимъ асессоромъ и въ 1793 г. получилъ орденъ Владиміра 4 ст.; лично извѣстный Екатеринѣ II, онъ „употребляемъ былъ при собственной перепискѣ Императрицы“ и ко времени ея смерти имѣлъ чинъ надворнаго совѣтника и состоялъ при Тайной Экспедиціи; онъ очень счастливо служилъ при Павлѣ, который уже 20 Ноября 1796 г., „въ воздаяніе усердной службы и ревностныхъ трудовъ“, пожаловалъ Фуксу 195 душъ въ Овручскомъ уѣздѣ, а затѣмъ ежегодно награждалъ его: 18 Іюля 1797 г. чиномъ коллежскаго, 4 Декабря 1798 г.—статскаго и 18 Сентября 1799 г.—дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а черезъ два дня (20 Сентября) орденомъ Анны 2 степени и 14 Іюня 1800 г.—3000 десятинами земли въ Саратовской губерніи. Все это время онъ служилъ въ Тайной Экспедиціи и въ 1801 г. состоялъ однимъ изъ двухъ ея членовъ. Въ 1799 г. Фуксъ былъ командированъ въ дипломатическую канцелярію генерала Розенберга, посланнаго въ Италію съ русскимъ корпусомъ; принимая въ Веронѣ командованіе надъ союзными войсками и знакомясь съ чиновниками, Суворовъ, увидя Фукса, закричалъ: „Помилуй Богъ, какой тощій! Будешь ѣздить со мною верхомъ!“ Однако, „тощій“ Фуксъ, которому Суворовъ поручилъ управленіе своей канцеляріей, держался съ нимъ высокомѣрно и не скрывалъ свою независимость отъ фельдмаршала, намекая, что онъ имѣетъ „секретное порученіе“. Окружающіе Суворова подозрѣвали тогда же, что этотъ опытный чиновникъ Тайной Канцеляріи доносилъ Императору о поведеніи главнокомандующаго. Однако, по словамъ А. П. Ермолова, прямо утверждающаго, что Фуксъ „былъ приставленъ къ Суворову въ соглядатаи“, онъ „черезъ нѣсколько дней, побѣжденный его величіемъ, предался ему навсегда“. Насколько преданность эта была искренна, сказать трудно, но съ этихъ поръ Фуксъ сдѣлался какъ бы присяжнымъ біографомъ-панегиристомъ Суворова, начавъ послѣ его смерти, съ 1800 г., собирать матеріалы для его біографіи. Въ 1809 г. появилось въ „Вѣстникѣ Европы“ сообщеніе редактора, В. А. Жуковскаго, о написанной Фуксомъ біографіи Суворова, а въ 1811 г. появилась, наконецъ, въ Москвѣ „Исторія генералиссимуса князя Италійскаго графа Суворова-Рымникскаго“ въ 2-хъ частяхъ. Затѣмъ Фуксъ печаталъ статьи о Суворовѣ въ „Военномъ журналѣ“ (1817 г.), „Трудахъ“ Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности (1822 г.) и „Сѣв. Пчелѣ“ (1826 и 1827 гг.); нѣсколько разсказовъ его о Суворовѣ помѣщено въ „Русск. Стар.“ 1872 г. (т. VI); отдѣльными изданіями онъ выпустилъ: „Исторію Россійско-Австрійской кампаніи 1799 г.“, „Анекдоты графа Суворова“ и „Собраніе разныхъ сочиненій“ своихъ, съ портретомъ, а также брошюру „О военномъ краснорѣчіи“ (Спб., 1825). О главнѣйшемъ произведеніи его, впрочемъ, Денисъ Давыдовъ писалъ, что „Фуксова Исторія Итальянской кампаніи ни на что не похожа“.

Съ 1801 по 1804 г. Фуксъ былъ президентомъ Юстицъ-Коллегіи Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Финляндскихъ дѣлъ. Съ назначеніемъ Кутузова, въ 1812 году, главнокомандующимъ арміею, Фуксъ былъ опредѣленъ къ нему „директоромъ Военной канцеляріи“; въ этой должности Фуксъ оказался не на высотѣ призванія, однако, пробылъ при Кутузовѣ до его смерти, послѣ чего уже, кажется, не служилъ.

Фуксъ состоялъ почетнымъ членомъ Спб. Вольнаго Общества Любителей Россійской словесности, былъ лично знакомъ со многими писателями, напримѣръ, съ Шишковымъ, Державинымъ, и находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ племянникомъ Суворова, извѣстнымъ поэтомъ графомъ Д. И. Хвостовымъ.

Некрологъ Булгаринской „Сѣверной Пчелы“ отнесъ Фукса „къ числу примѣчательныхъ людей“ своего времени „по отличіямъ и заслугамъ на поприщѣ службы и ученомъ“, говоря, что отличительными чертами его характера были „рѣдкая честность и всегдашняя готовность къ добру“, и что „бесѣда его была бесѣда мудрая“; въ другомъ некрологѣ („Моск. Телегр.“) сказано, что „вся жизнь Фукса была посвящена любви къ отечеству и любви къ Суворову: онѣ раздѣляли всѣ минуты его жизни“. По словамъ же К. Я. Булгакова, Фуксъ оставилъ по себѣ память „главнымъ образомъ по своему процессу съ двумя женами“; онъ женатъ былъ и въ 3-й разъ, на вдовѣ полковника Аннѣ Петровнѣ Аничковой, и имѣлъ отъ нея дѣтей (узаконенныхъ), но бракъ этотъ былъ расторгнутъ (26 Марта 1822 г.), какъ заключенный при жизни 2-й жены, Луизы Ивановны Едовской (или Ебнеръ). Фуксъ умеръ 25 Марта 1829 г. въ Петербургѣ и погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

(Съ портрета, принадлежащаго Великому Князю Николаю Михаиловичу.)

ÉGOR BORISSOWITCH FUCHS, 1762—1829, luthérien converti assez tard à l'orthodoxie, employé dans sa jeunesse à la Commission des Requêtes à S. M., devint assesseur de collège en 1791 et fut décoré en 1793 de St-Vladimir de 4e classe. Connu personnellement de Catherine II et „employé par elle pour sa correspondance particulière", il était, lorsqu'elle mourut, à la Chancellerie Secrète, avec rang de conseiller de cour. Il eut une carrière parfaitement heureuse sous Paul Ier, qui, dès le 20 novembre 1796, lui conféra „en récompense de son service zélé et de ses travaux assidus" 195 têtes de paysans au district d'Ovroutch, en Volhynie, puis le fit successivement chaque année, le 18 juillet 1797 conseiller de collège, le 4 décembre 1798 conseiller d'état, le 18 septembre 1799 conseiller d'état actuel, le surlendemain, 20 septembre, chevalier de Ste-Anne de 2e classe, enfin lui donna le 14 juin 1800 une terre de 3000 hectares au gouvernement de Saratoff. Il passa tout ce temps à la Chancellerie Secrète, dont il était en 1801 un des deux membres. Il fut attaché en 1799 à la chancellerie diplomatique du général Rosenberg envoyé en Italie à la tête d'un corps russe: Souvoroff, en prenant à Vérone le commandement des troupes alliées, s'écria en l'apercevant, à la présentation des fonctionnaires: „Bon Dieu! Quel efflanqué! Tu vas marcher à cheval avec moi!" Cependant „l'efflanqué", qui se vit confier la direction de la chancellerie de Souvoroff, le prit de haut avec lui et ne se laissa pas traiter comme un sous-ordre, se donnant comme chargé „d'une commission secrète". L'entourage le soupçonna alors d'être un fin limier de la Chancellerie Secrète envoyé par l'Empereur pour surveiller Souvoroff. Pourtant, dit Ermoloff, qui le donne carrément comme espion du commandant en chef, „au bout de quelques jours, subjugué par sa majesté, il se dévoua à lui pour toujours". Jusqu'à quel point ce dévouement était-il sincère, il serait difficile de le dire; toujours est-il que Fuchs devint dès lors le biographe et panégyriste attitré de Souvoroff, à la mort duquel, en 1800, il commença à recueillir les matériaux d'une biographie. En 1809, parut dans le Messager d'Europe un entrefilet du rédacteur en chef Joukowsky annonçant une biographie de Souvoroff par Fuchs, qui, en 1811, publia enfin à Moscou son Histoire du Généralissime Comte Souvoroff-Rymniksky, Prince d'Italie, en deux parties. Il parut encore de lui sur Souvoroff des articles dans le Journal Militaire (1817), dans les Travaux de la Société Libre des Amis de la Littérature Russe (1822) et dans l'Abeille du Nord (1826 et 1827), puis quelques récits dans Rousskaïa Starina (T. VI, 1872), et plusieurs ouvrages à part, Histoire de la campagne austro-russe de 1799, Anecdotes du Prince Souvoroff, et un recueil d'Œuvres diverses, avec portrait, ainsi qu'une brochure Sur l'éloquence militaire (SPb., 1825). „L'Histoire de la Campagne d'Italie de Fuchs ne ressemble à rien", dit d'ailleurs Denis Davydoff de son principal ouvrage.

De 1801 à 1804, Fuchs fut président du Collège de Justice pour les affaires de Livonie, Esthonie et Finlande. Attaché à Koutouzoff en 1812 comme directeur de sa Chancellerie militaire dès sa nomination de commandant en chef, il ne s'y montra pas à la hauteur de la situation; il se maintint pourtant jusqu'à la mort de Koutouzoff. Il ne paraît pas avoir pris d'autre service depuis.

Membre de la Société libre des Amis de la Littérature Russe et lié personnellement avec de nombreux écrivains, comme Chichkoff, Derjavine, Fuchs était en relations d'amitié avec un neveu de Souvoroff, le comte D. Khvostoff, bien connu comme poète.

„Sa distinction et ses services comme fonctionnaire et comme savant" placent Fuchs, dit la nécrologie de l'Abeille du Nord de Boulgarine, „au nombre des hommes remarquables" de son temps; „d'une probité rare, toujours prêt à faire le bien", il avait „la conversation d'un sage". „Toute sa vie", dit une autre nécrologie, celle du Télégraphe de Moscou, „fut partagée entre l'amour de la patrie et l'amour de Souvoroff, qui en remplissaient tous les instants". Au témoignage de Constantin Boulgakoff, Fuchs est connu „surtout pour ses procès avec ses deux femmes"; il en épousa une troisième, veuve de colonel, Anne Pétrowna Anitchkoff, mais cette union fut annulée le 26 mars 1822, comme conclue du vivant de la deuxième femme, Louise Ivanowna Edowsky (ou Ebner); les enfants de ce troisième lit furent cependant légitimés. Fuchs mourut à Pétersbourg le 25 mars 1829, et fut inhumé au cimetière de Smolensk.

(D'après un original appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ КАРАМЗИНЪ, 1766—1826 (см. т. I, № 50); здѣсь помѣщенъ портретъ Н. М. Карамзина, относящійся къ XVIII вѣку, т.-е. къ той самой эпохѣ, которой по преимуществу и принадлежалъ этотъ человѣкъ и хронологически, и по своей литературной дѣятельности, и по своему міровоззрѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, онъ родился въ первые годы царствованія Императрицы Екатерины II (1-го Декабря 1766 г.) въ провинціальной глуши (с. Михайловка, Бузулукскаго уѣзда), скончался же, едва переступивъ грань первой четверти XIX вѣка (22 Мая 1826 г.), въ С.-Петербургѣ, въ Таврическомъ дворцѣ, именно въ тѣхъ самыхъ чертогахъ, которые всего болѣе говорили ему о блескѣ эпохи, нашедшей въ немъ своего какъ бы „прирожденнаго выразителя".

Правда, онъ сталъ знаменитостью у современниковъ Александра I; но если громадное большинство его произведеній, хронологически едва выходящее за предѣлы XVIII вѣка, по характеру всецѣло принадлежитъ вѣку Екатерины, то, какъ авторъ „Исторіи Государства Россійскаго", какъ историкъ, онъ—по довольно единодушному признанію позднѣйшей критики—есть завершеніе стараго періода исторіографіи временъ Щербатова и даже выше.

Какъ литературная величина, Карамзинъ, на протяженіи всего своего литературнаго поприща, отъ „Писемъ русскаго путешественника" до „Исторіи Государства Россійскаго" включительно, представитель такъ называемаго „сентиментальнаго направленія" или, говоря словами академика А. Н. Пыпина, выразитель той самой стороны восемнадцатаго вѣка, которая, „наперекоръ сухому матеріализму", стремилась возвратить наивную непосредственность человѣка, живущаго „въ объятіяхъ натуры", когда хотѣли возвратить права „нѣжному чувству", а при противорѣчіяхъ дѣйствительности легко отдавались „сладкой меланхоліи".

„Чувствительный оптимистъ", Карамзинъ остался имъ до конца своихъ дней. Конечно, мѣнялись времена, измѣнялось нѣсколько и это направленіе Карамзина, но лишь въ оттѣнкахъ: сентиментальное направленіе было въ немъ преобладающей чертой, когда онъ только-что вступалъ въ жизнь русскимъ представителемъ нѣмецкихъ юношей „die schöne Seele", мечтателемъ, способнымъ увлекаться даже „идеальной республикой"; сентиментальное направленіе было свойственно его міровоззрѣнію и въ поздніе годы, съ той лишь разницей, что сентиментальность свободолюбивая обратилась въ умѣренно консервативную: онъ остался консерваторомъ и въ пору наибольшаго подъема либеральныхъ идей въ Александровскую эпоху. Словомъ, онъ и въ XIX столѣтіи оставался представителемъ того вѣка, въ которомъ родился, но онъ былъ настолько блестящимъ представителемъ русской словесности, что литературныя заслуги его признавались людьми обѣихъ эпохъ, а высокія нравственныя качества вызывали чувство уваженія въ людяхъ и стараго, и новаго поколѣній.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

БИБЛІОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галлереи
№ 3966

95

NICOLAS MIKHAÏLOWITCH KARAMZINE, 1766—1826 (v. T. I, № 50). Le portrait reproduit ici est du XVIIIe siècle, auquel appartient surtout Karamzine, tant chronologiquement que par sa carrière littéraire et ses idées philosophiques. Né en effet dans les premières années du règne de Catherine II, le 1er décembre 1766, au fond de la province, au bourg de Mikhaïlovka, district de Bouzoulouk, il dépassa à peine le premier lustre du siècle suivant et mourut le 22 mai 1826 à Pétersbourg, au Palais Taurique, sous les lambris même qui lui parlaient le plus de l'éclat de l'époque dont il fut en quelque sorte „l'interprète né".

Il ne parvint, il est vrai, à la célébrité que sous Alexandre Ier, mais la grande majorité de ses œuvres, dont les plus tardives datent à peine du XIXe siècle, se rattachent bien par leur caractère entièrement au XVIIIe, et, comme auteur de l'Histoire de l'Empire de Russie, comme historien, il est assez généralement reconnu par la critique moderne comme le dernier représentant de la vieille historiographie, celle qui date du prince Chtcherbatoff et même de plus haut.

Au point de vue littéraire, Karamzine, dans tout le cours de sa carrière, depuis les Lettres d'un voyageur russe jusqu'à l'Histoire de l'Empire de Russie inclusivement, est le représentant de la tendance dite sentimentale, l'interprète, comme dit l'académicien Pypine, de l'effort fait au XVIIIe siècle pour „enrayer l'aride matérialisme", réaliser le retour au naïf „état de nature" et rétablir dans ses droits le „tendre sentiment", quitte à se laisser aller à une „douce mélancolie" en cas de conflit avec la réalité.

Le „sentimentalisme optimiste" de Karamzine lui resta jusqu'à la fin. Le temps, sans doute, ne fut pas sans prise sur lui, mais il n'y eut de changement que dans la nuance: sentimental il avait été à ses débuts comme représentant en Russie de la „schöne Seele" des jeunes allemands, rêveur au point de s'enthousiasmer même de la „république idéale"; sentimental il resta sur le tard, mais en faisant évoluer ses enthousiasmes libertaires vers un conservatisme modéré, qui ne faiblit même pas aux plus beaux jours de l'élan de libéralisme du règne d'Alexandre. En un mot, il demeure en plein XIXe siècle l'homme du siècle précédent, mais il est si brillant comme représentant de la littérature russe, que ses mérites littéraires s'imposèrent à l'admiration des deux époques, comme ses qualités morales à leur estime.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

92

Пис. О. Кипренскій, 1812 г. — *Peint par O. Kiprensky, 1812*

Серѣй Никифоровичъ Маринъ, 1776 — 1813 — *Serge Nikiforowitch Marine, 1776 — 1813*

93

Платонъ Яковлевичъ Гамалѣя, 1766 — 1817 — *Platon Yakovlewitch Gamaléia, 1766 — 1817*

94

Егоръ Борисовичъ Фуксъ, 1762 — 1829 — *Egor Borissowitch Fuchs, 1762 — 1829*

95

Николай Михайловичъ Карамзинъ, 1765 — 1826 — *Nicolas Mikhaïlowitch Karamzine, 1765 — 1826*

РУССКІЕ PORTRAITS RUSSES ПОРТРЕТЫ

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Гал...

АЛЕКСАНДРЪ САМОЙЛОВИЧЪ ФИГНЕРЪ, 1787—1813, потомокъ древняго нѣмецкаго рода Фигнеръ-фонъ-Рутмерсбахъ, сынъ Псковскаго вице-губернатора Самуила Самойловича († 1813 г.), получилъ образованіе во 2 Кадетскомъ корпусѣ и въ 1805 г. выпущенъ подпоручикомъ въ артиллерію. Въ томъ же году онъ принялъ участіе въ англо-русской экспедиціи въ Средиземное море и во время пребыванія въ Италіи прекрасно изучилъ итальянскій языкъ, что впослѣдствіи очень ему пригодилось. Въ 1810 г. Фигнеръ участвовалъ въ Турецкой войнѣ и за штурмъ Рущука заслужилъ Георгія 4 степени. Послѣ этой войны онъ вышелъ въ отставку и получилъ мѣсто городничаго въ одномъ изъ городовъ Тамбовской губерніи, но въ 1812 г. вернулся на военную службу штабсъ-капитаномъ артиллеріи. За отличіе въ дѣлѣ при р. Строгани Фигнеръ былъ произведенъ въ капитаны. Со взятіемъ Москвы началась его партизанская дѣятельность. Видя въ Наполеонѣ источникъ бѣдъ, обрушившихся на Россію, онъ задумалъ убить его и, съ разрѣшенія Кутузова, отправился въ Москву, переодѣтый крестьяниномъ. Не достигнувъ своей главной цѣли, Фигнеръ сдѣлалъ все-таки много вреда непріятелю: образовалъ изъ оставшихся въ городѣ обывателей отрядъ и съ его помощью убивалъ по ночамъ попадавшихся навстрѣчу французовъ. По возвращеніи въ главную квартиру Фигнеръ, вмѣстѣ съ Давыдовымъ и Сеславинымъ, получилъ порученіе развить партизанскія дѣйствія на сообщеніяхъ непріятеля. Получивъ отрядъ изъ 600 кавалеристовъ и казаковъ, Фигнеръ сталъ производить набѣги на тылъ французской арміи: неожиданно налеталъ на непріятеля, разбивалъ партіи фуражировъ, сжигалъ обозы. Пренебрегая жизнью, онъ выполнялъ самыя опасныя порученія, руководилъ самыми рискованными предпріятіями. Голова его была оцѣнена Наполеономъ. Неоднократно Фигнера окружали французы, но каждый разъ ему удавалось избѣжать опасности. За свои подвиги онъ былъ произведенъ въ подполковники и получилъ 7/т. рублей; ему было разрѣшено попросить особенной милости, и онъ выхлопоталъ освобожденіе отъ суда и взысканія своего тестя, Псковскаго вице-губернатора Бибикова. Въ 1813 г. Фигнеръ продолжалъ свою дѣятельность: во время осады Данцига онъ, подъ видомъ ограбленнаго казаками итальянца, проникъ въ городъ, былъ схваченъ, два мѣсяца просидѣлъ въ тюрьмѣ, но сумѣлъ оправдаться и даже пріобрѣлъ такое довѣріе коменданта, что былъ отправленъ къ Наполеону съ депешами, которыя и доставилъ своему начальству, за что былъ произведенъ въ полковники. Составивъ изъ Наполеоновскихъ дезертировъ, преимущественно испанцевъ, нѣмецкихъ волонтеровъ и русскихъ гусаръ и казаковъ отрядъ, названный имъ „легіономъ мести“, Фигнеръ продолжалъ свои губительные набѣги. Но онъ былъ не только отважнымъ, доходившимъ до безумной дерзости, начальникомъ партизанскаго отряда, но и искуснымъ, предпріимчивымъ развѣдчикомъ: часто отправлялся онъ въ одиночные поиски со своимъ духовымъ ружьемъ, въ видѣ палки, переодѣтый то дровосѣкомъ, то крестьяниномъ, то помѣщикомъ-охотникомъ, старался подвергнуться задержанію и высмотрѣть силы и расположеніе непріятеля. Несмотря на это, Фигнеръ погибъ вслѣдствіе своей оплошности: не вѣря, что Наполеонъ измѣнилъ свое движеніе и перешелъ въ наступленіе, онъ позволилъ себя окружить и припереть къ Эльбѣ. Не погибшіе во время отчаяннаго боя утонули въ водахъ Эльбы, въ томъ числѣ, вѣроятно, и самъ Фигнеръ: его саблю нашли потомъ на берегу рѣки. Дѣятельность Фигнера въ 1812 и 1813 гг. была исключительная, ею онъ заслужилъ удивленіе современниковъ. Такъ, Кутузовъ писалъ о немъ своей женѣ: „Погляди на него пристально, это—человѣкъ необыкновенный; я этакой высокой души еще не видалъ, онъ фанатикъ въ храбрости и патріотизмѣ, и Богъ знаетъ, чего онъ не предприметъ“. По свидѣтельству партизана-поэта Давыдова, Фигнеръ отличался духомъ непоколебимымъ въ опасностяхъ, безпредѣльными отважностью и предпріимчивостью, сверхъестественной смѣтливостью, тонкимъ и проницательнымъ умомъ, замѣчательной личной храбростью, но, какъ человѣкъ, былъ очень непривлекателенъ: „безнравственность, безсовѣстность, плутни самыя низкія, варварство самое ужасное“ превышали его хорошія качества. Другіе современники, однако, находили въ немъ черты рыцарскаго благородства и великодушія и истинную религіозность, а не лицемѣріе.

Семейная обстановка Фигнера съ дѣтства была неблагопріятна; кромѣ того, онъ страдалъ наслѣдственнымъ недугомъ; вслѣдствіе этого, можетъ-быть, и не дорожилъ жизнью. Отъ брака съ Ольгой Михайловной Бибиковой А. С. Фигнеръ дѣтей не имѣлъ.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

ALEXANDRE SAMOÏLOWITCH FIGNER, 1787—1813, descendant de la vieille famille allemande des Figner von Rutmersbach, fils du vice-gouverneur de Pskoff Samuel Samoïlowitch Figner († 1813), fit ses études au 2e Corps des Cadets, d'où il sortit en 1805 sous-lieutenant d'artillerie. Il prit part la même année à l'expédition anglo-russe de la Méditerranée, et profita de son séjour en Italie pour apprendre complètement l'italien, qui devait lui servir grandement un jour. Il fit en 1810 la guerre de Turquie, et l'assaut de Rouchtchouk lui valut St-Georges de 4e classe. Il prit sa retraite à la fin de cette guerre, pour devenir bailli d'une ville du gouvernement de Tamboff, mais reprit du service en 1812 comme capitaine d'artillerie en second, et l'affaire de la Strogane lui valut la première classe du grade. La prise de Moscou marque le début de son rôle de partisan. Voyant dans Napoléon la source des malheurs de la Russie, il conçut l'idée de le tuer, et se fit donner par Koutouzoff l'autorisation de se rendre à Moscou, déguisé en paysan. Il échoua dans ses projets de meurtre, mais non sans faire beaucoup de mal à l'ennemi: il recruta parmi les habitants restés en ville une troupe qui allait la nuit tuer les français par les rues. De retour au quartier général, il fut chargé avec Davydoff et Séslavine de porter la guerre de partisans sur les communications de l'ennemi. A la tête de 600 cavaliers et cosaques, il harcela ses derrières, tombant sur lui à l'improviste, détruisant des détachements de fourrageurs, brûlant les transports. Au mépris de sa vie, il assumait les missions les plus dangereuses, et exécutait les entreprises les plus risquées. Sa tête fut mise à prix par Napoléon. Il fut plus d'une fois entouré, mais réussit toujours à se tirer d'affaire. Ses exploits lui valurent le grade de lieutenant-colonel, 7000 roubles et l'autorisation de solliciter quelque faveur particulière: il obtint ainsi la cessation des poursuites intentées à son beau-père Bibikoff, le vice-gouverneur de Pskoff. En 1813, il continua son œuvre: au siège de Dantzig, il réussit, en se donnant pour un italien dépouillé par les cosaques, à pénétrer dans la ville; arrêté, il put après deux mois de prison se justifier, et gagna si bien la confiance du commandant, qu'on l'envoya porter des dépêches à Napoléon. Il s'empressa de les remettre à ses chefs, et fut fait en récompense colonel. A la tête de sa Légion de la Vengeance, composée de déserteurs de Napoléon, pour la plupart espagnols, de volontaires allemands et de hussards russes, il continua ensuite sa terrible guérilla. A son audace de chef de partisans, poussée parfois jusqu'à une témérité insensée, il joignait un talent d'éclaireur des plus entreprenants: souvent il s'aventurait seul en reconnaissance, son fusil à piston à la main comme un bâton, et, déguisé tantôt en bûcheron, tantôt en paysan, tantôt en chasseur, se faisait arrêter pour être à même d'observer les forces et la position de l'ennemi. Il périt cependant victime de son imprudence: il ne voulut pas croire que Napoléon avait changé de front pour prendre l'offensive, se laissa cerner et acculer à l'Elbe. Les survivants du combat acharné qui s'engagea alors furent précipités à l'eau, et Figner fut sans doute de ceux-là; son sabre fut retrouvé plus tard sur la rive. Il avait joué en 1812 et 1813 un rôle tout exceptionnel, qui lui valut l'admiration générale. „Somme toute“, écrit Koutouzoff à sa femme, „c'est un homme extraordinaire; je n'ai jamais vu d'âme aussi sublime: en fait de bravoure et de patriotisme, c'est un fanatique, à ne reculer devant rien!“ Intrépide dans le danger, dit Davydoff, le partisan-poète, d'une audace et d'une détermination sans bornes, d'une perspicacité phénoménale, d'un esprit subtil et pénétrant, d'une bravoure personnelle extraordinaire, il était, comme homme, des moins sympathiques, „dénué de sens moral et de scrupules, capable des vilenies les plus basses, des cruautés les plus affreuses“. D'autres contemporains lui reconnaissent au contraire des traits d'une noblesse et d'une magnanimité chevaleresque, ainsi qu'une religiosité véritable, exempte d'hypocrisie.

Figner eut à souffrir tout enfant de conditions de milieu défavorables; il était de plus atteint d'une infirmité congénitale. Peut-être est-ce ainsi qu'il ne tenait pas à la vie. Il avait épousé Olga Mikhaïlowna Bibikoff, dont il n'eut pas d'enfants.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Князь **ЛЕВЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ЯШВИЛЬ**, 1768—1834, неизвѣстнаго происхожденія, сынъ какого-то мелкаго владѣтельнаго князя изъ Грузинъ, былъ привезенъ мальчикомъ съ Кавказа, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, княземъ Владиміромъ (р. 1764 г., † 20 Іюля 1815 г.); въ 1784 г. поступилъ въ Артиллерійскій кадетскій корпусъ и черезъ 2 года выпущенъ изъ него штыкъ-юнкеромъ въ Бомбардирскій полкъ. Съ тѣхъ поръ вся долговременная служба его протекла въ артиллеріи. Принявъ участіе въ первой Турецкой войнѣ, онъ въ 1787 г. былъ произведенъ въ подпоручики и за отличіе при взятіи Очакова въ поручики. Съ 1792 по 1795 г. Яшвиль участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ поляковъ и заслужилъ орденъ св. Владиміра 4-й ст. за Маціовицы и Георгія 4-й ст. за Прагу. Съ 1794 по 1799 г. онъ служилъ въ конной артиллеріи, а въ 1799 г., въ чинѣ капитана, переведенъ въ гвардію и въ 1800 г. произведенъ въ полковники опять въ Конно-артиллерійскій батальонъ. Награжденный 2 Февраля 1801 г. орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго, Яшвиль съ 1801 по 1803 г. служилъ вторично въ гвардіи, а затѣмъ въ 1-мъ конно-артиллерійскомъ батальонѣ и съ 1806 г., по переформированіи артиллерійскихъ полковъ и батальоновъ, въ 6-й бригадѣ. Онъ участвовалъ въ войнахъ съ Наполеономъ 1805, 1806 и 1807 гг. и особенно отличился подъ Гейльсбергомъ, за который былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й ст., и дважды золотымъ оружіемъ—за Прейсишъ-Эйлау и Гутштадтъ. Въ 1808 г. князь Яшвиль произведенъ въ генералъ-майоры. Во время Отечественной войны онъ дѣйствовалъ сначала подъ начальствомъ Витгенштейна и за отличіе получилъ чинъ генералъ-лейтенанта и нѣсколько орденовъ. Во время войны за освобожденіе Европы Яшвиль командовалъ артиллеріей дѣйствующей арміи и былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго за Люценъ и алмазами къ нему за Бауценъ. Блестящее состояніе, въ которомъ Яшвиль представилъ на Высочайшемъ смотру въ Шампани свою артиллерію, доставило ему орденъ св. Владиміра 1-й степени. Въ 1816 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ артиллеріи 1-й арміи и занималъ эту должность въ теченіе 17 лѣтъ, постоянно получая знаки благоволенія къ нему Императоровъ Александра I и Николая I.

Въ 1819 г. князь Яшвиль былъ произведенъ въ генералы-отъ-артиллеріи, въ 1831 г. получилъ вензеля на эполеты и въ 1832 г. назначенъ членомъ Военнаго совѣта; 5 Мая 1833 г. онъ былъ уволенъ отъ должности по совершенно разстроенному здоровью, впредь до выздоровленія. Долговременная служба его была еще награждена 6 Декабря 1833 г. высшимъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго и орденомъ Бѣлаго Орла.

Князь Л. М. Яшвиль скончался въ 1834 г. и похороненъ въ Кіевскомъ Выдубицкомъ монастырѣ; женатъ онъ не былъ.

(Съ миніатюры, принадлежащей А. С. Ермолову, въ С.-Петербургѣ.)

Le prince **LÉON MIKHAÏLOWITCH YACHVIL**, 1768—1834, d'origine inconnue, fils de quelque petit prince géorgien, fut amené du Caucase tout enfant avec son frère Vladimir (1764—20 juillet 1815). Entré en 1784 au Corps des Cadets d'Artillerie, il en sortit deux ans plus tard sous-officier au régiment de bombardiers. Ce fut le début de sa longue carrière, qu'il fit tout entière dans l'artillerie. Il prit part à la première guerre de Turquie, passa sous-lieutenant en 1787 et lieutenant pour sa valeur à la prise d'Otchakoff. De 1792 à 1795, il fit la campagne de Pologne, où Maciejovice lui valut St-Vladimir de 4e classe et Praga St-Georges de 4e classe. Il servit de 1794 à 1799 dans l'artillerie montée, permuta ensuite, étant capitaine, à la Garde, pour revenir en 1800 colonel au bataillon d'artillerie montée. Décoré le 2 février 1801 de St-Jean-de-Jérusalem, il servit de nouveau à la Garde de 1801 à 1803, puis au 1er bataillon d'artillerie montée, et, à partir de 1806, lors du remaniement des régiments et bataillons d'artillerie, à la 6e brigade. Il fit les guerres de Napoléon en 1805, 1806 et 1807; Heilsberg lui valut St-Georges de 3e classe, et les batailles de Preussisch-Eylau et Gutstadt chacune une épée d'or. Il fut promu en 1808 général major. A la Guerre Patriotique, il fut d'abord sous les ordres de Wittgenstein et gagna le grade de général lieutenant et plusieurs décorations. Pendant la campagne d'Europe, il commanda l'artillerie de l'armée d'opérations; Lutzen lui valut St-Alexandre Newsky, et Bautzen les insignes en brillants de cet ordre. La brillante tenue de son artillerie, à la revue passée en Champagne par l'Empereur, le fit décorer de St-Vladimir de 1re classe. Nommé en 1816 commandant de l'artillerie de la 1re armée, il le resta dix-sept ans, pendant lesquels Alexandre Ier et Nicolas Ier lui témoignèrent incessamment leur faveur. Général d'artillerie en 1819, il reçut en 1831 des épaulettes au chiffre de Sa Majesté (comme attaché à la Suite), et fut fait en 1832 membre du Conseil Militaire. Il fut mis à la retraite le 5 mai 1833 pour raisons de santé, et sa longue carrière fut couronnée le 6 décembre suivant par les ordres de St-André et de l'Aigle Blanc.

Le prince Yachvil mourut en 1834, et fut inhumé à Kieff, au monastère Vydoubitzky. Il ne s'était pas marié.

(D'après une miniature appartenant à A. Ermoloff, St-Pétersbourg.)

ИВАНЪ ОНУФРІЕВИЧЪ СУХОЗАНЕТЪ, 1785—1861, происходилъ изъ польскихъ дворянъ Витебской губерніи и родился 4 Іюля 1785 г. въ дер. Вѣсяхъ, Слуцкаго уѣзда. Отецъ его, Онуфрій Ивановичъ, уже состоялъ на русской службѣ, а сыновья послѣдняго были православнаго исповѣданія. Человѣкъ небогатый, онъ опредѣлилъ въ 1800 г. своего старшаго сына Ивана на казенный счетъ въ Артиллерійскій и инженерный (2-й кадетскій) корпусъ. Въ 1803 г. Сухозанетъ выпущенъ былъ изъ корпуса инженеръ-подпоручикомъ, но уже въ слѣдующемъ году перешелъ въ артиллерію и состоялъ адъютантомъ при баронѣ Левенштернѣ. Въ 1806 г. онъ перешелъ въ конную артиллерію и принялъ участіе въ войнѣ съ Наполеономъ. При Прейсишъ-Эйлау Сухозанетъ былъ контуженъ, а при Фридландѣ такъ измятъ непріятельской кавалеріей, что почти замертво вынесенъ съ поля сраженія. Переведенный за отличіе въ гвардію въ чинѣ поручика, онъ былъ взятъ въ адъютанты инспекторомъ конной артиллеріи княземъ Яшвилемъ и сдѣлалъ необыкновенно быструю карьеру: произведенный въ 1807 г. въ поручики, черезъ 6 лѣтъ онъ былъ уже генераломъ. Въ 1810 г. Сухозанетъ вернулся въ армію, получивъ конную батарею, но въ 1812 г., послѣ царскаго смотра, снова переведенъ въ гвардію. Войны Отечественная (въ самомъ началѣ ея онъ былъ раненъ въ голову) и за освобожденіе Европы дали ему возможность получить много наградъ, изъ которыхъ главныя: чины полковника и генералъ-майора, Георгій 4-й ст. (за Полоцкъ) и золотое оружіе (за Лейпцигъ, гдѣ онъ огнемъ своихъ орудій много способствовалъ успѣху союзниковъ). Состоя въ началѣ 1814 г. начальникомъ резервной артиллеріи дѣйствующей арміи, Сухозанетъ занималъ затѣмъ послѣдовательно должности начальника артиллеріи 4-го корпуса, начальника штаба по артиллеріи дѣйствующей арміи и съ 1816 г. 1-й арміи, а съ 1819 г. начальника артиллеріи гвардейскаго корпуса. 14 Декабря 1825 г. онъ собственноручно приложилъ фитиль къ пушкѣ, направленной на толпу бунтовщиковъ, и на слѣдующій день пожалованъ въ генералъ-адъютанты, а въ день коронаціи произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Турецкая война доставила ему случай получить Георгія 3-й ст., а Польская, гдѣ онъ командовалъ артиллеріей дѣйствующей арміи,—Владиміра 1-й ст., но зато при Ваврѣ онъ лишился правой ноги, оторванной ядромъ ниже колѣна. Въ 1831 г. закончилась боевая дѣятельность Сухозанета и началась военно-педагогическая: въ 1831 г. онъ былъ назначенъ главноуправляющимъ Артиллерійскимъ училищемъ, въ 1832 г.—директоромъ Императорской Военной академіи и главноуправляющимъ Инженернымъ училищемъ и въ 1833 г.—директоромъ Пажескаго и кадетскихъ корпусовъ и Дворянскаго полка. Кромѣ того, онъ состоялъ съ 1831 г. предсѣдателемъ артиллерійскаго комитета и съ 1833 г. членомъ Военнаго совѣта. Въ 1836 г. Сухозанетъ отказался, по болѣзни, отъ завѣдыванія всѣми военно-учебными заведеніями, кромѣ академіи, которую покинулъ только въ 1854 году. Дѣятельность его постоянно заслуживала одобренія Николая I, наградившаго его чиномъ генерала-отъ-артиллеріи (1834 г.) и всѣми орденами включительно до Андрея Первозваннаго (1852 г.), но среди современниковъ память о немъ сохранилась довольно печальная. Хорошій артиллеристъ, человѣкъ, неуклонно стремившійся къ порядку и дисциплинѣ, онъ былъ плохой педагогъ и совсѣмъ не стоялъ на высотѣ своей задачи, какъ директоръ академіи, хотя и поставилъ ее высоко въ дисциплинарномъ отношеніи. Наукамъ онъ совсѣмъ не придавалъ значенія, главное для него была дисциплина. „Безъ науки побѣждать возможно, а безъ дисциплины—никогда“, твердилъ онъ постоянно и устно, и въ приказахъ. Обладая способностью узнавать людей, онъ, впрочемъ, сумѣлъ подобрать себѣ хорошихъ помощниковъ. Въ очень несимпатичныхъ чертахъ изображаетъ Сухозанета, какъ человѣка, въ своихъ запискахъ, впрочемъ, далеко не безпристрастныхъ, генералъ Филипсонъ. Некрологъ Сухозанета былъ напечатанъ въ № 3 „Артиллерійскаго журнала“ за 1861 годъ.

И. О. Сухозанетъ скончался отъ нервнаго удара 8 Февраля 1861 г., похороненъ на Тихвинскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры; женатъ онъ былъ дважды, вторымъ бракомъ—на княжнѣ Екатеринѣ Александровнѣ Бѣлосельской-Бѣлозерской. Отъ этого брака у него былъ сынъ Александръ (р. 23 Октября 1827 г.) и дочь Анна (р. 20 Февраля 1826 г.), въ замужствѣ за камергеромъ Н. А. Безобразовымъ.

(Съ миніатюры, принадлежащей Великому Князю Николаю Михаиловичу.)

IVAN ONUFRIEWITCH SOUKHOZANET, 1785—1861, de la noblesse polonaise du gouvernement de Vitebsk, naquit le 4 juillet 1785 au village de Vessy, district de Slutsk. Son père, déjà au service russe, avait fait baptiser ses enfants dans l'orthodoxie, et mit en 1800 l'aîné Ivan boursier au 2e Corps des Cadets de l'Artillerie et du Génie. Sorti lieutenant du génie en 1803, il permuta l'année suivante dans l'artillerie et fut aide de camp du baron Löwenstjerne. Affecté en 1806 à l'artillerie montée, il fit la guerre de Napoléon, reçut une contusion à Preussisch-Eylau, et, à Friedland, piétiné par une charge de cavalerie, fut relevé pour mort sur le champ de bataille. Sa valeur le fit permuter lieutenant à la Garde, et, aide de camp du prince Yachvil, inspecteur de l'artillerie montée, il fit dès lors une carrière extraordinairement rapide: lieutenant en 1807, il était général six ans plus tard. Il reçut en 1810 une batterie à cheval à l'armée, et quitta la Garde, mais pour y revenir en 1812, après la revue passée par l'empereur. A la Guerre Patriotique, tout au commencement de laquelle il fut blessé à la tête, et à la campagne d'Europe, il gagna les grades de colonel et général major; Polotzk lui valut St-Georges de 4e classe et Leipzig, où son artillerie joua un rôle considérable, une épée d'or. Chef de l'artillerie de réserve de l'armée d'opérations au début de 1814, il devint ensuite successivement commandant de l'artillerie du 4e corps, chef de l'état-major de l'artillerie de l'armée d'opérations et, en 1816, de la 1re armée, puis, en 1819, commandant de l'artillerie du corps de la Garde. Le 14 décembre 1825, il mit de sa propre main le feu à une pièce dirigée contre les émeutiers: le lendemain il était fait aide de camp de S. M., et, le jour du couronnement, passait général lieutenant. La guerre de Turquie lui valut St-Georges de 3e classe, et celle de Pologne, où il commandait toute l'artillerie, St-Vladimir de 1re classe; mais il eut à Wawra, en 1831, la jambe droite coupée par un boulet au-dessous du genou. Ce fut la fin de sa carrière active, et il se tourna vers la pédagogie: directeur général de l'Ecole d'Artillerie la même année, de l'Académie Militaire et de l'Ecole du Génie l'année suivante, du Corps des Pages, du Corps des Cadets et du Régiment des Nobles en 1833, il fut en même temps président du Comité d'Artillerie depuis 1831 et membre du Conseil Militaire depuis 1833. En 1836, il donna pour raisons de santé sa démission de directeur de tous ses établissements d'instruction militaires, sauf l'Académie, qu'il ne quitta qu'en 1854. Il jouit invariablement de la faveur de Nicolas Ier, qui le fit général d'artillerie en 1834 et successivement chevalier de tous les ordres, y compris St-André (1852); mais les contemporains n'avaient de lui qu'une assez piètre opinion. Bon artilleur, rigide en matière d'ordre et de discipline, mais mauvais pédagogue, il fut au-dessous de tout comme directeur de l'Académie, où il ne sut que maintenir une discipline rigoureuse. Il n'attribuait aucune importance à la science, et la discipline était tout pour lui: „On peut vaincre sans science, jamais sans discipline", répétait-il à satiété, tant en paroles que dans ses ordres du jour. Il avait d'ailleurs le talent de juger les hommes et sut s'entourer de bons collaborateurs. Comme homme, il est présenté sous un jour très défavorable dans les Mémoires, d'ailleurs fort entachés de partialité, du général Philipson. Il a paru une nécrologie de Soukhozanet dans le Journal de l'Artillerie, 1861, № 3.

Soukhozanet mourut d'une attaque d'apoplexie le 8 février 1861, et fut inhumé au cimetière de Tikhvine, au monastère d'Alexandre Newsky. Il fut marié deux fois. Sa seconde femme était la princesse Catherine Alexandrowna Bélosselsky-Bélozersky, dont il eut un fils Alexandre (né 23 octobre 1827), et une fille Anne (née 20 février 1826), mariée au chambellan N. Bézobrazoff.

(D'après une miniature appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

99

НИКОЛАЙ ОНУФРІЕВИЧЪ СУХОЗАНЕТЪ, 1794—1871, младшій братъ Ивана Онуфріевича, началъ службу 7 Апрѣля 1811 г. юнкеромъ Конно-артиллерійской № 1 роты, гдѣ 27 Декабря произведенъ былъ въ прапорщики; въ чинѣ поручика 12 Августа 1814 г. переведенъ былъ въ гвардейскую артиллерію, съ назначеніемъ адъютантомъ къ начальнику артиллеріи 1-й арміи князю Яшвилю. Съ 1812 по 1815 г. Сухозанетъ участвовалъ въ Наполеоновскихъ войнахъ и во время Отечественной войны былъ во многихъ дѣлахъ: при Клястицахъ, на рѣкѣ Сивошинѣ, при мызѣ Соколицахъ, при мызѣ Своинѣ, и въ сраженіяхъ при Полоцкѣ, Чашникахъ и Витебскѣ. За отличіе подъ Полоцкомъ Сухозанетъ получилъ орденъ св. Владиміра 4-й ст.; въ 1813 и 1814 гг. онъ также участвовалъ во всѣхъ главнѣйшихъ бояхъ кампаній этихъ годовъ, начиная съ Люцена и кончая Кульмомъ, Лейпцигомъ и взятіемъ Парижа. Произведенный въ капитаны 16 Марта 1818 г., въ 1819 г. Сухозанетъ былъ назначенъ командиромъ 19-й Конно-артиллерійской роты, а 19 Апрѣля 1820 г. произведенъ въ полковники. Въ 1824 г. Сухозанетъ назначенъ былъ начальникомъ штаба артиллеріи 1-й арміи и 29 Сентября 1828 г. произведенъ въ генералъ-майоры. Во время Польскаго мятежа онъ былъ въ дѣйствующей арміи и участвовалъ въ дѣлахъ при Калушинѣ и Остроленкѣ, при чемъ за взятіе Остроленки награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 3 класса. Въ 1836 г., 11 Декабря, Сухозанетъ былъ назначенъ начальникомъ 4-й артиллерійской дивизіи. Получивъ звѣзды св. Станислава и св. Анны и майоратъ въ Царствѣ Польскомъ, онъ былъ произведенъ 6 Декабря 1840 г. въ генералъ-лейтенанты и переведенъ въ 6-ю артиллерійскую дивизію; послѣ нѣсколькихъ Монаршихъ благоволеній получилъ ордена св. Владиміра 2-й ст. (1846 г.) и Бѣлаго Орла (1847 г.), а въ 1849 г. назначенъ начальникомъ артиллеріи дѣйствующей арміи. Въ 1852 г. произведенъ въ генералы-отъ-артиллеріи; 7 Августа 1855 г. назначенъ командиромъ 3 корпуса, а 27 Декабря того же года—командующимъ Южной арміей.

Императоръ Александръ II назначилъ Сухозанета 17 Апрѣля 1856 г. Военнымъ министромъ, а 26 Августа пожаловалъ его въ генералъ-адъютанты; въ слѣдующемъ году (17 Апрѣля) онъ получилъ орденъ св. Владиміра 1-й ст., 12 Апрѣля 1859 г.—Александровскую звѣзду, а 8 Сентября того же года—Андреевскую ленту. Въ бытность Сухозанета Военнымъ министромъ были составлены проекты объ увеличеніи содержанія офицерамъ и объ эмеритальной кассѣ военнаго вѣдомства; кромѣ того, онъ заботился объ омоложеніи арміи, уволивъ отъ службы сразу много генераловъ и полковниковъ, что вызвало тогда большое неудовольствіе. Съ 16 Мая по 6 Августа 1861 г. Сухозанетъ пробылъ въ Варшавѣ, куда былъ посланъ, съ правами намѣстника, по случаю внезапной болѣзни и отъѣзда предмѣстника графа Ламберта. Тутъ онъ, однако, многаго не въ состояніи былъ сдѣлать, и мѣры суровости смѣнялись дѣйствіями, явно уступчивыми, полными колебаній и неопредѣленности. Оставаясь Военнымъ министромъ, Сухозанетъ просилъ взять его изъ Польши. Въ томъ же 1861 году, 9 Ноября, онъ былъ уволенъ отъ должности Военнаго министра, съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта и генералъ-адъютантомъ, при чемъ получилъ портретъ Государя съ алмазами, для ношенія на груди. Подъ конецъ жизни Сухозанетъ получилъ разрѣшеніе переселиться на житье въ Калугу, гдѣ онъ и скончался 22 Іюня 1871 г.; похороненъ въ Калужскомъ загородномъ Лаврентіевѣ монастырѣ.

Н. О. Сухозанетъ былъ женатъ на дочери генералъ-майора князя Владиміра Михайловича Яшвиля, Евдокіи Владиміровнѣ († 1895 г.); дѣтей у нихъ не было.

(Съ миніатюры, принадлежащей А. С. Ермолову, въ С.-Петербургѣ.)

NICOLAS ONUFRIEWITCH SOUKHOZANET, 1794—1871, frère cadet du précédent, prit du service le 7 avril 1811 comme sous-officier à la 1re compagnie d'artillerie montée, où il passa porte-enseigne le 27 décembre suivant. Etant lieutenant, il permuta le 12 août 1814 à l'artillerie de la Garde, et devint aide de camp du prince Yachvil, commandant de l'artillerie de la 1re armée. De 1812 à 1815, il fit les guerres de Napoléon; à la Guerre Patriotique, on le trouve à Klastitzy, sur la Sivochina, à la ferme de Sokolitzy, à la ferme de Svoïne, à Polotzk, qui lui valut St-Vladimir de 4e classe, à Tchachniki et à Vitebsk. Il fut aussi des principaux combats de la campagne d'Europe, depuis Lutzen jusqu'à Kulm, Leipzig et à la prise de Paris. Capitaine le 16 mars 1818, il fut nommé en 1819 commandant de la 19e compagnie d'artillerie montée et passa colonel le 19 avril 1820, devint en 1824 chef d'état-major de l'artillerie de la 1re armée, et fut promu général major le 29 septembre 1828. Lors de l'insurrection de Pologne, il prit part aux combats de Kaluszino et d'Ostrolenka, et la prise d'Ostrolenka lui valut St-Georges de 3e classe. Le 11 décembre 1836, il fut nommé commandant de la 4e division d'artillerie. Chevalier de St-Stanislas et de Ste-Anne et titulaire d'un majorat en Pologne, il fut promu général lieutenant le 6 décembre 1840 et affecté à la 6e division d'artillerie. Entre autres signes de distinction, il reçut encore St-Vladimir de 2e classe en 1846 et l'Aigle Blanc en 1847, puis, en 1849, fut mis à la tête de l'artillerie de l'armée d'opérations. Général d'artillerie en 1852, il fut nommé le 7 août 1855 commandant du 3e corps, et le 27 décembre suivant commandant de l'armée du Midi.

L'Empereur Alexandre II nomma Soukhozanet ministre de la guerre le 17 avril 1856 et le fit général aide de camp le 26 août, puis lui conféra, le 17 avril 1857, St-Vladimir de 1re classe, le 12 avril 1859 l'étoile de St-Alexandre et le 8 septembre suivant le cordon de St-André. Comme ministre, Soukhozanet projeta une augmentation de la solde des officiers et la fondation d'une caisse éméritale des services de la Guerre; il entreprit aussi un rajeunissement des cadres, qui entraîna d'un coup la mise à la retraite d'un grand nombre de généraux et de colonels, et provoqua un vif mécontentement. Envoyé à Varsovie comme gouverneur intérimaire en remplacement du comte Lambert, parti pour raisons de santé, il y resta du 16 mai au 6 août 1861, mais sans pouvoir y faire grand'chose: ce ne fut qu'une suite incohérente de mesures de rigueur et de franches concessions, sans ligne de conduite ferme et bien définie. Il demanda son rappel, tout en conservant son poste de ministre, qu'il dut résigner le 9 novembre suivant: il restait membre du Conseil de l'Empire et général aide de camp, et obtenait le portrait de l'Empereur en brillants pour porter sur la poitrine. Il reçut sur ses vieux jours l'autorisation d'aller se fixer à Kalouga, où il mourut le 22 juin 1871, et où il fut inhumé au monastère St-Laurent.

Soukhozanet épousa la fille Eudoxie († 1895) du prince Vladimir Yachvil, général major. Il n'eut pas d'enfants.

(D'après une miniature appartenant à A. Ermoloff, St-Pétersbourg.)

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи
№ 3966

96

Александръ Самойловичъ Фигнеръ,
1787 — 1813

Alexandre Samoïlowitch Figner,
1787 — 1813

97

Князь Левъ Михайловичъ Яшвиль,
1768 — 1834

Le Prince Léon Mikhaïlowitch Yachvil,
1768 — 1834

98

Иванъ Онуфріевичъ Сухозанетъ,
1785 — 1861

Ivan Onufriewitch Soukhozanet,
1785 — 1861

99

Николай Онуфріевичъ Сухозанетъ,
1794 — 1871

Nicolas Onufriewitch Soukhozanet,
1794 — 1871

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

БИБЛИОТЕКА
Пермской Государственной
Художественной Галереи

100

Баронъ **АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ЧЕРКАСОВЪ**, 1728—1788, былъ сынъ кабинетъ-секретаря барона Ивана Антоновича Черкасова. Послѣ обученія въ Кэмбриджскомъ университетѣ, съ 1747 по 1761 г. служилъ въ гвардіи. Въ 1761 году онъ вышелъ въ отставку, съ чиномъ капитана гвардіи, но Екатерина II, пожаловавъ его въ дѣйствительные камергеры, поручила ему написать уставъ Медицинской коллегіи и 12 Ноября 1763 года назначила его президентомъ этого учрежденія.

Баронъ А. И. Черкасовъ былъ сторонникомъ національзаціи русской медицины и освобожденія ея отъ господства иностранныхъ медиковъ. Съ этою цѣлью онъ преобразовалъ русскія госпитальныя школы и учредилъ при Коллегіи экзаменаціонную комиссію, для испытанія учениковъ госпитальныхъ школъ, желавшихъ получить лѣкарскій дипломъ. Заслугой барона Черкасова является введеніе въ Россіи оспопрививанія; для этой цѣли онъ выписалъ изъ-за границы знаменитаго Димсдэля, который и привилъ оспу прежде всего самой Императрицѣ, щедро его наградившей. Примѣру Государыни послѣдовали придворные и вельможи. Но борьба съ нѣмцами оказалась не подъ силу барону Черкасову, и, лишившись поддержки благоволившихъ къ нему Орловыхъ, онъ въ 1775 году покинулъ постъ президента Медицинской Коллегіи, а 28 Марта 1778 года получилъ полную отставку, съ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

Онъ умеръ 25 Апрѣля 1788 года. Отъ брака съ дочерью Бирона, Екатериной Ивановной, онъ имѣлъ сына Петра и дочь Елизавету (въ замужствѣ за Пальменбахомъ).

(Съ портрета, принадлежащаго князю К. Э. Бѣлосельскому-Бѣлозерскому, С.-Петербургъ.)

100

Le baron **ALEXANDRE IVANOWITCH TCHERKASSOFF**, 1728—1788, fils du baron Ivan Tcherkassoff, secrétaire de cabinet, fit des études à l'université de Cambridge, puis prit du service à la Garde en 1747. Il y était capitaine quand il donna sa démission en 1761, mais Catherine II le fit chambellan actuel et le chargea de rédiger les Statuts du Collège de Médecine, dont elle le nomma président le 12 novembre 1763.

Le baron Tcherkassoff mit tous ses efforts à nationaliser la médecine russe et à l'affranchir du joug étranger: il procéda à une réforme des cliniques dans ce sens et institua au Collège de Médecine une commission d'examens pour la délivrance du diplôme de médecin. C'est à lui qu'on doit l'introduction de la vaccine en Russie: le célèbre Deamsdale, qu'il avait fait venir à cet effet, vaccina tout d'abord l'Impératrice elle-même, qui le récompensa généreusement, et dont l'exemple fut suivi par la Cour et le grand monde. Cependant Tcherkassoff ne put avoir raison des allemands: une fois privé de l'appui des Orloff, il dut quitter en 1775 son poste de président du Collège de Médecine, puis, le 28 mars 1778, prit définitivement sa retraite avec rang de conseiller privé actuel.

Il mourut le 25 avril 1788. Il avait eu de son mariage avec Catherine, fille de Jean Biron, un fils, Pierre, et une fille, Elisabeth, mariée à Palmenbach.

(D'après un original appartenant au prince C. Bélosselsky-Bélozersky, St-Pétersbourg.)

101

ЯКОВЪ МАТВѢЕВИЧЪ ЕВРЕИНОВЪ, 1700—1772, родился въ Москвѣ 23 Октября 1700 года. По утвержденію Евреиновыхъ, предки ихъ были „польскіе дворяне“, но на самомъ дѣлѣ отецъ Я. М. Евреинова былъ Мстиславскій еврей, попавшій въ плѣнъ къ русскимъ въ 1655 году и сдѣлавшійся, послѣ принятія православія, первостатейнымъ купцомъ гостиной сотни.

Я. М. Евреиновъ въ 1716 году былъ посланъ Петромъ I за границу для обученія иностраннымъ языкамъ и возвратился въ Россію только черезъ 4 года. Въ 1723 году онъ былъ назначенъ консуломъ въ Кадиксъ, но черезъ 2 года, по желанію отца, былъ уволенъ отъ службы и занялся дѣлами своей шелковой фабрики; 8 Сентября 1742 г. Евреиновъ былъ пожалованъ въ совѣтники Мануфактуръ-Коллегіи; 18 Сентября 1745 года онъ былъ назначенъ вице-президентомъ, а 29 Марта 1753 года президентомъ Коммерцъ-Коллегіи. Президентство Я. М. Евреинова ознаменовалось тѣмъ, что „по собственному его плану и подъ его начальствомъ былъ учрежденъ Коммерческій Банкъ“.

По воцареніи Екатерины II на Евреинова былъ сдѣланъ начетъ въ 121.000 рублей, взятыхъ Петромъ III изъ коллегіи безъ законныхъ формальностей. Я. М. Евреиновъ былъ отставленъ отъ службы, и имущество его было взято въ казенный секвестръ. „Находясь въ несчастіи“, Евреиновъ умеръ 27 Октября 1772 года. Тѣло его погребено въ Москвѣ, въ бывшемъ Андреевскомъ монастырѣ.

Отъ брака съ Авдотьей Ивановной Ѳеофилатьевой, Евреиновъ имѣлъ 4-хъ сыновей: Петра, Ивана, Михаила и Николая, и 4-хъ дочерей: Наталію (въ замужствѣ за Никитой Іакинѳіевичемъ Демидовымъ), Елизавету (за Воейковымъ), Надежду (за Ханыковымъ) и Вѣру (за Пущинымъ).

(Съ портрета, находящагося въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.)

101

JACOB MATVÉEWITCH ÉVRÉINOFF, 1700—1772, naquit à Moscou le 23 octobre 1700. Sa famille se réclamait de la noblesse polonaise, mais en réalité son père était un israélite de Mstislav, fait prisonnier par les Russes en 1655, converti à l'orthodoxie, puis devenu marchand de 1re classe.

En 1716, Pierre-le-Grand l'envoya apprendre les langues à l'étranger; il y resta quatre ans, puis fut nommé en 1723 consul à Cadix, mais au bout de deux ans, donna sa démission à l'instigation de son père, pour s'occuper d'une soierie qu'il possédait. Conseiller au Collège des Manufactures le 8 septembre 1742, il devint le 18 septembre 1745 vice-président, puis, le 29 mars 1753, président du Collège de Commerce, où il se signala par „la fondation, d'après son plan et sous sa direction, de la Banque de Commerce".

A l'avènement de Catherine II, il eut à répondre d'une somme de 121.000 roubles prélevée irrégulièrement par Pierre III sur les fonds du Collège. Il fut destitué et ses biens mis sous séquestre par l'Etat. „Accablé par l'infortune", il mourut le 27 octobre 1772, et fut inhumé à Moscou, à l'ancien monastère St-André. Il avait épousé Eudoxie Féofilaktieff, dont il eut quatre fils, Pierre, Ivan, Michel et Nicolas, et quatre filles, Natalie, mariée à Nikita Démidoff, Elisabeth à Voéïkoff, Nadejda à Khanykoff et Véra à Pouchtchine.

(D'après un original conservé aux Archives du Ministère des Affaires étrangères, à Moscou.)

Графъ ПЕТРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ЧЕРНЫШЕВЪ, 1712—1773, старшій братъ графа Захара (см. т. II, № 15), родился 25 Марта 1712 г.; крестникъ Петра Великаго, онъ въ дѣтствѣ былъ записанъ въ Преображенскій полкъ, съ 1722 по 1727 г. служилъ въ Гольштинскихъ войскахъ, затѣмъ, пожалованный въ камеръ-юнкеры (въ 1730 г.) и въ камергеры (въ 1739 г.), назначенъ былъ въ 1741 г. посланникомъ въ Данію. Перейдя на дипломатическое поприще, Чернышевъ послѣдовательно былъ представителемъ Россіи въ Мадридѣ, Берлинѣ и, наконецъ, въ Лондонѣ. Кавалеръ ордена св. Александра Невскаго, произведенный въ 1754 г., 5 Сентября, въ генералъ-лейтенанты, Чернышевъ былъ отозванъ въ слѣдующемъ году изъ Англіи и 4 Іюля 1760 г. назначенъ посломъ въ Парижъ, гдѣ оставался до 26 Іюля 1762 г.; за это время онъ былъ сдѣланъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и получилъ отъ Петра III Андреевскую ленту.

Графъ Чернышевъ умеръ въ С.-Петербургѣ 20 Августа 1773 г.; на памятникѣ его, на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры, слѣдующая надпись: „Жилъ 61 г. 4 м. 26 д. Служилъ онъ своимъ Государямъ и Отечеству 45 л., сперва въ арміи и при дворѣ, потомъ съ 1740 по конецъ 1755 полномочнымъ министромъ при Датскомъ, Прусскомъ и Англійскомъ дворахъ. По возвращеніи отъ сего послѣдняго опредѣленъ къ присутствію въ Пр. Сенатѣ, въ 1760 г. опредѣленъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ къ Французскому двору, откуда паки въ отечество возвратился въ 1763 г., съ котораго времени онъ продолжалъ присутствовать въ Сенатѣ и, наконецъ, отъ умножившихся ему болѣзней, смерть жизнь его пресѣкла къ крайней горести его ближнихъ и къ искреннему соболѣзнованію его друговъ и почитателей“.

Графъ Чернышевъ былъ женатъ на дочери знаменитаго начальника Тайной Канцеляріи, графа А. И. Ушакова, Екатеринѣ Андреевнѣ, отъ которой имѣлъ 2 дочерей: Наталію (за княземъ В. Б. Голицынымъ; о ней см. I т., № 42) и Дарію (за графомъ И. П. Салтыковымъ; см. I т., № 70). Покровительству тестя графъ Чернышевъ былъ обязанъ своими служебными успѣхами, равно какъ позднѣе покровительству Императрицы Елисаветы, осыпавшей почестями его отца, денщика Петра I, и его мать, фаворитку Великаго Императора.

Необыкновенно скупой, Чернышевъ оставилъ большое состояніе. По словамъ князя Долгорукаго, „c'était un homme d'esprit et de talent, mais d'un orgueil démesuré, d'une vanité outrecuidante et d'une hauteur insoutenable; il ne se fit guère aimer“.

Графъ П. Г. Чернышевъ изображенъ художникомъ Людерсомъ окруженнымъ всѣмъ семействомъ, среди типичной обстановки того времени. На стѣнахъ видны портреты родителей Чернышева, графа Александра Ивановича и его жены, Авдотьи Ивановны, рожденной Ржевской, любовницы Петра Великаго, прозванной имъ „бой-бабой“, работы художника Никитина.

(Съ картины Людерса; Императорскій Эрмитажъ, въ С.-Петербургѣ.)

102

Le comte **PIERRE GRIGORIEWITCH TCHERNYCHEFF**, 1712—1773, frère aîné du comte Zacharie (v. T. II, № 15), naquit le 25 mars 1712. Filleul de Pierre-le-Grand et enrôlé tout enfant au régiment Préobragensky, il servit de 1722 à 1727 aux troupes de Holstein, puis, fait en 1730 gentilhomme de la chambre et en 1739 chambellan, fut nommé en 1741 ministre en Danemark. Passé dans la carrière diplomatique, il fut successivement représentant de la Russie à Madrid, à Berlin et enfin à Londres. Chevalier de St-Alexandre Newsky, général lieutenant le 5 septembre 1754, il fut rappelé d'Angleterre l'année suivante et nommé le 4 juillet 1760 ambassadeur à Paris, où il resta jusqu'au 26 juillet 1762; dans l'intervalle, il fut fait conseiller privé actuel et reçut de Pierre III le cordon de St-André.

Le comte Tchernycheff mourut à St-Pétersbourg le 20 août 1773; on lit sur son monument, au cimetière St-Lazare, monastère d'Alexandre Newsky, l'épitaphe suivante: „Il vécut 61 ans, 4 mois, 26 jours. Il servit ses Souverains et sa Patrie 45 ans, d'abord dans l'Armée et à la Cour, puis, de 1740 à la fin de 1755, comme ministre plénipotentiaire près les Cours de Danemark, de Prusse et d'Angleterre. A son retour de cette dernière Cour, il alla siéger au Sénat Dirigeant, en 1760 fut nommé ambassadeur extraordinaire et plénipotentiaire près la Cour de France, d'où il rentra de nouveau dans sa patrie en 1763: il continua de ce moment à siéger au Sénat, et enfin, à la suite de ses multiples maladies, la mort vint interrompre ses jours, à la profonde douleur de ses proches et au regret sincère de ses amis et de ses admirateurs".

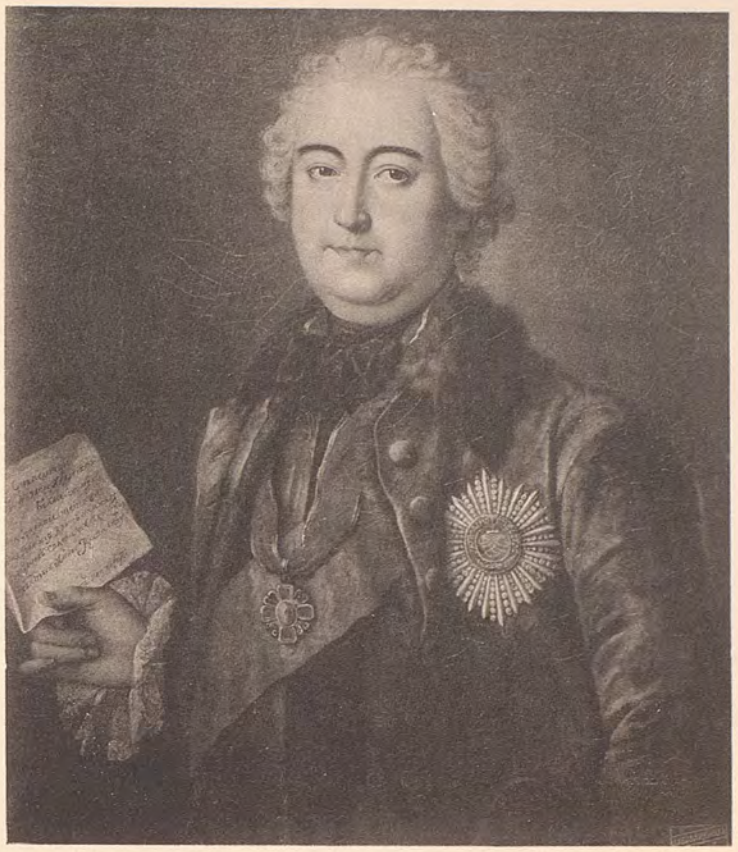
Le comte Tchernycheff avait épousé la fille Catherine du comte Ouchakoff, connu comme chef de la Chancellerie Secrète; il eut d'elle deux filles, Natalie (v. T. I, № 42), qui épousa le prince V. Golitzyne, et Daria (v. T. I, № 70) le comte I. Saltykoff. Ce fut à la protection de son gendre que le comte Tchernycheff dut ses succès de carrière, ainsi que plus tard à celle de l'Impératrice Elisabeth, qui combla d'honneurs son père, ordonnance de Pierre-le-Grand, et sa mère, favorite du grand empereur.

D'une avarice extraordinaire, Tchernycheff laissa une grosse fortune. Au témoignage du prince Dolgorouky, „c'était un homme d'esprit et de talent, mais d'un orgueil démesuré, d'une vanité outrecuidante et d'une hauteur insoutenable; il ne se fit guère aimer".

Le comte Tchernycheff est représenté entouré de toute sa famille dans un intérieur du temps. Les portraits fixés au mur, dus au peintre Nikitine, sont ceux du comte Alexandre Tchernycheff, son père, et de sa mère, née Rjewsky, maîtresse de Pierre-le-Grand, qui l'avait surnommée la Virago.

(D'après l'original de Luders, Ermitage Impérial, St-Pétersbourg.)

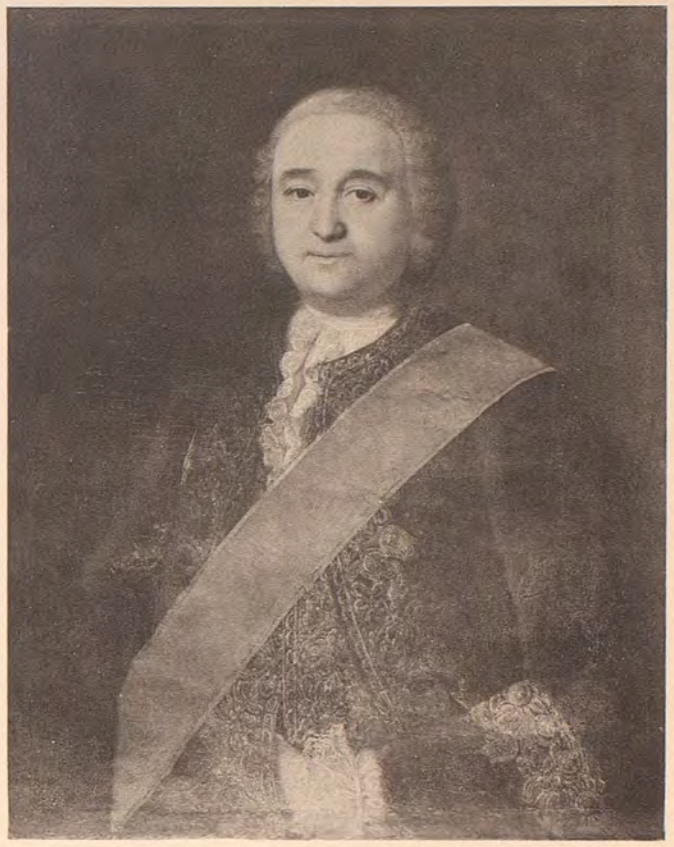
100



Баронъ Александръ Ивановичъ
Черкасовъ,
1728 — 1788

Le Baron Alexandre Ivanowitch
Tcherkassoff,
1728 — 1788

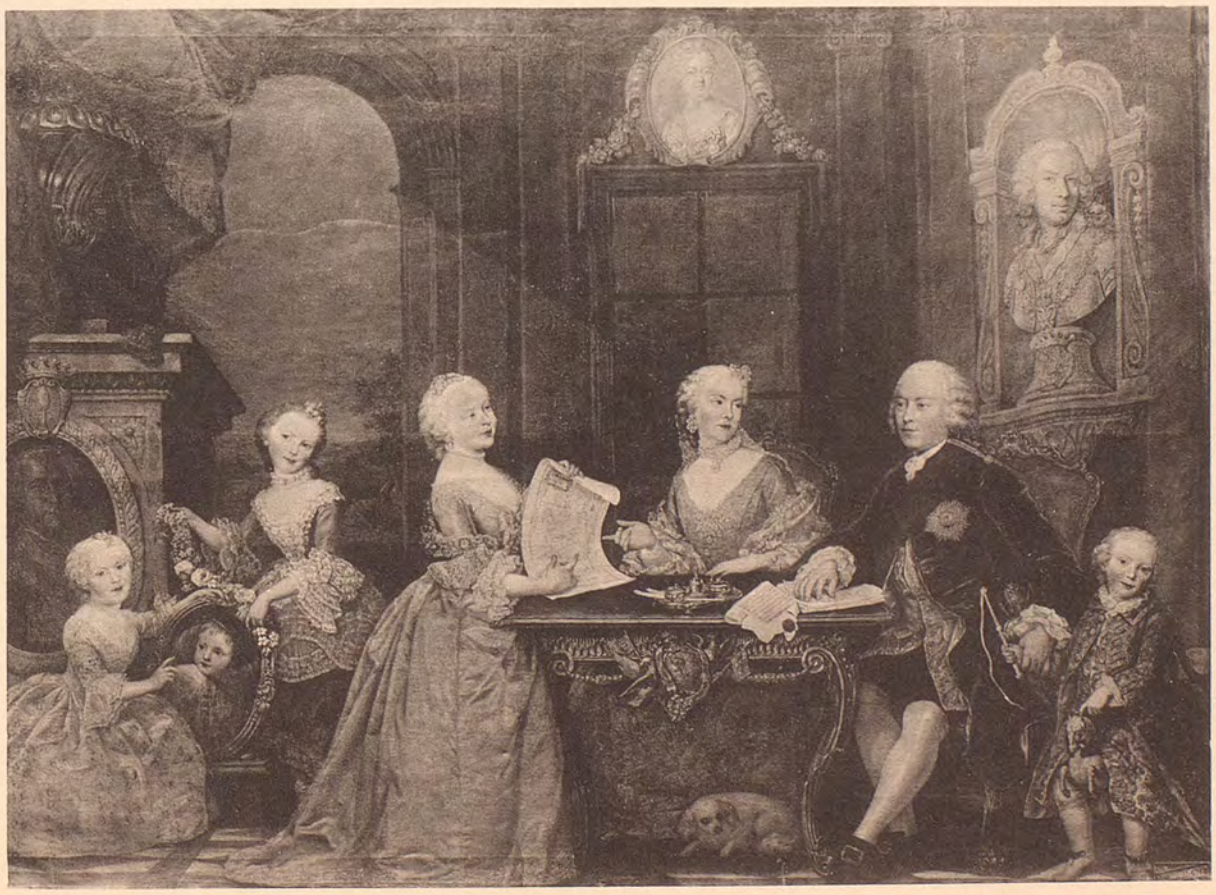
101



Яковъ Матвѣевичъ
Евреиновъ,
1700 — 1772

Jacob Matvéewitch
Evréinoff,
1700 — 1772

102



Пис. Людерсъ

Графъ Петръ Григорьевичъ
Чернышевъ,
1712 — 1773,
съ семействомъ

Peint par Lüders

Le Comte Pierre Grigoriewitch
Tchernycheff,
1712 — 1773,
et sa famille

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи
№ 3966

Графъ ИВАНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ЧЕРНЫШЕВЪ, 1726—1797, младшій братъ графовъ Петра и Захара, родился 24 Ноября 1726 г.; пробывъ 2 года въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, былъ назначенъ „дворяниномъ“ при посольствѣ старшаго брата въ Берлинѣ; въ 1745 г. поступилъ подпрапорщикомъ въ Семеновскій полкъ, а послѣ женитьбы на двоюродной сестрѣ Императрицы Елисаветы, графинѣ Елизаветѣ Осиповнѣ Ефимовской, пожалованъ въ камеръ-юнкеры, въ 1755 г.—въ камергеры и получилъ орденъ св. Анны 1 ст.; въ 1760 г. назначенъ оберъ-прокуроромъ Сената и главнымъ директоромъ Комиссіи о Коммерціи. Екатерина II, въ день коронаціи, пожаловала его въ генералъ-поручики и 22 Марта 1763 г. назначила членомъ Адмиралтействъ-Коллегіи. Въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ командиромъ галернаго флота, затѣмъ очень недолго былъ въ Англіи чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ. 4 Іюня 1769 г., въ чинѣ генерала по флоту, назначенъ вице-президентомъ Адмиралтействъ-Коллегіи. Въ этой должности онъ получилъ съ 1775 по 1790 г. ордена свв. Андрея, Александра Невскаго и Владиміра 1-й ст. и званіе сенатора. Проживъ 5 лѣтъ за границей для лѣченія, Чернышевъ былъ пожалованъ Павломъ I, благоволившимъ къ нему, въ фельдмаршалы по флоту и 12 Ноября 1796 г. назначенъ президентомъ Адмиралтействъ-Коллегіи.

Графъ И. Г. Чернышевъ умеръ въ Римѣ 26 Февраля 1797 г.; похороненъ въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры. Онъ былъ женатъ дважды: первымъ бракомъ на графинѣ Елизаветѣ Іосифовнѣ Ефимовской (р. 16 Апрѣля 1734 г., † 5 Октября 1755 г.; бракъ безплодный) и вторымъ—на Аннѣ Александровнѣ Исленевой († 9 Января 1794 г.), отъ которой онъ имѣлъ единственнаго сына Григорія и 4 дочерей.

Служа большую часть жизни по морской части, графъ Чернышевъ не имѣлъ понятія о морскомъ дѣлѣ, которое его нимало и не интересовало; настоящіе моряки, какъ Чичаговъ, „ни во что его не ставили“, но зато Екатерина II дала Чернышеву дѣятельнаго и свѣдущаго помощника, Ивана Логиновича Голенищева-Кутузова. Послѣдній управлялъ флотомъ, а Чернышевъ заслужилъ прозвище: „Un marin d'eau douce et un maréchal d'eau salée“. Князь Долгорукій такъ характеризуетъ Чернышева: „C'était un homme du monde, un homme de salon dans l'acception la plus aimable de ce mot; esprit léger et superficiel, mais très bien cultivé; il avait beaucoup lu, il avait connu les hommes les plus distingués de son temps et vécu dans leur société; il était un causeur charmant. Avec cela bon, loyal, honnête dans sa vie privée comme dans sa vie politique, hospitalier, affable, gracieux avec tout le monde“.... И, дѣйствительно, въ свое время Чернышевъ считался въ высшихъ сферахъ и юристомъ, и дипломатомъ, годнымъ на всѣ руки, для всякихъ порученій и должностей. По отзыву князя М. М. Щербатова, этотъ изящный аристократъ-европеецъ былъ, однако, человѣкъ, „не толь разумный, коль быстрый, увертливый и проворный, и, словомъ, вмѣщалъ въ себѣ всѣ нужныя качества придворнаго и, яко человѣкъ, имѣющій вкусъ, особливо всегда уважаемъ былъ отъ Двора“.... Имѣя лучшій домъ въ Петербургѣ, но живя подолгу за границей, Чернышевъ питалъ пристрастіе ко всему иностранному и „многіе примѣры во всякомъ сластолюбіи подалъ и всѣмъ симъ отечество свое снабдить тщился“. Благодаря этому усердію къ насажденію въ Россіи заграничнаго „сластолюбія“ и модъ, Чернышевъ размоталъ все свое колоссальное богатство и, несмотря на всякія спекуляціи, которыми съ помощью благоволенія придворныхъ сферъ онъ старался поправить дѣла, оставилъ сыну разоренное состояніе и громадные долги.

Графъ И. Г. Чернышевъ изображенъ окруженнымъ дѣтьми и внуками, тутъ и его сынъ Григорій и обѣ дочери—крупная Вадковская, съ мужемъ и дѣтьми, и младшая дочь Анна Ивановна, будущая Плещеева, родственница и пріятельница Жуковскаго.

(Съ картины, принадлежащей князю К. Э. Бѣлосельскому-Бѣлозерскому, въ С.-Петербургѣ.)

Le comte IVAN GRIGORIEWITCH TCHERNYCHEFF, 1726—1797, frère cadet des comtes Pierre et Zacharie, naquit le 24 novembre 1726. Il passa deux ans au Corps des Cadets, puis fut attaché à l'ambassade de son frère aîné à Berlin. Il entra en 1745 sous-officier au régiment Sémenowsky, et, après son mariage avec une cousine germaine de l'Impératrice Elisabeth, la comtesse Elisabeth Efimowsky, fut fait gentilhomme de la chambre. Chambellan et chevalier de Ste-Anne de 1re classe en 1755, il fut nommé en 1760 haut procureur du Sénat et directeur général de la Commission du Commerce. Catherine II, le jour de son couronnement, le promut général lieutenant et, le 22 mars 1763, le nomma membre du Collège des Amirautés. Mis à la tête, l'année suivante, de la flotte des galères, il fut ensuite ambassadeur extraordinaire et ministre plénipotentiaire en Angleterre, où il resta très peu de temps. Général de la flotte, il fut nommé le 4 juin 1769 vice-président du Collège des Amirautés; il reçut à ce poste, de 1775 à 1790, les ordres de St-André, de St-Alexandre Newsky et de St-Vladimir de 1re classe, et la dignité de sénateur. Après cinq ans passés à l'étranger pour sa santé, il fut promu par Paul Ier, dont il avait la faveur, feld-maréchal de la flotte, et nommé le 12 novembre 1796 président du Collège des Amirautés.

Le comte Tchernycheff mourut à Rome le 26 février 1797, et fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky, dans l'église de l'Annonciation. Il fut marié deux fois, en premières noces à la comtesse Elisabeth Ossipowna Efimowsky (16 avril 1734—5 octobre 1755), dont il n'eut pas d'enfants, et, en secondes noces, à Anna Alexandrowna Isléneff († 9 janvier 1794), dont il eut un fils unique, Grégoire, et quatre filles.

Malgré toute sa carrière passée dans la marine, le comte Tchernycheff n'entendait absolument rien aux choses navales, et ne s'y intéressait d'ailleurs nullement. Les vrais marins comme Tchitchagoff „n'en faisaient aucun cas"; mais aussi Catherine II lui avait donné un adjoint sérieux et compétent, Ivan Logguinowitch Golénichtcheff-Koutouzoff, qui faisait tout, et on disait de Tchernycheff: „Un marin d'eau douce et un maréchal d'eau salée". Le prince Dolgorouky le caractérise ainsi: „C'était un homme du monde, un homme de salon dans l'acception la plus aimable de ce mot; esprit léger et superficiel, mais très bien cultivé, il avait beaucoup lu, il avait connu les hommes les plus distingués de son temps et vécu dans leur société; il était un causeur charmant. Avec cela, bon, loyal, honnête, dans sa vie privée comme dans sa vie politique, hospitalier, affable, gracieux avec tout le monde".... Et de fait, dans son temps, Tchernycheff était considéré dans les hautes sphères comme juriste, diplomate, bon à tout, à toutes les missions et à toutes les fonctions. Au témoignage du prince M. Chtcherbatoff, ce fin aristocrate à l'européenne était pourtant un homme „moins sérieux que vif, souple et débrouillard, réunissant, en un mot, toutes les qualités du bon courtisan, et surtout, était toujours apprécié à la Cour, comme homme de goût".... Propriétaire de la plus belle maison de Pétersbourg, mais passant tout son temps à l'étranger, il avait la passion de tout ce qui était étranger, et „donna de nombreux exemples de toute espèce de raffinements, qu'il s'efforça d'introduire dans son pays". Ce zèle pour introduire en Russie les „raffinements" et les modes de l'étranger lui fit dissiper entièrement sa colossale fortune; toutes les spéculations grâce auxquelles, avec la connivence des gens de Cour, il tâcha de rétablir ses affaires ne l'empêchèrent pas de laisser à son fils une fortune délabrée et des dettes considérables.

Le comte Tchernycheff est représenté entouré de ses enfants et petits-enfants, son fils Grégoire et ses deux filles, la grosse Mme Vadkowsky avec son mari et ses enfants, et la plus jeune, Anne, plus tard Mme Pléchtchéeff, parente et amie de Joukowsky.

(D'après un original appartenant au prince C. Bélosselsky-Bélozersky, St-Pétersbourg.)

Графъ ГРИГОРІЙ ИВАНОВИЧЪ ЧЕРНЫШЕВЪ, 1762—1831, сынъ графа Ивана Григорьевича, отъ второго брака съ Анной Александровной Исленьевой, родился 30 Января 1762 г.; единственный представитель рода, онъ наслѣдовалъ и майоратъ, учрежденный его дядей, Захаромъ, и всѣ Чернышевскія богатства. Прослуживъ недолго въ военной службѣ, онъ перешелъ въ гражданскую и исполнялъ нѣкоторыя дипломатическія порученія, такъ, былъ съ графомъ А. А. Безбородко на Ясскомъ конгрессѣ. При Высочайшемъ дворѣ Чернышевъ въ 1776 г. былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, въ 1799 г. назначенъ въ помощь оберъ-камергеру по театральной дирекціи, затѣмъ достигъ чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, званія оберъ-шенка (съ 30 Августа 1816 г.) и кавалера ордена св. Александра Невскаго.

Несмотря на громадное состояніе, дѣла графа Г. И. Чернышева были совершенно запутаны еще его отцомъ. Когда, по приказанію Павла I, была учреждена надъ его имуществомъ опека, долги его достигали до 2 милліоновъ рублей. Опека существовала до 1803 г. и, благодаря всякимъ льготамъ правительства и искусству Державина, долги были уплачены, при чемъ самъ Чернышевъ все это время ежегодно получалъ отъ опеки по 75/т. рублей, что давало возможность графу вести праздную и обезпеченную жизнь. Освобожденный отъ опеки, по словамъ Державина, Чернышевъ скоро сумѣлъ надѣлать опять долговъ чуть не вдвое больше, чѣмъ прежде.

По отзывамъ современниковъ, Чернышевъ былъ человѣкъ „весьма мягкій, любящій общество и развлеченія“, театралъ, самъ писавшій французскіе пьесы и стихи; онъ былъ далеко „не безъ причудъ“, которымъ давали просторъ праздность и даровой крѣпостной трудъ. Живя большею частью въ своемъ Орловскомъ имѣніи, селѣ Тагинѣ, графъ любилъ устраивать гостямъ сюрпризы, при чемъ особенно часто въ паркѣ появлялись внезапно хижины съ надписью „Aux bons gourmands“, гдѣ самъ хозяинъ, въ видѣ гарсона, въ бланжевомъ костюмѣ и колпакѣ, предлагалъ гостямъ карту изысканныхъ кушаній и винъ.

Графъ Г. И. Чернышевъ умеръ въ Орлѣ 2 Января 1831 г. и похороненъ на кладбищѣ при архіерейскомъ домѣ. Онъ былъ женатъ на Елизаветѣ Петровнѣ Квашниной-Самариной, отъ которой имѣлъ одного сына, Захара (р. 14 Декабря 1797 г., † 1862 г.; декабристъ), и 6 дочерей. Майоратъ, съ титуломъ и фамиліей, вслѣдствіе лишенія правъ сосланнаго въ Сибирь сына, перешелъ къ старшей его дочери, графинѣ Софьѣ Григорьевнѣ Чернышевой-Кругликовой (р. 28 Апрѣля 1799 г., † 24 Іюля 1847 г.; въ замужствѣ за тайнымъ совѣтникомъ Иваномъ Гавриловичемъ Кругликовымъ, р. 13 Августа 1787 г., † 30 Октября 1847 г.).

(Съ портрета В. Лебренъ, принадлежавшаго графу И. И. Чернышеву-Кругликову, с. Ярополецъ, Московской губерніи.)

104

Le comte **GRÉGOIRE IVANOWITCH TCHERNYCHEFF**, 1762—1831, fils du comte Ivan Grigoriewitch Tchernycheff et de sa seconde femme Anne Alexandrowna Isléneff, naquit le 30 janvier 1762. Dernier représentant de la famille, il hérita et du majorat fondé par son oncle Zacharie, et de tous les biens des Tchernycheff. Après une brève carrière militaire, il passa dans le civil et remplit quelques missions diplomatiques, par exemple, au congrès de Yassy avec le comte A. Bezborodko. A la Cour, fait en 1776 gentilhomme de la chambre, nommé en 1799 adjoint au grand chambellan pour la direction du théâtre, il parvint ensuite au rang de conseiller privé actuel, à la dignité de grand échanson (30 août 1816) et fut décoré de St-Alexandre Newsky.

La grosse fortune du comte Tchernycheff était déjà très délabrée lorsqu'il la reçut de son père. Elle était grevée de près de deux millions de roubles de dettes, quand Paul Ier la fit mettre en séquestre; elle y resta jusqu'en 1803: grâce à des faveurs de toute espèce de la part du gouvernement et à l'habileté de Derjavine, les dettes se trouvèrent alors payées. Le séquestre avait servi tout ce temps au comte une pension annuelle de 75.000 roubles, qui lui permettait de mener une vie oisive et insouciante. La mainlevée donnée, il trouva bientôt moyen, dit Derjavine, de refaire près de deux fois plus de dettes qu'avant.

Au témoignage des contemporains, Tchernycheff était un homme „très doux, aimant la société et les distractions", le théâtre, auteur lui-même de pièces et de vers en français; il ne manquait pas d'idées fantasques, auxquelles donnaient carrière son oisiveté et le travail gratuit des serfs. Presque constamment dans son bien de Taguino, près d'Orel, il aimait à faire des surprises à ses invités: il se plaisait surtout à faire apparaître subitement dans le parc une maisonnette portant l'enseigne Aux bons gourmands, où lui-même, déguisé en garçon, avec un costume couleur chair et un bonnet, offrait des mets et des vins de choix.

Le comte Tchernycheff mourut à Orel le 2 janvier 1831 et fut inhumé au cimetière de l'archevêché.

Il avait épousé Elisabeth Pétrowna Kvachnine-Samarine, dont il eut un fils unique Zacharie (14 décembre 1797—1862), décabriste, et six filles. Le majorat, avec le titre et le nom, passa, par suite de la mort civile du fils, déporté en Sibérie, à l'aînée des filles, la comtesse Sophie Tchernycheff-Krouglikoff (28 avril 1799—24 juillet 1847), mariée au conseiller privé Ivan Gavrilowitch Krouglikoff (13 août 1787—30 octobre 1847).

(D'après un original de Vigée-Lebrun, ayant appartenu au comte I. Tchernycheff-Krouglikoff, Yaropoletz, gouv. de Moscou.)

Графъ ЗАХАРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ЧЕРНЫШЕВЪ, 1797—1862, сынъ оберъ-шенка графа Григорія Ивановича, женатаго на Елизаветѣ Петровнѣ Квашниной-Самариной, родился 14 Декабря 1797 г.; воспитывался сначала дома, подъ руководствомъ гувернера масона Жуаё, затѣмъ 2 года учился въ Муравьевской школѣ колонновожатыхъ и 17 лѣтъ поступилъ въ Кавалергардскій полкъ, гдѣ 31 Января 1818 г. былъ произведенъ въ корнеты, въ 1821 г.—въ штабсъ-ротмистры и въ 1824 г.—въ ротмистры. На несчастье Чернышева въ полку одновременно служилъ его двоюродный братъ Ф. Вадковскій, который „въ глазахъ" Чернышева „порочилъ Правительство, при чемъ говорилъ, что онъ думаетъ, какъ всѣ благомыслящіе люди въ Россіи". То же слышалъ онъ и отъ другихъ товарищей: Свистунова, Муравьева.... Въ Маѣ 1825 г. Чернышевъ сдѣлался членомъ тайнаго общества, при чемъ ему было сообщено, что цѣль общества „современемъ ввести конституцію въ государствѣ"; только встрѣтившись осенью въ имѣніи отца, селѣ Тагинѣ, Орловской губ., съ Вадковскимъ, Чернышевъ узналъ, что Общество, „въ случаѣ несогласія царствующаго Государя на его требованія", рѣшило „употребить противу Его военную силу и даже уничтоженіе Царствующей фамиліи". Арестованный 23 Декабря въ томъ же Тагинѣ, Чернышевъ на допросахъ во всемъ чистосердечно сознался и назвалъ всѣхъ извѣстныхъ ему членовъ Общества. „Узнавъ", показывалъ онъ, „что вступили въ сіе общество многіе люди, которыхъ познанія и дарованія природныя гораздо болѣе и превосходнѣе моихъ, полагая, что они имѣли въ виду улучшеніе правительства и благосостояніе Имперіи, одна любовь къ Отечеству побудила меня вступить въ ихъ тайное общество". По рѣшенію Верховнаго суда, Чернышевъ былъ лишенъ чиновъ, графства и приговоренъ въ каторжныя работы на 2 года „за знаніе объ умыслѣ цареубійства и за принадлежность къ тайному обществу, съ знаніемъ его цѣли". Онъ былъ наказанъ сравнительно милостиво: „Чернышевъ былъ мало виноватъ и по характеру еще менѣе годился въ опасные заговорщики; по словамъ отца его, Императоръ Николай, видя его чистосердечное признаніе, обѣщалъ ему прощеніе. Но это не было въ интересахъ А. И. Чернышева, который намѣревался овладѣть Чернышевскимъ майоратомъ, что ему, однако, не удалось, и майоратъ перешелъ къ его сестрѣ, графинѣ С. Г. Чернышевой-Кругликовой" (Арх. графа Мордвинова, VII). По случаю коронаціи Николая I срокъ каторги Чернышеву былъ сокращенъ до 1 года; въ началѣ 1827 г. онъ былъ отправленъ въ Иркутскъ, а въ Маѣ 1828 г. мѣстомъ для его поселенія былъ опредѣленъ Якутскъ, но уже 27 Декабря того же года Чернышевъ былъ назначенъ рядовымъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ на Кавказъ, куда и доставленъ былъ 9 Апрѣля 1829 года. „З. Чернышевъ, вмѣстѣ съ прочими декабристами, сдѣлались любимцами солдатъ за ихъ глубокую религіозность и ту безропотность, съ которой они несли заслуженную ими кару". Полковой командиръ, Н. Н. Раевскій, былъ искренно расположенъ къ Чернышеву и даже получилъ непріятности по службѣ за послабленія декабристамъ, но „нельзя было надивиться суровости жизни, какую велъ Чернышевъ: онъ жилъ въ солдатской палаткѣ, носилъ солдатскую шинель толстаго сукна, не имѣлъ особаго стола".... Въ кампанію 1829 г. Чернышевъ „неоднократно оказалъ опыты отличнѣйшаго мужества". Раненый въ грудь въ 1830 г., онъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, затѣмъ въ прапорщики и подпоручики. Въ 1834 г., будучи у сестры, графини Чернышевой-Кругликовой, въ с. Яропольцѣ, Московской губ., Чернышевъ женился на дочери сенатора Екатеринѣ Алексѣевнѣ Тепловой (дѣти ихъ умерли въ младенчествѣ). 17 Января 1837 г. Чернышевъ былъ уволенъ въ отставку, съ правомъ жить сначала въ Яропольцѣ, а потомъ въ отцовскомъ Тагинѣ. Тутъ ему разрѣшено было поступить на службу секретаремъ Орловскаго дворянства, а въ 1846 г. онъ переведенъ былъ въ Москву, при чемъ самъ Закревскій находилъ, что онъ можетъ быть освобожденъ отъ надзора полиціи. По вступленіи на престолъ Александра II, Чернышеву, которому былъ возвращенъ графскій титулъ, разрѣшено было уѣхать за границу, такъ какъ здоровье жены, которая постоянно болѣла, давно уже требовало этого.

Графъ З. Г. Чернышевъ умеръ въ Римѣ, въ Маѣ 1862 г., и похороненъ, рядомъ съ раньше умершей женой, на Римскомъ кладбищѣ Monte Festaccio.

По словамъ его племянницы, графъ Чернышевъ былъ „человѣкъ рѣдкой скромности, мягкій и дѣтски незлобивый, въ семьѣ былъ горячо любимъ, всегда веселъ, одинаково со всѣми любезенъ и привѣтливъ".

(Съ портрета, принадлежавшаго графу И. И. Чернышеву-Кругликову, с. Ярополецъ, Московской губ.)

Le comte ZACHARIE GRIGORIEWITCH TCHERNYCHEFF, 1797—1862, fils du comte Grégoire Ivanowitch, grand échanson, et d'Elisabeth Pétrowna, née Kvachnine-Samarine, naquit le 14 décembre 1797. D'abord élevé chez ses parents sous la direction d'un gouverneur, le franc-maçon Joyeut, il passa ensuite deux ans à l'Ecole des Guides de Mouravieff, puis entra à 17 ans aux Chevaliers-Gardes, où il devint cornette le 31 janvier 1818, capitaine en second en 1821, et, en 1824, capitaine. Par malheur, il eut pour camarade de régiment son cousin Th. Vadkowsky, et l'entendit „blâmer le gouvernement et dire que son opinion était celle de tous les hommes bien pensants en Russie". Ses camarades, Svistounoff, Mouravieff.... lui firent part des mêmes idées. Et, en mai 1825, il se fit membre d'une société secrète, dont le but était, lui disait-on, „d'introduire la constitution dans l'Etat". En automne seulement, Vadkowsky, qu'il revit chez son père, à Taguino, gouvernement d'Orel, lui apprit que la Société avait décidé que, „si l'Empereur régnant ne consentait pas à ses exigences, on emploierait contre Lui la force armée et qu'on anéantirait même la famille Impériale". Arrêté le 23 décembre à Taguino, Tchernycheff fit des aveux sincères et dénonça tous les membres de la Société qu'il connaissait. „Ayant appris", dit-il à l'enquête, „que c'étaient des personnes dont les connaissances et les talents naturels étaient bien supérieurs aux miens qui étaient entrées dans cette Société, et persuadé qu'elles avaient en vue l'amélioration de l'Etat et le bien-être de l'Empire, ce ne fut que mon amour pour la patrie qui m'engagea à y entrer". Par arrêt de la haute cour de justice, Tchernycheff se vit privé de ses titres, de sa dignité de comte et condamné à deux ans de travaux forcés „pour avoir connu le dessein formé de tuer Sa Majesté et avoir appartenu à une société secrète, dont il connaissait le but". Il s'en tira relativement à bon compte: „Tchernycheff n'était guère coupable, et surtout n'avait rien de ce qu'il faut pour être d'un grand complot; suivant le dire du père, l'Empereur Nicolas, en considération de son sincère aveu, lui avait promis le pardon. Mais ce n'était point dans les intérêts de A. I. Tchernycheff, qui avait l'intention de s'emparer du majorat de la famille. Il n'y réussit pas du reste, et le majorat passa à sa sœur, la comtesse Tchernycheff-Krouglikoff" (Archives du comte Mordvinoff, VII). Le couronnement de Nicolas Ier lui valut une année de diminution de peine. Envoyé à Irkoutsk au commencement de 1827, il fut transféré à Yakoutsk en mai 1828, et, le 27 décembre de la même année, enrôlé simple soldat au régiment de dragons de Nijni-Novgorod, qui se trouvait au Caucase et qu'il rejoignit le 9 avril 1829. „Z. Tchernycheff et les autres décabristes devinrent les soldats favoris du régiment grâce à leur profonde piété et à la résignation avec laquelle ils subissaient leur peine méritée". Le chef du régiment, N. Raewsky, était bien disposé pour Tchernycheff et eut même des désagréments du fait de son indulgence envers les décabristes, mais „il n'était pas possible d'admirer assez la sévérité de vie que menait Tchernycheff: il vivait dans une tente de soldat, portait un manteau de soldat en gros drap et ne faisait pas table à part". Dans la campagne de 1829, „il fit souvent preuve d'une bravoure hors ligne"; blessé à la poitrine en 1830, il fut promu sous-officier, puis enseigne et sous-lieutenant. En 1834, étant en séjour chez sa sœur, la comtesse Tchernycheff-Krouglikoff, au domaine de Yaropoletz, gouvernement de Moscou, il épousa la fille d'un sénateur, Catherine Alexéewna Téploff (leurs enfants moururent en bas âge). Le 17 janvier 1837, il reçut son congé, avec le droit de résider d'abord à Yaropoletz, puis dans le domaine paternel de Taguino. On lui permit d'entrer au service comme secrétaire de la noblesse d'Orel, et, en 1846, il fut transféré à Moscou, où Zakrewsky lui-même trouva qu'il pouvait être libéré de la surveillance de la police. Lorsqu'Alexandre II monta sur le trône, on autorisa Tchernycheff, auquel on avait rendu le titre de comte, à aller à l'étranger, comme l'exigeait du reste depuis longtemps la santé de sa femme, continuellement malade.

Le comte Zacharie Tchernycheff mourut à Rome en mai 1862 et y fut inhumé, à côté de sa femme, décédée avant lui, au cimetière de Monte Festaccio.

C'était, dit sa nièce, „un homme d'une rare modestie, doux et sans plus de malice qu'un enfant, très aimé dans sa famille, toujours gai, également aimable et affable avec tous".

(D'après un original appartenant au comte I. Tchernycheff-Krouglikoff, Yaropoletz, gouv. de Moscou.)

103

Графъ Иванъ Григорьевичъ
Чернышевъ,
1726 — 1797,
съ семьей

Le Comte Ivan Grigoriewitch
Tchernycheff,
1726 — 1797,
et sa famille

104

Пис. Виже-Лебренъ

Графъ Григорій Ивановичъ
Чернышевъ,
1762 — 1831

Peint par Vigée-Lebrun

Le Comte Grégoire Ivanowitch
Tchernycheff,
1762 — 1831

105

Графъ Захаръ Григорьевичъ
Чернышевъ,
1797 — 1862

Le Comte Zakhare Grigoriewitch
Tchernycheff,
1797 — 1862

РУССКИЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи
3966

ВАСИЛІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ ЧИЧАГОВЪ, 1726—1809, потомокъ стариннаго, но небогатаго Костромского дворянскаго рода, сынъ сподвижника Петра I, Якова Матвѣевича, родился 28 Февраля 1726 года (а по показанію сына—въ 1725 г.), учился въ учрежденной Петромъ I Московской школѣ навигацкихъ наукъ и пополнилъ свои знанія въ Англіи. Зачисленный на службу въ 1742 г. гардемариномъ, онъ въ 1745 г. произведенъ въ мичманы, но первое плаваніе совершилъ только въ 1757 г. на кораблѣ „Св. Михаилъ", отправленномъ въ Зундъ „по секретной комиссіи". Затѣмъ Чичаговъ участвовалъ въ экспедиціи къ берегамъ Пруссіи во время Семилѣтней войны, а въ 1765 и 1766 гг. дважды ѣздилъ изъ Колы „въ секретную экспедицію" для отысканія морского прохода въ Камчатку, мимо Гренландіи, но оба раза неудачно, вслѣдствіе льдовъ. Въ 1768 г. онъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ Архангельскаго порта, въ 1770 г., по производствѣ въ контръ-адмиралы, — Ревельскаго и въ 1773 г.— Кронштадтскаго. Принявъ участіе въ Турецкой войнѣ, Чичаговъ защищалъ Керченскій проливъ и получилъ Георгія 4-й ст., а по окончаніи войны произведенъ въ вице-адмиралы и назначенъ членомъ Адмиралтействъ-коллегіи. Адмиралъ и Александровскій кавалеръ съ 1782 г., Чичаговъ въ томъ же году плавалъ съ эскадрой въ Средиземномъ морѣ, въ 1788 г. исполнялъ обязанности главнаго начальника Ревельскаго порта, а въ 1789 г. командовалъ Балтійскимъ флотомъ. Во время Шведской войны онъ сначала вызвалъ неудовольствіе Екатерины II своимъ отступленіемъ послѣ удачнаго боя при о. Эландѣ, но затѣмъ одержалъ двѣ блестящія побѣды при Ревелѣ и Выборгѣ, за что былъ награжденъ орденами св. Андрея и Георгія 1-й ст., шпагой съ алмазами, серебрянымъ сервизомъ, 3805 душами крестьянъ и дворянскимъ гербомъ. Во время этой войны Екатерина II писала Гримму: „Il faut que je vous dise un mot caractéristique de l'amiral Tchitchagoff. Lorsqu'on lui dit que les Suédois venaient à lui avec 28 vaisseaux de guerre, tandis qu'il n'en avait que dix et une frégate, il répondit: Eh bien, ils ne nous avaleront pas, pourtant". Отвѣтъ этотъ такъ понравился Екатеринѣ II, что она поручила Державину и Храповицкому составить надпись къ бюсту Чичагова, въ которую вошли бы его слова, и сама сочинила такую же надпись, которая потомъ была начертана въ нѣсколько измѣненномъ видѣ на надгробномъ памятникѣ Чичагова:

„Съ тройною силою шли шведы на него, Не проглотятъ они насъ!
Узнавъ, онъ рекъ: Богъ защитникъ мой! Отразивъ, плѣнилъ и побѣду получилъ".

Въ 1797 г. Чичаговъ вышелъ въ отставку и скончался въ глубокой старости, ослѣпнувъ въ послѣдніе годы жизни, 4 Апрѣля 1809 года въ Петербургѣ. Погребенъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Чичаговъ принадлежитъ къ числу выдающихся сподвижниковъ Екатерины II. Онъ никогда ни передъ кѣмъ не заискивалъ и только исполнялъ свой долгъ, умѣлъ всегда держать себя съ достоинствомъ и тактомъ и отличался большой скромностью, чѣмъ и заслужилъ уваженіе своей Монархини, писавшей о немъ Гримму: „Je ne puis voir l'amiral Tchitchagoff sans me souvenir du mot du prince de Ligne sur le maréchal Laudon, à qui quelqu'un demandait par où il le reconnaîtrait: „Allez", dit-il, „vous le trouverez derrière la porte tout honteux de son mérite et de sa supériorité!" Voilà mon amiral tout décrit".

Долгое время живя лишь на жалованье, Чичаговъ не дѣлалъ пріемовъ и какъ можно дальше держался отъ придворной среды, являясь при дворѣ только по необходимости. Зато враги не щадили его и обвиняли въ грубости и необразованности. Сынъ Чичагова, извѣстный адмиралъ, въ своихъ запискахъ такъ изображаетъ отца: „Онъ былъ истинно честный человѣкъ, почти безпримѣрнаго безкорыстія. Онъ былъ набоженъ безъ суевѣрія, высоко цѣнилъ добродѣтель и гнушался порокомъ; трезвый и воздержанный по необходимости и врожденному вкусу, онъ со строжайшей добросовѣстностью исполнялъ свои обязанности въ отношеніи къ Богу и престолу. Чуждый всякихъ происковъ, онъ ожидалъ всего отъ образа своихъ дѣйствій и отъ Божественнаго промысла, велѣніямъ котораго подчинялся самоотверженно и въ этомъ никогда не раскаивался". П. Я. Гамалѣя говоритъ о немъ въ своихъ запискахъ: „В. Я. Чичаговъ былъ мужъ, стяжавшій отъ всѣхъ почтеніе и любовь своими заслугами, добродѣтелями, а наипаче величайшею скромностью и кротостью нрава". Чичаговъ былъ женатъ, съ 1765 г., на „вдовѣ капитана флота и дочери нѣмецкаго инженернаго офицера, переселившагося въ Россію", и имѣлъ 3 сыновей: Павла (р. 1767 г., † 1849 г., адмиралъ), Петра (р. 1770 г.) и Василія (р. 1772 г.).

(Съ акварельнаго портрета изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

BASILE YAKOVLEWITCH TCHITCHAGOFF, 1726—1809, d'une vieille famille noble sans fortune de Kostroma, fils de Jacob Matvéewitch Tchitchagoff, compagnon d'armes de Pierre-le-Grand, naquit le 28 février 1726 (selon son fils, 1725), fit ses études à l'Ecole de Navigation fondée à Moscou par Pierre-le-Grand et alla les compléter en Angleterre. Enrôlé garde-marine en 1742, il passa enseigne en 1745, mais ne fit sa première croisière qu'en 1757 sur le Saint-Michel chargé d'une „mission secrète" dans le Sund. Il fit ensuite l'expédition sur les côtes prussiennes lors de la Guerre de Sept-Ans, puis à deux reprises, en 1765 et 1766, partit de Kola pour une „expédition secrète" à la recherche d'une route maritime pour doubler le Groënland et parvenir au Kamtchatka. Il fut chaque fois arrêté par les glaces. Commandant en chef du port d'Arkhangel en 1768, il fut promu contre-amiral en 1770, passa la même année à Rével, et en 1773 à Cronstadt. Lors de la guerre de Turquie, sa défense du détroit de Kertch lui valut St-Georges de 4e classe; à la paix, il passa contre-amiral et devint membre du Collège des Amirautés. Amiral et chevalier de St-Alexandre en 1782, il fit la même année avec son escadre une croisière en Méditerranée, fit fonctions en 1788 de commandant en chef du port de Rével et, en 1789, commanda la flotte de la Baltique. Lors de la guerre de Suède, il provoqua d'abord le mécontentement de Catherine II par sa retraite après la bataille malheureuse d'Aland, mais ensuite ses brillants succès sous Rével et Viborg lui valurent St-André et St-Georges de 1re classe, une épée enrichie de diamants, un service en argenterie, 3805 têtes de paysans et un blason. „Il faut", écrivit Catherine II à Grimm à cette occasion, „que je vous dise un mot caractéristique de l'amiral Tchitchagoff. Lorsqu'on lui dit que les Suédois venaient à lui avec 28 vaisseaux de guerre, tandis qu'il n'en avait que dix et une frégate, il répondit: „Eh bien! ils ne nous avaleront pas, pourtant!" Cette réponse plut tant à l'Impératrice, qu'elle chargea Derjavine et Khrapovitzky de la faire entrer dans une inscription pour le buste de l'amiral, et elle-même en composa une qui fut ensuite gravée avec quelques modifications sur sa tombe:

„Les Suédois l'attendaient avec des forces triples.
„Il dit en l'apprenant: „Dieu me protégera.
„Ils ne nous avaleront pas!"
„Il les défit, les prit, et gagna la victoire".

Tchitchagoff prit sa retraite en 1797 et mourut à Pétersbourg dans une vieillesse avancée le 4 avril 1809, après avoir perdu la vue. Il fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. Ce fut un des plus éminents lieutenants de Catherine. Incapable de flagorner qui que ce fût, il ne connaissait que son devoir et sut toujours se tenir avec tact et dignité. Il était aussi d'une grande modestie, et Catherine lui en fait honneur dans une lettre à Grimm: „Je ne puis voir l'amiral Tchitchagoff sans me souvenir du mot du prince de Ligne sur le maréchal Laudon, à qui quelqu'un demandait par où il le reconnaîtrait: „Allez", dit-il, „vous le trouverez derrière la porte, tout honteux de son mérite et de sa supériorité". Voilà mon amiral tout décrit!"

Longtemps réduit pour vivre à son seul traitement, Tchitchagoff ne donnait pas de réceptions et se tenait le plus loin possible de la Cour, où il ne paraissait qu'à son corps défendant. Ses ennemis ne manquaient pas de lui en tenir rigueur et de l'accuser de grossièreté et d'incivilité. Son fils, l'amiral connu, le dépeint ainsi dans ses Mémoires: „C'était un parfait honnête homme, d'un désintéressement presque sans exemple. Pieux sans superstition, il faisait grand cas de la vertu et avait horreur du vice; tempérant et abstinent par nécessité et par goût, il apportait la plus scrupuleuse rigueur à ses devoirs envers son Dieu et sa Souveraine. Etranger à toute espèce d'intrigues, il n'attendait rien que de ses œuvres et de la Divine Providence, aux décrets de laquelle il se soumit toujours avec abnégation sans avoir jamais à s'en repentir". Tchitchagoff, dit P. Gamaléïa dans ses Mémoires, „se concilia l'estime et l'affection générales par ses mérites, ses vertus, et surtout par une modestie et une douceur extrêmes". Tchitchagoff avait épousé en 1765 „la veuve d'un capitaine de la flotte, fille d'un officier du génie allemand fixé en Russie"; il eut trois fils, Paul (1767—1849), amiral, Pierre (né 1770) et Basile (né 1772).

(D'après une aquarelle de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

ГРИГОРІЙ АНДРЕЕВИЧЪ СПИРИДОВЪ, 1713—1790, сынъ коменданта въ Выборгѣ при Петрѣ I, майора Андрея Алексѣевича, отъ брака съ Анной Васильевной Коротневой, родился 18 Января 1713 года. Поступивъ на 16 году въ гардемарины, онъ былъ отправленъ въ Астрахань, откуда плавалъ въ Персію, а переведенный затѣмъ въ Кронштадтъ, совершилъ плаваніе въ Любекъ. Въ 1732 г. Спиридовъ былъ произведенъ въ мичманы, въ 1737 г. назначенъ адъютантомъ къ адмиралу Бредалю, въ 1740 г. участвовалъ въ Азовской экспедиціи, а въ 1742 г., уже въ чинѣ лейтенанта, плавалъ въ Ледовитомъ океанѣ. Въ 1749 г. ему было повелѣно присутствовать въ Московской Адмиралтействъ-конторѣ, въ 1750 г. онъ былъ назначенъ командиромъ Императорскихъ яхтъ и въ 1754 г., въ чинѣ капитана 3 ранга, ротнымъ командиромъ въ Морской кадетскій корпусъ. Во время Семилѣтней войны Спиридовъ принялъ участіе въ 1760 и 1761 гг. въ экспедиціи къ берегамъ Пруссіи, командовалъ десантнымъ отрядомъ и въ 1762 г., по производствѣ въ контръ-адмиралы, назначенъ командиромъ дѣйствующей эскадры.

Вице-адмиралъ съ 1764 г., Спиридовъ былъ главнымъ командиромъ сначала Ревельскаго порта, а потомъ Кронштадтскаго и начальникомъ „обшивного флота“. Екатерина II при посѣщеніи этого флота собственноручно возложила на его начальника знаки ордена св. Александра Невскаго. Лѣтомъ 1769 г. Спиридовъ, по случаю войны съ Турціей, былъ отправленъ въ Средиземное море и 22 Сентября того же года былъ произведенъ въ адмиралы. Въ началѣ 1770 года его эскадра была уже у береговъ Мореи и вызвала возстаніе грековъ противъ турецкаго владычества. Несогласія между Спиридовымъ и адмиралами Грейгомъ и Эльфинстономъ заставили графа А. Г. Орлова принять на себя главное начальство надъ флотомъ, и 26 Іюня 1770 года русскій флотъ одержалъ блистательную побѣду надъ турецкимъ флотомъ при Чесмѣ. Спиридовъ былъ награжденъ за Чесму орденомъ св. Андрея Первозваннаго и 1060 душами крестьянъ. Въ 1773 году погибъ со всѣмъ экипажемъ одинъ изъ кораблей эскадры Спиридова („Азія“), послѣ чего онъ подалъ прошеніе объ увольненіи отъ службы „за слабостью и болѣзнями“, и 26 Ноября 1774 г. былъ уволенъ. По семейному преданію, Спиридовъ вышелъ въ отставку, не довольный тѣмъ, что главная честь побѣды при Чесмѣ приписана была Орлову. Скончался онъ въ Москвѣ 8 Апрѣля 1790 г. и погребенъ въ с. Нагорьѣ, Переславскаго уѣзда, Владимірской губерніи.

Г. А. Спиридовъ, по словамъ Бантыша-Каменскаго, соединялъ великодушіе и опытность съ храбростью. Академія Художествъ обязана ему многими обломками мраморныхъ античныхъ статуй и барельефовъ, присланныхъ имъ съ острововъ Архипелага. Спиридовъ былъ женатъ на Аннѣ Матвѣевнѣ Нестеровой (р. 1731 г.) и имѣлъ 4 сыновей и 2 дочерей: Андрея (р. 1750 г., † 1770 г.; адъютантъ отца), Матвѣя (р. 1751 г., † 1829 г.; сенаторъ, извѣстный генеалогъ), Алексѣя (р. 1753 г., † 1828 г.; адмиралъ), Григорія (р. 1758 г., † 1822 г.; бригадиръ), Дарью (р. 1761 г., † 1805 г.) и Александру, за генералъ-лейтенантомъ Густавомъ Христіановичемъ Циммерманомъ.

(Съ портрета, принадлежавшаго графу И. И. Чернышеву-Кругликову, с. Ярополецъ, Московской губерніи.)

GRÉGOIRE ANDRÉEWITCH SPIRIDOFF, 1713—1790, fils du major André Alexéewitch Spiridoff, commandant de Viborg sous Pierre-le-Grand, et d'Anne Vassiliewna, née Korotneff, naquit le 18 janvier 1713. Garde-marine à 16 ans à peine, il fut envoyé à Astrakhan, d'où il fit une croisière en Perse, puis passa à Kronstadt, d'où il en fit une à Lubeck. Enseigne en 1732, il devint en 1737 aide de camp de l'amiral Bredal, prit part à l'expédition d'Azoff, et, en 1742, alors lieutenant, fit une croisière dans l'Océan Glacial. Membre du Bureau des Amirautés, à Moscou, en 1749, il fut nommé l'année suivante commandant des yachts Impériaux, puis, en 1754, alors capitaine de 3e rang, commandant de compagnie à l'Ecole Navale. Lors de la Guerre de Sept-Ans, il fit en 1760 et 1761 l'expédition des côtes de Prusse, commanda le corps de descente et, en 1762, fut promu contre-amiral et nommé commandant de l'escadre d'opérations.

Vice-amiral en 1764, il fut successivement commandant en chef des ports de Rével et de Kronstadt et chef de „l'escadre de protection", à la revue de laquelle Catherine II le revêtit de sa propre main des insignes de l'ordre de St-Alexandre Newsky. A l'été de 1769, lorsqu'éclata la guerre avec la Turquie, il fut envoyé dans la Méditerranée et fait amiral le 22 septembre suivant. Au début de 1770, il était sur les côtes de Morée, où la présence de son escadre provoqua le soulèvement des Grecs contre la domination turque. A la suite de ses dissentiments avec les amiraux Greig et Elphinstone, le comte Alexis Orloff dut prendre le commandement, et, le 26 juin 1770, la flotte russe remportait sur les Turcs la brillante victoire de Tchesmé, qui valut à Spiridoff l'ordre de St-André et 1060 têtes de paysans. A la suite de la perte corps et biens d'un vaisseau de son escadre, Asie, en 1773, il allégua des raisons de santé pour donner sa démission, qui fut acceptée le 26 novembre 1774. Une tradition de famille l'attribua au dépit d'avoir vu revenir à Orloff tout l'honneur de Tchesmé. Spiridoff mourut à Moscou le 8 avril 1790, et fut inhumé au bourg de Nagorié, district de Péréslavl, gouvernement de Vladimir.

Spiridoff unissait, dit Bantych-Kamensky, la grandeur d'âme et l'expérience à la bravoure. L'Académie des Beaux-Arts lui doit de nombreux débris d'antiques, statues et bas-reliefs de marbre, envoyés des îles de l'Archipel. Il avait épousé Anne Matvéewna Nestéroff (née 1731), dont il eut quatre fils et deux filles, André (1750—1770), aide de camp de son père, Mathieu (1751—1829), sénateur, connu comme généalogiste, Alexis (1753—1828), amiral, Grégoire (1758—1822), brigadier, Daria (1761—1805) et Alexandrine, mariée au général lieutenant Gustave Zimmermann.

(D'après un original ayant appartenu au comte I. Tchernycheff-Krouglikoff, Yaropoletz, gouv. de Moscou.)

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи
№ 3966

СЕМЕНЪ ИВАНОВИЧЪ МОРДВИНОВЪ, 1701—1777, сынъ дворянина Московскаго Ивана Тимоѳеевича, отъ брака съ Авдотьей Степановной Ушаковой, родился въ с. Мелковичахъ, Новгородскаго уѣзда, 26 Января 1701 года, черезъ два мѣсяца послѣ смерти своего отца, убитаго подъ Нарвой. Послѣ обученія „цыфирной наукѣ“, Мордвиновъ, въ 1716 г., былъ зачисленъ во флотъ гардемариномъ, а въ 1717 г. поступилъ для усовершенствованія въ морскомъ дѣлѣ во французскій флотъ, гдѣ дослужился до чина „ансенъ де весо“ (enseigne de vaisseau). Отпущенный въ 1722 г. въ Россію, онъ началъ службу въ русскомъ флотѣ, командовалъ различными кораблями, былъ членомъ Комиссаріатской Экспедиціи и Комиссіи „о разсмотрѣніи законовъ (морскихъ)“. Мордвиновъ участвовалъ въ Шведской и Семилѣтней войнахъ и, произведенный 5 Мая 1757 г. въ контръ-адмиралы, въ 1761 г. былъ назначенъ членомъ Адмиралтейской Коллегіи. При Петрѣ III Мордвинову „былъ порученъ весь флотъ и Коллегія съ Адмиралтействомъ“. Награжденный Петромъ III чиномъ вице-адмирала и орденомъ Анны 1 ст., Мордвиновъ явился дѣятельнымъ пособникомъ Екатерины и получилъ отъ нея 1 Іюля 1762 г. орденъ Александра Невскаго за то, что, будучи 28 Іюня посланъ съ адмираломъ Талызинымъ въ Кронштадтъ, „въ тотъ же день всѣ команды къ присягѣ привели“. Въ первые годы царствованія Екатерины, Мордвиновъ, пожалованный 4 Мая 1764 г. въ адмиралы, пользовался большимъ вліяніемъ въ морскомъ вѣдомствѣ, будучи старѣйшимъ членомъ Адмиралтейской Коллегіи и предсѣдателемъ Комиссіи „для приведенія флотовъ въ безопасное и для чести Имперіи сходственное положеніе“. Обиженный назначеніемъ въ вице-президенты Коллегіи несвѣдущаго въ морскомъ дѣлѣ графа И. Г. Чернышева, Мордвиновъ съ 1769 года отстранился отъ дѣлъ, а все учащавшіеся припадки каменной болѣзни заставили его 13 Марта 1777 года испросить полную отставку. Мордвиновъ послѣ этого прожилъ только около двухъ недѣль. Онъ погребенъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Отъ перваго брака съ Ѳеодосіей Саввичной Муравьевой Мордвиновъ имѣлъ 2 дѣтей, умершихъ во младенчествѣ; отъ второго (въ 1752 г.) брака съ Наталіей Ивановной Еремѣевой (р. 1733 г., † 1795 г.), въ теченіе 15 лѣтъ родилось 13 человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ остались въ живыхъ сыновья: Александръ, Николай, извѣстный адмиралъ, Петръ, Сергѣй и Евграфъ, и дочери: Елизавета, Екатерина и Анна.

С. И. Мордвиновъ былъ однимъ изъ послѣднихъ представителей стараго служилаго дворянства. Дѣдъ его былъ убитъ въ Крымскомъ походѣ, отецъ—подъ Нарвой; самъ онъ еще тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ былъ представленъ „къ разбору“ передъ грозныя очи Преобразователя и, будучи единственнымъ сыномъ у матери вдовы, многіе годы, по старинному выраженію, „мучилъ животъ свой“ на чужой сторонѣ, въ большихъ плаваніяхъ и командировкахъ, переносившихъ его изъ Франціи на Каму и изъ Архангельска на Каспійское море. Но онъ служилъ не за страхъ, а за совѣсть, не роптalъ на Преобразователя, но видѣлъ въ немъ „великаго, премудраго и безпримѣрнаго отца отечества“. Мордвиновъ былъ полезенъ, какъ организаторъ флота, составлялъ регламенты и сигнальныя книги, издавалъ руководства по морскимъ наукамъ. Послѣ Мордвинова остались „Записки“, написанныя въ духѣ и тономъ безхитростнаго лѣтописца. Мордвиновъ былъ хорошій служака Петровскаго закала, не порывавшій связей съ дореформенной богомольной и скопидомной стариной, но едва ли можно признать вполнѣ справедливой надпись къ его портрету, гласящую:

„Служилъ отечеству, Петру, Екатеринѣ.
Былъ воинъ на войнѣ, въ совѣтѣ мудрый мужъ.
Россія чтила въ семъ героѣ-гражданинѣ
Священный даръ небесъ, примѣръ великихъ думъ!“

(Съ портрета, принадлежавшаго Д. С. Ѳедорову, въ С.-Петербургѣ.)

SIMON IVANOWITCH MORDVINOFF, 1701—1777, fils d'Ivan Timoféewitch Mordvinoff, noble de Moscou, et d'Eudoxie Stépanowna, née Ouchakoff, naquit au bourg de Melkovitchi, district de Novgorod, le 26 janvier 1701, deux mois après la mort de son père, tué à Narva. Il fit d'abord un peu de mathématiques, fut enrôlé en 1716 garde-marine, et, pour se perfectionner dans l'art naval, prit l'année suivante du service dans la flotte française, où il parvint au grade d'enseigne de vaisseau. A son retour en Russie en 1722, il entra dans la marine, commanda divers vaisseaux, fut membre de l'Expédition du Commissariat et de la Commission „d'examen des lois" (de la marine). Il fit la campagne de Suède et la Guerre de Sept-Ans, et, contre-amiral le 5 mai 1757, fut nommé en 1761 membre de Collège de l'Amirauté. Il „fut chargé de toute la flotte et du Collège avec l'Amirauté", sous le règne de Pierre III, qui le fit vice-amiral et le décora de Ste-Anne de 1re classe. Il n'en prêta pas moins un concours efficace à Catherine, qui lui conféra St-Alexandre Newsky le 1er juillet 1762, pour avoir, à Cronstadt, où elle l'avait envoyé le 28 juin avec Talyzine, „fait prêter serment le jour même à tous les équipages". Amiral le 4 mai 1764, doyen du Collège de l'Amirauté et président de la Commission „d'entretien des flottes dans un état convenable pour la sûreté et la dignité de l'Empire", son autorité à la marine fut grande dans les premières années du règne de Catherine II. Lors de la nomination à la vice-présidence du Collège, en 1769, d'un étranger à la marine, le comte I. Tchernycheff, Mordvinoff, froissé, se retira, et des attaques répétées de gravelle lui firent donner sa démission le 13 mars 1777. Il mourut au bout d'une quinzaine de jours, et fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. Il avait épousé en premières noces Théodosie Savvichna Mouravieff, dont il eut deux enfants, morts en bas âge, et, en secondes noces, en 1752, Natalie Ivanowna Eréméeff (1733—1795), qui lui donna treize enfants en quinze ans; vécurent seuls Alexandre, Nicolas (l'amiral connu), Pierre, Serge et Eugraphe, Elisabeth, Catherine et Anne.

Mordvinoff fut un des derniers représentants de la vieille noblesse en place. Son grand-père avait péri dans la campagne de Crimée, son père à Narva; lui-même, alors âgé de 13 ans, eut à comparaître sous l'œil terrible du Réformateur, pour recevoir son affectation, et sa mère, veuve et n'ayant que lui, dut l'envoyer de longues années en terre étrangère, manger le pain amer de l'exil, en des croisières et missions au long cours qui le ballottèrent de la France aux rives de la Kama, d'Arkhangel à la mer Caspienne. Il avait le désintéressement et l'abnégation de ne pas murmurer contre le Réformateur, à ses yeux „père de la patrie, d'une grandeur et d'une sagesse sans précédentes". Il fit beaucoup pour l'organisation de la flotte, institua des règlements et des codes de signaux, publia des manuels d'art naval. Il a laissé des Mémoires dont l'esprit et la forme sont ceux d'une naïve chronique. De la trempe des bons vieux serviteurs de l'époque de Pierre-le-Grand, qui ne méconnurent jamais la foi profonde et l'esprit d'économie du temps jadis, il n'était pourtant guère l'homme du quatrain tracé sur son portrait:

„Il servit la Patrie, et Pierre et Catherine,
„Fut guerrier à la guerre, au conseil homme sage.
„Ce citoyen-héros, la Russie le révère,
„Comme un saint don du Ciel, modèle des grands cœurs".

(D'après un original ayant appartenu à D. Fédoroff, St-Pétersbourg.)

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ КРУЗЪ, 1731—1799, сынъ датчанина, капитанъ-лейтенанта русскаго флота Ивана Егоровича фонъ-Круза, родился 26 Октября 1731 г.; А. И. фонъ-Крузъ былъ усыновленъ и воспитанъ извѣстнымъ адмираломъ Джемсомъ Кеннеди, который бралъ его съ собой въ морскія плаванія. Въ 1747 г. изъ-за плохого знанія русскаго языка онъ не былъ принятъ въ русскій флотъ; тогда Кеннеди отправилъ Круза доканчивать морское воспитаніе въ Англію, по возвращеніи откуда въ 1753 г. Крузъ былъ принятъ на русскую службу унтеръ-лейтенантомъ „по контракту на 2 года“. Въ 1758 г. онъ былъ произведенъ въ лейтенанты и командовалъ придворными яхтами, въ 1760 и 1761 гг. участвовалъ въ Кольбергской экспедиціи и былъ раненъ. Въ эскадрѣ адмирала Спиридова, командуя кораблемъ „Св. Евстафій“, Крузъ участвовалъ въ знаменитомъ Чесменскомъ бою, 24 Іюня 1770 г., и здѣсь сцѣпился на абордажъ съ турецкимъ флагманскимъ кораблемъ. Скоро оба корабля взлетѣли на воздухъ, при чемъ спаслись немногіе; самъ Крузъ упалъ среди обломковъ корабля въ воду и былъ спасенъ. При этомъ съ нимъ случилось происшествіе, оставившее слѣдъ на всю жизнь. Когда онъ, держась за мачту, плавалъ недалеко отъ шлюпки съ его же корабля, онъ, вмѣсто помощи, сначала получилъ ударъ весломъ по головѣ: матросы, доведенные до озлобленія чрезмѣрной строгостью Круза, хотѣли съ нимъ теперь посчитаться; однако, одинъ матросъ вступился за своего командира, и Крузъ былъ все-таки вытащенъ въ шлюпку. Онъ обѣщалъ матросамъ не помнить ихъ поступка и не только всегда покровительствовалъ своимъ спасителямъ, но и вообще послѣ этого перемѣнилъ свое обращеніе съ подчиненными и заслужилъ всеобщую любовь. Назначенный послѣ Чесменскаго сраженія командиромъ взятаго въ плѣнъ турецкаго корабля „Родосъ“, Крузъ повелъ его въ Россію, но на пути корабль былъ разбитъ около мыса Матапана, а часть команды погибла. Въ 1771 г. онъ получилъ орденъ св. Георгія 4 ст. „за сожженіе главнаго непріятельскаго корабля“ при Чесмѣ. Въ 1773 г. Крузъ былъ посланъ съ эскадрой въ Любекъ за принцессой Вильгельминой Гессенъ-Дармштадтской, невѣстой Великаго Князя Павла Петровича.

Проплававъ по Черному и Азовскому морямъ, съ 1777 по 1779 г., въ качествѣ помощника главнаго начальника тамъ контръ-адмирала Клокачева, Крузъ 1 Января 1779 г. самъ былъ произведенъ въ контръ-адмиралы, переведенъ въ Петербургъ и тутъ получилъ командованіе эскадрами, крейсеровавшими съ цѣлью надзора за соблюденіемъ условій „Вооруженнаго Нейтралитета“. Въ 1783 г. Крузъ былъ произведенъ въ вице-адмиралы, а въ 1785 г. получилъ орденъ св. Анны 1 степени.

Особенную извѣстность получилъ А. И. Крузъ за сраженіе около Красной Горки, 23 Мая 1790 г., гдѣ шведы, бывшіе въ гораздо большихъ силахъ, были побѣждены. Императрица только передъ тѣмъ просила Круза не подпускать непріятеля къ Кронштадту и теперь щедро наградила побѣдителя, давшаго слово, что „шведы не пройдутъ иначе, какъ развѣ по щепамъ его кораблей“. Крузъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго, мызу въ Лифляндіи и табакерку съ надписью: „Громами отражая громъ, онъ спасъ Петровы градъ и домъ“. За участіе въ Выборгскомъ сраженіи 22 Іюня Крузъ былъ пожалованъ орденомъ св. Георгія 2 кл. и произведенъ въ адмиралы, а при заключеніи въ Сентябрѣ мира — шпагу съ брильянтами и аренду въ Лифляндіи. Крузъ пользовался расположеніемъ Павла I, который далъ ему Андреевскую звѣзду (5 Января 1797 г.) и подарилъ домъ въ Кронштадтѣ, гдѣ онъ и скончался 5 Мая 1799 года. Похороненъ тамъ же, на лютеранскомъ кладбищѣ, при чемъ на памятникѣ его та же самая надпись, которая была на пожалованной ему Екатериной II табакеркѣ.

(Съ портрета, находящагося въ Московскомъ Историческомъ музеѣ.)

109

ALEXANDRE IVANOWITCH KRUSE, 1731—1799, fils du danois, capitaine lieutenant de la marine russe, Ivan Egorowitch von Kruse, naquit le 26 octobre 1731, et fut adopté et élevé par l'amiral connu James Kennedy, qui l'emmena avec lui dans ses croisières. En 1747, faute de savoir assez le russe, il ne put être admis au service russe; alors Kennedy l'envoya compléter son instruction navale en Angleterre, et à son retour, en 1753, il fut enrôlé sous-lieutenant „avec engagement de deux ans". Lieutenant en 1758 et commandant des yachts de la Cour, il fit en 1760 et 1761 l'expédition de Kohlberg, où il fut blessé. Au célèbre combat de Tchesmé, le 24 juin 1770, il commandait à l'escadre de l'amiral Spiridoff le Saint-Eustache, qui, abordé par le vaisseau amiral turc, sauta avec lui. Presque tout l'équipage périt: Kruse lui-même fut précipité à l'eau au milieu de débris de toutes sortes et put être sauvé, mais les péripéties de son sauvetage eurent un retentissement sur toute sa vie. Cramponné à un mât, il était à proximité d'une chaloupe de son vaisseau, quand il commença par recevoir en guise de secours un coup d'aviron sur la tête: c'étaient ses hommes qui, furieux de son excessive dureté, voulaient profiter de l'occasion pour se venger. L'un d'eux, pourtant, prit sa défense, et finalement on le repêcha. Il promit d'oublier tout, et non seulement témoigna toujours sa bienveillance à ses sauveteurs, mais encore, se mit dès lors à mieux traiter ses subordonnés et se fit bien voir de tout le monde. Nommé après Tchesmé commandant du vaisseau turc capturé Rhodos, il fit voile à son bord pour la Russie, mais le navire fut désemparé à la hauteur du cap Matapan et une partie de l'équipage périt. Décoré en 1771 de St-Georges de 4e classe „pour avoir incendié le principal vaisseau ennemi" à Tchesmé, il fut envoyé en 1773 à Lubeck avec l'escadre qui devait ramener la princesse Wilhelmine de Hesse-Darmstadt, fiancée du Grand-Duc Paul Pétrowitch.

Après les croisières qu'il fit de 1777 à 1779 sur la mer Noire et la mer d'Azoff comme adjoint du contre-amiral Klokatcheff, commandant en chef dans ces parages, il fut, le 1er janvier 1779, promu contre-amiral et affecté à Pétersbourg, où il reçut le commandement des escadres chargées de surveiller l'exécution de la Neutralité armée. Il passa vice-amiral en 1783 et fut décoré en 1785 de Ste-Anne de 1re classe.

Kruse se fit en 1790 une notoriété particulière par la défaite qu'il infligea à Krasnaïa Gorka à l'escadre suédoise, pourtant bien supérieure en nombre. L'Impératrice lui avait peu auparavant recommandé de bien couvrir Kronstadt, et il avait donné sa parole que „les Suédois n'y parviendraient qu'à travers les débris de ses vaisseaux". Aussi sa victoire lui valut-elle toute la gratitude de Catherine II, St-Alexandre Newsky, une ferme en Livonie et une tabatière avec l'inscription:

„Par ses foudres il eut de la foudre raison:
„De Pierre il a sauvé la ville et la maison".

La bataille de Viborg du 22 juin lui valut St-Georges de 2e classe et le grade d'amiral, et il obtint encore à la paix une épée en brillants et une arrente en Livonie. Il jouit de la faveur de Paul Ier, qui lui donna l'étoile de St-André (5 janvier 1797) et une maison à Kronstadt, où il mourut le 5 mai 1799. Il fut inhumé à Kronstadt au cimetière luthérien, et son tombeau porte l'inscription qui ornait la tabatière que lui avait donnée Catherine II.

(D'après un original du Musée Historique de Moscou.)

106

Василій Яковлевичъ
Чичаговъ,
1726 — 1809

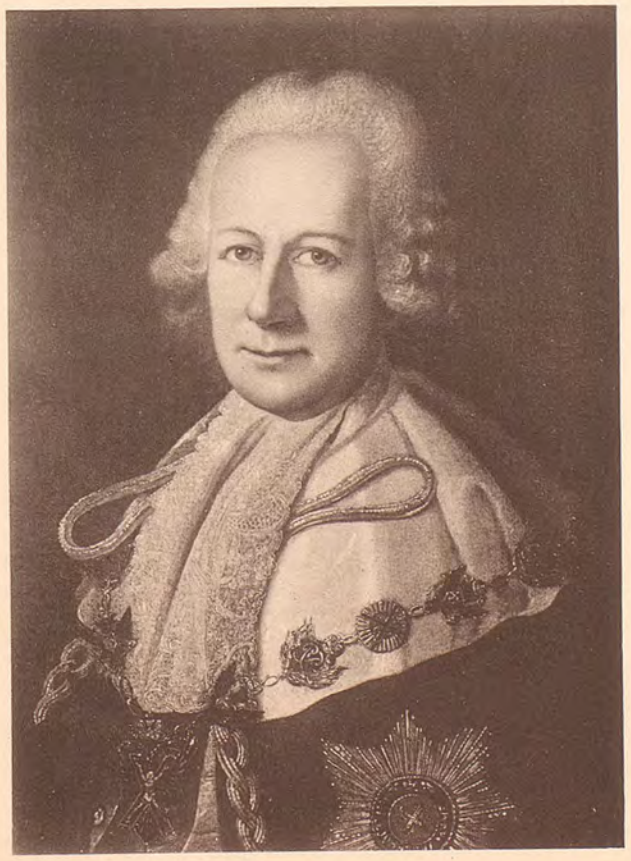
Basile Yakovlewitch
Tchitchagoff,
1726 — 1809

107

Григорій Андреевичъ
Спиридовъ,
1713 — 1790

Grégoire Andréewitch
Spiridoff,
1713 — 1790

108



Семенъ Ивановичъ
Мордвиновъ,
1701 — 1777

Simon Ivanowitch
Mordvinoff,
1701 — 1777

109

Александръ Ивановичъ
Крузе,
1731 — 1799

Alexandre Ivanowitch
Kruse,
1731 — 1799

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Худож. Галереи

Графъ **НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ НОВОСИЛЬЦОВЪ**, 1762—1838, былъ сынъ Николая Устиновича Новосильцова отъ брака съ Маріей Сергѣевной Строгановой. Получившій хорошее образованіе въ домѣ своего дяди, графа А. С. Строганова, и записанный въ дѣтствѣ въ пажи, Новосильцовъ участвовалъ въ Шведской и Польской войнахъ и дослужился до чина подполковника. Царствованіе Павла I онъ провелъ въ Англіи, гдѣ слушалъ университетскія лекціи по физико-математическимъ и медицинскимъ наукамъ. При посредствѣ своего двоюроднаго брата, графа П. А. Строганова, Новосильцовъ сдѣлался извѣстенъ Александру I, который по воцареніи пожаловалъ его въ дѣйствительные камергеры и статсъ-секретари. Несмотря на то, что Новосильцовъ не пошелъ далѣе товарища министра юстиціи, президента Академіи Наукъ и попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, онъ имѣлъ большое вліяніе въ первые годы царствованія Александра I. Вмѣстѣ съ Кочубеемъ, графомъ П. А. Строгановымъ и княземъ Адамомъ Чарторижскимъ, онъ входилъ въ составъ „негласнаго комитета“, который подъ предсѣдательствомъ Государя былъ занятъ реформами и направлялъ всю внутреннюю политику. Но съ 1803 года Александръ началъ охладѣвать къ дѣлу реформъ; засѣданія негласнаго комитета прекратились; охлажденіе распространилось и на сотрудниковъ. Сближеніе Александра съ Наполеономъ, который считалъ своимъ врагомъ Новосильцова, устроившаго противъ него въ 1804 году коалицію, побудило Новосильцова удалиться на три года въ Вѣну. Въ 1813 г. онъ былъ назначенъ вице-президентомъ временнаго правительства герцогства Варшавскаго, а въ 1815 г. комиссаромъ въ Царствѣ Польскомъ. Въ 1823 г. ему было поручено также и управленіе Виленскимъ учебнымъ округомъ. Будучи еще ранѣе пожалованъ въ сенаторы и члены Государственнаго Совѣта, Новосильцовъ въ 1834 г. былъ назначенъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ, а 1 Іюля 1835 года возведенъ въ графское достоинство. Новосильцовъ умеръ 8 Апрѣля 1838 года и погребенъ въ Святодуховской церкви Александро-Невской лавры. Онъ женатъ не былъ.

Дѣятельность Новосильцова раздѣляется (приблизительно 1812 годомъ) на два совершенно несходные одинъ съ другимъ періода; но и въ томъ и другомъ періодѣ эта дѣятельность подвергалась самымъ ожесточеннымъ нападкамъ. Въ первомъ періодѣ, отмѣченномъ реформаторскимъ направленіемъ, Новосильцовъ былъ ненавистенъ консерваторамъ, не знавшимъ какъ очернить этого „выплывшаго вдругъ съ запасомъ англоманіи“ и дѣйствовавшаго „по изступленію“ члена „якобинской шайки“. Во второмъ періодѣ, когда Новосильцовъ круто повернулъ назадъ, либералы не могли простить ему измѣны. Нельзя, конечно, не сочувствовать членамъ „негласнаго комитета“ въ ихъ стремленіи реформировать управленіе Россіи, оставшееся „порочнымъ“ и послѣ бумажныхъ реформъ Екатерины II, и уничтожить крѣпостное право. Изъ всѣхъ этихъ малоопытныхъ реформаторовъ, „звенѣвшихъ Александру философскими утопіями народнаго управленія“, Новосильцовъ былъ самый старшій. Сорокалѣтній мужчина не могъ, конечно, увлекаться такъ, какъ люди, не достигшіе 30 лѣтъ. Кромѣ того, особенности умственнаго склада Новосильцова также предохранили его отъ крайностей. Вигель считалъ его „всѣхъ выше умомъ“ среди совѣтниковъ юнаго Александра I; Ланжеронъ называлъ его „froid“ и „prudent“; князь Чарторижскій находилъ, что „практическій складъ ума не давалъ ему увлекаться несбыточными теоріями и всегда удерживалъ его на границѣ возможнаго“. Поэтому не удивительно, что Новосильцовъ „взялъ на себя роль скромнаго ментора, регулирующаго страсти и увлеченія“. Въ пятидесятилѣтнемъ возрастѣ Новосильцовъ совершенно перемѣнилъ свои убѣжденія, которыя у него и ранѣе, по утвержденію нѣкоторыхъ современниковъ, замѣнялись „однимъ колоссальнымъ эгоизмомъ“. Когда прекратился спросъ на „модное свободомысліе“, Новосильцовъ сдѣлался ретроградомъ, презиравшимъ „глупости и шалости молодыхъ лѣтъ“. „Tempi passati“, говорилъ онъ о началѣ царствованія Александра I, „les jours se suivent et ne se ressemblent pas“. Безкорыстный и строгій къ себѣ реформаторъ, онъ черезъ 30 лѣтъ горделиво выступалъ, украшенный всевозможными звѣздами и графскимъ титуломъ. Его упрекали въ томъ, что въ Польшѣ онъ своимъ высокомѣрнымъ и крутымъ образомъ дѣйствій „много содѣйствовалъ къ огорченію поляковъ и возстановленію ихъ противъ Россіи“; но на дѣлѣ Новосильцовъ, какъ умный человѣкъ, старался, конечно, только „ставить преграды коварству и вѣроломству“. Въ частной жизни Новосильцовъ не отличался добродѣтелями. Лица, хвалившія его, предпочитали „ne pas parler de sa moralité“. Онъ былъ всегда ловеласомъ и въ старости представлялъ „смѣсь Бахуса съ Сатиромъ“.

(Съ портрета Щукина; Императорская Академія Наукъ.)

Le comte **NICOLAS NIKOLAEWITCH NOVOSSILTZOFF**, 1762—1838, fils de Nicolas Oustinowitch Novossiltzoff et de Marie Serguéewna, née Stroganoff, reçut une bonne éducation chez son oncle, le comte A. Stroganoff. Enrôlé page tout enfant, il fit les guerres de Suède et de Pologne et parvint au grade de lieutenant-colonel. Il passa en Angleterre le règne de Paul Ier, suivant dans une université les cours des facultés des sciences et de médecine. Son cousin le comte Paul Stroganoff le fit connaître à Alexandre Ier, qui le nomma à son avènement chambellan et secrétaire d'état. Sans avoir jamais été autre chose que ministre adjoint de la justice, président de l'Académie des Sciences et curateur de l'arrondissement scolaire de St-Pétersbourg, il exerça une grande influence sur les premières années du règne. Il composait avec Victor Kotchubey, le comte Paul Stroganoff et le prince Adam Czartoryski le Comité Secret, présidé par l'Empereur, où s'élaboraient les réformes et se faisait toute la politique intérieure. Mais, en 1803, le zèle réformateur d'Alexandre Ier s'attiédit, il suspendit les séances, et son humeur gagna ses collaborateurs. Au moment du rapprochement avec Napoléon, Novossiltzoff, considéré par lui comme un ennemi pour avoir organisé la coalition de 1804, se retira à Vienne pour trois ans. En 1813, il fut nommé vice-président du gouvernement provisoire du Duché de Varsovie, et en 1815 commissaire du Royaume de Pologne. Il se vit en outre confier en 1823 la direction de l'arrondissement scolaire de Vilna. Déjà sénateur et membre du Conseil de l'Empire, il fut en 1834 fait président du Conseil de l'Empire et du Comité des Ministres, et, le 1er juillet 1835, élevé à la dignité de comte. Il mourut le 8 avril 1838, et fut inhumé dans l'église du Saint-Esprit, au monastère d'Alexandre Newsky. Il ne fut pas marié.

La carrière de Novossiltzoff est divisée (par l'année 1812, à peu près) en deux périodes complètement opposées, et qui donnèrent lieu l'une et l'autre aux critiques les plus acharnées. Dans la première, celle des réformes, il est odieux aux conservateurs, qui ne savent comment noircir cet „échappé de la tourbe jacobine“ avec „sa rage d'anglomanie“ et ses actes „d'énergumène“. Dans la seconde, il a fait volte-face, et les libéraux ne peuvent lui pardonner sa défection. On ne saurait assurément blâmer les velléités réformatrices du Comité Secret: les réformes de Catherine étaient restées lettre morte et l'administration attendait encore d'être épurée, et puis le servage était toujours là! De ces réformateurs novices, qui faisaient „tinter aux oreilles d'Alexandre des utopies philosophiques de gouvernement populaire“, Novossiltzoff était le plus vieux: ses quarante ans étaient naturellement à l'abri de la fougue des trente ans à peine de ses collègues. De plus sa tournure d'esprit personnelle le garantissait aussi contre les entraînements: Wiegel le trouve „un esprit supérieur“ parmi tous les conseillers du jeune monarque, et Langeron le qualifie de „froid“ et „prudent“. Il avait, dit le prince Czartoryski, „un esprit pratique qui le mettait en défiance contre les théories irréalisables et le maintenait dans les limites du possible“. Il n'est donc pas étonnant qu'il ait assumé le rôle d'un modeste mentor, régulateur des passions et des entraînements“. A cinquante ans, il s'opéra une révolution dans ses idées, dans lesquelles, à en croire certains contemporains, il n'aurait jamais fallu voir qu'une manifestation „de colossal égoïsme“. Les preneurs se faisaient rares pour „la libre-pensée en vogue“: Novossiltzoff devint rétrograde, et n'eut plus que du mépris pour ses „sottises et folies de jeunesse“. „Tempi passati“, disait-il en parlant du commencement du règne, „les jours se suivent et ne se ressemblent pas“, et le désintéressé et austère réformateur de jadis affichait, trente ans passés, un arsenal de décorations et un titre de comte. On lui reprocha d'avoir eu en Pologne des allures dominatrices et cassantes qui auraient largement „contribué à aigrir les populations et à les soulever contre la Russie“: en réalité, il n'eut que la sagesse de faire le nécessaire pour „opposer une digue à l'astuce et la perfidie“. Comme homme, Novossiltzoff n'avait rien de bien recommandable: ses apologistes mêmes préfèrent „ne pas parler de sa moralité“. Ce fut toujours un lovelace, „à la fois Bacchus et Satyre“ sur ses vieux jours.

(D'après l'original de Chtchoukine, Académie Impériale des Beaux-Arts.)

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ НОВОСИЛЬЦОВЪ, 1744—1805, сынъ оберъ-офицера изъ Орловскихъ мѣщанъ, началъ службу канцеляристомъ въ 1758 г.; чрезъ 9 лѣтъ (въ 1767 г.) переведенъ коллежскимъ регистраторомъ въ Канцелярію Опекунства иностранныхъ, которой завѣдывалъ графъ Г. Г. Орловъ. Сдѣлавшись секретаремъ канцеляріи въ 1769 г., онъ былъ въ 1774 г. пожалованъ въ коллежскіе асессоры. Черезъ 2 года, 21 Октября 1776 г., Новосильцовъ былъ назначенъ прокуроромъ въ Верхній Земскій судъ Новгородскаго намѣстничества, въ 1778 г.—губернскимъ прокуроромъ, въ 1780 г. переведенъ на такую же должность въ Орловское намѣстничество, гдѣ, въ чинѣ коллежскаго совѣтника, 3 Февраля 1783 г. былъ назначенъ Орловскимъ вице-губернаторомъ; 26 Февраля 1785 г. Новосильцовъ произведенъ въ статскіе совѣтники, съ назначеніемъ Петербургскимъ вице-губернаторомъ, 22 Сентября получилъ орденъ св. Владиміра 3 ст., а 31 Октября 1786 г. возведенъ, съ потомствомъ, въ дворянское достоинство. Въ 1790 г. онъ былъ пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники (21 Апрѣля), а 1 Января 1791 г. получилъ орденъ св. Владиміра 2 ст.; 25 Іюня 1793 г., переименованный въ генералъ-майоры, назначенъ генералъ-провіантмейстеромъ, такъ какъ Екатерина II очень цѣнила его честность и въ томъ же году пожаловала Новосильцову 936 душъ въ Волынской губерніи. Онъ лично извѣстенъ былъ Государынѣ чрезъ ея любимую камеръ-юнгферу Марью Саввишну Перекусихину, съ которой былъ въ свойствѣ. П. И. Новосильцовъ былъ женатъ на Екатеринѣ Александровнѣ Торсуковой, братъ которой, Ардаліонъ Торсуковъ, былъ женатъ на племянницѣ Перекусихиной, Екатеринѣ Васильевнѣ. Павелъ I пожаловалъ Новосильцова 4 Декабря 1796 г. въ тайные совѣтники и сенаторы. За милостью, какъ часто бывало, послѣдовала опала: 31 Іюля 1798 г. онъ былъ уволенъ отъ службы, съ повелѣніемъ жить въ отдаленныхъ деревняхъ. Съ восшествіемъ на престолъ Александра I немилость была снята, и уже 14 Марта 1801 г. ему разрѣшено было имѣть „въѣздъ въ обѣ столицы и вездѣ, гдѣ онъ самъ пожелаетъ, пребываніе“; 7 Мая того же года Новосильцовъ былъ опять назначенъ сенаторомъ, а 27 Февраля 1804 г. пожалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники.

П. И. Новосильцовъ умеръ, на 62 г. жизни, 17 Декабря 1805 г. и похороненъ на Лазаревомъ кладбищѣ, въ Александро-Невской лаврѣ. На памятникѣ его слѣдующая эпитафія: „Дарованіями ума украшенный мужъ сей прешелъ въ продолженіе 48-лѣтней службы различныя и важныя должности. Ознаменовавъ поприще жизни добрыми и полезными дѣлами и примѣрнымъ исполненіемъ званій какъ общественныхъ, такъ и частныхъ, пріобрѣлъ праведное отъ всѣхъ почтеніе. Достойно оплакиваемъ благодарнымъ семействомъ и николи не забвенъ вѣдующими цѣну его“.

Жена Новосильцова, Екатерина Александровна (р. 2 Ноября 1755 г.), умерла 8 Іюня 1842 г. и похоронена въ Александро-Невской лаврѣ, на Тихвинскомъ кладбищѣ. На ея памятникѣ написано: „Матери-благодѣтельницѣ слабый знакъ искреннихъ чувствъ безпредѣльной и вѣчной благодарности ею облагодѣтельствованныхъ и горько оплакивающихъ ея кончину дѣтей съ ихъ семействами“. У Новосильцовыхъ было 6 сыновей: Александръ, Василій († 25 Ноября 1805 г., 17 лѣтъ, отъ ранъ), Николай (р. 24 Мая 1789 г., † 2 Октября 1856 г.), Ардаліонъ, Иванъ и Петръ (р. 1797 г.; Рязанскій губернаторъ).

Вигель въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ говоритъ о П. И. Новосильцовѣ такъ: „Нельзя было не полюбить г. Новосильцова за его рѣдкій умъ и необыкновенныя дарованія: они кривому подьячему открыли путь до степени Государственнаго человѣка и дали его семейству притязанія и даже нѣкоторое право на знатность. Я помню, съ какимъ удовольствіемъ отецъ мой говаривалъ объ умѣ друга своего, Петра Ивановича; о другихъ качествахъ его онъ слова не говорилъ, пусть и мнѣ позволятъ въ семъ случаѣ послѣдовать его примѣру“. Впрочемъ, Вигель пишетъ, что Новосильцовъ принадлежалъ къ числу людей „болѣе совѣстливыхъ, болѣе умѣренныхъ и благопристойныхъ; тогда это было рѣдкостью и могло почитаться почти за честность! Сначала“, пишетъ Вигель, „меня пугала жена его, Катерина Александровна: ничего страшнѣе ея взгляда и голоса, ничего добрѣе ея сердца“.

(Съ портрета, находящагося въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.)

PIERRE IVANOWITCH NOVOSSILTZOFF, 1744—1805, fils d'un officier de la bourgeoisie d'Orel, débuta au service comme expéditionnaire en 1758, et passa au bout de neuf ans, en 1767, greffier de collège à la chancellerie de la Curatelle des étrangers, dirigée par le comte Grégoire Orloff. Secrétaire de la chancellerie en 1769, il fut promu en 1774 assesseur de collège. Deux ans plus tard, le 21 octobre 1776, il fut nommé procureur à la cour de cassation, puis, en 1778, procureur de gouvernement à la lieutenance de Novgorod, et permuta en 1780 au même titre à celle d'Orel, dont il devint le 3 février 1783, ayant rang de conseiller de collège, vice-gouverneur. Conseiller d'état et vice-gouverneur de St-Pétersbourg le 26 février 1785, puis, le 22 septembre suivant, décoré de St-Vladimir de 3e classe, il se vit, le 31 octobre 1786, conférer la noblesse à titre héréditaire. Conseiller d'état actuel le 21 avril 1790 et décoré de St-Vladimir de 2e classe le 1er janvier suivant, il permuta général major le 25 juin 1793 en fonctions de commissaire général aux vivres, car Catherine II faisait grand cas de son intégrité: elle lui conféra encore la même année 936 têtes de paysans en Volhynie. Si elle le connaissait bien, c'est qu'il était parent de Marie Savvichna Pérékoussikhine, sa femme de chambre préférée: il avait épousé Catherine Alexandrowna Torsoukoff, dont le frère Ardaillon Torsoukoff était marié à Catherine Vassiliewna Pérékoussikhine, nièce de Marie Savvichna. Paul Ier le fit le 4 décembre 1796 conseiller privé et sénateur, mais la disgrâce, comme d'ordinaire, suivit de près la faveur: destitué le 31 juillet 1798, il dut se retirer au fond de la province, d'où le changement de règne le tira; dès le 14 mars 1801, il reçut l'autorisation „de venir dans les deux capitales et de résider partout où bon lui semblerait". Son siège de sénateur lui fut rendu le 7 mai suivant, et il passa conseiller privé actuel le 27 février 1804.

Novossiltzoff mourut dans sa 62e année le 17 décembre 1805, et fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. On lit sur son tombeau l'épitaphe suivante: „Orné des dons de l'esprit, il passa quarante-huit ans investi de charges diverses et importantes. La distinction avec laquelle il accomplit son œuvre excellente et utile, et le soin exemplaire qu'il apporta dans ses fonctions publiques et privées, lui valurent la juste considération de tous. Il a mérité les regrets de sa famille reconnaissante et le souvenir éternel de ses admirateurs".

Sa femme, née Catherine Alexandrowna Torsoukoff (2 novembre 1755—8 juillet 1842), repose au cimetière de Tikhvine, au monastère d'Alexandre Newsky. Son monument porte l'inscription: „A la meilleure des mères, faible témoignage des sentiments sincères de la reconnaissance éternelle et sans bornes de ses enfants éplorés et de leur famille".

Novossiltzoff eut six fils, Alexandre, Basile, mort de ses blessures à 17 ans le 25 novembre 1805, Nicolas (24 mai 1789—2 octobre 1856), Ardaillon, Ivan et Pierre (né 1797), gouverneur de Riazan.

„On ne pouvait s'empêcher", dit Wiegel dans ses Souvenirs, „d'aimer Novossiltzoff pour l'intelligence rare et le talent peu commun qui frayèrent au simple scribe une carrière d'homme d'état et donnèrent à sa famille des prétentions, quelque peu fondées, sans doute, à la distinction. Je me rappelle avec quel plaisir mon père aimait à vanter l'esprit de son ami, sans jamais rien dire de ses autres qualités, exemple qu'on me permettra de suivre ici". Novossiltzoff était, ajoute Wiegel, de ces hommes „consciencieux qui avaient le respect de la mesure et des convenances; c'était l'exception et ce qu'on pouvait appeler alors presque de l'honnêteté! Au commencement", dit-il encore, „sa femme me faisait peur: rien de plus terrible que son regard et sa voix, rien de meilleur que son cœur!"

(D'après un original des Archives du Ministère des Affaires étrangères, Moscou.)

ИВАНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ НЕПЛЮЕВЪ, 1750—1823, сынъ сенатора Николая Ивановича (р. 1731 г., † 1784 г.), отъ перваго брака его съ княжной Татьяной Ѳедоровной Мещерской (р. 1730 г., † 1755 г.), внукъ извѣстнаго устроителя Оренбургскаго края, родился 26 Марта 1750 или 1752 г., если вѣрно указаніе дѣда его, И. И. Неплюева, что Николай Ивановичъ вступилъ въ бракъ 30 Мая 1751 года. Дѣтство его протекло въ Оренбургѣ, въ домѣ дѣда, начальника Оренбургскаго края, при которомъ служилъ и его отецъ, а съ 1758 г.—въ Петербургѣ. Въ 1762 г. онъ былъ записанъ капраломъ въ Конную гвардію, черезъ нѣсколько дней произведенъ въ каптенармусы, а по воцареніи Екатерины II въ вахмистры. Въ 1767 г. Неплюевъ былъ посланъ дѣдомъ въ Швецію на 2 года для обученія и возвратился въ 1769 году. Иванъ Ивановичъ Неплюевъ, очень заботившійся объ образованіи и карьерѣ внука, обратился тогда къ Екатеринѣ II съ просьбой о производствѣ его въ офицеры гвардіи и увольненіи въ чужіе края, а въ Октябрѣ того же года молодой Неплюевъ получилъ чинъ капитана арміи и разрѣшеніе „вояжировать“ по Западной Европѣ. Въ Январѣ 1770 г. онъ выѣхалъ за границу въ сопровожденіи майора Рейценштейна. Во время путешествія Неплюевъ велъ дневникъ и, желая сдѣлать пріятное дѣду, изучилъ итальянскій языкъ. Возвратившись на родину въ Мартѣ 1772 г., онъ вскорѣ принялъ участіе въ первой Турецкой войнѣ. Въ 1773 г. Неплюевъ былъ произведенъ въ секундъ-майоры. Чинъ генералъ-майора онъ получилъ только 5 Февраля 1790 года. Въ 1792 г., по смерти генералъ-прокурора князя Вяземскаго, В. С. Поповъ рекомендовалъ Неплюева въ качествѣ кандидата на этотъ важнѣйшій постъ въ государствѣ. Храповицкій записалъ 22 Августа въ своемъ дневникѣ: „Спрашивать у меня изволили о генералъ-майорѣ Иванѣ Николаевичѣ Неплюевѣ. Я похвалилъ, знавъ его подполковникомъ. Чьихъ мать его? Не могъ отвѣчать. Онъ и генералъ-майоръ Василій Сергѣевичъ Шереметевъ суть кандидаты въ генералъ-прокуроры, рекомендованные Поповымъ“. Ни тотъ, ни другой не попали въ генералъ-прокуроры. Въ Маѣ 1793 г. ему была пожалована Аннинская лента, а впослѣдствіи орденъ св. Владиміра 2 ст.; въ концѣ царствованія Екатерины II онъ былъ правителемъ Минской губерніи. При Павлѣ I Неплюевъ, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, вышелъ въ отставку, а 19 Января 1801 г. назначенъ сенаторомъ, съ переименованіемъ въ тайные совѣтники. 17 Января 1810 г. онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Высшая награда, полученная имъ, былъ орденъ св. Александра Невскаго. Въ Августѣ 1822 г. онъ былъ уволенъ въ отпускъ по болѣзни и 6 Іюля 1823 г. скончался въ своемъ Петербургскомъ домѣ (теперь Училище Правовѣдѣнія). Погребенъ въ фамильномъ склепѣ въ селѣ Поддубьѣ, Лугскаго уѣзда, С.-Петербургской губерніи.

Князь И. М. Долгорукій оставилъ такую его характеристику въ своемъ „Капищѣ“: „Человѣкъ ограниченнаго ума, но богатой, чинной, степенной и ни къ чему не пригодной; объ немъ точно можно сказать: „Мурашки не стряхнетъ безъ лайковой перчатки“. Я, однакоже, имѣлъ одинъ случай испытать его характеръ, и хотя негдѣ было ему развернуться въ худомъ смыслѣ противъ меня (дѣло того не стоило), однако, въ такое время, когда всякій могъ вредить кому и какъ хотѣлъ, для чего же бы и ему мнѣ не навлечь хлопотъ.... Я былъ во Владимірѣ губернаторомъ, а Неплюевъ сенаторъ и откомандированъ въ Астрахань предохранить тамошній край отъ чумы. Въ это время у меня полиціймейстеръ ударилъ въ щеку майора губернской роты.... Исторія эта такъ заняла правительство, что разсудили нарядить особаго чиновника разсмотрѣть, какъ производится во Владимірѣ столь важное дѣло. Палъ жребій на Неплюева. По именному указу, велѣно ему отправиться изъ Астрахани во Владиміръ разобрать дѣло о знаменитой пощечинѣ.... Все это вздорное и пресмѣшное дѣло онъ производилъ какъ бы самое важнѣйшее. Иванъ Николаевичъ меня очень полюбилъ, чему особеннымъ доказательствомъ служитъ то, что онъ, будучи очень скупъ, подарилъ меня, какъ старшій кавалеръ, медальономъ ордена св. Анны. Я рѣдко видалъ человѣка скучнѣе, тягостнѣе и бѣднѣе въ обращеніи съ стороны навыковъ и познаній этого напудреннаго и смазаннаго сенатора“. Неплюевъ былъ женатъ на Натальѣ Васильевнѣ Самариной (р. 1777 г., † 1838 г.) и имѣлъ двухъ сыновей: Николая (гвардіи полковникъ; р. 1800 г., † 1858 г.) и Адріана (корнетъ л.-гв. Гусарскаго полка; р. 1804 г., † 1829 г.), и дочь Марію (р. 1805 г., † 1881 г.), за княземъ Эльпидифоромъ Парѳеньевичемъ Енгалычевымъ.

(Съ портрета, принадлежащаго князю Н. А. Енгалычеву, въ С.-Петербургѣ.)

БИБЛИОТЕКА
Пермской
Художеств
№ 3966

IVAN NIKOLAEWITCH NÉPLIOUEFF, 1750—1823, fils du sénateur Nicolas Ivanowitch Néplioueff (1731—1784) et de sa première femme, née princesse Tatiana Féodorowna Mechtchersky (1730—1755), naquit le 26 mars 1750, ou plutôt 1752, si son père se maria bien le 30 mai 1751, comme le dit son grand-père Ivan Néplioueff, connu comme organisateur et gouverneur de la région d'Orenbourg, sous les ordres duquel son père servait dans cette ville et chez qui il passa son enfance. Amené à Pétersbourg en 1758, il fut enrôlé en 1762 caporal à la Garde à cheval, promu quelques jours après capitaine d'armes et, à l'avènement de Catherine II, vaguemestre. Soucieux de son éducation et de sa carrière, son grand-père l'envoya en 1767 passer deux ans en Suède pour son instruction, puis, à son retour, en 1769, sollicita pour lui de Catherine II le brevet d'officier de la Garde et un congé à l'étranger: fait capitaine à l'Armée en octobre, le jeune homme recevait en même temps l'autorisation de faire un voyage en Occident. Il partit en janvier 1770 avec le major Reizenstein, rédigea un journal de voyage, et, pour faire plaisir à son grand-père, apprit l'italien. De retour en mars 1772, il fit bientôt la première guerre de Turquie, passa second major en 1773, mais attendit jusqu'au 5 février 1790 le grade de général major. En 1792, à la mort du prince Viazemsky, procureur général, Popoff le recommanda pour ce poste, le plus important de l'Empire. Khrapovitzky note le 22 août dans son journal: „S. M. a daigné me questionner sur le général major Néplioueff: j'en ai dit du bien, l'ayant connu lieutenant-colonel. Qui est sa mère? Je n'ai su le dire. Lui et le général major Basile Chérémeteff sont candidats au poste de procureur général et patronnés par Popoff". Aucun des deux ne fut nommé. Décoré de Ste-Anne en mai 1793, puis de St-Vladimir de 2e classe, il était à la fin du règne de Catherine administrateur du gouvernement de Minsk. Sous Paul Ier, il prit sa retraite général lieutenant, et fut nommé sénateur le 19 janvier 1801 avec rang de conseiller secret. Il devint membre du Conseil de l'Empire le 17 janvier 1810. Sa plus haute distinction fut St-Alexandre Newsky. Envoyé en congé de convalescence en août 1822, il mourut le 6 juillet 1823 dans sa maison de Pétersbourg (aujourd'hui l'Ecole de Droit), et fut inhumé dans un caveau de famille au bourg de Poddoubié, district de Louga, gouvernement de St-Pétersbourg.

„Esprit borné", dit le prince Dolgorouky dans son Sanctuaire de mon cœur, „mais riche, solennel, gourmé et bon à rien, c'est bien de lui qu'on peut dire:

„Même pour se gratter il met des gants glacés".

„J'eus cependant affaire à lui une fois. Son caractère ne pouvait guère avoir à se manifester en mal à mon égard (la chose n'en valait pas la peine); et pourtant, dans un temps où on pouvait faire du tort à qui on voulait et comme on voulait, pourquoi ne pas me faire quelques misères?... J'étais gouverneur de Vladimir, quand il fut, comme sénateur, envoyé en mission à Astrakhan pour prendre des mesures préventives contre la peste. Sur les entrefaites, mon préfet de police donna un soufflet à un major de compagnie.... L'histoire occupa si fort le gouvernement, qu'on décida d'envoyer un fonctionnaire à Vladimir exprès pour suivre une aussi importante affaire. Le sort tomba sur Néplioueff. Un oukaze de S. M. lui prescrivit de se rendre d'Astrakhan à Vladimir, débrouiller l'affaire du fameux soufflet.... Il donna à cette insignifiante et ridicule histoire l'ampleur d'une affaire d'importance.... Il me témoigna d'ailleurs une grande amitié, en signe de laquelle, tout avare qu'il était, il me donna, comme plus ancien chevalier, un médaillon de l'ordre de Ste-Anne. J'ai rarement vu plus insipide, plus assommant, plus indigent en société comme usages et comme connaissances que ce sénateur poudré et fardé".

Néplioueff épousa Natalie Vassiliewna Samarine (1777—1838), dont il eut deux fils, Nicolas (1800—1858), colonel de la Garde, et Adrien (1804—1829), cornette aux hussards de la Garde, et une fille, Marie (1805—1881), mariée au prince Elpidiphore Parféniewitch Engalytcheff.

(D'après un original appartenant au prince N. Engalytcheff, St-Pétersbourg.)

СЕРГѢЙ ЛАЗАРЕВИЧЪ ЛАШКАРЕВЪ, 1739—1814, былъ сынъ грузинскаго выходца Лазаря Григорьевича Лашкарева. Въ 1762 году онъ началъ дипломатическую службу въ Константинопольской миссіи и въ началѣ первой Турецкой войны, когда посланникъ Обрѣзковъ былъ посаженъ турками въ тюрьму, завѣдывалъ посольствомъ. Отпущенный въ 1770 г. изъ Константинополя, онъ во время войны исполнялъ различныя секретныя порученія на Востокѣ, а по заключеніи мира завѣдывалъ отправкой въ Россію освобожденныхъ русскихъ плѣнныхъ и греческихъ эмигрантовъ. Въ 1779 г. Лашкаревъ былъ назначенъ сначала консуломъ въ Синопъ, а затѣмъ генеральнымъ консуломъ въ Молдавію и Валахію. Въ концѣ 1782 года онъ былъ назначенъ резидентомъ въ Крымъ для ликвидаціи Крымскаго вопроса, и ему удалось убѣдить низложеннаго хана Шагинъ-Гирея переѣхать изъ Тамани въ Калугу; 2 Марта 1786 г. онъ былъ назначенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Персію, но Потемкинъ оставилъ его при себѣ „для важнѣйшихъ порученій по азіатскимъ дѣламъ“. Во время второй Турецкой войны Лашкаревъ состоялъ при князѣ Таврическомъ, ѣздилъ для переговоровъ въ Шумлу и былъ уполномоченнымъ на конгрессѣ въ Яссахъ. Награжденный въ это время чиномъ статскаго совѣтника и орденомъ св. Владиміра 3 ст., Лашкаревъ во время празднованія Ясскаго мира въ 1793 году получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и имѣніе въ Минской губерніи. Послѣ войны Лашкаревъ завѣдывалъ въ Иностранной Коллегіи азіатскими дѣлами, съ правомъ личнаго доклада Императрицѣ.

Павелъ I наградилъ его чиномъ тайнаго совѣтника, орденомъ Анны 1-й ст. и командорскимъ крестомъ Мальтійскаго ордена. Лашкаревъ игралъ видную роль въ дѣлѣ присоединенія Грузіи къ Россіи; 4 Января 1804 года Лашкаревъ вышелъ въ отставку и, вмѣсто Александровской звѣзды, которой предполагалъ наградить его Павелъ I, получилъ лишь похвальный листъ и золотую табакерку. Послѣ этого онъ жилъ на покоѣ главнымъ образомъ въ своемъ Витебскомъ имѣніи, Дымовѣ, и лишь въ 1807 г. ему была поручена „временная комиссія“ — предсѣдательствовать въ соединенномъ Диванѣ Молдавіи и Валахіи, гдѣ онъ скоро поссорился съ главнокомандующимъ княземъ Прозоровскимъ, не любившимъ потемкинцевъ. Лашкаревъ умеръ въ Витебскѣ 6 Октября 1814 года и погребенъ въ Витебскомъ Марковомъ монастырѣ. Отъ брака съ Констанціей Ивановной Дюнанъ онъ имѣлъ сыновей: Павла, Ивана, Александра, Сергѣя, Андрея и Григорія, и дочь, бывшую въ замужствѣ за тайнымъ совѣтникомъ Карнѣевымъ.

Отзывы о Лашкаревѣ противорѣчивы. По однимъ свѣдѣніямъ, онъ былъ именно такимъ дипломатомъ, какой нуженъ Россіи на Востокѣ, для того, чтобы дѣла шли „съ успѣхомъ и пользою государственною“. Умный и находчивый, знакомый съ мѣстными языками и съ характеромъ восточныхъ людей, онъ умѣлъ держать себя такъ, что заслуживалъ расположеніе и Крымскаго хана, и Турецкихъ пашей, и обывателей Молдавіи и Валахіи. Князь Потемкинъ, Екатерина II и Павелъ I, повидимому, очень цѣнили этого „маленькаго богатыря“. Лашкаревъ не боялся даже спорить съ Павломъ I, который обыкновенно сдавался, когда видѣлъ, что Лашкаревъ „непремѣнно на своемъ настоять хочетъ“. Лашкаревъ жилъ широко, и правительство не разъ платило его долги. Но Лашкаревъ утверждалъ, что эти монаршія милости были его единственнымъ рессурсомъ, и на вопросъ Екатерины: „Маленькій богатырь, долго ли я за тебя буду платить долги“, онъ съ гордостью отвѣчалъ: „Матушка Государыня, покуда красть не стану!“ Напротивъ, Безбородко находилъ въ Лашкаревѣ „крайнюю неспособность ни къ какому дѣлу“, утверждалъ, что онъ „перепакостилъ“ все въ Константинополѣ, въ Молдавіи правилъ „деспотически“ и „имѣлъ большую часть сборовъ на откупу за собою“. „Онъ идей человѣческихъ о дѣлѣ не имѣетъ“, писалъ Безбородко о Лашкаревѣ, „ни на одномъ языкѣ не умѣетъ говорить и служитъ посмѣшищемъ для турокъ“.

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность П. С. Лашкаревой, въ С.-Петербургѣ.)

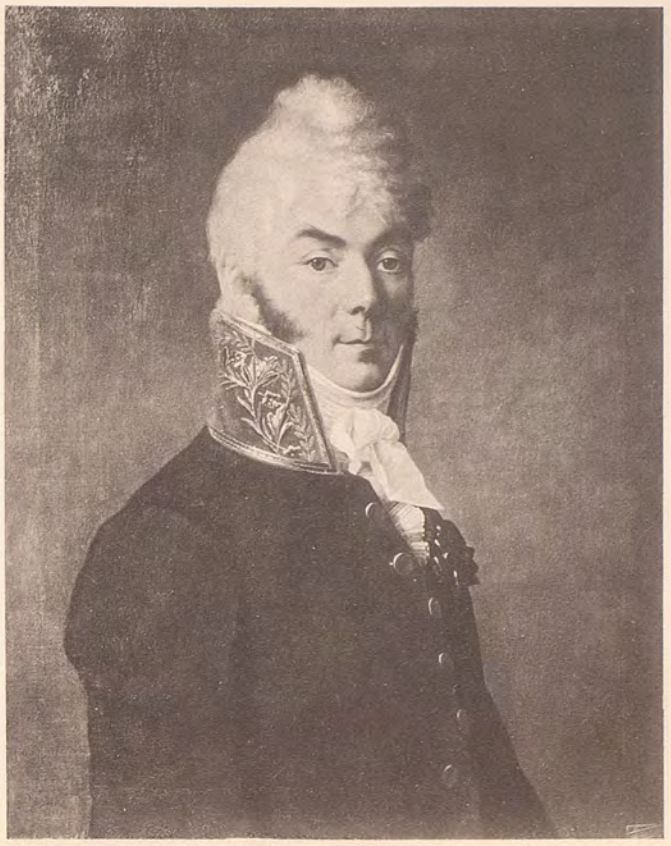
SERGE LAZAREWITCH LACHKAREFF, 1739—1814, fils d'un émigré géorgien, débuta en 1762 dans la carrière diplomatique à la légation de Constantinople, et, au début de la première guerre de Turquie, lorsque le ministre Obreskoff fut mis en prison par les Turcs, le remplaça à l'ambassade. Sorti de Constantinople en 1770, il accomplit pendant la guerre diverses missions secrètes en Orient, puis, à la paix, présida au rapatriement des prisonniers russes, auxquels se joignirent des émigrés grecs. En 1779, il fut nommé d'abord consul à Sinope, puis consul général en Moldavie et Valachie. Résident en Crimée à la fin de 1782 pour la liquidation des affaires, il réussit à décider le khan détrôné Chaghin-Ghireï à se retirer à Kalouga. Il fut ensuite nommé le 2 mars 1786 chargé d'affaires en Perse, mais Potemkine voulut le garder „en vue de missions importantes pour les affaires asiatiques". Lors de la seconde guerre de Turquie, il fut encore attaché à sa personne, alla aux négociations de Choumla et fut plénipotentiaire au congrès de Yassy. Alors fait conseiller d'état et décoré de St-Vladimir de 3e classe, il obtint à la paix le rang de conseiller d'état actuel et des terres au gouvernement de Minsk. Après la guerre, il eut au Collège des Affaires étrangères la direction des affaires d'Asie, avec droit de faire personnellement rapport à l'Impératrice.

Sous le règne de Paul Ier, Lachkareff devint conseiller privé, chevalier de Ste-Anne de 1re classe et commandeur de l'ordre de Malte. Il joua un rôle marquant dans la réunion de la Géorgie à la Russie. A sa retraite, le 4 janvier 1804, au lieu de l'étoile de St-Alexandre que comptait lui conférer Paul Ier, il ne reçut qu'un témoignage de satisfaction et une tabatière d'or. Il se retira ensuite dans la vie privée, la plupart du temps à Dymovo, sa propriété des environs de Vitebsk, et seulement en 1807 reçut la „mission spéciale" de présider les divans réunis de Moldavie et Valachie: mais bientôt il ne put s'entendre avec le prince Prozorowsky, commandant en chef, qui n'aimait pas les auxiliaires de Potemkine. Il mourut à Vitebsk le 6 octobre 1814, et y fut inhumé au monastère St-Marc. Il avait épousé Constance Dunan, dont il eut plusieurs fils: Paul, Ivan, Alexandre, Serge, André et Grégoire, et une fille, mariée au conseiller privé Karnéeff.

Les appréciations sur Lachkareff sont contradictoires. Pour les uns, c'était bien le diplomate qu'il fallait à la Russie en Orient pour mener les choses „avec succès et profit pour l'Etat". Intelligent et débrouillard, avec son usage des langues et des caractères des gens du pays, il sut se concilier à la fois le khan de Crimée, les pachas turcs et les populations de Moldavie et de Valachie, et semble s'être fait également apprécier de Potemkine, de Catherine et de Paul. Il ne craignait même pas d'entrer en discussion avec celui-ci, qui cédait d'ordinaire en le voyant „entêté dans son idée". Lachkareff vivait sur un grand pied, et l'Etat paya plus d'une fois ses dettes. Mais il prétendait que ces largesses étaient sa seule ressource: „Mon petit gaillard", lui demandait Catherine, „est-ce que tu vas me faire longtemps payer tes dettes?"—„Bonne Souveraine, tant que je ne me déciderai pas à voler!" Bezborodko, tout au contraire, trouvait qu'il n'était „absolument bon à rien", prétendant qu'à Constantinople il avait tout „gâché" et qu'en Moldavie, il faisait „le despote" et „avait presque tous les revenus à ferme pour son propre compte". Et Bezborodko ajoute: „Il n'a pas la moindre idée des affaires et ne sait aucune langue; il est la risée des Turcs!"

(D'après un original de Borovikowsky, appartenant à Mme P. Lachkareff, St-Pétersbourg.)

110



Пис. С. Щукинъ — *Peint par S. Chtchoukine*

Графъ Николай Николаевичъ Новосильцовъ, 1762 — 1838

Le Comte Nicolas Nikolaewitch Novossiltzoff, 1762 — 1838

111

Петръ Ивановичъ Новосильцовъ, 1744 — 1805

Pierre Ivanowitch Novossiltzoff, 1744 — 1805

112

Иванъ Николаевичъ Неплюевъ, 1750 — 1823

Ivan Nikolaewitch Néplioueff, 1750 — 1823

113

Пис. Боровиковскій — *Peint par Borovikowsky*

Серпій Лазаревичъ Лашкаревъ, 1739 — 1814

Serge Lazarewitch Lachkareff, 1739 — 1814

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи

ВАСИЛІЙ СЕРГѢЕВИЧЪ ШЕРЕМЕТЕВЪ, 1752—1831, сынъ гвардіи капитана Сергѣя Васильевича (р. 1723 г., † 1773 г.), отъ брака его съ княжной Натальей Яковлевной Голицыной (р. 1731 г., † 1792 г.), родился 20 Февраля 1752 года. Въ 1772 г. онъ отправился путешествовать за границу, и по этому поводу Екатерина II писала князю М. Н. Волконскому: „Корнета Шереметева я увольняю въ чужіе края на 2 года для наученія; да совѣтуйте ему лучше ѣхать куда въ университетъ, нежели въ Парижъ, гдѣ нечего перенять". Пробывъ за границей годъ, В. С. Шереметевъ возвратился на родину и всецѣло отдался военной службѣ, командовалъ Полтавскимъ легко-конным полкомъ и дослужился до чина генералъ-майора. Онъ отличился во время Второй Турецкой войны. Послѣ смерти генералъ-прокурора князя А. А. Вяземскаго въ 1792 году, Шереметевъ, рекомендованный В. С. Поповымъ, былъ однимъ изъ кандидатовъ на важный постъ генералъ-прокурора. По этому поводу родственница его, Анна Семеновна Шереметева, писала: „Для меня очень мудрено будетъ видѣть его въ этой должности, хотя онъ и пречестный человѣкъ, но привязанность его такъ велика къ военной службѣ, что объ штатской и понятія не имѣетъ... Думаю, что онъ, ежели можно будетъ, то откажется". Генералъ-прокуроромъ Шереметевъ не сдѣлался, но все-таки ему вскорѣ пришлось превратиться изъ военнаго въ администратора: въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II и при Павлѣ I онъ былъ поручикомъ (вице-губернаторомъ) Волынскаго намѣстничества и Изяславскимъ (Волынскимъ) губернаторомъ. При Александрѣ I Шереметевъ, связанный тѣсной дружбой съ графомъ Н. П. Шереметевымъ, былъ первымъ попечителемъ Шереметевскаго странноприимнаго дома, въ Москвѣ.

В. С. Шереметевъ былъ женатъ на Татьянѣ Ивановнѣ Марченко (р. 1770 г., † 1830 г.), при чемъ его бракъ съ ней былъ встрѣченъ несочувственно многими изъ его родныхъ. Онъ имѣлъ отъ нея 4 сыновей: Сергѣя (р. 1792 г., † 1866 г.), Василія (р. 1794 г., † 1817 г.), Петра (р. 1799 г., † 1837 г.) и Николая (р. 1804 г., † 1849 г.), и 3 дочерей: Наталью (р. 1795 г., † 18.. г.; за Д. М. Обресковымъ), Юлію (р. 1800 г., † 1862 г.; за В. А. Шереметевымъ) и Елену. Скончался В. С. Шереметевъ 8 Февраля 1831 года.

(Съ миніатюры, принадлежащей Ю. С. Шереметевой, въ С.-Петербургѣ.)

114

BASILE SERGUÉEWITCH CHÉRÉMÉTEFF, 1752—1831, fils du capitaine de la Garde Serge Vassiliewitch Chérémeteff (1723—1773) et de Natalie Yakovlewna, née princesse Golitzyne (1731—1792), naquit le 20 février 1752. Il alla en 1772 voyager à l'étranger, et Catherine II écrivait à ce propos au prince M. Wolkonsky: „J'envoie le cornette Chérémeteff passer deux ans à l'étranger pour son instruction. Conseillez-lui donc d'aller dans une autre université qu'à Paris, où il n'y a rien à faire". De retour au bout d'un an, Chérémeteff se consacra tout entier à la carrière des armes: il commanda le régiment de cavalerie légère de Poltava et servit jusqu'au grade de général major. Il se signala à la seconde guerre de Turquie. A la mort du prince Viazemsky, le procureur général, en 1792, il fut, sous le patronage de Popoff, un des candidats à ce poste important. Une de ses parentes, Anne Sémenowna Chérémeteff, écrivait à ce propos: „J'aurais bien de la peine à le voir là: c'est un charmant homme, mais il est si attaché au militaire qu'il n'entend rien au civil.... Je crois que, s'il y a moyen, il refusera". Il ne fut pas nommé, mais il dut bientôt, toutefois, d'officier devenir administrateur: à la fin du règne de Catherine II et sous Paul Ier, il fut vice-gouverneur, puis gouverneur en Volhynie. Sous le règne suivant, lié d'une étroite amitié avec le comte N. Chérémeteff, il fut le premier curateur de l'Hospice Chérémeteff à Moscou.

Chérémeteff épousa, au grand déplaisir d'une bonne partie de sa famille, Tatiana Ivanowna Martchenko (1770—1830), dont il eut quatre fils, Serge (1792—1866), Basile (1794—1817), Pierre (1799—1837) et Nicolas (1804—1849), et trois filles, Natalie (1795—18 . .), mariée à D. Obreskoff, Julie (1800—1862), à B. Chérémeteff, et Hélène. Il mourut le 8 février 1831.

(D'après une miniature appartenant à Mme J. Chérémeteff, St-Pétersbourg.)

МАРІЯ СЕМЕНОВНА БАХМЕТЕВА, 1766—18.., дочь Калужскаго губернскаго прокурора, статскаго совѣтника князя Семена Сергѣевича Львова, отъ брака съ Екатериной Никитичной Іевлевой, была женой Петра Алексѣевича Бахметева. Въ 1784 г. княжна Львова уже выѣзжала въ свѣтъ. Болотовъ, описывая балъ въ Калугѣ у Шепелева, упоминаетъ о ней: „Насмотрѣлся танцевъ, а особливо славной танцовщицы княгини Львовой, сдѣлавшейся потомъ очень славной по фавору къ ней покойнаго графа А. Г. Орлова-Чесменскаго". Бракъ Маріи Семеновны былъ очень неудаченъ: Бахметевъ, пожилой вдовецъ, имѣвшій большого сына, былъ, по отзыву Яньковой, человѣкъ „предерзкій и пренеобтесанный, однимъ словомъ, старый любезникъ". Она не могла вынести жизни съ такимъ мужемъ, оставила его и поселилась у графа А. Г. Орлова на положеніи дочери. Домашніе графа относились къ ней съ большой дружбой: его дочь, графиня Анна Алексѣевна, называла ее сестричкой; невѣста, а потомъ жена его сына, Чесменскаго—маменькой. „Фаворъ" Маріи Семеновны причинилъ вначалѣ не мало заботъ ея роднымъ. Въ Іюлѣ 1794 г. она писала: „Что касается до моихъ неудовольствіевъ, то они кончились. Поздно перемѣнять правила—доживать такъ вѣкъ, какъ Богъ велитъ". Въ 1797 г. Орловъ уѣхалъ съ семьей за границу, а черезъ нѣкоторое время за ними послѣдовала туда и Бахметева. По воцареніи Александра I графъ вернулся въ Москву и поселился въ Нескучномъ, вмѣстѣ съ Маріей Семеновной. Въ 1802 г. произошла между ними размолвка, и Бахметева переѣхала въ свой домъ, находившійся близъ Нескучнаго. 21 Марта 1802 г. Орловъ писалъ зятю Маріи Семеновны, В. В. Шереметеву: „Во время разлуки вашей своячини съ мужемъ, я съ тѣхъ поръ взялъ на себя попеченіе не оставлять, сказавъ, желаю быть вторымъ отцомъ, отъ чего и не отпираюсь.... У насъ же и съ начала нашего знакомства положено было на словѣ, что можемъ разойтись, когда кто кому не понравится, а я расположенъ былъ и всю мою жизнь вмѣстѣ препроводить, но что же дѣлать, когда такъ случилось". Ссора произошла изъ-за пустяковъ, изъ-за рабочаго (швейнаго) столика. „Швейный столикъ" имѣлъ вообще, повидимому, значеніе въ жизни Бахметевой. Она была большая рукодѣльница и въ 1794 г. вышивала для графа свой портретъ. По словамъ Орлова, Марія Семеновна „чудеса шитьемъ производитъ". Особа живая и веселая, остроумная и злоязычная, она все время была въ хлопотахъ, то покупала родичамъ шали и кисею, то готовила сыры, рисовала, заказывала писать съ себя портретъ миніатюрный для того, чтобы потомъ его вышить шелками, то запоемъ ѣздила по Москвѣ по гостямъ, то сидѣла дома съ „хозяиномъ", который то бывалъ „въ нравѣ хорошъ", а то и „побраниваль". Вдругъ Марія Семеновна начинала вставать „до свѣту", а затѣмъ „зачинала долго спать" и „такая лѣнь, что ни за что приняться не хочется, предалась праздности и занимаюсь чтеніемъ романовъ". По временамъ она скакала на вечера „нарядна и весела" и увѣряла, что вела себя „тихо и благопристойно: по деревамъ не лазила и черезъ ножку не прыгала", временами скакала верхомъ, къ отчаянію родныхъ, увѣряя также, что это ей здорово. „Стараюсь всѣми силами быть aimable, по цѣлому дню рѣзвиться и говорить вздоръ; не знаю, не скучу ли, становлюсь стара!" И почти въ то же время писала: „Всѣ нашли, что я удивительно помолодѣла, вотъ какова телятина! Дѣлъ у меня пропасть, и ничего не дѣлаю, живу, какъ на вѣтру; вы знаете мой манеръ, что все спѣшу".... Вышеупомянутая размолвка продолжалась недолго и не повліяла на теплоту дружбы Орлова и Бахметевой. Въ Маѣ того же 1802 г. Марія Семеновна была у Орлова, въ его „Островѣ". Однако, повидимому, въ Москвѣ она продолжала жить въ своемъ домѣ. Въ 1807 г. Бахметева потеряла своего стараго, вѣрнаго друга. Состояніе М. С. Бахметевой было довольно хорошее: кромѣ дома въ Москвѣ, у нея было нѣсколько имѣній, между прочимъ село Михайловское. Нынѣшній владѣлецъ, графъ С. Д. Шереметевъ, предпринялъ изданіе „Архива села Михайловскаго", и въ I т. мы находимъ чрезвычайно интересную, типичную по колориту и обыденнымъ драгоцѣннымъ мелочамъ переписку Бахметевой съ графиней А. А. Орловой, Чесменскими и родственниками—Львовыми и Шереметевыми. Письма Маріи Семеновны написаны по-русски очень неправильно, но и писать по-французски ей было „затруднительно: пишу, какъ умѣю", говоритъ она въ одномъ мѣстѣ. Когда скончалась Марія Семеновна, намъ неизвѣстно, но въ 1839 г. она еще жила. Къ этому году относится ея письмо къ графинѣ А. С. Шереметевой, съ поздравленіемъ съ семейнымъ торжествомъ. Она гостила въ это время у родныхъ и писала: „Не знаю, когда возвращусь въ свою пустынь, изъ которой не думала никогда выѣзжать, по недостатку силы".

(Съ портрета пастелью, принадлежащаго графу С. Д. Шереметеву, с. Михайловское, Московской губ.)

MARIE SÉMENOWNA BAKHMÉTEFF, 1766—18.., fille du prince Simon Serguéewitch Lvoff, conseiller d'état, procureur du gouvernement de Kalouga, et de Catherine Nikititchna, née Yevleff, était femme de Pierre Alexéewitch Bakhméteff. Dès l'âge de 18 ans, elle allait dans le monde. Bolotoff parle d'elle à propos d'un bal donné par Chépéleff à Kalouga: „J'ai bien regardé les danses, et surtout une excellente danseuse, la princesse Lvoff, bien connue plus tard pour la faveur du feu comte A. Orloff-Tchesmensky". Son mariage fut malheureux: Bakhméteff, veuf d'un certain âge avec un grand fils, était, dit Mme Yankoff, „d'une insolence et d'une grossièreté inouïes, pour tout dire, un vieux beau". Elle ne put le supporter, et le laissa là pour se réfugier chez le comte Alexis Orloff comme chez un père. Toute la maison lui fit un accueil des plus amicaux: la fille du comte, Anne, l'appelait „Ma sœur"; la fiancée, puis femme, de son fils, „Maman". Sa famille à elle lui fit bien quelques difficultés; mais elle écrit en juillet 1794: „Quant à mes ennuis, c'est fini. Il est trop tard maintenant: il faut suivre la voie qu'il plaît à Dieu"... Et lorsqu'en 1797, Orloff partit pour l'étranger avec sa famille, elle les y rejoignit bientôt. A l'avènement d'Alexandre Ier, le comte revint à Moscou et se fixa dans son Néskoutchny avec elle, mais en 1802, à la suite d'une brouille, elle se retira dans sa maison, voisine de Néskoutchny, et, le 21 mars 1802, Orloff écrit à son beau-frère Chérémeteff: „Au moment de la séparation de votre belle-sœur avec son mari, je me suis chargé d'elle en lui promettant de lui servir de père. Je ne m'en dédis pas. Mais dès le début, il a été convenu qu'on pourrait se séparer quand on ne se plairait plus. Moi, je ne demandais pas mieux que de rester toute la vie ensemble, mais que voulez-vous? Ce qui est fait est fait!" On s'était disputé pour une bagatelle, une table à ouvrage! Il paraît donc que ce meuble jouait un grand rôle dans la vie de la jeune femme; grand amateur de travaux d'aiguille, elle avait en 1794 brodé son portrait pour le comte: „Son aiguille", dit-il, „fait des merveilles". Pleine de vivacité et d'entrain, d'esprit et de médisance, elle était toujours affairée, un jour achetant du châle et de la mousseline pour des parents, un autre jour faisant du fromage, puis dessinant, se faisant faire en miniature pour broder le portrait en soie, allant d'une haleine de l'un chez l'autre à Moscou, ou enfin restant à tenir compagnie à „Monsieur", qui tantôt se trouvait de bonne humeur, tantôt la recevait mal. Un moment, elle était sur pied avant le jour; dans d'autres, elle s'éternisait au lit: „Je suis d'une paresse! Je n'ai envie de rien faire. Je perds tout le temps, je ne fais que lire des romans". De temps en temps, elle courait en soirée, „toute parée et joyeuse" et prétendait n'avoir „rien d'agité ni d'inconvenant: je ne monte pas aux arbres et je ne fais pas de cabrioles!" Elle faisait parfois du cheval, au grand désespoir de sa famille, et disait que c'était bon pour sa santé. „Je fais tout ce que je peux pour être aimable; du matin au soir à folâtrer et à babiller! Je ne sais pas, je l'ennuie peut-être, je vieillis!" Et presque en même temps, elle écrit: „Tout le monde m'a trouvée étonnante de jeunesse, fraîche et potelée! J'ai une masse de choses à faire, et tout reste là: mon temps s'évapore!... A ma façon, vous savez: toujours en l'air!".... La brouille en question ne dura pas et n'eut pas de suites: le sentiment ne varia pas. En mai 1802, Mme Bakhméteff est chez Orloff dans son Ostrovo. A Moscou, pourtant, elle semble bien continuer à habiter chez elle. En 1807, elle perd son vieux, son fidèle ami. Elle possédait une assez belle fortune: outre sa maison de Moscou, elle avait encore plusieurs propriétés, entre autres le bourg de Mikhaïlowskoïé, dont le propriétaire actuel, le comte S. Chérémeteff, a entrepris la publication des Archives du bourg de Mikhaïlowskoïé: on y trouve au T. I une correspondance fort intéressante, des plus typiques par son coloris et ses précieux détails de vie quotidienne, celle de Mme Bakhméteff avec la comtesse Alexis Orloff et les Tchesmensky, avec ses parents, les Lvoff et les Chérémeteff. Les lettres de Mme Bakhméteff sont en russe, dans un russe très incorrect, mais en français non plus, „ce n'est pas facile pour moi", dit-elle quelque part; „j'écris comme je peux!" La date de sa mort nous est inconnue, mais en 1839, elle était toujours de ce monde: on a de cette année-là une lettre d'elle à une petite-nièce, la comtesse A. Chérémeteff, qu'elle remercie d'un cadeau et d'un compliment envoyés à l'occasion d'une fête de famille. Elle était à ce moment chez des parents, et dit: „Je ne sais pas quand je rentrerai dans mon ermitage, d'où je n'aurais jamais cru avoir la force de sortir".

(D'après un pastel appartenant au comte S. Chérémeteff, Mikhaïlowskoïé, gouv. de Moscou.)

АННА НИКОЛАЕВНА ЧЕСМЕНСКАЯ, 177.—18.., полька, рожденная Соболевская, въ 1 бракѣ была за шляхтичемъ Піотровскимъ, съ которымъ разошлась, чтобъ сойтись съ побочнымъ сыномъ графа А. Г. Орлова-Чесменскаго, Александромъ Алексѣевичемъ Чесменскимъ. Когда въ 1797 г., съ наступленіемъ новаго царствованія, Орлову разрѣшено было, въ видѣ особой милости, уѣхать за границу, съ нимъ поѣхали дочь его Анна, Чесменскій и въ качествѣ его невѣсты Піотровская, которую всѣ называли „цуркой“ („дочка“); она же называла молоденькую графиню „сестричкой“, старика графа — „благодѣтелемъ“, а близкую къ нему особу, М. С. Бахметеву,—„маменькой“, которую графиня Анна Алексѣевна также считала „сестрицей“. Среди этихъ спутанныхъ родственныхъ наименованій, Бахметева извѣстна была еще подъ прозвищемъ „живописца“. Піотровская часто писала ей въ пути, при чемъ сообщала о своемъ свиданіи съ матушкой и родными, около Гродна, и всякія свѣдѣнія о „благодѣтелѣ“. Въ это время ее больше всего интересовало дѣло развода, и Піотровская, видимо, старается заискать ея расположеніе. Жалуясь на незнаніе русскаго языка, она часто пишетъ Бахметевой нѣжныя письма („Архивъ с. Михайловскаго“): „Мы были бы счастливы, если бы не недостовало живописца, теперечи я чувствую совершенно вашу потерю, хотя этимъ себя утѣшаю, что не на долго“. Въ Апрѣлѣ 1797 г. она писала: „Разводъ мой не кончился; сына моего не видала, мужъ живетъ въ деревнѣ, отъ Гродна 35 верстъ. Не было способу его видѣть, какъ разводъ не конченъ, то совѣтовали лучше оставить это намѣреніе. Сказывали, что его очень онъ любитъ, и что онъ очень счастливъ будетъ. Пишете, моя милая, желали бы выдать замужъ скорѣй свою цурку и радоваться внучатами, но еще извольте подождать“. Декретъ о разводѣ получился въ Теплицѣ 20 Іюня 1797 г., но старикъ графъ не сразу отдалъ желанную бумагу и шутилъ надъ соломенной вдовой, которая, „какъ изрядная плакуня,—то дѣло до слезъ дошло! А теперь занимаюсь пріятнымъ воображеніемъ, что скоро всѣ мои желанія совершатся и все мое благополучіе начнется, и это счастіе продлится на цѣлую мою жизнь“. Изъ Лейпцига графъ Орловъ писалъ одному изъ своихъ управителей: „Вотъ тебѣ новенькое скажу: г-жа Петровская у насъ пропала, а на мѣсто ея сдѣлали госпожею Чесменскою. Они ѣздили въ Дрезденъ, тамъ обвѣнчались. Даруй Боже имъ и дѣтей нажить, а мнѣ бы на нихъ радоваться“. Однако, радоваться не пришлось: внуковъ не родилось; къ удивленію, и „счастье“, къ которому такъ стремилась Піотровская, не „продлилось на всю жизнь“. Въ 1816 и 1817 гг., по словамъ Чесменской, мужъ ея „по беззаконной страсти“ къ дочери отставного полковника Екатеринѣ Жеребцовой убѣдилъ ее „согласиться на формальный разводъ, обнадеживъ выдать ей единовременно 120/т. рублей, при чемъ взялъ отъ нея письмо, въ коемъ она показывала, что будто по болѣзни не способна къ супружескому сожитію“. Чесменскій, однако, не исполнилъ обѣщанія. Тогда она подала жалобу, что мужъ ея безъ развода повѣнчался съ Жеребцовой. Чесменскій, въ свою очередь, выставлялъ на видъ „преступленіе жены съ коллежскимъ совѣтникомъ Михельсономъ“. Возникло дѣло о двоеженствѣ Чесменскаго, прекратившееся за его смертью. Одновременно возникъ и другой процессъ: отставной коллежскій совѣтникъ Андрей Михельсонъ просилъ признать его бракъ (съ 1807 г.) съ разведенной женой генерала Бровцына, дочерью майора Акулиной Васильевной Кашкаровой недѣйствительнымъ. Жена жаловалась и показывала, что Михельсонъ въ 1817 г. бросилъ ее съ дѣтьми, безъ средствъ, „имѣетъ связь и намѣренъ вступить въ супружество“ съ Чесменской. Есть основаніе думать, что это впослѣдствіи и осуществилось. Когда она умерла, намъ неизвѣстно. А. А. Чесменскій умеръ, „не имѣвъ дѣтей и безроднымъ“, въ Москвѣ 27 Февраля 1820 года.

Происхожденіе Чесменскаго, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно. Кто была его мать? Родился онъ въ 1762/3 г. и первое время въ перепискѣ братьевъ просто назывался „Алексаша“. Послѣ Чесмы онъ получилъ свою фамилію и былъ утвержденъ въ дворянствѣ. Служа въ Конной гвардіи, а потомъ въ арміи, Чесменскій участвовалъ во многихъ бояхъ Турецкой, Шведской и Польской кампаній и заслужилъ Георгія 4 степени. Павелъ уволилъ его отъ службы бригадиромъ, умеръ же онъ въ отставкѣ генералъ-майоромъ. Онъ былъ „чрезвычайно красивый мужчина“, и одно время его прочили въ фавориты. Куріозно, что на памятникѣ его († 27 Февраля 1820 г., 57 лѣтъ), въ Донскомъ монастырѣ, написано: „Да призритъ Господь неутѣшную мать, какъ призрила она тебя симъ памятникомъ“. Значитъ мать его была еще жива!

(Съ миніатюры, принадлежащей Е. А. Евреиновой, С.-Петербургъ.)

ANNE NIKOLAEWNA TCHESMENSKY, 177.—18.., polonaise, née Sobolewsky, épousa en premières noces le noble polonais Piotrowsky, dont elle se sépara pour aller avec un fils naturel du comte A. Orloff-Tchesmensky, Alexandre Alexéewitch Tchesmensky. Lorsqu'en 1797, au début du nouveau règne, Orloff obtint, par faveur spéciale, l'autorisation d'aller à l'étranger, il partit accompagné de sa fille Anne et de Tchesmensky avec Mme Piotrowsky passant pour sa fiancée, traitée par tout le monde comme fille de la maison et appelant „Ma Sœur" la jeune comtesse, „Bon Papa" le vieux comte et „Maman" une amie de celui-ci, Mme Bakhméteff, avec laquelle la comtesse Anne était également sur un pied fraternel. Dans cette parenté embrouillée, Mme Bakhméteff était encore désignée du sobriquet de l'Artiste. Mme Piotrowsky lui écrivit pendant le voyage, lui donnant des détails sur son entrevue avec sa mère et ses parents, aux environs de Grodno, avec toute sorte de nouvelles de „Bon Papa"; la sachant préoccupée surtout de la question du divorce, elle tient à entrer dans ses bonnes grâces et lui écrit souvent sur un ton affectueux (Archives du bourg de Mikhaïlowskoïé), tout en se plaignant de savoir mal le russe: „Nous serions heureux si nous n'étions pas sans notre Artiste; je sens bien maintenant comme vous nous manquez, mais je me console en pensant que ce n'est pas pour longtemps". Elle dit encore en avril 1797: „Mon divorce n'est pas terminé. Je n'ai pas vu mon fils; mon mari est dans une campagne à 35 verstes de Grodno, et il n'y a pas eu moyen de le voir. Comme le divorce n'est pas fait, on m'a conseillé d'y renoncer; on m'a dit qu'il l'aimait bien, et qu'il sera très heureux. Ecrivez-moi, ma chérie. Vous voudriez bien marier votre fille et vous voir heureuse grand'mère, mais il faut attendre encore". Le décret de divorce fut obtenu à Tœplitz le 20 juin 1797, mais le vieux comte ne donna pas tout de suite le papier désiré, et plaisanta la jeune veuve, qui „a la larme facile et s'en est donné de pleurer! Et maintenant, je suis toute à l'agréable pensée que bientôt mes vœux vont s'accomplir et que ce sera le commencement d'un bonheur de toute la vie!" De Leipzig, le comte Orloff écrit à un de ses intendants: „J'ai du nouveau à t'annoncer. Plus de Mme Piotrowsky! Elle est changée en Mme Tchesmensky. Ils sont allés se marier à Dresde. Dieu leur donne beaucoup d'enfants! Je serai heureux grand-père". Cette joie ne lui était pas réservée: il n'y eut pas de petits-enfants. Et le bonheur escompté par Mme Piotrowsky ne fut pas non plus celui „de toute la vie". En 1816 et 1817, son mari, raconte Mme Tchesmensky, sous l'empire d'une „illégitime passion" pour la fille d'un colonel retraité, Catherine Jérebtzoff, obtint „son consentement à un divorce formel en lui promettant une indemnité une fois payée de 120.000 roubles; en même temps il se fit remettre une lettre où elle se déclarait pour raisons de santé impropre à la vie en commun". Mais ensuite, ne pouvant obtenir le versement de la somme promise, elle déposa contre lui une plainte en bigamie, l'accusant de s'être remarié sans être divorcé. Lui, à son tour, allégua „l'adultère avec le conseiller de collège Michelson". Le procès de bigamie fut interrompu par la mort de l'inculpé. D'autre part, un second procès s'engageait: le conseiller de collège en retraite André Michelson réclamait la cassation de son mariage, contracté en 1807 avec la femme divorcée du général Brovtzyne, née Akouline Vassiliewna Kachkaroff. Celle-ci, de son côté, l'accusait de l'avoir abandonnée sans ressources avec ses enfants et „d'être en relations et d'avoir l'intention de se marier" avec Mme Tchesmensky. On a tout lieu de croire que ce mariage se fit en effet. La date de la mort de Mme Tchesmensky est inconnue. Quant à Tchesmensky, il mourut à Moscou le 27 février 1820, „sans enfants ni famille".

L'origine de Tchesmensky nous est malheureusement inconnue. Qui était sa mère? Il naquit en 1762 ou 1763, et longtemps les frères Orloff dans leur correspondance l'appellent simplement Alexacha. Après Tchesmé, il reçut son nom et la confirmation de sa noblesse. A la Garde à cheval, puis à l'Armée, il fit les guerres de Turquie, de Suède et de Pologne, et gagna St-Georges de 4e classe. Paul le mit en non-activité brigadier, et il mourut général major en retraite. C'était „un fort bel homme", et un moment on le désigna comme favori. Chose curieuse, on lit sur son monument au monastère Donskoï: „† 27 février 1820, 57 ans. Dieu prenne sous sa garde la mère inconsolable, comme elle te remet sous celle de ce monument!" Sa mère était donc encore en vie!

(D'après une miniature appartenant à Mlle C. Evréinoff, St-Pétersbourg.)

117

ИЛЬЯ ИПАТОВИЧЪ МУХАНОВЪ, 1724—1799, сынъ флота капитанъ-командора Ипата Калиныча Муханова (р. 1677 г., † 1729 г.), отъ второго его брака съ княжной Маріей Ивановной Шаховской (р. 1698 г., † 1727 г.), родился 11 Іюля 1724 года. Онъ рано лишился родителей.

По разсказу его внучки, М. С. Мухановой, его отецъ, умирая, поручилъ сына своему слугѣ, помимо всѣхъ родственниковъ. „Слуга вѣрно исполнилъ завѣтъ своего господина: отвезъ молодого своего барина въ кадетскій корпусъ, тогда только-что устроенный; всякую субботу бралъ его домой, ходилъ съ нимъ въ баню, а въ воскресенье привозилъ къ роднымъ на цѣлый день". О службѣ Муханова не сохранилось почти никакихъ извѣстій. Онъ служилъ въ Конной гвардіи и въ 1764 г. уволенъ отъ службы, съ чиномъ полковника. Вѣроятно, послѣ этого онъ служилъ въ гражданской службѣ, потому что въ 1790 г. получилъ чинъ статскаго совѣтника. Мухановъ по обѣту выстроилъ церковь въ своемъ селѣ Успенскомъ. Скончался онъ 22 Марта 1799 года.

И. И. Мухановъ былъ женатъ на Прасковьѣ Ѳедоровнѣ Сафоновой (р. 1727 г., † 1790 г.) и имѣлъ отъ нея одну дочь Марію, за Алексѣемъ Степановичемъ Колычевымъ, и 7 сыновей: Алексѣя (дѣйств. статскій совѣтникъ, сенаторъ; † 1836 г.), Ивана (дѣйств. статскій совѣтникъ, управляющій Московскимъ Коммерческимъ банкомъ), Дмитрія, Николая (бригадиръ; р. 1760 г., † 1843 г.), Сергѣя (дѣйств. тайный совѣтникъ, оберъ-шталмейстеръ; р. 1762 г., † 1842 г.), Александра (дѣйств. статскій совѣтникъ, шталмейстеръ, Казанскій и Рязанскій губернаторъ; р. 1766 г., † 1815 г.) и Михаила.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Сергія Александровича.)

117

ÉLIE IPATOWITCH MOUKHANOFF, 1724—1799, fils du capitaine commandant de la marine Hypathe Kalinytch Moukhanoff (1677—1729) et de sa seconde femme la princesse Marie Ivanowna Schakhowskoï (1698—1727), naquit le 11 juillet 1724, et perdit ses parents de bonne heure.

Au témoignage de sa petite-fille, Mlle M. Moukhanoff, son père en mourant le confia à un domestique, à l'exclusion de toute la famille. „Cet homme accomplit ponctuellement les instructions de son maître: il mit son jeune maître au Corps des Cadets qui venait d'être fondé, allant le chercher tous les samedis pour le conduire au bain et le mener le dimanche passer la journée dans sa famille". On ne sait presque rien de la carrière de Moukhanoff. Il servit à la Garde à cheval et prit sa retraite en 1764 comme colonel. Il est probable qu'il passa ensuite au service civil, car il fut fait conseiller d'état en 1790. On sait aussi qu'à la suite d'un vœu il construisit une église dans son bourg d'Ouspenskoïé. Il mourut le 22 mars 1799.

Moukhanoff avait épousé Prascovie Féodorowna Safonoff (1727—1790), dont il eut une fille, Marie, mariée à Alexis Stépanowitch Kolytcheff, et sept fils, Alexis († 1836), conseiller d'état actuel, sénateur, Ivan, conseiller d'état actuel, gérant de la banque de commerce de Moscou, Dmitri, Nicolas (1760—1843), brigadier, Serge (1762—1842), conseiller privé actuel, grand écuyer, Alexandre (1766—1815), conseiller d'état actuel, écuyer, gouverneur de Kazan et Riazan, et Michel.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Serge Alexandrowitch.)

АННА НИКИТИЧНА НАРЫШКИНА, 1730—1820, дочь генералъ-майора Никиты Ивановича Румянцова, отъ брака его съ княжной Маріей Васильевной Мещерской, родилась 11 Февраля 1730 года; во время пребыванія въ Москвѣ Императрицы Елисаветы, со всѣмъ Дворомъ, состоялось, 8 Октября 1749 г., бракосочетаніе ея съ камергеромъ Великаго Князя Петра Ѳеодоровича, Александромъ Александровичемъ Нарышкинымъ (р. 1726 г., † 1795 г.). По приказанію Императрицы, Великая Княгиня Екатерина Алексѣевна, несмотря на сильное нездоровье, убирала невѣсту къ вѣнцу и сопровождала молодыхъ послѣ свадьбы въ приготовленный для нихъ домъ. Вскорѣ затѣмъ А. А. Нарышкинъ былъ назначенъ гофмейстеромъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ, и между Великой Княгиней и А. Н. Нарышкиной установились близкія, дружескія отношенія, не прерывавшіяся до смерти Екатерины. Молодая и жизнерадостная Великая Княгиня въ томившей ее тяжелой, поднадзорной обстановкѣ Великокняжескаго двора, преисполненной мелкихъ сплетенъ и подозрѣній, нашла въ А. Н. Нарышкиной не только веселую подругу въ ея незатѣйливыхъ домашнихъ увеселеніяхъ, но и преданную пособницу въ своихъ любовныхъ интригахъ. У нея происходили и при ея содѣйствіи устраивались свиданія Великой Княгини съ Понятовскимъ; въ первой части своихъ записокъ Екатерина II часто упоминаетъ о своей близости къ четѣ Нарышкиныхъ, благодаря ихъ общительному характеру. И по восшествіи на престолъ, и до самой кончины Императрицы А. Н. Нарышкина оставалась ея самымъ близкимъ другомъ, наперсницею ея сердечныхъ тайнъ, съ которой считались и которую задабривали даже вліятельнѣйшіе изъ фаворитовъ. Екатерина оказывала Аннѣ Никитичнѣ явное предпочтеніе даже передъ княгиней Дашковой и предпочитала ея общество обществу послѣдней: въ Маѣ 1788 г. Храповицкій отмѣчаетъ сдѣланное въ Царскосельскомъ дворцѣ распоряженіе очистить комнаты для А. Н. Нарышкиной, для чего былъ „выведенъ Совѣтъ, но такъ расположено, чтобы не было комнатъ для княгини Дашковой: Съ одною хочу проводить время, а съ другою нѣтъ; онѣ же и въ ссорѣ за клокъ земли!“ Къ посредничеству А. Н. Нарышкиной прибѣгала Екатерина и въ трудное для нея время разрыва съ Мамоновымъ, при чемъ Анна Никитична и тутъ явила себя преданнымъ другомъ Императрицы, присутствуя при ея тяжелыхъ объясненіяхъ съ фаворитомъ, котораго, какъ писала Екатерина Потемкину, она „такъ разбранила, какъ никогда въ жизни еще я не слыхала, чтобы кто-нибудь бранился“. Она утѣшала Екатерину, проводя съ ней наединѣ цѣлые часы, и скоро въ этомъ успѣла: мѣсто Мамонова занялъ Зубовъ, и при Дворѣ ни для кого не было секретомъ, что „дѣло шло черезъ Анну Никитишну“.

Придворныя отличія и почести, сыпавшіяся на Александра Александровича Нарышкина, скончавшагося въ 1795 г. оберъ-шенкомъ, дѣйствительнымъ камергеромъ и кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго, не миновали и его супруги: 15 Сентября 1773 г., въ день мѵропомазанія Великой Княгини Наталіи Алексѣевны, первой супруги Великаго Князя Павла Петровича, она была пожалована въ статсъ-дамы; 20 Марта 1787 г. получила орденъ св. Екатерины, присланный ей Императрицею изъ Кіева; 12 Ноября 1796 г. назначена была Императоромъ Павломъ гофмейстериною Высочайшаго двора. Скончалась Нарышкина, 90 лѣтъ, 2 Февраля 1820 года и погребена, рядомъ съ мужемъ, въ Невской лаврѣ, въ палаткахъ Благовѣщенской церкви. Дѣтей Анна Никитична Нарышкина не имѣла; объ этомъ обстоятельствѣ имѣется куріозное замѣчаніе Екатерины II въ ея запискахъ: „Этотъ бракъ имѣлъ не болѣе послѣдствій, чѣмъ нашъ; это сходство въ положеніи Нарышкиной и моемъ много способствовало дружеской связи, которая долго насъ соединяла; мое состояніе измѣнилось по прошествіи девяти лѣтъ, считая со дня моей свадьбы, но она и понынѣ находится въ томъ же положеніи, а уже 24 года, какъ замужемъ“. Въ ходившемъ по рукамъ при Дворѣ въ 1765 году сатирическомъ сочиненіи на придворныхъ лицъ „Catalogue de livres modernes“ значилось: № 44 „La virginité à toute épreuve“—par Mme Narichkine (M. son mari prend sur lui la critique de cette pièce, mais elle n'a pas encore paru en public)“.

(Съ миніатюры, находящейся въ Историческомъ музеѣ, въ Москвѣ.)

ANNE NIKITITCHNA NARYCHKINE, 1730—1820, fille du général major Nikita Ivanowitch Roumiantzeff et de Marie Vassiliewna, née princesse Mechtchersky, naquit le 11 février 1730. Elle épousa à Moscou le 8 octobre 1749, pendant le séjour de l'Impératrice Elisabeth et de toute la Cour, Alexandre Alexandrowitch Narychkine (1726—1795), chambellan du Grand-Duc Pierre Féodorowitch: sur l'ordre de l'Impératrice, la Grande-Duchesse Catherine dut, malgré une forte indisposition, faire la toilette de la mariée, et, après la cérémonie, reconduire les jeunes époux chez eux. Peu après, Narychkine fut nommé maître de la Cour de LL.MM., et de ce temps date la bonne et étroite amitié qui dura jusqu'à la mort entre sa femme et la Grande-Duchesse. Jeune et exubérante de vie, celle-ci trouva en Mme Narychkine, dans l'étouffante atmosphère inquisitoriale de sa Cour, repaire de toute espèce d'intrigues et d'espionnages, non seulement une joyeuse compagne de ses innocentes distractions, mais aussi une intermédiaire dévouée de ses intrigues amoureuses, qui donna asile, par exemple, et prêta son concours à ses entrevues avec Poniatowsky. Elle parle souvent dans la première partie de ses Mémoires de son intimité avec les Narychkine en raison de leur humeur sociable. Aussi, depuis son avènement et jusqu'à sa mort, sa maîtresse de la Cour resta-t-elle sa meilleure amie et une confidente de ses affaires de cœur avec laquelle eurent à compter et transiger jusqu'aux plus influents favoris. Elle lui accordait une préférence manifeste même sur la princesse Dachkoff, dont elle aimait moins la société. En mai 1788, Khrapovitzky note l'ordre donné au palais de Tzarskoïé Sélo de rendre un appartement libre pour Mme Narychkine, et, à cet effet, de „déplacer le Conseil, mais en ayant soin de ne rien laisser pour la princesse Dachkoff: je veux la société de l'une et pas celle de l'autre; et puis elles se disputent pour un lopin de terre". Ce fut encore Mme Narychkine qui vint à l'aide de Catherine aux jours difficiles de la rupture avec Mamonoff: elle s'y montra bien l'amie dévouée qu'elle était, assistant aux pénibles explications avec le favori, auquel, écrit l'Impératrice à Potemkine, „elle dit une volée de sottises comme je n'en ai de ma vie entendu dire". Elle prodigua à Catherine ses consolations, passant en tête-à-tête avec elle des heures entières, et non sans succès: Mamonoff fit place à Zouboff, et son rôle dans l'affaire ne fut un secret pour personne à la Cour.

Des distinctions de toute espèce prodiguées à Narychkine, qui mourut en 1795 grand échanson, chambellan actuel et chevalier de St-André, sa femme eut aussi sa part: le 15 septembre 1773, le jour de la confirmation de la Grande-Duchesse Natalie Alexéewna, première femme du Grand-Duc Paul, elle fut faite dame d'honneur; l'Impératrice lui envoya de Kieff l'ordre de Ste-Catherine le 20 mars 1787, et Paul Ier la fit le 12 novembre 1796 maîtresse de sa Cour. Elle mourut à 90 ans, le 2 février 1820, et fut inhumée près de son mari au monastère d'Alexandre Newsky, dans l'église de l'Annonciation. Elle n'eut pas d'enfants; on trouve à ce sujet une mention curieuse de Catherine II dans ses Mémoires: „Cette noce n'eut pas plus de suite que la nôtre; cette uniformité de situation entre Madame Nariskin et moi contribua beaucoup à la liaison d'amitié qui a longtemps subsisté entre elle et moi; ma situation changea au bout de neuf ans à compter du jour de ma noce, mais la sienne est toujours la même jusqu'aujourd'hui, qu'il y a vingt-quatre ans qu'elle est mariée". Et une satire de la Cour qui circulait sous le manteau en 1765, intitulée Catalogue de Livres modernes, renferme l'indication suivante: „№ 44, La Virginité à toute épreuve, par Mme Narichkine (M. son mari prend sur lui la critique de cette pièce, mais elle n'a pas encore paru en public)".

(D'après une miniature du Musée Historique de Moscou.)

114

Василій Сергѣевичъ Шереметевъ,
1752 — 1831

Basile Serguéewitch Chéréméteff,
1752 — 1831

115

Марія Семеновна Бахметева,
176 . — 18 . .

Marie Sémenowna Bakhméteff,
176 . — 18 . .

116

Анна Николаевна Чесменская,
17 . . — 18 . .

Anne Nikolaewna Tchesmensky,
17 . . — 18 . .

117

Илья Ипатовичъ Мухановъ,
1724 — 1799

Elie Ipatowitch Moukhanoff,
1724 — 1799

118

Анна Никитична Нарышкина,
1730 — 1820

Anne Nikitichna Narychkine,
1730 — 1820

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи
№ 3966

ИВАНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ РИМСКІЙ-КОРСАКОВЪ, 1754—1831, генералъ-адъютантъ Императрицы Екатерины II, сынъ смоленскаго дворянина Николая Степановича, родился 24 Января 1754 года; началъ службу въ Конной гвардіи, а затѣмъ переведенъ былъ въ Кирасирскій полкъ, съ которымъ, въ чинѣ капитана, участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Польшѣ. Когда фаворитъ Императрицы, Зоричъ, лишился значенія при дворѣ, Потемкинъ рекомендовалъ на его мѣсто Корсакова, обладавшаго весьма изящной фигурой. Въ Іюнѣ 1778 г. Корсаковъ назначенъ былъ флигель-адъютантомъ, а затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, пожалованъ былъ въ дѣйствительные камергеры, генералъ-майоромъ и, наконецъ, генералъ-адъютантомъ; Польскій король пожаловалъ ему орденъ Бѣлаго Орла, который онъ постоянно носилъ, почему и былъ прозванъ въ Москвѣ „Польскимъ королемъ“; въ то же время Корсаковъ получилъ до 4000 душъ и на полмилліона подарковъ. Корсаковъ любилъ музыку, пѣніе, обладалъ хорошимъ голосомъ. Екатерина прозвала его Пирромъ, царемъ Эпирскимъ, и какъ-то, говоря съ Орловымъ о фаворитѣ, сказала, что онъ поетъ, какъ соловей. „Это правда“, замѣтилъ Орловъ, „но вѣдь соловьи поютъ только до Петрова дня“. Величіе Корсакова было, дѣйствительно, лишь мимолетное. Связь съ пріятельницей Екатерины II, графиней П. А. Брюсъ, рожденной графиней Румянцовой (р. 1729 г., † 1786 г.), погубила Корсакова во мнѣніи Екатерины, и уже въ Октябрѣ 1779 г. онъ удалился въ Москву, куда за нимъ послѣдовала увлеченная имъ графиня Екатерина Петровна Строганова (р. 1744 г., † 1815 г.; см. т. I, № 86), супруга графа Александра Сергѣевича Строганова. Въ царствованіе Павла I И. Н. Корсаковъ былъ сосланъ въ Саратовъ, гдѣ оставался, впрочемъ, не долго, послѣ чего до конца дней жилъ въ Москвѣ.

Погребенъ онъ въ своемъ селѣ Братцовѣ, близъ Москвы; на памятникѣ его слѣдующая надпись: „Господи, упокой душу раба твоего Іоанна. Здѣсь погребено тѣло генералъ-майора, дѣйствительнаго камергера и разныхъ орденовъ кавалера Ивана Николаевича Римскаго-Корсакова, скончавшагося 1831 г., Февраля 16 дня, на 76 году своей жизни. Благодѣтелю незабвенному“. Памятникъ былъ воздвигнутъ сыномъ Корсакова и графини Е. П. Строгановой, В. Н. Ладомирскимъ.

Корсаковъ любилъ пышность и въ Москвѣ былъ однимъ изъ послѣднихъ вельможъ вѣка Екатерины, пудрился, носилъ шитый золотомъ и каменьями камзолъ и ѣздилъ въ каретѣ цугомъ. Онъ любилъ устраивать праздники, лукулловскіе обѣды, былъ веселый и щедрый человѣкъ, не лишенный доли самодурства: онъ способенъ былъ, напримѣръ, накормить своихъ гостей галчатами, подъ видомъ „павлинятъ“. Его домъ на Тверскомъ бульварѣ, съ большимъ, великолѣпнымъ садомъ, съ бесѣдками, статуями и прудами, посѣщался всей Москвой. А. Я. Булгаковъ пользовался его „дружбой“, и Корсаковъ умеръ на его глазахъ. „Очень жаль мнѣ добраго старика“, писалъ Булгаковъ брату, „онъ съ роду зла никому не сдѣлалъ, а много дѣлалъ добра. Натура была у него каменная, но онъ былъ упрямъ и не слушался докторовъ. Любилъ я слушать его разсказы о временахъ его случая“. Въ послѣдніе 2 года его жизни почти одинъ Булгаковъ не забывалъ Корсакова, который „сдѣлался дикъ, запустилъ бороду, не снималъ халата, но былъ ему всегда радъ“, и даже отдалъ Булгакову письма къ нему Екатерины (см. Русск. Архивъ, 1879 г.). По отзыву Гельбига, „онъ былъ болѣе любезенъ, чѣмъ красивъ, но по внѣшности былъ на рѣдкость изященъ; обладалъ даромъ пріятной бесѣды и здравымъ смысломъ, хотя не имѣлъ образованія“. По словамъ другого современника, князя И. М. Долгорукаго, Корсаковъ былъ „человѣкомъ, который ничего, кромѣ себя, не любилъ; тщеславный богачъ, не одаренный ничѣмъ отъ природы и обязанный одной слѣпой фортунѣ, пригожему лицу и юности минутнымъ блескомъ своимъ у трона! Онъ жилъ съ теткой моей (графиней Строгановой) въ одномъ домѣ, у нихъ были и общія дѣти“.

Дѣти Корсакова получили дворянство и фамилію Ладомирскихъ; кромѣ сына Василія, было еще 2 дочери: Зинаида (за княземъ Д. М. Голицынымъ) и Софья (за графомъ А. А. Апраксинымъ).

(Съ миніатюры, принадлежащей г. Вейденбауму, въ Москвѣ.)

IVAN NIKOLAEWITCH RIMSKY-KORSAKOFF, 1754—1831, général aide de camp de l'Impératrice Catherine II, fils d'un noble de Smolensk, naquit le 24 janvier 1754. Il prit d'abord du service à la Garde à cheval, puis passa aux cuirassiers, avec lesquels il fit comme capitaine la campagne de Pologne. Lors de la disgrâce du favori Zoritch, Potemkine le recommanda à l'Impératrice en raison de son physique extrêmement avantageux. En juin 1778, il fut nommé aide de camp de S. M., puis, dans l'espace de quelques mois, fait chambellan actuel, général major et enfin général aide de camp. Le roi de Pologne lui conféra l'ordre de l'Aigle d'Or, sans lequel il ne se montrait jamais, ce qui le fit surnommer à Moscou le Roi de Pologne; en même temps, il ne reçut pas moins de 4000 têtes de paysans et des cadeaux pour un demi-million. Il aimait la musique et le chant et possédait une belle voix. Catherine l'avait surnommé Pyrrhus, roi d'Epire; un jour, en parlant de lui avec Orloff, elle dit qu'il chantait comme un rossignol. „C'est vrai", répliqua Orloff, „mais les rossignols ne chantent que jusqu'à la St-Pierre". Et, de fait, la grandeur de Korsakoff fut éphémère. Sa liaison avec une amie de Catherine, la comtesse Bruce, née comtesse Roumiantzeff (1729—1786), le perdit dans l'esprit de l'Impératrice, et, dès octobre 1779, il se retira à Moscou, où le suivit la comtesse Catherine Pétrowna Stroganoff (1744—1815; v. T. I, № 86), femme du comte Alexandre Serguéewitch Stroganoff, qui s'était éprise de lui. Sous Paul Ier, Korsakoff fut exilé à Saratoff, où, du reste, il ne resta pas longtemps; il revint à Moscou, qu'il habita jusqu'à la fin de ses jours.

Il fut inhumé dans ses propriétés de Bratzovo, près Moscou; son monument porte l'inscription suivante: „Seigneur, donne le repos à l'âme de ton serviteur Jean. Ici repose le corps du général major, chambellan actuel et chevalier de divers ordres Ivan Nikolaewitch Rimsky-Korsakoff, décédé le 16 février 1831 dans sa 76e année. A notre bienfaiteur, souvenir éternel". Le monument fut élevé par le fils de Korsakoff et de la comtesse Stroganoff, B. Ladomirsky.

Korsakoff aimait le faste et fut à Moscou un des derniers grands seigneurs du siècle de Catherine, se poudrant, portant un habit brodé d'or et de pierres précieuses et ne sortant qu'en attelage à la Daumont. Il se plaisait à organiser des fêtes, des repas de Lucullus; gai et prodigue, il n'était pas sans une pointe d'extravagance: il était homme, par exemple, à annoncer à ses convives des jeunes paons et à leur faire manger de la corneille. Sa maison du boulevard de Tver, avec ses grands et magnifiques jardins, ses kiosques, ses statues et ses pièces d'eau, était fréquentée par tout Moscou. Il était très lié avec Alexandre Boulgakoff, qui fut témoin de ses derniers moments et écrivit ensuite à son frère: „C'est bien triste, ce pauvre vieux! De sa vie il n'a fait de mal à personne, et il a fait beaucoup de bien. Physiquement, il était de fer, mais il avait l'entêtement de ne pas écouter les médecins. J'aimais bien l'entendre parler du temps de sa faveur". Dans les deux dernières années de sa vie, il n'y avait guère que Boulgakoff qui ne l'eût pas oublié: „Il était devenu sauvage, laissait pousser sa barbe et ne quittait plus sa robe de chambre, mais quand je venais, j'étais toujours bien reçu". Il remit même à Boulgakoff les lettres qu'il avait reçues de Catherine II (v. Archive Russe, 1879). Selon Helbig, „il était plus agréable que beau, mais d'une élégance peu commune; quoique sans instruction, il avait de la conversation et du bon sens". Un autre contemporain, le prince I. Dolgorouky, le représente comme „un homme qui n'aimait personne que lui, un richard vaniteux et nul, qui ne dut qu'à la fortune aveugle, à son visage agréable et à sa jeunesse l'éclat dont il brilla un moment près du trône! Il habitait la même maison que ma tante" (la comtesse Stroganoff); „ils avaient même des enfants".

Les enfants de Korsakoff reçurent la noblesse et le nom de Ladomirsky; outre son fils Basile, il avait encore deux filles, Zénaïde, mariée au prince D. Golitzyne, et Sophie au comte A. Apraxine.

(D'après une miniature appartenant à M. Weidenbaum, Moscou.)

Графъ ВАЛЕРІАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ЗУБОВЪ, 1771—1804, младшій братъ фаворита, родился 28 Ноября 1771 года и началъ службу въ Конной гвардіи, гдѣ 17 лѣтъ произведенъ въ корнеты. Послѣ возвышенія Платона Зубова онъ, превосходя брата красотой, обратилъ на себя особенное вниманіе Государыни, и изъ опасенія, что онъ сдѣлается соперникомъ брата, его отправили въ армію къ Потемкину. Присланный курьеромъ съ извѣстіемъ о взятіи Бендеръ, Зубовъ былъ пожалованъ во флигель-адъютанты и получилъ орденъ св. Георгія 4 ст.; возвратясь въ армію, онъ отличился при штурмѣ Измаила; въ 1792 г. былъ пожалованъ въ генералъ-майоры; въ 1793 г., возведенный со всей фамиліей въ графское достоинство, получилъ орденъ св. Александра Невскаго; въ 1794 г. участвовалъ въ войнѣ съ Польшей, гдѣ, по свидѣтельству современника, „всюду оставлялъ слѣды своего безразсудства и жестокости“. Во время преслѣдованія одного польскаго отряда лишился ноги, оторванной ядромъ; за Польскій походъ получилъ орденъ св. Георгія 3 ст. и чинъ генералъ-поручика и въ томъ же 1794 г. — звѣзду св. Андрея Первозваннаго. Въ 1796 г. графъ Зубовъ былъ назначенъ главнокомандующимъ войсками, посланными противъ Персіи, для приведенія въ исполненіе проекта князя Платона Зубова, мечтавшаго о завоеваніи всей западной Азіи до Индіи, и передъ отъѣздомъ въ армію пожалованъ въ генералъ-адъютанты. Были взяты Дербентъ и Баку; однако, война шла не такъ успѣшно, какъ ожидали въ Петербургѣ, тѣмъ не менѣе 25-лѣтній главнокомандующій получилъ звѣзду св. Георгія 2 ст. и чинъ генералъ-аншефа. Павелъ I прекратилъ войну, и Зубовъ долженъ былъ удалиться въ пожалованныя ему Екатериной II Курляндскія имѣнія, которыя въ 1799 г. были взяты въ казну, въ виду недочета суммъ по Персидскому походу. Эти имѣнія были потомъ ему возвращены, и въ 1800 г. онъ назначенъ директоромъ 2-го Кадетскаго корпуса въ Петербургѣ; при Александрѣ I онъ былъ пожалованъ въ члены Государственнаго Совѣта.

Графъ В. А. Зубовъ былъ женатъ на красавицѣ полькѣ, вдовѣ графинѣ Маріи Ѳедоровнѣ Потоцкой, рожденной княжнѣ Любомірской; дѣтей не имѣлъ. Умеръ, всего 33 лѣтъ, 21 Іюня 1804 г. и погребенъ въ Сергіевой пустыни, близъ Петербурга, подъ церковью, построенной его братьями въ основанномъ ими здѣсь инвалидномъ домѣ.

Современники не сходятся въ оцѣнкѣ нравственныхъ качествъ графа В. А. Зубова. Одни говорятъ, что его внутреннія свойства не соотвѣтствовали его красивой внѣшности. Человѣкъ далеко не умный, но менѣе ограниченный, чѣмъ его знаменитый братъ, Зубовъ, легкомысленный, развратный и расточительный, былъ злопамятенъ и жестокъ. Другіе, напримѣръ Державинъ, напротивъ, отзываются съ большой похвалой о его храбрости, благородствѣ и честности.

(Съ миніатюры Ритта; собственность князя А. А. Куракина, въ С.-Петербургѣ.)

БИБЛІОТЕКА
Пермской
Художественной Галлереи
№ 3966

Le comte **VALÉRIEN ALEXANDROWITCH ZOUBOFF**, 1771—1804, frère cadet du favori, naquit le 28 novembre 1771 et commença sa carrière à la Garde à cheval, où il fut, à l'âge de 17 ans, promu cornette. Plus bel homme encore que son frère Platon, il attira, lors de l'entrée en faveur de celui-ci, l'attention particulière de l'Impératrice, et, pour l'empêcher de devenir le rival de son frère, on l'envoya à l'armée de Potemkine. Lorsqu'il revint en courrier avec la nouvelle de la prise de Bender, il fut nommé aide de camp de Sa Majesté et décoré de St-Georges de 4e classe; de retour à l'armée, il se distingua à l'assaut d'Izmaïl, en 1792, fut promu général major, en 1793, élevé avec toute sa famille à la dignité de comte et décoré de St-Alexandre Newsky. En 1794, il fit la campagne de Pologne et, au témoignage d'un contemporain, „laissa partout des traces de son incohérence et de sa cruauté"; dans la poursuite d'un détachement polonais, il eut une jambe emportée par un boulet: la campagne lui valut l'ordre de St-Georges de 3e classe, le grade de général lieutenant, et, la même année, l'étoile de St-André. En 1796, il fut mis à la tête des troupes envoyées contre la Perse en exécution du projet de conquête, élaboré par Platon Zouboff, de toute l'Asie occidentale jusqu'aux Indes; à son départ, il fut nommé général aide de camp. Derbent et Bakou furent pris, mais la campagne ne fut pas aussi heureuse qu'on l'avait espéré à Pétersbourg; cependant le jeune chef d'armée de 25 ans reçut l'étoile de St-Georges de 2e classe et le grade de général en chef. Paul Ier rappela l'expédition, et Zouboff dut se retirer dans les terres que Catherine II lui avait données en Courlande, et qui, reprises en 1799 par l'Etat pour couvrir le déficit constaté dans les comptes de la campagne de Perse, lui furent pourtant restituées dans la suite. Nommé en 1800 directeur du 2e Corps des Cadets de Pétersbourg, il devint sous Alexandre Ier membre du Conseil de l'Empire.

Zouboff avait épousé une veuve polonaise, la belle comtesse Marie Féodorowna Potocki, née princesse Lubomirsky. Il mourut sans enfants, le 21 juin 1804, à l'âge de 33 ans seulement, et fut inhumé au monastère de St-Serge, près Pétersbourg, dans la crypte de l'église élevée par ses frères pour la maison d'invalides qu'ils y avaient fondée.

Les contemporains ne sont pas d'accord dans leur appréciation du comte V. Zouboff. Les uns disent que son moral répondait mal à son extérieur avantageux: insignifiant comme intelligence, mais moins borné que son fameux frère, frivole, débauché et prodigue, il aurait eu un caractère vindicatif et cruel. Les autres, Derjavine par exemple, font au contraire grand éloge de sa bravoure, de sa noblesse de sentiments et de son honorabilité.

(D'après une miniature de Ritt, appartenant au prince A. Kourakine, St-Pétersbourg.)

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА ЛЕВШИНА, 1768—1824, дочь генерала-отъ-инфантеріи Николая Дмитріевича Дурново († 1816 г.), была замужемъ за генералъ-лейтенантомъ Павломъ Ѳедуловичемъ Левшинымъ (р. 1757 г., † 1809 г.).

Е. Н. Левшина отъ этого брака имѣла 3 сыновей: Николая (убитъ подъ Фридландомъ), Александра (убитъ при Бородинѣ) и Дмитрія (дѣйств. статскій совѣтникъ, р. 1804 г., † 1851 г.), и 6 дочерей: Анну (въ замужствѣ за Д. П. Горихвостовымъ и Кожевниковымъ), Екатерину (за В. П. Наумовымъ), Татьяну, Марію (за Н. Г. Сомовымъ), Александру (за А. М. Замятнинымъ) и Софію (р. 1808 г., † 1825 г.).

Скончалась Е. Н. Левшина 11 Сентября 1824 г. и погребена вмѣстѣ съ мужемъ въ Москвѣ, въ Даниловомъ монастырѣ.

(Съ миніатюры, принадлежащей княгинѣ А. М. Козловской, въ Москвѣ.)

121

CATHERINE NIKOLAEWNA LEVCHINE, 1768—1824, fille du général d'infanterie Nicolas Dmitriewitch Dournovo († 1816), épousa le général lieutenant Paul Féodoulowitch Levchine (1757—1809). Elle eut trois fils, Nicolas, tué à Friedland, Alexandre, tué à Borodino, et Dmitri (1804—1851), conseiller d'état actuel, et six filles: Anne, mariée à D. Gorikhvostoff et à Kojevnikoff, Catherine à Naoumoff, Tatiana, Marie à N. Somoff, Alexandrine à A. Zamiatnine, et Sophie (1808—1825).

Mme Levchine mourut le 11 septembre 1824, et fut inhumée près de son mari au monastère Daniloff à Moscou.

(D'après une miniature appartenant à la princesse A. Kozlowsky, Moscou.)

ПАВЕЛЪ ѲЕДУЛОВИЧЪ ЛЕВШИНЪ, 1757—1809, сынъ надворнаго совѣтника Ѳедула Ивановича (р. 1691 г., † 20 Апрѣля 1757 г.), отъ второго его брака съ Анной Гавриловной Бѣлкиной, родился, послѣ смерти отца, въ Іюнѣ 1757 года; вступилъ въ военную службу въ 1770 г. въ Семеновскій полкъ капраломъ. Только въ 1783 г. произведенъ онъ былъ въ прапорщики. Въ слѣдующемъ году Левшинъ получилъ чинъ подпоручика, въ 1785 г. назначенъ полковымъ адъютантомъ и въ 1789 г. произведенъ въ капитанъ-поручики; 1 Января 1791 г. онъ былъ отставленъ отъ службы, съ чиномъ арміи полковника, но въ 1792 г. опредѣлился снова на службу въ Главный Кригсъ-комиссаріатъ на должность оберъ-штеръ-кригскомиссара и въ томъ же году награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 степени. Въ 1794 г. П. Ѳ. Левшинъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры, въ 1798 г. получилъ орденъ св. Анны 2 ст., въ 1799 г.—чинъ генералъ-лейтенанта и орденъ св. Анны 1 ст., въ 1800 г.—почетное командорство ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Въ томъ же году онъ вышелъ въ отставку, съ мундиромъ, при чемъ ему было пожаловано 5/т. десятинъ земли въ Саратовской губерніи. Въ 1791 г. Левшинъ, вмѣстѣ со своимъ братомъ, далъ средства на изданіе составленной В. А. Левшинымъ „Книги родословной благородныхъ дворянъ Левшиныхъ“. Выйдя въ отставку, Левшинъ поселился навсегда въ Москвѣ, въ своемъ домѣ на Воздвиженкѣ (противъ церкви Бориса и Глѣба), славившемся пріемами и хлѣбосольствомъ.

Скончался П. Ѳ. Левшинъ 8 Августа 1809 года, 52 лѣтъ, 1 мѣсяца, 25 дней отъ рожденія, и погребенъ въ Даниловомъ монастырѣ, въ Москвѣ. Отъ брака съ Екатериной Николаевной Дурново (р. 1768 г., † 1824 г.) у него было 3 сына: Николай (убитъ подъ Фридландомъ), Александръ (убитъ при Бородинѣ) и Дмитрій (дѣйствительный статскій совѣтникъ, р. 1804 г., † 1851 г.), и 6 дочерей: Анна, въ замужствѣ за Д. П. Горихвостовымъ и Кожевниковымъ, Екатерина, за В. П. Наумовымъ, Татьяна, Марія, за Н. Г. Сомовымъ, Александра, за А. М. Замятнинымъ, и Софія (р. 1808 г., † 1825 г., дѣвица). Внучка П. Ѳ. Левшина, Александра Дмитріевна (р. 1836 г., † 1877 г.), была въ замужствѣ за тайнымъ совѣтникомъ Михаиломъ Николаевичемъ Лонгиновымъ (р. 1823 г., † 1875 г.), дочь коихъ княгиня А. М. Козловская.

(Съ миніатюры, принадлежащей княгинѣ А. М. Козловской, въ Москвѣ.)

PAUL FÉODOULOWITCH LEVCHINE, 1757—1809, fils du conseiller de cour Théodule Ivanowitch Levchine (1691—20 avril 1757) et de sa seconde femme Anne Gavrilowna, née Belkine, naquit après la mort de son père en juin 1757. Enrôlé en 1770 caporal au régiment Sémenowsky, il ne passa porte-enseigne qu'en 1783, puis fut promu l'année suivante sous-lieutenant, en 1785, aide de camp de régiment et, en 1789, capitaine lieutenant. Mis en disponibilité le 1er janvier 1791 avec le grade de colonel à l'Armée, il reprit du service l'année suivante comme commissaire général aux subsistances et fut décoré la même année de St-Vladimir de 3e classe. Il fut, en 1794 promu général major, en 1798 décoré de Ste-Anne de 2e classe, en 1799 promu général lieutenant et décoré de Ste-Anne de 1re classe, et, en 1800, fait commandeur honoraire de Saint-Jean-de-Jérusalem. Il prit sa retraite la même année avec le droit de porter l'uniforme et une concession de 5000 hectares au gouvernement de Saratoff, et se fixa définitivement dans sa maison de Moscou, à la Vozdvigenka, vis-à-vis l'église St-Boris-et-Gleb, donnant des réceptions et tenant table ouverte. En 1791, il avait subventionné avec son frère la Généalogie de la Famille noble des Levchine publiée par B. Levchine. Il mourut le 8 août 1809, âgé de 52 ans, 1 mois, 25 jours, et fut inhumé au monastère Daniloff à Moscou.

Levchine avait épousé Catherine Nikolaewna Dournovo (1768—1824), dont il eut trois fils, Nicolas, tué à Friedland, Alexandre, tué à Borodino, et Dmitri (1804—1851), conseiller d'état actuel, et six filles: Anne, mariée à D. Gorikhvostoff et à Kojevnikoff, Catherine à Naoumoff, Tatiana, Marie à N. Somoff, Alexandrine à A. Zamiatnine, et Sophie (1808—1825), sans alliance. Une fille de son fils Dmitri, Alexandrine (1836—1877), mariée au conseiller privé Michel Nikolaewitch Longuinoff (1823—1875), fut la mère de la princesse A. Kozlowsky.

(D'après une miniature appartenant à la princesse A. Kozlowsky, Moscou.)

119

Иванъ Николаевичъ
Римскій-Корсаковъ,
1754 — 1831

Ivan Nikolaewitch
Rimsky-Korsakoff,
1754 — 1831

120

Пис. Риттъ — Peint par Ritt

Графъ Валеріанъ Александровичъ
Зубовъ,
1771 — 1804

Le Comte Valérien Alexandrowitch
Zouboff,
1771 — 1804

121

Екатерина Николаевна
Левшина,
1768 — 1824

Catherine Nikolaewna
Levchine,
1768 — 1824

122

Павелъ Ѳедуловичъ
Левшинъ,
1757 — 1809

Paul Féodoulowitch
Levchine,
1757 — 1809

РУССКІЕ PORTRAITS RUSSES ПОРТРЕТЫ

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи

НАТАЛІЯ КИРИЛЛОВНА ЗАГРЯЖСКАЯ, 1747—1837, старшая изъ дочерей графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, отъ брака его съ Екатериной Ивановной Нарышкиной, родилась 5 Сентября 1747 года (см. т. I, № 58). Некрасивая, почти горбатая, но умная, бойкая и любезная въ обращеніи, она была любимицей не только родителей, у коихъ была первымъ ребенкомъ, но и всей многочисленной семьи. Баловство, окружавшее ее въ дѣтствѣ, сдѣлало ее, какъ она сама говорила, капризною и требовательною, но, несмотря на свою рѣзкость и причуды, она до конца жизни была любима и уважаема всѣми, ее знавшими. Назначенная фрейлиною тотчасъ по воцареніи Екатерины II и получивъ, не въ примѣръ другимъ, разрѣшеніе жить при родителяхъ, а не при дворѣ, Наталія Кирилловна не торопилась выходить замужъ и отказывала многимъ виднымъ женихамъ, пока, 26 лѣтъ отъ роду, не влюбилась въ молодого Измайловскаго офицера, Николая Александровича Загряжскаго, котораго часто встрѣчала во дворцѣ во время своихъ дежурствъ. Свадьба состоялась при дворѣ 24 Октября 1772 года. Молодые поселились сначала въ Петербургѣ, въ домѣ графа К. Г. Разумовскаго, на Мойкѣ, у Полицейскаго моста, но скоро оставили его и наняли собственную квартиру. Не имѣя дѣтей, Н. К. Загряжская усыновила свою племянницу, Марію Васильчикову, дочь своей сестры Анны Кирилловны, которую чуть ли не силою отняла у родителей и страстно къ ней привязалась; сдѣлала ее наслѣдницей своего громаднаго состоянія и выдала замужъ за будущаго государственнаго канцлера и князя В. П. Кочубея. Видное положеніе Загряжскихъ при дворѣ немного поколебалось вслѣдствіе дружбы Наталіи Кирилловны съ ея братомъ, графомъ Андреемъ Кирилловичемъ Разумовскимъ, и происшедшаго вслѣдствіе этого сближенія ихъ съ Великимъ Княземъ Павломъ Петровичемъ и его первою супругою. Она не порвала своихъ отношеній съ братомъ и при постигшей его опалѣ, чѣмъ навлекла на себя неудовольствіе Екатерины. По воцареніи Павла I, Наталія Кирилловна была пожалована въ 1799 г. кавалерственной дамой ордена св. Екатерины 2-го класса и продолжала пользоваться большимъ почетомъ у Императорской четы, состоя при этомъ въ близкихъ и дружественныхъ отношеніяхъ съ самыми приближенными ко двору лицами. Но свадьба ея пріемной дочери съ В. П. Кочубеемъ, котораго Императоръ мѣтилъ въ женихи А. П. Лопухиной, и ея смѣлая выходка съ матерью послѣдней, княгиней Е. Н. Лопухиной, которой она, при всемъ дворѣ, впервые поклонилась „по именному Его Величества приказанію, ею сегодня полученному“, навлекли на Н. К. Загряжскую гнѣвъ Государя, пославшаго ей приказаніе немедленно выѣхать изъ Петербурга, скоро имъ отмѣненное. Впрочемъ, послѣ этого она уже сама уѣхала къ отцу въ Батуринъ, а затѣмъ съ молодыми Кочубеями въ Дрезденъ, откуда вернулась въ Петербургъ уже по воцареніи Александра I. Поселившись въ домѣ Кочубеевъ, безъ мужа, который нанялъ отдѣльную квартиру, что не мѣшало супругамъ сохранить дружественныя отношенія и видаться каждый день, Наталія Кирилловна любила общество, игру въ карты, не чужда была благотворительности и пользовалась громаднымъ значеніемъ въ обществѣ. Скончалась Н. К. Загряжская въ глубокой старости, 90 лѣтъ отъ роду, 19 Марта 1837 г. и похоронена въ церкви Св. Духа, въ Александро-Невской лаврѣ.

Н. К. Загряжская была несомнѣнно одною изъ оригинальнѣйшихъ личностей Петербургскаго свѣта первой половины XIX столѣтія. Полученное ею французское воспитаніе, отдававшее вольтерьянствомъ, не мѣшало ей любить Россію и все русское до такой степени, что она ненавидѣла память Петра Великаго, изуродовавшаго, по ея словамъ, Россію. Наталія Кирилловна извѣстна была своимъ бойкимъ и острымъ умомъ, своими колкими замѣчаніями, рѣзкими выходками, при которыхъ она не стѣснялась ничьимъ положеніемъ или званіемъ. Ея друзьями или почитателями были всѣ выдающіяся лица ея времени, какъ-то Потемкинъ, исполнявшій малѣйшія ея причуды, Шуваловъ, воспѣвавшій ее въ стихахъ, графъ А. С. Строгановъ, у котораго она любовалась его картинами и скульптурными произведеніями, и гувернеръ его сына, революціонеръ Жильбертъ Роммъ, съ которымъ она вела нескончаемые разговоры о серіозныхъ предметахъ. Сама она много и охотно разсказывала о временахъ и царствованіяхъ, давно прошедшихъ; разсказы эти слушалъ Пушкинъ, увлекавшійся прелестью ея воспоминаній о минувшихъ поколѣніяхъ и событіяхъ и сохранившій нѣкоторые изъ нихъ для потомства, а оставшіяся послѣ нея письма къ любимому брату, графу Андрею Разумовскому, являются богатымъ матеріаломъ для характеристики современнаго ей общества.

(Съ миніатюры, принадлежащей М. А. Васильчиковой.)

NATALIE KIRILLOWNA ZAGRIAJSKY, 1747—1837, l'aînée des filles du comte Cyrille Grigoriewitch Razoumowsky et de Catherine Ivanowna, née Narychkine, naquit le 5 septembre 1747 (v. T. I, № 58). Laide et presque bossue, son grand esprit, son caractère débrouillard et son amabilité lui valurent l'affection particulière non seulement de ses parents, dont elle était le premier enfant, mais encore de toute sa nombreuse famille. Les gâteries dont elle fut entourée la rendirent, dit-elle elle-même, capricieuse et exigeante, mais son humeur brusque et fantasque ne l'empêcha pas d'être généralement aimée et estimée jusqu'à la fin de ses jours. Demoiselle d'honneur à l'avènement même de Catherine II et autorisée, à titre tout exceptionnel, à rester avec ses parents sans être obligée d'habiter au Palais, elle ne se pressa nullement de se marier, refusa de nombreux partis et finit par s'éprendre à 26 ans d'un jeune officier du régiment Izmaïlowsky, Nicolas Alexandrowitch Zagriajsky, fréquemment de service en même temps qu'elle au Palais. Le mariage se fit à la Cour le 24 octobre 1772, et les jeunes époux, d'abord fixés chez le comte Cyrille Razoumowsky, à sa maison de la Moïka, près du Pont de Police, le quittèrent bientôt pour prendre un appartement à eux. Mme Zagriajsky, n'ayant pas d'enfants, adopta sa nièce Marie, fille de sa sœur Anne; elle l'avait enlevée presque de force à ses parents, la prit fort en affection, la fit héritière de son immense fortune et la maria au comte Victor Kotchubey, le futur chancelier. Sa situation marquante à la Cour fut tant soit peu compromise par son amitié avec son frère André et celle qui s'en suivit avec le Grand-Duc Paul et sa première femme: son attachement pour son frère en disgrâce provoqua le mécontentement de Catherine. Paul, devenu Empereur, la fit en 1799 dame de Ste-Catherine de 2e classe; elle ne cessa pas d'être honorée de la haute considération de l'Empereur et de l'Impératrice, et conserva à la Cour même des relations des plus amicales. Mais le mariage de sa fille d'adoption avec le comte Kotchubey, auquel l'Empereur destinait Mlle Lopoukhine, et son éclat avec la mère de celle-ci, à laquelle elle vint faire sa révérence en pleine Cour „par ordre personnel de S. M., reçu aujourd'hui", provoquèrent le courroux de l'Empereur, qui lui fit donner l'ordre, rapporté bientôt, de quitter immédiatement Pétersbourg. Elle alla d'ailleurs peu après, pour ne revenir que sous Alexandre, d'abord chez son père à Batourine, puis à Dresde avec les jeunes Kotchubey, où elle se fixa seule: son mari s'était installé à part, ce qui ne l'empêchait pas de rester en bonnes relations avec elle et de la voir chaque jour. Elle aimait la société et les cartes, faisant de la charité et tenant une grande place dans le monde. Elle mourut dans une profonde vieillesse, à 90 ans, le 19 mars 1837, et fut inhumée dans l'église du St-Esprit, au monastère d'Alexandre Newsky.

Mme Zagriajsky fut certainement à Pétersbourg une des personnalités les plus originales de la première moitié du siècle. Son éducation française, sentant le voltairianisme, ne l'empêchait pas d'aimer la Russie, au point de détester Pierre-le-Grand, qu'elle considérait comme l'ayant déformée. Elle était connue pour la vigueur et le piquant de son esprit, ses observations mordantes et les véhémentes sorties où elle ne ménageait ni position ni personnalité. Elle eut pour amis ou admirateurs tous les hommes les plus éminents de l'époque, Potemkine, docile à ses moindres caprices, Schouvaloff, qui la célèbre dans ses vers, le comte A. Stroganoff, dont elle visite la galerie de peinture et de sculpture, et le gouverneur de son fils, le révolutionnaire Romme, avec lequel c'étaient des conversations sans fin sur des sujets sérieux. Elle aimait à parler du temps des règnes passés, et Pouchkine, charmé de ses récits des gens et des choses de jadis, nous en a conservé quelques-uns. Ses lettres à son cher frère le comte André Razoumowsky renferment des matériaux précieux comme caractéristique de la société qu'elle traversa.

(D'après une miniature appartenant à Mlle M. Vassiltchikoff.)

АННА КИРИЛЛОВНА ВАСИЛЬЧИКОВА, 1754—18.., третья дочь гетмана Малороссіи, фельдмаршала графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, отъ брака его съ Екатериной Ивановной Нарышкиной, родилась 1 Декабря 1754 года. Изъ четырехъ дочерей гетмана она, съ сестрою своей Елизаветою, отличалась красотою. Въ противоположность старшимъ своимъ сестрамъ, хотя и получивъ одинаковое съ ними образованіе подъ надзоромъ всякихъ „мадамъ“ и учителей, выбираемыхъ отцомъ ея съ большимъ разборомъ, она плохо усвоила себѣ воспитаніе на французскій ладъ, которымъ щеголяли ея старшія сестры, привыкшія писать и думать по-французски; она осталась до конца жизни вполнѣ простой русской женщиной и съ дѣтства уже была очень богомольна.

Взятая послѣ смерти матери, въ 1771 г., Екатериной II фрейлиною ко двору, она вскорѣ затѣмъ (до 1775 г.) вступила въ бракъ съ дѣйствительнымъ камергеромъ Василіемъ Семеновичемъ Васильчиковымъ († 1808 г.), братомъ Екатерининскаго фаворита. Въ 1777 г., имѣя уже двухъ сыновей и одну дочь, Васильчикова переѣхала съ мужемъ въ Москву, которую очень любила, и скоро опять стала матерью. Гостившая у нея въ то время старшая сестра ея, извѣстная Наталія Кирилловна Загряжская, имѣвшая большое вліяніе на Анну Кирилловну и ея мужа, бездѣтная и желавшая найти пріемыша, почти похитила у сестры родившуюся при ней дочь, Марію, и увезла ее съ собой въ Петербургъ. Родители напрасно требовали возвращенія ребенка; онъ такъ и остался у Загряжской, а графу К. Г. Разумовскому удалось потомъ примирить дочерей. Окончательно поселившись въ Москвѣ, гдѣ она имѣла полную возможность предаваться своему влеченію къ церковнымъ службамъ и набожной жизни, Анна Кирилловна Васильчикова часто отправлялась на богомолье къ другимъ русскимъ святынямъ. Въ 1789 г. отецъ ея, графъ К. Г. Разумовскій, писалъ сыну: „Васильчикова сегодня потащилась въ Ростовъ, на богомолье, что весьма странно, ибо въ Москвѣ церкви, какъ рощи, стоятъ, и любую избирать можно на моленіе“.

Нѣжно привязанная къ старику-отцу, А. К. Васильчикова часто навѣщала его въ Батуринѣ, останавливаясь при этомъ въ Кіевѣ, въ Фроловскомъ монастырѣ (1799 г.). Подъ конецъ жизни она приняла монашество, съ именемъ Агніи.

Старшій сынъ А. К. Васильчиковой, Алексѣй Васильевичъ († 1854 г.), былъ женатъ на Александрѣ Ивановнѣ Архаровой; второй, Кириллъ, умеръ полковникомъ въ 1827 г., а дочери были замужемъ: старшая, Екатерина, за княземъ Николаемъ Григорьевичемъ Вяземскимъ, а младшая, Марія, взятая на воспитаніе теткой Н. К. Загряжской, за государственнымъ канцлеромъ княземъ В. П. Кочубеемъ.

(Съ миніатюры, принадлежащей М. А. Васильчиковой.)

124

ANNE KIRILLOWNA VASSILTCHIKOFF, 1754—18.., troisième fille du comte Cyrille Grigoriewitch Razoumowsky, hetman de Petite-Russie, feld-maréchal, et de Catherine Ivanowna, née Narychkine, naquit le 1er décembre 1754. Des quatre filles de l'hetman, elle et sa sœur Elisabeth étaient les seules belles. Toutes furent également entourées de gouvernantes et de maîtres français choisis par le père avec le plus grand soin, mais l'éducation à la française dont se prévalaient les aînées, habituées à écrire et à penser en français, ne lui réussit pas: elle resta toute sa vie exclusivement russe et se distingua tout enfant par sa piété.

Demoiselle d'honneur de Catherine II à la mort de sa mère en 1771, Anne Razoumowsky épousa peu après (avant 1775) Basile Sémenowitch Vassiltchikoff († 1808), chambellan actuel, frère du favori. En 1777, déjà mère de deux fils et d'une fille, elle alla se fixer avec son mari à Moscou, qu'elle aimait beaucoup, et y devint mère une quatrième fois. Elle avait alors chez elle sa sœur aînée, la fameuse Natalie Zagriajsky, qui exerçait une grande influence sur elle et son mari, et qui, sans enfants et en cherchant un à adopter, lui enleva presque le nouveau-né, une fille, Marie, et l'emmena à Pétersbourg. Il fut impossible de l'en séparer: il fallut prendre son parti, et le comte put ensuite réconcilier ses filles. Définitivement fixée à Moscou, où elle pouvait donner carrière à son goût pour les services religieux et la dévotion, Mme Vassiltchikoff allait souvent en pèlerinage en province. „Elle s'est trimbalée aujourd'hui à Rostoff", écrit le vieil hetman à son fils en 1789, „c'est assez bizarre, il y a des églises à Moscou comme des champignons; on n'a que le choix pour faire ses dévotions".

Tendrement attachée à son vieux père, elle allait fréquemment le voir à Batourine, et s'arrêtait en passant à Kieff, au monastère Froloff (1799). Sur ses vieux jours, elle prit le voile sous le nom d'Agnès.

Son fils aîné, Alexis († 1854), épousa Alexandrine Ivanowna Arkharoff; le second, Cyrille, mourut colonel en 1827. Quant aux filles, elles épousèrent, l'aînée, Catherine, le prince Nicolas Grigoriewitch Viazemsky, et la plus jeune, Marie, élevée par sa tante, le comte Victor Kotchubey, le futur prince et chancelier.

(D'après une miniature appartenant à Mlle M. Vassiltchikoff.)

125

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА ДЕМИДОВА, 1748—1810, дочь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора Алексѣя Григорьевича Жеребцова (р. 1712 г., † 1777 г.), отъ второго его брака съ Сухаревой, была женою тайнаго совѣтника Петра Григорьевича Демидова (р. 6 Августа 1740 г., † 12 Января 1826 г.), извѣстнаго богача, владѣльца многочисленныхъ заводовъ на Уралѣ и въ Тульской губерніи, родного брата Павла Григорьевича Демидова, основателя Ярославскаго лицея.

Е. А. Демидова извѣстна была по своему „фаверу“, которымъ она пользовалась со стороны знаменитаго графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго. Когда онъ пребывалъ въ Архипелагѣ и Италіи, въ началѣ 1770-хъ годовъ, она жила въ Пизѣ, и здѣсь „издавна считали ее очень близкой особой къ графу“, который по зимамъ проживалъ также въ Пизѣ (см. о ней „Русск. Бесѣду“, 1859 г., VI, 69, и „Записки“ Гарновскаго, Русск. Стар., XVI, 210). Позднѣе Е. А. Демидова сосватала своему старому, 48-лѣтнему другу родную 20-лѣтнюю племянницу Авдотью Николаевну Лопухину (р. 1761 г., † 1786 г.), дочь сестры Анны Алексѣевны, на которой графъ А. Г. Орловъ и женился 5 Мая 1782 года.

У Демидовой было 2 сына: Акинѳій и Алексѣй († 1854 г.), и 4 дочери: Александра (въ замужствѣ за барономъ Е. К. Аристофеномъ), Екатерина (за Н. А. Васильчиковымъ), Наталія (за Рахмановымъ) и Елизавета (за А. Н. Чичеринымъ).

Е. А. Демидова умерла 7 Августа 1810 года, на 62 году жизни, и похоронена, равно какъ и ея мужъ, на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. На памятникѣ ея, кромѣ дать, написано: „Въ память любезнѣйшей супруги и нѣжнѣйшей матери поставленъ сей камень мужемъ и другомъ, жившимъ съ нею въ совершенномъ согласіи 46 лѣтъ“.

(Съ миніатюры, принадлежащей П. А. Демидову, въ С.-Петербургѣ.)

CATHERINE ALEXÉEWNA DÉMIDOFF, 1748—1810, fille du conseiller privé actuel et sénateur Alexis Grigoriewitch Jérebtzoff (1712—1777) et de sa seconde femme, née Soukhareff, était femme du conseiller privé Pierre Grigoriewitch Démidoff (6 août 1740—12 janvier 1826), connu pour sa richesse, possesseur de nombreuses usines dans l'Oural et au gouvernement de Toula et frère de Paul Grigoriewitch Démidoff, fondateur du Lycée Démidoff à Yaroslavl.

Mme Démidoff est connue pour la faveur dont elle fut l'objet de la part du célèbre comte Alexis Grigoriewitch Orloff-Tchesmensky. Pendant la croisière qu'il fit peu après 1770 dans les eaux de l'Archipel et de l'Italie, elle habitait Pise, où „on la considérait depuis longtemps comme grande amie du comte"; du reste, il passait aussi l'hiver à Pise. (V. la Conversation Russe, 1859, VI, 69, et les Mémoires de Garnowsky, dans le Vieux Temps Russe, XVI, 210.) Elle maria plus tard, le 5 mai 1782, son vieil ami, âgé de 48 ans, à une nièce de 20 ans, fille de sa sœur Anne, Eudoxie Lopoukhine (1761—1786).

Mme Démidoff eut deux fils, Akinthe et Alexis († 1854), et quatre filles, Alexandrine, mariée au baron Arpshofen, Catherine à N. Vassiltchikoff, Natalie à Rakhmanoff, et Elisabeth à A. Tchitchérine.

Elle mourut dans sa 62e année le 7 août 1810, et fut inhumée, ainsi que son mari, au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. On lit sur son monument, outre les dates: „A la plus aimable épouse et la plus tendre mère, souvenir de son mari et ami, qui vécut avec elle en parfait accord 46 ans".

(D'après une miniature appartenant à P. Démidoff, St-Pétersbourg.)

АЛЕКСѢЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ЖЕРЕБЦОВЪ, 1758—1819, сынъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалера орд. св. Александра Невскаго и св. Анны 1 степени Алексѣя Григорьевича Жеребцова (р. 1712 г., † 1777 г.), отъ второй его жены, Сухаревой, родился 17 Марта 1758 года. Началъ службу въ 1769 г. фурьеромъ въ артиллеріи; 24 Апрѣля 1773 г. переведенъ въ Семеновскій полкъ и здѣсь въ 1774 г. пожалованъ въ подпрапорщики, въ 1775 г.—въ каптенармусы и затѣмъ въ сержанты, въ 1780 г. произведенъ въ прапорщики, въ 1782 г.—въ подпоручики, въ 1784 г.—въ поручики, въ 1788 г.—въ капитаны. Въ 1790 г., 1 Января, уволенъ, съ чиномъ бригадира, и причисленъ къ Герольдіи. Въ 1798 г., переименованный въ статскіе совѣтники, а въ 1800 г., пожалованный въ дѣйствительные статскіе совѣтники, Жеребцовъ въ теченіе нѣсколькихъ трехлѣтій былъ Ямбургскимъ уѣзднымъ предводителемъ и въ то же время, за смертью Петербургскихъ губернскихъ предводителей (графа А. С. Строганова и затѣмъ графа П. А. Безбородко), исправлялъ обязанности ихъ, а также должность Петербургскаго совѣстнаго судьи (по случаю смерти графа М. П. Румянцева и сенатора Полянскаго и оставленія должности Ѳ. А. Голубцовымъ). Въ 1812 г. онъ былъ пожалованъ Аннинской звѣздой, 4 Іюля 1817 г. произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ.

А. А. Жеребцовъ умеръ 11 Декабря 1819 года и похороненъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Былъ женатъ на дочери дѣйствительнаго статскаго совѣтника Алексѣя Михайловича Еропкина, Аннѣ Алексѣевнѣ (р. 11 Января 1758 г., † 7 Іюня 1825 г.; похоронена рядомъ съ мужемъ); бракъ былъ бездѣтный.

(Съ миніатюры, принадлежащей П. А. Демидову, въ С.-Петербургѣ.)

ALEXIS ALEXÉEWITCH JÉREBTZOFF, 1758—1819, fils du conseiller privé actuel, chevalier de St-Alexandre Newsky et Ste-Anne de 1re classe, Alexis Grigoriewitch Jérebtzoff (1712—1777), et de sa seconde femme, née Soukhareff, naquit le 17 mars 1758. Enrôlé en 1769 fourrier dans l'artillerie, il passa le 24 avril 1773 au régiment Sémenowsky, où il fut promu en 1774 sous-officier, en 1775 capitaine d'armes, puis sergent, en 1780 enseigne, en 1782 sous-lieutenant, en 1784 lieutenant et en 1788 capitaine. Il entra ensuite à la Chambre Héraldique, après avoir quitté le service militaire le 1er janvier 1790 avec rang de brigadier, qu'il permuta en 1798 pour celui de conseiller d'état. Conseiller d'état actuel en 1800, il fut pendant plusieurs triennats maréchal de la noblesse du district de Yambourg; en même temps, il suppléait d'une part le comte A. Stroganoff, puis le comte P. Bezborodko, décédés, comme maréchal de la noblesse de Pétersbourg, et d'autre part le comte M. Roumiantzeff et le sénateur Poliansky, décédés, et Th. Goloubtzoff, démissionnaire, comme membre du tribunal de conscience. En 1812, il fut décoré de Ste-Anne, et le 4 juillet 1817, promu conseiller privé et fait sénateur.

Jérebtzoff mourut le 11 décembre 1819, et fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. Il avait épousé la fille Anne (11 janvier 1758—7 juin 1825) du conseiller d'état actuel Alexis Mikhaïlowitch Eropkine, dont il n'eut pas d'enfants, et qui fut inhumée à ses côtés.

(D'après une miniature appartenant à P. Démidoff, St-Pétersbourg.)

123

Наталія Кирилловна
Загряжская,
1747 — 1837

Natalie Kirillowna
Zagriajsky,
1747 — 1837

124

Анна Кирилловна
Васильчикова,
1754 — 18..

Anne Kirillowna
Vassiltchikoff,
1754 — 18..

125

Екатерина Алексѣевна
Демидова,
1748 — 1810

Catherine Alexéewna
Démidoff,
1748 — 1810

126

Алексѣй Алексѣевичъ
Жеребцовъ,
1758 — 1819

Alexis Alexéewitch
Jérebtzoff,
1758 — 1819

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи
№ 3966

127

Княгиня ДАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ТРУБЕЦКАЯ, 173.—1809, младшая дочь сподвижника Петра Великаго, графа (съ 1744 г.) Александра Ивановича Румянцова (р. 1680 г., † 1749 г.), и жены его, графини Маріи Андреевны Матвѣевой. Время рожденія ея неизвѣстно, но должно быть отнесено къ началу 1730 годовъ (день рожденія 18 Марта), такъ какъ старшая сестра ея, графиня Прасковья Александровна Брюсъ, родилась въ 1729 году. Родная сестра фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго, она въ первомъ бракѣ была за полковникомъ русской службы графомъ Вальдштейномъ. Овдовѣвъ, Дарья Александровна вышла замужъ 21 Мая 1760 г. за дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Юрія Никитича Трубецкого (р. 1736 г., † 1811 г.), за два года передъ тѣмъ потерявшаго свою первую жену, княгиню Анну Петровну, рожденную Салтыкову. Бракосочетаніе ихъ состоялось въ Петербургѣ 21 Мая 1760 г., въ Казанской церкви. Въ 1762 г. у княгини Дарьи Александровны родилась дочь Прасковья († 1848 г.), бывшая замужемъ въ первомъ бракѣ за княземъ Ѳ. С. Гагаринымъ, а во второмъ за полковникомъ П. А. Кологривовымъ, а въ 1765 г. — сынъ, князь Александръ Юрьевичъ († 1805 г.), женатый на Аннѣ Петровнѣ Левашевой (во второмъ бракѣ за графомъ Брольи).

Княгиня Д. А. Трубецкая умерла 7 Іюня 1809 года.

„Княгиня Трубецкая“, говоритъ графъ С. Д. Шереметевъ, „правнучка боярина Артамона Матвѣева, была женщина крѣпкаго русскаго закала. Она была въ тайномъ постригѣ, о чемъ узнали только послѣ ея смерти, когда нашли на ней вериги, а прибывшія монахини стали поминать ее сестрою“. Будучи посхимлена, она, однако, не жила въ монастырѣ, но въ комнатѣ ея иконы были развѣшаны до потолка. Послѣдніе годы жизни она никогда не спала въ кровати, вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія, которое она сама описываетъ слѣдующимъ образомъ въ письмѣ къ дочери отъ 8 Октября 1805 г.: „Живучи теперь въ деревнѣ моей, занимавшись своею экономіею, не писала къ тебѣ, другъ мой, лихорадка моя ежегодная, нервическая, такъ меня томитъ изъ рукъ вонъ, и кашель и одышка особливо: есть ли я лишній кусокъ чего съѣмъ, и пуще одышка меня мучитъ. Вся распоротая и развязанная лежу и вижу — все тѣснитъ“....

(Съ портрета, принадлежащаго князю П. П. Вяземскому, въ С.-Петербургѣ.)

127

La princesse **DARIA ALEXANDROWNA TROUBETZKOÏ**, 173.—1809, fille cadette du compagnon d'armes de Pierre-le-Grand, comte depuis 1744, Alexandre Ivanowitch Roumiantzeff (1680—1749) et de Marie Andréewna, née comtesse Matvéeff, naquit le 18 mars, peu après 1730 sans doute, sa sœur aînée, la comtesse Prascovie Bruce, étant née en 1729. Sœur du feld-maréchal comte Pierre Roumiantzeff-Zadounaïsky, elle épousa en premières noces le comte Waldenstein, colonel au service russe, à la mort duquel elle se remaria le 21 mai 1760 au prince Youri Nikititch Troubetzkoï (1736—1811), conseiller privé actuel, veuf depuis deux ans de sa première femme, née princesse Anne Pétrowna Saltykoff. De ce mariage, célébré à St-Pétersbourg, à la cathédrale de Kazan, naquirent une fille Prascovie (1762—1848), mariée en premières noces au prince Th. Gagarine et en secondes noces au colonel P. Kologrivoff, et un fils, Alexandre (1765—1805), qui épousa Anne Pétrowna Lévachoff, mariée en secondes noces au comte de Broglie.

La princesse Troubetzkoï mourut le 7 juin 1809. „Arrière-petite-fille du boyard Artamon Matvéeff", dit le comte S. Chéréméteff, „c'était une forte nature de vieille souche russe. Elle avait pris le voile secrètement, et on ne s'en aperçut qu'à sa mort, lorsqu'on lui trouva des chaînes et que des religieuses vinrent et l'appelèrent leur sœur dans leurs prières". Religieuse sans vivre au couvent, elle avait les murs de sa chambre tapissés d'images saintes presque jusqu'au plafond. Elle passa ses dernières années sans pouvoir coucher dans un lit, en raison de son état de santé, qu'elle décrit ainsi dans une lettre à sa fille le 8 octobre 1805: „Retirée à ma campagne, occupée de mon intérieur, je ne t'ai pas écrit, ma chère: j'ai ma fièvre nerveuse de tous les ans, qui me tourmente affreusement. C'est surtout cette toux et cette oppression: une bouchée de trop que j'aurai mangée, et voilà l'oppression qui redouble! Etendue, tous mes vêtements desserrés et détachés, je sens que j'étouffe"....

(D'après un original appartenant au prince P. Viazemsky, St-Pétersbourg.)

Графъ ПЕТРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ РУМЯНЦЕВЪ-ЗАДУНАЙСКІЙ, 1725—1796, родился въ Молдавскомъ селѣ Строенцахъ (см. т. IV, № 102). Мать его, Марья Андреевна, рожденная графиня Матвѣева, близкая къ Петру I и выданная имъ за его денщика Александра Ивановича Румянцева (съ 1744 г. графа), родила своего первенца послѣ продолжительной заграничной командировки своего мужа. Въ молодомъ Румянцевѣ „весьма склонности не было“ къ дипломатической карьерѣ, и онъ былъ высланъ изъ Берлина, гдѣ состоялъ при русскомъ посольствѣ. Исключенный затѣмъ и изъ Шляхетнаго корпуса, онъ поступилъ на военную службу и черезъ 4 года уже дослужился до чина полковника. Отличившись въ Семилѣтнюю войну при Гроссъ-Егерсдорфѣ и Кольбергѣ, графъ Румянцевъ сдѣлался любимцемъ Петра III, который пожаловалъ его въ генералъ-аншефы, наградилъ орденами св. Анны и Андрея Первозваннаго; 28 Іюня 1762 года графъ Румянцевъ остался вѣрнымъ Петру III, но Екатерина II не поставила ему „въ порокъ бывшій его фаверъ“ и въ 1764 году назначила его генералъ-губернаторомъ Малороссіи. Въ первую Турецкую войну онъ былъ сначала помощникомъ главнокомандующаго, а съ Августа 1769 года главнокомандующимъ. Двѣ побѣды, при Ларгѣ и Кагулѣ, прославили графа П. А. Румянцева, и по заключеніи мира въ 1774 году онъ былъ щедро награжденъ титуломъ Задунайскаго, фельдмаршальскимъ жезломъ, драгоцѣнными вещами, деньгами и крестьянскими душами. Въ послѣдующія войны графу Румянцеву номинально поручали командованіе арміями, но Потемкинъ и другіе временщики оттѣсняли его на задній планъ.

„...Но ахъ! теперь во брани Копье изъ рукъ моихъ схватила;
Мои не мещутъ молній длани! Хотя и бодръ еще мой духъ,
Ослабли силы, буря вдругъ Судьба побѣдъ меня лишила“,

говоритъ Державинъ отъ лица Румянцева въ одѣ „Водопадъ“, характеризуя его положеніе въ концѣ царствованія Екатерины II.

Графъ П. А. Румянцевъ умеръ отъ удара 8 Декабря 1796 года и погребенъ въ Кіево-Печерской лаврѣ. Отъ брака съ княжной Екатериной Михайловной Голицыной онъ имѣлъ сыновей: Михаила, Николая, канцлера и мецената, и Сергѣя.

Графъ Румянцевъ пользовался репутаціей великаго полководца. Фридрихъ II говорилъ своимъ генераламъ: „Остерегайтесь, сколь возможно, этой собаки — Румянцева, прочіе для насъ не опасны“; передъ второй Турецкой войной турецкіе шпіоны разузнавали, живъ ли Румянцевъ. Онъ обладалъ необыкновенной „военной поворотливостью“, сообразительностью и энергіей, и среди войска пользовался громаднымъ авторитетомъ въ качествѣ „прямого солдата“, подвергавшагося всѣмъ опасностямъ сраженій. Одинъ его окрикъ: „Стой, ребята!“ могъ остановить смятые непріятелемъ ряды солдатъ. Какъ администраторъ, графъ Румянцевъ оправдывалъ свой девизъ: „Non solum armis“. Онъ обладалъ „быстрѣйшимъ бѣгомъ мыслей и даромъ слова пространнѣйшимъ“, „законы отечественные зналъ совершенно“, самъ читалъ всѣ бумаги и имѣлъ репутацію человѣка, который всегда „сумѣетъ отписаться“. Панегиристы находили въ немъ, при „храбрости Ахилла“, и „добродѣтели Энея“; но безпристрастные люди утверждали, что, будучи „великимъ полководцемъ“, онъ былъ „малый душою“, завистливый, гордый, скупой и вообще порочный человѣкъ. Вообще графъ Румянцевъ былъ крупной фигурой, историческою личностью и имѣлъ нѣкоторое сходство съ монархомъ, покровительствовавшимъ его матери. И въ Петрѣ I, и въ Румянцевѣ были таланты правителя и полководца, личная храбрость и любовь къ просвѣщенію. Подобно Петру, Румянцевъ преклонялся передъ иноземными наукой и военнымъ искусствомъ. Ни Петръ, ни Румянцевъ не обладали „добродѣтелями Энея“, чистотою нравовъ и привязанностью къ семьѣ. Подобно Петру, Румянцевъ былъ „огненный“ юноша, желавшій развернуть во всю ширь молодецкую удаль въ кутежахъ и безчинствахъ „съ солдатами, лакеями и другими бездѣльными людьми“, съ тою лишь разницею, что всѣ преклонялись передъ „потѣхами“ монарха, а у подданнаго это считалось „наимерзостнѣйшими шалостями“, за которыя онъ долженъ былъ отвѣчать передъ какимъ-нибудь посланникомъ Бракеломъ. Послушный родителямъ, какъ всѣ люди стараго воспитанія, П. А. Румянцевъ, подобно Петру, забросилъ свою „покорную и вѣрную“ жену и былъ до крайности равнодушенъ къ дѣтямъ.

(Съ портрета, принадлежащаго князю П. П. Вяземскому, въ С.-Петербургѣ.)

БИБЛІОТЕКА
Пермской ...
Художеств... Галлереи
№ 3966

Le comte PIERRE ALEXANDROWITCH ROUMIANTZEFF-ZADOUNAÏSKY, 1725—1796, naquit au bourg de Stroentzy, en Moldavie (v. T. IV, № 102); sa mère, Marie Andréewna, née comtesse Matvéeff, intime de Pierre-le-Grand qui la maria à son ordonnance Alexandre Ivanowitch Roumiantzeff (comte en 1744), le mit au monde après une absence prolongée du mari, en mission à l'étranger. Le jeune Roumiantzeff „n'avait pas de goût du tout" pour la carrière diplomatique, et dut quitter Berlin, où il était attaché d'ambassade. Renvoyé encore du Corps des Cadets, il se fit militaire, et, en quatre ans, parvint au grade de colonel. Il fit la Guerre de Sept-Ans et se distingua à Gross-Jägersdorf et Kohlberg: Pierre III, enchanté de lui, le fit général en chef et chevalier de Ste-Anne et de St-André. Au 28 juin 1762, il resta fidèle à l'Empereur, mais Catherine ne lui en tint pas rigueur et le nomma en 1764 général gouverneur de Petite-Russie. A la première guerre de Turquie, d'abord lieutenant du commandant en chef, puis, en août 1769, commandant en chef lui-même, il se fit un nom par ses victoires de Larga et de Kagoul, et, à la paix de 1774, fut comblé de récompenses: le titre de Zadounaïsky, le bâton de feld-maréchal, des pierres précieuses, de l'argent et des serfs. Dans les guerres qui suivirent, il eut le commandement nominal, mais Potemkine et autres favoris l'évincèrent en fait:

„Las! Maintenant dans la mêlée
„Mon bras ne brandit plus l'acier.
„Ma force baisse: aussi l'orage
„De mes mains arrache le glaive!
„Quoique j'aie l'âme encor vaillante,
„Le sort ne veut plus que je vainque!"

lui fait dire Derjavine dans son ode La Cascade, allégorie de sa position à la fin du règne de Catherine II.

Le comte Roumiantzeff mourut d'une attaque d'apoplexie le 8 décembre 1796, et fut inhumé au monastère Petchersk, à Kieff. Il avait épousé la princesse Catherine Mikhaïlowna Golitzyne, dont il eut trois fils, Michel, puis le futur chancelier et mécène, Nicolas, et Serge.

Le comte Roumiantzeff avait la réputation d'un grand capitaine. „Garez-vous tant que vous pourrez", disait Frédéric-le-Grand à ses lieutenants, „de ce chien de Roumiantzeff; nous n'avons rien à craindre des autres!" A la veille de la seconde guerre de Turquie, des espions turcs vinrent reconnaître s'il était toujours en vie. Extraordinaire en campagne comme énergie, coup d'œil et promptitude, il jouissait d'une autorité considérable près du soldat, comme „vrai troupier" prenant sa part de tous les dangers sur le champ de bataille. Il lui suffisait d'un cri de „En avant!" pour rallier une troupe débandée. Comme administrateur, il justifiait bien sa devise: Non solum armis. Doué „d'une rapidité de pensée inouïe et d'un don de parole très développé", et „connaissant à la perfection les lois de son pays", il lisait personnellement tous les papiers et passait pour „savoir se retourner, en correspondance". „A la bravoure d'Achille", il aurait joint, à en croire ses panégyristes, „les vertus d'Enée"; mais tout „grand capitaine" qu'il fût, c'était, assure la critique impartiale, „une âme de peu", nature envieuse, orgueilleuse, avare, et, de toute manière, vicieuse. Dans l'ensemble, le comte Roumiantzeff est une grande figure, une personnalité historique. Il avait une certaine ressemblance avec le monarque qui protégea sa mère. Chez Pierre-le-Grand et chez Roumiantzeff, même talent à la fois d'administrateur et d'homme de guerre, même valeur personnelle, même amour des lumières. Comme Pierre, Roumiantzeff s'inclinait devant l'art militaire et la science de l'Occident. Ni l'un ni l'autre ne connurent „les vertus d'Enée", la pureté de mœurs ni les sentiments de famille. Comme Pierre, Roumiantzeff eut une jeunesse „de feu", donnant largement carrière à toute sa fougue printanière dans ses débauches et ses orgies „avec des soldats, des laquais et toute espèce d'autres désœuvrés": mais ces „fredaines" devant lesquelles on s'inclinait chez le monarque passaient chez un simple mortel pour „d'ignobles équipées", dont il lui arriva de répondre devant le premier ministre venu, comme Brackel. Respectueux de ses père et mère, comme le comportait l'éducation d'autrefois, Roumiantzeff enfin, comme Pierre, abandonna sa „dévouée et fidèle épouse" et n'eut pour ses enfants qu'une indifférence complète.

(D'après un original appartenant au prince P. Viazemsky, St-Pétersbourg.)

Княгиня ВѢРА ѲЕДОРОВНА ВЯЗЕМСКАЯ, 1790—1886, старшая изъ дочерей генералъ-майора князя Ѳедора Сергѣевича Гагарина (р. 1757 г., † 1794 г.) и извѣстной красавицы княгини Прасковьи Юрьевны, рожденной княжны Трубецкой, во 2-мъ бракѣ Кологривовой (р. 1762 г., † 1848 г.), родилась 6 Сентября 1790 года, въ Яссахъ (см. т. IV, № 54). Вступивъ въ супружество 18 Октября 1811 г. съ княземъ Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ, княгиня Вѣра Ѳедоровна сразу сроднилась съ литературнымъ кружкомъ, группировавшимся вокругъ ея мужа, насчитывавшимъ въ себѣ такія имена, какъ Пушкинъ, Жуковскій, Карамзинъ.... Имя ея неразрывно связано съ умственной и литературной жизнью цѣлаго пятидесятилѣтія славнѣйшей эпохи русскаго творчества. Она присутствовала при кончинѣ Пушкина, была другомъ Жуковскаго и находилась въ тѣснѣйшей родственной связи съ семействомъ Карамзиныхъ. Долгая жизнь ея представляетъ свѣтлый примѣръ глубокаго духовнаго единенія съ мужемъ, съ которымъ она жила одной жизнью, пока смерть не разлучила маститыхъ супруговъ. Переживъ мужа на 8 лѣтъ, княгиня Вѣра Ѳедоровна Вяземская скончалась 96-и лѣтъ отъ роду, въ Баденъ-Баденѣ, 8 Іюля 1886 года; тѣло ея было перевезено въ Россію и предано землѣ, рядомъ съ мужемъ, въ Александро-Невской лаврѣ.

Только-что изданъ графомъ С. Д. Шереметевымъ новый (V) томъ драгоцѣннаго Остафьевскаго Архива, заключающій переписку князя П. А. Вяземскаго съ женой, чрезвычайно хорошо характеризующую княгиню. По этому поводу П. И. Бартеневъ пишетъ: „Они (Кологривовы и Гагарины) жили въ Москвѣ, въ такъ называемой Тишинѣ, гдѣ Кологривову принадлежала цѣлая усадьба съ обширнымъ садомъ и прудомъ. Это нынѣшній Народный Домъ, на Большой Грузинской площади, со стороны которой онъ еще не былъ огороженъ невзрачнымъ зданіемъ бань. Приводимъ преданіе, за точность котораго не ручаемся. Въ Августѣ 1811 г. собрались къ Кологривовымъ гости, и въ числѣ ихъ князь Вяземскій, Перовскій и другіе пріятели молодыхъ сыновей хозяйки. Одна изъ княженъ бросила въ прудъ свой башмачекъ; доставать его кинулась молодежь, при чемъ 19-лѣтній князь Вяземскій упалъ въ прудъ и заболѣлъ до того, что уже не могъ ѣхать къ себѣ домой на Волконку къ Антипію, а остался до выздоровленія въ Грузинахъ. Княжна Вѣра за нимъ ухаживала, и тутъ они полюбили другъ друга. Чтобы не откладывать брака до Января, они повѣнчались осенью, и преданіе говоритъ, что князь былъ еще очень слабъ и подъ вѣнцомъ въ церкви долженъ былъ сидѣть въ креслахъ. Съ тѣхъ поръ княгинѣ, въ теченіе долгой ея жизни, приходилось бывать хожалкою за своимъ супругомъ. Князь Вѣтропрахъ и княгиня Вѣтрона, какъ называлъ ихъ нѣкогда Пушкинъ, пережили даже золотую свою свадьбу. Уходъ за мужемъ-поэтомъ, доставленіе ему всякихъ удобствъ житейской обстановки, переписываніе ему его рукописей были непрестаннымъ занятіемъ княгини. Предпослѣдніе свои годы жили они подъ Франкфуртомъ на Майнѣ, въ Гомбургѣ. Я пріѣхалъ къ нимъ погостить въ 1876 году. Князя не было дома: онъ уѣзжалъ въ Югенгеймъ къ Императрицѣ Маріи Александровнѣ (высоко цѣнившей его). Княгиня сказала мнѣ, что онъ возвратится вечеромъ. Я пришелъ къ назначенному часу. Прошло довольно времени, а его все нѣтъ: оказалось, что съ желѣзной дороги онъ предпочелъ дойти домой пѣшкомъ. Надо было видѣть, какъ оживилось лицо престарѣлой, грузной княгини, когда послышались его шаги. Кто-то изъ бывшихъ тутъ обратился къ ней со стихами піиты XVIII вѣка, Петрова: „Мать истинная чадъ, || Живой источникъ мнѣ отрадъ, || Всегда любовница, всегда моя невѣста!“ До глубочайшей старости княгиня Вѣра Ѳедоровна отличалась живымъ умомъ и умѣла дѣйствовать на окружавшихъ ее. Зять ея, гр. Валуевъ, назвалъ ее la lionne de Bade. Городское управленіе Гомбурга предоставило ей особое зданіе, куда она выпросила у Государя перенести изъ Эмса походную его церковь. Позднѣе, въ Баденъ-Баденѣ навѣщалъ ее престарѣлый императоръ Вильгельмъ. Она уже не могла принимать его иначе, какъ лежа. Передъ нею висѣла старинная икона Божіей Матери. „Вотъ (сказала она представителю лютеранства) не чтутъ у васъ Богородицу и почти враждебно относятся къ иконамъ; а мнѣ отрадно посмотрѣть на нее, и она зоветъ меня къ молитвѣ“. Когда скончался князь, она, не будучи въ силахъ перебраться на житье въ Россію, пріѣхала на желѣзную дорогу, увозившую въ Петербургъ тѣло князя, и приказала поставить въ вагонъ небольшой гробикъ съ останками ихъ дочери, княжны Надежды, скончавшейся въ 1840 году въ Баденъ-Баденѣ. Такова была сила ея воли“.

(Съ портрета К. Рейхеля, 1817 г.; собственность князя П. П. Вяземскаго, въ С.-Петербургѣ.)

La princesse VÉRA FÉODOROWNA VIAZEMSKY, 1790—1886, l'aînée des filles du prince Théodore Serguéewitch Gagarine (1757—1794), général major, et de la princesse connue pour sa beauté Prascovie Youriewna, née princesse Troubetzkoï, en secondes noces Kologrivoff (1762—1848), naquit le 6 septembre 1790 à Yassy (v. T. IV, № 54). Mariée le 18 octobre 1811 au prince Pierre Andréewitch Viazemsky, elle fut tout de suite à son aise dans le cercle littéraire qui se groupait autour de lui et comptait des noms comme ceux de Pouchkine, Joukowsky, Karamzine.... Son nom est inséparable de la vie intellectuelle et littéraire de tout un demi-siècle de l'époque la plus glorieuse des lettres russes. Elle assista à la mort de Pouchkine, et fut en relations d'amitié avec Joukowsky et d'étroite parenté avec la famille Karamzine. Sa longue vie est un lumineux exemple de profonde union spirituelle avec son mari: ils n'eurent qu'une vie à eux deux, jusqu'au jour où la mort sépara ces vénérables conjoints. La princesse survécut huit ans et mourut à Baden-Baden le 8 juillet 1886, âgée de 96 ans; sa dépouille fut ramenée en Russie et inhumée près de son mari, au cimetière de Tikhvine, au monastère d'Alexandre Newsky.

Le Tome V, récemment paru, des précieuses Archives d'Ostafiévo, publiées par le comte S. Chéréméteff, renferme une correspondance du prince P. Viazemsky avec sa femme, qui caractérise bien la princesse. Les Kologrivoff et les Gagarine, écrit à ce propos P. Barténeff, „habitaient à Moscou le quartier dit Tichina, où Kologrivoff possédait tout un manoir avec un immense jardin et un étang. C'est aujourd'hui la Maison du Peuple, mais donnant sur la Grande Place Grouzinsky, du côté de laquelle il n'y avait pas alors cette affreuse maison de bains. Voici donc une tradition, mais sans garantie d'authenticité. En août 1811, Kologrivoff avait chez lui le prince Viazemsky, Pérowsky et autres amis des jeunes fils de la maîtresse de la maison. Une des jeunes filles laissa tomber son socque dans l'étang. Toute la jeunesse se précipita aussitôt, et le prince Viazemsky, âgé de 19 ans, tomba à l'eau: il en fut incommodé au point de ne pouvoir rentrer dans sa maison de la Wolkonka, et dut rester là jusqu'à son rétablissement. La princesse Véra le soigna, et ils s'aimèrent. On fit le mariage à l'automne, pour ne pas attendre jusqu'en janvier, mais le prince était, dit la tradition, toujours bien faible, et dut être installé dans un fauteuil pour la cérémonie. Et la princesse passa toute sa longue existence à lui servir de sœur de charité: ils célébrèrent même leurs noces d'or, et jamais elle n'eut d'autre occupation que de le soigner, de lui faire un intérieur en tout confortable, de lui recopier les manuscrits de ses poésies. Ils étaient sur leurs vieux jours à Hombourg, près Francfort-sur-le-Main, et j'allai les voir en 1876. Le prince n'était pas là: parti pour Jugenheim, rendre visite à l'Impératrice Marie Alexandrowna, qui faisait grand cas de lui, il ne devait, me dit sa femme, rentrer que le soir. Je revins à l'heure dite. Il se fit attendre quelque temps: il avait voulu venir de la gare à pied. Il fallait voir comme, au bruit de son pas, s'anima le visage de la vieille princesse, appesantie par le grand âge. Un des assistants lui dit alors ces vers de Pétroff, le poète du XVIIIe siècle:

„Bonne mère de tes enfants,
„Source vive de mes délices,
„Amante pour toujours, fiancée éternelle!“

Jusqu'à une vieillesse des plus avancées, la princesse Viazemsky conserva sa vivacité d'esprit et son influence sur son entourage: son gendre, le comte Valouïeff, l'appelait la lionne de Bade. La municipalité de Hombourg mit à sa disposition un bâtiment spécial, et, sur la demande qu'elle en fit à l'Empereur, la chapelle de campagne qu'il avait à Ems y fut transférée. Plus tard, elle reçut à Bade la visite du vieil Empereur Guillaume; elle ne put le recevoir que couchée. Elle avait pendue en face d'elle une image ancienne de la Vierge: „Alors“, dit-elle au prince protestant, „chez vous on ne vénère pas la Sainte Vierge et on n'admet guère les images. Et moi, c'est ma consolation de la contempler: elle m'invite à la prière“. A la mort de son mari, n'ayant plus la force de faire le voyage de Pétersbourg, elle vint accompagner le corps à la gare, et fit joindre au funèbre convoi le petit cercueil renfermant les restes de sa fille Nadejda, morte à Baden-Baden en 1840. Telle était sa force de volonté!“

(D'après un original de Ch. Reichel, 1817, appartenant au prince P. Viazemsky, St-Pétersbourg.)

Князь АНДРЕЙ ИВАНОВИЧЪ ВЯЗЕМСКІЙ, 1750 — 1807, былъ сынъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Ивана Андреевича, отъ брака его съ княжной Маріей Сергѣевной Долгорукой. Получивъ образованіе во французскомъ духѣ, Вяземскій поступилъ въ военную службу и съ 1773 по 1778 годъ былъ командиромъ Вологодскаго полка. Хотя А. И. Вяземскій и имѣлъ, по его словамъ, „въ князѣ Потемкинѣ себѣ большого недоброжелателя“, но отецъ его, благодаря связямъ, очень удачно „производилъ“ его, и въ 1778 году онъ былъ уже генералъ-майоромъ. Послѣ продолжительнаго путешествія по Европѣ князь А. И. Вяземскій, произведенный въ 1787 году въ генералъ-поручики, былъ въ 1789 году назначенъ членомъ Военной Конторы. Переименованный въ тайные совѣтники, онъ въ 1796 году былъ назначенъ Нижегородскимъ и Пензенскимъ генералъ-губернаторомъ, но уже „въ первыхъ мѣсяцахъ царствованія“ Павла I, въ общемъ къ нему благоволившаго, оставилъ этотъ постъ и былъ пожалованъ въ сенаторы. Свою служебную карьеру князь А. И. Вяземскій закончилъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ орденовъ Александра Невскаго и Анны 1 степени. Онъ умеръ 20 Апрѣля 1807 г. и погребенъ въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Въ 1786 г. князь А. И. Вяземскій, противъ воли родителей, вступилъ въ бракъ съ разведенной съ мужемъ ирландкой Евгеніей Кеннеди, рожденной Орельи. Отъ этого брака онъ имѣлъ сына Петра, извѣстнаго поэта, и дочь Екатерину (за княземъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Щербатовымъ).

Князь А. И. Вяземскій считался „отмѣнно пріятнымъ“ свѣтскимъ человѣкомъ. Его Московскій домъ, „не блиставшій убранствомъ“, былъ „пріятнѣйшимъ сосредоточіемъ жизни и всѣхъ удовольствій просвѣщеннаго общества“; Карамзинъ, Нелединскій-Мелецкій и князь А. М. Бѣлосельскій были его друзьями; иностранные путешественники находили у него „русское гостепріимство и прелести европейской разговорчивости“. Князь А. И. Вяземскій былъ не чуждъ слабости къ „знакамъ Монаршаго благоволенія“ и напоминалъ вліятельнымъ лицамъ и самому Павлу I, что люди, „гораздо моложе его, взысканы милостью Его Императорскаго Величества“. Лица, имѣвшія съ нимъ служебныя отношенія, были недовольны имъ. Князь И. М. Долгорукій, водившій съ нимъ ранѣе „пріятное знакомство“, на службѣ въ Пензѣ встрѣтилъ у него „очень надменный“ пріемъ. Какъ генералъ-губернатора, князь Долгорукій считалъ князя Вяземскаго „фанфарономъ“, „самымъ пустымъ человѣкомъ“, „дѣлавшимъ все некстати“, и объяснялъ это тѣмъ, что князь Вяземскій обладалъ „умомъ, испорченнымъ англійскими предразсудками“. Если даже князь Вяземскій проявлялъ „много пустого педантизма“, то во всякомъ случаѣ онъ не былъ лишенъ вѣрнаго взгляда на вещи. Какъ военный администраторъ, онъ высказывалъ дѣльныя мысли о томъ, что одежда солдата должна быть „покойна и на видъ хороша, но къ несчастію о послѣднемъ болѣе стараются“. Какъ гражданскій администраторъ, онъ составилъ проектъ „приведенія гражданскихъ законовъ въ систему“ и, возвышаясь надъ уровнемъ современнаго общества, находилъ для этого нужнымъ „привести въ архивъ такое состояніе, въ которомъ бы каждый желающій могъ найти, что захочетъ“. Ревизуя въ Москвѣ Архивъ Старыхъ дѣлъ, князь Вяземскій спускался въ „самые погреба“ подъ зданіемъ Сената; при объѣздѣ Нижегородскаго намѣстничества онъ примѣтилъ на мостахъ и гатяхъ „вездѣ свѣжую работу и починку, означающую минутное ожиданіе начальства“. Если даже князь А. И. Вяземскій и не „хотѣлъ сдѣлать изъ Пензы Лондона“, какъ утверждаетъ Долгорукій, то несомнѣнно онъ не былъ чуждъ убѣжденія многихъ Екатерининскихъ администраторовъ относительно того, что одними начальственными предписаніями можно истребить „непозволительныя лакомства“ среди чиновниковъ, а также, не уступая другимъ администраторамъ своего времени, умѣлъ льстить по адресу „премудрѣйшей Государыни“.

(Съ портрета, принадлежащаго князю П. П. Вяземскому, въ С.-Петербургѣ.)

Le prince **ANDRÉ IVANOWITCH VIAZEMSKY**, 1750—1807, était fils du prince Ivan Andréewitch Viazemsky, conseiller privé actuel, et de la princesse Marie Serguéewna, née Dolgorouky. Il reçut une instruction à la française, puis se fit militaire et fut de 1773 à 1778 commandant du régiment de Vologda. Bien qu'il eût, dit-il lui-même, „fort à compter avec la malveillance du prince Potemkine", son père, grâce à ses relations, le „hissa" avec beaucoup d'adresse: en 1778, il était général major. Il fit ensuite un grand voyage en Europe, puis, promu général lieutenant en 1787, fut nommé en 1789 membre du Collège Militaire. En 1796, après avoir permuté conseiller privé, il fut fait général gouverneur de Nijni-Novgorod et Penza, mais, dès „les premiers mois du règne" de Paul Ier, quitta ce poste pour devenir sénateur. Il termina sa carrière conseiller privé actuel et chevalier de St-Alexandre Newsky et de Ste-Anne de 1re classe. Il mourut le 20 avril 1807, et fut inhumé à Moscou, au monastère Novodévitchi. Il avait épousé en 1786, contre la volonté de ses parents, une irlandaise divorcée, Eugénie Kennedy, née O'Reilly. Il eut de ce mariage un fils, Pierre, connu comme poète, et une fille, Catherine, mariée au prince Alexis Grigoriewitch Chtcherbatoff.

Le prince Viazemsky avait la réputation d'un „charmant" homme du monde. „Sans rien de brillant comme installation", sa maison de Moscou était „un centre délicieux de réunion et de toute espèce de plaisirs pour une société de lettrés": Karamzine, Nélédinsky-Méletzky et le prince A. Bélosselsky étaient de ses amis; les étrangers de passage trouvaient chez lui „l'hospitalité russe et tout le charme d'une conversation à l'européenne". Non exempt de quelque faiblesse à l'endroit des „marques de la faveur de Sa Majesté", il rappelait aux gens influents et à Paul Ier lui-même qu'il y en avait „de bien plus jeunes que lui qui en avaient été honorés". Ses relations de service ne laissèrent que des mécontents: le prince I. Dolgorouky, après avoir été avec lui „en bonnes relations", trouva dans son service à Penza „un accueil des plus hautains", et ne faisait pas grand cas de lui comme général gouverneur: il le déclare „un fanfaron", „une nullité", qui „agissait à tort et à travers", et explique tout par „les préjugés anglais dont il a l'esprit farci". Pourtant, quand il y aurait eu dans ses actes „bien du pédantisme à vide", il n'était certes pas exempt d'une certaine rectitude de jugement. Comme administrateur militaire, il émit cette idée bien raisonnable que le vêtement du soldat doit être „commode et de bonne apparence, mais malheureusement c'est au second point qu'on donne le plus d'importance". Comme administrateur civil, il établit un projet de „systématisation des lois civiles", et, avec une hardiesse étonnante pour l'époque, estimait indispensable, dans cet ordre d'idées, de „mettre les archives en état de fournir immédiatement une référence quelconque". Lors de sa revision des Archives pour les affaires classées, à Moscou, il ne craignit pas d'explorer „jusqu'aux sous-sols" du Sénat, et, dans sa tournée de la lieutenance de Nijni-Novgorod, releva sur les ponts et partout „des traces fraîches de réparations et travaux entrepris juste pour le passage des autorités". Sans doute il serait exagéré de croire, sur la foi de Dolgorouky, qu'il „voulait faire de Penza un petit Londres", mais toujours est-il qu'il paraissait convaincu, avec nombre d'administrateurs de Catherine, de l'efficacité absolue des prescriptions d'en haut pour couper court à la „gloutonnerie" des fonctionnaires, et que, pas plus que les confrères, il n'était chiche de flatteries à l'adresse de „la très sage Souveraine".

(D'après un original appartenant au prince P. Viazemsky, St-Pétersbourg.)

127

Княгиня Дарья Александровна
Трубецкая,
173 . — 1809

La Princesse Daria Alexandrowna
Troubetzkoï,
173 . — 1809

128

Графъ Петръ Александровичъ
Румянцевъ-Задунайскій,
1725 — 1796

Le Comte Pierre Alexandrowitch
Roumiantzeff-Zadounaïsky,
1725 — 1796

129

Пис. К. Рейхель, 1817 г.

Княгиня Вѣра Ѳедоровна
Вяземская,
1790 — 1886

Peint par Ch. Reichel, 1817

La Princesse Véra Féodorowna
Viazemsky,
1790 — 1886

130

Князь Андрей Ивановичъ
Вяземскій,
1750 — 1807

Le Prince André Ivanowitch
Viazemsky,
1750 — 1807

РУССКІЕ PORTRAITS RUSSES ПОРТРЕТЫ

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи

Князь ВАСИЛІЙ СЕРГѢЕВИЧЪ ТРУБЕЦКОЙ, 1776—1841, сынъ князя Сергѣя Алексѣевича отъ брака съ княжной Еленой Васильевной Несвицкой († 1831 г.), родился 24 Марта 1776 г. и 5 лѣтъ записанъ въ Преображенскій полкъ, а черезъ 3 года переведенъ въ Конную гвардію. Произведенный въ 1793 г. въ корнеты, онъ началъ дѣйствительную службу. 1 Января 1796 г. Трубецкой произведенъ въ подпоручики и 3 Февраля того же года пожалованъ въ камеръ-юнкеры. Павелъ I отчислилъ его отъ полка, вмѣстѣ съ прочими камеръ-юнкерами, въ 1798 г. пожаловалъ въ дѣйствительные камергеры, а въ 1800 г. назначилъ членомъ Камеръ-Коллегіи и произвелъ въ тайные совѣтники. Александръ I повелѣлъ ему попрежнему отправлять должность камергера. Осенью 1805 г. Трубецкой рѣшилъ поступить на военную службу, чтобы принять участіе въ войнѣ съ Наполеономъ, и былъ опредѣленъ, съ чиномъ поручика, въ Маріупольскій гусарскій полкъ. Во время похода въ Австрію онъ состоялъ адъютантомъ при Багратіонѣ и за Аустерлицъ получилъ золотое оружіе. Въ 1806 г. Трубецкой уже былъ флигель-адъютантомъ, полковникомъ и эскадроннымъ командиромъ Кавалергардскаго полка. Дѣятельное участіе принялъ онъ и въ слѣдующей войнѣ съ Наполеономъ, былъ во всѣхъ главныхъ сраженіяхъ до Фридланда включительно и получилъ ордена Владиміра 4 ст. и 3 ст. (за Пултускъ и Вольфсдорфъ) и Георгія 4 ст. и 3 ст. (за Гутштадтъ и Гейльсбергъ), чинъ генералъ-майора и званіе генералъ-адъютанта (за Прейсишъ-Эйлау). По окончаніи военныхъ дѣйствій Трубецкой сопровождалъ Александра I въ Тильзитъ. Командированный въ 1809 г. съ Высочайшимъ повелѣніемъ къ главнокомандующему арміей, дѣйствовавшей противъ турокъ, князю Прозоровскому, онъ принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ и заслужилъ Анну 1 ст., Владиміра 2 ст. и золотую шпагу съ алмазами, но лѣтомъ 1810 г. вернулся въ Петербургъ (былъ высланъ изъ арміи графомъ Н. М. Каменскимъ за критику его дѣйствій). Въ 1812 г. Трубецкой находился при Государѣ въ Вильнѣ, оттуда повезъ въ Москву воззваніе къ Первопрестольной столицѣ и манифестъ объ ополченіи, а затѣмъ командовалъ кавалеріей корпуса Винценгероде. Въ 1813 и 1814 гг. онъ участвовалъ въ главныхъ сраженіяхъ вплоть до взятія Парижа; послѣ Бауцена получилъ чинъ генералъ-лейтенанта, а при Лейпцигѣ командовалъ гренадерскимъ корпусомъ и награжденъ золотой шпагой съ алмазами. Съ 1814 по 1822 г. Трубецкой неоднократно сопровождалъ Александра I въ его поѣздкахъ за границу и находился при немъ на конгрессахъ въ Вѣнѣ, Ахенѣ и Веронѣ. Въ Декабрѣ 1825 г. онъ ѣздилъ въ Берлинъ съ сообщеніемъ о восшествіи на престолъ Николая I, въ 1826 г. награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго и чиномъ генерала-отъ-кавалеріи (въ день коронаціи) и назначенъ сенаторомъ (6 Декабря) и президентомъ Попечительнаго о тюрьмахъ общества. Во время Турецкой войны Трубецкой находился при главной квартирѣ. Въ слѣдующемъ году онъ ѣздилъ въ Лондонъ для поздравленія Вильгельма IV съ восшествіемъ на престолъ. Въ 1831 г., во время холеры, онъ былъ временнымъ генералъ-губернаторомъ 3 частей Петербурга, а 6 Декабря 1835 г. назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Послѣдніе годы его жизни были посвящены общественной благотворительности. Онъ скончался 10 Февраля 1841 г. и погребенъ въ Духовской церкви Александро-Невской лавры. По словамъ А. О. Смирновой, Трубецкой получилъ чисто французское воспитаніе и былъ большимъ любителемъ живописи. Онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ. По словамъ графини Фредро, при большомъ ростѣ, онъ отличался рѣдкимъ безобразіемъ и внушалъ ей какое-то омерзеніе. Женатъ онъ былъ дважды: въ 1805 г. онъ женился на принцессѣ Курляндской Екатеринѣ Петровнѣ Биронъ (р. 1781 г., † 1839 г.), разведенной съ княземъ Ю. Роганомъ, но черезъ годъ съ ней разъѣхался, а въ 1812 г. женился на дочери Виленскаго полиціймейстера Софіи Андреевнѣ Вейсъ (р. 1796 г., † 1848 г.), одной изъ первыхъ красавицъ своего времени. Отъ второго брака Трубецкой имѣлъ 5 сыновей и 6 дочерей: Александра (р. 1813 г., † 1889 г.), Сергѣя (р. 1815 г., † 1859 г.), Андрея (р. 1822 г., † 1881 г.), Владиміра (р. 1825 г., † 1904 г.), Николая († 1889 г.), Елену (р. 1817 г., † 1831 г.), Марію (р. 1819 г., † 1895 г.; за А. Г. Столыпинымъ и свѣтл. кн. С. М. Воронцовымъ), Ольгу (р. 1820 г.; за М. А. Устиновымъ и Біанко-ди-Энколаде), Софію (р. 1823 г., † 1893 г.; за гр. И. А. Рибопьеромъ), Александру (р. 1827 г., † 1905 г.; за графомъ Ѳ. С. Апраксинымъ и барономъ Карломъ де-Бошъ) и Вѣру (р. 1830 г., † 1861 г.; за графомъ А. Эстергази-де-Галанта).

(Съ портрета Дау; Галлерея 1812 года въ Зимнемъ дворцѣ.)

Le prince BASILE SERGUÉEWITCH TROUBETZKOÏ, 1776—1841, fils du prince Serge Alexéewitch Troubetzkoï et de la princesse Hélène Vassiliewna, née Nésvitzky († 1831), naquit le 24 mars 1776, et fut enrôlé à l'âge de 5 ans au régiment Préobragensky, d'où il passa trois ans plus tard à la Garde à cheval. Promu cornette en 1793, il prit alors du service effectif, mais, sous-lieutenant le 1er janvier 1796, fut fait le 3 février suivant gentilhomme de la chambre: Paul Ier le fit sortir du régiment, ainsi que tous les gentilshommes de la chambre, et le nomma chambellan actuel en 1798, puis, en 1800, membre du Collège de la Chambre et conseiller privé. Alexandre Ier le laissa chambellan. A l'automne de 1805, il se refit militaire pour marcher contre Napoléon, et fut affecté comme lieutenant au régiment des hussards de Marioupol. Aide de camp de Bagration pendant la campagne d'Autriche, Austerlitz lui valut une épée d'or. En 1806, il était déjà aide de camp de Sa Majesté, colonel et chef d'escadrons aux Chevaliers-Gardes. Il prit encore une part active à la campagne suivante contre Napoléon, fut de toutes les principales batailles jusqu'à Friedland inclusivement, et gagna à Pultusk et à Wolfsdorf St-Vladimir de 4e et 3e classes, à Gutstadt et Heilsberg St-Georges de 4e et 3e classes, le grade de général major, et à Preussisch-Eylau le titre de général aide de camp. Il accompagna ensuite l'Empereur à Tilsitt. En 1809, porteur des instructions Impériales au prince Prozorowsky, chef de l'armée d'opérations contre les Turcs, il fit le début de la campagne, qui lui valut Ste-Anne de 1re classe, St-Vladimir de 2e classe et une épée d'or enrichie de diamants, mais, renvoyé par le comte Kamensky, dont il avait critiqué les opérations, il dut rentrer à Pétersbourg à l'été de 1810. En 1812, il est à Vilna près de l'Empereur, et va porter à Moscou la proclamation aux habitants et le manifeste sur la levée en masse, puis prend le commandement de la cavalerie du corps de Wintzingerode. Il fit toute la campagne de 1813/1814 jusqu'à la prise de Paris inclusivement; Bautzen lui valut le grade de général lieutenant, et Leipzig, où il commandait un corps de grenadiers, une épée d'or enrichie de diamants. De 1814 à 1822, il fut constamment aux côtés d'Alexandre dans ses voyages à l'étranger, en particulier aux congrès de Vienne, d'Aix-la-Chapelle et de Vérone. En décembre 1825, il alla à Berlin porter la nouvelle de l'avènement de Nicolas Ier; en 1826, il fut décoré de St-Alexandre Newsky et promu général de cavalerie le jour du couronnement, puis nommé, le 6 décembre, sénateur et président de la Société pour l'Assistance des détenus. Lors de la guerre de Turquie, il fut attaché au quartier général. Il alla ensuite à Londres féliciter Guillaume IV de son avènement. Général gouverneur provisoire de trois quartiers de Pétersbourg lors du choléra de 1831, il devint le 6 décembre 1835 membre du Conseil de l'Empire. Ses dernières années furent consacrées à des œuvres de charité. Il mourut le 10 février 1841, et fut inhumé dans l'église du Saint-Esprit, au monastère d'Alexandre Newsky. Au témoignage de Mme Smirnoff, il avait reçu une éducation toute française et était grand amateur de peinture. Il jouissait de l'estime générale. Grand de taille, il était d'une laideur rare, dit la comtesse Frédro, à qui il causait, prétend-elle, une sorte de répulsion. Il avait épousé en 1805 la duchesse de Courlande, Catherine (1781—1839), fille de Pierre Biron et femme divorcée du prince de Rohan, mais la quitta au bout d'un an. Il se remaria en 1812 à une des premières beautés de l'époque, la fille du préfet de police de Vilna, Sophie Andréewna Weiss (1796—1848), dont il eut cinq fils et six filles, Alexandre (1813—1889), Serge (1815—1859), André (1822—1881), Vladimir (1825—1904), Nicolas († 1889), Hélène (1817—1831), Marie (1819—1895), mariée à A. Stolypine et au prince sérénissime S. Worontzoff, Olga (née 1820), à M. Oustinoff et à Bianco di Encolade, Sophie (1823—1893), au comte I. Ribeaupierre, Alexandrine (1827—1905), au comte Th. Apraxine et au baron Charles de Bosch, et Véra (1830—1861), au comte A. Esterhazy de Galanta.

(D'après l'original de G. Dawe, Galerie 1812, Palais d'Hiver.)

Княгиня **ЕКАТЕРИНА ПЕТРОВНА ТРУБЕЦКАЯ**, 1781 — 1839, принцесса Екатерина-Фридерика-Вильгельмина-Бенигна Курляндская, герцогиня Саганская, старшая дочь Петра Бирона, герцога Курляндскаго (р. 1724 г., † 1800 г.), отъ третьяго брака его съ графиней Доротеей Медемъ (р. 1761 г., † 1821 г.), родилась 8 Февраля 1781 года. На 19 году она была помолвлена за князя А. А. Суворова, сына генералиссимуса; 14 Января 1800 г. Суворовъ просилъ на этотъ бракъ соизволенія Павла I, которое и послѣдовало въ рескриптѣ отъ 14 Февраля. Бракъ, однако, не состоялся, и уже 23 Іюля того же 1800 года принцесса вышла замужъ за генералъ-майора Австрійской службы князя Юлія-Арманда-Людовика де-Рогана-Гемене. Въ томъ же году она лишилась отца и унаслѣдовала отъ него обширное герцогство Саганское, въ Силезіи. 7 Марта 1805 г. бракъ герцогини Саганской съ Роганомъ былъ расторгнутъ, а 5 Мая она вышла вторично за князя Василія Сергѣевича Трубецкого (р. 1776 г., † 1841 г.), и они были обвѣнчаны въ Дрезденѣ, въ церкви русскаго посольства. Этотъ бракъ былъ еще непродолжительнѣе: въ слѣдующемъ 1806 году супруги уже разошлись, такъ какъ княгиня отказалась слѣдовать за мужемъ въ Россію; а такъ какъ князь Трубецкой „рѣшился лучше пожертвовать своей склонностью къ принцессѣ, нежели оставить для нея свое отечество, то, съ его согласія, бракъ былъ расторгнутъ, по именному Е. В. короля Прусскаго Фридриха повелѣнію, въ столичномъ городѣ Берлинѣ, тамошнимъ Камеръ-герихтомъ“. Въ Россіи князь Трубецкой получилъ разводъ отъ Св. Синода только въ 1812 году, а герцогиня 8 Октября 1819 г. вступила въ третій бракъ съ Австрійскимъ камергеромъ графомъ Карломъ-Рудольфомъ Шуленбургомъ. 14 Апрѣля 1827 г. она перешла изъ лютеранства въ католичество.

Герцогиня имѣла безчисленныя любовныя связи и вела самую безпорядочную жизнь, но, по словамъ графини Буань, подъ благороднымъ и приличнымъ видомъ. Въ числѣ ея любовниковъ были: принцъ Людвигъ Прусскій и знаменитый Меттернихъ. Герцогиня и Меттернихъ сошлись въ Дрезденѣ, были вмѣстѣ въ 1814 г. въ Парижѣ, гдѣ и разошлись для новыхъ увлеченій. Меттернихъ въ своихъ письмахъ къ княгинѣ Ливенъ называетъ герцогиню Саганскую „проклятой женщиной“, хотя очень умной и привлекательной, и увѣряетъ, что „никогда ея не любилъ, за что именно она его и любила“. Однако, по свидѣтельству Фридриха Генца, Меттернихъ былъ ея пламеннымъ любовникомъ. Герцогиня Саганская умерла 17/29 Ноября 1839 года.

(Съ миніатюры Дафингера; собственность графини М. Кинской, въ Вѣнѣ.)

La princesse **CATHERINE, PÉTROWNA TROUBETZKOÏ**, 1781—1839, née princesse Catherine-Frédérique-Wilhelmine-Bénigne de Courlande, duchesse de Sagan, fille aînée du duc de Courlande Pierre Biron (1724—1800) et de sa troisième femme, la comtesse Dorothée Mehdem (1761—1821), naquit le 8 février 1781. Un mariage projeté pour elle dans sa 19e année avec le fils de Souvoroff, et pour lequel le consentement de Paul Ier, sollicité le 14 janvier 1800, fut obtenu le 14 février, ne se fit pas, et elle épousa le 23 juillet suivant le prince Jules-Armand-Louis de Rohan-Guéménée, général major au service de l'Autriche. Elle perdit son père la même année, et hérita de lui l'immense duché de Sagan, en Silésie. Divorcée le 7 mars 1805, elle se remaria le 5 mai suivant au prince Basile Serguéewitch Troubetzkoï (1776—1841); la cérémonie eut lieu à Dresde, à l'église de l'ambassade de Russie. Ce second mariage fut encore plus éphémère; on se sépara au bout d'un an seulement: la princesse ayant refusé de suivre son mari en Russie, il se déclara „prêt au sacrifice de son attachement pour elle plutôt que de renoncer à son pays, et le mariage fut dissous sur sa demande, au nom de S. M. le Roi de Prusse Frédéric, à Berlin, par le Tribunal civil de cette capitale". En Russie, le Synode ne prononça le divorce qu'en 1812: la duchesse s'était déjà remariée en troisièmes noces avec le comte Charles-Rodolphe de Schulenbourg, chambellan autrichien. Le 14 avril 1827, elle abjura le protestantisme pour se faire catholique.

La duchesse de Sagan eut une foule de liaisons et mena la vie la plus désordonnée, mais toujours, dit la comtesse de Boigne, en sauvant les apparences. Du nombre de ses amants furent le prince Louis de Prusse et le célèbre Metternich. Elle connut celui-ci à Dresde et le suivit en 1814 à Paris; après quoi ils se séparèrent pour continuer leurs frasques chacun de leur côté. Dans ses lettres à la princesse Lieven, Metternich reconnaît à cette „maudite femme", comme il l'appelle, beaucoup d'esprit et de charme, mais prétend „ne l'avoir jamais aimée, ce qui fut précisément la cause de sa passion pour lui": or il en était féru, au témoignage de Frédéric Hentz. La duchesse de Sagan mourut le 17/29 novembre 1839.

(D'après une miniature de Daffinger, appartenant à la comtesse M. Kinsky, à Vienne.)

Графъ **ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ГОЛОВИНЪ**, 1776—1821, сынъ секундъ-майора графа Сергѣя Ѳедоровича Головина (р. 1738 г., † 1786 г.), отъ брака его съ графиней Клеопатрой Платоновной Мусиной-Пушкиной (р. 1739 г., † 1785 г.), сестрой фельдмаршала графа Валентина Платоновича, родился 9 Ноября 1776 года. О службѣ его никакихъ свѣдѣній не сохранилось. Онъ жилъ обыкновенно въ своемъ имѣніи Ивановскомъ, близъ Новгорода. За нимъ, вмѣстѣ съ женою, было около 9000 душъ крестьянъ. По семейному преданію, Головинъ въ 1812 г. повелъ на войну почти двѣ тысячи своихъ крестьянъ, обмундировавъ ихъ на свой счетъ.

Скончался графъ И. С. Головинъ 7 Октября 1821 г. и погребенъ въ Новгородскомъ Свято-Духовомъ женскомъ монастырѣ. Отъ брака съ Анастасіей Ивановной Воронцовой (р. 1782 г., † 1836 г.) Головинъ имѣлъ единственнаго сына Ѳедора и 3 дочерей: Екатерину (р. 1801 г., † 1877 г.; въ замужствѣ за Александромъ Лазаревичемъ Вуичемъ), Клеопатру (р. 1804 г., † 1827 г.; за Арсеніемъ Васильевичемъ Семевскимъ) и Наталію (р. 1810 г., † 1875 г.; за Лутовиновымъ).

(Съ портрета О. Кипренскаго; принадлежалъ [въ 1903 г.] князю А. В. Шаховскому, с. Бѣлая Колпь, Московской губерніи.)

Le comte **IVAN SERGUÉEWITCH GOLOVINE**, 1776—1821, fils du comte Serge Féodorowitch Golovine (1738—1786), second major, et de Cléopâtre Platonowna, née comtesse Moussine-Pouchkine (1739—1785) et sœur du feld-maréchal, naquit le 9 novembre 1776. On ne sait rien de sa carrière. Sa résidence ordinaire fut sa propriété d'Ivanowskoïé, près Novgorod. Il avait avec sa femme environ 9000 têtes de paysans. Une tradition de famille le représente conduisant à la guerre de 1812 une troupe de près de 2000 d'entre eux, équipée à ses frais. Il mourut le 7 octobre 1821, et fut inhumé au monastère de femmes du Saint-Esprit, à Novgorod.

Le comte Golovine avait épousé Anastasie Ivanowna Worontzoff (1782—1836), dont il eut un fils unique, Théodore, et trois filles, Catherine (1801—1877), mariée à Alexandre Lazarewitch Vouitch, Cléopâtre (1804—1827), à Arsène Vassiliewitch Sémewsky, et Natalie (1810—1875), à Loutovinoff.

(D'après un original de Kiprensky, ayant appartenu en 1903 au prince A. Schakhowskoï, Bélaïa Kolp, gouvernement de Moscou.)

Графиня **АНАСТАСІЯ ИВАНОВНА ГОЛОВИНА**, 1782—1836, дочь Ивана Алексѣевича Воронцова, двоюроднаго племянника графовъ Романа и Михаила Иларіоновичей Воронцовыхъ, отъ брака его съ Екатериной Петровной Евреиновой, жена графа Ивана Сергѣевича Головина (р. 1776 г., † 1821 г.), родилась 3 Декабря 1782 года; скончалась она 13 Апрѣля 1836 года въ Петербургѣ и погребена въ Новгородскомъ Свято-Духовомъ женскомъ монастырѣ, вмѣстѣ съ мужемъ.

Послѣ выхода замужъ графиня Головина большую часть своей жизни прожила въ имѣніи своемъ Ивановскомъ, близъ Новгорода. У нея былъ единственный сынъ Ѳедоръ и три дочери: Екатерина (р. 1801 г., † 1877 г.; въ замужствѣ за Александромъ Лазаревичемъ Вуичемъ), Клеопатра (р. 1804 г., † 1827 г.; за Арсеніемъ Васильевичемъ Семевскимъ) и Наталія (р. 1810 г., † 1875 г.; за Лутовиновымъ).

(Съ портрета О. Кипренскаго; принадлежалъ [въ 1903 г.] князю А. В. Шаховскому, с. Бѣлая Колпь, Московской губерніи.)

La comtesse **ANASTASIE IVANOWNA GOLOVINE**, 1782—1836, fille d'Ivan Alexéewitch Worontzoff, cousin issu de germain des comtes Romain et Michel Ilarionowitch Worontzoff, et de Catherine Pétrowna, née Evréinoff, était femme du comte Ivan Serguéewitch Golovine (1776—1821). Née le 3 décembre 1782, elle mourut le 13 avril 1836 à Pétersbourg, et fut inhumée près de son mari au monastère de femmes du Saint-Esprit, à Novgorod.

Après son mariage, elle habita presque constamment sa propriété d'Ivanowskoïé, près Novgorod. Elle eut un fils unique, Théodore, et trois filles, Catherine (1801—1877), mariée à Alexandre Lazarewitch Vouitch, Cléopâtre (1804—1827), à Arsène Vassiliewitch Sémewsky, et Natalie (1810—1875), à Loutovinoff.

(D'après un original de Kiprensky, ayant appartenu en 1903 au prince A. Schakhowskoï, Bélaïa Kolp, gouvernement de Moscou.)

131

Пис. Дау — *Peint par Dawe*

Князь Василій Сергѣевичъ Трубецкой, 1775 — 1841 — *Le Prince Basile Serguéewitch Troubetzkoï,* 1775 — 1841

132

Пис. Дафингеръ — *Peint par Daffinger*

Княгиня Екатерина Петровна Трубецкая, 1781 — 1839 — *La Princesse Catherine Pétrowna Troubetzkoï,* 1781 — 1839

133

Пис. О. Кипренскій — *Peint par O. Kiprensky*

Графъ Иванъ Сергѣевичъ Головинъ, 17 . . — 18 . . — *Le Comte Ivan Serguéewitch Golovine,* 17 . . — 18 . .

134

Пис. О. Кипренскій — *Peint par O. Kiprensky*

Графиня Анастасія Ивановна Головина, 1782 — 1836 — *La Comtesse Anastasie Ivanowna Golovine,* 1782 — 1836

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи
№ 3966

135

Князь ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ ЩЕРБАТОВЪ, 1762—1831, сынъ гвардіи капитана князя Петра Михайловича (р. 1724 г., † 176 . г.), отъ брака съ Натальей Павловной Балкъ-Полевой (р. 1726 г., † 1791 г.), родился 3 Февраля 1762 г. и въ 1767 г. былъ опредѣленъ въ Сухопутный кадетскій корпусъ, откуда въ 1782 г. выпущенъ поручикомъ въ армію. Произведенный въ томъ же году въ капитаны, онъ въ слѣдующемъ году переведенъ поручикомъ въ Преображенскій полкъ. Въ 1784 г. Щербатовъ пожалованъ былъ въ камеръ-юнкеры, а въ 1793 г. въ дѣйствительные камергеры.

Въ 1796 г. князь П. П. Щербатовъ назначенъ былъ герольдмейстеромъ, въ 1798 г. пожалованъ въ сенаторы, съ производствомъ въ тайные совѣтники, а въ 1800 г. уволенъ въ отставку, съ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Щербатовъ состоялъ также почетнымъ опекуномъ по Петербургскому присутствію Опекунскаго совѣта и имѣлъ ордена св. Анны 1 ст., Александра Невскаго и Іоанна Іерусалимскаго. Онъ скончался 21 Марта 1831 г. и погребенъ въ церкви Св. Духа, въ Александро-Невской лаврѣ.

Князь П. П. Щербатовъ былъ женатъ на дочери фельдмаршала графинѣ Анастасіи Валентиновнѣ Мусиной-Пушкиной (р. 1774 г., † 1841 г.) и имѣлъ трехъ дочерей: Прасковью (р. 1795 г., † 1820 г.; въ замужствѣ за княземъ Борисомъ Николаевичемъ Юсуповымъ), Марію (р. и † 1797 г.) и Наталью (р. 1801 г., † 1868 г.; за графомъ Александромъ Николаевичемъ Зубовымъ).

(Съ портрета О. Кипренскаго; принадлежалъ [въ 1903 г.] князю А. В. Шаховскому, с. Бѣлая Колпь, Московской губерніи.)

135

Le prince **PAUL PÉTROWITCH CHTCHERBATOFF**, 1762—1831, fils du prince Pierre Mikhaïlowitch Chtcherbatoff (1724—176 .), capitaine de la Garde, et de Natalie Pavlowna, née Balk-Poleff (1726—1791), naquit le 3 février 1762, et entra en 1767 au Corps des Cadets, d'où il sortit en 1782 lieutenant à l'Armée. Capitaine la même année, il permuta l'année suivante lieutenant au régiment Préobragensky. Il fut fait en 1784 gentilhomme de la chambre, et en 1793 chambellan actuel.

Président de la chambre héraldique en 1796, et sénateur en 1798 avec rang de conseiller privé, il prit sa retraite en 1800 avec rang de conseiller privé actuel. Il était aussi tuteur honoraire du Conseil de Tutelle de Pétersbourg, et décoré de Ste-Anne de 1re classe, de St-Alexandre Newsky et de Saint-Jean-de-Jérusalem. Il mourut le 21 mars 1831, et fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky, dans l'église du Saint-Esprit.

Le prince Chtcherbatoff avait épousé la comtesse Anastasie Valentinowna Moussine-Pouchkine (1774—1841), fille du feld-maréchal, dont il eut trois filles, Prascovie (1795—1820), mariée au prince Boris Nikolaewitch Youssoupoff, Marie (née et † 1797), et Natalie (1801—1868), mariée au comte Alexandre Nikolaewitch Zouboff.

(D'après un original de Kiprensky, ayant appartenu en 1903 au prince A. Shakhowskoï, Bélaïa Kolp, gouvernement de Moscou.)

136

Княгиня АНАСТАСІЯ ВАЛЕНТИНОВНА ЩЕРБАТОВА, 1774—1841, дочь генералъ-фельдмаршала графа Валентина Платоновича Мусина-Пушкина (р. 1735 г., † 1804 г.), отъ брака его съ княжной Прасковьей Васильевной Долгорукой (дочь князя В. М. Долгорукаго-Крымскаго; р. 1754 г., † 1826 г.), жена сенатора, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Павла Петровича Щербатова (р. 1762 г., † 1831 г.), родилась 7 Января 1774 года.

При Екатеринѣ II была фрейлиной, а 18 Апрѣля 1816 г. пожалована въ кавалерственныя дамы ордена св. Екатерины. Скончалась княгиня А. В. Щербатова 6 Марта 1841 г. и погребена въ церкви Св. Духа, въ Александро-Невской лаврѣ. Имѣла трехъ дочерей: Прасковью (р. 1795 г., † 1820 г.; въ замужствѣ за княземъ Борисомъ Николаевичемъ Юсуповымъ), Марію (р. и † 1797 г.) и Наталью (р. 1801 г., † 1868 г.; замужемъ за графомъ Александромъ Николаевичемъ Зубовымъ).

(Съ портрета О. Кипренскаго; принадлежалъ [въ 1903 г.] князю А. В. Шаховскому, с. Бѣлая Колпь, Московской губерніи.)

БИБЛІОТЕКА
Пермской
Художеств
№ 3966

136

La princesse **ANASTASIE VALENTINOWNA CHTCHERBATOFF**, 1774—1841, femme du prince Paul Pétrowitch Chtcherbatoff (1762—1831), conseiller privé actuel et sénateur, fille du comte Valentin Platonowitch Moussine-Pouchkine (1735—1804), général feld-maréchal, et de Prascovie Vassiliewna, née princesse Dolgorouky (1754—1826) et fille du prince B. Dolgorouky-Krymsky, naquit le 7 janvier 1774. Elle fut demoiselle d'honneur de Catherine II, et fut faite dame de Ste-Catherine le 18 avril 1816. Elle mourut le 6 mars 1841, et fut inhumée au monastère d'Alexandre Newsky, dans l'église du Saint-Esprit. Elle eut trois filles, Prascovie (1795—1820), mariée au prince Boris Nikolaewitch Youssoupoff, Marie (née et † 1797), et Natalie (1801—1868), mariée au comte Alexandre Nikolaewitch Zouboff.

(D'après un original de Kiprensky, ayant appartenu en 1903 au prince A. Schakhowskoï, Bélaïa Kolp, gouvernement de Moscou.)

ДАРЬЯ НИКОЛАЕВНА ХВОСТОВА, 17..—18.., дочь генерала Николая Дмитріевича Арсеньева (р. 1754 г., † 1796 г.), отъ брака его съ Вѣрой Ивановной Ушаковой, третья жена сенатора, тайнаго совѣтника Василія Семеновича Хвостова (р. 1754 г., † 1832 г.); отъ этого брака Д. Н. Хвостова имѣла двоихъ сыновей, Александра (р. 1809 г., † 1861 г.) и Дмитрія (р. 1811 г., † 1860 г.), и дочь Елизавету.

(Съ портрета О. Кипренскаго, 1814 г.; Третьяковская галлерея, въ Москвѣ.)

DARIA NIKOLAEWNA KHVOSTOFF, 17 . .— 18 . ., fille du général Nicolas Dmitriewitch Arsénieff (1754—1796) et de Véra Ivanowna, née Ouchakoff, était la troisième femme du conseiller privé et sénateur Basile Sémenowitch Khvostoff (1754—1832). Elle eut de ce mariage deux fils, Alexandre (1809—1861) et Dmitri (1811—1860), et une fille, Elisabeth.

(D'après l'original de Kiprensky, 1814, Galerie Trétiakoff, Moscou.)

ВАСИЛІЙ СЕМЕНОВИЧЪ ХВОСТОВЪ, 1754—1832, сынъ небогатаго Гдовскаго помѣщика, секундъ-майора Семена Васильевича († 1770 г.), отъ брака съ Дарьей Ивановной Головцыной († 1770 г.), родился 24 Декабря 1754 года. Образованіе получилъ въ Петербургской гимназіи, которую окончилъ въ 1772 г., со званіемъ студента, поступилъ въ секретари къ Г. Г. Орлову, который опредѣлилъ его въ артиллерію сержантомъ и назначилъ аудиторомъ во 2-й канонирскій полкъ. Хвостову удалось пріобрѣсти расположеніе также и преемника Орлова по управленію артиллеріей, И. И. Меллера, и его брата, Б. И. Меллера, своего непосредственнаго начальника. Когда послѣдній получилъ назначеніе на постъ начальника Колыванскаго края, Хвостовъ рѣшилъ слѣдовать за нимъ въ Сибирь и въ 1779 г., выйдя изъ артиллеріи, съ чиномъ капитана, зачисленъ былъ въ конную роту Колыванскаго горнаго баталіона. Въ 1782 г. онъ былъ посланъ въ Петербургъ съ донесеніемъ объ устройствѣ новаго областного управленія и получилъ за это золотую табакерку съ сотней червонцевъ. Въ 1783 г., переименованный въ надворные совѣтники, Хвостовъ былъ назначенъ совѣтникомъ Колыванской гражданской палаты, а въ слѣдующемъ году женился на дочери Б. И. Меллера, Екатеринѣ Борисовнѣ. Въ 1788 г. Хвостовъ перешелъ на мѣсто совѣтника губернскаго правленія, а черезъ 2 года рѣшилъ переѣхать въ Европейскую Россію. Во время службы въ Сибири онъ пристрастился къ минералогіи и собралъ довольно большую коллекцію, которую по возвращеніи въ Петербургъ продалъ Академіи Наукъ за 4/т. рублей. Послѣ неудачныхъ хлопотъ получить мѣсто въ Перми по горной части, Хвостовъ поселился въ своемъ Гдовскомъ имѣніи, Нѣжовѣ. Желаніе увидѣться со старшимъ братомъ, занимавшимъ мѣсто повѣреннаго въ дѣлахъ въ Константинополѣ (они не видѣлись болѣе 10 лѣтъ), побудило его опредѣлиться въ 1793 г. кавалеромъ въ чрезвычайное посольство въ Турцію, во главѣ котораго стоялъ М. И. Кутузовъ. По возвращеніи изъ Турціи Хвостовъ лишился жены въ 1795 г. и вышелъ въ отставку, съ чиномъ статскаго совѣтника. Съ 1796 по 1799 г. онъ служилъ по выборамъ Гдовскимъ предводителемъ дворянства. Въ Февралѣ 1800 г. Хвостовъ вступилъ въ бракъ съ Екатериной Александровной Колюбакиной, но 23 Ноября 1801 г. лишился и второй жены, умершей отъ родовъ. Послѣ ея смерти онъ переѣхалъ въ Петербургъ, чтобы опять поступить на службу. Здѣсь онъ нашелъ покровителей въ лицѣ графа П. А. Строганова и Н. Н. Новосильцова, но все-таки его хлопоты получить мѣсто оберъ-прокурора Св. Синода не увѣнчались успѣхомъ. Хорошо знакомый съ Сибирью, онъ сталъ тогда хлопотать о мѣстѣ губернатора во вновь учрежденную Томскую губернію, и въ 1803 г. назначенъ Томскимъ губернаторомъ, съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Вслѣдствіе непріятностей съ Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ Пестелемъ, Хвостовъ въ 1808 году былъ отданъ подъ судъ по обвиненію въ увозѣ поселенки, незаконныхъ поборахъ и медленномъ исполненіи предписанія генералъ-губернатора. Указомъ 9 Іюня 1808 г. повелѣно было разсмотрѣть его дѣло въ Сенатѣ, откуда оно перешло въ Государственный Совѣтъ. Большинство сенаторовъ и Государственный Совѣтъ признали Хвостова невиновнымъ, и только 4 сенатора находили необходимымъ сдѣлать ему выговоръ за медленное исполненіе предписаній начальства. Государь утвердилъ 29 Августа 1814 г. мнѣніе 4 сенаторовъ, но вмѣнилъ судъ въ наказаніе. Хвостовъ, желая быть вполнѣ оправданнымъ, подалъ прошеніе на Высочайшее имя, и въ 1820 г. Александръ I поручилъ Сперанскому разсмотрѣть его дѣло. Сперанскій призналъ Хвостова невиновнымъ и считалъ справедливымъ вознаградить его. Въ Мартѣ 1822 г. онъ былъ назначенъ сенаторомъ, съ производствомъ въ тайные совѣтники. Хвостовъ до глубокой старости сохранилъ свои силы и въ годъ смерти написалъ для своихъ дѣтей „Записки“ (напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1870 г.). Скончался онъ 27 Августа 1832 года. Хвостовъ былъ женатъ трижды. Отъ перваго брака онъ имѣлъ нѣсколькихъ человѣкъ дѣтей, которыя всѣ умерли въ младенчествѣ, кромѣ сына Николая (р. 1793 г., † 1837 г.), а отъ третьяго брака съ Дарьей Николаевной Арсеньевой—двухъ сыновей, Александра (р. 1809 г., † 1861 г.) и Дмитрія (р. 1811 г., † 1860 г.), и дочь Елизавету.

Вигель, познакомившійся съ Хвостовымъ въ Томскѣ, дѣлаетъ такую его характеристику: „Онъ былъ человѣкъ тучный, тяжеловѣсный, степенный и разсудительный; лицо онъ имѣлъ багровое, говорилъ тихо и размѣрно, дѣйствовалъ осторожно, однакоже, не медленно.... Былъ самыхъ честныхъ правилъ и исполненъ человѣколюбія. Человѣкъ прекрасный, но слишкомъ серіозный, и предметы разговоровъ его мнѣ казались совсѣмъ незанимательны“.

(Съ портрета Кипренскаго, 1814 г.; Третьяковская галлерея, въ Москвѣ.)

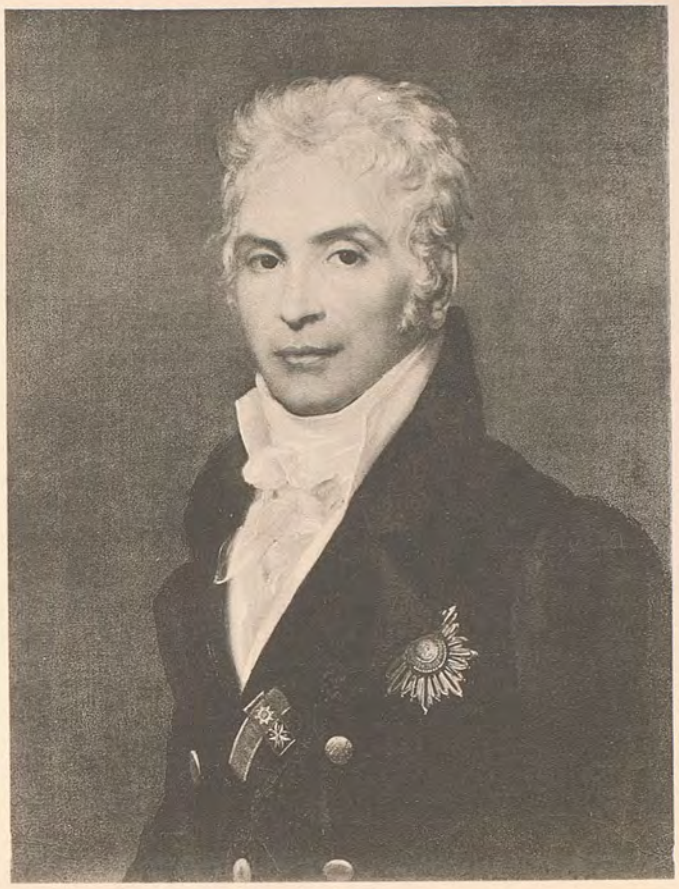
BASILE SÉMENOWITCH KHVOSTOFF, 1754—1832, fils d'un petit propriétaire de Gdowsk, le second major Simon Vassiliewitch Khvostoff († 1770), et de Daria Ivanowna, née Golovtzyne († 1770), naquit le 24 décembre 1754. Il fit ses études au gymnase de St-Pétersbourg, d'où il sortit en 1772 avec le titre d'étudiant, et devint alors secrétaire de Grégoire Orloff, qui l'enrôla sergent d'artillerie et le nomma auditeur au 2e régiment de canonniers. Il sut se faire bien voir également du successeur d'Orloff à la direction de l'artillerie, Ivan Möller, ainsi que de son frère Boris Möller. Lorsque celui-ci, sous les ordres immédiats duquel il se trouvait, devint gouverneur de la région de Kolyvan, il résolut de le suivre en Sibérie, et, en 1779, donna sa démission de capitaine d'artillerie pour prendre du service à la compagnie montée du bataillon de mineurs de Kolyvan. Envoyé en 1782 à Pétersbourg avec le rapport sur l'organisation de l'administration de la nouvelle région, il reçut une tabatière en or et cent ducats. Il permuta l'année suivante conseiller de cour et fut nommé conseiller au tribunal civil de Kolyvan, et épousa un an après la fille Catherine du gouverneur Boris Möller. Conseiller à l'administration régionale en 1788, il résolut deux ans plus tard de revenir en Russie d'Europe. Grand amateur de minéralogie, il rapporta de Sibérie une collection assez considérable, qu'il vendit 4000 roubles à l'Académie des Sciences à son retour à Pétersbourg. Après des démarches infructueuses pour se faire nommer au service des mines à Perm, il alla se fixer à Néjovo, sa propriété de Gdowsk. Le désir de revoir son frère, chargé d'affaires à Constantinople, qu'il n'avait pas vu depuis plus de dix ans, le fit entrer en 1793 chevalier à l'ambassade extraordinaire de Koutouzoff en Turquie. A son retour, il perdit sa femme en 1795 et prit sa retraite avec rang de conseiller d'état; il fut de 1796 à 1799 maréchal de la noblesse de Gdowsk. Il se remaria en février 1800 avec Catherine Alexandrowna Kolubiakine, qui mourut en couches le 23 novembre 1801. Il vint alors reprendre du service à Pétersbourg, où il trouva des protecteurs dans la personne du comte Paul Stroganoff et N. Novossiltzoff, mais sans réussir à se faire nommer procureur général du Saint Synode. Arguant de sa connaissance de la Sibérie, il sollicita ensuite le poste de gouverneur du nouveau gouvernement de Tomsk, et l'obtint en 1803 avec rang de conseiller d'état actuel. A la suite de démêlés avec le gouverneur général de la Sibérie, Pöstel, il fut traduit en justice en 1808 sous la prévention d'enlèvement d'une émigrante, de perceptions illégales et de lenteurs dans l'exécution des instructions du gouverneur général. Par oukaze du 9 juin 1808, l'affaire fut soumise au Sénat, d'où elle passa au Conseil de l'Empire. La majorité du Sénat et le Conseil de l'Empire le reconnurent innocent: quatre sénateurs crurent toutefois devoir lui infliger un blâme pour lenteur dans l'exécution de ses instructions. L'Empereur confirma, mais déclara les poursuites suffisantes comme châtiment. Khvostoff, voulant une entière justification, déposa une requête au nom de Sa Majesté, et en 1820, l'Empereur remit l'affaire à l'examen de Spéransky, qui le déclara innocent et lui reconnut des droits à un dédommagement: en mars 1822, il fut nommé sénateur et promu conseiller privé. Valide jusqu'à une vieillesse avancée, il rédigea pour ses enfants l'année de sa mort des Mémoires, publiés en 1870 dans l'Archive Russe. Il mourut le 27 août 1832.

Khvostoff fut marié trois fois. Il eut de son premier mariage plusieurs enfants, tous morts en bas âge, sauf un, Nicolas (1793—1837), et du troisième, avec Daria Nikolaewna Arsénieff, deux fils, Alexandre (1809—1861) et Dmitri (1811—1860), et une fille, Elisabeth.

„Obèse et trapu, grave et judicieux", dit Wiegel, qui le connut à Tomsk, „il avait la face cramoisie, la parole douce et mesurée, l'action réfléchie, mais sans lenteur.... Avec ses principes des plus rigoureux et sa haute philanthropie, c'était une nature d'élite, mais il était trop sérieux, et sa conversation me semblait dénuée d'intérêt".

(D'après l'original de Kiprensky, 1814, Galerie Trétiakoff, Moscou.)

135



Пис. Кипренскій — Peint par Kiprensky

Князь Павелъ Петровичъ Щербатовъ,
1762 — 1831

Le Prince Paul Pétrowitch Chtcherbatoff,
1762 — 1831

136

Пис. Кипренскій — Peint par Kiprensky

Княгиня Анастасія Валентиновна Щербатова,
1774 — 1841

La Princesse Anastasie Valentinowna Chtcherbatoff,
1774 — 1841

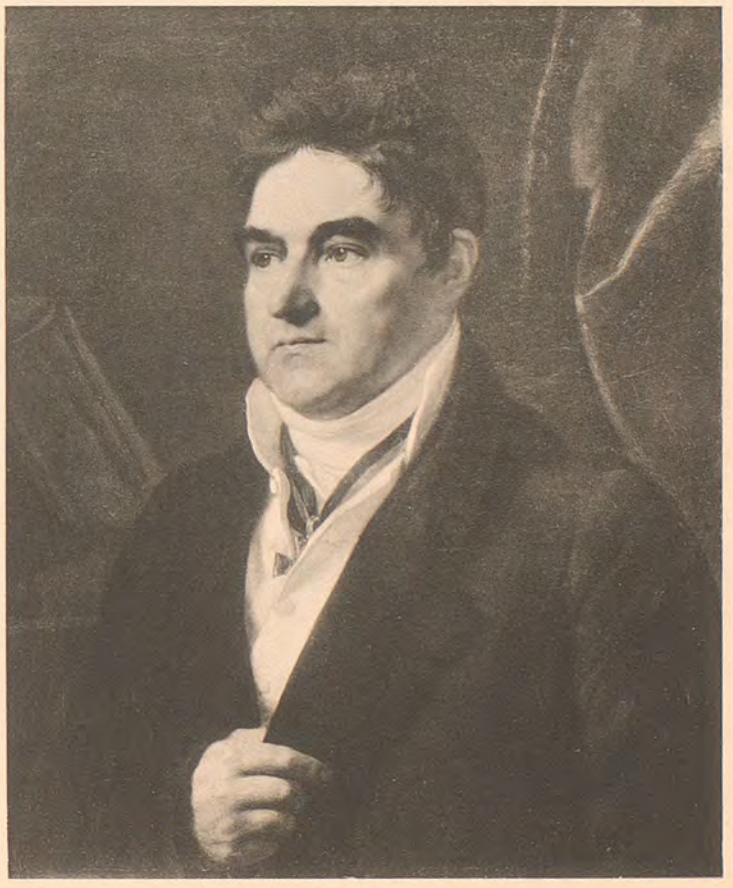
137

Пис. Кипренскій, 1814 г. — Peint par Kiprensky, 1814

Дарья Николаевна Хвостова,
17 . . — 18 . .

Daria Nikolaewna Khvostoff,
17 . . — 18 . .

138



Пис. О. Кипренскій, 1814 г. — Peint par O. Kiprensky, 1814

Василій Семеновичъ Хвостовъ,
1754 — 1832

Basile Sémenowitch Khvostoff,
1754 — 1832

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной

Графиня **ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА УВАРОВА**, 1783—1849, младшая изъ двухъ дочерей графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго (р. 1748 г., † 1822 г.), отъ брака его съ графиней Варварой Петровной Шереметевой (р. 1750 г., † 1824 г.), родилась 5 Января 1783 года. Ей не было еще и двухъ лѣтъ, когда мать ея была удалена изъ отцовскаго дома, и она, съ сестрою своей Варварой (впослѣдствіи княгиней Репниной), осталась на попеченіи одной няни-нѣмки. Когда ей минуло 8 лѣтъ, а старшей сестрѣ ея 13 лѣтъ, отецъ взялъ для нихъ гувернантку, по происхожденію швейцарку, Mlle Calame (тетку извѣстнаго пейзажиста). Новая воспитательница молодыхъ графинь оказалась женщиной высокой нравственности, умной, съ твердымъ характеромъ и отличнымъ сердцемъ. Она сумѣла скрыть отъ своихъ воспитанницъ неправильности семейныхъ отношеній ихъ родителей, и обѣ сестры нѣжно ее полюбили и сохранили привязанность къ ней до конца ея жизни. Подъ ея руководствомъ и прошло ихъ домашнее воспитаніе, такъ какъ графиня В. П. Разумовская, жившая въ отдѣльномъ домѣ въ Москвѣ и часто видавшая у себя своихъ дѣтей, по желанію мужа, не могла принимать никакого участія въ ихъ воспитаніи, хотя выплачивала ему до 10.000 руб. въ годъ на образованіе дѣтей и на разныя нужды дочерей, отдѣливъ ихъ, при выходѣ замужъ, щедрымъ приданымъ. Графиня Е. А. Разумовская была любимой фрейлиной Императрицы Елисаветы Алексѣевны и сотрудницей ея по основанному Государыней Патріотическому обществу.

Въ 1811 году графиня Екатерина Алексѣевна вышла замужъ за Сергѣя Семеновича Уварова, впослѣдствіи министра народнаго просвѣщенія и съ 1846 г. графа. Унаслѣдовавъ отъ родителей весьма значительное состояніе, графиня Е. А. Уварова купила у дядей своихъ, братьевъ отца, большое ихъ имѣніе въ Московской губерніи, село Порѣчье, которое она подарила мужу, увеличившему и украсившему обширный Порѣчинскій домъ своей огромной библіотекой, картинами и рѣдкими мраморами, вывезенными изъ Рима. Въ этомъ имѣніи, пріѣзжая изъ Петербурга, подолгу проживали супруги Уваровы, отдыхая отъ свѣтской жизни. Графиня Екатерина Алексѣевна Уварова состояла предсѣдательницею Патріотическаго общества; она скончалась въ Петербургѣ 14 Іюля 1849 года и похоронена въ Лазаревской церкви Александро-Невской лавры.

Старшая дочь ея, графиня Александра Сергѣевна (р. 1814 г., † 1865 г.), была замужемъ за княземъ Павломъ Александровичемъ Урусовымъ, вторая, Наталія (р. 1820 г., † 1843 г.), за Иваномъ Петровичемъ Балабинымъ, третья, Елизавета, умерла незамужнею, а единственный сынъ, любитель старины, извѣстный русскій археологъ и ученый, графъ Алексѣй Сергѣевичъ (р. 1824 г., † 1884 г.), былъ женатъ на княжнѣ Прасковіи Сергѣевнѣ Щербатовой.

(Съ портрета, принадлежащаго графинѣ П. С. Уваровой, въ Москвѣ.)

139

La comtesse **CATHERINE ALEXÉEWNA OUVAROFF**, 1783—1849, la plus jeune des deux filles du comte Alexis Kirillowitch Razoumowsky (1748—1822) et de la comtesse Varvara Pétrowna, née Chéréméteff (1750—1824), naquit le 5 janvier 1783. Elle avait à peine deux ans quand sa mère dut quitter la maison paternelle, et elle resta avec sa sœur Varvara (plus tard princesse Repnine) aux soins d'une simple nourrice allemande. Quand les fillettes eurent l'une 8 ans, l'autre 13, le père leur prit une gouvernante d'origine suisse, Mlle Calame (tante du célèbre paysagiste), personne d'une haute valeur morale, d'un grand esprit, d'un caractère ferme et d'un excellent cœur, qui sut détourner leur attention de la vie irrégulière de leurs parents, se fit tendrement aimer d'elles et conserva leur attachement jusqu'à la fin de ses jours. Ce fut elle qui dirigea toute leur éducation, entièrement soustraite par le père à l'influence maternelle: habitant à Moscou une maison à part et recevant souvent ses enfants chez elle, la comtesse ne versait cependant pas moins de 10.000 roubles par an à son mari pour leur instruction et leur entretien, et les dota généreusement à leur mariage.

Demoiselle d'honneur préférée de l'Impératrice Elisabeth et sa collaboratrice aux affaires de la Société Patriotique qu'elle venait de fonder, la jeune comtesse épousa en 1811 Serge Sémenowitch Ouvaroff, plus tard ministre de l'instruction publique, comte depuis 1846. Héritière de la grosse fortune de ses parents, elle acheta à ses oncles paternels leur grande propriété de Porétchié, gouvernement de Moscou, et en fit don à son mari, qui agrandit encore l'immense manoir et l'orna de sa magnifique bibliothèque, de tableaux et de marbres rares apportés de Rome. C'est là qu'ils venaient de Pétersbourg faire de longs séjours pour se reposer des fatigues de la vie mondaine. Présidente de la Société Patriotique, la comtesse mourut à Pétersbourg le 14 juillet 1849, et fut inhumée au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

De ses trois filles, l'aînée, Alexandrine (1814—1865), épousa le prince Paul Ouroussoff, la seconde, Natalie (1820—1843), Ivan Balabine, et la dernière, Elisabeth, mourut sans alliance. Elle eut en outre un fils unique, grand amateur d'antiquités russes, connu comme archéologue et érudit, le comte Alexis Ouvaroff (1824—1884), marié à la princesse Prascovie Chtcherbatoff.

(D'après un original appartenant à la comtesse P. Ouvaroff, Moscou.)

Графъ СЕРГѢЙ СЕМЕНОВИЧЪ УВАРОВЪ, 1786—1855, старшій сынъ вице-полковника лейбъ-гренадерскаго полка Семена Ѳедоровича Уварова, отъ брака его съ Даріей Ивановной Головиной, родился въ С.-Петербургѣ 25 Августа 1786 года. Екатерина II была крестной матерью младенца, а родство съ княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ Куракинымъ, за которымъ была тетка Уварова, обезпечило юношѣ первые шаги на служебномъ поприщѣ. Пожалованный въ 1803 году въ камеръ-юнкеры, Уваровъ съ 1806 по 1809 годъ сначала состоялъ при посольствѣ въ Вѣнѣ, а затѣмъ былъ назначенъ секретаремъ посольства въ Парижѣ. Бракъ съ графиней Екатериной Алексѣевной Разумовской „въ полномъ смыслѣ составилъ фортуну его“: въ приданое графиня принесла часть богатствъ Разумовскихъ, въ томъ числѣ и знаменитое с. Порѣчье, Можайскаго уѣзда, а особенно протекцію своего отца, въ то время назначеннаго министромъ Народнаго Просвѣщенія; 31 Декабря 1810 года Уваровъ былъ назначенъ попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, а въ 1818 году и президентомъ Академіи Наукъ. Въ эти годы Уваровъ былъ близокъ къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ по дѣламъ Патріотическаго Общества. Въ 1821 году Уваровъ перешелъ въ вѣдомство Министерства Финансовъ, гдѣ занималъ должности сначала директора департамента Мануфактуръ и Заемнаго и Коммерческаго банковъ, а потомъ члена совѣта министра. Пожалованный въ 1826 году въ сенаторы, Уваровъ въ 1832 году былъ назначенъ товарищемъ министра Народнаго Просвѣщенія, 20 Марта 1833 года управляющимъ министерствомъ, а въ 1834 году министромъ. 1 Іюля 1846 года онъ былъ возведенъ въ графское достоинство. Крайняя реакція, бывшая въ Россіи слѣдствіемъ революціоннаго движенія въ Европѣ въ 1848 и 1849 годахъ, пошатнула служебное положеніе графа Уварова. Онъ былъ признанъ неспособнымъ искоренить якобинство въ учебныхъ заведеніяхъ; отъ непріятностей и огорченій графъ Уваровъ 6 Сентября 1849 года подвергся „нервическому удару“, что послужило предлогомъ къ увольненію его отъ должности министра, послѣдовавшему 20 Октября 1849 года. Оставаясь президентомъ Академіи, графъ Уваровъ 6 Декабря 1850 года получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго; 2 Сентября 1855 года въ Москвѣ его постигъ послѣдній ударъ, отъ котораго онъ скончался 4 Сентября. Тѣло его погребено въ родовой усыпальницѣ, въ с. Холмѣ, Гжатскаго уѣзда. Графъ С. С. Уваровъ имѣлъ сына Алексѣя, знаменитаго русскаго археолога, и трехъ дочерей: Елизавету, Александру и Наталію.

Будучи офиціальнымъ насадителемъ просвѣщенія, графъ Уваровъ старался выступать въ роли любителя и знатока наукъ и литературы. Членъ литературнаго кружка „Арзамасъ“, Уваровъ былъ близокъ съ Карамзинымъ, Батюшковымъ и Жуковскимъ, былъ постоянно окруженъ профессорами и литераторами; у него были обширныя учено-литературныя связи за границей; Гумбольдтъ былъ „одинъ изъ старѣйшихъ его пріятелей“; онъ велъ знакомство съ Гете, де-Линь, г-жей Сталь. Эрудиція его казалась блестящей и разносторонней. Панегиристы превозносили „Порѣцкаго Мецената“, какъ великаго гуманиста, вполнѣ усвоившаго духъ классической древности: „Благословенъ, взлелѣянъ Фебомъ, || Подъ сумрачнымъ родился небомъ, || Но будто въ Аттикѣ рожденъ“... Такъ воспѣвалъ Уварова поэтъ Батюшковъ.

Министерствомъ графъ Уваровъ управлялъ „въ соединенномъ духѣ православія, самодержавія и народности“ (эта формула была, въ качествѣ девиза, внесена въ его графскій гербъ). Уставъ 1835 года усилилъ правительственную опеку надъ университетами. На окраинахъ графъ Уваровъ заботился о „водвореніи русскаго просвѣщенія“. При всей своей учености графъ Уваровъ въ профессорахъ прежде всего цѣнилъ „чувство русское и непорочность мнѣній“. Основанный Уваровымъ Педагогическій институтъ не снабдилъ Россію образцовыми педагогами, а культивировавшійся имъ классицизмъ для „возвышенія и укрѣпленія душевныхъ силъ юношей“ былъ безсиленъ побѣдить одичалую разнузданность дворянскихъ недорослей, наполнявшихъ губернскія гимназіи. Характеръ Уварова также не былъ свободенъ отъ недостатковъ. Даже расположенные къ нему люди, въ родѣ князя П. А. Вяземскаго и М. П. Погодина, считавшіе его „умнымъ человѣкомъ не только въ Россіи, но и въ Европѣ“, въ то же время признавали его иногда „безхарактернымъ, суетнымъ, легкомысленнымъ“.

(Съ портрета, принадлежащаго графинѣ П. С. Уваровой, въ Москвѣ.)

Le comte SERGE SÉMENOWITCH OUVAROFF, 1786—1855, fils aîné du lieutenant-colonel de grenadiers Simon Féodorowitch Ouvaroff et de Daria Ivanowna, née Golovine, naquit à St-Pétersbourg le 25 août 1786. Il eut Catherine II pour marraine, et sa parenté avec le prince Alexis Borissowitch Kourakine, mari de sa tante, assura ses premiers pas dans la carrière. Gentilhomme de la chambre en 1803, il fut d'abord, de 1806 à 1809, attaché à l'ambassade de Vienne, puis secrétaire d'ambassade à Paris. Son mariage avec la comtesse Catherine Alexéewna Razoumowsky „fut pour lui la fortune dans toute l'acception du mot": la comtesse apportait en dot une partie des biens des Razoumowsky, avec leur fameux Porétchié, district de Mojaïsk, et surtout la protection de son père, alors ministre de l'instruction publique. Le 31 décembre 1810, Ouvaroff devenait curateur de l'arrondissement scolaire de St-Pétersbourg, puis en 1818 président de l'Académie des Sciences. Durant toute cette période, il fut secrétaire de l'Impératrice Elisabeth pour les affaires de la Société Patriotique. Il passa en 1821 au ministère des finances, et y fut d'abord directeur du département des Manufactures et des Banques de Prêt et de Commerce, puis membre du conseil du ministre. Sénateur en 1826, il fut successivement, en 1832 adjoint au ministre de l'instruction publique, le 20 mars 1833 gérant du ministère, et en 1834 ministre. Il fut élevé à la dignité de comte le 1er juillet 1846. La réaction à outrance qui fut en Russie la suite de la secousse révolutionnaire d'Europe en 1848/49 lui fit le plus grand tort: déclaré impuissant à extirper le jacobinisme des établissements d'instruction, il eut une foule d'ennuis et de chagrins qui lui causèrent le 6 septembre 1849 une attaque d'apoplexie: c'était le prétexte attendu, et il fut relevé de ses fonctions de ministre le 20 octobre suivant. Toujours président de l'Académie, il fut décoré de St-André le 6 décembre 1850. Une seconde attaque, à Moscou, l'emporta en deux jours le 4 septembre 1855; il fut inhumé au bourg de Kholm, district de Gjatsk, dans un caveau de famille. Il eut un fils Alexis, le célèbre archéologue russe, et trois filles, Elisabeth, Alexandrine et Natalie.

Dispensateur officiel des lumières, le comte Ouvaroff s'était assigné un rôle d'amateur et connaisseur des sciences et des lettres. Membre de l'Arzamas, intime de Karamzine, Batiouchkoff et Joukowsky, incessamment entouré de professeurs et d'hommes de lettres, il entretenait même avec l'étranger des relations étendues: Humboldt „était un de ses plus vieux amis", et il fut en correspondance avec Gœthe, le prince de Ligne et Mme de Staël. Une érudition brillante et variée avait fait au Mécène de Porétchié un renom d'humaniste consommé, pénétré de l'esprit de l'antiquité classique, et Batiouchkoff le chante en ces termes:

„Nourrisson béni de Phébus,
„Il naquit sous un ciel morose,
„Mais c'est un vrai fils de l'Attique"...

Au ministère, l'esprit de son administration fut la devise de ses armes: Orthodoxie, Autocratie, Nationalisme. Un règlement de 1835 renforça la tutelle gouvernementale sur les universités. Le comte Ouvaroff s'efforça également de rallier les diverses nationalités de l'Empire à la culture russe: tout homme de science qu'il était, la première qualité d'un professeur était à ses yeux d'être „russe de cœur et bien pensant". Son Institut Pédagogique ne procura nullement à la Russie des pédagogues modèles, et ce classicisme qu'il exaltait comme moyen „d'élever et d'affermir le moral de la jeunesse" fut impuissant contre le relâchement effréné des jeunes nobles dont regorgeaient les gymnases de province. Ouvaroff n'était pas non plus exempt de quelques travers: ses panégyristes mêmes, le prince P. Volkonsky et M. Pogodine, tout en le déclarant „une des fortes têtes, non seulement de Russie, mais d'Europe", le trouvent „mou, vaniteux et léger".

(D'après un original appartenant à la comtesse P. Ouvaroff, Moscou.)

141

ПЕТРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ОБРЕСКОВЪ, 1752—1814, сынъ резидента въ Константинополѣ (1751—1768), дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Алексѣя Михайловича Обрескова, отъ второго его брака съ Константинопольской гречанкой, началъ службу въ 1772 году. По примѣру отца, служба его протекла главнымъ образомъ въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ при князѣ А. А. Безбородкѣ. Павелъ I относился къ нему очень милостиво: въ день коронаціи, 5 Апрѣля 1797 г., Обресковъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и получилъ Аннинскую ленту, въ 1798 г. произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ состоять при особѣ Его Величества. Въ послѣдній годъ жизни Безбородко былъ недоволенъ своимъ сотрудникомъ, какъ видно изъ письма Ростопчина къ графу С. Р. Воронцову: „Князь очень сердился на маленькаго плута Обрескова. О его дѣйствіяхъ доложено было Государю, но, вмѣсто того, чтобы наказать плута, бравшаго взятки, и котораго, по буквѣ закона, можно посадить въ крѣпость, его произвели въ сенаторы и дали ему 2000 рублей“. П. А. Обресковъ, дѣйствительно, былъ назначенъ сенаторомъ. При Александрѣ I онъ до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1814 г., управлялъ Межевой канцеляріей.

По отзыву его родственника Д. Н. Свербеева, онъ былъ человѣкъ умный и честный, что противорѣчитъ вышеприведенному свидѣтельству всегда злоязычнаго Ростопчина. Обресковъ былъ женатъ на извѣстной въ свое время красавицѣ баронессѣ Елизаветѣ Семеновнѣ Остенъ, рожденной Волчковой († 1856 г.), но дѣтей не имѣлъ. Вдова его вышла въ третій разъ замужъ за князя Степана Александровича Хилкова.

(Съ портрета, находящагося въ Гатчинскомъ дворцѣ.)

141

PIERRE ALEXÉEWITCH OBRESKOFF, 1752—1814, fils du conseiller privé actuel Alexis Mikhaïlowitch Obreskoff, résident à Constantinople (1751—1768), et de sa seconde femme, une grecque de cette ville, entra au service en 1772. Comme son père, il fit en grande partie sa carrière au collège des affaires étrangères sous les ordres du prince Bezborodko. Paul Ier lui témoigna toute sa faveur: promu conseiller d'état actuel et décoré de Ste-Anne le 5 avril 1797, jour du Couronnement, il passa l'année suivante conseiller privé et fut attaché à la personne de Sa Majesté. La dernière année de sa vie, Bezborodko eut grandement lieu de se plaindre de son collaborateur, à en juger par ces mots d'une lettre de Rostoptchine au comte S. Worontzoff: „Le prince est furieux contre ce petit coquin d'Obreskoff. On a fait un rapport à l'Empereur, mais au lieu de recevoir le châtiment que méritaient ses concussions, car, aux termes de la loi, c'étaient les arrêts de forteresse, il a été nommé sénateur avec une gratification de 2000 roubles". Il fut effectivement fait sénateur. Sous Alexandre Ier, il fut jusqu'à sa mort en 1814 gérant des bureaux du cadastre.

Contrairement au témoignage, toujours malveillant, de Rostoptchine, celui de son parent Sverbéeff le donne pour un homme d'esprit et d'honneur. Il épousa une beauté renommée du temps, la baronne Elisabeth Sémenowna Osten, née Voltchkoff († 1856), qui ne lui donna pas d'enfants et se remaria en troisièmes noces au prince Stéphane Alexandrowitch Khilkoff.

(D'après un original du Palais de Gatchina.)

АРКАДІЙ ИВАНОВИЧЪ НЕЛИДОВЪ, 1773—1834, младшій братъ извѣстной камеръ-фрейлины Екатерины Ивановны, друга Императора Павла I (см. т. III, № 31; р. 1758 г., † 1839 г.); благодаря близости сестры къ Государю, Нелидовъ сдѣлалъ необычно быструю, даже для того времени, и блестящую карьеру: 9 лѣтъ онъ былъ пожалованъ пажемъ къ Высочайшему двору и въ 1793 г. произведенъ въ камеръ-пажи. Въ день восшествія на престолъ Павла I, 6 Ноября 1796 г., пожалованъ былъ майоромъ и сдѣланъ флигель-адъютантомъ, 9 Ноября уже произведенъ въ подполковники, 1 Января 1797 г.—въ полковники, а 21 Января пожалованъ въ генералъ-майоры и генералъ-адъютанты, всего 24 лѣтъ отъ роду.

Въ день коронованія Императоръ Павелъ наградилъ Нелидова орденомъ св. Анны 1 ст. и 1000 душами крестьянъ, кромѣ 1000 душъ, уже раньше пожалованныхъ 5 Декабря 1796 года.

Говорятъ, что молодой генералъ имѣлъ благотворное вліяніе на Государя, слѣдуя въ этомъ своей благородной сестрѣ; но вліяніе его и успѣхи лично истекали, конечно, изъ степени значенія, какое имѣла при дворѣ Екатерина Ивановна. Когда придворныя интриги такихъ личностей, какъ Ростопчинъ и Кутайсовъ, поколебали значеніе Нелидовой, когда произошло взаимное охлажденіе и Нелидова оставила дворъ, и А. И. Нелидовъ 19 Августа 1798 г. былъ отставленъ отъ службы.

По воцареніи Александра I, Нелидову было возвращено званіе генералъ-адъютанта, а въ Іюнѣ онъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ 1806 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ Псковской милиціи, а въ 1811 г. избранъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства Шлиссельбургскаго уѣзда, но уже 2 Ноября того же года переименованъ въ тайные совѣтники и назначенъ Курскимъ губернаторомъ. Уволенный отъ этой должности въ 1818 г., Нелидовъ 21 Іюля 1819 г. сдѣланъ почетнымъ опекуномъ С.-Петербургскаго Опекунскаго совѣта, при чемъ въ то же время былъ членомъ совѣта Екатерининскаго института и совѣстнымъ судьей въ С.-Петербургѣ. Пожалованный 2 Апрѣля 1825 г. въ сенаторы, Нелидовъ въ 1826 г. былъ избранъ С.-Петербургскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства; 2 Апрѣля 1827 г. получилъ Александровскую звѣзду, а 13 Апрѣля 1829 г. произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники.

А. И. Нелидовъ умеръ въ Ревелѣ 3 Сентября 1834 года. Отъ брака съ дочерью подруги своей сестры графини Н. А. Буксгевденъ (по преданію дочери князя Г. Г. Орлова), графиней Софіей Ѳедоровной Буксгевденъ (р. 1778 г., † 1828 г.), Нелидовъ имѣлъ многочисленное семейство, состоявшее изъ 6 сыновей и 7 дочерей, а именно: Ѳеодора, Аркадія (р. 1804 г.), Ивана (р. 1805 г.), Любима (р. 1810 г.), Іоасафа (р. 1815 г.) и Николая (р. 1817 г.), Екатерины (за камергеромъ Веревкинымъ), Наталіи, Елены, Софіи, Маріи, Варвары (извѣстная камеръ-фрейлина) и Любови (за генералъ-адъютантомъ П. Н. Волковымъ).

(Съ портрета изъ Гатчинскаго дворца.)

ARCADE IVANOWITCH NÉLIDOFF, 1773—1834, frère cadet de la fameuse Catherine Nélidoff (1758—1839; v. T. III, № 31), demoiselle d'honneur honoraire et amie de l'Empereur Paul Ier, à laquelle il dut sa brillante carrière, d'une rapidité extraordinaire, même pour l'époque. Page de la Cour dès l'âge de 9 ans, il passa page de la chambre en 1793. Fait à l'avènement de Paul, le 6 novembre 1796, major et aide de camp de S. M., il fut successivement promu lieutenant-colonel le 9 novembre, colonel le 1er janvier 1797, puis, le 21 janvier suivant, général major et général aide de camp: il n'avait que 24 ans. L'Empereur lui conféra encore le jour de son couronnement l'ordre de Ste-Anne de 1re classe, et 1000 têtes de paysans, outre les 1000 qu'il lui avait déjà conférées le 5 décembre 1796. Le jeune général passe pour avoir eu, à l'exemple de sa noble sœur, une bienfaisante influence sur l'Empereur, mais son influence et ses succès de carrière tenaient uniquement au crédit de sa sœur: du jour où celui-ci fut ébranlé par les intrigues des Rostoptchine et des Koutaïssoff, la brouille survint, la favorite se vit évincée, et, le 19 août 1798, Nélidoff était destitué.

A l'avènement d'Alexandre Ier, Nélidoff fut remis en possession de sa dignité de général aide de camp, et promu général lieutenant au mois de juin 1801. Chef de la milice de Pskoff en 1806, il fut élu en 1811 maréchal de la noblesse du district de Schlusselbourg, mais, dès le 2 novembre de la même année, envoyé à Koursk comme gouverneur avec rang de conseiller privé. Relevé de ces fonctions en 1818, il devint le 21 juillet 1819 tuteur honoraire du Conseil de Tutelle de St-Pétersbourg, en même temps que membre du conseil de l'Institut Catherine et juge au tribunal de conscience de St-Pétersbourg. Il fut nommé sénateur le 2 avril 1825, élu en 1826 maréchal de la noblesse du gouvernement de St-Pétersbourg, puis, décoré le 2 avril 1827 de St-Alexandre, passa le 13 avril 1829 conseiller privé actuel.

Nélidoff mourut à Rével le 3 septembre 1834. Il avait épousé la comtesse Sophie Féodorowna Buxhœwden (1778—1828), fille d'une amie de sa sœur (et, dit-on, du prince Grégoire Orloff), la comtesse N. Buxhœwden. Il eut une nombreuse famille de six fils et sept filles, Théodore, Arcade (né 1804), Ivan (né 1805), Lubime (né 1810), Joasaphe (né 1815) et Nicolas (né 1817), Catherine, mariée au chambellan Vérevkine, Natalie, Hélène, Sophie, Marie, Varvara, connue comme demoiselle d'honneur honoraire, et Liouboff, mariée au général aide de camp P. Volkoff.

(D'après un original du Palais de Gatchina.)

139

Графиня Екатерина Алексѣевна Уварова,
1783 — 1849

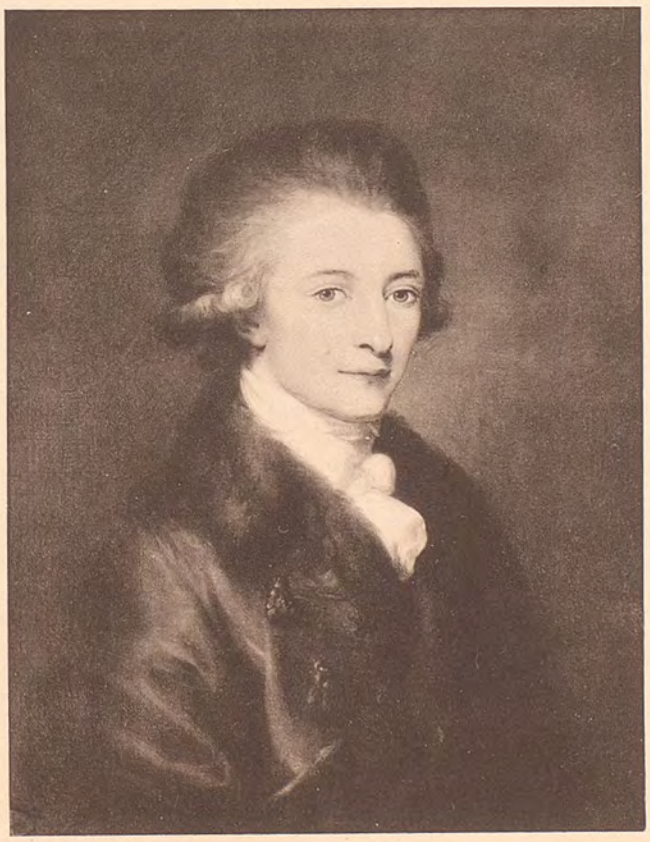
La Comtesse Catherine Alexéewna Ouvaroff,
1783 — 1849

140

Графъ Сергѣй Семеновичъ Уваровъ,
1786 — 1855

Le Comte Serge Sémenowitch Ouvaroff,
1786 — 1855

141



Петръ Алексѣевичъ Обресковъ,
1752 — 1814

Pierre Alexéewitch Obreskoff,
1752 — 1814

142

Аркадій Ивановичъ Нелидовъ,
1773 — 1834

Arcade Ivanowitch Nélidoff,
1773 — 1834

РУССКІЕ PORTRAITS RUSSES ПОРТРЕТЫ

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи
№ 2466

Графъ ВАСИЛІЙ ПЕТРОВИЧЪ ЗАВАДОВСКІЙ, 1798—1855, сынъ фаворита Екатерины II, министра Народнаго Просвѣщенія при Александрѣ I, графа Петра Васильевича (р. 1739 г., † 1812 г.), отъ брака съ графиней Вѣрой Николаевной Апраксиной (р. 1768 г., † 1845 г.), родился 15 Іюля 1798 г.; воспитаніе получилъ въ домѣ родителей. Двѣнадцати лѣтъ онъ былъ записанъ на службу канцелярскимъ служителемъ въ Комиссію составленія законовъ и дошелъ въ этомъ званіи до чина губернскаго секретаря. Въ 1812 г. Завадовскій былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, а въ 1818 г. опредѣлился въ военную службу корнетомъ въ л.-гв. Гусарскій полкъ. Назначенный въ 1820 г. адъютантомъ къ В. В. Левашову, онъ въ 1822 г. былъ произведенъ въ поручики и въ Ноябрѣ того же года по болѣзни вышелъ въ отставку. Въ 1823 г. Завадовскій поступилъ на гражданскую службу чиновникомъ для особыхъ порученій въ министерство Внутреннихъ дѣлъ и во время погребенія Александра I и коронаціи Николая I исполнялъ обязанности церемоніймейстера. Въ 1826 г., 18 Апрѣля, онъ былъ пожалованъ въ камергеры, а въ день коронаціи въ церемоніймейстеры. Съ 1828 по 1833 г. Завадовскій занималъ должность оберъ-прокурора Сената, а, сверхъ того, съ 1829 г. управлялъ экспедиціей ордена св. Анны и съ 1833 г. состоялъ церемоніймейстеромъ ордена св. Александра Невскаго. Въ 1830 г. онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени и чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, въ 1831 г., во время холеры, былъ попечителемъ Московской части и своею дѣятельностью заслужилъ орденъ св. Станислава 1-й степени, въ 1833 г. назначенъ членомъ консультаціи при министерствѣ Юстиціи, въ 1840 г. пожалованъ въ сенаторы, съ производствомъ въ тайные совѣтники, и въ 1849 г. почетнымъ опекуномъ. Труды его по этимъ должностямъ были награждены орденами св. Анны 1 степени (1833 г. и 1836 г. съ короной), св. Владиміра 2 степени (1848 г.), Бѣлаго Орла (1851 г.) и св. Александра Невскаго (1855 г.). Кромѣ того, у него былъ орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго. Съ 1843 по 1845 г. Завадовскій по болѣзни былъ въ заграничномъ отпуску; 10 Октября 1855 г. онъ скончался и погребенъ въ Ѳеодоровской церкви Александро-Невской лавры.

Графъ В. П. Завадовскій имѣлъ значительное состояніе (у него было болѣе 3/т. душъ крестьянъ въ Черниговской, Полтавской, Могилевской, Псковской и Петербургской губерніяхъ, дачи на южномъ берегу Крыма и близъ Петербурга, домъ въ Нарвѣ), но дѣла его были разстроены. Въ 1833 г. онъ получилъ отъ своего двоюроднаго брата, графа Ив. Як. Завадовскаго (р. 1785 г., † 6 Марта 1833 г.), наслѣдство въ 600/т. рублей и по этому поводу К. Я. Булгаковъ, бывшій съ нимъ въ большой дружбѣ, писалъ своему брату: „Вотъ переходъ для Завадовскаго, которому приходилось круто отъ обстоятельствъ, ибо онъ очень дѣла разстроилъ. Теперь можетъ еще не только поправить, но имѣть ихъ въ цвѣтущемъ состояніи, и, надѣюсь, уже не впадетъ въ прежнія ошибки. Сыну его покойный оставилъ 900 душъ, прекрасное имѣніе.... Завадовскій нашъ воскреснетъ отъ этого наслѣдства, его положеніе было очень затруднительно, но Богъ добрыхъ не оставляетъ, а онъ точно добрый человѣкъ“. По отзыву современниковъ, В. П. Завадовскій отличался видной, красивой наружностью и высокимъ ростомъ и былъ очень привѣтливъ. Съ 31 Октября 1824 г. онъ былъ женатъ на извѣстной красавицѣ Еленѣ Михайловнѣ Влодекъ (р. 1807 г., † 1874 г.) и имѣлъ единственнаго сына Петра, умершаго въ 1842 году 14 лѣтъ.

(Съ миніатюры Лагрене; собственность А. Н. Никольскаго, въ С.-Петербургѣ.)

Le comte BASILE PÉTROWITCH ZAVADOWSKY, 1798—1855, fils du comte Pierre Vassiliewitch Zavadowsky (1739—1812), favori de Catherine II et ministre de l'instruction publique sous Alexandre Ier, et de la comtesse Véra Nikolaewna, née Apraxine (1768—1845), naquit le 15 juillet 1798, et fut élevé dans sa famille. Enrôlé à l'âge de 12 ans commis de chancellerie à la Commission de rédaction des lois, il y parvint au rang de secrétaire de gouvernement. Gentilhomme de la chambre en 1812, il prit en 1818 du service comme cornette aux hussards de la Garde, puis, aide de camp de Lévachoff en 1820, passa lieutenant en 1822, et, la même année, donna sa démission en novembre pour raisons de santé. Il rentra en 1823 au service civil comme fonctionnaire des commissions spéciales au ministère de l'intérieur et fit fonctions de maître des cérémonies aux funérailles d'Alexandre Ier et au couronnement de Nicolas Ier. Chambellan le 18 avril 1826 et maître des cérémonies le jour du couronnement, il fut de 1828 à 1833 haut procureur du Sénat, et en outre, à partir de 1829, gérant de la chancellerie de l'ordre de Ste-Anne, puis, en 1833, maître des cérémonies de l'ordre de St-Alexandre Newsky; il obtint en 1830 St-Vladimir de 3e classe et le rang de conseiller d'état actuel. Curateur du quartier de Moscou à St-Pétersbourg durant le choléra de 1831, il y gagna St-Stanislas de 1re classe. En 1833, il fut nommé membre de la consultation du ministère de la justice, en 1840 sénateur avec rang de conseiller privé, et en 1849 tuteur honoraire. Ces diverses fonctions lui valurent Ste-Anne (1833, avec la couronne en 1836), St-Vladimir de 2e classe (1848), l'Aigle Blanc (1851) et St-Alexandre Newsky (1855); il avait encore Saint-Jean-de-Jérusalem. De 1843 à 1845, il fut en congé à l'étranger pour raisons de santé. Il mourut le 10 octobre 1855, et fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky, dans l'église St-Théodore.

Zavadowsky possédait une grosse fortune: il avait plus de 3000 têtes de paysans aux gouvernements de Tchernigoff, Poltava, Mohileff, Pskoff et St-Pétersbourg, des villas sur la côte de Crimée et aux environs de Pétersbourg et une maison à Narva. Mais ses affaires étaient en mauvais état. En 1833, il hérita de 600.000 roubles de son cousin germain le comte I. Zavadowsky: „Le voilà tiré d'affaire, dans la mauvaise passe où il est", écrit à son frère Constantin Boulgakoff, qui était lié avec lui, „car il a bien compromis sa fortune. Lui voilà maintenant de quoi non seulement la restaurer, mais encore la rendre florissante, et j'espère qu'il ne retombera plus dans ses errements.... Son frère hérite aussi de 900 têtes de paysans et d'une magnifique propriété.... C'est le salut, pour Zavadowsky, cet héritage! Sa position était bien difficile, mais Dieu n'abandonne pas les gens de bien, et c'est vraiment un excellent homme". Les contemporains le représentent comme un bel homme, grand, bien fait et fort aimable. Il avait épousé le 31 octobre 1824 la belle Hélène Mikhaïlowna Wlodeck (1807—1874), dont il eut un fils unique, Pierre, mort en 1842 à l'âge de 14 ans.

(D'après une miniature de Lagrenée, appartenant à A. Nikolsky, St-Pétersbourg.)

Князь СЕРГѢЙ ИВАНОВИЧЪ ГАГАРИНЪ, 1777—1862, сынъ флота-капитана князя Ивана Сергѣевича, извѣстнаго въ Москвѣ масона, женатаго на княжнѣ Маріи Алексѣевнѣ Волконской, родился 17 Января 1777 г.; записанный въ Преображенскій полкъ въ 1787 г., Гагаринъ 13 лѣтъ, 16 Марта 1790 г., переведенъ былъ вахмистромъ въ Конную гвардію, откуда, спустя 4 года (1 Января 1794 г.), выпущенъ въ армію капитаномъ, а 11 Ноября 1795 г. отставленъ отъ службы секундъ-майоромъ. Князь Гагаринъ перешелъ въ гражданскую службу и въ 1796 г., съ чиномъ коллежскаго асессора, опредѣленъ въ Иностранную Коллегію; 20 Января 1799 г. пожалованъ въ камергеры. Пробывъ съ 16 Августа 1800 г. по 1 Іюня 1801 г. членомъ Бергъ-Коллегіи, Гагаринъ опять вернулся въ Иностранную Коллегію и 5 Іюля 1802 г. опредѣленъ къ Неаполитанскому посольству, а, 3 года спустя, въ 1805 г. назначенъ директоромъ училища Корабельной архитектуры по Адмиралтействъ-Коллегіи. Произведенный въ 1807 г. въ тайные совѣтники, князь С. И. Гагаринъ въ началѣ 1811 г. пожалованъ былъ въ сенаторы. Выйдя въ отставку въ Апрѣлѣ 1817 г., онъ только въ 1826 г., 18 Августа, вновь поступилъ на службу почетнымъ опекуномъ по Московскому Опекунскому совѣту, а въ слѣдующемъ году опредѣленъ также и членомъ совѣта Екатерининскаго и Александровскаго институтовъ. Награжденный орденомъ св. Анны 1-й степени (27 Марта 1828 г.), Гагаринъ былъ назначенъ завѣдывающимъ домомъ призрѣнія сиротъ при Воспитательномъ домѣ въ 1830 г. и пожалованъ въ 1831 г., 19 Іюля, въ дѣйствительные тайные совѣтники. Въ томъ же году онъ былъ назначенъ, 22 Августа, президентомъ въ Московскую Дворцовую контору, съ пожалованіемъ въ оберъ-гофмейстеры и орденомъ св. Владиміра 2-й степени; въ 1833 г., 1 Апрѣля, онъ получилъ Александровскую звѣзду; 3 Марта 1835 г. князь Гагаринъ былъ уволенъ отъ должности президента Дворцовой конторы и изъ придворнаго званія; получивъ въ 1841 г., 15 Апрѣля, орденъ св. Владиміра 1-й степени, онъ былъ назначенъ 6 Декабря 1842 г. членомъ Государственнаго Совѣта, съ оставленіемъ членомъ Московскаго отдѣленія Главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній.

Князь С. И. Гагаринъ умеръ въ Москвѣ 4 Декабря 1862 г. и похороненъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, рядомъ съ женой, кавалерственной дамой, княгиней Варварой Михайловной, рожденной Пушкиной (р. 12 Мая 1799 г., † 8 Августа 1854 г.). Отъ этого брака было двое дѣтей: сынъ, князь Иванъ (р. 20 Іюля 1814 г., † 7 Іюля 1882 г.; извѣстный іезуитъ), и дочь Марія (р. 25 Іюля 1815 г., † 27 Октября 1902 г.; въ замужствѣ за генералъ-майоромъ С. П. Бутурлинымъ).

Князь С. И. Гагаринъ былъ исконнымъ москвичемъ, прожившимъ здѣсь всю свою жизнь въ громадномъ своемъ барскомъ домѣ, на Знаменкѣ, когда-то графа Ал. Ром. Воронцова, перешедшемъ потомъ къ дочери князя С. И. Гагарина, М. С. Бутурлиной, а теперь уже занятомъ какимъ-то частнымъ учебнымъ заведеніемъ. Онъ былъ человѣкъ богатый, владѣлецъ 5/т. душъ и 30/т. десятинъ земли.

(Съ портрета, находящагося въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.)

Le prince **SERGE IVANOWITCH GAGARINE**, 1777—1862, fils du prince Ivan Serguéewitch Gagarine, capitaine de la marine, connu à Moscou comme franc-maçon, et de la princesse Marie Alexéewna, née Wolkonsky, naquit le 17 janvier 1777. Enrôlé en 1787 au régiment Préobragensky, il permuta le 16 mars 1790, alors âgé de 13 ans, vaguemestre à la Garde à cheval, d'où il passa quatre ans plus tard, le 1er janvier 1794, capitaine à l'armée. Il quitta le service militaire second major le 11 novembre 1795 pour prendre du service civil, et fut affecté en 1796 au Collège des Affaires étrangères avec rang d'assesseur de collège. Chambellan le 20 janvier 1799, membre du Collège des Mines du 16 août 1800 au 1er juin 1801, il revint ensuite aux Affaires étrangères, et fut attaché le 5 juillet 1802 à l'ambassade de Naples. Trois ans plus tard, en 1805, il passa au Collège des Amirautés, comme directeur de l'Ecole du Génie Maritime. Conseiller privé en 1807, il fut fait sénateur au commencement de 1811. Il prit sa retraite en avril 1817, et ce ne fut que le 18 août 1826 qu'il rentra en activité comme tuteur honoraire au Conseil de Tutelle de Moscou, où il fut en outre l'année suivante membre du conseil des Instituts Catherine et Alexandre. Décoré le 27 mars 1828 de Ste-Anne de 1re classe, il fut nommé en 1830 gérant de l'orphelinat des Enfants-Trouvés, et, l'année suivante, promu le 19 juillet conseiller privé actuel. Le 22 août suivant, il devint président du bureau des Palais de Moscou, grand maître de la Cour et chevalier de St-Vladimir de 2e classe. Gratifié de l'étoile de St-Alexandre le 1er avril 1833, il fut le 3 mars 1835 relevé de ses fonctions au Bureau des Palais et de sa charge à la Cour, puis, décoré le 15 avril 1841 de St-Vladimir de 1re classe, passa le 6 décembre 1842 au Conseil de l'Empire, tout en restant membre de la section de Moscou du conseil général des établissements d'instruction de jeunes filles.

Le prince Gagarine mourut à Moscou le 4 décembre 1862, et fut inhumé au monastère Novodévitchi, près de sa femme, dame de Ste-Catherine, la princesse Varvara Mikhaïlowna, née Pouchkine (12 mai 1799—8 août 1854). De ce mariage naquirent deux enfants, le fameux jésuite Ivan Gagarine (20 juillet 1814—7 juillet 1882) et une fille Marie (25 juillet 1815—27 octobre 1902), mariée au général major S. Boutourline.

Moscovite de souche, le prince Gagarine resta toute sa vie à Moscou, dans son immense maison de la Znamenka, qui passa après lui à sa fille et donne asile aujourd'hui à un établissement d'instruction libre; elle avait appartenu jadis au comte Alexandre Worontzoff. Le prince Gagarine était à la tête d'une assez grosse fortune: il possédait 5000 têtes de paysans et 30.000 hectares de terre.

(D'après un original des Archives du Ministère des Affaires étrangères, Moscou.)

Графъ МАТВѢЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ДМИТРІЕВЪ-МАМОНОВЪ, 1790—1863, сынъ фаворита Екатерины II, графа Александра Матвѣевича Дмитріева-Мамонова, отъ брака его съ княжной Даріей Ѳедоровной Щербатовой, родился 14 Сентября 1790 года. Рано лишившись родителей, онъ получилъ образованіе въ іезуитскомъ пансіонѣ во Франціи. Пожалованный 19 лѣтъ въ камеръ-юнкеры, онъ въ 1810 г. началъ службу совѣтникомъ Московскаго Губернскаго правленія, а въ 1811 году былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ 6 (Московскаго) Департамента Сената. Въ 1812 году онъ сформировалъ на свой счетъ казачій полкъ и былъ назначенъ его шефомъ. За отличіе подъ Тарутинымъ и Малоярославцемъ графъ Дмитріевъ-Мамоновъ получилъ золотую саблю и въ 1813 году былъ произведенъ въ генералъ-майоры. Не поладивъ съ военнымъ начальствомъ, онъ въ 1816 году взялъ отпускъ за границу для лѣченія, а въ 1819 году получилъ полную отставку. Съ этого времени графъ сталъ жить отшельникомъ-невидимкой въ своей подмосковной Дубровицахъ, но скоро его эксцентричности побудили правительство назначить надъ нимъ опеку и перевезти его въ Москву, подъ надзоръ врачей. Послѣднія 30 лѣтъ онъ провелъ на Мамоновской дачѣ, на Воробьевыхъ горахъ. Графъ М. А. Дмитріевъ-Мамоновъ умеръ 11 Іюня 1863 года отъ несчастнаго случая: онъ поджогъ на себѣ смоченную одеколономъ рубашку и обжегся, а особенно испугался. Тѣло его погребено въ Донскомъ монастырѣ.

Похожій, по мнѣнію нѣкоторыхъ, на Петра Великаго, независимый, благодаря огромному состоянію, доходившему до 15/т. душъ крестьянъ и 90/т. десятинъ земли, графъ М. А. Дмитріевъ-Мамоновъ отличался необыкновенной гордостью и былъ однимъ изъ типичнѣйшихъ „русскихъ Монморанси“, которыхъ появилось особенно много среди баловней придворнаго фаворитизма XVIII вѣка. Не довольствуясь своимъ происхожденіемъ отъ Мономаха, графъ Дмитріевъ-Мамоновъ гордился тѣмъ, что собственно было вовсе нелестнымъ для его рода, т.-е. „случаемъ“ своего отца у Екатерины II, и, желая усугубить благородство своей рюриковой крови, „приписывалъ рожденію своему значеніе, которое оно не имѣло и по расчету времени имѣть не могло“. Надменный графъ „не признавалъ властей“, постоянно ссорился съ военнымъ и гражданскимъ начальствомъ и однажды перепугалъ старика графа И. В. Гудовича, загородивъ ему дорогу въ полномъ присутствіи Сената, чтобы потребовать у него отчета въ одномъ распоряженіи, нарушившемъ, по мнѣнію графа Дмитріева-Мамонова, его оберъ-прокурорскія прерогативы. Во вторую половину жизни онъ страдалъ рѣзко выраженной маніей величія и преслѣдованія. Онъ то воображалъ себя царемъ или папой, твердилъ о своемъ превосходствѣ надъ „подлыми“ людьми и требовалъ, чтобы доктора ходили у него по двору безъ шапокъ; то впадалъ въ угнетенное состояніе духа, считалъ себя „въ узахъ заключеннымъ“, жаловался на притѣсненія „адскихъ злодѣевъ“, своихъ врачей и надзирателей, писалъ реестръ своихъ враговъ подъ заглавіемъ „Catalogue des gens qui ont contribué à ma perte“, и опасливо указывалъ на то, что ключъ отъ дверей изъ его комнаты въ кухню „у враждебнаго ему человѣка, а кухня полна ножей“. Впрочемъ, опекуны, часто мѣнявшіеся, не были всегда добросовѣстны и внимательны къ больному, а психіатрія первой половины XIX вѣка, не мудрствуя лукаво, примѣняла къ графу, какъ и къ другимъ своимъ паціентамъ, обычныя панацеи въ видѣ горячечныхъ рубашекъ и „литія свысока студеной воды на голову“, такъ что графъ былъ едва ли не правъ, говоря: „Фи, стыдно! Какъ меня мучили и, муча, обкрадывали!“ Увлеченіе модой, а, можетъ-быть, и болѣзненная страсть къ таинственному побудила графа Дмитріева-Мамонова вступить въ общество мартинистовъ; стѣны его спальни были украшены кабалистическими картинами, и незадолго до болѣзни онъ, вмѣстѣ съ М. Ѳ. Орловымъ, намѣревался учредить какое-то тайное общество „Русскихъ рыцарей“. Онъ не былъ чуждъ литературы: печаталъ духовныя оды и написалъ „Remarques“ на книгу Кастера объ Екатеринѣ II; въ періодъ болѣзни онъ, какъ многіе паралитики, обнаруживалъ ясность ума внѣ сферы вліянія его idées fixes, писалъ свои „Mémoires“ и усиленно читалъ книги.

Рожденный баловнемъ судьбы, графъ М. А. Дмитріевъ-Мамоновъ въ своемъ великолѣпномъ дворцѣ, среди роскошной обстановки, влачилъ самое жалкое существованіе, закончившееся неожиданною и ужасною смертью. Онъ умеръ со спокойствіемъ философа. „Вотъ я и умираю“, были его послѣднія слова, „ну что же, я довольно пожилъ!“

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Le comte MATHIEU ALEXANDROWITCH DMITRIEFF-MAMONOFF, 1790—1863, fils du comte Alexandre Matvéewitch Dmitrieff-Mamonoff, favori de Catherine II, et de Daria Féodorowna, née princesse Chtcherbatoff, naquit le 14 septembre 1790. De bonne heure orphelin de père et de mère, il fit ses études dans une pension de Jésuites en France. Gentilhomme de la chambre à 19 ans, il entra au service en 1810 comme conseiller dans l'administration du gouvernement de Moscou, et fut nommé l'année suivante haut procureur du 6e département du Sénat, à Moscou. En 1812, il forma à ses frais un régiment de Cosaques et en fut fait chef. Taroutino et Malo-Yaroslavetz lui valurent un sabre d'or, et il passa général major en 1813. A la suite de malentendus avec ses chefs, il prit en 1816 un congé de convalescence à l'étranger, et quitta définitivement le service en 1819. Il se mit dès lors à mener une vie de reclus dans sa propriété de Doubrovitzy, aux environs de Moscou, mais bientôt ses excentricités le firent mettre en tutelle et transférer à Moscou sous la surveillance de spécialistes. Il passa ses trente dernières années à la villa des Mamonoff, au Mont-des-Moineaux, et périt victime d'un accident le 11 juin 1863: il avait mis le feu à sa camisole imbibée d'eau de Cologne, et mourut, tant de ses brûlures que de frayeur. Il fut inhumé au monastère Donskoï.

Rappelant au physique Pierre-le-Grand, selon quelques-uns, le comte Dmitrieff-Mamonoff, bouffi d'orgueil avec l'indépendance que lui procurait sa grosse fortune de 15.000 têtes de paysans et 90.000 hectares de terre, était un de ces vrais types de Montmorency russes, comme on en vit pulluler à la fin du siècle parmi les enfants gâtés du favoritisme de Cour. Non content de remonter à Vladimir Monomaque, il mettait sa fierté là où on s'y attendrait le moins, dans la „fortune“ de son père près de Catherine II, et, pour ajouter encore à l'éclat que son sang tenait de Rurik, „attribuait à sa naissance une importance qu'elle n'avait pas et, en raison des dates, ne pouvait avoir“. Ne connaissant pas de maître, il était sans cesse en rébellion contre l'autorité civile et militaire; une fois même, au grand effroi du vieux comte Goudowitch, en plein Sénat, il lui barra le chemin pour lui demander compte d'une mesure qu'il estimait attentatoire à ses prérogatives de haut procureur. Dans la seconde moitié de sa vie, il eut à l'état aigu la manie des grandeurs et de la persécution. Tantôt il se proclamait roi ou pape, se prétendant bien au-dessus de la „vile“ multitude et obligeant ses médecins à rester nu-tête en passant dans la cour; tantôt c'étaient des accès de découragement où il se disait „captif et dans les fers“, victime de la persécution de „coquins infernaux“, ses médecins et gardiens, tenait registre de ses ennemis dans son Catalogue des gens qui ont contribué à ma perte, et exprimait ses appréhensions de savoir la clé de la cuisine, „qui est pleine de couteaux, aux mains d'un ennemi déclaré“. Aussi bien, la tutelle, fréquemment remplacée, était loin de se montrer attentive et prévenante: les aliénistes du début de l'autre siècle, sans se mettre martel en tête, lui appliquaient comme au commun des mortels les panacées en vogue, camisoles de force et douches glacées sur la tête, et le malheureux avait bien quelque raison de dire: „Ah! les lâches! Quel supplice, et, avec ça, quel pillage!“ Par engouement pour la mode, et peut-être aussi par un besoin maladif de mysticisme, il s'était fait martiniste; les murs de sa chambre étaient tapissés d'images cabalistiques, et, peu avant de tomber malade, il songeait à fonder avec M. Orloff une société secrète de Chevaliers Russes. Quelque peu homme de lettres, il fit paraître des odes spirituelles et rédigea des Remarques sur la Vie de Catherine II de Castéra. Son dérangement d'esprit, comme dans beaucoup de cas de paralysie, ne dépassait pas la sphère de ses idées fixes: il put écrire ses Mémoires et lire beaucoup.

Favori né de la fortune, le comte Dmitrieff-Mamonoff, dans un palais magnifique, au milieu d'une installation somptueuse, traîna une existence des plus lamentables, terminée par une fin imprévue et horrible. Il mourut avec philosophie: „Je m'en vais!“ furent ses dernières paroles; „après tout, j'ai assez vécu!“

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

ИВАНЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ ДЬЯЧКОВЪ, 175.—1822, кофешенкъ при дворѣ Екатерины II. При отставкѣ его, 11 Октября 1797 г., отъ оберъ-гофмаршала, дѣйствительнаго камергера графа Николая Петровича Шереметева данъ былъ Дьячкову аттестатъ, въ которомъ сказано: „Данъ сей аттестатъ Ивану Дьячкову въ томъ, что онъ въ службу къ Высочайшему Двору опредѣленъ, по Именному указу, 1780 года, Марта 28 дня, камердинерскимъ помощникомъ; того жъ года, Ноября 17 дня произведенъ портнымъ мастеромъ, а сего 1797 года, Февраля 26 дня, по Именному Его Императорскаго Величества, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, Высочайшему указу, данному Кабинету, отъ службы отставленъ, съ награжденіемъ чина кофешенка и съ пансіономъ по 200 рублей на годъ, и во все время продолженія его службы велъ себя добропорядочно, въ штрафахъ и подозрѣніяхъ не бывалъ".

Иванъ Яковлевичъ Дьячковъ умеръ въ 1822 г. и погребенъ на Волковомъ кладбищѣ, въ С.-Петербургѣ.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

IVAN YAKOVLEWITCH DIATCHKOFF, 175.—1822, échanson de la Cour de Catherine II. A sa retraite, le 11 octobre 1797, il reçut du comte Nicolas Pétrowitch Chérémeteff, chambellan actuel, grand maréchal de la Cour, le certificat suivant: „Délivré à Ivan Diatchkoff pour certifier qu'il fut admis au service de la Cour Impériale, par oukaze de S. M., le 28 mars 1780, comme valet de chambre adjoint, promu le 17 novembre suivant maître tailleur, et, le 26 février 1797, par oukaze au Cabinet signé de la main de Sa Majesté, relevé de ses fonctions avec rang d'échanson et une pension de 200 roubles par an. Il eut pendant toute la durée de son service une conduite excellente, et n'encourut jamais ni amendes ni blâmes".

Diatchkoff mourut en 1822, et fut inhumé au cimetière Volkovo, à St-Pétersbourg.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ АДАДУРОВЪ, 1758—1835, происходившій изъ дворянской фамиліи, ведущей свое начало, по однимъ сказаніямъ, отъ „мужа честна“, пріѣхавшаго въ XIV столѣтіи изъ Швеціи, по другимъ—отъ французскаго выходца, былъ сынъ надворнаго совѣтника Петра Евдокимовича Ададурова и племянникъ извѣстнаго преподавателя Екатерины II, куратора Московскаго университета Василія Евдокимовича (р. 1709 г., † 1780 г.); родился онъ 10 Марта 1758 года. Въ 1773 г. Ададуровъ поступилъ на службу капенармусомъ въ артиллерію, откуда въ томъ же году переведенъ въ Измайловскій полкъ капраломъ. Здѣсь онъ былъ произведенъ въ 1775 г. въ сержанты, 1 Января 1785 г.—въ прапорщики, 1 Января 1787 г.—въ поручики и 1 Января 1790 г.—въ капитанъ-поручики. Въ 1793 г., 9 Мая, именнымъ указомъ Ададуровъ былъ пожалованъ въ камергеры „ранга бригадирскаго“ къ „обрученной невѣстѣ Е. И. В. Великой Княжнѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ“. Эта милость была ему наградой за состояніе въ званіи „кавалера“ при воспитаніи жениха, Великаго Князя Александра Павловича. Награжденный тогда же пенсіей и 1 Января 1794 г. произведенный въ гвардіи капитаны, Ададуровъ 30 Декабря 1796 г. былъ пожалованъ Павломъ I въ камергеры IV класса, 27 Марта 1798 г. назначенъ герольдмейстеромъ, съ переименованіемъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а 29 Мая 1799 г. награжденъ орденомъ св. Анны 1 ст.; черезъ нѣсколько дней Ададурова постигла немилость: 26 Іюля было приказано „герольдмейстера Ададурова отставить отъ службы“. Съ воцареніемъ Александра Павловича онъ былъ, 31 Марта 1801 г., пожалованъ въ шталмейстеры и получилъ мызу Маткульмъ, въ Курляндіи, въ арендное владѣніе на 29 лѣтъ.

Въ 1819 г., 12 Декабря, Ададуровъ былъ пожалованъ въ сенаторы и присутствовалъ во 2 Департаментѣ (1821—1832) и въ Общемъ Собраніи по день смерти.

Умеръ А. П. Ададуровъ, на 77 году, 30 Января 1835 г. и похороненъ въ церкви Св. Духа Александро-Невской лавры.

Тамъ же погребена и его жена, Анна Ивановна (рожденная Кудаева, въ 1 бракѣ за Нарботовымъ, р. 9 Декабря 1777 г., † 20 Августа 1854 г.), отъ которой у А. П. Ададурова были дѣти: сынъ Алексѣй (р. 1812 г.) и дочери—Татьяна (р. 1805 г.; за гв. полковникомъ И. И. Нечаевымъ), Елизавета (р. 1807 г.; за генералъ-майоромъ Смагинымъ) и Варвара (р. 1810 г.; за гвардіи штабсъ-ротмистромъ Амбразанцевымъ).

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

ALEXIS PÉTROWITCH ADADOUROFF, 1758—1835, originaire d'une famille noble remontant, selon les uns, à un „personnage de marque" venu de Suède au XIVe siècle, selon d'autres, d'un émigré français, était fils du conseiller de cour Pierre Evdokimowitch Adadouroff et neveu de Basile Adadouroff (1709—1780), curateur de l'université de Moscou, connu comme précepteur de Catherine II; il naquit le 10 mars 1758. Enrôlé en 1773 capitaine d'armes dans l'artillerie, il passa la même année caporal au régiment Izmaïlowsky, où il fut promu en 1775 sergent, le 1er janvier 1785 porte-enseigne, le 1er janvier 1787 lieutenant et le 1er janvier 1790 capitaine lieutenant. En 1793, un oukaze de Sa Majesté, en date du 9 mai, le fit chambellan „avec rang de brigadier" près la Grande-Duchesse Elisabeth Alexéewna, fiancée du Grand-Duc Alexandre, dont il avait été chevalier. Il reçut en même temps une pension, et passa le 1er janvier 1794 capitaine de la Garde. Paul Ier le fit, le 30 décembre 1796 chambellan de IVe classe, le 27 mars 1798 président de la chambre héraldique avec rang de conseiller d'état actuel et le 29 mai 1799 chevalier de Ste-Anne de 1re classe; quelques jours après, c'était la disgrâce: le 26 juillet, Adadouroff était relevé de toutes ses fonctions. Sous Alexandre Ier, il devint le 31 mars 1801 écuyer et titulaire pour vingt-neuf ans du bail de la ferme de Matkulm, en Courlande. Sénateur le 12 décembre 1819, il siégea au 2e département de 1821 à 1832 et à l'assemblée plénière jusqu'à sa mort.

Adadouroff mourut dans sa 77e année, le 30 janvier 1835, et fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky, dans l'église du Saint-Esprit. Près de lui repose sa femme Anne Ivanowna, en premières noces Narbotoff, née Koudaeff (9 décembre 1777—20 août 1854), dont il eut un fils Alexis (né 1812) et plusieurs filles, Tatiana (née 1805), mariée au colonel de la Garde Nétchaeff, Elisabeth (née 1807) au général major Smaguine et Varvara (née 1810) au capitaine en second de la Garde Ambrazantzeff.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

БИБЛІОТЕКА
3966

143

Пис. Лагрене Peint par Lagrenée

Графъ Василій Петровичъ Завадовскій,
1798 — 1855

Le Comte Basile Pétrowitch Zavadowsky,
1798 — 1855

144

Князь Сергій Ивановичъ Гагаринъ,
1777 — 1862

Le Prince Serge Ivanowitch Gagarine,
1777 — 1862

145

Графъ Матвѣй Александровичъ Мамоновъ,
1790 — 1863

Le Comte Mathieu Alexandrowitch Mamonoff,
1790 — 1863

146

Иванъ Яковлевичъ Дьячковъ,
175 . — 1822

Ivan Yakovlewitch Diatchkoff,
175 . — 1822

147

Алексѣй Петровичъ Ададуровъ,
1758 — 1835

Alexis Pétrowitch Adadouroff,
1758 — 1835

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галлереи
№ 3966

АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ПИСАРЕВЪ, 1780—1848, генералъ-лейтенантъ, потомокъ древняго рода, вышедшаго изъ Литвы въ XV вѣкѣ, родился 16 Августа 1780 г. въ Петербургѣ и получилъ воспитаніе въ кадетскомъ корпусѣ. Большую часть своей жизни онъ провелъ на военной службѣ (первоначально въ Семеновскомъ полку до чина полковника включительно), участвовалъ во многихъ войнахъ, былъ раненъ и за отличіе при взятіи Парижа въ 1814 г. получилъ орденъ св. Георгія 3 ст. Свободное отъ службы время Писаревъ отдавалъ ученымъ и литературнымъ трудамъ и съ молодыхъ лѣтъ участвовалъ въ періодическихъ изданіяхъ. Весьма посредственный литераторъ, онъ считалъ себя, повидимому, знатокомъ всѣхъ отраслей искусствъ и своей задачей поставилъ поучать и живописцевъ, и драматурговъ, и скульпторовъ, и архитекторовъ. Желая указать художникамъ, какіе сюжеты они должны брать для своихъ произведеній, онъ написалъ „Предметы для художниковъ, избранные изъ Россійской исторіи, славянскаго баснословія и изъ всѣхъ русскихъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ“, и въ 1807 г. представилъ это сочиненіе въ Россійскую Академію, за что въ 1809 г., по предложенію Державина, былъ избранъ въ ея члены. Вслѣдъ затѣмъ Писаревъ написалъ „Общія правила театра, выбранныя изъ Вольтера“, и „Начертаніе художествъ или правила живописи, скульптуры, гравированія и архитектуры“. Въ 1817 г. появились его „Военныя письма и замѣчанія, относящіяся къ 1812 году“. Въ 20-хъ годахъ онъ во время службы своей въ Калугѣ поощрялъ литературные таланты своихъ подчиненныхъ, и въ результатѣ явились „Калужскіе вечера или отрывки сочиненій и переводовъ военныхъ литераторовъ“, собраніе совершенно безталанныхъ произведеній. Такая ученолитературная дѣятельность Писарева выдвинула его въ 1825 г. на мѣсто попечителя Московскаго учебнаго округа, который онъ, какъ военный человѣкъ, долженъ былъ подтянуть. И, дѣйствительно, Писаревъ завелъ строгіе порядки и почти военную дисциплину. Университетскому начальству предписано было сдѣлать студентовъ „истинными сынами Православной церкви, вѣрноподданными Государю и Отечеству“, „кроткими и покорными начальству“ и внушить имъ „добрые правила и навыки“. Приняты были мѣры къ искорененію свободомыслія и вредныхъ началъ. Въ теченіе своего пятилѣтняго управленія округомъ Писаревъ не пріобрѣлъ расположенія ни профессоровъ, ни студентовъ. Будучи въ сущности добрымъ человѣкомъ, онъ своимъ пристрастіемъ къ лицамъ, заискивавшимъ въ немъ, грубостью, самовластіемъ, нарушеніемъ университетскаго устава, выражавшимся въ назначеніи профессоровъ помимо Совѣта университета, возбудилъ противъ себя большинство профессоровъ, но на ихъ жалобы въ Петербургѣ не обращали вниманія, потому что Писаревъ пользовался покровительствомъ министра Шишкова. Положеніе дѣлъ измѣнилось, когда министромъ былъ назначенъ князь Ливенъ, и въ 1830 г. Писаревъ, бывшій тогда въ чинѣ тайнаго совѣтника, былъ уволенъ отъ должности попечителя и назначенъ сенаторомъ. Впослѣдствіи онъ, переименованный въ генералъ-лейтенанты, въ теченіе 6 лѣтъ былъ Варшавскимъ военнымъ губернаторомъ и засѣдалъ въ Варшавскихъ департаментахъ Сената (онъ числился тамъ еще въ 1845 г.). Писаревъ былъ предсѣдателемъ въ Московскихъ обществахъ Исторіи и древностей Россійскихъ и любителей Россійской словесности. По преобразованіи въ 1841 г. Россійской Академіи въ отдѣленіе русскаго языка и словесности Академіи Наукъ, онъ былъ избранъ въ почетные члены отдѣленія (онъ былъ также почетнымъ членомъ Академіи Художествъ). Разстроенное здоровье и старость заставили Писарева за нѣсколько лѣтъ до смерти выйти въ отставку. Онъ скончался въ ночь на 24 Іюня 1848 г. въ Москвѣ и погребенъ въ Симоновомъ монастырѣ. Писаревъ былъ женатъ на Агриппинѣ Михайловнѣ Дурасовой († 1877 г.) и имѣлъ нѣсколько человѣкъ дѣтей.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

ALEXANDRE ALEXANDROWITCH PISSAREFF, 1780—1848, général lieutenant, originaire d'une vieille famille émigrée de Lithuanie au XVe siècle, naquit le 16 août 1780 à Pétersbourg, et fit ses études au Corps des Cadets. Sa vie fut presque tout entière consacrée à la carrière des armes: il débuta au régiment Sémenowsky et y resta jusqu'au grade de colonel inclusivement, fit plusieurs campagnes, fut blessé, et, à la prise de Paris, en 1814, décoré de St-Georges de 3e classe. Tout jeune encore collaborateur de revues, il consacrait ses moments de loisir à la science et à la littérature. Homme de lettres fort recommandable, il s'estimait sans doute connaisseur d'art en toute matière, et se proposa de formuler des préceptes pour toutes les catégories d'artistes, peintres, dramaturges, sculpteurs, architectes: il leur donne des conseils pour le choix de leurs sujets dans ses Sujets d'œuvres d'art tirés de l'histoire russe, de la mythologie slave, et de tous les ouvrages russes en prose et en vers, qui fut présenté à l'Académie Russe en 1807 et lui valut en 1809, sur la proposition de Derjavine, le titre d'académicien. Il fit paraître ensuite Règles générales du théâtre, d'après Voltaire, et Esquisse des Beaux-Arts ou règles de la peinture, de la sculpture, de la gravure et de l'architecture, puis publia en 1817 ses Lettres et notes de guerre sur 1812. Après 1820, à Kalouga, où il était en garnison, il encouragea le talent de ses subordonnés et provoqua ainsi la publication des Soirées de Kalouga ou fragments originaux et en traduction d'écrivains militaires, recueil dénué de toute valeur. Ces divers travaux littéraires valurent en 1825 à Pissareff le poste de curateur de l'arrondissement scolaire de Moscou, qu'il fut chargé comme militaire de tenir serré. Et de fait, il y introduisit un régime sévère et y fit régner une discipline presque militaire. L'Université se vit prescrire de faire des étudiants „de vrais fils de l'église orthodoxe, fidèles serviteurs du Trône et de la Patrie", de les rendre „doux et soumis à leurs supérieurs", de leur inculquer „les bons principes et les bonnes habitudes"; la guerre était en même temps déclarée à la libre-pensée et aux mauvais principes. Au cours de ses cinq ans d'administration, Pissareff ne se fit bien voir ni des professeurs ni des étudiants. Brave homme au fond, il fit preuve d'une partialité pour les flagorneurs, d'une grossièreté, d'un arbitraire, d'un mépris des règlements, en faisant par exemple des nominations sans l'aveu du Conseil de l'Université, qui soulevèrent contre lui la majorité des professeurs: toutes les plaintes allaient échouer à Pétersbourg contre la protection de Chichkoff. La situation changea lorsque le ministre fut remplacé par le prince Lieven: Pissareff, en 1830, alors conseiller privé, fut relevé de ses fonctions de curateur, et nommé sénateur. Dans la suite, il permuta général lieutenant et fut six ans gouverneur militaire de Varsovie et sénateur aux départements de cette ville (il l'était encore en 1845). Président des sociétés moscovites d'Histoire et d'Archéologie russes et des Amis de la littérature russe, il fut élu en 1841, lorsque l'Académie Russe devint la Section de Langue et de Littérature russes de l'Académie des Sciences, membre honoraire de la nouvelle Section: il l'était également de l'Académie des Beaux-Arts. L'âge et la maladie lui firent prendre sa retraite plusieurs années avant de mourir. Il mourut à Moscou dans la nuit du 23 au 24 juin 1848, et fut inhumé au monastère Simonoff. Il avait épousé Agrippine Mikhaïlowna Dourassoff († 1877), dont il eut plusieurs enfants.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Графъ ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ СУХТЕЛЕНЪ, 1788—1833, сынъ голландца, поступившаго въ 1782 г. на русскую службу, съ 1812 г. барона, а съ 1822 г. графа Великаго Княжества Финляндскаго, инженеръ-генерала Петра Корнильевича (р. 1751 г., † 1836 г.), отъ брака съ Эмеренціей-Вильгельминой Гартингъ (р. 1756 г.), родился 23 Августа 1788 г. въ Петербургѣ и получилъ, подъ руководствомъ своего ученаго отца, серіозное образованіе, развившее его прекрасныя способности. Онъ началъ службу въ 1802 г. колонновожатымъ, подъ начальствомъ отца, бывшаго въ то время генералъ-квартирмейстеромъ, и въ томъ же году произведенъ въ подпоручики, а черезъ годъ перешелъ корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ и съ нимъ принялъ участіе въ первой войнѣ съ Наполеономъ. При Аустерлицѣ Сухтеленъ былъ раненъ саблей въ голову, контуженъ въ ногу и взятъ въ плѣнъ. Наполеонъ обратилъ вниманіе на плѣнника и сказалъ: „Онъ слишкомъ молодымъ вздумалъ тягаться съ нами“.—„Молодость не мѣшаетъ быть храбрымъ“, возразилъ Сухтеленъ и вызвалъ одобреніе Наполеона: „Хорошій отвѣтъ, молодой человѣкъ, вы далеко уйдете“. Возвратившись въ 1806 г. изъ плѣна, Сухтеленъ былъ награжденъ золотымъ оружіемъ. Затѣмъ онъ участвовалъ въ Шведской войнѣ, во время которой получилъ званіе флигель-адъютанта, Турецкой и во всѣхъ войнахъ съ Наполеономъ, за которыя получилъ чины полковника и генералъ-майора и Георгія 4 степени. Въ Декабрѣ 1813 г. Сухтеленъ былъ назначенъ командиромъ Волынскаго уланскаго полка. Въ 1815 г. онъ состоялъ при шведскомъ наслѣдникѣ Бернадотѣ и участвовалъ въ походѣ въ Норвегію, а во время оккупаціи Франціи завѣдывалъ Обскимъ департаментомъ, гдѣ снискалъ любовь и уваженіе населенія и гдѣ командовалъ гусарской бригадой, съ которой въ Декабрѣ возвратился въ Россію. Въ 1826 г. онъ былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ Главнаго штаба и въ день коронаціи произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Во время Персидской войны Сухтеленъ состоялъ начальникомъ штаба Кавказскаго корпуса, отличился при взятіи Эривани (получилъ Георгія 3 ст.) и, командуя лѣвымъ флангомъ, занялъ Ардебиль, что дало ему званіе генералъ-адъютанта. Участвовалъ онъ и въ Турецкой войнѣ, за которую получилъ орденъ св. Владиміра 2 ст. и золотую шпагу съ алмазами. Въ 1830 г. Сухтеленъ былъ назначенъ Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ и командиромъ Оренбургскаго отдѣльнаго корпуса. Первымъ его дѣломъ было преобразованіе Оренбургскаго казачьяго войска. Затѣмъ онъ удачно разрѣшилъ сложный вопросъ о башкирскомъ землевладѣніи, заботился о распространеніи образованія среди населенія, положилъ начало женскому образованію въ Оренбургскомъ краѣ и научному изученію этого края. Въ короткое время онъ сдѣлалъ такъ много хорошаго, что пріобрѣлъ любовь всего населенія, отъ казаковъ до инородцевъ. Память о немъ жива даже въ настоящее время: нерѣдко въ форпостѣ, рядомъ съ иконами, можно видѣть портретъ Сухтелена, одного изъ популярнѣйшихъ мѣстныхъ дѣятелей. Въ 1832 г. онъ былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго „за неутомимые труды и примѣрную заботливость о благоустройствѣ края, равно и войскъ“. Постоянное напряженіе силъ, при кипучей дѣятельности, и раны, въ особенности полученныя при Аустерлицѣ, вызвали сильныя головныя боли, и 20 Марта 1833 г. Сухтеленъ скоропостижно скончался. Онъ погребенъ въ оградѣ Оренбургской военной Петропавловской церкви. Сухтеленъ былъ широко образованнымъ, гуманнымъ и просвѣщеннымъ человѣкомъ. Несмотря на природную пылкость характера, хорошее воспитаніе дало ему выдержку и умѣнье упорно заниматься дѣлами. Своей доступностью и простымъ обращеніемъ онъ умѣлъ привлекать къ себѣ людей дѣльныхъ и полезныхъ для края. Сухтеленъ прекрасно рисовалъ, чертилъ и гравировалъ и, по свидѣтельству А. Н. Оленина, былъ любителемъ и тонкимъ знатокомъ искусства. Онъ былъ женатъ на графинѣ Варварѣ Дмитріевнѣ Зубовой (р. 1799 г.), но бракъ этотъ былъ неудаченъ, и супруги жили врозь. У нихъ была единственная дочь Ольга, въ замужствѣ за А. П. Бутурлинымъ.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Le comte **PAUL PÉTROWITCH SUCHTELEN**, 1788—1833, fils d'un hollandais entré en 1782 au service russe, en 1812 baron, puis, en 1822, comte du Grand-Duché de Finlande, le général du génie Pierre Korniliewitch Suchtelen (1751—1836), et d'Emerenzia-Wilhelmine, née Harting (née 1756), naquit à Pétersbourg le 23 août 1788, et reçut, sous la direction éclairée de son père, une instruction sérieuse, qui développa ses excellentes aptitudes. Entré au service en 1802 comme guide sous le commandement de son père, alors quartier-maître général, et promu lieutenant la même année, il permuta l'année suivante cornette au régiment des Chevaliers-Gardes, avec lequel il fit la première guerre de Napoléon. Fait prisonnier à Austerlitz après avoir reçu un coup de sabre à la tête et une contusion à la jambe, sa jeunesse attira l'attention de Napoléon: „Il est un peu jeune pour venir se frotter à nous".—„La valeur n'attend pas le nombre des années", repartit le prisonnier. — „Bien dit, jeune homme!" répliqua Napoléon; „vous irez loin!" A sa sortie de captivité en 1806, il reçut une épée d'or. Il fit ensuite la campagne de Suède, qui lui valut le titre d'aide de camp de Sa Majesté, celle de Turquie, et toutes les guerres de Napoléon, où il gagna les grades de colonel et de général major et St-Georges de 4e classe. En décembre 1813, il fut nommé commandant des uhlans de Volhynie. Attaché en 1815 au Prince Héritier de Suède Bernadotte, il fit la campagne de Norvège, puis, lors de l'occupation de la France, administra le département de l'Aube, où il se concilia l'estime et l'affection des populations; il y commandait une brigade de hussards, avec laquelle il rentra en Russie au mois de décembre. En 1826, il fut nommé quartier-maître général de l'Etat-Major, et, le jour du Couronnement, promu général lieutenant. Chef d'état-major au corps du Caucase lors de la guerre de Perse, la prise d'Erivan lui valut St-Georges de 3e classe, et celle d'Ardébil, où il commandait l'aile gauche, le grade de général aide de camp. Il fit encore la campagne de Turquie, où il gagna St-Vladimir de 2e classe et une épée d'or enrichie de diamants. Nommé en 1830 gouverneur militaire d'Orenbourg et commandant du corps détaché d'Orenbourg, il s'occupa d'abord à réorganiser les Cosaques de la région, puis résolut heureusement la question agraire chez les Bachkirs, propagea l'instruction et jeta les bases de celle des femmes, enfin fit entreprendre une étude scientifique du pays. Le bien qu'il y fit en peu de temps lui concilia toute la population, cosaque et allogène, et sa mémoire est restée vivante jusqu'à présent, comme celle d'une des gloires locales les plus populaires: il n'est pas rare de voir aux avant-postes son portrait près des images saintes. En 1832, il fut décoré de St-Alexandre Newsky „en récompense de ses travaux infatigables et de sa sollicitude exemplaire pour la prospérité du pays et le bien-être des garnisons". D'une activité dévorante, et dans un état de tension perpétuel, il finit, à la suite de ses blessures, surtout de celles d'Austerlitz, par souffrir de violents maux de tête, et mourut subitement le 20 mars 1833. Il fut inhumé à Orenbourg, dans l'enceinte de l'église militaire de St-Pierre-et-St-Paul.

Très instruit, cultivé et éclairé, Suchtelen était d'une vivacité d'humeur heureusement domptée par une excellente éducation, et d'une grande endurance au travail. Son abord facile et ses manières simples l'entourèrent de collaborateurs actifs et entendus aux affaires du pays. Avec un talent de dessinateur et de graveur, c'était, dit Olénine, un amateur et un fin connaisseur d'art. Son mariage avec la comtesse Varvara Dmitriewna Zouboff (née 1799) ne fut pas heureux: ils vécurent désunis, après avoir eu une fille unique, Olga, qui épousa A. Boutourline.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

150

ЕКАТЕРИНА БОРИСОВНА АХВЕРДОВА, 17..—18.., дочь Бориса Ивановича Меллера, брата перваго барона Меллеръ-Закомельскаго, жена генералъ-лейтенанта Николая Исаевича Ахвердова (р. 1755 г., † 1817 г.), за котораго вышла замужъ въ 80-хъ годахъ XVIII вѣка въ Барнаулѣ, когда отецъ ея былъ правителемъ Колыванскаго намѣстничества, а мужъ его поручикомъ, т.-е. вице-губернаторомъ.

(Съ портрета Варнека; Третьяковская галлерея, въ Москвѣ.)

150

CATHERINE BORISSOWNA AKHVERDOFF, 17..—18.., fille de Boris Ivanowitch Möller, frère du premier baron Möller-Zakomelsky et gouverneur de la région de Kolyvan, dont elle épousa à Barnaoul après 1780 le vice-gouverneur, le général lieutenant Nicolas Issaewitch Akhverdoff.

(D'après l'original de Warneck, Galerie Trétiakoff, Moscou.)

НИКОЛАЙ ИСАЕВИЧЪ АХВЕРДОВЪ, 1755—1817, сынъ грузинскаго дворянина отставного майора Исаіи Васильевича, поступившаго на русскую службу въ 1739 г., получилъ образованіе въ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ въ 1776 г., съ чиномъ поручика и золотой медалью. Командированный за границу въ числѣ троихъ питомцевъ корпуса, выбранныхъ въ спутники графу Бобринскому, онъ побывалъ въ Германіи, Англіи, Франціи и Италіи и занимался изученіемъ памятниковъ искусства. Въ это же время путешествовалъ Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, и Ахвердову пришлось давать ему объясненія художественныхъ сокровищъ Парижа и Италіи. По возвращеніи изъ-за границы въ 1779 г., онъ былъ произведенъ въ секундъ-майоры и назначенъ воспитателемъ въ кадетскій корпусъ. Въ 1782 г. Ахвердовъ перешелъ на службу въ Экспедицію о государственныхъ доходахъ, а въ 1788 г. назначенъ поручикомъ правителя Колыванскаго намѣстничества (т.-е. вице-губернаторомъ). Состоя на этой должности, онъ содѣйствовалъ устройству Колыванскихъ рудниковъ. Въ это же время онъ женился на дочери своего начальника, правителя намѣстничества Бориса Ивановича Меллера, Екатеринѣ Борисовнѣ. Въ 1797 г. Ахвердовъ назначенъ Архангельскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а 1 Сентября 1798 г. уволенъ отъ должности, но черезъ 2 недѣли принятъ снова на службу по провіантмейстерской части. Въ 1799 г. онъ, будучи въ чинѣ генералъ-майора, по рекомендаціи Рибаса, былъ назначенъ кавалеромъ къ Великимъ Князьямъ Николаю Павловичу и Михаилу Павловичу. Въ 1802 г. ему было поручено преподаваніе имъ русскаго языка, исторіи и географіи, а съ половины 1804 г. и ариѳметики. По мнѣнію графа М. А. Корфа, Ахвердовъ былъ лучшимъ изъ приставленныхъ къ Великимъ Князьямъ кавалеровъ: онъ болѣе другихъ имѣлъ основательности въ своихъ взглядахъ и направленіи, а изъ ежедневно представлявшихся кавалерами журналовъ объ успѣхахъ и поведеніи Августѣйшихъ воспитанниковъ его журналы всего интереснѣе, заключаютъ въ себѣ наиболѣе подробностей и доказываютъ наблюдательность автора и его умѣнье дѣлать выводы изъ описываемыхъ фактовъ. Онъ всѣми средствами старался доставить своимъ воспитанникамъ пользу. Хотя Императрица Марія Ѳеодоровна старалась отвлечь своихъ сыновей отъ излишней склонности ко всему военному, и самъ Ахвердовъ не былъ въ сущности военнымъ человѣкомъ, однако, онъ иногда, изъ желанія доставить удовольствіе своимъ воспитанникамъ, самъ училъ ихъ строить и рисовать крѣпости, дѣлалъ изъ воска бомбы и ядра, показывалъ, какъ надо нападать на гавани и какъ защищать ихъ; когда же воспитанники начинали барабанить, онъ приказывалъ закрывать барабаны платками, чтобы хоть нѣсколько заглушить нестерпимые для него звуки. Александръ I былъ доволенъ дѣятельностью воспитателя братьевъ и весной 1806 г., послѣ экзамена, на которомъ онъ присутствовалъ, пожаловалъ Ахвердову орденъ св. Анны 1 степени, а въ 1807 г. произвелъ его въ генералъ-лейтенанты. Научныя занятія Ахвердова съ Великими Князьями продолжались почти до самой его смерти: еще въ началѣ 1816 г. онъ проходилъ съ Николаемъ Павловичемъ русскую исторію. Въ 1817 г. онъ скончался. Ахвердовъ былъ не чуждъ литературѣ: писалъ стихи и переводилъ. По отзыву его свояка, В. С. Хвостова, онъ былъ человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ рѣдкій, какъ по уму, такъ и по нравственнымъ свойствамъ.

(Съ портрета Варнека; Третьяковская галлерея, въ Москвѣ.)

NICOLAS ISSAEWITCH AKHVERDOFF, 1755—1817, fils d'un noble géorgien entré au service russe en 1739 et retraité comme major, fit ses études au Corps des Cadets, d'où il sortit en 1776 avec une médaille d'or et le grade de lieutenant. Au nombre des cadets désignés pour accompagner à l'étranger le comte Bobrinsky, il visita l'Allemagne, l'Angleterre, la France et l'Italie, et se livra à l'étude des monuments artistiques. C'était l'époque du voyage du Césarewitch Paul Pétrowitch, auquel il montra les trésors d'art de Paris et d'Italie. A son retour, en 1779, il fut promu second major et nommé surveillant au Corps des Cadets. En 1782, il prit du service dans l'administration des revenus de l'Etat, et devint en 1788 vice-gouverneur de Kolyvan, où il travailla à la mise en exploitation des mines de la région et épousa la fille Catherine du gouverneur Boris Möller. Nommé en 1797 gouverneur civil d'Arkhangel, il fut relevé de sa fonction le 1er septembre 1798, pour passer quinze jours plus tard au service de l'intendance. En 1799, alors général major, il fut, sur la recommandation de de Ribas, attaché aux Grands-Ducs Nicolas et Michel Pavlowitch, auxquels il fut chargé d'enseigner en 1802 le russe, l'histoire et la géographie, et, aussi, depuis la fin de 1804, l'arithmétique. Le comte Korff le déclare le meilleur maître des Grands-Ducs, lui trouve le plus de fonds comme idées et comme tendances; des rapports présentés chaque jour par les précepteurs sur les progrès et la conduite de leurs jeunes pupilles, les siens étaient les plus intéressants et les plus substantiels et témoignaient de précieuses qualités d'observation et d'un jugement exercé. Il fit de son mieux pour être utile aux jeunes Grands-Ducs. Malgré la tendance de l'Impératrice Marie à combattre chez ses fils le goût des choses militaires, Akhverdoff, si peu militaire qu'il fût lui-même, les exerçait parfois, pour les amuser, à construire et à dessiner des forteresses, leur montrant, avec des bombes et des boulets de cire, les principes de l'attaque et de la défense des ports; et, lorsqu'ils commençaient à battre le tambour, dont il avait le son en horreur, il faisait envelopper les caisses avec un mouchoir pour l'assourdir un peu. Alexandre Ier fut content de l'éducation donnée à ses frères, et, au printemps de 1806, après un examen auquel il assista lui-même, conféra à leur gouverneur l'ordre de Ste-Anne de 1re classe et, l'année suivante, le fit général lieutenant. Il travailla avec les Grands-Ducs presque jusqu'à sa mort: au commencement de 1816, il faisait encore l'histoire russe à Nicolas Pavlowitch, et en 1817 il mourait. Il ne fut pas sans s'occuper de littérature; il fit des vers et des traductions. Son beau-frère Khvostoff le représente comme un homme peu commun sous tous les rapports, tant intellectuellement que moralement.

(D'après l'original de Warneck, Galerie Trétiakoff, Moscou.)

БИБЛИОТЕКА
№ 3966

148

Александръ Александровичъ Писаревъ,
1780 — 1848

Alexandre Alexandrowitch Pissareff,
1780 — 1848

149

Пис. Винбергъ — Peint par Winberg

Графъ Павелъ Петровичъ Сухтеленъ,
1788 — 1833

Le Comte Paul Pétrowitch Suchtelen,
1788 — 1833

150

Пис. Варнекъ *Peint par Warneck*

Екатерина Борисовна Ахвердова,
17 . . — 18 . .

Catherine Borissowna Akhverdoff,
17 . . — 18 . .

151

Пис. Варнекъ *Peint par Warneck*

Николай Исаевичъ Ахвердовъ,
1755 — 1817

Nicolas Issaewitch Akhverdoff,
1755 — 1817

РУССКИЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи
№ 3966

Князь ГРИГОРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ПОТЕМКИНЪ-ТАВРИЧЕСКІЙ, 1739—1791, сынъ майора Александра Васильевича Потемкина, отъ второго его брака съ Даріей Васильевной Кондыревой (по первому мужу Скуратовой), родился въ селѣ Чижовѣ, Духовщинскаго уѣзда, Смоленской губерніи, 13 Сентября 1739 года. Уволенный изъ Московскаго университета „за лѣность и нехожденіе въ классы“, онъ въ 1761 году началъ военную службу вахмистромъ Конной гвардіи. Какъ приверженецъ Екатерины, онъ послѣ переворота 28 Іюня 1762 года получилъ чинъ подпоручика и 400 душъ; пожалованный въ камеръ-юнкеры, а затѣмъ въ камергеры, онъ занималъ должность помощника Сѵнодальнаго оберъ-прокурора. Въ качествѣ „волонтира“ Потемкинъ отличился въ Турецкой войнѣ и получилъ генералъ-поручика; 1774 годъ былъ началомъ фавора Потемкина: онъ былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ и въ теченіе двухъ слѣдующихъ лѣтъ получилъ званіе подполковника Преображенскаго полка, мѣсто вице-президента Военной Коллегіи, чинъ генералъ-аншефа, орденъ св. Андрея, графское, а затѣмъ и княжеское достоинство Римской имперіи, съ титуломъ свѣтлости. Главнымъ дѣломъ Потемкина было присоединеніе Крыма и колонизація Новороссіи. Награды и почести лились на него безпрерывно: онъ былъ пожалованъ шефомъ Кавалергардскаго корпуса, Екатеринославскимъ и Таврическимъ генералъ-губернаторомъ, генералъ-фельдмаршаломъ и президентомъ Военной Коллегіи и, наконецъ, украшенъ титуломъ князя Таврическаго. Во вторую Турецкую войну Потемкинъ сначала командовалъ Екатеринославской арміей, а съ 1789 года былъ главнокомандующимъ. Онъ взялъ послѣ продолжительной осады Очаковъ и безъ боя Аккерманъ и Бендеры. Онъ умеръ въ Молдавской степи, въ 40 верстахъ отъ Яссъ, 5 Октября 1791 года и былъ погребенъ въ Херсонѣ, въ церкви св. Екатерины. Щедро одаренный отъ природы и несомнѣнно самый выдающійся изъ всѣхъ дѣятелей вѣка Екатерины II, Потемкинъ представлялъ сочетаніе самыхъ противоположныхъ качествъ: выносливый и изнѣженный, лѣнивый и неутомимо дѣятельный, жизнерадостный и временами погружавшійся въ крайнюю апатію, увлекавшійся пышными пирами и временами разочарованный и рвавшійся отъ Двора въ уединеніе монастырской кельи, благочестивый и развратный, онъ, по словамъ принца де-Линь, „одною рукою дѣлалъ условные знаки женщинамъ, которыя ему нравились, а другою набожно крестился; съ генералами говорилъ о богословіи, съ архіереями—о войнѣ; появлялся то въ рубашкѣ, то въ мундирѣ, расшитомъ золотомъ по всѣмъ швамъ“. Причудамъ его не было конца, а ненасытное сластолюбіе доводило его до связей съ родными племянницами. Но Екатерина II вѣрно опредѣлила сущность характера Потемкина, говоря, что у него „смѣлый умъ, смѣлая душа, смѣлое сердце!“ Онъ всегда былъ оригиналенъ.

„Се ты, отважнѣйшій изъ смертныхъ! Не шелъ ты средь путей извѣстныхъ,
Парящій замыслами умъ! Но проложилъ ихъ самъ“,

такъ охарактеризовалъ Потемкина Державинъ въ одѣ „Водопадъ“. Въ общемъ онъ всегда стоялъ на практической почвѣ, понималъ выгоды Россіи и шелъ къ нимъ вѣрнымъ путемъ. Его реформы въ арміи были основаны на здравомъ смыслѣ и знаніи военнаго дѣла: онъ стремился освободить солдатъ отъ всякой „дряни“, въ родѣ формы съ косою и пудрой и вахтпарадной муштровки. Какъ покоритель Крыма, колонизаторъ Новороссіи и основатель Черноморскаго флота, Потемкинъ былъ достойнымъ продолжателемъ дѣла Петра Великаго, осуществилъ первоначальную мысль Преобразователя о созданіи морского могущества Россіи на Южномъ морѣ и положилъ прочное основаніе русскому вліянію на Ближнемъ Востокѣ.

Отношенія Потемкина къ Екатеринѣ доказываютъ его умъ и ловкость, но не говорятъ въ пользу высоты его нравственныхъ принциповъ. Пріобрѣтя сильное вліяніе на старѣвшую, но юную сердцемъ Царицу, Потемкинъ, зная страстный темпераментъ своей повелительницы и перемѣнчивость ея вкусовъ и не желая имѣть соперниковъ во власти, не только мирился съ ними, когда дѣло шло лишь объ одномъ сердцѣ Екатерины, но и самъ поставлялъ ко Двору видныхъ, но не слишкомъ далекихъ молодыхъ людей. Отношенія между нимъ и Екатериною до конца были отношеніями сжившихся и искренно преданныхъ другъ другу людей; „батько“, „батенька“, „другъ-сердечный“, „божокъ“—вотъ названія, какими надѣляла Царица своего вѣрнаго спутника жизни. Вліяніе Потемкина на дѣла было громадное. „Я безъ тебя, какъ безъ рукъ“, вполнѣ искренно писала Екатерина живому Потемкину; „Теперь не на кого опереться, теперь вся тяжесть правленія лежитъ на мнѣ одной“, не менѣе искренно сѣтовала она послѣ его смерти.

(Съ портрета, принадлежащаго графинѣ М. Е. Браницкой, м. Бѣлая Церковь, Кіевской губ.)

БИБЛІОТЕКА
Пермской государственной
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ Галлереи
№ 3966

Le prince GRÉGOIRE ALEXANDROWITCH POTEMKINE DE TAURIDE, 1739—1791, fils du major Alexandre Vassiliewitch Potemkine et de sa seconde femme Daria Vassiliewna, née Kondyreff, en premières noces Skouratoff, naquit à Tchijovo, gouvernement de Smolensk, le 13 septembre 1739. Renvoyé de l'université de Moscou pour sa paresse et ses absences, il s'enrôla en 1761 vaguemestre à la Garde à cheval. Partisan de Catherine, il reçut à la suite du coup d'état du 28 juin 1762 le grade de sous-lieutenant et 400 têtes de paysans, puis, fait gentilhomme de la chambre et ensuite chambellan, fut adjoint du haut procureur du Saint Synode. La campagne de Turquie, qu'il fit comme volontaire, lui valut le grade de général lieutenant. L'année 1774 marque le début de sa faveur: nommé alors général aide de camp, il devient successivement au cours des deux années suivantes lieutenant-colonel du régiment Préobragensky, vice-président du Collège Militaire, général en chef, chevalier de St-André et comte, puis prince, de l'Empire Romain avec titre d'altesse sérénissime. Son œuvre principale fut l'annexion de la Crimée et la colonisation de la Nouvelle-Russie. Incessamment comblé de récompenses et d'honneurs, il fut ainsi nommé chef du corps des Chevaliers-Gardes, général gouverneur d'Ekatérinoslav et de Tauride, général feld-maréchal et président du Collège Militaire, et enfin, gratifié du titre de prince de Tauride. A la seconde campagne de Turquie, il commanda d'abord l'armée d'Ekatérinoslav, puis devint en 1789 commandant en chef, prit Otchakoff après un siège prolongé et enleva sans coup férir Akkermann et Bender. Il mourut dans les steppes de Moldavie, à 40 verstes de Yassy, le 5 octobre 1791, et fut inhumé à Kherson, dans l'église Ste-Catherine.

Richement doué par la nature et sans contredit le plus éminent des hommes du siècle de Catherine, Potemkine était un composé des contrastes les plus heurtés: il joignait l'endurance à la mollesse, la paresse à une infatigable activité, une exubérance de vie à une extrême apathie, la piété à la débauche, tantôt se complaisant en de somptueux festins, tantôt fuyant la Cour pour faire retraite en quelque cloître, „d'une main", dit le prince de Ligne, „faisant des gestes d'intelligence à la femme qu'il aimait, et de l'autre des signes de croix, causant religion aux généraux et batailles aux archevêques, paraissant tantôt en camisole, tantôt en uniforme chamarré d'or". Ses bizarreries n'avaient pas de bornes, et son insatiable lubricité en vint à le jeter dans les bras de ses propres nièces. Catherine II donne une idée bien juste du fond de son caractère lorsqu'elle le proclame „rude tête, rude âme, rude cœur!" Toujours il fut original. Et Derjavine, dans son ode La Cascade, l'apostrophe en ces termes:

„C'est toi! Le plus audacieux des hommes,
„Esprit aux pensers grandioses,
„Qui dédaignas tous les chemins battus
„Pour t'en frayer un bien à toi!"

Esprit essentiellement pratique, Potemkine avait bien l'intelligence des intérêts de la Russie et y travaillait à coup sûr. Ses réformes à l'armée étaient affaire de vrai bon sens et témoignaient de sa compétence en matière militaire; il tenait à débarrasser les hommes de „saletés" d'ordonnance comme la queue de cheveux et la poudre, et aussi des dressages de pure parade. Conquérant de la Crimée, colonisateur de la Nouvelle-Russie et fondateur de la flotte de la Mer Noire, il fut le digne continuateur de l'œuvre de Pierre-le-Grand, réalisa sa conception mère d'une Russie puissance maritime au Midi et jeta les bases durables de l'influence russe dans le Levant.

Les rapports de Potemkine et de Catherine II témoignent bien de sa tête et de son habileté, mais donnent une triste idée de ses principes. Jeune de cœur en dépit de l'âge, elle lui avait laissé prendre sur elle un puissant ascendant: il connaissait la fougue de son tempérament et la mobilité de ses goûts, et, pour écarter toute rivalité politique, d'abord il était prêt à toutes les concessions en matière d'amour, et de plus il allait jusqu'à présenter lui-même à la Cour des jeunes gens de belle apparence, mais sans trop de fond. Ses rapports avec l'Impératrice ne cessèrent jamais d'être ceux d'une vieille intimité et d'un dévouement sincère et réciproque; „Cher vieux", „Bon ami", „Mon idole", telles sont les appellations que prodiguait la Souveraine au fidèle compagnon de toute sa vie. Aux affaires, l'influence de Potemkine était considérable: „Je suis sans toi comme sans bras", lui écrivait-elle en toute franchise de son vivant, et, lorsqu'il fut disparu: „Plus personne sur qui m'appuyer maintenant, et seule à porter tout le faix du pouvoir!" déplorait-elle non moins sincèrement.

(D'après un original appartenant à la comtesse M. Branicki, Bélaïa Tzerkov, gouv. de Kieff.)

153

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА ЭНГЕЛЬГАРДТЪ, 172.—17.., дочь подполковника Александра Васильевича Потемкина (р. 1673 г., † 1746 г.) отъ второго брака съ вдовой Дарьей Васильевной Скуратовой, рожденной Кондыревой (р. 1704 г., † 1780 г.), сестра свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго, жена ротмистра Смоленской шляхты Василія Андреевича Энгельгардта († до 1794 г.). Овдовѣвъ, она, по приглашенію брата, бывшаго въ то время первымъ лицомъ въ Россіи послѣ Государыни, переѣхала со своей большой семьей въ Петербургъ, и дочери ея заняли здѣсь видное положеніе при дворѣ. У нея было 2 сына: Петръ и Василій, и 6 дочерей: Анна (р. 1740 г., † 1820 г.), въ замужствѣ за М. М. Жуковымъ, Александра (р. 1754 г., † 1838 г.), за графомъ К. П. Браницкимъ, Варвара (р. 1757 г., † 1815 г.), за княземъ С. Ѳ. Голицынымъ, Надежда (р. 1761 г., † 1834 г.), за П. А. Измайловымъ и вторично за П. А. Шепелевымъ, Екатерина (р. 1761 г., † 1829 г.), за графомъ П. М. Скавронскимъ и за графомъ Ю. П. Литтой, и Татьяна (р. 1767 г., † 1841 г.), за генераломъ М. С. Потемкинымъ и за княземъ Н. Б. Юсуповымъ.

(Съ портрета, принадлежащаго графинѣ М. Е. Браницкой, м. Бѣлая Церковь, Кіевской губ.)

HÉLÈNE ALEXANDROWNA ENGELHARDT, 172.—17.., fille du lieutenant-colonel Alexandre Vassiliewitch Potemkine (1673—1746) et de sa seconde femme Daria Vassiliewna, Vve Skouratoff, née Kondyreff (1704—1780), était sœur du prince sérénissime Potemkine de Tauride et femme du capitaine de cavalerie Basile Andréewitch Engelhardt († avant 1794), noble de Smolensk. Devenue veuve, son frère, alors le premier en Russie après l'Impératrice, la fit venir avec toute sa famille à Pétersbourg, où ses filles se firent une situation marquante à la Cour. Elle avait deux fils, Pierre et Basile, et six filles, Anne (1740—1820), mariée à M. Joukoff, Alexandrine (1754—1838) au comte C. Branicki, Varvara (1757—1815) au prince S. Golitzyne, Nadejda (1761—1834) à P. Izmaïloff et P. Chépéleff, Catherine (1761—1829) au comte P. Skavronsky et au comte J. Litta, et Tatiana (1767—1841) au général M. Potemkine et au prince N. Youssoupoff.

(D'après un original appartenant à la comtesse M. Branicki, Bélaïa Tzerkov, gouvernement de Kieff.)

Графъ ФРАНЦИСКЪ-КСАВЕРІЙ ПЕТРОВИЧЪ БРАНИЦКІЙ, 1731—1817, потомокъ польскаго дворянскаго рода герба Корчакъ червонно-русскаго происхожденія, извѣстнаго съ XVI вѣка, сынъ каштеляна Брацлавскаго Петра († 1762 г.), отъ брака съ Валеріей Шембекъ, родился въ 1731 г. и молодость свою провелъ очень бурно; въ погонѣ за приключеніями онъ принялъ участіе въ Семилѣтней войнѣ, сначала въ рядахъ французской арміи, сражавшейся противъ пруссаковъ, а затѣмъ въ свитѣ младшаго сына короля Августа III, герцога Карла Курляндскаго. Благодаря дружбѣ съ герцогомъ, онъ получилъ затѣмъ мѣсто при Польскомъ посольствѣ въ Петербургѣ, во главѣ котораго стоялъ Станиславъ Понятовскій, и здѣсь снискалъ дружбу будущаго короля Польши и расположеніе будущей Императрицы Екатерины II. Въ 1764 г. Понятовскій сдѣлался королемъ, и Браницкій быстро достигъ высокаго положенія: въ томъ же году онъ былъ сдѣланъ первымъ генералъ-адъютантомъ короля, генеральнымъ регименталріемъ коронныхъ войскъ, старостой Перемышльскимъ и подстоліемъ, въ 1765 г. получилъ ордена св. Станислава и Бѣлаго Орла, въ 1766 г. пожалованъ въ великіе ловчіе, въ 1768 г. назначенъ генераломъ Литовской артиллеріи. Поддерживая короля противъ враждебной ему партіи, онъ во время Барской конфедераціи дѣйствовалъ совмѣстно съ русскими войсками противъ конфедераціи, но собственно больше боролся съ гайдамаками. Въ 1771 г. Браницкій ѣздилъ въ Петербургъ, чтобы увѣрить Екатерину II въ преданности короля, а въ 1772 г. въ Парижъ просить о заступничествѣ, въ виду слуховъ о готовящемся раздѣлѣ Польши. Въ 1773 г. онъ былъ назначенъ польнымъ гетманомъ, а въ 1774 г. — великимъ коронным гетманомъ и въ томъ же году получилъ богатое Бѣлоцерковское староство. Въ это же время Браницкій разошелся съ королемъ, недовольный тѣмъ, что вновь учрежденный постоянный совѣтъ уменьшалъ его гетманскую власть, и примкнулъ къ оппозиціи. Во время путешествія Екатерины II въ Крымъ онъ находился при ней и Потемкинѣ, на племянницѣ котораго женился въ 1781 году, и безуспѣшно старался ихъ возстановить противъ короля, также прибывшаго на свиданіе съ Императрицей. Несмотря на свое несочувствіе конституціи 3 Мая 1791 г., онъ присягнулъ ей и даже сдѣлался Военнымъ министромъ, но сейчасъ же сталъ дѣйствовать противъ нея и примкнулъ къ Торговицкой конфедераціи. По уничтоженіи при помощи Россіи конституціи, онъ, во главѣ депутаціи, ѣздилъ въ Петербургъ благодарить Екатерину II за возстановленіе старопольской вольности. Въ 1793 г., послѣ того, какъ обширныя владѣнія Браницкаго на Украйнѣ по второму раздѣлу Польши отошли къ Россіи, онъ перешелъ на русскую службу, съ чиномъ генералъ-аншефа, но на дѣйствительной службѣ не былъ, а поселился въ Бѣлой Церкви. Въ 1798 г. Браницкій былъ уволенъ, съ переименованіемъ въ генералы-отъ-инфантеріи. Въ Бѣлой Церкви онъ прожилъ до самой смерти, послѣдовавшей въ 1817 году, и погребенъ тамъ же, въ католической церкви. Прекрасную характеристику Браницкаго даетъ Костомаровъ: „По происхожденію своему отъ предковъ онъ былъ козакъ и по характеру походилъ къ типу тѣхъ ошляхтѣвшихъ малороссовъ, которые полвѣка волновали Малороссію, съ любовью къ смутамъ, интригамъ и безурядицамъ. Веселаго нрава, разгульный, буйный, щедрый, съ воинственными замашками, онъ имѣлъ много такого, что могло къ нему привязать толпу шляхты: съ виду казался открытымъ и прямымъ, въ самомъ дѣлѣ былъ хитеръ и двоедушенъ. Это былъ эгоистъ, думавшій только о себѣ, безъ чести, безъ вѣры, безъ убѣжденій, мстительный, самолюбивый.... Онъ всегда былъ покоренъ Екатеринѣ, но не по истинной привязанности къ Россіи, напротивъ, не терпѣлъ москалей, а держался ихъ потому, что видѣлъ въ этомъ свою силу и свои выгоды“. Вигель, познакомившійся съ Браницкимъ уже въ Бѣлой Церкви, говоритъ о немъ: „Онъ былъ человѣкъ старый, но образованный и довольно еще любезный, ума весьма посредственнаго, славился же онъ безпримѣрнымъ аппетитомъ вмѣстѣ съ утонченнымъ вкусомъ къ гастрономіи. Несмотря на свою скупость, графиня Браницкая нанимала изящнѣйшаго повара-француза и ничего не щадила для стола, дабы симъ пріятнымъ занятіемъ отвлечь супруга отъ хозяйственныхъ дѣлъ, въ которыхъ онъ ничего не понималъ, и въ кои отъ скуки онъ захотѣлъ бы, можетъ-быть, мѣшаться“. Отъ брака съ Александрой Васильевной Энгельгардтъ (р. 1754 г., † 1838 г.) Браницкій имѣлъ 2 сыновей: Владислава (р. 1782 г., † 1843 г.) и Александра, и 3 дочерей: Екатерину, за графомъ Станиславомъ Потоцкимъ, Софію (р. 1790 г., † 1879 г.), за графомъ Артуромъ Потоцкимъ, и Елизавету (р. 1796 г., † 1881 г.), за княземъ М. С. Воронцовымъ.

(Съ портрета, принадлежащаго графинѣ М. Е. Браницкой, м. Бѣлая Церковь, Кіевской губ.)

Le comte **FRANÇOIS-XAVIER PÉTROWITCH BRANICKI**, 1731—1817, descendant de la famille noble polonaise des Korczak, originaire de Russie-Rouge et connue dès le XVIe siècle, était fils du castellan de Braclaw, Pierre († 1762), et de Valérie Szembek; il naquit en 1731 et eut une jeunesse des plus orageuses. En quête d'aventures, il fit la guerre de Sept-Ans, d'abord dans les rangs de l'armée française contre les Prussiens, puis dans la Suite du fils du Roi Auguste III, le jeune Duc Charles de Courlande, dont la bonne amitié lui fit avoir un emploi à l'ambassade de Pologne à Pétersbourg, alors dirigée par Stanislas Poniatowsky: ce fut pour lui l'origine de la faveur du futur Roi de Pologne et de celle de la future Impératrice Catherine. Poniatowsky parvenu au Trône en 1764, il eut une élévation rapide, et devint la même année son premier général aide de camp, commandant en chef des troupes de la Couronne, staroste de Pérémysl et échanson, l'année suivante chevalier des ordres de St-Stanislas et de l'Aigle Blanc, en 1766 grand veneur, et en 1768 général de l'artillerie Lithuanienne. Rallié à la cause du Roi contre le parti de l'opposition, il opéra lors de la confédération de Bar de concert avec les troupes russes contre les Confédérés, mais en réalité fut plutôt aux prises avec les Petits-Russiens. En 1771, il vint à Pétersbourg assurer Catherine II du dévouement du Roi, et, en 1772, alla à Paris solliciter une intervention en raison des bruits de partage de la Pologne. Hetman de camp en 1773, il devint l'année suivante grand hetman de la Couronne et titulaire du riche starostat de Bélaïa Tzerkov. En même temps, mécontent de voir son autorité d'hetman restreinte par la création d'un Conseil Permanent, il rompait avec le Roi pour se rallier à l'opposition. Lors du voyage de Crimée, il fut aux côtés de Catherine et de Potemkine, dont il épousa une nièce en 1781, et fit de vaines tentatives pour les soulever contre le Roi, venu aussi saluer l'Impératrice. Opposé à la constitution du 3 mai 1791, il y prêta pourtant serment, et accepta même le ministère de la guerre, mais pour la combattre aussitôt et adhérer à la confédération de Targowice. La constitution renversée grâce à l'appui de la Russie, il se mit à la tête de la députation qui alla à Pétersbourg remercier Catherine II d'avoir rendu à la Pologne ses anciennes libertés. Lorsqu'en 1793 ses immenses propriétés d'Ukraine se trouvèrent en territoire russe à la suite du second partage, il passa au service russe avec le grade de général en chef, mais sans prendre de service actif, et se retira à Bélaïa Tzerkov, où il resta jusqu'à sa mort en 1817, et fut inhumé dans l'église catholique. Il était à la retraite depuis 1798 avec le grade de général d'infanterie.

„Cosaque de souche", dit excellemment Kostomaroff, Branicki „avait bien le caractère de ces petits-russiens polonisés de fraîche noblesse, passionnés de désordre, d'intrigue et de sédition, qui agitèrent cinquante ans le pays. Bon vivant, débauché, turbulent, généreux, des allures de bravache, il était bien fait pour plaire à la noblesse polonaise. Avec ses airs de droiture et de franchise, il était tout astuce et duplicité, égoïste ne pensant qu'à lui, sans honneur, sans foi, sans convictions, pétri de rancune et d'amour-propre.... S'il se montra toujours soumis avec Catherine, ce ne fut pas par attachement véritable pour la Russie, car il détestait les „Moscovites", et sa loyauté n'était affaire que d'ambition et d'intérêt". Et Wiegel, qui ne fit sa connaissance qu'à Bélaïa Tzerkov, le dépeint comme „un homme d'âge, mais cultivé et encore assez aimable, rien d'extraordinaire comme esprit, d'ailleurs gros mangeur et très porté sur sa bouche. Toute intéressée qu'elle était, la comtesse sa femme avait pris un cuisinier français des plus habiles et ne ménageait rien pour la table, afin de le détourner par cette agréable occupation des affaires d'intérieur, auxquelles il n'entendait rien et où le désœuvrement aurait pu l'engager".

Branicki avait épousé Alexandrine Vassiliewna Engelhardt (1754—1838), dont il eut deux fils, Vladislas (1782—1843) et Alexandre, et trois filles, Catherine, mariée au comte Stanislas Potocki, Sophie (1790—1879) au comte Arthur Potocki, et Elisabeth (1796—1881) au prince M. Worontzoff.

(D'après un original appartenant à la comtesse M. Branicki, Bélaïa Tzerkov, gouv. de Kieff.)

Графъ **ВЛАДИСЛАВЪ КСАВЕРІЕВИЧЪ БРАНИЦКІЙ**, 1782—1843, сынъ великаго коронnаго гетмана, генералъ-аншефа русской службы графа Франциска-Ксаверія Петровича (р. 1731 г., † 1817 г.), отъ брака его съ племянницей Потемкина Александрой Васильевной Энгельгардтъ (р. 1754 г., † 1838 г.), родился въ 1782 году и вскорѣ послѣ рожденія пожалованъ въ прапорщики Преображенскаго полка; пяти лѣтъ получилъ чинъ подпоручика, девяти—поручика. Павелъ I пожаловалъ ему Мальтійскій крестъ. Въ 1807 г. Браницкій принялъ участіе въ Турецкой войнѣ въ составѣ Кіевскаго ополченія, а въ 1809 г. пожалованъ во флигель-адъютанты. Въ 1812 г. онъ произведенъ въ полковники и затѣмъ принялъ участіе въ войнахъ Отечественной и за освобожденіе Европы; за Красное награжденъ золотымъ оружіемъ, за Бородино—Владиміромъ 4 ст., за Лейпцигъ—Владиміромъ 3 ст., а за отличіе при взятіи Парижа—чиномъ генералъ-майора. Во время кампаніи 1815 г. онъ находился въ свитѣ Александра I. Въ 1826 г. Браницкій пожалованъ въ егермейстеры, въ 1831 г. назначенъ сенаторомъ, въ 1838 г. получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и званіе оберъ-шенка. Указомъ 18 Іюня 1838 г. онъ утвержденъ въ графскомъ достоинствѣ.

Браницкій скончался 15 Августа 1843 г. въ Варшавѣ. Онъ былъ женатъ на графинѣ Розѣ Станиславовнѣ Потоцкой (р. 1780 г., † 1862 г.) и имѣлъ 4 сыновей: Ксаверія († 1879 г.; флигель-адъютантъ, эмигрантъ), Александра († 1877 г.), Владислава († 1884 г.; камеръ-юнкеръ, Таращанскій предводитель дворянства) и Константина (р. 1824 г., † 1884 г.), и 2 дочерей: Екатерину, за графомъ Адамомъ Потоцкимъ, и Софію (р. 1821 г., † 1886 г.), за княземъ Ливіо Одескальки.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

155

Le comte **VLADISLAS XAVÉRIEWITCH BRANICKI**, 1782—1843, fils du comte François-Xavier Branicki (1731—1817), grand hetman de la Couronne, général en chef au service de Russie, et d'une des nièces de Potemkine, Alexandrine Vassiliewna Engelhardt (1754—1838), naquit en 1782, et, enrôlé quelques jours plus tard porte-enseigne au régiment Préobragensky, y fut promu à cinq ans sous-lieutenant et à neuf lieutenant. Paul Ier lui conféra la croix de Malte. Il fit en 1807 la campagne de Turquie dans les rangs de la milice de Kieff, et devint en 1809 aide de camp de Sa Majesté. Colonel en 1812, il fit ensuite la Guerre Patriotique et les campagnes d'Europe; Krasnoïé lui valut une épée d'or, Borodino St-Vladimir de 4e classe, Leipzig la 3e classe du même ordre, enfin la prise de Paris le grade de général major. Il fit la campagne de 1815 à la Suite d'Alexandre Ier. Veneur en 1826 et sénateur en 1831, il obtint en 1838 le rang de conseiller privé actuel et la dignité de grand échanson. Son titre de comte lui fut confirmé par oukaze du 18 juin 1838.

Branicki mourut à Varsovie le 15 août 1843. Il avait épousé la comtesse Rose Stanislavowna Potocki (1780—1862), dont il eut quatre fils: Xavier († 1879), aide de camp de Sa Majesté, émigré, Alexandre († 1877), Vladislas († 1884), gentilhomme de la Chambre, maréchal de la noblesse de Tarachtcha, près Kieff, et Constantin (1824—1884), et deux filles, Catherine, mariée au comte Adam Potocki, et Sophie (1821—1886) au prince Livio Odescalchi.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

152

Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ,
1739 — 1791

Le Prince Grégoire Alexandrowitch Potemkine,
1739 — 1791

153

Елена Александровна Энгельгардтъ,
172 . — 17 . .

Hélène Alexandrowna Engelhardt,
172 . — 17 . .

154

Графъ Ксаверій Петровичъ Браницкій,
1731 — 1817

Le Comte Xavier Pétrowitch Branicki,
1731 — 1817

155

Графъ Владиславъ Ксаверіевичъ Браницкій,
1782 — 1843

Le Comte Vladislas Ksavériewitch Branicki,
1782 — 1843

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галлереи
№ 3966

Графъ КАРЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ НЕССЕЛЬРОДЕ, 1780—1862, сынъ русскаго посланника въ Лиссабонѣ и Берлинѣ графа Нессельроде отъ брака съ баронессой Луизой Гонтаръ, родился 2 Декабря 1780 года. Записанный въ 8-лѣтнемъ возрастѣ въ мичманы, онъ прошелъ классическую школу въ Берлинѣ и 16 лѣтъ явился на службу въ Россію, гдѣ Павелъ I назначилъ его своимъ флигель-адъютантомъ, перевелъ изъ флота въ Конную гвардію и въ 1799 г. пожаловалъ въ полковники. Пожалованный въ камергеры, графъ Нессельроде съ 1801 г. состоялъ при посольствахъ въ Берлинѣ и Гаагѣ, а въ 1807 г. былъ назначенъ совѣтникомъ посольства въ Парижѣ. Здѣсь онъ исполнялъ должность агента Сперанскаго, съ которымъ велъ переписку, остававшуюся неизвѣстной и послу князю Куракину, и канцлеру графу Н. П. Румянцеву. Назначенный въ 1811 г. статсъ-секретаремъ, онъ съ 1812 по 1814 годъ былъ начальникомъ Походной дипломатической канцеляріи. При Александрѣ I участвовалъ въ Вѣнскомъ конгрессѣ и послѣ выхода въ отставку графа Румянцева получилъ въ управленіе дипломатическое вѣдомство, съ титуломъ „статсъ-секретаря, завѣдывающаго Коллегіей Иностранныхъ дѣлъ“. Раздѣляя до 1821 г. власть съ графомъ Каподистріа, Нессельроде послѣ выхода его въ отставку сдѣлался полнымъ руководителемъ русской политики—съ 1828 года въ званіи вице-канцлера, а съ 1845 года канцлера. Неудачный исходъ Крымской войны заставилъ графа Нессельроде выйти въ отставку 15 Апрѣля 1856 года. Онъ умеръ 11 Марта 1862 года.

Отъ брака съ Маріей Дмитріевной Гурьевой, дочерью извѣстнаго министра финансовъ, графъ Нессельроде имѣлъ сына Дмитрія (оберъ-гофмейстеръ) и дочерей Елену (за гр. Мих. Ирин. Хрептовичемъ) и Марію (за бар. Львомъ Зеебахъ). Сынъ исповѣдывавшей протестантство еврейки и нѣмца-католика, друга энциклопедистовъ, пять разъ мѣнявшаго подданство, крещенный по англиканскому обряду, рожденный въ Португаліи и воспитанный во Франкфуртѣ и Берлинѣ, до конца жизни не умѣвшій правильно говорить и писать по-русски, графъ Нессельроде былъ совершенно чуждъ той странѣ, національные интересы которой онъ долженъ былъ отстаивать въ теченіе 40 лѣтъ. Карьеризмъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ опредѣлялъ всю его дѣятельность. По наивному признанію Нессельроде, онъ „имѣлъ счастіе любить всякую выпадавшую на его долю службу“; готовъ былъ сдѣлаться и морякомъ, и кавалеристомъ, и придворнымъ, и дипломатомъ, лишь бы „вступить на поприще подъ счастливыми предзнаменованіями“ карьеры, обезпеченной протекціей и милостью начальства. Кромѣ протекціи, у графа К. В. Нессельроде не было ничего, что давало бы ему право на „прекрасное, обширное поприще, которое“, по его убѣжденію, „Господь далъ ему пройти“. Готовясь въ руководители политики, онъ велъ „восхитительную“ жизнь атташе, которому „костюмированные и другіе балы, спектакли любительскіе, обѣды едва давали вздохнуть“, а тѣмъ менѣе слушать лекціи. Роста малаго, худощавый, близорукій, съ едва слышною походкою, „вѣжливый и доброжелательный“ въ обращеніи, любившій музыку и цвѣты, графъ Нессельроде не обладалъ ни силою ума, ни силою характера. Современники считали его „посредственностью“ или даже прямо „ничтожностью“, къ тому же „полагавшимся на здравый умъ графини“, которая „подчинялась своимъ симпатіямъ и антипатіямъ“. Спокойный и осторожный или, вѣрнѣе сказать, робкій, онъ избѣгалъ всякихъ крайностей и обладалъ „рѣдкимъ умѣньемъ никогда не дѣйствовать слишкомъ поспѣшно“. Александръ I, пришедшій къ убѣжденію, что „министръ Иностранныхъ дѣлъ ему вовсе не нуженъ“, не нашелъ лучшаго номинальнаго министра, чѣмъ графъ Нессельроде, съ его „безотвѣтною робостью и покорностью“. При Николаѣ I „самоотверженная готовность стушеваться“ еще болѣе упрочила положеніе Нессельроде. Впрочемъ, защитники графа К. В. Нессельроде утверждаютъ, что онъ не сочувствовалъ вообще политикѣ Николая I.

(Съ миніатюры Изабе, 1814 г.; собственность Е. А. Евреиновой, С.-Петербургъ.)

Le comte **CHARLES VASSILIEWITCH NESSELRODE**, 1780—1862, fils du comte Nesselrode, ministre de Russie à Lisbonne et à Berlin, et de la comtesse, née baronne Louise Gontard, naquit le 2 décembre 1780. Enrôlé enseigne de vaisseau à 8 ans, il alla faire ses études à Berlin, et, à l'âge de 16 ans, revint en Russie prendre son service. Paul lui conféra la dignité d'aide de camp de Sa Majesté, le fit permuter de la marine à la Garde à cheval et, en 1799, le promut colonel. Chambellan, il devint en 1801 attaché d'ambassade à Berlin, puis à La Haye, et, en 1807, conseiller d'ambassade à Paris. Là il joua le rôle d'agent de Spéransky, entretenant avec lui toute une correspondance à l'insu du prince Kourakine, l'ambassadeur, et du chancelier, le comte Roumiantzeff. Secrétaire d'état en 1811, il fut de 1812 à 1814 chef de la chancellerie diplomatique en campagne, puis prit part au congrès de Vienne comme attaché à l'Empereur Alexandre, et, à la retraite du comte Roumiantzeff, fut investi de la direction des affaires diplomatiques avec le titre de „secrétaire d'état, gérant du Collège des affaires étrangères". Il partagea d'abord l'autorité avec le comte Capo d'Istria, puis, à sa retraite, en 1821, eut à lui seul la direction de la politique russe, comme vice-chancelier en 1828 et chancelier en 1845. La malheureuse issue de la campagne de Crimée lui fit donner sa démission le 15 avril 1856. Il mourut le 11 mars 1862.

Le comte Nesselrode épousa la fille Marie du célèbre ministre des finances Dmitri Gourieff, et eut un fils, Dmitri, grand maître de la Cour, et deux filles, Hélène, mariée au comte Michel Khreptowitch, et Marie au baron Léon Seebach.

Fils d'une juive convertie au protestantisme et d'un catholique allemand, ami des encyclopédistes et qui avait cinq fois changé de nationalité, le comte Nesselrode, baptisé selon le rite anglican, né au Portugal et élevé à Francfort et à Berlin, n'arriva jamais à parler et écrire correctement le russe, et resta toujours complètement étranger au pays dont il eut quarante ans à défendre les intérêts. Depuis sa plus tendre jeunesse, son orientation ne se régla jamais que d'après des considérations de carrière, et, de son naïf aveu même, il eut „le bonheur de trouver à son goût tout service qui pouvait lui échoir en partage"; marine ou cavalerie, Cour ou diplomatie, il n'avait pas de préférence: le tout était „d'entrer dans la carrière sous d'heureux auspices" et avec des garanties de protection et de faveur. C'étaient d'ailleurs là les seuls titres qu'il eût à „la belle et vaste carrière qui lui fut", dit-il lui-même, „envoyée par le Seigneur", et l'unique préparation du futur chef de la politique russe fut surtout la délicieuse existence d'attaché, avec ces „bals masqués et soirées, dîners et spectacles d'amateur qui ne lui laissaient pas le temps de respirer", et encore moins de suivre des cours. Petit et malingre, avec sa myopie, sa démarche furtive, ses manières „courtoises et avenantes", son goût pour la musique et les fleurs, il était insignifiant, comme tête et comme caractère. Pour les contemporains, c'était une „médiocrité", ou même une simple „nullité", toujours prête à „s'en remettre à l'esprit sensé de sa femme", de son côté „esclave de ses sympathies et antipathies personnelles". D'un calme, d'une prudence ou, pour mieux dire, d'une pusillanimité, qui lui faisaient éviter toute espèce d'extrêmes, il avait „un talent peu commun de ne jamais agir précipitamment". Alexandre Ier, qui en était venu à se convaincre de „l'inutilité pour lui d'un ministre des affaires étrangères", ne vit rien de mieux pour la forme que „la mansuétude pusillanime et résignée" du comte Nesselrode. Sous le règne suivant, „l'abnégation avec laquelle il s'évertua à rester effacé" ne fit que du bien à sa situation; aussi bien, ses apologistes prétendent qu'il n'était pas partisan de la politique de l'Empereur Nicolas.

(D'après une miniature d'Isabey, 1814, appartenant à Mlle C. Evréinoff, St-Pétersbourg.)

157

Графиня МАРІЯ ДМИТРІЕВНА НЕССЕЛЬРОДЕ, 1786—1849, дочь министра финансовъ графа Дмитрія Александровича Гурьева, отъ брака его съ графиней Прасковіей Николаевной Салтыковой, родилась 2 Іюня 1786 года. Пожалованная во фрейлины къ Императрицамъ 2 Ноября 1802 года, она въ Январѣ 1812 г. вышла замужъ за графа Карла Васильевича Нессельроде (р. 1780 г., † 1862 г.), дѣлавшаго блестящую карьеру въ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ и въ 1816 г. вступившаго въ управленіе Министерствомъ. 12 Января того же года, въ день бракосочетанія Великой Княжны Екатерины Павловны съ королемъ Виртембергскимъ, графиня Марія Дмитріевна пожалована была въ кавалерственныя дамы ордена св. Екатерины, а 21 Апрѣля 1836 года назначена статсъ-дамой. Скончалась она скоропостижно отъ апоплексическаго удара въ Гастейнѣ, въ Тиролѣ, 6 Августа 1849 г.; тѣло ея было перевезено въ Россію и предано землѣ въ Духовской церкви Александро-Невской лавры.

Имя графини М. Д. Нессельроде почти не встрѣчается въ запискахъ ея современниковъ; она считалась одной изъ самыхъ богатыхъ Петербургскихъ невѣстъ, была вполнѣ свѣтской женщиной, гостепріимной и любезной въ обращеніи; нессельродовскіе обѣды и повара славились по всей Европѣ. Сильно не любившій графа Нессельроде Вигель, намекая въ своихъ запискахъ на его темное происхожденіе и желаніе посредствомъ женитьбы на дочери графа Гурьева разбогатѣть и создать себѣ связи въ Петербургскомъ свѣтѣ, попутно задѣваетъ и его невѣсту: „Зрѣлая, немного перезрѣлая, дочь его, Марія Дмитріевна, какъ сочный плодъ висѣла гордо и печально на родимомъ деревѣ и безпрепятственно дала Нессельроду сорвать себя съ него. Золото съ нею на него посыпалось, которое для такихъ людей, какъ онъ, то же, что магнитъ для желѣза“.

Графиня М. Д. Нессельроде оставила одного сына, графа Дмитрія Карловича (женатаго на Лидіи Арсеньевнѣ Закревской), и двухъ дочерей: Елену за графомъ Михаиломъ Иринеевичемъ Хрептовичемъ и Марію за барономъ Зеебахъ.

(Съ миніатюры Изабе, 1814 г.; собственность Е. А. Евреиновой, въ С.-Петербургѣ.)

157

La comtesse **MARIE DMITRIEWNA NESSELRODE**, 1786—1849, fille du comte Dmitri Alexandrowitch Gourieff, ministre des finances, et de la comtesse Prascovie Nikolaewna, née Saltykoff, naquit le 2 juin 1786. Demoiselle d'honneur des Impératrices le 2 novembre 1802, elle épousa en janvier 1812 le comte Charles Vassiliewitch Nesselrode (1780—1862), qui fit une brillante carrière au ministère des affaires étrangères et en devint gérant en 1816. Le 12 janvier de cette même année, jour du mariage de la Grande-Duchesse Catherine Pavlowna avec le Roi de Wurtemberg, elle fut faite dame de Ste-Catherine, et, le 21 avril 1836, obtint la dignité de dame d'honneur. Elle mourut d'une attaque d'apoplexie à Gastein, en Tyrol, le 6 août 1849; son corps fut ramené en Russie, et inhumé dans l'église du Saint-Esprit, au monastère d'Alexandre Newsky.

Le nom de la comtesse Nesselrode ne se rencontre presque jamais sous la plume des contemporains. Elle passait pour un des plus riches partis de Pétersbourg; femme du monde accomplie, elle aimait recevoir et était d'un commerce agréable: les dîners et les cuisiniers des Nesselrode jouissaient d'une renommée européenne. Wiegel, qui détestait le comte Nesselrode, daube dans ses Mémoires sur son origine roturière et sur son calcul d'épouser la fille du comte Gourieff pour se créer une fortune et des relations dans le monde de Pétersbourg, et touche aussi un mot en passant de sa fiancée: „Mûr, un peu passé, le fruit fièrement et tristement resté sur l'arbre se détacha de lui-même pour Nesselrode en l'inondant d'une pluie d'or, qui est pour les gens comme lui ce que l'aimant est pour le fer".

La comtesse Nesselrode laissa un fils, Dmitri, qui épousa Lydie Arséniewna Zakrewsky, et deux filles, Hélène, mariée au comte Michel Irénéewitch Khreptowitch, et Marie au baron Seebach.

(D'après un original d'Isabey, 1814, appartenant à Mlle C. Evréinoff, St-Pétersbourg.)

Князь АНДРЕЙ КИРИЛЛОВИЧЪ РАЗУМОВСКІЙ, 1752—1836, третій сынъ гетмана графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго отъ брака съ Екатериной Ивановной Нарышкиной, родился въ Глуховѣ 22 Октября 1752 года. Зачисленный 10 лѣтъ въ мичманы, онъ, послѣ практической службы въ Англійскомъ флотѣ, участвовалъ въ 1770 г. въ русской экспедиціи въ Архипелагѣ, командовалъ фрегатомъ „Екатерина“ и въ 1775 году получилъ чинъ генералъ-майора. Будучи товарищемъ дѣтства Павла Петровича, Разумовскій пользовался большимъ значеніемъ при „Маломъ Дворѣ“, но смерть Великой Княгини Наталіи Алексѣевны, обнаружившая любовную переписку между покойной и графомъ Разумовскимъ, вызвала ссылку этого послѣдняго сначала въ Ревель, а потомъ въ Батуринъ, къ отцу. Впрочемъ, черезъ полгода, 1 Января 1777 г., Разумовскій былъ назначенъ посланникомъ въ Неаполь. Въ 1784 г. онъ былъ переведенъ въ Данію, а въ 1786 году въ Швецію. Въ 1790 г. онъ былъ назначенъ посломъ въ Вѣну (до 1792 г., въ качествѣ помощника посла князя Д. М. Голицына). Павелъ I, не довольный образомъ дѣйствій Разумовскаго во время Итальянскаго похода Суворова, 25 Сентября 1799 г. вызвалъ его въ Россію и приказалъ жить у отца въ Батуринѣ. Александръ I возвратилъ Разумовскому постъ посла въ Вѣнѣ, но Тильзитскій миръ вызвалъ увольненіе въ отставку Разумовскаго, бывшаго ярымъ противникомъ Наполеона. Въ концѣ 1812 г. Разумовскому было поручено вести переговоры съ Австріей о союзѣ противъ Наполеона; онъ участвовалъ въ Шатильонскомъ и Вѣнскомъ конгрессахъ и былъ уполномоченнымъ при заключеніи второго Парижскаго мира. За эти труды ему было пожаловано въ 1815 году княжеское достоинство, съ титуломъ свѣтлости, а въ 1819 г. онъ получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника перваго класса. Послѣ Вѣнскаго конгресса Разумовскій велъ жизнь частнаго человѣка за границей, преимущественно въ Вѣнѣ, гдѣ и умеръ 11 Сентября 1836 года. Онъ былъ женатъ: 1) на графинѣ Елизаветѣ Тунъ-Гогенштейнъ († 1807 г.) и 2) на графинѣ Константинѣ-Доминикѣ Тюргеймъ, но дѣтей не имѣлъ. Красивый и изящный, широко, хотя и поверхностно образованный на иностранный ладъ, Разумовскій былъ въ полномъ смыслѣ „un chevalier accompli“, во вкусѣ дореволюціонныхъ французскихъ салоновъ. Онъ былъ другомъ Гайдна и Бетховена и самъ хорошо игралъ на скрипкѣ. Его дворецъ былъ настоящимъ „храмомъ искусствъ“, гдѣ царилъ Канова и другіе первоклассные художники; его библіотека и оранжереи поражали всякаго своимъ богатствомъ. Забывая, что его отецъ былъ пастухомъ прежде, чѣмъ сдѣлался гетманомъ и фельдмаршаломъ, Разумовскій считалъ себя чистокровнымъ аристократомъ и находилъ достойнымъ себя лишь общество „маркизовъ и шевалье“. Въ его посольскомъ дворцѣ этикетъ строго соблюдался; вопреки новой модѣ держались пудра и пукли, и жители Вѣны не безъ основанія окрестили великолѣпнаго и чопорнаго посла именемъ „Erzherzog Andreas“. Расточительность его не знала предѣловъ. Его „знаменитая гардероба“ заключала въ себѣ нѣсколько сотъ однихъ жилетовъ. Его дворецъ въ Вѣнѣ, съ нарочно построеннымъ мостомъ черезъ Дунай, стоилъ ему громадныхъ денегъ. Задолженность Разумовскаго дѣлала до извѣстной степени правдоподобными инсинуаціи о томъ, что онъ „получалъ большую часть своего дохода“ отъ иностранныхъ правительствъ, сначала „отъ Бурбонскихъ Дворовъ“, потомъ отъ Англіи и Австріи. „Всегдашняя страсть къ прекрасному полу“ была отличительной чертой Разумовскаго, а его „goûts passagers“ заставляли его постоянно мѣнять свои привязанности. Наравнѣ съ „комедьянками“ ему отвѣчали взаимностью женщины самаго высокаго положенія: его „жаловала“ Великая Княгиня Наталія Алексѣевна, имъ увлекалась Неаполитанская королева Каролина, и ходили слухи, что къ нему не осталась равнодушною и супруга Густава III. Будучи вполнѣ человѣкомъ „sans principes“, Разумовскій при всей своей гордости унижался до угодливости передъ нужными людьми: онъ одинъ изъ всѣхъ братьевъ сохранилъ благосклонность отца, не гнушаясь предстательствомъ „какой-нибудь“ графини С. О. Апраксиной, опутавшей стараго фельдмаршала; онъ былъ заграничнымъ комиссіонеромъ для Потемкина и Зубова и такъ умѣлъ обворожить обманываемыхъ имъ мужей, что король Фердинандъ Неаполитанскій, черезъ 40 лѣтъ, на Веронскомъ конгрессѣ чуть не со слезами вспоминалъ съ Разумовскимъ „добрые дни“ ихъ совмѣстнаго сожительства съ королевой Каролиной. „Космополитъ въ полнѣйшемъ смыслѣ этого слова“, не умѣвшій написать по-русски депеши, женатый на нѣмкахъ и передъ смертью перешедшій въ католичество, Разумовскій былъ образцомъ довольно многочисленныхъ русскихъ дипломатовъ, совершенно чуждыхъ Россіи.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Le comte **ANDRÉ KIRILLOWITCH RAZOUMOWSKY**, 1752—1836, troisième fils de l'hetman comte Cyrille Grigoriewitch Razoumowsky et de Catherine Ivanowna, née Narychkine, naquit à Gloukhovo le 22 octobre 1752. Enrôlé enseigne de vaisseau à 10 ans, il fit d'abord du service pratique dans la marine anglaise, prit part en 1770 à l'expédition russe de l'Archipel, commanda la frégate Catherine, et fut promu général major en 1775. Camarade d'enfance du Grand-Duc Paul Pétrowitch, il eut d'abord une situation influente à la Jeune Cour, mais la découverte faite à la mort de la Grande-Duchesse Natalie Alexéewna d'une correspondance amoureuse avec lui le fit exiler à Rével, puis chez son père à Batourine. Dix-huit mois plus tard, d'ailleurs, le 1er janvier 1777, il était fait ministre à Naples, d'où il passa en 1784 en Danemark, et en 1786 en Suède. Adjoint en 1790 au prince D. Golitzyne, ambassadeur à Vienne, il le remplaça au bout de deux ans; mais l'Empereur, mécontent de son rôle lors de la campagne d'Italie de Souvoroff, le rappela le 25 septembre 1799 et l'exila de nouveau chez son père. Réintégré à Vienne par Alexandre Ier, il dut pourtant, ennemi acharné de Napoléon, donner sa démission à la paix de Tilsitt. Il fut chargé à la fin de 1812 de négocier avec l'Autriche la conclusion d'une alliance contre Napoléon, siégea aux congrès de Châtillon et de Vienne, et fut plénipotentiaire au second traité de Paris. Ces travaux lui valurent en 1815 la dignité de prince avec titre d'altesse sérénissime, et en 1819 le rang de conseiller privé actuel de 1re classe. Après le congrès de Vienne, il se retira dans la vie privée à l'étranger, la plupart du temps à Vienne, où il mourut le 11 septembre 1836. Il avait épousé en premières noces la comtesse Elisabeth de Thun-Hohenstein († 1807), et en secondes la comtesse Constance-Dominique Türheim; il n'eut pas d'enfants.

Elégant et bel homme, avec son instruction à l'européenne, étendue, quoique un peu superficielle, Razoumowsky était dans toute l'acception du terme „un chevalier accompli" au goût des salons français de l'ancien régime. Ami de Haydn et de Beethoven, il était lui-même bon violoniste. Il avait fait de son palais un vrai „temple des arts", sanctuaire de Canova et autres artistes de premier ordre, avec une bibliothèque et des serres d'une richesse inouïe. Oubliant qu'il était fils d'un simple berger devenu hetman, puis feld-maréchal, il se considérait comme aristocrate pur sang et ne trouvait de société digne de lui que celle des „marquis et chevaliers". Au Palais de l'ambassade, l'étiquette était des plus rigoureuses; au mépris de la nouvelle mode, la poudre et les boucles étaient toujours en honneur, et les Viennois étaient assez dans la note en décorant cet ambassadeur magnifique et gourmé du titre de l'Archiduc André. D'une prodigalité sans bornes, il avait une garderobe célèbre, où les gilets seuls se comptaient par centaines, et son palais de Vienne, avec un pont particulier sur le Danube, lui avait coûté des sommes formidables. Les dettes qu'il accumulait sans scrupule donnaient une certaine vraisemblance aux insinuations qui attribuaient le plus clair de ses ressources aux générosités des gouvernements étrangers, ceux des Bourbons d'abord, et aussi l'Angleterre et l'Autriche. Il avait comme trait distinctif „une insatiable passion pour le beau sexe", avec des „goûts passagers" qui le portaient à un changement continuel: à côté de „comédiennes", il eut des femmes de la plus haute condition, la Grande-Duchesse Natalie Alexéewna, la Reine Caroline de Naples, et même, à en croire la rumeur publique, la femme de Gustave III. Absolument dénué de principes, sa fierté, le cas échéant, ne reculait pas devant la flagornerie: seul de tous ses frères, il resta bien avec son père au prix des ménagements qu'il eut le courage de témoigner à une comtesse Apraxine „quelconque" qui avait circonvenu le vieillard; commissionnaire à l'étranger de Potemkine et Zouboff, il sut si bien enjôler les maris trompés, que le Roi de Naples Ferdinand lui rappelait presque les larmes aux yeux, au congrès de Vérone, après quarante ans, „le bon temps" de leur vie commune avec la Reine Caroline. „Cosmopolite dans toute l'acception du terme", incapable de rédiger une dépêche en russe, marié successivement à deux allemandes et converti au catholicisme peu avant de mourir, Razoumowsky est bien le type du bon nombre de diplomates russes qui n'eurent rien de commun avec la Russie.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Графъ НИКИТА ПЕТРОВИЧЪ ПАНИНЪ, 1770—1837, сынъ графа Петра Ивановича Панина, отъ брака его съ Маріей Родіоновной Вейдель, родился въ Харьковѣ 17 Апрѣля 1770 года (См. т. I, № 31). Послѣ тщательнаго домашняго образованія графъ Н. П. Панинъ состоялъ, въ чинѣ бригадира, при Цесаревичѣ во время Шведской войны, затѣмъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, церемоніймейстеры и камергеры. Въ чинѣ генералъ-майора онъ въ 1795 г. былъ назначенъ Литовскимъ губернаторомъ. Павелъ I назначилъ его третьимъ членомъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, а въ 1797 г. послалъ его въ Берлинъ для переговоровъ съ Пруссіей и Франціей. Въ 1799 г. графъ Панинъ былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и назначенъ вице-канцлеромъ. Интриги Ростопчина и сближеніе Павла съ Франціей, къ которой относился враждебно графъ Панинъ, имѣли слѣдствіемъ ссылку вице-канцлера въ его Смоленское имѣніе Дугино въ Ноябрѣ 1800 года. Первые мѣсяцы царствованія Александра Н. П. Панинъ пользовался большимъ вліяніемъ, и Александръ I, предоставивъ ему руководство всей иностранной политикой, „не хотѣлъ ничего дѣлать, не выслушавъ его“. Но уже черезъ полгода Панина постигла опала, непосредственная причина которой остается невыясненной и, повидимому, заключалась въ придворныхъ интригахъ, личномъ неудовольствіи Александра I противъ несовсѣмъ тактичнаго министра и въ склонности Императора къ сближенію съ Франціей; 30 Сентября 1801 года Панинъ былъ уволенъ въ трехлѣтній отпускъ и съ того времени жилъ въ удаленіи отъ дѣлъ въ своемъ Дугинѣ, гдѣ и умеръ 1 Марта 1837 года.

Отъ брака съ графиней Софіей Владиміровной Орловой онъ имѣлъ 6 сыновей и 4 дочерей; изъ нихъ достигли совершеннолѣтія только сыновья Александръ и Викторъ (министръ юстиціи) и дочери Софія, Аглаида и Вѣра, умершія дѣвицами. Графъ Н. П. Панинъ принадлежалъ къ тѣмъ избранникамъ судьбы, которые предназначены къ власти и почестямъ, независимо отъ ихъ умственныхъ и нравственныхъ достоинствъ: сынъ знаменитаго генерала и племянникъ не менѣе знаменитаго вице-канцлера и воспитателя Павла I, онъ въ 18 лѣтъ былъ бригадиромъ, въ 24 года генераломъ, въ 25 лѣтъ губернаторомъ, а въ 29 лѣтъ вице-канцлеромъ и дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ. Онъ любилъ выставлять себя человѣкомъ независимымъ, „не просящимъ ничего“, но чины и должности сами шли къ нему, и у него, помимо его желанія, кстати всегда, оказывался какой-нибудь вліятельный покровитель въ лицѣ то князя Репнина, то Безбородка, то лейбъ-медика Роджерсона. Современники отзывались съ похвалою объ его способностяхъ и „рѣдкихъ знаніяхъ“, утверждали, что онъ „уменъ, нравственъ, чудно пишетъ“ не только по-французски, но и по-русски, что встрѣчалось весьма рѣдко у дипломатовъ этого, да и позднѣйшаго времени. Графъ Панинъ слишкомъ мало находился у дѣлъ, чтобъ его политика могла принести пользу Россіи. Программа его не была оригинальной: онъ являлся послѣдователемъ своего дяди и сторонникомъ „Сѣвернаго аккорда“, т.-е. союза съ Пруссіей и Англіей; онъ ненавидѣлъ „ложные принципы и опасные софизмы“, внушенные Александру I „коварнымъ“ воспитателемъ, „негодяемъ“ Лагарпомъ, а французское республиканское правительство онъ называлъ „пятью разбойниками, правящими Франціей подъ именемъ директоровъ“. Самъ Панинъ былъ очень высокаго мнѣнія о своихъ талантахъ, „захлебывался въ сознаніи собственныхъ достоинствъ“. „Сухой, всегда чопорный, замкнутый и крайне сдержанный“, онъ не отличался „привѣтливымъ обращеніемъ“. Вообще, по мнѣнію современниковъ, у него „расположеніе души не соотвѣтствовало украшенію ума“, и даже по отношенію къ безъ памяти любившему его отцу онъ оставался „сыномъ-ледышкой“. Рисуясь своимъ крайнимъ ригоризмомъ, онъ не хотѣлъ ѣхать въ Берлинъ „по причинѣ развращенности“ Двора Фридриха-Вильгельма II. Онъ выставлялъ цѣлью своей службы „благо человѣчества“ и утверждалъ, что никогда „не свернетъ съ пути чести“. Но властолюбіе и честолюбіе, преобладавшія въ его холодной и сухой натурѣ, не всегда позволяли ему удержаться на пути рыцарской доблести. По слухамъ, онъ участвовалъ въ двухъ заговорахъ при Екатеринѣ II и Александрѣ I; безъ сомнѣнія, онъ былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ заговора противъ Павла I, въ той, правда, стадіи, когда предполагалось учредить регентство, въ виду душевной болѣзни Императора, и на тайныхъ свиданіяхъ съ Александромъ I въ дворцовой банѣ онъ, по собственному признанію, „первый развернулъ передъ глазами Наслѣдника горестную картину опасностей, которыя грозили гибелью государства“.

(Съ миніатюры Мансіонъ, 1822 г.; собственность Е. В. Ксидо, въ С.-Петербургѣ.)

Le comte **NIKITA PÉTROWITCH PANINE**, 1770—1837, fils du comte Pierre Ivanowitch Panine et de Marie Rodionowna, née Weidel, naquit à Kharkoff le 17 avril 1770 (V. T. I, № 31). Il reçut dans sa famille une éducation soignée, puis fut attaché à la personne du Césarewitch pendant la guerre de Suède avec grade de brigadier. Il devint ensuite successivement gentilhomme de la chambre, maître des cérémonies et chambellan. Il était général major lorsqu'il fut nommé en 1795 gouverneur de la Lithuanie. Paul Ier le fit troisième membre du Collège des affaires étrangères et, en 1797, le chargea de négociations à Berlin avec la Prusse et la France. Conseiller privé actuel en 1799, puis vice-chancelier, il détestait la France, avec laquelle Paul Ier faisait alors alliance, et ceci, joint aux intrigues de Rostoptchine, eut pour résultat de le faire reléguer en novembre 1800 dans ses propriétés de Douguino, près de Smolensk. Il jouit d'un crédit considérable au début du règne d'Alexandre Ier, qui lui confia toute la politique extérieure et „ne voulait rien faire sans avoir pris son avis". Mais en moins de six mois, il tomba dans une disgrâce dont la raison immédiate n'est pas connue et qui devait tenir à la fois à des intrigues de Cour, à du mécontentement personnel d'Alexandre, froissé de quelque manque de tact, et aussi aux projets de rapprochement avec la France. Il reçut le 30 septembre 1801 un congé de trois ans, et rentra dès lors dans la vie privée pour ne plus revenir aux affaires ni à la Cour: il ne quitta guère son Douguino, et y mourut le 1er mars 1837. Il avait épousé la comtesse Sophie Vladimirowna Orloff, dont il eut six fils et quatre filles: de ses enfants parvinrent seuls à l'âge d'homme deux fils, Alexandre et Victor, ministre de la justice, et trois filles, Sophie, Aglaé et Véra, mortes sans alliance.

Le comte Panine était de ces heureux mortels destinés par la fortune au pouvoir et aux honneurs indépendamment même de leur valeur intellectuelle et morale: fils du célèbre général et neveu du non moins célèbre vice-chancelier et précepteur de Paul Ier, il était à 18 ans brigadier, à 24 ans général, à 25 ans gouverneur, et à 29 ans vice-chancelier et conseiller privé actuel. Il aimait se faire passer pour un indépendant qui „ne demandait rien" et auquel s'offraient spontanément les honneurs et les charges; sans qu'il y fût pour rien, il lui survenait toujours au bon moment quelque protection puissante, celle du prince Repnine, de Bezborodko ou du médecin de la Cour Rogerson. Les contemporains avaient grande opinion de ses talents et de ses „connaissances peu communes": d'une haute valeur „intellectuelle et morale", disaient-ils, „il écrit à merveille" non seulement le français, mais le russe, chose très rare alors, et même plus tard, pour un diplomate. Il ne resta pas assez aux affaires pour pouvoir être utile à son pays. Son programme, sans rien d'original, n'était autre que celui de son oncle: partisan d'un „accord des puissances du Nord", Russie, Prusse et Angleterre, il maudissait les „faux principes et dangereux sophismes" légués à Alexandre Ier par son „astucieux" précepteur, ce „vaurien" de Laharpe, et, quant à la République de France, il ne voyait dans son gouvernement que „cinq brigands qui mènent le pays sous le nom de Directeurs". Personnellement, il avait une haute opinion de lui-même, et „se rengorgeait à l'idée de ses propres mérites". „Sec, toujours guindé, renfermé et d'une extrême réserve", ses manières n'avaient rien d'aimable. Au témoignage des contemporains, „son humeur n'était pas à la hauteur de la distinction de son esprit", et, même avec son père qui l'idolâtrait, il était toujours „glacial". Affectant un rigorisme exagéré, il ne voulait pas aller à Berlin „à cause de la dissolution" qui régnait à la Cour de Frédéric-Guillaume II. Il prétendait se vouer comme homme d'état „au bien de l'humanité" et „ne jamais dévier du chemin de l'honneur". Pourtant sa froide et sèche nature, dominatrice et ambitieuse comme elle l'était, le fourvoya parfois dans une direction qui n'avait rien de chevaleresque. Il aurait été, dit-on, de deux conspirations, sous Catherine II et sous Alexandre Ier; en tout cas, il fut un des principaux meneurs du complot contre Paul Ier, pour autant, du moins, qu'il s'agissait d'instituer une régence en raison de l'état mental de l'Empereur. Il eut avec Alexandre dans la salle de bains du Palais des entrevues secrètes où, déclare-t-il lui-même, „il fut le premier à dérouler devant les yeux du Grand-Duc le triste tableau des dangers qui menaçaient de conduire le pays à sa perte".

(D'après une miniature de Mansion, 1822, appartenant à Mme Xido, St-Pétersbourg.)

156

Пис. Изабе, 1814 г. — Peint par Isabey, 1814

Графъ Карлъ Васильевичъ Нессельроде, 1780 — 1862 — *Le Comte Charles Vassiliewitch Nesselrode, 1780 — 1862*

157

Пис. Изабе, 1814 г. — Peint par Isabey, 1814

Графиня Марія Дмитріевна Нессельроде, 1786 — 1849 — *La Comtesse Marie Dmitriewna Nesselrode, 1786 — 1849*

158

Князь Андрей Кириловичъ Разумовскій, 1752 — 1836 — *Le Prince André Kirillowitch Razoumowsky, 1752 — 1836*

159

Пис. Мансіонъ, 1822 г. — Peint par Mansion, 1822

Графъ Никита Петровичъ Панинъ, 1771 — 1837 — *Le Comte Nikita Pétrowitch Panine, 1771 — 1837*

РУССКІЕ PORTRAITS RUSSES ПОРТРЕТЫ

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галлереи
№ 3966

ГРИГОРІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ТЕПЛОВЪ, 1711—1779, воспитанникъ Новгородскаго архіепископа Ѳеофана Прокоповича, родился 20 Ноября 1711 года. Получивъ первоначальное образованіе въ устроенной Ѳеофаномъ семинаріи, Тепловъ затѣмъ былъ студентомъ Академіи Наукъ и обучался въ Германіи языкамъ и ботаникѣ. 3 Октября 1740 года онъ былъ назначенъ переводчикомъ при Академіи Наукъ, а затѣмъ адъюнктомъ натуральной исторіи. Графъ А. Г. Разумовскій избралъ Теплова въ менторы своему брату К. Г. Разумовскому, отправленному въ 1743 году за границу. Послѣ назначенія графа К. Г. Разумовскаго президентомъ Академіи Наукъ, Тепловъ въ 1746 году получилъ мѣсто асессора академической канцеляріи, а въ 1747 году сдѣланъ членомъ Академическаго Собранія. Послѣ назначенія графа К. Г. Разумовскаго гетманомъ Малороссіи, Теплову въ 1751 году было повелѣно состоять при гетманѣ „всегда въ томъ званіи, въ какомъ гетманъ заблагоразсудитъ“ и для „управленія его домашнихъ гетманскихъ дѣлъ“. Завѣдуя гетманской канцеляріей, Тепловъ держалъ въ своихъ рукахъ все управленіе Малороссіей, но 24 Декабря 1758 года былъ уволенъ отъ службы, съ производствомъ въ статскіе совѣтники. Петръ III приписывалъ Теплову, хотя и носившему званіе „Голстинскаго Двора камергера“, непріятности, испытанныя имъ отъ гетмана въ бытность великимъ княземъ, и подвергнулъ его аресту за неосторожныя слова, но вскорѣ освободилъ и 23 Марта 1762 года „за извѣстную его къ службѣ ревность“ произвелъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, однако, съ повелѣніемъ „быть въ отставкѣ“. Тепловъ принималъ дѣятельное участіе въ заговорѣ противъ Петра III и писалъ первый манифестъ Екатеринѣ II. Награжденный 20.000 рублями Тепловъ получилъ назначеніе состоять „при дѣлахъ, отъ собственныхъ Ея Величества повелѣній зависящихъ“, и у принятія челобитныхъ и неоднократно назначался къ участію въ самыхъ разнообразныхъ комиссіяхъ. Въ 1765 году онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны, въ 1767 году былъ произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ почетнымъ опекуномъ, въ 1768 году былъ пожалованъ въ сенаторы, а 10 Іюля 1775 года получилъ орденъ Александра Невскаго. Тепловъ умеръ 30 Марта 1779 года и погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ. Онъ былъ женатъ дважды: 1) на шведкѣ Елизаветѣ Марковнѣ NN и 2) на родственницѣ Разумовскихъ, Матренѣ Герасимовнѣ Стрѣшенцовой-Демешко. Отъ перваго брака онъ имѣлъ дочерей: Анну (за Семеномъ Александровичемъ Неплюевымъ) и Елизавету (за И. И. Демидовымъ), отъ второго брака, не особенно счастливаго, сына Алексѣя и дочерей Наталію (за Лобачевскимъ-Ледуховскимъ) и Марію.

Тепловъ имѣлъ большое сходство со своимъ воспитателемъ, имѣлъ тѣ же самыя „пригодность способностей и вредность характера“, какъ и Ѳеофанъ Прокоповичъ. Вопреки увѣренію эпитафіи, Тепловъ вовсе не „сіялъ рѣдкими добродѣтелями“, но былъ коварнымъ, властолюбивымъ и мстительнымъ интриганомъ. Это былъ въ полномъ смыслѣ „искатель фортуны“. Онъ не гнушался ни вѣроломствомъ, ни злодѣяніемъ. Въ день смерти Петра III онъ, не забывшій удара палкой, полученнаго отъ Петра III съ благодушнымъ совѣтомъ „исправиться“, былъ въ Ропшѣ съ Орловымъ и княземъ Барятинскимъ. Онъ велъ самыя гнусныя интриги противъ своего благодѣтеля графа К. Г. Разумовскаго, прикрываясь личиной преданности, въ буквальномъ смыслѣ, по выраженію графа Орлова, „лобзе, его же предаде“, и былъ „тайнымъ доносителемъ“ на Бестужева. Онъ отличался необыкновенною пронырливостью и умѣньемъ подлаживаться къ нужнымъ ему людямъ. При графѣ Разумовскомъ Тепловъ ворочалъ всѣми академическими и домашними дѣлами графа; говорили, что „въ домѣ Его Сіятельства, что прикажетъ оный Тепловъ который день кушать готовить, то де по его приказу и дѣлается“. Вращаясь въ высшемъ обществѣ, Тепловъ нерѣдко заставлялъ вспоминать объ его плебейскомъ происхожденіи и семинарскомъ воспитаніи. Съ людьми не вліятельными онъ былъ до крайности грубъ; со всѣми почти профессорами онъ былъ на ножахъ; съ Ломоносовымъ чуть не доходилъ до драки, а Третіаковскаго „ругалъ, какъ хотѣлъ, и грозилъ шпагою заколоть“. По свидѣтельству Бестужева, Тепловъ даже „во многіе дома незваный пріѣзжалъ, гораздо у старшихъ себя за столомъ мѣсто снималъ, да и дамъ не щадилъ“, и вообще былъ человѣкъ, „обыкшій въ грубіянствѣ“, какъ и подобало сыну архіерейскаго истопника. Способности Теплова были блестящія и самыя разностороннія. Онъ былъ спеціалистъ и по ботаникѣ, и по географіи, переводилъ на латинскій языкъ сатиры Кантемира, а на русскій латинскія оды, занимался и нравственной философіей и „засѣвомъ иностранныхъ табаковъ“, плѣнялъ придворное общество игрой на скрипкѣ и фортепіано....

(Съ портрета Левицкаго; собственность А. Г. Теплова, с. Молодовое, Орловской губ.)

GRÉGOIRE NIKOLAEWITCH TÉPLOFF, 1711—1779, pupille de l'archevêque de Novgorod Théophane Prokopowitch, naquit le 20 novembre 1711. D'abord élève du séminaire fondé par Théophane, il alla ensuite achever ses études à l'Académie des Sciences et apprendre en Allemagne les langues et la botanique. Il fut nommé le 3 octobre 1740 traducteur à l'Académie, et plus tard suppléant d'histoire naturelle. Lorsque le comte Cyrille Razoumowsky, auquel son frère Alexis l'avait donné comme mentor pour son voyage à l'étranger en 1743, eut été nommé président de l'Académie des Sciences, il y devint en 1746 assesseur de la chancellerie et en 1747 membre du Conseil. Puis, le comte fait hetman de Petite-Russie, il fut en 1751 attaché à sa personne „au titre que l'hetman jugera bon" et pour „l'expédition de ses affaires personnelles": gérant de la chancellerie, il avait en mains toute l'administration de la Petite-Russie, quand, le 24 décembre 1758, il fut destitué avec rang de conseiller d'état: Pierre III, rendant ainsi son „chambellan de la Cour de Holstein" responsable des désagréments qu'il avait eus avec l'hetman étant Grand-Duc, le mit aux arrêts pour quelque imprudence de langage, mais le rendit peu après à la liberté et, le 23 mars 1762, „en récompense de son zèle insigne dans le service", le promut conseiller d'état actuel, en le laissant toutefois en disponibilité. Téploff prit une part active au complot et rédigea le premier manifeste à Catherine II, qui lui accorda 20.000 roubles de gratification et lui assigna un poste „aux affaires relevant des ordres personnels de Sa Majesté" et à la Commission des Requêtes. Membre en plusieurs occasions de commissions de toute sorte, il fut en 1765 décoré de Ste-Anne, en 1767 promu conseiller privé et nommé tuteur honoraire, en 1768 fait sénateur, et le 10 juillet 1775 décoré de St-Alexandre Newsky.

Il mourut le 30 mars 1779 d'une grave affection chronique, et fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky. Il avait épousé, en premières noces, une suédoise de famille inconnue, Elisabeth Markowna, dont il eut deux filles, Anne, mariée à Simon Alexandrowitch Népliueff, et Elisabeth à I. Démidoff, et, en secondes noces, une parente des Razoumowsky, Matrone Guérassimowna Stréchentzoff-Démechko; il eut de ce second mariage, qui ne fut pas particulièrement heureux, un fils, Alexis, et deux filles, Natalie, mariée à Lobatchewsky-Lédoukhowsky, et Marie.

Téploff avait une grande ressemblance avec son tuteur Théophane: mêmes „aptitudes", même „caractère malfaisant". Fourbe, ambitieux, vindicatif et intrigant, il n'avait rien des „rares vertus" que lui attribue son épitaphe, et n'était qu'un „faiseur", dans toute l'acception du terme, à ne reculer ni devant la trahison, ni devant le crime: la mémoire du coup de bâton reçu de Pierre III avec le conseil bon enfant de „s'amender" le conduisit à Ropcha le jour de la mort de l'Empereur avec Orloff et le prince Bariatinsky. Sous le masque du dévouement, il machina contre son bienfaiteur le comte Cyrille Razoumowsky les plus noires intrigues, „l'embrassant pour le trahir", selon l'expression du comte Orloff, et fit de la délation contre Bestoujeff. D'une pénétration peu commune, il possédait l'art de s'insinuer près de ceux dont il avait besoin. Chez le comte Razoumowsky, il avait la haute main sur toutes ses affaires, tant personnelles que de l'Académie: „Chez Son Altesse, le jour où ce Téploff s'avisera de composer le menu, il sera fait selon ses ordres!" Ses allures dans le grand monde sentaient fréquemment leur origine plébéienne et leur éducation de séminaire. De la dernière grossièreté avec les petites gens, il était à couteau tiré avec presque tous les professeurs: avec Lomonossoff il faillit en venir aux mains, et à Trétiakoff, „il ne se gênait pas pour envoyer des injures en le menaçant de lui passer son épée au travers du corps". Souvent même, dit Bestoujeff, „il s'invitait lui-même, s'installant sans façons à table avec des personnes beaucoup plus vieilles que lui et sans le moindre égard pour les dames"; en somme, c'était „un rustre fieffé", comme pouvait l'être le fils d'un chauffeur d'archevêché. Il était doué des aptitudes les plus brillantes et les plus variées: spécialiste en botanique et en géographie, il traduisit en latin les satires de Kantémir et en russe des odes latines, fit aussi de la philosophie morale, „de la culture de tabacs étrangers", et charma la société de la Cour par son talent sur le violon et le piano....

(D'après un original de Lévitzky, appartenant à A. Téploff, Molodovoïé, gouvernement d'Orel.)

161

АЛЕКСѢЙ СТЕПАНОВИЧЪ ВОЛКОВЪ, 1726—178., сынъ Степана Алексѣевича, происходилъ изъ древней русской дворянской фамиліи. Біографическія свѣдѣнія о немъ очень скудны. По нѣкоторымъ соображеніямъ, однако, есть основаніе предполагать, что опредѣленіе прилагаемаго портрета весьма сомнительное. Впрочемъ, подъ именемъ А. С. Волкова онъ числится въ описяхъ Гатчинскаго дворца и съ этимъ же опредѣленіемъ, хотя и съ знакомъ вопроса (?), помѣщенъ въ изданіи С. П. Дягилева „Русская живопись въ XVIII вѣкѣ. Томъ I. Д. Г. Левицкій“ (стр. 22).

Воспитанникъ Шляхетскаго корпуса, Волковъ скоро сдѣлалъ блестящую карьеру. Секретарь разныхъ посольствъ, въ томъ числѣ въ Варшавѣ, Волковъ завѣдывалъ канцеляріей по управленію Восточной Пруссіей, занятой русскими войсками въ Семилѣтнюю войну. Членъ Юстицъ-Коллегіи Лифляндскихъ и Эстляндскихъ дѣлъ, одинъ выполнившій переводъ на русскій языкъ всего дѣйствовавшаго кодекса мѣстныхъ законовъ, подъ заглавіемъ „Право Лифляндіи и Эстляндіи“, А. С. Волковъ всего болѣе потрудился въ дѣлѣ переселенія сербовъ въ Россію, въ степи между рѣками Днѣпромъ и Бугомъ. Умеръ Волковъ въ 80-хъ годахъ XVIII столѣтія, будучи въ отставкѣ. У него былъ сынъ Петръ.

Не изображаетъ ли настоящій портретъ какого-либо другого Волкова, напримѣръ, генералъ-поручика Алексѣя Андреевича Волкова († 1796 г.), Александровскаго кавалера, Рязанскаго генералъ-губернатора.

(Съ портрета Левицкаго; Гатчинскій дворецъ.)

161

ALEXIS STÉPANOWITCH VOLKOFF, 1726—178., fils de Stéphane Alexéewitch Volkoff, était de vieille noblesse russe. On n'a sur lui que peu de renseignements. Il y a cependant lieu de considérer comme tout au moins fort douteuse l'identification du présent portrait, qui figure d'ailleurs sous ce nom de A. S. Volkoff à l'inventaire du Palais de Gatchina et est reproduit sous la même désignation, mais avec point d'interrogation, dans La Peinture Russe au XVIIIe siècle de S. Diaguileff, T. I, „D. Lévitzky" (p. 22).

Elève au Corps des Cadets, Volkoff eut ensuite une rapide et brillante carrière. Secrétaire de diverses ambassades, entre autres celle de Varsovie, il géra la chancellerie de l'administration de la Prusse Orientale, lors de l'occupation russe pendant la Guerre de Sept-Ans. Membre du Collège de Justice pour les affaires de Livonie et d'Esthonie, il traduisit à lui seul en russe sous le titre de Le Droit de Livonie et d'Esthonie tout le code de législation locale alors en vigueur. Mais le principal objet de ses travaux fut l'émigration des serbes en Russie et leur installation dans les steppes entre le Dnièper et le Boug. Il mourut peu après 1780, en retraite. Il eut un fils, Pierre.

Le portrait ci-joint pourrait être aussi celui d'un autre Volkoff, par exemple le général lieutenant Alexis Andréewitch Volkoff († 1796), chevalier de St-Alexandre, général gouverneur de Riazan.

(D'après l'original de Lévitzky, Palais de Gatchina.)

162

Графъ **АРТЕМІЙ ИВАНОВИЧЪ ВОРОНЦОВЪ**, 1748—1813, сынъ генералъ-поручика графа Ивана Ларіоновича (р. 1719 г., † 1786 г.), отъ брака его съ Маріей Артемьевной Волынской (р. 1725 г., † 1793 г.), племянникъ канцлера и внукъ знаменитаго кабинетъ-министра Артемія Волынскаго, пожалованъ въ камеръ-юнкеры въ 1774 г., въ дѣйствительные камергеры въ 1783 г. и дослужился до чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и званія сенатора. Высокаго роста, но съ маленькой аристократической ногой, крѣпкаго сложенія, статный мужчина, онъ, по свидѣтельству его внука, графа М. Д. Бутурлина, отличался въ молодости въ верховой ѣздѣ и фехтованіи и до самой смерти былъ бодръ не по лѣтамъ; сохранивъ густые кудреватые волосы, онъ ихъ зачесывалъ назадъ и отпускалъ длиннѣе, чѣмъ тогда носили. Воронцовъ обладалъ значительнымъ состояніемъ, но подъ конецъ разстроилъ его; разореніе отчасти побудило его согласиться на неравный бракъ младшей дочери съ сыномъ откупщика. Ему принадлежали: Тамбовское имѣніе Воронцово, въ которомъ онъ построилъ великолѣпную церковь, напоминавшую Петербургскій Казанскій соборъ, Калужское—Бѣлкино, переданное имъ при жизни старшей дочери, Костромское—Филисово, знаменитая подмосковная Вороново, которую онъ продалъ Ростопчину, домъ въ Петербургѣ (Пажескій корпусъ) и обширное владѣніе въ Москвѣ, по Кузнецкому мосту, отъ Рождественки и до Неглиннаго проѣзда (прежде Университетскія клиники, теперь Строгановское училище). Графъ А. И. Воронцовъ скончался лѣтомъ 1813 г. въ Бѣлкинѣ (Боровскаго у., Калужской губ.) „отъ неумѣреннаго употребленія холодной воды въ жаркіе дни“ и погребенъ въ Пафнутіевомъ Боровскомъ монастырѣ.

Отъ брака съ Прасковьей Ѳедоровной Квашниной-Самариной онъ имѣлъ 4 дочерей: Анну (р. 1777 г.), за графомъ Дмитріемъ Петровичемъ Бутурлинымъ, Марію († 1866 г.), Екатерину (р. 1780 г., † 1836 г.) и Прасковью (р. 1786 г., † 1842 г.), за Александромъ Ульяновичемъ Тимоѳеевымъ.

(Съ портрета Левицкаго; собственность А. К. Болдырева, с. Воронцовка, Тамбовской губ.)

162

Le comte **ARTHEME IVANOWITCH WORONTZOFF**, 1748—1813, fils du comte Ivan Larionowitch Worontzoff (1719—1786), général lieutenant, et de Marie Artémiewna, née Volynsky (1725—1793), neveu du chancelier et petit-fils du célèbre ministre de cabinet Arthème Volynsky, fut fait gentilhomme de la chambre en 1774, chambellan actuel en 1783, et parvint au rang de conseiller privé actuel et à la dignité de sénateur. De haute taille, mais avec un petit pied aristocratique, bien découplé, élégant de tournure, il était dans sa jeunesse, dit son petit-fils le comte M. Boutourline, de première force en équitation et en escrime, et resta jusqu'à la fin très vert en dépit de l'âge; il avait conservé d'épais cheveux bouclés qu'il relevait en arrière et portait beaucoup plus longs qu'on ne faisait alors. Possesseur d'une grosse fortune, il finit par la compromettre entièrement: ce fut en partie la raison de la mésalliance de sa fille cadette, qu'il dut donner au fils d'un fermier de l'Etat. Il avait plusieurs propriétés: au gouvernement de Tamboff, le domaine de Worontzovo, où il fit élever une église magnifique rappelant Notre-Dame-de-Kazan à Pétersbourg; au gouvernement de Kalouga, Belkino, qu'il céda de son vivant à sa fille aînée; au gouvernement de Kostroma, Filissovo. Ajoutons, aux environs de Moscou, le célèbre domaine de Voronovo qu'il vendit à Rostoptchine, sa maison de Pétersbourg (le Corps des Pages), enfin ses énormes immeubles de Moscou, au Pont des Maréchaux, entre la Rojdestvenka et le Boulevard Néglinny (les anciennes cliniques de l'Université, aujourd'hui l'Ecole Stroganoff). Il mourut l'été de 1813 à Belkino, district de Borovsk, gouvernement de Kalouga, „pour avoir pris trop d'eau froide pendant les chaleurs", et fut inhumé au monastère St-Paphnuce, à Borovsk.

Il eut, de son mariage avec Prascovie Féodorowna Kvachnine-Samarine, quatre filles: Anne (née 1777), mariée au comte Dmitri Pétrowitch Boutourline, Marie († 1866), Catherine (1780—1836) et Prascovie (1786—1842), mariée à Alexandre Oulianowitch Timoféeff.

(D'après un original de Lévitzky, appartenant à A. Boldyreff, Worontzovka, gouv. de Tamboff.)

Графиня ПРАСКОВІЯ ѲЕДОРОВНА ВОРОНЦОВА, 1750—1797, жена графа Артемія Ивановича Воронцова (р. 1748 г., † 1813 г.), дѣйствительнаго камергера и сенатора, происходила изъ рода Квашниныхъ-Самариныхъ. О родителяхъ ея неизвѣстно ничего, кромѣ того, что отца ея звали Ѳедоръ Алексѣевичъ. Братъ ея, Петръ Ѳедоровичъ, былъ при Екатеринѣ II президентомъ Юстицъ-коллегіи и женатъ былъ на графинѣ Настасьѣ Петровнѣ Салтыковой, дочери фельдмаршала. На могильномъ памятникѣ графини Прасковьи Ѳедоровны Воронцовой на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры значится, что она скончалась 26 Октября 1797 года, на 48-мъ году отъ роду.

У графини П. Ѳ. Воронцовой было четыре дочери, изъ коихъ одна, Анна Артемьевна, въ замужствѣ графиня Бутурлина, родилась въ 1777 году, а другая, Екатерина Артемьевна, фрейлина, въ 1780 году. Въ своихъ запискахъ графъ М. Д. Бутурлинъ говоритъ, что во время женитьбы его отца на графинѣ Аннѣ Артемьевнѣ Воронцовой, въ 1793 году, мать ея, графиня Прасковья Ѳедоровна, находилась въ живыхъ. Въ письмѣ къ отцу отъ 4 Іюня 1782 г. графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ, разсказывая о крестинахъ своего сына, воспріемницей коего была Екатерина II, упоминаетъ, что онъ возилъ его въ „Сарское Село“ съ графиней Прасковьей Ѳедоровной. Наконецъ, женившійся въ 1793 г. на ея дочери, Аннѣ Артемьевнѣ, графъ Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ въ письмахъ къ графу А. Р. Воронцову о приготовленіяхъ къ своей женитьбѣ отзывается о своей будущей тещѣ, графинѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ, какъ о женщинѣ „весьма разсудительной и пользовавшейся его полнымъ довѣріемъ“.

(Съ портрета Левицкаго; собственность А. К. Болдырева, с. Воронцовка, Тамбовской губ.)

La comtesse **PRASCOVIE FÉODOROWNA WORONTZOFF**, 1750—1797, femme du comte Arthème Ivanowitch Worontzoff (1748—1813), chambellan actuel et sénateur, était de la famille Kvachnine-Samarine. De ses parents on sait seulement que son père s'appelait Théodore Alexéewitch. Elle eut un frère, Pierre, président du Collège de Justice sous Catherine II et marié à la comtesse Nastasie Pétrowna Saltykoff, fille du feld-maréchal. Son épitaphe, au cimetière St-Lazare du monastère d'Alexandre Newsky, porte qu'elle mourut le 26 octobre 1797 dans sa 48e année.

La comtesse Worontzoff eut quatre filles, dont une, Anne, née en 1777, épousa le comte Dmitri Boutourline, et une autre, Catherine, née en 1780, fut demoiselle d'honneur. Le comte M. Boutourline dit dans ses Mémoires que le mariage de son père avec la comtesse Anne Worontzoff en 1793 se fit du vivant de la mère de la fiancée. Dans une lettre à son père en date du 4 juin 1782, le comte Simon Romanowitch Worontzoff, à propos du baptême de son fils, qui eut Catherine II pour marraine, dit qu'il le mena à „Sarskoïé Sélo“ avec la comtesse Prascovie Féodorowna. Enfin le comte Dmitri Boutourline, qui épousa la comtesse Anne en 1793, parlant dans ses lettres au comte Alexandre Romanowitch Worontzoff des préparatifs de son mariage, donne sa future belle-mère comme une personne „d'un grand jugement et lui inspirant une entière confiance“.

(D'après un original de Lévitzky, appartenant à A. Boldyreff, Worontzovka, gouv. de Tamboff.)

БИБЛИОТЕКА
Пермской
№3966

160

Пис. Левицкій — Peint par Lévitzky

Григорій Николаевичъ Тепловъ, 1711 — 1779

Grégoire Nikolaewitch Téploff, 1711 — 1779

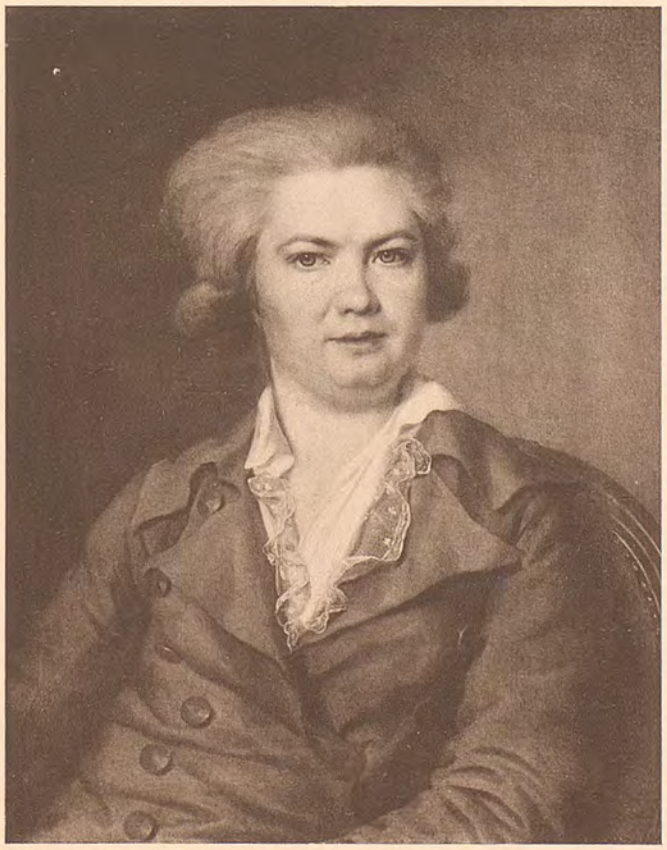
161

Пис. Левицкій — Peint par Lévitzky

Алексѣй Степановичъ Волковъ, 1726 — 178 .

Alexis Stépanowitch Volkoff, 1726 — 178 .

162



Пис. Левицкій — Peint par Lévitzky

Графъ Артемій Ивановичъ Воронцовъ, 1748 — 1799

Le Comte Arthème Ivanowitch Worontzoff, 1748 — 1799

163

Пис. Левицкій — Peint par Lévitzky

Графиня Прасковія Ѳедоровна Воронцова, 1750 — 1797

La Comtesse Prascovie Féodorowna Worontzoff, 1750 — 1797

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галлереи
№ 3966

Митрополитъ СТАНИСЛАВЪ СЕСТРЕНЦЕВИЧЪ-БОГУШЪ, 1731—1826, сынъ стражника (custos) Стародубскаго Яна Сестренцевича отъ брака съ Корнеліей Одынецъ, родился 3 Сентября 1731 года и былъ крещенъ по обряду кальвинистовъ. Получивъ образованіе въ кальвинистскомъ пансіонѣ въ Кейданахъ и въ нѣсколькихъ заграничныхъ университетахъ, Сестренцевичъ служилъ сначала въ Прусскихъ гусарахъ, а затѣмъ въ Литовскомъ войскѣ. Будучи въ чинѣ капитана, онъ перешелъ въ католичество и, прослушавъ богословскій курсъ въ Варшавской коллегіи піаровъ, занялъ мѣсто каноника съ 1763 года въ Самогитскомъ, а съ 1767 года въ Виленскомъ капитулѣ. Въ 1773 г. онъ былъ посвященъ во епископа Малльскаго (Mallensis) „in partibus infidelium“. Екатерина II поручила ему управленіе основанной въ присоединенныхъ къ Россіи польскихъ областяхъ Бѣлорусской епархіей. Въ 1783 г. Сестренцевичъ былъ возведенъ въ санъ архіепископа Могилевскаго, а въ 1795 г. былъ „почтенъ папскою грамотою преимуществомъ легата“. Положеніе Сестренцевича не пошатнулось со смертью благоволившей къ нему Екатерины II. Павелъ I, до воцаренія пользовавшійся у богатаго прелата денежнымъ кредитомъ, далъ ему титулъ „metropolita unicus omnium romano-catholicarum Ecclesiarum in Imperio Russico“, украсилъ орденами св. Александра Невскаго, св. Андрея и Мальтійскимъ, сдѣлавъ его великимъ милостынедателемъ ордена. „Je veux que vous soyez cardinal“, говаривалъ Павелъ Сестренцевичу, но добился лишь того, что буллой „Inter gravissimos“ отъ 3/14 Февраля 1798 г. Пій VI предоставилъ Сестренцевичу право носить кардинальскую одежду, „habitum rubri seu purpurei coloris ad instar S. R. Ecclesiæ cardinalium“, но безъ шляпы, „excepto tamen pileo“. Измѣнчивый Павелъ, по навѣтамъ патера Грубера, въ 1800 г. выслалъ Сестренцевича въ его деревни. Послѣ смерти Павла Сестренцевичъ четверть вѣка управлялъ католическою церковью въ Россіи и скончался 1 Декабря 1826 года. Онъ погребенъ въ костелѣ св. Станислава, въ С.-Петербургѣ.

Получивъ широкое и при томъ антикатолическое образованіе, Сестренцевичъ былъ совершенно чуждъ ультрамонтанскихъ тенденцій. Онъ былъ „камнемъ преткновенія“ для іезуитовъ, этихъ, по его мнѣнію, „недостойныхъ св. Игнатія послѣдователей“. Сестренцевичъ велъ чрезвычайно воздержанную жизнь трезвенника и сторонника безубойнаго питанія, но не для умерщвленія плоти, а въ діэтическихъ видахъ, желая доказать на себѣ, что „всякій порядочный человѣкъ долженъ дожить, по крайней мѣрѣ, до ста лѣтъ“. Не гонялся за почетными наградами, властолюбивый прелатъ всячески старался объ упроченіи и расширеніи своей пастырской власти. Секретари его и другіе приближенные не забывали себя, и Могилевская архидіоцеза, особенно въ послѣдніе годы жизни престарѣлаго митрополита, не была вполнѣ образцовой. Сестренцевичъ былъ идеаломъ іерарха въ духѣ просвѣщеннаго абсолютизма во вкусѣ Іосифа II и другихъ реформаторовъ XVIII вѣка. Екатерина II нашла въ Сестренцевичѣ въ избыткѣ тѣ „резонабельные сентименты“, которые она не всегда могла найти въ православныхъ архіереяхъ. Ловкій придворный, онъ былъ способенъ искусно подслужиться къ сильнымъ міра сего: онъ не усумнился прославлять, какъ Providentiæ Divinæ evidens argumentum, спасеніе отъ заговорщиковъ ничтожнаго Станислава Понятовскаго, для Потемкина углубился въ нѣдра исторіи и поднесъ ему „Histoire de la Tauride“, тѣшилъ Павла, выступая въ митрѣ, украшенной его вензелемъ, для князя А. Н. Голицына сдѣлался усерднѣйшимъ членомъ весьма сомнительнаго съ католической точки зрѣнія Библейскаго Общества. Угодливость передъ свѣтской и при томъ схизматической властью сильно вредила Сестренцевичу у Св. Престола. Попытки русскаго правительства доставить митрополиту кардинальство встрѣчали въ Куріи непреодолимыя препятствія. Сестренцевичъ, исполняя волю своего правительства, оказывался то черезчуръ консервативнымъ, то черезчуръ либеральнымъ: Пій VI не далъ Сестренцевичу кардинальской шляпы за то, что архіепископъ, по приказанію Екатерины II, дозволилъ учредить въ Полоцкѣ новиціатъ опальнымъ въ то время іезуитамъ, и папа „съ величайшимъ прискорбіемъ“ отказалъ Императрицѣ, боясь навлечь на себя гнѣвъ враждебныхъ іезуитамъ Бурбонскихъ Дворовъ, у которыхъ Сестренцевичъ сдѣлался „persona ingratissima“; при Александрѣ I Пій VII, послѣ только-что изданной буллы „Sollicitudo omnium“, возвратившей іезуитамъ ихъ права, не безъ вліянія учениковъ Лойолы, также не счелъ возможнымъ сдѣлать митрополита кардиналомъ. Православные хвалили руссофильствовавшаго прелата; но эти же свойства Сестренцевича, по увѣренію его противниковъ, „навлекли на него ненависть всѣхъ добрыхъ католиковъ въ Россіи“.

(Съ портрета, находящагося въ Римско-Католической духовной академіи, въ С.-Петербургѣ.)

Le Métropolite STANISLAS SIESTRENCEWICZ de BOHUSZ, 1731—1826, fils du magistrat de Starodoub Jean Siestrencewicz et de Cornélie Olynec, naquit le 3 septembre 1731 et fut baptisé calviniste. Il fit ses études dans une pension calviniste de Keidany, puis à quelques universités étrangères, et prit du service d'abord aux hussards prussiens, et ensuite dans la milice lithuanienne. Il était capitaine lorsqu'il se convertit au catholicisme, et, après des études de théologie à Varsovie, devint en 1763 chanoine au chapitre de Samogitie, d'où il passa en 1767 à celui de Vilna. En 1773, il fut intronisé episcopus Mallensis in partibus infidelium. Catherine II lui confia la direction du diocèse de Russie Blanche, formé des territoires polonais récemment annexés, et, archevêque de Mohileff en 1783, Siestrencewicz fut en 1795 „investi par bulle du Pape des prérogatives de légat". Sa situation ne fut nullement compromise par la mort de Catherine II, qui lui avait toujours témoigné sa faveur. Paul Ier, que le riche prélat avait souvent obligé de sa bourse étant Grand-Duc, lui conféra le titre de Metropolita unicus omnium romano-catholicarum Ecclesiarum in Imperio Russico, les ordres de St-Alexandre Newsky et de St-André, et la croix de celui de Malte, dont il le fit grand aumônier. „Je veux que vous soyez cardinal", lui répétait Paul, mais sans pouvoir réussir qu'à lui faire délivrer par Pie VI le 3/14 février 1798 la bulle Inter gravissimos lui conférant le droit de revêtir la pourpre cardinalice, „habitum rubri seu purpurei coloris ad instar S.-R. Ecclesiæ cardinalium", sans chapeau cependant, „excepto tamen pileo". Après quoi, il fut en 1800, à l'instigation du Père Gruber, renvoyé dans ses terres par l'inconstant Souverain, à la mort duquel il revint pourtant diriger un quart de siècle l'église catholique en Russie. Il mourut le 1er décembre 1826, et fut inhumé dans l'église St-Stanislas, à St-Pétersbourg.

Avec son instruction étendue et toute anticatholique, Siestrencewicz était complètement exempt d'ultramontanisme. Il fut la „pierre d'achoppement" des Jésuites, ces „indignes disciples de St-Ignace", disait-il. D'une sobriété des plus rigides, il s'abstenait de toute espèce de chair, non pas par mortification, mais par régime, pour prouver par le fait que „tout homme comme il faut doit vivre au moins cent ans". Sans guère tenir aux honneurs, son ambition était surtout préoccupée d'affermir et d'étendre l'autorité pastorale. Ses secrétaires et autres auxiliaires soignaient plus que de raison leurs intérêts personnels, et, sur ses vieux jours, son diocèse de Mohileff était loin d'être un modèle d'ordre. Il était l'idéal du prélat selon l'absolutisme éclairé au goût de Joseph II et autres réformateurs du XVIIIe siècle, et Catherine II trouva abondamment en lui les „sentiments raisonnables" qu'elle cherchait en vain chez les archevêques orthodoxes. Habile courtisan, il était passé maître en matière de flagornerie: il ne craignit pas de proclamer „Providentiæ Divinæ evidens argumentum" l'échec de la conspiration contre l'insignifiant Stanislas Poniatowsky, se plongea à corps perdu dans l'histoire en l'honneur de Potemkine et lui dédia son Histoire de la Tauride, tint à complaire à Paul en arborant une mitre à son chiffre, et devint pour l'amour du prince A. Golitzyne un des plus fervents adeptes d'une institution plutôt suspecte au point de vue catholique, la Société Biblique. Cette obséquiosité avec des autorités laïques et, qui plus est, schismatiques, lui fit le plus grand tort près du Saint-Siège, et tous les efforts du gouvernement russe pour lui faire avoir le chapeau de cardinal se heurtèrent à d'insurmontables obstacles. Dans sa docilité aux vues de son gouvernement, il était tantôt trop conservateur, tantôt trop libéral: sous Pie VI, il avait, conformément à la volonté de l'Impératrice, laissé les Jésuites, alors en disgrâce, fonder leur noviciat à Polotzk, et le Pape, qui craignait de se mettre à dos les Bourbons, ennemis de Jésuites et près desquels Siestrencewicz était „persona ingratissima", dut, „à son très grand regret", refuser à Catherine le cardinalat sollicité pour lui; Pie VII, à son tour, après avoir délivré aux Jésuites la bulle Sollicitudo omnium qui les rétablissait dans leurs droits, se laissa sans doute quelque peu circonvenir par eux pour ne pas le lui accorder non plus. Il était très bien vu des orthodoxes pour ses sentiments russophiles, qui, prétendent ses adversaires, furent précisément ce qui le rendit „odieux à tous les bons catholiques en Russie".

(D'après un original de l'Académie Ecclésiastique Catholique-Romaine, St-Pétersbourg.)

СТАНИСЛАВЪ-АВГУСТЪ ПОНЯТОВСКІЙ, 1732—1798, король Польскій, пятый сынъ графа Станислава Понятовскаго отъ брака съ княжной Констанціей Чарторижской, родился въ замкѣ Волчинѣ, въ Брестскомъ воеводствѣ 6 (17) Января 1732 года. Во время заграничнаго путешествія Понятовскій познакомился съ англійскимъ посланникомъ въ Дрезденѣ Уильямсомъ, который сдѣлался его менторомъ и покровителемъ. Переведенный въ С.-Петербургъ, Уильямсъ въ 1755 г. вызвалъ къ себѣ Понятовскаго, получившаго уже тогда титулъ стольника Литовскаго, и рѣшилъ воспользоваться имъ для пріобрѣтенія вліянія на Великую Княгиню Екатерину Алексѣевну. Придворная и дипломатическая игра окончилась тѣмъ, что въ одинъ вечеръ Левъ Нарышкинъ привелъ Понятовскаго къ двери хорошо знакомой и самому путеводителю опочивальни Великой Княгини, которой изъ опасенія прохода Великаго Князя „ничего не осталось дѣлать другого, какъ впустить къ себѣ“ Понятовскаго. Въ концѣ 1756 года Понятовскій былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ Польши при Русскомъ дворѣ. Французскіе дипломаты всѣми силами старались удалить Понятовскаго изъ С.-Петербурга, и отозваніе его состоялось въ Іюлѣ 1758 года. Екатерина долго тосковала по Понятовскомъ, который „раздѣлялъ съ ней горе“ о потерѣ умершей какъ разъ въ это время годовалой Великой Княжны Анны Петровны. Найдя утѣшителя въ лицѣ графа Орлова, Екатерина не забыла о Понятовскомъ и, овладѣвъ властью, рѣшила сдѣлать его Польскимъ королемъ послѣ смерти Августа III. При русской поддержкѣ Понятовскій былъ избранъ королемъ 28 Августа (8 Сентября) 1764 года. Самоубійственная борьба польскихъ партій, интриги и насилія сосѣднихъ съ Польшею державъ, неудачныя попытки реформъ, конфедераціи и заговоры—вотъ общеизвѣстная картина печальнаго царствованія послѣдняго короля Польши. Лишенный по двумъ раздѣламъ 1772 и 1793 гг. большей части своихъ владѣній, Станиславъ-Августъ послѣ усмиренія возстанія 1794 года и взятія Варшавы Суворовымъ былъ вынужденъ 15 (26) Ноября 1794 года сложить съ себя корону; эксъ-король поселился сначала въ Гроднѣ, а въ Мартѣ 1797 года переѣхалъ въ С.-Петербургъ, гдѣ ему былъ отведенъ Мраморный дворецъ. Понятовскій умеръ отъ апоплексіи 1 Февраля 1798 г. и погребенъ въ костелѣ св. Станислава, въ С.-Петербургѣ.

Строгое воспитаніе подъ ферулой богомольной и чопорной матери, основанное на удаленіи отъ „дурного товарищества“, сохранило, правда, въ Понятовскомъ „достоинство, почти невѣроятное въ молодомъ человѣкѣ, побывавшемъ въ Парижѣ“, и дало ему возможность „преподнести“ Екатеринѣ „ce que personne n'avait eu“, но не подготовило его къ его будущему высокому поприщу. Высоконравственная графиня Констанція, не рискуя карьерой сына, не могла не дать ему моднаго образованія во французскомъ вкусѣ. Этотъ, нѣсколько неуклюжій польскій юноша, „arlequin sauvage“, по его собственному выраженію, подъ руководствомъ Mme Жофрэнъ сдѣлался блестящимъ bel esprit и неотразимымъ салоннымъ сердцеѣдомъ. Для него были „мамашами“ и Mme Жофрэнъ, и графиня Брюль, и наша простоватая Анна Ивановна Бестужева, не отпускавшая отъ себя „сынка“ ни во время карточной игры, ни во время ужина. Молодыхъ женщинъ онъ не только привлекалъ своею внѣшностью совершеннаго „gentilhomme'a“, но и просвѣщалъ ихъ, умѣя кстати подсунуть изящный томикъ какого-нибудь новѣйшаго произведенія въ родѣ „La Pucelle d'Orléans“. Но подъ „цвѣтами“ салонной утонченности, „съ легкимъ налетомъ философіи“ и съ сентиментальною окраскою во вкусѣ вѣка, Понятовскій, по выраженію Валишевскаго, „скрывалъ сухую и холодную натуру, невозмутимый эгоизмъ, даже неисчерпаемый запасъ цинизма“. Онъ обладалъ, правда, „огромнымъ и пламеннымъ честолюбіемъ“, но „зыбкій духъ“ дѣлалъ неспособнымъ къ отвѣтственной дѣятельности этого короля, котораго, по выраженію Шлоссера, „природа создала гофмаршаломъ или оберъ-гофмаршаломъ“. Понятовскій понималъ, что одна Екатерина можетъ быть для него „Компасомъ“ на взбалмученномъ морѣ Польской государственности, но въ то же время лелѣялъ несбыточную мечту „нажить и хорошее имя на свѣтѣ“. „Терпѣніе, осторожность, мужество“ было его девизомъ на словахъ, но на дѣлѣ у него не хватило ни ума, ни энергіи, чтобы выйти изъ „затруднительнаго положенія между Компасомъ (Екатериною) и Площадью (т.-е. Польскимъ общественнымъ мнѣніемъ)“, и въ результатѣ его двусмысленной политики оказалось, что Екатерина стала считать его „неблагодарнымъ“, а „прирожденнымъ грѣхомъ“ поляковъ сдѣлалась ненависть къ королю. Понятовскій былъ правъ, когда въ письмѣ къ Mme Жофрэнъ изъ-подъ его пера вылились слова: „Ахъ, мама! трудная и печальная комиссія быть королемъ Польскимъ“.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

STANISLAS-AUGUSTE PONIATOWSKY, 1732—1798, Roi de Pologne, cinquième fils du comte Stanislas Poniatowsky et de la princesse Constance Czartoryski, naquit au château de Wolczyno, voyvodie de Brzesc, le 6/17 janvier 1732. Il était panetier de Lithuanie, lorsqu'en 1755, comptant s'appuyer sur lui pour acquérir de l'ascendant sur la Grande-Duchesse Catherine Alexéewna, le nouvel ambassadeur d'Angleterre en Russie, Williams, qu'il avait connu ambassadeur à Dresde au cours d'un voyage à l'étranger et en qui il avait alors trouvé un mentor et un protecteur, le fit venir à Pétersbourg. Le résultat des petits jeux de Cour et de diplomatie fut qu'un beau soir, Léon Narychkine le guida sur le chemin, qu'il connaissait fort bien pour son compte personnel, de la chambre de la Grande-Duchesse, et celle-ci, pour ne pas laisser surprendre le visiteur par le Grand-Duc, „n'eut pas d'autre moyen que de le faire entrer“: à la fin de 1756, Poniatowsky était ambassadeur extraordinaire de Pologne près la Cour de Russie. Pourtant, sous les efforts de la diplomatie française, il fut rappelé en juillet 1758. Il manqua beaucoup à Catherine, et „prit part à son chagrin“ de la perte de la petite Grande-Duchesse Anne Pétrowna, qui venait précisément de mourir à l'âge d'un an; si elle se laissa consoler par le comte Orloff, ce fut sans cesser de penser à lui: parvenue au pouvoir, elle résolut de le faire Roi à la mort d'Auguste III. Il fut effectivement élu, grâce à l'appui de la Russie, le 28 août/8 septembre 1764. Luttes fratricides de partis, intrigues et violences des puissances voisines, tentatives malheureuses de réformes, confédérations et conspirations, on sait ce que fut ce règne lamentable du dernier Roi de Pologne. Dépouillé par les deux partages de 1772 et 1793 de la plus grande partie de ses états, Stanislas-Auguste dut, après la répression de l'insurrection de 1794 et la prise de Varsovie par Souvoroff, renoncer à la couronne le 15/26 novembre 1794. Il se retira d'abord à Grodno, puis vint en mars 1797 à Pétersbourg, où on lui donna comme résidence le Palais de Marbre. Il mourut d'une attaque d'apoplexie le 1/12 février 1798, et fut inhumé dans l'église St-Stanislas, à Pétersbourg.

Elevé sous la rigide férule d'une mère pieuse et collet monté, soucieuse avant tout de le préserver des „mauvaises fréquentations“, Poniatowsky avait conservé, sans doute, „une pureté presque invraisemblable pour un jeune homme qui avait été à Paris“ et put ainsi „offrir“ à Catherine „ce que personne n'avait eu“, mais il n'en était pas mieux préparé à remplir plus tard ses hautes fonctions. Impossible d'ailleurs, sans compromettre sa carrière, de lui refuser l'éducation française à la mode. Sous la direction de Mme Geoffrin, cet „arlequin sauvage“, selon sa propre expression, fit un bel esprit des plus brillants et un irrésistible conquérant de salon. Il eut comme „mamans“, outre Mme Geoffrin, la comtesse Brühl et notre brave Anne Ivanowna Bestoujeff, qui ne quittait pas ce beau „fils“ d'une semelle au tapis vert ni au souper. Et il attirait les jeunes femmes, par son air de gentilhomme accompli, faisant encore leur instruction en leur glissant à l'occasion quelque petit volume de la dernière nouveauté, dans le genre de La Pucelle d'Orléans. Mais sous les fleurs des raffinements de salon, avec „sa légère envolée de philosophie“ et sa pointe de sentimentalisme dans le goût du siècle, „il cachait“, dit Waliszewski, „une nature sèche et froide, un imperturbable égoïsme, et même un inépuisable fonds de cynisme“. Doué, sans doute, „d'une immense et ardente ambition“, il n'offrait pas la consistance voulue pour être roi, et „avait plutôt“, dit Schlosser, „l'étoffe d'un haut dignitaire de Cour“. Tout en sentant qu'il ne pouvait avoir, sur la mer démontée de la politique polonaise, d'autre „Boussole“ que Catherine, il caressait le rêve impossible de „se faire un nom dans le monde“. Avec sa devise en paroles: „Patience, prudence, vaillance“, il n'eut en pratique ni l'esprit, ni l'énergie nécessaires pour sortir de „sa position difficile entre la Boussole“ (Catherine) „et l'Agora“ (l'opinion publique du Royaume), et sa politique ambiguë ne lui servit qu'à passer pour un „ingrat“ près de Catherine et faire de la haine du Roi le „péché mignon“ des Polonais. Et on le comprend, de laisser échapper ces mots dans une lettre à Mme Geoffrin: „Ah! Maman, la difficile et lamentable affaire que d'être Roi de Pologne!“

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Князь КОНСТАНТИНЪ КСАВЕРІЕВИЧЪ ЛЮБОМИРСКІЙ, 1786—1870, сынъ генералъ-поручика князя Франца-Ксаверія Станиславовича Любомирскаго и третьей его жены Маріи Львовны Нарышкиной, родился 7 Ноября 1786 года; службу началъ корнетомъ 23 Ноября 1806 г. въ Гродненскомъ гусарскомъ полку, изъ котораго чрезъ нѣсколько недѣль, въ Декабрѣ того же года, былъ переведенъ въ Лейбъ-гвардіи Гусарскій, съ назначеніемъ адъютантомъ къ генералъ-лейтенанту Уварову. Въ кампанію 1807 года принималъ участіе во многихъ крупныхъ дѣлахъ, продолжая состоять при Уваровѣ, а именно: въ сраженіяхъ при Гутштадтѣ, Акендорфѣ, Гейльсбергѣ и, наконецъ, подъ Фридландомъ. За эту кампанію Любомирскій получилъ ордена св. Георгія 4 ст. и прусскій „Pour le mérite“. Въ 1808 г., 18 Марта, онъ былъ произведенъ въ поручики и во время Финляндской войны былъ при занятіи г. Тавастгуса. Участвуя въ походѣ въ Молдавію, Любомирскій отличился подъ Шумлой и Рущукомъ и въ бою при с. Батинѣ, за что и награжденъ орденами свв. Владиміра 4 ст. и Анны 2 ст. и 3 Августа (1810 г.) произведенъ въ штабсъ-ротмистры. Въ 1812 г., 21 Апрѣля, Любомирскій былъ пожалованъ во флигель-адъютанты, а черезъ годъ, 20 Апрѣля 1813 г., произведенъ въ полковники. Во время кампаніи 1813 г. участвовалъ въ сраженіяхъ при Люценѣ и Бауценѣ и подъ Лейпцигомъ. Получивъ за отличіе орденъ св. Владиміра 3 ст., Любомирскій въ концѣ 1813 и началѣ 1814 гг., командуя отдѣльнымъ казачьимъ отрядомъ на Рейнѣ, поддерживалъ сообщенія между различными корпусами союзныхъ армій. Послѣ участія въ сраженіяхъ при Баръ-сюръ-Объ, Арсисѣ и Фершампенуазѣ вступилъ въ Парижъ съ генераломъ Раевскимъ, послѣ чего получилъ рядъ иностранныхъ орденовъ. Въ 1816 г., 27 Октября, Любомирскій былъ переведенъ въ Преображенскій полкъ, а 17 Августа 1821 г. произведенъ въ генералъ-майоры, съ назначеніемъ состоять по арміи; 26 Сентября 1823 г. былъ назначенъ командиромъ бригады въ 3 пѣхотную дивизію. Въ 1829 г., 18 Февраля, Любомирскій былъ назначенъ командиромъ 6 пѣхотной дивизіи. Переведенный затѣмъ начальникомъ сначала 4-й, а потомъ 2-й дивизіи, Любомирскій сначала былъ уволенъ въ отпускъ для излѣченія болѣзни, а затѣмъ, 30 Декабря 1830 г., уволенъ отъ службы, получивъ 5 Августа 1825 г. за смотръ бригады орденъ св. Анны 1 степени. Онъ умеръ въ Апрѣлѣ 1870 г.

Князь Любомирскій, имѣвшій болѣе 4/т. душъ крестьянъ въ Могилевской губерніи, былъ женатъ на графинѣ Екатеринѣ Николаевнѣ Толстой, отъ которой имѣлъ сына Сигизмунда (р. 26 Ноября 1822 г.) и 6 дочерей: Теофилію (р. 1812 г.), Валентину (р. 1816 г.; въ замужствѣ за графомъ де-Сегюръ д'Агессо), Христину († 1851 г.; за княземъ Евг. Евг. Любомирскимъ), Ядвигу (за графомъ Адамомъ Грабовскимъ), Марію (за графомъ Владиславомъ Грабовскимъ) и Анну.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Le prince **CONSTANTIN XAVÉRIEWITCH LUBOMIRSKY**, 1786—1870, fils du prince François-Xavier Stanislavowitch Lubomirsky, général lieutenant, et de sa troisième femme Marie Lvowna Narychkine, naquit le 7 novembre 1786. Il entra au service le 23 novembre 1806 cornette au régiment des hussards de Grodno, d'où il passa quelques semaines plus tard, en décembre, aux hussards de la Garde comme aide de camp du général lieutenant Ouvaroff. La campagne de 1807, où, toujours attaché à Ouvaroff, il fut de plusieurs grandes batailles, Gutstadt, Ackendorf, Heilsberg et enfin Friedland, lui valut St-Georges de 4e classe et l'ordre prussien Pour le Mérite. Lieutenant le 18 mars 1808, il fit la campagne de Finlande, où il se trouva à la prise de Tavastehus. En Moldavie, il se signala sous Choumla et Rouchtchouk ainsi qu'au combat de Batine, gagna St-Vladimir de 4e classe et Ste-Anne de 2e classe, et passa capitaine de cavalerie en second le 3 août 1810. Aide de camp de Sa Majesté le 21 avril 1812, il fut promu colonel un an plus tard, le 20 avril 1813. La campagne de 1813, où il combattit à Lutzen, Bautzen et Leipzig, lui valut St-Vladimir de 3e classe, puis, à la fin de 1813 et au commencement de 1814, il commanda sur le Rhin un détachement de cosaques destiné à maintenir les communications des divers corps des Alliés. Après Bar-sur-Aube, Arcis et La Fère Champenoise, il entra à Paris avec le général Raewsky, et reçut alors toute une série de décorations étrangères. Il passa au régiment Préobragensky le 27 octobre 1816, puis, promu général major le 17 août 1821, fut affecté à l'Armée. Il fut ensuite nommé successivement chef de brigade à la 3e division d'infanterie le 26 septembre 1823, commandant de la 6e division d'infanterie le 18 février 1829, enfin commandant de la 4e division, puis de la 2e, après quoi il obtint d'abord un congé pour raisons de santé, puis prit sa retraite le 30 décembre 1830. Il avait été décoré le 5 août 1825 de Ste-Anne de 1re classe à une revue de sa brigade. Il mourut en avril 1870.

Le prince Lubomirsky, propriétaire de plus de 4000 têtes de paysans au gouvernement de Mohileff, avait épousé la comtesse Catherine Nikolaewna Tolstoï, dont il eut un fils, Sigismond (né 26 novembre 1822) et six filles: Théophilie (née 1812), Valentine (née 1816), mariée au comte de Ségur d'Aguesseau, Christine († 1851) au prince Eugène Lubomirsky, Hedwige au comte Adam Grabowsky, Marie au comte Vladislas Grabowsky, et Anne.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

167

Княгиня **ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА ЛЮБОМИРСКАЯ**, 1789—1870, дочь оберъ-гофмаршала графа Николая Александровича Толстого (р. 1765 г., † 1816 г.), неизмѣннаго и любимаго спутника Александра I въ его путешествіяхъ, женатаго на пріятельницѣ Императрицы Елисаветы Алексѣевны княжнѣ Аннѣ Ивановнѣ Барятинской. „Catiche“ воспитывалась вблизи Двора, пользовалась постояннымъ вниманіемъ и расположеніемъ Государыни, вращалась въ обществѣ графини В. Н. Головиной и ея дочерей. Ея имя часто встрѣчается въ перепискѣ Императрицы Елисаветы Алексѣевны и въ запискахъ графини Головиной и ея дочери, графини П. Н. Фредро. Въ замужствѣ она была за генералъ-лейтенантомъ княземъ Константиномъ Ксаверіевичемъ Любомирскимъ (р. 1786 г., † 1870 г.).

Отъ этого брака у ней былъ одинъ сынъ, князь Сигизмундъ (р. 26 Ноября 1822 г.), и 6 дочерей: Теофилія, Валентина (за графомъ Сегюръ), Христина (за княземъ Евг. Евг. Любомирскимъ), Ядвига (за графомъ Адамомъ Грабовскимъ), Марія (за графомъ Владиславомъ Грабовскимъ) и Анна.

(Съ портрета Лампи-сына; собственность княжны Е. К. Любомирской, въ Парижѣ.)

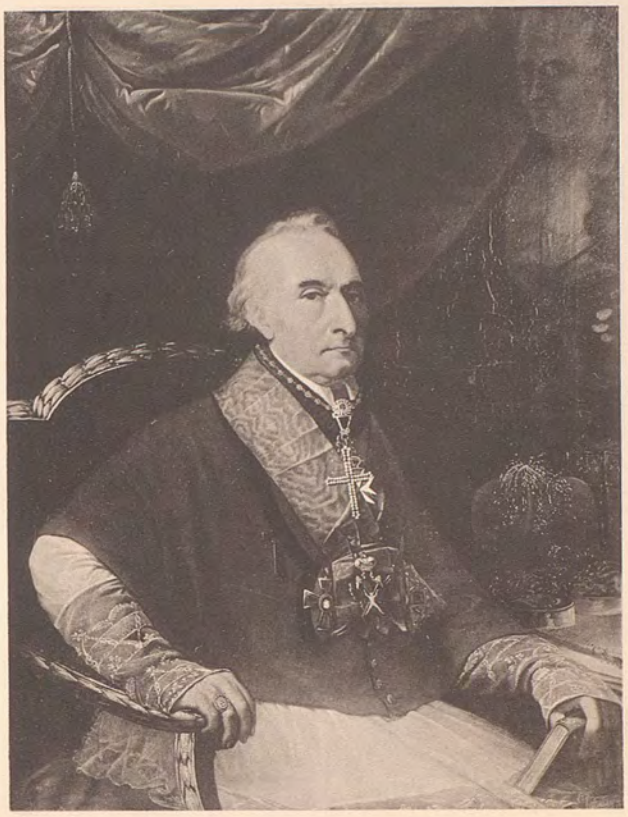
167

La princesse **CATHERINE NIKOLAEWNA LUBOMIRSKY**, 1789—1870, fille du grand maréchal de la Cour, le comte Nicolas Alexandrowitch Tolstoï (1765—1816), compagnon fidèle et préféré d'Alexandre Ier dans tous ses déplacements, et d'Anne Ivanowna, née princesse Bariatinsky, amie de l'Impératrice Elisabeth Alexéewna. Elevée près de la Cour, Catiche fut entourée de la faveur et de toute la sympathie de la Souveraine, et fréquentait surtout la comtesse Golovine et ses filles; son nom revient constamment dans la correspondance de l'Impératrice, ainsi que dans les Mémoires de la comtesse Golovine et de sa fille, la comtesse Frédro. Elle épousa le prince Constantin Xavériewitch Lubomirsky (1786—1870).

Elle eut de ce mariage un fils, Sigismond (né 26 novembre 1822), et six filles: Théophilie, Valentine, mariée au comte de Ségur, Christine au prince Eugène Lubomirsky, Hedwige au comte Adam Grabowsky, Marie au comte Vladislas Grabowsky, et Anne.

(D'après l'original de Lampi fils, appartenant à la princesse C. Lubomirsky, Paris.)

164



Станиславъ
Сестренцевичъ-Богушъ,
1731 — 1826

Stanislas
Siestrencewicz de Bohusz,
1731 — 1826

165

Станиславъ-Августъ
Понятовскій,
1732 — 1798

Stanislas-Auguste
Poniatowsky,
1732 — 1798

166

Князь Константинъ Ксаверіевичъ
Любомирскій,
1786 — 18..

Le Prince Constantin Ksavériewitch
Lubomirsky,
1786 — 18..

167

Пис. Лампи сынъ
Княгиня Екатерина Николаевна
Любомирская,
1789 — 1870

Peint par Lampi fils
La Princesse Catherine Nikolaewna
Lubomirsky,
1789 — 1870

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галлереи
№ 3966

Баронъ СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ СТРОГАНОВЪ, 1738—1771, сынъ тайнаго совѣтника барона Николая Григорьевича (р. 1700 г., † 1758 г.), отъ брака съ Прасковьей Ивановной Бутурлиной (р. 1708 г., † 1758 г.), родился 16 Апрѣля 1738 г.; служилъ въ Конной гвардіи (во время Іюньскаго переворота 1762 г. былъ въ чинѣ подпоручика), дослужился до чина ротмистра л.-гв. Коннаго полка и вышелъ въ отставку съ чиномъ бригадира. Скончался баронъ С. Н. Строгановъ въ молодыхъ еще годахъ, 27 Августа 1771 г., и погребенъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Баронъ С. Н. Строгановъ былъ женатъ дважды: на Прасковьѣ Григорьевнѣ Будаковой и на княжнѣ Натальѣ Михайловнѣ Бѣлосельской (р. 1743 г., † 1819 г.), отъ которой имѣлъ единственнаго сына Александра (р. 1771 г., † 1815 г.).

(Съ портрета, принадлежащаго графинѣ Н. М. Соллогубъ, въ Москвѣ.)

Le baron **SERGE NIKOLAEWITCH STROGANOFF**, 1738—1771, fils du baron Nicolas Grigoriewitch Stroganoff (1700—1758), conseiller privé, et de Prascovie Ivanowna, née Boutourline (1708—1758), naquit le 16 avril 1738. Il servit à la Garde à cheval, où il était sous-lieutenant au moment du coup d'état de juin 1762, et parvint au grade de capitaine de cavalerie; il prit sa retraite comme brigadier. Il mourut encore jeune le 27 août 1771, et fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

Le baron Stroganoff avait épousé, en premières noces, Prascovie Grigoriewna Boudakoff, et, en secondes noces, la princesse Natalie Mikhaïlowna Bélosselsky (1743—1819), dont il eut un fils unique, Alexandre (1771—1815).

(D'après un original appartenant à la comtesse N. Sollohub, Moscou.)

Баронъ **АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ СТРОГАНОВЪ**, 1740—1789, сынъ барона Николая Григорьевича (р. 1700 г., † 1758 г.), отъ брака съ Прасковьей Ивановной Бутурлиной (р. 1708 г., † 1758 г.), началъ службу въ Конной гвардіи (во время Іюньскаго переворота 1762 г. числился въ спискахъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка въ чинѣ корнета) и дослужился до чина генералъ-аншефа. Скончался 13 Марта 1789 г. (такъ по надгробію, а по показанію племянника—16 Марта) и погребенъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Родной его племянникъ, князь И. М. Долгорукій, съ теплымъ чувствомъ вспоминаетъ о немъ въ своемъ „Капищѣ“. Вотъ что, между прочимъ, онъ говоритъ о своемъ дядѣ: „Баронъ Александръ Николаевичъ отецъ мой крестной и незабвенной благодѣтель. Чѣмъ меньше я хотѣлъ зависѣть отъ него въ пособіяхъ жизни, дабы одолжену ими быть однимъ своимъ родителямъ, тѣмъ сильнѣе онъ участвовалъ во мнѣ и вырвалъ насильно мою преданность.... Онъ очень твердо противился браку моему съ Смирной и наклонялъ отца моего на свою сторону, чѣмъ, по страсти моей и молодости, охолодилъ меня къ себѣ совершенно, и я даже скрывался отъ него въ этомъ намѣреніи, какъ отъ врага, но послѣ, входя въ его причины, я долженъ былъ извинить его сопротивленіе; ибо оно происходило отъ благороднаго источника: онъ зналъ, что я не буду имѣть состоянія, достаточнаго для поддержанія семейства, а Смирная не имѣла вовсе ничего, и потому дядя, ища собственнаго моего благоденствія и зная лучше меня, что бѣдность его доставить не можетъ, всячески старался разорвать мое соединеніе съ этой дѣвушкой. Но, когда рокъ мой произнесъ приговоръ нашего супружества, тогда онъ первый, смягчивъ досаду и правильный гнѣвъ свой, осыпалъ меня дарами и благотвореніями, дабы вознаградить то, чего я не могъ пріобрѣсть. Прежде моей свадьбы онъ старался меня два раза сватать на двухъ богатыхъ невѣстахъ; но онѣ мнѣ не нравились, и онъ отнюдь не принуждалъ меня деспотически рѣшиться на женитьбу изъ корысти.... Онъ искренно любилъ мать мою, а по ней любилъ и меня, какъ сына. Имѣя безумную жену и ведя съ ней жизнь самую плачевную дома, онъ, въ лютѣйшіе ея пароксизмы, раздѣлялъ со мной свои сѣтованія и слезы. По случаю моей свадьбы у Двора, батюшка просилъ его замѣнить себя.... Онъ возилъ къ невѣстѣ дары моихъ родителей, благословилъ меня къ вѣнцу, и, не смотря на то, что мой бракъ былъ ему не по мысли, онъ, съ благороднымъ великодушьемъ, вошелъ въ обстоятельство, когда увидѣлъ, что его нельзя перемѣнить, и не показалъ даже вида малѣйшаго неудовольствія. Зная, что у меня нѣтъ ничего для заведенія дома, онъ его совершенно устроилъ.... Послѣ свадьбы, узнавъ короче жену мою и найдя въ ней достоинства, извинявшія ея бѣдность, онъ искренно полюбилъ ее, взялъ въ свое покровительство и, не удовлетворясь безпрестанными подарками, которыхъ стоила ему свадьба, перестроилъ весь мой флигель въ казармахъ, отдѣлалъ для насъ домъ порядочной съ антресолями, въ которой мы могли съ нѣкоторой прихотью переѣхать съ наемной квартиры. Столько услугъ и благодушныхъ поступковъ можно ли не назвать благодѣяніемъ?... Къ несчастью, онъ скончался безъ меня: я былъ въ Москвѣ. Онъ хворалъ недолго и, не достигши старости, умеръ до пятидесяти лѣтъ еще“. Строгановъ былъ женатъ на Елизаветѣ Александровнѣ Загряжской (р. 1745 г., † 1831 г.) и имѣлъ одного сына, Григорія (р. 1770 г., † 1857 г.; дипломатъ, получилъ въ 1826 г. титулъ графа), и 2 дочерей: Екатерину (р. 1769 г., † 1844 г.; за оберъ-церемоніймейстеромъ И. А. Нарышкинымъ) и Елизавету († 1818 г.; за Н. Н. Демидовымъ).

(Съ портрета, принадлежащаго графинѣ Н. М. Соллогубъ, въ Москвѣ.)

Le baron **ALEXANDRE NIKOLAEWITCH STROGANOFF**, 1740—1789, fils du baron Nicolas Grigoriewitch Stroganoff (1700—1758) et de Prascovie Ivanowna, née Boutourline (1708—1758), prit du service à la Garde à cheval, où il était cornette lors du coup d'état de Juin 1762, et parvint au grade de général en chef. Il mourut en 1789, le 13 mars d'après son épitaphe, le 16 selon son neveu, et fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

„Le baron Stroganoff", dit la chaleureuse notice que lui consacre son neveu le prince Ivan Dolgorouky dans le Sanctuaire de mon cœur, „est mon parrain et mon inoubliable bienfaiteur. Plus je voulais éviter ses libéralités pour ne rien devoir qu'à mes parents, plus il s'intéressait à moi: il a enlevé de haute lutte mon attachement.... Violemment opposé à mon mariage avec Mlle Smirnoï, il pesa sur mon père en ce sens et s'aliéna ainsi mes sentiments, en raison de ma passion et de ma jeunesse: j'en vins, dans la réalisation de mes plans, à me cacher de lui comme d'un ennemi. Dans la suite, pourtant, j'entrai dans ses vues et cessai de lui en vouloir, car son opposition était dictée par une bonne intention: il savait que mes moyens ne me permettraient pas de subvenir aux besoins d'une famille; la jeune fille n'avait d'ailleurs aucune fortune, et dès lors, ne voulant que mon bien et sachant mieux que moi que l'aisance en est la première condition, il faisait tout pour empêcher le mariage. Mais lorsque le sort en eut décidé autrement, il fut le premier à faire trève à son dépit et à son juste courroux pour me combler de cadeaux et de bienfaits, et compenser ainsi l'insuffisance de ma fortune. Il fit encore avant mon union deux tentatives pour me procurer de riches partis, qui ne se trouvèrent pas de mon goût, mais d'ailleurs sans prétendre nullement m'imposer un mariage d'intérêt.... Dans sa sincère affection pour ma mère, il avait pour moi celle d'un père. Marié à une forcenée qui lui faisait un intérieur d'enfer, il venait, aux moments les plus pénibles, me faire partager ses plaintes et ses douleurs. Mon mariage se faisait à la Cour, et mon père l'avait prié de l'y représenter.... Il offrit à ma fiancée les cadeaux de mes parents, me donna la bénédiction paternelle, et eut le noble désintéressement de faire abstraction de son opinion personnelle et de prendre son parti d'une situation à laquelle il n'y avait plus à remédier, sans témoigner même la moindre apparence de mécontentement. Sachant qu'il n'y avait rien pour notre installation, il y pourvut entièrement.... Il fit ensuite plus ample connaissance avec ma femme, lui trouva des mérites qui compensaient sa pauvreté, lui voua une sincère affection, et lui témoigna toute son assistance: non content de ses innombrables cadeaux de noces, il fit encore transformer tout mon pavillon des casernes et nous eûmes une bonne maison avec des entre-sols, pour laquelle nous quittâmes sans regrets notre appartement en location. Tant de services et d'actes de bonté ne lui méritent-ils pas le nom de bienfaiteur?... Il mourut malheureusement en mon absence: j'étais à Moscou. Il fit une courte maladie, et succomba jeune encore, à moins de 50 ans".

Le baron Stroganoff avait épousé Elisabeth Alexandrowna Zagriajsky (1745—1831), dont il eut un fils, Grégoire (1770—1857), diplomate, comte en 1826, et deux filles, Catherine (1769—1844), mariée au grand maître des cérémonies I. Narychkine, et Elisabeth († 1818) à N. Démidoff.

(D'après un original appartenant à la comtesse N. Sollohub, Moscou.)

Графъ ПАВЕЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ СТРОГАНОВЪ, 1774—1817, единственный сынъ графа Александра Сергѣевича Строганова, президента Академіи Художествъ. Графъ А. С. Строгановъ былъ женатъ дважды, но оба брака были неудачны: первый бракъ—съ Анной Михайловной, рожд. графиней Воронцовой († 1769 г.), разстроила политика; вторая супруга его—Екатерина Петровна, рожд. княжна Трубецкая († 1815 г.), сама разорвала брачныя узы: вернувшись въ 1779 г. въ Петербургъ изъ Парижа, куда Строгановы отправились вскорѣ послѣ свадьбы, и гдѣ у нихъ родился 7 Іюня 1774 г. сынъ Павелъ, она увлеклась И. Н. Корсаковымъ и оставила мужа. Нелегкую задачу воспитанія малолѣтняго сына графъ А. С. Строгановъ поручилъ французу Ж. Ромму, который совершилъ со своимъ воспитанникомъ, въ педагогическихъ цѣляхъ, рядъ путешествій по Россіи. По возвращеніи изъ послѣдняго путешествія въ Петербургъ молодой графъ, числившійся съ рожденія въ спискахъ Конной гвардіи, былъ переведенъ поручикомъ въ Преображенскій полкъ, съ зачисленіемъ адъютантомъ къ Потемкину. Это дало ему возможность уѣхать для завершенія образованія за границу, куда онъ и отправился вмѣстѣ съ Роммомъ въ 1787 году. Путешественники отправились въ Швейцарію, откуда въ началѣ 1789 г. перебрались въ Парижъ. Революціонное движеніе того времени, охватившее Парижъ, завлекло въ водоворотъ политической жизни не только француза-воспитателя, но и его русскаго воспитанника. Роммъ и графъ Строгановъ старались не пропускать засѣданій въ Версали и даже принимали участіе въ преніяхъ. Мало того, графъ Строгановъ вступилъ въ члены основаннаго Роммомъ клуба „Друзей закона“ и даже въ члены Якобинскаго клуба. По настоянію Императрицы Екатерины II, старикъ Строгановъ рекомендовалъ сыну оставить Парижъ. Въ Декабрѣ 1790 г. графъ П. А. Строгановъ, въ сопровожденіи Н. Н. Новосильцова, оставилъ Францію, а по пріѣздѣ въ Россію былъ посланъ Императрицей въ подмосковное село Братцово, гдѣ женился на княжнѣ Софіи Владиміровнѣ Голицыной, и гдѣ у него родился сынъ Александръ. Въ концѣ царствованія Императрицы Екатерины II онъ получилъ возможность переселиться въ Петербургъ. Еще ранѣе переименованный изъ поручиковъ въ камеръ-юнкеры, онъ при Павлѣ былъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры. Строгановъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Великаго Князя Александра Павловича; скоро произошло сближеніе между ученикомъ Лагарпа и ученикомъ Ромма, а въ моментъ воцаренія Императора Александра I графу П. А. Строганову суждено было „быть первымъ изъ друзей Александра, который удостоился слышать мысли его о предстоящихъ преобразованіяхъ“. Извѣстно, что графу П. А. Строганову принадлежитъ идея знаменитаго „Негласнаго комитета“; извѣстна и его роль въ немъ, какъ „самаго пылкаго“ члена, его рѣшительныя мнѣнія за освобожденіе крестьянъ, его взгляды на просвѣщеніе, работы въ „комиссіи училищъ“ и т. д. Съ учрежденіемъ министерствъ Строгановъ былъ назначенъ товарищемъ министра. Время, однако, шло, интересы и взгляды Императора мѣнялись, мѣнялись и лица, пользовавшіяся его особымъ довѣріемъ: въ 1803 г. въ Петербургъ вновь явился А. А. Аракчеевъ, а въ Декабрѣ того же года „Негласный комитетъ“ прекратилъ свое существованіе; еще немного—и графъ П. А. Строгановъ воспользовался случаемъ оставить постъ товарища министра. Это случилось въ Мартѣ 1807 г., когда онъ былъ уволенъ отъ должности, которую несъ послѣдніе три года номинально. Правда, онъ еще не лишался благоволенія Государя, когда сопровождалъ Его Величество въ кампанію 1805 г., когда въ 1806 г. ѣздилъ съ дипломатическимъ порученіемъ въ Лондонъ, когда въ 1807 г. сопровождалъ снова Императора въ походѣ, но въ этомъ году довѣріе Государя уже было обращено на другихъ лицъ. И графъ Строгановъ, бывшій товарищъ министра, сенаторъ, въ чинѣ тайнаго совѣтника, поступилъ въ армію волонтеромъ. Боевое крещеніе онъ получилъ 24 Мая 1807 г., когда, атаковалъ при р. Алле обозы корпуса маршала Даву. Вся дальнѣйшая его военная служба была рядомъ выдающихся боевыхъ подвиговъ и блестящимъ доказательствомъ его способностей. Строгановъ участвовалъ въ войнахъ со Швеціей и Турціей и, затѣмъ въ званіи генералъ-адъютанта и командующаго дивизіей и корпусомъ въ войнахъ 1811—1813 гг., былъ нѣсколько разъ раненъ, получилъ рядъ крупныхъ наградъ до ордена св. Георгія 2-й ст. включительно, но тяжкая потеря омрачила его послѣдніе побѣдоносные шаги: въ битвѣ подъ Краономъ ядромъ оторвало голову его единственному сыну. Назначенный въ 1814 г. членомъ комитета для вспомоществованія неимущимъ увѣчнымъ воинамъ, онъ уже недолго прослужилъ отечеству: 10 Іюня 1817 г. онъ умеръ отъ чахотки въ дорогѣ, не далеко отъ Копенгагена. Графъ П. А. Строгановъ погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ.

(Съ портрета Монье, 1808 г.; Строгановское собраніе, въ С.-Петербургѣ.)

170

Le comte **PAUL ALEXANDROWITCH STROGANOFF**, 1774—1817, fils unique du comte Alexandre Serguéewitch Stroganoff, président de l'Académie des Beaux-Arts. Le comte Alexandre Stroganoff fit deux mariages, tous deux également malheureux: le premier, avec Anne Mikhaïlowna, née comtesse Worontzoff († 1769), eut à souffrir de la politique; quant au second, avec Catherine Pétrowna, née princesse Troubetzkoï († 1815), ce fut celle-ci qui le rompit elle-même: en rentrant à Pétersbourg en 1779 d'un voyage de noces à Paris où elle avait eu son fils Paul le 7 juin 1774, elle s'éprit d'I. Korsakoff et quitta son mari. La tâche difficile de l'éducation de l'enfant fut confiée par le père au français Romme, qui fit avec son élève une série de voyages d'instruction en Russie. A son retour à Pétersbourg, le jeune comte, enrôlé dès sa naissance à la Garde à cheval, passa lieutenant au régiment Préobragensky en qualité d'aide de camp de Potemkine, ce qui lui permit d'aller achever son éducation à l'étranger. Partis directement pour la Suisse en 1787, lui et son précepteur se rendirent au commencement de 1789 à Paris, où tous deux, seigneur russe et gouverneur français, furent entraînés dans la tourmente révolutionnaire: des plus assidus aux séances de Versailles, ils y prenaient même part aux débats; bien plus, le jeune Stroganoff se fit membre non seulement du club des Amis de la Loi fondé par Romme, mais encore de celui des Jacobins. Sur les instances de Catherine II, son père lui fit quitter Paris. Parti de France en décembre 1790 avec N. Novossiltzoff, il fut envoyé par l'Impératrice, dès son arrivée en Russie, au bourg de Bratzovo, près Moscou, où il épousa la princesse Sophie Vladimirowna Golitzyne et eut son fils Alexandre. A la fin du règne de Catherine II, il put rentrer à Pétersbourg; il avait permuté de lieutenant gentilhomme de la chambre et, sous Paul Ier, devint chambellan actuel. Il fit une vive impression sur le Grand-Duc Alexandre; bientôt l'élève de Laharpe et celui de Romme se prirent d'une étroite amitié, et, à l'avènement d'Alexandre Ier, le comte Paul Stroganoff devait „être le premier de ses amis auquel il daigna faire part de ses projets de réformes". On sait que c'est également lui qui donna l'idée du célèbre Comité Secret; on sait enfin „l'ardeur toute particulière" qu'il déploya aux séances, ses idées arrêtées sur l'émancipation des serfs, ses vues en matière d'instruction publique, ses travaux de la Commission Scolaire, etc.... Lors de la fondation des ministères, il fut fait ministre adjoint. Avec le temps, cependant, les intérêts et les opinions de l'Empereur changeaient, et ses hommes de confiance étaient aussi remplacés: en 1803, Araktchéeff revenait à Pétersbourg, et en décembre de la même année, le Comité Secret avait cessé d'exister. Le comte Paul Stroganoff n'attendait plus que l'occasion de quitter un poste que trois ans encore il n'occupa que nominalement: en mars 1807, il résignait enfin ses fonctions de ministre adjoint. Sans doute, il n'avait rien perdu de sa faveur près de l'Empereur, lorsqu'il l'accompagnait à la campagne de 1805, lorsqu'il allait à Londres en 1806 avec une mission diplomatique, lorsqu'en 1807, il était encore aux côtés de Sa Majesté en campagne, mais dès cette époque, la confiance de l'Empereur s'était déplacée. Et le comte Stroganoff, ancien ministre adjoint, sénateur, conseiller privé, s'engagea volontaire à l'armée. Il reçut le baptême du feu le 24 mai 1807, dans son attaque des transports du corps de Davoust sur l'Alle, et toute sa carrière militaire ne fut qu'une suite de brillants exploits et de preuves éclatantes de supériorité. Il fit les campagnes de Suède et de Turquie, puis, général aide de camp et commandant de division et de corps d'armée, reçut plusieurs blessures aux campagnes de 1811/1813, qui lui valurent une série de hautes distinctions, y compris St-Georges de 2e classe. Pourtant une perte cruelle vint assombrir ses derniers exploits: à la bataille de Craonne, son fils unique eut la tête emportée par un boulet. Nommé en 1814 membre du comité de secours aux invalides indigents, il n'avait plus longtemps à servir son pays: le 10 juin 1817, il mourait phtisique au cours d'un voyage en mer, non loin de Copenhague. Il fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après l'original de Monnier, 1808, Collection Stroganoff, St-Pétersbourg.)

171

Графъ **АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ СТРОГАНОВЪ**, 1794—1814, единственный сынъ друга Александра I, графа Павла Александровича (р. 1772 г., † 1817 г.), отъ брака съ княжной Софіей Владиміровной Голицыной (р. 1775 г., † 1845 г.), родился въ 1794 г., а не въ 1795 г., какъ ошибочно указываютъ родословныя: уже 31 Октября 1794 г. его дѣдъ, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, писалъ своему сыну и невѣсткѣ: „Adieu, mes bons amis, je vous embrasse de tout mon cœur et donne ma bénédiction à M. Alexandre". Маленькому Строганову въ Октябрѣ 1794 г. было уже нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ отъ 11 Декабря 1794 г. сохранилось слѣдующее извѣстіе о немъ, также въ письмѣ дѣда: „Les nouvelles de la dentition d'Alexandre m'inquiètent un peu". Въ 1813 г. графъ Павелъ Александровичъ, разстроившій здоровье во время Отечественной войны и лѣчившійся въ Петербургѣ, отправился снова въ дѣйствующую армію и взялъ съ собою 19-лѣтняго сына; они пріѣхали на театръ военныхъ дѣйствій какъ разъ передъ Лейпцигскимъ сраженіемъ, такъ что могли принять въ немъ участіе. Подъ молодымъ графомъ была убита лошадь. Военная карьера графа Александра Строганова, подававшаго большія надежды, продолжалась всего нѣсколько мѣсяцевъ: онъ перешелъ съ арміей за Рейнъ въ предѣлы Франціи, и здѣсь, 23 Февраля 1814 г., во время сраженія при Краонѣ былъ убитъ: ему ядромъ снесло голову. Отецъ, самъ участвовавшій въ этомъ сраженіи, такъ сообщилъ женѣ объ ихъ утратѣ: „Dans une bataille très sanglante que nous avons eue près de Craonne, entre cette ville et Laon, où je commandais, notre pauvre Alexandre a payé de sa vie. Le combat a été glorieux, mais tu sens ce qu'il m'a coûté, et la douleur dont j'ai été frappé! Je n'entrerai dans aucun autre détail. Le deuil général de ses chefs et de ses camarades, les larmes qui lui ont été données, offrent toute la compensation possible qu'on puisse attendre dans un cas pareil". Дѣйствительно, безвременная гибель юноши вызвала всеобщія сожалѣнія. Даже въ офиціальномъ рапортѣ Барклаю-де-Толли баронъ Сакенъ упоминалъ о смерти Строганова въ такихъ сердечныхъ выраженіяхъ: „Юноша храбрый и милой, графъ Строгановъ тутъ также жизнь свою положилъ". Н. М. Лонгиновъ въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову называетъ Строганова „excellent jeune homme, des plus grandes espérances pour sa respectable famille". Строгановъ погребенъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. На могилѣ его слѣдующая надпись: „Убитъ 23 Февр. 1814 подъ Краономъ въ битвѣ между 15000 Рос. войскъ, которыми предводительствовалъ его отецъ, и слишкомъ 50000 непріятельской арміей подъ личнымъ начальствомъ Наполеона".

(Съ портрета Свинцова; собственность А. М. Апраксиной, с. Ольгово, Московской губ.)

171

Le comte **ALEXANDRE PAVLOWITCH STROGANOFF**, 1794—1814, fils unique du comte Paul Alexandrowitch Stroganoff (1772—1817), l'ami d'Alexandre Ier, et de la princesse Sophie Vladimirowna Golitzyne (1775—1845), naquit en 1794, et non en 1795, comme le disent à tort les généalogies: le 31 octobre 1794, le grand-père, le comte Alexandre Serguéewitch Stroganoff, écrit à son fils et à sa bru: „Adieu, mes bons amis, je vous embrasse de tout mon cœur et donne ma bénédiction à M. Alexandre"; l'enfant avait déjà quelques mois à cette époque, comme l'indique ce passage d'une autre lettre du grand-père, en date du 11 décembre suivant: „Les nouvelles de la dentition d'Alexandre m'inquiètent un peu". En 1813, son père, dont la santé avait été fort éprouvée lors de la Guerre Patriotique et qui était venu se soigner à Pétersbourg, l'emmena, alors âgé de 19 ans, en repartant pour la guerre: ils arrivèrent sur le théâtre des opérations juste à temps pour prendre part à la bataille de Leipzig, et le jeune homme eut son cheval tué sous lui. Sa carrière, qui donnait de grandes espérances, ne dura que quelques mois: dans les rangs de l'armée qui venait de franchir le Rhin et d'envahir la France, il eut la tête emportée par un boulet à Craonne, le 23 février 1814. Son père, qui avait lui-même pris part à la bataille, annonce ainsi la nouvelle à sa femme: „Dans une bataille très sanglante que nous avons eue près de Craonne, entre cette ville et Laon, où je commandais, notre pauvre Alexandre a payé de sa vie. Le combat a été glorieux, mais tu sens ce qu'il m'a coûté, et la douleur dont j'ai été frappé! Je n'entrerai dans aucun autre détail. Le deuil général de ses chefs et de ses camarades, les larmes qui lui ont été données, offrent toute la compensation possible qu'on puisse attendre dans un cas pareil". Et de fait, la fin prématurée du jeune comte provoqua des regrets universels; il n'est pas jusqu'au rapport officiel de Barclay de Tolly où le baron Sacken ne s'exprime en ces termes flatteurs: „Un vaillant et charmant jeune homme, le comte Stroganoff, y a aussi payé de sa vie", et Longuinoff dit de lui dans une lettre au comte Simon Worontzoff: „... excellent jeune homme, des plus grandes espérances pour sa respectable famille".

Le comte Stroganoff fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. On lit sur sa tombe l'inscription suivante: „Tué le 23 février 1814 sous Craonne, dans une bataille entre 15.000 Russes commandés par son père et une armée de plus de 50.000 ennemis sous le commandement personnel de Napoléon".

(D'après un original de Svintzoff, appartenant à Mme A. Apraxine, Olgovo, gouvernement de Moscou.)

168

Баронъ Сергѣй Николаевичъ Строгановъ, 1738 — 1777

Le Baron Serge Nikolaewitch Stroganoff, 1738 — 1777

169

Баронъ Александръ Николаевичъ Строгановъ, 1740 — 1789

Le Baron Alexandre Nikolaewitch Stroganoff, 1740 — 1789

170

Пис. Монье, 1808 г.

Peint par Monnier, 1808

Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ, 1774 — 1817

Le Comte Paul Alexandrowitch Stroganoff, 1774 — 1817

171

Пис. Свинцовъ

Peint par Svintzoff

Графъ Александръ Павловичъ Строгановъ, 1795 — 1814

Le Comte Alexandre Pavlowitch Stroganoff, 1795 — 1814

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галлереи
№ 3966

172

Графъ ВАЛЕНТИНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ СТРОГАНОВЪ, 1801—1833, сынъ члена Государственнаго Совѣта, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа (до 22 Августа 1826 г. барона) Григорія Александровича (р. 1770 г., † 1857 г.), отъ перваго брака его съ княжной Анной Сергѣевной Трубецкой (р. 1765 г., † 1824 г.), родился 4 Ноября 1801 года. Въ 1822 г. онъ поступилъ юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ, 1 Января 1826 г. произведенъ въ корнеты, въ 1827 г. назначенъ адъютантомъ къ генералъ-адъютанту Н. И. Де-Прерадовичу и въ 1828 г. произведенъ въ поручики. Въ 1829 г. Строгановъ вышелъ въ отставку по болѣзни, но черезъ годъ вернулся въ полкъ и въ 1833 г. произведенъ въ штабсъ-ротмистры.

Графъ В. Г. Строгановъ скончался 4 Ноября 1833 г. и погребенъ въ Духовской церкви Александро-Невской лавры. По словамъ К. Я. Булгакова, онъ, несмотря на свои молодые годы, долго страдалъ отъ водяной болѣзни.

(Съ миніатюры Соколова; собственность князя П. П. Голицына, с. Марьино, Новгородской губ.)

172

Le comte **VALENTIN GRIGORIEWITCH STROGANOFF**, 1801—1833, fils du comte (baron jusqu'au 22 août 1826) Grégoire Alexandrowitch Stroganoff (1770—1857), conseiller privé actuel, membre du Conseil de l'Empire, et de sa première femme, née princesse Anne Serguéewna Troubetzkoï (1765—1824), naquit le 4 novembre 1801. Enrôlé en 1822 sous-officier au régiment des Chevaliers-Gardes, il passa cornette le 1er janvier 1826, fut nommé en 1827 aide de camp du général aide de camp De-Préradowitch et promu lieutenant en 1828. Il obtint en 1829 un congé de convalescence, mais reprit du service au bout d'un an et passa en 1833 capitaine de cavalerie en second. Il mourut le 4 novembre 1833 et fut inhumé dans l'église du Saint-Esprit, au monastère d'Alexandre Newsky. Tout jeune qu'il était, le comte Stroganoff, dit Constantin Boulgakoff, souffrit longtemps d'hydropisie.

(D'après une miniature de Sokoloff, appartenant au prince P. Golitzyne, Maryino, gouv. de Novgorod.)

Графиня **ЮЛІЯ ПЕТРОВНА СТРОГАНОВА**, 1782—1864, дочь португальскаго графа д'Альмейда Ойенгаузенъ (d'Almeyda Oyenhausen) родилась 20 Августа 1782 года. Будучи въ первомъ бракѣ замужемъ за графомъ да-Ега (da Ega), португальскимъ посланникомъ въ Мадридѣ, она встрѣтилась тамъ съ барономъ Григоріемъ Александровичемъ Строгановымъ (р. 1770 г., † 1857 г.), бывшимъ съ 1805 по 1810 г. россійскимъ полномочнымъ министромъ при Испанскомъ дворѣ и, когда онъ долженъ былъ возвратиться въ Россію, послѣдовала за нимъ въ Петербургъ. Хотя графиня нигдѣ не показывалась и встрѣтить ее можно было только на холостой квартирѣ барона Григорія Александровича, на углу Невскаго и Б. Морской, гдѣ она иногда танцовала качучу передъ кружкомъ его близкихъ пріятелей, романъ его съ красавицей португалкой извѣстенъ былъ всему городу и возбуждалъ извѣстное неудовольствіе при Дворѣ, гдѣ баронъ Строгановъ былъ очень близкимъ лицомъ, пользуясь особеннымъ расположеніемъ Великаго Князя Николая Павловича. Въ 1824 г. скончалась жена барона Г. А. Строганова, баронесса Анна Сергѣевна, рожденная княжна Трубецкая, а въ 1826 г., на коронацію Императора Николая, баронъ Строгановъ былъ пожалованъ въ графское достоинство, и при первой встрѣчѣ съ нимъ послѣ этого Государь сказалъ ему: „Et maintenant, comte, il serait digne de vous marier". Графъ Строгановъ понялъ намекъ, и графиня да-Ега сдѣлалась графиней Юліей Петровной Строгановой. Бракъ этотъ не могъ не вызвать большого смущенія среди многочисленной и знатной Строгановской родни, и, чтобы ввести свою вторую жену въ Петербургское общество, графъ Строгановъ прибѣгъ къ помощи своей сестры, Екатерины Александровны Нарышкиной, пользовавшейся большимъ вліяніемъ въ свѣтѣ. Пріѣхавъ нарочно изъ Москвы и остановившись у своей близкой пріятельницы, жены министра финансовъ, графини Прасковьи Николаевны Гурьевой, рожденной Салтыковой, она усадила свою невѣстку въ карету и развезла ее по всей роднѣ и самымъ строгимъ Петербургскимъ домамъ, обезпечивъ ей этимъ самый радушный пріемъ. Графиня Юлія Петровна, чуждая всякихъ претензій и обладая большимъ тактомъ, скоро заняла подобающее ей положеніе въ столичномъ обществѣ, чему много способствовало и неизмѣнное благоволеніе, оказываемое Строгановымъ при Дворѣ. Балы ихъ посѣщались членами Царской фамиліи. Жили они въ большой любви и согласіи; графиня Юлія Петровна была большая щеголиха, всегда одѣвалась чрезвычайно моложаво для своихъ лѣтъ и въ старости казалась дочерью жены старшаго сына своего мужа, графини Натальи Павловны Строгановой, бывшей гораздо моложе ея, но одѣвавшейся по-старушечьи. Въ 1862 г. графиня Юлія Петровна Строганова была пожалована въ статсъ-дамы; скончалась она 2 Ноября 1864 г. и погребена въ склепѣ католической церкви въ Царскомъ Селѣ. Бракъ графини Юліи Петровны Строгановой былъ бездѣтный.

(Съ миніатюры Изабе, 1818 г.; собственность князя П. П. Голицына, с. Марьино, Новгородской губ.)

La comtesse **JULIE PÉTROWNA STROGANOFF**, 1782—1864, fille du comte portugais d'Almeida-Oyenhausen, naquit le 20 août 1782. En premières noces comtesse da Ega, femme de l'ambassadeur de Portugal à Madrid, elle rencontra dans cette ville le baron Grégoire Alexandrowitch Stroganoff (1770—1857), de 1805 à 1810 ministre plénipotentiaire près la Cour d'Espagne, et vint avec lui à Pétersbourg. Elle ne paraissait nulle part et ne se faisait voir que chez lui, dans son pied-à-terre au coin de la Perspective Newsky et de la Grande Morskaïa, où elle dansait parfois la katchucha dans un petit cercle d'intimes, mais l'histoire n'était un secret pour personne et fit très mauvais effet à la Cour, où le baron était fort en faveur, en particulier près du Grand-Duc Nicolas Pavlowitch. Deux ans après la mort de sa femme, née princesse Anne Troubetzkoï, il venait d'être fait comte à l'occasion du Couronnement, quand l'Empereur lui dit: „Et maintenant, Comte, il serait digne de vous marier". C'est ainsi que la comtesse da Ega devint comtesse Stroganoff. Le mariage ne manqua pas de faire grand bruit dans la nombreuse et noble famille Stroganoff, et, pour introduire sa seconde femme dans la société de Pétersbourg, le comte dut faire appel à toute l'autorité dont jouissait dans le monde sa sœur Catherine Narychkine, qui vint exprès de Moscou, descendit chez sa grande amie, la femme du ministre Gourieff, née Prascovie Saltykoff, et fit faire à sa belle-sœur le tour de toute la famille et des salons les plus fermés de la ville: l'accueil fut partout des plus empressés. Exempte de prétentions et douée d'un tact consommé, la comtesse, grâce surtout à la faveur dont elle et son mari ne cessèrent d'être l'objet à la Cour, se fit rapidement une place dans la société; elle eut même à ses bals des membres de la Famille Impériale. Des plus heureuses en ménage, c'était une grande élégante, toujours mise comme une jeune femme en dépit de l'âge: sur ses vieux jours, elle avait l'air d'être la fille de la comtesse Natalie Stroganoff, femme de l'aîné de ses beaux-fils, qui, beaucoup plus jeune qu'elle, s'habillait au contraire comme une personne d'âge. Dame d'honneur en 1862, elle mourut le 2 novembre 1864, et fut inhumée dans la crypte de l'église catholique de Tzarskoïé Sélo. Elle n'eut pas d'enfants.

(D'après un original d'Isabey, 1818, appartenant au prince P. Golitzyne, Maryino, gouv. de Moscou.)

Графъ СЕРГѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ СТРОГАНОВЪ, 1794—1882, старшій сынъ барона, впослѣдствіи графа, Григорія Александровича Строганова, отъ его брака съ княжной Анной Сергѣевной Трубецкой, родился 8 Ноября 1794 года. Окончивъ курсъ въ Институтѣ Путей Сообщенія, С. Г. Строгановъ поступилъ въ военную службу; въ 1811 г. онъ получилъ первый офицерскій чинъ, въ 1812 г. участвовалъ въ Отечественной войнѣ, съ 1813 по 1815 г. въ заграничныхъ походахъ; онъ принималъ также участіе въ Турецкой войнѣ 1828 г. и, наконецъ, въ Севастопольской кампаніи. Военный мундиръ онъ носилъ до конца дней своихъ и умеръ въ чинѣ генерала-отъ-кавалеріи и въ званіи генералъ-адъютанта, но имя его принадлежитъ не столько военной исторіи, сколько исторіи русскаго просвѣщенія. На этомъ поприщѣ дѣятельность его началась съ 1826 года, въ качествѣ члена „Комитета устройства учебныхъ заведеній“. Въ работахъ Комитета онъ принималъ энергичное участіе. Всего лучше свой серіозный интересъ дѣломъ просвѣщенія, административныя способности, независимость и вмѣстѣ съ тѣмъ тактичность графъ С. Г. Строгановъ выказалъ на посту попечителя Московскаго учебнаго округа, который онъ занялъ послѣ недолговременнаго исполненія обязанностей военнаго губернатора въ Ригѣ и Минскѣ. Время управленія Строганова Московскимъ учебнымъ округомъ и старѣйшимъ въ Имперіи университетомъ (1835—1847) составило въ исторіи послѣдняго эпоху, именуемую „Строгановскимъ временемъ“. Правда, ко времени вступленія Строганова въ управленіе округомъ университетъ уже доживалъ „архаическій“ періодъ своего существованія: въ студенческой средѣ закипала новая жизнь, на каѳедрахъ появлялись профессора, отмѣченные истиннымъ дарованіемъ, но тѣмъ болѣе ума, такта и независимости требовалось по тѣмъ временамъ отъ попечителя. Графъ Строгановъ умѣлъ находить, поощрять и поддерживать таланты: Бодянскій, Буслаевъ, Грановскій, Кавелинъ, Кудрявцевъ, Соловьевъ..., вотъ университетскіепрофес сора „Строгановскаго времени“... Пониманіе Строгановымъ необходимости высшаго образованія сказалось и въ его рѣзкомъ отвѣтѣ министру на предложеніе послѣдняго ограничить доступъ въ университеты лицамъ низшихъ сословій. Близко принимая къ сердцу нужды просвѣщенія, Строгановъ пробовалъ бороться и съ цензурными стѣсненіями. Заботы Строганова объ укрѣпленіи высшаго образованія шли у него рука объ руку съ принятіемъ мѣръ къ улучшенію гимназій и низшей школы: онъ составилъ „Положеніе о городскихъ начальныхъ училищахъ въ Москвѣ“. Несогласія съ министромъ Уваровымъ побудили Строганова оставить постъ попечителя. Въ эпоху графа Д. А. Толстого графъ Строгановъ былъ сторонникомъ его реформъ и между прочимъ энергично поддерживалъ принципъ раздѣленія средней школы на реальную и классическую. Исчерпывая служебный формуляръ графа С. Г. Строганова, упомянемъ, что онъ былъ около полугода (1859 и 1860 гг.) Московскимъ генералъ-губернаторомъ, а съ половины 1860 г. до кончины Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича († 1865 г.) — главнымъ руководителемъ воспитанія Его Императорскаго Высочества. Въ заключеніе нельзя не отмѣтить глубокой и серіозной любви графа С. Г. Строганова къ археологіи, которая была его любимымъ занятіемъ. Ему много обязано Общество исторіи и древностей Россійскихъ, коего онъ былъ въ теченіе 37 лѣтъ предсѣдателемъ (1837—1874) и которому исходатайствовалъ титулъ Императорскаго и постоянную субсидію. Ему же обязана своимъ возникновеніемъ Археологическая Комиссія. Подъ его руководствомъ и отчасти на его средства напечатаны „Древности Россійскаго Государства“ и рядъ другихъ трудовъ по археологіи, въ которой онъ выступалъ и въ качествѣ автора: такъ, ему принадлежитъ археологическое описаніе „Дмитріевскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ“, древности котораго реставрированы на средства графа. Кромѣ того, графъ С. Г. Строгановъ былъ отличный знатокъ русской нумизматики и иконописи, обладавшій богатѣйшими коллекціями. Любитель искусствъ вообще и въ особенности живописи и скульптуры, онъ оставилъ по себѣ память не только какъ собиратель, пріумножившій извѣстную свою фамильную галлерею, но и какъ основатель въ Москвѣ (въ 1825 г.) первой рисовальной школы (Строгановское училище).

Графъ С. Г. Строгановъ скончался 27 Марта 1882 г. въ Петербургѣ и похороненъ въ Ѳеодоровской церкви Александро-Невской лавры. Онъ былъ женатъ на графинѣ Наталіи Павловнѣ Строгановой (р. 1796 г., † 1872 г.); отъ брака этого, принесшаго ему графскій титулъ и майоратъ, родились сыновья: Александръ, Павелъ, Григорій, Николай и дочери: Софія и Елизавета.

(Съ акварельнаго портрета Свинцова, 1821 г.; собственность М. В. Воейковой, въ С.-Петербургѣ.)

Le comte SERGE GRIGORIEWITCH STROGANOFF, 1794—1882, fils aîné du baron, plus tard comte, Grégoire Alexandrowitch Stroganoff et de la princesse Anne Serguéewna, née Troubetzkoï, naquit le 8 novembre 1794. Après avoir terminé ses études à l'Ecole des Ponts et Chaussées, il devint militaire et passa officier en 1811. Il fit successivement, en 1812 la Guerre Patriotique, de 1813 à 1815 les campagnes d'Europe, en 1828 celle de Turquie, enfin la Campagne de Crimée. Militaire toute sa vie, il mourut général de cavalerie et général aide de camp, mais son nom appartient moins à l'armée qu'à l'instruction publique, où il débute en 1826 comme membre du Comité d'organisation des établissements scolaires: il y déploie une grande énergie. Son sérieux intérêt pour l'instruction publique, ses capacités d'administrateur, ses qualités d'indépendance et de tact se révèlent surtout au poste de curateur de l'arrondissement scolaire de Moscou, auquel il fut appelé après avoir quelque temps rempli les fonctions de gouverneur militaire de Riga et de Minsk. Les douze années (1835—1847) qu'il y passa ont conservé le nom de Période Stroganoff et font époque dans l'histoire de la plus ancienne université russe. Au moment où il en prenait en mains la direction, l'université de Moscou se dégageait déjà, il est vrai, de sa période „archaïque": dans la jeunesse fermentait une sève nouvelle, aux chaires montaient des professeurs de véritable talent; il n'en fallait chez le curateur, à l'époque, que plus de tête, de tact et d'indépendance. Le comte Stroganoff sut découvrir, encourager et soutenir les talents: Bodiansky, Bouslaïeff, Granowsky, Kavéline, Koudriavtzeff, Solovieff,.... tels furent les professeurs de la Période Stroganoff.... Il jugeait l'enseignement supérieur indispensable, et le montra bien en répliquant carrément au ministre qui lui proposait de restreindre l'admission des basses classes aux universités. Dans sa sollicitude pour les intérêts de l'instruction, il s'attaqua également aux vexations de la censure. Et non content de ses efforts au service de l'enseignement supérieur, il tint à perfectionner encore l'enseignement secondaire et l'enseignement primaire et élabora un Règlement des Ecoles Primaires municipales de Moscou. Des divergences de vues avec le ministre Ouvaroff lui firent résigner ses fonctions de curateur. Plus tard, il se rangea au plan de réformes du comte D. Tolstoï, et préconisa par exemple avec énergie le principe de la division de l'enseignement secondaire en deux branches, études classiques et études modernes. Ajoutons, pour être complet, qu'il fut environ six mois (1859/1860) général gouverneur de Moscou, et eut depuis l'été de 1860 jusqu'à la mort du Césarewitch Nicolas Alexandrowitch († 1865), la haute main sur la direction de ses études. Enfin on ne saurait passer sous silence son goût profond et sérieux pour l'archéologie, son occupation préférée. Il fit beaucoup pour la Société d'Histoire et d'Antiquités Russes, dont il fut trente-sept ans président, de 1837 à 1874, et qui lui dut son titre de Société Impériale et sa subvention annuelle. Il fut également fondateur de la Commission Archéologique. Enfin c'est sous sa direction et en partie à ses frais que furent publiés, outre les Antiquités Nationales Russes, de nombreux travaux d'archéologie, dont quelques-uns de lui-même, comme sa description de La Cathédrale St-Dmitri à Vladimir sur la Kliazma, dont il fit restaurer à ses frais les antiquités. Il était en outre grand connaisseur et sérieux collectionneur de numismatique et d'art religieux russes. Amateur d'art en général, et en particulier de peinture et de sculpture, il est connu comme tel non seulement par sa célèbre galerie de famille qu'il enrichit si considérablement, mais encore comme fondateur à Moscou (en 1825) de la première école de dessin, qui porte encore son nom.

Le comte Stroganoff mourut le 27 mars 1882 à Pétersbourg, et fut inhumé à l'église St-Théodore, au monastère d'Alexandre Newsky. Il avait épousé la comtesse Natalie Pavlowna Stroganoff (1796—1872); de ce mariage, qui lui transmettait le titre de comte et le majorat de la famille, il eut quatre fils, Alexandre, Paul, Grégoire et Nicolas, et deux filles, Sophie et Elisabeth.

(D'après une aquarelle de Svintzoff, 1821, appartenant à Mme M. Voéikoff, St-Pétersbourg.)

175

Графиня НАТАЛІЯ ПАВЛОВНА СТРОГАНОВА, 1796—1872, старшая изъ четырехъ дочерей графа Павла Александровича и графини Софіи Владиміровны Строгановыхъ, родилась 7 Мая 1796 года. За смертью въ 1814 году единственнаго брата своего, графа Александра Павловича, убитаго въ битвѣ при Краонѣ, она, согласно составленному ея отцомъ и Высочайше утвержденному уже послѣ его смерти майоратному акту, дѣлалась, по кончинѣ матери, единственной наслѣдницей Строгановскаго состоянія, и къ мужу ея долженъ былъ перейти графскій титулъ Строгановыхъ. Естественно было, что, по родственнымъ и семейнымъ соображеніямъ, родители ея желали ей въ мужья одного изъ представителей Строгановскаго дома изъ другой, баронской его вѣтви. Таковымъ являлся молодой баронъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ (р. 1794 г., † 1882 г.), сынъ троюроднаго брата графа П. А. Строганова, барона Григорія Александровича Строганова. Молодой человѣкъ этотъ сопровождалъ графа П. А. Строганова въ 1817 году въ его предсмертномъ путешествіи за границу и присутствовалъ при его кончинѣ на кораблѣ 10 Іюня 1817 года. По разсказамъ современниковъ, баронъ Сергѣй Григорьевичъ пытался одно время отклонить отъ себя павшій на него выборъ, но, побѣжденный въ своемъ упрямствѣ прелестною личностью своей суженой невѣсты, женился на графинѣ Наталіи Павловнѣ Строгановой скоро послѣ смерти ея отца и получилъ вмѣстѣ съ этимъ титулъ графа. Этотъ бракъ положилъ начало новой графской линіи Строгановыхъ, въ лицѣ четырехъ сыновей, графовъ Александра, Павла, Григорія и Николая Сергѣевичей Строгановыхъ, и двухъ дочерей, Софіи (въ замужствѣ за графомъ И. П. Толстымъ) и Елизаветы (за княземъ А. В. Мещерскимъ).

Графиня Наталія Павловна Строганова была женщина удивительной доброты, сердечной кротости и мягкости характера. „Въ особенности отличалась она“, говоритъ одно изъ близко знавшихъ ее лицъ, „состраданіемъ къ ближнему и вообще неимущимъ людямъ; вся ея жизнь вращалась въ кругу своей семьи, дѣяній добра, и другого міра у нея не было. Такъ она начала свое существованіе, такъ провела всю свою жизнь, такъ и отошла въ вѣчность“.

Графиня Наталія Павловна Строганова скончалась 7 Октября 1872 года и погребена въ Ѳеодоровской церкви Александро-Невской лавры.

(Съ акварельнаго портрета Свинцова, 1821 г.; собственность М. В. Воейковой, въ С.-Петербургѣ.)

175

La comtesse **NATALIE PAVLOWNA STROGANOFF**, 1796—1872, l'aînée des quatre filles du comte Paul Alexandrowitch et de la comtesse Sophie Vladimirowna Stroganoff, naquit le 7 mai 1796. La mort de son unique frère Alexandre, tué à Craonne en 1814, la faisait héritière à la mort de sa mère du majorat institué par son père et confirmé plus tard par S. M. l'Empereur, et qui transmettait à son mari le titre de comte des Stroganoff. Raisons de famille, souci des prérogatives de race, tout portait naturellement les parents à rechercher une alliance avec l'autre branche des Stroganoff, celle des barons, dont l'aîné, le jeune baron Serge Grigoriewitch Stroganoff (1794—1882), fils d'un cousin au troisième degré du comte Paul Stroganoff, le baron Grégoire Alexandrowitch Stroganoff, avait reçu le dernier soupir du père de la jeune comtesse le 10 juin 1817 au cours du voyage à l'étranger dans lequel il l'accompagnait. Le jeune baron, disent les contemporains, ne s'était pas soucié d'abord de l'union où on voulait l'engager, mais bientôt les charmes de sa fiancée eurent raison de sa résistance, et le mariage, qui se fit au début de 1818, lui donna le titre de comte et fut l'origine d'une nouvelle branche de comtes Stroganoff, celle des quatre comtes Alexandre, Paul, Grégoire et Nicolas et des deux comtesses Sophie, mariée au comte I. Tolstoï, et Elisabeth au prince A. Mechtchersky.

La comtesse Natalie Stroganoff était un modèle de bonté, de douceur et de mansuétude. „Elle se distinguait surtout", dit un témoignage particulièrement autorisé, „par son amour du prochain et sa sollicitude pour les malheureux; vie de famille, œuvres de charité, telle était son existence, et toute son existence. C'est ainsi qu'elle débuta dans la carrière, qu'elle la parcourut tout entière, et qu'elle passa dans l'éternité".

La comtesse Natalie Stroganoff mourut le 7 octobre 1872, et fut inhumée dans l'église St-Théodore, au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après une aquarelle de Svintzoff, 1821, appartenant à Mme M. Voeïkoff, St-Pétersbourg.)

172

Пис. Соколовъ, 1823 г. — Peint par Sokoloff, 1823

Графъ Валентинъ Григорьевичъ Строгановъ, 1801 — 1833

Le Comte Valentin Grigoriewitch Stroganoff, 1801 — 1833

173

Пис. Изабе, 1818 г. — Peint par Isabey, 1818

Графиня Юлія Петровна Строганова, 1782 — 1864

La Comtesse Julie Pëtrôwna Stroganoff, 1782 — 1864

174

Пис. Свинцовъ, 1821 г. *Peint par Svintzoff, 1821*

Графъ Сергій Григоріевичъ Строгановъ, 1794 — 1882

Le Comte Serge Grigoriewitch Stroganoff, 1794 — 1882

175

Пис. Свинцовъ, 1821 г. *Peint par Svintzoff, 1821*

Графиня Наталія Павловна Строганова, 1796 — 1872

La Comtesse Natalie Pavlowna Stroganoff, 1796 — 1872

РУССКІЕ PORTRAITS RUSSES ПОРТРЕТЫ

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи
№ 3966

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ МЕЛИССИНО, 1718—1795, происходилъ изъ греческой фамиліи, считавшейся очень знатной и родственной императорамъ династій Исаврійской и Комненовъ. Отецъ его, Иванъ Аѳанасьевичъ, выѣхавшій при Петрѣ I въ Россію съ острова Кефалоніи, съ 1740 по 1752 годъ занималъ постъ вице-президента сначала Коммерцъ-Коллегіи, а потомъ Мануфактуръ-Коллегіи. 5 Февраля 1740 г. „кадетъ“ Мелиссино, называвшійся тогда почему-то по-нѣмецки Іоганномъ, былъ опредѣленъ къ лифляндскимъ и эстляндскимъ дѣламъ въ Камеръ-Контору, а 3 Октября, уже въ чинѣ подпоручика, назначенъ асессоромъ въ Юстицъ-Коллегію. 18 Октября 1757 г. надворный совѣтникъ Мелиссино былъ произведенъ въ „совѣтники канцеляріи“ Академіи Наукъ и назначенъ директоромъ Московскаго университета. 10 Іюня 1763 года онъ былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Сунода, съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Назначенный еще въ 1767 году опекуномъ Воспитательнаго дома, Мелиссино 24 Октября 1768 г. былъ уволенъ отъ должности оберъ-прокурора, съ чиномъ тайнаго совѣтника, а въ 1771 году былъ назначенъ однимъ изъ кураторовъ Московскаго университета. Мелиссино умеръ 23 Марта 1795 года. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Прасковьѣ Владиміровнѣ Долгорукой, но дѣтей не имѣлъ.

Избранный Екатериною II въ оберъ-прокуроры въ качествѣ человѣка, „не ослѣпленнаго предразсудками“, Мелиссино въ дѣлѣ полнаго подчиненія духовенства свѣтской власти былъ усерднымъ помощникомъ своей Государыни, третировавшей синодальныхъ членовъ, не какъ іерарховъ съ правомъ самостоятельнаго голоса въ дѣлахъ церковныхъ, а какъ „вѣрнѣйшихъ подданныхъ“, обязанныхъ безпрекословно повиноваться своей Монархинѣ. Извѣстные „пункты“, предложенные Мелиссино Сунoду въ 1767 году, представляютъ ту самую программу церковныхъ реформъ, которою „угрожалъ отечественной Церкви“ низвергнутый Петръ III, и которую до сихъ поръ выдвигаютъ ретивые не по разуму духовные радикалы и враждебные Церкви передовые міряне. Читая эту программу, не знаешь, удивляться ли легкомыслію этихъ богослововъ-реформаторовъ, которые, не понимая духа православнаго народа, надѣялись установить въ Россіи какой-то лютеранскій баптизмъ, или лицемѣрію этихъ высокопоставленныхъ libre-penseur'овъ, которые, „насилу въ Бога вѣруя“, принимали личину „теплѣйшаго къ Богу благоговѣйства“ и болтали о своемъ горячемъ стремленіи къ идеалу „первенствующія Церкви“. „Немудрыя мудрованія“ Мелиссино клонились къ тому, чтобы „о постахъ нѣкоторое увольненіе сдѣлать“, а „изъ продолжительныхъ церковныхъ обрядовъ чего убавить“, установить выборъ архіереевъ изъ среды бѣлаго духовенства, дозволить „епископамъ съ законными женами сожитіе имѣть“, дать духовенству одежду, „пристойнѣе нынѣшней“, отмѣнить поминовеніе усопшихъ и причащеніе младенцевъ. Подобнымъ реформаторамъ, не способнымъ понимать красоты и глубокаго смысла православнаго богослуженія, оно казалось нагроможденіемъ неудобовразумительныхъ стихиръ, каноновъ и тропарей, и они находили цѣлесообразнымъ, „вмѣсто всенощныхъ и вечерень, употреблять краткія молитвы и прочитывать важнѣйшія мѣста изъ св. Писанія, а также толковать катихизисъ“; но послѣднее было обязательно только для „юношества и непросвѣщеннаго народа“, а лица, постигшія всю глубину вольтеріанской премудрости, освободившись отъ докучныхъ всенощныхъ, получали обширный и пріятный досугъ. Реформаторъ 1767 года ребромъ ставилъ вопросъ о полномъ закрытіи всѣхъ монастырей и объ употребленіи ихъ доходовъ на содержаніе „искусныхъ и ученыхъ священниковъ и проповѣдниковъ“, какъ бы не предвидя возраженія, что конфискованныя уже богатства духовенства употреблены Монархиней отнюдь не на содержаніе „искусныхъ проповѣдниковъ“.

Какъ кураторъ университета, Мелиссино былъ болѣе на мѣстѣ, чѣмъ въ Сунодѣ. Можно согласиться, что Мелиссино, дѣйствительно, имѣлъ „нѣкую страстную любовь къ университету“ и заботился объ его процвѣтаніи. Учрежденное имъ при университетѣ „Вольное Россійское Собраніе“ „обогащало россійскій языкъ“ тяжеловѣсными сочиненіями, помѣщавшимися въ „Опытѣ Трудовъ“ этого „Собранія“. Впрочемъ, и на этомъ поприщѣ Мелиссино показалъ себя завистливымъ и коварнымъ. Опасаясь отъ учрежденнаго профессоромъ Шварцемъ „Дружескаго Общества“ конкуренціи для своего „Вольнаго Собранія“, Мелиссино старался погубить Шварца всѣми способами, не гнушаясь прикрываться и личиною дружбы.

(Съ портрета, принадлежащаго А. А. Ватаци, въ С.-Петербургѣ.)

176

IVAN IVANOWITCH MÉLISSINO, 1718—1795, appartenait à une famille grecque qui se considérait comme étant de haute noblesse et prétendait descendre des dynasties Impériales des Isauriens et des Comnènes. Son père, émigré de l'île de Céphalonie en Russie sous Pierre-le-Grand, fut de 1740 à 1752 vice-président du Collège de Commerce, puis de celui des Manufactures, et le Cadet Johann Mélissino, avec son prénom ainsi germanisé, affecté le 5 février 1740 à l'administration régionale de Livonie et Esthonie, passait le 3 octobre suivant, avec rang de sous-lieutenant, assesseur au Collège de Justice. Il fut ensuite nommé successivement, le 18 octobre 1757, ayant rang de conseiller de cour, „conseiller de chancellerie" à l'Académie des Sciences et directeur de l'université de Moscou, puis, le 10 juin 1763, haut procureur du Saint Synode avec rang de conseiller d'état actuel. Fait en 1767 curateur des Enfants-Trouvés, il fut relevé le 24 octobre 1768 de ses fonctions de haut procureur et promu conseiller privé, puis devint en 1771 l'un des curateurs de l'université de Moscou. Il mourut le 23 mars 1795. Il avait épousé la princesse Prascovie Vladimirowna Dolgorouky, dont il n'eut pas d'enfants.

Nommé haut procureur du Synode par Catherine II comme personnage „non aveuglé par les préjugés", Mélissino fit preuve, pour subordonner entièrement le clergé à l'autorité civile, d'un zèle digne de l'Impératrice, qui traitait les membres du Synode non pas comme des prélats en possession de toute leur indépendance dans la conduite des affaires ecclésiastiques, mais comme de „fidèles sujets" tenus envers leur Souveraine à une obéissance passive. Les fameux „Points", qu'il présenta en 1767 à l'Assemblée constituent un programme de réformes identique à celui dont l'Empereur déchu „avait menacé l'église nationale" et que mettent en avant aujourd'hui encore les plus fougueuses des têtes radicales de l'église et les laïques d'avant-garde ses ennemis. A la lecture de ce programme, on se demande lequel est le plus étonnant, de la légèreté des clercs dont la fureur de réformes méconnaissait assez l'esprit de l'orthodoxie russe pour vouloir y substituer un vague protestantisme, ou de l'hypocrisie de ces libres-penseurs de haut vol, dont la „foi de contrebande" prenait le masque de „la plus fervente dévotion" pour arguer d'ardentes aspirations à un idéal d'„Eglise Souveraine". Les „petites finasseries" de Mélissino étaient „une certaine tolérance dans l'observance des carêmes", „une réduction des services trop prolongés", le recrutement des archevêques dans le clergé séculier, le mariage des évêques, l'amélioration du vêtement ecclésiastique, la suppression de la commémoration des morts et de la communion des enfants. Incapables de comprendre toute la beauté et le sens profond du service orthodoxe, ces réformateurs n'y voyaient qu'un entassement confus d'hymnes, de canons et de cantiques et voulaient „remplacer les offices du soir et de la nuit par de courtes prières, des lectures tirées de l'Ecriture Sainte et des gloses sur le catéchisme", et encore celles-ci obligatoires seulement pour „la jeunesse et la classe non éclairée", les privilégiés pour lesquels les finesses du voltairianisme n'avaient plus de secrets devant être dispensés des interminables offices et jouir à l'aise d'un agréable loisir. Enfin une proposition ne visait à rien moins qu'à la fermeture radicale de tous les monastères et à la confiscation de leurs biens au profit de l'entretien d'un corps de „prêtres et prédicateurs habiles et instruits": c'était oublier que les confiscations déjà faites avaient servi à l'Impératrice à tout autre chose qu'à entretenir „un corps d'habiles prédicateurs".

Comme curateur de l'université, Mélissino fut mieux placé qu'au Synode: effectivement animé „d'une vraie passion pour l'Université", il fit beaucoup pour elle. L'Assemblée Russe Libre qu'il y fonda „enrichit la langue russe de massives élucubrations insérées aux Essais de Travaux de l'„Assemblée" en question. Là aussi, du reste, sa jalousie et sa duplicité se donnèrent carrière: pour couler le professeur Schwartz, dont la Société Amicale pouvait faire concurrence à son Assemblée Libre, tous les moyens lui parurent bons, et il ne craignit même pas d'emprunter le masque d'une perfide amitié.

(D'après un original appartenant à A. Vatazi, St-Pétersbourg.)

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ МЕЛИССИНО, 1761—1813, сынъ генерала-отъ-артиллеріи Петра Ивановича (р. 1726 г., † 1797 г.) отъ брака съ Маріей Дмитріевной Кацаревой (р. 1740 г., † 1801 г.), 10 лѣтъ записанъ былъ сержантомъ въ гвардію и 20 лѣтъ, въ чинѣ капитана, зачисленъ въ штабъ генералъ-фельдцейхмейстера. Въ 1788 г., во время шведской войны, ему было поручено приготовить нѣсколько сотъ новобранцевъ къ артиллерійской службѣ, и за успѣшное исполненіе порученія онъ былъ произведенъ въ майоры. Перейдя въ томъ же году, съ чиномъ подполковника, въ Сумской легкоконный полкъ, Мелиссино принялъ участіе въ турецкой войнѣ и за отличіе при штурмѣ Измаила получилъ Георгія 4 степени. Полковникъ съ 1793 г., онъ перешелъ затѣмъ въ конно-гренадерскій Военнаго ордена полкъ и 1 Января 1797 г. былъ выключенъ изъ службы. Пробывъ нѣкоторое время въ отставкѣ, онъ вторично поступилъ на службу въ Елизаветградскій гусарскій полкъ и 1 Января 1801 г. произведенъ въ генералъ-майоры, съ назначеніемъ шефомъ Маріупольскаго гусарскаго полка. Черезъ годъ А. П. Мелиссино опять вышелъ въ отставку, а въ 1807 г., въ третій разъ, принятъ на службу и получилъ порученіе сформировать Лубенскій гусарскій полкъ, шефомъ котораго и былъ назначенъ. Во время Отечественной войны онъ со своимъ полкомъ, состоя въ арміи Тормасова, дѣйствовалъ противъ французовъ въ Бѣлоруссіи и заслужилъ золотое оружіе. Кампанія 1813 г. положила конецъ его славной боевой дѣятельности: 15 Августа, во время битвы при Дрезденѣ, Мелиссино съ двумя пѣхотными полками, бывшими въ тотъ день подъ его командой, врубился въ середину непріятельскаго каре, но тремя пулями былъ смертельно раненъ. Соратникамъ удалось его увести съ поля битвы. Лубенцы, узнавъ о судьбѣ своего шефа, прискакали безъ команды и уложили много непріятельскихъ офицеровъ и солдатъ. Мелиссино отнесли въ ближайшую корчму, гдѣ онъ къ вечеру скончался. Тѣло его было тамъ оставлено и потомъ не найдено. Вдова воздвигла ему памятникъ въ Кульмѣ. Существуетъ гравюра, на которой изображенъ раненый Мелиссино, верхомъ на лошади, поддерживаемый гусарами и ополченцами. Подъ изображеніемъ русскіе и французскіе стихи:

„Се истинный герой! среди войны кровавой
Со славою служа, ниспалъ во гробъ со славой.
Источникъ горькихъ слезъ о немъ не должно лить:
Онъ далъ собой примѣръ — отечество любить!“
„Les Russes, les Germains honorent sa mémoire,
Et de son dévouement reconnaissent le prix.
Mourant au sein de la victoire,
Il vécut assez pour la gloire,
Mais pas assez pour son pays“.

Прекрасно образованный, Мелиссино обладалъ острымъ умомъ, пылкимъ характеромъ, выдающейся храбростью, великодушіемъ, щедростью, доходившей до расточительности. Обладая красивой наружностью, онъ былъ строенъ и ловокъ и пріобрѣлъ славу одного изъ лучшихъ ѣздоковъ въ Россіи. Онъ служилъ Фальконету натурой для памятника Петра I: въѣзжая на устроенные нарочно для этого подмостки, ставилъ своего коня въ ту позу, въ какой мы видимъ Петра I на Сенатской площади. Мелиссино положилъ начало коннозаводству въ Новороссіи. Обладая большимъ состояніемъ, онъ имѣлъ нѣсколько конныхъ заводовъ и одинъ изъ нихъ возилъ съ собой вслѣдъ за полкомъ. Лошадей изъ этого завода онъ раздавалъ своимъ офицерамъ, о матеріальномъ благосостояніи которыхъ очень заботился. Нижнихъ чиновъ Лубенскаго полка, сформированнаго путемъ вербовки изъ людей самаго разнообразнаго общественнаго положенія, онъ держалъ въ большой строгости, не скупясь на тѣлесныя наказанія. Къ офицерамъ на службѣ былъ требователенъ и самъ являлся для нихъ примѣромъ въ служебномъ отношеніи, но сумѣлъ, несмотря на свою строгость, заслужить любовь какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ. Въ бою, впереди всѣхъ, онъ создалъ молодому Лубенскому полку репутацію „храбраго полка“. Но, будучи строгимъ и требовательнымъ начальникомъ, пылкій Мелиссино плохо подчинялся своему собственному начальству и постоянно съ нимъ ссорился. Онъ былъ женатъ съ 1787 г. на дочери великаго бана Валахіи княжнѣ Роксандрѣ Михайловнѣ Кантакузенъ († 1828 г.), но дѣтей не имѣлъ и былъ послѣднимъ въ родѣ Мелиссино.

(Съ портрета Дау; собственность А. А. Ватаци, въ С.-Петербургѣ.)

ALEXIS PÉTROWITCH MÉLISSINO, 1761—1813, fils du général d'artillerie Pierre Ivanowitch Mélissino (1726—1797) et de Marie Dmitriewna, née Katzareff (1740—1801), fut enrôlé à l'âge de 10 ans sergent à la Garde, et, à 20 ans, affecté comme capitaine à l'état-major du grand maître de l'artillerie. En 1788, au moment de la guerre de Suède, le succès avec lequel il prépara plusieurs centaines de recrues au service de l'artillerie lui valut le grade de major. Il passa la même année lieutenant-colonel au régiment de cavalerie légère de Soumy, et fit la campagne de Turquie, où l'assaut d'Ismaïl lui valut St-Georges de 4e classe. Colonel en 1793, il passa ensuite au régiment des grenadiers à cheval de l'Ordre Militaire et fut mis en non-activité le 1er janvier 1797. Il reprit pourtant du service peu après, et devint le 1er janvier 1801 général major et chef du régiment des hussards de Marioupol. Il donna sa démission au bout d'un an, mais rentra de nouveau au service en 1807 et fut chargé de former le régiment des hussards de Loubny, dont il fut nommé chef et avec lequel il fit la Guerre Patriotique à l'armée de Tormassoff: ses opérations contre les Français en Russie Blanche lui valurent une épée d'or. La campagne de 1813 mit un terme à sa glorieuse carrière: le 15 août, à la bataille de Dresde, il venait d'entamer un carré ennemi, avec les deux régiments d'infanterie qu'il avait ce jour-là sous ses ordres, quand il tomba mortellement frappé de trois balles. Ses compagnons purent l'enlever du champ de bataille, et son régiment, à la nouvelle de son trépas, s'élança sans commandement et fit un grand carnage dans les rangs ennemis. Transporté dans une auberge voisine, il succomba le soir même; son corps y fut laissé, mais ne put ensuite être retrouvé, et sa veuve lui éleva un monument à Kulm. Une gravure qui le représente blessé, soutenu à cheval par des hussards et des compagnons d'armes, porte la double légende ci-dessous, en vers russes:

„Véritable héros, dans la guerre sanglante,
„Avec gloire il servit, avec gloire il mourut.
„On ne saurait sur lui verser d'amères larmes:
„D'amour pour la Patrie il a donné l'exemple!"

Et en vers francais:

„Les Russes, les Germains honorent sa mémoire,
„Et de son dévouement reconnaissent le prix.
„Mourant au sein de la victoire,
„Il vécut assez pour sa gloire,
„Mais pas assez pour son pays".

A une excellente instruction Mélissino joignait un esprit pénétrant, un caractère ardent, une bravoure à toute épreuve, de la magnanimité et une libéralité poussée jusqu'à la prodigalité. Très bien de sa personne, svelte et gracieux, il passait de plus pour un des meilleurs cavaliers de Russie. Ce fut lui qui servit de modèle à Falconet pour la statue de Pierre-le-Grand: il arrivait à cheval sur une estrade dressée à cet effet, et là, faisait prendre à sa monture la pose qu'on voit au monument de la Place du Sénat. Ce fut encore lui qui jeta les bases de l'élevage des chevaux en Nouvelle-Russie. Possesseur d'une grosse fortune, il avait plusieurs haras et en emmenait toujours un avec lui en campagne, pour en distribuer les produits à ses officiers, dont le bien-être matériel était l'objet de toute sa sollicitude. Avec ses hommes du régiment de Loubny, recrutés dans toutes les classes de la société, il était des plus sévères, ne leur ménageant pas les châtiments corporels; exigeant pour les officiers dans le service, il leur donnait d'ailleurs l'exemple en tout, et toute sa sévérité ne l'empêcha pas de se concilier l'affection de ses subordonnés de tout rang. Au feu, toujours le premier en avant, il fit au jeune régiment de Loubny sa réputation d'intrépidité. Mais, sévère et exigeant comme il se montrait, il était pour sa part d'une grande insubordination, et toujours en démêlés avec ses chefs. Il avait épousé en 1787 la fille du grand ban de Valachie, la princesse Alexandrine Cantacuzène († 1828), mais n'eut pas d'enfants et fut le dernier de sa race.

(D'après un original de Dawe, appartenant à A. Vatazi, St-Pétersbourg.)

Графъ ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ фонъ-деръ-ПАЛЕНЪ, 1778—1864, сынъ извѣстнаго дѣятеля царствованія Павла I, графа (до 1799 г. барона) Петра Алексѣевича (р. 1745 г., † 1826 г.), отъ брака съ баронессой Юліаной Ивановной Шепшингъ (р. 1751 г., † 1814 г.), родился въ 1778 г. и 12 лѣтъ записанъ былъ вахмистромъ въ Конную гвардію; 1 Января 1792 г. былъ произведенъ въ ротмистры въ Оренбургскій драгунскій полкъ, въ 1793 г., въ чинѣ премьеръ-майора, назначенъ оберъ-провіантмейстеромъ, затѣмъ въ теченіе 4 лѣтъ служилъ въ полкахъ: Московскомъ карабинерномъ, Нижегородскомъ драгунскомъ и лейбъ-Кирасирскомъ Его Величества. Зачисленный въ 1798 г. снова въ Конную гвардію, Паленъ черезъ 11 дней вышелъ въ отставку, съ чиномъ полковника, но менѣе чѣмъ черезъ годъ опять поступилъ на службу и назначенъ адъютантомъ къ отцу. Въ 1800 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры и назначенъ шефомъ Каргопольскаго драгунскаго полка, а въ 1801 г. Сумского гусарскаго. Въ 1806 г. началась блестящая боевая дѣятельность Палена. Войны съ Наполеономъ дали ему Георгія трехъ степеней: 4-й—за Лопачинъ, 3-й—за Прейсишъ-Эйлау и 2-й—за Парижъ. Въ 1810 г. онъ получилъ дивизію, въ 1812 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а съ 1815 по 1823 г. командовалъ резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ. Послѣ четырехлѣтняго пребыванія въ отставкѣ, Паленъ, въ 1827 г., былъ снова принятъ на службу, произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи и получилъ званіе генералъ-адъютанта. Въ 1829 г., во главѣ 2-го пѣхотнаго корпуса, онъ участвовалъ въ Турецкой войнѣ, а въ 1831 г., командуя 1-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, дѣйствовалъ противъ поляковъ. Въ 1834 г. Паленъ назначенъ членомъ Государственнаго и Военнаго совѣтовъ, а въ 1835 г.—посломъ въ Парижъ. Николай I такъ выразился о немъ, послѣ его назначенія въ Парижъ, въ разговорѣ съ французскимъ посломъ Барантомъ: „Celui-là est l'homme de mon choix, il fera de la diplomatie comme je le conçois, en loyal militaire; je suis reconnaissant de ce qu'il a cédé à mes instances et accepté ce poste“. „О достоинствѣ, съ какимъ онъ занималъ мѣсто русскаго представителя при дворѣ Людовика-Филиппа“, говоритъ графъ М. Д. Бутурлинъ въ своихъ запискахъ, „можно составить себѣ понятіе изъ слѣдующаго случая. Освѣдомившись однажды, что на одномъ изъ Парижскихъ театровъ репетировалась пьеса, въ коей были оскорбительныя для Россіи выходки, графъ Паленъ обратился съ просьбою къ тамошнему министерству двора о запрещеніи на сценѣ этой пьесы, но получилъ въ отвѣтъ, что, по существующимъ законамъ о театральной цензурѣ, невозможно де министерству запретить заранѣе подобной пьесы, а что, впрочемъ, если окажется въ ней что-либо оскорбительное для державъ, находящихся въ дружескихъ отношеніяхъ съ Франціей, то дирекція театра (или авторъ пьесы) подвергнется денежному штрафу. На этотъ отзывъ графъ Паленъ объявилъ рѣшительно, что если требованія его не уважатся, то онъ на слѣдующій же день выѣдетъ изъ Парижа, и Людовикъ-Филиппъ запретилъ пьесу.... Въ другой разъ, имѣя исполнить одно изъ приказаній Императора, по мнѣнію графа, неумѣстное, онъ просилъ Государя объ отмѣнѣ таковаго, какъ могущаго имѣть непріятныя для обѣихъ сторонъ дипломатическія послѣдствія. На это Государь отвѣчалъ, что ему (графу) нѣтъ до того дѣла, и что онъ такъ высоко-де себя поставилъ въ Парижѣ, что указанное ему дѣйствіе не повредитъ нисколько ему въ общемъ уваженіи, коимъ онъ тамъ пользуется. „Можетъ-быть, что такъ, Государь“, возразилъ графъ, „но въ такомъ случаѣ будутъ уважать одну лишь личность графа Палена, но мнѣ этого мало: я желаю, чтобы продолжали чтить представителя Россійскаго Императора, кто бы онъ ни былъ!“—Въ 1841 г. Паленъ былъ отозванъ изъ Парижа и въ 1845 г. назначенъ генералъ-инспекторомъ кавалеріи, а въ 1853 г. предсѣдателемъ Комитета о раненыхъ. Въ теченіе своей долговременной службы, продолжавшейся почти три четверти столѣтія, онъ получилъ всѣ ордена до Андрея Первозваннаго съ алмазами включительно. Скончался онъ 19 Апрѣля 1864 года.

(Съ портрета, принадлежащаго графу К. И. Палену, въ С.-Петербургѣ.)

Le comte **PIERRE PÉTROWITCH von der PAHLEN**, 1778—1864, fils du comte (baron avant 1799) Pierre Alexéewitch von der Pahlen (1745—1826), célèbre sous Paul Ier, et de Juliane Ivanowna, née baronne von Schœpping (1751—1814), naquit en 1778, et fut enrôlé à l'âge de 12 ans vaguemestre à la Garde à cheval. Capitaine de cavalerie le 1er janvier 1792 aux dragons d'Orenbourg, puis commissaire général aux vivres en 1793 avec grade de premier major, il passa ensuite quatre ans aux régiments des carabiniers de Moscou, des dragons de Nijni-Novgorod et des Cuirassiers de Sa Majesté. Rentré en 1798 à la Garde à cheval, il n'y resta que onze jours et donna sa démission comme colonel, mais reprit du service moins d'un an plus tard et fut nommé aide de camp de son père. Promu général major en 1800, il fut en même temps fait chef du régiment des dragons de Kargopol, et l'année suivante, de celui des hussards de Soumy. C'est de 1806 que date le début de sa brillante carrière devant l'ennemi. Les guerres napoléoniennes lui valurent trois classes de St-Georges, la 4e à Lopaczyn, la 3e à Preussisch-Eylau et la 2e à Paris. Il reçut une division en 1810, passa en 1812 général lieutenant, et, de 1815 à 1823, commanda un corps de cavalerie de réserve. Après quatre ans de non-activité, il rentra au service en 1827, fut promu général de cavalerie, et obtint la dignité de général aide de camp. En 1829, à la tête du 2e corps d'infanterie, il fit la campagne de Turquie, et, en 1831, commanda le 1er corps d'infanterie lors de l'insurrection de Pologne. Il devint en 1834 membre du Conseil de l'Empire et du Conseil Militaire, et en 1835 ambassadeur à Paris. „Celui-là est l'homme de mon choix", dit l'Empereur Nicolas à l'ambassadeur de France Barante au lendemain de sa nomination: „il fera de la diplomatie comme je le conçois, en loyal militaire; je suis reconnaissant de ce qu'il a cédé à mes instances et accepté ce poste". „Les traits suivants", dit le comte M. Boutourline dans ses Mémoires, „donneront une idée de la manière digne dont il entendait son rôle de représentant de la Russie près la Cour de Louis-Philippe. Il apprit un jour qu'un théâtre parisien faisait la répétition d'une pièce renfermant des passages outrageants pour la Russie, et alla demander au ministère de la Cour d'interdire les représentations. Il lui fut répondu que les lois en vigueur en matière de censure théâtrale ne permettaient pas de prononcer à l'avance une semblable interdiction, et que d'ailleurs, s'il y avait quoi que ce fût d'outrageant pour une puissance amie de la France, la direction ou les auteurs seraient mis à l'amende. Sur ce, Pahlen déclara carrément que, si on ne faisait pas droit à ses réclamations, il quittait Paris dans les vingt-quatre heures. Et Louis-Philippe interdit la pièce.... Une autre fois, trouvant hors de propos un ordre de l'Empereur, il pria S. M. de daigner revenir sur une résolution qui pouvait entraîner des complications diplomatiques fâcheuses pour les deux parties. Il lui fut répondu que ce n'était pas son affaire et que d'ailleurs il était à Paris sur un si bon pied qu'en tout cas il n'avait personnellement rien à craindre pour son bon renom là-bas: „Peut-être bien, Sire", répliqua-t-il, „mais alors c'est peu pour moi d'une considération attachée à la personne du comte Pahlen: j'en veux une qui s'adresse au représentant de l'Empereur de Russie, quel qu'il soit!" Rappelé en 1841, Pahlen fut nommé en 1845 général inspecteur de la cavalerie, et en 1853 président du Comité de secours aux blessés. Dans le cours de sa longue carrière, près de trois quarts de siècle, il avait obtenu toutes les décorations, y compris St-André en diamants. Il mourut le 19 avril 1864.

(D'après un original appartenant au comte C. Pahlen, St-Pétersbourg.)

АЛЕКСѢЙ ѲЕДОРОВИЧЪ ЛЬВОВЪ, 1798—1870, творецъ русскаго народнаго гимна, сынъ директора придворной пѣвческой капеллы Ѳедора Петровича (р. 1772 г., † 1835 г.), отъ перваго его брака съ Надеждой Ильиничной Березиной († 1808 г.), родился 25 Мая 1798 года въ Ревелѣ, гдѣ его отецъ былъ таможеннымъ инспекторомъ. Записанный въ 1805 г. на службу коллегіи-юнкеромъ, съ увольненіемъ домой до окончанія наукъ, онъ получилъ прекрасное домашнее воспитаніе, подъ руководствомъ отца и мачехи, вполнѣ замѣнившей мать осиротѣвшему мальчику. Отъ отца онъ унаслѣдовалъ склонность къ музыкѣ, и Ѳедоръ Петровичъ очень заботился о развитіи рано обнаружившагося таланта сына. Въ 1814 г. Львовъ поступилъ въ Институтъ инженеровъ путей сообщенія и въ 1816 г. окончилъ его первымъ, съ чиномъ прапорщика. Съ 1818 по 1826 г. онъ служилъ по военнымъ поселеніямъ, а въ Ноябрѣ 1826 г. поступилъ на службу въ штабъ корпуса жандармовъ и исполнялъ обязанности секретаря шефа жандармовъ графа Бенкендорфа, сопровождая его также въ поѣздкахъ съ Государемъ. Благодаря этому, Николай I хорошо узналъ Львова и полюбилъ его. Въ Августѣ 1833 г. Государь пожелалъ, чтобы и Россія, подобно западно-европейскимъ государствамъ, имѣла свой народный гимнъ, и поручилъ Львову попытаться сочинить мелодію такого гимна. Львовъ увлекся этой задачей, хотя она и показалась ему очень трудной: „Я чувствовалъ надобность сочинить гимнъ величественный, сильный, чувствительный, для всякаго понятный, имѣющій отпечатокъ національности, годный для церкви, годный для войска, годный для народа, отъ ученаго до невѣжды“. Вдохновленный желаніемъ осуществить царскую мысль, онъ въ началѣ Ноября написалъ мелодію гимна внезапно, въ нѣсколько минутъ, на слова Жуковскаго; 23 Ноября гимнъ былъ исполненъ придворнымъ хоромъ при участіи двухъ военныхъ оркестровъ. Государь, прослушавъ произведеніе Львова нѣсколько разъ, произнесъ: „C'est superbe“, и приказалъ ввести исполненіе гимна въ войскахъ. Львовъ былъ награжденъ золотой, осыпанной брильянтами, табакеркой съ портретомъ Государя, а въ 1838 г. слова „Боже, Царя храни!“ внесены были въ его гербъ. 6 Декабря 1833 г. было первое публичное исполненіе гимна въ Москвѣ, въ Большомъ театрѣ, встрѣченное публикой восторженно. Въ 1834 г. Львовъ, переведенный незадолго до того въ Кавалергардскій полкъ, съ оставленіемъ въ прежней должности, получилъ званіе флигель-адъютанта. Въ 1837 г. онъ былъ сдѣланъ преемникомъ своего отца по должности директора придворной пѣвческой капеллы, но службу при Бенкендорфѣ оставилъ только въ 1842 году. Въ 1840 г. Львовъ отправился за границу и во время своего путешествія познакомился съ западно-европейскими музыкальными знаменитостями. Возвратившись изъ путешествія, Львовъ отдался почти исключительно служенію музыкѣ: старался развить въ обществѣ вкусъ къ камерной музыкѣ путемъ устройства концертовъ, осуществилъ съ помощью Ломакина трудную работу гармонизаціи и приведенія въ порядокъ годичнаго обихода церковнаго пѣнія, самъ сочинилъ 48 духовныхъ произведеній и много свѣтскихъ вещей, въ томъ числѣ и нѣсколько оперъ, не имѣвшихъ, впрочемъ, успѣха. Духовныя произведенія Львова отличаются художественностью обработки и стремленіемъ избѣжать искусственности; благодаря своей мелодичности, они получили большое распространеніе. Императоръ Николай I, по его собственнымъ словамъ, не могъ безъ слезъ слушать „Отче нашъ“ Львова. Помимо композиторскаго таланта, Львовъ былъ выдающійся скрипачъ-квартетистъ, пріобрѣвшій почетную извѣстность и за границей, несмотря на то, что онъ былъ въ сущности не музыкантъ по профессіи, а только дилетантъ. Шуманъ восторженно отзывался о его исполненіи и писалъ, что онъ „ist ein so merkwürdiger seltener Spieler, dass er den ersten Künstlern überhaupt an die Seite zu stellen ist“. Въ 1843 г. Львовъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры свиты Его Величества, въ 1853 г.—въ тайные совѣтники и пожалованъ въ гофмейстеры. Съ 1846 г., вслѣдствіе паденія съ лошади, онъ сталъ глохнуть и въ 1861 г. принужденъ былъ покинуть должность директора капеллы. Пожалованный въ 1862 г. въ оберъ-гофмейстеры, Львовъ въ 1868 г. совсѣмъ лишился слуха и покинулъ Петербургъ. 16 Декабря 1870 г. онъ скончался въ своемъ имѣніи Романь, близъ Ковны, и погребенъ въ Пожайскомъ монастырѣ. Отъ брака съ Прасковьей Аггеевной Абазой (р. 1817 г.) онъ имѣлъ сына Ѳедора (р. 1842 г.) и 2 дочерей: Прасковью (р. 1844 г.; за Вакселемъ) и Александру (р. 1846 г.).

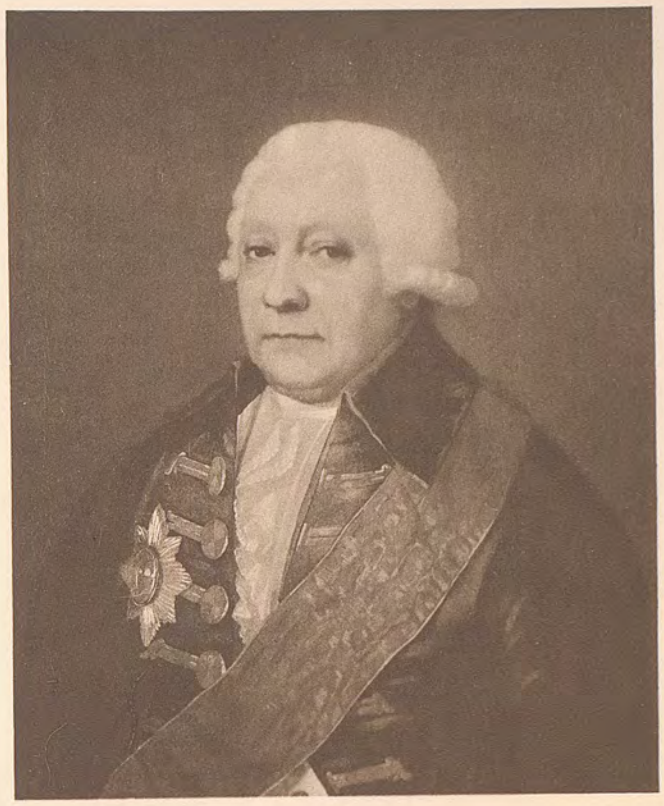
(Съ портрета Олешкевича, 1823 г.; собственность Е. А. Львовой, въ С.-Петербургѣ.)

ALEXIS FÉODOROWITCH LVOFF, 1798—1870, l'auteur de l'hymne national russe, fils du directeur de la Chapelle de la Cour, Théodore Pétrowitch Lvoff (1772—1835), et de sa première femme Nadejda Ilyinitchna Bérézine († 1808), naquit le 25 mai 1798 à Rével, où son père était inspecteur des douanes. Enrôlé au service en 1805 comme gentilhomme de collège, et laissé en disponibilité pour achever ses études, il reçut dans sa famille une excellente éducation sous la direction de son père et de sa belle-mère, qui fut vraiment pour lui une mère. Il tenait de son père de bonnes aptitudes pour la musique, que celui-ci s'empressa de développer au plus tôt. Entré en 1814 à l'Ecole des Ponts et Chaussées, le jeune homme en sortit premier deux ans plus tard, avec le grade de porte-enseigne. Il fut affecté en 1816 aux colonies militaires, et y resta jusqu'en novembre 1826, où il passa à l'état-major du corps des gendarmes et remplit les fonctions de secrétaire du chef des gendarmes, le comte Benkendorff, qu'il accompagnait aussi dans ses déplacements avec l'Empereur. C'est ainsi que Nicolas Ier eut l'occasion de le voir et le prit en affection. En août 1833, S. M. voulut doter la Russie, à l'exemple des autres états de l'Europe, d'un hymne national, et chargea Lvoff de composer la mélodie convenable. La tâche était ardue, mais il la prit à cœur: „Je sentais qu'il s'agissait de trouver quelque chose de majestueux, de puissant, de pénétrant, quelque chose qui fût à la portée de tout le monde, qui eût un cachet bien national, et qui convînt à la fois à l'église, à l'armée et au peuple entier, du savant à l'ignorant". Animé du désir de répondre à l'appel de S. M., il composa sa mélodie au commencement de novembre, impromptu, en quelques minutes, sur des paroles de Joukowsky, et, le 23, l'hymne fut exécuté par les chœurs de la Chapelle de la Cour, avec accompagnement de deux orchestres militaires. L'Empereur le fit recommencer plusieurs fois, déclara: „C'est superbe!" et donna l'ordre de l'introduire dans l'armée. Il offrit ensuite à l'auteur une tabatière en or incrustée de brillants et ornée de son portrait; plus tard, en 1838, Lvoff reçut l'autorisation d'ajouter à ses armes la devise: Dieu, sauve le Tzar! Le 6 décembre 1833, la première exécution publique, à Moscou, au Grand Théâtre, souleva un véritable enthousiasme. En 1834, Lvoff, qui venait de passer aux Chevaliers-Gardes tout en conservant ses fonctions, fut fait aide de camp de Sa Majesté. Appelé en 1837 à succéder à son père comme directeur de la Chapelle de la Cour, il ne quitta pourtant Benkendorff qu'en 1842. Au cours d'un voyage à l'étranger en 1840, il fit connaissance avec les célébrités musicales de l'Europe et, à son retour, se consacra presque exclusivement à son art, organisant des concerts pour répandre dans la société le goût de la musique de chambre, menant à bien, avec le concours de Lomakine, la tâche difficile d'harmoniser et de réorganiser le chant sacré du commun des offices, enfin, composant lui-même quarante-huit œuvres sacrées et bon nombre de pièces profanes, entre autres quelques opéras qui n'eurent d'ailleurs aucun succès. Sa musique sacrée se distingue par sa facture artistique, son souci d'éviter le convenu et les qualités mélodiques qui lui assurèrent une grande vogue. L'Empereur Nicolas Ier disait lui-même qu'il ne pouvait entendre le Pater de Lvoff sans verser des larmes. Outre son talent de compositeur, Lvoff était un quartettiste-violoniste de mérite, et se fit comme tel une bonne notoriété à l'étranger, tout dilettante qu'il était au fond, et non professionnel. Schumann appréciait fort son exécution et lui trouvait „un jeu merveilleux, hors de pair, qui le met sans conteste au rang des premiers artistes". En 1843, Lvoff fut promu général major de la Suite de Sa Majesté, puis, en 1853, fait conseiller privé et maître de la Cour. Une chute de cheval en 1846 le fit devenir sourd peu à peu, et, en 1861, il dut abandonner la Chapelle. Grand maître de la Cour en 1862, il perdit complètement l'ouïe en 1868 et quitta Pétersbourg. Il mourut le 16 décembre 1870 dans sa propriété de Romane, près Kovno, et fut inhumé au monastère Pojaïsky. Il eut de son mariage avec Prascovie Agguéewna Abaza (née 1817) un fils, Théodore (né 1842), et deux filles, Prascovie (née 1844), mariée à Wachsel, et Alexandrine (née 1846).

(D'après un original d'Olechkéwitch, 1823, appartenant à Mme C. Lvoff, St-Pétersbourg.)

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи
№ 3966

176



Иванъ Ивановичъ Мелиссино,
1718 — 1795

Ivan Ivanowitch Mélissino,
1718 — 1795

177

Пис. Дау

Peint par Dawe

Алексѣй Петровичъ Мелиссино,
1761 — 1813

Alexis Pétrowitch Mélissino,
1761 — 1813

178

Графъ Петръ Петровичъ Паленъ,
1778 — 1864

Le Comte Pierre Pétrowitch Pahlen,
1778 — 1864

179

Пис. Олешкевичъ, 1823 г.

Peint par Olechkewitch, 1823

Алексѣй Ѳедоровичъ Львовъ,
1798 — 1870

Alexis Féodorowitch Lvoff,
1798 — 1870

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГАЛЕРЕИ

ПРОКОФІЙ АКИНѲІЕВИЧЪ ДЕМИДОВЪ, 1710—1786, старшій сынъ знаменитаго горнозаводчика, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Акинѳія Никитича Демидова, отъ перваго брака его съ Авдотьей Тарасовной Коробковой, родился 8 Іюля 1710 года. Получивъ отъ отца огромное состояніе, П. А. Демидовъ, по его выраженію, „тѣ жъ самыя пользы государству трудами своими доставлялъ, каковы были отъ его предковъ“. За щедрыя благотворенія П. А. Демидовъ получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Онъ умеръ въ Москвѣ 4 Ноября 1786 года и погребенъ въ Донскомъ монастырѣ. Отъ первой своей жены Матрены Антиповны Пастуховой у него было 4 сына; отъ Татьяны Васильевны Семеновой, съ которой онъ повѣнчался послѣ долгаго сожительства лишь за два года до смерти, онъ имѣлъ 4 дочерей.

Живавшій за границей, водившій знакомство съ вельможами и принимавшій у себя даже Римскаго Императора Іосифа II, П. А. Демидовъ остался самородкомъ, чисто русской, широкой натурой. Письма его писаны оригинальнымъ простонароднымъ языкомъ; выраженія, въ родѣ „таперя“, „войтить“, „коностасъ“, ѣдкія грубоватыя шутки, встрѣчаются въ нихъ на каждомъ шагу. Въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ П. А. Демидовъ былъ типичнѣйшимъ „самодуромъ“. Онъ вогналъ въ гробъ свою первую жену; отказался отъ не сумѣвшихъ угодить ему сыновей, выдѣливъ имъ насмѣхъ деревушку съ 30 душами и нарочно продавъ Яковлеву свои богатые заводы. Служащіе должны были „точно и переточно“ исполнять хозяйскую волю; въ противномъ случаѣ слѣдовало грозное хозяйское „цыцъ и перецыцъ“ и недвусмысленное обѣщаніе „раздавить ихъ, какъ лягушекъ“. Его широкая натура развертывалась во всевозможныхъ чудачествахъ и безчинствахъ. Бравируя своимъ происхожденіемъ отъ кузнеца, П. А. Демидовъ былъ въ постоянной оппозиціи дворянамъ и чиновникамъ, которые, по его выраженію, „водятъ за носъ“ такихъ, какъ онъ, „мохнорылыхъ“. Онъ никогда не могъ отказать себѣ въ удовольствіи вывалять въ меду и потомъ въ пуху квартальнаго или оттузить пришедшаго къ нему по долгу службы какого-нибудь секретаря Юстицъ-Коллегіи, съ полной готовностью заплатить потомъ за „безобразіе“ и „побитымъ за изъянъ“. Екатерина II косилась на проказы Демидова тѣмъ болѣе, что своеобычный богачъ не всегда помнилъ черту, отдѣлявшую простыхъ смертныхъ отъ ихъ „богоподобной“ повелительницы. Императрица негодовала на „дерзкаго болтуна“ и грозилась, что „принуждена будетъ его унимать“; но обыкновенно какъ разъ въ это время или Демидовъ дѣлалъ милліонное пожертвованіе на Воспитательный Домъ, или казнѣ приходилось перехватить у него милліона четыре, и щедрый богачъ за такіе „благонамѣренные подвиги“ моментально изъ разряда „вралей“ переводился въ разрядъ „добрыхъ гражданъ“. Но этотъ грубый и взбалмошный человѣкъ имѣлъ и положительныя качества. Онъ былъ разумнымъ сторонникомъ прогресса: воспитывалъ своихъ сыновей въ Гамбургѣ, устроилъ Коммерческое училище для купеческихъ сыновей, мечталъ о томъ, что русскіе купцы будутъ „конторы заводить“ за границей. Демидовъ былъ щедрымъ благотворителемъ и меценатомъ. Конечно, въ этомъ дѣлѣ играло извѣстную роль и чисто мѣщанское самолюбіе и честолюбіе: внуку кузнеца было лестно, что о получаемыхъ имъ „отличныхъ и знаменитыхъ почестяхъ“ было „всей публикѣ знать дано“; ему была пріятна „особая рѣчь“, которой его привѣтствовало Вольное Россійское Собраніе, а послѣ того, какъ на университетскомъ актѣ ему была произнесена благодарственная рѣчь „отъ молодого студента“, растроганный милліонеръ немедленно раскошелился и „приложилъ“ еще 10.000 рублей. Надо отдать ему справедливость, что разъ онъ брался за какое-либо дѣло, онъ добросовѣстно отдавался ему, заботясь прежде всего о „полезности“. „Горячность исправить“ всякое упущеніе дѣлала Демидова нестерпимымъ для людей, погрязшихъ въ рутинѣ и казнокрадствѣ, и Опекунскій Совѣтъ просилъ у Бецкаго „защиты отъ причиняемыхъ ему“ безпокойнымъ жертвователемъ „огорченій и обидъ при распространеніи имъ сомнительныхъ толковъ насчетъ справедливости и честности членовъ Совѣта“. Этотъ грубый человѣкъ былъ склоненъ къ самымъ идиллическимъ занятіямъ: любилъ пѣвчихъ птицъ и, „какъ жадный, веселился“ на свои цвѣтники и теплицы. Этотъ человѣкъ, повидимому, преданный плоти, способенъ былъ возвыситься до истинной религіозности: „Благодари Господа за все, не проси Его ни о чемъ“, внушалъ онъ своей любимой дочери. Случалось ли какое несчастіе, Демидовъ смиренно объяснялъ его тѣмъ, что „за грѣхи наши Богъ такъ благословилъ“. Богатство его не ослѣпляло: онъ умѣлъ отличить ложь отъ истины и отводилъ льстецу подобающее ему мѣсто; въ то же время онъ любилъ смѣлыхъ людей, которые его „оговаривали и учили“.

(Съ портрета Левицкаго; собственность П. А. Демидова, въ С.-Петербургѣ.)

PROCOPE AKINFIEWITCH DÉMIDOFF, 1710—1786, fils aîné du célèbre usinier et conseiller d'état actuel Hyacinthe Nikititch Démidoff et de sa première femme Eudoxie Tarassowna Korobkoff, naquit le 8 juillet 1710. Avec l'immense fortune que lui avait laissée son père, il travailla, disait-il lui-même, „pour le bien de l'Etat, tout comme l'avaient fait ses ancêtres". Ses bienfaisantes libéralités lui valurent le rang de conseiller d'état actuel. Il mourut à Moscou le 4 novembre 1786, et fut inhumé au monastère Donskoï. De sa première femme, Matrone Antipowna Pastoukhoff, il eut quatre fils; de la seconde, Tatiana Vassiliewna Sémenoff, avec laquelle il avait vécu longtemps lorsqu'il l'épousa peu avant de mourir, quatre filles.

Au cours de séjours prolongés à l'étranger, et malgré la fréquentation des personnages les plus haut placés, car il reçut même chez lui l'Empereur Joseph II, Démidoff ne dépouilla jamais sa gangue primitive et conserva sa „large nature russe". Ses lettres, écrites dans un langage populaire fort pittoresque, sont émaillées d'expressions vulgaires et de bonnes grosses plaisanteries bien mordantes. Pour qui avait affaire à lui, c'était un type des plus déconcertants. C'est lui qui précipita sa première femme au tombeau, et ses fils, qui avaient eu le malheur de lui déplaire, il les renia, leur donna à se partager un lopin de terre de 30 têtes de paysans, et vendit exprès ses riches usines à Yakovleff. Ses gens étaient menés au doigt et à l'œil, et gare aux délinquants! Il allait lui-même mettre le holà, et ce n'était nullement une manière de parler que sa menace de „les écraser comme des crapauds!" Sa „large nature" se donnait carrière en toute espèce d'excentricités et de licences. Fils de chaudronnier, comme il était fier de s'appeler lui-même, il avait toujours maille à partir avec les nobles et gens en place qui, disait-il, „mènent par le bout du nez" les „poilus" comme lui. Aussi ne se refusait-il jamais le plaisir de faire saucer dans le miel, puis rouler dans le duvet son commissaire de police, ni d'étriller d'importance le secrétaire du Collège de Justice qui pouvait se présenter pour affaires de service: toujours prêt, d'ailleurs, à payer ensuite pour la fantaisie qu'il s'était passée et à désintéresser ses victimes. Catherine II ne voyait guère tout cela d'un bon œil, d'autant plus qu'il était porté à oublier quelquefois la distance qui séparait les simples mortels de l'Impériale Divinité. Outrée de ses audacieuses algarades, elle menaçait de „le mettre à la raison", et c'était précisément le moment qu'il choisissait pour faire aux Enfants-Trouvés un cadeau d'un million ou pour en prêter quatre au Trésor, „généreux exploits" qui le faisaient passer instantanément de la catégorie des „hâbleurs" dans celle des „bons citoyens". A côté de tant de grossièreté et d'incohérence, il avait pourtant des qualités réelles. Homme de progrès éclairé, il fit élever ses fils à Hambourg, fonda une Ecole Commerciale pour les enfants de négociants et rêva pour les maisons russes l'établissement d'agences à l'étranger. De plus, il pratiqua une large bienfaisance et se montra généreux mécène; ici, sans doute, sa vanité et son ambition de petit bourgeois avaient bien leur rôle: le petit-fils du chaudronnier était flatté de la large publicité donnée aux „insignes et notables distinctions" qui lui étaient conférées, il était heureux de l'„allocution particulière" par laquelle il fut accueilli au sein de l'Assemblée Russe Libre, et lorsqu'à la solennité annuelle de l'Université, un „jeune étudiant" lui eut adressé un discours de remercîment, le millionnaire touché se mit en frais et ajouta encore 10.000 roubles. Il faut aussi lui rendre justice: quoi qu'il entreprît, il s'y mettait de tout cœur, tenant avant tout à faire œuvre utile. Son acharnement contre toute espèce de négligence le rendait intolérable aux amis impénitents de la routine et des malversations, et le Conseil de Tutelle dut implorer la protection de Betzky contre les „désolantes et outrageantes" insinuations du turbulent bienfaiteur qui „répandait des bruits équivoques sur l'équité et la probité des membres de l'assemblée". Ce rustaud était homme à s'oublier aux passe-temps les plus idylliques: il aimait les oiseaux chanteurs et „jouissait avidement" de ses parterres et de ses serres. Sans doute esclave de la chair, il savait s'élever jusqu'à la véritable religiosité: „Remercie le Seigneur de tout, ne lui demande rien", sermonnait-il sa fille préférée. Au cas de quelque malheur: „C'est Dieu qui nous bénit pour nos péchés", disait-il. Il ne se laissait pas aveugler par la fortune, savait discerner le faux du vrai et remettre le flatteur à sa place; il aimait en même temps qu'on prît la liberté de lui faire „des remontrances et des leçons".

(D'après un original de Lévitzky, appartenant à P. Démidoff, St-Pétersbourg.)

181

ГРИГОРІЙ АКИНѲІЕВИЧЪ ДЕМИДОВЪ, 1715—1761, второй сынъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Акинѳія Никитича Демидова отъ перваго брака съ Авдотьей Тарасовной Коробковой, родился 14 Ноября 1715 года. Онъ извѣстенъ гораздо менѣе, чѣмъ его братья, старшій Прокофій и младшій Никита. Свою сравнительно недолгую жизнь Г. А. Демидовъ посвятилъ расширенію горныхъ промысловъ, оставленныхъ ему его отцомъ, и къ полученнымъ въ наслѣдство четыремъ горнымъ заводамъ онъ прибавилъ еще два, устроенные имъ самимъ. Онъ, повидимому, былъ человѣкъ, понимавшій цѣну просвѣщенія, ибо не только щедро благотворилъ Московскому университету, но и далъ самое тщательное образованіе своимъ сыновьямъ.

Г. А. Демидовъ умеръ 15 (13) Ноября 1761 года и погребенъ въ семейномъ склепѣ подъ церковью Рождества Христова, въ г. Тулѣ. Отъ брака съ Настасьей Павловной Суровцевой онъ имѣлъ 3 сыновей, Александра, Павла, основателя Демидовскаго лицея въ Ярославлѣ, и Петра, и 5 дочерей, изъ которыхъ Пульхерія была за Александромъ Филипповичемъ Кокориновымъ, Хіонія—за Александромъ Стахѣевичемъ Стахіевымъ и NN—за Григоріемъ Никитичемъ Даниловымъ.

(Съ миніатюры, принадлежащей П. А. Демидову, въ С.-Петербургѣ.)

GRÉGOIRE AKINFIEWITCH DÉMIDOFF, 1715—1761, second fils du conseiller d'état actuel Hyacinthe Nikititch Démidoff et de sa première femme Eudoxie Tarassowna Korobkoff, naquit le 14 novembre 1715. Il est beaucoup moins connu que ses frères, l'aîné Procope et le cadet Nikita. Il consacra sa carrière relativement courte à développer les industries minières qu'il tenait de son père: aux quatre usines dont il avait hérité il en ajouta deux autres créées par lui-même. Il comprenait sans doute le prix de l'instruction, car non seulement il fit à l'université de Moscou de généreuses donations, mais encore dota ses fils d'une éducation des plus soignées.

Démidoff mourut le 15 (13) novembre 1761, et fut inhumé dans sa sépulture de famille, dans la crypte de l'église de la Nativité, à Toula. Il avait épousé Nastasie Pavlowna Sourovtzeff, dont il eut trois fils, Alexandre, Paul, fondateur du Lycée Démidoff à Yaroslavl, et Pierre, et cinq filles, Pulchérie, mariée à Alexandre Filippowitch Kokorinoff, Khionie à Alexandre Stakhéewitch Stakhieff, et trois autres, dont une fut mariée à Grégoire Nikititch Daniloff.

(D'après une miniature appartenant à P. Démidoff, St-Pétersbourg.)

НИКИТА АКИНѲІЕВИЧЪ ДЕМИДОВЪ, 1724—1789, третій сынъ горнозаводчика, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Акинѳія Никитича Демидова, единственный отъ второго его брака съ Евѳиміей Ивановной Пальцевой, родился на берегу рѣки Чусовой, во время путешествія его родителей изъ Сибири въ Тулу, 8 Сентября 1724 года. Получивъ отъ отца пять горныхъ заводовъ и 10.000 душъ крестьянъ, П. А. Демидовъ устроилъ еще два завода. Екатерина II пожаловала ему чинъ статскаго совѣтника, а Понятовскій украсилъ его орденомъ св. Станислава. Н. А. Демидовъ умеръ въ 1789 году. Первые два брака его, 1) съ Настасьей Яковлевной Евреиновой и 2) съ Маріей Сверчковой, остались безплодными. Отъ третьяго брака, съ Александрой Евтихіевной Сафоновой, онъ имѣлъ сына Николая и дочерей Екатерину (за С. Л. Львовымъ) и Марію (за Д. Н. Дурново).

Н. А. Демидовъ отличался крутымъ нравомъ и прижимистой скупостью. Покупаемые имъ крестьяне, наслышавшись о его свирѣпости, не разъ заявляли, что они „всѣ готовы помереть, а за Демидовымъ быть не хотятъ“, и вели формальную войну съ посылаемыми на нихъ экзекуціонными отрядами. Рабочіе на заводахъ Демидова жаловались на чрезвычайно низкую плату. Самодурствомъ Н. А. Демидовъ напоминалъ своего старшаго брата Прокофія, но Прокофій отличался широкимъ размахомъ, былъ гораздо добродушнѣе и, главное, несравненно умнѣе. Чванный и мелочной Н. А. Демидовъ любилъ разыгрывать роль мецената и просвѣщеннаго человѣка и добился званія почетнаго члена Академіи Художествъ и Вольнаго Экономическаго Общества. Заграничное путешествіе, предпринятое Демидовымъ въ 1771—73 годахъ, съ его третьею женою, превосходно рисуетъ его характеръ и привычки. Только разъ, въ Фрейбергѣ, Демидовъ вспомнилъ, что онъ горнозаводчикъ, и полѣзъ было въ знаменитый рудникъ, но, спустившись яко бы „съ великою опасностью“, по 15 лѣстницамъ, „поспѣшилъ вылѣзть вонъ“. Точно такъ же посѣщеніе медицинскихъ свѣтилъ, „паренье въ горячихъ ключахъ“ и питье „ишачьяго молока для наведенія тѣла“ имѣли второстепенное значеніе, а главною цѣлью путешествія было желаніе показать себя „проницательными и великій вкусъ имѣющими людьми“ и накупить поэтому множество „нужныхъ вещей“, нужныхъ только потому, что все равно некуда было дѣвать денегъ. Демидовы покупали все, что попадалось на глаза: деревья и картины, японскіе большіе горшки и математическіе инструменты, „гротесковыя раковины“ и „порцелиновыя вазы“, „собачку мѣдную для накладки на книжки“ и „рыноцеросовъ рогъ“.... Будучи несомнѣнными parvenus, Демидовы заботились о томъ, чтобы все у нихъ было такъ, какъ это принято въ аристократическомъ обществѣ. Они вели пышную и открытую жизнь; званые обѣды, „гульбища“, спектакли и великосвѣтскіе визиты поглощали у нихъ все время, остававшееся отъ поверхностнаго и требуемаго хорошимъ тономъ равнодушнаго обозрѣнія памятниковъ архитектуры и искусства. Хорошій тонъ требовалъ въ то время вести переписку съ Вольтеромъ, и Демидовъ завелъ такую переписку. Попутно онъ старался показать себя знатокомъ политики и литературы, то „пользуясь разумными разговорами съ Мармонтелемъ“, то „разсуждая о многихъ важныхъ матеріяхъ“ въ салонѣ г-жи Жофренъ. Демидовы не считали достойнымъ себя спускаться ниже самыхъ вершинъ аристократическаго заграничнаго общества. Богатство было хорошей рекомендаціей, и Демидовы видѣли вниманіе со стороны высокихъ особъ: въ Дрезденѣ мать курфюрста прислала для нихъ „пребогатую карету“, въ Римѣ ихъ „надѣлилъ благословеніемъ святѣйшій папа Ганганелій“ (Климентъ XIV), въ Неаполѣ они удостоились „конверзаціи съ принцессой Бельмонте“... Но это не могло удовлетворить ненасытнаго чванства Демидовыхъ; они стремились выше въ волшебную область С.-Джэмскаго и Версальскаго дворовъ: въ Парижѣ они терлись около придворныхъ сферъ, и Демидова нарочно ѣздила въ Оперу, „дабы видѣть дофиншу“; въ Лондонѣ, не довольствуясь изысканнымъ „обществомъ милордовъ съ ихъ супругами“, они добились того, что были допущены на придворный балъ и удостоились лицезрѣнія королевской фамиліи. Къ довершенію всего, Никита Демидовъ смотрѣлъ на подобное препровожденіе времени, какъ на какой-то великій подвигъ, который долженъ стяжать ему славу у современниковъ. Описаніе этого путешествія было издано Демидовымъ, съ приложеніемъ портрета высокороднаго путешественника въ звѣздѣ и лентѣ, и самъ Демидовъ, повидимому, былъ серіозно увѣренъ, что рожденіе у него сына по возвращеніи въ Россію было ниспослано „какъ бы въ награжденіе за его столь дальнее и многотрудное путешествіе“.

(Съ миніатюры, принадлежащей П. П. Дурново, въ С.-Петербургѣ.)

NIKITA AKINFIEWITCH DÉMIDOFF, 1724—1789, troisième fils de l'usinier et conseiller d'état actuel Hyacinthe Nikititch Démidoff et unique enfant de son second mariage avec Euphémie Ivanowna Paltzeff, naquit sur les bords de la Tchoussova, comme ses parents revenaient de Sibérie à Toula, le 8 septembre 1724. Aux cinq usines qu'il tenait de son père avec 10.000 têtes de paysans, il en ajouta deux autres. Catherine II le fit conseiller d'état actuel, et Poniatowsky chevalier de St-Stanislas. Il mourut en 1789. Il avait épousé en premières noces Nastasie Yakovlewna Evréinoff, en secondes noces Marie Svertchkoff, qui ne lui donnèrent d'enfants ni l'une ni l'autre, et en troisièmes noces Alexandrine Evtikhiewna Safonoff, dont il eut un fils, Nicolas, et deux filles, Catherine, mariée à S. Lvoff, et Marie à D. Dournovo.

Démidoff était d'une humeur intraitable et d'une avarice sordide. Des paysans qu'il avait achetés, informés de sa dureté, répétèrent qu'ils étaient „tous prêts à mourir plutôt que d'être à Démidoff", et firent une guerre en règle aux détachements envoyés contre eux. A ses usines, les ouvriers se plaignaient de ne toucher qu'un salaire dérisoire. Son excentricité rappelait son frère aîné Procope, qui, du moins, avait le geste large, bien meilleur caractère, et surtout incomparablement plus d'esprit. D'une ostentation et d'une mesquinerie qui le portaient à se donner des airs de mécène et d'homme éclairé, il se fit nommer membre honoraire de l'Académie des Beaux-Arts et de la Société Economique Libre. Son voyage à l'étranger avec sa troisième femme en 1771—1773 donne une excellente idée de son caractère et de ses habitudes. Une fois seulement, à Freiberg, il se rappela qu'il était métallurgiste et eut une velléité de visiter la fameuse mine, mais, après avoir descendu une quinzaine d'échelles, soi-disant „avec grand danger", il „se hâta de ressortir". De même les visites aux célébrités médicales, „bains de vapeur aux sources chaudes" et ingestions de „lait de mule pour faire engraisser", tout cela n'avait qu'une importance secondaire: l'essentiel était d'avoir l'air de „gens pénétrants et d'un goût parfait", et d'acheter en conséquence une foule „d'objets utiles", utiles tout bonnement faute de savoir que faire de son argent. Ils achetaient tout ce qui leur tombait sous la main, arbres et tableaux, vases du Japon et instruments de mathématiques, „coquilles grotesques" et vases de porcelaines, „un chien en cuivre comme presse-papier" et „une corne de rhinocéros".... Parvenus s'il en fut, les Démidoff s'évertuaient à se donner des allures aristocratiques. Ils menaient grand train et recevaient; invitations à dîner, promenade, spectacles et relations mondaines absorbaient tout le temps que leur laissait la visite de rigueur, pour eux superficielle et fastidieuse, aux monuments d'architecture et d'art. Démidoff fit encore au bon ton le sacrifice de se mettre en correspondance avec Voltaire. Il se donna en passant des airs de connaisseur de politique et de littérature, tantôt „profitant de la sage conversation de Marmontel", tantôt „dissertant de nombreuses et importantes matières" dans le salon de Mme Geoffrin. Les voyageurs estimaient indigne d'eux de quitter le niveau de la plus fine fleur de l'aristocratie. La richesse était une recommandation suffisante, et ils se virent honorés des égards de personnalités princières: à Dresde, la mère de l'Electeur leur envoya „un carrosse des plus riches"; à Rome, ils reçurent „la bénédiction du Très Saint Père Ganganelli" (Clément XIV), à Naples, ce fut une conversation avec la princesse Belmonte. Mais c'était encore trop peu pour leur insatiable ostentation; ils visèrent plus haut, dans la féérique région des Palais de St-James et de Versailles: à Paris, il leur fallut le contact du monde de Cour et Madame alla à l'Opéra exprès „pour voir la Dauphine"; à Londres, non contents de l'exquise „société des milords et de leurs épouses", ils réussirent à se faire admettre à un bal de la Cour et purent ainsi contempler les personnes de la famille Royale. Et pour comble, Démidoff considérait le tout comme un exploit magnifique, un titre de gloire près des contemporains. Il publia une relation de son voyage, ornée du portrait du noble voyageur avec son étoile et en grand cordon, et parut sérieusement convaincu que la naissance d'un fils à son retour en Russie était un don du Ciel et „comme la récompense de cette lointaine et pénible expédition".

(D'après un original appartenant à P. Dournovo, St-Pétersbourg.)

АЛЕКСАНДРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ДЕМИДОВЪ, 1737—1803, старшій сынъ Григорія Акинѳіевича (р. 14 Ноября 1715 г., † 13 Ноября 1761 г.), женатаго на Анастасіи Павловнѣ Суровцовой (р. 16 Декабря 1713 г., † 3 Декабря 1763 г.), родился 22 Августа 1737 года. Человѣкъ очень богатый, А. Г. Демидовъ владѣлъ на Уралѣ 8 заводами, и, кромѣ того, у него было еще 2 желѣзныхъ завода близъ г. Жиздры. Нѣкоторые изъ этихъ заводовъ были основаны самимъ А. Г. Демидовымъ.

Онъ имѣлъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника; былъ женатъ на Прасковіи Матвѣевнѣ Олсуфьевой (р. 1730 г., † 22 Октября 1813 г.); отъ этого брака у него были сыновья, Григорій (р. 10 Февраля 1765 г., † 19 Января 1817 г.) и Петръ, и одна дочь, Софія († 1831 г.), статсъ-дама, извѣстная благотворительница, бывшая въ замужствѣ за оберъ-егермейстеромъ графомъ П. Г. Головкинымъ. А. Г. Демидовъ умеръ 8 Февраля 1803 года и похороненъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

(Съ миніатюры, принадлежащей П. А. Демидову, въ С.-Петербургѣ.)

ALEXANDRE GRIGORIEWITCH DÉMIDOFF, 1737—1803, fils aîné de Grégoire Akinfiewitch Démidoff (14 novembre 1715—13 novembre 1761) et d'Anastasie Pavlowna, née Sourovtzoff (16 décembre 1713—3 décembre 1763), naquit le 22 août 1737. Possesseur d'une immense fortune, il avait huit usines dans l'Oural et deux fonderies de fer près de Jizdra: plusieurs de ces industries avaient été fondées par lui-même.

Il avait le rang de conseiller d'état actuel. Il épousa Prascovie Matvéewna Olsoufieff (1730—22 octobre 1813), dont il eut deux fils, Grégoire (10 février 1765—19 janvier 1817) et Pierre, et une fille, Sophie († 1831), dame d'honneur, connue pour sa bienfaisance et mariée au comte P. Golovkine, grand veneur. Démidoff mourut le 8 février 1803, et fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après une miniature appartenant à P. Démidoff, St-Pétersbourg.)

180

Пис. Левицкій — *Peint par Lévitzky*

Прокофій Акинѳіевичъ
Демидовъ,
1710 — 1788

Procope Akinfiewitch
Démidoff,
1710 — 1788

182

Никита Акинѳіевичъ
Демидовъ,
1724 — 1789

Nikita Akinfiewitch
Démidoff,
1724 — 1789

181

Григорій Акинѳіевичъ
Демидовъ,
1715 — 1761

Grégoire Akinfiewitch
Démidoff,
1715 — 1761

183

Александръ Григоріевичъ
Демидовъ,
1737 — 1803

Alexandre Grigoriewitch
Démidoff,
1737 — 1803

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи
№ 3866

Графиня **СОФІЯ АЛЕКСАНДРОВНА ГОЛОВКИНА**, 1766—1831, дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Григорьевича Демидова (р. 1737 г., † 1803 г.), отъ брака его съ Прасковіей Матвѣевной Олсуфьевой (р. 1730 г., † 1813 г.). Въ замужствѣ С. А. Демидова была за оберъ-егермейстеромъ графомъ Петромъ Гавриловичемъ Головкинымъ († 5 Декабря 1821 г.). Бракъ этотъ былъ бездѣтный. Графиня Софія Александровна Головкина всю свою жизнь и дѣятельность посвятила широкой благотворительности, оставивъ по себѣ благоговѣйную память. Подъ старость была пожалована въ статсъ-дамы и награждена орденомъ св. Екатерины малаго креста.

Графиня С. А. Головкина умерла 19 Октября 1831 г. и похоронена на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Кромѣ прилагаемой миніатюры, въ собраніи Великаго Князя Николая Михаиловича имѣются еще: миніатюра, изображающая графиню С. А. Головкину въ молодости, и рисунокъ, на которомъ она является уже статсъ-дамой, съ орденомъ св. Екатерины, въ чепцѣ, очевидно, въ послѣдніе годы жизни.

(Съ миніатюры изъ собранія П. А. Демидова, въ С.-Петербургѣ.)

184

La comtesse **SOPHIE ALEXANDROWNA GOLOVKINE**, 1766—1831, fille du conseiller d'état actuel Alexandre Grigoriewitch Démidoff (1737—1803) et de Prascovie Matvéewna, née Olsoufieff (1730—1813), épousa le comte Pierre Gavrilowitch Golovkine († 5 décembre 1821), grand veneur, dont elle n'eut pas d'enfants. L'œuvre de bienfaisance des plus actives à laquelle elle consacra toute sa vie lui assura une mémoire vénérée. Sur ses vieux jours, elle devint dame d'honneur et dame de Ste-Catherine de 2e classe. Elle mourut le 19 octobre 1831, et fut inhumée au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

Outre la présente miniature, il y a encore dans la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch une miniature reproduisant la comtesse dans sa jeunesse, et un dessin où elle est déjà dame d'honneur et décorée de Ste-Catherine, coiffée d'un bonnet, sans doute dans les dernières années de sa vie.

(D'après une miniature de la collection P. Démidoff, St-Pétersbourg.)

185

ПРАСКОВІЯ МАТВѢЕВНА ДЕМИДОВА, 1730—1813, дочь оберъ-гофмейстера и кавалера ордена св. Александра Невскаго Матвѣя Дмитріевича Олсуфьева, отъ 3-го его брака съ Анной Ивановной Сенявиной, была супругой дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Григорьевича Демидова (р. 22 Августа 1737 г., † 8 Февраля 1803 г.).

Отъ этого брака у П. М. Демидовой было 2 сына, Григорій (р. 10 Февраля 1765 г., † 19 Января 1827 г.; женатъ на Екатеринѣ Петровнѣ Лопухиной, р. 1783 г., † 1830 г.) и Петръ, и одна дочь, Софія (р. 1766 г., † 1831 г.; въ замужствѣ за оберъ-егермейстеромъ графомъ П. Г. Головкинымъ).

Прасковія Матвѣевна Демидова умерла въ глубокой старости 22 Октября 1813 года и похоронена на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

(Съ миніатюры Бодуенъ; собственность П. А. Демидова, въ С.-Петербургѣ.)

185

PRASCOVIE MATVÉEWNA DÉMIDOFF, 1730—1813, fille de Mathieu Dmitriewitch Olsoufieff, grand maître de la Cour et chevalier de St-Alexandre Newsky, et de sa troisième femme, née Anne Ivanowna Séniavine, épousa le conseiller d'état actuel Alexandre Grigoriewitch Démidoff (22 août 1737—8 février 1803).

Elle eut de ce mariage deux fils, Grégoire (10 février 1765—19 janvier 1827), qui épousa Catherine Pétrowna Lopoukhine (1783—1830), et Pierre, et une fille, Sophie (1766—1831), mariée au comte P. Golovkine, grand veneur.

Mme Démidoff mourut très vieille le 22 octobre 1813, et fut inhumée au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après une miniature de Beaudouin, appartenant à P. Démidoff, St-Pétersbourg.)

186

ГРИГОРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ДЕМИДОВЪ, 1765—1827, сынъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Григорьевича, отъ брака его съ Прасковіей Матвѣевной Олсуфьевой, родился 10 Февраля 1765 года. Унаслѣдовавъ отъ отца крупное состояніе, состоявшее изъ нѣсколькихъ заводовъ на Уралѣ, Демидовъ извѣстенъ былъ благотворительностью и между прочимъ жертвовалъ книги для Московскаго университета.

Г. А. Демидовъ умеръ, состоя въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, камергера и гофмейстера, 19 Января 1827 года и похороненъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Онъ былъ женатъ на Екатеринѣ Петровнѣ Лопухиной (р. 1783 г., † 1830 г.), дочери генералъ-прокурора и родной сестрѣ фаворитки Павла I, княгини Анны Петровны Гагариной. Отъ этого брака у Г. А. Демидова было 4 сына: Никита (р. 26 Іюня 1798 г., † 28 Декабря 1813 г.), Александръ (р. 8 Февраля 1803 г., † 30 Января 1853 г., полковникъ), Петръ (генералъ-адъютантъ; † 1862 г.) и Павелъ (дѣйств. статскій совѣтникъ; † 1 Іюля 1858 г.), и 2 дочери: Прасковья (въ замужствѣ Бехтѣева) и Анна (въ замужствѣ Энгельгардтъ).

(Съ миніатюры, принадлежащей П. А. Демидову, въ С.-Петербургѣ.)

186

GRÉGOIRE ALEXANDROWITCH DÉMIDOFF, 1765—1827, fils du conseiller d'état actuel Alexandre Grigoriewitch Démidoff et de Prascovie Matvéewna, née Olsoufieff, naquit le 10 février 1765. Héritier de la grosse fortune que lui avait laissée son père et qui comportait plusieurs usines dans l'Oural, il était connu pour sa bienfaisance, et fit des dons importants de livres à l'université de Moscou.

Démidoff mourut conseiller d'état actuel, chambellan et maître de la Cour, le 19 janvier 1827, et fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. Il avait épousé Catherine Pétrowna Lopoukhine (1783—1830), fille du procureur général et sœur de la princesse Anne Gagarine, favorite de Paul Ier. Il eut de ce mariage quatre fils, Nikita (26 juin 1798—28 décembre 1813), Alexandre (8 février 1803—30 janvier 1853), colonel, Pierre († 1862), aide de camp général, et Paul († 1er juillet 1858), conseiller d'état actuel, et deux filles, Prascovie, mariée à Bekhtéeff, et Anne à Engelhardt.

(D'après une miniature appartenant à P. Démidoff, St-Pétersbourg.)

ЕКАТЕРИНА ПЕТРОВНА ДЕМИДОВА, 1783—1830, дочь сенатора, впослѣдствіи свѣтлѣйшаго князя Петра Васильевича Лопухина, отъ перваго брака его съ Прасковьей Ивановной Левшиной, родилась 11 Апрѣля 1783 года и вмѣстѣ съ старшей сестрой Анной, впослѣдствіи княгиней Гагариной, впервые появилась въ Московскомъ свѣтѣ въ 1797 году на торжествахъ по случаю коронаціи Императора Павла I. Молодыя Лопухины, красивыя брюнетки, заинтересовали собою Московское общество и прибывшій изъ Петербурга дворъ и обратили на себя вниманіе Государя, отдавшаго, впрочемъ, сразу предпочтеніе старшей. Екатерина Петровна, которой было всего 14 лѣтъ, сильно увлеклась Великимъ Княземъ Александромъ Павловичемъ и искала встрѣчъ съ нимъ, хотя онъ, повидимому, тщательно ея избѣгалъ. Это возбудило въ Москвѣ много толковъ, которымъ Павелъ I положилъ конецъ, выдавъ Е. П. Лопухину въ томъ же году за гофмейстера Григорія Александровича Демидова (р. 1765 г., † 1827 г.). Этотъ бракъ съ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ Государю лицъ, богачемъ и меценатомъ, въ связи съ возвышеніемъ семьи Лопухиныхъ, доставилъ Екатеринѣ Петровнѣ видное положеніе въ Петербургскомъ свѣтѣ. Жили Демидовы очень широко и открыто, зимой въ своемъ домѣ въ Демидовомъ переулкѣ (гдѣ потомъ много лѣтъ помѣщался Англійскій клубъ), а лѣтомъ въ имѣніи Таицы, близъ Царскаго Села.

Переживъ мужа на три года, Е. П. Демидова скончалась въ Таицахъ 21 Іюня 1830 г. и погребена на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. У ней было четыре сына: Никита, Александръ, Петръ и Павелъ, и двѣ дочери: Прасковья (за Бехтѣевымъ) и Анна (за Энгельгардтомъ). Послѣ смерти въ 1873 г. брата Демидовой, свѣтлѣйшаго князя Павла Петровича Лопухина, княжескій титулъ и фамилія перешли къ ея внуку, Николаю Петровичу Демидову, который сталъ именоваться свѣтлѣйшимъ княземъ Лопухинымъ-Демидовымъ.

(Съ портрета, принадлежащаго Великому Князю Николаю Михаиловичу.)

187

CATHERINE PÉTROWNA DÉMIDOFF, 1783—1830, fille du sénateur, puis prince sérénissime Pierre Vassiliewitch Lopoukhine et de sa première femme Prascovie Ivanowna Levchine, naquit le 11 avril 1783, et, en même temps que sa sœur aînée, Anne, plus tard princesse Gagarine, fit son entrée dans le monde à Moscou, en 1797, aux fêtes du couronnement de l'Empereur Paul Ier. Les jeunes filles, deux jolies brunes, firent sensation dans la société moscovite et parmi la Cour, venue de Pétersbourg, et attirèrent l'attention de l'Empereur, qui d'ailleurs donna d'emblée la préférence à l'aînée. Catherine Lopoukhine, qui n'avait que 14 ans, se prit d'une vive passion pour le Grand-Duc Alexandre Pavlowitch: elle faisait tout pour le voir, tandis que lui semblait l'éviter soigneusement. Ce fut, à Moscou, l'objet de nombreux commentaires, auxquels l'Empereur mit fin en la mariant l'année même au maître de la Cour Grégoire Alexandrowitch Démidoff (1765—1827). Ce mariage avec un des intimes du Souverain, possesseur d'une grosse fortune et d'une réputation de Mécène, joint à l'entrée en faveur des Lopoukhine, mit Catherine très en vue dans le monde de Pétersbourg. Les Démidoff vivaient sur un grand pied et tenaient table ouverte, habitant l'hiver leur maison de la rue Démidoff (qui plus tard fut longtemps le siège du Club Anglais), et l'été leur propriété de Taïtzy, près de Tzarskoïé Sélo.

Mme Démidoff survécut trois ans à son mari, et mourut à Taïtzy le 21 juin 1830; elle fut inhumée au cimetière St-Lazare du monastère d'Alexandre Newsky. Elle avait eu quatre fils: Nikita, Alexandre, Pierre et Paul, et deux filles, Prascovie, qui épousa Bekhtéeff, et Anna, qui épousa Engelhardt. A la mort de son frère, le prince Paul Pétrowitch Lopoukhine, en 1873, le titre de prince et le nom passèrent à son petit-fils, Nicolas Pétrowitch Démidoff, qui s'appela dorénavant prince sérénissime Lopoukhine-Démidoff.

(D'après un original appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

184

Графиня Софія Александровна Головкина,
1766 — 1831

La Comtesse Sophie Alexandrowna Golovkine,
1766 — 1831

185

Пис. Бодуенъ

Peint par Baudouin

Прасковія Матвѣевна Демидова,
1730 — 1813

Prascovie Matvéewna Démidoff,
1730 — 1813

186

Григорій Александровичъ Демидовъ,
1765 — 1827

Grégoire Alexandrowitch Démidoff,
1765 — 1827

187

Екатерина Петровна Демидова,
1783 — 1830

Catherine Pétrowna Démidoff,
1783 — 1830

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи
№ 3966

Князь СЕРГѢЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГАГАРИНЪ, 17..—1782, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сынъ Новгородскаго губернатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника князя Василія Ивановича, съ молодыхъ лѣтъ служилъ при Дворѣ: 6 Апрѣля 1739 г. назначенъ камеръ-юнкеромъ къ принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, 10 Февраля 1742 г. пожалованъ въ камергеры, а 20 Марта того же года назначенъ камергеромъ къ герцогу Голштинскому Петру-Ульриху, вскорѣ объявленному наслѣдникомъ Россійскаго престола. Въ 1743 г. Гагаринъ и его жена, оговоренные Софьей Лиліенфельдъ, были замѣшаны въ извѣстное Лопухинское дѣло, но благополучно изъ него выпутались: хотя разговоры Лопухиной и Бестужевой-Рюминой съ Боттой и происходили при Гагариныхъ, но они, не зная нѣмецкаго языка, ихъ не понимали. 2 Іюля 1762 г. Гагаринъ назначенъ шталмейстеромъ и въ томъ же году былъ членомъ комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ. Въ Мартѣ 1765 г. онъ былъ назначенъ президентомъ Коллегіи Экономіи, находившейся въ Москвѣ, но пробылъ въ этой должности только годъ. Екатерина II, отдавая должное честности и усердію Гагарина, была недовольна порядками, установившимися въ Коллегіи: члены ея ссорились другъ съ другомъ и оказывали противодѣйствіе президенту. Для упорядоченія дѣла въ Коллегіи Императрица рѣшила измѣнить личный составъ ея, и въ Мартѣ 1766 г. Гагарину повелѣно было присутствовать въ Сенатѣ. Послѣдніе годы своей жизни съ 1765 г. Гагаринъ провелъ въ Москвѣ. Онъ былъ любитель сельскаго хозяйства и садоводства и состоялъ членомъ Вольно-Экономическаго общества. При его Московскомъ домѣ (теперь Ново-Екатерининская больница) былъ красивый „регулярный“ садъ, а въ своей Подмосковной онъ завелъ прекрасный рогатый скотъ англійской и голландской породы. Екатерина II поручила ему, какъ хорошему сельскому хозяину, надзоръ за своими Замосковными имѣніями: волостями Богородицкой и Бобриковской, около Тулы, и имъ же купленной для Государыни Кіясовской волостью, близъ Коломны. Онъ управлялъ этими волостями съ 1773 по 1778 годъ. Въ сотрудники Гагаринъ избралъ себѣ извѣстнаго А. Т. Болотова, который въ своихъ „Запискахъ“ много говоритъ о князѣ и изображаетъ его, какъ прекраснаго начальника и человѣка. Много матеріала для характеристики Гагарина даетъ въ своемъ дневникѣ также Порошинъ. Гагаринъ былъ частымъ гостемъ Цесаревича Павла Петровича и, повидимому, любимой мишенью для остротъ и шутокъ Цесаревича и Панина. 24 Декабря 1764 г. Порошинъ занесъ въ свой дневникъ: „Довольно шутили за столомъ на щетъ князя Сергѣя Васильича, которому и не могло сіе быть чувствительно, потому что съ тѣмъ самымъ точно согласовалось, въ чемъ онъ честь свою и удовольствіе поставляетъ. Новова роду сія честь и новое сіе удовольствіе состоятъ въ томъ, чтобъ во всякомъ случаѣ казаться страннымъ и упрямымъ“. Черезъ нѣсколько дней Порошинъ продолжилъ характеристику Гагарина: „Со всѣмъ тѣмъ душа у него добрая и совѣсть не широкая“. Панинъ постоянно трунилъ надъ Гагаринымъ: по поводу его недружелюбныхъ отношеній по должности шталмейстера съ оберъ-шталмейстеромъ онъ говорилъ, что Гагаринъ „команды никакой терпѣть надъ собой не любитъ“, называлъ его республиканцемъ и бунтовщикомъ. Такое же отношеніе къ себѣ Гагаринъ встрѣчалъ и при большомъ дворѣ. Порошинъ неоднократно отмѣчаетъ: „Надъ Гагаринымъ много смѣялись“, „шутили надъ нимъ“. Гагаринъ скончался въ Москвѣ въ 1782 г. и погребенъ въ своемъ любимомъ Рязанскомъ имѣніи Мишинѣ, Михайловскаго уѣзда. Онъ былъ женатъ на графинѣ Прасковьѣ Павловнѣ Ягужинской († 1775 г.) и имѣлъ 6 сыновей и 2 дочерей: Василія (капитанъ 1 ранга), Сергѣя (р. 1745 г., † 1798 г.; дѣйств. тайн. совѣтникъ), Павла (р. 1747 г., † 1789 г.; генералъ-поручикъ), Петра, Ивана (р. 1754 г., † 1810 г.; капитанъ 2 ранга) и Ѳедора (р. 1757 г., † 1794 г.; полковникъ), Анну (р. 1742 г., † 1800 г.), за графомъ Н. В. Салтыковымъ, и Наталью, за С. С. Колычевымъ.

(Съ портрета Рокотова; собственность князя В. Н. Гагарина, с. Никольское-Гагарино, Московской губ.)

Le prince SERGE VASSILIEWITCH GAGARINE, 17..—1782, conseiller privé actuel, fils du prince Basile Ivanowitch Gagarine, conseiller d'état actuel, gouverneur de Novgorod, entra tout jeune encore à la Cour: nommé le 6 avril 1739 gentilhomme de la chambre de la princesse Anne Léopoldowna, il passa chambellan le 10 février 1742, et devint le 20 mars suivant chambellan du Duc Pierre-Ulric de Holstein, proclamé peu après héritier du Trône de Russie. En 1743, Gagarine et sa femme, dénoncés par Sophie Lilienfeld, furent compromis dans la fameuse affaire Lopoukhine, mais purent s'en tirer facilement, en raison de leur ignorance de la langue allemande, dans laquelle avaient eu lieu les entretiens dont ils avaient été témoins. En 1762, Gagarine devint écuyer le 2 juillet, puis fut membre de la commission des biens ecclésiastiques. Nommé en mars 1765 président du Collège des Finances, à Moscou, il ne le resta qu'un an: Catherine II, tout en rendant hommage à son honnêteté et à son zèle, fut mécontente du désordre qu'il y laissa s'établir, de la mauvaise entente des membres entre eux et avec le président, et, pour remettre les choses au point, fit quelques changements dans le personnel; en mars 1766, Gagarine fut fait sénateur. A partir de 1765, il passa le reste de sa vie à Moscou. Grand amateur de culture, d'élevage et de jardinage, membre de la Société Economique Libre, il avait fait arranger à sa maison de Moscou (aujourd'hui le Nouvel Hôpital Catherine) un beau jardin „régulier", et élevait à son domaine des environs de magnifiques bêtes à cornes de races anglaise et hollandaise. Catherine II lui confia de 1773 à 1778, en raison de son expérience en matière d'exploitation rurale, la surveillance de ses domaines au delà de Moscou, les cantons de Bogoroditzk et de Bobriki, près Toula, et celui de Kiassovo dont il fit l'acquisition pour elle près de Kolomna. Il avait pris comme collaborateur Bolotoff, l'auteur connu des Mémoires, où il est souvent question de lui, dans les termes les plus flatteurs, comme chef et comme homme. Porochine également parle beaucoup de lui dans son Journal. Gagarine était l'hôte assidu du Grand-Duc Paul Pétrowitch, qui semblait, ainsi que Panine, l'avoir adopté comme cible pour toute espèce de pointes et de farces, et Porochine note le 24 décembre 1764: „Pas mal de plaisanteries, à table, sur le compte du prince Gagarine, qui, loin de se formaliser, semble mettre sa gloire et son plaisir à s'y prêter. C'est un nouveau genre de gloire et de plaisir qui consiste à ne pas manquer une occasion de faire des excentricités et des caprices". Et il ajoute quelques jours après: „Au demeurant, excellent homme, à la conscience un peu bornée". Panine le plaisantait constamment: „Il ne peut souffrir aucune autorité", disait-il lors des démêlés qu'il eut, étant écuyer, avec le grand écuyer, et il le traite ailleurs de républicain et de factieux. A la Cour Impériale, c'était la même chose: on lit constamment dans Porochine: „On a bien ri de Gagarine", „on s'est bien moqué de lui". Gagarine mourut à Moscou en 1782, et fut inhumé à Michino, sa propriété préférée, gouvernement de Riazan. Il avait épousé la comtesse Prascovie Pavlowna Yagoujinsky († 1775), dont il eut six fils, Basile, capitaine de 1er rang, Serge (1745—1798), conseiller privé actuel, Paul (1747—1789), général lieutenant, Pierre, Ivan (1754—1810), capitaine de 2e rang, et Théodore (1757—1794), colonel, et deux filles, Anne (1742—1800), mariée au comte N. Saltykoff, et Natalie à S. Kolytcheff.

(D'après un original de Rokotoff, appartenant au prince V. Gagarine, Nikolskoïé-Gagarino, gouv. de Moscou.)

Княгиня ПРАСКОВЬЯ ПАВЛОВНА ГАГАРИНА, 17..—1775, дочь сподвижника Петра Великаго, графа Павла Ивановича Ягужинскаго (р. 1683 г., † 1736 г.), отъ перваго брака его съ Анной Ѳедоровной Хитрово († 1733 г.), жена президента Коллегіи Экономіи, сенатора, шталмейстера, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Сергѣя Васильевича Гагарина († 1782 г.). Въ 1743 г. она была съ мужемъ замѣшана въ извѣстное Лопухинское дѣло, что, однако, не имѣло для нихъ дурныхъ послѣдствій: ихъ спасло незнаніе нѣмецкаго языка; хотя при нихъ и происходили разговоры Лопухиной и мачехи Прасковьи Павловны, графини Анны Гавриловны Бестужевой-Рюминой, съ Австрійскимъ посланникомъ маркизомъ де-Ботта, Гагарины ихъ не понимали, не зная нѣмецкаго языка. Извѣстный А. Т. Болотовъ сдѣлалъ въ своихъ „Запискахъ“ слѣдующую характеристику княгини Прасковьи Павловны: „Старушка-княгиня показалась мнѣ ни рыбою, ни мясомъ и набитою одною только княжескою спѣсью, простиравшейся даже до того, что никогда не удостоила меня не только какимъ-нибудь привѣтствіемъ, но ниже однимъ словомъ“. Княгиня Гагарина имѣла 6 сыновей: Василія, Сергѣя (р. 1745 г., † 1798 г.), Павла (р. 1747 г., † 1789 г.), Петра, Ивана (р. 1754 г., † 1810 г.) и Ѳедора (р. 1757 г., † 1794 г.), и 2 дочерей: Анну (р. 1742 г., † 1800 г.), за графомъ Н. В. Салтыковымъ, и Наталью, за Степ. Степ. Колычевымъ.

(Съ портрета Рокотова; собственность князя В. Н. Гагарина, с. Никольское-Гагарино, Московской губ.)

189

La princesse **PRASCOVIE PAVLOWNA GAGARINE**, 17..—1775, fille du comte Paul Ivanowitch Yagoujinsky (1683—1736), compagnon d'armes de Pierre-le-Grand, et de sa première femme, Anne Féodorowna, née Khitrovo († 1733), épousa le prince Serge Vassiliewitch Gagarine († 1782), président du Collège des Finances, sénateur, écuyer et conseiller privé actuel. En 1743, elle fut, ainsi que lui, compromise dans la fameuse affaire Lopoukhine, mais ils purent s'en tirer, grâce à leur ignorance de l'allemand: témoins des entretiens de Mme Lopoukhine et de la seconde femme du père de la princesse, la comtesse Anne Gavrilowna Bestoujeff-Riumine, avec le marquis de Botta, ministre autrichien, ils furent pourtant mis hors de cause comme hors d'état de les avoir compris. L'écrivain connu Bolotoff a laissé de la princesse Gagarine dans ses Mémoires la caractéristique suivante: „La vieille princesse ne m'a paru ni chair ni poisson; pénétrée de sa morgue princière, elle n'a jamais daigné m'honorer ni d'un salut ni même d'une seule parole".

La princesse Gagarine eut six fils: Basile, Serge (1745—1798), Paul (1747—1789), Pierre, Ivan (1754—1810) et Théodore (1757—1794), et deux filles, Anne (1742—1800), mariée au comte N. Saltykoff, et Natalie, à Stéphane Kolytcheff.

(D'après un original de Rokotoff, appartenant au prince V. Gagarine, Nikolskoïé-Gagarino, gouv. de Moscou.)

Князь СЕРГѢЙ СЕРГѢЕВИЧЪ ГАГАРИНЪ, 17..—1852, сынъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника князя Сергѣя Сергѣевича (р. 1745 г., † 1798 г.), отъ брака его съ княжной Варварой Николаевной Голицыной (р. 1762 г., † 1802 г.), служилъ сначала въ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ, а потомъ въ Министерствѣ Императорскаго двора; съ 1829 по 1833 г. онъ занималъ должность директора Императорскихъ театровъ и оставилъ по себѣ самую прекрасную память. Гагаринъ приложилъ много труда для улучшенія театральнаго дѣла. При немъ была введена поспектакльная плата. Князь С. С. Гагаринъ рѣзко отличался отъ другихъ театральныхъ дѣятелей того времени. Въ то время какъ всѣ его предшественники занимались волокитствомъ и жили съ актрисами, онъ, изъ гордости и по любви къ женѣ, не подчинился этому обыкновенію (зато въ ранней молодости онъ покорилъ сердца знаменитой Mlle Марсъ и Маріи Антоновны Нарышкиной). Чтобы не давать повода къ толкамъ, онъ принималъ всегда актрисъ, стоя, и ихъ не приглашалъ садиться. По свидѣтельству одного изъ подчиненныхъ его, трудно найти болѣе добраго, безпристрастнаго и безкорыстнаго начальника. Гагаринъ вышелъ въ отставку въ 1833 г., послѣ того, какъ министръ Двора отказался увеличить, по его представленію, сумму, отпускаемую на театръ. Впослѣдствіи онъ былъ оберъ-гофмейстеромъ.

Князь С. С. Гагаринъ скончался 5 Сентября 1852 года. Отъ брака съ Изабеллой Адамовной Валевской онъ имѣлъ сына Сергѣя (р. 1832 г., † 1890 г.) и 6 дочерей: Варвару († 190. г.; въ замужствѣ за Датскимъ посланникомъ барономъ Плессенъ), Александру († 1908 г.), Ольгу († 1852 г.), Марію († 1907 г.; за графомъ П. Г. Шуваловымъ), Софію и Татьяну.

(Съ портрета Виже-Лебренъ; собственность князя В. Н. Гагарина, въ Москвѣ.)

Le prince SERGE SERGUÉEWITCH GAGARINE, 17..—1852, fils du prince Serge Serguéewitch Gagarine (1745—1798), conseiller d'état actuel, et de Varvara Nikolaewna, née princesse Golitzyne (1762—1802), servit d'abord au ministère des affaires étrangères, puis à celui de la Cour. Directeur des Théâtres Impériaux de 1829 à 1833, il laissa les meilleurs souvenirs et fit beaucoup pour l'amélioration du théâtre; ce fut lui qui mit en vigueur les abonnements de série. A la différence des autres hommes de théâtre de l'époque, grands amateurs de beau sexe et tous liés avec des actrices, il eut la fierté de rester tout entier à son amour pour sa femme (ajoutons qu'il fit étant jeune la conquête de la célèbre Mlle Mars et de Marie Narychkine); pour éviter toute espèce de propos malveillants, il recevait toujours les actrices debout, et sans les faire asseoir. Au témoignage d'un de ses subordonnés, il était difficile de trouver dans un chef plus de bonté, d'impartialité et de désintéressement. Il donna sa démission en 1833, à la suite du refus opposé par le ministre de la Cour à sa demande d'augmentation pour le budget des théâtres. Il fut plus tard grand maître de la Cour.

Le prince Gagarine mourut le 5 septembre 1852. Il avait épousé Isabelle Adamowna Walewsky, dont il eut un fils, Serge (1832—1890), et six filles: Varvara († 190.), mariée au baron Plessen, ministre de Danemark, Alexandrine († 1908), Olga († 1852), Marie († 1907), mariée au comte P. Schouvaloff, Sophie et Tatiana.

(D'après un original de Vigée-Lebrun, appartenant au prince V. Gagarine, Moscou.)

191

Князь **НИКОЛАЙ СЕРГѢЕВИЧЪ ГАГАРИНЪ**, 1786—1842, сынъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Сергѣя Сергѣевича (р. 1745 г., † 1798 г.), отъ брака его съ княжной Варварой Николаевной Голицыной (р. 1762 г., † 1802 г.), родился 19 Іюля 1786 года. Пожалованный въ ранней молодости въ камеръ-юнкеры, Гагаринъ въ Октябрѣ 1833 г. получилъ званіе гофмейстера и назначенъ вице-президентомъ Кабинета Его Величества. Ему обязанъ образцовой постановкой дѣла Императорскій фарфоровый заводъ. 25 Іюля 1842 г. князь Н. С. Гагаринъ былъ убитъ однимъ изъ своихъ подчиненныхъ. При выходѣ изъ присутствія въ половинѣ третьяго часа онъ встрѣтилъ въ дверяхъ прихожей бывшаго лѣсничаго Сарто-Лахтинскаго имѣнія Рейнмана. Послѣ краткаго разговора съ княземъ Рейнманъ выстрѣлилъ въ него изъ пистолета и ранилъ въ шею. Несмотря на медицинскую помощь, Гагаринъ черезъ нѣсколько минутъ скончался. Рейнманъ объяснилъ, что онъ убилъ князя изъ-за того, что, несмотря на все свое усердіе по службѣ, подвергался притѣсненіямъ и, наконецъ, остался безъ куска хлѣба.

Князь Н. С. Гагаринъ погребенъ въ Духовской церкви Александро-Невской лавры. Человѣкъ очень богатый, онъ жилъ открыто и широко. Въ Петербургѣ славились его обѣды, на которые съѣзжался весь высшій свѣтъ. Въ 1812 г. Гагаринъ сформировалъ на свой счетъ полкъ.

По словамъ современниковъ, у него было пристрастіе къ прислугѣ изъ иностранцевъ, русской прислуги у него въ домѣ совсѣмъ не было. Хотя Гагаринъ и погибъ отъ руки одного изъ своихъ подчиненныхъ, недовольнаго имъ, но въ сущности онъ былъ гуманный начальникъ.

Князь Н. С. Гагаринъ былъ женатъ на графинѣ Маріи Алексѣевнѣ Бобринской (р. 1798 г., † 1835 г.) и имѣлъ 2 сыновей: Николая (р. 1823 г., † 1902 г.) и Льва (р. 1828 г., † 1868 г.), и 2 дочерей: Марію (р. 1820 г., † 1837 г.) и Леонилу († 1887 г.), за свѣтлѣйшимъ княземъ Вл. А. Меншиковымъ.

(Съ портрета, принадлежащаго князю В. Н. Гагарину, въ Москвѣ.)

191

Le prince **NICOLAS SERGUÉEWITCH GAGARINE**, 1786—1842, fils du prince Serge Serguéewitch Gagarine (1745—1798), conseiller privé actuel, et de Varvara Nikolaewna, née princesse Golitzyne (1762—1802), naquit le 19 juillet 1786. Gentilhomme de la chambre tout jeune encore, il passa chambellan en octobre 1833 et fut nommé vice-président du Cabinet de Sa Majesté. C'est à lui que la Manufacture Impériale de Porcelaine doit son organisation modèle. Il fut assassiné le 25 juillet 1842 par un de ses subordonnés. Il quittait le service vers deux heures et demie, lorsqu'il croisa dans le vestibule un ancien forestier du domaine de Lakhta, du nom de Reinmann, qui, après quelques paroles échangées, lui tira une balle de pistolet dans le cou. En dépit de tous les soins, le blessé mourut au bout de quelques minutes. Reinmann se plaignait d'avoir été de la part du prince, malgré son zèle dans le service, en butte à des vexations qui l'auraient finalement réduit à la misère.

Le prince Gagarine fut inhumé dans l'église du Saint-Esprit, au monastère d'Alexandre Newsky. Possesseur d'une grosse fortune, il recevait beaucoup et vivait sur un grand pied: ses dîners, fameux à Pétersbourg, réunissaient la fine fleur de l'aristocratie. En 1812, il équipa tout un régiment à ses frais.

Au témoignage des contemporains, il avait un faible pour les domestiques étrangers et ne comptait pas un seul russe parmi ses gens de maison. Victime d'un subordonné aigri, c'était pourtant en réalité un excellent chef.

Le prince Gagarine épousa la comtesse Marie Alexéewna Bobrinsky (1798—1835), dont il eut deux fils, Nicolas (1823—1902) et Léon (1828—1868), et deux filles, Marie (1820—1837) et Léonille († 1887), mariée au prince sérénissime V. Menchikoff.

(D'après un original appartenant au prince V. Gagarine, Moscou.)

БИБЛИОТЕКА
Пермской
Художествен
№ 3966

188

Пис. Рокотовъ — Peint par Rokotoff

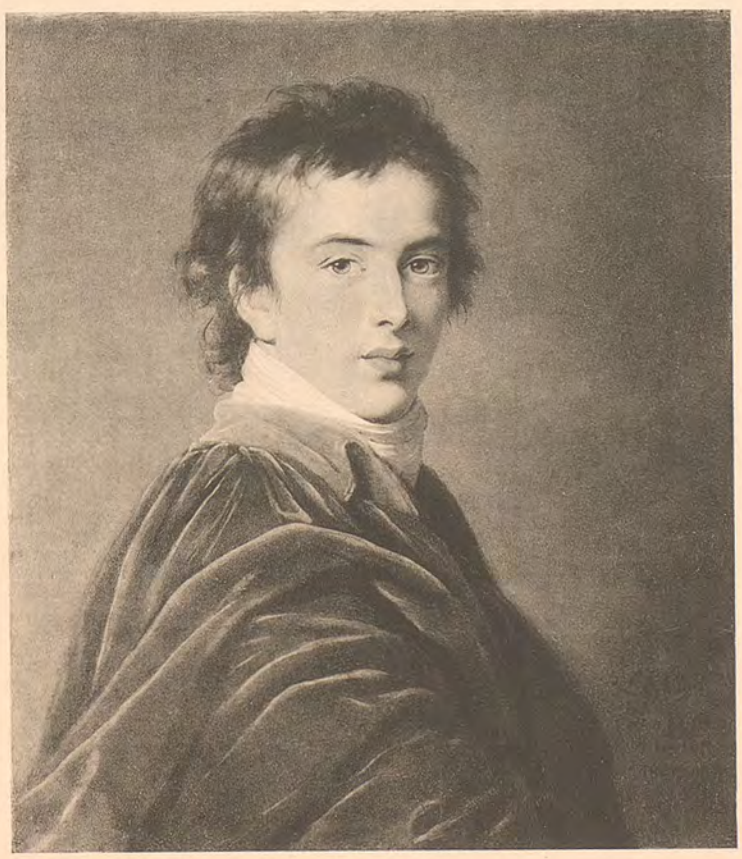
Князь Серѣй Васильевичъ Гагаринъ, 17..—1782 — *Le Prince Serge Vassiliewitch Gagarine, 17..—1782*

189

Пис. Рокотовъ — Peint par Rokotoff

Княгиня Прасковія Павловна Гагарина, 171.—1775 — *La Princesse Prascovie Pavlowna Gagarine, 171.—1775*

190



Пис. Виже-Лебренъ, 1801 г. — Peint par Vigée-Lebrun, 1801

Князь Серѣй Серѣевичъ Гагаринъ, 1784—1852 — *Le Prince Serge Sergueéewitch Gagarine, 1784—1852*

191

Князь Николай Серѣевичъ Гагаринъ, 1783—1842 — *Le Prince Nicolas Sergueéewitch Gagarine, 1783—1842*

БИБЛИОТЕКА
Пермской Ордена
Художественной Галереи
№ 3966

Графъ АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ ПАНИНЪ, 1791—1850, старшій сынъ графа Никиты Петровича (р. 1771 г., † 1837 г.), отъ брака его съ графиней Софіей Владиміровной Орловой (р. 1774 г., † 1844 г.), родился въ Москвѣ 22 Марта 1791 года. Получивъ хорошее домашнее образованіе, А. Н. Панинъ въ 1809 г. поступилъ на службу въ Московскій Архивъ Иностранныхъ дѣлъ, но когда началась Отечественная война, опредѣлился прапорщикомъ въ ополченіе и за отличіе при Бородинѣ произведенъ въ поручики. Переведенный въ 1813 г. въ Псковскій кирасирскій полкъ, Панинъ принималъ участіе и въ послѣдующихъ войнахъ съ Наполеономъ, а при Лейпцигѣ былъ контуженъ. По окончаніи войны онъ служилъ послѣдовательно въ полкахъ: Екатеринославскомъ кирасирскомъ, Кавалергардскомъ и Глуховскомъ кирасирскомъ, въ который былъ переведенъ, съ чиномъ подполковника, за участіе въ вызовѣ на дуэль С. А. Горяинова графомъ З. Г. Чернышевымъ. Въ 1825 г. онъ вышелъ въ отставку, съ чиномъ полковника. Въ 1830 г. Панинъ перешелъ въ гражданскую службу на должность чиновника особыхъ порученій при попечителѣ Московскаго учебнаго округа. Панину былъ порученъ, между прочимъ, надзоръ за университетомъ. Исполняя возложенныя на него обязанности, онъ часто посѣщалъ университетъ и особенно наблюдалъ за исправностью въ одеждѣ и прическѣ казенныхъ студентовъ. Когда въ 1830 г. въ Москвѣ стала свирѣпствовать холера, Панинъ принялъ на себя обязанности попечителя Тверской части. Разсказываютъ, что онъ, замѣтивъ при ежедневномъ посѣщеніи больницъ, какъ неохотно больные, боясь заразы, садятся въ ванну, однажды раздѣлся и при нихъ сѣлъ въ ванну. Въ 1833 г. Панинъ былъ назначенъ помощникомъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа, а въ 1838 г.—членомъ Главнаго правленія училищъ, съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, но уже въ слѣдующемъ году личныя дѣла, вынуждавшія его часто уѣзжать для управленія обширными имѣніями (у него съ братомъ было болѣе 11/т. душъ крестьянъ), заставили его выйти въ отставку и поселиться въ Москвѣ. Сельское хозяйство сдѣлалось съ тѣхъ поръ главнымъ занятіемъ Панина. Въ 1839 г. онъ былъ избранъ въ члены Московскаго сельско-хозяйственнаго общества и не мало для него потрудился: хлопоталъ о привлеченіи туда лицъ дѣйствительно полезныхъ, въ 1846 и 1847 гг. редактировалъ изданіе общества „Журналъ сельскаго хозяйства и овцеводства“, собиралъ въ своемъ домѣ членовъ для обсужденія вопроса о распространеніи грамотности въ народѣ, предсѣдательствовалъ въ комитетѣ для хозяйственнаго описанія Московской губерніи. Панинъ обладалъ значительными познаніями по ботаникѣ и агрономіи, которыя онъ примѣнялъ въ своемъ Смоленскомъ имѣніи, Дугинѣ. Онъ любилъ также заниматься цвѣтоводствомъ и участвовалъ въ трудахъ Московскаго общества любителей садоводства. Въ Москвѣ Панинъ велъ открытый образъ жизни и часто принималъ гостей въ своемъ домѣ на Никитской, унаслѣдованномъ отъ Орловыхъ и до сихъ поръ принадлежащемъ его потомкамъ. По свидѣтельству графа В. П. Орлова-Давыдова, Панинъ былъ любимъ и уважаемъ всѣми родными и знакомыми за кротость нрава и возвышенность чувствъ, а, по словамъ другихъ современниковъ, онъ отличался добротой, деликатностью и тактомъ. Однако, до насъ дошелъ и неблагопріятный отзывъ бывшаго Московскаго студента, утверждающаго, что Панинъ былъ „необузданный деспотъ, видѣвшій въ каждомъ студентѣ какъ бы своего личнаго врага, считавшій студентовъ опасными для всего общества и признававшій необходимымъ держать ихъ въ ежёвыхъ рукавицахъ. Онъ никогда не говорилъ съ ними, какъ съ людьми, а повелительно кричалъ на нихъ своимъ густымъ басомъ“. Панинъ отличался очень высокимъ ростомъ. Скончался онъ въ Москвѣ 15 Февраля 1850 г. и погребенъ въ Донскомъ монастырѣ. Женатъ былъ (съ 29 Апрѣля 1823 г.) на Александрѣ Сергѣевнѣ Толстой (р. 1800 г., † 1873 г.) и имѣлъ 2 дочерей: Софію (р. 1825 г., † 1905 г.), въ замужствѣ за княземъ Г. А. Щербатовымъ, и Марію († 1903 г.), за княземъ Н. П. Мещерскимъ, и нѣсколько дѣтей, умершихъ въ младенчествѣ.

(Съ миніатюры Лагрене; принадлежала княгинѣ М. А. Мещерской, село Дугино, Смоленской губ.)

192

Le comte **ALEXANDRE NIKITITCH PANINE**, 1791—1850, fils aîné du comte Nikita Pétrowitch Panine (1771—1837) et de la comtesse Sophie Vladimirowna Orloff (1774—1844), naquit à Moscou le 22 mars 1791. Après de bonnes études dans sa famille, il prit du service en 1809 aux Archives du Ministère des affaires étrangères, à Moscou, puis, au début de la Guerre Patriotique, s'enrôla enseigne dans la milice et passa lieutenant pour sa valeur à Borodino. Affecté en 1813 au régiment des cuirassiers de Pskoff, il fit toutes les guerres napoléoniennes et reçut une contusion à Leipzig. A la paix, il servit successivement aux cuirassiers d'Ekatérinoslav, aux Chevaliers-Gardes, et enfin aux cuirassiers de Gloukhoff, où il fut envoyé comme lieutenant-colonel pour avoir été mêlé à la provocation en duel du comte Z. Tchernycheff à S. Goriaïnoff. Il prit sa retraite en 1825 avec grade de colonel. En 1830, il passa au service civil et devint fonctionnaire pour missions spéciales près le curateur de l'arrondissement scolaire de Moscou. Il avait, entre autres attributions, la surveillance de l'Université, où il faisait en conséquence de fréquentes inspections, veillant surtout à la régularité du vêtement et de la coiffure des boursiers de l'Etat. Lors du choléra de 1830, il se chargea de la direction du quartier de Tver; voyant au cours de ses visites quotidiennes aux hôpitaux la répugnance inspirée par les bains en raison des risques de contagion, un jour, dit-on, il se déshabilla et se mit au bain devant les malades. Adjoint en 1833 au curateur de l'arrondissement scolaire de Kharkoff, en 1838, membre de la Direction générale des écoles avec rang de conseiller d'état actuel, il donna l'année suivante sa démission pour se fixer à Moscou, en raison des fréquents déplacements que lui imposait la surveillance de ses immenses propriétés: il possédait avec son frère plus de 11.000 têtes de paysans. Dès lors il ne s'occupa plus que de faire valoir. Elu en 1839 membre de la Société d'Economie Rurale de Moscou, il fit beaucoup pour elle, s'efforça de lui recruter des collaborateurs utiles, rédigea en 1846 et 1847 le Journal d'Economie Rurale publié par elle, réunit chez lui ses collègues pour étudier les moyens de répandre l'instruction dans le peuple, et présida le comité pour la description économique du gouvernement de Moscou. Il avait en botanique et en agronomie des connaissances étendues qu'il mettait en application dans sa propriété de Douguino, près Smolensk. Il s'intéressait également à l'horticulture et collabora aux travaux de la Société d'Horticulture de Moscou. En ville, il menait grand train et recevait fréquemment dans sa maison de la Nikitzkaïa, qu'il tenait des Orloff et qui appartient toujours à ses descendants. Aimé et estimé de tous ses parents et amis, dit le comte Orloff-Davydoff, pour sa douceur de caractère et son élévation de sentiments, il était, disent aussi d'autres contemporains, rempli de bonté, de délicatesse et de tact. On trouve pourtant une note discordante dans le témoignage d'un ancien étudiant de l'université de Moscou: „Despote effréné, il voyait dans les étudiants autant d'ennemis personnels, les estimait un danger pour la société tout entière, et recommandait de les tenir serré. Jamais il ne leur parlait comme à des hommes; il ne savait que crier après eux sur un ton autoritaire de toute la force de sa basse profonde". Panine était d'une taille colossale. Il mourut à Moscou le 15 février 1850, et fut inhumé au monastère Donskoï. Il avait épousé le 29 avril 1823 Alexandrine Serguéewna Tolstoï (1800—1873), dont il eut, outre plusieurs autres enfants morts en bas âge, deux filles, Sophie (1825—1905), mariée au prince G. Chtcherbatoff, et Marie († 1903) au prince N. Mechtchersky.

(D'après une miniature de Lagrenée, ayant appartenu à la princesse M. Mechtchersky, Douguino, gouvernement de Smolensk.)

193

Графиня **АЛЕКСАНДРА СЕРГѢЕВНА ПАНИНА**, 1800—1873, дочь гвардіи капитанъ-поручика Сергѣя Васильевича Толстого (р. 1771 г., † 1831 г.), отъ брака его съ княжной Еленой Петровной Долгорукой (р. 1774 г., † 1823 г.), сестрой извѣстныхъ дѣятелей начала царствованія Александра I, родилась 27 Марта 1800 г., а 29 Апрѣля 1823 г. вышла замужъ за графа Александра Никитича Панина (р. 1791 г., † 1850 г.). По свидѣтельству двоюроднаго брата мужа, графа В. П. Орлова-Давыдова, она въ молодости была очень привѣтлива, весела и вносила въ свой семейный кругъ много оживленія милыми и забавными затѣями.

По выходѣ въ отставку графа въ 1839 г., Панины поселились въ Москвѣ, гдѣ графиня и провела вторую половину своей жизни, исполненной добра и любви къ ближнему. Послѣдніе годы своей жизни она состояла помощницей предсѣдательницы совѣта Попечительства о бѣдныхъ.

Графиня А. С. Панина скончалась 15 Февраля 1873 года. У нея было нѣсколько человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ зрѣлаго возраста достигли только двѣ дочери: Софія (р. 1825 г., † 1905 г.), за княземъ Г. А. Щербатовымъ, и Марія († 1903 г.), за княземъ Н. П. Мещерскимъ.

(Съ миніатюры Лагрене, хранящейся въ Московскомъ Историческомъ музеѣ.)

La comtesse **ALEXANDRINE SERGUÉEWNA PANINE**, 1800—1873, fille du capitaine-lieutenant de la Garde Serge Vassiliewitch Tolstoï (1771—1831) et de la princesse Hélène Pétrowna, née Dolgorouky (1774—1823) et sœur des Dolgorouky connus au début du règne d'Alexandre Ier, naquit le 27 mars 1800, et épousa le 29 avril 1823 le comte Alexandre Nikititch Panine (1791—1850). Dans sa jeunesse, dit son cousin germain par alliance, le comte Orloff-Davydoff, elle avait un charme et une gaîté qui contribuaient, avec une foule de gentils petits projets qu'elle avait l'art d'organiser, à répandre dans toute la famille une extrême animation.

A la retraite du comte en 1839, les Panine s'installèrent à Moscou, où la comtesse passa la seconde moitié de sa vie dans l'amour du prochain et les bonnes œuvres. Elle fut sur ses vieux jours vice-présidente du conseil de l'Assistance Publique.

La comtesse Panine mourut le 15 février 1873. Elle eut plusieurs enfants, dont il ne survécut que deux, Sophie (1825—1905), mariée au prince G. Chtcherbatoff, et Marie († 1903) au prince N. Mechtchersky.

(D'après une miniature de Lagrenée, Musée Historique de Moscou.)

Графъ ВИКТОРЪ НИКИТИЧЪ ПАНИНЪ, 1801—1874, пятый сынъ графа Никиты Петровича Панина отъ брака съ графиней Софіей Владиміровной Орловой, родился въ Москвѣ 28 Марта 1801 года. Онъ получилъ тщательное домашнее образованіе и слушалъ лекціи въ Іенѣ. Выдержавъ экзаменъ при Московскомъ университетѣ, Панинъ 12 лѣтъ провелъ на дипломатической службѣ, въ качествѣ секретаря посольства въ Мадридѣ, чиновника Военно-походной канцеляріи Государя и повѣреннаго въ дѣлахъ при Греческомъ правительствѣ съ 1829 по 1831 г.; 20 Ноября 1831 г. онъ былъ назначенъ помощникомъ статсъ-секретаря и товарищемъ министра Юстиціи. Пожалованный черезъ годъ въ статсъ-секретари, Панинъ 31 Декабря 1839 г. былъ назначенъ управляющимъ Министерствомъ Юстиціи, а 16 Апрѣля 1841 года утвержденъ въ должности министра; 18 Февраля 1860 г. Панинъ, принимавшій съ 1839 г. участіе въ комитетахъ, занятыхъ крестьянской реформой, былъ назначенъ предсѣдателемъ Редакціонныхъ комиссій, вырабатывавшихъ Положеніе о крестьянахъ, и сталъ во главѣ крестьянской реформы на мѣсто умершаго графа Ростовцева. Тогда же онъ былъ освобожденъ отъ управленія Министерствомъ Юстиціи. По окончаніи работъ комиссій графъ Панинъ, 17 Апрѣля 1861 г., получилъ рескриптъ „за огромные и полезные труды“, а 23 Апрѣля орденъ св. Андрея. Уволенный 21 Октября 1862 года отъ должности министра Юстиціи, Панинъ 27 Февраля 1864 года былъ назначенъ главноуправляющимъ II Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи, но слабость зрѣнія уже 16 Апрѣля 1867 года побудила его оставить этотъ постъ. При увольненіи онъ получилъ брильянтовые знаки ордена св. Андрея, а въ день 50-лѣтняго юбилея своей службы, 15 Декабря 1869 года, портретъ Государя для ношенія на груди. Графъ В. Н. Панинъ умеръ въ Ниццѣ 12 Апрѣля 1874 года и погребенъ въ Сергіевской пустыни, близъ С.-Петербурга.

Отъ брака съ графиней Наталіей Павловной Тизенгаузенъ онъ имѣлъ сына Владиміра, умершаго ранѣе отца, и 4 дочерей: Ольгу (за гр. Влад. Вас. Левашевымъ), Леониллу (за гр. Влад. Егор. Комаровскимъ), Евгенію и Наталію, умершихъ въ юношествѣ. Человѣкъ широкаго, „болѣе европейскаго, чѣмъ русскаго“, образованія, В. Н. Панинъ былъ поклонникомъ древнихъ классиковъ, другомъ Гёте, страстнымъ библіофиломъ и самъ былъ причастенъ къ исторической литературѣ. Иные находили его краснорѣчивымъ, но уже одна его знаменитая рѣчь къ губернскимъ депутатамъ 22 Февраля 1860 г., достойно оцѣненная въ „Колоколѣ“ Герцена, доказываетъ, что, какъ ораторъ, онъ былъ ниже посредственности. Даже люди, ему не симпатизировавшіе, какъ Я. И. Ростовцевъ, признавали его „высокочестнымъ“. Воля монарха была для него священна, и онъ, будучи противникомъ крестьянской реформы, довелъ ее до конца, согласно съ намѣреніями Александра II. Принадлежа къ роду, выдвинувшемуся изъ рядового дворянства лишь въ XVIII вѣкѣ, Панинъ былъ чрезвычайно высокаго мнѣнія о своей знатности. Недоступный аристократъ съ изящными манерами и внушительной внѣшностью, смотрѣвшій съ олимпійскихъ высотъ своего величія на простыхъ смертныхъ, какъ „на существа другого порядка творенія“, Панинъ постоянно находился въ „искусственно замкнутой сферѣ“, былъ непрактичнымъ, не понимавшимъ дѣйствительности, чисто „отвлеченнымъ человѣкомъ“. Убѣжденія его отличались крайнимъ консерватизмомъ. Какъ министръ Юстиціи, графъ В. Н. Панинъ заботился о правильномъ и скоромъ „теченіи“ дѣлъ въ судахъ; преобразовавъ Межевую часть, онъ организовалъ Консультацію при Министерствѣ, вырабатывая „нравственныя начала“ для Уголовнаго Уложенія, заботился даже объ архивахъ и учредилъ въ Москвѣ Архивъ Министерства Юстиціи. Но начинанія „отвлеченнаго“ министра не всегда приводили къ благимъ результатамъ. Служебный долгъ былъ конькомъ графа Панина, но онъ понималъ его въ самомъ узкомъ смыслѣ, разумѣя подъ нимъ безпрекословное повиновеніе волѣ начальства. Резолюціи его считались не подлежащими отмѣнѣ, хотя бы онъ самъ убѣждался позднѣе въ ихъ нелѣпости.

(Съ миніатюры, принадлежащей Е. В. Ксидо, въ С.-Петербургѣ.)

Le comte **VICTOR NIKITITCH PANINE**, 1801—1874, cinquième fils du comte Nikita Pétrowitch Panine et de la comtesse Sophie Vladimirowna, née Orloff, naquit à Moscou le 28 mars 1801. Après une éducation soignée reçue dans sa famille, il alla suivre les cours à Iéna, et passa ensuite avec succès les examens de sortie de l'université de Moscou. Il fut d'abord douze ans dans la diplomatie, successivement secrétaire d'ambassade à Madrid, attaché à la Chancellerie Militaire en campagne, et, de 1829 à 1831, chargé d'affaires près du gouvernement grec. Nommé le 20 novembre 1831 sous-secrétaire d'état, et adjoint du ministre de la justice, il passa un an plus tard secrétaire d'état, et devint le 31 décembre 1839 gérant du ministère de la justice, puis, le 16 avril 1841, ministre. Après avoir été depuis 1839 de tous les comités d'études pour la question du servage, il fut fait le 18 février 1860 président des commissions chargées de l'élaboration du nouveau Règlement sur les Paysans, et, à la mort du comte Rostovtzeff, le remplaça à la tête de la grande réforme; il était en même temps relevé de la gérance du ministère de la justice. L'œuvre de l'émancipation une fois terminée, il reçut le 17 avril 1861 un rescrit Impérial „pour ses considérables et précieux travaux", et le 23 suivant l'ordre de St-André. Le 21 octobre 1862, il résigna ses fonctions de ministre et fut nommé le 27 février 1864 directeur général de la 2e Section de la Chancellerie Personnelle de S. M. l'Empereur, mais la faiblesse de sa vue lui fit donner sa démission dès le 16 avril 1867. Il reçut en partant les insignes en brillants de St-André, puis, le 15 décembre 1869, à l'occasion du cinquantenaire de son entrée au service, le portrait de S. M. pour porter sur la poitrine. Le comte Panine mourut à Nice le 12 avril 1874, et fut inhumé au monastère St-Serge, près Pétersbourg.

De son mariage avec la comtesse Natalie Pavlowna Tiesenhausen, il eut un fils, Vladimir, mort avant lui, et quatre filles, Olga, mariée au comte Vladimir Vassiliewitch Lévachoff, Léonille au comte Vladimir Egorowitch Komarowsky, Eugénie et Natalie, mortes jeunes.

Avec son instruction étendue, „plus européenne que russe", le comte Panine, fervent adepte des classiques de l'antiquité, ami de Gœthe, bibliophile passionné, n'était pas étranger lui-même à la littérature historique. Malgré la réputation d'éloquence qu'on essaya de lui faire, c'est assez de son fameux discours du 22 février 1860 aux députés des gouvernements, apprécié à sa juste valeur dans La Cloche de Herzen, pour le classer, comme orateur, au-dessous du médiocre. Mais sur sa „haute probité", tout le monde est d'accord, même de ceux qui ne sympathisèrent pas avec lui, comme Rostovtzeff. La volonté de S. M. était sacrée pour lui: c'est ainsi qu'adversaire personnel de l'émancipation, il la mena pourtant à bien, conformément aux vues d'Alexandre II. D'une famille qui ne s'éleva au-dessus de la petite noblesse qu'au XVIIIe siècle, il n'en était pas moins infatué de son aristocratie. D'une morgue inabordable, avec ses manières exquises et son extérieur imposant, il regardait du haut de sa grandeur les simples mortels comme des „êtres d'un autre genre de façon"; confiné dans „un milieu artificiel et fermé", dépourvu de sens pratique et d'intelligence de la réalité, ce fut une pure „abstraction d'homme". Comme convictions, il était conservateur à outrance. Ministre, il veilla à la marche régulière et rapide des actions en justice, réforma l'administration du cadastre, organisa une Consultation au ministère, élabora des „principes moraux" pour le Code Criminel, s'occupa même des archives et fonda à Moscou les Archives du Ministère de la Justice. Mais l'initiative de cette „abstraction" de ministre ne fut pas toujours couronnée de succès. Il avait une marotte, le devoir du fonctionnaire, qu'il entendait au sens le plus étroit d'obéissance passive à la volonté des supérieurs. Ses résolutions étaient regardées comme immuables, en reconnût-il lui-même plus tard l'absurdité.

(D'après une miniature appartenant à Mme Xido, St-Pétersbourg.)

Графиня НАТАЛІЯ ПАВЛОВНА ПАНИНА, 1810—1899, дочь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора графа Павла Ивановича Тизенгаузена (р. 1774 г.), отъ брака его съ графиней Юліей Петровной Паленъ, дочерью извѣстнаго графа Петра Алексѣевича, родилась 31 Марта 1810 года. Графиня Наталія Павловна вступила въ бракъ съ графомъ Викторомъ Никитичемъ Панинымъ (р. 1801 г., † 1874 г.), бывшимъ позднѣе министромъ Юстиціи. Отъ этого брака у графини Паниной былъ сынъ Владиміръ и 4 дочери.

Графиня Наталія Павловна Панина умерла 18 Іюня 1899 г. и похоронена въ Сергіевой пустыни, близъ С.-Петербурга.

(Съ миніатюры, принадлежащей Е. В. Ксидо, въ С.-Петербургѣ.)

La comtesse **NATALIE PAVLOWNA PANINE**, 1810—1899, fille du comte Paul Ivanowitch Tiesenhausen (né 1774), conseiller privé actuel et sénateur, et de la comtesse Julie Pétrowna, née Pahlen, fille du célèbre comte Pierre Pahlen, naquit le 31 mars 1810. Elle épousa le comte Victor Nikititch Panine (1801—1874), le futur ministre de la justice, et eut un fils, Vladimir, et quatre filles.

La comtesse Panine mourut le 18 juin 1899, et fut inhumée au monastère St-Serge, près Pétersbourg.

(D'après une miniature appartenant à Mme Xido, St-Pétersbourg.)

192

Пис. Лагрене — Peint par Lagrenée

Графъ Александръ Никитичъ Панинъ,
1791 — 1850

Le Comte Alexandre Nikititch Panine,
1791 — 1850

193

Пис. Лагрене — Peint par Lagrenée

Графиня Александра Сергѣевна Панина,
1800 — 1872

La Comtesse Alexandrine Sergüéewna Panine,
1800 — 1872

194

Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ,
1801 — 1874

Le Comte Victor Nikititch Panine,
1801 — 1874

195

Графиня Наталія Павловна Панина,
1810 — 1899

La Comtesse Natalie Pavlowna Panine,
1810 — 1899

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галлереи
№ 3966

196

Графиня **МАРІЯ НИКОЛАЕВНА СКАВРОНСКАЯ**, 1729—1804, была старшей изъ трехъ дочерей тайнаго совѣтника и св. Александра Невскаго кавалера барона Николая Григорьевича Строганова (р. 1706 г., † 1758 г.) и жены его, Прасковьи Ивановны, рожденной Бутурлиной (р. 1708 г., † 1758 г.). Родилась она, судя по надписи на оборотной сторонѣ прилагаемаго ея портрета, въ Москвѣ 21 Декабря 1729 года, а въ 1752 году вышла замужъ за двоюроднаго брата Императрицы Елисаветы Петровны, графа Мартына Карловича Скавронскаго (р. 1714 г., † 1776 г.), безобразная наружность коего, по словамъ Екатерины II, равнялась только его глупости. Бракъ этотъ состоялся не безъ участія Императрицы Елисаветы Петровны, весьма благоволившей къ дому Строгановыхъ и искавшей породнить семью Скавронскихъ съ знаменитыми русскими фамиліями. Свадьба была отпразднована съ большой пышностью въ Петербургѣ, въ только-что отстроенномъ домѣ барона Сергѣя Григорьевича Строганова, дяди невѣсты, гдѣ, по случаю бракосочетанія, данъ былъ балъ, на которомъ присутствовала сама Императрица.

Отъ этого брака графиня М. Н. Скавронская имѣла двухъ сыновей: Петра, умершаго въ молодыхъ годахъ, и Павла (р. 1757 г., † 1793 г.), посланника въ Неаполѣ, извѣстнаго чудака, женатаго на племянницѣ Потемкина, Екатеринѣ Васильевнѣ Энгельгардтъ, и одну дочь, Елизавету, умершую ребенкомъ (р. 1755 г., † 1767 г.) и похороненную въ Богоявленскомъ монастырѣ, въ Москвѣ. Сама графиня Марія Николаевна Скавронская скончалась, какъ свидѣтельствуетъ та же надпись на оборотной сторонѣ ея портрета, въ Неаполѣ 18 Декабря 1804 года.

(Съ портрета, принадлежащаго С. Н. Казнакову, въ С.-Петербургѣ.)

196

La comtesse **MARIE NIKOLAEWNA SKAVRONSKY**, 1729—1804, l'aînée des trois filles du baron Nicolas Grigoriewitch Stroganoff (1706—1758), conseiller privé et chevalier de St-André, et de Prascovie Ivanowna, née Boutourline (1708—1758), naquit, dit la légende au revers de son portrait, le 21 décembre 1729 à Moscou. Elle épousa en 1752 un cousin germain de l'Impératrice Elisabeth Pétrowna, le comte Martin Karlowitch Skavronsky (1714—1776), dont la laideur, dit Catherine II, n'avait d'égale que la bêtise. L'Impératrice Elisabeth Pétrowna n'était pas étrangère à ce mariage: elle avait la famille Stroganoff en grande affection, et cherchait à unir les Skavronsky aux grands noms russes. L'union fut célébrée en grande pompe à Pétersbourg, dans la maison neuve du baron Serge Grigoriewitch Stroganoff, oncle de la mariée, et le bal qui y fut donné à cette occasion fut honoré de la présence de l'Impératrice.

La comtesse Skavronsky eut deux fils, Pierre, mort jeune, et Paul (1757—1793), ministre à Naples, connu pour ses excentricités, et qui épousa une des nièces de Potemkine, Catherine Vassiliewna Engelhardt, et une fille, Elisabeth (1755—1767), morte enfant et inhumée au monastère de l'Epiphanie, à Moscou. La comtesse elle-même mourut, dit la légende du revers de son portrait, le 18 décembre 1804, à Naples.

(D'après un original appartenant à S. Kaznakoff, St-Pétersbourg.)

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ДЕМИДОВЪ, 1738—1821, второй сынъ Григорія Акинѳіевича Демидова, отъ брака его съ Анастасіей Павловной Суровцовой, родился 29 Декабря 1738 г.; съ 1748 г. по 1751 г. воспитывался въ Ревелѣ, у проф. Сигизмунди, а затѣмъ слушалъ лекціи въ Гёттингенскомъ университетѣ и въ Горной академіи въ Фрейбергѣ, послѣ чего, въ теченіе 6 лѣтъ, путешествовалъ по Европѣ, вездѣ изучая горное дѣло. Въ Февралѣ 1762 г. онъ возвратился въ Россію и, передавъ значительную часть полученныхъ послѣ отца имѣній въ распоряженіе братьевъ, посвятилъ себя исключительно занятіямъ наукой, при чемъ, принятый въ службу совѣтникомъ Бергъ-Коллегіи, онъ объѣздилъ Екатеринбургскіе и другіе горные заводы. Проживая зимою въ Москвѣ, а лѣтомъ въ Нижегородской деревнѣ, или въ подмосковномъ селѣ Леоновѣ, на Яузѣ, онъ въ 1772 г. вышелъ въ отставку, съ чиномъ статскаго совѣтника, и уѣхалъ за границу, въ Спа, затѣмъ въ Стокгольмъ, откуда вернулся черезъ годъ и всецѣло отдался „философскому уединенію, разсматриванію природы и ученымъ созерцаніямъ“, поддерживая оживленную переписку съ Бюффономъ, Геллертомъ, Валлеріусомъ, Линнеемъ и другими европейскими учеными; Линнею онъ сообщалъ о своихъ научныхъ открытіяхъ, которыми великій ученый пользовался съ благодарностью. Во время своихъ странствованій за границею и по Россіи Демидовъ собралъ богатѣйшія коллекціи по всѣмъ отдѣламъ естествознанія, а также по нумизматикѣ и художествамъ (въ основу ихъ положенъ пріобрѣтенный имъ въ Парижѣ кабинетъ актрисы Клеронъ), и большую библіотеку книгъ и рукописей; каталогъ послѣдней, по выработанной самимъ Демидовымъ системѣ, а также описи минералогическихъ, зоологическихъ и ботаническихъ коллекцій, былъ изданъ на французскомъ языкѣ въ Москвѣ, въ 1806 г., проф. Фишеромъ (3 части); здѣсь указаны и рукописныя сочиненія самого Демидова по разнымъ вопросамъ — числомъ 14; къ каталогу приложенъ портретъ Демидова, гравированный Соколовымъ съ Рокотова и краткая его біографія. Въ 1803 г. (29 Апр.) Демидовъ обратился къ Императору Александру съ прошеніемъ объ учрежденіи въ Ярославлѣ „училища, которое имѣло бы одинаковую степень съ университетами и всѣ преимущества онаго“, для чего онъ изъявилъ желаніе пожертвовать 3578 душъ въ Романовскомъ и Углицкомъ уѣздахъ и 100/т. руб. асс. Пожертвованіе это было принято, и 6 Іюня Высочайше повелѣно было Сенату „привести въ исполненіе всѣ распоряженія Демидова въ точной сообразности съ его волей“, при чемъ онъ награжденъ былъ орденомъ Владиміра 1-й ст. большого креста, „установленнаго въ награду изящныхъ гражданскихъ дѣятелей“. 28 Января 1805 г. утвержденъ былъ уставъ Демидовскаго высшихъ наукъ училища, а 29 Апрѣля послѣдовало торжественное открытіе. Въ томъ же 1803 г. Демидовъ пожертвовалъ 100/т. руб. Московскому университету и по 50/т. руб. на Кіевскій и Тобольскій университеты, когда они будутъ открыты (послѣдняя сумма, возросшая до 190/т. руб., употреблена была на Томскій университетъ). Московскому же университету онъ подарилъ всю свою библіотеку и всѣ свои собранія, оцѣнивавшіяся въ 300/т. руб.; все это погибло въ 1812 году. За свою просвѣтительную дѣятельность Демидовъ былъ избранъ въ почетные члены Московскаго университета и награжденъ (25 Марта 1805 г.) чиномъ д. ст. совѣтника. Въ 1829 г., 6 Марта, въ Ярославлѣ, на Ильинской площади, открытъ памятникъ Демидову на средства, собранныя мѣстнымъ дворянствомъ. Демидовъ былъ женатъ на княжнѣ Аннѣ Николаевнѣ Сибирской, рано овдовѣлъ и дѣтей не имѣлъ; послѣдніе годы жизни онъ провелъ въ своемъ Леоновѣ, гдѣ и умеръ 1 Іюля 1821 г.; погребенъ въ Москвѣ, въ Спасо-Андроніевомъ монастырѣ.

По словамъ Бантыша-Каменскаго, Демидовъ „въ домашнемъ обращеніи былъ тихъ, кротокъ и во всемъ чрезвычайно умѣренъ; на столъ его выходило не болѣе 6 или 7 руб. въ мѣсяцъ, и вообще велъ онъ жизнь весьма воздержную. Въ знакомствѣ былъ весьма разборчивъ и уважалъ людей не по чинамъ, не по богатству, а по уму, по ихъ знаніямъ и честнымъ правиламъ въ жизни, которыя самъ соблюдалъ строго. Въ разговорахъ былъ медлителенъ и сущность дѣла понималъ не скоро; но что одинъ разъ понялъ, того не забывалъ никогда, и до конца жизни сохранилъ память необыкновенную. Его называли скупымъ, потому что онъ не давалъ обѣдовъ, былъ врагъ роскоши, носилъ нѣсколько лѣтъ одинъ кафтанъ, производилъ дворовымъ людямъ умѣренное содержаніе, чтобы они трудились для себя, не предаваясь гибельной праздности. „Всякой“, говорилъ онъ, „долженъ довольствоваться тѣмъ, чѣмъ кого благословилъ Богъ“.

(Съ портрета, находящагося въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ, въ Ярославлѣ.)

PAUL GRIGORIEWITCH DÉMIDOFF, 1738—1821, second fils de Grégoire Akinfiewitch Démidoff et d'Anastasie Pavlowna, née Sourovtzoff, naquit le 29 décembre 1738. Elevé à Rével, chez le professeur Sigismundi, de 1748 à 1751, il alla ensuite suivre les cours de l'université de Göttingen et de l'Ecole des Mines de Freiberg, après quoi il passa six ans à parcourir l'Europe pour étudier l'industrie minière. A son retour en Russie en février 1762, il remit aux mains de ses frères une bonne partie des propriétés héritées de son père, pour se consacrer exclusivement à la science, prit du service comme conseiller au Collège des Mines et alla à Ekatérinebourg et ailleurs visiter les industries métallurgiques. L'hiver à Moscou, l'été dans ses terres de Nijni-Novgorod ou à Léonovo, sa propriété des environs de Moscou, il prit sa retraite en 1772 comme conseiller d'état, et partit pour l'étranger. D'abord à Spa, puis à Stockholm, il revint au bout d'un an se livrer tout entier „au recueillement philosophique, à la contemplation de la nature et aux méditations scientifiques". Il entretint une correspondance suivie avec plusieurs savants étrangers, Buffon, Hellert, Valerius, et Linnée, auquel il communiqua ses découvertes scientifiques et qui les utilisa avec reconnaissance. Au cours de ses voyages en Russie et à l'étranger, il rassembla de richissimes collections d'histoire naturelle, ainsi que des galeries de numismatique et d'art, auxquelles servit de base le cabinet de Mlle Clairon, dont il avait fait l'acquisition à Paris. Il réunit aussi une belle bibliothèque de livres et de manuscrits, dont le catalogue, établi d'après un système à lui, ainsi que celui de son musée de minéralogie, zoologie et botanique, fut publié en français par le professeur Fischer (3 parties, Moscou, 1806); ce catalogue, qui contient l'indication de quatorze ouvrages manuscrits composés par lui-même sur des sujets divers, est enrichi de son portrait gravé par Sokoloff d'après Rokotoff, et d'une courte biographie. Le 29 avril 1803, Démidoff remit à l'Empereur Alexandre une requête tendant à la création à Yaroslav „d'un établissement qui fût l'équivalent des universités et en eût toutes les prérogatives"; il offrait à cet effet 3578 têtes de paysans dans les districts de Romanowsk et d'Ouglitzk et 100.000 roubles-assignats. L'Empereur agréa tout, prescrivit au Sénat, par oukase du 6 juin, „de mettre à exécution toutes les instructions de Démidoff d'une manière scrupuleusement conforme à ses intentions" et fit le généreux donateur grand-croix de St-Vladimir de 1re classe, „récompense réservée aux actes de valeur civile". Le 28 janvier 1805 furent sanctionnés les statuts de l'Ecole des Hautes Etudes Démidoff, dont l'inauguration solennelle eut lieu le 29 avril suivant. La même année 1803, Démidoff avait fait un don de 100.000 roubles à l'université de Moscou, et un autre de 50.000 roubles à chacune de celles de Kieff et de Tobolsk pour le moment de leur ouverture: la somme assignée à Tobolsk fut affectée à Tomsk; elle se montait, intérêts compris, à 190.000 roubles. A l'université de Moscou Démidoff fit don encore de toute sa bibliothèque et de toutes ses collections; ces richesses, estimées à 300.000 roubles, furent consumées en 1812. Ses éminents services scientifiques lui valurent le titre de membre honoraire de l'université de Moscou et, le 25 mars 1805, le rang de conseiller d'état actuel. La bourgeoisie de Yaroslav lui fit élever à ses frais dans cette ville un monument qui fut inauguré le 6 mars 1829, sur la place St-Elie. Marié à la princesse Anne Nikolaewna Sibirsky, il devint veuf de bonne heure et n'eut pas d'enfants. Il passa ses dernières années dans son Léonovo, où il mourut le 1er juillet 1821; il fut inhumé à Moscou, au monastère Spasso-Andronieff.

„Dans son intérieur", dit Bantych-Kamensky, Démidoff „était tranquille, doux, et d'une extrême modération en tout; sa table ne lui coûtait que 6 ou 7 roubles par mois, et il avait un régime de vie de la plus grande simplicité. Très difficile sur le choix de ses relations, il appréciait les hommes non pas d'après le rang ou la richesse, mais d'après la valeur intellectuelle, l'instruction et la rigueur des principes, sur lesquels il était très sévère pour lui-même. Lent de parole, il mettait un certain temps à saisir une chose à fond; mais une fois qu'il avait compris, il n'oubliait jamais et conserva jusqu'à la fin une mémoire extraordinaire. On le disait avare, parce qu'il ne donnait pas de dîners, n'aimait pas le luxe, gardait plusieurs années la même robe de chambre et n'accordait à ses gens que des gages modiques, pour les obliger à travailler pour eux et les préserver d'une funeste oisiveté. „Chacun", disait-il, „doit se contenter du lot que Dieu lui a donné".

(D'après un original du Lycée Juridique Démidoff, à Yaroslav.)

198

ПРАСКОВІЯ ИВАНОВНА ГУРЬЕВА, 1757—1813, въ теченіе многихъ лѣтъ близкая особа извѣстнаго секретаря Екатерины II, оставившаго важный въ историческомъ отношеніи дневникъ, Александра Васильевича Храповицкаго, и мать его дѣтей. Родилась П. И. Гурьева 13 Октября 1757 года. О происхожденіи ея намъ не удалось получить никакихъ свѣдѣній, равно и біографическихъ данныхъ. Есть причины предполагать, что она была замужней женщиной, и ея мужъ былъ въ родствѣ съ тѣми Гурьевыми, къ коимъ принадлежалъ министръ финансовъ, графъ Д. А. Гурьевъ.

Прилагаемый портретъ, кисти Левицкаго, принадлежащій ея родному правнуку, относится къ 1780-мъ годамъ; къ сожалѣнію, онъ сильно попорченъ какъ временемъ, такъ и реставраціей.

П. И. Гурьева жила въ домѣ А. В. Храповицкаго (у Храповицкаго моста), въ С.-Петербургѣ, много лѣтъ, и въ этомъ домѣ родились нѣкоторыя изъ ея дѣтей. Остались о ней весьма немногія замѣтки ея сына Павла Александровича, при томъ несущественныя, въ родѣ того, что „14 Октября именины матушки“.... Затѣмъ онъ же записалъ: „16 Октября 1813 г., въ 5 ч. утра, скончалась матушка“.

П. И. Гурьева погребена на кладбищѣ Фарфороваго завода, близъ Петербурга, около церкви. Могила и памятникъ еще цѣлы, но надписи уже нѣтъ. Она была слѣдующая: „Здѣсь погребено тѣло рабы Божіей Прасковьи Ивановны Гурьевой, скончавшейся 16 Октября 1813 г., на 57 году своей жизни“.

У П. И. Гурьевой и А. В. Храповицкаго было 6 человѣкъ дѣтей: Петръ (р. 10 Декабря 1777 г.), Павелъ (р. 24 Марта 1779 г., † 7 Февраля 1864 г.), Александръ (р. 9 Октября 1780 г.), Елена (р. 16 Мая 1782 г., † 5 Марта 1786 г.), Василій (р. 5 Января 1785 г.) и Надежда (р. 5 Сентября 1797 г., † 1 Мая 1882 г.; въ замужствѣ Дудина).

Сыновья Петръ и Павелъ были записаны въ дѣтствѣ—первый въ Кирасирскій полкъ, а второй въ Конную гвардію. Дѣти были признаны въ дворянствѣ и получили фамилію отца. Такъ какъ А. В. Храповицкій не былъ женатъ, то вся эта вѣтвь рода Храповицкихъ совершенно не показана въ Родословномъ Сборникѣ Руммеля, между тѣмъ именно къ этой отрасли фамиліи принадлежитъ, напримѣръ, архіепископъ Волынскій Антоній (Храповицкій), родной правнукъ современника Великой Екатерины и ея статсъ-секретаря.

(Съ портрета Левицкаго, собственность Г. І. Юзефовича, въ С.-Петербургѣ.)

198

PRASCOVIE IVANOWNA GOURIEFF, 1757—1813, resta de longues années en relations avec Alexandre Vassiliewitch Khrapovitzky, connu comme secrétaire de Catherine II et auteur d'un Journal précieux pour l'histoire de l'époque, et fut la mère de ses enfants. Elle naquit le 13 octobre 1757. Sans avoir pu découvrir qui elle était ni trouver sur elle de renseignements biographiques, nous avons des raisons de supposer qu'elle était mariée, et dans la famille du comte D. Gourieff, le ministre des finances.

Le présent portrait par Lévitzky, appartenant à un arrière-petit-fils en ligne directe de Mme Gourieff, est un peu postérieur à 1780. Il est malheureusement fort endommagé, par le temps et par une restauration.

Mme Gourieff habita longtemps chez Khrapovitzky, dans sa maison du Pont Khrapovitzky, où naquirent plusieurs de leurs enfants. On n'a conservé que quelques notes peu nombreuses et d'ailleurs sans grande importance de son fils Paul, comme celle-ci: „14 octobre fête de maman" et cette autre: „16 octobre 1813, à 5 heures du matin, mort de maman".

Mme Gourieff est inhumée au cimetière de la Manufacture de Porcelaine, près de Pétersbourg, contre l'église. La tombe et le monument sont bien conservés, mais l'épitaphe a disparu; elle était ainsi conçue: „Ici repose le corps de la Servante de Dieu Prascovie Ivanowna Gourieff, décédée le 16 octobre 1813 dans sa 57e année".

Elle eut avec Khrapovitzky six enfants, Pierre (né 10 décembre 1777), Paul (24 mars 1779—7 février 1864), Alexandre (né 9 octobre 1780), Hélène (16 mai 1782—5 mars 1786), Basile (né 5 janvier 1785) et Nadejda (5 septembre 1797—1er mai 1882), mariée à Doudine.

Ses deux fils Pierre et Paul furent enrôlés étant enfants, le premier dans un régiment de cuirassiers, le second à la Garde à cheval. Tous les enfants furent admis à la noblesse et autorisés à porter le nom de leur père, mais, Khrapovitzky n'étant pas marié, la Généalogie de Rummel ne porte pas mention de cette branche de sa famille, à laquelle appartient cependant l'archevêque de Volhynie Antoine (Khrapovitzky), arrière-petit-fils en ligne directe du contemporain et secrétaire d'état de la Grande Catherine.

(D'après un original de Lévitzky, appartenant à G. Yusefowitch, St-Pétersbourg.)

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА НОВОСИЛЬЦОВА, 1755—1842, была родная сестра извѣстнаго гофмейстера двора Великаго Князя Александра Павловича Ардаліона Александровича Торсукова, женатаго на Екатеринѣ Васильевнѣ Перекусихиной. Личная близость послѣдней къ Великому Князю Александру Павловичу до его свадьбы, вліяніе и любовь, которую питала Екатерина II къ теткѣ Торсуковой, знаменитой Маріи Саввишнѣ Перекусихиной, исключительное довѣріе и расположеніе, которымъ дарила Великая Княгиня Елисавета Алексѣевна самого Торсукова, все это вмѣстѣ не могло не повліять благопріятно на служебные успѣхи мужа Екатерины Александровны, Петра Ивановича Новосильцова. Сынъ Мценскаго мѣщанина, по словамъ князя П. Долгорукаго, за плутни наказаннаго кнутомъ и сосланнаго въ Сибирь, откуда онъ вернулся офицеромъ, П. И. Новосильцовъ началъ службу мелкимъ чиновникомъ и канцеляристомъ, достигнувъ потомъ чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, званія сенатора и должности генералъ-провіантмейстера. Этимъ онъ обязанъ былъ, конечно, не только своимъ исключительному уму, способностямъ, дарованіямъ и трудолюбію, но и въ значительной степени родственнымъ связямъ и вліянію жены. (См. о немъ т. V, № 111.) Екатерина II лично знала Новосильцова и умѣла его цѣнить: „Je sais“, говоритъ она, „qu'il soigne beaucoup ses propres intérêts, mais il soigne également ceux de l'armée; il est intelligent et actif; il faut vivre soi-même tout en laissant vivre les autres“.

По словамъ Вигеля, его „сначала пугала жена Новосильцова, Катерина Александровна: ничего страшнѣе ея взгляда и голоса, ничего добрѣе ея сердца“. Даже князь П. Долгорукій говоритъ о ней, что это была „une femme d'un esprit remarquable“.

У Новосильцовой было 6 сыновей: Александръ, Василій, Николай (р. 24 Мая 1789 г., † 2 Октября 1856 г.; сенаторъ, женатъ на графинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ Апраксиной), Ардаліонъ, Иванъ и Петръ (р. 1797 г.; Московскій вице-губернаторъ и Рязанскій губернаторъ, женатый на Меронѣ Александровнѣ Берингъ).

Е. А. Новосильцова умерла 8 Іюня 1842 г. и похоронена на Тихвинскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. На ея памятникѣ написано: „Матери-благодѣтельницѣ слабый знакъ искреннихъ чувствъ безпредѣльной и вѣчной благодарности ею облагодѣтельствованныхъ и горько оплакивающихъ ея кончину дѣтей съ ихъ семействами“.

Настоящій портретъ былъ на Тургеневской выставкѣ въ Академіи Наукъ, онъ парный и писанъ той же рукой, что и портретъ ея мужа П. И. Новосильцова.

(Съ портрета, принадлежащаго Н. А. Хвостову, с. Спасское-Лутовиново, Орловской губ.)

199

CATHERINE ALEXANDROWNA NOVOSSILTZOFF, 1755—1842, était sœur d'Ardaillon Alexandrowitch Torsoukoff, connu comme maître de la Cour du Grand-Duc Alexandre Pavlowitch et mari de Catherine Vassiliewna Pérékoussikhine. Intime du Grand-Duc Alexandre Pavlowitch avant son mariage, nièce de la fameuse Marie Savvichna Pérékoussikhine à laquelle Catherine II témoignait tant de confiance et d'affection, Mme Torsoukoff était ainsi dans des conditions qui, jointes au crédit dont jouissait son mari près de la Grande-Duchesse Elisabeth Alexéewna, ne pouvaient que contribuer avantageusement à la carrière du mari de sa belle-sœur, Pierre Ivanowitch Novossiltzoff. Fils d'un bourgeois de Mtzensk, knouté pour quelque méfait, dit le prince P. Dolgorouky, et exilé en Sibérie, d'où il revint officier, Pierre Novossiltzoff, entré au service comme petit fonctionnaire et expéditionnaire, devint plus tard conseiller privé actuel, sénateur et commissaire général aux vivres. Tout cela, il le dut certainement beaucoup moins à ses aptitudes exceptionnelles, à ses talents et à son travail qu'à ses liens de parenté et à l'influence de sa femme. (V. sa biographie T. V, № 111.) Catherine II le connaissait personnellement et savait l'apprécier: „Je sais", disait-elle, „qu'il soigne beauconp ses propres intérêts, mais il soigne également ceux de l'armée; il est intelligent et actif: il faut vivre soi-même tout en laissant vivre les autres". Quant à sa femme, dit Wiegel, „au commencement, elle me faisait peur: rien de plus terrible que son regard et sa voix, rien de meilleur que son cœur". Et le prince P. Dolgorouky lui-même l'estime „une femme d'un esprit remarquable".

Mme Novossiltzoff eut six fils: Alexandre, Basile, Nicolas (24 mai 1789—2 octobre 1856), sénateur, marié à la comtesse Catherine Ivanowna Apraxine, Ardaillon, Ivan et Pierre (né 1797), vice-gouverneur de Moscou et gouverneur de Riazan, marié à Mérone Alexandrowna Behring.

Elle mourut le 8 juin 1842, et fut inhumée au cimetière Tikhvine, au monastère d'Alexandre Newsky. Sa tombe porte l'inscription: „A la meilleure des mères, faible témoignage des sentiments sincères de reconnaissance éternelle et sans bornes de ses enfants éplorés et de leur famille".

Le présent portrait a figuré à l'Exposition Tourguéneff, à l'Académie des Sciences. De la même main que celui de Pierre Novossiltzoff, il lui fait pendant.

(D'après un original appartenant à N. Khvostoff, Spasskoïé-Loutovinovo, gouv. d'Orel.)

196

Графиня Марія Николаевна
Скавронская,
1729 — 1804

La Comtesse Marie Nikolaewna
Skavronsky,
1729 — 1804

197

Павелъ Григорьевичъ
Демидовъ,
1738 — 1821

Paul Grigoriewitch
Démidoff,
1738 — 1821

198

Писъ. Левицкій

Peint par Lévitzky

Прасковія Ивановна
Гурьева,
1757 — 1813

Prascovie Ivanowna
Gourieff,
1757 — 1813

199

Екатерина Александровна
Новосильцова,
1755 — 1842

Catherine Alexandrowna
Novossiltzoff,
1755 — 1842

PORTRAITS RUSSES

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи
2966

200

Князь ВЛАДИМІРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ЯШВИЛЬ, 1764—1815, старшій братъ князя Льва Михайловича, также привезенный мальчикомъ съ Кавказа, происходилъ изъ неизвѣстнаго имеретинскаго княжескаго рода; родился онъ 15 Іюля 1764 года. 5 Мая 1800 г. Яшвиль, будучи капитаномъ гвардейской артиллеріи, переведенъ, съ чиномъ полковника, въ конный баталіонъ Богданова 2-го. Яшвиль былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ заговора противъ Императора Павла I и принималъ непосредственное и самое циничное участіе въ событіи 11 Марта. Одной изъ побудительныхъ причинъ участія Яшвиля въ этомъ дѣлѣ была, по всей вѣроятности, личная месть: по словамъ барона Гейкинга, Павелъ I въ запальчивости побилъ князя палкой. По восшествіи на престолъ Александра I, князь Яшвиль былъ переведенъ обратно въ гвардейскій артиллерійскій баталіонъ (20 Марта 1801 г.). Онъ скончался въ своемъ Калужскомъ имѣніи, с. Муромцовѣ, 50 лѣтъ, 11 мѣсяцевъ и 12 дней, 20 Іюля 1815 г., и похороненъ въ Козельской Оптиной пустыни, Калужской губерніи. На памятникѣ его, кромѣ словъ: „Господи, пріими духъ мой съ миромъ“, на другой сторонѣ написано:

„Онъ счастьемъ въ мірѣ семъ душевнымъ наслаждался,
Семейству вѣрнымъ другомъ былъ.
Спокойный совѣстью съ сей жизнію разстался,
И въ міръ безсмертія съ надеждой воспарилъ“.

Князь В. М. Яшвиль былъ женатъ на Варварѣ Александровнѣ Сухово-Кобылиной (р. 18 Сентября 1782 г., † 22 Іюля 1822 г.; похоронена въ Кіевскомъ Выдубицкомъ монастырѣ, рядомъ съ княземъ Львомъ Михайловичемъ Яшвилемъ); она была родной теткой писателей А. В. Сухово-Кобылина и графини Е. А. Саліасъ (Евг. Туръ). Отъ этого брака у князя В. М. Яшвиля были дѣти: сынъ Владиміръ и дочери: Евдокія, въ замужствѣ за Н. О. Сухозанетомъ, Марія—за Г. Ѳ. Гежелинскимъ, и Варвара († незамужней).

(Съ миніатюры, принадлежащей князю Л. В. Яшвилю, въ Кіевѣ.)

Le prince VLADIMIR MIKHAÏLOWITCH YACHVIL, 1764—1815, frère aîné du prince Léon Mikhaïlowitch Yachvil, fut comme lui amené tout enfant du Caucase; il naquit le 15 juillet 1764, d'une famille princière inconnue d'Imérétie. Capitaine à l'artillerie de la Garde, il passa le 5 mai 1800 colonel dans un bataillon d'artillerie montée. Il déploya une énergie particulière dans l'organisation du complot contre Paul Ier, et, le jour du 11 mars, prit à l'exécution une part active et des plus cyniques. Il était sans doute mû aussi par un ressentiment personnel contre l'Empereur, qui l'aurait, dit le baron Heyking, frappé de sa canne dans un moment d'humeur. Quelques jours après l'avènement d'Alexandre Ier, il rentrait le 20 mars à l'artillerie de la Garde. Il mourut dans sa propriété de Mouromtzévo, gouvernement de Kalouga, à l'âge de 50 ans, 11 mois et 12 jours le 20 juillet 1815, et fut inhumé au monastère Optine, près Kozelsk, même gouvernement. Son monument porte l'inscription: „Seigneur, donne Ta paix à mon âme!“ Sur l'autre face, on lit l'épitaphe suivante:

„En ce monde son cœur eut la félicité,
„De sa famille il fut ami fidèle.
„La conscience pure il a quitté la vie,
„Vers l'immortalité s'envolant plein d'espoir“.

Le prince Yachvil avait épousé Varvara Alexandrowna Soukhovo-Kobyline (18 septembre 1782—22 juillet 1822), inhumée au monastère Vydoubitzky, à Kieff, près du prince Léon Mikhaïlowitch Yachvil: elle était la tante d'Alexandre Soukhovo-Kobyline et de la comtesse Elisabeth Salias (Eugénie Tour), les écrivains connus. De ce mariage naquirent un fils, Vladimir, et trois filles, Eudoxie, mariée à N. Soukhozanet, Marie à G. Guéjélinsky, et Varvara, morte sans alliance.

(D'après une miniature appartenant au prince L. Yachvil, Kieff.)

201

АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ЖЕРЕБЦОВЪ, 1754—1807, дѣйствительный камергеръ, тайный совѣтникъ, сынъ генералъ-аншефа, потомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Алексѣя Григорьевича (былъ женатъ первымъ бракомъ на Маріи Михайловнѣ Нарышкиной, вторымъ на Сухаревой и умеръ въ 1777 г.), родился 30 Августа 1754 года. Умеръ 28 Іюня 1807 г. и погребенъ въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ, въ церкви св. Александра Свирскаго.

А. А. Жеребцовъ былъ женатъ на Ольгѣ Александровнѣ Зубовой (р. 1766 г., † 1849 г.), извѣстной сестрѣ фаворита Екатерины II и участницѣ подготовленія событія 11 Марта 1801 г., отъ которой имѣлъ 2 сыновей: Александра и Григорія, и 2 дочерей: Елизавету, за генералъ-адъютантомъ Николаемъ Михайловичемъ Бороздинымъ, и Анну.

(Съ миніатюры, принадлежащей П. А. Демидову, въ С.-Петербургѣ.)

201

ALEXANDRE ALEXÉEWITCH JÉREBTZOFF, 1754—1807, chambellan actuel et conseiller privé, fils du général en chef, puis conseiller privé actuel Alexis Grigoriewitch Jérebtzoff (marié en premières noces à Marie Mikhaïlowna Narychkine, en secondes noces à Mlle Soukhareff, mort en 1777), naquit le 30 août 1754. Il mourut le 28 juin 1807, et fut inhumé au monastère Donskoï, dans l'église St-Alexandre Svirsky, à Moscou.

Jérebtzoff épousa la sœur du favori de Catherine II, Olga Alexandrowna Zouboff (1766—1849), qui joua un rôle dans la préparation de l'affaire du 11 mars 1801. Il eut d'elle deux fils, Alexandre et Grégoire, et deux filles, Elisabeth, mariée au général aide de camp Nicolas Mikhaïlowitch Borozdine, et Anne.

(D'après une miniature appartenant à P. Démidoff, St-Pétersbourg.)

ПЕТРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ТАЛЫЗИНЪ, 1767—1801, младшій сынъ Александра Федоровича Талызина, отъ брака съ Маріей Степановной Апраксиной, родился 17 Января 1767 г. (см. т. II, № 115); воспитывался Талызинъ въ Штутгартѣ въ „Высшей герцога Карла школѣ“, гдѣ въ 1782 г., 22 Декабря, получилъ патентъ на награды за французскій языкъ и всеобщую исторію. Вмѣстѣ съ братомъ Степаномъ началъ службу въ Измайловскомъ полку и 1 Января 1784 г. произведенъ въ прапорщики, черезъ годъ—въ подпоручики, еще черезъ 2 года—въ поручики, 1 Января 1789 г.—въ капитанъ-поручики, въ 1791 г.—въ капитаны. Произведенный 11 Августа 1797 г. въ генералъ-майоры, 15 Апрѣля 1799 г. Талызинъ былъ пожалованъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ командиромъ Преображенскаго полка. Въ это время онъ имѣлъ орденъ св. Анны 1 ст. и былъ командоромъ Мальтійскаго ордена. Молодой генералъ, богатый холостякъ, пользовался любовью въ полку. Человѣкъ, получившій по тому времени блестящее образованіе, въ душѣ мистикъ, масонъ, Талызинъ, по свидѣтельству современниковъ, сдѣлался дѣятельнымъ участникомъ заговора противъ Павла I. „Талызинъ былъ единственной надежной подпорой заговорщиковъ и, вѣроятно, былъ умышленно рекомендованъ Павлу на это мѣсто, куда былъ указанъ графомъ Н. П. Панинымъ. Однажды Талызинъ, возвратившись поздно вечеромъ домой, нашелъ на столѣ въ своемъ кабинетѣ запечатанное письмо; распечатываетъ—оно отъ графа Панина, который проситъ его содѣйствовать Палену въ заговорѣ противъ Императора, говоря, что онъ уже рекомендовалъ его, какъ надежнаго и вѣрнаго человѣка, военному губернатору“. Талызинъ не только самъ вступилъ въ число заговорщиковъ, но и завлекъ въ него своихъ офицеровъ, Аргамакова и С. Н. Марина. Талызинъ устраивалъ у себя „интимныя сборища и de petits soupers fins, длившіеся до поздней ночи“. Наконецъ, 11 Марта, около 11 ч. вечера, отъ П. Зубова заговорщики, до 40 человѣкъ, собрались на квартирѣ Талызина въ Лейбъ-Компанскомъ корпусѣ Зимняго дворца, гдѣ стоялъ 1 баталіонъ. Послѣ ужина съ шампанскимъ заговорщики, изъ которыхъ многіе были пьяны, отправились къ Михайловскому замку, гдѣ въ это время уже были Маринъ и Аргамаковъ: первый командовалъ внутреннимъ карауломъ преображенцевъ, а второй былъ дежурнымъ и долженъ былъ докладывать о пожарахъ въ городѣ. Самъ Талызинъ вывелъ баталіонъ своего полка и повелъ его къ замку, внушивъ солдатамъ, что нужно спѣшить, ибо жизнь Государя въ опасности, въ замкѣ онъ занялъ наружные входы и приказалъ зарядить ружья.... Вѣроятно, событіе 11 Марта тяжело повліяло на Талызина, онъ прожилъ ровно 2 мѣсяца и скончался 11 Мая 1801 г.; похороненъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры; на памятникѣ его надпись: „Любезному, нѣжному и вѣрному брату и другу, въ вѣрѣ непоколебимому, въ счастіи и въ несчастіи равному, въ честности отличному и въ дружбѣ неизмѣнному. Воздвигнули сей прискорбія знакъ съ сердечнымъ сѣтованіемъ оставшіеся по немъ 2 сестры и братъ“. „Предъ самой кончиной, собственноручнымъ письмомъ“ на имя Государя, Талызинъ просилъ, чтобы его большое состояніе, болѣе 2000 душъ, вопреки закону, было раздѣлено на 3 равныя части между братомъ и сестрами; это завѣщаніе было представлено Государю и утверждено на другой же день послѣ его смерти, т.-е. 12 Мая. Смерть Талызина была неожиданна, и современники окружили ее таинственностью. Декабристъ Фонъ-Визинъ пишетъ, что Панинъ и Паленъ хотѣли „ограничить самодержавіе, заставя Александра въ первую минуту принять конституціонный актъ“, но Талызинъ, „человѣкъ искренно преданный Александру, убѣждалъ его ни подъ какимъ видомъ не давать согласія, обѣщая, что гвардія сохранитъ вѣрность Александру и поддержитъ его. Александръ послѣдовалъ внушеніямъ Талызина“.... Паленъ догадался и „въ отмщеніе ему нашелъ способъ отравить его. Это происходило на 3-й или 4-й день послѣ трагической кончины Павла. Талызинъ внезапно занемогъ со всѣми признаками отравленія и тотчасъ послалъ за Александромъ. Талызинъ успѣлъ открыть ему свое подозрѣніе и на рукахъ Императора испустилъ духъ“. Весь этотъ разсказъ интересенъ, конечно, только какъ отголосокъ циркулировавшихъ въ то время толковъ о причинахъ его смерти, но не имѣетъ никакихъ признаковъ фактической и хронологической достовѣрности: Талызинъ умеръ не 4 дня спустя послѣ 11 Марта, а 11 Мая, и Государь, очевидно, не видалъ его предъ смертью, ибо только на другой день узналъ о его завѣщаніи. Однако, таинственные слухи, 11-е число, спустя ровно 2 мѣсяца послѣ трагическаго событія въ Михайловскомъ замкѣ, неожиданность смерти, писаніе наканунѣ завѣщанія—все это невольно наводитъ на мысль о томъ, не было ли тутъ самоубійства.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

PIERRE ALEXANDROWITCH TALYZINE, 1767—1801, plus jeune fils d'Alexandre Féodorowitch Talyzine et de Marie Stépanowna Apraxine, naquit le 17 janvier 1767 (v. T. II, № 115). Il fit ses études à Stuttgard, à l'Ecole Supérieure du Duc Charles, où il reçut le 22 décembre 1782 un brevet de français et d'histoire générale. Il entra au service, en même temps que son frère Stéphane, au régiment Izmaïlowsky, où il fut porte-enseigne le 1er janvier 1784, sous-lieutenant un an après, lieutenant au bout de deux autres années, capitaine-lieutenant le 1er janvier 1789, capitaine en 1791. Promu le 11 août 1797 général major, il fut fait le 15 avril 1799 général lieutenant et nommé chef du régiment Préobragensky; il était alors chevalier de Ste-Anne de 1re classe et commandeur de l'ordre de Malte. Jeune général, riche célibataire, il était fort aimé au régiment. Pourvu d'une éducation brillante dans le goût du temps, âme mystique, franc-maçon, il prit une part active au complot contre Paul Ier. Talyzine était, au témoignage des contemporains, „le seul appui sûr des conjurés et fut sans doute recommandé à dessein à Paul pour être le chef du régiment Préobragensky à la tête duquel il avait été mis sur l'indication du comte N. Panine. En rentrant chez lui un soir tard, il trouve sur son bureau une lettre cachetée; il l'ouvre, elle était du comte Panine, qui le priait de prêter son concours au comte Pahlen pour le complot contre l'Empereur, en lui annonçant qu'il l'avait déjà recommandé au gouverneur militaire comme un homme sûr et fidèle". Non seulement il se mit lui-même au nombre des conjurés, mais encore il y fit entrer deux de ses officiers, Argamakoff et Marine. Il organisa chez lui „des réunions intimes et de petits soupers fins, qui se prolongeaient bien avant dans la nuit". Enfin, le 11 mars, vers 11 heures du soir, les conjurés, au nombre de près de quarante, vinrent de chez Zouboff se réunir chez Talyzine, dans une dépendance du Palais d'Hiver, où se trouvait un bataillon. Après un souper au champagne, ils se dirigèrent, ivres pour la plupart, vers le Palais Michel, où étaient déjà Marine et Argamakoff: le premier, chef du piquet d'intérieur des Préobragensky, le second, de garde et chargé d'annoncer les incendies de la ville. Talyzine lui-même prit un bataillon de son régiment et le dirigea sur le Palais, en disant aux soldats qu'il fallait se hâter, car la vie de l'Empereur était en danger; une fois arrivé, il garda les entrées et fit charger les fusils.... L'événement du 11 mars eut sans doute une influence funeste sur lui: il y survécut juste deux mois et mourut le 11 mai 1801. Il fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky, au cimetière St-Lazare; sur sa tombe on lit l'inscription: „A l'aimable, tendre et fidèle frère et ami, inébranlable dans la foi, égal dans le bonheur et le malheur, parfait en honneur et constant en amitié. Ses deux sœurs et son frère survivants ont élevé ce monument de douleur avec une profonde affliction". A son lit de mort, il écrivit de sa main une lettre à l'Empereur pour le prier de faire une exception à la loi en partageant sa grosse fortune, plus de 2000 âmes, entre son frère et ses sœurs: l'Empereur fit droit à cette demande le lendemain même de la mort, le 12 mai. La fin inopinée de Talyzine fut entourée d'un certain mystère par les contemporains. Le décabriste von Vizine raconte que Panine et Pahlen voulaient „restreindre l'autocratie en forçant dès la première minute Alexandre à adopter un acte constitutionnel", mais que Talyzine, „entièrement dévoué à l'Empereur, l'objura de n'y consentir sous aucune forme, lui promettant que la Garde lui resterait fidèle et le soutiendrait, et réussit à le convaincre".... Pahlen comprit, et, „pour se venger, trouva moyen de l'empoisonner. C'était le troisième ou quatrième jour après la fin tragique de Paul: pris d'un malaise subit avec tous les symptômes d'un empoisonnement, Talyzine envoya immédiatement chercher Alexandre, n'eut que le temps de lui faire part de ses soupçons et expira dans ses bras". L'histoire n'a évidemment d'intérêt que comme écho des bruits qui circulaient alors; l'authenticité en est contredite par les faits et les dates: Talyzine mourut non pas quatre jours après le 11 mars, mais le 11 mai, et l'Empereur ne le vit certainement pas avant sa mort, car ce ne fut que le lendemain qu'il eut connaissance du testament. Pourtant, ces bruits secrets, cette date du 11, deux mois jour pour jour après la catastrophe du Palais Michel, l'imprévu de l'événement, ce testament de la veille, tout porte involontairement à se demander s'il n'y aurait pas eu suicide.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Графъ ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ ТИЗЕНГАУЗЕНЪ, 1774—1862, потомокъ одного изъ древнѣйшихъ Прибалтійскихъ дворянскихъ родовъ, предокъ котораго переселился изъ Германіи въ Лифляндію еще въ 1199 г., сынъ оберъ-гофмейстера графа Ивана Андреевича (р. 1745 г., † 1815 г.), отъ брака его съ Екатериной Ивановной Штакельбергъ, родился 16 Августа (по другимъ свѣдѣніямъ 9 Сентября нов. ст.) 1774 г. (такъ по родословнымъ; по формуляру же онъ уже въ 1773 г. числился на службѣ) и былъ записанъ на службу въ Конную гвардію. Переведенный въ 1781 г. въ Семеновскій полкъ, Тизенгаузенъ въ 1792 г. произведенъ въ прапорщики, а въ 1798 г., въ чинѣ штабсъ-капитана, назначенъ адъютантомъ къ Великому Князю Александру Павловичу. Въ 1799 г. Тизенгаузенъ, уже въ чинѣ полковника, принялъ участіе въ Итальянскомъ походѣ Суворова и заслужилъ ордена: св. Анны 2 ст., Мальтійскій командорскій крестъ, св. Анны 2 ст. съ алмазами (за переходъ черезъ Альпы) и сардинскій св. Маврикія и Лазаря, 15 Октября 1800 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры и назначенъ шефомъ мушкатерскаго полка, но уже на слѣдующій день отставленъ отъ службы, за болѣзнью. Александръ I, 21 Марта 1801 г., вновь принялъ его на службу и назначилъ въ Ригу комендантомъ, а въ 1802 г.—въ Ревель. Въ 1805 г. Тизенгаузенъ вторично вышелъ въ отставку. Поселившись въ Эстляндіи, гдѣ у него была родовая мыза Гросъ-Саусъ, онъ былъ выбранъ въ губернскіе предводители дворянства и въ члены комиссіи, разрабатывавшей проектъ освобожденія крестьянъ. Ревельскій генералъ-губернаторъ, наслѣдный принцъ Ольденбургскій, представляя въ 1815 г. Александру I проектъ новаго закона о крестьянахъ на утвержденіе, въ своемъ докладѣ съ благодарностью отозвался о Тизенгаузенѣ, коего „неутомимая дѣятельность и испытанное благоразуміе“ много способствовали быстрому ходу дѣла. За свои труды по освобожденію крестьянъ Тизенгаузенъ получилъ въ 1816 г. орденъ св. Анны 1 степени. Въ 1827 г. Тизенгаузенъ, послѣ 22-лѣтняго нахожденія въ отставкѣ, вновь былъ принятъ на службу, съ чиномъ тайнаго совѣтника, и пожалованъ въ сенаторы. Въ 1828 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета для начертанія проекта общаго устава Евангелическо-лютеранскихъ церквей въ Россіи, по окончаніи трудовъ котораго былъ, въ 1832 г., награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла. Въ 1833 г. Тизенгаузенъ былъ назначенъ президентомъ Евангелическо-лютеранской Генеральной консисторіи. Служебные его труды были награждены орденами св. Владиміра 2 ст. въ 1835 г. и Александра Невскаго въ 1839 г. и чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника въ 1843 году. Въ 1845 г. онъ былъ, согласно прошенію, уволенъ по разстроенному здоровью отъ службы, съ сохраненіемъ въ воздаяніе долговременной и усердной службы сенаторскаго оклада жалованья.

Графъ П. И. Тизенгаузенъ скончался въ Ревелѣ 1 Декабря 1862 года. Отъ брака съ графиней Юліей Петровной Паленъ (р. 1782 г., † 1862 г.) онъ имѣлъ 3 сыновей: Александра-Эдуарда (р. 1809 г., † 1884 г.), Фердинанда-Ѳедора (р. 1811 г., † 1870 г.) и Петра (р. 1815 г., † 1860 г.), и 4 дочерей: Елену (въ замужствѣ за Григоріемъ Андреевичемъ Захаржевскимъ), Аделанду († 1833 г.; за графомъ Рейнгольдомъ Штакельбергомъ), Наталію (р. 1810 г., † 1899 г.; за Министромъ Юстиціи графомъ Викторомъ Никитичемъ Панинымъ) и Юлію.

У графини С. В. Паниной имѣется также прекрасная миніатюра ея дѣда, графа П. И. Тизенгаузена, помѣченная 1803 годомъ.

(Съ миніатюры, принадлежащей графу Тизенгаузену, въ С.-Петербургѣ.)

Le comte **PAUL IVANOWITCH TIESENHAUSEN**, 1774—1862, originaire d'une des plus vieilles familles de la noblesse baltique, dont un ancêtre avait émigré d'Allemagne en Livonie dès 1199, fils du comte Ivan Andréewitch Tiesenhausen (1745—1815), grand maître de la Cour, et de Catherine Ivanowna, née Stackelberg, naquit le 16 août (d'autres disent le 9 septembre nouveau style) 1774 (d'après les généalogies; ses états de service partent de 1773). Enrôlé à la Garde à cheval, puis affecté en 1781 au régiment Sémenowsky, il fut promu en 1792 porte-enseigne, et, en 1798, alors capitaine en second, nommé aide de camp du Grand-Duc Alexandre Pavlowitch. Déjà colonel en 1799, il fit avec Souvoroff la campagne d'Italie, qui lui valut Ste-Anne de 2e classe, la croix de commandeur de l'ordre de Malte, Ste-Anne de 2e classe en diamants (pour le passage des Alpes) et l'ordre sarde des SS.-Maurice-et-Lazare. Général major le 15 octobre 1800 et chef du régiment de mousquetaires, il donna sa démission le lendemain même pour raisons de santé. Alexandre Ier le réintégra au service le 21 mars suivant et le fit commandant de Riga, puis, en 1802, de Rével. Il reprit sa retraite en 1805 pour se retirer dans sa métairie patrimoniale de Gross-Sauss, en Esthonie, où il fut élu maréchal de la noblesse de gouvernement et membre de la commission du projet d'émancipation des serfs. „Son infatigable activité et sa sagesse éprouvée" permirent de mener rapidement l'étude à bonne fin, furent l'objet d'une mention des plus élogieuses dans le rapport accompagnant le projet de loi soumis en 1815 à l'approbation de l'Empereur par le prince héritier d'Oldenbourg, général gouverneur de Rével, et lui valurent l'année suivante Ste-Anne de 1re classe. En 1827, après vingt-deux ans de retraite, il reprit du service avec rang de conseiller privé et fut fait sénateur. Nommé en 1828 président du comité de préparation d'un projet de règlement général pour l'église luthérienne de Russie, il fut décoré de l'Aigle Blanc en 1832, à l'achèvement de ses travaux, et, l'année suivante, fait président du Consistoire général luthérien. Décoré encore de St-Vladimir de 2e classe en 1835 et de St-Alexandre Newsky en 1839, puis promu conseiller privé actuel en 1843, il fut, en 1845, mis à la retraite sur sa demande pour raisons de santé, mais en conservant, pour sa longue et laborieuse carrière, ses émoluments de sénateur.

Le comte Tiesenhausen mourut à Rével le 1er décembre 1862. De son mariage avec la comtesse Julie Pétrowna Pahlen (1782—1862), il eut trois fils, Alexandre-Edouard (1809—1884), Ferdinand-Théodore (1811—1870) et Pierre (1815—1860), et quatre filles, Hélène, mariée à Grégoire Andréewitch Zakharjewsky, Adélaïde († 1833), au comte Reinhold Stackelberg, Natalie (1810—1899), au comte Victor Nikititch Panine, ministre de la justice, et Julie.

La comtesse S. Panine, petite-fille du comte Tiesenhausen, a aussi de lui une superbe miniature datée de 1803.

(D'après une miniature appartenant au comte Tiesenhausen, St-Pétersbourg.)

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи
№3966

ГУСТАВЪ-ГЕОРГІЙ фонъ-ФЕЛЬКЕРЗАМЪ, 1734—1801, сынъ Лифляндскаго генералъ-экономій директора, ландрата и вице-президента Лифляндскаго гофгерихта Рейнгольда-Георгія фонъ-Фелькерзама, отъ брака съ Софіею-Елизаветою, рожденною баронессою Менгденъ (сестрою фрейлины Юліи Менгденъ, графини Минихъ и графини Лестокъ), родился 28 Февраля 1734 г. въ Ригѣ; получивъ отличное домашнее воспитаніе, подъ руководствомъ гувернера Киллани, впослѣдствіи извѣстнаго ученаго, учился затѣмъ въ Кенигсбергскомъ (1751—1753) и Лейпцигскомъ (1753 и 1754) университетахъ, потомъ, въ 1754 году, отправился въ Саксонію и поступилъ на службу въ Дрезденѣ, гдѣ въ томъ же году пожалованъ былъ камеръ-юнкеромъ. Затѣмъ, уже въ 1757 году, получилъ званіе дѣйствительнаго камергера, съ одновременнымъ назначеніемъ экстраординарнымъ посланникомъ курфюрста Саксонскаго и короля Польскаго при Датскомъ дворѣ, каковую должность исправлялъ до 1768 года. Въ 1763 году былъ предназначаемъ на постъ Саксонскаго посланника въ Версаль, но, прибывъ въ Дрезденъ на похороны короля Августа III, получилъ порученіе вернуться опять въ Данію, гдѣ, при возвращеніи, получилъ звѣзду и цѣпь Данеброга. Въ 1768 году былъ произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ посланникомъ при Вѣнскомъ дворѣ, на мѣсто графа Фицтума, на каковомъ посту оставался до 1775 года. Императрица Марія-Терезія, при прощальной аудіенціи, пожаловала ему лично табакерку, осыпанную брильянтами. При оставленіи поста Вѣнскаго посланника былъ удостоенъ производства въ дѣйствительные тайные совѣтники и пожалованъ орденомъ Бѣлаго Орла. Въ 1773 году городъ Дрезденъ поднесъ ему почетное званіе гражданина. Освободившись отъ служебныхъ обязанностей, онъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, проживалъ то въ Дрезденѣ, то въ Лифляндіи, впредь до назначенія его, въ 1790 году, полномочнымъ министромъ и посланникомъ при Императорскомъ Русскомъ дворѣ. Онъ прибылъ въ Петербургъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1791 года, но уже въ 1800 году, въ виду пошатнувшагося здоровья, просилъ о своемъ отозваніи и, немного спустя, скончался 1 Марта 1801 г. въ своемъ замкѣ Залисбургѣ, въ Лифляндіи. Германскій Императоръ возвелъ его въ баронское достоинство Римской имперіи, но смерть постигла его раньше изготовленія диплома. За неимѣніемъ сыновей, всѣ его большія имѣнія перешли къ его двумъ дочерямъ, изъ которыхъ одна была замужемъ за подполковникомъ барономъ фонъ-Фитингофъ, а другая за дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, герольдмейстеромъ и Пермскимъ губернаторомъ, барономъ Нильсомъ-Оттономъ Крюденеръ. По отзывамъ саксонскихъ историковъ, Фелькерзамъ былъ талантливымъ исполнителемъ возложенныхъ на него задачъ; они чрезвычайно хвалятъ „неутомимую ревность этого на дипломатической службѣ посѣдѣвшаго человѣка“. Его дипломатическія депеши, сохранившіяся въ Дрезденскомъ Государственномъ архивѣ, доказываютъ, особенно за 1791—1796 года, его глубокое и детальное знаніе всѣхъ событій, предшествовавшихъ и подготовлявшихъ второй раздѣлъ Польши, въ которомъ хотя Саксонія и не участвовала, но у которой мечты о возобновленіи претензій на Польскій престолъ еще иногда проявлялись. Фелькерзамъ неоднократно защищалъ при Русскомъ дворѣ интересы герцога Курляндскаго Петра Бирона. Его близкое родство со многими выдающимися современниками, какъ-то: съ посломъ графомъ О. М. Штакельбергомъ, женатымъ на его родной сестрѣ и, кромѣ того, связаннымъ съ нимъ старинной университетской дружбой, съ баронами Менгденъ, съ графами Минихъ, съ г-жой Крюденеръ, приходившейся ему племянницей, а также близкія сношенія со многими австрійскими и саксонскими вліятельными родами, придаютъ жизни Фелькерзама интересъ въ историческомъ и дипломатическомъ отношеніяхъ. Его обширная, дипломатическая и частная, корреспонденція и богатая библіотека, хранившіяся въ замкѣ Залисбургъ, принадлежавшемъ потомку его дочери барону Фитингофу, вмѣстѣ съ замкомъ, уничтожены пожаромъ во время революціи 1905 года. Фелькерзамъ женился въ 1771 году въ Вѣнѣ на баронессѣ Еленѣ-Маріи-Эсѳири фонъ-Ришъ (р. въ Вѣнѣ 1755 г., † въ Лифляндіи 1833 г.). Она была дочь барона Римской имперіи, Саксонскаго тайнаго совѣтника Вольфганга фонъ-Риша († 1776 г.) и сестра тайнаго совѣтника графа Риша и фельдмаршала-лейтенанта барона Іоанна-Сигизмунда фонъ-Риша. Въ преклонныхъ уже лѣтахъ и спустя долгое время послѣ смерти мужа, она вышла вторично замужъ за французскаго эмигранта и авантюриста François-Joseph chevalier de Chaumas, поселившагося въ Лифляндіи.

(Съ миніатюры К. Верне (копія); собственность барона А. Е. фонъ-Фелькерзама, въ С.-Петербургѣ.)

GUSTAVE-GEORGES von FŒLKERSAM, 1734—1801, fils du directeur général des finances, landrat et vice-président du conseil aulique de Livonie, Reinhold-Georges von Fœlkersam et de Sophie-Elisabeth, née baronne Mengden, sœur de la demoiselle d'honneur Julie Mengden, de la comtesse Munnich et de la comtesse Lestock, naquit à Riga le 28 février 1734. Il reçut dans sa famille une excellente éducation sous la direction de son gouverneur Killani, connu plus tard comme savant, alla ensuite aux universités de Kœnigsberg (1751—1753) et de Leipzig (1753 et 1754), puis partit en 1754 pour la Saxe et prit du service à Dresde, où il fut fait la même année gentilhomme de la chambre. Chambellan actuel en 1757, il fut en même temps nommé envoyé extraordinaire de l'électeur de Saxe et du Roi de Pologne près la Cour de Danemark, et le resta jusqu'en 1768; il fut affecté en 1763 à l'ambassade de Versailles, mais, venu à Dresde pour les funérailles du Roi Auguste III, fut rappelé en Danemark, où il reçut l'étoile et la chaîne du Danebrog. Conseiller privé en 1768, il alla remplacer le comte Vitztum comme ambassadeur à Vienne, où il resta jusqu'en 1775; l'Impératrice Marie-Thérèse, à son audience de congé, lui remit de sa main une tabatière d'or enrichie de brillants: il fut en même temps promu conseiller privé actuel et décoré de l'Aigle Blanc. En 1773, la ville de Dresde lui avait conféré le titre de citoyen honoraire. Une fois libre de tout service, il passa quelques années, tantôt à Dresde, tantôt en Livonie, mais finit par être nommé en 1790 ministre plénipotentiaire et envoyé près la Cour de Russie. Arrivé à Pétersbourg en juillet 1791, il dut pourtant se faire rappeler dès 1800 pour raisons de santé, et mourut peu après, le 1er mars 1801, dans son château de Salisburg, en Livonie. L'Empereur d'Allemagne l'avait élevé à la dignité de baron du Saint Empire Romain, mais la mort ne lui laissa pas le temps de recevoir son diplôme. Faute de descendance mâle, la totalité de ses biens passa à ses deux filles, mariées l'une au lieutenant-colonel baron von Vietinghof, l'autre au baron Niels-Othon Krudener, conseiller d'état actuel, maître de la Chambre Héraldique et gouverneur de Perm. Les historiens de la Saxe apprécient hautement le talent avec lequel Fœlkersam s'acquitta des missions qui lui furent confiées et font le plus grand éloge du „zèle infatigable de cet homme blanchi au service diplomatique“. Ses dépêches officielles, conservées aux Archives de l'Etat à Dresde, révèlent surtout pour la période 1791—1796 sa connaissance profonde et détaillée de tous les événements préalables au second partage de la Pologne, à l'écart duquel la Saxe dut sans doute se tenir, mais non sans laisser percer par moments des velléités de prétentions à la succession éventuellement ouverte. Il défendit également à maintes reprises près la Cour de Russie les intérêts du Duc de Courlande Pierre Biron. Sa proche parenté avec nombre de personnages éminents, l'ambassadeur O. Stackelberg, mari de sa propre sœur et son ancien camarade d'université, les barons Mengden, les comtes Munnich, sa nièce Mme de Krudener, et aussi son intimité avec nombre d'influentes familles autrichiennes et saxonnes, donnent à sa vie un intérêt considérable au point de vue historique et diplomatique. Sa vaste correspondance, officielle et personnelle, sa riche bibliothèque furent la proie des flammes lors de la révolution de 1905, en même temps que le château de Salisburg, alors propriété d'un baron Vietinghof, descendant de sa fille.

Fœlkersam avait épousé en 1771 à Vienne la baronne Hélène-Marie-Esther von Riesch, née dans cette ville en 1755 et morte en Livonie en 1833, fille du baron du Saint Empire Romain et conseiller privé du Royaume de Saxe Wolfgang von Riesch († 1776) et sœur du comte Riesch, conseiller privé, et du baron Jean-Sigismond von Riesch, feld-maréchal-lieutenant. Longtemps après la mort de son mari, elle épousa en secondes noces, à un âge avancé, le chevalier François-Joseph de Chaumas, émigré et aventurier français fixé en Livonie.

(D'après une miniature de Carle Vernet (copie), appartenant au baron A. von Fœlkersam, St-Pétersbourg.)

200

Князь Владиміръ Михайловичъ **Яшвиль,** *1764 — 1815*

Le Prince Vladimir Mikhaïlowitch **Yachvil,** *1764 — 1815*

201

Александръ Алексѣевичъ **Жеребцовъ,** *1754 — 1807*

Alexandre Alexéewitch **Jérebtzoff,** *1754 — 1807*

202

Петръ Александровичъ **Талызинъ,** *1761 — 1801*

Pierre Alexandrowitch **Talyzine,** *1761 — 1801*

203

Графъ Павелъ Ивановичъ **Тизенгаузенъ,** *1774 — 1862*

Le Comte Paul Ivanowitch **Tiesenhausen,** *1774 — 1862*

204

Густавъ-Георгій **фонъ-Фелькерзамъ,** *1734 — 1801*

Gustave-Georges **von Fœlkersam,** *1734 — 1801*

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи
№ 3966

Графиня ВАРВАРА НИКОЛАЕВНА ГОЛОВИНА, 1766—1821, авторъ извѣстныхъ мемуаровъ, писанныхъ ею для Императрицы Елисаветы Алексѣевны, съ которою одно время она состояла въ большой дружбѣ. Графиня Головина приходилась, по матери своей, княгинѣ П. И. Голицыной, рожденной Шуваловой, родной племянницей одного изъ первыхъ русскихъ знатоковъ и цѣнителей искусства И. И. Шувалова. Воспитанная въ его домѣ, полномъ художественныхъ произведеній, и подъ его руководствомъ, она унаслѣдовала его любовь къ искусству, особенно къ живописи, и развила въ себѣ свой природный талантъ къ рисованію. Ею между прочимъ написанъ свой собственный портретъ масляными красками, принадлежащій одному изъ ея внуковъ. Графиня Головина съ успѣхомъ занималась и гравированіемъ на мѣди крѣпкой водкой, сдѣлавъ между прочимъ посмертный портретъ Екатерины II, сидящей на Камероновской колоннадѣ Царскосельскаго дворца. Ея офорты смѣло могутъ соперничать съ работами другой любительницы этого искусства, ея современницы, графини Н. М. Строгановой. Знавшая Головину и писавшая съ нея портретъ г-жа Виже-Лебренъ такъ отзывается о ней въ своихъ запискахъ: „La comtesse Golovine était une femme charmante, pleine d'esprit et de talents, ce qui suffisait souvent pour nous tenir compagnie. Elle dessinait très bien et composait des romances charmantes, qu'elle chantait en s'accompagnant du piano. De plus elle était à l'affût de toutes les nouvelles littéraires de l'Europe, qui, je crois, étaient connues chez elle aussi tôt qu'à Paris". Во время своихъ путешествій за границей, графиня Головина не упускала случая срисовывать съ натуры нравившіеся ей виды, рискуя даже разъ быть принятой за шпіона. Ни жизнь при дворѣ въ Петербургѣ, ни полное для нея интереса пребываніе въ Парижѣ въ тѣсномъ общеніи съ Сенъ-Жерменскимъ предмѣстьемъ, ни, наконецъ, религіозный мистицизмъ, охватившій ее съ переходомъ ея въ католичество, не мѣшали графинѣ Головиной съ любовью предаваться своимъ художественнымъ вкусамъ и занятіямъ. Въ своемъ скромномъ помѣщеніи въ Парижѣ, на rue de Babylone, окруженномъ садами, она много занималась рисованіемъ. „Легкость достать себѣ все, что касалось искусства", говоритъ она въ своихъ воспоминаніяхъ, „возбуждала и поощряла вкусъ. Робертъ (французскій художникъ Hubert Robert) обѣдалъ у меня по четвергамъ и оставлялъ мнѣ почти всегда по эскизу, начатому въ два часа, а въ четыре часа уже повѣшенному на стѣну моего салона. Тѣмъ, что я знаю, обязана Роберту; что можетъ быть поучительнѣе, какъ видѣть, какъ работаетъ великій артистъ".

Съ возвращеніемъ графини В. Н. Головиной въ Россію, послѣдовавшія скоро одна за другою тяжелыя для нея потери сперва матери, съ которой она не разставалась всю жизнь, а потомъ лучшаго ея друга, принцессы де-Тарантъ, заботы о выросшихъ дочеряхъ, выданныхъ ею замужъ за иностранцевъ-католиковъ, придворныя дрязги и семейныя непріятности, все это вмѣстѣ не могло не отразиться на состояніи ея духа. Съ этого времени она не упоминаетъ болѣе въ своихъ запискахъ о своихъ занятіяхъ искусствомъ, но ея художественная натура осталась вѣрна себѣ, и на страницахъ ея воспоминаній встрѣчаются прелестныя, полныя поэтическаго чутья описанія поразившихъ ее своей красотой мѣстностей и явленій природы. Передъ самой смертью графиня В. Н. Головина вернулась во Францію, ища исцѣленія отъ постигшей ее болѣзни; скончалась она въ Парижѣ 11 Сентября 1821 года и похоронена на кладбищѣ St-Germain-des-Prés, въ Парижѣ.

Подробныя біографическія свѣдѣнія о графинѣ В. Н. Головиной см. т. I, № 159.

(Съ рисунка, принадлежащаго барону де-Во, въ Римѣ.)

205

La comtesse VARVARA NIKOLAEWNA GOLOVINE, 1766—1821, connue par les Mémoires qu'elle composa pour l'Impératrice Elisabeth Alexéewna, avec laquelle elle fut un certain temps liée d'une grande amitié. Nièce par sa mère, la princesse P. Golitzyne, née Schouvaloff, d'un des premiers connaisseurs et critiques d'art, I. Schouvaloff, elle fut élevée chez lui au milieu d'un vrai musée, partagea sa passion pour les arts, surtout la peinture, et développa ses dispositions naturelles pour le dessin. On a conservé d'elle un autoportrait à l'huile, qui appartient à un de ses petits-fils. Elle fit également de l'eau-forte avec succès: on lui doit, entre autres, un portrait postume de Catherine II assise sous la colonnade Cameron, au Palais de Tzarskoïé Sélo, et ses travaux en ce genre ne le cèdent nullement à ceux d'un autre amateur du temps, la comtesse N. Stroganoff. „La comtesse Golovine", dit dans ses Mémoires Mme Vigée-Lebrun, qui la connut et fit son portrait, „était une femme charmante, pleine d'esprit et de talents, ce qui suffisait souvent pour nous tenir compagnie. Elle dessinait très bien et composait des romances charmantes, qu'elle chantait en s'accompagnant du piano. De plus elle était à l'affût de toutes les nouvelles littéraires de l'Europe, qui, je crois, étaient connues chez elle aussi tôt qu'à Paris". Dans ses voyages à l'étranger, elle ne manquait jamais de croquer d'après nature les paysages qui lui paraissaient jolis, au risque de se faire prendre pour un espion. Ni la vie à la Cour de Pétersbourg, ni le séjour de Paris plein d'intérêt pour elle au sein de sa société du Faubourg St-Germain, ni enfin le mysticisme religieux auquel elle s'abandonna en embrassant le catholicisme, rien ne l'empêcha de se livrer avec amour à ses goûts et à ses travaux artistiques. Dans son modeste appartement de la rue de Babylone, à Paris, elle dessinait beaucoup: „Les commodités qu'on trouvait en matière d'art", dit-elle dans ses Souvenirs, „excitaient et encourageaient le goût. Robert" (le peintre français Hubert Robert) „dînait chez moi le jeudi et, presque chaque fois, me laissait une esquisse commencée à deux heures et déjà pendue à quatre aux murs de mon salon. Ce que je sais, je le dois à Robert; que peut-il y avoir de plus instructif que de voir travailler un grand artiste?"

Les épreuves cruelles qui la frappèrent coup sur coup à son retour en Russie, la perte de sa mère, d'abord, dont elle ne s'était jamais séparée de sa vie, puis celle de sa meilleure amie la princesse de Tarente, le souci de ses filles devenues grandes et mariées à des étrangers catholiques, les intrigues de Cour et des ennuis de famille, tout cela ne pouvait être sans affecter sérieusement son moral: mais si, dans ses Mémoires, il n'est plus question dès lors de travaux artistiques, sa nature d'artiste ne se dément pas, et on y rencontre des descriptions charmantes et vraiment poétiques des sites et autres beautés de la nature qui l'ont frappée. Peu avant de mourir, la comtesse Golovine retourna en France chercher un soulagement à ses souffrances; elle mourut à Paris le 11 septembre 1821, et y fut inhumée au cimetière St-Germain-des-Prés.

Pour la biographie détaillée de la comtesse Golovine, v. T. I, № 159.

(D'après un dessin appartenant au baron de Vaux, Rome.)

206

Графиня ПРАСКОВІЯ НИКОЛАЕВНА ФРЕДРО, 1790—18.., старшая дочь оберъ-шенка графа Николая Николаевича Головина, отъ брака его съ княжной Варварой Николаевной Голицыной, родилась въ 1790 году. Воспитанная матерью, женщиной очень образованной, съ большими художественными дарованіями и окружавшей своихъ дочерей самыми нѣжными заботами, она провела дѣтство свое въ Петербургѣ и Царскомъ Селѣ, гдѣ придворная служба удерживала ея родителей. Въ 1802 году Головины уѣхали съ дѣтьми за границу, и во время остановки ихъ въ Берлинѣ молодая графиня Прасковія Николаевна заболѣла нервной лихорадкой, едва не стоившей ей жизни. Ко времени пребыванія ея въ Парижѣ и сближенія графини В. Н. Головиной съ принцессой де-Тарантъ слѣдуетъ отнести тайный переходъ Прасковіи Николаевны, еще не вышедшей изъ дѣтскаго возраста, и младшей сестры ея, Елизаветы, въ католичество, по примѣру и желанію матери. Перемѣна религіи, вѣроятно, сильно подѣйствовала на экзальтированную натуру молодой графини, унаслѣдованную ею отъ матери. Такъ же, какъ и мать ея, она вполнѣ поддалась вліянію принцессы де-Тарантъ, ходила за нею во время ея предсмертной болѣзни и послѣ смерти ея письменно изложила исторію ея болѣзни и ея послѣднихъ минутъ. Около 19 лѣтъ отъ роду молодая графиня Прасковія Николаевна начала выѣзжать съ матерью въ свѣтъ. По словамъ графини Головиной, внѣшность старшей ея дочери „не представляла ничего привлекательнаго: она не отличалась ни красотой, ни граціей и не могла внушить никакого опаснаго чувства“. Это была „кроткая и благоразумная молодая дѣвица, и строгія начала нравственности предохраняли ее отъ всего того, что могло ей повредить“. Въ день новаго 1810 года она получила фрейлинскій шифръ при обстоятельствахъ, которыя должны были подчеркнуть расположеніе Императора къ ея родителямъ. Тайная перемѣна религіи графиней Головиной и ея дочерьми естественно побуждала ее искать для нихъ брачнаго союза съ католиками, и графиня Прасковія Николаевна вышла замужъ за состоявшаго на русской службѣ гофмаршаломъ польскаго графа Максимиліана Фредро. Отъ этого брака она имѣла двухъ сыновей, Феликса-Максимиліана и Іосифа-Болеслава, изъ коихъ послѣдній сдѣлался священникомъ и принялъ французское подданство.

О послѣдующихъ годахъ жизни графини П. Н. Фредро, оставившей послѣ себя не изданныя еще, интересныя записки, не сохранилось почти никакихъ свѣдѣній. Извѣстно только, что съ оставленіемъ ея мужемъ, навлекшимъ на себя неудовольствіе русскаго правительства, службы, она поселилась съ нимъ во Львовѣ, въ Австрійской Галиціи, откуда въ 1826 г. она обращалась къ заступничеству Императрицы Маріи Ѳеодоровны письмомъ, въ коемъ просила о принятіи ея мужа вновь на русскую службу и жаловалась на свое стѣсненное матеріальное положеніе, которое заставляло ее круглый годъ жить въ деревнѣ.

(Съ портрета Квадаля; собственность князя Н. С. Голицына, имѣніе Кучукъ-Кайнарджи, Московской губ.)

La comtesse **PRASCOVIE NIKOLAEWNA FRÉDRO**, 1790—18.., fille aînée du comte Nicolas Nikolaewitch Golovine, grand écuyer, et de la princesse Varvara Nikolaewna Golitzyne, naquit en 1790. Elevée par une mère très instruite, douée d'un grand talent d'artiste et qui entoura ses filles de la plus tendre sollicitude, elle passa son enfance à Pétersbourg et Tzarskoïé Sélo, où le service de la Cour retenait ses parents. En 1802, toute la famille partit pour l'étranger, et, en passant à Berlin, la jeune comtesse Prascovie fut prise d'une fièvre nerveuse qui faillit lui coûter la vie. Le séjour à Paris fut marqué par sa conversion secrète au catholicisme et celle de sa sœur cadette: les deux jeunes filles, à peine au sortir de l'enfance, ne faisaient que se conformer à l'exemple et au désir de leur mère, entraînée elle-même par sa nouvelle amie la princesse de Tarente. Ce changement de religion dut faire un effet considérable sur la nature exaltée que tenait de sa mère la comtesse Prascovie: entièrement soumise, comme elle, à l'ascendant de la princesse de Tarente, elle la soigna lors de sa dernière maladie, et, après sa mort, rédigea un récit de sa maladie et de ses derniers instants. Elle avait environ 19 ans quand elle fit son entrée dans le monde; d'ailleurs, au témoignage de sa mère, „elle n'avait rien de séduisant, ni beauté ni grâce, et ne pouvait inspirer aucun sentiment dangereux"; c'était „une jeune fille douce et raisonnable, que des principes rigoureux préservaient de tout ce qui pouvait lui faire du tort". Au Jour de l'An 1810, elle reçut le chiffre de demoiselle d'honneur dans des conditions qui devaient souligner la bienveillance de l'Empereur à l'égard de ses parents. La conversion de la comtesse Golovine et de ses filles leur fit naturellement rechercher des alliances catholiques, et la comtesse Prascovie épousa un polonais au service russe, le comte Maximilien Frédro, maréchal de la Cour. Elle eut de ce mariage deux fils, Félix-Maximilien et Joseph-Boleslas, dont le dernier devint prêtre et sujet français.

Des dernières années de la comtesse Frédro, dont les intéressants mémoires sont restés inédits, on ne connaît presque rien. On sait seulement que son mari encourut le mécontentement du gouvernement russe, dut donner sa démission et se fixa avec elle à Lemberg, en Galicie autrichienne, d'où elle écrivit en 1826 à l'Impératrice Marie pour la prier de vouloir bien le faire reprendre au service, leur situation matérielle étant fort précaire et les contraignant à passer tout leur temps à la campagne.

(D'après un original de Quadal, appartenant au prince N. Golitzyne, Koutchouk-Kaïnardji, gouv. de Moscou.)

Графиня **ЕЛИЗАВЕТА НИКОЛАЕВНА ПОТОЦКАЯ**, 1795—18.., младшая сестра предъидущей, графини Фредро, и вторая дочь автора извѣстныхъ записокъ, графини Варвары Николаевны Головиной, родилась 22 Ноября 1795 года. Названная Елизаветою въ честь Великой Княгини Елисаветы Алексѣевны, дружба которой съ графиней В. Н. Головиной была въ полномъ расцвѣтѣ во время появленія на свѣтъ ея младшей дочери; „Лиза“ Головина пользовалась особеннымъ расположеніемъ царственнаго друга своей матери. Какъ и сестра ея, Прасковія, впослѣдствіи графиня Фредро, она была тайно воспитана матерью въ католической вѣрѣ и въ той атмосферѣ религіозной экзальтаціи, въ которой жила графиня В. Н. Головина со времени своего перехода въ латинизмъ, подъ вліяніемъ іезуитовъ и принцессы де-Тарантъ. Вліяніе этой послѣдней въ семействѣ Головиныхъ было такъ велико, что, по словамъ іезуита Фаллу (Falloux), дочери Головиной относились къ принцессѣ де-Тарантъ такъ же, какъ къ своей матери („partageaient leur tendre dévouement entre leur mère et cet Hôte illustre“). На другой день послѣ смерти Тарантъ Лиза Головина, просматривая молитвенникъ покойной, искала въ немъ словъ утѣшенія для горюющей матери. Первый выѣздъ молодой графини Головиной въ Петербургскій свѣтъ и представленіе ея ко двору состоялось какъ разъ въ то время, когда все семейство Головиныхъ находилось подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ вслѣдствіе смерти принцессы де-Тарантъ, скончавшейся у нихъ въ домѣ въ 1814 году.

На Пасху 1816 года графиня Е. Н. Головина была пожалована во фрейлины. Вступивъ въ бракъ съ графомъ Львомъ Севериновичемъ Потоцкимъ, впослѣдствіи дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и членомъ Государственнаго Совѣта, она имѣла двухъ дочерей: графиню Леониллу Львовну, замужемъ за австрійскимъ графомъ Казиміромъ Ланскоронскимъ, и Анну Львовну, за графомъ Андреемъ Карловичемъ Мнишкомъ. Почти полное разореніе, въ которое пришло состояніе Головиныхъ къ концу жизни графа Николая Николаевича Головина, послужило причиною тому, что послѣ смерти его въ 1821 году дочери его, графиня П. Н. Фредро и графиня Потоцкая, испросили себѣ разрѣшеніе разыграть въ лотерею, для ликвидаціи наслѣдства, всѣ доставшіяся имъ недвижимыя имѣнія отца, и, хотя билетовъ было продано на $8^1/_2$ милліоновъ рублей, доля, пришедшаяся каждой наслѣдницѣ, за выплатою долговъ, была не настолько велика, чтобы избавить графиню Фредро, не обезпеченную, подобно сестрѣ, огромнымъ состояніемъ Потоцкихъ, отъ необходимости прибѣгать къ помощи Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

(Съ миніатюры Геренъ; изъ собранія графовъ Ланскоронскихъ, въ Вѣнѣ.)

207

La comtesse ÉLISABETH NIKOLAEWNA POTOCKI, 1795—18.., sœur cadette de la précédente, la comtesse Frédro, et seconde fille de la comtesse Varvara Golovine, connue comme auteur de Mémoires, naquit le 22 novembre 1795. Elle reçut le nom d'Elisabeth en l'honneur de la Grande-Duchesse Elisabeth Alexéewna, qui, grande amie de sa mère lors de sa naissance, témoigna dans la suite une bienveillance constante à Lise. Sa mère l'éleva secrètement, ainsi que sa sœur Prascovie, plus tard comtesse Frédro, dans la foi catholique, au milieu de l'atmosphère d'exaltation religieuse où elle était elle-même plongée depuis sa conversion sous l'influence des Jésuites et de la princesse de Tarente. Celle-ci avait même sur la famille Golovine un ascendant qui a fait dire au comte de Falloux que les jeunes comtesses „partageaient leur tendre dévouement entre leur mère et cet Hôte illustre", et Lise, au lendemain de sa mort, parcourait le missel de la défunte pour y puiser des paroles de consolation pour sa mère éplorée. Son entrée dans le monde de Pétersbourg et sa présentation à la Cour datent précisément de l'époque où les Golovine étaient tout entiers à leur deuil de la princesse, morte chez eux en 1814.

En 1816, à Pâques, la comtesse Elisabeth Golovine fut faite demoiselle d'honneur. Elle épousa le comte Léon Sévérinowitch Potocki, plus tard conseiller privé actuel et membre du Conseil de l'Empire, dont elle eut deux filles, Léonille, mariée au comte autrichien Casimir Lanskoronsky, et Anne, au comte André Karlowitch Mniszek. La ruine presque complète où le comte Golovine laissa sa famille en mourant réduisit ses filles en 1821 à se faire autoriser à mettre en loterie tous les biens-fonds de sa succession; mais, malgré les huit millions et demi de roubles que donna l'opération, la part qui revint à chacune, les dettes une fois payées, fut si peu considérable que la comtesse Frédro, moins riche que sa sœur, héritière de la grosse fortune des Potocki, dut faire appel à la générosité de l'Impératrice Marie.

(D'après une miniature de Guérin, collection des comtes Lanskoronsky, Vienne.)

Графъ **МАКСИМИЛІАНЪ ФРЕДРО**, 1784—1845, потомокъ древняго червонорусскаго рода, вышедшаго изъ Венгріи, сынъ Яцка Фредро († 1828 г.), возведеннаго въ 1822 году императоромъ Австрійскимъ въ графское достоинство, отъ брака его съ графиней Маріей Дембинской, родился въ Галиціи въ 1784 году; въ 1806 году поступилъ на службу въ армію Наполеона и вскорѣ былъ назначенъ адъютантомъ къ Понятовскому, главнокомандующему войсками герцогства Варшавскаго, затѣмъ служилъ въ уланахъ и конно-егеряхъ, по производствѣ въ полковники командовалъ Уланскимъ полкомъ, а затѣмъ числился по арміи. Послѣ присоединенія Польши къ Россіи Фредро перешелъ на русскую службу и 29 Декабря 1815 г. (10 Января 1816 г., н. с.) назначенъ флигель-адъютантомъ въ польскую свиту Александра I. Въ 1817 году былъ произведенъ въ бригадные генералы и до выхода въ отставку, въ 1822 году, числился при особѣ Государя. Послѣ перехода на гражданскую службу онъ былъ гофмаршаломъ Польскаго двора, товарищемъ министра Народнаго просвѣщенія и Духовныхъ дѣлъ и главнымъ начальникомъ учебныхъ заведеній. Во время Польскаго возстанія 1830 и 1831 годовъ графъ Фредро вышелъ въ отставку и удалился въ Веймаръ, хотя и былъ въ 1832 году пожалованъ въ гофмаршалы Высочайшаго двора. Скончался онъ въ Парижѣ 2/14 Марта 1845 года.

Графъ Фредро принадлежитъ къ числу видныхъ Польскихъ писателей: онъ написалъ нѣсколько балладъ и трагедій (драматическими писателями были также его младшій братъ и племянникъ), переводилъ съ французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, русскаго (басни Крылова) и латинскаго (Горація и Виргилія) и предпринялъ полиглотное изданіе Виргилія.

Графъ Максимиліанъ Фредро былъ женатъ на графинѣ Прасковьѣ Николаевнѣ Головиной (см. № 206), дочери графини В. Н. Головиной, автора „Мемуаровъ“.

(Съ рисунка, принадлежащаго барону Де-Во, въ Римѣ.)

208

Le comte **MAXIMILIEN FRÉDRO**, 1784—1845, descendant d'une vieille famille galicienne d'origine hongroise, fils de Jacob Frédro († 1828), élevé en 1822 à la dignité de comte par l'Empereur d'Autriche, et de la comtesse Marie Dembitzky, naquit en Galicie en 1784. Il prit du service en 1806 à l'armée de Napoléon et fut peu après nommé aide de camp de Poniatowsky, le commandant en chef des troupes du Grand-Duché de Varsovie, puis servit aux uhlans et aux chasseurs à cheval, commanda comme colonel un régiment de uhlans, et fut ensuite affecté à l'armée. La Pologne annexée à la Russie, il passa au service russe, et, le 29 décembre 1815 (10 janvier 1816 n. st.), fut nommé aide de camp de Sa Majesté à la Suite polonaise d'Alexandre Ier. Général de brigade en 1817, il resta jusqu'à sa retraite, en 1822, attaché à la personne de l'Empereur. Au service civil, où il passa ensuite, il fut maréchal de la Cour de Pologne, adjoint au ministre de l'instruction publique et des affaires ecclésiastiques, et directeur général des établissements d'instruction. Lors de l'insurrection polonaise de 1830/1831, il donna sa démission et alla se fixer à Weimar; il fut cependant fait en 1832 maréchal de la Cour Impériale. Il mourut à Paris le 2/14 mars 1845.

Le comte Frédro s'est fait un nom marquant dans la littérature polonaise: auteur de ballades et de tragédies (il eut également un frère cadet et un neveu auteurs dramatiques), ainsi que de traductions du français, de l'allemand, de l'anglais, du russe (les Fables de Kryloff) et du latin (Horace et Virgile), il entreprit aussi une édition polyglotte de Virgile.

Le comte Maximilien Frédro épousa la comtesse Prascovie Nikolaewna Golovine (v. № 206), fille de la comtesse Varvara Golovine, auteur de Mémoires.

(D'après un dessin appartenant au baron de Vaux, Rome.)

205

Графиня Варвара Николаевна Головина,
1766 — 1821

La Comtesse Varvara Nikolaewna Golovine,
1766 — 1821

206

Пис. Квадаль — *Peint par Quadal*

Графиня Прасковія Николаевна Фредро,
1790 — 18..

La Comtesse Prascovie Nikolaewna Frédro,
1790 — 18..

207

Пис. Геренъ — Peint par Guérin

Графиня Елизавета Николаевна Потоцкая,
1795 — 18..

La Comtesse Elisabeth Nikolaewna Potocki,
1795 — 18..

208

Графъ Максиміанъ Фредро,
1784 — 1845

Le Comte Maximilien Frédro,
1784 — 1845

РУССКИЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES

БИБЛИОТЕКА
Пермской Государственной
Художественной Галереи

АЛЕКСАНДРЪ СТЕПАНОВИЧЪ ТАЛЫЗИНЪ, 1795—1858, единственный сынъ Степана Александровича (см. т. II, № 114), отъ 1-го брака его съ полькой Магдалиной Петровной (NN; † 1796 г.), родился 22 Марта 1795 г.; Суворовъ былъ его крестнымъ отцомъ и писалъ отцу новорожденнаго: „Имени моему утѣха, а Вамъ съ Магдалиной Петровной большее со временемъ у Васъ будетъ полна изба солдатъ. Мой долгъ при Васъ о нихъ пещись, Господь соблюди Васъ и любезнаго Александра Степановича. Желаю Вамъ чести и славы. Пребуду по конецъ жизни моей и дружбою и истиннымъ почтеніемъ". Талызинъ получилъ прекрасное домашнее воспитаніе; воспитателями его были достойные люди: извѣстный педагогъ въ Москвѣ П. М. Мартъ и его жена, Анна Никифоровна, находившіеся при немъ до 1809 года. Въ 1812 г., 20 Августа, 17-лѣтній Талызинъ поступилъ на службу урядникомъ въ Московское ополченіе и за отличіе при Бородинѣ пожалованъ въ прапорщики. Переведенный въ артиллерію въ 1813 г., состоялъ при князѣ Яшвилѣ и участвовалъ въ крупнѣйшихъ дѣлахъ кампаній 1813 и 1814 гг., кончившихся взятіемъ Парижа. Въ 1815 г. онъ былъ произведенъ въ подпоручики, 13 Августа 1817 г. переведенъ поручикомъ въ лб.-гв. Конно-Егерскій полкъ, а 19 Іюня 1818 г. переведенъ въ Лейбъ-Гусары и назначенъ адъютантомъ къ князю Д. В. Голицыну. Въ 1822 г. былъ произведенъ въ штабсъ-ротмистры, въ 1825 г.—въ ротмистры, а черезъ 2 года—въ полковники, съ переводомъ въ Павлоградскій гусарскій полкъ. Однако, Талызинъ остался при князѣ Д. В. Голицынѣ, въ то время Московскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ, для особыхъ порученій. Въ 1829 г. онъ сдѣланъ былъ членомъ Тюремнаго комитета, а 30 Апрѣля членомъ комитета по постройкѣ Тріумфальныхъ воротъ. Въ 1833 г., 4 Марта, Талызинъ перешелъ въ гражданскую службу, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а 1 Апрѣля пожалованъ въ камергеры и назначенъ попечителемъ Матросской богадѣльни, въ Москвѣ. Когда онъ въ 1839 г. былъ назначенъ въ Комитетъ о просящихъ милостыню,—эти дѣла были „сродны его доброму сердцу". Участвовалъ Талызинъ также въ основаніи Московскаго училища живописи и ваянія. Въ 1844 г., 15 Января, онъ былъ избранъ Бронницкимъ уѣзднымъ предводителемъ, въ 1849 г. произведенъ въ тайные совѣтники, въ 1850 г. избранъ Московскимъ совѣстнымъ судьею, а 5 Октября 1856 г. вышелъ въ отставку.

А. С. Талызинъ умеръ въ Страстную пятницу 22 Марта 1858 г. и похороненъ въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Онъ былъ женатъ, съ 11 Апрѣля 1824 г., на графинѣ Ольгѣ Николаевнѣ Зубовой (р. 1803 г., † 1882 г.), родной внучкѣ Суворова. Отъ этого брака было 5 сыновей: Степанъ, Петръ, Аркадій, Николай и Михаилъ, и 4 дочери: Марія, Лидія, Любовь и Вѣра.

(Съ акварельнаго портрета Соколова, 1824 г.; собственность Л. и В. А. Талызиныхъ, с. Денежниково, Московской губ.)

ALEXANDRE STÉPANOWITCH TALYZINE, 1795—1858, fils unique de Stéphane Alexandrowitch Talyzine (v. T. II, № 114) et de sa première femme Madeleine Pétrowna († 1796), polonaise de famille inconnue, naquit le 22 mars 1795. Peu après sa naissance, Souvoroff, son parrain, écrivait au père: „Joie de mon nom, et plus encore la vôtre et celle de Madeleine Pétrowna! Avec le temps vous aurez toute une maisonnée de soldats, et mon devoir près de vous est d'en avoir soin. Dieu vous ait en Sa garde, ainsi que votre charmant enfant! Je vous souhaite honneur et gloire, et vous assure jusqu'à mon dernier jour de mon amitié et de ma considération sincère". Alexandre Talyzine reçut chez ses parents une excellente éducation, sous l'éminente direction de P. Mart, connu comme pédagogue à Moscou, et de sa femme, Anna Nikiforowna, qui restèrent près de lui jusqu'en 1809. Le 20 août 1812, alors âgé de 17 ans, il s'enrôla sous-officier dans la milice de Moscou, et sa valeur à Borodino lui valut le grade de porte-enseigne. Il passa dans l'artillerie en 1813, et fit comme attaché au prince Yachvil les campagnes de 1813 et 1814, où il fut de toutes les affaires importantes, y compris la prise de Paris. Sous-lieutenant en 1815, il passa le 13 août 1817 lieutenant au régiment des chasseurs à cheval de la Garde, puis permuta le 19 juin 1818 aux hussards de la Garde, et fut nommé aide de camp du prince D. Golitzyne. Il fut ensuite promu, en 1822, capitaine de cavalerie en second, en 1825 en premier, et deux ans plus tard colonel avec affectation au régiment des hussards de Pavlograd, en restant toutefois attaché pour missions spéciales au prince D. Golitzyne, alors général gouverneur militaire de Moscou. En 1829, il devint membre du Comité des prisons, et le 30 avril membre du comité pour la construction de l'Arc-de-Triomphe de Moscou. Il passa au service civil le 4 mars 1833 avec le rang de conseiller d'état actuel, et, le 1er avril suivant, fut fait chambellan et nommé curateur de l'Hôpital Naval de Moscou. Nommé en 1839 au Comité de Mendicité, il se trouva là dans un élément „familier à son bon cœur". Il coopéra également à la fondation de l'Ecole de Peinture et de Sculpture de Moscou. Elu le 15 janvier 1844 maréchal de la noblesse du district de Bronnitzy, promu en 1849 conseiller privé, élu en 1850 juge au Tribunal de Conscience de Moscou, il prit sa retraite le 5 octobre 1856.

Talyzine mourut le Vendredi Saint, 22 mars 1858, et fut inhumé au monastère Novodévitchi, à Moscou. Il avait épousé le 11 avril 1824 la comtesse Olga Nikolaewna Zouboff (1803—1882), petite-fille de Souvoroff, et eut de ce mariage cinq fils, Stéphane, Pierre, Arcade, Nicolas et Michel, et quatre filles, Marie, Lydie, Liouboff et Véra.

(D'après une aquarelle de Sokoloff, 1824, appartenant aux sœurs L. et V. Talyzine, Dénejnikovo, gouv. de Moscou.)

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА ТАЛЫЗИНА, 1803—1882, младшая дочь графа Николая Александровича Зубова и знаменитой „Суворочки“, была внучка самого Суворова и родилась 5 Мая 1803 года. Въ записной книжкѣ Александра Степановича Талызина отмѣчено: „1823 г., въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, первый разъ увидалъ графиню Наталію Александровну Зубову съ дочерью графинею Ольгою Николаевною“; „6 Декабря, у графа Толстого на балѣ былъ для меня роковой день счастья моего“.... „На всѣхъ прочихъ балахъ только и видѣлъ одинъ предметъ души моей“. Талызина „взялись сватать“ графиня Бобринская и А. М. Гедеоновъ съ женой. Затѣмъ, 9 Января 1824 г. было уже обрученіе, а 11 Апрѣля того же года, на Красную Горку—свадьба. Посажёнымъ отцомъ былъ Московскій вельможа Ст. Ст. Апраксинъ, присутствовалъ самъ князь Д. В. Голицынъ, вѣнчались въ домовой церкви князя С. М. Голицына, на Пречистенкѣ. Молодые поселились сначала на Кисловкѣ, въ домѣ Колокольцова (теперь гимназія Перепелкиной), а потомъ—въ своемъ домѣ, противъ Александровскаго сада (потомъ Егорова).

Семья вышла благословенная: жили душа въ душу. Всѣ дѣти вышли людьми рѣдкаго сердца и высокой честности и прямоты. Ольга Николаевна не только была истинная мать и воспитательница своихъ дѣтей, но и энергическая дѣятельница въ дѣлѣ общественной благотворительности. Она 14 лѣтъ состояла предсѣдательницей Дамскаго попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ (Общество 1837 г.). Послѣ открытія Московскаго Маріинскаго института, она всю жизнь была его попечительницей. И то и другое потомъ О. Н. Талызина передала своей достойной дочери, М. А. Нейдгардтъ, свѣтлая личность которой такъ свѣжо памятна еще и сейчасъ въ Москвѣ. Принимать у себя и утѣшать бѣдныхъ, оказывать имъ существенную помощь было потребностью высокой души О. Н. Талызиной.

Скончалась она въ родовомъ селѣ Денежниковѣ 3 Іюля 1882 г., а похоронена въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. У ней было 5 сыновей и 4 дочери.

С. М. Загоскинъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ пишетъ: „А. С. Талызинъ, коренной богатый Москвичъ, честнѣйшій, благороднѣйшій человѣкъ, пользовался общимъ уваженіемъ; жена его, рожденная графиня Зубова, умная, добрая и любезная, была предсѣдательницей Совѣта женскихъ школъ, въ Москвѣ. Дочери унаслѣдовали вмѣстѣ съ прекрасными душевными качествами своей матери и веселость ея характера, были милы и крайне просты въ обращеніи“.

(Съ акварельнаго портрета, принадлежащаго Л. и В. А. Талызинымъ, с. Денежниково, Московской губ.)

210

OLGA NIKOLAEWNA TALYZINE, 1803—1882, la plus jeune fille du comte Nicolas Alexandrowitch Zouboff et de la célèbre Souvorotchka, était petite-fille de Souvoroff et naquit le 5 mai 1803. On lit dans le journal d'Alexandre Stépanowitch Talyzine: „1823, novembre, vu pour la première fois la comtesse Natalie Alexandrowna Zouboff avec sa fille, la comtesse Olga"; et encore: „Le bal du 6 décembre chez le comte Tolstoï a décidé de mon bonheur".... „A tous les autres bals, je n'ai vu que l'objet de mon âme". La comtesse Bobrinsky et A. Guédéonoff avec sa femme servirent d'intermédiaires; les fiançailles furent célébrées le 9 janvier 1824 et la noce, le 11 avril suivant à Krasnaïa Gorka: avec Stéphane Apraxine, le grand seigneur moscovite, comme parrain de noce, et en présence du prince D. Golitzyne en personne, la bénédiction nuptiale fut donnée à la chapelle du prince S. Golitzyne, dans sa maison de la Prétchistenka. Les nouveaux mariés habitèrent d'abord à la Kislovka la maison Kolokoltzoff (aujourd'hui le gymnase Pérépelkine), puis s'installèrent chez eux, en face du Jardin Alexandre, dans une maison qui appartint plus tard à Egoroff.

Ce fut une bienheureuse famille, où régna la plus étroite union. Tous les enfants devinrent des modèles de cœur, de probité et de loyauté. La mère, outre son rôle de mère et d'éducatrice, s'occupait avec activité et énergie d'œuvres de bienfaisance: elle fut quatorze ans présidente du Comité des Dames pour l'assistance aux Pauvres de Moscou (Société de 1837). A l'ouverture de l'Institut Marie, à Moscou, elle en devint curatrice et le resta toute sa vie. Elle fut remplacée dans ces deux œuvres par sa fille, Mme Neidhardt, dont le radieux souvenir est encore aujourd'hui vivant à Moscou. Recevoir chez elle et consoler les malheureux, soulager leur infortune, c'était pour l'âme supérieure de Mme Talyzine un besoin véritable.

Elle mourut dans son domaine patrimonial de Dénejnikovo le 3 juillet 1882, et fut inhumée au monastère Novodévitchi, à Moscou. Elle eut cinq fils et quatre filles.

„Alexandre Stépanowitch Talyzine", dit Zagoskine dans ses Mémoires, „riche moscovite de souche, était d'une probité et d'une noblesse de sentiments qui lui assuraient l'estime générale; sa femme, née comtesse Zouboff, charmante personne d'esprit et de cœur, fut présidente du Conseil des Ecoles de Jeunes filles, à Moscou. Ses filles tenaient de leur mère, avec des qualités morales supérieures, sa gaîté de caractère; elles étaient charmantes et d'une extrême simplicité".

(D'après une aquarelle appartenant aux sœurs L. et V. Talyzine, Dénejnikovo, gouv. de Moscou.)

211

ПЕТРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ МЕЗЕНЦЕВЪ, 1734—179., сынъ сенатскаго канцеляриста, потомъ секретаря Смоленской губернской канцеляріи Ѳедора Андреевича, внукъ Смоленскаго подьячаго, началъ службу въ 1749 г. и въ томъ же году, 8 Декабря, съ производствомъ въ офицеры, пожалованъ въ дворяне; въ 1763 г. онъ былъ подполковникомъ, а въ 70-хъ годахъ воеводой въ Сѣвскѣ; въ 1775 г. былъ произведенъ въ бригадиры, съ назначеніемъ оберштеръ-кригсъ-комиссаромъ въ Польскій корпусъ. Въ 1777 г. пожалованъ въ генералъ-майоры, въ 1784 г.—въ генералъ-поручики, и въ томъ же году получилъ орденъ св. Владиміра 2-й степени. Съ 1784 г. и по 23 Мая 1792 г. Мезенцевъ былъ правителемъ Вологодскаго намѣстничества.

Женатъ П. Ѳ. Мезенцевъ былъ на Елизаветѣ Алексѣевнѣ Пустошкиной. Отъ этого брака у него было 4 сына: Павелъ (р. 1771 г., † 1819 г.; штабсъ-капитанъ, служилъ въ Преображенскомъ полку, позднѣе Угличскій уѣздный предводитель), Владиміръ (генералъ-майоръ; см. о немъ слѣдующій №), Михаилъ и Николай, и 1 дочь, Варвара († дѣвицей, въ 1838 г.).

(Съ миніатюры, принадлежавшей князю В. С. Оболенскому-Нелединскому-Мелецкому, въ С.-Петербургѣ.)

211

PIERRE FÉODOROWITCH MÉZENTZEFF, 1734—179., fils de Théodore Andréewitch Mézentzeff, commis de chancellerie du Sénat, puis secrétaire de l'administration de Smolensk, et petit-fils d'un expéditionnaire de Smolensk, entra au service en 1749, et, le 8 décembre de la même année, fut promu officier et élevé à la noblesse. Lieutenant-colonel en 1763, puis voïévode de Sevsk après 1770, il passa brigadier en 1775 et fut nommé commissaire général à la guerre au corps de Pologne. Général major en 1777, général lieutenant en 1784, il fut décoré la même année de St-Vladimir de 2e classe. De 1784 au 23 mai 1792, il fut administrateur de la lieutenance de Vologda.

Mézentzeff épousa Elisabeth Alexéewna Poustochkine, dont il eut quatre fils, Paul (1771—1819), capitaine en second, officier au régiment Préobragensky, puis maréchal de la noblesse du district d'Ouglitch, Vladimir, général major (v. ci-après № 212), Michel et Nicolas, et une fille, Varvara, morte sans alliance en 1838.

(D'après une miniature ayant appartenu au prince V. Obolensky-Nélédinsky-Méletzky, St-Pétersbourg.)

ВЛАДИМІРЪ ПЕТРОВИЧЪ МЕЗЕНЦЕВЪ, 1779—1833, сынъ генералъ-поручика и Вологодскаго намѣстника Петра Ѳедоровича Мезенцева, женатаго на Елизаветѣ Алексѣевнѣ Пустошкиной, родился въ Варшавѣ 22 Декабря 1779 года, когда отецъ его служилъ въ русскомъ корпусѣ, стоявшемъ въ Польшѣ. В. П. Мезенцевъ съ успѣхомъ служилъ въ военной службѣ, участвовалъ въ войнахъ царствованія Александра I и 20 Іюля 1812 г. произведенъ въ генералъ-майоры; 18 Марта 1814 г. получилъ орденъ св. Владиміра 2-й степени. Будучи всего 46 лѣтъ, вышелъ въ отставку 2 Января 1826 года и больше не служилъ.

Умеръ В. П. Мезенцевъ въ С.-Петербургѣ 2 Января 1833 года и погребенъ въ Сергіевой пустыни, близъ Петербурга. Онъ былъ женатъ на родной внучкѣ Суворова, графинѣ Вѣрѣ Николаевнѣ Зубовой (р. 31 Декабря 1800 г., † 27 Февраля 1862 г.). Отъ этого брака было 2 сына: Михаилъ (р. 1822 г.; гофмейстеръ, холостой) и Николай (р. 11 Апрѣля 1827 г., † 9 Августа 1878 г.; генералъ-адъютантъ, шефъ жандармовъ, убитъ на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ, холостъ), и 4 дочери: Александра (р. 1819 г., † 1823 г.), Наталія (р. 1820 г., † 1895 г.; въ замужствѣ за шталмейстеромъ княземъ С. А. Оболенскимъ-Нелединскимъ-Мелецкимъ), Елизавета (р. 1823 г., † дѣвицей) и Софія (р. 1825 г., † 1908 г.; за генералъ-адъютантомъ княземъ Н. Ѳ. Масальскимъ, р. 1812 г., † 1880 г.).

Миніатюры Е. А. Мезенцевой, рожденной Пустошкиной, и В. Н. Мезенцевой, рожденной графини Зубовой, также имѣлись въ собраніи покойнаго князя В. С. Оболенскаго; кромѣ того, миніатюра послѣдней, какъ дочери знаменитой „Суворочки“, есть у В. А. и Л. А. Талызиныхъ, мать которыхъ была также графиня Зубова, въ с. Денежниковѣ, Московской губерніи.

(Съ миніатюры, принадлежавшей князю В. С. Оболенскому-Нелединскому-Мелецкому, въ С.-Петербургѣ.)

212

VLADIMIR PÉTROWITCH MÉZENTZEFF, 1779—1833, fils du général lieutenant et administrateur de la lieutenance de Vologda Pierre Féodorowitch Mézentzeff et d'Elisabeth Alexéewna, née Poustochkine, naquit le 22 décembre 1779 à Varsovie, où son père était affecté au corps russe cantonné en Pologne. Il fit une bonne carrière d'officier, prit part aux guerres du règne d'Alexandre Ier, et devint général major le 20 juillet 1812; le 18 mars 1814, il fut décoré de St-Vladimir de 2e classe. Démissionnaire le 2 janvier 1826, à l'âge de 46 ans seulement, il ne reprit jamais de service.

Mézentzeff mourut à Pétersbourg le 2 janvier 1833, et fut inhumé au monastère St-Serge, près Pétersbourg. Il avait épousé la petite-fille de Souvoroff, la comtesse Véra Nikolaewna Zouboff (31 décembre 1800—27 février 1862), dont il eut deux fils, Michel (né 1822), maître de la Cour, célibataire, et Nicolas (11 avril 1827—9 août 1878), général aide de camp, chef des gendarmes, tué Place Michel à Pétersbourg, célibataire, et quatre filles, Alexandrine (1819—1823), Natalie (1820—1895), mariée au prince S. Obolensky-Nélédinsky-Méletzky, écuyer, Elisabeth (née 1823), morte sans alliance, et Sophie (1825—1908), mariée au prince N. Massalsky (1812—1880), général aide de camp.

Les collections de feu prince Valérien Obolensky renfermaient également la miniature de la mère de Mézentzeff et celle de sa femme; il y a de celle-ci, fille de la célèbre Souvorotchka, une autre miniature à Dénejnikovo, gouvernement de Moscou, chez les sœurs L. et V. Talyzine, dont la mère était aussi une comtesse Zouboff.

(D'après une miniature ayant appartenu au prince V. Obolensky-Nélédinsky-Méletzky, St-Pétersbourg.)

209

Пис. Соколовъ, 1824 — Peint par Sokoloff, 1824

Александръ Степановичъ Талызинъ, 1795 — 1858

Alexandre Stépanowitch Talyzine, 1795 — 1858

210

Ольга Николаевна Талызина, 1803 — 1882

Olga Nikolaewna Talyzine, 1803 — 1882

211

Петръ Ѳедоровичъ Мезенцевъ, 1734 — 179 .

Pierre Féodorowitch Mézentzeff, 1734 — 179 .

212

Владиміръ Петровичъ Мезенцевъ, 1779 — 1833

Vladimir Pétrowitch Mézentzeff, 1779 — 1833

БИБЛИОТЕКА
Пермской [illegible]
Художественной Галереи
№ 3966

СЕРАФИМЪ (въ мірѣ Стефанъ Васильевичъ) Глаголевскій, 1757—1843, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій, былъ сынъ дьячка въ г. Калугѣ. Обучаясь въ Троицко-Лаврской семинаріи, а затѣмъ въ Московской Академіи, онъ пользовался уроками въ основанной Новиковымъ и Шварцемъ семинаріи Дружескаго Общества и слушалъ лекціи въ Московскомъ университетѣ. Постриженный 2 Декабря 1787 г. въ монашество, онъ съ 1790 г. былъ префектомъ, а съ 1798 г. ректоромъ Московской Академіи, въ санѣ архимандрита сначала Можайскаго Лужецкаго, а затѣмъ Московскаго Заиконоспасскаго монастырей; 25 Декабря 1799 г. Серафимъ былъ рукоположенъ въ Троицкой лаврѣ митрополитомъ Платономъ въ епископа Дмитровскаго; 23 Января 1804 г. онъ былъ переведенъ въ Вятку, 7 Іюля 1805 г.—въ Смоленскъ, а 7 Февраля 1812 г.—въ Минскъ, съ возведеніемъ въ архіепископы. 30 Августа 1814 г. онъ былъ назначенъ Тверскимъ архіепископомъ, членомъ Св. Сѵнода и Комиссіи Духовныхъ училищъ и тогда же былъ избранъ вице-президентомъ Библейскаго Общества; 15 Марта онъ былъ переведенъ митрополитомъ въ Москву, а 29 Іюня 1821 г. получилъ въ управленіе митрополію С.-Петербургскую и Новгородскую. Аракчеевъ воспользовался Серафимомъ, какъ орудіемъ для низверженія близкаго къ Государю министра Духовныхъ дѣлъ князя А. Н. Голицына. Знаменитая аудіенція Серафима у Александра I, 17 Апрѣля 1824 г., вызвала отставку Голицына и гоненіе на мистиковъ. За пять лѣтъ до смерти Серафимъ впалъ въ дѣтство, и его въ торжественныхъ случаяхъ выводили въ пріемную подъ руки, съ зеленымъ козырькомъ надъ глазами.

Митрополитъ Серафимъ скончался 17 Января 1843 г. и погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ, въ церкви Св. Духа.

Митрополитъ Серафимъ былъ человѣкъ заурядный, возведенный на высоту благопріятнымъ для него стеченіемъ обстоятельствъ и благоволеніемъ знаменитаго Платона. Его ученость выразилась лишь въ схоластическомъ „Изслѣдованіи доказательствъ бытія Божія“. Онъ не безъ зависти чувствовалъ свое ничтожество передъ разнообразными дарованіями Филарета Московскаго. Успѣхъ его проповѣдей въ ранній Московскій періодъ его службы объяснялся тѣмъ, что на эти проповѣди со всего города съѣзжались дамы, ради внѣшней привлекательности „Серафимчика“. Онъ былъ человѣкъ слабохарактерный и боязливый. Онъ робѣлъ предъ деспотичнымъ графомъ Пратасовымъ и всегда безпокоился о томъ, что скажутъ о немъ въ высшихъ сферахъ.

Какъ многіе слабые люди, онъ подъ давленіемъ обстоятельствъ способенъ былъ на поступки, какъ бы свидѣтельствовавшіе о мужествѣ; но на дѣлѣ это была смѣлость отчаянія. Не безъ трепета, уступая Аракчееву, онъ въ извѣстной аудіенціи эффектно сложилъ свой бѣлый клобукъ предъ Александромъ I; не безъ трепета же онъ 14 Декабря 1825 г., по приказанію Николая I, выѣхалъ на Сенатскую площадь для увѣщанія мятежниковъ. Серафимъ не прочь былъ слушать клеветниковъ, „дувшихъ ему въ уши“, и „отпереться отъ своихъ словъ“, что, по свидѣтельству митрополита Григорія, „случалось многократно“. „Все у него основано на внѣшности“, говорилъ про Серафима раздраженный имъ Фотій; онъ былъ способенъ держать нужнаго человѣка „въ наружномъ благоволеніи“, а при перемѣнѣ счастія „болѣе всѣхъ ему чашу горести подносилъ“.

Почти полвѣка онъ былъ архіереемъ, почти четверть вѣка занималъ престолъ первенствующаго іерарха, но дѣятельность его не „ознаменовалась какими-либо выдающимися явленіями“ и состояла лишь въ церковныхъ служеніяхъ, посѣщеніи Сѵнода и слушаніи консисторскихъ докладовъ. „Не остался онъ“, писалъ о Серафимѣ Сушковъ, „въ памяти народной. Нѣтъ разсказовъ о немъ ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ. Рѣдко бесѣдовалъ онъ съ паствою своею и вовсе не слылъ проповѣдникомъ. Не было у него ни пламенныхъ почитателей, ни завистливыхъ недруговъ“.

(Съ портрета, принадлежащаго священнику Н. М. Миловскому, въ Москвѣ.)

SÉRAPHIN (dans le monde Stéphane Vassiliewitch) Glagolewsky, 1757—1843, métropolite de Novgorod et St-Pétersbourg, était fils d'un diacre de Kalouga. Il fit ses études au séminaire du Couvent de la Trinité, puis à l'Académie Ecclésiastique de Moscou, tout en fréquentant le séminaire fondé par Novikoff et Schwartz à la Société Amicale et en suivant les cours de l'université de Moscou. Entré dans les ordres le 2 décembre 1787, il devint en 1790 préfet et en 1798 recteur de l'Académie Ecclésiastique de Moscou: il était en même temps archimandrite, d'abord du monastère Loujetzky à Mojaïsk, puis du monastère Zaïkonospassky à Moscou. Le 25 décembre 1799, le métropolite Platon l'intronisa au Couvent de la Trinité évêque de Dmitrowsk, d'où il passa à Viatka le 23 janvier 1804, à Smolensk le 7 juillet 1805, enfin à Minsk le 7 février 1812 avec la dignité d'archevêque. Nommé le 30 août 1814 archevêque de Tver, membre du Saint Synode et de la Commission des écoles religieuses, élu en même temps vice-président de la Société Biblique, il devint le 15 mars 1821 métropolite de Moscou, et le 29 juin suivant métropolite de St-Pétersbourg et Novgorod. Il fut aux mains d'Araktchéeff l'instrument qui servit à discréditer près de l'Empereur le prince A. Golitzyne, le ministre des affaires ecclésiastiques: sa fameuse audience du 17 avril 1824 avec Alexandre Ier décida la retraite du ministre et les persécutions contre les mystiques. Séraphin tomba en enfance cinq ans avant de mourir: dans les occasions solennelles, on l'amenait dans le salon de réception, soutenu sous chaque bras et avec une visière verte sur les yeux. Il mourut le 17 janvier 1843, et fut inhumé dans l'église du Saint-Esprit, au monastère d'Alexandre Newsky.

Simple médiocrité, le métropolite Séraphin ne dut son élévation qu'à un heureux concours de circonstances et à la faveur du fameux Platon. Son érudition n'aboutit qu'à sa scolastique Etude des preuves de l'Existence de Dieu. Les facultés brillantes et variées du métropolite de Moscou Philarète ne furent pas sans inspirer à sa nullité une certaine jalousie, et son succès comme prédicateur au début de sa carrière à Moscou tint uniquement au public féminin attiré par sa belle prestance.

Caractère faible et timoré, il tremblait devant le despotisme du comte Protassoff et s'inquiétait sans cesse de ce qu'on pouvait dire de lui en haut lieu. Sous la pression des circonstances, cette faiblesse de caractère était capable, comme il arrive souvent, de semblants de coups d'énergie, qui n'étaient en réalité que des coups de désespoir. Il n'était rien moins que rassuré dans la fameuse audience où, à l'instigation d'Araktchéeff, il dépouilla avec éclat son froc blanc en présence d'Alexandre Ier; il ne l'était pas davantage le 14 décembre 1825 quand Nicolas Ier l'envoyait haranguer l'émeute Place du Sénat. Assez enclin à prêter l'oreille à la calomnie, il était homme aussi à „désavouer ses propres paroles", et la chose, dit le métropolite Grégoire, „lui arriva maintes fois". „Tout en lui n'est qu'apparence", disait Photius, dont il avait provoqué le dépit; prodigue de démonstrations envers ses bienfaiteurs, „il était le premier", une fois en mesure de se passer d'eux, „à les abreuver d'amertume".

Prélat près d'un demi-siècle, titulaire près de vingt-cinq ans du siège le plus éminent, il ne fit jamais rien qui le signalât particulièrement, et se borna à officier, aller au Synode et recevoir les rapports de son consistoire. „Il n'est resté dans la mémoire du peuple", écrit Souchkoff, „ni à Moscou ni à Pétersbourg, aucun récit populaire dont il soit le héros. Il parlait rarement à ses ouailles et n'avait aucun renom de prédicateur. Il ne comptait ni admirateurs enthousiastes, ni ennemis jaloux".

(D'après un original appartenant au prêtre N. Milowsky, Moscou.)

Князь АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ, 1773—1844, сынъ капитана князя Николая Сергѣевича Голицына, отъ третьяго его брака съ Александрой Александровной Хитрово, родился въ Москвѣ 8 Декабря 1773 года (см. т. II, № 48). Князь Голицынъ былъ товарищемъ дѣтскихъ игръ Великаго Князя Александра Павловича и пріобрѣлъ его неизмѣнную дружбу. До воцаренія своего друга, Голицынъ состоялъ при Дворѣ, довольствуясь званіемъ камергера. Назначенный въ 1802 году оберъ-прокуроромъ 1-го Департамента Сената, онъ 21 Октября 1803 г. получилъ постъ оберъ-прокурора Св. Сунода, со званіемъ статсъ-секретаря. Въ 1810 году онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и главноуправляющимъ дѣлами иностранныхъ исповѣданій, а въ 1816 году министромъ Народнаго просвѣщенія. Учрежденіе въ 1817 г. для князя Голицына новаго Министерства Духовныхъ дѣлъ и Народнаго просвѣщенія составляло важный шагъ въ дѣлѣ подчиненія церкви государству вообще и усиленія власти Голицына въ частности. Въ 1820 г. ко всѣмъ своимъ должностямъ онъ присоединилъ еще должность главноуправляющаго Почтовымъ департаментомъ. Аракчеевъ, опасаясь вліянія князя Голицына, подвелъ подъ него интригу, съ участіемъ митрополита Серафима и извѣстнаго Фотія, и 15 Мая 1824 г. Голицынъ оставилъ Министерство Духовныхъ дѣлъ, которое тогда же было упразднено, и удержалъ въ своихъ рукахъ лишь управленіе почтами. Николай I смотрѣлъ на него, какъ на „вѣрнѣйшаго друга своего семейства“. Достигнувъ званія канцлера всѣхъ Россійскихъ орденовъ и чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника 1-го класса, князь А. Н. Голицынъ, по старости и слабости зрѣнія, 13 Іюня 1843 года былъ уволенъ отъ службы. Онъ умеръ въ Крыму, въ своемъ имѣніи Гаспра, 22 Ноября 1844 года и погребенъ въ Балаклавскомъ Георгіевскомъ монастырѣ.

Весьма страннымъ кажется назначеніе оберъ-прокуроромъ Св. Сунода князя А. Н. Голицына, человѣка съ поверхностнымъ, чисто свѣтскимъ образованіемъ, не знакомаго ни съ ученіемъ, ни съ исторіей церкви, вольнодумца, никогда не читавшаго даже Евангелія. Но Александру I нуженъ былъ въ Сунодѣ „свой человѣкъ“. Съ годами этотъ libre penseur впалъ въ благочестіе и сдѣлался усерднѣйшимъ адептомъ мистицизма, къ которому все болѣе и болѣе склонялся его вѣнценосный другъ. Странно было видѣть этого вольтерьянца Екатерининскаго закала окруженнымъ доморощенными и выписанными изъ-за границы ханжами и лжечудотворцами и ожидающимъ, вмѣстѣ съ ними, знаменій, чудесъ и откровеній Св. Духа. Религіей его былъ туманный сентиментальный піетизмъ съ примѣсью православныхъ догматовъ, разнообразныхъ еретическихъ и сектантскихъ ученій.

Прилагаемый портретъ идетъ изъ семьи Демидовыхъ. Любопытны надписи на оборотѣ его, частью рукой самого князя А. Н. Голицына, а именно: „Мнѣ кажется, что портретъ мой довольно похожъ, для того къ вамъ оный посылаю, а у васъ бывшій не столько сходенъ“. И дальше: „J'ai oublié, mon cher ami, ce matin de vous remettre moi-même une badine, que j'ai préparé pour vous comme étrenne du nouvel an. Qu'elle vous serve de souvenir d'un vieillard qui vous aime beaucoup. le 1 Janvier 1835“. Другой рукой, также на оборотѣ, написаны стихи, съ отмѣткой „1842 Сентября 8“:

„Онъ съ геніемъ ума, съ возвышенной душой,
Царей слуга, въ свой вѣкъ, слугой Россіи сталъ,
И почести сложивъ, съ крестомъ пошелъ къ покою,
Но слѣдъ свой на скрижаль безсмертья начерталъ“.

(Съ акварельнаго портрета П. Соколова, собственность Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Le prince **ALEXANDRE NIKOLAEWITCH GOLITZYNE**, 1773—1844, fils du prince Nicolas Serguéewitch Golitzyne, capitaine, et de sa troisième femme, Alexandrine Alexandrowna Khitrovo, naquit à Moscou le 8 décembre 1773 (v. T. II, № 48). Il fut camarade d'enfance du Grand-Duc Alexandre Pavlowitch, dont il conserva toujours l'amitié; à la Cour, avant son avènement, il était simplement chambellan. Nommé en 1802 procureur général du 1er département du Sénat, il devint le 21 octobre 1803 haut procureur du Saint Synode, avec le titre de secrétaire d'état. En 1810, il fut fait membre du Conseil de l'Empire et directeur général des cultes non orthodoxes, puis, en 1816, ministre de l'instruction publique. La fondation pour lui en 1817 d'un ministère des affaires ecclésiastiques et de l'instruction publique, mesure d'importance capitale par l'autorité qu'elle attribuait à l'Etat sur l'Eglise, ne l'était pas moins par celle qu'elle conférait en particulier au nouveau ministre, qui en 1820 ajouta à toutes ses fonctions la direction générale du département des postes. Mais, sous la pression des intrigues nouées bientôt par Araktchéeff, de concert avec le métropolite Séraphin et le fameux Photius, il dut le 15 mai 1824 abandonner le ministère des affaires ecclésiastiques, supprimé par la même occasion, pour ne conserver que les postes. Nicolas Ier regardait le prince Golitzyne comme „l'ami le plus fidèle de sa famille". Il était chancelier de tous les Ordres russes et conseiller privé actuel, quand l'âge et la faiblesse de sa vue le contraignirent à la retraite le 13 juin 1843. Il mourut en Crimée, dans sa propriété de Gaspra, le 22 novembre 1844, et fut inhumé au monastère St-Georges, près Balaklava.

On est un peu surpris de voir haut procureur du Saint Synode un homme comme le prince Golitzyne, d'une instruction toute mondaine et superficielle, ignorant de l'Eglise la doctrine comme l'histoire, libre penseur qui n'avait même jamais lu l'Evangile: mais ce qu'Alexandre Ier voulait au Synode, c'était „un homme à lui". Avec le temps, notre libre penseur tourna à la piété et devint un des adeptes les plus zélés de ce mysticisme dans lequel versait de plus en plus son Impérial ami. Spectacle bizarre, que celui de ce voltairien à la Catherine II s'entourant de ce qu'il pouvait trouver en Russie et ailleurs de dévots et pseudo-thaumaturges pour attendre de compagnie apparitions, miracles et révélations du Saint-Esprit. Sa religion n'était qu'un nuageux et sentimental piétisme, assaisonné de dogmes orthodoxes et de doctrines empruntées à diverses sectes et hérésies.

Le portrait ci-joint vient de la famille Démidoff. Le revers porte de curieuses légendes, deux de la propre main du prince Alexandre Golitzyne, dont une en russe: „Il me semble que ce portrait est assez ressemblant; aussi je vous l'envoie: celui que vous aviez l'est moins", et l'autre en français: „J'ai oublié, mon cher ami, ce matin de vous remettre moi-même une badine, que j'ai préparé pour vous comme étrenne du nouvel an. Qu'elle vous serve de souvenir d'un vieillard qui vous aime beaucoup! Le 1 janvier 1835". Et d'une autre main, également au revers, avec la date „8 septembre 1842", ces vers en russe:

„Cet esprit éminent, cette âme généreuse
„Servit ses Souverains et servit la Russie,
„Puis quitta les honneurs pour le repos, mais laisse
„Au livre de l'histoire un nom ineffaçable".

(D'après une aquarelle de P. Sokoloff, appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

215

Князь АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ЛОБАНОВЪ-РОСТОВСКІЙ, 1752—1830, старшій сынъ князя Ивана Ивановича Лобанова-Ростовскаго, отъ брака съ княжной Екатериной Александровной Куракиной, родился 24 Мая 1752 года. Въ службѣ онъ дослужился до чина генералъ-майора. Въ 1797 году онъ былъ выбранъ въ Московскіе губернскіе предводители дворянства; но уже 1 Сентября 1800 года состоялся указъ Императора Павла I на имя Московскаго генералъ-губернатора слѣдующаго содержанія: „Усматривая изъ поступившихъ ко мнѣ прошеній отъ недорослей о опредѣленіи въ службу, что многіе показываются дворянами Московской губерніи, не бывъ совсѣмъ оными, а основываясь на данныхъ имъ аттестатахъ, за подписаніемъ предводителя Московскаго дворянства, отставного генералъ-майора князя Лобанова, то, не удивляясь таковой отъ него неосновательности, повелѣваю вамъ по полученіи сего отрѣшить его отъ должности и приступить къ выбору другого предводителя, который бы достоинъ былъ Московскаго дворянства".

Князь П. В. Долгорукій въ своихъ мемуарахъ посвящаетъ князю А. И. Лобанову-Ростовскому нѣсколько злыхъ строкъ: „Le prince Alexandre Ivanowitch Lobanow, l'aîné des fils du calmouk, arrivant à Rostow, s'arrête à la dernière station, et fit sommer le gorodnitchyi de le recevoir à la barrière de la ville et au son des cloches. Comme il était le petit-neveu du comte Panine, à cette époque chef des affaires étrangères et tout puissant à la cour, le gorodnitchyi n'osa désobéir, et le reçut à la porte de la ville, les cloches sonnant à pleine volée. L'Impératrice, ayant appris cela, fut très mécontente et défendit de répéter cette réception à l'avenir. Ce prince Alexandre était connu par son terrible caractère; dès qu'il était de mauvaise humeur, il se promenait de long en large en fredonnant: „Turlututu, chapeau pointu", et dès qu'on entendait la funeste „turlututu" tout le monde dans la maison, domestiques, enfants et femmes commençaient à trembler"....

Князь А. И. Лобановъ умеръ 20 Января 1830 года и погребенъ въ Москвѣ, въ Знаменской церкви Новоспасскаго монастыря.

Онъ былъ женатъ два раза: 1) на Аннѣ Никифоровнѣ Масловой († 1819 г.) и 2) на Юліи Антоновнѣ (фамилія неизвѣстна). Всѣ дѣти его отъ перваго брака, а именно: 3 сына — Алексѣй, Иванъ и Борисъ, и 5 дочерей: Екатерина (старшая), Анастасія (за Семеномъ Ефимовичемъ Ляпуновымъ), Варвара, Прасковья (за Александромъ Васильевичемъ Новосильцовымъ) и Екатерина (младшая).

(Съ портрета, находящагося въ домѣ Благороднаго Собранія, въ Москвѣ.)

Le prince **ALEXANDRE IVANOWITCH LOBANOFF-ROSTOWSKY**, 1752—1830, fils aîné du prince Ivan Ivanowitch Lobanoff-Rostowsky et de la princesse, née Catherine Alexandrowna Kourakine, naquit le 24 mai 1752. Il servit jusqu'au grade de général major. Il n'était que depuis 1797 maréchal de la noblesse du gouvernement de Moscou, quand, le 1er septembre 1800, l'Empereur Paul Ier adressa au nom du général gouverneur de Moscou l'oukaze suivant: „Dans les demandes d'admission au service qui Me parviennent, de nombreux mineurs se donnent comme nobles du gouvernement de Moscou sans l'être en réalité et sans autre titre que des certificats délivrés sous la signature du maréchal de la noblesse de Moscou, le général major en retraite prince Lobanoff. Sans M'étonner d'actes aussi inconsidérés de sa part, Je vous ordonne, à la réception du présent Oukaze, de le destituer de ses fonctions et de procéder à l'élection d'un nouveau maréchal, qui soit digne de la noblesse de Moscou".

Le prince P. Dolgorouky consacre dans ses Mémoires quelques lignes méchantes au prince Lobanoff-Rostowsky: „Le prince Alexandre Ivanowitch Lobanow, l'aîné des fils du calmouk, arrivant à Rostow, s'arrête à la dernière station, et fit sommer le gorodnitchyi de le recevoir à la barrière de la ville et au son des cloches. Comme il était le petit-neveu du comte Panine, à cette époque chef des affaires étrangères et tout puissant à la cour, le gorodnitchyi n'osa désobéir, et le reçut à la porte de la ville, les cloches sonnant à pleine volée. L'Impératrice, ayant appris cela, fut très mécontente et défendit de répéter cette réception à l'avenir. Ce prince Alexandre était connu par son terrible caractère; dès qu'il était de mauvaise humeur, il se promenait de long en large en fredonnant: „Turlututu, chapeau pointu", et dès qu'on entendait la funeste „turlututu" tout le monde dans la maison, domestiques, enfants et femmes commençaient à trembler"....

Le prince Lobanoff mourut le 20 janvier 1830, et fut inhumé à Moscou, dans l'église de l'Apparition de la Vierge, au monastère Novospassky.

Il avait épousé en premières noces Anne Nikiforowna Masloff († 1819) et en secondes noces Julie Antonowna (famille inconnue). Il n'eut d'enfants que du premier mariage: trois fils, Alexis, Ivan et Boris, et cinq filles, Catherine (aînée), Anastasie, mariée à Simon Efimowitch Liapounoff, Varvara, Prascovie, mariée à Alexandre Vassiliewitch Novossiltzoff, et Catherine (jeune).

(D'après un original conservé à l'Assemblée de la Noblesse de Moscou.)

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи
№ 3966

Князь БОРИСЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ЮСУПОВЪ, 1794—1849, сынъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Николая Борисовича Юсупова, отъ брака съ племянницей Потемкина Татьяной Васильевной Энгельгардтъ (въ первомъ бракѣ за Михаиломъ Семеновичемъ Потемкинымъ), родился 9 Іюня 1794 года. Послѣ обученія въ модномъ французскомъ пансіонѣ аббата Николя, князь Б. Н. Юсуповъ служилъ сперва въ вѣдомствѣ Иностранныхъ дѣлъ, потомъ былъ членомъ Мануфактуръ-Совѣта, а съ 1839 г. почетнымъ опекуномъ С.-Петербургскаго присутствія, имѣя придворное званіе гофмейстера. Онъ умеръ 25 Октября 1849 г. отъ тифа. Князь Б. Н. Юсуповъ былъ женатъ 2 раза: на княжнѣ Прасковьѣ Павловнѣ Щербатовой и на Зинаидѣ Ивановнѣ Нарышкиной (во 2-мъ бракѣ—графиня де-Шово). Отъ второго брака онъ имѣлъ сына Николая, послѣдняго въ старинномъ родѣ татарскихъ князей Юсуповыхъ, передавшаго свой титулъ дочери, графинѣ Зинаидѣ Николаевнѣ Сумароковой-Эльстонъ.

Въ книгѣ „О родѣ князей Юсуповыхъ“ князь Б. Н. Юсуповъ, въ панегирическомъ тонѣ, изображается „истиннымъ вельможей“, человѣкомъ, преданнымъ долгу, „утѣшавшимъ страждущихъ“ во время холеры, кормившимъ до 70.000 крестьянъ во время голода, „не перестававшимъ преслѣдовать своими остротами всякое лицемѣріе, всякій, по его мнѣнію, несправедливый поступокъ“. Съ этимъ не совсѣмъ согласны отзывы нѣкоторыхъ мемуаристовъ, хотя бы, напримѣръ, князя П. В. Долгорукаго. Несмѣтное богатство князя Б. Н. Юсупова, имъ еще увеличенное, конечно, дѣлало его вполнѣ независимымъ; ему не было надобности прибѣгать къ „лицемѣрію“; онъ не дорожилъ службой и постоянно ссорился съ важными лицами, навлекая на себя ихъ неудовольствіе своими весьма „колкими“, по оцѣнкѣ его собственнаго сына, остротами. Но самъ князь Б. Н. Юсуповъ, по утвержденію графа М. А. Корфа, имѣлъ „разныя причудливыя странности и репутацію ограниченнаго ума“, „ничѣмъ не стѣснялся въ выраженіяхъ своихъ мыслей и понятій, ни въ свѣтѣ, ни даже въ разговорахъ съ Государемъ, и позволялъ себѣ такую непринужденную откровенность изъясненій, которой не спустили бы никому другому“. Балы его были великолѣпны, но графъ В. А. Сологубъ находитъ, что они „не имѣли оттѣнка врожденнаго щегольства и барства“, и приписываетъ князю „легендарную скаредность“, заставлявшую его при встрѣчѣ Государя и Государыни тутъ же отдавать хозяйственныя приказанія въ родѣ того, чтобы „выѣздному Ихъ Величествъ дали два стакана чаю, а кучеру одинъ“. При этомъ служебныя заслуги князя, въ родѣ провожанія тѣла Императрицы Елисаветы Алексѣевны, участія въ Коронаціонной комиссіи и урегулированія производства и продажи игральныхъ картъ, несмотря на „многія и постоянно повторяемыя изъявленія Высочайшаго благоволенія“, носили слишкомъ спеціальный характеръ, чтобы обезпечить этому вельможѣ видное въ исторіи мѣсто среди дѣятелей эпохи Императора Николая I.

(Съ портрета, принадлежащаго княгинѣ З. Н. Юсуповой, с. Архангельское, Московской губ.)

БИБЛІОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галлереи
№ 3966

Le prince **BORIS NIKOLAEWITCH YOUSSOUPOFF**, 1794—1849, fils du prince Nicolas Borissowitch Youssoupoff, conseiller privé actuel, et d'une nièce de Potemkine, Tatiana Vassiliewna Engelhardt (mariée en premières noces à Michel Sémenowitch Potemkine), naquit le 9 juin 1794. Il fit ses études chez l'abbé Nicolle, à la pension française en vogue, puis prit du service aux Affaires étrangères; il fut ensuite membre du Conseil des Manufactures, et, en 1839, tuteur honoraire du Conseil de Tutelle de St-Pétersbourg; il était maître de la Cour. Le prince Youssoupoff mourut du typhus le 25 octobre 1849. Il avait épousé la princesse Prascovie Pavlowna Chtcherbatoff, et en secondes noces Zénaïde Ivanowna Narychkine, plus tard comtesse de Chauveau, dont il eut un fils, Nicolas, qui, dernier représentant de la vieille famille tatare des princes Youssoupoff, transmit le titre à sa fille, Zénaïde, comtesse de Soumarokoff-Elston.

La Famille des Princes Youssoupoff fait un portrait dithyrambique du prince Boris, le „véritable grand seigneur", l'homme du devoir qui „soulagea les souffrances" lors du choléra, nourrit jusqu'à 70.000 paysans durant la famine, et „ne cessa de poursuivre de ses sarcasmes tout ce qui lui paraissait hypocrisie ou injustice". Telle n'est pas tout à fait l'opinion de certains auteurs de mémoires, comme, par exemple, le prince P. Dolgorouky. Une immense fortune, qui ne faisait naturellement que grossir, assurait au prince Youssoupoff une complète indépendance; il n'avait rien à gagner, par „hypocrisie": libre de préoccupations de carrière, il était sans cesse en délicatesse avec les personnages haut placés, qu'il s'évertuait à piquer de sarcasmes, au témoignage de son fils, des plus „mordants". Pour sa part, il joignait, dit le baron Korff, „à de singulières bizarreries la réputation d'un esprit borné", „ne se gênait nullement pour émettre ses idées et dire ce qu'il pensait, ni dans la société, ni même en parlant à l'Empereur, et se permettait dans ses explications une désinvolture qui n'eût été de mise pour personne autre". Il donnait des bals somptueux, mais „dont l'élégance et le grand genre n'étaient pas foncièrement de bon aloi", au dire du comte Sollohub, qui parle encore de „la ladrerie légendaire" avec laquelle, en recevant l'Empereur et l'Impératrice, il entrait sur place dans des détails d'office comme: „Deux verres de thé au laquais de Leurs Majestés, un au cocher!" Quant à la valeur du fonctionnaire, des services comme l'accompagnement du corps de l'Impératrice Elisabeth, la part prise aux travaux de la commission du Couronnement et la réglementation de la fabrication et de la vente des cartes à jouer sont, malgré „les multiples et incessantes déclarations de gratitude de S. M.", d'une nature trop spéciale pour assurer à ce grand seigneur une place marquante parmi les hommes politiques de l'époque de Nicolas Ier.

(D'après un original appartenant à la princesse Z. Youssoupoff, Arkhangelskoïé, gouv. de Moscou.)

213

Митрополитъ Серафимъ (Глаголевскій), 1757 — 1843

Le Métropolite Séraphin (Glagolewsky), 1757 — 1843

214

Пис. Соколовъ

Peint par Sokoloff

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, 1773 — 1844

Le Prince Alexandre Nikolaewitch Golitzyne, 1773 — 1844

215

Князь Александръ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій, 1752 — 1830

Le Prince Alexandre Ivanowitch Lobanoff-Rostowsky, 1752 — 1830

216

Князь Борисъ Николаевичъ Юсуповъ, 1794 — 1849

Le Prince Boris Nikolaewitch Youssoupoff, 1794 — 1849

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

БИБЛИОТЕКА
Пермской
Художественной Галереи
№ 3966

МАРІЯ АЛЕКСАНДРОВНА ДМИТРІЕВА-МАМОНОВА, рожденная Лачинова, 1768—1794, родилась 13 Декабря 1768 года; была замужемъ за флигель-адъютантомъ, потомъ генералъ-майоромъ Иваномъ Ѳедоровичемъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ (р. 1754 г., † 1812 г.) и имѣла одного сына, Александра (р. 1788 г., † 1836 г.).

Скончалась М. А. Дмитріева-Мамонова 16 Ноября 1794 г. и погребена въ Александро-Невской лаврѣ, на Лазаревомъ кладбищѣ.

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность Д. И. Щукина, въ Москвѣ.)

MARIE ALEXANDROWNA DMITRIEFF-MAMONOFF, née Latchinoff, 1768—1794, naquit le 13 décembre 1768. Elle épousa l'aide de camp de Sa Majesté, plus tard général major, Ivan Féodorowitch Dmitrieff-Mamonoff (1754—1812), et eut un fils, Alexandre (1788—1836).

Mme Dmitrieff-Mamonoff mourut le 16 novembre 1794, et fut inhumée au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après un original de Borovikowsky, appartenant à D. Chtchoukine, Moscou.)

МАРІЯ ИВАНОВНА ДУБОВИЦКАЯ, 17..—1821, дочь статскаго совѣтника Озерова, сестра члена Государственнаго Совѣта Петра Ивановича Озерова, въ 1808 году вышла замужъ за Александра Петровича Дубовицкаго (р. 1782 г., † 1848 г.), извѣстнаго впослѣдствіи мистика-сектанта.

Мужъ любилъ жену „нѣжно и пламенно", но лишился ея послѣ 13-лѣтняго супружества: она скончалась 11 Іюля 1821 г., оставивъ сына Петра (р. 1815 г., † 1868 г.) и 2 дочерей: Надежду (р. 1817 г., † 1893 г.) и Софію (р. 1820 г., † 1883 г.; была замужемъ за генералъ-адъютантомъ Мерхелевичемъ). Погребена М. И. Дубовицкая въ Донскомъ монастырѣ, въ Москвѣ.

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность О. Л. Мерхелевичъ, с. Стенькино, Рязанской губ.)

218

MARIE IVANOWNA DOUBOVITZKY, 17..—1821, fille du conseiller d'état Ozéroff, sœur du membre du Conseil de l'Empire Pierre Ivanowitch Ozéroff, épousa en 1808 Alexandre Pétrowitch Doubovitzky (1782—1848), connu plus tard comme mystique et dissident.

Doubovitzky, „tendrement et ardemment" attaché à sa femme, la perdit après treize ans d'union: elle mourut le 11 juillet 1821, laissant un fils, Pierre (1815—1868), et deux filles, Nadejda (1817—1893) et Sophie (1820—1883), mariée au général aide de camp Merkhélewitch. Elle fut inhumée au monastère Donskoï, à Moscou.

(D'après un original de Borovikowsky, appartenant à O. Merkhélewitch, Stenkino, gouv. de Riazan.)

ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА ДУБОВИЦКАЯ, 1791 — 1847, дочь Петра Николаевича Дубовицкаго (р. 1753 г., † 1825 г.), отъ брака его съ Надеждой Ивановной Медвѣдской (р. 1754 г., † 1849 г.), сестра извѣстнаго сектанта-мистика, родилась 27 Декабря 1791 года.

Е. П. Дубовицкая была замужемъ за Михаиломъ Ѳедоровичемъ Протасьевымъ (р. 1778 г., † 1848 г.). Когда братъ ея былъ сосланъ въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь, она вмѣстѣ съ родителями своими принимала участіе въ хлопотахъ по облегченію его участи и призрѣнію его малолѣтнихъ дѣтей.

Скончалась Е. П. Протасьева 31 Декабря 1847 г. и погребена въ Москвѣ, въ Покровскомъ монастырѣ. Изъ дѣтей ея извѣстны сыновья: Дмитрій (р. 1810 г., † 1852 г.), Ѳедоръ (р. 1812 г., † 1860 г.) и Александръ (р. 1819 г., † 1839 г.).

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность О. Л. Мерхелевичъ, с. Стенькино, Рязанской губ.)

ÉLISABETH PÉTROWNA DOUBOVITZKY, 1791—1847, fille de Pierre Nikolaewitch Doubovitzky (1753—1825) et de Nadejda Ivanowna, née Medvedsky (1754—1849), était sœur du mystique et dissident Doubovitzky, et naquit le 27 décembre 1791. Elle épousa Michel Féodorowitch Protassieff (1778—1848). Quand son frère fut cloîtré au monastère St-Cyrille, à Bélozersk, elle se joignit à ses parents pour faire des démarches en faveur du coupable et de ses jeunes enfants.

Mme Doubovitzky mourut le 31 décembre 1847, et fut inhumée à Moscou, au monastère de l'Intercession. On lui connaît trois fils, Dmitri (1810—1852), Théodore (1812—1860) et Alexandre (1819—1839).

(D'après un original de Borovikowsky, appartenant à O. Merkhélewitch, Stenkino, gouv. de Riazan.)

Княгиня ВАРВАРА ПЕТРОВНА ЩЕРБАТОВА, 1774—1843, дочь князя Петра Александровича Оболенскаго (р. 1742 г., † 1822 г.), отъ брака его съ княжной Екатериной Андреевной Вяземской (р. 1741 г., † 1811 г.), родилась 14 Января 1774 года; она была племянницей поэта князя П. А. Вяземскаго. Въ замужствѣ княжна Оболенская была за шталмейстеромъ княземъ Александромъ Ѳедоровичемъ Щербатовымъ (р. 1778 г., † 1817 г.). Отъ этого брака она имѣла двухъ сыновей: князей Ѳедора (р. 1802 г., † 1827 г.) и Петра (р. 1811 г.) Александровичей, и трехъ дочерей: Софію (р. 1800 г., † 1824 г.; за П. А. Обрѣзковымъ), Екатерину († 1892 г.; за Д. Н. Свербеевымъ) и Анну (за А. Н. Елагинымъ). Скончалась княгиня В. П. Щербатова 11 Января 1843 года и похоронена, вмѣстѣ съ мужемъ, въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Княгиня Варвара Петровна Щербатова принадлежала къ семьѣ Оболенскихъ, упоминаемой княземъ П. А. Вяземскимъ, какъ образецъ Московскаго семейства стараго быта. Ту же, извѣстную всей Москвѣ, патріархальность, тѣ же чисто русскія вѣрованія и убѣжденія, простоту и чистоту семейной жизни, въ которыхъ она была воспитана въ домѣ отца, перенесла она и въ скромную деревенскую жизнь, избранную ею послѣ смерти мужа. По словамъ ея зятя, Д. Н. Свербеева, это была, въ полномъ смыслѣ этого слова, честная, прямая и благородная женщина.

(Съ портрета Тончи; собственность князя Н. В. Голицына, въ С.-Петербургѣ.)

220

La princesse VARVARA PÉTROWNA CHTCHERBATOFF, 1774—1843, fille du prince Pierre Alexandrowitch Obolensky (1742—1822), et de la princesse Catherine Andréewna Viazemsky (1741—1811), naquit le 14 janvier 1774; elle était nièce du prince P. Viazemsky, connu comme poète. Elle épousa le prince Alexandre Féodorowitch Chtcherbatoff (1778—1817), écuyer, dont elle eut deux fils, Théodore (1802—1827) et Pierre (né 1811), et trois filles, Sophie (1800—1824), mariée à P. Obreskoff, Catherine († 1892) à D. Sverbéeff et Anne à A. Elaguine. Elle mourut le 11 janvier 1843, et fut inhumée aux côtés de son mari, au monastère Novodévitchi, à Moscou.

La princesse Chtcherbatoff était de la famille Obolensky, citée par le prince P. Viazemsky comme un type d'intérieur moscovite de vieille souche. Même allure patriarcale connue dans tout Moscou, mêmes croyances et convictions purement russes, même simplicité, même pureté de vie familiale, dans lesquelles elle avait été élevée chez ses parents, la suivirent dans la modeste retraite campagnarde où elle se confina après son veuvage. C'était bien dans toute la force des termes, dit son gendre Sverbéeff, un modèle de probité, de droiture, de noblesse de sentiments.

(D'après un original de Tonci, appartenant au prince N. Golitzyne, St-Pétersbourg.)

217

Пис. Боровиковскій — Peint par Borovikowsky

Марія Александровна Дмитріева-Мамонова, 1768 — 1794

Marie Alexandrowna Dmitrieff-Mamonoff, 1768 — 1794

218

Пис. Боровиковскій *Peint par Borovikowsky*

Марія Ивановна Дубовицкая, 179. — 1821

Marie Ivanowna Doubovitzky, 179. — 1821

219

Пис. Боровиковскій *Peint par Borovikowsky*

Елизавета Петровна Дубовицкая, 1791 — 1847

Elisabeth Pétrowna Doubovitzky, 1791 — 1847

220

Пис. Тончи *Peint par Tonci*

Княгиня Варвара Петровна Щербатова, 1774 — 1843

La Princesse Varvara Pétrowna Chtcherbatoff, 1774 — 1843

РУССКІЕ PORTRAITS RUSSES ПОРТРЕТЫ

БИБЛИО
Пермской
Художественной
№ 3966

ДАРІЯ ВАСИЛЬЕВНА ПОТЕМКИНА, 1704—1780, рожденная Кондырева, мать свѣтлѣйшаго князя Тавриды, происходила изъ рода Кондыревыхъ и въ первомъ бракѣ была за старикомъ помѣщикомъ Скуратовымъ. Рано овдовѣвъ, она продолжала жить у родныхъ мужа въ селѣ Большомъ Скуратовѣ, на Кіевской дорогѣ. Случайно увидѣвшій ее старый ветеранъ Петровскихъ войнъ, отставной подполковникъ Александръ Васильевичъ Потемкинъ (р. 1673 г., † 1746 г.), плѣнился двадцатилѣтней красивой и бездѣтной вдовой и женился на ней, скрывъ отъ нея, что у него была законная жена, проживавшая въ его Смоленской деревнѣ. Обманъ открылся послѣ свадьбы, когда Дарія Васильевна была уже беременна. Въ ужасѣ и отчаяніи она потребовала свиданія съ законною женою мужа и своими слезами тронула эту добрую и уже пожилую женщину, къ тому же несчастную въ супружествѣ: она приняла постриженіе и этимъ узаконила второй бракъ мужа. Но и Дарія Васильевна не нашла себѣ счастья съ мужемъ, бывшимъ на 30 лѣтъ ея старше, державшимъ ее почти взаперти и доведшимъ своимъ тяжелымъ характеромъ, деспотизмомъ и ревностью почти до слабоумія. Первыми дѣтьми ихъ были дочери, Елена и Марія. Въ третій разъ беременная, Потемкина увидала вѣщій сонъ: прямо съ неба на нее катилось солнце, и она въ испугѣ проснулась; скоро послѣ этого, 13 Сентября 1739 г., у нея родился сынъ Григорій. Рожденіе сына почему-то возбудило въ старикѣ Потемкинѣ подозрѣніе въ его незаконности, и положеніе его забитой жены еще ухудшилось. Защитникомъ ея явился двоюродный братъ ея мужа, Григорій Матвѣевичъ Козловскій, принявшій родственное участіе въ своемъ крестникѣ, будущемъ свѣтлѣйшемъ, и взявшій его къ себѣ на воспитаніе. Послѣ этого у Потемкиныхъ родилось еще три дочери, но подозрительная ревность старика не унималась, и онъ подалъ даже прошеніе о разводѣ, взятое имъ потомъ обратно. А. В. Потемкинъ умеръ въ 1746 году, и вдова его, оставшаяся съ очень ограниченными средствами, переѣхала съ дочерьми изъ Смоленской глуши въ Москву. Возвышеніе Григорія Александровича Потемкина не замедлило отразиться на судьбѣ его матери. Въ торжество мира съ Турціей, въ 1775 г., Дарія Васильевна была принята въ Москвѣ Императрицей съ отмѣннымъ благоволеніемъ, и ей былъ пожалованъ большой домъ на Пречистенкѣ, съ мебелью изъ комнатъ Государыни. Въ 1776 г. она была пожалована въ статсъ-дамы и получила позволеніе, по преклонности лѣтъ, продолжать жить въ Москвѣ. До конца жизни она продолжала пользоваться благоволеніемъ Екатерины, часто посылавшей ей, иногда при собственноручныхъ письмахъ, подарки, какъ-то: осыпанные брильянтами часы, флакончики и собственной работы табакерку изъ кости, съ портретомъ Ея Величества.

По словамъ помнившаго ее П. Ѳ. Карабанова, Потемкина была очень хороша и умна; свѣтлѣйшій князь Таврическій очень походилъ лицомъ на мать, которую, однако, мало зналъ и не любилъ; въ свою очередь, она была недовольна слухами о его разнузданной жизни и не стѣснялась говорить ему правду въ письмахъ, которыя онъ бросалъ нераспечатанными въ каминъ.

Д. В. Потемкина скончалась въ Іюлѣ 1780 г. отъ камней въ печени; набальзамированное тѣло ея, за невозвращеніемъ отправленнаго къ сыну эстафета, оставалось въ домовой ея церкви и лишь 13 Августа, послѣ торжественнаго отпѣванія у Большого Вознесенія, на Никитской улицѣ, отправлено въ подмосковное село Хорошево, а оттуда уже зимнимъ путемъ перевезено въ Смоленскую губернію.

Изъ дочерей Д. В. Потемкиной четыре были замужемъ: Марія—за тайнымъ совѣтникомъ Николаемъ Борисовичемъ Самойловымъ, Елена — за полковникомъ Василіемъ Андреевичемъ Энгельгартомъ, Пелагея—за бригадиромъ Петромъ Егоровичемъ Высоцкимъ, Дарія—за А. А. Лихачевымъ и пятая, Надежда, умерла дѣвицею.

(Съ портрета, принадлежащаго графинѣ М. Е. Браницкой, м. Бѣлая-Церковь, Кіевской губ.)

DARIA VASSILIEWNA POTEMKINE, 1704—1780, née Kondyreff, mère du prince sérénissime Potemkine de Tauride, était de la famille Kondyreff et avait épousé en premières noces le vieux propriétaire Skouratoff. Veuve de bonne heure, elle resta dans la famille de son mari, à Bolchoïé Skouratovo, sur la route de Kieff, et fut remarquée par hasard par un vétéran des guerres de Pierre-le-Grand, le lieutenant-colonel en retraite Alexandre Vassiliewitch Potemkine (1673—1746), qui s'éprit de cette belle veuve de vingt ans sans enfants et l'épousa, sans révéler qu'il avait une femme légitime, résidant dans ses propriétés de Smolensk. La supercherie ne se découvrit que plus tard, quand la jeune femme était déjà enceinte: hors d'elle et au désespoir, elle tint à voir la première femme de son mari, excellente personne d'un certain âge, d'ailleurs malheureuse en ménage, qui se laissa toucher par ses larmes et prit le voile pour légitimer le second mariage. La jeune femme ne fut pas heureuse non plus avec ce mari de trente ans de plus qu'elle qui la tenait presque cloîtrée et la rendait à demi folle avec son caractère intraitable, son despotisme et sa jalousie. Ils eurent d'abord deux filles, Hélène et Marie. Enceinte une troisième fois, elle eut un songe prophétique: elle vit le soleil se détacher du ciel pour tomber droit sur elle, et se réveilla en sursaut; bientôt après, elle donnait le jour, le 13 septembre 1739, à son fils Grégoire. Cette naissance eut le don d'inspirer des soupçons au père, et la situation de la malheureuse ne fit qu'empirer; elle trouva pourtant consolation près d'un cousin germain de son mari, Grégoire Matvéewitch Kozlowsky, parrain de l'enfant, qui témoigna à son filleul un paternel intérêt et se chargea de son éducation. Potemkine eut encore trois filles, mais sa jalousie tracassière ne diminuait pas, et il alla même jusqu'à faire une instance en divorce, qu'il retira pourtant. A sa mort, en 1746, sa veuve, restée dans une situation matérielle assez précaire, quitta ce coin perdu des environs de Smolensk pour venir à Moscou, où elle ne tarda pas à éprouver les heureux effets de l'élévation de son fils: le jour de la célébration de la paix de 1775 avec la Turquie, elle y fut reçue avec une insigne bienveillance par l'Impératrice, qui lui fit don d'une maison considérable sur la Prétchistenka, avec un mobilier pris dans ses propres appartements. Dame d'honneur l'année suivante, elle reçut l'autorisation de rester à Moscou, en raison de son grand âge. Elle ne cessa jamais d'être l'objet de toute la bienveillance de Catherine II, qui lui envoya, souvent avec lettres de sa main, de nombreux présents, une montre enrichie de brillants, des flacons et une tabatière d'ivoire de sa façon ornée de son portrait.

P. Karabanoff, qui connut personnellement Mme Potemkine, lui trouve un physique charmant et de l'esprit. Le Sérénissime, qui ressemblait beaucoup à sa mère, ne la connut pourtant guère et ne l'aimait pas: de son côté, elle était indignée de ses débordements et ne craignit pas de le lui dire dans des lettres qu'il jetait au feu sans les ouvrir.

Mme Potemkine mourut de calculs du foie en juillet 1780; son corps fut embaumé et dut attendre longtemps dans la chapelle de sa maison le retour du courrier envoyé à son fils. Le 13 août seulement, après un service solennel à la Grande Eglise de l'Ascension, sur la Nikitzkaïa, il fut déposé au bourg de Khorochévo, près Moscou, pour être transporté l'hiver suivant en traîneau au gouvernement de Smolensk.

Des filles de Mme Potemkine, quatre furent mariées, Marie, au conseiller privé Nicolas Borissowitch Samoïloff, Hélène, au colonel Basile Andréewitch Engelhardt, Pélagie, au brigadier Pierre Egorowitch Wysocki, et Daria, à A. Likhatcheff; la cinquième, Nadejda, mourut sans alliance.

(D'après un original appartenant à la comtesse M. Branicki, Bélaïa Tzerkov, gouv. de Kieff.)

МАРІЯ ВАСИЛЬЕВНА ОЛЕШЕВА, 1743—18.., рожденная Суворова, сестра генералиссимуса князя Суворова-Рымникскаго, родилась въ 1743 году и была старшею изъ двухъ дочерей генералъ-аншефа Василія Ивановича Суворова (р. 1705 г., † 1775 г.), отъ брака его съ Авдотьей Феодосьевной Мануковой († до 1760 г.). Была замужемъ за богатымъ Вологодскимъ помѣщикомъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, первымъ губернскимъ предводителемъ Вологодскаго дворянства, Алексѣемъ Васильевичемъ Олешевымъ (р. 1724 г., † 1788 г.), женившимся на ней вторымъ бракомъ, послѣ смерти своей первой жены. Это былъ человѣкъ весьма образованный, начитанный, извѣстный своими литературными трудами по разнымъ философскимъ вопросамъ и пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ въ губерніи. Олешевы проживали въ богатѣйшемъ имѣніи Алексѣя Васильевича, селѣ Ермасово или Ермолово, близъ Вологды, отличались гостепріимствомъ и хлѣбосольствомъ и были окружены, по словамъ одного современника ихъ, „избраннѣйшими увеселеніями, посреди сельской жизни“. Въ этомъ имѣніи навѣщалъ ихъ знаменитый Суворовъ съ сыномъ Аркадіемъ, тогда еще несовершеннолѣтнимъ; къ нимъ заѣзжала также и гостила у нихъ со 2 по 6 Іюня 1799 г., по пути на богомолье въ Тотьму, и покинутая жена фельдмаршала, княгиня Варвара Ивановна Суворова. Единственный сынъ Олешевыхъ, Василій Алексѣевичъ (р. 1765 г., † 1830 г.), умеръ бездѣтнымъ, и роскошно устроенное имѣніе ихъ перешло къ сыну младшей сестры Маріи Васильевны, Анны, князю Андрею Ивановичу Горчакову.

Біографическія свѣдѣнія о Маріи Васильевнѣ Олешевой до того скудны, что неизвѣстенъ даже годъ ея смерти; извѣстно лишь, что она пережила своего супруга, похороненнаго въ Петербургѣ, на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры, при чемъ на памятникѣ его вырѣзана слѣдующая надпись: „Сіе изъ мрамора и металла надгробіе положили: оставшаяся по немъ вторая жена и рожденный отъ нея сынъ его, неутѣшно сѣтующіе о разлученіи съ нимъ и горестно оплакивающіе его кончину“.

(Съ портрета, принадлежавшаго князю В. С. Оболенскому-Нелединскому-Мелецкому, въ С.-Петербургѣ.)

MARIE VASSILIEWNA OLÉCHEFF, 1743—18.., née Souvoroff, sœur du grand Souvoroff, naquit en 1743, l'aînée des deux filles du général en chef Basile Ivanowitch Souvoroff (1705—1775) et d'Eudoxie Féodosiewna, née Manoukoff († avant 1760). Elle épousa un veuf, riche propriétaire de Vologda, conseiller d'état actuel et premier maréchal de la noblesse du gouvernement de Vologda, Alexis Vassiliewitch Olécheff (1724—1788); c'était un homme d'une bonne instruction, avec des lectures et tout un passé de travaux littéraires sur diverses questions de philosophie, jouissant enfin de l'estime de tout son gouvernement. Fixés, sa femme et lui, dans sa somptueuse propriété d'Ermassovo ou Ermolovo, près Vologda, ils y donnaient des réceptions, entourés, dit un contemporain, „au milieu de la vie de campagne, des distractions les plus raffinées". Ils y reçurent la visite du grand Souvoroff avec son fils, Arcade, alors enfant, et, du 2 au 6 juin 1799, celle de sa femme, abandonnée par lui, la princesse Varvara Ivanowna Souvoroff, en route pour le pélerinage de Totma. Leur fils unique, Basile (1765—1830), mourut sans postérité, et leur splendide propriété passa au fils de la sœur cadette, Anne, de Mme Olécheff, le prince André Ivanowitch Gortchakoff.

On connaît si peu de chose de la vie de Mme Olécheff, qu'on ignore même la date de sa mort; on sait seulement qu'elle survécut à son mari, inhumé à Pétersbourg, au cimetière St-Lazare du monastère d'Alexandre Newsky, et dont la tombe porte l'épitaphe: „Monument de marbre et de métal élevé par sa seconde femme restée veuve et leur fils, inconsolables de sa perte et profondément éplorés".

(D'après un original ayant appartenu au prince V. Obolensky-Nélédinsky-Méletzky, St-Pétersbourg.)

АНДРЕЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ВСЕВОЛОЖСКІЙ, 17..—1774, сынъ майора Алексѣя Степановича отъ перваго брака, потомокъ брата нареченной невѣсты Царя Алексѣя Михаиловича, былъ Пензенскимъ воеводой и трагически погибъ во время Пугачевскаго бунта (въ началѣ Августа 1774 г.). Пушкинъ въ своей „Исторіи Пугачевскаго бунта“ такъ разсказываетъ о его смерти: „Пугачевъ приблизился къ Пензѣ. Воевода Всеволожскій нѣсколько времени держалъ чернь въ повиновеніи и далъ время дворянамъ спастись. Пугачевъ явился передъ городомъ. Жители вышли къ нему навстрѣчу съ иконами и хлѣбомъ и пали передъ нимъ на колѣни. Пугачевъ въѣхалъ въ Пензу. Всеволожскій, оставленный городскимъ войскомъ, заперся въ своемъ домѣ съ двѣнадцатью дворянами и рѣшился защищаться. Домъ былъ зажженъ; храбрый Всеволожскій погибъ съ своими товарищами“. Совсѣмъ иначе изображаетъ поведеніе А. А. Всеволожскаго новѣйшій историкъ Пугачевскаго бунта Н. Ѳ. Дубровинъ: „За нѣсколько дней до прихода Пугачева Всеволожскій бѣжалъ изъ Пензы и скрылся у одного помѣщика, гдѣ и былъ схваченъ пугачевцами; его повезли въ Пензу, но по дорогѣ, въ деревнѣ Скочкахъ, сожгли живымъ, вмѣстѣ съ его товарищемъ и двумя офицерами“.

А. А. Всеволожскій былъ женатъ на Маріи Ивановнѣ Нечаевой и имѣлъ 3 сыновей: Алексѣя, Николая и Всеволода (дѣйствительный камергеръ, р. 1769 г., † 1836 г.), и 2 дочерей, изъ коихъ одна (Елизавета) была за Пущинымъ, а другая за Вишняковымъ.

(Съ портрета, принадлежащаго А. В. Всеволожскому, въ Москвѣ.)

ANDRÉ ALEXÉEWITCH VSÉVOLOJSKY, 17..—1774, fils d'un premier mariage du major Alexis Stépanowitch Vsévolojsky, descendant du frère de la fiancée du Tzar Alexis Mikhaïlowitch, fut voïévode de Penza et périt tragiquement lors de l'insurrection de Pougatcheff, au commencement d'août 1774. Pouchkine fait de cette mort le récit suivant dans son Histoire de l'insurrection de Pougatcheff: „Pougatcheff était à proximité de Penza. Le voïévode Vsévolojsky tint quelque temps la populace en respect pour permettre aux nobles de se sauver. Pougatcheff arriva devant la ville. Les habitants vinrent au devant de lui avec les images saintes et le pain, et tombèrent à genoux devant lui. Pougatcheff entra à Penza. Vsévolojsky, abandonné par la garnison, s'enferma chez lui avec douze nobles et résolut de se défendre. Le feu fut mis à la maison, et le brave Vsévolojsky périt avec ses camarades". Toute autre est la version de Doubrovine, le nouvel historien de l'insurrection de Pougatcheff: „Quelques jours avant l'arrivée de Pougatcheff, Vsévolojsky s'enfuit de Penza et se réfugia chez un propriétaire des environs. Découvert par les insurgés, il fut dirigé sur la ville, mais en route, au village de Skotchki, on le brûla vif avec un camarade et deux officiers".

Vsévolojsky avait épousé Marie Ivanowna Nétchaeff, dont il eut trois fils, Alexis, Nicolas et Vsévolode (1769—1836), chambellan actuel, et deux filles, l'une, Elisabeth, mariée à Pouchtchine, l'autre à Vichniakoff.

(D'après un original appartenant à A. Vsévolojsky, Moscou.)

СЕРГѢЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ВСЕВОЛОЖСКІЙ, 17..—1822, сынъ майора Алексѣя Степановича (р. 1703 г.), отъ второго его брака съ Маріей Ивановной Овцыной; въ 1762 г., будучи прапорщикомъ Измайловскаго полка, способствовалъ восшествію на престолъ Екатерины II. Въ 1763 г. онъ былъ опредѣленъ въ Сенатъ исправлять должность секретаря, въ 1765 г. пожалованъ въ камеръ-юнкеры, а впослѣдствіи былъ дѣйствительнымъ камергеромъ и генералъ-поручикомъ.

29 Іюля 1771 г. Всеволожскій женился на фрейлинѣ Екатеринѣ Андреевнѣ Зиновьевой (р. 1751 г., † 1836 г.). Отъ этого брака у него было 2 сына, Николай (р. 1772 г., † 1857 г.) и Всеволодъ, и 2 дочери, Софія (р. 1775 г., † 1848 г.), за княземъ Иваномъ Сергѣевичемъ Мещерскимъ, и Анна († 1838 г.), за княземъ Иваномъ Александровичемъ Голицынымъ.

Въ письмѣ отъ 22 Ноября 1821 г. А. Я. Булгаковъ сообщилъ своему брату, что Всеволожскій, „не жившій 29 лѣтъ съ своею женою и ее даже не видавшій лѣтъ съ 10, вдругъ съ нею съѣхался, и увѣряютъ, qu'ils sont comme deux cœurs et que le mari trouve sa femme aussi belle que lors du fameux carrousel donné par Catherine II, je crois, l'année 1766“.

Въ перепискѣ М. С. Бахметевой („Архивъ с. Михайловскаго“) С. А. Всеволожскій часто упоминается, какъ одинъ изъ Московскихъ именитыхъ старожиловъ, посѣщавшій жившаго въ отставкѣ графа Орлова-Чесменскаго и раздѣлявшій спортсменскіе вкусы и удовольствія послѣдняго. Всеволожскій скончался въ 1822 году.

(Съ портрета, принадлежащаго А. В. Всеволожскому, въ Москвѣ.)

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галлереи
№ 3966

SERGE ALEXÉEWITCH VSÉVOLOJSKY, 17..—1822, fils du major Alexis Stépanowitch Vsévolojsky (né 1703) et de sa seconde femme, Marie Ivanowna Ovtzyne, était porte-enseigne au régiment Izmaïlowsky lors du coup d'état de 1762, auquel il prit part comme partisan de l'Impératrice. Chargé l'année suivante des fonctions de secrétaire au Sénat, gentilhomme de la chambre en 1765, il devint dans la suite chambellan actuel et général lieutenant.

Il épousa le 29 juillet 1771 la demoiselle d'honneur Catherine Andréewna Zinovieff (1751—1836), dont il eut deux fils, Nicolas (1772—1857) et Vsévolode, et deux filles, Sophie (1775—1848), mariée au prince Ivan Serguéewitch Mechtchersky, et Anne († 1838), au prince Ivan Alexandrowitch Golitzyne.

Dans une lettre du 22 novembre 1821, Alexandre Boulgakoff annonce à son frère que Vsévolojsky, „après être resté vingt-neuf ans séparé de sa femme et une dizaine d'années sans la voir du tout, l'a reprise tout à coup; on assure qu'ils sont comme deux cœurs et que le mari trouve sa femme aussi belle que lors du fameux carrousel donné par Catherine II, je crois, l'année 1766".

La correspondance de Mme M. Bakhméteff (Archive du bourg de Mikhaïlowskoïé) fait souvent mention de Serge Vsévolojsky comme d'un notable moscovite de souche, et le représente visitant le comte Orloff-Tchesmensky dans sa retraite et partageant ses goûts sportifs et ses plaisirs.

(D'après un original appartenant à A. Vsévolojsky, Moscou.)

221

Дарія Васильевна Потемкина, 1704 — 1780

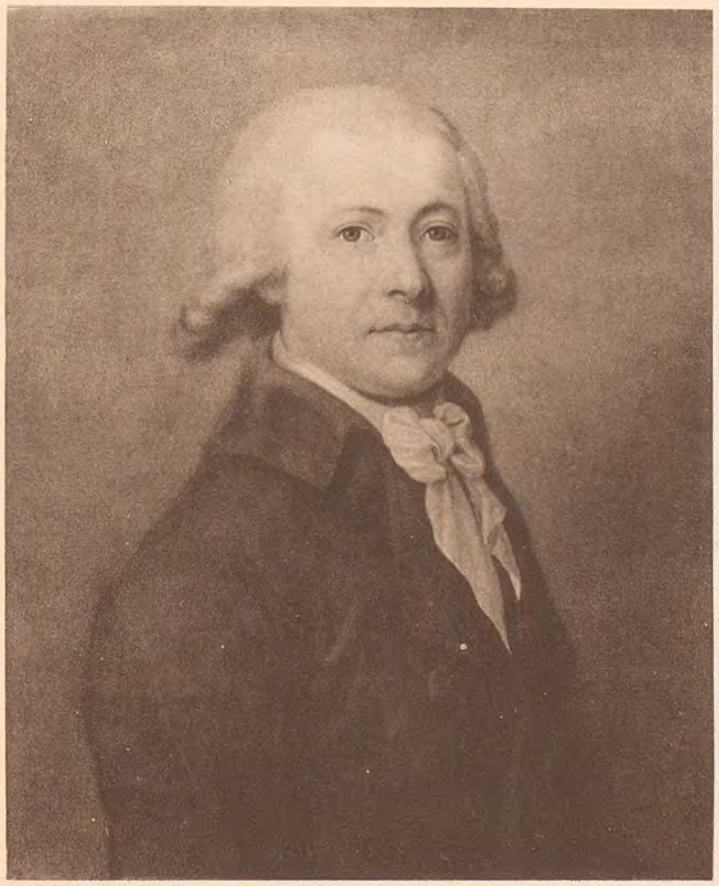
Daria Vassiliewna Potemkine, 1704 — 1780

222

Марія Васильевна Олешева, 1743 — 17 . .

Marie Vassiliewna Olécheff, 1743 — 17 . .

223



Андрей Алексѣевичъ Всеволожскій, 17 . . — 1774

André Alexéewitch Vsévolojsky, 17 . . — 1774

224

Серѣй Алексѣевичъ Всеволожскій, 17 . . — 1822

Serge Alexéewitch Vsévolojsky, 17 . . — 1822

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи
№ 3966

Князь **АЛЕКСѢЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ**, 1775—1834, сынъ князя Алексѣя Алексѣевича (р. 1716 г., † 1792 г.), отъ его третьяго брака, родился 14 Мая 1775 г. (по надгробной надписи) и началъ службу въ гвардіи, гдѣ въ 1791 г. былъ прапорщикомъ; въ 1795 г. переведенъ въ армію премьеръ-майоромъ, въ 1798 г. пожалованъ орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго и въ 1799 г. произведенъ въ полковники; 6 Іюля 1803 г., переименованный въ дѣйствительные статскіе совѣтники, перешелъ въ гражданскую службу и былъ прокуроромъ капитула Мальтійскаго ордена. Въ 1808 г. былъ назначенъ Симбирскимъ губернаторомъ, гдѣ проявилъ усердную дѣятельность, особенно по организаціи ополченій въ 1812 году; 17 Мая 1815 г. переведенъ губернаторомъ въ Москву, въ слѣдующемъ году произведенъ въ тайные совѣтники, а 26 Мая 1817 г. назначенъ сенаторомъ. Въ 1824 г. князь Долгорукій ревизовалъ Вятскую губернію, въ 1826 г.— губерніи Воронежскую, Курскую, Пензенскую и Симбирскую, при чемъ ему поручено было изслѣдовать причины частаго побѣга крѣпостныхъ крестьянъ. За исполненіе этого порученія онъ получилъ брильянтовые знаки ордена св. Анны 1-й ст.; въ 1827 г., 2 Апрѣля,—Александровскую ленту и 27 Апрѣля того же года назначенъ товарищемъ министра Юстиціи; черезъ три дня ему повелѣно, „по случаю тяжкой болѣзни“ князя Д. И. Лобанова-Ростовскаго, „вступить въ права и обязанности министра Юстиціи“. 18 Октября князь Лобановъ, вслѣдствіе преклонныхъ лѣтъ и болѣзни, былъ уволенъ по просьбѣ отъ должности министра, и управленіе министерствомъ попрежнему оставлено за Долгорукимъ „впредь до особаго назначенія“. Произведенный въ дѣйствительные тайные совѣтники, онъ 20 Сентября 1829 г. назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, съ увольненіемъ отъ прежней должности.

Умеръ князь А. А. Долгорукій 11 Августа 1834 г. и погребенъ въ церкви Св. Духа Александро-Невской лавры. Былъ женатъ въ первомъ бракѣ на дочери С.-Петербургскаго именитаго гражданина Маргаритѣ Ивановнѣ Апайщиковой, отъ которой имѣлъ 4 сыновей: Ростислава († 1849 г.), Юрія, Сергѣя и Григорія, и во второй разъ на Варварѣ Николаевнѣ Текутьевой (статсъ-дама). Отъ 2 брака у него было 3 сына: Алексѣй, Николай и Дмитрій.

(Съ миніатюры, принадлежащей князю Н. С. Долгорукому, С.-Петербургъ.)

Le prince **ALEXIS ALEXÉEWITCH DOLGOROUKY**, 1775—1834, fils du prince Alexis Alexéewitch (1716—1792) et de sa troisième femme, naquit le 14 mai 1775, comme l'indique son monument funéraire, et entra au service dans la Garde, où il était porte-enseigne en 1791; en 1795, il passa dans l'Armée comme premier-major, en 1798, reçut l'ordre de Saint-Jean-de-Jérusalem et, en 1799, fut promu colonel. Le 6 juillet 1803, il échangea son grade contre le rang de conseiller d'état actuel pour passer au service civil, et fut fait procureur du chapitre de l'ordre de Malte. En 1808, il fut nommé gouverneur de Simbirsk, où il déploya un zèle énergique, en particulier lors de l'organisation des milices de 1812; le 17 mai 1815, il passa gouverneur à Moscou, fut, l'année suivante, fait conseiller privé et, le 26 mai 1817, sénateur. En 1824, il fit la revision du gouvernement de Viatka, en 1826, celle des gouvernements de Voronège, Koursk, Penza et Simbirsk: il avait en même temps à rechercher les causes des évasions répétées des serfs; la manière brillante dont il s'acquitta de cette mission lui valut les insignes en diamants de l'ordre de Ste-Anne de 1e classe. En 1827, le 2 avril, il eut le cordon de St-Alexandre et, le 27 suivant, fut nommé adjoint au ministre de la Justice; trois jours plus tard, il était, „en raison de la maladie grave" du prince D. Lobanoff-Rostowsky, „investi des prérogatives et fonctions de ministre de la Justice". Le 18 octobre, le prince Lobanoff, affaibli par l'âge et la maladie, fut relevé, sur sa demande, de son poste de ministre, et Dolgorouky continua à rester à la tête du ministère „jusqu'à nouvel ordre". Promu conseiller privé actuel, il fut nommé au Conseil de l'Empire le 20 septembre 1829 et relevé de ses autres fonctions.

Il mourut le 11 août 1834 et fut inhumé à l'église du Saint-Esprit, au monastère d'Alexandre Newsky. Il avait épousé en premières noces Marguerite Ivanowna Apaïchtchikoff, fille d'un notable bourgeois de Pétersbourg, dont il eut quatre fils, Rostislav († 1849), Youri, Serge et Grégoire, et en secondes noces Varvara Nikolaewna Tékoutieff, dame d'honneur, dont il eut trois fils, Alexis, Nicolas et Dmitri.

(D'après une miniature appartenant au prince N. Dolgorouky, St-Pétersbourg.)

226

Князь ПАВЕЛЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ, 1763—1829, сынъ князя Алексѣя Алексѣевича (р. 1716 г., † 1792 г.) и его третьей жены Анны Ивановны, племянникъ фаворита Петра II и Княжны-невѣсты.

Князь П. В. Долгорукій разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что князь Алексѣй Алексѣевичъ по смерти своей второй жены вступилъ въ связь съ женой матроса и имѣлъ отъ нея 4 сыновей, въ томъ числѣ Павла и будущаго министра Юстиціи Алексѣя, послѣ же смерти ея мужа женился на ней, при чемъ сыновья были „привѣнчаны“. При этомъ Долгорукій такъ разсказываетъ объ этомъ старорусскомъ обычаѣ: „Lorsque le prêtre, suivant le rit, conduisit les nouveaux époux trois fois autour du lutrin placé au milieu de l'église, les quatre garçons suivaient eur mère, à la robe de laquelle on les avait rattachés par des rubans roses“.

Князь Павелъ Алексѣевичъ былъ женатъ на Екатеринѣ Степановнѣ Трегубовой и имѣлъ 2 сыновей: Александра (р. 1787 г.) и Владиміра (р. 1794 г., † 1836 г.).

(Съ миніатюры, принадлежащей князю Н. С. Долгорукому, въ С.-Петербургѣ.)

Le prince PAUL ALEXÉEWITCH DOLGOROUKY, 1763—1829, fils du prince Alexis Alexéewitch Dolgorouky (1716—1792) et de sa troisième femme Anne Ivanowna, et neveu du favori de Pierre II et de la princesse sa fiancée.

Veuf de sa seconde femme, son père, dit dans ses Mémoires le prince P. M. Dolgorouky, aurait contracté une liaison avec la femme d'un matelot, qui lui donna quatre fils, dont Paul et le futur ministre de la justice, Alexis, et qui, devenue veuve, l'épousa, les enfants étant „associés à l'union", selon la vieille coutume russe, décrite ainsi par le narrateur: „Lorsque le prêtre, suivant le rit, conduisit les nouveaux époux trois fois autour du lutrin placé au milieu de l'église, les quatre garçons suivaient leur mère, à la robe de laquelle on les avait rattachés par des rubans roses".

Le prince Paul Dolgorouky épousa Catherine Stépanowna Trégouboff, dont il eut deux fils, Alexandre (né 1787) et Vladimir (1794—1836).

(D'après une miniature appartenant au prince N. Dolgorouky, St-Pétersbourg.)

Князь **НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ**, 1713—1790, второй сынъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, члена Верховнаго Тайнаго Совѣта князя Алексѣя Григорьевича († 1734 г.), отъ брака съ княжной Прасковьей Юрьевной Хилковой († 1730 г.), братъ фаворита Петра II, родился въ Январѣ 1713 г.; въ 1724 г. записанъ въ придворную службу, въ 1727 г. пожалованъ въ камеръ-юнкеры, въ 1728 г.—въ камергеры и въ 1730 г.—въ капитаны Преображенскаго полка. Когда, по воцареніи Анны Іоанновны, послѣдовало паденіе Долгорукихъ, князь Николай Алексѣевичъ былъ сосланъ съ остальными членами семьи въ Березовъ, гдѣ вскорѣ лишился родителей. Годы ссылки онъ посвятилъ ученію: иконописецъ Тобольскаго архіерейскаго дома обучалъ его русской грамотѣ, ариѳметикѣ, исторіи и географіи, а, судя по сохранившимся его учебнымъ тетрадямъ, у кого-то учился онъ и французскому языку. Въ концѣ царствованія Анны Іоанновны на Долгорукихъ вновь посыпались удары судьбы: по доносу на „вредительныя и злыя слова“ бывшаго фаворита возникло новое дѣло. Долгорукихъ въ 1739 г. увезли сначала въ Тобольскъ, потомъ въ Шлиссельбургъ и, наконецъ, въ Новгородъ. Слѣдствіе сопровождалось, по обыкновенію, жестокими пытками. Князь Николай выказалъ себя наиболѣе смѣлымъ изъ Долгорукихъ и все требовалъ, чтобы обвиненнымъ показанъ былъ подлинный указъ Императрицы. Четверо Долгорукихъ были казнены, а князь Николай Алексѣевичъ былъ приговоренъ къ наказанію кнутомъ, урѣзанію языка и ссылкѣ въ Охотскъ на вѣчную работу; 19 Ноября 1740 г. приговоръ по отношенію къ нему былъ приведенъ въ исполненіе въ Тобольскѣ, а черезъ нѣсколько дней полученъ былъ указъ Императора Іоанна Антоновича отъ 23 Октября, которымъ повелѣвалось „для поминовенія блаженныя и вѣчно достойныя памяти великой Государыни Императрицы Анны Іоанновны“ ограничиться только ссылкой князя Николая въ каторжныя работы въ Охотскъ. Однако, онъ былъ сосланъ не въ Охотскъ, а въ Соловецкій монастырь, и вскорѣ, по воцареніи Елисаветы Петровны, возвращенъ. Въ 1742 г. Долгорукимъ возвращены были конфискованныя имѣнія.

Князь Николай Алексѣевичъ поступилъ на военную службу и вышелъ въ отставку, дослужившись до чина бригадира. Онъ скончался 3 Декабря 1790 г. и погребенъ въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ. Женатъ онъ былъ дважды: на княжнѣ Натальѣ Сергѣевнѣ Голицыной (р. 1715 г., † 1755 г.) и на Аннѣ Александровнѣ Бредихиной (р. 1733 г., † 1808 г.). Отъ перваго брака у него былъ сынъ Алексѣй (р. 1750 г., † 1816 г.; генералъ-лейтенантъ) и 2 дочери: Анастасія († 1810 г.; въ замужствѣ за княземъ Григоріемъ Алексѣевичемъ Щербатовымъ) и Елена (р. 1754 г., † 1831 г.; за Павломъ Матвѣевичемъ Ржевскимъ), а отъ второго брака—сынъ Александръ (р. 1757 г., † 1842 г.) и 4 дочери: Прасковія (р. 1759 г.; за Дмитріемъ Ивановичемъ Нарышкинымъ), Елизавета (р. 1761 г., † 1778 г.), Анна († 1815 г.; за Николаемъ Никитичемъ Спечинскимъ) и Варвара (р. 1769 г., † 1849 г.).

(Съ миніатюры, принадлежащей князю Н. С. Долгорукому, въ С.-Петербургѣ.)

Le prince **NICOLAS ALEXÉEWITCH DOLGOROUKY**, 1713—1790, deuxième fils du prince Alexis Grigoriewitch Dolgorouky († 1734), conseiller privé actuel, membre du Haut Conseil Privé, et de la princesse Prascovie Youriewna, née Khilkoff († 1730), frère du favori de Pierre II, naquit en janvier 1713. Entré au service de la Cour en 1724, il devint en 1727 gentilhomme de la chambre, en 1728 chambellan, et en 1730 capitaine au régiment Préobragensky. L'avènement de l'Impératrice Anne entraîna la disgrâce de sa famille, dont il alla partager l'exil à Bérézoff. Orphelin de père et de mère peu après, il consacra à l'étude ses années de retraite forcée: le peintre d'images saintes de l'archevêché de Tobolsk lui donna des leçons de russe, de calcul, d'histoire et de géographie, et les cahiers qu'il a laissés montrent qu'il put faire aussi du français. A la mort de l'Impératrice Anne, nouveaux coups du sort: dénoncé comme coupable de „médisance et de mauvais propos", l'ancien favori fut derechef mis en accusation. Transféré en 1739 d'abord à Tobolsk, puis à Schlusselbourg et enfin à Novgorod, il était en même temps l'objet d'une instruction qui comportait, comme il était d'usage à l'époque, une cruelle mise à la question. De toute la famille, il fut le seul à avoir la hardiesse de demander avec instance à voir l'oukaze authentique de l'Impératrice. Quatre des accusés furent mis à mort, et lui-même fut condamné au knout, à la section de la langue et aux travaux forcés à perpétuité à Okhotsk: le 19 novembre 1740, l'arrêt était exécuté à Tobolsk, et quelques jours plus tard arrivait un oukaze de l'Empereur Ivan Antonowitch en date du 23 octobre réduisant la peine, „en mémoire de la bienheureuse et à jamais vénérée Impératrice Anne Ioannowna", aux travaux forcés à Okhotsk. Pourtant le prince fut déporté, non pas à Okhotsk, mais au monastère de Solovetzk. Il fut d'ailleurs gracié peu après, à l'avènement d'Elisabeth Pétrowna, et, en 1742, rentra en possession de ses biens confisqués. Admis ensuite au service comme officier, il prit sa retraite brigadier. Il mourut le 3 décembre 1790, et fut inhumé au monastère Donskoï, à Moscou.

Le prince Dolgorouky avait épousé la princesse Natalie Serguéewna Golitzyne (1715—1755) et en secondes noces Anne Alexandrowna Brédikhine (1733—1808). Il eut du premier mariage un fils, Alexis (1750—1816), général lieutenant, et deux filles, Anastasie († 1810), mariée au prince Grégoire Alexéewitch Chtcherbatoff, et Hélène (1754—1831), à Paul Matvéewitch Rjewsky, et du second mariage un fils, Alexandre (1757—1842), et quatre filles, Prascovie (née 1759), mariée à Dmitri Ivanowitch Narychkine, Elisabeth (1761—1778), Anne († 1815), mariée à Nicolas Nikititch Spétchinsky, et Varvara (1769—1849).

(D'après une miniature appartenant au prince N. Dolgorouky, St-Pétersbourg.)

Князь АЛЕКСАНДРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ЩЕРБАТОВЪ, 1778—1817, сынъ генералъ-поручика князя Ѳедора Ѳедоровича, отъ второго его брака съ княжной Анной Григорьевной Мещерской, сводный братъ жены фаворита Екатерины II графа А. М. Дмитріева-Мамонова, Даріи Ѳедоровны, родился 13 Іюля 1778 года. Отецъ его съ 1774 г., вслѣдствіе своихъ неудачныхъ дѣйствій при подавленіи Пугачевскаго бунта, былъ въ опалѣ, а вскорѣ и сестра его вызвала гнѣвъ Императрицы своими отношеніями къ ея фавориту. За то молодому князю А. Ѳ. Щербатову удалось пріобрѣсти милость Павла I: въ 1798 г. онъ, 20 лѣтъ отъ роду, былъ пожалованъ въ командоры ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, изъ подполковниковъ Кирасирскаго графа Салтыкова полка переведенъ полковникомъ въ Конную гвардію, вскорѣ произведенъ въ генералъ-майоры и черезъ годъ (7 Мая 1799 г.) пожалованъ въ генералъ-адъютанты. Государю даже пришлось принять участіе и въ семейныхъ дѣлахъ своего генералъ-адъютанта. Отношенія послѣдняго къ своей матери, женщинѣ суровой и властолюбивой, обострились (вѣроятно, вслѣдствіе брака князя противъ воли матери) настолько, что она прокляла его. Князь пожаловался на мать Государю. Павелъ I написалъ княгинѣ сначала увѣщательное письмо, а затѣмъ отправилъ къ ней сына, но она вторично предала его проклятію. Только послѣ того, какъ Государь пригрозилъ ей монастыремъ, если она не проститъ сына, княгиня не только простила его, но и, „яко мать, благословила“. Милость Павла I была по обыкновенію непродолжительна: 23 Марта 1800 г. Щербатовъ былъ отставленъ отъ службы „за побитіе почтальона и взятіе 12 лошадей вмѣсто 6“. Въ концѣ Марта 1801 г., уже послѣ кончины Павла I, онъ былъ вновь принятъ на службу и послѣдніе годы своей жизни былъ шталмейстеромъ, директоромъ Дворцовыхъ конныхъ заводовъ и предсѣдателемъ Конной экспедиціи. Скончался онъ 30 Апрѣля 1817 г. и погребенъ въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ. Князь П. А. Вяземскій характеризуетъ его, какъ человѣка блестящаго, свѣтскаго и живого.

Князь А. Ѳ. Щербатовъ былъ женатъ на княжнѣ Варварѣ Петровнѣ Оболенской (р. 1774 г., † 1843 г.). Они обвѣнчались тайно, потому что княгиня А. Г. Щербатова была противъ ихъ брака, и только черезъ нѣсколько лѣтъ мать простила сына и приняла невѣстку. Князь Щербатовъ имѣлъ 2 сыновей: Ѳедора (р. 1802 г., † 1827 г.) и Петра (р. 1811 г.), и 3 дочерей: Софію (р. 1800 г., † 1824 г.; въ замужствѣ за Петромъ Александровичемъ Обрѣзковымъ), Екатерину († 1892 г.; за Дмитріемъ Николаевичемъ Свербеевымъ) и Анну (за Александромъ Николаевичемъ Елагинымъ).

(Съ портрета Дау; Галлерея 1812 г. въ Зимнемъ дворцѣ.)

Le prince ALEXANDRE FÉODOROWITCH CHTCHERBATOFF, 1778—1817, fils du prince Théodore Féodorowitch Chtcherbatoff, général lieutenant, et de sa seconde femme, la princesse Anne Alexandrowna Mechtchersky, et frère consanguin de la princesse Daria Féodorowna Chtcherbatoff, femme du comte Dmitrieff-Mamonoff, le favori de Catherine II, naquit le 13 juillet 1778. Son père était en disgrâce depuis 1774 à la suite de ses opérations malheureuses contre Pougatcheff, et bientôt ce fut sa sœur qui encourut la colère de l'Impératrice pour son intrigue avec le favori. Mais aussi le prince put se concilier la faveur de Paul Ier: en 1798, à 20 ans, il était commandeur de l'ordre de Saint-Jean-de-Jérusalem, puis, lieutenant-colonel aux cuirassiers du comte Saltykoff, passait colonel à la Garde à cheval, était promu en peu de temps général major, et, au bout d'un an, fait le 7 mai 1799 général aide de camp. L'Empereur eut même à intervenir dans les affaires de famille de son aide de camp, dont les rapports avec sa mère, femme revêche et dominatrice, s'étaient aigris par suite sans doute d'un mariage conclu contre son gré, au point qu'elle finit par lui donner sa malédiction. Sur une plainte du jeune prince, Paul Ier écrivit à la mère une lettre conciliante, puis lui envoya son fils, auquel elle renouvela sa malédiction, et ce ne fut que quand l'Empereur la menaça du cloître que non seulement elle pardonna, mais encore donna „sa bénédiction de mère". La faveur de Paul, comme toujours, ne fut pas de longue durée: le 23 mars 1800, Chtcherbatoff était destitué „pour avoir battu un maître de poste et pris douze chevaux au lieu de six". Il ne reprit du service qu'après la mort de Paul, à la fin de mars 1801, et fut, les dernières années de sa vie, écuyer, directeur des haras du service des Palais et président des bureaux des haras. Il mourut le 30 avril 1817, et fut inhumé au monastère Donskoï, à Moscou. Le prince P. Viazemsky le représente comme un homme brillant, mondain et plein de vivacité.

Le prince Chtcherbatoff avait épousé la princesse Varvara Pétrowna Obolensky (1774—1843). Le mariage fut célébré secrètement, car il était contraire à la volonté de la princesse Chtcherbatoff, qui ne pardonna et ne consentit à voir sa bru qu'au bout de plusieurs années. De cette union naquirent deux fils, Théodore (1802—1827) et Pierre (né 1811), et trois filles, Sophie (1800—1824), mariée à Pierre Alexandrowitch Obreskoff, Catherine († 1892) à Dmitri Nikolaewitch Sverbéeff, et Anne à Alexandre Nikolaewitch Elaguine.

(D'après l'original de G. Dawe, Galerie 1812, Palais d'Hiver.)

Князь АЛЕКСѢЙ ИВАНОВИЧЪ ГОРЧАКОВЪ, 1769—1817, сынъ генералъ-поручика князя Ивана Романовича (р. 1716 г., † 1801 г.), отъ брака его съ Анной Васильевной Суворовой (р. 1744 г., † 1813 г.), сестрой генералиссимуса, родился 20 Мая 1769 г. и 10 лѣтъ былъ записанъ сержантомъ въ Преображенскій полкъ. Поступивъ на дѣйствительную службу, онъ участвовалъ, подъ начальствомъ своего знаменитаго дяди, во многихъ его походахъ. Когда въ 1794 г. Суворовъ, послѣ взятія Варшавы, получилъ чинъ фельдмаршала, то племянникъ былъ посланъ къ нему съ грамотой и жезломъ. Горчаковъ пользовался также покровительствомъ Потемкина. Карабановъ, со словъ Н. П. Архарова, разсказываетъ, что, когда начался „случай“ Зубова, Потемкинъ сдѣлалъ попытку замѣнить его своимъ ставленникомъ. Съ этою цѣлью онъ сталъ расхваливать передъ Государыней своего адъютанта Горчакова. Екатерина II пожелала его увидѣть. Потемкинъ прислалъ его съ картиной. Государыня, разсмотрѣвъ со вниманіемъ, сказала: „Картина не дурна, но не имѣетъ экспрессіи“.... При Павлѣ I Горчаковъ былъ уже въ чинѣ генералъ-майора, а при Александрѣ I, въ Октябрѣ 1811 г., будучи въ чинѣ генералъ-лейтенанта, назначенъ предсѣдателемъ Комиссіи для окончанія старыхъ дѣлъ военнаго вѣдомства и въ Февралѣ 1812 г. — членомъ Военнаго совѣта. Высочайшимъ указомъ отъ 22 Марта 1812 г. Горчакову, какъ старшему генералу въ составѣ Военнаго министерства, поручено было на случай отсутствія Военнаго министра (Барклая-де-Толли) управленіе Департаментами Военнаго министерства, но безъ права личнаго доклада Государю, а 24 Августа того же года онъ былъ назначенъ управляющимъ Военнымъ министерствомъ. На долю Горчакова выпала трудная задача—обезпечить армію всѣми видами довольствія во время войнъ Отечественной и за освобожденіе Европы, и онъ не сумѣлъ ее исполнить: наша армія не только не была надлежащимъ образомъ обезпечена всѣмъ необходимымъ, но даже иногда голодала. Вскорѣ обнаружились хищенія въ Провіантскомъ вѣдомствѣ, и въ обществѣ стали ходить слухи, что самъ Военный министръ причастенъ къ нимъ; 12 Декабря 1815 г. Александръ I уволилъ Горчакова отъ должности и назначилъ изъ членовъ Государственнаго Совѣта комиссію для разслѣдованія дѣйствій Провіантскаго департамента. Комиссія обнаружила противозаконные поступки и самого Горчакова: заключеніе подрядовъ безъ торговъ, скрытіе выгоднаго для казны проекта генералъ-провіантмейстера, потворство неисправному подрядчику Коссиковскому и т. п. дѣйствія, причинившія казнѣ большіе убытки. Комиссія закончила свои дѣйствія къ Маю 1818 г., когда Горчакова уже не было въ живыхъ: онъ скончался 12 Ноября 1817 года и погребенъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Въ Государственномъ Совѣтѣ большинство членовъ признало Горчакова подлежавшимъ отвѣтственности, но Императоръ Николай I 26 Сентября 1827 г. повелѣлъ дѣло о его личной отвѣтственности, за его смертью, прекратить. По свидѣтельству Вигеля, Горчаковъ во время управленія министерствомъ былъ однимъ изъ „самоважнѣйшихъ лицъ“ въ Петербургѣ. „Человѣкъ добрый“, говоритъ тотъ же Вигель о Горчаковѣ, „весьма простой, который, будучи племянникомъ Суворова, почиталъ обязанностью подражать ему въ странностяхъ и только-что не передразнивалъ его. Хотя и жилъ розно со своей женой, но по ней, будучи племянникомъ Салтыкова, на старика также имѣлъ большое вліяніе. Его канцелярія, свита, любимцы дѣлали, что имъ было угодно, и во всеобщемъ волненіи, видя мутную воду, ловили въ ней, что хотѣли. Самъ князь Горчаковъ у себя гостей не принималъ, а—у сестры своей, графини Хвостовой. У нея начались балы, и домъ ея, куда прежде люди хорошаго тона не ѣздили, сдѣлался однимъ изъ первыхъ въ Петербургѣ“. Рѣзкую характеристику Горчакова дѣлаетъ Ростопчинъ; по его словамъ, онъ „былъ человѣкомъ ничтожнымъ, воображалъ себя красавчикомъ, важничалъ, предоставлялъ всѣ дѣла своему секретарю, проводилъ время въ интригахъ для того, чтобы снискать благоволеніе при дворѣ и подцѣпить какую-нибудь награду. Онъ притворялся подражателемъ своего дяди, генералиссимуса Суворова, держалъ рѣчи солдатамъ, рекрутамъ и больнымъ въ гошпиталяхъ“.

Князь А. И. Горчаковъ былъ женатъ на княжнѣ Варварѣ Юрьевнѣ Долгорукой (р. 1776 г., † 1828 г.) и имѣлъ единственную дочь, Лидію (р. 1807 г., † 1826 г.), бывшую въ замужствѣ за графомъ Василіемъ Алексѣевичемъ Бобринскимъ.

(Съ портрета, находящагося въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.)

Le prince **ALEXIS IVANOWITCH GORTCHAKOFF**, 1769—1817, fils du prince Ivan Romanowitch Gortchakoff (1716—1801), général lieutenant, et d'Anne Vassiliewna, née Souvoroff (1744—1813), sœur du grand Souvoroff, naquit le 20 mai 1769, et fut enrôlé à l'âge de 10 ans sergent au régiment Préobragensky. Une fois au service effectif, il fit sous les ordres de son célèbre oncle un grand nombre de ses campagnes, et lorsqu'en 1794 le vainqueur de Varsovie reçut le titre de feld-maréchal, ce fut son neveu qui alla lui en porter le diplôme et le bâton. Gortchakoff fut aussi l'aide de camp favori de Potemkine, qui tenta, dit Karabanoff d'après N. Arkharoff, d'évincer Zouboff à son entrée en cour et se mit à exalter son protégé devant l'Impératrice. Elle demanda à le voir, et il l'envoya lui porter un tableau: elle l'examina attentivement et dit: „Pas mal, le tableau, mais il manque d'expression“.... Sous Paul Ier, Gortchakoff était déjà général major, et sous Alexandre Ier, il fut nommé, en octobre 1811, alors général lieutenant, président de la Commission de liquidation des affaires arriérées de l'administration de la guerre et, en février 1812, membre du Conseil Militaire. Par oukaze du 22 mars suivant, il fut, comme le plus ancien général du ministère de la Guerre, chargé, en l'absence de Barclay-de-Tolly, de l'intérim des départements du ministère, mais sans pouvoir aller lui-même au rapport chez Sa Majesté. Gérant du ministère le 24 août suivant, il eut à faire face à la tâche difficile d'assurer les ravitaillements de toute nature pendant la Guerre Patriotique et les campagnes d'Europe, et ne sut pas s'en acquitter: non seulement les approvisionnements laissèrent à désirer, mais les vivres manquèrent même. Des déprédations se firent jour au service des vivres, et le bruit se répandit dans la société que le ministre lui-même n'y était pas étranger; le 12 décembre 1815, il était révoqué, et une commission d'enquête prise au sein du Conseil de l'Empire établit l'illégalité de plusieurs de ses actes, soumissions sans enchères préalables, étouffement d'une combinaison du commissaire général aux vivres avantageuse pour le Trésor, commandes répétées au fournisseur malhonnête Kossikowsky, et autres mesures des plus préjudiciables au Trésor. Quand l'enquête fut close en mai 1818, il n'était déjà plus: il était mort le 12 novembre 1817; il fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. La majorité du Conseil de l'Empire le déclara responsable, mais l'Empereur, en raison de sa mort, fit clore le 26 septembre 1827 l'instruction ouverte contre lui personnellement.

Wiegel représente Gortchakoff à la gérance du ministère comme un des „personnages se donnant le plus d'importance“ de tout Pétersbourg. „Excellent homme“, dit-il encore, „tout simple, qui, neveu de Souvoroff, crut bien faire en imitant ses bizarreries, jusque dans les moindres choses. Séparé de sa femme, par laquelle il était neveu de Saltykoff, il avait pourtant un grand ascendant sur le vieux comte. Sa chancellerie, sa suite, ses favoris faisaient tout ce qu'ils voulaient et, au milieu du désarroi général, pêchaient en eau trouble à leur guise. Ses réceptions, il ne les donnait pas chez lui, mais chez sa sœur la comtesse Khvostoff: elle inaugura des bals, et sa maison, jadis désertée par les personnes de bon ton, devint une des premières de Pétersbourg“. Rostoptchine est sévère pour Gortchakoff: c'était, dit-il, „une nullité, prenant des airs de bellâtre, se donnant de l'importance, laissant toutes les affaires à son secrétaire, sans cesse occupé à intriguer pour se faire bien voir à la Cour et accrocher quelque distinction. Il contrefaisait son oncle, le grand Souvoroff, avec ses allocutions aux soldats, aux recrues et aux malades dans les hôpitaux militaires“.

Le prince Gortchakoff avait épousé la princesse Varvara Youriewna Dolgorouky (1776—1828), dont il eut une fille unique, Lydie (1807—1826), mariée au comte Basile Alexéewitch Bobrinsky.

(D'après un original des Archives du Ministère des Affaires étrangères, Moscou.)

225

Князь Алексѣй Алексѣевичъ Долгорукій,
1775 — 1834

Le Prince Alexis Alexéewitch Dolgorouky,
1775 — 1834

226

Князь Павелъ Алексѣевичъ Долгорукій,
1763 — 1829

Le Prince Paul Alexéewitch Dolgorouky,
1763 — 1829

227

Князь Николай Алексѣевичъ Долгорукій,
1713 — 1790

Le Prince Nicolas Alexéewitch Dolgorouky,
1713 — 1790

228

Пис. Дау *Peint par Dawe*

Князь Александръ Ѳедоровичъ Щербатовъ,
1778 — 1817

Le Prince Alexandre Féodorowitch Chtcherbatoff,
1778 — 1817

229

Пис. Дау *Peint par Dawe*

Князь Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ,
1769 — 1817

Le Prince Alexis Ivanowitch Gortchakoff,
1769 — 1817

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи

ДМИТРІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ДУРНОВО, 1769—1834, сынъ генералъ-аншефа, сенатора Николая Дмитріевича († 1816 г.), родился 14 Февраля 1769 года. Записанный въ дѣтствѣ въ Конную гвардію, онъ въ 1779 г. переведенъ былъ въ Семеновскій полкъ. Въ 1789 г. Дурново принялъ участіе въ Шведской войнѣ. Въ 1792 г. онъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, 12 Ноября 1796 г.—въ дѣйствительные камергеры, въ 1798 г. назначенъ гофмаршаломъ, въ 1799 г. пожалованъ въ командоры Мальтійскаго ордена, а въ 1800 г. назначенъ капитаномъ замка при Зимнемъ дворцѣ, съ производствомъ въ тайные совѣтники. 19 Декабря 1801 г. Д. Н. Дурново былъ уволенъ отъ должности гофмаршала. Придворная служба Дурново, но только уже въ высшихъ чинахъ, возобновилась въ 1830 г., когда онъ былъ назначенъ оберъ-гофмейстеромъ и президентомъ гофъ-интендантской конторы. Въ томъ же году Дурново былъ выбранъ въ Петербургскіе губернскіе предводители дворянства. Въ 1831 г. онъ получилъ ленту св. Александра Невскаго и скончался въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника 11 Декабря 1834 года. Погребенъ Д. Н. Дурново въ церкви Св. Духа Александро-Невской лавры.

Отъ брака съ Маріей Никитичной Демидовой (р. 1776 г., † 1847 г.) у Д. Н. Дурново было 4 сына: Николай (генералъ-майоръ, р. 1792 г., † 1828 г.), Никита (р. 1795 г., † 1811 г.), Сергѣй (р. 1796 г., † 1812 г.) и Павелъ (р. 1804 г., † 1864 г.), и дочь Александра (р. 1793 г., † 1795 г.).

(Съ портрета Кюгельхена; собственность П. П. Дурново, въ С.-Петербургѣ.)

DMITRI NIKOLAEWITCH DOURNOVO, 1769—1834, fils du général en chef et sénateur Nicolas Dmitriewitch Dournovo († 1816), naquit le 14 février 1769. Enrôlé tout enfant à la Garde à cheval, il permuta en 1779 au régiment Sémenowsky. Il fit en 1789 la campagne de Suède. Gentilhomme de la chambre en 1792, chambellan actuel le 12 novembre 1796, il devint maréchal de la Cour en 1798, commandeur de l'ordre de Malte en 1799, et en 1800 commandant du Palais d'Hiver avec rang de conseiller privé. Relevé le 19 décembre 1801 de ses fonctions de maréchal de la Cour, il ne reprit du service à la Cour, mais dans les grandes charges, qu'en 1830, comme grand maître de la Cour et président des bureaux de l'intendance de la Cour. Il fut élu la même année maréchal de la noblesse du gouvernement de Pétersbourg, et reçut l'année suivante le cordon de St-Alexandre Newsky. Il mourut conseiller privé actuel le 11 décembre 1834, et fut inhumé dans l'église du Saint-Esprit, au monastère d'Alexandre Newsky.

De son mariage avec Marie Nikititchna Démidoff (1776—1847), Dournovo eut quatre fils, Nicolas (1792—1828), général major, Nikita (1795—1811), Serge (1796—1812) et Paul (1804—1864), et une fille, Alexandrine (1793—1795).

(D'après un original de Kügelchen, appartenant à P. Dournovo, St-Pétersbourg.)

НИКОЛАЙ ДМИТРІЕВИЧЪ ДУРНОВО, 174.—1816, въ дѣтствѣ (въ 1742 г.) записанъ былъ въ Семеновскій полкъ и служилъ въ немъ до 1762 г., когда произведенъ былъ въ капитанъ-поручики. Въ 1763 г. онъ былъ командированъ для производства слѣдствія по жалобамъ однодворцевъ на Козловскаго воеводу, а въ 1765 г., въ чинѣ капитана, посланъ съ особымъ порученіемъ на Яикъ. Здѣсь бунтовщики-казаки такъ его избили, что онъ принужденъ былъ выйти въ отставку. Черезъ 5 лѣтъ (въ 1770 году) Дурново вновь поступилъ на службу, съ чиномъ бригадира, и былъ назначенъ оберъ-штеръ-кригсъ-комиссаромъ, въ слѣдующемъ году перемѣщенъ на должность генералъ-провіантмейстера, а въ 1775 г. произведенъ въ генералъ-майоры и назначенъ генералъ-кригсъ-комиссаромъ. Въ 1783 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-поручики и назначенъ сенаторомъ; въ 1791 г. ему было вторично поручено управленіе Кригсъ-комиссаріатомъ. Храповицкій 17 Января 1792 г. записалъ въ своемъ дневникѣ: „На мѣсто Михайлы Серг. Потемкина, вторично въ генералъ-кригскомиссары опредѣленный явился Николай Дмитріевичъ Дурново и показался безтолковъ“. Безтолковость Дурново не помѣшала, однако, Екатеринѣ II наградить его орденомъ св. Владиміра 1-й ст., въ 1793 г., чиномъ генералъ-аншефа, въ 1794 г., и 1828 душами крестьянъ въ Бѣлоруссіи, въ 1796 году.

Павелъ I относился къ Дурново милостиво, но уже въ 1797 г. онъ былъ уволенъ отъ службы по прошенію. П. Ѳ. Карабановъ по этому поводу разсказываетъ со словъ Михаила Дмитріевича Дурново слѣдующее: „Генералъ-отъ-инфантеріи Николай Дмитріевичъ Дурново безпорочно служилъ при Екатеринѣ и снискалъ ея довѣренность. По дошедшимъ извѣстіямъ о восшествіи на престолъ Павла Петровича поѣхалъ въ Петербургъ; Государь, выхваляя его честность, дозволилъ свободный входъ и приказалъ безъ доклада у него обѣдать. Въ послѣдовавшее время Дурново, сидя за столомъ противъ Императора, который не могъ съ нимъ наговориться довольно, за дессертомъ скаталъ изъ хлѣба два шарика и, отдавая съ лѣвой стороны сидѣвшей Марьѣ Саввишнѣ Перекусихиной, что-то прошепталъ. Дурново не могъ себѣ представить, чтобы отъ сихъ шариковъ зависѣла его участь, но тотчасъ замѣтилъ, что Государь началъ коситься, отворачиваться и пересталъ говорить, потомъ вскорѣ приказалъ проситься въ отставку“. Н. Д. Дурново скончался въ 1816 году.

(Съ портрета, принадлежащаго Н. П. Дурново, въ С.-Петербургѣ.)

NICOLAS DMITRIEWITCH DOURNOVO, 174.—1816, fut enrôlé tout enfant, en 1742, au régiment Sémenowsky, et y servit jusqu'en 1762, époque où il passa capitaine. Chargé l'année suivante de l'enquête sur une plainte des paysans libres de Kozloff contre leur voïévode, il fut envoyé en 1763, alors capitaine, sur l'Oural avec une mission spéciale: là, les cosaques révoltés le maltraitèrent si fort, qu'il dut prendre sa retraite. Rentré au service cinq ans après, en 1770, avec le grade de brigadier, il fut nommé commissaire supérieur à la guerre, passa l'année suivante commissaire général aux vivres, puis, promu en 1775 général major, fut fait commissaire général à la guerre. Il devint en 1783 général lieutenant et sénateur. En 1791, il fut de nouveau investi de la direction générale du commissariat de la guerre. Khrapovitzky note à ce propos dans son Journal, en date du 17 janvier 1792: „A la place de Michel Serguéewitch Potemkine, on a fait revenir au commissariat général de la guerre Nicolas Dmitriewitch Dournovo, et il n'y entend rien". Il y entendait, paraît-il, assez pour que Catherine II lui conférât successivement St-Vladimir de 1re classe en 1793, le grade de général en chef en 1794, et 1828 têtes de paysans en 1796.

Paul Ier commença par lui accorder sa faveur, mais, dès 1797, l'invita à donner sa démission. Karabanoff rapporte ainsi la chose, d'après le récit de Michel Dournovo: „Le général d'infanterie Nicolas Dournovo avait eu un service irréprochable sous Catherine, dont il avait gagné la confiance. A la nouvelle de l'avènement de Paul Ier, il se rendit à Pétersbourg. L'Empereur, en considération de sa loyauté, lui accorda libre entrée et l'invita à sa table sans formalités. Là, placé en face de S. M., qui n'avait de paroles que pour lui, il fit au dessert deux boulettes de pain, qu'il passa à Marie Savvichna Pérékoussikhine, sa voisine de gauche, en lui disant quelques mots tout bas. Il ne pouvait se douter qu'il jouait ainsi son avenir, mais s'aperçut tout de suite que l'Empereur se mit à le regarder de travers, se détournant pour ne plus lui parler: il reçut peu après l'injonction de donner sa démission". Dournovo mourut en 1816.

(D'après un original appartenant à P. Dournovo, St-Pétersbourg.)

МАРІЯ НИКИТИЧНА ДУРНОВО, 1776—1847, младшая дочь статскаго совѣтника Никиты Акинѳіевича Демидова, отъ третьяго его брака съ Александрой Евтихіевной Сафоновой, родилась 2 Іюня 1776 года; была замужемъ за гофмаршаломъ, командоромъ Малтійскаго ордена, позднѣе оберъ-гофмейстеромъ Дмитріемъ Николаевичемъ Дурново (р. 1769 г., † 1834 г.). Она была кавалерственной дамой.

Отъ этого брака у М. Н. Дурново было четыре сына: Николай (генералъ-майоръ, р. 1792 г., † 1828 г.), Никита (р. 1795 г., † 1811 г.), Сергѣй (р. 1796 г., † 1812 г.) и Павелъ (р. 1804 г., † 1864 г.), и одна дочь, Александра (р. 1793 г., † 1795 г.). Умерла М. Н. Дурново 25 Мая 1847 года и похоронена въ церкви Св. Духа Александро-Невской лавры.

(Съ портрета, принадлежащаго П. П. Дурново, въ С.-Петербургѣ.)

БИБЛІОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галлереи
№ 3966

232

MARIE NIKITITCHNA DOURNOVO, 1776—1847, fille cadette du conseiller d'état Nikita Akinfiewitch Démidoff et de sa troisième femme, Alexandrine Evtikhiewna, née Safonoff, naquit le 2 juin 1776. Elle épousa le maréchal de la Cour et commandeur de l'ordre de Malte, plus tard grand maître de la Cour, Dmitri Nikolaewitch Dournovo (1769—1834). Elle fut dame d'honneur.

Mme Dournovo eut de son mariage quatre fils, Nicolas (1792—1828), général major, Nikita (1795—1811), Serge (1796—1812) et Paul (1804—1864), et une fille, Alexandrine (1793—1795). Elle mourut le 25 mai 1847, et fut inhumée dans l'église du Saint-Esprit, au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après un original appartenant à P. Dournovo, St-Pétersbourg.)

НИКОЛАЙ ДМИТРІЕВИЧЪ ДУРНОВО, 1792—1828, старшій сынъ С.-Петербургскаго предводителя дворянства, оберъ-гофмейстера Дмитрія Николаевича Дурново (р. 1769 г., † 1834 г.), отъ брака его съ Маріей Никитичной Демидовой (р. 1776 г., † 1847 г.). Служилъ въ военной службѣ и окончилъ школу колонновожатыхъ. Въ 1815 г., 30 Августа, состоялся Высочайшій приказъ: „Гвардейскаго Генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Дурново назначается флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству".

Н. Д. Дурново одно время состоялъ начальникомъ библіотеки Главнаго штаба, а затѣмъ исполнялъ нѣкоторыя важныя порученія. Такъ, въ 1824 г. онъ осматривалъ военно-сиротскія отдѣленія: Нарвское, Ревельское, Аренсбургское, Перновское, Рижское, Кіевское, Могилевское, Витебское, Смоленское, Псковское и Новгородское. Еще раньше Дурново производилъ слѣдствіе въ 1816 г. по доносу на смотрителя Рижскаго военнаго госпиталя Тихонова. Послѣ окончанія слѣдствія, открывшаго личныя злоупотребленія Тихонова, получился Аракчеевымъ новый доносъ, въ которомъ было написано: „Вы единственный патріотъ нашего любезнаго Отечества и единственный Вы человѣкъ, кого всѣ эти мошенники и грабители государства нашего однихъ только Васъ боятся". Тому же Н. Д. Дурново поручено было произвести второе слѣдствіе, въ 1818 году.

Въ 1828 г., 25 Марта, Д. Н. Дурново былъ произведенъ въ генералъ-майоры и въ томъ же году, 25 Сентября, былъ убитъ при взятіи Варны. Онъ не былъ женатъ.

(Съ портрета Митуара, принадлежитъ П. П. Дурново, въ С.-Петербургѣ.)

NICOLAS DMITRIEWITCH DOURNOVO, 1792—1828, fils aîné du maréchal de la noblesse du gouvernement de Pétersbourg et grand maître de la Cour Dmitri Nikolaewitch Dournovo (1769—1834) et de Marie Nikititchna, née Démidoff (1776—1847), servit comme officier et passa par l'Ecole des Guides. Un oukaze de S. M. du 30 août 1815 nomma „le capitaine en second de l'Etat-Major général de la Garde Dournovo aide de camp de Sa Majesté".

Quelque temps directeur de la bibliothèque de l'Etat-Major général, Dournovo accomplit ensuite plusieurs missions importantes: il inspecta, par exemple, en 1824 les orphelinats militaires de Narva, Rével, Arensbourg, Pernau, Riga, Kieff, Mohileff, Vitebsk, Smolensk, Pskoff et Novgorod. En 1816, il avait été chargé de l'enquête ouverte à l'hôpital militaire de Novgorod, à la suite d'une dénonciation, contre le surveillant Tikhonoff, et qui révéla effectivement des abus; Araktchéeff reçut peu après une nouvelle dénonciation accompagnée de ces mots: „Vous êtes le seul patriote de notre cher pays, le seul qui soit redouté de tous ces coquins et spoliateurs de l'Etat". La nouvelle enquête fut encore confiée à Dournovo, en 1818.

Promu le 25 mars 1828 général major, Dournovo fut tué le 25 septembre suivant à la prise de Varna. Il n'était pas marié.

(D'après un original de Mitoire, appartenant à P. Dournovo, St-Pétersbourg.)

230

Пис. Кюгельхенъ — Peint par Kügelchen

Дмитрій Николаевичъ Дурново, 1769 — 1834 — *Dmitri Nikolaewitch Dournovo, 1769 — 1834*

231

Николай Дмитріевичъ Дурново, 174. — 1816 — *Nicolas Dmitriewitch Dournovo, 174. — 1816*

232

Марія Никитична Дурново, 1776 — 1847 — *Marie Nikititchna Dournovo, 1776 — 1847*

233

Пис. Митуаръ — Peint par Mitoire

Николай Дмитріевичъ Дурново, 1793 — 1828 — *Nicolas Dmitriewitch Dournovo, 1793 — 1828*

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

БИБЛИОТЕКА
Пермской Академии
ХУДОЖЕСТВЕННО-ГРАФИЧЕСКОЙ

АЛЕКСѢЙ ДАВЫДОВИЧЪ ПАНЧУЛИДЗЕВЪ, 1762—1834, сынъ имеретинскаго дворянина Давыда Матвѣевича Панчулидзева, бывшаго въ 1782 г. совѣтникомъ Саратовской гражданской палаты, отъ брака его съ крестьянкой Марьей Семеновной. А. Д. Панчулидзевъ до назначенія Саратовскимъ губернаторомъ состоялъ сначала совѣтникомъ Солевозной комиссіи Элтонскаго соляного озера, а затѣмъ Саратовскимъ вице-губернаторомъ и предсѣдателемъ Казенной палаты. Въ 1807 г., послѣ ухода губернатора Бѣлякова, Панчулидзевъ вступилъ въ управленіе губерніей. На первыхъ же порахъ Панчулидзеву пришлось вступить въ борьбу съ чумой, занесенной въ губернію и въ самый Саратовъ изъ Черноярскаго уѣзда. Имъ былъ принятъ рядъ самыхъ энергичныхъ мѣръ, а затѣмъ, когда въ Саратовъ былъ присланъ сенаторъ Козодавлевъ, онъ дѣятельно помогалъ послѣднему. Правда, протоіерей Скопинъ въ своемъ „Дневникѣ“ дѣлаетъ намеки на то, что чумы никакой и не было, правда, на чуму, на сенатора и на губернатора былъ написанъ пасквиль, тѣмъ не менѣе Саратовская администрація получила награды: 24 Апрѣля 1808 г. былъ снятъ карантинъ, а 24 Мая Саратовскимъ губернаторомъ назначенъ Панчулидзевъ. Онъ почти 20 лѣтъ управлялъ губерніей, и надо сказать, что рѣдко какой изъ губернаторовъ пользовался такой популярностью. Саратовъ многимъ обязанъ Панчулидзеву. „Во время столь долговременнаго управленія его губерніею“, пишетъ Леопольдовъ, „много сдѣлано полезнаго для здѣшняго края“. При немъ, по перечисленію того же современника его, присланы были 4 повивальныя бабки изъ С.-Петербурга, осуществлена была мысль объ открытіи въ Саратовѣ дворянскаго училища-гимназіи, при чемъ Панчулидзевъ продалъ подъ гимназію свой собственный домъ, была заведена нѣкоторая чистота въ немощеномъ и грязнѣйшемъ городѣ, 25 Іюня 1810 г. былъ утвержденъ новый планъ города. „Съ тѣхъ поръ, мало-по-малу началъ искореняться въ немъ безпорядокъ безотчетной старины въ строеніяхъ“.... Панчулидзевъ устроилъ въ Саратовѣ пожарную команду, убѣдилъ городское общество построить гостиный дворъ. На свои средства губернаторъ построилъ Ильинскую церковь, недалеко отъ своей дачи (теперь Институтъ) и, наконецъ, построилъ въ память 1812 года величественный, въ излюбленномъ стилѣ Александровскаго царствованія, новый соборъ, на общія пожертвованія. Другой современникъ, Поповъ, пишетъ: „Всѣ саратовцы уважали и любили до высокой степени А. Д. Панчулидзева и его супругу Екатерину Петровну. Онъ имѣлъ характеръ тихій, кроткій; всѣхъ принималъ благосклонно: выслушивалъ просьбы кротко, съ какимъ-то особеннымъ радушіемъ, безъ всякаго строгаго и презрительнаго взгляда. На него каждый смотрѣлъ съ любовью, какъ на отца. Если кто ему приносилъ жалобу на чиновниковъ, то онъ даже выписывалъ послѣднихъ изъ уѣздовъ, требовалъ противу жалобы объясненій лично. Видя раскаяніе чиновника, Панчулидзевъ давалъ ему хорошую нотацію и обязывалъ помириться, принести извиненіе.... Панчулидзевъ жилъ съ большимъ комфортомъ, какъ слѣдуетъ губернатору, особенно въ тогдашнее время. У него при домѣ было собственной крѣпостной прислуги болѣе 100 человѣкъ. Онъ имѣлъ своихъ музыкантовъ и пѣвчихъ, держалъ театръ на свой счетъ. Не проходило дня, чтобы у губернатора не обѣдало 15-20 человѣкъ. Чиновники, прилично образованные и которые щеголевато одѣвались, обязаны были приходить къ обѣденному столу и на балы. Въ канцеляріи губернатора была лучшая служба, и служащіе дорожили ею“. По словамъ желчнаго Вигеля, „своей особой былъ Панчулидзевъ вовсе не любезенъ: малъ ростомъ, блѣденъ, долгоносъ, угрюмъ и молчаливъ“. 26 Ноября 1826 г. Панчулидзевъ былъ уволенъ отъ должности губернатора и поселился на своей дачѣ, а лѣтомъ жилъ въ д. Безсоновкѣ, Саратовскаго уѣзда. Когда въ 1834 г. умеръ Панчулидзевъ, архіерей Іаковъ отпѣвалъ его въ каѳедральномъ соборѣ, и весь Саратовъ провожалъ гробъ до Ильинскаго кладбища. На могилѣ его стоитъ большая часовня, въ Городской думѣ повѣшенъ его портретъ. „И теперь многіе старожилы помнятъ добрыя дѣла Алексѣя Давыдовича“.

А. Д. Панчулидзевъ былъ женатъ 3 раза: 1) на Маріи Александровнѣ Гладковой (р. 1770 г., † 1799 г.), 2) на Аннѣ Сергѣевнѣ Мачеверіани († 1802 г.) и 3) на Екатеринѣ Петровнѣ Демидовой (р. 1782 г., † 1847 г.). Отъ этихъ браковъ было 3 сына: Александръ (р. 1790 г., † 1867 г.; Пензенскій губернаторъ), Дмитрій (р. 1798 г., † 1822 г.) и Алексѣй (р. 1816 г., † 1880 г.; Пензенскій уѣздный предводитель дворянства), и 6 дочерей: Марія (р. 1785 г., † 1845 г.; за А. М. Устиновымъ), Анна (р. 1793 г., † 1815 г.; за Л. Я. Рославлевымъ), Ольга (р. 1802 г., † 1842 г.; за Е. И. Пашковымъ), Варвара (р. 1806 г., † 188 . г.; за П. И. Владыкинымъ), Людмила (р. 1812 г.; дѣвица) и Софія (р. 1817 г.; дѣвица).

(Съ портрета, принадлежащаго С. А. Панчулидзеву, въ С.-Петербургѣ.)

ALEXIS DAVYDOWITCH PANTCHOULIDZEFF, 1762—1834, fils d'un noble d'Imérétie, David Matvéewitch Pantchoulidzeff, qui fut en 1782 conseiller au tribunal civil de Saratoff, et d'une paysanne, sa femme, Marie Sémenowna. Avant de devenir gouverneur de Saratoff, il fut d'abord conseiller à la Commission pour le transport du sel du Lac salé d'Elton, puis vice-gouverneur de Saratoff et président des bureaux de gouvernement. En 1807, au départ du gouverneur Béliakoff, il fut chargé de l'intérim de ses fonctions, et se trouva tout d'abord aux prises avec une épidémie de peste qui, venue du district de Tchernoïarsk, éclata dans le gouvernement et dans la ville même de Saratoff, et contre laquelle il prit les mesures les plus énergiques, puis prêta son concours actif au sénateur Kozodavleff envoyé sur les lieux. L'archiprêtre Skopine insinue bien dans son Journal qu'il n'y eut pas la moindre épidémie; aussi bien, il circula un libelle sur la peste, le sénateur et le gouverneur: quoi qu'il en soit, l'administration fut récompensée, la quarantaine levée le 24 avril 1808, et Pantchoulidzeff gouverneur le 24 mai suivant. Il le resta près de vingt ans, et il n'y eut guère, il faut le dire, gouverneur qui connût semblable popularité. Saratoff lui doit beaucoup: „Durant sa longue administration", dit Léopoldoff, „il fit beaucoup de bien au pays". C'est lui, au témoignage du même contemporain, qui fit venir quatre sages-femmes de Pétersbourg, fonder pour la jeunesse noble un collège pour lequel il vendit une maison à lui, enfin nettoyer un peu la ville, non pavée et affreusement sale; il contresigna même le 25 juin 1810 le projet de nouveaux alignements: „Ce fut le début d'une régularisation progressive des constructions désordonnées du temps jadis".... Il inaugura encore un service de pompiers et décida la municipalité à construire un Gostiny Dvor. Il éleva à ses frais l'église St-Elie, non loin de sa villa (aujourd'hui l'Institut), et aussi, par souscription publique, la nouvelle cathédrale en mémoire de 1812, majestueuse, dans le style favori du règne d'Alexandre. „Tout Saratoff", dit un autre contemporain, Popoff, „était pénétré de considération et d'affection pour Pantchoulidzeff et pour sa femme Catherine Pétrowna. D'humeur paisible et calme, il recevait tout le monde avec bienveillance, accueillant les solliciteurs avec une douceur, un empressement tout particuliers, sans prendre d'airs farouches et dédaigneux. Il était aimé comme un père. En cas de plaintes contre un fonctionnaire, il le faisait venir pour s'expliquer lui-même: passait-on condamnation, on recevait une bonne mercuriale, puis il fallait faire amende honorable.... Pantchoulidzeff vivait largement, comme il convient à un gouverneur, surtout dans le temps. Il avait comme gens de maison plus de cent de ses serfs, un orchestre et des chœurs à lui, un théâtre entretenu à ses frais. Il ne se passait pas de jour qu'il ne traitât quinze à vingt personnes. Les fonctionnaires, d'un bon niveau intellectuel et d'une mise recherchée, étaient tenus de venir aux dîners et aux bals. Le service de sa chancellerie était le meilleur, et les titulaires y tenaient". Le fielleux Wiegel le représente comme „entièrement dépourvu d'avantages personnels, petit, pâle, avec un long nez, morose et taciturne". Relevé le 26 novembre 1826 de ses fonctions de gouverneur, il se retira dans sa villa, passant l'été à Bezsonovka, près Saratoff. Lorsqu'il mourut en 1834, les obsèques furent célébrées à la cathédrale par l'archevêque Jacob, et tout Saratoff suivit le cortège au cimetière St-Elie. Une grande chapelle fut élevée sur son tombeau, et son portrait suspendu dans la salle de l'Hôtel-de-Ville. „Aujourd'hui encore bien des vieux habitants gardent la mémoire de ses bonnes œuvres".

Pantchoulidzeff fut marié successivement à Marie Alexandrowna Gladkoff (1770—1799), à Anne Serguéewna Matchévériani († 1802) et à Catherine Pétrowna Démidoff (1782—1847). Il eut de ces trois mariages trois fils, Alexandre (1790—1867), gouverneur de Penza, Dmitri (1798—1822) et Alexis (1816—1880), maréchal de la noblesse du district de Penza, et six filles, Marie (1785—1845), mariée à A. Oustinoff, Anne (1793—1815) à L. Roslavleff, Olga (1802—1842) à E. Pachkoff, Varvara (1806—188 .) à P. Vladykine, Ludmila (née 1812) et Sophie (née 1817), toutes deux sans alliance.

(D'après un original appartenant à S. Pantchoulidzeff, St-Pétersbourg.)

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КОЛЫЧОВЪ, 1791—1836, сынъ Василія Петровича (р. 1736 г., † 1794 г.), отъ брака съ Дарьей Алексѣевной Тихменевой († 1817 г.), родился 14 Іюля 1791 г., въ Москвѣ. Записанный въ дѣтствѣ вахмистромъ въ Конную гвардію, онъ былъ выключенъ оттуда вмѣстѣ съ другими малолѣтними общимъ указомъ Павла I; въ 1804 г. его опредѣлили въ Московскій архивъ Иностранныхъ дѣлъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ онъ поступилъ въ школу колонновожатыхъ Н. Н. Муравьева, въ с. Осташовѣ, откуда былъ выпущенъ прапорщикомъ въ 1811 году. Во время Отечественной войны Колычовъ участвовалъ въ рядѣ дѣлъ; послѣ Бородина онъ служилъ въ партизанскихъ отрядахъ сначала Сеславина, а потомъ Фигнера, который оцѣнилъ его и не разъ давалъ важныя, рискованныя порученія. Въ 1814 г. Колычовъ былъ переведенъ въ Александрійскій гусарскій полкъ, съ которымъ затѣмъ участвовалъ въ сраженіяхъ въ предѣлахъ Франціи, а въ 1815 г.—въ Иркутскій гусарскій, но черезъ 2 года вышелъ въ отставку, съ чиномъ майора. По отзыву Н. Н. Муравьева-Карсскаго, онъ „принадлежалъ къ числу тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ называютъ отчаянными головами, имѣлъ свѣдѣнія и былъ вѣрный товарищъ“. Въ полку и товарищи, и подчиненные любили „милаго гусара-сибарита“ и добраго, хотя и горячаго, отца-командира. За годъ до выхода въ отставку Колычовъ женился по любви, по показанію формуляра—на дочери капитанъ-лейтенанта Лочзея (Лочеса), а по свидѣтельству родословной—на крѣпостной дѣвушкѣ матери. Бракъ этотъ вызвалъ такое неудовольствіе Д. А. Колычовой, что сынъ боялся показаться на глаза матери. Въ концѣ 1817 г. она тяжко заболѣла и пожелала видѣть сына. Послѣ ея смерти онъ вступилъ во владѣніе ея большимъ состояніемъ. Первые годы Колычовъ жилъ то въ Москвѣ, то въ деревнѣ, но вскорѣ окончательно уединился въ своемъ Саратовскомъ имѣніи. Несмотря на бракъ по любви, съ женой своей онъ сталъ жить врозь; она поселилась въ другомъ имѣніи, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ мужа. Образованный „вольтерьянецъ“, Колычовъ скоро разочаровался въ своей доброй и любящей, но простой для него супругѣ, отличавшейся крайней набожностью и склонностью къ монашеской жизни (по смерти мужа, М. П. Колычова постриглась съ именемъ Магдалины; † 1857 г. въ Тихвинскомъ монастырѣ, въ г. Кирсановѣ). Состояніе Колычова, родовое и благопріобрѣтенное, было значительно: онъ владѣлъ 2276 душами крестьянъ, при чемъ больше половины приходилось на Саратовскую губернію. Самъ онъ жилъ въ сельцѣ Хмѣлинкѣ, той же губерніи. Здѣсь у него была обширная библіотека, которую онъ постоянно пополнялъ новыми книгами и періодическими изданіями, въ томъ числѣ спеціальными научными, какъ русскими, такъ и иностранными. Колычовъ съ увлеченіемъ занимался физическими опытами, интересовался описаніями путешествій, географіей, русской исторіей, составлялъ родословныя, перевелъ „Слово о полку Игоревѣ“. Занятія естественными науками доставили ему званіе почетнаго члена Московскаго общества любителей естествознанія. Онъ отличался большой добротой, охотно помогалъ обращавшимся къ нему за помощью, заботился о распространеніи грамотности среди крестьянъ и, не будучи самъ религіозенъ, строилъ въ своихъ имѣніяхъ церкви. По словамъ барона Боде-Колычова, онъ „въ околоткѣ слылъ за чудака, часто ѣздилъ въ экипажѣ, имъ самимъ устроенномъ и запряженномъ двумя верблюдами, носилъ усы и бороду“, что въ то время почиталось за вредное свободомысліе, кромѣ того „ходилъ въ красной рубахѣ, а фракъ и сюртукъ надѣвалъ только въ особенно торжественныхъ случаяхъ“. Колычовъ скончался 24 Января 1836 г. и погребенъ около церкви села Краснаго Колѣна, Саратовской губерніи. Еще въ 1832 г. онъ составилъ завѣщаніе, по которому благопріобрѣтенную часть своего имѣнія въ 2476 десятинъ, въ Балашовскомъ уѣздѣ, завѣщалъ малолѣтней балашовской мѣщанкѣ Устиньѣ Сергѣевой, по прекращеніи рода которой земля переходитъ въ собственность Саратовскаго дворянства, съ тѣмъ, чтобы на доходы съ нея воспитывались дѣти дворянъ. Такъ какъ въ 1836 г. Сергѣевой уже не было въ живыхъ, то земля тотчасъ же перешла въ распоряженіе Саратовскаго дворянства. Въ настоящее время стоимость пожертвованной земли достигаетъ полумилліона рублей, а изъ доходовъ образовался капиталъ въ 100.000 рублей. На Колычовскія стипендіи воспитывается до 50 дѣтей. Жизнь С. В. Колычова послужила Саратовскому писателю и старожилу Салову сюжетомъ для разсказа „Святая могила“, при чемъ И. А. Саловъ дѣлаетъ намекъ, что трагизмъ жизни Колычова заключался въ томъ, что онъ, не зная того, женился на побочной дочери своей матери, о чемъ узналъ отъ послѣдней предъ самой ея кончиной.... Подъ такимъ же заглавіемъ напечатана въ „Русскомъ Архивѣ“ (за 1904 г.) біографія С. В. Колычова.

(Съ портрета, принадлежащаго графинѣ Н. М. Соллогубъ, въ Москвѣ.)

SERGE VASSILIEWITCH KOLYTCHOFF, 1791—1836, fils de Basile Pétrowitch Kolytchoff (1736—1794) et de Daria Alexéewna, née Tikhméneff († 1817), naquit à Moscou le 14 juillet 1791. Enrôlé tout enfant vaguemestre à la Garde à cheval, il fut rayé en application de l'oukaze de Paul Ier excluant les mineurs. Affecté ensuite en 1804 aux Archives des Affaires étrangères à Moscou, il entra quelques années plus tard à l'Ecole des Guides de Mouravieff, à Ostachovo, et en sortit porte-enseigne en 1811. Il fit toute la Guerre Patriotique, et, après Borodino, s'enrôla dans les partisans d'abord de Séslavine, puis de Figner, qui faisait grand cas de lui et lui confia à plusieurs reprises d'importantes et dangereuses missions. Il passa en 1814 au régiment des hussards d'Alexandrie, avec lequel il fit la campagne de France, puis, en 1815, à celui des hussards d'Irkoutsk: deux ans plus tard, il fut retraité major. Mouravieff-Karssky le représente comme „un de ces jeunes gens qu'on peut appeler cerveaux brûlés, assez instruit et excellent camarade", au régiment „bon petit hussard-sybarite" chéri de tous, et de ses subordonnés, malgré son emportement, comme un bon père. Un an avant sa retraite, il avait fait, avec la fille du capitaine lieutenant Lochess, disent ses états de service, avec une paysanne appartenant à sa mère, selon sa généalogie, un mariage d'amour qui contraria si fort sa mère, qu'il n'osa plus se présenter devant elle avant la grave maladie qu'elle fit en 1817 et où elle demanda à le voir. A sa mort, il entra en possession de sa grosse fortune, et partagea d'abord son temps entre Moscou et la campagne, mais bientôt il se fixa définitivement dans sa propriété de Saratoff. Son mariage d'amour ne l'empêcha pas de se séparer de sa femme, qui se retira dans une autre propriété, à quelques verstes de lui: avec son instruction et son voltairianisme, il n'avait pas tardé à se désenchanter de cette bonne et affectueuse personne, malheureusement beaucoup trop rustique pour lui, et en outre d'une extrême piété avec un penchant pour la vie monastique, puisqu'elle prit le voile une fois veuve sous le nom de Madeleine et mourut en 1857 au couvent de Tikhvine, à Kirsanoff. Kolytchoff était à la tête d'une grosse fortune; tant par héritage que par suite d'acquisitions, il possédait 2276 têtes de paysans, dont plus de la moitié au gouvernement de Saratoff, où il habitait lui-même la bourgade de Khmélinka: il avait là une bibliothèque considérable qu'il ne cessait d'enrichir en livres et périodiques, en particulier sur les sciences spéciales, tant russes qu'étrangers. Passionné pour les expériences de physique, curieux de descriptions de voyages, de géographie, d'histoire russe, il composa des généalogies et traduisit le Chant d'Igor. Ses travaux d'histoire naturelle lui valurent le titre de membre honoraire de la Société moscovite des Amateurs de Sciences Naturelles. Excellent cœur, toujours prêt à rendre service, il travaillait à propager l'instruction parmi ses paysans, et, tout irréligieux qu'il était, éleva des églises dans ses propriétés. „Il s'était fait dans le voisinage", dit le baron Bodé-Kolytchoff, „une réputation de maniaque, sortant souvent dans un équipage de sa façon attelé de deux chameaux, portant moustaches et toute sa barbe", ce qui sentait alors sa libre-pensée, „toujours en camisole rouge et gardant l'habit ou la redingote pour les grandes circonstances". Il mourut le 24 janvier 1836, et fut inhumé près de l'église du bourg de Krasnoïé-Koléno, gouvernement de Saratoff. Il avait fait en 1832 un testament par lequel la partie acquise de ses biens, soit 2476 hectares au district de Balachoff, reviendrait à Justine Serguéeff, alors une enfant de la bourgeoisie de l'endroit, pour devenir, lors de l'extinction de sa race, propriété de la noblesse de Saratoff, à charge par celle-ci d'employer les revenus à l'éducation d'enfants nobles. La petite fille étant morte avant Kolytchoff, la terre passa tout de suite à la noblesse de Saratoff; la valeur en atteint actuellement un demi-million de roubles, et les revenus ont servi à constituer un capital de 100.000 roubles. Les bourses fondées ainsi suffisent à l'éducation d'une cinquantaine d'enfants. La vie de Kolytchoff a fourni à l'écrivain Saloff, un vieil habitant de Saratoff, le sujet de son récit La Tombe sacrée; il y est fait allusion à une particularité tragique de cette vie: Kolytchoff avait épousé sans le savoir une fille naturelle de sa mère, qui ne le lui révéla qu'à son lit de mort.... Sous le même titre, l'Archive Russe a publié en 1904 une biographie de Kolytchoff.

(D'après un original appartenant à la comtesse N. Sollohub, Moscou.)

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ АРСЕНЬЕВЪ, 1789—1847, сынъ генералъ-поручика Василія Дмитріевича (р. 1755 г., † 1826 г.), отъ брака его съ Евдокіей Александровной Соймоновой (р. 1754 г., † 1819 г.), родился 6 Марта 1789 г.; въ 1806 г. изъ камеръ-пажей былъ выпущенъ на службу въ Преображенскій полкъ подпоручикомъ. Въ 1809 г. графъ М. С. Воронцовъ, бывшій въ большой дружбѣ съ его покойнымъ братомъ Дмитріемъ, взялъ его къ себѣ въ адъютанты. Арсеньевъ участвовалъ въ Турецкой войнѣ 1811 г., гдѣ подъ Рущукомъ заслужилъ золотое оружіе за храбрость, и въ Наполеоновскихъ войнахъ 1812—1815 годовъ. Произведенный въ 1816 г. въ полковники, онъ въ слѣдующемъ году былъ назначенъ командиромъ Смоленскаго пѣхотнаго полка. До 1819 г. Арсеньевъ оставался во Франціи въ составѣ оккупаціоннаго корпуса, а въ 1820 г. вышелъ въ отставку. Назначеніе графа М. С. Воронцова на постъ Новороссійскаго генералъ-губернатора привлекло и Арсеньева на службу въ Новороссійскій край: въ 1824 г. онъ получилъ мѣсто члена верховнаго совѣта Бессарабской области, а съ 1826 по 1830 г. былъ чиновникомъ для особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ и исправлялъ должности предсѣдателя Бессарабскаго областного уголовнаго суда и Бессарабскаго гражданскаго губернатора. Въ 1830 г. Арсеньевъ вышелъ въ отставку, но черезъ 2 года снова поступилъ на службу и былъ назначенъ почетнымъ опекуномъ Московскаго присутствія и завѣдывающимъ колоніей питомцевъ Воспитательнаго дома. Состоя въ этой должности, онъ былъ награжденъ орденами св. Станислава 1-й степени (1835 г.) и св. Анны 1-й степени (1841 г.) и чиномъ тайнаго совѣтника (1843 г.). Въ 1843 г. Арсеньевъ былъ назначенъ завѣдывающимъ Инвалиднымъ домомъ Шереметевой. Онъ скончался 19 Марта 1847 г. и погребенъ въ Новоспасскомъ монастырѣ.

Н. В. Арсеньевъ былъ женатъ на Евдокіи Ивановнѣ Арсеньевой (р. 1790 г., † 1864 г.), происходившей изъ того же рода, что и онъ, но дѣтей не имѣлъ. Сослуживецъ Арсеньева по Бессарабіи Ф. Ф. Вигель оставилъ въ своихъ Запискахъ такую его характеристику: „Снисходительные люди называли его ограниченнымъ человѣкомъ; но право не было границъ его простоумію.... Съ добрымъ сердцемъ, съ благородными чувствами, сіе безвинное, безобидное существо, не возбуждая ни въ комъ недоброжелательства, могло бы спокойно и незамѣтно прожить цѣлый вѣкъ. Но на бѣду женился онъ на злой толстушкѣ Авдотьѣ Ивановнѣ.... и во всемъ ее слушался“. При оцѣнкѣ этой характеристики слѣдуетъ принять во вниманіе дурныя отношенія Вигеля съ его сослуживцемъ и въ особенности съ супругой послѣдняго.

(Съ портрета Тропинина; собственность княгини М. А. Львовой, въ Москвѣ.)

236

NICOLAS VASSILIEWITCH ARSÉNIEFF, 1789—1847, fils du général lieutenant Basile Dmitriewitch Arsénieff (1755—1826) et d'Eudoxie Alexandrowna, née Soïmonoff (1754—1819), naquit le 6 mars 1789. Premier page, puis sous-lieutenant en 1806 au régiment Préobragensky, il fut pris en 1809 comme aide de camp par le comte M. Worontzoff, grand ami de feu son frère Dmitri. Après la campagne de Turquie de 1811, où sa valeur à Rouchtchouk lui valut une épée d'or, il fit les guerres napoléoniennes de 1812 à 1815. Colonel en 1816, il devint l'année suivante commandant du régiment d'infanterie de Smolensk, et resta en France avec le corps d'occupation jusqu'en 1819, après quoi il donna sa démission en 1820. La nomination du comte M. Worontzoff au poste de général gouverneur de la Nouvelle-Russie appela également Arsénieff dans le pays: membre du conseil supérieur de la région de Bessarabie en 1824, il fut de 1826 à 1830 fonctionnaire pour missions spéciales près du général gouverneur et fit fonctions de président de la cour d'assises régionale et gouverneur civil. Il quitta le service en 1830, mais pour y rentrer deux ans plus tard comme tuteur honoraire à la curatelle de Moscou et directeur de la colonie des Enfants-Trouvés. A ce poste, il fut décoré de St-Stanislas de 1re classe en 1835 et Ste-Anne de 1re classe en 1841, puis promu en 1843 conseiller privé. Il devint cette même année gérant de la Maison d'Invalides de Mme Chérémeteff. Il mourut le 19 mars 1847, et fut inhumé au monastère Novospassky.

Arsénieff avait épousé Eudoxie Ivanowna, née Arsénieff (1790—1864), de la même famille que lui, mais il n'eut pas d'enfants. Wiegel, qui fut au service avec lui en Bessarabie, dit dans ses Mémoires: „Les gens indulgents le disaient borné; mais vraiment il était d'une simplicité sans bornes.... Avec son bon cœur et sa noblesse de sentiments, l'innocente et inoffensive créature pouvait, sans éveiller la moindre malveillance, passer toute une vie paisible et cachée. Mais, hélas! il épousa cette grosse mauvaise pièce.... dont il faisait toutes les volontés". Il convient d'ajouter comme correctif que Wiegel était au plus mal avec Arsénieff, et surtout avec sa femme.

(D'après un original de Tropinine, appartenant à la princesse M. Lvoff, Moscou.)

ПЕТРЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ ЧААДАЕВЪ, 1794—1856, младшій сынъ подполковника Якова Петровича Чаадаева († 1807 г.), отъ брака его съ княжной Наталіей Михайловной Щербатовой († 1797 г.), родился 27 Мая 1794 года. П. Я. Чаадаевъ рано потерялъ родителей и ребенкомъ былъ взятъ подъ опеку графомъ Н. П. Толстымъ; воспитаніемъ дѣтей вѣдала родная ихъ тетка, дочь историка, княжна Анна Михайловна Щербатова. Дѣтство и юность Чаадаева протекли въ домѣ его опекуна, пышнаго и образованнаго вельможи Екатерининскихъ временъ. Иностранцевъ-гувернеровъ смѣнили лучшіе Московскіе профессора, которыхъ Чаадаевъ слушалъ потомъ и въ университетѣ. Университетъ Муравьевской эпохи и товарищи по университету, въ числѣ которыхъ были Грибоѣдовъ, братья Перовскіе, Н. И. Тургеневъ, Якушкинъ, конечно, не могли не оставить слѣда въ душѣ умнаго юноши: объ этомъ говорятъ и дальнѣйшія отношенія его къ своимъ друзьямъ и его неизмѣнна страсть къ самообразованію. Громъ оружія, раздавшійся въ 1812 году, ускорилъ начало его житейской карьеры, по примѣру предковъ: 12 Мая онъ вступилъ въ Семеновскій полкъ, въ Августѣ принялъ боевое крещеніе въ Бородинскомъ бою, въ Сентябрѣ перевелся въ гусары (въ Ахтырскій полкъ) и участвовалъ въ длинномъ рядѣ сраженій; съ 11 Декабря 1817 г. состоялъ адъютантомъ у Н. В. Васильчикова; 21 Февраля 1821 г., къ удивленію многихъ, вышелъ въ отставку, дѣйствительныхъ причинъ которой не доискались и донынѣ біографы Чаадаева. Какъ бы то ни было, но отставка произвела громадное впечатлѣніе и на самого Чаадаева, блестящаго адъютанта, свѣтскаго джентльмена и красавца, которому, казалось, все сулило, при его умѣ, завидную карьеру.... Другъ Пушкина, котораго поэтъ въ 1818 г. приглашалъ „отчизнѣ посвятить души высокіе порывы“, рѣшилъ даже оставить Россію: „Отечествомъ моимъ будетъ Швейцарія“, писалъ онъ; „мнѣ невозможно оставаться въ Россіи по многимъ причинамъ“. Однако, онъ уѣхалъ за границу лишь въ Іюлѣ 1823 г., уѣхалъ нервно разстроенный, для поправленія здоровья, а лѣтомъ 1826 г. уже вернулся въ Москву еще болѣе слабымъ физически и во всякомъ случаѣ не такимъ, какимъ вернулся Грибоѣдовскій Чацкій, въ которомъ тогда кое-кто изъ современниковъ хотѣлъ видѣть Чаадаева. Впрочемъ, на чужбинѣ, во Франціи, Швейцаріи, Италіи и Германіи, несмотря на недуги, онъ успѣлъ много пріобрѣсти познаній по части философіи, исторіи и богословія. Если прежде Чаадаевъ, по выраженію Пушкина, былъ „всегда мудрецъ, а иногда мечтатель и вѣтреной толпы безстрастный наблюдатель“, то теперь онъ сталъ затворникомъ, ипохондрикомъ, близкимъ къ помѣшательству. Источниковъ душевнаго разлада, затянувшагося на много лѣтъ и приведшаго этотъ „гордый умъ“ къ мистицизму, такъ и не отыскали изслѣдователи жизни и дѣятельности Чаадаева, но они создали рядъ портретовъ этого выдающагося русскаго „однодума“ на основаніи его переписки и ставшихъ знаменитыми его „Философическихъ писемъ“, которыя онъ началъ писать въ 1829/30 годахъ. Однако, „кризисъ“ миновалъ, Чаадаевъ къ 1830-мъ годамъ не только акклиматизировался въ лучшемъ Московскомъ обществѣ, но даже сдѣлалъ однажды попытку поступить вновь на службу. Скоро онъ выработалъ себѣ, по словамъ біографа, и тотъ образъ жизни, которому оставался вѣренъ уже до самой смерти, въ теченіе 25 лѣтъ. Онъ, завсегдатай Англійскаго клуба, почетный гость салоновъ и гостиныхъ; его можно видѣть всюду, гдѣ собирается Московское общество; по понедѣльникамъ онъ принимаетъ у себя.... Но въ свѣтѣ, однако, онъ занималъ довольно своеобразное положеніе — положеніе вполнѣ свѣтскаго человѣка и учителя. Это, по выраженію князя Вяземскаго, былъ „преподаватель съ подвижной каѳедры, которую онъ переносилъ изъ салона въ салонъ“. Чаадаевъ скоро по имени сталъ извѣстенъ всей интеллигентной Россіи. Эту славу принесло ему его первое и послѣднее „Философическое письмо“, напечатанное при его жизни въ „Телескопѣ“ и навлекшее жестокую кару на издателя журнала — Надеждина; кромѣ того, самый журналъ былъ закрытъ, а авторъ офиціально признанъ сумасшедшимъ. Впрочемъ, черезъ годъ „медико-полицейскій надзоръ“ былъ снятъ съ Чаадаева, подъ условіемъ „не смѣть ничего писать“. Въ оправданіе свое Чаадаевъ написалъ „Апологію сумасшедшаго“, но и она увидѣла свѣтъ лишь въ посмертномъ изданіи „Œuvres choisies de Pierre Tchaadaïeff, publiées pour la première fois par le prince Gagarine“. П. Я. Чаадаевъ скончался 14 Апрѣля 1856 г. и похороненъ, согласно завѣщанію, въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ, рядомъ съ Ав. С. Норовой (р. 5 Сентября 1799 г., † 3 Іюня 1835 г.), съ которой, какъ говорятъ, у него былъ единственный въ его жизни романъ, который оборвался за смертью любившей Чаадаева дѣвушки.

(Съ портрета, находящагося въ Императорской Публичной библіотекѣ, въ С.-Петербургѣ.)

PIERRE YAKOVLEWITCH TCHAADAEFF, 1794—1856, fils cadet du lieutenant-colonel Jacob Pétrowitch Tchaadaeff († 1807) et de la princesse Natalie Mikhaïlowna, née Chtcherbatoff († 1797), naquit le 27 mai 1794. Orphelin de bonne heure, il devint le pupille du comte N. Tolstoï, et son éducation fut confiée à sa tante, la princesse Anne Mikhaïlowna Chtcherbatoff, fille de l'historien. Il passa ainsi son enfance et sa jeunesse chez le grand seigneur magnifique et éclairé du temps de Catherine, son tuteur, entouré d'abord de gouverneurs étrangers, puis des meilleurs professeurs de Moscou, dont il suivit plus tard les cours à l'Université. L'Université de Mouravieff, avec des camarades comme Griboïédoff, les frères Pérowsky, N. Tourguéneff, Yakouchkine, ne pouvait être sans laisser de traces dans cette âme jeune et ouverte, comme en témoignent à la fois ses relations ultérieures avec ses amis et son souci constant de continuer à s'instruire. Le fracas du canon de 1812 le lança de bonne heure dans la carrière, à l'exemple de ses ancêtres: enrôlé le 12 mai au régiment Sémenowsky, il reçut en août le baptême du feu à Borodino, passa en septembre aux hussards d'Akhtyrka, et prit part à toute une série de batailles. Il était aide de camp du général H. Vassiltchikoff depuis le 11 décembre 1817, lorsqu'à la surprise générale, il donna sa démission le 21 février 1821, sans que ses biographes aient encore pu découvrir au juste pourquoi. Quoi qu'il en soit, l'impression produite fut violente sur le brillant aide de camp lui-même, destiné, semblait-il, en raison de ses relations, de sa distinction, de sa prestance et de son esprit, à la plus enviable carrière.... Et l'ami de Pouchkine, auquel le poète conseillait en 1818 de

„Consacrer au pays ses beaux élans de l'âme",

songea même à quitter la Russie. „Ma patrie sera la Suisse", écrivait-il; „il m'est impossible de rester ici pour beaucoup de raisons". Il ne quitta pourtant la Russie qu'en juillet 1823: parti pour soigner à l'étranger ses nerfs fort ébranlés, dès l'été de 1826 il rentrait à Moscou encore plus faible physiquement et, en tout cas, bien différent à son retour du Tchatzky de Griboïédoff, dans lequel alors on persistait encore parfois à voir son portrait. Partout d'ailleurs, en France, en Suisse, en Italie et en Allemagne, il avait pu, en dépit de sa santé, faire beaucoup de philosophie, d'histoire et de théologie. S'il avait été, comme dit Pouchkine,

„Toujours un sage et parfois un rêveur,
„De la foule frivole observateur fidèle",

c'était maintenant un reclus, un hypocondriaque, confinant à la folie. L'origine du désarroi moral qui se prolongea de longues années et conduisit au mysticisme cet „esprit altier", a échappé à toutes les recherches; mais la correspondance de l'éminent „monomane" russe et ses Lettres philosophiques, devenues célèbres et dont les premières datent de 1829/1830, ont fait le sujet d'une série d'études. La crise passa pourtant, et, peu après 1830, il était tout acclimaté dans la meilleure société de Moscou: il avait même fait une tentative pour reprendre du service. Et il adopte alors, dit son biographe, le genre de vie auquel il restera désormais fidèle jusqu'à sa mort, durant vingt-cinq ans: habitué du Club Anglais, hôte favori des salons mondains, on le voit partout où se réunit la société moscovite; il a ses lundis.... Mais dans le monde il a pourtant une situation assez singulière, celle d'un parfait homme du monde et d'un maître, „d'un maître nomade", dit le prince Viazemsky, „transportant sa chaire de salon en salon". Il se fit bientôt un nom dans toute la Russie pensante, et il le dut à sa première et dernière Lettre philosophique, qui, publiée de son vivant dans le Télescope, valut à Nadejdine, l'éditeur, un châtiment rigoureux, fit suspendre le journal et déclarer l'auteur officiellement fou. Au bout d'un an, d'ailleurs, Tchaadaeff vit lever cette „surveillance médicale de la police", à la condition „de ne plus écrire". Il composa pourtant pour sa justification son Apologie d'un fou, qui ne vit le jour que dans l'édition posthume des Œuvres choisies de Pierre Tchaadaïeff, publiées pour la première fois par le prince Gagarine.

Tchaadaeff mourut le 14 avril 1856, et fut inhumé, selon le vœu formulé dans son testament, au monastère Donskoï, à Moscou, près d'Eudoxie Noroff (5 septembre 1799—3 juin 1835), jusqu'au dernier jour l'héroïne, dit-on, de l'unique roman de sa vie.

(D'après un original de la Bibliothèque Impériale Publique, St-Pétersbourg.)

234

Алексѣй Давыдовичъ
Панчулидзевъ,
1762 — 1834

Alexis Davydowitch
Pantchoulidzeff,
1762 — 1834

235

Сергѣй Васильевичъ
Колычовъ,
1791 — 1836

Serge Vassiliewitch
Kolytchoff,
1791 — 1836

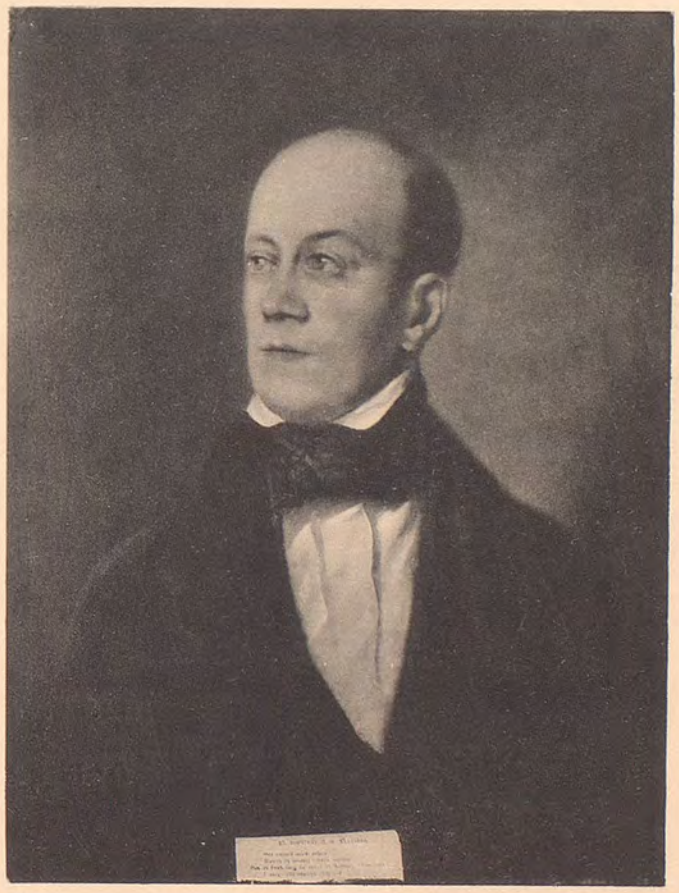
236

Пис. Тропининъ — *Peint par Tropinine*

Николай Васильевичъ
Арсеньевъ,
1789 — 1847

Nicolas Vassiliewitch
Arsénieff,
1789 — 1847

237



Петръ Яковлевичъ
Чаадаевъ,
1794 — 1856

Pierre Yakovlewitch
Tchaadaeff,
1794 — 1856

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ВАСИЛЬЧИКОВЪ, 1799—1864, сынъ Александра Ивановича, родного племянника фаворита Екатерины II, отъ брака его съ Екатериной Ивановной Грековой, родился 9 Мая 1799 г., въ Вѣнѣ, и въ 1820 г. поступилъ на службу юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ. Произведенный въ 1822 г. въ корнеты, онъ съ 1823 по 1825 г. исполнялъ обязанности ремонтера. Въ полку Васильчиковъ сблизился съ членомъ тайнаго общества Свистуновымъ и, подъ его вліяніемъ, самъ вступилъ въ то же общество въ началѣ 1825 года. Впослѣдствіи, будучи арестованъ, онъ на допросѣ показалъ, что не придавалъ тайному обществу значенія и не старался вникнуть въ подробности; онъ зналъ только, что общество желаетъ конституціоннаго правленія, но какого именно, не могъ себѣ уяснить. Онъ старался держаться подальше отъ общества послѣ того, какъ ему было сказано, что „онъ не долженъ всего знать“, а только то, „что захотятъ открыть“.... 19 Декабря 1825 г. Васильчиковъ пріѣхалъ въ Москву къ матери, и въ тотъ же день у него поселились члены тайнаго общества Свистуновъ и Ипполитъ Муравьевъ-Апостолъ. На слѣдующій день оба они были арестованы, а 26 Декабря былъ арестованъ и самъ Васильчиковъ; 29 онъ былъ доставленъ въ Петербургъ, въ Зимній дворецъ, гдѣ былъ допрошенъ Левашевымъ. На вопросъ, почему онъ, отстранившись отъ общества, не сообщилъ о немъ правительству, Васильчиковъ отвѣтилъ: „Хотя я вскорѣ узналъ и чувствовалъ свою неосторожность и даже, могу сказать, глупость, но объявить объ обществѣ не хотѣлъ, гнушаясь названія доносчика. Впрочемъ, общество сіе и намѣреніе онаго полагалъ столь маловажными, что не заслуживали они вниманія правительства“. Въ тотъ же день Васильчиковъ былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. На первомъ показаніи его, данномъ Комитету 10 Января 1826 г., находится помѣта Бенкендорфа: „Совершенно раскаивается“. Васильчиковъ не былъ преданъ суду. 15 Іюня послѣдовала относительно его слѣдующая Высочайшая резолюція: „Продержать еще мѣсяцъ въ крѣпости, выписать въ полки 5-го Кавалерійскаго корпуса“; 7 Іюля онъ былъ переведенъ прапорщикомъ въ Тверской драгунскій полкъ, а 15 выпущенъ изъ крѣпости. Въ 1827 г. онъ былъ переведенъ корнетомъ въ Серпуховскій уланскій полкъ, а въ 1828 г.—въ Харьковскій уланскій и, состоя въ немъ, участвовалъ въ Турецкой войнѣ. За отличіе при Акъ-Аданарѣ Васильчиковъ получилъ орденъ св. Анны 4 степени. Будучи раненъ въ томъ же сраженіи въ ногу, онъ былъ уволенъ въ Москву для лѣченія, а въ Августѣ 1830 г. получилъ отставку отъ службы, „съ учрежденіемъ за нимъ строгаго надзора и съ воспрещеніемъ въѣзда въ столицы“. Лишенный возможности жить въ Москвѣ, онъ поселился въ окрестностяхъ ея, въ селѣ Всесвятскомъ, но черезъ нѣкоторое время, благодаря ходатайству родныхъ, получилъ разрѣшеніе жить въ Москвѣ. 9 Мая 1839 г. онъ получилъ отъ Государя прощеніе.

Н. А. Васильчиковъ скончался въ Москвѣ 20 Іюля 1864 г. и погребенъ въ Московскомъ Симоновѣ монастырѣ, рядомъ съ умершей раньше женой, Екатериной Петровной, рожденной Демидовой (р. 1801 г., † 1851 г.). У него былъ сынъ Николай (р. 1830 г., † 1833 г.) и дочь Екатерина (р. 1832 г., † 1894 г.), замужемъ была за Самуиломъ Александровичемъ Панчулидзевымъ.

(Съ миніатюры 1831 г., принадлежащей П. А. Демидову, въ С.-Петербургѣ.)

NICOLAS ALEXANDROWITCH VASSILTCHIKOFF, 1799—1864, fils d'un neveu du favori de Catherine II, Alexandre Ivanowitch Vassiltchikoff, et de Catherine Ivanowna, née Grékoff, naquit à Vienne le 9 mai 1799. Entré en 1820 sous-officier au régiment des Chevaliers-Gardes, il passa cornette en 1822, et, de 1823 à 1825, fut chargé de la remonte. Il fit au régiment la connaissance de Svistounoff, qui, membre d'une société secrète, l'y affilia à son tour en 1825. Plus tard, lorsqu'il eut été arrêté, il déposa à l'instruction n'avoir pas attribué d'importance à cette société ni demandé d'explications, s'être borné à savoir qu'elle avait pour but l'établissement d'un gouvernement constitutionnel de la nature duquel il n'avait pas d'autre idée, enfin ne l'avoir plus fréquentée que de loin en apprenant qu'il „ne devait pas tout connaître" et qu'on ne lui dirait que „ce qu'on voudrait".... Le 19 décembre 1825, il allait à Moscou chez sa mère, qui prenait chez elle le jour même deux membres de la société secrète, Svistounoff et Hippolyte Mouravieff-Apostol, arrêtés dès le lendemain. Le 26, Vassiltchikoff l'était à son tour, et le 29, il arrivait au Palais d'Hiver où Lévachoff lui fit subir un interrogatoire. On lui demanda pourquoi il avait quitté la société sans rien révéler au Gouvernement: „Je n'ai pas tardé", dit-il, „à reconnaître et à comprendre toute mon imprudence, et, je puis même dire, ma sottise, mais si je n'ai pas parlé, c'est que j'ai reculé devant le rôle de délateur. Aussi bien, cette société et ses intentions ne m'ont pas paru d'une importance à pouvoir intéresser le Gouvernement". Il fut interné le jour même à la forteresse de Pierre-et-Paul. Sa première déposition, du 10 janvier 1826, porte la mention suivante de Benkendorf: „A passé condamnation". Et il ne fut pas mis en jugement; l'Empereur signa le 15 juin une résolution ainsi conçue: „Encore un mois de forteresse; puis le verser dans un régiment du 5e corps de cavalerie". Enrôlé le 7 juillet porte-enseigne au régiment de dragons de Tver, Vassiltchikoff était mis en liberté le 15. En 1827, il passa cornette aux uhlans de Serpoukhoff, et l'année suivante à ceux de Kharkoff, avec lesquels il fit la guerre de Turquie. Sa valeur à Ak-Adanar lui valut Ste-Anne de 4e classe et la blessure qu'il y reçut à la jambe lui fit donner un congé de convalescence à Moscou: en août 1830, il était mis à la retraite, mais en même temps „soumis à une surveillance rigoureuse et frappé d'interdiction de séjour dans les capitales". Faute de pouvoir habiter Moscou, il se fixa dans les environs, au bourg de Vsésviatzkoïé, mais les démarches de sa famille réussirent bientôt à faire lever l'interdiction de séjour. Le 9 mai 1839, il était définitivement gracié par l'Empereur.

Vassiltchikoff mourut à Moscou le 20 juillet 1864, et fut inhumé au monastère Simonoff aux côtés de sa femme, Catherine Pétrowna, née Démidoff (1801—1851). Il eut un fils, Nicolas (1830—1833), et une fille, Catherine (1832—1894), mariée à Samuel Alexandrowitch Pantchoulidzeff.

(D'après une miniature, 1831, appartenant à P. Démidoff, St-Pétersbourg.)

ЕКАТЕРИНА ПЕТРОВНА ВАСИЛЬЧИКОВА (?), 1801—1851, дочь тайнаго совѣтника Петра Григорьевича Демидова (р. 1740 г., † 1826 г.), младшаго брата основателя Ярославскаго лицея, отъ брака его съ Екатериной Алексѣевной Жеребцовой (р. 1748 г., † 1810 г.), родилась 19 Ноября 1801 года. Была замужемъ за отставнымъ корнетомъ Николаемъ Александровичемъ Васильчиковымъ (р. 1799 г., † 1864 г.), замѣшаннымъ въ дѣлѣ декабристовъ и поэтому до 1839 г. находившимся подъ надзоромъ полиціи.

Отъ этого брака у Е. П. Васильчиковой былъ сынъ Николай (р. 1830 г., † 1833 г.) и дочь Екатерина (р. 1832 г., † 1894 г.), бывшая замужемъ за Самуиломъ Александровичемъ Панчулидзевымъ. Е. П. Васильчикова скончалась 10 Іюля 1851 г. и погребена въ Москвѣ, въ Симоновѣ монастырѣ.

(Съ миніатюры А. Мингаръ, 1826 г.; собственность П. А. Демидова, въ С.-Петербургѣ.)

CATHERINE PÉTROWNA VASSILTCHIKOFF (?), 1801—1851, fille du conseiller privé Pierre Grigoriewitch Démidoff (1740—1826), frère cadet du fondateur du Lycée de Yaroslavl, et de Catherine Alexéewna, née Jérebtzoff (1748—1810), naquit le 19 novembre 1801. Elle épousa le cornette en retraite Nicolas Alexandrowitch Vassiltchikoff (1799—1864), qui, impliqué dans l'affaire des Décabristes, resta sous la surveillance de la police jusqu'en 1839.

Mme Vassiltchikoff eut de ce mariage un fils, Nicolas (1830—1833), et une fille, Catherine (1832—1894), mariée à Samuel Alexandrowitch Pantchoulidzeff. Elle mourut le 10 juillet 1851, et fut inhumée à Moscou, au monastère Simonoff.

(D'après une miniature de A. Mingard, 1826, appartenant à P. Démidoff, St-Pétersbourg.)

АЛЕКСѢЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ВАСИЛЬЧИКОВЪ, 17..—1833, былъ третій сынъ бригадира Василія Алексѣевича (р. 1754 г., † 1830 г.), отъ брака его съ Екатериной Иларіоновной Овцыной (р. 1754 г., † 1832 г.), родной братъ извѣстнаго князя Иларіона Васильевича. Свѣдѣній о немъ сохранилось очень немного. Извѣстно только, что онъ былъ дѣйствительнымъ камергеромъ, числился по вѣдомству Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ и былъ кавалеромъ въ знаменитомъ посольствѣ графа Головкина въ Китай, въ 1805 г., но доѣхалъ только до Маймачина и, при сокращеніи свиты посла, попалъ въ число уѣхавшихъ обратно въ Петербургъ. Въ 1812 г. Васильчиковъ былъ Новгородскимъ губернаторомъ. Можетъ-быть, онъ же, во время Отечественной войны, служилъ въ Новгородскомъ ополченіи, но вообще, когда говорится объ Алексѣѣ Васильевичѣ Васильчиковѣ, трудно опредѣлить, что относится къ нему, а что—къ его однофамильному троюродному брату, Алексѣю Васильевичу Васильчикову, женатому на А. И. Архаровой, тоже служившему въ вѣдомствѣ Иностранныхъ дѣлъ и имѣвшему званіе дѣйствительнаго камергера, а позднѣе бывшаго дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ (см. т. III, № 206). Алексѣй Васильевичъ Васильчиковъ, подъ именемъ 2-го, въ чинѣ тайнаго совѣтника, былъ сенаторомъ и засѣдалъ съ 1829 по 1832 г. въ 5 Департаментѣ, а въ 1833 г. въ Общемъ Собраніи Сената. Въ Сенатскомъ архивѣ формулярнаго списка его не найдено. Тамъ признаютъ только одного Васильчикова и, повидимому, смѣшали вмѣстѣ обоихъ.

Вигель, товарищъ Васильчикова по посольству графа Головкина, посвятилъ ему слѣдующія строки въ своихъ Запискахъ: „Алексѣй Васильевичъ былъ одинъ изъ тѣхъ четырехъ братьевъ Васильчиковыхъ, изъ коихъ Иларіонъ Васильевичъ болѣе всѣхъ возвысился въ почестяхъ и сдѣлался извѣстнѣе. Ихъ рыцарями назвать было не можно: имя благородныхъ витязей имъ было приличнѣе, ибо всѣ они были русскіе дворяне въ душѣ, и давно уже Псковская губернія гордится ихъ родомъ. Нашъ Васильчиковъ былъ не слишкомъ высокаго ума, зато высокъ былъ онъ сердцемъ, и если бъ одного усердія, прилежанія было достаточно, чтобъ сдѣлаться искуснымъ въ дѣлахъ гражданской службы, то могъ бы онъ быть со временемъ лучшимъ изъ нашихъ государственныхъ людей“.

(Съ акварельнаго портрета П. Соколова; собственность М. В. Воейковой, въ СП.-етербургѣ.)

ALEXIS VASSILIEWITCH VASSILTCHIKOFF, 17..—1833, troisième fils du brigadier Basile Alexéewitch Vassiltchikoff (1754—1830) et de Catherine Ilarionowna, née Ovtzyne (1754—1832), était frère du célèbre prince Hilarion Vassiltchikoff. De sa vie on ne connaît presque rien; on sait seulement qu'il fut chambellan actuel, fonctionnaire au Collège des Affaires étrangères et chevalier de la fameuse ambassade du comte Golovkine en Chine, en 1805: il fut, du reste, rappelé à Pétersbourg lors de la réduction de l'escorte, sans avoir dépassé Maïmatchine. Gouverneur de Novgorod en 1812, peut-être est-ce lui qui fit la Guerre Patriotique avec la milice de cette ville; mais, quand il s'agit d'Alexis Vassiliewitch Vassiltchikoff, on a peine à le distinguer d'un cousin issu de germain qui épousa Alexandrine Arkharoff, portant identiquement les mêmes noms, également fonctionnaire aux Affaires étrangères, également chambellan actuel, et plus tard conseiller privé actuel et sénateur (v. T. III, № 206). Un Alexis Vassiliewitch Vassiltchikoff, dit 2e, conseiller privé, fut sénateur et siégea de 1829 à 1832 au 5e département et en 1833 à l'Assemblée plénière du Sénat. Les Archives du Sénat, où on n'a pu retrouver ses états de service, ne connaissent qu'un Vassiltchikoff, et confondent probablement les deux.

Wiegel, qui fit partie avec Vassiltchikoff de l'ambassade du comte Golovkine, lui consacre dans ses Mémoires les lignes suivantes: „C'était un des quatre frères Vassiltchikoff dont le plus heureux dans la carrière et le plus connu fut Hilarion. On ne saurait les qualifier de chevaliers: l'appellation de nobles paladins convient mieux à ces aristocrates russes dans l'âme qui font depuis longtemps la gloire du gouvernement de Pskoff. Notre Vassiltchikoff n'était pas d'un esprit élevé, mais il avait en revanche le cœur haut placé, et, si c'était assez d'un zèle et d'une application soutenus pour devenir un fonctionnaire civil de valeur, il eût pu faire avec le temps un de nos meilleurs hommes d'état".

(D'après une aquarelle de P. Sokoloff, appartenant à Mme M. Voéïkoff, St-Pétersbourg.)

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ВАСИЛЬЧИКОВЪ, 1781—1849, младшій сынъ бригадира Василія Алексѣевича (р. 1754 г., † 1830 г.), отъ брака съ Екатериной Иларіоновной Овцыной (р. 1754 г., † 1832 г.), братъ князя Иларіона Васильевича, дослужился въ военной службѣ до чина генералъ-майора; былъ Луганскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Затѣмъ, въ 1830-хъ годахъ, въ чинѣ дѣйств. статскаго совѣтника, былъ Орловскимъ губернаторомъ. Жалобы о безпорядкахъ въ губерніи и слухи о незаконо̀мѣрныхъ дѣйствіяхъ самого губернатора вызвали назначеніе ревизіи сенатора Д. Н. Бѣгичева, при чемъ ревизующему сенатору предлагалось „произвести изслѣдованіе о всѣхъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ“ губернатора Васильчикова, „равно и о справедливости слуховъ“. Ревизія Орловской губерніи обнаружила безпорядки и упущенія. Государь приказалъ отдать подъ судъ Васильчикова. Впрочемъ, Бѣгичевъ не признавалъ губернатора виновнымъ и сдѣлалъ только заключеніе, что всѣ безпорядки въ губерніи „ясно открываютъ его совершенную неспособность и незнаніе дѣла“. 12 Января 1841 г., Васильчиковъ былъ уволенъ отъ должности губернатора и преданъ суду Правительствующаго Сената, который, однако, тоже его оправдалъ по обвиненіи въ злоупотребленіяхъ, признавъ возможнымъ только поставить ему на видъ, что слѣдовало имѣть „больше вниманія и осмотрительности“. Это рѣшеніе, Высочайше утвержденное, послѣдовало въ 1846 году.

Н. В. Васильчиковъ былъ женатъ на графинѣ Елизаветѣ Максимовнѣ Пребстингъ, бывшей въ первомъ бракѣ за Ганомъ, и имѣлъ сына Николая (р. 1816 г., † 1843 г.) и дочь Екатерину (р. 1818 г., † 1895 г.), бывшую въ замужствѣ за Дмитріемъ Николаевичемъ Ермоловымъ.

(Съ акварельнаго портрета П. Соколова; собственность М. В. Воейковой, въ С.-Петербургѣ.)

NICOLAS VASSILIEWITCH VASSILTCHIKOFF, 1781—1849, fils cadet du brigadier Basile Alexéewitch Vassiltchikoff (1754—1830) et de Catherine Ilarionowna, née Ovtzyne (1754—1832), était frère du célèbre prince Hilarion Vassiltchikoff. Il parvint au grade de général major et fut maréchal de la noblesse du district de Louga. Passé au service civil, il était, après 1830, gouverneur d'Orel avec rang de conseiller d'état actuel, lorsqu'il y eut des plaintes au sujet de désordres dans l'administration et des bruits d'actes illicites du gouverneur lui-même. Le sénateur Béguitcheff fut envoyé sur les lieux avec mission de „faire une enquête sur tous les actes et mesures" incriminés, „et aussi sur les bruits sérieux". A la suite des désordres et négligences que fit découvrir cette revision, l'Empereur décréta Vassiltchikoff d'accusation. D'ailleurs, sans relever de charges contre lui, le reviseur faisait simplement observer que toutes les irrégularités constatées „témoignaient nettement de sa complète incapacité et de son incompétence". Aussi fut-il relevé de ses fonctions le 12 janvier 1841 et renvoyé devant le Sénat, qui l'acquitta sur le chef d'abus, mais en lui infligeant un blâme pour „son manque d'attention et de circonspection". La sentence fut ratifiée par l'Empereur en 1846.

Vassiltchikoff épousa la comtesse Elisabeth Maximowna Prœbsting, en premières noces Mme Hahn, dont il eut un fils, Nicolas (1816—1843), et une fille, Catherine (1818—1895), mariée à Dmitri Nikolaewitch Ermoloff.

(D'après une aquarelle de P. Sokoloff, appartenant à Mme M. Voeïkoff, St-Pétersbourg.)

238

Николай Александровичъ Васильчиковъ, 1799 — 1864

Nicolas Alexandrowitch Vassiltchikoff, 1799 — 1864

239

Пис. А. Мингаръ, 1826 — Peint par A. Mingard, 1826

Екатерина Петровна Васильчикова (?), 1801 — 1851

Catherine Pétrowna Vassiltchikoff (?), 1801 — 1851

240

Пис. Соколовъ *Peint par Sokoloff*

Алексѣй Васильевичъ Васильчиковъ, 17 .. — 18 ..

Alexis Vassiliewitch Vassiltchikoff, 17 .. — 18 ..

241

Пис. Соколовъ *Peint par Sokoloff*

Николай Васильевичъ Васильчиковъ, 1781 — 1849

Nicolas Vassiliewitch Vassiltchikoff, 1781 — 1849

РУССКИЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

БИБЛИОТЕКА
Пермской [illegible]
Худож[illegible] Галлереи
№ 3966

МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ МОРДВИНОВЪ, 1732—1782, сынъ Ивана Аѳанасьевича Мордвинова, родился 5 Ноября 1732 г. и, по окончаніи образованія въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ въ 1747 г., поступилъ въ инженерныя войска. Назначенный начальникомъ инженерной и артиллерійской школъ, онъ преобразовалъ эти школы въ Артиллерійскій и Инженерный корпусъ и въ 1775 г. основалъ, подъ именемъ „Гимназіи Чужестранныхъ Единовѣрцевъ“, особый корпусъ, называвшійся въ просторѣчіи „Греческимъ“, для воспитанія дѣтей грековъ. Съ 1774 по 1780 г. Мордвиновъ, съ титуломъ „инженеръ-генерала“, управлялъ всею инженерною частью и всѣми сухопутными и водяными сообщеніями въ Россіи. 1 Января 1780 г. Мордвиновъ былъ уволенъ отъ должности инженеръ-генерала, съ оставленіемъ лишь „при управленіи и наблюденіи надъ Артиллерійскимъ и Инженернымъ кадетскимъ корпусомъ, надъ Гимназіею Чужестранныхъ Единовѣрцевъ и при другихъ, ему порученныхъ, комиссіяхъ“.

Мордвиновъ умеръ 7 Октября 1782 года. Отъ брака съ Екатериной Александровной Саблуковой Мордвиновъ имѣлъ сыновей, Дмитрія, Николая и Владиміра, и 2 дочерей: Александру (въ замужствѣ за Н. Н. Муравьевымъ), Варвару (въ первомъ бракѣ за Александромъ Ѳедоровичемъ Муравьевымъ, во второмъ — за Павломъ Марковичемъ Полторацкимъ).

(Съ портрета, принадлежавшаго князю А. В. Шаховскому; с. Бѣлая Колпь, Московской губ.)

MICHEL IVANOWITCH MORDVINOFF, 1732—1782, fils d'Ivan Afanassiewitch Mordvinoff, naquit le 5 novembre 1732, et, à sa sortie du Corps des Cadets en 1747, prit du service dans le génie. Nommé directeur des écoles d'artillerie et du génie, il en fit le Corps d'Artillerie et du Génie, et fonda en 1775, sous le nom de Gymnase des dissidents étrangers, un Corps spécial destiné aux enfants d'origine grecque et couramment dénommé pour cette raison le Corps Grec. De 1774 à 1780, il eut sous sa direction, avec le titre de „général-ingénieur", tout le génie et toutes les communications terrestres et fluviales de Russie. Relevé le 1er janvier 1780 de ses fonctions de général-ingénieur, il ne conserva que „la direction et la surveillance du Corps d'Artillerie et du Génie et du Gymnase des dissidents étrangers, ainsi que ses autres fonctions". Mordvinoff mourut le 7 octobre 1782. Il avait épousé Catherine Alexandrowna Sabloukoff, dont il eut plusieurs fils, Dmitri, Nicolas, Vladimir, et deux filles, Alexandrine, mariée à N. Mouravieff, et Varvara, mariée en premières noces à Alexandre Féodorowitch Mouravieff, et en secondes noces à Paul Markowitch Poltoratzky.

(D'après un original ayant appartenu au prince A. Schakhowskoï, Bélaïa Kolp, gouv. de Moscou.)

НИКОЛАЙ ЕРОѲЕЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ, 17..—1770, сынъ подполковника Ероѳея Ѳедоровича († 1739 г.), получилъ образованіе въ Сухопутномъ шляхетномъ корпусѣ, куда поступилъ въ 1738 г., а въ 1750 г. выпущенъ изъ него инженеръ-поручикомъ и, какъ лучшій ученикъ, оставленъ при немъ въ качествѣ преподавателя фортификаціи. Въ 1752 г. онъ выпустилъ въ свѣтъ первую часть „Начальнаго основанія математики“ (вторая часть осталась неизданной), одного изъ первыхъ по времени русскихъ математическихъ сочиненій. По словамъ Н. И. Новикова, Муравьевъ въ молодости писалъ „весьма изрядныя стихотворенія, а особливо пѣсни, которыя весьма много похваляются“. Въ 1761 г. онъ былъ уже инженеръ-генералъ-майоромъ, а въ 1764 г. назначенъ Главнымъ директоромъ при строеніи государственныхъ дорогъ. Въ 1766 г. Н. Е. Муравьевъ принялъ участіе въ составленіи инструкціи о Генеральномъ межеваніи земель, а въ 1767 г., въ качествѣ депутата отъ Вотской пятины, засѣдалъ въ Комиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія и былъ въ числѣ 5 лицъ, баллотировавшихся при ея открытіи въ маршалы или предсѣдатели ея. Послѣдніе годы своей жизни онъ былъ генералъ-поручикомъ, сенаторомъ и Рижскимъ генералъ-губернаторомъ. Лифляндское дворянство приняло его родъ въ число родовъ Ливонскаго рыцарства. Незадолго до смерти Муравьевъ отправился за границу для лѣченія и въ 1770 г. скончался въ Монпелье. Тѣло его было перевезено на родину и погребено въ родовомъ имѣніи, селѣ Мроткинѣ, Лужскаго уѣзда. По отзыву его внука, Н. Н. Муравьева-Карсскаго, Н. Е. Муравьевъ былъ человѣкъ умный и ученый, и въ зрѣломъ возрастѣ продолжавшій свое образованіе. Екатерина II называла его умъ математическимъ и, по преданію, питала такое довѣріе къ его безкорыстію, что однажды возвратила ему надорваннымъ представленный имъ отчетъ по какой-то постройкѣ, сказавъ, что, имѣя совершенное къ нему довѣріе, не желаетъ повѣрять его распоряженій.

Н. Е. Муравьевъ былъ женатъ на Аннѣ Андреевнѣ Волковой, послѣ его смерти вступившей во второй бракъ съ княземъ Александромъ Васильевичемъ Урусовымъ, и имѣлъ единственнаго сына, Николая (р. 1768 г., † 1840 г.), основателя Училища колонновожатыхъ и отца 3 сыновей: декабриста, покорителя Карса и усмирителя Польскаго возстанія.

(Съ портрета, принадлежавшаго князю А. В. Шаховскому, с. Бѣлая Колпь, Московской губ.)

NICOLAS ÉROFÉEWITCH MOURAVIEFF, 17..—1770, fils d'un lieutenant-colonel mort en 1739, fit ses études au Corps des Cadets, où il entra en 1738; sorti en 1750 lieutenant du génie et le premier de sa promotion, il y resta comme professeur de fortification. Il publia en 1752 la première partie, la seule parue, de ses Principes fondamentaux de Mathématiques, un des plus vieux ouvrages de mathématiques de Russie. Au témoignage de Novikoff, il aurait fait dans sa jeunesse „des vers fort bien tournés, et surtout des chansons dont on dit grand bien". Général major du génie dès 1761, il fut nommé en 1764 directeur général de la construction des routes nationales. Il coopéra en 1766 à la rédaction de l'instruction relative au Cadastre général, puis, en 1767, député d'une région du gouvernement de Novgorod à la Commission du projet de Code, fut un des cinq maréchaux, ou présidents, élus dans son sein. Les dernières années de sa vie, il fut général lieutenant, sénateur et général gouverneur de Riga. Sa famille fut admise par la noblesse livonienne à la Chevalerie de Livonie. Il mourut en 1770 à Montpellier, où il venait d'arriver en vue d'y faire une cure; sa dépouille fut ramenée en Russie et inhumée dans son bien patrimonial de Mrotkine, district de Louga. Son petit-fils Mouravieff-Karssky le représente comme un homme intelligent, un savant, qui ne cessa jamais de s'instruire. Catherine II lui trouvait l'esprit mathématique et avait, dit-on, tant de confiance dans son désintéressement, qu'elle lui retourna un jour un devis de bâtiment déchiré en ajoutant qu'elle était parfaitement sûre de sa probité et n'avait pas besoin de contrôler ses comptes.

Mouravieff avait épousé Anne Andréewna Volkoff, qui, veuve de lui, se remaria au prince Alexandre Vassiliewitch Ouroussoff. Il eut d'elle un fils unique, Nicolas (1768—1840), fondateur de l'Ecole des Guides, père de trois fils, le décabriste, le vainqueur de Kars et le pacificateur de la Pologne.

(D'après un original ayant appartenu au prince A. Schakhowskoï, Bélaïa Kolp, gouv. de Moscou.)

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галлереи
№ 3966

АНАСТАСІЯ МИХАЙЛОВНА ЗАГРЯЖСКАЯ, 1728—1779, дочь князя Михаила Михайловича Голицына младшаго, генералъ-адмирала русскаго флота (р. 1685 г., † 1764 г.), отъ второго брака его съ Татьяной Кирилловной Нарышкиной (р. 1704 г., † 1757 г.), родилась 17 Сентября 1728 года. Замужемъ была съ 13 Ноября 1758 года за гвардіи майоромъ Николаемъ Артемьевичемъ Загряжскимъ (р. 1729 г., † 1788 г.). Бракъ былъ бездѣтный.

Скончалась А. М. Загряжская въ Москвѣ, на 51 году, 11 Мая 1779 года и похоронена въ Донскомъ монастырѣ, въ церкви во имя Донской Божіей Матери. На стѣнѣ церкви, передъ надгробной плитой находится ея портретъ, писанный масляными красками.

(Съ портрета Рокотова; собственность князя С. М. Голицына, с. Кузьминки, Московской губ.)

244

ANASTASIE MIKHAÏLOWNA ZAGRIAJSKY, 1728—1779, fille du prince Michel Mikhaïlowitch Golitzyne jeune (1685—1764), général amiral de la flotte russe, et de sa seconde femme, Tatiana Kirillowna Narychkine (1704—1757), naquit le 17 septembre 1728. Elle épousa le 13 novembre 1758 le major de la Garde Nicolas Artémiewitch Zagriajsky (1729—1788), dont elle n'eut pas d'enfants.

Mme Zagriajsky mourut à Moscou dans sa 51e année le 11 mai 1779, et fut inhumée au monastère Donskoï, dans l'église Notre-Dame-du-Don, où l'on voit son portrait à l'huile sur le mur en face de sa tombe.

(D'après un original de Rokotoff, appartenant au prince S. Golitzyne, Kouzminki, gouv. de Moscou.)

НИКОЛАЙ АРТЕМЬЕВИЧЪ ЗАГРЯЖСКІЙ, 1729—1788, сынъ генералъ-аншефа Артемія Григорьевича (р. 1674 г., † 1754 г.), отъ брака его съ княжной Анастасіей Борисовной Барятинской (р. 1699 г.), служилъ въ Конной гвардіи и въ 1758 г. былъ въ чинѣ секундъ-майора. Дослужившись до чина генералъ-майора, онъ скончался 24 Декабря 1788 г. и погребенъ въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ.

Съ 13 Ноября 1758 г. Н. А. Загряжскій былъ женатъ на княжнѣ Анастасіи Михайловнѣ Голицыной (р. 1728 г., † 1779 г.), но потомства не оставилъ.

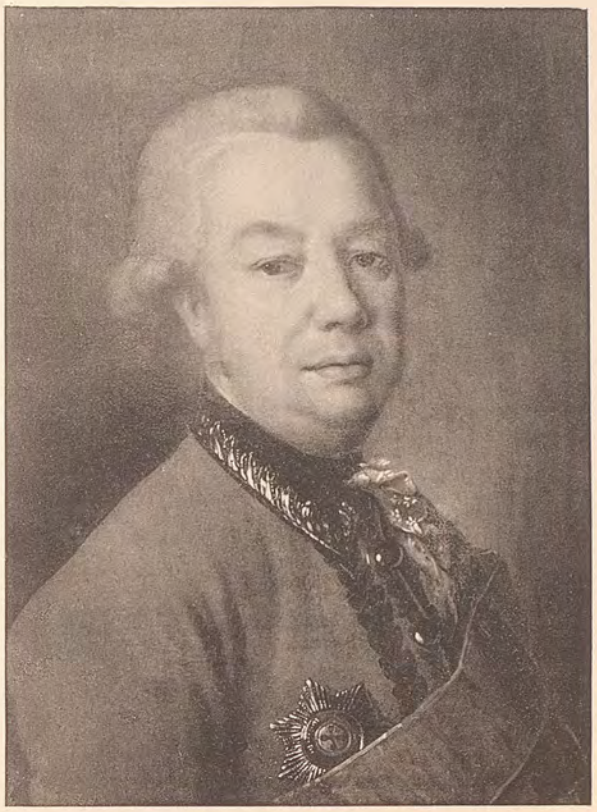
(Съ портрета Рокотова; собственность князя С. М. Голицына, с. Кузьминки, Московской губ.)

NICOLAS ARTÉMIEWITCH ZAGRIAJSKY, 1729—1788, fils du général en chef Arthème Grigoriewitch Zagriajsky (1674—1754) et de la princesse Anastasie Borissowna, née Bariatinsky (née 1699), servit dans la Garde à cheval, où il était second major en 1758. Il parvint au grade de général major, mourut le 24 décembre 1788, et fut inhumé au monastère Donskoï, à Moscou.

Zagriajsky avait épousé le 13 novembre 1758 la princesse Anastasie Mikhaïlowna Golitzyne (1728—1779), qui ne lui donna pas de postérité.

(D'après un original de Rokotoff, appartenant au prince S. Golitzyne, Kouzminki, gouv. de Moscou.)

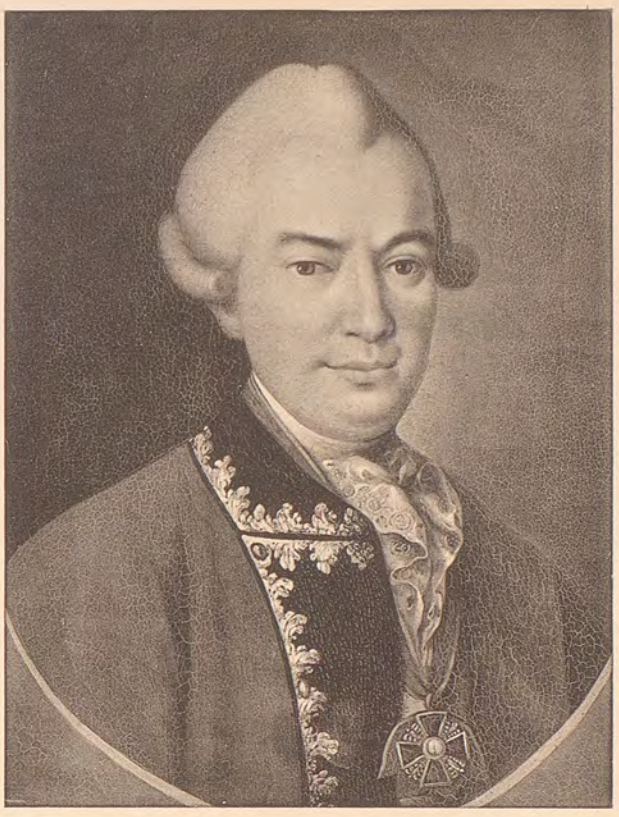
242



Михаилъ Ивановичъ
Мордвиновъ,
1725 — 1782

Michel Ivanowitch
Mordvinoff,
1725 — 1782

243



Николай Ерофеевичъ
Муравьевъ,
17 . . — 1770

Nicolas Eroféewitch
Mouravieff,
17 . . — 1770

244

Пис. Рокотовъ

Peint par Rokotoff

Анастасія Михайловна
Загряжская,
1728 — 1779

Anastasie Mikhaïlowna
Zagriajsky,
1728 — 1779

245

Пис. Рокотовъ

Peint par Rokotoff

Николай Артемiевичъ
Загряжскiй,
1729 — 1788

Nicolas Artémiewitch
Zagriajsky,
1729 — 1788

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галлереи
№ 3966

АЛЕКСѢЙ НАУМОВИЧЪ СЕНЯВИНЪ, 1722—1797, сынъ сподвижника Петра Великаго вице-адмирала Наума Якимовича, отъ брака его съ Ненилой Ѳедоровной Языковой, родился 5 Октября 1722 года; 12 лѣтъ отъ роду началъ онъ службу во флотѣ за заслуги отца прямо съ чина мичмана. Прослуживъ съ 1734 г. по 1762 г., Сенявинъ вышелъ въ отставку въ чинѣ капитана 1 ранга. Въ 1766 г. онъ вновь поступилъ на службу и былъ назначенъ генералъ-казначеемъ, но черезъ 2 года вернулся на морскую службу. Переименованный въ контръ-адмиралы, Сенявинъ получилъ порученіе построить на старыхъ Петровскихъ верфяхъ на Дону суда, которыя могли бы пройти въ Азовское и Черное моря. Новый родъ судовъ (такъ называемые „новоизобрѣтенные корабли“, или, по выраженію Екатерины II, „нововыдумленныя суда“), удовлетворявшій условіямъ плаванія на мелководныхъ мѣстахъ и боевымъ требованіямъ, былъ готовъ въ 1771 г. и помогъ овладѣть Крымомъ. Въ 1773 г. А. Н. Сенявинъ со своей флотиліей успѣшно дѣйствовалъ на Черномъ морѣ, а въ 1774 г. отразилъ у Керченскаго пролива нападеніе Турецкаго флота и, несмотря на неравенство силъ, принудилъ его отступить. Вице-адмиралъ съ 1769 г. и адмиралъ съ 1775 г., онъ въ 1788 г. вышелъ въ отставку по болѣзни, но въ 1794 г. былъ назначенъ членомъ Адмиралтействъ-Коллегіи; 30 Ноября 1794 г. онъ получилъ орденъ св. Андрея, а 22 Сентября 1795 г.—Владиміра 1 ст. за „ревностные труды по управленію дѣлъ Морского департамента, особливо же по разнымъ вооруженіямъ флотовъ“.

А. Н. Сенявинъ скончался 11 Августа 1797 г. и погребенъ на Тихвинскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Отъ брака съ Анной-Елизаветой фонъ Брадке (р. 1733 г., † 1776 г.) онъ имѣлъ одного сына, Григорія (флота капитанъ-командоръ; р. 1767 г., † 1831 г.), и 4 дочерей: Анну (р. 1768 г., † 1820 г.), Екатерину († 1784 г.; въ замужствѣ за графомъ Семеномъ Романовичемъ Воронцовымъ), Анастасію (за Василіемъ Ивановичемъ Нелидовымъ) и Марію (р. 1772 г., † 1822 г.; за Александромъ Львовичемъ Нарышкинымъ).

(Съ портрета Рокотова; собственность графини Е. И. Воронцовой-Дашковой, въ Одессѣ.)

246

ALEXIS NAOUMOWITCH SÉNIAVINE, 1722—1797, fils du vice-amiral, compagnon d'armes de Pierre-le-Grand, et de Nénila Féodorowna, née Yazykoff, naquit le 5 octobre 1722, et fut enrôlé d'emblée enseigne de marine à 12 ans en considération des services de son père. Admis à la retraite capitaine de 1er rang en 1762, il reprit du service en 1766 comme trésorier général, mais rentra au bout de deux ans dans la marine: il y permuta contre-amiral, et fut chargé de construire, aux docks jadis créés par Pierre-le-Grand sur le Don, des vaisseaux capables de tenir la mer sur les mers Noire et d'Azoff. Ces bâtiments, dits alors „nouveau modèle", adaptés pour la navigation dans les parages de hauts-fonds et pour les nécessités du temps de guerre, furent prêts en 1771 et coopérèrent à la conquête de la Crimée. A la tête de sa flottille, Séniavine opéra avec succès en 1773 sur la Mer Noire, puis, l'année suivante, repoussa, dans le détroit de Kertch, une attaque de la flotte turque, qui fut contrainte à la retraite, malgré l'infériorité numérique des Russes. Vice-amiral en 1769, amiral en 1775, il donna sa démission en 1788 pour raisons de santé, mais fut nommé en 1794 membre du Collège des Amirautés; il fut ensuite décoré, le 30 novembre 1794 de St-André et le 22 septembre 1795 de St-Vladimir de 1re classe, „pour le zèle qu'il avait apporté à la direction des affaires du département de la Marine, et en particulier à diverses questions d'armement".

Séniavine mourut le 11 août 1797, et fut inhumé au cimetière de Tikhvine, au monastère d'Alexandre Newsky. Il avait épousé Anne-Elisabeth von Bradke (1733—1776), dont il eut un fils, Grégoire (1767—1831), capitaine commandeur de marine, et quatre filles, Anne (1768—1820), Catherine († 1784), mariée au comte Simon Romanowitch Worontzoff, Anastasie à Basile Ivanowitch Nélidoff, et Marie (1772—1822) à Alexandre Lvowitch Narychkine.

(D'après un original de Rokotoff, appartenant à la comtesse E. Worontzoff-Dachkoff, Odessa.)

ѲЕДОРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ УШАКОВЪ, 1745—1817, сынъ Ѳедора Игнатьевича Ушакова, владѣвшаго с. Бурнаковымъ, въ Романовскомъ уѣздѣ, происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода; воспитывался въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Ушаковъ участвовалъ въ первой и во второй Турецкихъ войнахъ, но игралъ второстепенную роль, пока, въ 1790 г., не былъ назначенъ начальникомъ Черноморскаго флота. Онъ прославился бомбардировкой Синопа и побѣдой надъ турками у Гаджибея. Въ 1798 г., уже въ союзѣ съ турками, онъ дѣйствовалъ противъ французовъ въ Средиземномъ морѣ, взялъ штурмомъ крѣпость Корфу и занялъ всѣ Іоническіе острова. Пожалованный въ 1800 г. въ адмиралы, Ушаковъ возвратился въ Россію и въ 1802 г. былъ назначенъ командиромъ Балтійскаго учебнаго флота. Уволенный въ 1807 г. отъ службы, за болѣзнью, онъ провелъ послѣдніе годы жизни въ своемъ Темниковскомъ имѣніи, гдѣ и умеръ въ Октябрѣ 1817 года.

Суворовъ любилъ и уважалъ Ушакова, какъ „грозу турокъ, потрясшаго Константинополь и Дарданеллы“, называлъ его не иначе какъ своимъ „другомъ“. На самомъ дѣлѣ, было много общаго между Ушаковымъ и знаменитымъ генералиссимусомъ. Страшный для турокъ „Ушакъ-паша“ былъ и искуснымъ военачальникомъ, и храбрымъ воиномъ. Подобно Суворову, Ушаковъ въ большихъ чинахъ оставался простымъ русскимъ человѣкомъ, съ тѣми вкусами и привычками, которые онъ вынесъ изъ темниковскаго захолустья. Онъ любилъ богослуженіе и ежедневно выстаивалъ всѣ церковныя службы. Подобно Суворову, Ѳ. Ѳ. Ушаковъ отличался различными странностями и причудами. Къ числу особенностей характера Ушакова принадлежалъ необыкновенный страхъ передъ женщинами. Въ присутствіи женщины храбрый адмиралъ „приходилъ въ страшное замѣшательство, не зналъ, что говорить, что дѣлать, стоялъ на одной ногѣ, вертѣлся, краснѣлъ“. Подъ конецъ жизни онъ сталъ вообще чуждаться людей и умеръ въ деревнѣ, одинокій и всѣми забытый.

(Съ портрета, находящагося въ Морскомъ корпусѣ, въ С.-Петербургѣ.)

247

THÉODORE FÉODOROWITCH OUCHAKOFF, 1745—1817, fils de Théodore Ignatiewitch Ouchakoff, le propriétaire du bourg de Bournakovo, gouvernement de Yaroslavl, descendait d'une vieille famille noble. Il passa par l'Ecole Navale, puis fit la première et la seconde guerres de Turquie, mais sans jouer qu'un rôle secondaire, jusqu'au jour où il fut nommé en 1790 chef de la flotte de la Mer Noire. Ses premiers titres de gloire furent le bombardement de Sinope et la victoire de Hadji-Bey sur les Turcs. Puis, en 1798, alors avec le concours des Turcs, il opéra contre les Français dans la Méditerranée, enleva Corfou d'assaut et occupa toutes les Iles Ioniennes. Amiral en 1800, il rentra en Russie et fut nommé commandant de la flotte-école de la Baltique. Il fut mis à la retraite en 1807 pour raisons de santé, et passa ses dernières années dans son domaine de Temnikovo, où il mourut en octobre 1817.

Ouchakoff, „redoutable aux Turcs et qui avait fait trembler Constantinople et les Dardanelles", était aimé et estimé de Souvoroff, qui ne l'appelait jamais autrement que son ami. Et de fait, entre le grand capitaine et Ouchak-Pacha, la terreur des Turcs, l'officier de valeur, intrépide au feu, il y avait bien des points communs. Comme Souvoroff, Ouchakoff conservait, au rang éminent où il était parvenu, la bonne simplicité russe, avec tous les goûts et habitudes de son ermitage de Temnikovo. Il aimait le service divin et entendait chaque jour tous les offices d'un bout à l'autre. Comme Souvoroff, il avait des bizarreries et des excentricités. Entre autres singularités, les femmes lui inspiraient une appréhension particulière: en présence d'une dame, le brave amiral „était pris d'un trouble affreux, ne sachant que dire ni que faire, se posant sur une jambe et sur l'autre, rougissant et perdant contenance". Sur ses vieux jours, il finit d'ailleurs par devenir tout à fait sauvage, et mourut dans sa campagne, solitaire et complètement oublié.

(D'après un original conservé à l'Ecole Navale, St-Pétersbourg.)

Князь **ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ НЕСВИЦКІЙ**, 17..—1806, третій сынъ вице-адмирала князя Василія Ѳедоровича (р. 1704 г., † 1771 г.), женатаго на Богданѣ Ивановнѣ Ушаковой. Князь И. В. Несвицкій служилъ въ Конной гвардіи, и въ то время, когда его отецъ былъ С.-Петербургскимъ губернаторомъ, онъ, въ чинѣ секундъ-ротмистра, былъ въ числѣ сторонниковъ Императрицы Екатерины и способствовалъ возведенію ея на престолъ. Въ день коронаціи онъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры. Оставивъ черезъ 2 года л.-гв. Конный полкъ, князь Несвицкій былъ пожалованъ въ камергеры, затѣмъ въ тайные совѣтники и получилъ въ 1777 г. орденъ св. Анны 1-й степени. Позднѣе Несвицкій былъ сдѣланъ оберъ-шенкомъ и пожалованъ 22 Сентября 1793 г. Александровской звѣздой, а въ Апрѣлѣ 1797 г.—лентой св. Андрея Первозваннаго.

Князь И. В. Несвицкій былъ женатъ на Анастасіи Ивановнѣ, фамилія которой неизвѣстна, но дѣтей не имѣлъ.

Умеръ онъ 15 Апрѣля 1806 года. Со смертью его и его трехъ братьевъ эта линія князей Несвицкихъ пресѣклась въ мужскомъ поколѣніи.

(Съ миніатюры, принадлежащей Великому Князю Николаю Михаиловичу.)

Le prince **IVAN VASSILIEWITCH NÉSVITZKY**, 17..—1806, troisième fils du prince Basile Féodorowitch Nésvitzky (1704—1771), vice-amiral, et de Bogdane Ivanowna, née Ouchakoff, servit dans la Garde à cheval. Son père était gouverneur de St-Pétersbourg lors du coup d'état de 1762; lui-même, capitaine de cavalerie en second, fut des partisans de Catherine et coopéra à son élévation au Trône. Le jour du couronnement, il fut fait gentilhomme de la chambre. Il quitta le régiment deux ans plus tard pour devenir chambellan, puis conseiller privé, et fut décoré en 1777 de Ste-Anne de 1re classe. Il fut dans la suite grand échanson et reçut le 22 septembre 1793 l'étoile de St-Alexandre, et en avril 1797 le cordon de St-André.

Le prince Nésvitzky épousa Anastasie Ivanowna (nom de famille inconnu), dont il n'eut pas d'enfants. Il mourut le 15 avril 1806. Avec sa mort et celle de ses trois frères, cette branche princière s'éteignit dans la ligne masculine.

(D'après une miniature appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

АЛЕКСѢЙ ИВАНОВИЧЪ НАГАЕВЪ, 1704—1781, потомокъ дворянскаго рода татарскаго происхожденія, вышелъ изъ небогатой семьи и родился въ Мартѣ 1704 г. въ селѣ Сертыкинѣ, Московской губерніи. Одиннадцати лѣтъ поступилъ онъ въ Морскую академію и въ 1721 г. произведенъ въ мичманы. Нагаевъ сдѣлалъ нѣсколько плаваній изъ Кронштадта въ Архангельскъ и обратно; въ одно изъ этихъ плаваній фрегатъ, которымъ онъ командовалъ, затонулъ, и Нагаевъ былъ отданъ подъ судъ, но оправданъ. Въ 40-хъ годахъ онъ былъ совѣтникомъ Академической Экспедиціи, а съ 1757 по 1761 г. директоромъ Морского шляхетнаго корпуса, въ образованіи котораго принималъ участіе. Въ 1762 г. Нагаевъ назначенъ былъ членомъ комиссіи для приведенія флота въ лучшее состояніе и произведенъ въ контръ-адмиралы; въ 1764 г. получилъ чинъ вице-адмирала и назначенъ главнымъ командиромъ Кронштадтскаго порта; въ 1765 г. награжденъ орденомъ св. Анны и назначенъ членомъ Адмиралтействъ-Коллегіи; въ 1767 г. засѣдалъ въ Комиссіи для составленія проэкта уложенія въ качествѣ депутата отъ Васильевскаго острова и Адмиралтействъ-Коллегіи; въ 1769 г. произведенъ въ адмиралы; въ 1773 и 1774 гг., въ отсутствіи графа И. Чернышева, управлялъ коллегіей, а въ 1775 г. уволенъ отъ службы за болѣзнью, съ награжденіемъ орденомъ св. Александра Невскаго.

Нагаевъ былъ однимъ изъ первыхъ русскихъ гидрографовъ и картографовъ; имъ составлены карты: части Каспійскаго моря, Камчатскаго моря и устьевъ Амура, устьевъ рѣки Колымы и Медвѣжьихъ острововъ, Ладожскаго озера, Москвы-рѣки. Главный его трудъ—атласъ картъ Балтійскаго моря, въ теченіе 60 лѣтъ служившій русскимъ морякамъ руководствомъ для плаванія. Большинство картъ, за исключеніемъ картъ Сибирскихъ, было результатомъ его личныхъ изслѣдованій. По словамъ Веревкина, біографа Нагаева, „въ жилищѣ его не было мѣста, не занятаго бумагами, книгами или картами. Только во время сна онъ не имѣлъ въ рукахъ грифеля, пера или карандаша“. Нагаевъ собиралъ также матеріалы для біографій русскихъ моряковъ и письма Петра Великаго, впослѣдствіи изданныя Берхомъ. Скончался онъ въ Петербургѣ 8 Января 1781 года.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

ALEXIS IVANOWITCH NAGAEFF, 1704—1781, descendant d'une famille noble d'origine tatare, naquit de parents peu aisés en mars 1704 au bourg de Sertykino, gouvernement de Moscou. Entré à 11 ans à l'Académie Navale, il fut promu enseigne en 1721. Il fit entre Cronstadt et Arkhangel un certain nombre de croisières, au cours de l'une desquelles la frégate qu'il commandait sombra: mis en jugement, il fut cependant acquitté. Il fut après 1740 conseiller aux bureaux de l'Académie, et, de 1757 à 1761, directeur de l'Ecole Navale, à la réforme de laquelle il coopéra. En 1762 membre de la Commission de perfectionnement de la marine et promu contre-amiral, il devint en 1764 vice-amiral et commandant en chef du port de Cronstadt, fut en 1765 décoré de Ste-Anne et fait membre du Collège des Amirautés, fit partie en 1767 de la Commission du projet de Code comme délégué de Vassili-Ostroff et des Amirautés, passa amiral en 1769, puis fit en 1773 et 1774 l'intérim de la direction du Collège des Amirautés en l'absence du comte I. Tchernycheff, enfin, fut admis à la retraite en 1775 pour raisons de santé et décoré de St-Alexandre Newsky.

Un des premiers hydrographes et cartographes russes, Nagaeff dressa la carte de régions de la Mer Caspienne, de la Mer du Kamtchatka et des bouches de l'Amour, de celles de la Kolyma et des Iles-aux-Ours, du Lac Ladoga, de la Moskova. Son grand travail fut un atlas de la Baltique dont les cartes furent soixante ans en usage dans la marine russe. La plupart de ces cartes, sauf celles de la Sibérie, étaient le résultat de ses explorations personnelles. „Il n'y avait pas un coin chez lui", dit son biographe Vérevkine, „qui ne fût couvert de papiers, de livres et de cartes. Tant qu'il n'était pas au lit, il avait la craie, la plume ou le crayon à la main". Nagaeff recueillit également des matériaux pour la biographie des marins russes et fit une collection de lettres de Pierre-le-Grand publiée plus tard par Berg. Il mourut à Pétersbourg le 8 janvier 1781.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

ЮРІЙ ѲЕДОРОВИЧЪ ЛИСЯНСКІЙ, 1773—1837, участникъ перваго русскаго кругосвѣтнаго путешествія, извѣстный сотрудникъ знаменитаго адмирала Крузенштерна, родился 2 Августа 1773 года. Воспитанникъ Морского корпуса съ 1783 г., Лисянскій 20 Марта 1786 г. былъ произведенъ въ гардемарины. Во время Шведской войны былъ въ крейсерствѣ у Гельсингфорса и на фрегатѣ „Подражиславъ“ участвовалъ въ Гохландскомъ сраженіи; въ 1789 г. былъ произведенъ въ мичманы и участвовалъ, въ этомъ году и въ слѣдующемъ, во всѣхъ крупныхъ морскихъ бояхъ со шведами. Въ 1793 г. произведенъ въ лейтенанты и командированъ въ Англію для службы „волонтеромъ“ на судахъ Англійскаго флота. Здѣсь онъ участвовалъ въ морскихъ сраженіяхъ съ французами и плавалъ около береговъ Африки, Азіи и Америки. По возвращеніи въ Россію, Лисянскій былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты 27 Марта 1798 г. и назначенъ командиромъ фрегата „Автроилъ“. Въ 1803 г., за 18 морскихъ кампаній, получилъ орденъ св. Георгія 4 класса. Въ этомъ же году издалъ переведенную имъ съ англійскаго книгу Клерка „Движеніе флотовъ“. Командуя шлюпомъ „Нева“, отправился вмѣстѣ съ Крузенштерномъ (шлюпъ „Надежда“) въ кругосвѣтное путешествіе, съ цѣлью достичь моремъ береговъ Россійско-Американскихъ колоній; при этомъ онъ заходилъ на острова Тенерифъ и св. Екатерины, въ Бразиліи. Въ 1804 г., обогнувъ мысъ Горнъ, Лисянскій, на Сандвичевыхъ островахъ, отдѣлился отъ шлюпа „Надежда“ и взялъ самостоятельный курсъ на о. Кадьякъ, потомъ отправился къ Ситхѣ, гдѣ оказалъ помощь главному начальнику русскихъ Сѣверо-Американскихъ колоній, Баранову, въ возвращеніи взятаго и разореннаго калошами г. Новоархангельска. Въ 1805 г., на возвратномъ пути, открылъ острова Лисянскаго и Крузенштерна и въ Кантонѣ опять соединился съ „Надеждой“. Обогнувъ мысъ Доброй Надежды, послѣ 142-дневнаго плаванія, Лисянскій пришелъ въ Портсмутъ, а оттуда 26 Іюня 1806 г. возвратился въ Кронштадтъ и былъ произведенъ въ капитаны 2 ранга. Въ 1809 г., 8 Января, Лисянскій былъ уволенъ отъ службы. Въ 1812 г. онъ издалъ описаніе своего кругосвѣтнаго плаванія, обнаруживъ выдающуюся наблюдательность. Заглавіе книги: „Путешествіе вокругъ свѣта въ 1803, 1804, 1805 и 1806 годахъ“, съ приложеніемъ обстоятельнаго и точнаго Атласа. Позднѣе свое сочиненіе Лисянскій перевелъ на англійскій языкъ и издалъ въ Лондонѣ въ 1814 году. Книги эти въ настоящее время довольно рѣдки, а имя путешественника предано незаслуженному забвенію. Насколько помнятъ еще Крузенштерна, настолько же мало извѣстенъ, внѣ круга спеціалистовъ, спутникъ и его сотрудникъ Лисянскій.

Ю. Ѳ. Лисянскій умеръ въ Петербургѣ, въ чинѣ капитана 1 ранга, 22 Февраля 1837 года и похороненъ на Тихвинскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

(Съ портрета, пастелью, изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

YOURI FÉODOROWITCH LISSIANSKY, 1773—1837, connu comme collaborateur du célèbre amiral Krusenstern, avec lequel il fit le premier voyage russe autour du monde, naquit le 2 août 1773. Entré à l'Ecole Navale en 1783, il fut promu garde-marine le 20 mars 1786. Lors de la guerre de Suède, il croisa en vue d'Helsingfors et, avec la frégate Podragislav, prit part à la bataille de Hogland; enseigne en 1789, il fut, cette même année et la suivante, de toutes les grandes batailles navales avec les Suédois. Promu lieutenant en 1793 et envoyé en Angleterre comme volontaire à bord de la marine anglaise, il fit la guerre navale avec la France et des croisières sur les côtes d'Afrique, d'Asie et d'Amérique. De retour en Russie, il passa capitaine lieutenant le 27 mars 1798 et reçut le commandement de la frégate Avtroïl. En 1803, ses dix-huit campagnes sur mer lui valurent St-Georges de 4e classe. Il publia la même année sa traduction du Mouvement des flottes de l'anglais Clarke. A la tête de la chaloupe Néva, il entreprit le tour du monde avec Krusenstern montant la chaloupe Nadejda, en vue d'aborder l'Amérique Russe par mer. Touchant Ténériffe et l'île Ste-Catherine au Brésil, il doubla en 1804 le cap Horn, se sépara ensuite de la Nadejda aux Iles Sandwich et mit le cap sur l'île Kadiak, puis sur Sitkha, où il prêta main forte au commandant en chef de l'Amérique Russe, Baranoff, pour recouvrer la ville de Novo-Arkhangelsk, prise et saccagée par les indigènes. En 1805, au retour, il découvrit les Iles Lissiansky et Krusenstern, et rallia la Nadejda à Canton. Il doubla ensuite le cap de Bonne-Espérance, et, après 142 jours de mer, aborda à Portsmouth. Rentré à Cronstadt le 26 juin 1806, il fut promu capitaine de 2e rang. Il prit sa retraite le 8 janvier 1809, et fit paraître en 1812 sous le titre de Voyage autour du monde en 1803, 1804, 1805 et 1806, avec un Atlas exact et détaillé, une relation qui témoigne de qualités d'observation peu communes et qui parut à Londres en 1814, traduite en anglais par l'auteur lui-même. L'ouvrage est aujourd'hui assez rare et le nom du navigateur est tombé dans un oubli bien immérité: autant Krusenstern est célèbre, autant est ignoré, en dehors d'un petit nombre de spécialistes, son compagnon et collaborateur Lissiansky.

Lissiansky mourut capitaine de premier rang à Pétersbourg le 22 février 1837, et fut inhumé au cimetière de Tikhvine, au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après un pastel de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

246

Пис. Рокотовъ *Peint par Rokotoff*

Алексѣй Наумовичъ
Сенявинъ,
1722 — 1797

Alexis Naoumowitch
Séniavine,
1722 — 1797

247

Өедоръ Өедоровичъ
Ушаковъ,
1743 — 1817

Théodore Féodorowitch
Ouchakoff,
1743 — 1817

248

Князь Иванъ Васильевичъ
Несвицкій,
1740 — 1806

Le Prince Ivan Vassiliewitch
Nésvitzky,
1740 — 1806

249

Алексѣй Ивановичъ
Нагаевъ,
1704 — 1781

Alexis Ivanowitch
Nagaeff,
1704 — 1781

250

Юрій Өедоровичъ
Лисянскій,
1773 — 1837

Youri Féodorowitch
Lissiansky,
1773 — 1837

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галереи
№ 3966

Князь **ДМИТРІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ**, 1786—1812, сынъ тайнаго совѣтника, посла при шведскомъ дворѣ, владѣльца знаменитаго, нынѣ Юсуповскаго, подмосковнаго села Архангельскаго, князя Николая Алексѣевича Голицына (р. 1751 г., † 1809 г.), женатаго на Маріи Адамовнѣ Олсуфьевой (р. 1757 г., † 1820 г.), служилъ въ гражданской службѣ и въ первыхъ годахъ XIX столѣтія былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры. Когда начались Наполеоновскія войны, онъ поспѣшилъ вступить въ ряды арміи и участвовалъ въ кампаніяхъ 1805—1807 годовъ, а затѣмъ въ Отечественной войнѣ. При Бородинѣ, въ чинѣ майора, онъ былъ раненъ и 20 Сентября 1812 года скончался въ г. Владимірѣ, гдѣ и похороненъ.

(Съ портрета Молинари; собственность княжны А. Н. Голицыной, с. Никольское-Урюпино, Московской губ.)

251

Le prince **DMITRI NIKOLAEWITCH GOLITZYNE**, 1786—1812, fils du prince Nicolas Alexéewitch Golitzyne (1751—1809), conseiller privé, ambassadeur près la cour de Suède, possesseur d'Arkhangelskoïé, le célèbre bourg des environs de Moscou appartenant aujourd'hui aux princes Youssoupoff, et de Marie Adamowna, née Olsoufieff (1757—1820), fut fonctionnaire civil, et devint gentilhomme de la chambre peu après 1800. Dès le début des guerres napoléoniennes, il s'empressa de prendre du service aux armées et fit toutes les campagnes de 1805 à 1807, puis la Guerre Patriotique. Blessé à Borodino (il était alors major), il mourut le 20 septembre 1812 à Vladimir, où il fut inhumé.

(D'après un original de Molinari, appartenant à la princesse A. Golitzyne, Nikolskoïé-Ourupino, gouv. de Moscou.)

БИБЛИОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галлереи
№ 3966

Княгиня **МАРІЯ АДАМОВНА ГОЛИЦЫНА**, 1757—1820, дочь любимаго секретаря Екатерины II, Адама Васильевича Олсуфьева († 1784 г.), отъ второго брака его съ Анной Васильевной Салтыковой, родилась 22 Іюля 1757 года. Въ 1780 г. она вышла замужъ за двоюроднаго своего брата по матери, шталмейстера князя Николая Алексѣевича Голицына (р. 1751 г., † 1809 г.), впослѣдствіи посланника при Шведскомъ дворѣ. Бракъ этотъ былъ однимъ изъ первыхъ, допущенныхъ въ Россіи, браковъ между двоюродными, прецедентомъ коему послужилъ, какъ „начальная", по словамъ Карабанова, „причина великаго зла", бракъ князя Григорія Орлова съ его двоюродной сестрой, Зиновьевой. Изъ многочисленнаго потомства князя Николая Алексѣевича и княгини Маріи Адамовны Голицыныхъ (16 человѣкъ дѣтей) въ живыхъ осталось только три сына и одна дочь, остальные всѣ умерли въ раннемъ возрастѣ. Сдѣлавшись послѣ смерти своего мужа владѣтельницей принадлежавшаго ему подмосковнаго села Архангельскаго, княгиня Марія Адамовна Голицына продала его за 100.000 рублей ассигнаціями князю Н. Б. Юсупову. Въ саду Архангельскаго находился выстроенный княгиней Маріей Адамовной домъ, называвшійся „Капризъ". Поссорившись какъ-то съ мужемъ, княгиня не захотѣла жить съ нимъ въ одномъ домѣ и выстроила для себя отдѣльный домикъ на возвышенности, безъ крыльца, съ отлогой дорожкой, ведшей къ самому порогу дверей. Она любила жить широко и открыто, весело проводить время и не стѣсняла себя въ расходахъ, чѣмъ сильно разстроила состояніе мужа.

Княгиня Марія Адамовна Голицына имѣла званіе статсъ-дамы и скончалась въ Петербургѣ 13 Декабря 1820 года. Погребена она на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Изъ сыновей ея — старшій, князь Алексѣй Николаевичъ (р. 1781 г.), умеръ въ чинѣ майора, второй, Дмитрій, умеръ въ томъ же чинѣ въ 1812 г. отъ раны, полученной при Бородинѣ, третій, князь Михаилъ Николаевичъ, женатый на княжнѣ Аннѣ Николаевнѣ Вяземской, почетный опекунъ, извѣстенъ былъ, какъ писатель; дочь ея, княжна Марія Николаевна, умерла дѣвицею, 14 лѣтъ отъ роду.

(Съ портрета Молинари; собственность княжны А. Н. Голицыной, с. Никольское-Урюпино, Московской губ.)

La princesse **MARIE ADAMOWNA GOLITZYNE**, 1757—1820, fille du secrétaire préféré de Catherine II, Adam Vassiliewitch Olsoufieff († 1784) et de sa seconde femme, Anne Vassiliewna Saltykoff, naquit le 22 juillet 1757. Elle épousa en 1780 un cousin germain du côté de sa mère, le prince Nicolas Alexéewitch Golitzyne (1751—1809), écuyer, plus tard ambassadeur près la cour de Suède. Ce fut un des premiers en Russie de ces mariages consanguins, qui reconnaissent comme précédent, „cause primordiale", dit Karabanoff, „d'un mal considérable", celui du prince Grégoire Orloff avec sa cousine germaine, Mlle Zinovieff. Des seize enfants de la princesse Golitzyne, quatre seulement parvinrent à l'âge d'homme, trois fils et une fille. Elle vendit 100.000 roubles assignats au prince N. Youssoupoff le bourg d'Arkhangelskoïé, aux environs de Moscou, devenu sa propriété à la mort de son mari. A la suite d'une brouille avec lui, ne voulant plus rester sous son toit, elle s'était fait bâtir dans le jardin une maison appelée Caprice, sur une hauteur, sans perron, avec une rampe d'accès montant jusqu'au seuil même de la porte. Son goût pour la vie large, les réceptions, les distractions et la dépense, compromit sérieusement la fortune de son mari.

La princesse Golitzyne avait le chiffre de dame d'honneur. Elle mourut à Pétersbourg le 13 décembre 1820, et fut inhumée au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

De ses fils, l'aîné, Alexis (né 1781), mourut major, le second, Dmitri, mourut en 1812, également major, d'une blessure reçue à Borodino; le troisième, Michel, tuteur honoraire, épousa la princesse Anne Nikolaewna Viazemsky: il est connu comme écrivain. La fille de la princesse Marie Golitzyne, Marie, mourut sans alliance, à 14 ans.

(D'après un original de Molinari, appartenant à la princesse A. Golitzyne, Nikolskoïé-Ourupino, gouv. de Moscou.)

АЛЕКСАНДРЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ БУЛГАКОВЪ, 1781—1863, сенаторъ, Московскій почтъ-директоръ, старшій сынъ дипломата дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Якова Ивановича Булгакова и француженки Екатерины Любимовны Эмберъ (Imbert; позднѣе за докторомъ Шумлянскимъ), родился 15 Ноября 1781 г. въ Константинополѣ, гдѣ отецъ его былъ тогда чрезвычайнымъ посланникомъ; въ 1790 г., вмѣстѣ съ братомъ, получилъ фамилію и гербъ Булгаковыхъ. Воспитывался въ Петербургской нѣмецкой школѣ св. Петра. Записанный съ 1789 г. сержантомъ въ Преображенскій полкъ, въ 1796 г. поступилъ юнкеромъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ. Съ 1802 г. состоялъ при миссіи въ Неаполѣ и Палермо; въ 1809 г., чтобы жить въ Москвѣ вмѣстѣ съ отцомъ, причислился къ Московскому Архиву Иностранныхъ дѣлъ; въ 1812 г. назначенъ чиновникомъ для особыхъ порученій къ Ростопчину, особенную любовь котораго и довѣріе сумѣлъ заслужить, при чемъ самъ относился къ нему съ глубокимъ благоговѣніемъ и почитаніемъ; въ этой должности онъ состоялъ и при преемникѣ Ростопчина, Тормасовѣ. Произведенный въ 1819 г. въ дѣйствительные статскіе совѣтники и пожалованный въ 1826 г. въ камергеры, продолжалъ числиться при Архивѣ, пока въ 1832 г. не былъ назначенъ Московскимъ почтъ-директоромъ, къ большому удовольствію москвичей и чиновниковъ Почтоваго вѣдомства, еще живо помнившихъ искренно всѣми любимаго его брата, К. Я. Булгакова, положившаго не мало труда на устройство Московскаго почтамта. Самъ мастеръ писать письма, страстный любитель новостей, А. Я. Булгаковъ имѣлъ теперь въ своемъ распоряженіи богатый матеріалъ для удовлетворенія этой своей слабости; по выраженію князя Вяземскаго, онъ „купался и плавалъ въ письмахъ, какъ осетръ въ рѣкѣ“. Поэтому для него было большимъ ударомъ перемѣщеніе въ 1856 г. съ должности почтъ-директора въ Сенатъ. Булгаковъ быстро осунулся и, 7 лѣтъ спустя, умеръ въ Дрезденѣ въ 1863 году.

Женатъ былъ 2 раза: на княжнѣ Наталіи Васильевнѣ Хованской (р. 7 Мая 1785 г., † 9 Апр. 1841 г.), отъ которой имѣлъ 2 сыновей: Константина, извѣстнаго повѣсу, и Павла, и дочерей: Екатерину (за Соломирскимъ) и Ольгу (за княземъ Долгорукимъ), и вторымъ бракомъ—на Мацневой.

Сынъ француженки, уроженецъ юга, Булгаковъ по внѣшности и темпераменту, отражавшемуся на его живомъ лицѣ и въ тѣлодвиженіяхъ, напоминалъ южанина, по убѣжденіямъ же и вкусамъ былъ вполнѣ русскимъ человѣкомъ. Не имѣя глубокаго ума, считался образованнѣйшимъ человѣкомъ своего времени, былъ пріятенъ въ обществѣ, умѣлъ хорошо подмѣчать слабости людей и ихъ искусно передразнивать; мастеръ разсказывать, любилъ чтеніе и самъ былъ не чуждъ литературы, хотя и безъ особеннаго успѣха. Былъ друженъ со многими выдающимися людьми своего времени: съ Вяземскимъ, Тургеневымъ, Закревскимъ, Воронцовымъ, пользовался благоволеніемъ Государя Николая Павловича и Великаго Князя Михаила Павловича, котораго умѣлъ развлекать въ Москвѣ своими остроумными разсказами. Человѣкъ общительный, онъ имѣлъ обширный кругъ знакомства; часто получая отъ брата Петербургскія новости, Булгаковъ являлся въ Москвѣ какъ бы живой газетой и любилъ первый сообщить какое-нибудь особенно пріятное извѣстіе. Въ его обширной перепискѣ, по словамъ князя Вяземскаго, отразились „весь бытъ, все движеніе государственное и общежительное, событія, слухи, дѣла и сплетни, учрежденія и лица, съ вѣрностью и живостью“. Но Булгаковъ, кромѣ писемъ, оставилъ еще интересныя „Записки“, только незначительная часть которыхъ была напечатана, изданія же остальной—приходится ожидать съ большимъ нетерпѣніемъ.

(Съ портрета Астрахова, 1809 г.; собственность Е. К. Булгаковой, въ С.-Петербургѣ.)

ALEXANDRE YAKOVLEWITCH BOULGAKOFF, 1781—1863, sénateur, directeur des Postes de Moscou, fils aîné du diplomate Jacob Boulgakoff, conseiller privé actuel, et d'une française, Catherine Imbert, qui épousa plus tard le docteur Choumliansky, naquit le 15 novembre 1781 à Constantinople, où son père était alors envoyé extraordinaire, et reçut en 1790, ainsi que son frère, le nom et les armes des Boulgakoff. Il fit ses études à l'école allemande St-Pierre, à Pétersbourg. Enrôlé en 1789 sergent au régiment Préobragensky, il prit en 1796 du service au Collège des Affaires étrangères, fut attaché en 1802 à la mission diplomatique de Naples et Palerme, et, en 1809, pour rester près de son père à Moscou, se fit donner un emploi aux Archives du ministère des Affaires étrangères. En 1812, il fut nommé fonctionnaire des commissions spéciales près du comte Rostoptchine, dont il sut se concilier l'affection et la confiance particulières: lui-même, de son côté, lui témoignait une vénération et une estime profondes, et resta en fonctions près de son successeur Tormassoff. Il passa en 1819 conseiller privé actuel, puis fut fait en 1826 chambellan, toujours sans quitter les Archives; enfin, en 1832, il fut nommé directeur des Postes de Moscou, à la grande satisfaction des moscovites et des fonctionnaires de cette administration: personne n'avait oublié son frère Constantin, si chaleureusement apprécié à Moscou pour les soins qu'il avait apportés à l'organisation de la Poste. Maître lui-même dans l'art de la correspondance, amateur passionné de nouvelles, Boulgakoff avait maintenant à sa disposition de riches matériaux pour satisfaire sa faiblesse: comme dit Viazemsky, il „plongeait et nageait dans les lettres comme le poisson dans l'eau". Aussi ce fut pour lui un coup terrible quand il dut, en 1856, quitter les Postes pour le Sénat: il baissa rapidement et mourut à Dresde au bout de sept ans, en 1863.

Il fut marié deux fois; de la princesse Natalie Vassiliewna Khovansky (7 mai 1785—9 avril 1841), il eut deux fils, Constantin, connu par ses frasques, et Paul, et deux filles, Catherine, mariée à Solomirsky, et Olga, au prince Dolgorouky; il épousa en secondes noces Mlle Matzneff.

Fils d'une française, originaire du midi, Boulgakoff était un vrai méridional par son extérieur et par son tempérament, qui perçait dans sa mobilité d'expression et ses gestes: mais comme idées et comme goûts, il était foncièrement russe. Sans avoir un esprit profond, il passait pour l'homme le plus cultivé de son temps; il était agréable en société, savait saisir les faiblesses des gens et possédait le talent de les parodier. Passé maître dans l'art de raconter, il aimait la lecture, et s'essaya même comme écrivain, mais sans trop de succès. Il était lié avec beaucoup d'hommes éminents de son temps, Viazemsky, Tourguéneff, Zakrewsky, Vorontzoff, et jouissait de la faveur de l'Empereur Nicolas et du Grand-Duc Michel Pavlowitch, qu'il sut distraire à Moscou par ses récits spirituels. Eminemment sociable, il avait un cercle de relations très étendu; tenu par son frère au courant des événements de Pétersbourg, il était pour Moscou une sorte de gazette vivante, et aimait être le premier à répandre une nouvelle particulièrement heureuse. Son immense correspondance est, dit Viazemsky, un écho, „plein d'exactitude et de vivacité, de toute la vie, de tout le mouvement de l'Etat et de la société, des événements, bruits, affaires et racontars, des institutions et des hommes". Mais Boulgakoff, outre ses lettres, a encore laissé d'intéressants Mémoires, dont il n'a été publié qu'une toute petite partie: on ne saurait trop impatiemment attendre le reste.

(D'après un original d'Astrakhoff, 1809, appartenant à Mlle C. Boulgakoff, St-Pétersbourg.)

КОНСТАНТИНЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ БУЛГАКОВЪ, 1782—1835, Петербургскій почтъ-директоръ и управляющій Почтовымъ департаментомъ, родился въ Константинополѣ 31 Декабря 1782 г.; учился вмѣстѣ со старшимъ братомъ А. Я. Булгаковымъ въ Училищѣ св. Петра и въ 1797 г. поступилъ въ Архивъ Иностранныхъ дѣлъ, въ Москвѣ. Въ 1802 г. причисленъ къ посольству въ Вѣнѣ и заслужилъ расположеніе какъ князя А. Б. Куракина, такъ и графа А. К. Разумовскаго, довѣрившихъ Булгакову секретныя дѣла. Въ 1807 г. сопровождалъ Поццо-ди-Борго въ Архипелагъ, а съ 1810 по 1812 г. состоялъ правителемъ Дипломатической канцеляріи главнокомандующихъ Молдавской арміей, графа Каменскаго и Кутузова. Оба полюбили способнаго, всегда бодраго и веселаго Булгакова, и первый въ своемъ завѣщаніи поручалъ его покровительству Государя, а второй любилъ говорить: „Когда вижу Булгакова, у меня сердце радуется!“ Посланный въ Константинополь адмираломъ Чичаговымъ, Булгаковъ блестяще исполнилъ порученіе, достигнувъ ратификаціи султаномъ мирнаго договора. Въ 1813 г. онъ управлялъ Гродненской губерніей, затѣмъ состоялъ при князѣ П. М. Волконскомъ и Нессельроде, а въ день вступленія русскихъ въ Парижъ находился при Александрѣ I, и ему поручено было принимать прошенія; затѣмъ сопровождалъ Государя въ Лондонъ, а графа Нессельроде на Вѣнскій конгрессъ. Въ 1816 г., незадолго передъ тѣмъ женившійся на дочери Валахскаго вестіарія, румынкѣ Маріи Константиновнѣ Варламъ, Булгаковъ отказался отъ мѣста посланника въ Даніи и былъ назначенъ Московскимъ почтъ-директоромъ. Въ Москвѣ онъ заслужилъ всеобщую любовь; почтовые чиновники, провожая его, благодарили за заботы объ ихъ нуждахъ и „всевозможныя благодѣянія“, которыя онъ „возвышалъ искреннимъ и всегда ободряющимъ обращеніемъ, благосклонными и съ отеческой нѣжностью соединенными наставленіями“. Въ 1819 г. переведенъ на ту же должность въ Петербургъ, въ 1821 г. награжденъ Владиміромъ 2-й ст., въ 1826 г. произведенъ въ тайные совѣтники, въ 1832 г. получилъ Бѣлаго Орла. Булгаковъ умеръ отъ удара 29 Октября 1835 г., всего 53 лѣтъ, и похороненъ въ церкви Св. Духа Александро-Невской лавры.

Булгаковъ сдѣлалъ много полезнаго въ почтовомъ дѣлѣ: ускорилъ движеніе почты, впервые устроилъ городскую почту, уменьшилъ таксу, ввелъ дилижансы, экстра-почту, заключилъ конвенцію съ Пруссіей.... Государи Александръ I и Николай Павловичъ, Императрицы Марія Ѳеодоровна и Александра Ѳеодоровна выражали ему свое благоволеніе. Благодаря своимъ личнымъ качествамъ, К. Я. Булгаковъ пользовался общей симпатіей. Живой и общительный, онъ и внѣшностью напоминалъ старшаго брата, но его нравственныя правила и убѣжденія были чище, его сердечность глубже, его доброта была совершенно чужда своекорыстныхъ соображеній. Онъ былъ всѣмъ доступенъ и со всѣми вѣжливъ, особенно съ подчиненными; его готовность помочь всякому была общеизвѣстна, и онъ являлся, какъ говоритъ П. А. Вяземскій, „средоточіемъ, къ которому стекались повсемѣстныя просьбы“. Онъ обладалъ „особенной ловкостью“ убѣждать людей холодныхъ и недоступныхъ, и его ходатайства достигали цѣли; онъ никогда ничего не просилъ для себя и никому никогда не отказывалъ самъ, такъ что почти всѣ считали себя въ долгу передъ нимъ. Домъ его часто бывалъ полонъ гостей, и эти собранія были „биржей животрепещущихъ новостей“, но самъ Булгаковъ былъ надежнымъ хранителемъ извѣстныхъ ему тайнъ. Устраивая у себя благотворительные вечера и лотереи, онъ любилъ самъ отыскивать бѣдныхъ и оказывать имъ помощь. Его обширная переписка, изданная въ „Русскомъ Архивѣ“, является богатой и интересной хроникой русскаго общества начала XIX вѣка и даетъ обильный матеріалъ для симпатичной характеристики самого писавшаго.

Марія Константиновна Булгакова (съ 1832 г. кавалерств. дама орд. св. Екатерины 2 класса) пережила мужа на 43 г., умерла 83 лѣтъ (р. 3 Апр. 1796 г., † 17 Апр. 1879 г.) и похоронена рядомъ съ нимъ. У нихъ были дѣти: сынъ Александръ и дочери: Софія (за графомъ Перовскимъ), Марія и Екатерина.

(Съ портрета Молинари; собственность Е. К. Булгаковой, въ С.-Петербургѣ.)

БИБЛІОТЕКА
Пермской Областной
Художественной Галлереи
№ 3966

CONSTANTIN YAKOVLEWITCH BOULGAKOFF, 1782—1835, directeur des Postes et gérant du département des Postes à Pétersbourg, naquit à Constantinople le 31 décembre 1782. Il fit ses études avec son frère aîné Alexandre à l'école St-Pierre, et, en 1797, entra aux Archives des Affaires étrangères à Moscou. En 1802, il fut attaché à l'ambassade de Vienne et se concilia la bienveillance aussi bien du prince Kourakine que du comte Razoumowsky, qui lui avaient confié les affaires secrètes. En 1807, il accompagna Pozzo-di-Borgo dans l'Archipel, et, en 1810—1812, fut à la tête de la chancellerie diplomatique du comte Kamensky et de Koutouzoff, commandants en chef de l'armée de Moldavie. Tous deux le prirent en affection pour sa capacité, son entrain et sa gaîté; le premier le confie dans son testament à la protection de l'Empereur, et le second répète: „Quand je vois Boulgakoff, mon cœur se réjouit". Envoyé à Constantinople par l'amiral Tchitchagoff, Boulgakoff s'acquitta brillamment de sa mission en obtenant du sultan la ratification de la paix. En 1813, il administra le gouvernement de Grodno, puis fut attaché au prince P. Volkonsky et au comte Nesselrode, et, le jour de l'entrée des Russes à Paris, se trouva aux côtés d'Alexandre Ier, avec la mission de recevoir les suppliques; il accompagna ensuite l'Empereur à Londres et le comte Nesselrode au congrès de Vienne. En 1816, peu après son mariage avec une roumaine, Marie Konstantinowna Varlame, fille d'un dignitaire valaque, il renonça au poste d'ambassadeur en Danemark, pour se faire nommer directeur des Postes à Moscou. Il se fit, là aussi, universellement aimer, et, à son départ, les fonctionnaires placés sous ses ordres lui exprimèrent leur gratitude pour sa sollicitude à leur égard et pour ses „bienfaits de toute nature", qu'il „relevait par son attitude franche et toujours encourageante, par ses instructions d'une bienveillance et d'une tendresse paternelles". En 1819, il passa avec la même fonction à Pétersbourg, en 1821, reçut St-Vladimir de 2e classe, en 1826, fut promu conseiller privé et, en 1832, décoré de l'Aigle Blanc. Boulgakoff mourut d'apoplexie le 29 octobre 1835, à l'âge de 53 ans seulement, et fut inhumé à l'église du Saint-Esprit, au monastère d'Alexandre Newsky.

Il fit beaucoup de bien aux Postes: il accéléra les échanges, fit desservir pour la première fois l'intérieur de la ville, abaisser la taxe, employer les diligences, créa la poste extraordinaire, conclut une convention avec la Prusse. Les Empereurs Alexandre et Nicolas, les Impératrices Marie Féodorowna et Alexandra Féodorowna lui témoignèrent leur gratitude. Ses qualités personnelles lui attirèrent toutes les sympathies. Gai et sociable comme son frère aîné, il lui ressemblait aussi physiquement; mais il était plus pur de principes et de convictions, sa cordialité était plus profonde, sa bonté dégagée de considérations d'intérêt. Accessible à tous, aimable avec tous, surtout avec ses subordonnés, on le savait toujours disposé à rendre service: il était, selon l'expression de Viazemsky, „le point de concentration de sollicitations venues de partout". Il avait „un talent particulier" pour venir à bout des gens au cœur froid et à l'accès difficile, et son entremise était toujours couronnée de succès; il ne demandait jamais rien pour lui et ne refusait lui-même jamais rien à personne, de sorte que presque tout le monde se sentait en reste avec lui. Sa maison était souvent pleine d'invités: c'était „une bourse de nouvelles d'un intérêt palpitant", mais lui gardait scrupuleusement les secrets dont il avait connaissance. Il organisait chez lui des soirées et des loteries de bienfaisance, et aimait aller lui-même à la recherche des pauvres et leur porter secours. Son immense correspondance, publiée dans l'Archive Russe, est une riche et intéressante chronique de la société russe du commencement du XIXe siècle, et donne, sous nombre de rapports, une idée bien sympathique de la personnalité de l'auteur.

Marie Konstantinowna Boulgakoff, née le 3 avril 1796, dame de l'Ordre de Ste-Catherine de 2e classe depuis 1832, mourut à l'âge de 83 ans, le 17 avril 1879, après avoir survécu de 43 ans à son mari, et fut inhumée à ses côtés. Ils eurent un fils, Alexandre, et trois filles, Sophie, plus tard Mme Pérowsky, Marie et Catherine.

(D'après un original de Molinari, appartenant à Mlle C. Boulgakoff, St-Pétersbourg.)

251

Пис. Молинари — *Peint par Molinari*

Князь Дмитрій Николаевичъ Голицынъ, 1786 — 1812

Le Prince Dmitri Nikolaewitch Golitzyne, 1786 — 1812

252

Пис. Молинари — *Peint par Molinari*

Княгиня Марія Адамовна Голицына, 1757 — 1820

La Princesse Marie Adamowna Golitzyne, 1757 — 1820

253

Пис. Астраховъ, 1810 г. (съ Молинари) — *Peint par Astrakhoff, 1810 (d'après Molinari)*

Александръ Яковлевичъ Булгаковъ, 1781 — 1863

Alexandre Yakovlewitch Boulgakoff, 1781 — 1863

254

Пис. Молинари — *Peint par Molinari*

Константинъ Яковлевичъ Булгаковъ, 1782 — 1835

Constantin Yakovlewitch Boulgakoff, 1782 — 1835

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Худож